МИР ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Время для звезд

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Время для звезд (Сборник)
Роберт Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. Есть скафандр – готов путешествовать
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12

Роберт Хайнлайн. Туннель в небе
- Глава 1. Марширующие орды
- Глава 2. Пятый путь
- Глава 3. Через туннель
- Глава 4. Дикарь
- Глава 5. Новая звезда
- Глава 6. «Я думаю, он мертв»

Глава 7. «Надо было хоть пирог испечь»
Глава 8. «Придется вам выбирать»
Глава 9. «Радостное знамение»
Глава 10. «Вношу предложение»
Глава 11. Берег скелетов
Глава 12. «Ничего не выйдет, Родди»
Глава 13. Непобедимый
Глава 14. Цивилизация
Глава 15. В Ахиллесовом шатре
Глава 16. Бесконечная дорога
Роберт Хайнлайн. Время для звезд
Глава 1. Фонд далеких перспектив
Глава 2. Натуральный логарифм двух
Глава 3. Проект «Лебенсраум»
Глава 4. Синица в руках
Глава 5. Вторая договаривающаяся сторона
Глава 6. Факельщик «Льюис и Кларк»
Глава 7. 19 900 вариантов
Глава 8. Релятивистские отношения
Глава 9. Родственные отношения
Глава 10. Романтические отношения
Глава 11. Замедление
Глава 12. Тау Кита
Глава 13. Относительно безотносительности
Глава 14. Элизия
Глава 15. «Выполняйте задание»

Глава 16. «Просто математическая абстракция»
Глава 17. Время и перемены
Роберт Хайнлайн. Звездный зверь
Глава 1. Л-день
Глава 2. Министерство космоса
Глава 3. «…Ваш вопрос неуместен»
Глава 4. Подсудимый
Глава 5. Вопрос смены ракурса
Глава 6. «Космос велик, ваше превосходительство»
Глава 7. «Мама была права»
Глава 8. Разумное поведение
Глава 9. Гадкий утенок и местные обычаи
Глава 10. Денебианское решение
Глава 11. «Слишком поздно, Джонни»
Глава 12. Пиджи-Виджи и прочие
Глава 13. «Нет, господин министр»
Глава 14. «Судьба? Чушь собачья!»
Глава 15. Недипломатические отношения
Глава 16. «Мы вам все напортили»
Глава 17. Девяносто семь традиционных блюд

Аннотация

Содержание:

1. Туннель в небе. Есть скафандр – готов путешествовать (сборник) *(Перевод: Елена Беляева, Александр Митюшкин)*

2. Туннель в небе *(Перевод: Александр Корженевский)*

3. Астронавт Джонс. Время для звезд *(Перевод: Михаил Пчелинцев)*

4. Красная планета. Звездный зверь *(Перевод: Наталья Виленская, Михаил Пчелинцев)*

Роберт Хайнлайн
Есть скафандр – готов путешествовать

Посвящается Гарри и Барбаре Стайн

Глава 1

У меня есть космический скафандр! Космический! Настоящий!

А это история о том, как я им обзавелся и через что в нем прошел.

— Пап, — сказал я однажды, — я хочу слетать на Луну.

— Валяй, — ответил отец и вновь уткнулся в книжку.

Он опять перечитывал «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома. Он ее, ей-богу, уже наизусть выучил.

Я уточнил:

— Пап! Я серьезно.

На сей раз он заложил книжку пальцем и невозмутимо произнес:

— Я же сказал: «Валяй!» Отправляйся.

— Ага… но как?

— Как? — Он, кажется, слегка удивился. — Ну, это уж ты сам думай, Клиффорд.

Вот такой у меня папа. Когда я сказал ему, что хочу купить велик, он точно так же буркнул, даже не взглянув на меня: «Валяй», и я отправился

в гостиную, чтобы взять из корзинки денег на велосипед.

Но там оказалось всего-то одиннадцать долларов и сорок три цента, и велосипед мне достался примерно через тысячу миль скошенных газонов. С папой говорить на тему денег бесполезно, потому что если уж в корзине их нет — то нигде нет. Папа не связывался с банками; деньги складывались в корзинку, да рядышком еще стояла одна — с надписью «Дядя Сэм». Ее папа раз в год опорожнял и все содержимое отправлял по почте правительству. Службу внутренних доходов этой манерой он просто доводил до бешенства, и однажды она прислала своего человека, чтобы разобраться.

Вскоре чиновник ошалел.

— Доктор Рассел… нам, конечно, известны ваши былые заслуги… но это ведь не основание пренебрегать налоговой отчетностью!

— Да я и не пренебрегаю, — ответил папа. — Все тут. — Он постучал себя по лбу.

— По закону положено — в письменной форме.

— Еще чего! — хмыкнул папа. — Закон, кстати, не требует, чтобы я был грамотным. Кофе?

Посетитель уговаривал расплачиваться чеками или по безналичному расчету. Папа прочел

ему надпись на долларовой купюре: «Является законным платежным средством по всем долгам, общественным и частным».

Вконец отчаявшись извлечь хоть какой-то прок из своего визита, чиновник убедительно попросил папу не заполнять графу «род занятий» словом «шпион».

— А почему нельзя?

— Что значит — почему? Вы же не шпион — так людей-то не смущайте.

— А ФБР вы запрашивали?

— Э-э-э… нет.

— Впрочем, там все равно не ответят. Но вы были так любезны, что я, пожалуй, буду писать «безработный шпион». Устроит?

Налоговый инспектор чуть не забыл свой портфель. С папой спорить бесполезно, он за свои слова отвечает и ни при каких обстоятельствах не идет на попятный.

И когда он сказал, что на Луну я лететь могу, а как — дело мое, именно это и имелось в виду. Я могу отправляться хоть завтра, если меня возьмут на корабль.

Впрочем, отец задумчиво добавил:

— Сынок, на Луну можно попасть не единственным путем. Испытай все возможности… Вот как

в этой книжке. Нужно открыть банку ананасов, а Гаррис забыл открывалку в Лондоне. И они пробуют разные способы.

Он принялся увлеченно цитировать, а я улизнул — я слышал этот кусок раз пятьсот. Ну ладно, три сотни.

Я отправился в сарай, где у меня была мастерская, и принялся размышлять об этих способах. Первый: поступить в Летную академию в Колорадо-Спрингс. При соблюдении ряда условий — что я поступлю, что я окончу, что меня возьмут в Космический корпус Федерации — есть некий шанс распределиться на Лунную базу. Или хотя бы на одну из орбитальных станций.

Еще вариант: выучиться на инженера, получить работу, связанную с реактивными двигателями, пробиться на такое место, откуда можно полететь на Луну… Десятки, а может, и сотни инженеров побывали на Луне, их там и сейчас полным-полно — электронщики, криогенщики, металлурги, специалисты по керамике, по кондиционированию воздуха — ну и, само собой, ракетчики.

Впрочем… из миллиона инженеров на Луну попадает горстка. Н-да… В детстве мне даже в «Почте», игре на поцелуи, редко удавалось по-

участвовать.

Еще можно стать военным врачом (юристом, геологом, инженером-инструментальщиком…) и болтаться на Луне, причем за хорошую зарплату — если только ты сумел стать незаменимым. Мне на зарплату наплевать; но как достичь вершины в выбранной специальности?

И есть еще один незамысловатый способ — подкатить к билетной кассе тачку с деньгами. Правда, денег у меня было восемьдесят семь центов.

Но мысли о Луне меня не оставляли. Космосом в нашей школе бредила половина ребят, другая половина притворялась, что им все равно (шансов, мол, никаких!), да была еще горстка зануд, которые бы не покинули Землю ни за какие коврижки. Мы долго на эту тему дискутировали, и кое-кто объявил, что умрет, а слетает.

Я помалкивал, но тут «Американ экспресс» и «Кук и сын» предложили всем желающим лунный туризм! Я увидел их рекламу в «Нэшнл джиографик» в стоматологической клинике, когда сидел в очереди на чистку зубов. В этот миг я стал совершенно иным человеком.

Мысль о том, что любой толстосум может просто выложить деньги на бочку и отправиться в

круиз, была невыносима.

Я просто обязан лететь. И я не смогу заплатить — во всяком случае, в обозримое время, — так что не стоит и думать о деньгах. Что же сделать, чтобы меня отправили?

Все знают истории про парней, бедных, но честных, которые в финале всего добиваются, потому что они умнее всех в о́круге, а может, и в стране. Но это не про меня.

Среди выпускников я входил в первую четверть по успеваемости, но за это не дают стипендию в Массачусетском технологическом институте — во всяком случае, выпускникам Сентервиллской средней школы. Это факт — наша школа не из лучших. Посещать ее было интересно — мы чемпионы лиги по баскетболу, и наша группа заняла второе место в штате по кадрили, а по средам у нас танцы. То есть с традициями все в порядке.

А вот с учебой похуже.

Упор делается на то, что наш директор мистер Хэнли называет «подготовкой к жизни», а не на тригонометрию. Может, к жизни это и готовит — но уж точно не к Калифорнийскому техническому университету.

Я не сам дошел до этой мысли. В прошлом году притащил домой анкету для нашего группового

социологического проекта «Семейная жизнь». Одним из вопросов было: «Как организован ваш семейный совет?»

За обедом я спросил:

— Пап, как организован наш семейный совет?

Мама сказала:

— Не мешай отцу, солнышко.

Но папа заинтересовался:

— А? Дай-ка сюда.

Он прочел анкету — и велел мне принести учебники. Дома у меня их не было, так что папа послал за ними в школу. К счастью, она была открыта, шли репетиции Осеннего бала. Папа редко командовал, но уж коли отдал приказ — умри, а исполни.

Программа в тот семестр у меня была отличная: обществоведение, коммерческая арифметика, практический английский (класс выбрал тему «Сочинение лозунгов», было очень весело), труд (мы мастерили декорации для бала) и физкультура — то есть в моем случае баскетбол; для основной команды я был низковат, но надежному запасному в выпускном классе дают рекомендацию в университетскую команду. В общем, в школе у меня все было нормально, и я это знал.

Папа прочел мои учебники за ночь; он вообще

быстро читает. В анкете я написал, что у нас в семье неформальная демократия; это сошло. Все стали обсуждать, должен ли председатель совета ротироваться или избираться и каков правовой статус у дедушки, живущего в семье. Решили, что дедушка может входить в совет, но не может быть председателем. Потом мы сформировали подкомиссии по выработке конституции идеальной семьи, чтобы представить эту конституцию нашим семьям как результат исследований.

В школе несколько дней крутился папа, что меня беспокоило, — когда предки проявляют излишнюю активность, они явно что-то замышляют.

В субботу вечером папа позвал меня в кабинет. На столе у него возвышалась стопка учебников и полный учебный план Сентервиллской средней школы, от американских народных танцев до естествознания. На нем была размечена моя программа, и не только на текущий год, но и на два года вперед, как распланировали мы с моим классным руководителем.

Папа воззрился на меня невинным кузнечиком и ласково спросил:

— Кип, а в колледж ты поступать собираешься?

— Ха! Ну конечно, пап!

— Каким образом?

Я растерялся. Вообще-то, догадывался, что это стоит денег. И хотя бывало, конечно, что долларовые бумажки переполняли корзину, обычно ее содержимое можно было пересчитать очень быстро.

— Ну, не исключено, что я получу стипендию. Или буду подрабатывать.

Он кивнул:

— Не сомневаюсь… если захочешь. Денежные проблемы всегда решаемы, бояться их не надо. Но когда я спросил «каким образом?», я имел в виду вот это.

Он постучал по своему черепу.

Я просто обалдел.

— Но если я окончу школу, пап, — я же поступлю в вуз.

— Может быть, поступишь. В университет нашего штата, или в сельскохозяйственный колледж, или в педагогическое училище. А ты знаешь, Кип, что на первом курсе вылетает сорок процентов студентов?

— Я не вылечу!

— Может, и не вылетишь. Но скорее — вылетишь, если выберешь любую серьезную специ-

альность: инженерное дело, естествознание или медицину. Ты вылетишь, если твоя подготовка ограничится вот этим. — Он потряс программой.

Я остолбенел.

— Но у нас отличная школа, пап. — Я попытался припомнить, что нам говорили на лекции Учительско-родительской ассоциации. — «Система преподавания основана на новейших научных разработках, одобрена психологами и…»

— …и обеспечивает шикарные зарплаты высококвалифицированным педагогическим кадрам. Учебные проекты выявляют практические проблемы человечества и ориентируют ребенка на жизнедеятельность в демократическом обществе, готовят его к решению жизненных проблем в сложных современных условиях. Прости, сынок; я разговаривал с мистером Хэнли, он простоватый человек и говорил без лукавства… Для достижения этих благородных целей мы тратим больше денег в расчете на одного учащегося, чем любой другой штат, кроме Калифорнии и Нью-Йорка.

— Ну… и что в этом плохого?

— Что такое абсолютный причастный оборот?

Я не ответил.

— Почему Ван Бюрен проиграл перевыборы?

Как извлечь кубический корень из восьмидесяти семи?

Ван Бюрен когда-то был президентом, это все, что я про него помнил. Но на последний вопрос я ответил:

— Чтобы извлечь кубический корень, надо посмотреть таблицу в конце учебника.

Папа вздохнул.

— Сынок, ты что, думаешь, эту таблицу принес с неба архангел? — Он скорбно покачал головой. — Это я виноват, не ты. Мне бы раньше подумать… Но я полагал — раз ты любишь читать, быстро считаешь, умеешь работать руками, то с образованием у тебя все в порядке.

— А разве нет?

— Конечно нет. Кип, Сентервиллская средняя — замечательное заведение, его хорошо оборудовали, грамотно организовали, содержат в чистоте. Это не «школьные джунгли», и ученикам, по-видимому, все нравится. Но это, — папа со злостью хлопнул по программе, — болтовня! Мышиная возня! Трудотерапия для слабоумных!

Я не знал, что и сказать. Папа нахмурился, сел и выдал:

— По закону ты должен посещать школу до восемнадцати лет или сдать экстерном.

— Да, сэр.

— Ваша школа — пустая трата времени. В ней даже самая сложная программа не нагрузит твои мозги. Но иначе придется отослать тебя в другой город.

— Наверное, это кучу денег стоит.

Мое замечание он пропустил мимо ушей.

— Частные школы я не одобряю, мальчишка должен жить в семье. Конечно, в престижной частной школе где-нибудь на востоке тебя натаскают для поступления в Стэнфорд или Йель, да в любой из лучших университетов. Но там легко нанюхаться этих веяний — дурацких идей насчет денег, карьеры, модного портного… Я в свое время несколько лет избавлялся от этой дури. Мы с твоей матерью не случайно выбрали маленький городок, чтобы ты провел в нем детство.

Я вздохнул с облегчением.

— Вот ты хочешь поступать в колледж. Собираешься ли получить профессию? Или предпочтешь краткосрочные курсы по новейшим способам изготовления свечек из восковницы? Сынок, это твоя жизнь, и ты можешь делать с ней все, что хочешь. Но если намерен поступить в хороший университет и заниматься чем-нибудь стоящим, то мы должны решить, как лучше потратить

следующие три года.

— Ну конечно, пап! Только в хороший…

— Скажешь, когда все обдумаешь. Спокойной ночи.

Я думал целую неделю. И начал понимать, что папа прав. Наш проект «Семейная жизнь» — чепуха. Что ребятишки знают о семейных проблемах? Да если на то пошло, что знает о них наша классная дама мисс Финчли, незамужняя и бездетная? Класс единодушно решил, что у каждого ребенка должна быть собственная комната и деньги на карманные расходы, «чтобы научиться с ними обращаться». Здорово, конечно, но… как быть с семьей Квинлан, где девять детей в доме из пяти комнат? Глупости все это.

Коммерческая арифметика была не такой ерундой, но все равно не стоила потраченного времени. В первую же неделю я прочел весь учебник, а потом только плевал в потолок.

Папа перевел мое внимание на алгебру, испанский язык, общее естествознание, английскую грамматику и риторику; от прежней программы только физкультуру и оставил. Но и теперь было нетрудно справляться с нагрузкой — в учебниках хватало воды.

Тогда папа завалил меня другими книгами и

сказал:

— Клиффорд, ты бы давно знал все это, если бы не застрял в яслях для переростков. Усвоишь — сдашь вступительные экзамены в колледж. Может быть.

После этого папа от меня отстал. Как он и обещал, выбор был за мной. Я едва не завяз в книгах — они были трудные, не та легкоусвояемая кашка, которой кормили в школе. Если вы думаете, что самостоятельно учить латынь — плевое дело, то попробуйте этим заняться — и убедитесь, как глубоко заблуждались.

Я впал в отчаяние и чуть не опустил руки, но потом разозлился и втянулся. Вскоре обнаружил, что после латыни легче учится испанский и наоборот. Когда мисс Эрнандес, наша испанка, узнала, что я учу латынь, она взялась помогать. Я не только осилил Вергилия, но и по-испански стал говорить не хуже иного мексиканца.

Из математики наша школа предлагала только основы алгебры и планиметрию. Я самостоятельно прошел высшую алгебру, стереометрию и тригонометрию. Для поступления в колледж этого бы хватило, но математика затягивает почище семечек. Аналитическая геометрия куда труднее греческого языка, пока не разберешься,

зато потом, если знаешь алгебру, все вдруг встает на свои места, и до конца учебника летишь как на крыльях. Полный отпад!

Потом дело дошло до дифференциального и интегрального исчислений, а когда я заинтересовался электроникой, понадобился векторный анализ. Единственным естественно-научным предметом у нас в школе было общее естествознание, и было оно воистину общим — на уровне воскресного приложения к газете. Но когда прочтешь что-то интересное по химии или физике, хочется заняться и этим. В нашем сарае я устроил фотохимическую лабораторию, электронный стенд и даже любительскую радиостанцию. Мама разнервничалась, когда от взрыва вылетели стекла и возник небольшой пожар, но папа остался невозмутим. Он только посоветовал не синтезировать взрывчатые вещества в деревянных строениях.

В выпускном классе я сдал экзамены по вступительной программе колледжа.

Именно в том году ранней весной я и заявил, что хочу полететь на Луну. Идея окончательно оформилась после объявления о туристских полетах, однако я «сдвинулся на космосе» много раньше — с тех пор, как стало известно, что Фе-

деральный космический корпус возвел базу на Луне. А может, и еще раньше. Я поделился планами с папой; он мог что-нибудь посоветовать. Понимаете, папа всегда находил способ доводить дело до конца.

Когда я был маленьким, мы все время переезжали — из Вашингтона в Нью-Йорк, из Лос-Анджелеса еще куда-то — и жили обычно в гостиницах. Папа постоянно улетал по делам, а когда бывал дома, к нему потоком шли посетители; видел я его мало. Позже мы перебрались в Сентервилл, и он всегда сидел дома, погруженный в книгу или в работу за письменным столом. Если кто-то хотел с ним увидеться, то должен был приехать к нам.

Однажды, когда денежная корзина была пуста, папа сказал маме, что ожидается «августейший визит». В тот день я не отходил от родителей. Мне было восемь лет, и я никогда не встречал человека с королевской кровью в жилах. Вот прибыл гость, и я страшно разочаровался, не увидев на нем короны. Но на следующий день в корзине появились деньги, и я, совсем недавно прочитавший книжку «Маленький хромой принц»[1],

[1] notes: 1

«Маленький хромой принц» («The Little Lame Prince») — повесть американской детской писательницы Дины Марии Мьюлок Крэйк, впервые опубликованная в 1875 г.

решил, что августейшая особа приезжала инкогнито и вручила папе кошелек с золотом. Только через год я узнал, что папа подразумевал роялти — это плата за использование патента, или торговую марку, или авторских прав на книгу, и жизнь потеряла часть красок. Но тот гость, хоть и не был королем, считал, что может заставить папу делать то, чего хочет он, а не то, чего хочет папа.

— Доктор Рассел, я согласен — в Нью-Йорке ужасный климат. Но в ваших кабинетах будут кондиционеры.

— А также часы. Секретарши. И звукоизоляция.

— Все, что хотите, доктор.

— В том-то и дело, господин секретарь, что не хочу. В моем доме нет часов. Нет календарей. Когда-то у меня были большие деньги и большая язва; теперь у меня маленький доход и здоровый желудок. Я остаюсь здесь.

— Вы нужны нашему делу!

— Но не наоборот. Съешьте еще кусочек мясного пирога.

Папа не собирался лететь на Луну, и я должен был обойтись своими силами. Я обложился буклетами колледжей и начал поиск инженерных факультетов. У меня не было ни малейшего пред-

ставления о том, как я буду платить за обучение или хотя бы проживание, — первой задачей было поступить на серьезный факультет с солидной репутацией.

Если провалюсь, можно будет пойти в летные войска, — глядишь, и удастся получить назначение на Луну. Не возьмут и в авиацию — попробую стать военным электронщиком. На Лунной базе пользуются радарами и астрофизической техникой. Так или иначе на Луну я попаду.

На следующее утро за завтраком папа спрятался за «Нью-Йорк таймс», а мама читала «Геральд трибьюн». Мне достался «Сентервиллский горн», но в него только селедку заворачивать. Папа глянул на меня поверх своей газеты:

— Клиффорд, тут кое-что по твоей части.

— Хрр? — подавился я кукурузными хлопьями.

— Не хрюкай, это дурной тон, а ты еще не настолько взрослый. Читай. — И он протянул мне газету.

Там была реклама мыла.

Старый как мир трюк — гигантский, нет, суперколоссальный конкурс с призами. Тысяча призов, и сотня из них — годовой запас мыла «Звездный путь».

А потом я пролил завтрак на колени.

Первым призом было…

…ПОЛНОСТЬЮ
ОПЛАЧЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ!!!

Так и было написано, с тремя восклицательными знаками, — только для меня там стояло двадцать восклицательных знаков, а вокруг рвались снаряды и пели херувимы.

Просто закончите фразу (в ней должно быть не более двадцати пяти слов): «Я пользуюсь мылом „Звездный путь“, потому что…» – и пришлите нам эту фразу на обертке от мыла или на ее четкой фотокопии…

Еще там что-то говорилось о совместном проекте «Американ экспресс» и «Кук и сын», о сотрудничестве с ВВС США и перечислялся список призов поменьше. Но пока кукурузные хлопья с молоком пропитывали мои брюки, перед глазами стояло одно: *«ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ!!!»*

Глава 2

Сначала я взлетел на седьмое небо от восторга, затем рухнул в бездну отчаяния. В конкурсах мне сроду не везло. Я вообще невезучий — даже когда покупал «Крекер Джек», мне попадалась именно та коробка, в которую забыли положить игрушку. И если я когда-нибудь…

— Стоп! — сказал папа.

Я осекся.

— Понятия «везение» не существует. Есть только адекватная или неадекватная подготовка к существованию в статистической вселенной. Ты собираешься этим заняться?

— Я-то?

— Надо полагать, это означает «да». Что ж, тогда придется крепко попотеть.

Я принялся потеть, а папа не отказывался от помощи, не предлагал мне съесть еще кусочек мясного пирога. По ходу дела он следил, чтобы я не забросил все остальные предметы. В том семестре я разослал в несколько вузов заявления о поступлении. А пока ждал ответа, после занятий подрабатывал в аптеке «Чартон фамэси» — продавал газировку и попутно штудировал

фармакологию. Конечно, мистер Чартон заботился о том, чтобы я не притрагивался к препаратам без упаковки, но все же я немало узнал о составе и номенклатуре лекарств, запомнил предназначение многих антибиотиков и уяснил, с какими веществами надо быть осторожным. Так я добрался до органической химии с биохимией, и хозяин дал мне почитать Уокера, Бойда и Азимова. Биохимия сложнее атомной физики, но со временем я и в ней начал разбираться.

Мистер Чартон, старенький вдовец, свою жизнь посвятил фармакологии. Он намекал, что рано или поздно кто-то может унаследовать его аптеку, какой-нибудь молодой человек с научной степенью фармаколога и интересом к этой профессии. Говорил, что мог бы посодействовать с обучением. Если бы он посулил мне открыть аптеку на Луне, я бы, пожалуй, клюнул.

Но моей целью был космос, и я твердо решил стать инженером.

Услышав это, мистер Чартон не поднял меня на смех. Он сказал, что, возможно, я прав, но не стоит забывать: куда бы ни забрался человек — на Луну, на Марс или на самые далекие звезды, — аптеки и аптекари понадобятся и там. Потом он выкопал из своих залежей несколько книг по

космической медицине: Страгхолд, Хейбер, Стэпп и другие авторы.

— Когда-то и я подумывал об этом, Кип, — глядя в сторону, обронил он. — Но теперь уже слишком поздно.

По большому счету мистера Чартона интересовали только лекарства, но у нас продавался весь традиционный ассортимент американской аптеки, от велосипедных камер до наборов для завивки волос в домашних условиях.

Ну и мыло, конечно. В тот день, придя на работу, я не мог не рассказать о конкурсе и награде.

«Звездный путь» расходился из рук вон плохо: Сентервилл — городок консервативный, чурающийся новых брендов; бьюсь об заклад, некоторые старожилы сами варят мыло. Но мистер Чартон все же нашел две запылившиеся коробки и выставил их на прилавок. А затем позвонил в Спрингфилд поставщику.

Он действительно мне помог. Он снизил цену на «Звездный путь» почти до оптовой. Он расхваливал мыло перед покупателями — и почти каждого уговорил оставить обертку. Я же выстроил на стойке с газировкой, по обеим сторонам от крана, пирамиды из «Звездного пути». Покупатели угощались кока-колой — а я разливался

соловьем о старом добром мыле, которое моет до дыр, напичкано витаминами, увеличивает шансы на Царствие Небесное, дает пышную пену, мягко и нежно действует на кожу и не нуждается в Пятой поправке для защиты своей чести и достоинства. Я потерял всякий стыд! Без мыла от меня уходил разве что глухой или быстроногий.

И только фокусник мог, купив «Звездный путь», оставить меня без обертки. Взрослых я старался уболтать, детей иногда подкупал — платил цент. Кто приносил обертки из других магазинов, получал десять центов за дюжину. Правила разрешали послать сколько угодно рекламных лозунгов на обертках от мыла или их фотокопиях. Я хотел было напечатать уйму фотокопий, но папа отсоветовал:

— Конечно, это в пределах правил, Кип… но не припомню случая, чтобы на пикнике были рады скунсу.

Так что я собирал обертки и на каждой надписывал:

«Я пользуюсь мылом „Звездный путь“, потому что…

…оно придает незабываемую свежесть;

…лучше „Звездного пути“ в мире мыла не найти;

…его качество не ниже, чем звезды;

…оно отмывает до блеска Млечного Пути;

…оно обеспечивает стерильность, которой позавидует космический вакуум;

…от него ты свеж, как воздух после грозы».

И так далее, без конца. Даже во сне я ощущал вкус мыла.

Добро бы я один мучился — папа, мама и мистер Чартон тоже сочиняли рекламные фразы. Я завел блокнот, чтобы записывать лозунги в школе, на работе и даже среди ночи. Однажды, придя домой, обнаружил, что папа соорудил картотеку. Я расставлял карточки в алфавитном порядке, чтобы не повторяться. Это была хорошая идея. Под конец я отсылал до сотни оберток в день. Почтовые расходы били по карману, не говоря уже о том, что мне приходилось платить за часть оберток.

Другие ребята из нашего городка, а может, и кое-кто из взрослых, тоже участвовали в конкурсе, но только я додумался поставить дело на поток. Я приходил домой в десять с дневным урожаем оберток и лозунгов, присовокуплял к ним полученные у родителей, оттискивал на обертках с внутренней стороны штемпель «Я пользуюсь мылом „Звездный путь“, потому что…», вписывал

мой адрес и имя-фамилию. Папа заносил эти лозунги в картотеку. Утром по дороге в школу я заходил на почту с очередной бандеролью.

Взрослые надо мной посмеивались, но с обертками расставались охотно. Шутники — охотнее всех.

Кроме остолопа Квиггла по кличке Туз. Хотя я не назвал бы его взрослым. Это был этакий переросток, малолетний преступник. Наверное, в каждом городке найдется хотя бы один такой Туз. Школу он так и не окончил, хотя мистер Хэнли переводил из класса в класс почти любого, считая, что оставлять на второй год непедагогично. Сколько я помню, Квиггл околачивался на Мэйн-стрит, иногда подрабатывал, чаще просто слонялся.

Туз любил «шутить».

Однажды он застрял у моей стойки. Выпил стакан солодовой газировки за тридцать пять центов, а пространства и времени занял доллара на два. Я как раз уговорил старенькую миссис Дженкинс купить десять кусков мыла и избавил ее от оберток. Только она отошла, как Туз цапнул кусок с витрины и сказал:

— Продаешь мыло, космический кадет?

— Точно, Туз. Отличный товар.

— Куда намылился, капитан? Или правильней коммодором тебя называть? Неужто на Луну? Га! Га! Га! — У Туза смех как у персонажей комиксов.

— Может быть, — вежливо сказал я. — Берешь?

— А ты уверен, что это стоящее мыло?

— Абсолютно.

— Ладно, куплю штучку. Только для того, чтобы от тебя избавиться.

Вот же скотина! Но вдруг именно эта обертка выиграет?

— Отлично, Туз, спасибо большое. — Я принял деньги, он опустил кусок мыла в карман и повернулся к выходу. — Секунду, Туз. Можно обертку?

Он остановился.

— Чего-чего? — Он вытащил мыло, снял обертку. — Ее, что ли?

— Да, Туз. Спасибо…

— Сейчас увидишь наилучшее применение этой бумажки. — Он взял со стеллажа для сигарет зажигалку, поджег обертку, прикурил от нее сигарету, подождал, пока обертка сгорит почти до пальцев, бросил и растер ногой.

Мистер Чартон наблюдал за нами, стоя у окна.

Туз ухмыльнулся:

— Ну, что скажешь, космический кадет?

Я стиснул совок для мороженого. Но ответил

спокойно:

— Да ничего, Туз. Это ведь твое мыло.

Мистер Чартон приблизился и произнес:

— Кип, там нужно коробки распаковать. Иди, я присмотрю за твоей стойкой.

Пожалуй, только эта обертка мне и не досталась.

Конкурс заканчивался первого мая, в аптеке залежалась коробка мыла, и папа с мистером Чартоном решили, что она моя. С обертками я провозился почти до одиннадцати, и мистер Чартон отвез меня в Спрингфилд, чтобы на почте их успели проштемпелевать до полуночи.

Я отослал 5782 лозунга. Вряд ли Сентервилл еще когда-нибудь в своей истории был настолько чист.

Результаты объявили четвертого июля. За эти девять недель я сгрыз ногти до локтей. А жизнь шла своим чередом. Я окончил школу, родители подарили мне часы, выпускники промаршировали перед мистером Хэнли и получили аттестаты. Мне было радостно, хотя то, что я выучил под папиным контролем, отличалось от школьной программы как небо от земли. Все прошло замечательно, был и общешкольный пикник, и прощальный вечер класса, и выпускной бал,

и спектакль, поставленный выпускниками, и утренник для выпускников, и совместное гуляние первоклассников и старшеклассников, и все остальные трюки, придуманные, чтобы удерживать в рамках приличий юнцов, впервые в жизни почувствовавших вкус свободы.

Мне случалось отпрашиваться у мистера Чартона пораньше, но редко — голова была занята другим, да и с кем гулять? В начале года было с кем, но Элайн Макмерти предпочитала говорить о парнях и тряпках, а я — о космосе и инженерном деле. Так что вскоре она мне дала отставку.

Окончив школу, я перешел к мистеру Чартону на полный рабочий день. Я все еще не определился насчет колледжа. Да и не думал об этом, только продавал мороженое-сандэ и с замиранием сердца ждал четвертого июля.

Результаты конкурса должны были объявить по телевизору в восемь вечера. Наш телик, черно-белый, с плоской картинкой, не включался месяцами; после того как я его собрал, он мне сразу наскучил. И вот теперь я выволок его из кладовки в гостиную, часа два настраивал, а остаток дня грыз ногти. Ужин в горло не лез. В половине восьмого я уже сидел перед экраном, слушал и не слышал каких-то комиков и переби-

рал свою картотеку. Вошел папа, сурово глянул на меня и сказал:

— Возьми себя в руки, Кип. И не забывай, что статистика — против тебя.

Я сглотнул.

— Знаю, пап.

— Да по большому счету это и не важно. Если чего-то достаточно сильно желаешь, почти всегда получаешь. Я уверен, что рано или поздно ты попадешь на Луну — так или иначе.

— Да, сэр. Просто хочется, чтобы все скорее кончилось.

— Кончится. Эмма, ты идешь?

— Сейчас, милый, — отозвалась мама.

Она вошла в комнату и села, погладив меня по руке.

Папа откинулся в кресле:

— Ощущения, будто в ночь выборов.

— Как хорошо, что ты с этим развязался, — сказала мама.

— Да ну, радость моя? Тебе же нравилась каждая кампания.

Мама фыркнула.

Актеры ушли с экрана, сигареты станцевали канкан и прыгнули обратно в пачки, ласковый голос принялся вещать, что «канцерогенов не

бывает в „Короне“ — безвредных, Безвредных, БЕЗВРЕДНЫХ сигаретах с табаком высшего качества». Тут включилась местная телестанция, показала нам захватывающий вид Сентервиллской деревообрабатывающей и металлообрабатывающей фабрики. Я начал выщипывать волоски с тыльной стороны кисти.

Экран заполнился мыльными пузырями; квартет пропел, что наступает «время „Звездного пути“». Будто мы и так этого не знали. Потом экран погас, звук исчез, а у меня остановилось сердце.

На экране появилась надпись: «Трансляция прервана по техническим причинам».

Я вскрикнул:

— Нет! Только не это!

— Прекрати, Клиффорд, — сказал папа.

Я заткнулся.

— Милый, — вмешалась мама, — ведь он еще мальчик.

— Он не мальчик; он мужчина. Кип, как ты собираешься смотреть в глаза расстрельной команде, если даже такая ерунда выбивает тебя из колеи?

Я пробормотал что-то невнятное.

— Отвечай четко.

Я сказал, что, в общем-то, не планировал встречи с расстрельной командой.

— Однажды тебе может понадобиться железная выдержка. Это хорошая тренировка. Попробуй переключиться на Спрингфилд.

Я попробовал, но на экране был сплошной снег, а звук напоминал кошачий концерт. Я переключился обратно.

«..ерал Брюс Гилмор, Военно-воздушные силы Соединенных Штатов, наш сегодняшний гость, чуть позже продемонстрирует нам прежде не публиковавшиеся снимки Федеральной Лунной базы и новорожденного Луна-Сити, стремительно развивающегося поселения на Луне. Сразу после объявления результатов конкурса мы попытаемся установить телевизионную связь с Лунной базой. Благодаря сотрудничеству с Космическим корпусом и…»

Я глубоко вздохнул и попытался замедлить сердцебиение — вот так же пытаешься успокоиться перед решающим штрафным ударом. Болтовня на экране продолжалась — представляли знаменитостей, объясняли правила конкурса, невероятно слащавые молодожены, глядя в камеру, рассказывали друг другу, почему они пользуются только мылом «Звездный путь».

Наверное, сам я, продавая мыло, выражался убедительнее.

Наконец-то… На сцену парадным шагом вышли пять девушек, каждая держала над головой большой транспарант. Ведущий с благоговением провозгласил: «А теперь… теперь… победитель конкурса рекламных лозунгов мыла „Звездный путь“… получает приз… бесплатное путешествие НА ЛУНУ!»

У меня перехватило дыхание.

Девушки запели: *«Мне нравится мыло „Звездный путь“, потому что…»* и далее, одна за другой переворачивая транспаранты: *«…это… чистота… звездного… неба!»*

Я судорожно ворошил картотеку. Кажется, это мой лозунг… но нет уверенности… Немудрено, среди пяти-то тысяч… Наконец нашел — и вновь сверился с экраном.

Папа! Мама!

Я выиграл!

Я ВЫИГРАЛ!

Глава 3

— Погоди, Кип, — буркнул папа. — Держи себя в руках.

— Ах, милый… — сказала мама.

Я услышал ведущего: «…Представить вам счастливого победителя, миссис Ксению Донахью, из Грейт-Фолс, штат Монтана… Миссис Донахью!»

Под звуки фанфар просеменила маленькая пухленькая женщина. Я перечитал слова лозунга. Они совпадали с написанными на моей карточке.

— Пап, что случилось? Это же мой лозунг!

— Дослушай.

— Обманули!

— Не ори. Дослушай.

— Как мы уже объясняли, в случае поступления одинаковых лозунгов выигрывает отправленный раньше. Если они отправлены одновременно, выигрывает тот, который раньше прибыл в жюри. Выигравший лозунг был прислан одиннадцатью конкурсантами. Все они получат призы. Сегодня вместе с нами в студии шестеро победителей. Они выиграли путешествие на Луну, экскурсию на космическую станцию, полет вокруг Земли на ре-

активном самолете, путешествие в Антарктиду…

Проиграл из-за штемпеля. Почтового штемпеля!

— К сожалению, мы не могли пригласить сегодня всех победителей. Но для остальных приготовили сюрприз. — Ведущий взглянул на часы. — Прямо в эту минуту в десятках домов по всей стране… прямо в эту секунду… раздается стук в двери счастливчиков, любителей мыла «Звездный путь»…

Раздался стук. В нашу дверь.

Меня не держали ноги. Дверь открыл папа. На пороге стояли трое мужчин с огромным деревянным ящиком, и курьер «Вестерн юнион» пел гимн «Звездного пути». Кто-то из них спросил:

— Здесь живет Клиффорд Рассел?

— Да, — ответил папа.

— Распишитесь за доставку.

— Что это?

— Не знаем. Все, что здесь написано, — «верх». Куда ставить?

Папа протянул мне квитанцию, я кое-как расписался.

— Нельзя ли внести в гостиную? — спросил папа.

Они внесли и удалились, а я притащил молоток

и клещи. Ящик был похож на гроб, и захотелось им воспользоваться.

Я снял крышку. Мамины половики густо усеяла упаковочная стружка. Наконец мы добрались до подарка.

Это был скафандр.

Так себе скафандр, теперь таких уже не делают. Устаревшая и списанная модель, компания «Звездный путь» закупила ее оптом — для поощрительных призов с десятого по сотый. Но все же настоящий скафандр, изготовленный фирмой «Гудъер», с воздушным кондиционированием от «Йорка» и дополнительным оборудованием от «Дженерал электрик». В ящике также нашлись инструкция по эксплуатации и гарантийный талон, из которых следовало, что скафандр более восьмисот часов прослужил на Второй орбитальной станции.

Мне стало чуть легче. Это не подделка, не игрушка. Скафандр побывал в космосе, и я там побываю! Я освою его и пройдусь в нем по Луне!

— Может, снесем в сарай? — предложил папа.

Мама сказала:

— Некуда торопиться, дорогой. Клиффорд, не хочешь ли примерить его?

Конечно я хотел примерить. С папой мы по-

ладили на том, что отволокли в сарай ящик со стружками, а когда вернулись, в гостиной уже торчали репортер и фотограф из «Горна» — в газете раньше меня узнали о выигрыше. Я счел это нечестным.

Им приспичило меня сфотографировать. Я не артачился.

Влезть в скафандр оказалось ужасно трудно — гораздо труднее, чем, к примеру, одеться в поезде на верхней полке. Тут встрял фотограф:

— Погоди, парень. Я видел на базе «Уилбур Райт», как их надевают. Хочешь совет?

— А? Нет. То есть да, подскажите.

— Нужно проскользнуть внутрь, как эскимос забирается в свой каяк. Потом просовываешь правую руку вот сюда…

Дело пошло на лад. Я отстегнул грудную часть и уселся в скафандр — правда, все равно чуть не вывихнул плечо. Для подгонки размеров имелись лямки, но мы не стали с ними возиться. Фотограф запихнул меня в скафандр, вернул клапаны на место, помог мне встать на ноги и опустил лицевой щиток гермошлема.

Баллоны с воздухом к скафандру не прилагались, и, пока фотограф делал свои три снимка, мне пришлось дышать содержимым. Тут-то я

и убедился, что скафандр хорошо послужил, — пахло в нем грязными носками. Сняв шлем, я с облегчением отдышался.

И все же мне понравилось в скафандре. Чувствуешь себя астронавтом.

Посетители ушли, и мы отправились спать, оставив скафандр на полу в гостиной.

За полночь я на цыпочках прокрался туда и снова примерил его.

Поутру, перед тем как уйти на работу, перетащил его в сарай.

Мистер Чартон проявил деликатность; он сказал только, что хотел бы взглянуть на скафандр, когда у меня будет свободное время.

Все уже всё знали — моя фотография была на первой полосе «Горна», между репортажем о Международном заезде на холм Пайкс-Пик и колонкой «Происшествия». Статья была написана ироническим слогом, но я не обиделся. Во-первых, я никогда не верил всерьез, что выиграю, а во-вторых, у меня самый настоящий космический скафандр — завидуйте, одноклассники.

В тот же вечер пришла заказная бандероль от компании «Звездный путь». В ней была накладная на костюм высотный компенсирующий, один экземпляр, серийный номер такой-то, списан

ВВС США тогда-то, и письмо. Оно начиналось с поздравлений и благодарностей, но в последних абзацах содержалось кое-что интересное:

Компания «Звездный путь» в полной мере отдает себе отчет, что Ваш приз, возможно, не является для Вас предметом первой необходимости. Поэтому в соответствии с параграфом 4а Правил компания предлагает выкупить его у Вас за пятьсот долларов ($500.00) наличными. В случае Вашего согласия Вам надлежит вернуть костюм высотный компенсирующий в Специальный отдел оборудования корпорации «Гудъер», г. Акрон, штат Огайо, не позднее 15 сентября сего года.

Компания «Звездный путь» надеется, что Вы удовлетворены своим участием в Большом конкурсе в той же мере, в какой Ваше участие доставило удовольствие нам. Рассчитываем также, что Вы не расстанетесь с Вашим призом вплоть до съемки юбилейной программы «Звездный путь» на Вашей местной телестудии. В случае участия в телепередаче вам гаран-

тирован гонорар в размере пятидесяти долларов. С Вами свяжется сотрудник Вашей телестудии. Ждем Вас в гости.

Наилучшие пожелания от компании, производящей мыло «Звездный путь» – чистоту звездного неба!

— Пожалуй, надо согласиться, — сказал я.

Папа пожал плечами:

— Не вижу ничего плохого. Телевизор не оставляет шрамов на коже.

— Это верно. Легкие деньги. Наверное, и в самом деле лучше вернуть скафандр…

Я колебался. Мне бы радоваться, деньги — это деньги, а скафандр мне нужен как свинье волынка. Но радости не было, хотя пять сотен долларов в руках я сроду не держал.

— Сынок, я не верю утверждениям, начинающимся со слов «наверное» и в «самом деле…» Ты сам не знаешь, чего хочешь.

— Пятисот долларов почти хватит на семестр.

— Это не важно. Реши, что тебе нужно, и действуй. Никогда не уговаривай себя делать то, что тебе претит. Подумай над этим.

Он сказал «спокойной ночи» и удалился.

Я счел, что сжигать еще не перейденные мосты

глупо. До середины сентября скафандр все-таки мой, а там — разберемся. Может, к тому времени он мне надоест.

Нет, не надоел. Скафандр — это чудо техники, маленький космический дом. Хромированный шлем доходил до плеч; корпус был сделан из кремнийорганики, асбеста и стеклоткани. Все жесткое, кроме сочленений, изготовленных из того же прочного материала, но сохраняющих постоянный объем. Сгибаешь ногу, и сильфонное компенсирующее устройство увеличивает объем над коленной чашечкой настолько же, насколько он уменьшился под коленным сгибом. Без этого было бы невозможно двигаться — в вакууме давление внутри скафандра, которое может достигать нескольких тонн, превратило бы его в статую. Компенсаторы давления были покрыты дюралевой броней, даже над суставами пальцев располагались дюралевые пластинки.

В комплект входил стекловолоконный пояс с креплениями для инструментов. Лямки помогали подогнать рост и вес. За плечами имелись крепления для отсутствующих кислородных баллонов. И великое множество карманов на молниях, внутренних и наружных, для батарей и всего прочего.

Шлем с верхом торсовой части откидывался назад, две передние герметичные застежки-молнии давали доступ внутрь. Задраенный скафандр невозможно открыть, пока внутреннее давление превышает наружное.

И шлем, и грудная часть были усеяны датчиками и переключателями. Шлем был огромен. И немудрено — в него были встроены резервуар для питьевой воды, шесть медицинских контейнеров с каждой стороны, плоские рычажки, нажимаемые подбородком, — справа для переключения режимов рации, слева — для регулирования подачи воздуха. А еще автоматический поляризатор лицевого щитка, микрофоны, головные телефоны, рация, смонтированная в области затылка, и приборная панель, выгнутая дугой над теменем. Приборная индикация выводилась зеркально и в реальном виде представала отражением на удобном расстоянии в четырнадцать дюймов от глаз астронавта.

На шлеме, над иллюминатором, крепились сдвоенные фары. Еще выше, на макушке — две антенны, одна для обычной радиосвязи, другая — остронаправленная СВЧ. При работе с ней надо было поворачиваться лицом к принимающей станции. Рупорная антенна СВЧ была бронирова-

на, за исключением излучающего конца.

По моим словам может показаться, что скафандр набит, как дамская сумочка, но на самом деле все очень компактно; голова ни за что не задевает. Смотришь вверх — видишь в зеркальце приборную панель, наклоняешь голову — нажимаешь подбородком рычажки, поворачиваешь налево и направо — получаешь воду и медикаменты. Изнутри шлем покрыт губчатой резиной для защиты головы от ударов.

Скафандр был как дорогой автомобиль, шлем — как швейцарские часы!

Но кое-чего не хватало: кислородных баллонов, устройств связи (за исключением штатных антенн), радиомаяка и аварийного радарного отражателя. Внутренние и наружные карманы были пусты, к поясу не крепились инструменты. Прочтя спецификацию, я понял: перед списанием со скафандра содрали все, что только можно…

И я решил, что просто обязан довести его до ума.

Сначала отдраил его с «Клороксом», чтобы избавиться от запаха носков. Потом принялся отлаживать систему снабжения кислородом.

Хорошо, что прислали инструкцию, — бóльшая часть того, что я раньше знал о скафандрах, ока-

залась выдумкой.

Человек потребляет в сутки около трех фунтов воздуха — имеется в виду масса, а не фунты на квадратный дюйм. Казалось бы, это немного и можно взять хоть месячный запас, благо в космосе масса лишена веса, а на Луне те же три фунта будут весить всего полфунта. Что ж, так и делают водолазы, а еще астронавты на космических станциях и кораблях. Они пропускают выдыхаемый воздух через раствор щелочи, чтобы удалить углекислый газ, и снова дышат этим же воздухом. Но со скафандром так не получится.

Даже в наши дни люди рассуждают о «космическом холоде». Но в открытом космосе — вакуум, а если бы вакуум был холодным, как бы работал термос? Вакуум — это ничто, у него нет температуры. Просто он хороший теплоизолятор.

Три четверти съеденной нами за один присест пищи превращается в тепло — огромное количество калорий, достаточно, чтобы растопить больше пятидесяти фунтов льда. Трудно поверить? Но когда у вас в камине ревет огонь, вы почему-то раздеваетесь, то есть охлаждаете свое тело. Даже зимой в комнате градусов на тридцать

прохладнее, чем у вас под мышкой[2]. Крутя ручку термостата на камине, вы тем самым выбираете наиболее комфортный режим охлаждения. Тело, как и мотор автомобиля, нельзя перегревать. Оно вырабатывает столько тепла, что приходится избавляться от излишка.

Конечно, если делать это слишком быстро — например, на ледяном ветру, — то можно замерзнуть. Но в скафандре задача противоположная — не свариться заживо. Ведь кругом вакуум, а в нем избавляться от тепла трудно.

Какая-то часть тепла излучается, но этого недостаточно. Добавляют калорий и солнечные лучи — вот почему космические корабли отполированы до зеркального блеска.

Как же быть?

Носить с собой пятидесятифунтовые бруски льда невозможно. Приходится избавляться от тепла так же, как на Земле, путем конвекции и испарения — тело обдувает ветерком, пот сохнет и охлаждает. Когда-нибудь появятся скафандры с замкнутой системой охлаждения, но пока приходится выпускать тепло из скафандра вместе с потом и углекислотой — и жертвовать на это

---

[2] notes: 2
То есть приблизительно двадцать градусов по Цельсию.

часть кислорода.

Есть и другие проблемы. В атмосферное давление — пятнадцать фунтов на квадратный дюйм — входит три фунта давления кислорода. Для дыхания хватает и половины, однако кто, кроме индейца с вершин Анд, способен неплохо себя чувствовать при давлении кислорода меньше двух фунтов? Девять десятых фунта — это предел. Примерно такое давление на вершине Эвереста, и оно едва закачивает кислород в кровь.

Большинство людей при столь низком давлении будет страдать от гипоксии, так что в скафандре должно быть два фунта кислорода на квадратный дюйм. К нему подмешивают инертный газ, потому что чистый кислород может вызвать жжение в горле, опьянение и даже сильные судороги. Нельзя использовать азот (который с воздухом мы вдыхаем всю жизнь), потому что при резком понижении давления он закипит в крови и вы получите кессонную болезнь. Поэтому применяется гелий. От него голос становится писклявым, но кого это волнует?

Итак, вы можете умереть от нехватки кислорода, отравиться избытком кислорода, загнуться от азота, задохнуться углекислым газом или получить от него кислотное отравление, умереть от

лихорадки, вызванной обезвоживанием. Закончив читать инструкцию, я диву дался: ладно — в скафандре, но как человек вообще ухитряется жить?

Но вот он передо мной — скафандр, который защищал человека от беспощадного космоса сотни часов.

Объясню, как ему это удавалось. К спине крепятся стальные баллоны с «воздухом» (кислородно-гелиевой смесью) под давлением сто пятьдесят атмосфер, или более двух тысяч фунтов на квадратный дюйм. Оттуда воздух выходит через редуктор уже под давлением в сто пятьдесят фунтов на дюйм, потом через другой редуктор давление доводится до трех-пяти фунтов, два из которых приходится на кислород. Шею охватывает резиново-силиконовый воротник с крошечными дырочками. Таким образом, давление на корпус уменьшается, а движение воздуха ускоряется; от этого испарение и охлаждение идет лучше и снижается вероятность кессонной болезни. На каждом запястье и лодыжке — выпускные клапаны, они стравливают не только газ, но и водяной пар — иначе вы окажетесь по щиколотку в собственным поту.

Баллон громоздок, весит фунтов шестьдесят.

И даже при таком огромном давлении в нем не больше пяти фунтов воздуха. Так что запаса хватает на несколько часов — какой уж там месяц.

Мой скафандр был рассчитан на восемь часов. Но зато с гарантией — если, конечно, все работает как надо. Можно продлить срок, от перегрева человек сразу не умрет, при избытке углекислоты еще подышит. Но если выйдет кислород, вы скончаетесь примерно через семь минут. Так что возвращаемся к началу — чтобы жить, надо дышать.

Чтобы точно знать, что кислород поступает в достатке (а носом этого не учуешь), на ухо нужно прикрепить маленький фотоэлемент, контролирующий цвет крови. Чем краснее кровь, тем больше в ней кислорода. Элемент связан с гальванометром. Если его стрелка вышла за черту, начинайте молиться.

В выходной я снял со скафандра патрубки и поехал в Спрингфилд. В магазине подержанных инструментов мне посчастливилось купить два старых тридцатидюймовых газовых баллона для сварки. К неудовольствию продавцов, я заставил их проверить баллоны на давление. Вернувшись на автобусе с покупками, высадился у гаража Принга. Там мне закачали в баллоны воздух под

давлением пятьдесят атмосфер.

В аэропорту Спрингфилда можно было заправиться под более высоким давлением и кислородом, и гелием, но пока мне это не требовалось.

Придя домой, я загерметизировал пустой скафандр и накачал его велосипедным насосом до двух абсолютных атмосфер, или одной рабочей. Это дало мне четырехкратную испытательную нагрузку. Затем я принялся за баллоны. Они должны были блестеть как зеркало, чтобы не нагреваться от Солнца. Так что я и скоблил, и тер, и скреб, и шлифовал, и полировал — готовил их к никелированию.

К утру мой скафандр (к тому времени он уже получил имя, я назвал его «Оскар, механический человек»[3]) обмяк, как воздушный шарик.

Вот же беда! Ведь этот древний скафандр должен держать не простой воздух, а смесь кислорода с гелием. Молекулы гелия настолько малы и подвижны, что просачиваются сквозь обычную резину, — а я хотел, чтобы скафандр был пригоден не только для маскарада, но и для работы в космосе. Старые сальники не держали; мелких утечек была тьма-тьмущая.

---

[3] notes: 3

Механический человек по имени Оскар — герой комиксов, публиковавшихся в США в начале 1940-х гг.

Новые резиново-силиконовые прокладки, особый клей, специальную ткань пришлось заказать аж в самой компании «Гудъер» — в нашем городке таких вещей не сыщешь. Я написал письмо, объяснил, что мне нужно и зачем, — и с меня даже денег не взяли. Еще и прислали мимеографированные инструкции.

Пришлось здорово попотеть. Однако настал день, когда я накачал Оскара чистым гелием при двух абсолютных атмосферах.

Даже через неделю он оставался тугим, как шестислойная шина.

И тогда я влез в Оскара по-настоящему. До этого надевал его без шлема и носил в мастерской, учился держать инструменты в перчатках, подгонял размеры. Это было похоже на то, как обкатываешь новые коньки. Через некоторое время я почти не замечал его — однажды даже к ужину в нем явился. Папа промолчал, а у мамы выдержка была как у полномочного посла; я спохватился, только когда потянулся за салфеткой.

И вот я выпустил гелий, наполнил баллоны воздухом и приладил их. Потом опустил шлем и застегнул замки.

Тихо шуршал воздух в шлеме, запрашивающий клапан в такт дыханию регулировал его поступ-

ление; замедлять или ускорять его работу я мог движениями подбородка. Наблюдая за шкалами приборов в зеркале, попробовал поднять давление и довел его до двадцати абсолютных фунтов. Таким образом, избыточное давление дошло до пяти фунтов — максимальное приближение к условиям космоса, которое можно получить на Земле.

Я почувствовал, как скафандр раздулся, его сочленения стали плотнее и крепче. Зафиксировав эту разницу в пять фунтов, я попробовал пройтись.

И чуть не свалился. Хорошо, что ухватился за верстак.

Полностью экипированный, с баллонами за спиной, я весил в два с лишним раза больше, чем без скафандра. Кроме того, хотя сочленения имели компенсаторы объема, под давлением они не очень-то сгибались. Суньте ноги в тяжелые болотные сапоги, наденьте пальто, натяните боксерские перчатки, нахлобучьте на голову ведро, потом попросите кого-нибудь взвалить два мешка цемента вам на плечи, и вы поймете, как чувствуешь себя в скафандре при силе тяжести 1 *g*.

Однако минут за десять я притерпелся, а через

полчаса чувствовал себя так, будто всю жизнь провел в скафандре. Вес распределялся равномерно и не слишком давил. Я знал, что на Луне он будет еще меньше. Чтобы справляться с сочленениями, следовало просто прикладывать чуть больше усилий. Научиться плавать было сложнее.

День выдался погожий: я вышел на улицу и глянул на солнце. Поляризатор умерял блеск, и на светило можно было смотреть. В прочих направлениях свет не поляризовался, видимость была хорошей.

В скафандре было не жарко. Воздух, охлажденный путем полуадиабатического расширения (так гласила инструкция), овевал голову, обтекал весь скафандр и выходил через выпускные клапаны, унося тепло. В инструкции утверждалось, что нагревательные элементы используются редко, так как обычно проблемой является охлаждение. Однако я решил достать сухого льда и протестировать термостат и нагреватель.

Я опробовал все, что мог придумать. По окраине нашего городка протекает ручей, а за ним лежит выгон. Шлепая через ручей, я оступился и рухнул — плохо, когда не видишь, куда ставишь ноги. Свалившись, я некоторое время лежал, почти

весь под водой. Я не промок, не замерз, не нагрелся, и дышать было легко, хотя вода плескалась над шлемом.

Я с трудом выбрался на берег и снова упал, ударившись шлемом о камень. Никаких повреждений, Оскар был приспособлен к таким случаям. Я встал на колени, поднялся и пересек выгон, спотыкаясь на кочках, но не падая. На пути попался стог сена, и я зарылся в него.

Прохладный свежий воздух… Не волнуюсь, не потею.

Я снял скафандр через три часа.

Как и в высотных костюмах летчиков, в нем были специальные туалетные приспособления, но я еще не настроил их, поэтому снял скафандр прежде, чем кончился воздух.

Расправляя скафандр на специальной вешалке, которую сам соорудил, я похлопал его по наплечнику и сказал:

— Ну что ж, Оскар, ты молодец. Мы с тобой партнеры. Подожди, еще попутешествуем.

И плевал я на пятьсот долларов!

Пока Оскар проходил проверку давлением, я копался в его электрической и электронной оснастке. Я не стал возиться с отражателем и маяком; первая конструкция была такой простой,

что и ребенок справится, а вторая — чертовски дорогой. Но мне нужна была радиосвязь в том диапазоне, что используется для работы в космосе (антенны действовали только на этих частотах). Проще было собрать обычную рацию и прикрепить ее к поясу — но этим я обманул бы сам себя, имея неверную частоту и устройство, которое может не выдержать вакуума. Перепады давления, температуры и влажности запросто выводят из строя электронные устройства, поэтому передатчик должен находиться в шлеме.

В инструкции приводились схемы, и я занялся делом. Слуховые и модуляционные контуры особой проблемы не представляли — всего лишь транзисторные, на батарейках, которые я и сам легко мог сделать достаточно миниатюрными. Но вот УКВ-блок…

Это было нечто вроде двухголового теленка: сдвоенная рация, у каждой половины свой передатчик и свой приемник; волна в один сантиметр для рупорной антенны и на три октавы ниже — восемь сантиметров — для штыревой, в точном гармоническом соответствии, так что обе частоты мог стабилизировать один и тот же кварц. В результате получался более сильный сигнал при ненаправленной передаче и лучшая направ-

ленность при переходе на рупор; кроме того, при смене антенны переключалась только часть схемы, а не вся. Схема была проста — на бумаге.

Но высокочастотная электроника — не фунт изюма; здесь требуется тщательность. Малейшая неточность может вывести из строя выходное сопротивление и сбить математически рассчитанный резонанс.

И все же я попытался что-то сделать. Синтетические кристаллы дешево продаются в магазинах списанной техники, некоторые транзисторы и другие компоненты я выдрал из собственных приборов. И проклятая штука в конце концов заработала. Правда, она никак не лезла в шлем.

Что ж, будем считать это моральной победой — ничего лучше я еще не делал своими руками.

В конце концов я купил готовое устройство — у той же фирмы, где раньше приобретал кварцы. Так же как и скафандр, для которого она выпускалась, рация была устаревшей и досталась мне по бросовой цене. Но к тому времени я готов был душу прозакладывать — так хотелось, чтобы скафандр действовал.

Мою задачу сильно затрудняло то, что все электронное оборудование должно быть абсолютно безотказным; в космосе вы не заскочите

на ближайшую станцию техобслуживания, если что-то сломается. Либо все работает безупречно, либо вас вносят в списки погибших. Поэтому на шлеме было две фары — вторая включалась, если отказывала первая. Даже индикация приборной панели дублировалась. Я не стал экономить — восстановил все продублированные схемы и убедился, что их автоматическое переключение работает надежно.

Мистер Чартон заставил меня оснастить Оскара фармакологией точно по инструкции: мальтоза, декстроза, белковые таблетки, витамины, декседрин, драмамин, аспирин, антибиотики, антигистамины, кодеин. Все это поможет выжить почти в любой критической ситуации. Еще он попросил доктора Кеннеди выписать рецепты, чтобы я мог купить медикаменты, не нарушая закона.

Таким образом, я привел Оскара в отличную форму — в такой же он пребывал когда-то на Второй орбитальной станции. И это оказалось даже интереснее, чем когда я помогал Джейку Биксби переделывать его консервную банку на колесах в консервную банку с форсированным двигателем.

Однако лето подходило к концу, и из мира грез

пора было выныривать. Я все еще не знал, в какой университет мне поступать, да и поступать ли вообще. Деньги у меня подкопились, но их все равно было маловато. Пришлось потратиться на обертки и почтовые расходы; впрочем, они с лихвой окупились пятнадцатиминутным появлением на телеэкране. С самого марта я ни гроша не потратил на девчонок — было не до них. Починка Оскара обошлась на удивление дешево, хоть и пришлось попотеть и поработать отверткой. Семь долларов из каждых десяти заработанных оседали в корзинке.

Но этого было мало.

Я мрачно подумывал, что придется-таки продать Оскара, чтобы оплатить первый семестр. Но как быть со вторым? Джо Храбрец, герой Америки, всегда приходит в кампус с пятьюдесятью центами и золотым сердцем, а после серии подвигов становится членом студенческого общества «Череп и кости» и обладателем кругленькой суммы в банке. Но какой из меня Джо Храбрец? Что толку поступать, если после Рождества придется бросить? Может быть, умнее отложить это дело на год и познакомиться с кайлом и лопатой?

А есть ли у меня выбор? Единственный вуз, в который я наверняка могу поступить, — это

университет штата. Но там некстати разразился скандал, поувольняли профессоров и попахивает потерей лицензии. Ну не смешно ли — вкалывать несколько лет ради бесполезного диплома, выданного опорочившим себя университетом?

Впрочем, этот университет и до скандала считался второсортным.

Ренесселеровский политехнический и Калифорнийский технологический отшили меня в один и тот же день. Первый прислал стандартный отказ, а второй — письмо с вежливым объяснением, что этот вуз не в состоянии принять всех абитуриентов.

Мало того, раздражали всякие мелочи. Единственным утешением после того телешоу служили пятьдесят баксов. Человек в скафандре посреди студии и так выглядит по-дурацки, а ведущий вдобавок пытался веселить зрителей, стуча в стекло шлема и спрашивая, там ли я еще. Очень смешно. Он спросил, что я собираюсь делать со скафандром, а вместо моего ответа пустил в эфир запись с какой-то чушью про космических пиратов и летающие тарелки. Половина жителей городка поверила, что голос — мой.

На это можно было бы и наплевать, если бы снова не появился Туз Квиггл. Он где-то пропадал

все лето, может, тянул срок, но на следующий день после шоу уселся напротив стойки с газировкой, уставился на меня и спросил громким драматическим шепотом:

— Слушай, это не ты ли, часом, знаменитый космический пират и телезвезда?

— Что будешь пить?

— Надо же! А можно автограф? В жизни не видал живого космического пирата!

— Заказывай, Туз. Или освободи место.

— Шоколадный солодовый, коммодор, — только без мыла.

Туз «шутил» всякий раз, как появлялся в магазине. Лето было страшно жаркое, и вскипеть было легче легкого. В пятницу накануне Дня труда у нас сломался кондиционер, слесарь не пришел, и я провел за починкой три жутких часа. В результате испортил свои лучшие штаны и умылся по́том.

Я отстаивал последние часы за стойкой и мечтал о ванне, когда Туз ввалился в магазин, развязно меня приветствуя:

— Кого я вижу! Это же Капитан Комета[4], Гроза Звездных Путей! Где же ваш бластер, Капитан? И

---

[4] notes: 4
Герой комиксов, популярных в начале 1950-х.

вы не боитесь, что император Галактики оставит вас после уроков за беготню без штанов? Гы! Гы! Гы!

Девчонки возле стойки захихикали.

— Отвали, Туз, — устало сказал я. — Жарко сегодня.

— Так вот почему ты не надел резиновые подштанники!

Девчонки снова захихикали.

Туз самодовольно ухмыльнулся и продолжил:

— Слушай, малец, раз уж обзавелся клоунским балахоном, почему не носишь его на работе? Представь рекламу в «Горне»: «Есть скафандр — готов путешествовать!» Гы! Гы! Гы! Или можешь подрабатывать пугалом на огороде.

Девчонки заржали. Я досчитал до десяти, потом еще раз — по-испански, потом — по-латыни и резко проговорил:

— Так чего тебе, Туз?

— Как обычно. И шевелись — у меня свидание на Марсе.

Мистер Чартон вышел из-за своего прилавка, присел за столик и попросил холодный лимонный коктейль. Конечно, я обслужил его первым. Это остановило поток остроумия и, возможно, спасло Квигглу жизнь.

Вскоре мы с боссом остались одни. Он тихо произнес:

— Кип, почтительное отношение к живым существам не обязывает нас уважать очевидные ошибки природы.

— Сэр?

— Можешь больше не обслуживать Туза. Мне не нравится, как он себя ведет.

— А, не расстраивайтесь. Он безобидный.

— Так уж и безобидный? Знать бы, насколько тормозят развитие цивилизации гогочущие болваны, безмозглые идиоты… Иди домой, завтра тебе рано вставать.

Семья Джейка Биксби пригласила меня провести День труда на лесном озере. Я и рад бы — хотелось не только спастись от жары, но и обсудить мои проблемы с Джейком. Однако я ответил:

— Что вы, мистер Чартон. Я не могу оставить вас без помощника.

— В праздники посетителей мало, можно вообще не торговать газировкой. Отдыхай на здоровье. Этим летом ты хорошо потрудился, Кип.

Я дал себя уговорить, но остался до самого закрытия и даже подмел в магазине. Потом потащился домой, напряженно размышляя.

Вечеринка закончилась, пора убирать игрушки. И деревенскому дурачку понятно, что скафандр мне ни к чему. Не то чтобы меня задевали шуточки Туза… но скафандр действительно не нужен — а вот деньги нужны. Даже если и Стенфордский университет, и Массачусетский технологический институт, и Университет Карнеги отклонят мои документы, в этом семестре я все равно начну учиться. Университет штата плох — но и я далеко не гений. Вдобавок я уже понял, что от студента зависит больше, чем от учебного заведения.

Мама уже легла спать, папа читал. Я поздоровался и пошел в сарай, чтобы снять с Оскара мое оборудование, упаковать его в ящик, написать адрес, а утром позвонить в службу экспресс-доставки. Его уже не будет, когда я вернусь с лесного озера. Легко и просто.

Он висел на своей вешалке, и показалось, что он мне улыбнулся. Чепуха, конечно. Я подошел и похлопал его по плечу:

— Ну, старик, ты хороший друг, с тобой было приятно общаться. Увидимся. На Луне, надеюсь.

Однако Оскару не бывать на Луне. Оскар отправляется в Акрон, штат Огайо, в Специальный отдел оборудования. Там с него свинтят все сколько-нибудь годное, а остальное выкинут на

свалку.

У меня пересохло во рту.

Ничего, дружище, сказал Оскар.

Видали? Да что это со мной? Оскар, конечно, молчал; это мое воображение распоясалось. Так что я перестал похлопывать скафандр, выволок ящик и снял с пояса Оскара гаечный ключ, чтобы отвинтить баллоны.

И замер.

Баллоны были заправлены, один кислородом, другой смесью кислорода и гелия. Я на это потратился, хотел хоть разок нюхнуть, чем дышат астронавты.

Батареи были свежие, аккумуляторы заряжены.

— Оскар, — сказал я с дрожью в голосе, — давай, что ли, пройдемся напоследок?

Класс!

Я расстарался, как перед решающей поверкой, — вода в бачке, аптечка заряжена, еще одна герметичная аптечка (я надеялся, что герметичная) в наружном кармане. Инструменты на поясе, подстрахованы стропками, чтобы не уплыли в невесомости. Все в порядке.

Затем я запустил контур — мне бы не поздоровилось, если бы о нем узнала Федеральная

комиссия по связи. Я поставил его, когда делал рацию для скафандра. Собирался тестировать им «уши» Оскара и остронаправленную антенну. Контур был сцеплен с эхо-ответчиком — эту штуку я вытащил из проволочного магнитофона выпуска 1950 года.

Итак, я залез в Оскара и застегнулся.

— Штатно?

Штатно!

Я глянул на приборную индикацию, оценил цвет крови, убавил давление так, что Оскар едва не съежился. При нормальном наружном давлении недостаток кислорода мне не грозил; не отравиться бы от избытка.

Мы уже выходили, когда я кое-что вспомнил.

— Секунду, Оскар.

Я написал предкам, что на озеро уеду рано утром — первым автобусом. До того приноровился к скафандру, что мог не только писать — вдел бы и нитку в иголку. Я подсунул записку под дверь кухни.

Мы перебрались через речушку — брод меня уже не смущал — и пошли по пастбищу. Я привык к Оскару и твердо стоял на ногах.

Выйдя на поле, я включил рацию:

— Я «Майский жук», вызываю «Чибиса». «Чи-

бис», прием…

Через несколько секунд эхоответчик ответил моим голосом:

— Я «Майский жук», вызываю «Чибиса». «Чибис», прием…

Я переключился на прием. В темноте нелегко было найти нужную клавишу, но у меня получилось. Потом я вернулся на остронаправленную антенну. Смещаясь по выгону, я продолжал вызывать «Чибиса» и связываться с венерианской базой в условиях неизвестной топографии и непригодной для дыхания атмосферы. Все работало как часы, и будь я вправду на Венере, чувствовал бы себя отлично.

Два огня пересекли небо на юге. Самолеты или вертолеты. Некоторые психи такие явления громогласно объявляют летающими тарелками. Я проводил огни взглядом, вышел из-за холма, создающего радиотень, и снова вызвал «Чибиса». Тот ответил, но… мне надоело. Сколько можно разговаривать с тупым контуром, который может только попугайничать?

Вдруг я услышал:

— «Чибис» — «Майскому жуку»! Прием!

Я подумал, что мою шарманку засекли и сейчас начнутся проблемы, но потом решил, что это

какой-нибудь радиолюбитель. И ответил:

— «Майский жук» на связи. Я вас слышу. Кто вы?

Сработал автоповтор.

Чужой голос прокричал:

— Я «Чибис»! Прошу посадки!

Это было глупо, конечно. Но я рефлекторно произнес:

— «Майский жук» — «Чибису». Переходите на частоту один сантиметр и не прекращайте связи. Говорите что-нибудь!

Я переключился на прием.

— «Майский жук», вас слышу. Пеленгуйте меня. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь…

— Вы южнее меня, азимут сорок. Кто вы?

Один из тех огней, не иначе…

Это было все, что я успел подумать. Космический корабль сел чуть ли не на голову мне.

Глава 4

Это был именно космический корабль, из тех, что строятся на орбите, не какая-нибудь ракета. Ни грохота, ни пламени — похоже, двигателем ему служил святой дух, а топливом — чистота помыслов.

Впрочем, когда тебя собираются прессовать такой массой, не до подробностей. Скафандр астронавта при нормальной силе тяжести — это вам не трико, хорошо, что я к нему уже приспособился.

Корабль приземлился в точности там, где я только что стоял, и занял до неприличия большую часть пастбища. Возник огромный темный силуэт.

С мягким шипением опустился второй корабль.

У первого открылся люк. Хлынул свет, из шлюза выскользнули две тени и припустили бегом. Одна двигалась изящно, как кошка, другую явно стеснял скафандр. Что ни говори, дурацкий вид у человека в скафандре. Росту у этого было от силы футов пять, и походил он на пряничного мальчика из сказки.

Что в скафандре мешает, так это узкий сектор обзора. Наблюдая за силуэтами, я не заметил, как открылась дверь второго корабля. Первая фигура остановилась, поджидая вторую, в скафандре и вдруг упала. Раздался вздох: «Иииох!» — и тяжкий удар.

Вскрик боли ни с чем не спутаешь. Я спотыкающейся рысцой подбежал к ним, наклонился, пытаясь рассмотреть, и навел прожектор шлема на лежащего…

…пучеглазого инопланетного монстра…

Стыдно, но это была моя первая мысль. Я глазам не поверил и ущипнул бы себя, если бы скафандр позволил.

Непредвзятый разум (а мой таковым не был) заметил бы, что этот монстр довольно симпатичен. Невелик, мне по пояс, элегантен — но грация не девичья, а скорее как у леопарда, хотя и это сравнение хромает. Я не мог понять, на кого он вообще похож. Никаких ассоциаций.

Но он был явно нездоров. Трясся, как перепуганный кролик. Широко открывал глаза — огромные, но мутные, тусклые, словно закрытые мигательной перепонкой. И то, что должно быть его ртом…

Больше я ничего не увидел. Что-то шарахнуло

меня по хребту, точно между баллонами.

Я очнулся на голом полу. Вверху был потолок. Не сразу собрался с мыслями, а собравшись, обалдел. Что за бредни?! Я выгуливал Оскара… потом приземлился космический корабль… и этот пучеглазый…

Заметив, что Оскара на мне нет, я рывком принял сидячую позу.

— Эй! — окликнул тонкий голосок. — Привет!

Я дернул головой. На полу, откинувшись на стену, сидел пацан лет десяти. Он… Или не он? Мальчишки, как правило, не нянчатся с тряпичными куклами. Это дитя в том возрасте, когда разница между мальчишкой и девчонкой не очень бросается в глаза.

Дитя было одето в рубашку, шорты и грязные теннисные туфли. Да и острижено коротко, так что я мог ориентироваться только на тряпичную куклу.

— И тебе привет, — сказал я. — Как дела?

— Пытаюсь выжить. Насчет тебя — не знаю.

— Что-что?

— Выживаю. Дышу. Берегу силы. Больше здесь пока нечего делать, нас заперли.

Я огляделся. Комната примерно десяти футов шириной, с четырьмя стенками, но не прямо-

угольная, а этаким клином, и никаких вещей, кроме тех, что на нас. Двери я не заметил — выйти некуда.

— Кто запер?

— Да они, космические пираты. И этот…

— Космические пираты? Не говори глупостей.

Ребенок пожал плечами:

— Просто я их так называю. Только их лучше не считать глупыми, если хочешь выжить. Ты «Майский жук»?

— От жука слышу.

Космические пираты, подумать только! И так выбит из колеи, а тут еще эта чушь… Где Оскар? Где я сам?

— Да я не про того жука. «Майский жук» — позывной. А я «Чибис». Понятно?

Ага, понятно. Дружище Кип, ноги в руки — и к психиатру… Дойди потихоньку до ближайшей больницы и сдайся. Когда собранная тобой схема прикидывается тощей девчонкой с тряпичной куклой, это значит, что ты свихнулся. Впереди мокрые обертывания, транквилизаторы и никаких развлечений. Доигрался.

— Ты «Чибис»?

— Да, так меня называют. Но я не обижаюсь. Понимаешь, слышу я в эфире «„Майский жук“

— „Чибису“, прием» — и думаю: наверное, папа меня разыскал и поднял тревогу. Чтобы кто-нибудь помог мне приземлиться. Но если ты не «Майский жук», ты ничего знать не можешь. Ты кто?

— Постой, я и есть «Майский жук». То есть это мой позывной. А вообще-то, я Клиффорд Рассел, можно просто Кип.

— Приятно познакомиться, Кип.

— Взаимно, Чибис. Слушай, а ты мальчик или девочка?

Эк она вспыхнула!

— Ты мне за это ответишь! Конечно, для своего возраста я невысокая, но мне уже одиннадцать, скоро будет двенадцать. И нечего грубить. Лет через пять будешь умолять, чтобы станцевала с тобой хоть разок.

В тот момент я предпочел бы танцевать с табуреткой, но не стал спорить.

— Ну извини, Чибис. Я еще в себя не пришел. Ты хочешь сказать, что была в том первом корабле?

Кажется, она опять обиделась.

— Вообще-то, я его вела.

…Снотворное, психоанализ… А ведь я еще так молод…

— Ты — пилотировала космический корабль?!

— А кто, по-твоему, Мамми, что ли? Она бы с рычагами не справилась. Сидела рядом и подсказывала. Но если думаешь, что это так просто, то ошибаешься. Раньше я летала только на «сессне» с папой под боком и никогда сама не приземлялась. И у меня получилось! А ведь на посадку ты заводил неважно. Что же они сделали с Мамми?

— С кем?

— Ты не знаешь? Боже мой!

— Минуточку, Чибис. Давай настроимся на одну частоту. Допустим, я «Майский жук». Допустим, вел тебя на посадку, — и если думаешь, что я каждый день слышу голоса из ниоткуда, требующие срочной посадки, то ты тоже ошибаешься. Так вот, приземлился корабль, за ним другой, в первом открылся люк и выпрыгнул типчик в скафандре…

— Это была я.

— …потом кто-то еще выскочил…

— Мамми.

— Однако далеко она не ушла. Вскрикнула и свалилась. Я подошел посмотреть, в чем дело, и кто-то меня вырубил. Дальше — твои слова: «Эй, привет!»

Я сомневался, говорить ли ей, что все наблюдаемое и ощущаемое, вплоть до нее самой,

возможно, глюки от морфина. Должно быть, на самом деле я лежу в больнице с загипсованным позвоночником.

Чибис задумчиво кивнула:

— Наверное, попали слабым зарядом. Иначе бы тебя здесь не было. Ну что ж, раз ты схвачен и я схвачена, то почти наверняка поймали и ее. Боже мой! Надеюсь, ей не очень досталось.

— Судя по виду, она умирала.

— Судя по виду, возможно, она умирала, — поправила Чибис. — Сослагательное наклонение. Я сильно сомневаюсь. Мамми очень трудно убить, да они и не стали бы, разве что в безвыходной ситуации. Она нужна им живой.

— Почему? И почему ты называешь ее Мамми?

— Кип, не все сразу. Она Мамми, потому что… ну, потому что это так и есть. Познакомишься с ней — сам поймешь. А почему не убили бы — да потому, что как заложник она ценнее, чем как труп. По этой же причине и меня здесь держат. Хотя она гораздо ценнее, чем я, — меня бы списали не моргнув глазом, начни я дергаться. Да и тебя тоже. Но раз ты говоришь, что она была жива, значит ее поймали и заперли. Может быть, прямо здесь, за стенкой. Знаешь, мне даже полегчало.

Мне — нисколько.

— Ладно, а где мы вообще?

Чибис взглянула на часики с Микки-Маусом, нахмурила лоб и произнесла:

— На полпути к Луне, по-моему.

— Чего-чего?!

— Ну, точно я не могу сказать. Но разумно предположить, что они решили вернуться на свою ближайшую базу. Именно оттуда мы с Мамми пытались сбежать.

— Хочешь сказать, что мы на корабле?

— Либо на том, который я украла, либо на втором. А где же еще ты мог оказаться?

— В психушке.

Она сделала большие глаза, потом ухмыльнулась:

— А с чего бы, Кип? Неужто у тебя такая слабая связь с реальностью?

— Теперь я ни в чем не уверен. Космические пираты, инопланетные мамочки…

Она нахмурилась и погрызла ноготь большого пальца.

— Пожалуй, и впрямь все это способно сбить с толку. Но ты верь себе. Я вот никогда не теряю связи с реальностью, можешь не сомневаться. Видишь ли, я гений.

Это была не похвальба, а констатация факта, и

мне почему-то не захотелось оспаривать заявление, хоть оно и прозвучало из уст тощего ребенка с тряпичной куклой в руках.

Однако я не понимал, какой нам прок от этой гениальности.

— Космические пираты… хм… — продолжала Чибис. — Дело не в названии. Они действуют по-бандитски, орудуют в космосе — как еще их назовешь? Что же касается Мамми… подожди, пока не познакомишься с ней.

— А что она делает в этой заварухе?

— Ну, это сложно. Лучше бы сама объяснила. Она полицейский. Охотилась за ними…

— Полицейский?

— Боюсь, это опять проблема семантической адекватности. Мамми знает, что мы подразумеваем под словом «полицейский», и, похоже, считает это понятие запутанным до абсурда. Но как ты назовешь человека, который ловит злодеев? Полицейский, разве нет?

— Пожалуй, да.

— Ну вот. — Чибис снова посмотрела на часы. — А сейчас нужно как-нибудь закрепиться. Через несколько минут пересечем среднюю точку траектории, а при маневре «полупетля» теряешь ориентацию в пространстве, даже если

привязан.

Я знал об этом маневре только по книжкам и никогда не слышал о том, чтобы его проделывали в космосе. А в космосе ли мы? Пол подо мной тверд, как бетон, и столь же неподвижен.

— Не вижу, за что тут можно зацепиться.

— Боюсь, что ты прав. Но если усядемся, где поуже, и попробуем упереться ногами, то, возможно, удержимся. Поторопись, мои часы могут отставать.

Мы переместились в узкую часть комнаты, где между сходящимися стенами было не больше пяти футов, и уселись на пол лицом друг к другу. Как альпинисты в расщелине, уперлись ступнями в ступни. Точнее, мои ступни в носках упирались в ее кроссовки. Мои кроссовки, должно быть, так и стоят на верстаке. Подумалось, что, если пираты бросили Оскара на пастбище, папа может его найти.

— Держись крепче, Кип, и хватайся руками за палубу.

Я так и сделал.

— Откуда ты знаешь, когда мы будем переворачиваться?

— Так я же не теряла сознания. Меня просто схватили и затащили в корабль, поэтому я пом-

ню, когда был старт. Если предположить, что мы летим на Луну, а скорее всего, это так, и что полетное ускорение равняется одному g — а это тоже похоже на правду, ведь я чувствую, что вешу как обычно… А ты чувствуешь?

— Пожалуй, — сказал я, прислушавшись к ощущениям.

— Значит, так оно и есть, хотя я могу ошибаться — слишком долго пробыла на Луне. Итак, если мои предположения верны, то путешествие почти наверняка займет три с половиной часа. — Чибис взглянула на часы. — Расчетное время прибытия — девять тридцать утра, а разворот — в семь сорок пять. С минуты на минуту.

— Разве уже так поздно? — Я посмотрел на свои часы. — А на моих четверть второго.

— Это в твоем часовом поясе. А мои часы поставлены по лунному времени, то есть по Гринвичу. Ой-ой! Началось!

Пол накренился, вздыбился, опрокинулся, как будто мы мчались на американских горках. Мои полукружные каналы сплясали самбу.

Все постепенно вставало на свои места. Я очухивался после приступа головокружения.

— С тобой все в порядке? — спросила Чибис.

Я с трудом сфокусировал глаза:

— Вроде бы. Как после полуторного сальто над пустым бассейном.

— Мне никогда не хватало духу так резко разворачиваться. Вообще-то, это не больно, а глаза скоро придут в норму. Однако дело ясное — мы на пути к Луне. Прилетим через час сорок пять минут.

Я все еще не мог поверить.

— Чибис! Что за корабль может идти до самой Луны с ускорением в одно *g*? Он что, секретный? И как ты на Луне оказалась? И почему украла корабль?

Она вздохнула и обратилась к кукле:

— Мадам Помпадур, видали почемучку? Кип, как я могу отвечать на три вопроса сразу? Корабль — летающая тарелка и…

— Летающая тарелка! С тобой все понятно!

— Перебивать невежливо. Можешь называть ее как угодно, это неофициальный термин. На самом деле по форме она как сплющенный у полюсов сфероид. Это геометрическое тело…

— Что такое сжатый сфероид, мне известно!

Я был вымотан и расстроен всем, что на меня навалилось, от дурацкого кондиционера, испортившего отличные штаны, до удара в спину в ответ на заботу о ближнем. Не говоря уже о Тузе

Квиггле. А что до маленьких девочек, то им не стоит выпячивать свою гениальность.

— Нечего рявкать, — сказала она с осуждением. — За летающие тарелки принимают все, что угодно, — от метеозондов до уличных фонарей. Но я совершенно уверена, что, пользуясь бритвой О´ккама…

— Что еще за бритва?

— Оккама. Принцип отсечения лишних гипотез. Ты хоть с логикой знаком?

— Мало.

— Так вот, исходя из этого принципа, я подозревала, что примерно одна из пятисот замеченных летающих тарелок — реальный корабль, такой как этот. В сумме получается немало. А по поводу того, что я делала на Луне… — Девочка сделала паузу и ухмыльнулась. — Я очень настырная.

В этом я уже убедился.

— Давным-давно, когда мой папа был маленьким, планетарий Хейдена стал бронировать билеты на Луну. Это была всего лишь рекламная акция, вроде недавнего дурацкого мыльного конкурса, но папа записался. А теперь, много лет спустя, открылся лунный туризм — и планетарий передал свой список в «Американ экспресс», а тот оповестил кандидатов, которых удалось

разыскать.

— И твой отец полетел на Луну?

— Ну конечно нет! Папа в этот список попал еще маленьким. А теперь он шишка в Институте перспективных исследований, и ему некогда развлекаться. Мама не полетела бы ни за какие коврижки. Ну я и говорю: полечу сама. Папа сказал: «Нет!», мама сказала: «Боже мой, ни в коем случае!» Вот я и полетела. Я могу быть очень стервозной, если захочу, — добавила она горделиво. — У меня талант. Папа говорит, что я маленькое аморальное чудовище.

— Думаешь, он прав?

— Конечно прав. Он-то меня понимает, а мама только руками машет и говорит, что у нее сил больше нет. Так вот, целых две недели я вела себя совершенно ужасно и невыносимо, и в конце концов папа сказал: «Черт с ней, пусть катится! Может, за нее хоть страховку дадут!» И я покатилась.

— Хм… Я все-таки не понял, как ты очутилась на этом корабле.

— А-а-а… Я совалась куда не следует, делала, что не положено. Всегда стараюсь держать глаза открытыми — узнаешь много нового. Вот меня и сцапали. Они бы предпочли папу, но теперь

надеются обменять меня на него. Я не могла этого допустить, поэтому пришлось дать деру.

— Это сделал дворецкий, — мрачно пробормотал я.

— Что?

— Твоя история напоминает детективы — так же много нестыковок и дыр.

— А-а-а… Уверяю тебя, это просто… Ой-ой, опять начинается!

Но ничего такого не произошло, всего лишь сияние сменилось с белого на голубое. Никаких осветительных приборов я не обнаружил, мерцал весь потолок. Мы распластались по полу. Я хотел встать, но не смог.

Самочувствие было как после кросса по пересеченной местности; я едва дышал. Вряд ли причиной был голубой свет. Голубая составляющая — просто колебания в диапазоне от 4300 до 5100 ангстрем, они присутствуют в солнечном спектре. Но что бы ни подмешали в это сияние, мы обмякли, как мокрая тетива.

Чибис пыталась мне что-то сказать:

— Если… за нами придут… не сопротивляйся… и… главное…

Голубой свет опять сменился белым. Узкая стена стала отъезжать в сторону.

Побелевшая от страха Чибис нашла силы договорить:

— …главное… не сопротивляйся… ему.

Двое мужчин вошли в комнату и, отодвинув Чибис, связали мне запястья и лодыжки, да еще намотали веревку вокруг пояса, прижав локти к туловищу. Мало-помалу я выходил из оцепенения, но был еще так слаб, что не смог бы и почтовую марку лизнуть. До того хотелось дать им по башке, но проще, наверное, бабочке поднять накрывшую ее чашку.

Меня выволокли. Я запротестовал:

— Эй, куда вы меня тащите? Что вообще происходит? Я на вас в суд подам! Я…

— Заткнись, — сказал пират.

Это был костлявый коротышка лет пятидесяти или старше. Судя по физиономии, он никогда в жизни не улыбался. Второй, помоложе, — толстый, с обидчивым детским ртом и ямочкой на подбородке — выглядел так, будто мог и посмеяться, если беспокоиться не о чем. Но сейчас он был обеспокоен.

— Тим, мы можем влипнуть. Надо вышвырнуть его в космос… Обоих надо вышвырнуть. И сказать, что это несчастный случай. Развязались, мол, и попытались смыться через люк. Он нико-

гда не узнает…

— Заткнись, — без всякого выражения ответил Тим. — Хочешь неприятностей? Вакуума не терпится хлебнуть?

— Но…

— Заткнись.

Меня протащили по изогнутому коридору и бросили на пол в какой-то комнате.

Лежа лицом кверху, я не сразу понял, что это отсек управления. Ни один человек не сделал бы такую кабину, да она и не была создана человеком.

Тут-то я и увидел его.

Чибис могла не предупреждать. Я и не подумал сопротивляться.

Коротышка был крут и опасен, толстяк — подл и жесток; но по сравнению с ним это были херувимы. Будь у меня силы, я бы мог побороться с теми двумя любым способом по их выбору; думаю, ни одного человека я бы не испугался, будь у меня хоть малейший шанс против него.

Но против этого типа у меня шансов не было вовсе.

Он не был человеком, однако пугало другое. Слоны тоже не люди, но они славные. Внешне он больше походил на человека, чем слон, да только

это не имело значения. Стоял он прямо, внизу ноги, наверху голова. Не более пяти футов ростом, но это тоже не играло роли. Он подчинял, как человек подчиняет лошадь. Его торс был никак не меньше моего, но фигуру укорачивали толстые ноги-поленья с выпирающими ступнями (если это были ступни), похожими на диски. Когда он двигался, ступни тошнотворно хлюпали. Когда он стоял, на манер треножника, был выпячен то ли хвост, то ли третья нога. Ему не требовалось садиться, да и вряд ли он смог бы сесть.

Короткие ножки не делали его медлительным. Движения были неуловимыми, как бросок змеи. Обеспечивалось ли это более совершенной нервной системой и более эффективной мускулатурой? Может, на его родной планете выше сила тяжести?

Руки змеились — суставов было больше, чем в наших. Этих рук было две пары — одна на поясе, другая под головой. Плечи отсутствовали. Я не смог сосчитать пальцы, похожие на щупальца, — они находились в беспрестанном движении. Одежды на нем не было, кроме пояса с прорезями для нижних рук. К поясу он прикрепил что-то вроде кошелька и ключей. Лиловая кожа лоснилась, как от масла.

Кем бы ни был этот субъект, он не принадлежал к тому же народу, что и Мамми.

От Лилового шел сладковато-пряный запашок. В любой переполненной людьми комнате пахнет в жару куда хуже, но если я еще когда-нибудь учую этот «аромат», то покроюсь мурашками и лишусь дара речи.

Все это я воспринял постепенно; сначала видел только лицо. Как еще это назвать?.. Я до сих пор не описал его — боялся, что меня затрясет. Но опишу, чтобы вы, увидев такое, стреляли не раздумывая, пока ваши кости не превратились в студень.

Носа не было. Лиловый дышал кислородом, но куда входил и откуда выходил воздух, определить было невозможно. Частично он дышал ртом, поскольку разговаривал. И этот орган занимал второе место по отвратительности. Челюсть и подбородок заменяли жвалы, которые разделялись на три неравные части. Во рту — ряды мелких зубов. Языка я не заметил, зато рот был окаймлен ресничками величиной с земляного червя. И эти реснички беспрестанно шевелились.

Я сказал, что рот был вторым по отвратительности органом. Первым были глаза. Огромные, выпученные, широко расставленные, защищен-

ные роговыми кромками. Они, словно локаторы, двигались вверх-вниз и из стороны в сторону.

Он не смотрел на меня — но при этом не выпускал из виду.

Когда Лиловый повернулся, я увидел третий глаз на затылке. Похоже, этот монстр постоянно сканировал пространство как радаром.

Какой же мозг способен обрабатывать информацию, поступающую сразу отовсюду? Сомневаюсь, что человеческому это по силам, даже если как-то обеспечить всестороннее поступление информации. В голове у Лилового для крупного мозга явно маловато места, но, может быть, его мозг не там? Человек носит свой думательный орган практически открыто, а ведь это не очень удобно и безопасно.

Но мозг у Лилового безусловно был. Монстр пришпилил меня как букашку и выжал все, что хотел. Он не терял времени на подготовительные процедуры; он просто спрашивал, а я отвечал. Время тянулось бесконечно, — казалось, прошли дни, а не часы. По-английски он говорил ужасно, но понять было можно. Губные согласные у него были все одинаковы, «б», «п» и «в» — неразличимы. Гуттуральные звучали очень редко, а у дентальных был цокающий оттенок. Однако

почти все я понимал, а когда не мог понять, он не угрожал и не наказывал, просто повторял вопрос.

Его речь была лишена всякого выражения. Он допрашивал, пока не выяснил, кто я, чем занимался, а также все остальное, что его интересовало. Он хотел знать, как я оказался на пастбище, почему был одет в скафандр, когда меня подобрали. И было непонятно, нравятся ему мои ответы или нет.

Лиловый с трудом понял, что значит «торговать газировкой в аптеке», а когда я рассказал о конкурсе мыла «Звездный путь», смысл до него, кажется, так и не дошел. Но я обнаружил, что тоже многого не знаю: например, какова численность человечества и сколько тонн белка мы производим ежегодно.

Спустя бесконечность он получил все, что хотел, и приказал:

— Убрать.

Шестерки ждали рядом. Толстый сглотнул и спросил:

— Наружу?

Он вел себя так, будто выкинуть в космос человека — все равно что обрывок веревки.

— Нет. Он глуп и неразвит, но может понадо-

биться. Верните его в карцер.

— Да, хозяин.

Меня выволокли наружу. В коридоре Толстый предложил:

— Давай ноги развяжем, пусть сам идет.

— Заткнись, — отозвался Тощий.

Чибис безучастно сидела сразу за входной панелью. Я догадался, что ее еще раз долбанули этой голубизной. Шестерки перешагнули через девочку и свалили меня на пол. Тощий стукнул мне по шее ребром ладони. Когда я очухался, пираты отсутствовали, руки-ноги были свободны, а Чибис сидела рядом. Она озабоченно спросила:

— Очень плохо?

— Хуже некуда, — подтвердил я, и меня всего передернуло. — Чувствую себя лет на девяносто.

— Не стоило тебе на него смотреть, особенно в глаза. Отдохни немного, полегчает. — Она взглянула на часы. — Через сорок пять минут посадка, до этого времени о тебе не вспомнят.

— Что? — Я сел. — Я пробыл там всего час?

— Даже меньше. А кажется, что вечность. По себе знаю.

— Надо же, как выжатый лимон… — Я нахмурился, припоминая. — Чибис, когда за мной пришли, я ничего не боялся. Хотел требовать

объяснений, извинений, освобождения — но так и не задал ему вопросов, ни одного.

— И никогда не задашь. Я пробовала. Просто сила воли тает, как у кролика перед удавом.

— Верно.

— Кип, теперь ты понимаешь, почему я должна была воспользоваться малейшим шансом на побег? Ты, кажется, не поверил моему рассказу; теперь веришь?

— Теперь верю.

— Спасибо. Я всегда говорила, что у меня есть гордость и мне наплевать, что люди подумают, но на самом деле это не так. Нужно было вернуться к папе и рассказать ему… потому что он единственный на всем белом свете, кто поверил бы мне, как бы идиотски это ни звучало.

— Понимаю. Думаю, что понимаю. Но как тебя занесло в Сентервилл?

— В Сентервилл?

— Туда, где я живу. Где «Майский жук» вызывал «Чибиса».

— Да не собиралась я туда лететь. Надеялась приземлиться в Нью-Джерси, а еще лучше в Принстоне, потому что хотела найти папу.

— Хм… Неслабо промахнулась.

— А ты смог бы лучше? Ведь почти удалось, хо-

тя все было против меня. Этот корабль нетрудно вести; просто нацеливаешься и летишь, — наши корабли куда мудрёнее. И Мамми мне помогала. Но пришлось тормозить в атмосфере, делать поправку на вращение Земли, а тут я не очень сильна. Вот и вышло, что мы залетели слишком далеко на запад, а пираты гнались за мной, я растерялась… а потом услышала тебя на служебной частоте и решила, что все правильно — что я выбралась. — Она развела руками. — Прости меня, Кип.

— Твое счастье, что вообще села. Говорят, хорошее место посадки — то, с которого ушел на своих ногах.

— Прости, что впутала тебя в историю.

— Ну… насчет этого не волнуйся. Не меня бы впутала, так кого-нибудь другого. Чибис, что ему нужно?

— В смысле «им»?

— Им? Вряд ли те двое что-нибудь значат. Главный-то Лиловый.

— Я и не говорю про Тима и Джока — они люди, хоть и подонки. Я имею в виду пришельца и таких, как он.

Причины для разжижения мозгов, конечно, имелись: меня трижды нокаутировали, я не спал

ночь, и вообще такие передряги не каждый день случаются. Но пока Чибис не поправила меня, даже в голову не приходило, что таких, как Лиловый, может быть много, — а ведь и его одного более чем достаточно.

Если есть один, то должны быть и тысячи — а возможно, миллионы и миллиарды. Сердце ушло в пятки, а то и ниже.

— Ты видела других?

— Нет, только его. Но мне говорила Мамми.

— Ничего себе! Чибис, что они задумали?

— А ты не догадываешься? Вторжение готовят.

Расстегнутый воротник начал меня душить.

— Как это?

— Не знаю.

— Хочешь сказать, что они нас перебьют и захватят Землю?

Она замялась:

— Может быть и похуже.

— Э-э-э… поработят?

— Теплее. Кип… Думаю, они питаются мясом.

Я сглотнул.

— Веселенькие у тебя, малявка, мысли.

— А мне, думаешь, нравится? Поэтому я и хотела все папе рассказать.

Ответить было нечего.

Древний-предревний страх о судьбах человечества. Папа слышал в детстве радиопостановку про нашествие марсиан — это была выдумка чистой воды, но она вызвала жуткую панику. Теперь люди на такое не купятся. После того как мы высадились на Луне, облетели Марс и Венеру, все, похоже, уверились, что жизни в космосе нет.

И вот она, перед глазами.

— Чибис, это марсиане? Или с Венеры?

Девочка покачала головой:

— Они издалека. Мамми пыталась объяснить, но я не поняла ее.

— Но хоть из Солнечной системы?

— Именно этого я и не поняла. И да и нет.

— Так не бывает!

— Ну и спроси ее сам.

— С удовольствием. — Я замялся, а потом выпалил: — Мне плевать, откуда они, — мы их перестреляем… Найдем способ не смотреть на них!

— Хорошо бы!

— А ты подумай сама. Если их корабли и есть летающие тарелки — настоящие, а не метеозонды, — то они уже сколько лет следят за нами. Следовательно, в себе они не уверены, хотя и выглядят так устрашающе, что молоко скисает.

Иначе бы просто вторглись на Землю и сожрали нас, как скотину. Но они этого не сделали. Выходит, победить мы можем — при условии, что с умом возьмемся за дело.

Чибис с готовностью кивнула:

— Надеюсь, что так. Я думала, папа что-нибудь придумает. Но… — Она нахмурилась. — Мы о них очень мало знаем… а папа всегда советовал не пороть горячку при недостатке информации. «Не вари суп из одной устрицы, Чибис» — так он всегда говорит.

— Но я могу поспорить, что мы правы. Слушай, а кто твой отец? И как тебя зовут по-настоящему?

— Ну, мой папа — профессор Райсфельд. А меня зовут Патриция Вайнэнт Райсфельд. Кошмар, согласись. Лучше зови меня Чибис.

— Профессор Райсфельд… А что он преподает?

— Ты совсем темный? Не знаешь, что папа получил Нобелевскую премию?

— Ну извини, Чибис. Я из провинции.

— Заметно… Папа ничего не преподает. Он мыслит. Он мыслит лучше всех… кроме меня, быть может. Он синтезист. Все остальные — специалисты в отдельных областях. А папа знает все и делает обобщения.

Может, оно и так, но я никогда о синтезистах

не слышал. Идея сводить части в единое целое шикарна, но для такого нужен аномально башковитый парень — мы же загибаемся под лавиной информации. Профессор Райсфельд, видимо, о трех головах. Или о пяти.

— Ты с ним еще познакомишься, — добавила Чибис, глянув на часы. — Кип, нам лучше закрепиться. Сейчас сядем… а на пассажиров инопланетянину плевать.

Мы снова втиснулись в угол, вцепились друг в друга и замерли в ожидании. Вскоре корабль тряхнуло, пол встал дыбом. Затихло. Я почувствовал необыкновенную легкость. Чибис подобрала под себя ноги и встала:

— Ну вот и Луна.

Глава 5

Когда я был маленьким, мы играли в первую высадку на Луну. Потом романтические бредни уступили место трезвым поискам способа достичь лунной поверхности. Но мне и в голову не могло прийти, что я прилечу на Луну в камере без окон, как мышь в обувной коробке.

Только мой вес подтверждал, что я на Луне. Увеличение веса можно смоделировать с помощью центрифуги. Но уменьшить его — совсем другое дело. Все, что доступно на Земле, — несколько секунд полета с трамплина, затяжной прыжок с парашютом, «горка» на самолете.

А если уменьшение гравитации все длится и длится, то вы где угодно, только не на Земле. На Марсе я оказаться не мог; значит — Луна.

Здесь я должен весить чуть больше двадцати пяти фунтов. Примерно на столько я себя и чувствовал — мог бы пройтись по лужайке, не примяв травы.

Несколько минут я просто наслаждался этим и, забыв о Лиловом и о наших бедах, с удовольствием вальсировал по комнате, слегка подпрыгивал, ударялся головой о потолок и ощущал, как мед-

ленно-медленно-медленно опускаюсь на пол. Чибис уселась, пожала плечами и снизошла до покровительственной улыбки. Лунный старожил! А ведь пробыла тут всего лишь на две недели дольше моего.

У низкой гравитации немало минусов. Почти нет сцепления с опорой, ноги разъезжаются. Пришлось на собственной шкуре испытать то, что я раньше знал только умом: вес уменьшается, но масса и инерция остаются. Чтобы сменить направление, даже при ходьбе, надо крениться, как на мотогонках, но, если нет трения (а у моих носков на гладком полу его не было), ноги выскальзывают из-под тела.

Падать при одной шестой *g* не больно, но Чибис хихикала. Я уселся и сказал:

— Смейся, смейся, интеллектуалка. Хорошо тебе, в кроссовках-то.

— Извини. Ты так забавно парил и хватался за воздух — точно в замедленном кино.

— Очень забавно, не сомневаюсь.

— Я же извинилась. Слушай, возьми мои кроссовки.

Я смерил глазами наши ноги и хмыкнул:

— Спасибо, конечно!

— Ну… можешь распороть задники или еще

что-нибудь придумать. Мне и босиком нормально. Мне всегда нормально. А где твоя обувь, Кип?

— Да рядышком, четверть миллиона миль отсюда — если только мы вышли на нужной остановке.

— А-а-а… Ну, здесь она тебе не особенно нужна.

— Ага. — Я покусал губу, обдумывая это «здесь» и больше не интересуясь играми с гравитацией. — Чибис? Что будем делать?

— Ты о чем?

— О нем.

— Да ничего. Что мы можем?

— Ну а чем тогда заняться?

— Спи.

— Что-о?!

— Спи… «Невинный сон, сон, сматывающий клубок забот»[5]. «О нежный сон! Природы исцелитель!»[6] «Дай бог здоровья тому, кто придумал сон: ведь это плащ, который прикрывает все человеческие помыслы»[7].

---

[5] notes: 5

У. Шекспир. Макбет (перевод А. Радловой).

[6] notes: 6

Э. Юнг. Ночные мысли (перевод Д. Смирнова-Садовского).

[7] notes: 7

М. Сервантес. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский (перевод Н. Любимова).

— Хватит выпендриваться! Говори толком!

— Я и говорю толком. Сейчас мы беспомощны, как золотые рыбки в аквариуме. Просто хотим выжить. А первый принцип выживания — не застревать на том, что от тебя не зависит, и сосредоточиться на том, что можно сделать. Я хочу есть и пить, неважно себя чувствую, очень устала… и все, что могу в этой ситуации, — лечь спать. Так что, если окажешь любезность и помолчишь, я именно этим и займусь.

— Намек понял. Не надо на меня рычать.

— Извини. Когда устаю, я становлюсь злой как собака. И папа говорит, что до завтрака ко мне подходить опасно. — Она свернулась калачиком и подложила растрепанную тряпичную куклу под щеку. — Спокойной ночи, Кип.

— Спокойной ночи, Чибис.

Тут мне кое-что еще пришло в голову, я заикнулся было… и увидел, что она уже спит. Ее дыхание стихло, лицо разгладилось и больше не казалось настороженным и чересчур серьезным. Верхняя губа оттопырилась совершенно по-детски, и девочка стала похожа на чумазого херувима. На щеках остались полоски высохших слез. А ведь я не заметил, когда она плакала.

Кип, сказал я себе, ты влезаешь в скверную ис-

торию; это намного хуже, чем притащить домой брошенного щенка или котенка.

Я обязан позаботиться о ней… или погибнуть в попытке.

Может, так и получится. В смысле, погибнуть. Я и о себе-то никогда не мог позаботиться как следует.

Я зевнул, потом еще раз. У креветки ума побольше, чем у меня. Я измотался, как никогда, хотел есть и пить, и вообще мне было паршиво. Уже собрался побарабанить в дверную панель и вызвать Толстого или Тощего. Но… разбужу Чибис, да и Лиловый сочтет это сопротивлением.

Я вспомнил, как дома часто дремал на ковре в гостиной. Оказалось, что и здесь на жестком полу можно очень удобно устроиться; одна шестая земного притяжения — это матрас лучше всякого поролона. Взбалмошной принцессе из сказки Андерсена было бы не на что пожаловаться.

Заснул я мигом.

Снилась мне невероятнейшая космическая опера. Кишели драконы, прекрасные девы с Арктура, рыцари в сверкающих скафандрах; действие перемещалось из дворца короля Артура на дно

Мертвого моря Барсума[8].

И все бы ничего, вот только у герольда-распорядителя было лицо лилового пришельца и голос Туза Квиггла. Он высовывался из экрана и шевелил червеобразными ресничками.

— Победит ли Беовульф дракона? Вернется ли Тристан к Изольде? Найдет ли Чибис свою куклу? Включайте наш канал завтра вечером, а пока просыпайтесь и бегите в ближайшую аптеку, чтобы купить наждачную бумагу «Звездный путь», лучшее средство для чистки рыцарских доспехов. Подъем!

Он высунул щупальце из экрана и схватил меня за плечо.

Я проснулся.

— Подъем! — трясла меня за плечо Чибис. — Пожалуйста, проснись, Кип.

— Отстань!..

— У тебя был кошмар.

— Принцесса с Арктура в беде! И я никогда не узнаю, чем все кончилось. Зачем ты меня разбудила? Сама же сказала, что нужно выспаться!

— Ты продрых несколько часов — а сейчас, похоже, мы можем кое-что сделать!

---

[8] notes: 8

Барсумом называется Марс в марсианской эпопее Эдгара Райса Берроуза.

— Позавтракать?

Мою шпильку она пропустила мимо ушей.

— Сбежать!

Я резко сел, вернее, взлетел и опустился обратно.

— Ого! Как?

— Точно не знаю. Но мне кажется, они ушли и оставили нас одних. Если так, другого шанса не будет.

— А с чего ты взяла, что они ушли?

— Прислушайся. Хорошенько прислушайся.

Я подчинился. И услышал свое сердце, дыхание Чибис, а потом и ее сердце. Такой тишины я и в пещерах не встречал.

Я вынул перочинный ножик, сжал его зубами, чтобы звук передавался по костям, и приставил к стене. Ничего. Я прослушал пол и другие стены. Опять ничего. На борту царила тишина — ни дрожи, ни стуков, ни тех вибраций, которые нельзя услышать, а можно только почувствовать.

— Похоже, ты права.

— Прекратилась циркуляция воздуха.

Я повел носом:

— У нас кончается воздух?

— Пока нет. Но и не поступает — он выходил из крошечных отверстий вон там, наверху. Ты бы не

заметил, а я почувствовала перемену.

Я напряженно размышлял.

— Все-таки не понимаю, что это нам дает. Мы заперты.

— Может, и нет.

Я ковырнул стену лезвием. Она не из металла, и на пластик не похоже. Нож не берет. Может, граф Монте-Кристо и провертел бы в ней дырочку, но ему некуда было торопиться.

— Почему ты так думаешь?

— Каждый раз, когда они открывали и закрывали дверную панель, слышался щелчок. Так вот, когда тебя вытаскивали, я приклеила жвачку на стыке панели и стены, повыше, чтобы не заметили.

— У тебя есть жвачка?

— Да. Помогает, когда нет ни глотка воды. Я…

— Еще есть? — живо спросил я.

Было не до свежести дыхания, просто ни разу в жизни так не мучила жажда.

Чибис расстроилась:

— Ой, бедный Кип! У меня ничего не осталось, это старая жвачка. Я ее приклеивала к пряжке ремня и жевала, когда особенно хотелось пить. — Она помялась. — Но возьми, раз нужно. Пожалуйста.

— Ну спасибо, Чибис. Спасибо большое. Как-нибудь обойдусь.

Она оскорбилась:

— Уверяю вас, мистер Рассел, что не страдаю никакими заразными заболеваниями. Я всего лишь хотела…

— Да-да, — поспешно сказал я. — Совершенно в этом уверен. Но…

— Я учитываю, что мы находимся в экстремальной ситуации. И это гигиеничнее поцелуев — хотя, полагаю, тебе еще не приходилось целоваться!

— В последнее время не приходилось, — попытался я сменить тему. — Но все, чего я хочу, — это глоток чистой холодной воды. Или грязной теплой воды… К тому же ты прилепила свою жвачку на дверную панель. Чего ты хотела добиться?

— Так я же говорила о щелчке. Папа считает, если стоишь перед дилеммой, полезно изменить любую из переменных, а потом снова приступить к решению задачи. Я попыталась внести изменения с помощью жвачки.

— Ну?

— Когда тебя притащили обратно и закрыли дверь, щелчка не было.

— Что? Ты знала, что перехитрила замок, уже

несколько часов знала — и не сказала мне?

— Именно так.

— Ну, я тебя выпорю!

— Не советую, — сказала она ледяным тоном. — Я кусаюсь.

Я поверил. Кусается. И царапается. И еще что-нибудь вытворяет. Я сменил тему:

— Чибис, почему ты не сказала?

— Боялась, что рванешь наружу.

— Ха! Конечно, я бы попробовал.

— То-то и оно. А я решила, что лучше не дергать дверь… пока он на корабле.

Точно гений. По сравнению со мной.

— Я тебя понял. Ладно, давай попробуем открыть.

Я осмотрел панель. Жвачка была на месте, так высоко, как девочка могла достать. Панель, расплющив резинку, заклинила замок. Но никакого просвета я не увидел.

Я подцепил панель кончиком большого лезвия. Вроде отошла на осьмушку дюйма — и в этот момент лезвие сломалось.

Я вернул нож в карман.

— Еще идеи?

— Может, попробуем сдвинуть руками?

— Ладно. — Я вытер потные ладони о рубаш-

ку. — Сильно не давим — нужно, чтобы было трение.

Панель отодвинулась вправо почти на дюйм — и больше ни с места. Но от потолка до пола протянулась щель толщиной с волос.

Обломок лезвия тоже сломался, а щель не стала шире.

— Вот же черт! — пискнула Чибис.

— Рано сдаваться. — Я отступил для разбега и ринулся к двери.

Ноги заскользили, я потерял равновесие и проделал медленный кульбит. На этот раз Чибис не засмеялась.

Я поднялся, отошел к дальней стене, уперся ногой и попробовал оттолкнуться, как пловец в бассейне.

Мне удалось долететь до двери и ударить, не особенно сильно. Я почувствовал, что она слегка прогнулась, но тотчас восстановила форму.

— Стой, Кип, — сказала Чибис. — Снимай носки. Я подтолкну сзади, мои кроссовки не скользят.

Она была права. На Луне, если нет резиновых подметок, лучше ходить босиком. Мы отошли к дальней стене, Чибис встала позади меня и положила руки мне на бедра. «Раз… два… три… Пошел!» Мы рванули с элегантностью бегемота.

Я ссадил плечо. Но панель выскочила из направляющей, открыв пространство дюйма в четыре.

На косяке я оставил кусок собственной шкуры, порвал рубашку. Ругался про себя по-черному… но щель расширялась. Как только удалось протиснуть голову, я распластался на полу и выглянул. В поле зрения никого не было — и это уже что-то значило, если учесть, как мы шумели. Лишь бы только враги не решили сыграть с нами в кошки-мышки. Но вряд ли они до этого опустятся. Особенно Лиловый.

Чибис хотела пролезть мимо меня, но я оттащил ее:

— Куда, хулиганка! Я пойду.

Еще пара рывков, и я пролезу. Я раскрыл маленькое лезвие и протянул нож Чибис:

— Со щитом или на щите, солдат.

— Лучше оставь себе.

— Мне он не нужен. Смерть о Двух Кулаках — так именуют меня в темных переулках. — Я отчаянно куражился, но зачем Чибис об этом знать? — «Кип без страха и упрека», спасаем девиц, дешево, оптовые скидки.

Я протиснулся на карачках, встал и огляделся.

— Вылезай, — тихонько сказал я.

Она полезла, но вдруг попятилась. Появилась вновь, сжимая замурзанную куклу.

— Чуть не забыла Мадам Помпадур, — сказала она взволнованно.

Я даже не улыбнулся. Но она вскинулась:

— Ну и что! Она мне нужна, не могу без нее заснуть. Это невротический комплекс, но папа говорит, что я его перерасту.

— Да ясно, ясно.

— Оставь покровительственный тон! Это не фетишизм, даже не первобытный анимизм, а просто условный рефлекс. Я давно знаю, что это всего лишь кукла; я давно поняла свою горькую ошибку… много лет назад.

— Послушай, Чибис, — сказал я серьезно, — мне все равно, как ты засыпаешь. Сам я бью себя молотком по голове. Прекрати. Ты в этих кораблях разбираешься?

Она огляделась.

— Думаю, мы в корабле, который меня преследовал. Но он такой же, как тот, который я вела.

— Отлично. Пошли в отсек управления.

— А?

— Ту консервную банку ты пилотировала. А эту сможешь?

— Н-наверное… Да, смогу.

— Пошли. — Я повернулся в ту сторону, куда меня тащили.

— Но тогда у меня была Мамми, она мне подсказывала! Давай ее найдем.

Я остановился.

— Ты поднять корабль сможешь?

— Да…

— Вот и подними его в воздух, то есть в космос, — и поищем Мамми. Если она на борту — найдем. Если нет… значит, нет.

— Ну… ладно. Логично, хотя мне это и не нравится. — Она шагала вслед за мной. — Кип, какое ускорение ты выдерживаешь?

— Понятия не имею. А что?

— Эти штуки могут летать намного быстрее, чем я пробовала. Зря постеснялась.

— Зря ты полетела в Нью-Джерси.

— Но я хотела найти папу!

— Ну, это понятно. Но лучше бы рванула на Лунную базу и подняла Космический корпус. Это не игрушки; нужна помощь. Где мы, как ты считаешь?

— Должно быть, он вернул нас на свою базу. Я скажу точно, когда сориентируюсь по небу.

— Ладно. Если сможешь определить, где Лунная база, направимся туда. Если нет — на всех парах

двинем в Нью-Джерси.

Дверь отсека управления была заперта, и я никак не мог сообразить, чем ее открыть. Чибис сделала то, что, по ее словам, должно было помочь, — засунула мизинец в дырку, куда мой палец не пролез бы, и сообщила, что заперто на замок. Тогда я огляделся.

И нашел металлический прут, висевший в коридоре, длиной около пяти футов, заостренный на одном конце, с четырьмя рукоятками вроде медных кастетов на другом. Черт ее знает, что за штука, может, это у монстров такой пожарный топор, но крушить с его помощью было одно удовольствие.

Через три минуты от двери одни щепки остались. Мы вошли.

Сначала у меня побежали мурашки по всему телу, потому что именно здесь Лиловый меня обрабатывал. Я взял себя в руки, но решил, что при встрече засажу эту железяку прямо в его мерзкие буркалы. В первый раз я по-настоящему осмотрел помещение. В центре было что-то вроде гнезда, окруженного устройством, смахивающим то ли на сильно навороченную кофеварку, то ли на велосипед для осьминога. Хорошо, что Чибис знает, на какие кнопки нажимать.

— А где внешний обзор?

— Вот. — Чибис проскользнула мимо меня и ткнула пальцем в какое-то отверстие.

Потолок был полусферический, как в планетарии. Когда зажглись огни, я понял, что это и есть планетарий. Аж дух захватило.

Вдруг оказалось, что мы стоим не на полу, а на платформе, висящей в пространстве, на высоте примерно тридцать футов. Надо мной светились на черном небосводе тысячи звезд, а прямо в лицо смотрела огромная, как десяток полных лун, зеленая, милая и прекрасная Земля.

Чибис тронула меня за локоть:

— Очнись, Кип.

— Чибис, — спросил я с придыханием, — неужели в твоей душе нет ни капли поэзии?

— Конечно есть. Навалом. Только времени нет. Я знаю, где мы, Кип, — отсюда я и стартовала. Их база. Видишь скалы с длинными резкими тенями? Часть из них — замаскированные корабли. Вон там, левее, высокий пик с седловиной, а еще левее, почти точно на запад, в сорока милях отсюда, станция Томбо. Еще через двести миль — Лунная база, а за ней — Луна-Сити.

— Долго добираться?

— Двести… почти двести пятьдесят миль? Мне

не приходилось летать местными рейсами, но думаю, что несколько минут.

— Стартуем! Они могут вернуться в любой момент.

— Да, Кип. — Она забралась в это воронье гнездо и склонилась над пультом.

Затем выпрямилась. Ее лицо было белым, худым и совсем детским.

— Кип… никуда мы не полетим. Извини.

Я взвыл:

— Что! Что стряслось? Ты забыла, как управлять?

— Нет. Здесь нет «мозга».

— Чего нет?

— «Мозга». Маленькой черной штуковины размером с грецкий орех, которая вставляется вот сюда. — Она показала куда. — В тот раз мы убежали, потому что Мамми сумела его украсть. Нас заперли в пустом корабле, как нас с тобой сейчас. Но там был «мозг». — Чибис выглядела уныло и потерянно. — Я должна была догадаться, что пираты не оставят такую важную вещь в отсеке управления. Может, и догадывалась… но не хотела этого признавать. Прости.

— Нет, Чибис, мы так легко не сдадимся. Можно сварганить что-нибудь, что подойдет к этой

розетке?

— Вроде как соединить проводки зажигания у автомобиля? — Она покачала головой. — Это не так просто, Кип. Если поставить в автомобиль деревянную модель аккумулятора, разве поедешь? Я точно не знаю, что делает эта штука, я и «мозгом»-то ее назвала, потому что она такая сложная.

— Но… — Я заткнулся.

Если дикарю с острова Борнео дать новехонькую машину, совершенно целую, только без свечей, далеко он уедет? Внутренний голос подсказывает, что не очень.

— Чибис, какие еще есть идеи? Пусть даже бредовые? Если нет — покажи хотя бы входной шлюз. Я возьму вот это, — я потряс своей железной дубинкой, — и буду валить всех, кто сунется.

— Я не знаю, что делать, — вздохнула она. — Надо найти Мамми. Если она тут, то что-нибудь подскажет.

— Хорошо… но покажи наконец входной шлюз. Потом ищи ее, я покараулю.

Во мне вскипал безрассудный гнев отчаяния. Раз уж нам не суждено отсюда выбраться — а похоже на то, — надо по крайней мере рассчитаться. Я хотел объяснить Лиловому, что обращаться так

жестоко с людьми — себе дороже. И был совершенно уверен: перед тем как под его взглядом оцепенеет мой хребет, я успею врезать. Размозжу отвратительную башку.

Если не буду смотреть в глаза.

Чибис медленно произнесла:

— Есть… еще одна возможность…

— Какая?

— Н-не хочется предлагать. Вдруг подумаешь, что я решила выбраться на твоем горбу.

— Не глупи. Если что-то придумала, выкладывай.

— Ну… в сорока милях отсюда станция Томбо. Если мой скафандр здесь, на корабле…

Я воспрянул, как Боуи при обороне Аламо. Может, в этой игре назначат добавочное время.

— Мы дойдем!

Чибис покачала головой:

— Нет, Кип. Поэтому-то я и не хотела об этом говорить. Я смогу дойти… если найдем мой скафандр. А ты в него не влезешь, хоть пополам сложись.

— Сдался мне твой скафандр, — буркнул я.

— Кип, Кип! Это же Луна, забыл? Воздуха нет.

— Что я тебе, идиот? Но если где-то здесь лежит твой скафандр, то, может быть, рядышком валя-

ется и мой. И…

— У тебя есть скафандр? — не поверила она.

Не стоит, пожалуй, пересказывать сумбурный разговор, который за этим последовал. Но мало-помалу до Чибис дошло: не будь у меня скафандра, двенадцать часов назад и в четверти миллиона миль отсюда я просто не смог бы связаться с ней на космической частоте.

— Давай кончать с этим безобразием. Хотя погоди: сначала покажи шлюз, а потом ищи наши скафандры.

— Ладно.

Девочка отвела меня к входному шлюзу. Это был отсек, сильно напоминавший тот, в котором нас держали, но меньше и со второй дверью, рассчитанной на большое давление. Она оказалась незапертой, и мы осторожно открыли ее. Внутри было пусто. Внешняя дверь была закрыта, иначе мы бы не справились с внутренней.

— Будь у Лилового хоть капля осторожности, — язвительно заметил я, — он бы оставил внешнюю дверь открытой, пусть мы и сидели взаперти. Тогда… Погоди секунду… Внутренняя дверь фиксируется, когда она открыта?

— Не знаю.

— Давай посмотрим.

Она удерживалась обычной задвижкой. На тот случай, если задвижка убирается какой-нибудь кнопкой снаружи, я заклинил ее ножиком.

— Больше шлюзов нет?

— На том корабле не было, а они очень похожи.

— Будем начеку. Через этот шлюз до нас уже никто не доберется. Даже старине Лиловому без шлюза не обойтись.

— А вдруг он все-таки откроет внешнюю дверь? — нервно спросила Чибис. — Тогда мы лопнем, как воздушные шарики.

Я ухмыльнулся:

— Ну и кто здесь гений? Конечно лопнем… если он откроет. Только как он откроет, если на нее давит двадцать — двадцать пять тонн? Сама мне недавно сказала, что это Луна. Снаружи пустота, не забыла?

— Фу ты… — сконфузилась Чибис.

Мы отправились на поиски. Я с удовольствием взламывал двери — все равно Лиловый не питал ко мне симпатий. Вначале мы нашли вонючий закуток, где ютились Толстый и Тощий. Вот же растяпы, даже дверь не заперли.

По комнатке я многое о них понял: это свиньи, с такими же отвратительными привычками, как

их нравы. Видно, что они не случайные пленники, — все устроено для землян. Эти негодяи расположились здесь надолго. Мы увидели два пустых контейнера для скафандров, десятки банок с консервами, приобретенных на распродаже армейского имущества, а главное, там была питьевая вода и нечто вроде умывальника. Нашлись и два полных баллона с кислородно-гелиевой смесью — вот их я не отдам ни за ладан, ни за чистое золото, если, конечно, мы обнаружим скафандры!

Я напился, открыл консервы для Чибис; жестянка была с ключом, и мы избежали участи «Троих в лодке» с их банкой ананасов. Велев девчонке подкрепиться, я продолжил обыск; железяка была в этом деле отличным подспорьем. С того момента, как нашлись баллоны с воздухом, меня сжигало желание поскорее добраться до наших скафандров и смыться.

Я вскрыл с десяток дверей быстрее, чем Морж и Плотник вскрывали устриц, и нашел кучу всякой всячины. В том числе и каюты, по всей видимости предназначенные для черверотых. Я не тратил времени на их осмотр — этим, бог даст, займется Космический корпус, — а лишь проверял, нет ли скафандров.

И нашел их! В каюте рядом с нашим узилищем.

Я был так рад Оскару, что чуть не расцеловал его. Заорал: «Привет, приятель! Mirabile visu!»[9] — и побежал искать Чибис. Ноги разъезжались, но было не до этого.

Чибис подняла голову, когда я ворвался в каюту.

— Уже собиралась искать тебя.

— Нашел! Нашел!

— Мамми? — с готовностью вырвалось у нее.

— Что? Нет! Скафандры — и твой, и мой! Пошли!

— А-а-а… — Вид у нее был разочарованный, и меня это задело. — Хорошо, конечно… только сначала надо найти Мамми.

У меня опустились руки. Появился самомалейший шанс избежать чего-то более страшного, чем смерть, и это не риторическая фигура, — а Чибис приспичило искать свое пучеглазое чудовище. Будь это человек, даже незнакомый, пусть бы у него даже изо рта дурно пахло, я бы его не бросил. Собаку или кошку тоже попытался бы выручить… скрепя сердце.

---

[9] notes: 9
Счастлив тебя видеть! *(лат.)*

Но что мне лупоглазый монстр? Все, что он для меня сделал, — это втянул в историю, которая скопом заткнула за пояс мои прежние передряги.

Я подумал, не оглушить ли Чибис и не засунуть ли в скафандр. Но вслух сказал:

— Спятила? Мы уходим. Сейчас же!

— Мы не можем уйти без нее!

— Ты точно свихнулась. Мы даже не знаем, здесь ли она… но, если даже найдем, не сможем взять ее с собой.

— Сможем!

— Как? Это Луна, забыла? Воздуха нет. У тебя есть скафандр для нее?

— Нет… — Она чуть опешила. Но ненадолго. Вдруг резко встала, даже подпрыгнула ненарочно, и заявила: — Ты как хочешь, а я пойду ее искать. На! — И сунула мне банку.

Эх, скрутить бы ее! Но мне с детства внушали, что с женщиной драться не следует, как бы она этого ни заслуживала. Пока я метался между доводами разума и издержками воспитания, Чибис улизнула вместе с моим шансом на спасение. Я только беспомощно застонал.

Но тут запахло чем-то фантастически вкусным. Ведь у меня в руках была банка с консервами. То есть с тушеной подметкой в сером соусе, но

запах… Амброзия!

Половину слопала Чибис; я доедал, рассматривая ее находки. Моток нейлонового шнура с радостью положил к баллонам; у Оскара на поясе есть футов пятьдесят бельевой веревки, но запас карман не тянет. Так… геологический молоток, пригодится. Две батарейки — это для фар.

Из прочего какой-никакой интерес представляли разве что изданный пресс-службой правительства «Предварительный селенологический отчет», рекламный проспект урановых рудников и просроченные водительские права штата Юта на имя Тимоти Джонсона — с фотографии смотрела подлая физиономия Толстого. Буклет я бы почитал на досуге, но нельзя себе позволить лишнего багажа.

Из мебели в комнате были две кровати, повторяющие контуры тела и щедро выстланные мягким. Я смекнул, что Тощий и Толстый спасались на них от перегрузок.

Подобрав остатки соуса пальцем, я напился, вымыл руки, не жалея воды (пусть эта парочка сдохнет от жажды!), собрал добычу и двинулся к каюте со скафандрами.

Там я увидел Чибис. Она держала наш импровизированный лом и вся светилась от счастья.

— Нашла ее!

— Где?

— Пойдем! Не могу открыть, сил не хватает.

Я положил барахло возле скафандров и пошел за ней. Она остановилась у дальних дверей, до которых я, с моим вандализмом, еще не добрался.

— Здесь!

Я глянул, прислушался.

— Откуда знаешь?

— Знаю! Открывай!

Я пожал плечами и пустил в дело железяку. Панель с шумом отскочила.

Скорчившись, посреди комнаты на полу сидело существо.

Не поручусь, что именно его я видел вчера на пастбище. Смеркалось, обстановка была совсем другая, да и долго разглядывать мне не дали. Но Чибис не сомневалась. С радостным визгом она бросилась вперед, и друзья покатились по полу, как играющие котята.

Чибис все вопила, более или менее по-английски. Мамми тоже что-то лопотала. Я не удивился бы, услышав от нее английскую речь, ведь и Лиловый изъяснялся по-нашему, да и Чибис упоминала, что Мамми ей о чем-то рассказывала. Но сейчас не понимал ни словечка.

Вам приходилось слышать пересмешника? Он то высвистывает мелодию, то радостно шлет Господу свою птичью хвалу. Бесконечно разнообразные трели пересмешника — вот на что была похожа речь Мамми.

В конце концов они угомонились, и Чибис сказала:

— Мамми, я так счастлива!

Существо что-то пропело. Чибис ответила:

— Ой, какая я невежа! Мамми, это Кип, мой лучший друг.

Мамми пропела мне… и я понял.

Она сказала:

Очень рада познакомиться с тобой, Кип.

Мамми говорила не словами. Но так ясно, словно по-английски. Это не было полушутливым самообманом, вроде моих разговоров с Оскаром или Чибисовых — с Мадам Помпадур. Общаясь с Оскаром, я говорю за обоих; это просто мое сознание разговаривает с подсознанием, или что-то вроде того. Но тут было совсем по-другому.

Мамми пела, а я все понимал.

Это было удивительно, но я не испытывал недоверия. Когда глядишь на радугу, не думаешь о законах оптики. Просто видишь ее в небе.

Нужно быть идиотом, чтобы не понять, ко-

гда Мамми говорит именно с тобой. Если она обращалась только к Чибис, я слышал птичий щебет; но когда реплика предназначалась мне, я понимал все.

Называйте это телепатией, хотя в Университете Дьюка под этим словом вроде бы подразумевают нечто другое. Я не читал ее мыслей. И не думаю, что она читала мои. Мы просто разговаривали.

Но хоть и был изумлен, я не забывал о приличиях. Когда мама знакомила меня с кем-нибудь из своих старших подруг, ощущение было схожим с нынешним. Так что я поклонился и сказал:

— Мы счастливы, что нашли вас, Мамми.

Это была чистая, голая правда. Я понял, понял без всяких объяснений, что заставляло Чибис упрямо искать ее, невзирая на риск вновь попасть в плен. То качество, что и делало существо Мамми, мамочкой.

У Чибис имелась привычка приклеивать хлесткие прозвища, и не всегда к месту. Но в данном случае не поспоришь. Мамми была Мамми, потому что именно Мамми она и была. От нее исходило счастье, тепло и безопасность. Примерно как если с ободранной коленкой и в слезах придешь домой, а мама поцелует ссадину, намажет ее тиомерсалом, и все пройдет. Таковы

некоторые медсестры, учителя… и не все мамы, к сожалению.

Но Мамми все это излучала так сильно, что я даже перестал беспокоиться насчет черверотых. Она с нами, а значит, мы спасены. Разумом я понимал, что Мамми так же уязвима, как и мы, — у меня на глазах ее сбили с ног. Она была меньше и слабее меня, не могла вести корабль, как Чибис. Но это не имело значения.

Хотелось усесться ей на колени. Но она была так мала, да и коленей у нее не было, — зато я с радостью усадил бы ее на собственные.

Я чаще говорю об отце, но это не значит, что мать не так важна. Папа активен, мама пассивна; папа говорит, мама молчит. Но умри она — и зачахнет папа, как выкорчеванное дерево. Она — основа нашего мира.

Мамми действовала на меня как мама, только к маме-то я привык. А теперь, далеко от дома, получил родительскую поддержку — неожиданно и в нужную минуту.

Чибис торжествовала:

— Теперь мы можем идти, Кип. Пойдем скорее!

А куда, детки? — пропела Мамми.

— На станцию Томбо, там помогут.

Мамми печально моргнула. Глаза у нее были

огромные, как у лемура, с мягким и сочувственным взглядом, но она не относилась к приматам. Она вообще была не нашим, не земным существом… Чудесные глаза и нежный, беззащитный рот, из которого лилась музыка. Она была даже меньше Чибис, с совсем маленькими шестипалыми ручками. Каждый палец мог противостоять остальным — как наш большой палец. Ее тело трудно описать, оно все время меняло форму, но ей как раз такое и подходило.

На ней не было одежды, но это не ощущалось; ее покрывал мех, мягкий, гладкий, красиво лоснящийся, как у шиншиллы. Сперва я и украшений не заметил, но потом углядел блестящий треугольник с двойной спиралью в каждом углу. Уж не знаю, каким образом он держался на Мамми.

Я не сразу рассмотрел все подробности. А затем поймал ее печальный взгляд — и мое счастье рухнуло.

Она заговорила, и стало ясно, что чудес не предвидится.

Как же мы поведем корабль? В этот раз меня стерегли очень тщательно.

Чибис с готовностью изложила наш план; тем временем я стоял ни жив ни мертв и в желудке росла льдина. Задача, ради которой я был готов

подчинить девчонку силой, оказалась неразрешимой. Оставить Мамми я не мог, Чибис тоже… а у нас только два скафандра.

Да и подошел бы Мамми наш скафандр… как змее роликовые коньки.

Мамми деликатно сообщила, что ее собственное приспособление для пребывания в вакууме разрушено. Впредь я не буду дословно переводить ее пение, да и запомнилось мне далеко не все.

Тут началась борьба. И выглядело это весьма и весьма странно. Мамми была нежной и любящей, разумной и непоколебимой, а мелкая хулиганка Чибис в слезах, как капризный младенец, выкрикивала свои доводы. Я же неприкаянно стоял рядом и не смел вмешаться.

Когда Мамми уяснила ситуацию, она немедленно пришла к неизбежному выводу. Раз ей никак не выбраться (даже в собственном скафандре она бы столько не прошла), то идти должны мы с Чибис — и сейчас же. Если спасемся, то наш долг — донести до человечества, насколько опасны Лиловый с компанией. И тогда Мамми, вероятно, тоже останется в живых… что было бы приятно, но не обязательно.

Чибис решительно, наотрез, категорически отказалась выслушивать любые планы, пред-

полагающие оставить Мамми на корабле. Если не может идти Мамми, то и она с места не сдвинется.

— Кип! Отправляйся за помощью. Шевелись! Я остаюсь.

Я уставился на нее:

— Чибис, я так не могу.

— Должен! Действуй! Через «не могу»! Если не пойдешь, я… я с тобой больше разговаривать не буду!

— А если пойду, то сам с собой больше не буду разговаривать. Послушай, Чибис, это не вариант. Должна идти ты…

— Нет!

— Вот что, помолчи хоть для разнообразия. Ты пойдешь, а я останусь у двери, с дубиной. Я их задержу, а ты поднимай войска. И передай им, чтобы поторопились.

— Я… — Она успокоилась на миг, хоть и выглядела при этом совершенно растерянной. И вдруг с рыданиями бросилась к Мамми. — Ты меня больше не любишь!

Ну ясно, совсем потеряла голову. Мамми что-то ей напевала, а я места себе не находил. Из-за дурацких споров упускаем последний шанс. Лиловый может вернуться в любую секунду, и как

бы я ни внушал себе, что сумею его прикончить, скорее всего, он сделает это со мной. Значит, тоже не вариант…

Прикинув все за и против, я сказал:

— Все пойдем.

От удивления у Чибис даже слезы высохли.

— Ты же знаешь, это невозможно.

Как, Кип? — пропела Мамми.

— Сейчас покажу. Чибис, вставай.

Мы двинулись к скафандрам, причем Чибис несла Мадам Помпадур и помогала идти Мамми. Монтажник Ларс Эклунд, первый хозяин Оскара, если верить сервисной книжке, похоже, весил не меньше двухсот фунтов. «Ушить» скафандр без потери герметичности нельзя; чтобы не болтаться внутри, я был вынужден затянуть все лямки. Длина рук и ног подходила, но в обхвате Оскар был мне велик. В нем хватит места и для меня, и для Мамми.

Пока я это объяснял, Чибис глазела на меня, а Мамми пением выражала свои сомнения и одобрения. Да, она может висеть на закорках; не сорвется, когда скафандр будет закрыт, а ремни подогнаны.

— Отлично. Чибис, лезь в скафандр.

Пока Чибис снаряжалась, я сбегал за носками.

Вернувшись, посмотрел на зеркальную индикацию ее шлема.

— Надо подкачать воздуха. Твои баллоны заполнены только наполовину.

Это была серьезная неприятность. Запасные баллоны, которые я реквизировал у двух упырей, были, как и мои, с нормальными резьбовыми штуцерами, но баллоны в скафандре Чибис имели дурацкие байонетные стыки. Туристы — народ изнеженный, непрестанно опекаемый няньками, — впадают в панику при малейшей задержке со сменой баллона. Для серьезной работы такая конструкция не годилась. У себя в мастерской я бы смастерил переходник за двадцать минут. Но здесь, без необходимых инструментов… Этот запасной воздух с тем же успехом мог остаться на Земле.

Тут я всерьез подумал, не совершить ли одиночный марш-бросок за помощью. Но не стоило и заикаться об этом. Чибис лучше умрет, чем сдастся черверотому, — и я ее понимал.

— Детка, — выдавил я, — воздуха маловато. Не хватит на сорок миль.

Ее приборы показывали запас воздуха и оставшееся время. Пять часов… Сможет ли Чибис — даже на Луне — преодолеть сорок миль, даже

трусцой? Вряд ли.

Я встретил ее спокойный взгляд.

— Прибор рассчитан на взрослого. Я маленькая — мне нужно меньше воздуха.

— Хм… не расходуй его слишком быстро.

— Не буду. Пошли.

Я стал застегивать ее скафандр.

— Стой! — запротестовала она.

— Что еще?

— Мадам Помпадур! Дай ее мне… пожалуйста. Она на полу, у меня под ногами.

Я подобрал несуразную куклу и вручил Чибис.

— А ей сколько воздуха нужно?

Чибис улыбнулась:

— Попрошу, чтобы не дышала.

Она засунула куклу за пазуху, я загерметизировал ее скафандр. Влез в свой. Мамми забралась мне на плечи и тесно прижалась, мурлыча что-то ободряющее. Она сидела удобно, и я почувствовал, что смог бы пройти сотню миль, только бы они с Чибис были в безопасности.

Шнуроваться было нелегко — требовалось сначала распустить лямки, потом затянуть с учетом размера Мамми, а руки и у меня, и у Чибис уже были в перчатках. Но мы справились.

Из бельевой веревки я сделал хомут для запас-

ных баллонов и повесил их на шею. Мамми на закорках, сам Оскар — со всем этим на Луне я весил фунтов пятьдесят. Но наконец-то я твердо стоял на ногах.

Я вытащил нож, которым заклинивал замок шлюза, и пристегнул его к поясу Оскара, рядом с нейлоновой веревкой и геологическим молотком. Мы вошли в шлюз и закрыли внутреннюю дверь. Я не знал, как выпустить воздух наружу, но Чибис была в курсе. Стравливаемый воздух зашипел.

— Как ты, Мамми?

— Держусь, Кип. — Она прильнула ко мне.

— «Чибис» — «Майскому жуку», — услышал я в наушниках, — проверка связи. Раз-раз-раз, раз-два, прием…

— «Майский жук» — «Чибису», раз-раз-раз, слышу хорошо, прием…

— Слышу тебя, Кип.

— Принято.

— Следи за давлением, Кип. Ты раздуваешься.

Я глянул на индикатор и шлепнул подбородком по клавише, ругнувши себя за то, что девчонка поймала меня на такой ерунде. Но она-то в скафандре по Луне уже ходила, а я — зеленый новичок.

Не время дуться.

— Чибис? Готов слушать любые советы.

— Хорошо, Кип.

Внешняя дверь бесшумно отворилась внутрь, и я увидел тускло светящуюся лунную равнину. На мгновение ощутил тоску по дому, вспомнил детские игры в «путешествие на Луну». Как бы я хотел оказаться сейчас в Сентервилле!

Чибис прижала свой шлем к моему:

— Видишь кого-нибудь?

— Нет.

— Нам повезло, дверь не просматривается с других кораблей. Слушай внимательно. Радировать нельзя, пока за горизонт не зайдем, разве что уж совсем припрет. Они прослушивают наши частоты, это я знаю точно. Видишь вон ту гору с седловиной? Кип, да куда ты смотришь!

— Да-да… — Я загляделся на Землю.

Она была прекрасна даже в том планетарии, но я и представить себе не мог, как это будет наяву. Земля рядом, только руку протяни… и такая далекая. Вернемся ли мы домой? Знали бы вы, какая у нас красивая планета! Это надо увидеть своими глазами… Облака, клубящиеся вдоль ее пояса, льды на полюсе — точно кокетливая весенняя шляпка.

— Да, я вижу перевал.

— Пойдем левее, к перевалу. Тим и Джок везли меня там на вездеходе. Найдем его следы, будет проще. Сначала надо добраться до тех холмов, левее перевала, — наш корабль заслонит нас, и сможем уйти… если повезет.

До поверхности было около двенадцати футов, и я хотел спрыгнуть, ведь при такой гравитации это пустяк. Чибис настояла на том, чтобы спустить меня на веревке.

— Кувыркнешься. Слушай, Кип, старую тетю Чибис, она знает, что говорит. У тебя ноги еще не приспособились к Луне. Это как первый раз на велосипед сесть.

Так что она спустила нас с Мамми, привязав нейлоновый шнур к замку. Потом легко спрыгнула. Я начал сматывать веревку, но Чибис остановила меня и пристегнула свободный конец к своему поясу, потом прижалась ко мне шлемом.

— Я поведу. Если пойду слишком быстро или понадоблюсь, дерни за веревочку. Не забывай, я вас не вижу.

— Есть, капитан!

— Не шути, Кип. Это серьезно.

— Я не шучу, Чибис. Ты командир.

— Пошли. Не верти головой, упадешь. Курс — на холмы.

Глава 6

Мне бы млеть от причудливой романтики, но я был занят, как Элиза, переходящая замерзшую реку[10], а те, кто мог идти по пятам, были хуже гончих псов. Хотелось оглянуться, но нужно было удерживаться на ногах. Я не видел, куда ступаю; приходилось смотреть вперед и соизмерять каждый шаг, и я был внимателен, как лесоруб на состязаниях по логроллингу. Идти не скользко, грунт шершавый — пыль и тонкий песок, а под ними скала. Пятидесяти фунтов веса оказалось достаточно для надежного сцепления подошв с почвой. Однако оставались триста фунтов массы; инерция издевалась над приобретенными за жизнь рефлексами. Приходилось крениться при малейшем повороте, откидываться назад, зарываться ногами в песок, тормозя, и наклоняться вперед, набирая ход.

Я мог бы нарисовать схему усилий и перемещений, но какой в том прок? Сколько времени

---

[10] notes: 10

Подразумевается сцена из романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Элиза бежит по льдинам во время ледохода, спасаясь от погони.

младенец учится ходить? А новорожденный обитатель Луны постигал эту науку в процессе форсированного марша, полуслепой, на максимально возможной скорости.

Так что у меня не было времени размышлять о невероятности происходящего.

Чибис перешла на рысь, она все нажимала. Веревка то и дело натягивалась, я отчаянно старался идти быстрее и не падать при этом.

Мамми пропела в спину:

Все в порядке, Кип? Кажется, ты нервничаешь.

— Я… в порядке! Как… вы?

Мне очень удобно. Не надорвись, дорогой.

— Ладно.

Оскар делал свое дело. Я потел от натуги и от солнца, но не нажимал подбородком на рычажок, пока не заметил на индикаторе цвета крови, что начинается гипоксия. Система работала безупречно, при давлении в четыре фунта сочленения не досаждали; сказывались долгие часы тренировок на пастбище. Так что у меня оставалась единственная забота — не натыкаться на бугры и ямы и искать колею вездехода.

Мы добрались до холмов минут за двадцать. Первый же поворот, который Чибис сделала на этих кочках, застал меня врасплох, и я чуть не

упал. Она притормозила и вошла в расселину. Я приблизился, и мы соприкоснулись шлемами.

— Как ты?

— Нормально.

— Мамми, слышишь меня?

Да, дорогая.

— Тебе удобно? Хорошо дышится?

Вполне. Наш Кип очень заботлив.

— Вот и отлично. Веди себя хорошо, Мамми.

Конечно, дорогая.

Каким-то образом в свою птичью трель она вложила снисходительный смешок.

— Кстати, о дыхании, — сказал я Чибис. — Давай-ка проверим твой баллон.

Я попытался заглянуть в ее шлем.

Она отвернулась, потом придвинулась опять.

— У меня все в порядке!

— Это ты так думаешь.

Я взялся за ее шлем обеими руками, но не смог увидеть приборную панель — на слепящем солнце заглядывать в скафандр все равно что ночью пялиться в колодец.

— Что на приборах? И не вздумай соврать!

— Не суй нос куда не надо.

Я развернул ее и глянул на манометры баллонов. Один резервуар был пуст, другой почти

полон.

Я прижался к ее шлему.

— Чибис, — медленно сказал я, — сколько миль мы уже прошли?

— Около трех, я думаю. А что?

— Значит, нам идти еще миль тридцать?

— Если не тридцать пять. Кип, не психуй. Что один баллон пуст, я знаю; переключилась на полный перед тем, как мы остановились.

— На одном баллоне ты не пройдешь тридцать пять миль.

— Пройду… потому что должна пройти.

— Слушай, у нас воздуха — полно. Я придумаю, как перекачать.

Я полностью погрузился в эту проблему. Вспоминал, какие инструменты на поясе, что можно использовать.

— Кип, ты же знаешь, нельзя подключить запасные баллоны к моему скафандру — так что заткнись!

В чем дело, милые мои? Почему вы ссоритесь?

— Мы не ссоримся, Мамми. Просто Кип нудит.

Ну, ребята…

— Чибис, я согласен, что не смогу подключить баллоны к твоему скафандру, — сказал я. — Но придумаю, как перезарядить твой баллон.

— Как, Кип?

— Предоставь это мне. Я потренируюсь на пустом баллоне; если не получится, мы ничего не потеряем.

— Сколько времени это займет?

— Десять минут, если повезет. Если нет — полчаса.

— Отпадает, — решила она.

— Ну, Чибис, не говори ерун…

— Я не говорю ерунды! Пока не дошли до гор, мы как жук на тарелке. До гор я дотяну. Там отдохнем и заполним баллон.

Резонно.

— Вот и хорошо.

— Ты быстрее идти можешь? Если не успеем дойти до гор незамеченными…

— Быстрее — могу. Вот только эти чертовы баллоны…

— А-а-а… — Она остановилась и нерешительно спросила: — Может, один скинешь?

— Что? Ну нет! Просто из-за них я теряю равновесие. Раз десять чуть не брякнулся. Чибис, можешь связать их, чтобы не болтались?

— Ну конечно.

Уходя, я перекинул баллоны через шею, и они свешивались на грудь — не очень элегантно, но я

торопился. Теперь Чибис прочно соединила их с моими собственными баллонами. Мамми сидела у меня за спиной — наверняка ей было тесно, как на распродаже в черную пятницу. Чибис пропустила шнур под моим поясом и прихватила им хомут. Она сказала, прикоснувшись шлемом:

— Надеюсь, теперь нормально.

— А ты сделала плоский узел?

Она глянула и виновато призналась:

— Нет, женский… Все, теперь плоский.

— Хорошо. Подоткни концы под пояс, чтобы я за них не зацепился, а то вспашем носом землю. Ты как?

— Угу, — медленно проговорила Чибис. — Только жвачку жалко, хотя она была совсем старая. В горле пересохло.

— Хлебни воды. Только немного.

— Кип! Не смешно.

Я уставился на нее:

— Чибис… в твоем скафандре нет воды?

— Ты что, свихнулся?

У меня челюсть отвисла.

— Но, детка, — беспомощно сказал я, — что ж ты не набрала воды перед выходом?

— Ты о чем? В твоем скафандре есть емкость для воды?

Я потерял дар речи. Оказывается, у нее прогулочный скафандр — для этих «живописных экскурсий по величавому древнему лику Луны», обещанных рекламой. Точно рассчитанные прогулки, не дольше получаса, разумеется, с гидом… Так зачем нужна вода? Не дай бог какой-нибудь турист поперхнется, или откусит наконечник и утонет в собственном шлеме, или еще что в том же духе. Да оно и дешевле.

Я задумался: чем еще опасна эта экономная экипировка, ведь от нее зависит жизнь Чибис.

— Извини, — виновато сказал я. — Послушай, я придумаю, как переправить тебе воду.

— Вряд ли получится. Я не умру по пути от жажды, так что перестань волноваться. Со мной все нормально. Просто жалко, что нет жвачки. Готов?

Ну… готов.

Холмы были всего лишь гигантскими наплывами лавы; их мы преодолели быстро, хотя пришлось осторожничать. Поверхность за холмами казалась глаже, чем запад Канзаса. Равнина тянулась до близкого горизонта, за которым торчали блестящие на солнце горы. Они выделялись на черном небе, словно вырезанные из картона. Я попытался вычислить расстояние до горизонта,

зная, что радиус Луны тысяча миль, а глаз находится на высоте шести футов, но не смог сделать это в уме и пожалел, что при мне нет логарифмической линейки. Казалось, до горизонта не больше мили.

Чибис дождалась меня, прикоснулась шлемом:

— Все в порядке, Кип? Как ты, Мамми?

— Вполне.

Все хорошо, дорогая.

— Кип, когда меня тащили, от прохода в горах курс был на восемь градусов к северо-востоку. Я слышала, как они спорили, и заглянула в карту. Так что сейчас надо назад, на запад, восемью градусами южнее… Это без учета нашей пробежки до холмов, но выйдем достаточно близко к проходу. Согласен?

— Звучит шикарно. — Меня действительно впечатлило. — Чибис, ты, наверное, в прошлой жизни была индейцем-разведчиком! А может, самим Дэви Крокеттом.

— Ну, карту читать все умеют. — Судя по голосу, она была польщена. — Сверим компасы. У тебя на Земле какая была поправка?

«Оскар, — мысленно сказал я, — ты меня подводишь. Я ей пенял, что в ее скафандре нет воды, — а у тебя нет компаса».

Оскар запротестовал:

Обижаешь, друг! Зачем мне компас на Второй орбитальной? А насчет Луны вообще не было разговоров.

Вслух я произнес:

— Чибис, этот скафандр предназначен для работы на орбитальных станциях. Какой толк от компаса в открытом космосе? Мне никто не обещал, что я попаду на Луну.

— Вот черт!.. Ладно, проехали, не реветь же по этому поводу. Ты можешь ориентироваться по Земле.

— А почему я не могу ориентироваться по твоему компасу?

— Не говори глупостей, он встроен в шлем. Так, минуточку…

Она повернулась к Земле, потом в разные стороны. И снова прижалась шлемом.

— Земля точно на северо-западе… значит, наш курс — пятьдесят три градуса влево. Попробуй определиться. Угловой размер Земли два градуса, как тебе известно.

— Это мне еще до твоего рождения было известно.

— Не сомневаюсь. Некоторые без форы не могут.

— Тоже мне, академик нашелся!

— Ты первый начал грубить!

— Ладно… Оставим споры на потом. У тебя два шара форы.

— Очень надо! Ты еще не знаешь, как я могу…

— Не знаю, но догадываюсь.

Ребята! Ребята!

— Извини, Чибис.

— Тоже извини. Я слишком легко раздражаюсь. Скорее бы туда.

— Это точно. Давай-ка я прикину курс.

Я посчитал градусы, взяв за мерило Землю. Зрительно отметил место. Пятьдесят три градуса — сколько это процентов от девяноста? Результаты не совпали, и я попробовал найти какие-нибудь звезды, чтобы сориентироваться по ним. Говорят, что с Луны видны звезды даже днем. Видны, если хорошенько поискать. Солнце было у меня за спиной, но я стоял лицом к Земле, видимой в три четверти, и еще мешало ослепительное сияние лунной поверхности. Поляризатор убирал часть блеска, но вместе с ним и свет звезд.

Поэтому я взял среднее от моих результатов и отметил эту точку.

— Чибис? Видишь вон тот пик, у него слева

что-то вроде подбородка? Думаю, это довольно точный ориентир.

— Дай проверить. — Она глянула на компас. — Похоже, Кип. Наш курс правее всего на три градуса.

Я был польщен.

— Вперед?

— Да. За перевалом, точно на западе, будет станция Томбо.

До гор было около десяти миль; мы их одолели быстро. На Луне все получается быстро — если поверхность ровная и если держишь равновесие. Чибис все ускоряла шаг, и вот уже мы почти летим, прыгая длинно и низко, по-страусиному, — а вы сами знаете, что быстро бежать легче, чем медленно. После того как приспособишься, самое страшное — опрокинуться, налетев на скалу или угодив в яму. Серьезная опасность, на такой скорости легко оступиться. Я не боялся упасть; был уверен, что Оскар выдержит. Но, рухнув на спину, я мог раздавить Мамми.

И я волновался за Чибис. Эти идиотские прогулочные скафандры не такие крепкие, как Оскар. Мне случалось читать о взрывной декомпрессии — вот уж чего не дай бог увидеть. Особенно если это случится с девчушкой. Но предупредить ее по

радио я не осмеливался, хотя мы, наверное, уже вошли в радиотень. А если дернуть за бечевку, она может упасть.

Равнина начала повышаться, и мы пошли медленнее. Еще какое-то время шагали, потом стали карабкаться по склону, покрытому щебнем. Я оступился, но приземлился на руки и легко поднялся — одна шестая гравитации имеет и преимущества, не только недостатки. Мы добрались до вершины, и Чибис завела нас в небольшую трещину. Она остановилась и прикоснулась шлемом:

— Эй, есть кто-нибудь в домике? Вы как?

Все порядке, дитя мое.

— Разумеется, — подтвердил я, — правда, немножко устали. — Это было мягко сказано, но если уж Чибис держалась, то я и подавно не мог ударить в грязь лицом.

— Можно отдохнуть, — ответила она, — и расслабиться. Я хотела побыстрее уйти с открытого пространства. Здесь нас нипочем не найдут.

Я решил, что она права. Конечно, пролетающий мимо корабль способен нас засечь, если нижний обзор у черверотых так же хорош, как верхний, ведь это, возможно, переключается одной кнопкой. И все же наши шансы возросли.

— Пора заняться твоим баллоном.

— Хорошо.

Нельзя было терять времени — второй баллон опустел больше чем на треть, даже почти на половину. На нем до станции Томбо она не дотянет — простая арифметика. Так что я скрестил пальцы на счастье и взялся за дело.

— Чибис, сможешь распутать эту кошачью колыбельку?

Пока девочка возилась с узлами, я собрался попить, но устыдился. Чибис, должно быть, уже язык жует, чтобы собственной слюной утолить жажду, — а я все не могу сообразить, как переправить ей воду. Резервуар находится внутри моего шлема, и добраться до него снаружи невозможно — мы с Мамми погибли бы при попытке.

Если выживу и стану инженером, я это исправлю!

Но потом я решил, что глупо не пить самому, если Чибис не имеет такой возможности, — от моей дееспособности зависят наши жизни. Так что я попил, съел три таблетки сублимированного молока, таблетку соли, потом еще глотнул воды. Сразу полегчало, но все же я надеялся, что Чибис ничего не заметила. Впрочем, она была занята шнуром, да и сквозь стекло шлема плохо видно.

Я снял пустой баллон со спины Чибис, тщательно проверил, убедился, что внешний клапан закрыт. По идее, в месте соединения воздуховода со шлемом клапан односторонний, но я больше не доверял ее скафандру; возможно, конструкторы еще на чем-нибудь сэкономили. Я положил пустой баллон на землю рядом с полным, осмотрел их и повернулся к Чибис:

— Отсоедини левый баллон у меня на спине.

— Зачем, Кип?

— Просто делай, что говорю. — Я мог бы объяснить, но не хотел ввязываться в спор.

В этом баллоне был чистый кислород, в других — кислородно-гелиевая смесь. Он был полнехонек, разве что я чуть-чуть потратил прошлой ночью в Сентервилле. И уж если невозможно заправить ее баллон полностью, логика подсказывает наполовину заправить его чистым кислородом.

Она умолкла и сняла баллон.

Я стал соображать, как уравнять давление в баллонах с несовпадающей резьбой. Почти без инструментов, в четверти миллиона миль от Земли сделать это как следует невозможно, — и даже оттого, что станция Томбо рядом, не легче.

Но у меня был моток липкой ленты.

В инструкции к Оскару говорилось о двух наборах первой помощи. Не знаю уж, что в них должно было находиться; в списке значились только артикулы номенклатуры ВВС. Я так и не додумался, что может быть полезным в наборе, носимом вне скафандра, — возможно, шприц для подкожных инъекций, достаточно острый, чтобы проткнуть оболочку и ввести человеку морфин. Не зная, чем оснастить аптечки, я положил и во внешнюю, и во внутреннюю бандаж, бинт и рулончик пластыря.

На него-то я и надеялся.

Я свел концы воздуховодов, сорвал обертку с бандажной ленты и обмотал место соединения — был риск, что липкое вещество помешает потом присоединить воздуховод к скафандру. Затем покрыл стык пластырем, наматывая очень плотно и тщательно, с запасом в три дюйма с каждой стороны. Лента и сама может продержаться несколько секунд, но очень уж велика сила, которая попытается разорвать стык. Я извел весь рулончик.

После этого поманил Чибис, и мы соприкоснулись шлемами.

— Я сейчас открою клапан на полном баллоне. На пустом уже открыт. Когда увидишь, что я

начинаю закрывать клапан полного баллона, тут же закрывай клапан пустого. Поняла?

— Закрывать клапан синхронно с тобой. Задача ясна.

— Приготовься. Положи руку на клапан.

Я как можно сильнее зажал перебинтованные воздуховоды в кулаке, положил другую руку на клапан. Если соединение порвется, напор кислорода сбросит мою руку. И тогда маленькой Чибис долго не прожить. Поэтому я вцепился изо всех сил.

Следя за обоими приборами, я чуть сдвинул клапан. Шланг воздуховода изогнулся; стрелка прибора на отметке «пусто» задергалась. Я открыл клапан полностью.

Одна стрелка скакнула влево, другая вправо. Обе быстро приближались к середине. «Давай!» — бессмысленно завопил я и начал закрывать клапан.

И почувствовал, что стык расходится.

Шланги выскочили у меня из руки, но газа улетучилось немного. До меня дошло, что я пытаюсь крутить плотно закрытый клапан. Свой клапан Чибис уже задраила. Обе шкалы показывали чуть меньше половины — теперь у Чибис был воздух.

Я вздохнул и понял, что все это время не ды-

шал.

Чибис прижалась ко мне шлемом и сказала очень спокойно:

— Спасибо, Кип.

— Аптека Чартона к вашим услугам, мэм. Ваша сдача, мэм. Чаевых не нужно, мэм. Сейчас я тут приберусь, потом вы привяжете меня, и пойдем.

— Теперь тебе нужно нести только один лишний баллон.

— Ошибаешься, Чибис. Мы сможем проделать этот трюк пять или шесть раз, пока там еще шипит. — «Или пока держит пластырь», — добавил я про себя.

Первое, что я сделал, — это смотал ленту в рулончик. Если думаете, что это легко, попробуйте сами, когда вы в перчатках, а липкий слой стремительно засыхает.

Несмотря на бинт, липучка в стык проникла. Но сразу засохла и легко отшелушилась от байонетного стыка. Я не беспокоился насчет резьбового соединения — полагал, что оно уже не понадобится. Мы взгромоздили на Чибис ее перезаряженный баллон, и я предупредил, что там чистый кислород.

— Уменьши давление и пользуйся обоими баллонами. Что у тебя с цветом крови?

— Я поддерживаю режим дефицита кислорода.

— Дура! Хочешь коньки отбросить? Жми рычажок! Доводи до нормального уровня!

Один из украденных мной баллонов мы повесили мне на спину, второй и тот, что с кислородом, привязали спереди и двинулись.

Земные горы не таят особых неожиданностей. О лунных этого не скажешь, ведь они формировались без участия воды. Мы уперлись в расщелину, по отвесным стенкам которой нельзя было спуститься без веревки, а подняться вряд ли и с веревкой. С крючьями и карабинами, без скафандров, в Скалистых горах это бы не составило труда. Но в нашем положении… Чибис неохотно повела нас обратно. Вниз по щебню двигаться было куда сложнее — я съезжал на руках и коленях, а Чибис страховала меня веревкой. Я хотел было изобразить героя и подстраховать ее — и мы опять поругались.

— Перестань корчить галантного идиота, Кип! Ты прешь на себе четыре баллона и Мамми, а я козой прыгаю…

Я умолк.

Спустившись, она прикоснулась к моему шлему.

— Кип, — сказала она с беспокойством. — Я не

знаю, что делать.

— В смысле?

— Я держалась немного к югу от следа вездехода. Не хотела идти прямо по его колее. Но теперь мне кажется, что другого пути нет.

— Надо было раньше сказать.

— Но это же для того, чтобы нас не нашли. Искать-то будут по колее.

— М-да. — Я глянул на гряду, которая нас остановила.

На фотографиях лунные горы выглядят высокими, острыми и неровными; сквозь гермошлем они кажутся неприступными.

Я снова прикоснулся к ее шлему:

— Мы бы поискали другую дорогу, будь у нас время, воздух и ресурсы крупной экспедиции. Но придется идти прежним маршрутом. Куда?

— Чуть севернее… кажется.

Мы попытались пройти севернее вдоль подножий холмов, но путь оказался трудным и долгим. В конце концов вернулись на край равнины. Пришлось попрыгать, но мы не могли рисковать. Двигались быстро, но не бежали, боялись пропустить следы вездехода. Я считал шаги и, когда дошел до тысячи, потянул за веревку. Чибис остановилась, и я сказал ей через шлем:

— Мы прошли полмили. Сколько еще осталось, как думаешь? Мы не могли пропустить колею?

Чибис посмотрела на горы.

— Не знаю, — сказала она. — Все выглядит незнакомо.

— Заблудились?

— Ох… Колея должна быть где-то впереди. Но мы уже далеко зашли. Хочешь повернуть?

— Чибис, я даже не знаю, где здесь почта.

— Что же нам делать?

— Думаю, надо идти вперед, пока ты не убедишься, что маршрут неверный. Высматривай проход, а я буду искать колею. Когда скажешь, что мы точно зашли слишком далеко, повернем назад. Мы не можем метаться, как собака за кроликом.

— Ладно.

Я насчитал две тысячи шагов, то есть еще одну милю, когда Чибис остановилась.

— Кип? Дальше колеи быть не может. Горы здесь выше и круче.

— Уверена? Подумай хорошенько. Лучше пройти лишние пять миль, чем чуть-чуть не дойти.

Она колебалась. Ее лицо было прижато к гермошлему, и я видел, что она хмурится. Наконец сказала:

— Колеи впереди нет, Кип.

— Это решает дело. Назад, шагом марш! «Макдуф, начнем, кто первым крикнет: „Стой!“ — тот проклят будет!»[11]

— «Король Лир».

— «Макбет». Пари?

Колея была позади всего в полумиле — в первый раз я проглядел ее. Солнце светило мне в спину, и следы гусениц на голой скале с тончайшим слоем пыли были почти не видны — я и во второй раз чуть не прошел мимо.

Они повели нас прочь с равнины, прямо в горы.

Без этих следов мы бы ни за что не перебрались на ту сторону. Чибис была оптимистична, как ребенок. Ведь мы шли не по дороге, а по следу гусеничного вездехода. Кое-где не прошел бы даже он, если бы кто-то не расчистил путь взрывчаткой. Сомневаюсь, что эту козью тропу пробивали Толстый и Тощий; они не смахивали на любителей тяжелой работы. Возможно, поработала одна из исследовательских партий. Если бы мы с Чибис не отказались от попытки найти другой проход, так и остались бы там — достопримеча-

---

[11] notes: 11
Перевод Ю. Корнеева.

тельности для будущих поколений туристов.

Однако где прошел вездеход, там и человек пройдет. Конечно, это не увеселительная прогулка, а тяжелый труд, все вверх, вверх и вверх — и не хватайся за шаткие камни, смотри, куда ставишь ногу. Иногда приходилось страховаться веревкой. Нудное и скучное занятие.

Когда Чибис израсходовала свой кислород, мы остановились, и я снова выровнял давление в баллонах, отдав на этот раз только четверть заправки — по принципу Ахиллеса и черепахи. Мы могли бы до бесконечности так делиться половинками, лишь бы выдержал пластырь. Он уже вконец облез, но давление было теперь вдвое меньше, я сумел удержать шланги, пока мы закрывали клапаны.

Должен сказать, что я переносил дорогу довольно легко. У меня была вода, пища, декседрин. Последний очень помогал; как только я выдыхался, спасала живительная таблетка. У бедняжки Чибис не было ничего, кроме воздуха и отваги.

У нее не было даже системы охлаждения, как у меня. Поскольку она пользовалась дыхательной смесью с большим содержанием кислорода, вентиляция была слабой и ее не хватало для охлаждения тела; я напомнил Чибис, что надо

беречь воздух для дыхания.

— Знаю, Кип, — отозвалась она с обидой. — Стрелка как раз на красной отметке. Ты меня за дурочку держишь?

— О твоей жизни забочусь.

— Только не надо обращаться со мной как с ребенком. Ты, главное, ноги переставляй, об остальном я сама позабочусь.

— Не сомневаюсь.

Мамми тоже каждый раз уверяла, что все в порядке. Воздух у нее был тот же, что и у меня, но я не знал, что ей приходится нелегко. Подвесь человека за ноги — и он умрет через сутки. Для летучей мыши это приятный отдых, но мы с летучими мышами не близкие родственники.

Пока мы карабкались, я разговаривал с ней. Не важно о чем; ее щебет действовал на меня как подбадривающие крики болельщиков. У бедной Чибис не было даже такой поддержки. С Мамми она общалась, только когда мы останавливались и соприкасались шлемами. Мы все еще не пользовались радио — даже в горах боялись себя выдать.

Вот новая остановка, и я отдаю Чибис одну восьмую заправки. Липкая лента совсем испортилась; я сомневался, послужит ли она еще раз. Я сказал:

— Чибис, может, израсходуешь твою кислородно-гелиевую смесь до конца, а я понесу этот баллон? Сбережешь силы.

— Я не устала.

— Меньше груз — меньше расход воздуха.

— У тебя должны быть свободными руки. Вдруг поскользнешься?

— Чибис, я не в руках понесу. Правый баллон у меня пустой, я его выброшу. Просто поменяемся баллонами, у меня их будет по-прежнему четыре, вдобавок лучше уравновешенные.

— Хорошо. Только я понесу два баллона. Честно, Кип, вес ничего не значит. А если я истрачу всю кислородно-гелиевую смесь, чем буду дышать, пока мы заправляем баллон?

Не хотелось говорить ей, что маловато шансов заправить мизерное количество, которое еще оставалось.

— Идет.

Мы поменяли баллоны, выкинули пустой в глубокую черную яму и продолжили путь. Не знаю, как далеко мы забрались и сколько это продолжалось. Казалось, ползем уже который день — хотя не протянули бы так долго с нашим запасом. Миля за милей, следуя вдоль колеи, мы вскарабкались по меньшей мере на восемь тысяч

футов. За точность не ручаюсь, но я видел горы, чья высота мне известна. Можете сами посмотреть в справочнике — первая гряда к востоку от станции Томбо. Это серьезное восхождение, даже при одной шестой *g*.

Путь казался бесконечным, потому что я не представлял ни пройденного расстояния, ни потраченного времени. Часы были у нас обоих — на руках под скафандрами. В шлемах хронометры отсутствовали. Есть способ определить время по Гринвичу, посмотрев на Землю. Но этого я не умел, к тому же почти всегда Землю закрывали горы. И мы не знали, когда покинули корабль.

Чего еще не хватало в скафандрах, так это зеркала заднего обзора. Конечно, не помешало бы и окошко у подбородка, чтобы видеть, куда ставишь ногу. Но если выбирать, я бы предпочел зеркало. Оглянуться невозможно, приходится поворачиваться всем телом. Каждые несколько секунд мне хотелось посмотреть, нет ли погони, — но я не мог тратить на это силы. Все время казалось, что нам дышат в затылок, чудилась рука черверотого на плече. Я со страхом вслушивался, хотя в вакууме шаги не звучат.

Будете покупать скафандр, потребуйте, чтобы его оснастили зеркалом заднего вида. Пусть вам

не понадобится убегать от черверотых, но даже лучший друг, подкрадывающийся сзади, действует на нервы. Да, захватите зонтик от солнца. Оскар старался изо всех сил, и в «Йорке» делают кондиционеры на совесть — но Солнце, не смягченное атмосферой, палит нещадно, а я не смел тратить воздух для охлаждения, во всяком случае тратил не больше, чем Чибис.

Становилось жарче, с меня тек пот, вся кожа зудела, но почесаться было невозможно. Пот жег глаза. Чибис, должно быть, уже сварилась. Даже когда колея проходила по глубоким расщелинам, освещенным только отраженным светом, и приходилось включать нашлемные фонари — все равно было жарко. Когда же мы снова выбирались на солнце, пе´кло становилось почти невыносимым. Искушение нажать подбородком на рычажок и впустить воздух было слишком велико. Желание охладить тело брало верх над необходимостью дышать.

Будь я один, наверное, так бы и сделал — и умер. Но Чибис приходилось хуже, чем мне. И раз она до сих пор выдержала, я тоже не мог сдаться.

Раньше я удивлялся, как нам удалось заблудиться так близко от человеческого жилья — и как хитроумно чудовища спрятали свою базу

всего в сорока милях от станции Томбо. Что ж, у меня было время поразмыслить. Оглядывая лунную поверхность, я понял причину.

В сравнении с Луной Арктика просто кишит людьми. Площадь Луны примерно с Азию — а народу там меньше, чем в Сентервилле. На исследование равнины, где обосновались черверотые, могло уйти столетие.

С пролетающей ракеты ничего не заметить, даже не будь база замаскирована. Пешком человек в скафандре туда не дойдет. Человек в вездеходе наткнулся бы на это логово только случайно, даже если бы пробрался нашим путем и исколесил всю равнину.

Был еще лунный картографический спутник, который делал снимки поверхности. Но слишком мала вероятность, что фотограмметрист в Лондоне обнаружил бы нечто необычное. Возможно, обнаружил бы. Возможно, еще через несколько лет кто-нибудь попытался бы проверить — если бы ему не помешало что-то более срочное. У первопроходцев все необычно и все срочно.

Что же до радарных наблюдений… так необъясненных радарных наблюдений хватало еще до моего рождения.

Пиратское логово у станции Томбо под самым

боком, расстояние меньше, чем между Далласом и Форт-Уэртом. Но, сидя там как мышь, черверотый мог ни о чем не беспокоиться. Слишком много квадратных миль, слишком мало людей.

Нашим миром стали острые сверкающие скалы, и темные тени, и черное небо. Мы все шли и шли, и казалось, не будет конца этому нудному переставлению ног.

И все же теперь мы чаще спускались, чем поднимались, и вдруг за поворотом открылась раскаленная блестящая равнина. Непостижимо далеко впереди виднелись горы; даже с высоты тысячи футов казалось, что они за линией горизонта. Я оглядел эту равнину, слишком измотанный, чтобы радоваться, потом посмотрел на Землю и попытался найти запад.

Чибис прикоснулась шлемом:

— Вон там, Кип.

— Где?

Она указала, и я уловил отблеск серебристого купола.

Мамми издала трель у меня за спиной:

Что вы видите, ребята?

— Станцию Томбо, Мамми.

Ответом был ободряющий щебет — мы хорошие детки, и она знала, что мы справимся.

До станции было, наверное, миль десять. Расстояния там трудно определять — горизонт диковинный, ориентиров нет. Я даже не понял, какого размера купол.

— Чибис, попробуем связаться по радио?

Она повернулась и посмотрела назад. Я тоже вгляделся; мы были совершенно одни.

— Давай рискнем.

— На какой частоте?

— На той же, наверное. Диапазон космической связи.

Я попробовал:

— Станция Томбо. Станция Томбо, прием. Вы меня слышите?

Потом попыталась Чибис. Я перебрал все частоты, на которых работала рация. Безуспешно.

Я переключился на направленную антенну, ориентируясь на отблеск купола. Никакого ответа.

— Мы зря теряем время, Чибис. Вперед.

Она медленно повернулась. Почувствовав ее разочарование — сам дрожал от волнения, — я догнал ее и прикоснулся к шлему:

— Не расстраивайся, Чибис. Не могут же они сидеть на приеме весь день напролет. Станцию мы видим, теперь дойдем.

— Я знаю, — ответила она тусклым голосом.

Тронувшись с места, мы сразу потеряли из виду станцию Томбо, не только из-за поворотов, но и потому, что она скрылась за горизонтом. Я вызывал, пока оставалась какая-то надежда, потом отключился, экономя воздух и батареи.

Мы прошли почти половину спуска, когда Чибис замедлила шаг, остановилась, осела на землю и замерла.

Я заспешил к ней:

— Чибис!

— Кип, — вяло сказала она. — Можешь привести кого-нибудь? Пожалуйста! Ты знаешь дорогу. Я подожду здесь. Пожалуйста, Кип!

— Чибис! — рявкнул я. — Вставай! Ты должна идти.

— Н-не могу. — Она заплакала. — Так хочется пить… и ноги… — Она потеряла сознание.

— Чибис! — Я потряс ее за плечо. — Нельзя так! Мамми! Скажи ей что-нибудь!

У Чибис дрогнули веки.

— Еще, Мамми! Говори с ней, не прекращай!

Я отпустил Чибис и взялся за дело. Гипоксия сшибает человека мгновенно, как удар в челюсть. Не нужно было убеждаться, что указатель цвета крови стоит на «Опасно», — все было видно по

манометрам. Кислородный баллон пуст, второй баллон почти пуст. Я закрыл выпускные клапаны, переключил клавишу под подбородком Чибис на внешнее управление и стравил в ее шлем остатки кислородно-гелиевой смеси. Когда скафандр начал раздуваться, я перекрыл поток воздуха и чуть-чуть приоткрыл один из выпускных клапанов. И только после этого закрыл блокирующие клапаны и снял опустевший баллон.

И уперся в дурацкую проблему.

Чибис слишком хорошо приторочила баллоны; я не мог дотянуться до узла! Левой рукой его нащупывал, но правой не дотягивался. Мешал висящий спереди баллон — а одной рукой узел не развяжешь.

Я заставил себя не паниковать. Ну конечно! У меня есть нож. Старый скаутский нож с поясной петлей, на ней он сейчас и висел. Но крючок на поясе Оскара был слишком широк, пришлось его поджать, и теперь нож не снимался. Я дергал его, пока петля не лопнула.

Мне никак не удавалось открыть маленькое лезвие. У перчаток скафандра нет ногтей.

«Кип, хватит бегать по кругу, — сказал я себе. — Все, что тебе нужно сделать, — это открыть нож. И ты обязан справиться — потому что Чи-

бис задыхается». Я огляделся в поисках тонкого камешка… Нет ничего, что сгодилось бы вместо ногтя. Перебрал инструменты на поясе.

Меня выручил геологический молоток с узкой кромкой. Я перерезал веревку.

Но этого было мало. Необходимо было добраться до баллона на спине. Когда я выкинул пустой баллон и поставил себе последний полный, то сразу подключил его и сэкономил почти половину другого баллона. Я рассчитывал сберечь этот запас на крайний случай и разделить его с Чибис. Пора это сделать — у нее кончился воздух. У меня в одном баллоне воздуха тоже почти не было, зато в этом оставалось ползаправки. Плюс в баллоне с чистым кислородом одна восьмая или чуть меньше — максимум, на что можно надеяться после моих перекачек. Я хотел сделать приятный сюрприз Чибис, отдав сразу четверть заправки кислородно-гелиевой смеси — и хватит надолго, и охлаждает она лучше.

Настоящее донкихотство, подумал я. И двух секунд не понадобилось, чтобы понять: ничего не получится.

Я не мог снять этот баллон со спины!

Возможно, если бы я не переделывал крепления под нештатные баллоны, я бы справился.

В инструкции говорилось: «Закиньте руку за противоположное плечо, закройте блокирующие клапаны баллона и шлема, отсоедините хомут…» У меня не было никакого хомута; вместо него были стропы. Но я вообще сомневаюсь, что можно закинуть руку за плечо в скафандре под давлением и при этом еще что-то делать. Наверное, инструкция написана какой-нибудь канцелярской крысой. Может, даже наблюдавшей этот трюк в исполнении фокусника, умеющего выворачивать свои плечи из суставов. Но спорю на полную заправку кислорода, что монтажники на Второй орбитальной станции справлялись, как мы с Чибис, помогая друг другу, — либо заходили в помещение и шлюзовались.

Если доведется, я это изменю. Ко всем аксессуарам скафандра необходим доступ спереди. Там должны располагаться клапаны, хомуты и все остальное, даже если нужно поменять что-то сзади. Мы ведь не похожи на червероты, у которых глаза повсюду, а руки сгибаются в десяти местах; мы можем делать что-то, лишь глядя вперед, — тем более в скафандре.

А еще у подбородка должно быть окошко, чтобы видеть, что делаешь! На бумаге-то все гладко…

Однако я не тратил времени на сетования;

в пределах досягаемости у меня была одна восьмая заправки. За нее-то я и ухватился.

Хорошо послужившая липкая лента уже превратилась в жалкий мусор. С бандажом я не стал возиться. Если пластырь вообще прилипнет, я уже буду счастлив. Я обращался с ним осторожно, как с золотой фольгой, стараясь намотать поплотнее, и лишь единожды прервался, чтобы полностью закрыть выпускной клапан, когда показалось, что скафандр Чибис съеживается. Но вот я закончил. Пальцы тряслись.

Без Чибис я не мог закрыть клапан. Пришлось одной рукой сжимать разваливающийся стык, другой — открывать ее пустой баллон. Потом я быстро наклонился, открыл баллон с кислородом, схватил клапан баллона Чибис и взглянул на приборы.

Две стрелки качнулись друг к другу. Когда их движение замедлилось, я начал закрывать ее баллон — и тут слетела лента.

Я успел закрыл клапан; из баллона Чибис пропало совсем немного газа. Содержимое другого быстро улетучивалось. Я, не теряя времени, отодрал обрывки ленты, убедился, что соединение чистое, приладил этот чуть заполненный баллон обратно к скафандру Чибис, открыл блокирую-

щие клапаны.

Ее скафандр начал наполняться. Я чуть приоткрыл один из выпускающих клапанов и прижался к ней шлемом.

— Чибис! Чибис! Слышишь меня? Проснись, детка! Мамми! Разбуди ее! Чибис!

— Да, Кип?

— Проснись! Подъем, героиня! Вставай! Солнышко, пожалуйста, проснись.

— А? Помоги мне снять шлем… я не могу дышать.

— Можешь. Надави на рычажок подбородком — почувствуй воздух, попробуй на вкус. Свежий воздух!

Она вяло попыталась; я подтолкнул ее, помогая снаружи.

— Ой!

— Вот видишь? У тебя есть воздух. Полно воздуха. Теперь поднимайся.

— Давай я здесь полежу. Ну пожалуйста.

— Нет! Ты капризная, противная, испорченная девчонка — если не встанешь, никто не будет любить тебя. Мамми не будет любить тебя. Мамми! Скажи ей!

Вставай, доченька.

Чибис попробовала. Она дрожала и цеплялась

за меня, а я держал ее, чтобы не упала.

— Мамми? — слабым голосом проговорила девочка. — Я смогла встать. Ты… все еще меня любишь?

Да, дорогая!

— Голова кружится… Кажется, я не смогу идти.

— И не надо, детка, — ласково сказал я и поднял ее на руки. — Больше идти не надо.

Она почти ничего не весила.

Мы спустились с холмов. Отчетливая в пыли колея вездехода вела точно на запад. Я убавлял подачу воздуха, пока стрелка индикатора цвета крови не зависла рядом с отметкой «Опасно». Нажимал подбородком на клавишу, только когда стрелка переползала эту отметку. Похоже, разработчик оставил какой-то запас, как у автомобильных топливных датчиков. Я велел Чибис не спускать глаз с этого прибора и удерживать стрелку на краю опасной зоны. Она обещала, а я то и дело напоминал. Ее шлем был прижат к моему наплечнику, так что мы могли говорить.

Я считал шаги и через каждые полмили просил Чибис вызывать станцию Томбо. Станция находилась за горизонтом, но там могла быть высокая антенна.

Мамми тоже разговаривала с Чибис — обо всем,

лишь бы девочка опять не потеряла сознание. Это экономило мне силы и поднимало настроение.

Через некоторое время я заметил, что моя стрелка снова сместилась в красную область. Я стукнул по рычажку и подождал. Ничего не произошло. Я снова надавил, стрелка медленно перешла на белое поле.

— Как у тебя с воздухом, Чибис?

— Нормально, Кип, нормально.

Ко мне взывал Оскар. Я моргнул и заметил, что моя тень исчезла. Раньше она ложилась передо мной под углом к колее. Колея была на месте, а тень отсутствовала. Это меня огорчило, и я оглянулся — куда же она подевалась? В прятки вздумала играть!

Так-то лучше! — сказал Оскар.

— Здесь внутри жарковато, друг.

Думаешь, снаружи прохладнее? Следи, парень, за тенью — и за колеей.

— Ладно, ладно! Не учи. — Я решил, что не позволю тени снова исчезнуть. Она еще узнает, с кем связалась! — Здесь внутри чертовски мало воздуха, Оскар.

А ты дыши мелко, старик. Мы справимся.

— Сейчас я дышу где-то на уровне носков.

Можно на уровне рубашки.

— Вроде там корабль пролетел?

Откуда мне знать? Глаза-то у тебя.

— Не умничай, мне не до шуток.

Я сидел, держа Чибис на коленях, а Оскар действительно вопил — и Мамми тоже.

Вставай, ленивая обезьяна! Вставай и топай.

Вставай, Кип, милый! Осталось всего чуть-чуть.

— Просто хочу отдышаться.

Хорошо, а теперь вызывай станцию Томбо.

— Чибис, вызывай Томбо, — сказал я.

Она молчала. Я так испугался, что даже очухался.

— Станция Томбо, прием! Прием! — Я поднялся на колени, встал на ноги. — Станция Томбо, слышите меня? Помогите! Помогите!

Мне ответили:

— Вас слышу!

— Помогите! Мэйдэй![12] Умирает девочка! Помогите!

Вдруг у меня прямо перед глазами очутились огромные блестящие купола, высокие башни, радиотелескопы, гигантская камера Шмидта. Я, запинаясь, шагнул вперед и крикнул по-фран-

---

[12] notes: 12

Международный сигнал бедствия в радиотелефонной связи.

цузски:

— M’aidez!

Открылся огромный люк, из него выкатился вездеход. Голос в наушниках сказал:

— Мы идем. Оставайтесь на месте. Конец связи.

Вездеход затормозил около меня. Из него выбрался человек, подошел и прижался шлемом. Я воскликнул:

— Помогите внести ее внутрь!

В ответ я услышал:

— Ты доставляешь хлопоты, браток. Не люблю тех, кто доставляет хлопоты.

Вслед за первым из вездехода выбрался второй, побольше и потолще. Тот, что поменьше, поднял какую-то штуку, похожую на фотоаппарат, и направил ее на меня. Это последнее, что я помню.

Глава 7

Не знаю, везли они нас обратно на вездеходе или Лиловый выслал корабль. В сознание меня вернула крепкая пощечина, и я обнаружил, что лежу на полу. Охаживал меня Тощий — тот, кого Толстый звал Тимом. Я дернулся дать сдачи, но не смог и шевельнуться — что-то вроде смирительной рубашки спеленало меня как мумию. Я взвизгнул от боли.

Тощий схватил меня за волосы, вздернул голову и попытался засунуть в рот большую таблетку.

Я попытался его укусить.

Он врезал мне еще сильнее и вновь попробовал запихнуть таблетку. Выражение его физиономии было тем же, что и при нашей первой встрече. Угрожающим.

— Да ешь, малец.

Я скосил глаза на Толстого.

— Съешь, — повторил он. — У тебя впереди пять очень плохих дней.

Я съел. Не потому, что послушался, а потому, что одной рукой мне зажали нос, а другой протолкнули таблетку в рот, когда я наконец его раскрыл. Жирняга поднес чашку воды; тут я не

сопротивлялся, пить хотелось.

Тощий вогнал мне в плечо лошадиный шприц. Я высказал все, что о нем думаю, а вообще-то, я такими нехорошими словами пользуюсь редко. Тощий, словно глухой, даже бровью не повел; Толстый хихикнул. Я перевел взгляд на него.

— Ты тоже, — простонал я слабо, — продажная шкура.

Толстый неодобрительно поцокал языком.

— Радуйся, что мы вам жизнь спасли. — И добавил: — Только это была не моя идея, — по мне, вы просто жалкие неудачники. Но хозяину вы нужны живыми.

— Заткнись, — сказал Тощий. — Пристегни его голову.

— Да пусть хоть шею свернет. Самим бы пристегнуться. Хозяин ждать не будет.

Тощий взглянул на часы:

— Четыре минуты.

Толстый торопливо закрепил мне голову ремнем, потом они оба поспешно что-то проглотили и вкололи себе. Я как мог наблюдал.

Снова я на пиратском корабле. Тот же светящийся потолок, те же стены. Они приволокли меня в свой кубрик. Их койки стояли по бокам, я был привязан к мягкой кушетке посередине.

Они торопливо забрались в какие-то тугие коконы, похожие на спальные мешки, и застегнули молнии. И головы свои закрепили.

Мне это было неинтересно.

— Эй! Что вы сделали с Чибис?

Толстый захихикал:

— Слыхал, Тим? Ай да парень!

— Заткнись.

— Ты… — Хотелось покрыть Толстого на все корки, но уже путались мысли, каменел язык.

Я ведь собирался еще спросить о Мамми…

Все мышцы онемели. Навалилась страшная тяжесть, кушетка превратилась в камень.

Бесконечно долго я пребывал в полусне. Сначала меня раздавило; потом накатила боль, от которой хотелось вопить. И не было сил.

Но боль ушла, как и все ощущения. Исчезло тело, осталось только мое «я» в чистом виде. Мне грезился абсурд, будто я застрял в каком-то комиксе — из тех, чьего запрета добивается Учительско-родительская ассоциация, — и его злобные персонажи всячески глумились надо мной.

Кушетка сделала кульбит, а ко мне вернулось тело вместе с головокружением. Через несколько веков до меня дошло, что мы проделали полупет-

лю. В минуты прояснений осознавалось, что мы летим очень быстро, с чудовищным ускорением. Должно быть, полпути уже одолели. Сколько будет бесконечность плюс бесконечность? Получается восемьдесят пять центов плюс налог с продаж, но кассовый аппарат со звоном обнуляется, и начинай сначала…

Толстый отстегнул ремень с моей головы. Тот, успевший прирасти, отошел с куском кожи.

— Просыпайся, пацан! Время не ждет.

Я лишь закряхтел. Тощий развязывал меня. Ноги не слушались и страшно болели.

— Вставай!

Я попробовал и не смог. Тощий схватил мою ногу и стал массировать. Я завопил.

— Предоставь это мне, я был тренером.

Толстый знал, что делает. Я вскрикнул, когда его большие пальцы впились мне в икры, и он тут же остановился.

— Что, слишком грубо?

Я не смог даже ничего выговорить.

Он все разминал меня и приговаривал почти игриво:

— Пять дней при восьми *g* — это не прогулочка… Ничего, восстановишься. Тим, давай шприц…

Тощий вогнал мне иглу в левое бедро. Укола я

почти не почувствовал.

Толстый рывком усадил меня и сунул в руки чашку. Я подумал, что это вода, но оказалось что-то другое, и я поперхнулся. Толстый подождал, потом снова протянул мне чашку:

— Теперь пей.

Я выпил.

— Ладно, вставай. Каникулы закончились.

Пол заходил ходуном, и я схватился за Толстого, пережидая головокружение.

— Где мы? — прохрипел я.

Толстый ухмыльнулся, как будто готовился отмочить невероятно смешную шутку:

— На Плутоне, конечно. Славное местечко, прямо курорт.

— Заткнись. Пусть пошевеливается.

— Встряхнись, малыш. Не заставляй хозяина ждать.

Плутон! Не может быть; никто не забирался так далеко. Да что там, никто еще не пытался долететь хотя бы до спутников Юпитера. А Плутон гораздо дальше…

Мозги совершенно не работали. Последняя передряга напрочь вышибла меня из колеи, и я уже отказывался верить тому, что испытал на собственной шкуре.

Но Плутон!

Удивляться времени не дали; мы полезли в скафандры. Я и не надеялся, что Оскара тоже прихватили, и так обрадовался, что обо всем забыл. С ним не церемонились, просто свалили на пол. Я наклонился над ним, превозмогая судорогу во всех мышцах, и осмотрел. Кажется, целехонек.

— Надевай! — приказал Толстый. — Хватит копаться.

— Ладно, — ответил я почти радостно. Потом замялся. — Знаете, у меня кончился воздух.

— Разуй глаза, — велел Толстый.

Я вгляделся. За спиной висели заряженные баллоны с кислородно-гелиевой смесью.

— Хотя, — добавил он, — если бы насчет тебя не распорядился хозяин, ты бы у меня не то что воздуха — вони лимбургского сыра не получил бы. Ты у нас слямзил два баллона, геологический молоток, веревку… а она на Земле стоит четыре девяносто пять. Когда-нибудь, — пообещал он беззлобно, — ты мне возместишь убытки.

— Заткнись, — сказал Тощий. — Пошли.

Я расправил Оскара, влез внутрь, включил индикатор цвета крови и застегнулся. Потом надел шлем. В скафандре мне сразу полегчало.

— Штатно?

Штатно! — подтвердил Оскар.

— Далековато от дома нас занесло.

Зато воздух есть. Выше нос и челюсть вперед!

Это мне напомнило, что надо проверить подбородком вентиль. Все работало. Не хватало моего ножа, молотка и веревки… но это уже мелочи. Главное, что все штатно.

Вслед за Тощим я вышел из каюты. Толстый конвоировал. В коридоре мы разминулись с черверотым, но, хоть меня и передернуло, я был под защитой Оскара — чудище не смогло бы до меня добраться.

В шлюзе к нам присоединилось еще какое-то существо, и я не сразу понял, что это черверотый в скафандре. Он смахивал на высохшее дерево с голыми ветвями и мощными корнями; сходству мешал только набалдашник-шлем — стеклянный гладкий купол. Вероятно, стекло было односторонним, сквозь него я ничего не увидел. Упакованный таким образом черверотый выглядел не то чтобы устрашающим, а скорее гротескно несуразным. И все же я старался держаться от него подальше.

Давление падало, я стравливал воздух, чтобы меня не слишком раздуло. Это напомнило о том, что я больше всего хотел узнать, — как сложилась

судьба Чибис и Мамми. Так что я включил радио и объявил:

— Проверка связи. Раз-раз-раз…

— Не занимайся ерундой. Понадобишься — скажем.

Внешняя дверь открылась, и я впервые увидел Плутон.

Не знаю, чего я ожидал. Плутон так далек от нас, что даже с Лунной обсерватории не получишь приличных фотографий. Я читал статьи в «Сайентифик Американ», видел картинки в «Лайф» — имитации фотографий. На них изображался «летний» Плутон — если называть «летом» сезон плавления замерзшего воздуха. Я вспомнил об этом, потому что там было написано: когда Плутон приближается к Солнцу, у него появляется атмосфера.

Однако Плутоном я почти не интересовался — мало фактов, много домыслов, далековато, об освоении даже думать не хочется. Луна рядом с ним — элитный пригород. Профессор Томбо, в честь которого была названа станция на Луне, получил в свое время грант фонда Гуггенхайма на фотографирование Плутона с помощью гигантского электронного телескопа, но его интерес понятен — он-то и открыл Плутон задолго до

моего рождения.

Дверь начала открываться. Первое, что я услышал, — щелк… щелк… щелк… четыре щелчка в шлеме. Оскар включил все обогреватели.

Передо мной висело Солнце. Сначала я не понял, что это оно. Выглядело светило не крупнее Венеры или Юпитера, если смотреть на них с Земли, — то есть в виде точки, а не диска. Но сверкало оно гораздо ярче, как электрическая дуга.

Толстый двинул меня под ребра:

— Не спи, замерзнешь.

Прямо за дверью начинался разводной мост, он упирался в эстакаду. Та вела к горе, что высилась в двух сотнях ярдов от нас. Дорогу поддерживали опоры, похожие на паучьи ноги, высотой от двух-трех до десяти-двадцати футов, в зависимости от рельефа местности. Всюду лежал снег, ослепительно-белый даже под булавочным Солнцем. Там, где опоры были повыше, под виадуком, протекала речка.

Что за «вода» в этой речке? Метан? Что за «снег»? Замерзший аммиак? У меня не было таблиц с данными, я не мог узнать, что в адских условиях здешнего «лета» замерзает, что становится жидким, а что остается газообразным. Но я был в курсе, что зимой здесь жидкостей и газов

не остается — только вакуум, как на Луне.

— Пошевеливайся!

Я рад был пошевеливаться. Слева дул такой ветер, что не только мерз бок, несмотря на все усилия Оскара, но и ступать приходилось с опаской. Я подумал, что наш марш-бросок на Луне был куда безопаснее падения в этот «снег». Будет ли человек еще дергаться, в клочья разнося скафандр и себя, или умрет мгновенно?

Помимо сильного ветра и отсутствия перил, добавляло страха оживленное движение экипированных черверотых. Они сновали вдвое быстрее нас, а дорогу уступали не чаще, чем собака уступает косточку. Даже Тощий совершал смешные перебежки и маневры уклонения, а я трижды чуть не сверзился.

Дорога уводила в туннель. Через десять футов перед нами раздвинулась стенка, еще через двадцать мы увидели вторую; она также разошлась, а потом сошлась за нами. Мы миновали около двух десятков панелей, действовавших как скоростные шлюзы. После каждого шлюза слегка поднималось давление. Я не видел, чем они управлялись, хотя темно в туннеле не было — его освещали мерцающие потолки. Наконец мы прошли через последний, особо мощный шлюз, но

давление уже выровнялось, и его двери остались открытыми. Они вели в огромное помещение.

В нем стоял черверотый. Думаю, мой старый знакомый, потому что он сказал по-английски: «Пошли». Это я услышал сквозь шлем. Впрочем, в комнате были и другие, а я скорее отличил бы друг от друга двух бородавочников.

Черверотый поспешил к выходу. На нем не было скафандра, и я вздохнул с облегчением, когда он отвернулся, потому что невозможно было смотреть на его шевелящийся рот. Но это оказалось слабым утешением, так как теперь стал виден его задний глаз.

Поспевать за черверотым оказалось трудно. Он провел нас по коридору, потом направо через открытые двойные двери и неожиданно остановился возле дыры в полу, похожей на канализационный люк.

— Раздеть его! — скомандовал он.

Толстый и Тощий откинули свои шлемы, и я заключил, что это безопасно. И все же из Оскара вылезать не хотелось — пока черверотый был рядом.

Толстый отстегнул мой шлем.

— Вылезай из шкуры, парень. Расстегивайся!

Тощий распустил мне пояс. Хоть я и сопротив-

лялся, они живо вытряхнули меня из скафандра.

Черверотый ждал. Как только с меня содрали Оскара, он указал на дыру:

— Вниз!

Я сглотнул. Дыра казалась бездонной и ничуть не соблазнительной.

— Вниз! — повторил он. — Быстро!

— Давай, приятель, — посоветовал Толстый. — Прыгай, или тебя столкнут. Ныряй в дыру, пока он не рассердился.

Я попытался отскочить.

Но не успел я шелохнуться, как черверотый схватил меня и стал запихивать в дыру. Я уперся, попятился — и оглянулся как раз вовремя, чтобы не шлепнуться задом, а неуклюже спрыгнуть.

Падать оказалось не так больно, как на Земле, но щиколотку я подвернул. Впрочем, значения это не имело: идти все равно было некуда; единственный выход — дыра в потолке.

Площадь моего узилища составляла около двадцати квадратных футов. Наверное, оно было вырублено в цельной скале, но убедиться в этом я не мог — стены, пол и потолок были такие же глухие, как и на корабле. Половину потолка занимала осветительная панель, так что я мог бы читать, если бы имел хоть одну книгу. И послед-

ней деталью была струйка воды, вытекающая из отверстия в стене, попадающая в углубление размером с кухонную мойку и выливающаяся неизвестно куда.

Было тепло, что меня порадовало, ведь ничего похожего на кровать или постель я не заметил. Я уже понял, что какое-то время придется провести здесь, и задался вопросом, чем буду питаться и где спать.

Устал я от всего этого абсурда. Занимался своим делом, прогуливался у собственного дома. Принесла же нелегкая Лилового. Я уселся на пол и принялся мечтать, как буду убивать его. Легкой смерти пусть не просит.

Наконец я прекратил заниматься ерундой и задумался о Чибис и Мамми. Здесь ли они? Или лежат где-нибудь между горами и станцией Томбо? Угрюмо обдумывая ситуацию, я надеялся, что бедняжка Чибис не очнулась во второй раз. Насчет Мамми немного сомневался, потому что мало знал о ней, — но в смерти Чибис был уверен.

Что ж, поделом мне эта мука. Донкихоты всегда рано или поздно оказываются в темнице. Хотя по канону прекрасная дева должна оказаться в соседней башне. Прости меня, Чибис; я не рыцарь, я всего лишь продавец газировки из аптеки… «Я

силой десяти богат, поскольку чист душой…»[13]

Нет, не смешно это все.

Я устал казниться и посмотрел, который час. Не то чтобы это имело какое-то значение. Но считается, что узник должен выцарапывать на стенах черточки, отмечая дни заключения, и я решил, что и мне пора начать. Часы на руке сохранились, но стояли, а завести их я не смог. Наверное, восемь *g* их доконали, хотя предполагалось, что они противоударные, непромокаемые, немагнитные и иммунные к антиамериканской деятельности.

Через некоторое время я лег на пол и заснул.

Проснулся я от стука.

Это банка консервов свалилась на пол. От удара она не открылась, но при ней был ключ, и он сослужил свою службу. Очень неплохое говяжье рагу. Из пустой банки я напился — допускал, что вода ядовитая, но был ли у меня выбор? — потом вымыл банку, чтобы не пахла.

Обнаружив, что вода теплая, я решил помыться. Сомневаюсь, что многие граждане США в последние двадцать лет испытывали столь же острую нужду в водных процедурах. Потом я постирал одежду. Рубашка, трусы и носки были

---

[13] notes: 13

А. Теннисон. Сэр Галахад (перевод С. Лихачевой).

из немнущейся синтетики, которая быстро высыхала. Джинсы сохли дольше, но мне некуда было торопиться. Я лишь жалел о мыле «Звездный путь» — двести кусков лежали на полу в моей каморке. Знал бы, что полечу на Плутон, прихватил бы парочку.

Стирка надоумила меня провести инвентаризацию. Итак, носовой платок, шестьдесят семь центов мелочью, долларовая бумажка, настолько истрепанная и пропитанная по́том, что даже не различить портрет Вашингтона, автоматический карандаш с надписью «Дорожное кафе Джея — лучшая солодовая газировка в городе» (наглая ложь, лучшая газировка у нас в аптеке!) и список продуктов, которые я должен был купить по просьбе мамы, но не купил из-за дурацкого испорченного кондиционера. Список был не такой истрепанный, как доллар, потому что лежал в кармане рубашки.

Я выстроил рядком свое имущество и оглядел его. Ну никак не получалось переделать эти предметы в чудо-оружие, чтобы пробить путь на свободу, украсть корабль, научиться пилотированию, с триумфом возвратиться домой, предупредить президента и спасти страну. Я переложил вещи по-новому — все равно никаких

спасительных идей.

Мне приснился кошмар. Разбуженный этим ужасом, я вспомнил, где нахожусь, и захотел вернуться в дурной сон. Стало жаль себя, потекли слезы, задрожал подбородок. Я никогда не слышал от родителей «не будь плаксой». Папа говорит, что в слезах нет ничего плохого, просто они социально неприемлемы. Он рассказывал, что в некоторых культурах плач считается проявлением светской любезности. Однако в гимназии имени Хораса Манна быть нытиком вовсе не престижно, и я бросил это дело много лет назад. Вдобавок жалость к себе выматывает и не приносит никакой пользы. Поэтому я выключил дождь и подбил бабки.

Мой список действий выглядел так:

1. Выбраться из этой клетки.

2. Разыскать Оскара и экипироваться.

3. Украсть корабль и отправиться домой — если соображу, как управлять им.

4. Найти оружие или придумать военную хитрость, чтобы победить черверотых или отвлечь их, пока я не доберусь до корабля. Ничего сверхъестественного, справится любой рядовой супермен, владеющий приемами телепортации и другими парапсихотрюками. Лишь бы преду-

сматривалась в плане «защита от дурака» и была оплачена страховка.

5. Прежде чем распрощаюсь с романтическими побережьями экзотического Плутона и его колоритными дружелюбными аборигенами, надо удостовериться, что за бортом не остались ни Чибис, ни Мамми. Если остались, забрать их с собой — потому что, вопреки мнению некоторых, лучше быть мертвым героем, чем живым подлецом. Умирать неприятно и неинтересно, но даже подлец когда-нибудь сыграет в ящик, как бы ни старался продлить себе жизнь, — и до самой смерти ему придется искать оправдания выбору, сделанному давным-давно.

Как ни старался я придать шарма участи героя, привлекательнее эта участь не становилась. Мой личный опыт утверждал, что героизм — занятие крайне невыгодное, но альтернатива выглядела еще хуже.

И совсем не важно, что Чибис умеет управлять кораблем, а Мамми может натаскать меня в пилотировании. Я не могу этого доказать, но сам-то знаю правду.

Примечание: даже если научусь вести корабль, смогу ли я делать это при восьми *g*? Может, для черверотого предусмотрено специальное устрой-

ство, но меня-то при восьмикратной перегрузке никакое кресло не спасет. Автопилот? А инструкция при нем будет? На английском? Не надо дурацких иллюзий, Клиффорд.

Дополнительное примечание: а на одном *g* сколько лететь до Земли? До скончания века? Или всего лишь до голодной смерти?

6. Трудотерапия на период вынужденного безделья. Это важно, чтобы не расклеиться. О. Генри в тюрьме сочинял рассказы. Апостол Павел свои самые мощные послания создал в римской темнице. Гитлер за решеткой написал «Майн кампф». В следующий раз захвачу с собой пишущую машинку и бумаги побольше. А пока можно чертить магические квадраты и изобретать шахматные задачи. Все лучше, чем жалеть себя. Львы выживают в зоопарках, а разве я не умнее львов? Хотя бы некоторых из них?

Итак, за работу. Пункт первый: как выбраться из ямы?

Я пришел к однозначному выводу: это невозможно. Поперечник камеры двадцать футов, высота двенадцать; стенки гладкие, как щечки младенца, неприступные, как душа коллектора долгов. Кроме этого, дыра в потолке, восходящая туннелем еще футов на шесть, ручеек,

умывальник, светящийся участок потолка. Из инструментов — уже упомянутые несколько унций барахла, ничего острого, взрывчатого или едкого, одежда, пустая консервная банка.

Я решил выяснить, как высоко смогу подпрыгнуть, — и достал до потолка. Это означало, что тяготение составляет примерно половину *g*. Точнее сказать трудно, потому что целую вечность я провел при одной шестой *g*, несколько бесконечных эпох — при восьми *g*; и мои рефлексы давно сбились с панталыку.

Но хоть и дотронулся до потолка, ни ходить по нему, ни левитировать я не мог. Там бы и мышь не удержалась.

Я мог разорвать одежду и сплести веревку. Но зацепится ли она за что-нибудь? Насколько я помнил, там только гладкий пол. Но если даже зацепится? Что дальше? Слоняться в чем мать родила, пока черверотый не заметит меня и не отправит обратно, на сей раз без одежды? Я решил отложить игры с веревкой, пока не придумаю, как обвести вокруг пальца Лилового и его шайку.

Я вздохнул и огляделся. Оставалась только струйка воды и умывальник.

Есть история про двух лягушек, упавших в

горшок со сливками. Одна видит безнадежность положения, сдается и тонет. Другая настолько тупа, что не осознает своей обреченности и продолжает бултыхаться. Через несколько часов она сбивает островок масла и восседает на нем в тиши и прохладе, пока доярка не выбрасывает ее из кувшина.

Вода с журчанием убегала в слив. Что, если она перестанет убегать?

Я обследовал дно резервуара. Слив не по-земному велик, но заткнуть его можно. Вот только продержусь ли я на плаву, пока комната не переполнится и не вытеснит меня наружу? Что ж, можно это проверить с помощью банки.

На вид она пинтовая. Известно, что пинта воды весит один фунт, а кубический фут воды весит на Земле чуть больше шестидесяти фунтов. Но я решил уточнить. Длина моих ступней одиннадцать дюймов; до этого размера они доросли, когда мне исполнилось десять лет, — и натерпелся же я насмешек, покуда, в свою очередь, не вырос ступням под стать. Я отмерил одиннадцать дюймов на полу двумя монетками. Оказывается, ширина долларовой банкноты два с половиной дюйма, а монета в двадцать пять центов в диаметре чуть меньше дюйма. Вскоре я довольно точно знал

размеры комнаты и банки.

Я подставил банку под струю, потом быстро опорожнил. Наполняя банки, я на пальцах левой руки считал секунды. Таким образом вычислил, за какое время наполнится комната. Ответ мне не понравился; я пересчитал еще раз.

Получалось четырнадцать часов. Накинем час на погрешность примитивных вычислений. Смогу ли я столько продержаться?

Припрет — смогу. А меня приперло. И вообще, человек способен держаться на плаву сколь угодно долго — если не поддается панике.

Я скомкал носки и сунул в слив. И чуть не упустил их. Пришлось обмотать носками банку и заткнуть слив на манер пробки. Она держалась прочно, да я еще подконопатил ее остальной одеждой. Потом подождал, распираемый самодовольством. Бассейн постепенно наполнялся.

Вода поднялась примерно на дюйм от пола — и струйка иссякла.

Вероятно, где-то был выключатель, реагирующий на давление. Следовало бы догадаться, что создатели кораблей, летающих с постоянным ускорением восемь *g*, способны делать безаварийную сантехнику. В отличие от нас.

Я собрал одежду, всю, кроме одного носка, и

разложил ее сушиться. Хорошо бы этот носок испортил там какой-нибудь насос или еще что, только вряд ли — тут хорошие инженеры.

Да я, вообще-то, и не верил в эту историю с лягушками.

Сбросили еще одну банку — ростбиф и волглый картофель. Сытная еда, но мне что-то захотелось персиков. На банке значилось: «Для продажи по сниженным ценам на Луне». Можно заключить, что она из числа продуктов, честно купленных Толстым и Тощим. И не жалко им делиться со мной припасами? Небось еще как жалко, но они не смеют перечить черверотому. Отсюда вопрос: почему Лиловый оставил меня в живых? Я, конечно, не против, но не понимаю, зачем ему это нужно.

Я решил отсчитывать по банкам дни и так вести календарь.

Это напомнило, что я еще не подсчитал, сколько лететь до Земли при ускорении в одно *g*, если окажется, что при восьми *g* я не смогу запустить автопилот. Я зациклился на поиске выхода из камеры и даже не подумал о том, что буду делать, если выберусь (поправочка: не «если», а «когда»). И теперь я занялся баллистикой.

Книги мне не требовались. Даже в наши дни

большинство людей не способны отличить звезду от планеты, а все астрономические расстояния для них «далеко». В сущности, они мало отличаются от дикарей, считающих так: один, два, три, много. Да любой сопливый скаут заткнет такого невежду за пояс, а парень вроде меня, которого космическая муха укусила, обычно помнит и кое-какие цифры.

«Мама варит земляничный морс, а юный сын уже не плачет». Не забудете, если повторите несколько раз? Тогда распишем подробно:

Мама	Меркурий	$0,39
Варит	Венера	$0,72
Земляничный	Земля	$1,00
Морс	Марс	$1,50
А	Астероиды	В ассортименте
Юный	Юпитер	$5,20
Сын	Сатурн	$9,50
Уже	Уран	$19,00
Не	Нептун	$30,00
Плачет	Плутон	$39,50

«Цены» — расстояния от Солнца в астрономических единицах. Астрономическая единица — среднее расстояние от Земли до Солнца, девяносто три миллиона миль. Чем запоминать миллионы и миллиарды, проще запомнить одно

всем известное число и несколько мелких чисел. А долларовые значки я использую потому, что в денежном выражении числа приобретают некоторую пикантность. Правда, папа считает это прискорбным заблуждением. Но надо же как-то запоминать, чтобы видеть дальше собственного носа.

Теперь к сути. Согласно вышеприведенной таблице, расстояние от Плутона до Солнца составляет тридцать девять с половиной расстояний от Земли до Солнца. Однако у Плутона и Меркурия орбиты очень вытянуты. У Плутона расстояние до Солнца изменяется на два миллиарда миль, это больше, чем от Солнца до Урана. Плутон даже забирается внутрь орбиты Нептуна, а потом откатывается вдаль и маячит там пару столетий, совершая всего четыре оборота за тысячу лет.

Но в той статье говорилось, что на Плутоне начинается «лето». Значит, сейчас он вблизи орбиты Нептуна. И находился бы там до конца моей жизни — если бы я оставался в Сентервилле. Здесь же предсказать, сколько я проживу, трудновато. В общем, получилась круглая цифра — тридцать астрономических единиц.

Задачки на ускорение проще пареной репы:

$s = {}^1/_2\, at^2$

(расстояние равняется половине ускорения, умноженного на квадрат времени разгона). Если бы астронавигация этим и ограничивалась, любой новичок мог бы управлять космическим кораблем. Трудности происходят от гравитационных возмущений и оттого, что все движется одновременно и в четырнадцати разных направлениях.

Однако я мог пренебречь гравитационными полями и движением планет. При скоростях, которые развивают корабли черверотых, эти факторы не имеют значения, если не подлетать слишком близко к планетам. Мне всего-то нужен был порядок величины.

Жаль, что нет логарифмической линейки. Папа говорит, не умеющий ею пользоваться должен, как неграмотный, не допускаться до выборов. У меня прелесть, а не линейка — двадцатидюймовая «Койфель и Эссер лог лог дуплекс децитриг». Папа осчастливил меня ею после того, как я освоил десятидюймовую ученическую. Целую неделю пришлось сидеть на одной картошке, но папа заявил, что предметы роскоши должны стоять в первых строках бюджета. Увы, линейка осталась дома, на моем столе.

Ничего страшного. У меня есть цифры, форму-

ла, карандаш и бумага.

Прикинем. Толстый сказал «Плутон», «пять дней» и «восемь *g*».

Задача состоит из двух частей; половину времени (и расстояния) занимают ускорение и разворот, вторую половину времени (и расстояния) — торможение. Полное расстояние нельзя использовать в уравнении, потому что время возводится в квадрат — функция параболическая.

В какой же конфигурации Плутон? В противостоянии? В соединении? В стоянии? Плутон в телескоп не видно — так кто помнит, в каком он месте эклиптики? Ну ладно, среднее расстояние тридцать а. е.; отсюда будем танцевать.

Половина этого расстояния в футах равна:

$$^1/_2 \times 30 \times 93\,000\,000 \times 5280.$$

Восьмикратное ускорение — это 8 × 32,2 фута в секунду за секунду. Скорость возрастает на 258 футов в секунду за каждую секунду до разворота и с той же скоростью уменьшается после него. Таким образом, из равенства:

$$^1/_2 \times 30 \times 93\,000\,000 \times 5280 = {}^1/_2 \times 8 \times 32{,}2 \times t^2$$

получаем время, за которое преодолеем половину пути, в секундах. Удваиваем его и получаем

общее время в пути. Делим на 3600, получаем время в часах; делим на 24 и получаем дни. На логарифмической линейке такая задачка решается за сорок секунд, бóльшую часть из которых потратишь на знаки после запятой. Элементарно, как подсчет налога с продаж.

Я потратил без малого час на вычисления и почти столько же на проверку вычислений в ином порядке. Потом пришлось проверять еще раз, потому что результаты не совпали. Я забыл умножить на 5280, и на одной стороне уравнения оказались футы, а на другой мили. Арифметика такого не любит. Потом я пересчитал в четвертый раз, так как уже ни в чем не был уверен. Все же логарифмическая линейка — лучшая штука в мире после девушек.

Наконец получился верный результат. Пять с половиной дней. Я на Плутоне.

Или на Нептуне…

Нет, на Нептуне я бы не смог подпрыгнуть на двенадцать футов; только Плутон отвечает всем условиям. Так что я все стер и высчитал, сколько придется лететь при одном *g*.

Пятнадцать дней.

Я-то думал, по крайней мере в восемь раз дольше, чем при восьми *g*, — или даже в шестьдесят

четыре раза дольше. Теперь же я был рад, что одолел аналитическую геометрию — она помогла выявить грубую ошибку. Квадрат времени съедает преимущество в скорости — чем больше ускорение, тем короче путь, а чем короче путь, тем меньше времени ускоряешься. Чтобы сократить время вдвое, требуется четырехкратное ускорение; чтобы сократить время в четыре раза, ускорение нужно увеличить в шестнадцать раз и так далее. Вот где собака зарыта.

Понимание того, что я могу долететь до дому за две недели при ускорении в одно *g*, подбодрило меня. За это время я не умру от голода. Если удастся украсть корабль. Если смогу им управлять. Если выберусь из этой норы. Если…

Не «если», а «когда»! В этом году я уже все равно не поступлю в колледж, пятнадцать дней никакой роли не играют.

Еще при первых расчетах я обратил внимание на максимальную скорость корабля перед разворотом. Более одиннадцати тысяч миль в секунду. Приличная скорость, даже по меркам космоса. Я призадумался. До ближайшей звезды, Проксимы Центавра, четыре и три десятых световых года, об этом то и дело слышишь в телевикторинах. Сколько займет путь при восьми *g*?

Задача та же, но надо следить за запятыми: числа становятся громоздкими.

Световой год равен… Я забыл. Придется умножить 186 000 миль в секунду (это скорость света) на количество секунд в году (365,25 × 24 × 3600) — получаем 5 880 000 000 000 миль. Умножаем на 4,3 и получаем 25 284 000 000 000 миль. Приблизительно двадцать пять триллионов миль. Ничего себе!

А полет займет год и пять месяцев — меньше, чем кругосветка столетие назад.

Да эти чудища путешествуют между звездами!

Уж не знаю, почему я так удивился, ведь это просто в глаза бросалось. Я было принял как должное, что Лиловый привез меня на свою родную планету, что он плутонианец, или плутократ, да как ни назови. Но это исключено.

Он дышит воздухом. В его корабле для меня достаточно тепло. Если он не торопится, то небольшие расстояния преодолевает при ускорении, равном земному. Он пользуется освещением, которое подходит для моих глаз. Значит, он прилетел с планеты, похожей на мою.

Проксима Центавра — двойная звезда, как известно всем любителям кроссвордов. Одна из звезд — близнец нашего Солнца: размер, тем-

пература, другие свойства. Можно допустить, что у нее есть и планета, похожая на Землю? Я сильно подозревал, что выяснил домашний адрес черверотого.

И я точно знал, откуда эти монстры не могли прилететь. С планеты, которая веками несется в полном вакууме при температурах, близких к абсолютному нулю, где «летом» тают лишь газы, а вода остается твердой как камень, где даже Лиловый вынужден носить скафандр. Они не могли явиться из Солнечной системы — я был железно уверен, что Лиловый нормально чувствует себя только на планете, похожей на нашу. Не важно, как он выглядит; пауки совсем не похожи на нас, но им нравится то же, что и нам. У нас, наверное, в каждом доме живет тысяча пауков.

Лиловому и его сородичам понравилась Земля. Боюсь, даже слишком понравилась.

Я начал размышлять о Проксиме Центавра и заметил кое-что еще. Скорость при развороте у меня получилась равной 1 110 000 миль в секунду, в шесть раз выше скорости света. Теория относительности говорит, что это невозможно.

Захотелось обсудить это с папой. Папа читает все, от «Анатомии меланхолии» до «Acta Matematica» и «Пари-матч». Он способен усесться

на поребрик тротуара и копаться в намокших газетах из мусорного ящика в поисках «продолжения на странице восемь».

Папа достал бы книжку, и мы посмотрели бы, что об этом пишут. Потом он нашел бы еще четыре или пять книжек с другими точками зрения. Папа попытался бы оспорить каждое мнение, он терпеть не может подхода: «это правда, иначе бы не напечатали». Папа не признает никаких авторитетов — меня потрясло, когда он впервые взял ручку и исправил что-то в моем учебнике математики.

Даже если скорость света превысить нельзя, четыре или пять лет — срок вполне приемлемый. Нам наговорили, что для экспедиций даже к ближайшим звездам потребуется смена поколений на корабле, такая точка зрения укоренилась…

Одна миля по лунным горам — долгое путешествие, триллион миль по пустому космосу — заурядный вояж…

Но что Лиловый делает на Плутоне?

С чего вы начнете завоевание чужой солнечной системы? Я не шучу. Тюрьма на Плутоне не располагает к шуткам, и в лицо Лиловому не расхохочешься. Станете вы ломиться нахрапом или сначала высунете шапку за угол? Да, в техно-

логиях черверотые далеко опередили нас, но ведь они не могли знать этого заранее. Может, умнее сначала выстроить базу в таком уголке системы, куда никто не заглядывает?

Потом можно выставлять форпосты, например на безвоздушном спутнике привлекательной планеты, с которого так удобно исследовать поверхность своей цели. Если вдруг потеряешь один форпост, что мешает отойти на основную базу и подготовиться к новой атаке?

Не забывайте, что если для нас Плутон почти недосягаем, то для черверотых он всего в пяти днях полета от Луны. Вспомните Вторую мировую войну, когда скорости были совсем другие. Главная база в безопасности, вне досягаемости (США / Плутон), но всего в пяти днях от форпоста (Англия / Луна), от которого три часа до театра военных действий (Франция — Германия / Земля). Так получается медленнее, но это сыграло на руку союзникам в той войне.

Оставалось только надеяться, что это не поможет банде Лилового.

Но противопоставить им пока нечего.

Кто-то скинул еще одну банку — спагетти с фрикадельками. Были бы это персики, у меня бы, наверное, не хватило воли сделать то, что я сде-

лал, — прежде чем открыть банку, использовал ее вместо молотка. Я колотил ею по пустой банке, пока не сплющил, а потом отковал острый конец и заточил его на краю резервуара. Пустая банка превратилась в кинжал — не очень хороший, но с ним я чувствовал себя не таким беспомощным.

После еды потянуло в сон, и я прикорнул в теплом мерцании. Я по-прежнему пленник, но теперь у меня есть оружие и более-менее ясно, с чем я столкнулся. Проанализировать проблему — на две трети решить ее. Кошмары больше не снились.

Потом в дыру сбросили Толстого.

Через секунду на него шмякнулся Тощий. Я отскочил, держа нож наготове. Тощий не обратил на меня никакого внимания, поднялся, огляделся, подошел к струйке и стал пить. Толстый оказался в худшей форме — он не дышал.

Глядя на него, я подумал: до чего же отвратительный тип! Впрочем, какого черта? Он же мне помог, сделал массаж. Я перевернул его и начал делать искусственное дыхание. Через четыре или пять толчков мотор завелся, пациент смог вздохнуть и прохрипел:

— Хватит!

Я отошел и снова взялся за нож. Тощий без-

участно сидел у стены. Толстый посмотрел на мое жалкое оружие и сказал:

— Убери, малыш. Мы теперь друзья неразлей-вода.

— Мы?

— Ага. Мы, люди, должны держаться вместе. — Он грустно вздохнул. — Столько сделали для него — и вот благодарность.

— О чем это вы? — потребовал я объяснений.

— А? — переспросил Толстый. — Я же говорю, он решил, что может обойтись без нас. Вот мы и сменили квартиру.

— Заткнись, — безучастно сказал Тощий.

Толстый скривился.

— Сам заткнись! — огрызнулся он. — Надоело! День-деньской «заткнись» да «заткнись» — и чем это кончилось?

— Заткнись, я сказал.

Толстый умолк. Я так и не узнал, что с ними стряслось, потому что Толстый редко говорил дважды об одном и том же. А от Тощего вообще не было слышно ничего, кроме советов заткнуться и еще менее содержательных односложных слов[14]. Одно было ясно: эта парочка потеряла

[14] notes: 14

Намек на то обстоятельство, что в английском языке непечатные слова, как правило, являются односложными.

работу в качестве подручных гангстера, или членов пятой колонны, или… как еще назвать людей, которые пресмыкаются перед врагами собственной расы?

Чуть позже Толстый сказал:

— Вообще-то, это ты виноват.

— Я? — Моя рука метнулась к ножу из консервной банки.

— Если бы ты не влез, хозяин бы так не разозлился.

— Я ничего не делал.

— Скажешь тоже! Всего-то навсего спер два главных приза и задержал его, хотя он собирался мчаться сюда со всех ног.

— А-а-а… Но вы-то ни при чем.

— Я ему так и сказал. Но поди докажи. Да не хватайся ты за дурацкую зубочистку. — Толстый пожал плечами. — Я всегда считал: кто старое помянет, тому глаз вон.

В конце концов я выведал у него то, что хотел. Когда примерно в пятый раз я заикнулся о Чибис, Толстый сказал:

— И что тебе до этой испорченной соплюхи?

— Просто хочу знать, жива она или нет.

— Да жива. По крайней мере, была жива, когда я последний раз ее видел.

— А когда ты ее видел?

— Слишком много вопросов задаешь. Она была здесь.

— Здесь? — с волнением переспросил я.

— Я же сказал. Шлялась повсюду, под ногами путалась. Живет как принцесса, кстати. — Толстый подержался за зуб и нахмурился. — Почему с ней он нянчится, а с нами вот так?.. По морде мне съездил… Не понимаю. Это неправильно.

Я тоже не понимал, но по другой причине. Я не мог поверить в дружбу храброй маленькой Чибис и Лилового. Или тут есть секрет — или Толстый врет.

— Хочешь сказать, он не держит ее взаперти?

— А зачем? Куда ей бежать?

Я обмозговал услышанное. Куда бежать, если выход за дверь — самоубийство? Пусть даже у Чибис есть скафандр (хотя, скорее всего, он где-то спрятан), пусть даже рядом пустой корабль, пусть даже она сможет проникнуть в него, ей все равно понадобится «мозг», то маленькое устройство, которое служит ключом.

— А что с Мамми?

— С кем?

— С… — Я не знал, как объяснить. — С существом, которое было в моем скафандре. Ты должен

знать, ты же там был. Она жива? Она здесь?

Но Толстому уже надоело.

— Насекомые меня не интересуют, — проворчал он, и больше ничего не удалось из него вытянуть.

Зато Чибис жива! Гора с плеч. И девочка здесь! Хотя у нее куда меньше шансов вырваться отсюда, чем даже из лунного плена, я все равно ужасно рад.

Теперь надо думать, как переслать ей весточку.

На инсинуации Толстого, что она якобы снюхалась с Лиловым, мне было наплевать. Конечно, Чибис непредсказуема, совершенно по-детски самонадеянна и высокомерна. Сколько раз она доводила меня до белого каления! Но она скорее шагнет в костер, чем предаст своих. У самой Жанны д'Арк не было такой силы духа.

Наша троица соблюдала вынужденное перемирие. Я избегал разговоров, спал вполглаза, старался не засыпать раньше сокамерников и всегда держал нож под рукой. С тех пор как они появились, я не мылся, чтобы не оказаться в невыгодном положении. Тощий меня не замечал, Толстый держался почти дружески. Он притворялся, что не боится моего игрушечного

оружия, но, думаю, все же боялся. Я сделал этот вывод, когда нас в первый раз кормили втроем. С потолка упали три банки; Тощий подобрал одну, Толстый другую, и пока я осторожно подбирался к третьей, ее схватил Толстый.

Я сказал:

— Отдай, пожалуйста.

Он ухмыльнулся:

— Сынок, почему ты решил, что это для тебя?

— Три банки, и нас трое.

— Ну и что? Я малость проголодался. Лишняя баночка не помешает.

— Я тоже голоден. Не дури.

— Хм… — Он напустил на себя задумчивый вид. — Вот что, я тебе ее продам.

Я колебался. В этом была некоторая логика. Не мог же Лиловый сам закупать продукты на Лунной базе; видимо, этим занимался Толстый или его партнер. Я бы не отказался подписать долговое обязательство — на сотню долларов за порцию. Да хоть на тысячу, даже на миллион: деньги здесь не имели никакого значения. Почему бы не подшутить над жадиной?

Нет! Если я сдамся, если соглашусь торговаться с ним за пайку, он обнаглеет. Я буду зависеть от него, пресмыкаться перед ним, выпрашивать

кусочек.

Я показал ему свой жестяной кинжал:

— Возьму силой.

Толстый взглянул на мою руку и расплылся в улыбке:

— Шуток не понимаешь? — И сунул мне банку.

Больше проблем из-за еды не было.

Мы жили «счастливым семейством», которое иногда показывают в бродячих зверинцах: лев в одной клетке с ягненком. Впечатляющее зрелище, вот только ягнята там часто меняются.

Толстый любил поговорить, и я узнавал интересные вещи, когда удавалось отсеять правду от болтовни. Его звали — так он утверждал — Жак де Барре де Виньи («Называй меня Джок»), а второго — Тимоти Джонсон; но у меня было сильное подозрение, что настоящие имена этих типчиков можно узнать только на доске «Их разыскивает полиция». Хотя Джок и пыжился, что он все знает, я скоро понял, что он не имеет представления ни о происхождении, ни о планах и целях Лилового. Вообще непохоже, чтобы черверотый что-то обсуждал с «низшими животными»; он их просто использовал, как мы лошадей.

Одно Джок с готовностью признал:

— Ага, соплячку похитили мы. На Луне урана

нет, это сказки, приманка для лопухов. Мы зря теряли время, а ведь жрать всем хочется, или будешь спорить?

Я не спорил; мне нужна была информация. Тим сказал:

— Заткнись!

— А что такого, Тим? Боишься ФБР? Думаешь, Большой Брат и здесь до тебя дотянется?

— Заткнись, говорю.

— А может, мне потрепаться охота. Сам заткнись. — И Джок продолжил: — Это было плевое дело. В девчонке любопытства — на семь кошек, знал, где она появится и когда. — Джок призадумался. — Хозяин всегда знает, на него куча народу работает, есть и большие шишки. Все, что от меня требовалось, — встретиться с ней в Луна-Сити и познакомиться. Трепал языком я, не Тима же выдавать за доброго дяденьку. И вот я перед ней разливаюсь, угощаю кока-колой, рассказываю, как здорово мы тут ищем уран, в общем, вешаю лапшу. Потом я вздыхаю и говорю: как жаль, что не могу показать шахту, где мы с приятелем работаем. Всего и делов. Когда туристическая группа приехала на станцию Томбо, девчонка смылась через шлюз — сама, без нашей помощи. Хитрющая! А мы поджидали в условленном

месте. Даже не угрожали, пока она не заинтересовалась, почему вездеход слишком долго едет до шахты. — Джок ухмыльнулся. — Хорошо дерется для своих габаритов, всего меня исцарапала.

Бедняжка Чибис! Жаль, что она его не колесовала и не четвертовала! История походила на правду, это вполне в ее духе — самоуверенной, отважной, беспомощной перед соблазном узнать что-то новое.

Джок продолжал:

— Вообще-то, дело не в девчонке, а в ее папашке. Хозяин уже пытался заманить его на Луну, да не выгорело. — Джок невесело ухмыльнулся. — Тогда нам крепко досталось — хозяин лют, когда не по его выходит. Тут-то и вспомнили про девчонку. Тим подсказал ему, что на такую приманку папашка непременно клюнет.

Тим буркнул что-то, что я посчитал отрицанием. Джок сдвинул брови:

— Ну что ты все брюзжишь, зануда? Кто тебя воспитывал?

Мне бы помалкивать, а не философствовать, раз уж я решил добраться до сути. Но у меня тот же недостаток, что и у Чибис, — когда я чего-то не понимаю, очень хочется разобраться. Просто нестерпимый зуд! Я не мог понять (да и теперь не

понимаю), что двигало толстяком.

— Джок? Зачем ты это сделал?

— Ты о чем?

— Слушай, ты же человек. — (По крайней мере, выглядел он как человек.) — И сам же говоришь, что нам, людям, надо держаться вместе. Как ты мог похитить ребенка — да еще отдать его Лиловому?

— Ты что, чокнулся, парень?

— Не думаю.

— А чушь городишь, будто не в своем уме. Ты хоть представляешь, что бывает с теми, кто не выполняет его приказов? Попробуй на досуге.

Намек ясен. Отказать Лиловому — все равно что кролику плюнуть в глаза удаву.

— Пойми и нас тоже, — продолжал Джок. — Я вот как считаю? Живи и другим жить давай. Хозяин нас захватил, когда мы искали карнотит, — и все, уже не вырвешься. С каменной стенкой бодаться — дело дохлое. Вот мы и сторговались: делаем, что он велит, и получаем плату ураном.

Если и была у меня слабенькая симпатия к этим прохвостам, она тотчас исчезла. На смену пришло бешенство.

— И что, получили плату?

— Ну… можно сказать, что нас внесли в пла-

тежную ведомость.

Я оглядел нашу камеру:

— Прогадали, выходит.

Джок скривился, как обиженный ребенок:

— Может, и так. Но подумай трезво, малыш. Когда нельзя победить, нужно приспосабливаться. Эти ребята готовят вторжение — ты сам видел, насколько все серьезно. Никто с такой силищей не справится, а значит, надо быть на стороне победителей. Я оказался в похожей передряге, когда был не старше тебя, и получил хороший урок. Наш городок годами жил мирно, но главный пахан состарился и потерял хватку… И вот однажды приехали парни из Сент-Луиса. Какое-то время была неразбериха. Надо знать, куда ветер дует, иначе в один прекрасный день обязательно наденешь деревянное пальто. У кого нос был по ветру, тот выжил… Я всегда считал, что глупо плевать против ветра. И что, разве я не прав?

Лучше быть живым подлецом — вот и вся его логика. Только он упустил ключевой момент.

— Допустим, Джок. И все же я не понимаю, как ты мог так поступить с маленькой девочкой.

— Ну а что такого? Я же объясняю: мы не могли сопротивляться.

— Могли. Конечно, стоя с Лиловым лицом к

лицу, ослушаться невозможно, но у вас был отличный шанс смыться.

— Что ты имеешь в виду?

— Он послал вас за ней в Луна-Сити, ты сам сказал. Обратный билет на Землю у вас был — я знаю законы. Всего-то нужно было спрятаться там, где он бы вас не достал, и улететь первым же рейсом на Землю. И не пришлось бы делать грязную работу.

— Но…

Я перебил его:

— Допускаю, что вы не могли сопротивляться посреди лунной пустыни. Допускаю, что вы не чувствовали себя в безопасности даже на станции Томбо. Но в Луна-Сити у вас был шанс. Не стоило похищать ребенка и отдавать его… жукоглазому чудовищу!

Он, казалось, был сбит с толку, но быстро нашелся:

— Кип, ты мне нравишься. Хороший парень. Но соображаешь туго. Так ничего и не понял.

— Все я понял!

— Нет. — Он наклонился ко мне, протянул руку, чтобы положить на колено; я отодвинулся. — Есть кое-что, о чем я промолчал… боялся, что ты примешь меня за зомби или что-то вроде того.

Они нас прооперировали.

— Что?

— Прооперировали. — Он продолжал, захлебываясь: — Вшили бомбы в головы. С дистанционным управлением, как у ракет. Выходишь за черту… он давит на кнопку — бум! Мозги по стенкам. — Он пошарил у себя на затылке. — Видишь шрам? Волосы уже отросли… но если присмотреться, разглядишь; он не мог полностью исчезнуть. Видишь?

Я присмотрелся. И чуть было не купился — в последнее время пришлось поверить и в менее вероятные вещи. Тим прекратил мои колебания одним коротким выразительным словом.

У Джока аж физиономия перекосилась, но он взял себя в руки и сказал:

— Да не слушай ты его.

Я пожал плечами и отодвинулся. Джок не заговаривал со мной до конца «дня». Меня это устраивало.

На следующее «утро» я проснулся от его прикосновения.

— Вставай, Кип! Вставай!

Я дернулся к своему игрушечному оружию.

— Вон твой нож, у стены. Только он тебе не понадобится

Я подобрал нож.

— Что ты имеешь в виду? Где Тим?

— Ты не просыпался?

— Что?

— Этого я и боялся. Черт возьми, парень! Мне позарез нужно поговорить с кем-нибудь. Так ты все проспал?

— Что проспал? И где Тим?

Джок дрожал и потел.

— Они включали голубой свет, вот что. И забрали Тима. — Он содрогнулся. — Хорошо, что его, а не меня. Я уж подумал… Ну, ты заметил, я немного толстоват… Они любят упитанных.

— О чем ты? Что они с ним сделали?

— Бедный старина Тим! У него были свои недостатки, как и у всех, но… из него сварили суп… вот что. — Джок снова затрясся. — Они любят суп с косточкой…

— Не верю. Ты хочешь меня напугать.

— Напугать? — Он оглядел меня с ног до головы. — Может, теперь твоя очередь. Сынок, если ты не дурак, возьми свой ножик для бумаг, подойди вот к этой конской поилке и вскрой себе вены. Так будет лучше.

— А ты сам что же? Хочешь, нож одолжу?

Он помотал головой и съежился:

— У меня духу не хватит.

Не знаю, что стало с Тимом. Я даже не знаю, вправду ли червероты едят людей. Если и едят, не стоит их называть каннибалами, — возможно, мы для них вроде баранины. И испугался-то я не особенно — в моих «контурах страха» давно сгорели все предохранители. И что станет с моим телом после того, как вылетит душа, — наплевать. Но Джоку жизнь была дорога. Не думаю, что он был трусом; трусы не идут в лунные старатели. Просто он верил в свою теорию, и она его ужасала. Самая настоящая фобия. И на то, как он признался, имелись свои особые причины. Он утверждал, что еще раньше побывал на Плутоне, но все его спутники — добровольцы и пленники — обратно не вернулись.

Когда нам сбросили банки — на этот раз две, — он сказал, что не хочет есть, и предложил мне свой паек. Той «ночью» он все сидел, стараясь не уснуть. В конце концов меня сморил сон.

Я проснулся от одного из тех кошмаров, когда не можешь шевельнуться. Сон оказался правдой; перед этим меня наверняка осветили голубым светом.

Джока не было.

Больше я никогда не видел обоих.

Пожалуй, я даже немножко скучал… по крайней мере, по Джоку.

Стало чуть легче — не надо следить за сокамерниками, можно спокойно вымыться. Однако чертовски скучное это занятие — в одиночестве мерить шагами камеру.

У меня не было иллюзий насчет этих двоих. Наберется не менее трех миллиардов человек, с которыми я бы охотнее согласился делить заключение. И все же они были людьми.

Бездушный, жестокий, как гильотина, Тим не вызывал никаких симпатий. Но у Джока были начальные понятия о добре и зле, иначе он не искал бы для себя оправданий. Наверное, он просто был тряпкой.

Однако я не считаю, что понять — значит простить. Если начнешь так думать, дойдешь до сентиментальных соплей по убийцам, насильникам, похитителям и совершенно забудешь об их жертвах. Это неправильно. Я буду плакать по людям, подобным Чибис, а не по преступникам, чьими жертвами становятся невинными. Я скучал по болтовне Джока, но, если бы общество решило топить таких, как он, новорожденными, я взялся бы за эту работу. А уж подобных Тиму и вовсе не жалел бы. И если правда из моих

сокамерников сварили похлебку, нет причин горевать — хотя, возможно, завтра настанет мой черед.

Может быть, в качестве супа они пережили свой звездный час…

Глава 8

Из бессмысленных размышлений меня вывел взрыв, за которым последовал резкий треск, похожий на грохот басовых, — а потом резко упало давление. Я вскочил — каждый, кто хоть раз в жизни зависел от скафандра, никогда не останется безразличным к внезапной декомпрессии.

— Какого черта?! — воскликнул я. И добавил: — Кто там на посту? Проснись, а то мы все тут скоро будем дышать чем-то холодным и разреженным.

Кислорода снаружи нет, в этом я был уверен, — точнее, в этом были уверены астрономы, а мне проверять их выкладки не хотелось.

— Может, нас бомбят? Было бы неплохо. Или это землетрясение?

Последнее замечание не было случайным. В той статье из «Сайентифик Американ», где говорилось про «лето» на Плутоне, предполагались «резкие изостатические подвижки» из-за повышения температуры. Намек ясен: наденьте шляпу — на вас падает дымовая труба.

Однажды я угодил в землетрясение. Это было в Санта-Барбаре. И сейчас мне не понадобилось много усилий, чтобы вспомнить то, что знает с

рождения каждый житель Калифорнии, а приезжие усваивают с первого раза: когда земля начинает плясать джигу, выбегай на улицу!

Но отсюда не выбежишь.

Минуты две я проверял, не прибавил ли мне сил выброс адреналина, чтобы прыгнуть на восемнадцать футов вместо двенадцати. Нет, не прибавил. Но я еще с полчаса этим занимался да вдобавок ногти обкусывал. И вдруг услышал свое имя!

— Кип! Эй, Кип!

— Чибис! — заорал я. — Сюда! Чибис!

Тишина растянулась на вечность длиной в три удара сердца…

— Кип?

— Я здесь, внизу!

— Кип? Ты в этой яме?

— Да! Ты меня не видишь? — Наверху, на светлом фоне, я различил ее голову.

— Теперь вижу. Ох, Кип, я так рада!

— Тогда что же ты плачешь? Я тоже рад!

— Я не плачу, — прохлюпала она. — Ох, Кип… Кип…

— Поможешь мне выбраться?

— Ой… — Она осмотрела дыру. — Оставайся на месте.

— Погоди!

Но Чибис уже исчезла.

Она отсутствовала не больше двух минут, а мне показалось, что неделю. Но вот моя лапушка вернулась, да еще с нейлоновой веревкой!

— Хватайся!

— Подожди секунду. Как она закреплена?

— Я тебя вытащу.

— Нет! Иначе мы оба окажемся здесь. Найди, к чему привязать.

— Я могу поднять тебя.

— Закрепи! Скорее!

Она снова скрылась, оставив конец веревки у меня в руках. Скоро я услышал слабый голос:

— Пошел!

Я крикнул:

— Проверка! — и выбрал слабину. Повис — веревка держала. — Иду! — завопил я и с последним звуком этого слова ухватился за край дыры.

Чибис бросилась ко мне, обняла одной рукой, другой сжимая Мадам Помпадур, а я обнял ее. Она оказалась еще меньше и тоньше, чем раньше.

— Ох, Кип, это было просто ужасно!

Я похлопал ее по тощим лопаткам:

— Знаю, знаю. Что делать будем? Где…

Я хотел сказать: «Где Лиловый?» — но она раз-

рыдалась.

— Кип… я думаю, она умерла!

Я и так уже был немного не в себе, а тут мозги совсем забуксовали.

— Э-э-э… кто?

Похоже, она так же сильно удивилась, как я — растерялся.

— Что значит — кто? Мамми.

— Ох… — Меня объяла тяжкая печаль. — Но… ты уверена? Она разговаривала со мной до самого конца — а ведь я жив.

— Да не тогда умерла, Кип! Сейчас!

— Что? Она была здесь?

— Конечно. Где же еще?

Вопросик… Да где угодно, Вселенная велика. Я давным-давно решил, что Мамми тут нет, — потому что Джок об этом не трепался. Я сделал вывод, что Джок либо сказал бы, что она здесь, либо сочинил затейливую ложь, просто так, забавы ради. Следовательно, он вообще про нее ничего не знал — может, и не видел никогда, разве что в качестве «горба» у меня на спине.

Я был так уверен в моей «логике», что лишь через несколько минут смог отбросить предубеждения и осознать факты.

— Чибис, — сказал я, — такое чувство, как бы я

потерял родную мать. Ты… уверена?

— Не «как бы», а «как будто», — машинально поправила она. — Я не на сто процентов уверена… но она снаружи — так что, по всей вероятности, мертва.

— Подожди минутку. Если она снаружи, то в скафандре. Или нет?

— Нет! У нее не было скафандра — с тех пор, как уничтожили ее корабль.

Я еще больше запутался.

— А как ее доставили сюда?

— В мешке, запечатали и привезли. Кип… что нам теперь делать?

У меня было несколько ответов, но все неверные — в тюрьме я их уже обдумал.

— Где Лиловый? Где все черверотые?

— Хм… мертвы. Наверное.

— Было бы неплохо. — Я огляделся в поисках оружия и впервые увидел коридор таким пустым. Мой игрушечный кинжал лежал внизу, всего в восемнадцати футах, но лезть за ним не хотелось. — Почему ты думаешь, что они мертвы?

У Чибис были на то причины. Если судить по внешности, у Мамми не хватило бы сил и бумажку разорвать, но слабенькие мышцы дополнялись могучим мозгом. Она сделала то, о чем мечтал

я: нашла способ прикончить всех черверотых. А ведь она не могла спешить, ее план предусматривал стечение множества независящих от нее факторов.

Во-первых, нужно было дождаться, когда поблизости окажется поменьше черверотых. База представляла собой огромный склад, космопорт и перевалочную станцию, но не требовала многочисленного персонала. Ажиотаж по случаю нашего прибытия, который я наблюдал в первый день, не был для нее характерен.

Во-вторых, должен был опустеть порт. С кораблем она бы не справилась — не смогла бы до него добраться.

В-третьих, час «Ч» должен был совпасть с обедом черверотых. Когда их не набиралось в «столовой» на две смены, они ели все вместе — толпились вокруг одного большого котла и хлебали. Я представил картину, достойную Данте. Таким образом можно было разом прихлопнуть всех врагов, кроме, возможно, одного или двух вахтенных на инженерной или коммуникационной службе.

— Минутку, — перебил я. — Ты говоришь, они все… того?

— Ну… я не знаю. Я никого не видела.

— Постой, я найду какое-нибудь оружие!

— Но…

— Чибис, это важно!

Заявить, что найду оружие, — еще не значит его найти. В этом коридоре не было ничего, кроме дыр, похожих на ту, где я сидел, — поэтому Чибис и искала меня здесь. Это было одно из немногих мест, куда ее не пускали. Джок был прав в одном: Чибис — и Мамми — были привилегированными узницами, которым разрешалось все, кроме свободы… тогда как Джок, Тим и я сам составляли третий сорт, может, и вправду набор для супа. Это подтверждало версию, что Чибис и Мамми были скорее заложниками, чем рядовыми военнопленными.

Я не захотел исследовать остальные ямы, после того как заглянул в одну и увидел человеческий скелет, — возможно, черверотым надоело кормить сидельца. Когда я выпрямился, Чибис спросила:

— Ты чего трясешься?

— Ничего. Пошли.

— Я хочу посмотреть.

— Чибис, не время. Мы еще ничего не сделали. Идем. Держись за мной.

Я не дал ей увидеть скелет. Большая победа над

маленьким существом, полным любопытства. Впрочем, возможно, на нее мертвец не произвел бы сильного впечатления; Чибис бывала сентиментальна только в сугубо утилитарных целях.

«Держись за мной» звучало по-рыцарски, но нерационально. Я забыл, что напасть могли и сзади. Надо было мне сказать: «Иди в арьергарде, следи за тылом».

Впрочем, так она и делала. Я услышал вопль и, развернувшись, увидел черверотого с тем похожим на фотоаппарат устройством на изготовку. Хотя Тим и испробовал на мне эту штуку, я не понял, что происходит, и на секунду замер.

Но не растерялась Чибис. Она взвилась в воздух с храбростью и безрассудством котенка, ударила врага руками и ногами.

Это меня и спасло. Безнадежная атака, способная свалить разве что другого котенка, все же отвлекла черверотого, не позволив ни убить, ни парализовать меня. Более того, он потерял равновесие и упал.

И тогда я растоптал его. Голыми ногами, прыгнув прямо на его рачью голову!

Жуть! Как будто я вскочил на пластиковую коробку с земляникой. Голова с хрустом смялась, развалилась на куски. Даже в угаре схватки меня,

обуреваемого жаждой убийства, затошнило от омерзения. Я наступил на «червей» и отпрыгнул. Потом схватил Чибис и оттащил ее; мне так же остро хотелось смыться, как секундами раньше — драться.

Я не прикончил его. В течение ужасных мгновений казалось, что придется добивать. Но потом я понял: хоть он и жив, ему не до нас. Он подергался, как обезглавленная курица, потом притих и стал совершать осмысленные движения.

Он не видел.

Я лишил его глаз. Может, и ушей, — но ужасные зенки точно раздавил.

Он тщательно ощупал пол, затем поднялся на ноги, весь целый, за исключением головы. Постоял неподвижно, опираясь на третью ногу, принюхался. Я оттащил Чибис подальше.

Он двинулся. Не к нам, а то бы я заорал. Он пошел в другую сторону, натолкнулся на стену, выпрямился и побрел прямо по коридору туда, откуда мы пришли.

И рухнул в оказавшуюся на пути яму.

Я вздохнул и спохватился, что слишком крепко сжимаю Чибис, — как бы не задохнулась. Я отпустил ее.

— Вот тебе оружие, — сказала она.

— Ты о чем?

— О штуковине, что на полу, рядом с Мадам Помпадур. — Она подняла свою куклу, стряхнула с нее куски черверотого, потом взяла похожую на фотоаппарат штуковину и протянула мне. — Осторожнее, не направляй на себя. И на меня.

— Чибис, — слабым голосом спросил я, — у тебя вообще нервы есть?

— Есть, конечно. Только я ими не пользуюсь. Разве что в свободное время, а сейчас недосуг. Знаешь, как с этим обращаться?

— Нет. А ты?

— Я видела, и Мамми рассказывала. — Она небрежно взяла трофей и направила в сторону. — Дырки сверху: если открыта одна — парализует, если обе — убивает. Нужно нажать сюда. — Она нажала, вылетел луч яркого голубого света и рассеялся у стены. — От света ничего не будет, — добавила девочка. — Это для прицеливания. Надеюсь, там за стеной никого не было. Впрочем, нет, надеюсь, кто-то был. Ты меня понимаешь.

Устройство походило на тридцатипятимиллиметровый фотоаппарат со «свинцовой» линзой, только скособоченный, будто собранный по устному описанию. Я взял его, стараясь не направлять куда не надо, и осмотрел. Потом испытал

— по ошибке на полной мощности.

Луч голубого света пронизал пустоту, и задымилась стена. Я выключил.

— Тратишь заряд, — сказала Чибис. — А он может понадобиться.

— Надо же было опробовать. Идем.

Чибис взглянула на часики с Микки-Маусом — меня задело, что они уцелели, а мои, такие с виду солидные, нет.

— Времени очень мало, Кип. Мы можем допустить, что этот был единственным уцелевшим?

— Что? Конечно нет! Пока не убедимся, что они все мертвы, нельзя ничего предпринимать. Пошли.

— Но… Ладно, я поведу. Ты не знаешь дорогу.

— Нет!

— Да!

Пришлось подчиниться. Она вела меня и держала излучатель голубого света, а я прикрывал тыл и мечтал о третьем глазе на затылке, как у червероты х. Не было уверенности, что у меня реакция быстрее, чем у Чибис, да и с трофейным оружием она была знакома лучше.

И все равно мне было не по себе.

База была огромной; должно быть, половину горы источили проходами. Мы бежали рысцой, не

обращая внимания на разные вещи, диковинные, как музейные экспонаты, но вдвое интереснее, и лишь проверяли, не остались ли где-нибудь черверотые. Чибис держала оружие наготове, болтала без умолку и поторапливала меня.

Кроме опустевшей базы, отсутствия кораблей в порту и обеденного времени у черверотых, для успешного выполнения плана Мамми требовался определенный час плутонианской ночи.

— Почему? — спросил я.

— Конечно, чтобы связаться со своими.

— Но… — Я осекся.

Подумал, что знаю о расе Мамми еще меньше, чем о черверотых. Теперь она мертва — Чибис сказала, что она очутилась снаружи без скафандра, а значит, погибла; это нежное существо и двух секунд не продержалось бы при сверхарктической температуре. Не говоря уже об удушье и кровоизлиянии в легкие. Я сглотнул.

Разумеется, Чибис может ошибаться. Надо признать, она редко это делала — но вдруг сейчас как раз такой случай? Тогда мы найдем Мамми? А если не найдем? Если она снаружи?..

— Чибис, ты знаешь, где мой скафандр?

— А? Конечно. Там же, где я взяла это. — Она похлопала по нейлоновой веревке, которую об-

мотала вокруг пояса и завязала бантиком.

— Тогда, как только убедимся, что черверотых не осталось, я выйду наружу и поищу ее!

— Да, да! Но надо найти и мой скафандр, я тоже пойду.

Кто бы сомневался! Может, уговорю ее подождать в туннеле, не выходя под ледяной шквал.

— Чибис, почему сигнал нужно было послать именно ночью? Над орбите дежурит корабль? Или…

Мои слова прервал грохот. Заходил ходуном пол — такая тряска одинаково ужасает людей и животных. Мы застыли как вкопанные.

— Что это? — прошептала Чибис.

— Если не часть суматохи, затеянной Мамми…

— Не думаю.

— Тогда — землетрясение.

— Землетрясение?

— Плутонотрясение. Чибис, надо уходить!

Я не задавался вопросом, куда уходить, — при землетрясении не раздумывают. Чибис сглотнула.

— Нам сейчас не до землетрясений. Быстрее, Кип, быстрее!

Она рванулась, я за ней, скрипя зубами. Если Чибис наплевать на землетрясения, то и мне

придется — хоть это и не лучше, чем плевать на гремучую змею в собственной в постели.

— Чибис… соплеменники Мамми… Их корабль на орбите Плутона?

— Что? Да нет, нет! Они не на корабле.

— Тогда почему ночью? Это из-за слоя Хевисайда? А где их база? — Я начал прикидывать, далеко ли может уйти человек на Плутоне. По Луне мы прошли почти сорок миль. Одолеем ли мы здесь хотя бы сорок ярдов? Возможно, как-то удастся утеплить ноги. Но этот ветер… — Чибис, они, случайно, не здесь живут?

— Что? Не мели чепухи! У них есть собственная чудесная планетка. Кип, отстань с глупыми вопросами, опоздаем. Молчи и слушай.

Я умолк. Всю историю пришлось слушать урывками, на бегу, а кое-что я узнал позже. Когда Мамми попала в плен, она лишилась корабля, скафандра, переговорного устройства — Лиловый уничтожил все. Это было предательство, нарушение перемирия.

— Она была парламентером, ее захватили во время переговоров! — возмущалась Чибис. — Разве так можно? Ведь черверотый слово дал!

Предательство для черверотого так же нормально, как для гадюки — яд. Я удивился, что

Мамми рискнула иметь с ним дело. Рискнула — и стала пленницей безжалостных чудовищ. У них корабли, по сравнению с которыми наши кажутся допотопными паровозами, оружие, начиная с «лучей смерти» и кончая бог знает чем, базы, организация, снабжение…

У нее же только ум и маленькие нежные руки.

Прежде чем воспользоваться редким стечением обстоятельств, которое давало хоть какой-то шанс, ей нужно было восстановить связь (я назвал эту штуку «радио», но на деле оно гораздо сложнее) и изготовить оружие. Исключительно из подручных средств.

У нее не было даже булавки — только то треугольное украшение с выгравированными спиралями. Чтобы создать хоть что-то, надо было попасть в отсеки, которые можно назвать электронными лабораториями, — они совсем не похожи на уголок, где я возился с электроникой, но все приборы, в которых снуют микрочастицы, имеют общую логику. Если вы хотите, чтобы электроны выполняли для вас работенку, безразлично, кто создавал детали — люди, черверотые или Мамми. Форма волновода подчиняется законам природы, индуктивность имеет свою геометрию, и не важно, кто был инженером.

Так что отсеки выглядели как электронные лаборатории — притом очень хорошие. Приборы были незнакомыми, но я чувствовал, что смог бы в них разобраться, было бы время. Но теперь я только взглянул.

Мамми провела тут много-много часов. Ее не пустили бы сюда, хотя она была заложницей высокого ранга и имела многие привилегии. Ее даже не в камере содержали, а в апартаментах вместе с Чибис. Думаю, Лиловый боялся ее, даже плененную, и не хотел без нужды злить.

Она проникла в мастерские, сыграв на алчности своих тюремщиков. У ее народа много такого, чего нет у черверотых, — знания, технологии. Для начала она поинтересовалась, почему они делают вот это вот так, вместо того чтобы сделать этак, намного эффективнее. По традиции? Или по религиозным убеждениям?

Когда черверотые спрашивали, что она имеет в виду, она беспомощно разводила руками: «Стыдно, но я не могу объяснить, ведь построить эту штуку так просто…»

Под пристальным наблюдением она что-нибудь собирала. Устройство работало. Потом мастерила что-то еще. И вот уже стала проводить в лабораториях целые дни, восхищая тюремщиков

все новыми конструкциями. Делясь знаниями, она сохраняла свои привилегии.

И в каждом устройстве были нужные ей детали.

— Черверотым не хватало ума понять, что делает Мамми, — объяснила Чибис. — Пять деталей шли в прибор, а шестая — к ней в карман.

— В карман?

— Конечно. Именно там она спрятала «мозг», когда мы с ней угнали корабль. Разве ты не знал?

— Что у нее есть карман? Нет.

— Вот и они не знали. Следили, чтобы Мамми не выносила ничего из мастерской, — она и не выносила. То есть не попадалась.

— Чибис, так Мамми — сумчатая?

— Что значит — сумчатая? Как опоссум? Не обязательно быть сумчатым, чтобы иметь карман. Вот белки, например, у них карманы за щеками.

— Мм… да.

— Она крала понемножку то там, то тут, ну и я таскала кое-что. А в свободное время она работала в нашей комнате.

Пока мы сидели на Плутоне, Мамми вообще не спала. Она часами трудилась открыто, делала для черверотых всякую всячину — стереотелефон

размером с пачку сигарет, крошечного жучка, который ползал по любой поверхности и вычислял объем предмета, и много других вещиц. А после отбоя оставалась одна, обычно в темноте, и ее миниатюрные пальчики сновали, как пальцы слепого часовщика. Она сделала две бомбы и сигнальное устройство дальней космической связи.

Об этом я узнал уже не от Чибис. Когда мы с ней бежали по коридорам базы, она только сказала, что Мамми удалось сделать радиомаяк, и взрыв, который я слышал, тоже дело ее рук. И что мы должны спешить, спешить, спешить!

— Чибис, — сказал я, задыхаясь, — куда мы несемся? Если Мамми снаружи, надо внести ее внутрь — я хочу сказать, ее тело. Но ты ведешь себя так, словно мы куда-то опаздываем.

— А мы и правда опаздываем!

Радиомаяк необходимо было установить снаружи в определенное время (плутонианский день длится почти неделю — астрономы не обманули), так чтобы сама планета не экранировала луч. Но у Мамми не было скафандра. Пленницы решили, что Чибис наденет свой скафандр, выйдет наружу и установит маяк — он сконструирован так, что нужно только нажать на кнопку. Однако все зависело от того, где находится скафандр Чибис,

удастся ли до него добраться после того, как черверотые будут обезврежены.

Но его так и не нашли. Мамми пропела с успокаивающими и ободряющими нотами — казалось, я слышу, как они звенят в моей голове:

Ничего, милая. Я могу сама выйти и установить его.

— Мамми! Нельзя! — протестовала Чибис. — Там холодно.

Я быстро.

— Ты не сможешь дышать.

Я потерплю, это совсем недолго.

Конечно, Чибис уступила. С Мамми спорить не проще, чем с Лиловым.

Бомбы и маяк были готовы, приближалось удобное время — ни одного корабля, черверотых мало, у персонала обеденный перерыв, — а заложницы все еще не знали, где скафандр Чибис (если его не уничтожили). И Мамми решилась.

— Но она обещала… всего пару часов назад, когда сказала, что сегодня начинаем… обещала вернуться минут через десять… А если не вернется, то есть надежда, что я разыщу мой скафандр и включу маяк. — Чибис расплакалась. — В пе-пе-первый раз она призналась, что не уверена в себе.

— Чибис! Перестань плакать! Дальше что?

— Я дождалась взрывов — обоих — и бросилась на поиски, туда, куда меня раньше не пускали. Но скафандра там не было! Потом я нашла тебя и… Ох, Кип, она снаружи уже почти час! — Девочка посмотрела на часы. — Осталось минут двадцать. Если к тому времени маяк не запустить… Она так старалась и погибла на-на-напрасно! Она бы этого не перенесла!

— Где мой скафандр?

Больше червероты не попалось, — очевидно, только один нес вахту, пока остальные кормились. Чибис показала мне дверь-шлюз, за которой находилась столовая, — должно быть, бомба нарушила герметичность отсека, и, когда владельцев разнесло на кусочки, двери закрылись сами. Мы поспешили дальше.

Верная своей логике, Чибис оставила помещение со скафандрами на самый конец. Человеческих скафандров тут было больше дюжины — это сколько же супа съедали упыри? Что ж, больше им не пировать! Не теряя времени, я крикнул:

— Привет, Оскар! — и начал одеваться.

Где пропадал, парень?

На вид Оскар был в отличной форме. Рядом висел скафандр Толстого, а дальше скафандр Тима.

Расправляя Оскара, я взглянул на них, прикидывая, нельзя ли чем-нибудь поживиться. Чибис смотрела на скафандр Тима:

— Может, мне подойдет?

Он был куда меньше Оскара и велик девочке всего на девять размеров.

— Глупости! Он тебе как индюку носки. Лучше помоги мне. Сверни эту веревку кольцами и пристегни к моему поясу.

— Она не понадобится. Мамми собиралась отнести маяк на сотню ярдов по эстакаде и там установить. Если у нее не вышло, это сделаешь ты. И поверни выключатель, он сверху.

— Не спорь! Сколько времени осталось?

— Не буду, Кип. Восемнадцать минут.

— Ветер там сильный, — добавил я, — а Мамми совсем легонькая. Если ее сдуло, веревка пригодится, когда буду искать тело. Подай молоток со скафандра Толстого.

— Сейчас!

Я выпрямился. Приятно было снова ощущать на себе Оскара. Потом я вспомнил, как замерзли ноги, когда мы шли сюда от корабля.

— Еще бы асбестовые сапоги…

Чибис, казалось, озадачилась.

— Подожди здесь!

Не успел я слово вымолвить, она убежала. Я продолжал шнуроваться, все больше беспокоясь — она даже не взяла лучевое оружие. Наконец я спросил:

— Штатно, Оскар?

Штатно, парень!

Рычажок у подбородка в порядке, цвет крови в порядке, радио… оно мне не понадобится, вода… Емкость была пуста. Не важно, я не успею почувствовать жажду. Я нажал на клавишу, уравнивая давление внутри скафандра с наружным.

Чибис вернулась с чем-то похожим на балетные туфли для слоненка. Придвинулась к моему шлему и прокричала:

— Они носят вот это! Попробуй надеть.

Кое-как я натянул их на ноги, как огромные носки. Встал и почувствовал, что они улучшают сцепление с полом; неуклюжие, но ходить легко.

Через минуту мы стояли у выхода из большой комнаты, где я уже побывал. Ее дверь-шлюз закрылась после взрыва второй бомбы, которая разрушила дверь в туннеле. Бомбу в столовой подложила Чибис и сразу удрала в свою комнату. Не знаю, устанавливала ли Мамми таймеры, чтобы взрывы произошли одновременно, или управляла бомбами дистанционно, — да это и

не важно, главное, что мощная база черверотых превратилась в руины.

Чибис знала, как обращаться со шлюзом. Когда внутренняя дверь открылась, я крикнул:

— Время?

— Четырнадцать минут. — Она подняла руку с часами.

— Помни, что я сказал: оставайся тут. Заметишь любое шевеление, сначала поливай голубым светом, потом спрашивай.

— Я помню.

Я зашел в шлюзовую камеру, закрыл внутреннюю дверь, нашел клапан на внешней двери и дождался, когда уравняется давление.

Те две-три минуты, пока открывался основной замок, я провел в тягостных раздумьях. Не хотелось оставлять Чибис одну. Где гарантия, что все черверотые мертвы? Прочесывали мы второпях; кто-то мог ускользнуть — они ведь шустрые.

Кроме того, Чибис сказала «Я помню» вместо «Хорошо, Кип, я так и сделаю». Оговорка? Они случались, только когда были ей нужны. Между «вас понял» и «разрешите исполнять» разница огромная.

И, кроме того, сама моя затея — отыскать тело Мамми — была дурацкой. Как только доставлю

его внутрь, оно начнет портиться. Было бы лучше оставить его в естественном морозильнике.

Но эта мысль была невыносима. Там лютая стужа, а Мамми была такой милой и теплой… такой жизнерадостной. Я должен принести ее туда, где она согреется.

Если эмоции начинают толкать на заведомо глупые поступки, это тревожный сигнал.

Что еще хуже, я не оценивал свои действия. Это из-за спешки, ведь Мамми хотела включить маяк раньше определенного момента, до которого осталось мало времени, может минут десять. Задачу-то я выполню, но какой в том прок? Допустим, ее родная звезда совсем рядом — например, Проксима Центавра, — а черверотые прилетели откуда-то издалека. Даже если маяк заработает, сигнал бедствия дойдет до ее соплеменников лишь через четыре года!

Может, для Мамми это нормально. Похоже, она из народа долгожителей и ей ничего не стоит прождать спасателей несколько лет. Но мы с Чибис так не можем. Пока это сообщение со скоростью света доползет до Проксимы Центавра, мы умрем. Я обрадовался, увидев Чибис, но я знал, что́ нас ждет. Смерть. Через несколько дней или недель, от силы месяцев, закончится воздух, или вода,

или пища. Либо прилетит корабль черверотых, и тогда, если повезет, мы погибнем в отчаянной битве.

Как ни крути, запуск маяка — всего лишь «исполнение последней воли покинувших нас», как говорят на похоронах. Сентиментальная глупость.

Внешняя дверь начала открываться. Аве, Мамми! Идущие на смерть…

Снаружи стоял холод, лютый холод, хотя на ветер я еще не вышел. Светились панели, и было видно, что в туннеле все вверх дном. Два десятка панелей-ступеней были порваны, как барабанные перепонки. Я подивился — бомбу, наделавшую столько бед, собрали из деталей, унесенных в кармашке. От взрыва у меня лязгали зубы, хоть я и был заточен в нескольких сотнях футов отсюда, в скале.

Первые десять панелей сброшены вовнутрь. Неужели Мамми взорвала бомбу в середине туннеля? От такого взрыва она сама унеслась бы, как перышко! Скорее всего, подложила бомбу, вернулась и активировала ее — а потом вышла через шлюз, как я. Других объяснений я не находил.

С каждым шагом становилось холоднее. Ноги еще не очень замерзли, неуклюжие бахилы дела-

ли свое дело. Черверотые знали толк в изоляции.

Оскар, отопление включил?

На всю катушку, парень. Ну и погодка нынче!

Это ты мне говоришь!

Сразу за самой последней сорванной панелью я нашел Мамми.

Она упала ничком, как будто шла-шла и выбилась из сил. Руки были вытянуты вперед, а на полу перед крошечными пальчиками лежала круглая коробочка размером с пудреницу.

Лицо было спокойно, а глаза открыты, только затянуты мигательной перепонкой, как тогда, на пастбище за моим домом, при первой нашей встрече, случившейся несколько дней, или недель, или тысячелетий назад. Но тогда она была ранена, это бросалось в глаза; теперь же я едва ли не ожидал, что она моргнет и пропоет приветствие.

Я дотронулся до нее.

Она была тверда как лед и гораздо холоднее льда.

Я моргнул, смахивая слезы, и не стал терять ни секунды. Она хотела, чтобы эту коробочку поместили в сотне ярдов отсюда и повернули рычажок — и на это оставалось шесть или семь минут. Я подобрал коробочку.

Хорошо, Мамми! Я иду!
Двигай, парень!
Спасибо, милый Кип…

В привидения я не верю. Просто я столько раз слышал, как Мамми выпевает слова благодарности, что теперь эта мелодия слабым эхом прозвучала у меня в голове.

Через несколько футов, у выхода, я остановился. На меня обрушился ветер, такой свирепый, что смертельная стужа туннеля показалась летней прохладой. Я закрыл глаза, отсчитал тридцать секунд, чтобы привыкнуть к свету звезд, нащупал наклонную подпорку с наветренной стороны туннеля, которая крепила эстакаду к горе, и привязал страховочную веревку. Я знал, что снаружи ночь, и ожидал, что дорога будет выглядеть черной полосой на фоне белого «снега», блестящего под яркими звездами. На таком ураганном ветру необходимо видеть края дорожки, а для этого придется освещать ее фарой шлема, то есть поворачивать голову вместе с туловищем из стороны в сторону. Это не только отнимет время — можно потерять равновесие и сорваться.

Так что мне, прежде чем выйти, пришлось обдумать каждую мелочь. Ночной Плутон — это вам не парк отдыха. Так что, привязав веревку, я

отсчитал тридцать секунд — дал глазам привыкнуть к свету звезд. Потом открыл их.

И не увидел ни черта!

Ни одной звездочки. Между землей и небом — никаких отличий. Я стоял спиной к туннелю, и шлем затенял лицо, как пляжная шляпа. А ведь мне позарез было нужно видеть дорогу. Проклятье!

Я повернул голову и обнаружил причину и кромешной тьмы, и землетрясения — действующий вулкан. То ли в пяти милях, то ли в пятидесяти, но это не суть важно. Зазубренный багровый шрам над горизонтом нельзя было спутать ни с чем.

Я не стал его разглядывать. Включил фонарь, осветил правую, наветренную сторону эстакады и неуклюже засеменил вперед, держась как можно ближе к краю, — если ветер свалит с ног, я упаду на дорожку, а не сразу в пропасть. Этот ветер пугал меня. Веревку, намотанную на левую руку, я по мере своего продвижения отпускал, но старался держать достаточно натянутой. Витки были твердыми как железо.

Ветер не только страшил — он мучил. Обжигал холодом, как огнем. И обжигал, и раздирал, и промораживал до костей. Мой правый бок, которому больше доставалось, совершенно одеревенел, и

тогда сильнее заболел левый.

Я не чувствовал веревки. Остановился, нагнулся и осветил моток лучом фонаря. Вот что еще нужно усовершенствовать — фонарь должен поворачиваться на шарнирах!

Веревка размоталась наполовину, я прошел добрых пятьдесят ярдов. Она закончится как раз там, куда стремилась Мамми. Поторопись, Кип!

Шевелись, парень! Здесь холодно.

Я снова остановился. Где коробочка?

Я ее не чувствовал. Посветив фонарем, убедился, что она стиснута в правой руке. Ни с места, пальцы! Я поспешил вперед, считая шаги. Один! Два! Три! Четыре!..

Досчитав до сорока, остановился и взглянул на кромку. Я добрался до самой высокой точки эстакады, там, где дорога пересекала ручей, и припомнил, что это примерно на середине маршрута. Метан, или что там в ручье текло, весь превратился в лед, и я понял, что ночь действительно холодна.

На левой руке остались считаные витки — я был у цели. Я отпустил веревку, осторожно передвинулся на середину дороги и опустился на колени, чтобы установить коробочку.

Пальцы не слушались.

Я разогнул их левой рукой, вынул коробочку из кулака. Дьявольский ветер чуть не вырвал ее, и это чудо, что я не дал ей укатиться. Обеими руками я аккуратно поставил ее вертикально.

Шевели пальцами, дружище. Сведи руки вместе!

Я свел. Мышцы предплечья слушались, хотя сгибать пальцы было мукой мученической. Неловко придерживая коробочку левой рукой, я нашарил рычажок.

Я его не почувствовал, но он легко повернулся при моем прикосновении. И тогда я увидел.

Казалось, она ожила и замурлыкала. Возможно, я услышал вибрацию, передавшуюся перчаткам и скафандру; почувствовать онемевшими пальцами я, разумеется, не мог. Я оставил коробочку, неловко поднялся на ноги и отступил, чтобы, не наклоняясь, осветить маяк.

Дело Мамми было завершено, и я надеялся, что вовремя. Будь у меня здравого смысла чуть побольше, чем у дверной ручки, я бы развернулся и скрылся в туннеле еще быстрее, чем выходил из него.

Но я был зачарован действиями этого механизма.

Он встряхнулся и выпустил три паучьи ножки.

Этот маленький треножник распрямился, подняв маяк на высоту в фут. Он снова встряхнулся, и я испугался, как бы его не снесло ветром. Но паучьи ножки напряглись, будто вцепившись в дорожное покрытие, и устройство стало незыблемым, как скала.

Над ним поднялся и распустился механический цветок дюймов восьми в диаметре. Из цветка выдвинулся палец — антенна? — покачался, будто нацеливаясь, и замер, указывая в небо.

Маяк сработал. Я уверен, что сработал, хотя видел лишь вспышку света. Наверное, это было побочное явление, свет сам по себе не мог передать информацию, даже если бы не было извержения вулкана. Возможно, я наблюдал какой-то безобидный эффект при выделении огромного количества энергии — эффект, который Мамми не смогла предотвратить из-за нехватки времени, материалов или оборудования. Он был не ярче фотовспышки. Но я смотрел прямо на него. Поляризаторы не успели отреагировать. Фисташковый свет ослепил меня.

Я решил, что у меня испортился фонарь, но потом сообразил, что перед ослепшими глазами висит большой зеленовато-пурпурный диск.

Не волнуйся, приятель, это просто световой

шок. Подожди, и все пройдет.

Не могу ждать! Замерзну насмерть!

Найди веревку, она пристегнута к поясу. Держись за нее и иди.

Я сделал, как сказал Оскар: нашел веревку, развернулся, начал наматывать ее на обе руки.

Вернее, попытался.

Нет, она не порвалась, как обычная веревка, а раскололась, как стеклянная. Впрочем, почему «как»? И нейлон, и стекло — это переохлажденные жидкости.

Теперь-то мне известно, что такое переохлаждение.

Но тогда мне было не до подобных открытий. Я знал лишь одно: веревка — последнее, что еще связывает меня с жизнью. Я ослеп, оглох, остался один над пропастью, в миллиардах миль от дома, и ветер из глубин ледяной преисподней выдувает последние капли жизни из тела, которого я уже почти не ощущаю. Там же, где оно не успело утратить чувствительность, его жжет как огнем.

Оскар!

Я здесь, старина. Ты справишься. Что-нибудь видишь?

Нет!

Ищи вход в туннель. Там, где свет. Выключи

фонарь. Конечно сможешь — это же просто. Подними руку и найди тумблер на шлеме, справа.

Я поднял и нашел.

Видишь что-нибудь?

Пока нет.

Подвигай головой. Попробуй заметить что-нибудь боковым зрением. Ты знаешь, что основная область ослепления прямо перед глазами. Ну как?

Вроде заметил!

Красноватое, да? И зазубренное. Вулкан. Теперь мы знаем, что впереди. Медленно поворачивайся и старайся увидеть устье туннеля.

Поворачиваться я и так мог только медленно.

Вот оно!

Прекрасно, ты стоишь лицом к дому. Опускайся на четвереньки и осторожно двигайся влево. Не поворачивайся — тебе нужно нащупать край дороги и ползти к туннелю.

Я опустился на четвереньки. Руки не почувствовали прикосновения, я ощущал только давление на суставы, словно все мои конечности были искусственными. Я нашел край. Левая рука соскользнула вниз, и я чуть не упал.

Направление верное?

Конечно. Ты ведь не поворачивал, а просто дви-

гался вбок. Можешь повернуть голову и увидеть туннель?

Только если встану на ноги.

Не смей! Попробуй снова включить прожектор. Возможно, зрение уже восстановилось.

Я протянул руку к правой стороне шлема. Должно быть, задел выключатель — передо мной возник круг света, туманный по краям. Слева сквозь него просвечивал край дорожки.

Молодец! Нет, не вставай; ты ослаб, голова кружится, можешь упасть. Ползи. Считай шаги. Трехсот должно хватить.

Я пополз, считая шаги.

Далеко, Оскар. Думаешь, осилим?

Конечно осилим! По-твоему, мне хочется застрять тут?

Я составлю компанию.

Не болтай, сбиваешь со счета. Тридцать шесть… тридцать семь… тридцать восемь…

Так мы и ползли.

Вот и сотня. Начинаем вторую. Сто один… сто два… сто три…

Мне лучше, Оскар. Стало теплее.

ЧТО?!!

Я сказал, что согреваюсь.

Ты не согреваешься, чертов идиот! Ты замер-

заешь насмерть! Ползи быстрей! Нажимай на рычажок. Дыши глубже. Я хочу щелчок услышать!

Я слишком вымотался, чтобы спорить; нажал три или четыре раза и почувствовал дуновение воздуха на лице.

Живее. Теперь действительно теплей! Сто девять... сто десять... сто одинна... сто двена... Соберись!

На счете «двести» я сказал, что немного отдохну.

Не смей!

Мне нужно отдохнуть. Совсем чуточку.

Нужно, значит? И чем это кончится? Что сделает Чибис? Она ждет. И боится, потому что тебя нет слишком долго. Что она сделает? Отвечай!

Она... попробует надеть скафандр Тима.

Верно! Как мы уже объясняли, в случае поступления одинаковых лозунгов выигрывает отправленный раньше. Далеко она доберется? Ответь-ка.

Ну... наверное, до выхода из туннеля. Потом ее сдует ветром.

В самую точку. Вот и соберется вся семейка. Ты, я, Мамми, Чибис. Идиллия. Фамильное клад-

бище.

Но…

Так что шаркай, братец. Шарк… шарк… шарк… двести пять… двес-шес… двес-се…

Я не помню, как падал. Не помню даже ощущений от «снега». Помню только, как обрадовался, что досчитал до конца и теперь можно отдохнуть.

Но Оскар мне этого не позволил.

Кип! Кип! Очухайся! Вползай обратно на то… узкое и прямое.

Уйди.

И рад бы, да не могу. Тебе прямо. Хватайся за край и вползай. Осталось совсем немного.

Мне удалось поднять голову, и в свете фонаря, в двух футах над головой, я увидел край эстакады. Меня мотнуло назад.

Слишком высоко, — безжизненно прошептал я. — Оскар, кажется, это конец.

Он фыркнул.

Да ну? А кто недавно упрямо заставлял идти капризную, смертельно уставшую девчонку? Капитан Комета, да? Или как бишь его? Гроза Звездных Путей… Никчемный ленивый космический бродяга… «Есть скафандр — готов путешествовать!» Не дашь ли автограф, Капитан, перед

тем как опочить? Впервые вижу натурального, живого космического пирата… угонщика кораблей и похитителя маленьких девочек.

Как тебе не стыдно!

Ладно, ладно, понимаю, я тебе надоел. Только напоследок: у нее в одном мизинчике больше силы духа, чем во всем твоем лживом, толстом, ленивом организме! Прощай, бесхребетная жаба. И не жди, я не вернусь.

Оскар! Не бросай меня!

Что? Ты просишь помощи?

Да!

Ну, если не дотягиваешься, возьми молоток и зацепись за край эстакады. И полезай.

Я моргнул. А что, может, и получится! Я пошарил внизу, понял, что нащупал молоток, хотя и не почувствовал этого, и отцепил его. Обеими руками закинул его за край эстакады над головой. И попробовал подтянуться.

Дурацкий молоток разбился, как и веревка. Инструментальная сталь разлетелась на куски, точно ком шлака.

Это меня взбесило. Я привел себя в сидячее положение, взгромоздил оба локтя на край, долго возился, рычал и потел от ярости — и наконец перекатился на эстакаду.

Вот молодец! Не надо считать, просто ползи к свету!

Отверстие туннеля тряслось и плясало, и я никак не мог отдышаться. Стукнул подбородком по рычажку — ничего не произошло.

Оскар! Рычаг заело!

Еще раз.

Оскар ответил не сразу.

Нет, дружище, не заело. Это замерзли воздушные шланги. Видимо, в последний раз баллоны заправили чересчур влажным воздухом.

Мне дышать нечем!

Оскар снова помолчал. Потом твердо ответил:

Есть чем. У тебя полный скафандр воздуха, на несколько оставшихся футов хватит.

Я не дойду.

Всего несколько футов. Там, впереди, Мамми. Не останавливайся.

Я поднял голову. В самом деле, она там была. Я пополз, а она становилась все больше и больше. Наконец я сказал:

Оскар… я больше не могу.

Боюсь, что так. Я тебя подвел… но спасибо, что не бросил меня там, снаружи.

Ты меня не подвел… ты парень что надо. Просто я не смог довести дело до конца.

Наверное, мы оба не смогли… но уж точно доказали, что сделали все возможное! Пока, партнер.

Пока. Hasta la vista, amigo![15]

Я прополз еще чуть-чуть и замер, голова к голове с Мамми.

Она улыбалась.

Привет, сынок.

Я не… не смог, Мамми. Прости меня.

Что ты!.. Ты все сделал правильно!

Да?

И ты сделал, и я. Мы оба сделали.

Я очень долго размышлял об этом.

И Оскар.

И Оскар, конечно.

И Чибис.

Ну как же без Чибис. Мы справились. Теперь отдохни, милый.

Спокойной ночи… Мамми.

Отдых выдался чертовски коротким. Только я прикрыл глаза, наслаждаясь теплом, счастьем от ласковых слов Мамми, — как меня принялась трясти Чибис. Она прижалась к моему шлему:

— Кип! Кип! Вставай! Вставай, пожалуйста!

— Что? Почему?

---

[15] notes: 15
До свидания, друг! *(исп.)*

— Потому что я не могу тебя тащить. Пыталась, не получается. Ты слишком тяжелый.

Я обдумал ее слова. Конечно, она не может меня тащить… А зачем взялась? Что за глупости? Я же в два раза больше ее. Это я ее понесу… Вот только отдышусь…

— Кип! Ну вставай же! — Она плакала навзрыд.

— Ладно, солнышко, — ласково сказал я. — Раз уж тебе так хочется.

Я попытался встать, это было ужасно трудно. Можно сказать, меня подняла Чибис. Когда я оказался на ногах, она поддержала, чтобы не шатался.

— Повернись. Иди.

Она почти волокла меня, взвалив на плечи мою правую руку. Когда мы добирались до очередной снесенной взрывом двери, Чибис или помогала мне перебраться через обломки, или просто переваливала, а потом снова поднимала.

Наконец мы достигли шлюза, и она открыла клапан, чтобы заполнить камеру воздухом с той стороны. Ей пришлось отпустить меня, и я свалился. Когда внутренняя дверь открылась, Чибис повернулась, что-то сказала и поспешно стянула с меня шлем.

Я сделал глубокий вдох, голова закружилась, в глазах потемнело.

Она внимательно рассматривала меня:

— Ты как, в порядке?

— Я? Конечно! А что?

— Давай помогу пройти внутрь.

Я не понял, зачем мне помогать, но она уже взялась за дело, и, оказалось, не зря. Чибис усадила меня на пол рядом с дверью, спиной к стене — я не хотел ложиться.

— Кип, ох и натерпелась же я страху!

— Почему? — Я не мог сообразить, отчего она так разволновалась.

Разве Мамми не сказала ей, что мы справились?

— Ну, потому что… не нужно было отпускать тебя наружу.

— Но ведь необходимо было установить маяк.

— И… ты установил?

— Конечно. Мамми обрадовалась.

— Я уверена, что она бы обрадовалась, — скорбно произнесла Чибис.

— Но она в самом деле обрадовалась.

— Хочешь снять скафандр? Тебе помочь?

— Хм… Нет, пока не стоит. Принеси попить.

— Сейчас!

Она вернулась с водой. Оказалось, вовсе не так уж и сильно хотелось пить. Меня мутило. Она всмотрелась и сказала:

— Не возражаешь, если я ненадолго уйду? Ты сейчас как?

— Да ничего. — Мне было плохо, болело все, что способно болеть, но тут она ничем не могла помочь.

— Скоро вернусь. — Чибис начала пристегивать шлем, и я с вялым любопытством отметил, что она в своем скафандре, — раньше почему-то казалось, что это скафандр Тима.

Чибис направилась к шлюзу, и я понял, что она затеяла. Хотел сказать ей, что Мамми лучше не приносить сюда, потому что здесь она будет… она будет… Даже мысленно я не смел произнести слово «разлагаться».

Но Чибис уже ушла.

Думаю, она отсутствовала минут пять, не больше. Я сидел с закрытыми глазами, в какой-то прострации. Заметил только, как открылась внутренняя дверь. Через порог перешагнула девочка, неся в руках негнущуюся, точно полено, Мамми.

Чибис положила Мамми на пол, придав ей ту же позу, в какой я видел ее в последний раз, потом отстегнула шлем и заплакала.

Я не мог подняться. Ноги разламывались от боли. И руки тоже.

— Чибис… пожалуйста, солнышко, не надо. Это ведь не поможет.

Она подняла голову:

— Все. Больше не буду плакать.

И она больше не плакала.

Так мы сидели очень долго. Чибис опять предложила мне вылезти из скафандра, но, когда я с ее помощью попытался это сделать, стало так больно, особенно ногам и рукам, что я попросил ее прекратить. Она встревожилась:

— Кип… боюсь, что ты обморозился.

— Может быть. Но сейчас с этим ничего не поделаешь. — Я поморщился и сменил тему. — Где ты нашла свой скафандр?

— О-о-о!.. — На ее лице промелькнула злость, сменившаяся улыбкой. — Нипочем не угадаешь. Внутри скафандра Джока.

— Да уж. Прямо «Похищенное письмо»[16].

— Что?

— Ничего. Не знал, что у старины Лилового было чувство юмора.

Вскоре после этого мы ощутили еще одно со-

---

[16] notes: 16
Рассказ Эдгара Аллана По.

трясение, очень мощное — аж вздыбился пол. Будь там люстры, они бы задрожали. Чибис взвизгнула.

— Ох! Почти такой же силы, как последнее.

— Намного сильнее, пожалуй. То было совсем слабое.

— Нет, я имею в виду другое — когда ты был снаружи.

— А разве тогда трясло?

— Неужели не почувствовал?

— Нет. — Я напряг память. — Может, когда я свалился на «снег»?

— Ты падал на «снег»? Кип!

— Обошлось. Оскар меня выручил.

База снова содрогнулась. Все бы ничего, только тело опять взорвалось болью. Затуманенное сознание прояснилось настолько, что я спохватился: а ведь можно не мучиться.

Так… в аптечке справа таблетки, а кодеин чуть дальше…

— Чибис! Не принесешь еще воды?

— Конечно!

— Я хочу принять кодеин, но от него могу заснуть. Ты не возражаешь?

— Если сможешь, поспи. Сон тебе не повредит.

— Я тоже так думаю. Который час?

Когда она ответила, я не поверил.

— Хочешь сказать, прошло больше двенадцати часов?

— С какого времени?

— С начала всего этого.

— Не понимаю, Кип. — Она уставилась на часы. — Прошло ровно полтора часа с тех пор, как я тебя нашла, и почти два часа с того момента, как Мамми взорвала свои бомбы.

В это я тоже не мог поверить. Но Чибис настаивала на своей правоте.

От кодеина мне сильно полегчало, я уже начал задремывать, когда Чибис сказала:

— Кип, ты не чувствуешь запаха?

Я принюхался:

— Похоже на спички.

— Вот именно. И давление вроде падает. Кип… наверное, лучше закрыть твой шлем — раз ты собираешься спать.

— Хорошо. Ты свой тоже закроешь?

— Да. Похоже, этот отсек не герметичный.

— Похоже.

После всех этих взрывов и землетрясений отсек и не мог остаться герметичным. Но я настолько выдохся и вдобавок сомлел от кодеина, что даже не обеспокоился. Сейчас или через месяц — какая

разница? Сказала же Мамми, что все нормально.

Чибис застегнула меня, себя, мы проверили радио, и она уселась лицом ко мне и Мамми. Девочка долго молчала. Потом я услышал:

— «Чибис» вызывает «Майского жука»…

— Слышу тебя, «Чибис».

— Кип? Все-таки было здорово, в основном, в главном. Правда?

— Что? — Я взглянул вверх, шкала показывала, что воздуха у меня на четыре часа. Следовало вдвое снизить давление, чтобы уравнять его с упавшим давлением в отсеке. — Да, Чибис, было классно. Я бы ни с кем не поменялся местами.

Она вздохнула:

— Хотела убедиться, что ты не винишь меня. Спи.

Я уже засыпал, когда Чибис вскочила и мои наушники ожили.

— Кип! За дверью!

Я понял, что это означает, и сон отлетел. Почему они не могут оставить нас в покое? Хотя бы на несколько часов?

— Чибис, без паники. Отойди за дверь. Штуковина, что светит голубым, у тебя?

— Да.

— Попробуют сунуться — пали.

— Отодвинься, Кип, ты как раз у них на пути!

— Не могу подняться. — Я и шевельнуть руками не мог. — Стреляй на небольшой мощности, если и заденешь меня, не страшно. Делай, что говорю! Скорее!

— Да, Кип. — Она встала так, чтобы стрелять сбоку, подняла излучатель.

Внутренняя дверь открылась, появился силуэт. Я увидел, что Чибис опускает палец на кнопку, и заорал по рации:

— Не стреляй!

Но она уже бросила оружие и рванулась вперед.

Это были соплеменники Мамми.

Только вшестером они смогли поднять меня, Мамми несли двое. Все время, пока снаряжали носилки, они пели мне утешительные слова. Перед тем как за меня взялись, я проглотил еще одну таблетку кодеина, потому что даже при их нежном обращении каждое движение отзывалось болью.

Несли нас недолго — корабль приземлился у самого входа в туннель, разрушив при этом, как я и надеялся, проклятую эстакаду.

Как только мы оказались в безопасности, Чибис сняла с меня шлем и расстегнула на груди

скафандр.

— Кип! Ну разве они не чудесные?

— Да. — От таблетки кружилась голова, но стало легче. — Когда отправляемся?

— Уже летим.

— Нас отвезут домой?

Обязательно скажу мистеру Чартону, что кодеин очень помог.

— Что? Нет-нет! Мы летим на Вегу.

Я потерял сознание.

Глава 9

Мне снилось, что я дома.

Услышав мелодию, я встрепенулся.

— Мамми!

Доброе утро, сынок. Счастлива, что ты поправляешься.

— Я хорошо себя чувствую. Отлично выспался… — Я уставился на нее. — Ты же умерла!

Брякнул — и сразу пожалел об этом.

Ее ответ прозвучал тепло, с мягким юмором. Так поправляют промашку ребенка.

Нет, милый, я просто замерзла. Я не такая хрупкая, как тебе, наверное, показалось.

Я проморгался и снова посмотрел на нее.

— Так это был не сон?

Нет, это был не сон.

— Мне казалось, что я дома и… — Я попытался сесть, но смог только поднять голову. — Но я дома!

Это моя комната! Слева комод, за спиной Мамми — дверь в прихожую, справа стол, на нем стопки книг, над ним — вымпел Сентервиллской школы. Над столом окно, за окном старый вяз — на ветру шелестит испятнанная солнцем листва.

Логарифмическая линейка лежала там, где я ее оставил.

В голове был туман, но внезапно я понял. Все действительно произошло на самом деле, мне приснился только дурацкий конец. Несомненно, этот «полет на Вегу» — результат действия кодеина.

— Вы привезли меня домой?

Мы привезли тебя домой… Это твой второй дом. Мой дом.

Кровать затряслась. Я вцепился в нее, руки не слушались. Мамми все пела:

Тебе нельзя без твоего гнездышка. Мы свили его.

— Мамми, я ничего не понимаю.

Мы знаем, что птицу лечит ее гнездо. Вот и построили его для тебя.

В ее речи не было слов «птица» и «гнездо», но Большой толковый словарь более близких значений не дает.

Я глубоко вздохнул, чтобы собраться с мыслями. Я понял Мамми. Что-что, а доходчиво объяснять она умела. Комната не моя, я не дома — просто сделано очень похоже. Но я все никак не мог прийти в себя.

Я огляделся и диву дался: как же можно было

ошибиться?

Свет из окна падает не в ту сторону. На потолке нет заплатки, которая появилась, когда я делал тайник на чердаке и под молотком отвалилась штукатурка. Не там лежат тени.

Книги чистенькие, как нераспечатанные коробки с конфетами. И корешки не узнать.

В общем, близко, только детали не совпадают.

Мне нравится эта комната, пропела Мамми. *Она похожа на тебя, Кип.*

— Мамми, — спросил я слабым голосом, — как вы это сделали?

Мы спрашивали тебя. И Чибис помогла.

Но ведь Чибис никогда не бывала в моей комнате! Впрочем, она видела достаточно американских домов, чтобы стать на Веге консультантом-экспертом.

— Чибис здесь?

Она сейчас придет.

Если рядом Чибис и Мамми, все будет хорошо. Вот только…

— Мамми, я не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Она положила крошечную теплую ладонь мне на лоб и наклонилась так, что я мог видеть лишь ее огромные, как у лемура, глаза.

Ты их повредил. Но теперь поправляешься, не волнуйся.

Если Мамми советует не волноваться, значит и впрямь нет причин вставать на уши. Эти глаза никогда не лгут. Зато в них можно окунуться, можно нырять и плавать кругами.

— Хорошо, Мамми. — Я вспомнил кое-что. — Ты же… замерзла. Это правда?

Да.

— Но… известно же, что вода, замерзая, разрывает живые клетки.

Мой организм, с гордостью ответила она, *никогда такого не допустит.*

— Ага… — Я поразмыслил над услышанным. — Только меня, пожалуйста, не купайте в жидком воздухе. Мой организм для этого не годится.

И вновь Мамми ответила с шаловливым, снисходительным смешком:

Постараемся не повредить тебе. Она выпрямилась и закачалась, как ивовый прут. *Чувствую, идет Чибис.*

В дверь постучали — еще одно несоответствие: не так должны звучать удары по легкой двери в межкомнатной перегородке. Раздался голос Чибис:

— Можно?

Девочка не дождалась ответа — я бы удивился, случись наоборот. То, что я успел увидеть за дверью, выглядело в точности как у нас дома. Они потрудились на славу.

Входи, милая.

— Давай-давай, Чибис. Тем более что ты уже вошла.

— Не цепляйся.

— Уж кто бы говорил. Привет, детка.

— Сам детка.

Мамми пошла к двери.

Не задерживайся, Чибис. Не надо его утомлять.

— Не буду, Мамми.

Пока, милые.

— Когда в этом лазарете часы посещений?

— Когда она разрешит, разумеется. — Чибис стояла напротив, уперев кулаки в бока. Впервые я ее увидел по-настоящему чистой: отмытые розовые щечки, пушистые волосы; лет через десять, глядишь, станет симпатичной. Одета она была как всегда, только шмотки отстираны, все пуговицы на месте, прорехи аккуратно зашиты.

— Н-да, — сказала она наконец, озабоченно вздохнув. — Наверное, тебя еще штопать и штопать.

— Меня? Да я в полном порядке! А ты как?

Она постучала по кончику носа:

— Морозом чуть-чуть прихватило. Ерунда. А вот ты выглядел неважно.

— Неважно — это как?

— Сказала бы я, да мама говорит, что леди так не выражаются.

— Ладно, молчи тогда.

— Не язви, у тебя плохо получается.

— Может, разрешишь на тебе попрактиковаться?

Она хотела отбрить меня в своей привычной манере, но передумала, а потом вдруг улыбнулась и придвинулась. Я испугался, что она меня поцелует, но она только похлопала по одеялу и торжественно произнесла:

— Пожалуйся, можешь быть язвой, жадиной, капризулей, можешь ругать меня, можешь все, что угодно, и я даже не пикну. Не сомневаюсь, что ты можешь перечить даже Мамми.

Не представляю, чтобы мне этого захотелось.

— А ты не похожа на себя, Чибис. Уже нимб проглядывает.

— Он бы давно появился, если бы не ты. Хотя нет, я бы, наверное, провалилась на экзаменах для нимбоносцев.

— Думаешь? А мне вспоминается кое-кто примерно твоего роста, притащивший меня на базу чуть ли не на закорках. Как насчет этого?

Она хмыкнула:

— Ерунда. Главное, ты установил маяк…

— Ладно, давай каждый останется при своем мнении. Холодновато было снаружи. — Я сменил тему, которая смущала обоих.

Заикнувшись о маяке, девочка кое о чем мне напомнила.

— Чибис, где мы?

— А? У Мамми дома, конечно. — Она огляделась и сказала: — Ой, Кип, я забыла, на самом деле это не твоя…

— Знаю, — перебил я. — Подделка. Сразу видно.

— Разве? — Она расстроилась. — А я думала, мы отлично все устроили.

— Вы все замечательно устроили. Не понимаю, как вам это удалось.

— У тебя замечательная память. Прямо-таки фотографическая.

«И язык без костей», — добавил я про себя. Интересно, что еще я выболтал, пока валялся без сознания? И Чибис все слышала. Но не спрашивать же об этом. У человека должны оставаться

хоть какие-то секреты.

— И все-таки это подделка, — продолжал я. — Что мы дома у Мамми, я теперь знаю. Но где этот дом?

— Ой! — Она посмотрела на меня круглыми глазами. — Но я же тебе говорила. Может, не помнишь — ты уже засыпал.

— Припоминаю кое-что, — сказал я медленно, — но до меня не доходит смысл. Кажется, ты сказала, что мы летим на Вегу.

— Вроде она значится в каталогах как Вега-пять. Сами они называют ее… — Чибис откинула голову и выдала трель; правда, это больше походило на партию Золотого петушка из оперы Римского-Корсакова. — Но так я еще не умела, поэтому сказала «Вега», смысл примерно тот же.

Я снова попытался сесть и не смог.

— И вот так, стоя передо мной, ты говоришь, что мы на Веге? Точнее, на какой-то планете Веги?

— Ну, ты же не предложил мне сесть.

Этот чибисизм я пропустил мимо ушей. Взглянул на окно, из которого лился солнечный свет.

— Вега светит?

— Что ты, это искусственное освещение. Если бы они оставили настоящий свет Веги, тут все выглядело бы как… как в сиянии электрической

дуги. Ты же знаешь, Вега расположена очень высоко на диаграмме Герцшпрунга — Рессела.

— А-а-а… Ну да.

Вот уж чего никогда не знал, так это спектрального класса Веги. Как-то не думал, что мне это понадобится.

— Кстати! Будь осторожен, Кип, когда начнешь ходить. Тут за десять секунд можно загореть, как в Ки-Уэсте за всю зиму, а через десять минут от тебя останутся только угли.

Определенно у меня талант попадать в места с тяжелым климатом. К какому спектральному классу относится Вега? К «А»? Нет, скорее к «В»? Я знал, что она большая и яркая, больше Солнца, и расположена в созвездии Лиры.

Но как, прости Эйнштейн, мы сюда попали?

— Чибис? А до Веги далеко? То есть я хотел сказать, далеко ли до Солнца? Ты не знаешь, случайно?

— Случайно знаю, — ответила она обиженно. — Двадцать семь световых лет.

Громадные галопирующие гориллы!

— Чибис, возьми со стола логарифмическую линейку. Умеешь с ней обращаться? У меня руки не слушаются.

Девочка замялась:

— Зачем она тебе?

— Хочу сосчитать, сколько это будет в милях.

— Да я сама сосчитаю, без линейки.

— Но с ней быстрее и надежнее. Вот что, если не умеешь ею пользоваться, не стесняйся, в твоем возрасте я тоже не умел. Я тебя научу.

— Да умею я! — вспылила она. — Думаешь, я дура? Но лучше так посчитаю. — Она беззвучно зашевелила губами. — Сто пятьдесят девять триллионов миль.

Совсем недавно я считал расстояние до Проксимы Центавра. Вспомнил, сколько миль в световом году, и прикинул на глазок: шесть на двадцать пять — сто пятьдесят… А где там десятичная запятая?

— Вроде бы верно.

Сто пятьдесят девять триллионов! Столько нулей… даже неуютно.

— Еще бы не верно! — отрезала она. — Я никогда не ошибаюсь.

— Господи! Прямо карманная энциклопедия!

Она потупилась:

— Не могу же я не быть гениальной, если такой родилась.

Чибис сама подставилась, и я уже хотел от души отыграться, но тут увидел, какой у нее

несчастный вид.

Я вспомнил папины слова: «Некоторые уверяют, что лучше быть средним, чем лучшим. Такие люди с удовольствием обрежут крылья другим, потому что сами их лишены. Они презирают ум, поскольку сами им не обладают». Тьфу ты!

— Извини, Чибис, — тихо сказал я. — Я понимаю, есть вещи, которые от нас не зависят. Ты маленькая, я большой. Ты гениальная, а мне таким не стать…

Она успокоилась и приняла серьезный вид.

— Кажется, опять захотела порисоваться, — произнесла она, крутя пуговицу. — Или решила, что ты понимаешь меня — как папа.

— Польщен. Вряд ли я тебя понимал, но отныне буду стараться.

Она продолжала теребить свою пуговицу.

— Ты и сам довольно умный, Кип. Наверняка ведь догадываешься.

Я ухмыльнулся:

— Будь я умным, разве очутился бы здесь? Слушай, солнышко, давай все-таки проверим на логарифмической линейке твои выкладки. Мне правда интересно.

Двадцать семь световых лет — отсюда Солнца не увидишь. Ведь наша родная звезда совсем

невелика.

Чибис вновь замялась:

— Кип, линейка не годится.

— Что? Да это лучшая линейка из тех, что можно купить за деньги…

— Кип, погоди! Это не линейка. Это кусок стола.

— Хм? — Я смутился. — Я и забыл. А коридор за дверью — длинный?

— Там только часть его, то, что ты видишь отсюда. Кип, мы бы сделали линейку настоящей, было бы время. Они тоже разбираются в логарифмах. Еще как разбираются!

Вот это меня и беспокоило — «было бы время».

— Чибис, а сколько времени мы сюда летели?

Двадцать семь световых лет! Пусть даже со скоростью света. Для меня-то, по Эйнштейну, они протекли незаметно — но не для Сентервилла. Папа мог уже умереть! Папа старше мамы, он мне, в общем-то, в дедушки годится. Еще двадцать семь лет обратно — да ему за сотню перевалит! Даже мама вряд ли доживет.

— Сколько времени? Да нисколько.

— Нет-нет. Я знаю, этого не почувствуешь. Ты ничуть не повзрослела, я все так же лежу обмороженный. И тем не менее путь занял по крайней

мере двадцать семь лет.

— Кип, ты о чем?

— О релятивистских уравнениях, разумеется. Слыхала про теорию относительности?

— Ах, это! Конечно. Но здесь она неприменима. Такие полеты не занимают времени. Ну, минут пятнадцать на выход из атмосферы Плутона, потом примерно столько же на посадку здесь. А остальное — тьфу! Ноль.

— Но на световой скорости так не получится.

— Нет, Кип. — Она нахмурилась, потом ее лицо просветлело. — Сколько времени прошло с того момента, как ты поставил маяк, и до того, как нас спасли?

— Хм… — Это меня воскресило. Папа не умер! У мамы даже седые волосы не появятся. — Около часа.

— Чуть больше. Если бы корабль стоял наготове, было бы меньше… Тогда, наверное, в туннеле тебя нашли бы они, а не я. Сообщение добралось мгновенно. Полчаса готовили корабль. Мамми была в бешенстве. Никогда бы не подумала, что она на такое способна. Корабль-то должен быть постоянно готов к старту.

— И стартовать, как только ей понадобится?

— Совершенно верно. Мамми важная птица.

Еще полчаса на маневры в атмосфере — и все. В реальном времени. Никаких фокусов с теорией относительности.

Я попытался привыкнуть к этой мысли. За час они покрывают двадцать семь световых лет — и еще получают нагоняй за потерянное время. Этак соседи по кладбищу дадут доктору Эйнштейну прозвище Пропеллер за вращение в гробу!

— Но как такое может быть?

— Кип, ты знаешь геометрию? Не евклидову, конечно, а настоящую.

— Мм… Баловался с открытыми и замкнутыми искривленными пространствами, прочел популярные книги доктора Белла. Но знатоком себя, пожалуй, не назову.

— Ну, по крайней мере, ты не станешь цепляться за идею, что прямая — кратчайший путь между точками. — Она сделала движение, будто обеими руками выжимала грейпфрут. — Потому что это не так. Кип, все соприкасается. Вселенную можно засунуть в ведро. Можно и в наперсток, если сложить ее так, чтобы совпадали конфигурации атомов.

Я увидел головокружительную картинку, на которой Вселенная умещалась в чайной чашке. Теснились, упаковываясь, протоны и электроны

— и переставали быть теми зыбкими математическими призраками, которыми, говорят, являются даже атомы урана. Получалось что-то вроде «первичного атома», которым иные космогонисты объясняли расширение Вселенной. А может, она и то и другое — и упакованная, и расширяющаяся? Как парадокс «волны и частицы». Волна — это не частица, а частица — не волна, однако все на свете представляет собой и то и другое. Если вы в это верите, поверите во все, что угодно, а если нет, то и не пытайтесь. Даже в самих себя поверить не пробуйте, потому что и вы одновременно состоите из волн и частиц.

— Сколько измерений? — пролепетал я.

— А сколько дашь?

— Я? Ну, может, двадцать. К четырем основным по четыре дополнительных, чтобы по углам не жало.

— С двадцати все только начинается. Я не знаю, Кип; оказалось, и я в геометрии не сильна. Только думала, что сильна. Так что я их принялась трясти.

— Мамми?

— Да что ты, нет! Она тоже не знает геометрии. Необходимый минимум, чтобы провести корабль сквозь складки пространства.

— Только-то?

Мне нужно было остановиться на разрисовывании ногтей, зря я позволил папе соблазнить меня дальнейшим образованием. Этому несть конца — чем больше узнаешь, тем больше нужно узнавать.

— Чибис, ты ведь знала, для чего этот маяк?

— Я? — Она невинно потупилась. — Ну да.

— Ты знала, что мы полетим на Вегу.

— Ну… если бы маяк сработал. Если бы мы его вовремя включили.

— Так вот, главный вопрос. Почему молчала?

— Ну… — Чибис явно вознамерилась совсем оторвать пуговицу. — Я не знала, хорошо ли у тебя с математикой… мм… боялась, что ты начнешь задаваться — «старшим лучше знать» и все такое. Ведь ты бы мне не поверил?

— Я говорил Орвиллу, я говорил Уилбуру, а теперь я говорю тебе: эта штука никогда не сможет взлететь. Может, и не поверил бы, Чибис. Но в следующий раз, когда у тебя появится искушение промолчать «для моего же блага», вспомни, что я не цепляюсь за свое невежество. Знаю, что я не гений, но все же попробую шевелить мозгами — и, возможно, даже окажусь в чем-то полезным, если буду в курсе твоего замысла. Оставь в покое

пуговицу.

Она поспешно выпустила ее.

— Да, Кип. Я запомню.

— Спасибо. Еще одно. Мне крепко досталось?

— Хм! Еще как!

— Ладно… У них есть эти… хм… корабли для складок, которые летают мгновенно. Почему же ты не попросила их подбросить меня до дому и запихнуть в больницу?

Она была в нерешительности.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хм… Прекрасно чувствую. Только мне, похоже, сделали блокаду позвоночника или что-то в этом роде.

— Что-то в этом роде, — согласилась она. — Есть ощущение, что выздоравливаешь?

— Черт побери, я просто здоров!

— Нет. Но ты выздоровеешь. — Она внимательно посмотрела на меня. — Сказать тебе как есть, Кип?

— Валяй!

— Если бы тебя доставили на Землю, в самую наилучшую больницу, ты был бы «безнадежным случаем». Понял? Ни рук, ни ног. А здесь ты совершенно поправишься. Никаких ампутаций, ни мизинчика.

К чему-то подобному Мамми меня уже подготовила. Я лишь спросил:

— Ты уверена?

— Уверена. И в том и в другом. Ты поправишься. — Вдруг ее лицо скривилось. — Ну и видок у тебя был! Мне теперь кошмары снятся.

— Зачем тебе позволили смотреть на меня?

— Да просто не могли запретить. Я ведь твоя ближайшая родственница.

— Надо же! И кем назвалась, сестрой или племянницей?

— Чего? Да я и есть твоя ближайшая родственница.

Я чуть было не сказал, чтобы не придуривалась, но вовремя прикусил язык. Мы единственные представители рода человеческого в радиусе ста шестидесяти триллионов миль. Как всегда, Чибис была права.

— Так что пришлось давать им разрешение, — продолжала она.

— На что? Что они со мной делали?

— Ну, сначала сунули тебя в жидкий гелий. Продержали там целый месяц, а я была вместо морской свинки. Потом, три дня назад — три наших дня, — дали тебе оттаять и приступили к восстановительным процедурам. С тех пор ты

поправляешься.

— А сейчас в каком я состоянии?

— Ну… ты снова отрастаешь. Регенерируешь. Кип, это не кровать. Просто так выглядит.

— А что же это?

— У нас нет подходящего термина, а их слово я не смогу произнести — слишком высокие звуки. Но все, начиная отсюда, — она похлопала по простыне, — и донизу, целая комната под тобой, — все это тебя лечит. Ты весь в проводах, как сцена на рок-концерте.

— Хотелось бы посмотреть.

— Боюсь, что нельзя. Ты еще не знаешь всего, Кип. Им пришлось срезать с тебя скафандр.

Это меня ужалило в сердце сильнее, чем известие о моем плачевном состоянии.

— Что? Оскара! Его разрезали? Я имею в виду мой скафандр.

— Я знаю, что ты имеешь в виду. В бреду ты постоянно обращался к Оскару, да еще и отвечал вместо него. Иногда кажется, что ты шизик, Кип.

— Ты спутала, малявка, — это раздвоение личности. А ты, кстати, параноик.

— Да это мне сто лет известно. Но я хорошо адаптировалась. Не желаешь ли повидать Оскара? Мамми сказала, ты захочешь, чтобы он был

рядом. — Она открыла шкаф.

— Погоди! Ты же сказала, что его разрезали!

— И починили. Как новенький, даже лучше.

Время, милая! Помни, что я тебе говорила.

— Иду, Мамми! Пока, Кип. Я скоро вернусь. Буду очень часто тебя навещать.

— Ладно. Оставь шкаф открытым, чтобы я мог видеть Оскара.

Чибис навещала, но не «очень часто». Я не обижался, во всяком случае не сильно. Ее окружали тысячи «познавательных» вещей, в тысячи мест она могла сунуть свой любопытный нос, и все такое новое и интересное — она была увлечена почище щенка, жующего тапку. У наших хозяев от нее голова шла кругом.

Но и я не скучал. Я поправлялся, а это работа серьезная, скучать не приходится. При условии, что вы счастливы, — а я был счастлив.

Мамми я тоже видел редко. Было понятно, что она очень занята, хоть и являлась на мой зов не позже чем через час и никогда не спешила уйти.

Она не была ни сиделкой, ни врачом. За мной ухаживал целый штат врачей, ловивших каждый удар моего сердца. Если я не звал (шепот слышали не хуже крика), они не появлялись, но вскоре я понял, что комната нашпигована

микрофонами и телеметрией, как корабль на испытаниях. Кровать оказалась устройством, по сравнению с которым наши «искусственное сердце», «искусственные легкие» и «искусственные почки» — как детская коляска рядом со сверхзвуковым почтовым «локхидом».

Этого устройства я так и не увидел (веганцы не поднимали простыню, разве что когда я спал), но знаю, что оно делало. Заставляло тело самоисцеляться — не зарубцовывать, а восстанавливать. На такое способна любая устрица, а морская звезда делает это так ловко, что можно разрубить ее на кусочки и получить тысячу новеньких морских звезд.

Не только у устриц и морских звезд — у любого животного каждая клетка содержит полный набор генов. Но мы несколько миллионов лет назад утратили это свойство. Известно, что наука пытается воссоздать его; вам, может быть, попадались статьи — оптимистические в «Ридерс дайджест», разочаровывающие в «Сайентифик мансли», совсем дурацкие в журналах, «научные редакторы» которых, похоже, набили руку на сценариях фильмов ужасов. Но работа идет. Возможно, когда-нибудь травмированные в катастрофах перестанут погибать — разве что от

кровопотери по дороге в больницу.

Вроде бы мне представилась прекрасная возможность узнать про регенерацию все — но не вышло.

Я пытался. Хоть сами процедуры и не беспокоили меня (Мамми велела не волноваться и каждый раз, когда навещала, повторяла внушение, глядя в глаза), все же мне, как и Чибис, хотелось во всем разобраться.

Возьмите дикаря из глухих джунглей, где никогда не слышали выражения «рассрочка платежа». Пусть у него будет коэффициент интеллекта 190 и бес любопытства, как у Чибис. Отправьте его в Брукхейвенскую национальную лабораторию. Много ли он там поймет? Даже если ему окажут всю возможную помощь?

Он узнает, какие коридоры куда ведут и что пурпурный трилистник означает опасность.

И все. Не потому, что умом не вышел, — мы же условились, что он супергений. Просто надо будет проучиться лет двадцать, чтобы задавать нужные вопросы и воспринимать ответы.

Я задавал вопросы, всегда получал ответы, пытался их понять. То, что я понял, не стоит переносить на бумагу; это такой же сумбур, как дикарское описание атомного реактора. В ра-

диоделе есть термин «шум» — когда уровень звука превышает некий предел, информация передаваться не может. Все, что я получал, было «шумом».

Причем какая-то часть — в буквальном смысле. Я задавал вопрос, кто-нибудь из врачей отвечал. Что-то я понимал, но, когда дело доходило до главного, я слышал только трели. Даже если переводила Мамми, удавалось воспринять лишь немногое; прочее звучало как бодрая песенка канарейки.

Держитесь за стулья: я буду объяснять то, чего сам не понимаю. Как мне и Чибис удавалось общаться с Мамми, пусть ее рот и не выговаривал английских звуков. Мы не могли петь, как она, и не знали ее языка. Веганцы… Пусть для простоты они будут веганцами, хотя тогда нас бы следовало называть «солярианцы»; их самоназвание звучит как китайские колокольчики на ветру. У Мамми тоже есть собственное имя, вот только я не колоратурное сопрано. Чибис пыталась его произносить, когда подлизывалась, — черта с два ей это помогало. У веганцев удивительный талант понимать вас словно изнутри. Вряд ли это телепатия, иначе я не делал бы столько промашек. Давайте считать это эмпатией.

В этой способности они различались; так каждый из нас может освоить автовождение, но не каждому дано стать гонщиком. Мамми чувствовала меня так же, как Гьомар Новаиш — свое пианино. Однажды я читал об актрисе, которая говорила по-итальянски столь выразительно, что ее понимали даже не знавшие итальянского. Ее звали Дуче[17]. Нет, «дуче» — это диктатор. Что-то в этом роде. Должно быть, у нее был тот же талант.

Первое, что я услышал от Мамми, — «привет», «пока», «спасибо», «куда идем?». Простые понятия; так можно и с бродячей собакой объясниться. Позже я начал понимать ее речь именно как речь. Она же запоминала значения английских слов еще быстрее; у нее была бездонная память, и в плену они с Чибис говорили целыми днями.

Но это легко для фраз вроде «добро пожаловать», «я голоден», «надо поторопиться»; куда сложнее с понятиями «гетеродин» и «аминокислота», даже если собеседники разбираются в подобных вещах. Когда же одна из сторон не понимает даже сути разговора, общение невозможно. Так было у меня с моими ветеринарами.

---

[17] notes: 17
Актрису звали Элеонора Дузе.

Даже если бы мы говорили по-английски, я бы их все равно не понял.

Радиостанция не получит отклика, если нет другой станции, работающей на той же волне. Я работал на другой волне.

И все же я понимал веганцев, когда разговор шел о вещах не слишком сложных.

Это были милые существа; разговорчивые, смешливые, друг к другу доброжелательные. Различал я их с трудом, кроме Мамми. Я узнал, что и мы с Чибис для них отличались лишь тем, что я болел, а она нет. Они же легко различали друг друга, их разговоры были пересыпаны музыкальными именами; в конце концов, казалось, что звучит «Петя и Волк» или опера Вагнера. Даже для меня у них была специальная мелодия. Их язык звучал бодро и весело, как голоса ясной летней зари.

В следующий раз, услышав канарейку, я пойму, о чем она поет, даже если она сама этого не знает.

Кое-что мне рассказывала Чибис. Больничная койка — не лучшее место для изучения планеты. Гравитация Веги-5 довольно близка к земной, есть кислород, двуокись углерода и вода. Мы бы не смогли здесь жить — не только из-за убий-

ственного «солнечного» ультрафиолета, но и из-за чрезмерной концентрации озона. Чуточка озона стимулирует, но избыток не полезней синильной кислоты. Было и еще что-то, кажется закись азота, в больших количествах тоже гадость. В моей палате воздух кондиционировался; веганцы могли им дышать, но считали его безвкусным.

Кое-что выяснилось, когда Мамми попросила меня надиктовать, как я вляпался в эту историю. Потом она попросила надиктовать все, что я знаю о Земле, о нашем прошлом, о том, как мы живем. Это была задачка… Я с тех пор не диктовал, потому что вдруг обнаружил: мои знания оставляют желать лучшего. Взять Древний Вавилон, — кажется, он как-то связан с Древним Египтом? О многом я имел лишь смутное представление.

Может, Чибис справилась бы лучше, она ведь помнит все услышанное или прочитанное — прямо как мой папа. Но веганцам, наверное, не удавалось надолго удержать ее на одном месте, а я был прикован к постели. Мамми дала это задание, исходя из тех же соображений, которые побуждают нас изучать австралийских аборигенов, а также ей хотелось получить образец нашего языка. Была и еще одна причина.

Работа оказалась нелегкой, но ко мне приставили помощника — он сразу останавливался, когда я выдыхался. Назовем этого яйцеголового профессором Джозефом. «Профессор» примерно соответствует званию этого веганца, а имя его не произнесешь. Я звал его Джо, а он высвистывал мелодию, которая означала: «Клиффорд Рассел, обмороженный монстр». Талант понимания у Джо был почти как у Мамми. И все же как объяснить, что такое «тарифы» и «короли», представителю народа, который никогда не имел ни того ни другого? Английские слова звучали для него просто шумом.

Однако Джо знал историю обитателей множества планет и мог показывать цветные картинки, в которых я находил нужные аналогии. Дело спорилось, я диктовал серебристому шарику, плавающему у моего рта, а Джо, как кот, сворачивался клубочком на платформе вровень с моей кроватью и произносил конспекты моих лекций в другой микрофон, устроенный таким образом, что я не слышал ничего, пока профессор не обращался ко мне.

Потом мы спотыкались. Джо показывал мне картинку, как ему казалось, отображающую то, о чем я говорил. Она возникала в воздухе,

рассматривать ее было удобно; если я поворачивал голову, картинка смещалась. Это было цветное движущееся стереоизображение, живое и четкое, — что ж, через каких-нибудь двадцать лет и мы этому научимся. Забавно, что образы возникали прямо в воздухе, без видимого проектора, — но это лишь эффект стереооптики; мы уже способны втиснуть реальный вид Большого каньона в аппаратик, умещающийся на ладони.

А вот что действительно впечатлило меня, так это закулисная сторона всего происходящего. Я задал Джо вопрос, он напел что-то своему микрофону, и мы промчались по тамошней «Библиотеке Конгресса».

Папа утверждает, что библиотечное дело — основа всех наук, так же как математика — ключ к ним, и что мы либо выживем, либо загнемся, в зависимости от того, насколько хорошо библиотекари справляются со своей работой. Профессия библиотекаря не казалась мне такой уж сногсшибательной, но, возможно, папа говорил о не совсем очевидной истине.

В этой «библиотеке» сотни, а может, и тысячи веганцев просматривали изображения, слушали звукозаписи, и перед каждым висел серебристый шарик. Джо сказал, что они «записывают память».

Это было что-то вроде заполнения карточек для библиотечного каталога, только в результате получалось нечто, больше напоминавшее нейронную цепочку памяти. Девять десятых этого здания занимал электронный мозг.

Я заметил треугольное украшение, как у Маммы, но картинка быстро сменилась. Джо тоже носил такой знак (в отличие от других веганцев), но я не удосужился спросить, что это означает, потому что виды невероятной «библиотеки» увели нас к разговору о кибернетике. Позже я решил, что треугольник — что-то вроде значка масонской ложи или ключика Фи-Бета-Каппа[18]. Мамми была необыкновенно умна даже по веганским меркам, и Джо не намного от нее отставал.

Каждый раз, когда Джо был уверен, что понимает какое-нибудь английское слово, он потягивался от удовольствия, как щенок, которого почесали за ухом. Он полон достоинства, но такой жест не считается невоспитанностью у веганцев. Они улыбаются и хмурятся всем телом — настолько это тело пластичное и подвижное. Если веганец неподвижен, он либо недоволен, либо чрезвычайно обеспокоен.

---

[18] notes: 18
Символ одного из самых престижных студенческих братств.

Занятия с Джо позволили мне, не вставая с кровати, узнать многое. Картинки показали, чем отличается «начальная школа» от «университета». В «детском саду» я увидел веганца, увешанного малышами; они барахтались, как щенки колли, пробирающиеся к миске с молоком по головам своих сестренок и братишек. А вот «университет» оказался местом, полным тихой прелести; диковинные деревья, травы и кустарники росли вокруг очаровательных зданий сюрреалистической архитектуры, ни на что не похожей; впрочем, я изумился бы, увидев нечто знакомое. Линии в большинстве плавные, а в «прямых» угадывалось то неповторимое сочетание, которое греки называли «энтазис» — изящество и сила.

Напоследок Джо пришел ко мне, сияя от удовольствия. Он принес еще один серебристый шар, крупнее прежних. Разместил его передо мной и пропел своему шару:

Послушай это, Кип!

Тут же больший шар проговорил по-английски:

— Послушай это, Кип!

Извиваясь от восторга, Джо поменял шары и попросил меня сказать что-нибудь.

— Что же тебе сказать? — спросил я.

Что же тебе сказать? — повторил большой шар по-вегански.

Это был мой последний урок с профессором Джо.

Несмотря на ненавязчивую помощь, несмотря на потрясающую восприимчивость Мамми, я был похож на доблестного ветерана в Вест-Пойнте — принятого с почетом, но совершенно не подготовленного к усвоению курса. Я так и не разобрался в веганской системе власти. Да, у них было правительство, но не похожее ни на одно из известных мне. Джо имел представление о демократии, представительстве, голосовании и судопроизводстве; он мог выудить немало примеров с разных планет. Он считал, что демократия «хорошая система для начинающих». Это звучало бы высокомерно, будь веганцам свойственно высокомерие.

Я никогда не встречал их детей. Джо объяснил, что пока дети не научились пониманию и симпатии, им не следует встречаться со «странными существами». Я мог бы обидеться на это, если бы сам еще не усвоил азы «симпатии и понимания». В самом деле, если десятилетний землянин увидит веганца, он либо убежит, либо примется

тыкать в него палкой.

Я попытался узнать об их правительстве у Мамми, спрашивал о том, как они поддерживают гражданский порядок, соблюдают законы, наказывают за преступления и нарушения правил дорожного движения.

И почти ничего не добился. Она долго размышляла, потом спросила: «Как же можно идти против собственной натуры?»

Думаю, величайший недостаток веганца — полное отсутствие недостатков. Это ведь может и раздражать.

Медики заинтересовались лекарствами, найденными в шлеме Оскара, — так мы интересуемся травами лекаря-колдуна. Правда, этот интерес не совсем праздный; вспомните о наперстянке и кураре.

Я рассказал им, каково действие каждого лекарства; в большинстве случаев наряду с коммерческим названием я помнил его химический состав. Мне было известно, что кодеин получают из опиума, а опиум из мака и что декседрин — сульфат чего-то, но на этом мои познания кончались. Органическая химия и биохимия сложны даже без языкового барьера.

Мы сумели объяснить, что такое бензольное

кольцо, когда Чибис нарисовала его и продемонстрировала свое двухдолларовое колечко; также мы договорились о понятиях «элемент», «изотоп», «период полураспада» и «периодическая система». Я хотел руками Чибис нарисовать формулы, но мы не имели ни малейшего представления о структурной формуле кодеина; не помогли даже принесенные веганцами детские игрушки в виде кубиков, соединявшиеся друг с другом только в соответствии с валентностью элементов, которые они представляли.

Чибис отвела душу. Возможно, хозяева от нее узнали мало, зато она много узнала от них.

В какой-то момент я понял, что Мамми не была — или была, но не совсем — существом женского пола. Но это и не важно; материнство — вопрос отношения, а не биологической принадлежности.

Если бы Ной спускал свой ковчег на Веге-5, каждой твари пришлось бы взять не по паре, а по дюжине. Разобраться с тамошним половым вопросом я даже не надеялся. Но четко понял, что предназначение таких, как Мамми, — забота. Возможно, Мамми бывают разного пола; возможно, принадлежность зависит от свойств характера.

Я познакомился с одним веганцем «отцовского типа». Его можно назвать «губернатором» или

«мэром», но ближе будет «приходской священник» или «скаутмастер»; вот только его власть распространялась на целый континент. Он вошел к нам во время занятия, поприсутствовал минут пять, призвал Джо добросовестно выполнять свои обязанности, велел мне поправляться и быть хорошим мальчиком и степенно отбыл. Он вернул мне чувство уверенности в себе — как делал папа, — и без объяснений стало ясно, что это «отцовский тип». Чем-то это походило на посещение госпиталя августейшей особой, но без всякой помпы. И ведь наверняка трудно было втиснуть в плотное расписание высокопоставленного лица визит в мою палату.

Джо не проявлял ко мне ни материнских, ни отцовских чувств; он обучал меня и изучал меня. Это был «ученый тип».

Однажды ко мне прибежала до крайности возбужденная Чибис. Встала в позу манекена.

— Как тебе мой новый весенний прикид?

На ней был облегающий серебристый комбинезон, на спине горбик вроде рюкзачка. Выглядела она миленько, но не сногсшибательно, потому что сложена была как щепка и наряд это только подчеркивал.

— Очень неплохо, — похвалил я. — Учишься

на акробата?

— Глупый ты, Кип! Это мой новый скафандр — на этот раз настоящий.

Я взглянул на Оскара, огромного и неуклюжего, занимающего весь шкафчик, и тихо сказал ему:

Слышал, старина?

О вкусах, брат, не спорят…

— Шлем-то где? Или не подошел?

Она хихикнула:

— А я в шлеме.

— Да ну? Новый наряд короля?

— Почти угадал. Кип, отбрось предрассудки и послушай. Этот скафандр такой же, как у Мамми, только сделан специально для меня. Мой старый был не ахти, жуткий холод Плутона совсем его доконал. А этот — чудо! Вот, например, шлем. Он на мне, но его не видно. Силовое поле. Не пропускает газ ни внутрь, ни наружу. — Она подошла поближе. — Шлепни меня.

— Чем?

— Ой, я и забыла. Кип, скорее выздоравливай и слезай с кровати. Хочу повести тебя на прогулку.

— Я-то не против. Говорят, уже скоро.

— Хорошо, если так. Вот, смотри. — Она шлепнула себя по щеке. В нескольких дюймах от лица рука встретила препятствие. — А теперь! —

Очень медленно поднесла к лицу руку.

Та прошла сквозь незримый барьер. Чибис показала мне «нос» и захихикала.

Это впечатляло — скафандр, в который можно просунуть руку! Я смог бы передать Чибис и воду, и декседрин, и глюкозу, когда ей было нужно.

— Ничего себе! Как он устроен?

— На спине, под запасом воздуха, комплект батарей. Дыхательной смеси хватает на неделю, не надо беспокоиться о шлангах, потому что их нет.

— Хм… А если предохранитель перегорит? Надышишься вакуумом.

— Мамми уверяет, что такого быть не может.

Похоже на правду. Мамми ни разу не ошибалась, когда была в чем-то уверена.

— И это еще не все, — продолжала Чибис. — Он как вторая кожа, сочленения не мешают, в нем не жарко и не холодно. Просто верхняя одежда.

— Ну а если обгоришь? Это вредно, сама говорила. Даже на Луне вредно.

— Исключено! Это поле еще и поляризует. Кип, пусть тебе сделают такой же скафандр — погуляем!

Я взглянул на Оскара.

Развлекайся, парень, сказал он отстраненно. *Я не ревную*.

— Видишь ли, Чибис, я предпочитаю то, в чем разбираюсь. Конечно, интересно было бы опробовать твой мартышкин костюмчик…

— Сам ты мартышка!

Однажды утром я проснулся, перевернулся на другой бок и понял, что голоден.

Тогда я рывком сел. Я ведь перевернулся в кровати.

Меня предупреждали, что ждать осталось недолго. «Кровать» превратилась в кровать, а я снова стал хозяином своего тела. Более того, я хотел есть, а ведь не чувствовал голода ни разу с тех пор, как попал на Вегу-5. «Кровать» была так устроена, что каким-то хитроумным способом питала меня без еды.

Голод! Я недолго радовался этой роскоши; так здорово снова ощущать все тело, а не только голову. Слез с кровати, переждал головокружение и ухмыльнулся. Руки! Ноги!

Я исследовал мои замечательные конечности. Они оказались целыми и невредимыми.

Я присмотрелся. Кое-что все же изменилось.

Раньше на левой ноге был шрам, приобретенный еще в детстве. Шрам исчез. Давным-давно на карнавале я сделал татуировку «Мама» на левом предплечье. Мама очень расстроилась, папа

скривился от отвращения, но велел сохранить напоминание о моей глупости. Татуировки как не бывало.

И с рук, и с ног исчезли мозоли.

Я, бывало, обкусывал ногти. Они оказались чуть длинноваты, но безукоризненны. Уже давно я потерял ноготь на мизинце правой ноги, когда поскользнулся, опуская топор. Теперь он был на месте.

Я поспешно глянул на шрам от аппендицита — и вздохнул с облегчением. Если бы и о нем позаботились, я бы, наверное, усомнился, что я — это я.

Зеркало над комодом отразило меня с такими патлами, что впору выступать на эстраде. Обычно я стригусь под бокс. Однако лицо чисто выбрито.

На комоде лежали доллар и шестьдесят семь центов, механический карандаш, листок бумаги, часы и носовой платок. Часы шли. Банкнота, бумажка и носовой платок были выстираны.

Одежда, тщательно отреставрированная и безукоризненно чистая, ждала на столе. Носки были не мои; ткань на ощупь напоминала войлок, если бывает войлок, который не толще салфетки «Клинекс» и не рвется при растягивании. На полу стояли кроссовки, точно такие же, как у Чибис,

с логотипом «Ю. С. Раббер», но моего размера и тоже из войлока, потолще. Я оделся.

Я оглядывал себя в зеркале, когда Чибис пинком распахнула дверь.

— Кто-нибудь дома? — Она держала поднос. — Как насчет завтрака?

— Чибис! Посмотри на меня!

Она посмотрела.

— Неплохо, — признала она, — для обезьяны. Тебе надо постричься.

— Разве это не чудо! Я снова целехонек!

— Ты никогда и не разваливался, — сказала она, — разве что местами. Меня каждый день информировали о ходе твоего выздоровления. Куда поставить?

Она опустила поднос на стол.

— Чибис, — сказал я, задетый за живое, — тебя совсем не волнует, что я поправился?

— Конечно волнует. Стала бы я просить у них разрешения принести завтрак? Да я еще вчера знала, что тебя собираются распеленать. Как думаешь, кто тебя побрил и обрезал ногти? Гони доллар. Бритье дорожает.

Я взял несчастный доллар и протянул ей. Она не взяла:

— Шуток не понимаешь?

— «Ни кредитором будь, ни должником…»

— Полоний. Старый тупой зануда. Кип, чтобы я взяла у тебя последний доллар!

— Ну и кто тут не понимает шуток?

— Давай лопай, — сказала она. — Этот пурпурный сок на вкус как апельсиновый — очень неплохо. Болтунья — имитация, я попросила покрасить ее в желтый цвет — яйца здесь ужасные. Неудивительно, если знать, откуда их берут. Вот эта маслянистая субстанция — растительный жир, тоже подкрашенный. Хлеб — он и есть хлеб, сама поджаривала. Соль тоже настоящая, только они удивились, что мы ее едим, — для них она ядовита. Не беспокойся, все проверено на морской свинке, то есть на мне. Кофе нет.

— Страдать не буду.

— Я его вообще не пью — хочу подрасти. Ешь. Тебе специально понизили уровень сахара в крови, чтобы проголодался.

Аромат был замечательный.

— А твой завтрак где, Чибис?

— Я уже поела. Буду смотреть на тебя и глотать слюнки.

Пища, при всей своей непривычности, была то, что доктор прописал, — в данном случае, наверное, буквально. Никогда не получал такого

удовольствия от еды.

Наконец я перевел дыхание:

— Надо же, нож, вилка! Ложки!

— Единственные на всей… — Она пропела название планеты. — Мне надоело есть руками, а со здешними приспособлениями это не еда, а сплошная игра в серсо. Пришлось нарисовать картинки. Это мой набор, но мы еще закажем.

Была даже салфетка, тоже волокнистая. Вода на вкус казалась дистиллированной, но это не важно.

— Чибис, чем ты меня брила? Нигде ни царапинки.

— Маленькой такой штуковиной, дает бритве сто очков вперед. Не знаю, для чего она здесь, но, если запатентуешь, быть тебе миллионером. Будешь доедать гренок?

— Уфф… — Мне казалось поначалу, что съем все вместе с подносом. — Нет, я сыт.

— Тогда я тебе помогу. — Она макнула гренок в «масло» и объявила: — Я ухожу!

— Куда?

— Одеваться. Буду тебя выгуливать. — Она ушла.

Настоящей была лишь часть коридора, видимая с кровати, зато дверь слева вела в ванную,

как и положено. Никто не удосужился сделать ее похожей на земную, свет и вода включались по-вегански, но было удобно.

Чибис вернулась, когда я проверял Оскара. Если его и срезали с меня, то починили изумительно; я не заметил даже мною поставленных заплаток. Его вычистили так тщательно, что внутри вообще ничем не пахло. Он содержал трехчасовой запас воздуха и был абсолютно исправен.

Ты в хорошей форме, напарник.

Вот уж точно! Тут шикарный сервис.

Это я заметил.

Я поднял глаза и увидел Чибис; она уже надела свой «весенний прикид».

— Чибис, а просто погулять, без скафандра, можно?

— Можно обойтись респиратором, темными очками и солнечным зонтиком.

— Убедила. Слушай, а где Мадам Помпадур? Как ты прячешь ее под этим скафандром?

— Очень просто; только она чуть-чуть выпирает. Сейчас я оставила ее в комнате и велела вести себя хорошо.

— Послушается?

— Наверное, нет. Она вся в меня.

— А где твоя комната?

— Рядом. Это единственная часть здания, где созданы земные условия.

Я начал облачаться в скафандр.

— Слушай, а в этом твоем крутом костюмчике есть рация?

— Все, что в твоем, и сверх того. Не заметил ничего нового в Оскаре?

— Нового? Его починили и почистили. Что ж еще?

— Самая малость. Лишний раз переключи антенны и сможешь говорить с людьми, у которых нет рации, не повышая голоса.

— Я не заметил репродуктора.

— Здесь не считают, что техника должна быть громоздкой.

Когда мы проходили мимо комнаты Чибис, я заглянул в открытую дверь. Она была обставлена не в веганском стиле; здешние интерьеры я видел на стерео. Не повторяла и земную комнату девочки; надо думать, ее родители — люди в здравом уме. Не знаю, как назвать этот стиль… какой-то мавританский гарем из грез Безумного Людвига пополам с Диснейлендом.

Я промолчал. Похоже, Мамми хотела и меня, и Чибис устроить «точно как дома», но Чибис с ее фантазиями чересчур занесло…

Сомневаюсь, что ей удалось обмануть Мамми хоть на долю секунды. Она, наверное, снисходительно пропела что-то, и Чибис развернулась от души.

Дом Мамми был чуть поменьше, чем здание правительства нашего штата; родственников в ее семье насчитывалось несколько десятков, а то и сотен, — родственные связи тут сложные, понятие «семья» весьма растяжимое. На нашем этаже дети не попадались; я знал, что их держат подальше от «монстров». Все взрослые приветствовали меня, справлялись о самочувствии, поздравляли с успешным излечением, а я то и дело повторял: «Хорошо, спасибо, лучше не бывает».

Все они были знакомы с Чибис, а она умела высвистывать их имена.

Вроде бы я узнал кое-кого из моих лекарей. Но уверенно я отличал только Мамми, профессора Джо и главного врача, а их мы не встретили.

Обстановка у Мамми была самая обычная. На голом полу, гладком и упругом, множество мягких банкеток около фута высотой и футов четырех в диаметре — местные кровати и стулья. Прочая мебель расположена на стенах, куда так удобно карабкаться по разным шестам, рожкам и скобам; растения там и сям, будто очарователь-

ные островки джунглей. Для меня от них пользы было бы не больше, чем от корсета.

Через ряд параболических арок мы вышли на балкон. Перил на нем не было, а расстояние до нижней террасы составляло футов семьдесят пять. Я отступил и снова пожалел, что у Оскара нет окошка под подбородком. Чибис подошла к краю, взялась за тонкую колонну и глянула вниз. В ярком уличном свете ее «шлем» выглядел мерцающей сферой.

— Иди посмотри!

— И сломай шею? Может, ты меня столкнешь.

— Кто-то боится высоты?

— Я — если не вижу, что под ногами.

— А что тебе мешает взять меня за руку и подержаться за столбик?

Она подвела меня к краю, и я заглянул вниз.

Это был город в джунглях. Густая темная зелень, такая спутанная, что невозможно отличить деревья от лиан и кустов, расстилалась кругом. Над ней возвышались здания вроде того, в котором мы находились, и еще бóльшие. Дорог не было видно; все городские дороги и часть загородных располагались под землей. Зато хватало воздушного транспорта. В небе порхали мелкие летательные аппараты с движителями куда

менее понятными, чем у наших одноместных мини-вертолетов и даже ковров-самолетов. Эти штуковины взмывали точно птицы и опускались на такие же, как наш, балкончики.

Летали и настоящие птицы, длинные и стройные, с ярким оперением и двумя тандемно расположенными парами крыльев — эта аэродинамическая нелепость их, похоже, устраивала.

Небо было голубым и чистым, если не считать трех громоздившихся вдали кучевых облаков, слепяще-белых даже в отдалении.

— Полезли на крышу, — предложила Чибис.

— Как?

— А вон, гляди.

К люку в потолке вели расположенные в шахматном порядке тонкие скобы, которыми веганцы пользуются вместо лестниц.

— А трапа нет?

— Есть, с другой стороны.

— Боюсь, эти скобы меня не выдержат. И Оскар в люк не протиснется.

— Не будь такой нюней. — Чибис полезла вверх, как обезьянка.

Я усталым медведем последовал за ней. Изящные скобы оказались прочными; отверстие пришлось как раз по мне.

Высоко в небе пылала Вега.

Ее угловые размеры соответствовали солнечным. Это и понятно — мы отстояли от Веги намного дальше, чем Земля от Солнца. Даже полностью поляризованный, ее свет слепил. Я отвернулся, выждал, когда отдохнут глаза и приспособятся поляризаторы, и вновь обрел способность видеть.

Голова Чибис скрывалась под сферой, сделанной, казалось, из полированного хрома.

— Эй, ты еще там?

— Ну да, — ответила она. — Я нормально вижу. Великолепное зрелище. Правда, похоже на Париж с вершины Триумфальной арки?

— Не знаю, мне не довелось там побывать.

— Жаль, бульваров здесь нет. А вон кто-то прилетел.

Я повернулся в ту сторону, куда она показывала, — она-то видела во всех направлениях, а меня ограничивал иллюминатор скафандра. Пока я крутился, веганец успел подойти к нам.

Привет, ребята!

Привет, Мамми! — Чибис обхватила ее руками и приподняла.

Не спеши, милая, дай мне это снять. Мамми высвободилась из сбруи, мелко встряхнулась,

сложила летательный аппарат, как зонтик, и повесила на руку. *Хорошо выглядишь, Кип.*

— И чувствую себя отлично, Мамми! Как здорово, что ты вернулась!

Жаль, меня не было, когда ты вставал с кровати. Но врачи докладывали мне каждую минуту. Она положила свою маленькую ладонь мне на грудь, для чего ей пришлось привстать на цыпочки, и приблизила лицо к моему шлему. *Все в порядке?*

— Лучше не бывает.

— Он правда в норме, Мамми!

Хорошо. Ты утверждаешь, что здоров, я чувствую то же самое, и Чибис уверена, а самое главное, уверен твой главный лечащий врач. Отправляемся немедленно.

— Что-что? — спросил я. — Куда, Мамми?

Она повернулась к Чибис:

Разве ты ему не сказала, дорогая?

— Но у меня не было ни малейшей возможности.

Понятно. Мамми повернулась ко мне. *Милый Кип, нас ждут на собрании. Обсудим вопросы, примем решения.* Она обратилась к нам обоим: *Вы готовы?*

— Прямо сейчас? — спросила Чибис. — Ну,

наверное… только мне надо взять Мадам Помпадур.

Сходи за ней. А ты, Кип?

— Хм… — Я не помнил, надел ли после ванны часы, а прощупать сквозь Оскара не мог.

О чем и сказал Мамми.

Вы, ребята, бегите к себе в комнаты, а я вызову корабль. Встретимся здесь, только не задерживайтесь, чтобы полюбоваться цветами.

Мы спустились по трапу.

— Чибис, ты снова утаила информацию.

— Вовсе нет.

— А как еще это назвать?

— Кип, ты послушай! Мне не велели говорить, пока ты болел. Мамми запретила строго-настрого. Так и сказала: тебя нельзя беспокоить, пока не поправишься.

— А с чего мне беспокоиться? Что все это значит? Что за собрание? Что за вопросы?

— Ну… собрание — это вроде суда. Уголовного суда, можно сказать.

— Да? — Я бросил взгляд на свою совесть.

У меня просто не было возможности совершить что-либо противозаконное — еще два часа назад я был беспомощным, как ребенок. Оставалась Чибис.

— Колись, малявка, — сурово сказал я. — Что ты на этот раз натворила?

— Я? Ничего.

— А если подумать?

— Ничего, Кип. Извини, что не сказала тебе за завтраком! Папа не разрешает сообщать ему никаких новостей, пока он не выпьет вторую чашку кофе, вот я и подумала, неплохо бы совершить маленькую прогулку перед тем, как начнутся неприятности, и собиралась сказать тебе…

— Короче.

— …как только спустимся. Я ничего не сделала. Это старина Лиловый.

— Что? Я думал, он давно мертв.

— Может, да, а может, и нет. Как сказала Мамми, осталось ответить на некоторые вопросы и принять некоторые решения. Кажется, на это он еще годится.

Я обдумывал услышанное, пока мы двигались через необычные апартаменты к шлюзу, за которым скрывались наши комнаты с земными условиями. Преступления всех степеней тяжести, разбой на космических трассах… Да, Лиловый вполне заслужил наказание. Значит, веганцы поймали его, раз собираются судить.

— Но мы-то каким боком? В качестве свиде-

телей?

— Пожалуй, так.

Мне, вообще-то, безразлична была судьба черверотого, но представилась прекрасная возможность побольше узнать о веганцах. Особенно если суд будет идти далеко отсюда. Мы проедем по стране и многое увидим.

— Но это не все, — озабоченно продолжала Чибис.

— Что еще?

Она вздохнула:

— Поэтому-то я и хотела, чтобы мы сначала налюбовались этой красотой. Ох…

— Не тяни, говори прямо.

— Ну… нас тоже будут судить.

— Что?!

— Может, лучше сказать «допрашивать». Не знаю. Я знаю одно: нас не отпустят домой, пока суд не вынесет свое решение.

— Но мы-то что такого сделали?! — взорвался я.

— Я не знаю!

Я начал кипятиться:

— Уверена, что потом нас отпустят?

— Мамми отказывается об этом говорить.

Я остановился и взял Чибис за руку.

— Это означает, — сказал я с горечью, — что мы под арестом?

— Да… — добавила она, всхлипывая. — Кип, я же сказала тебе, что она полицейский!

— Замечательно. Мы таскаем ей каштаны из огня, а теперь нас арестовывают и отдают под суд, и мы даже не знаем за что! Хорошенькое местечко эта Вега-пять! «Туземцы дружелюбны», ага. Они меня вы́ходили! Так мы лечим гангстера, чтобы потом повесить.

— Но, Кип… — ревмя заревела Чибис, — я уверена, что все будет хорошо. Хоть она и полицейский — но она же Мамми.

— Да что ты говоришь?

Поведение Чибис расходилось с ее словами. Она не беспокоится по пустякам.

Мои часы лежали на полочке в ванной. Я расстегнул скафандр, чтобы поместить их во внутренний карман. Когда вышел, Чибис делала то же самое с Мадам Помпадур.

— Давай ее мне, — сказал я. — У меня больше места.

— Нет, спасибо, — уныло ответила Чибис. — Она нужна мне здесь. Особенно теперь.

— Ну, Чибис, и где будет суд? В этом городе? Или в другом?

— Разве я тебе не сказала? Нет, не сказала. Он на другой планете.

— Я думал, это единственная населенная…

— Не в системе Веги. Около другой звезды. Даже не в нашей Галактике.

— Что ты сказала?

— Она где-то в Малом Магеллановом Облаке.

Глава 10

Я не стал сопротивляться — за сто шестьдесят триллионов миль от дома это бессмысленно. Но я не разговаривал с Мамми, когда садился в ее корабль.

Он выглядел как допотопный улей, настолько маленький, что казалось, с нами на борту до космопорта не дотянет. Мы с Чибис скрючились на полу, Мамми свернулась клубочком впереди и что-то передвинула на блестящем приспособлении, похожем на счеты; мы взлетели.

Через несколько минут мое настроение прошло стадию угрюмости, и я с негодованием потребовал объяснений.

— Мамми!

Минутку, милый. Дай мне вывести корабль из атмосферы.

Она толкнула какой-то рычаг, корабль дернулся и стабилизировался.

— Мамми! — повторил я.

Подожди до посадки.

Пришлось ждать. Приставать к пилоту так же глупо, как хвататься за руль автомобиля. Кораблик потряхивало; должно быть, наверху

дул порывистый ветер. Но пилотировала она уверенно.

Мягкий толчок, и я решил, что мы прибыли в космопорт. Мамми повернула голову:

Все в порядке, Кип, я чувствую твой страх и обиду. Станет ли тебе легче, если я скажу, что вам обоим не грозит никакая опасность? Что я буду защищать вас ценой моей жизни? Так же, как вы защищали меня?

— Да, но…

Тогда подожди. Легче показать, чем объяснить. Не закрывай шлем. Воздух на этой планете такой же, как у вас.

— Что? Хочешь сказать, мы уже прилетели?

— Я тебе говорила, — вякнула под руку Чибис. — Р-раз! И ты на месте.

Я ничего на это не сказал. Я гадал, как далеко от дома нас занесло.

Пойдемте, ребята.

Мы отправились в полдень, а высадились ночью. Корабль стоял на платформе, край которой терялся из виду. Звезды складывались в незнакомые созвездия; слева направо к горизонту опускалась узкая полоска, которую я счел Млечным Путем.

Так что Чибис перегнула — мы были далеко от

дома, но все же в нашей Галактике; быть может, просто перелетели на ночную сторону Веги-5.

Я услышал, как Чибис охнула, и повернулся.

У меня не хватило сил даже охнуть.

Занимая полнеба, над нами висел водоворот из миллионов, возможно, миллиардов звезд.

Попадались ли вам снимки Большой туманности Андромеды — гигантской спирали из двух изогнутых рукавов, видимой под углом? Из всех чудес неба она самая прекрасная. Здесь было похоже.

Только не фотографию мы видели, не в телескоп смотрели; мы были настолько близко (если можно так выразиться), что звездная спираль раскинулась вдвое шире, чем Большая Медведица на земном небе; настолько близко, что отчетливо виднелось и центральное ядро, и обе огромные сплетающиеся ветви. Она висела под углом и казалась эллипсом, как и М31 в Андромеде; и чувствовалась ее глубина, и ощущалась форма.

Вот тогда-то до меня дошло, как далеко я от дома. Дом был там, наверху, затерянный среди миллиардов звезд.

Чуть позже я заметил справа еще одну двойную спираль, почти столь же широкую, но сильнее наклоненную и тусклую, — бледную тень нашей

роскошной Галактики. Я не сразу, но догадался, что это Большое Магелланово Облако — если мы находимся в Малом и если этот могучий звездный водоворот — наша собственная Галактика. То, что я посчитал Млечным Путем, оказалось просто одним из многих таких млечных путей: «Малое Облако, вид изнутри».

Я отвернулся, но потом снова взглянул на эту звездную россыпь. У нее были те же контуры дороги, пролегающей через небо, но рядом с нашим Млечным Путем она выглядела бледным снятым молоком: примерно как наш Млечный Путь пасмурной ночью.

Уж не знаю, как Магеллановы Облака смотрятся с Земли, я не ездил южнее Рио-Гранде. Но мне известно, что каждое Облако — отдельная галактика, меньше нашей, но сопряженная с ней.

Я опять посмотрел на нашу сверкающую спираль и ощутил такую тоску по дому, какой не испытывал лет с шести.

Чибис льнула к Мамми, ища утешения. Та вытянулась и обняла ее.

Ну, ну, милая! То же было и со мной, когда я, совсем маленькая, увидела это впервые.

— Мамми? — жалко спросила Чибис. — Где наш дом?

Видишь вон там, справа, где исчезает внешняя ветвь? Мы прилетели из области, отстоящей от центра на две трети.

— Нет, нет! Не Вега. Я хочу знать, где Солнце!

А, ваша звезда… Милая, на таком расстоянии это все равно.

Мы узнали, сколько от Солнца до планеты Ланадор — 167 000 световых лет. Мамми не смогла сказать сразу, потому что не знала, какой период времени мы называем годом — временем обращения Земли вокруг Солнца (это число ей понадобилось лишь однажды, и запоминать его имело не больше смысла, чем цену на арахис в Перте). Однако она знала расстояние от Веги до Земли и могла сказать, во сколько раз дальше от Ланадора до Веги — в шесть тысяч сто девяносто раз. Умножаем 6190 на 27 световых лет — получаем 167 000 световых лет. Она любезно перевела все числа в десятичную систему, не используя «пять факториал» (когда $1 \times 2 \times 3 \times 4 \times 5 = 120$), как делают веганцы. 167 000 световых лет — это $9{,}82 \times 10^{17}$ миль. Округлим 9,82 до десяти. Получаем 10^{18} миль — расстояние от Веги до Ланадора (или от Солнца до Ланадора; Солнце и Вега в таком масштабе кажутся ближайшими соседями).

Тысяча миллионов миллиардов миль.

Я отказываюсь иметь что-либо общее с этим грандиозным числом. Может быть, это и «немного» по меркам космоса, но, в конце концов, в мозгу могут и пробки перегореть.

Платформа, на которой мы стояли, оказалась крышей огромного треугольного здания, со сторонами в несколько миль. Изображения этого треугольника с двойной спиралью в каждом из углов нам попадались постоянно. Такой же знак носила как украшение Мамми.

Этот символ означал: «Три Галактики — один закон».

Изложу все, что узнал, вкратце: Три Галактики — объединение, похожее на нашу Организацию Объединенных Наций или Лигу Наций. На Ланадоре находятся офисы, архивы и суды этой организации — это столица объединения, как Нью-Йорк или когда-то Швейцария. Так сложилось исторически; народ Ланадора — это Древняя Раса; здесь начиналась цивилизация.

Три Галактики — группа островов, как Гавайи; соседей поблизости у них нет. Цивилизация распространилась по всему Малому Облаку, потом по всему Большому, а теперь постепенно проникает в нашу Галактику, правда медленнее. В нашей Галактике в пятнадцать-двадцать раз

больше звезд, чем в двух первых.

Когда я все это осознал, мне стало совсем худо. Мамми очень важная персона у себя на родине, но здесь она мелкая сошка. Все, что она могла сделать, — привезти нас. Однако некоторое время я на нее дулся — могла бы отвернуться, а мы бы смылись домой.

Нас поместили в ту часть огромного здания, которую можно назвать «гостиницей для транзитных пассажиров», хотя «пересылка» или «предвариловка» подошло бы лучше. Не могу пожаловаться на условия содержания, но порядком надоело, что каждый раз, прибыв на новое место, я оказываюсь в заточении. Встретил нас робот и проводил далеко вниз — на Ланадоре роботы на каждом шагу. Они не похожи на Железного Дровосека; это устройства, заменяющие людей, как тот, что довел нас до наших комнат и болтался потом поблизости, точно коридорный в ожидании чаевых. Он являл собой трехколесную тележку с большой корзиной наверху, на случай если бы у нас был багаж. Робот встретил нас, просвистел что-то Мамми по-вегански и повел. Мы спустились на лифте и прошли по широкому и бесконечно длинному коридору.

Я снова оказался в «моей» комнате — копия с ко-

пии, все прошлые огрехи с прибавкой новых. Вид ее не внушал оптимизма; она будто кричала, что нас здесь собираются держать до… Ну, сколько заблагорассудится «гостеприимным хозяевам».

Однако в комнате было все необходимое, вплоть до шкафа для Оскара и ванной. Рядом с «моей» комнатой располагалась другая подделка — копия того ужаса из «Тысячи и одной ночи», в котором Чибис жила на Веге-5. Здесь она вроде была довольна, и я обошелся без комментариев.

Пока мы вылезали из скафандров, Мамми ждала рядом.

Вам тут будет удобно?

— Да, конечно, — отозвался я без энтузиазма.

Если понадобится еда или что-то еще, скажите, и все появится.

— Вот как? Здесь есть телефон?

Просто выразите вслух свое желание. Вас услышат.

В этом я не сомневался — но устал и от комнат, напичканных «жучками», и от пребывания взаперти; человек имеет право на частную жизнь.

— Я хочу есть, — сказала Чибис. — Завтрак был уже давно.

Мы сидели у нее в комнате. Отодвинулся пурпурный занавес, замерцала стена. Примерно

через две минуты часть стены исчезла; на высоте столика высунулся, как язык, лоток. На нем столовые приборы, холодные закуски, фрукты, хлеб, масло и дымящееся какао. Чибис захлопала в ладоши и завизжала. Я смотрел на всю эту роскошь без энтузиазма.

Видите? — продолжала Мамми с улыбкой в голосе. *Заказывайте все, что пожелаете. Если я вам понадоблюсь, приду. А сейчас мне пора.*

— Мамми, не уходи, пожалуйста.

Я должна, милая Чибис. Но скоро мы увидимся. Кстати, здесь двое ваших соплеменников.

— Что? — встрял я. — Кто? Где?

По соседству.

Она скользнула прочь. Укатил и робот, стараясь держаться впереди нее.

Я обернулся:

— Слышала?

— Конечно!

— Ты ешь, ешь, если тебе хочется. А мне хочется посмотреть на этих землян.

— Эй! Подожди меня!

— Ты вроде от голода помирала.

— Ну… — Чибис посмотрела на еду. — Одну секунду. — Она торопливо намазала маслом два ломтика хлеба, протянула один мне.

Я не особенно торопился, так что съел. Чибис прожевала свой кусок, глотнула из кружки и предложила мне:

— Хлебни.

Это было не совсем какао, так как отдавало мясом. Но вкусно. Я вернул кружку, и она допила.

— Теперь я готова драться с пантерами. Пошли, Кип.

«По соседству» означало через прихожую нашего трехкомнатного обиталища и пятнадцать ярдов по коридору, за дверной аркой. Я отодвинул Чибис за спину и осторожно заглянул.

Там была диорама, искусственный пейзаж.

В наших музеях такого дива не увидишь. Я смотрел из кустов на полянку в дикой глухомани. Она упиралась в известняковый обрыв. В скале — пещера, выше — затянутое тучами небо. Почва казалась сырой, как после дождя.

У пещеры на корточках сидел пещерный человек. Он обгладывал кости какого-то мелкого зверька, возможно белки.

Чибис попыталась протиснуться; я отпихнул ее. Казалось, пещерный человек не замечал нас, — и к лучшему, подумал я. Несмотря на короткие ноги, весил он, пожалуй, вдвое больше меня. Развитые, как у штангиста, мышцы, корот-

кие и волосатые предплечья, узловатые бицепсы и ляжки. У него была огромная голова, больше и длиннее моей, с узким лбом и маленьким подбородком. Огромные желтые зубы, один передний сломан. Слышался хруст.

В музее висела бы табличка: «Неандерталец, последний ледниковый период». Но музейные экспонаты не грызут костей.

Чибис напирала:

— Ну дай посмотреть!

Он услышал. Чибис уставилась на него, он уставился на нас. Девочка взвизгнула; он повернулся и побежал к пещере, косолапо, но быстро.

Я схватил Чибис:

— Пойдем отсюда!

— Не торопись, — спокойно сказала она. — Он не скоро вылезет. — И попыталась раздвинуть кусты.

— Чибис!

— Попробуй-ка! — Она постучала по воздуху. — Его держат взаперти.

Проход в арке был перекрыт невидимой преградой. От моих усилий она подавалась, но не более чем на дюйм.

— Пластик? — предположил я. — Как оргстекло, только более упругий?

— Мм… — сказала Чибис. — Больше похоже на шлем моего скафандра. Но прочнее… и могу поспорить, что пропускает свет только в одну сторону. Вряд ли он нас видел.

— Ладно, пошли обратно. Может, сумеем запереться в комнатах.

Она продолжала ощупывать барьер.

— Чибис! — резко сказал я. — Ты меня не слушаешь.

— Зачем же ты говоришь, — высказала она резонное недоумение, — раз я не слушаю?

— Чибис! Не время пререкаться.

— Ну совсем как мой папа! Погоди, этот тип сейчас вылезет, он же потерял крысу, которую жевал.

— Когда вылезет, нас с тобой здесь уже не будет. А вздумаешь кусаться, сам укушу.

Она с досадой повернула голову:

— А вот я бы не стала кусать тебя, Кип, что бы ты ни вытворял. Но раз уж так уперся — ладно. Вряд ли он вылезет раньше чем через час. Еще вернемся.

— Хорошо. — Я потащил ее прочь.

Но смыться не удалось. Я услышал громкий свист и оклик:

— Эй, парнишка! Эй, ты!

Слова были не английские, но я достаточно хорошо их понял. Вопли исходили из следующей по коридору арки. Я помедлил, а потом двинулся к ней, тем более что Чибис была уже там.

В дверях маячил мужчина лет сорока пяти. Точно не неандерталец; вроде цивилизованный. Одет в длинную и тяжелую шерстяную тунику, подпоясанную так, что получалось подобие килта. Ноги, обтянутые шерстяной тканью, обуты в короткие, тяжелые, сильно поношенные сапоги. На перевязи висел меч, тоже тяжелый и короткий; с другого бока к поясу крепился кинжал. Волосы были пострижены, лицо побрито, но не день и не два назад — на щеках седая щетина. Лицо не дружелюбное, но и не злобное — просто настороженное.

— Спасибо, — сказал он хрипло. — Ты тюремщик?

Чибис ахнула:

— Да это же латынь!

Как надо поступить, когда вслед за троглодитом встречаешь легионера? Я ответил:

— Нет, я сам заключенный.

Это я произнес на испанском и повторил на очень приличной классической латыни. Я воспользовался испанским, потому что Чибис

немного ошиблась. Это была не совсем латынь, не латынь Овидия или Гая Юлия Цезаря. Но и не испанский. Скорее что-то среднее, со страшным акцентом и прочими нюансами. Но общий смысл я понимал.

Он пожевал губу и сказал:

— Плохо. Третий день взываю к страже, а явился заключенный. Но с судьбой не поспоришь. Почему у тебя такой выговор?

— Извини, амиго, мне тоже нелегко тебя понимать. — Я повторил на латыни, потом прикинул различия и добавил на самодельном промежуточном наречии: — Говори помедленнее, хорошо?

— Я говорю так, как желаю. И не смей называть меня «амиго»; я римский гражданин, побереги́сь.

Это, конечно, вольный перевод. Думаю, совет римлянина звучал грубее. Он был похож на одну испанскую фразу, несомненно очень неприличную.

— Что он говорит? — допытывалась Чибис. — Это же латынь, да? Переведи!

Я был рад, что она ничего не поняла.

— Ужели, Чибис, не знакома ты с языком поэзии и науки?

— Слушай, не умничай! Скажи!

— Не лезь, малявка. Потом переведу. Я и так за ним не успеваю.

— Что за варварская тарабарщина? — надменно вопросил римлянин. — Говори разумно, не то получишь десять ударов мечом плашмя!

Казалось, он опирался на воздух. Я потрогал. Воздух оказался твердым; я решил не обращать внимания на угрозы.

— Разумнее у меня не получается. Мы говорили между собой на своем языке.

— Хрюкают только свиньи. Пользуйся латынью, если способен. — Он посмотрел на Чибис, будто только что ее заметил. — Твоя дочь? Не продашь? Было бы у нее на костях мясо, дал бы полдинария.

Чибис взбеленилась.

— Это я поняла! — рявкнула она. — Выходи и защищайся!

— Скажи это по-латыни, — посоветовал я. — Если поймет, наверное, отшлепает.

Она немного сконфузилась.

— А ты ему позволишь?

— Ты же знаешь, что нет.

— Пошли обратно.

— Я это предлагал и раньше. — Я повел ее мимо убежища пещерного человека к нашим

апартаментам. — Чибис, я вернусь и потолкую с благородным римлянином — может, что интересное узнаю. Не возражаешь?

— Конечно возражаю!

— Будь умницей, солнышко. Если бы эти арестанты представляли угрозу, Мамми предостерегла бы нас. А она лишь сказала, что здесь есть земляне.

— Я пойду с тобой.

— Зачем? Я расскажу тебе все, что выясню. Может быть, поймем, что это все означает. Как здесь оказался римлянин? Его продержали в холодильнике пару тысячелетий? Когда он очнулся? Известно ли ему что-то, чего не знаем мы? У нас неприятности, и нужна вся информация, какую только можно добыть. Ты здорово поможешь, если не будешь соваться. Боишься — позови Мамми.

Она накуксилась:

— Я не боюсь. Ладно, будь по-твоему, раз ты так хочешь.

— Хочу. А ты пока пообедай.

Собаколикий троглодит не показывался; впрочем, я и не приближался к его двери.

Интересно, если корабль способен мгновенно прыгать через пространство, не может ли он

точно так же проскакивать по шкале времени? Не противоречит ли это математике?

Легионер у своей двери все еще подпирал стенку. Он взглянул на меня:

— Я приказал тебе быть здесь. Ты что, не слышал?

— Слышал, — подтвердил я. — Но с такими манерами ты ничего не получишь. Я тебе не раб.

— Твое счастье!

— Поговорим мирно? Или я ухожу.

Он оглядел меня.

— Мир. Только не шибко умничай тут, варвар.

Его звали Юнио. Он служил в Испании, в Галлии, потом перешел в Шестой легион — «Победоносный», известный, как он считал, каждому варвару. Этот легион квартировал в британском Эборакуме, к северу от Лондиниума. Юнио заслали в глушь, но зато повысили в звании до центуриона (он произносил «кентурио») — что-то вроде старшины роты. Ростом он был ниже меня, но я не хотел бы встретиться с ним в узком переулке. Да и в широком тоже.

Он имел самое низкое мнение о бриттах и о варварах вообще, включая мою персону («тут ничего личного — кое с кем из варваров я даже дружу»), о женщинах, британском климате, умниках и жре-

цах. Напротив, хорошо отзывался о Цезаре, Риме, богах и собственном профессионализме. Армия уже не та, что раньше, а все потому, что всяк прохвост норовит стать римским гражданином.

Он нес караул на стене, охраняя ее от варварских набегов — отвратительный сброд, мечтающий накинуться, перерезать горло и сожрать тебя. Без сомнения, так однажды и случилось, и он оказался в мире теней.

Я решил, что он говорит о стене Адриана, но нет, он служил в трех днях пути к северу, там, где почти сходятся моря. Климат в тех краях ужасный, а туземцы — кровожадные звери, которые раскрашивают свои тела и не ценят цивилизацию. Можно подумать, орлы Рима собираются украсть их вонючий остров. Провинциалы… вроде тебя. Да ладно, без обид.

Тем не менее Юнио пустил в Британии корни. Купив в жены маленькую варварку, он с нетерпением ждал перевода в гарнизон Эборакума. Но не дождался. Юний пожал плечами.

— Как знать, если бы я внимательнее относился к омовениям и жертвоприношениям, возможно, фортуна не отвернулась бы от меня. Но я считал, что если ты выполняешь служебный долг, опрятен и следишь за оружием, то остальное — не

твоего ума дело. Осторожнее с этой дверью; она заколдована.

Чем больше он говорил, тем легче было его понимать. Окончания «-ус» он заменял на «-о», слова были не совсем те, что в «Записках о Галльской войне», лошадь называлась не «эквиус», а «кабалло». Мешали идиомы, латынь была разбавлена десятком варварских наречий. Но и в газете можно вымарать каждое третье слово — а смысл останется.

Я многое узнал о повседневном житье-бытье легиона, но ничего важного для меня. Юнио представления не имел, как и почему попал сюда, — только твердил, что он уже мертв и ожидает в пересылочной тюрьме этапа в мир теней. Но принять такую версию я еще не был готов.

Он знал год своей «смерти» — восьмой год Императора и восемьсот девяносто девятый от основания Рима. Я записал все это римскими цифрами, чтобы не ошибиться. Однако я не помнил года основания Рима и не догадывался, что за цезаря мой собеседник имеет в виду, даже зная полный титул, — слишком много было этих цезарей. Но стена Адриана тогда уже стояла, и Британия еще была оккупирована; похоже, дело было в третьем веке.

Пещерный человек, живущий напротив, Юнио не интересовал. Для легионера он воплощал худший грех варвара: трусость. Я не стал спорить, хотя и я не храбрился бы, если бы за моей дверью ревели саблезубые тигры. (А были тогда саблезубые тигры? Пусть лучше пещерные медведи.)

Юнио удалился и вернулся с жестким темным хлебом, сыром и чашей. Мне он не предложил ничего, и, думаю, не по причине разделявшего нас барьера. Он плеснул немного на пол и начал закусывать. Пол был глиняный; стены из грубого камня; потолок на бревенчатых балках. Возможно, это была копия его жилья в Британии, но я не эксперт.

Я больше не задерживался. Не только потому, что успел проголодаться и вспомнил об этом при виде хлеба и сыра, но и потому, что Юнио завелся. Не знаю, отчего он принялся с холодной скрупулезностью разбирать меня, мои вкусы, предков, внешность, поведение и способы заработать на жизнь. С этим парнем вполне можно иметь дело — пока соглашаешься, пропускаешь оскорбления и выслушиваешь советы. Такого обращения часто требуют старики, даже когда покупают баночку талька за тридцать пять центов. К этому скоро привыкаешь и уступаешь не раздумывая, иначе

прослывешь наглым сопляком и потенциальным малолетним преступником. Чем меньше уважения заслуживает вредный старикан, тем больше его требует. Так что я ушел, все равно Юнио не знал ничего полезного.

Проходя мимо двери пещерного человека, я увидел, как тот выглядывает из пещеры.

— Не принимай близко к сердцу, приятель, — сказал ему я и пошел своей дорогой.

И уткнулся в очередной невидимый барьер — в нашей арке. Я потрогал его, сказал тихонько: «Хочу войти». Барьер растаял и восстановился за спиной.

Мои резиновые подошвы ступали тихо. Звать Чибис я не стал, вдруг она уснула. Ее дверь была открыта, я заглянул. Девочка сидела по-турецки на своем невероятном восточном диване, укачивала Мадам Помпадур и плакала.

Я беззвучно отошел, потом шумно, посвистывая, вернулся и позвал ее. Она выскочила, с улыбкой и без следа слез.

— Привет, Кип! Что-то ты совсем запропал.

— Латинянин слишком болтлив. Что нового?

— Ничего. Я поела, тебя все не было, захотелось спать. Ты меня разбудил. Узнал что-нибудь?

— Дай я закажу ужин, буду есть и излагать.

Я подбирал последние капли подливки, когда появился робот-коридорный. Он был такой же, как и первый, только спереди мерцал золотом треугольник с тремя спиралями.

— Следуйте за мной, — сказал он по-английски.

Я посмотрел на Чибис:

— Разве Мамми не сказала, что вернется?

— Сказала вроде.

Машина повторила:

— Следуйте за мной. Требуется ваше присутствие.

Я взбесился. Мне часто давали приказы, среди них хватало бестолковых, но никогда еще мной не командовал кусок железа.

— А вот выкуси! Тебе придется меня тащить.

Не следовало говорить это тупому автомату. Он потащил.

— Мамми! — завопила Чибис. — Где ты? Помоги!

Из машины послышалась трель:

Все в порядке, милые. Слуга приведет вас ко мне.

Я сдался и пошел сам. Безмозглый бытовой прибор сопроводил нас до лифта, проэскортировал коридором, где стены жужжали, когда мы

проходили мимо. Провел через огромную арку, увенчанную треугольником со спиралями, и заточил в камеру. У нее не было передней стены, но мы попытались выйти — и наткнулись на барьер из проклятого твердого воздуха.

Не приходилось мне видеть помещений больше, чем это — треугольное, не стесненное ни сводами, ни колоннами, с теряющимися вдали стенами и таким высоким потолком, что под ним вполне могла бушевать гроза. Я чувствовал себя муравьем в огромном зале; хорошо, что мы находились у стены. Зал не был пуст — вдоль стен в нем стояли сотни существ, оставляя свободной середину исполинского помещения.

Там, в середине, я увидел троих черверотых — вершился суд.

Не знаю, был ли среди них наш Лиловый. Я и вблизи не отличил бы его от соплеменников. Разница между черверотыми для нашего брата, пожалуй, лишь в том, что́ они намерены с нами делать: резать глотки или рубить головы. Однако, как мы узнали, для суда не важно, пойман конкретный преступник или гуляет на свободе, жив он или мертв. Судили народ, чьи представители совершали преступления.

Выступала Мамми. Я видел ее крошечную фи-

гурку, тоже очень далеко от нас, в стороне от черверотых. Ее птичья песенка доносилась слабо, но рядом с нами ясно звучали английские слова: транслировался перевод. И в переводе нисколько не терялась живость и эмоциональность Мамми.

Она излагала все, что знала о поступках черверотых. Делать это старалась бесстрастно, словно исследовала извергов под микроскопом. Давала сухой отчет о событиях. Только факты. Она как раз заканчивала рассказ о событиях на Плутоне. Сообщила о взрывах — и умолкла.

По-английски заговорил другой голос. Бесцветный, немного гнусавый, он напомнил мне одного вермонтского янки — хозяина бакалейного магазина, куда мы ходили, когда я был маленьким. Этот продавец никогда не улыбался и не хмурился, а изрекал лишь одним тоном. «Она приятная женщина», «Он собственного сына надует», «Яйца по пятьдесят девять центов» — все это с равнодушием кассового аппарата. Вот и сейчас в вопросе, который был задан Мамми, сквозило такое же равнодушие.

— Вы закончили?

— Я закончила.

— Заслушаем других свидетелей. Клиффорд Рассел…

Я вздрогнул, будто тот бакалейщик застал меня за кражей леденцов.

Голос продолжал:

— Прошу внимания.

Послышался иной голос. Мой собственный. Звучал отчет, который я диктовал, пока лечился на Веге-5.

Но не весь; только то, что касалось черверотых. Пропали эпитеты и целые фразы, словно кто-то с ножницами прошелся по звукозаписи. Факты остались; мое мнение о них исчезло.

Рассказ начинался с того момента, когда на пастбище возле моего дома опустились корабли, и заканчивался, когда слепой черверотый свалился в яму. Получился этот рассказ коротким, многое вырезали — например, наш лунный поход. Мое описание черверотого оставили, но выхолостили до крайности — теми же словами я мог бы описать Венеру Милосскую, не то что самое чудовищное в мире создание.

Запись кончилась, и голос янки-бакалейщика спросил:

— Это ваши показания?

— А? Да.

— Они верны?

— Да, но…

— Они верны?

— Да.

— Они полны?

Я хотел было сказать, что они совсем не полны, но уже начал понимать систему.

— Да.

— Патриция Вайнэнт Райсфельд…

История Чибис начиналась раньше, ведь девочка общалась с черверотыми еще до встречи со мной. Однако запись оказалась не намного длиннее. Чибис, обладая острым зрением и уникальной памятью, все и вся преломляла через призму собственного мнения и личного отношения. И мнения, и отношения вы́резали.

Когда Чибис подтвердила, что ее показания верны и полны, янки-бакалейщик постановил:

— Все свидетели выслушаны, все известные факты собраны. Слово предоставляется подсудимым.

Думаю, черверотые выбрали лицо, говорящее от их имени, — может, моего старого знакомого, если он был жив и находился здесь. Речь в переводе на английский потеряла гортанный акцент нашего Лилового, и все же это была речь черверотого. В каждом слоге сквозила жестокость, от которой кровь стыла в жилах, — жестокость

высшего разума, холодная и уверенная, как удар профессионального боксера.

Оратор стоял так далеко, что не шокировал меня своим видом. Правда, от его голоса заныли внутренности, но я одолел страх и более-менее сосредоточился.

Первым делом он заявил, что это собрание не имеет полномочий судить представителя его расы. Он несет ответственность только перед королевой-матерью, а та — перед королевской группой. (Так это прозвучало по-английски.) Такой аргументации, утверждал он, вполне достаточно. Однако, если Федерация Трех Галактик реально существует, что вызывает большие сомнения, — не считать же аргументом в пользу ее существования казус, незаконно выставивший его перед этим муравейником странных существ, — итак, если Федерация существует, она все же не имеет никакой юрисдикции по отношению к Единственному Народу; во-первых, упомянутая организация не обладает правом суверенитета над данной частью космоса; во-вторых, даже если бы она предъявила подобные претензии, Единственный Народ, находясь в рамках своего суверенитета, обоснованно отверг бы их, что автоматически означает отсутствие

юридического обоснования законов упомянутой организации (если таковые существуют); и в-третьих, совершенно невероятно, чтобы королевская группа вступила в какие бы то ни было сношения с так называемой Федерацией Трех Галактик, хотя бы потому, что люди не ведут переговоров с животными.

Этой аргументации также вполне достаточно.

Однако, если не прибегать, даже в рамках дискуссии, к приведенным выше исчерпывающим доводам, необходимо учитывать, что этот суд является лишь фарсом, поскольку в рамках данного прецедента не нарушались так называемые законы вышеупомянутых Трех Галактик. Черверотые, действуя в границах собственной юрисдикции и на собственной территории, занимались колонизацией полезной, но никем не занятой планеты Земля. Нет ничего преступного в освоении территории, заселенной исключительно животными. Что же касается агента Федерации Трех Галактик, то она создавала известные помехи; ей не было причинено никакого вреда; она лишь подверглась задержанию с целью ограничения ее действий и последующего возвращения на родину.

Здесь он мог бы остановиться. Каждый из этих

доводов звучал убедительно, в особенности последний. Раньше я думал о человеческой расе как о венце творения — но с тех пор со мной многое произошло. Не было уверенности, что суд сочтет, будто у людей есть какие-то особые права по сравнению с черверотыми. Несомненно, они во многом опередили нас. Когда мы расчищаем джунгли и строим фермы, вспоминаем ли о том, что в эти места первыми пришли бабуины?

Однако черверотый отмел свои же доводы, заявив, что это не более чем интеллектуальное упражнение с целью показать, насколько смехотворна сама ситуация — и с точки зрения права, и с точки зрения здравого смысла. А теперь он переходит к защите.

Это была атака.

Ненависть в его голосе достигла крещендо, каждое слово звучало подобно удару бича. Да как вы посмели?! Вы же просто мыши, которые вознамерились повесить на кота колокольчик! (Так прозвучало в переводе.) Вы животные, пища! Вы паразиты, которых нужно истребить. Ваши преступления никогда не будут забыты, мольбы будут отклонены, никакие переговоры невозможны! Единственный Народ уничтожит вас!

Захотелось узнать, как это воспринимают

присяжные. В огромном зале сотни существ выстроились вдоль трех стен, некоторые находились совсем близко. До сих пор я был слишком поглощен процессом и не уделял им внимания. Но напор черверотого был так силен, что возникла необходимость перевести дух.

Все присутствующие были разными, наверное, не нашлось бы и двух похожих. Футах в двадцати от меня стоял монстр, поразительно смахивающий на черверотого, — с той лишь разницей, что его уродливая фигура не внушала отвращения. Иные выглядели почти по-человечески, хотя таких было меньшинство. Одна цыпочка была с виду таким же человеком, как и я, — если оставить за скобками светящуюся кожу и крайне скудный гардероб. Она была до того красива, что я мог бы поклясться: свечение кожи — косметический эффект; и скорее всего, был бы не прав. Интересно, какой язык она сейчас слышит? Конечно, не английский.

Наверное, она почувствовала мой интерес, потому что оглянулась и смерила меня холодным взглядом, как будто рассматривала шимпанзе в клетке. Непохоже, что я ей понравился.

Между псевдочерверотым и светящейся девушкой раскинулся целый спектр существ. Кое-кто

даже разместился в персональном аквариуме.

Было сложно определить реакцию публики на происходящее. Светящаяся девушка спокойно наблюдала, но что скажешь о существе со щупальцами как у осьминога? Если оно извивается, значит сердится? Или смеется? Или просто чешется?

Янки-председательствующий позволил черверотым продолжать.

Все это время Чибис держала меня за руку. Теперь она схватила за ухо, запрокинула голову и шепнула:

— Как мерзко он говорит!

Черверотый закончил таким взрывом ненависти, что транслятор, похоже, заело. Вместо английского перевода мы услышали бессмысленный визг.

Голос янки-бакалейщика бесстрастно произнес:

— Намерены ли вы заявить что-либо в свою защиту?

Визг повторился, после чего черверотый выразился понятно:

— Я уже высказался в нашу защиту: ни в какой защите нет необходимости.

Бесцветный голос продолжал, обращаясь к

Мамми:

— Намерены ли вы выступить в их пользу?

Она неохотно ответила:

Высокий суд, я вынуждена сказать, что нахожу их поведение неподобающим.

— Вы свидетельствуете против?

Да, грустно ответила она.

— В таком случае вы лишаетесь слова.

Три Галактики — один закон. Я не имею слова.

Бесцветный голос продолжал:

— Могут ли в их защиту выступить свидетели?

Последовала тишина.

Это был мой шанс проявить благородство. Мы, люди, жертвы черверотых, могли выступить за, указать, что они, по их морали, не сделали ничего дурного, и воззвать к милосердию — если они пообещают впредь вести себя хорошо.

Но я не сделал этого. Слышал я все эти сладкие речи о том, что надо всегда прощать, что даже в худших людях скрыто добро и так далее. Но когда я вижу «черную вдову», я давлю ее, а не умоляю стать хорошим паучком и больше не кусаться. «Черная вдова» останется убийцей — в этом все дело.

Голос обратился к черверотым:

— Существует ли раса, которая могла бы высту-

пить в вашу пользу? Если таковая существует, ее призовут.

Черверотый взвыл. Мысль, что кто-то мог бы заступиться за Единственный Народ, вызвала у него отвращение.

— Принято к сведению, — сообщил голос янки-бакалейщика. — Достаточны ли представленные факты для вынесения решения?

И почти сразу ответил сам себе:

— Да.

— Каково же решение?

И ответил снова:

— Поворот планеты.

Это прозвучало обыденно — тоже мне, все планеты вращаются, — да и в голосе не слышалось никакой угрозы. Однако приговор чем-то ужаснул меня. Казалось, все кругом содрогнулось.

Мамми направилась к нам. Идти было далеко, но ей удавалось двигаться очень быстро. Чибис бросилась к ней; твердый воздух вокруг нас сгустился, и мы оказались в отдельной серебристой полусфере.

Чибис тряслась и всхлипывала, Мамми утешала ее. Когда девочка чуточку успокоилась, я с опаской сказал:

— Мамми, что означает «поворот планеты»?

Она посмотрела на меня, не отпуская прильнувшую Чибис. Огромные добрые глаза были суровы и печальны.

Это означает, что их планету выведут в измерение, находящееся под прямым углом к нашему пространству-времени.

Ее речь была похожа на трели флейты, играющей похоронный марш. И все же участь черверотых не показалась мне чересчур печальной. Я догадался, что означает приговор; по-вегански Мамми объясняла даже понятнее, чем по-английски. Если повернуть плоскую фигуру вокруг оси, лежащей в этой плоскости, фигура исчезнет. Она перестанет существовать в этой плоскости и не сможет на нее вернуться; мистер А. Квадрат из Флатландии[19] навсегда утратит с ней связь.

Но она не будет уничтожена, а просто окажется в другом месте. Мне пришло в голову, что черверотые легко отделались. Я был почти уверен, что их планету или взорвут (а в том, что Федерация Трех Галактик на такое способна, сомневаться не приходилось), или подвергнут не менее ужасной каре. Выходило же, что черверотых изгнали из общины. Они никогда не смогут вернуться — ведь

---

[19] notes: 19

Персонаж книги английского священника, академика и писателя Эдвина Э. Эббота «Флатландия, или Роман многих измерений» (1884).

измерений неисчислимое множество, — однако им не причинят вреда, от них просто избавятся.

Но Мамми говорила так, будто против воли участвовала в повешении.

Пришлось спросить, в чем причина.

Ты не понимаешь, милый Кип, — они ведь не возьмут с собой свою звезду.

— Ой… — Это все, что я смог выдавить.

Чибис изменилась в лице.

Звезда — источник жизни. Планеты — только ее вместилища. Отсеките звезду — и планета начнет остывать. Необратимо.

Как скоро замерзнет воздух? Сколько часов или дней до абсолютного нуля? Я содрогнулся и покрылся мурашками. Хуже, чем на Плутоне…

— Мамми? А когда это сделают?

Совесть говорила, что я обязан был выступить, что даже черверотые не заслуживают такого. Взорвите их, расстреляйте — но не замораживайте!

Это уже сделано, пропела она так же скорбно.

— Что?

Исполнитель только ждал приговора. Тот приводится в исполнение немедленно. Планету повернули еще до того, как я подошла к вам. Так лучше.

Я сглотнул и услышал, как отозвалось в моем

мозгу: «Что делаешь, делай скорее…»[20]

Не думайте больше об этом, быстро проговорила Мамми. *Теперь вам понадобится все ваше мужество!*

— Почему? Что нас ждет, Мамми?

В любой момент вас призовут на суд.

Я так и застыл, молча глядя на нее, — я-то думал, что все закончилось. Чибис осунулась и побледнела, но не заплакала. Она облизнула губы и тихо спросила:

— Ты пойдешь с нами, Мамми?

Дети мои! Я не могу. Вы должны сами пройти через это.

У меня прорезался голос:

— Но за что нас судить? Мы никому не причинили зла. Мы не сделали ничего плохого.

Не вы лично. Судят вашу расу. Вы — ее представители.

Чибис посмотрела на меня — и я испытал прилив трагической гордости оттого, что в решающую минуту она повернулась не к Мамми, а ко мне, человеческому существу.

Я знал, что она думает о том же, что и я: о корабле, висящем рядом с Землей и в то же время

---

[20] notes: 20
Иоанн, 13: 27.

за триллионы миль от нее, в каком-нибудь кармане, складке пространства, куда не достанет ни один радар.

Земля, зеленая и золотая, прекрасная и удивительная, нежится в ласковом свете Солнца…

Бесцветный голос — и нет Солнца.

Нет звезд.

Рванется осиротевшая Луна и продолжит свое вращение вокруг Солнца надгробной плитой на могиле людских надежд. На Лунной базе, в Луна-Сити и на станции Томбо протянут последние недели или даже месяцы несколько человек, единственные выжившие люди. Потом и они умрут — если не от удушья, то от горя и одиночества.

— Кип, она не взаправду! — резко произнесла Чибис. — Ну скажи, что нет!

Я хрипло произнес:

— Мамми, исполнители уже ждут?

Она не ответила мне. Она ответила Чибис:

Это взаправду, доченька. Но не пугайся. Прежде чем везти вас сюда, я добилась обещания. Если дело повернется против вашей расы, вы двое улетите со мной и доживете свою короткую жизнь в моем доме. Так что вставайте и говорите правду… и не бойтесь.

Бесцветный голос проник в закрытое пространство:

— Люди призываются к ответу.

Глава 11

Мы шли по бескрайнему залу. С каждым шагом все сильнее меня пробирал страх. Чибис была рядом; ради нее я еще как-то крепился. И все же это походило на кошмар, когда снится, что ты на площади без штанов. Чибис цеплялась за руку и прижимала к себе Мадам Помпадур. Я пожалел, что на мне нет Оскара, — в нем я не казался бы себе козявкой под микроскопом.

В последнюю минуту Мамми положила ладонь мне на лоб и гипнотически впилась в глаза. Я оттолкнул ее руку и отвел взгляд.

— Нет, — сказал я ей. — Никакой подготовки! Не надо… Знаю, ты хочешь как лучше, но… пойду без наркоза. Спасибо.

Она не настаивала, лишь повернулась к Чибис. Та поколебалась, но тоже покачала головой.

— Мы готовы, — выдохнула она.

Но теперь, пересекая огромное пространство, я все острее жалел, что не разрешил Мамми избавить нас от нервной тряски. По меньшей мере Чибис необходимо было успокоить.

От далеких стен навстречу нам двинулись еще две козявки. Когда приблизились, я узнал

их: неандерталец и легионер. Невидимая сила волокла упирающегося пещерного человека; римлянин же печатал широкие, легкие и уверенные шаги. До центра мы добрались одновременно и остановились футах в двадцати друг от друга, треугольником: Чибис и я — в одном углу, римлянин и пещерный человек — в остальных.

Я окликнул:

— Приветствую, Юнио!

— Молчи, варвар. — Он огляделся, оценивая взглядом толпу у стен.

Легионер сменил свое неопрятное облачение. Исчезли грязные обмотки; на правой голени красовался понож. Тунику прикрывали доспехи, голову гордо увенчивал шлем с плюмажем. Сверкал металл, лоснилась вычищенная кожа.

Пока он шел, его щит по-походному висел за спиной. Остановившись, легионер перебросил его в левую руку. Он не взялся за меч, потому что в правой руке держал на изготовку дротик. Настороженные глаза высматривали врага.

Слева от него, как забитый зверек, съежился пещерный человек.

— Юнио! — позвал я. — Послушай!

Вид этих двоих встревожил меня еще больше. Разговаривать с троглодитом было бесполезно,

но, возможно, удастся объясниться с римлянином.

— Знаешь, зачем мы здесь?

— Знаю, — бросил он мне через плечо. — Сегодня боги испытывают нас на своей арене. Это работа для воина и римлянина. От тебя не будет пользы, так что не путайся под ногами. Впрочем, следи за тылом и в случае чего кричи. Цезарь вознаградит тебя.

Я попытался было объяснить ему, что к чему, но меня прервал громовой голос, идущий со всех сторон:

ВЫ ПРЕДСТАЛИ ПЕРЕД СУДОМ!

Чибис задрожала и прижалась ко мне. Я выпростал из ее судорожной хватки левую руку, заменил ее на правую, а левой обнял за плечи.

— Выше нос, напарник, — сказал я тихонько. — Не дай им запугать себя.

— Я не боюсь, — прошептала она, трясясь. — Кип, давай ты будешь говорить.

— Ты действительно этого хочешь?

— Да. Тебя не так легко разозлить, как меня, — а если я разозлюсь… ну, это будет просто ужас.

— Ладно.

Нас прервал тот же плоский, гнусавый голос. Как и раньше, казалось, что его источник нахо-

дится совсем рядом.

— Представляемое дело исходит из предыдущего. Три разновременных образца доставлены с небольшой планеты ланадорского типа, расположенной в периферийной зоне Третьей Галактики. Область крайне примитивная, цивилизованные расы отсутствуют. Представленная раса, как следует из образцов, является варварской. Ранее инспектировалась дважды. Необходимость в плановом изучении отсутствовала, но в связи с предыдущим делом появились новые факты.

Голос задал вопрос сам себе:

— Когда проводилась последняя проверка?

И ответил:

— Приблизительно один период полураспада тория — двести тридцать назад.

Он добавил, явно только для нас:

— Около восьмидесяти тысяч ваших лет назад.

Юнио закрутил головой, пытаясь определить, откуда исходит голос. Он явно слышал то же самое, только на своей испорченной латыни. Я и сам был удивлен, но подобные цифры уже не могли меня шокировать.

— Есть ли необходимость во внеочередной инспекции?

— Есть. Катастрофический разрыв непрерывно-

сти. Они развиваются с аномальной скоростью.

Бесцветный голос продолжал, обращаясь к нам:

— Я ваш судья. Многие из присутствующих здесь цивилизованных существ являются моими составляющими. Есть зрители, есть стажеры, а кое-кто явился специально, чтобы поймать меня на ошибке. Но это не удавалось никому за последний миллион ваших лет.

— Вам больше миллиона лет? — выпалил я.

Но не добавил, что не верю в это.

Голос ответил:

— Я намного старше, хотя возраст моих компонентов различен. Отчасти я машина, чьи детали можно ремонтировать, заменять, копировать; другие мои компоненты — живые существа, они умирают и возобновляются. Мои живые составляющие — многие тысячи, — (вообще-то, он сказал «дюжины дюжин дюжин»), — цивилизованных существ со всех уголков Трех Галактик, и любая дюжина дюжин из них может слиться с моим машинным разумом, чтобы привести меня в действие. Сейчас со мной связаны двести девять специалистов, в их распоряжении знание, накопленное моей неживой сущностью, а также все мои способности анализировать и интегри-

ровать.

— Решения принимаются единогласно? — резко произнес я, решив, что нашел лазейку.

Мне никогда не удавалось перехитрить папу с мамой, но все же в далеком детстве иногда случалось запутать их так, чтобы один говорил одно, а другой — другое.

Голос невозмутимо ответил:

— Решения всегда принимаются единогласно. Будет лучше, если вы сочтете меня единой личностью.

Он продолжал, обращаясь к аудитории:

— Была проведена стандартная процедура отбора образцов. Современный образец дублирован; промежуточный контрольный образец — носящий одежду индивидуум, взятый методом случайной выборки приблизительно один период полураспада радия — двести двадцать шесть назад… — Голос пояснил: — Около тысячи шестисот ваших лет назад. Исходный контрольный образец взят стандартным методом, в период, отдаленный от предыдущего двадцатикратно.

Голос задал вопрос себе:

— Почему образцы брались через такие короткие промежутки времени?

— Потому что у особей очень короткие жизнен-

ные циклы. Этот вид быстро эволюционирует.

Объяснение, видимо, было удовлетворительным, потому что голос продолжал:

— Первым будет давать показания самый младший образец.

Я решил, что он имел в виду Чибис, она тоже так подумала и сжалась в страхе. Однако голос вдруг нечленораздельно залаял, и пещерный человек дернулся. Он ничего не ответил, только еще больше съежился.

Голос снова залаял. Затем сказал сам себе:

— Есть замечание.

— Говори.

— Это существо не является предком остальных.

Голос машины выразил некое недоумение, словно мой хладнокровный бакалейщик обнаружил соль в мешке для сахара.

— Образец взят корректно.

— Тем не менее, — произнес тот же голос, — это нерелевантный образец. Необходимо пересмотреть все относящиеся к делу материалы.

На долгие пять секунд воцарилась тишина. Затем голос заговорил снова:

— Это несчастное существо не является предком остальных; оно всего лишь дальний родственник.

У него нет собственного будущего. Оно должно быть немедленно возвращено в те пространственно-временные параметры, откуда было изъято.

Неандертальца немедленно уволокли прочь. Я смотрел ему вслед с чувством потери. Сначала я его боялся, потом презирал, стыдился. Он был труслив, грязен, от него воняло. Даже собака больше похожа на человека. Но за последние пять минут я счел его собратом — каким бы отвратительным он ни казался. Может, он и не был моим прадедушкой, но я не желал отказываться даже от самых жалких своих родственников.

Голос вступил в спор с самим собой, решая, правомерно ли продолжать процесс. Наконец он постановил:

— Расследование будет продолжено. Если не удастся выявить достаточно фактов, суд получит другой ранний образец, на этот раз непосредственно относящийся к линии наследования. Юнио.

Римлянин поднял свой дротик.

— Кто взывает к Юнио?

— Выступи вперед и дай показания.

Как я и опасался, легионер объяснил обладателю голоса, куда ему следует отправиться и чем

там заняться. Последовал английский перевод. Никак нельзя было оградить Чибис от «неподобающих для леди» выражений. Впрочем, это уже не имело значения.

Бесстрастный голос невозмутимо спросил:

— Это твое свидетельство?

Вступил другой голос, в котором я узнал речь римлянина. Он отвечал, живописал битвы, рассказывал, как поступают с пленными. Все это мы услышали по-английски, но перевод сохранил высокомерные интонации Юнио.

Легионер выкрикнул: «Колдовство!» — и сделал пальцами рога, отпугивая нечистую силу.

Запись кончилась.

— Речевые данные совпадают, — сухо произнес голос. — Суд учтет эти показания.

Он принялся мытарить Юнио, спрашивал, почему тот оказался в Британии, что там делал и почему нужно служить цезарю. Его интересовали малейшие подробности. Сначала Юнио отвечал односложно, потом и вовсе перестал. Он издал воинственный клич, пробежавший эхом под гигантскими сводами, размахнулся и метнул дротик.

Тот не долетел до цели. И все же, думаю, легионер побил олимпийский рекорд.

Я обнаружил, что ору, как болельщик.

Пока дротик летел, Юнио обнажил меч. Взмахнул им, словно гладиатор, выкрикнул: «Слава цезарю!» — и заговорил.

Как он их разнес! Высказал все, что думает о тварях, которых нельзя счесть не только гражданами, но даже варварами.

«Ну, пошла заварушка, — решил я. — Бедное человечество, ты получишь по полной программе!»

Юнио все кипятился, взывал к богам, угрожал карами и расправой, нимало не стесняясь в выражениях и описывая неаппетитные подробности. Я надеялся, что, несмотря на перевод, Чибис поймет не все. Но она, похоже, понимала достаточно, даже чересчур много.

Я уже гордился этим римлянином. Черверотый излучал зло; Юнио — нет. Несмотря на всю свою спесь, невежество и грубость, бывалый центурион обладал храбростью, отвагой и человеческим достоинством. Может, он и был негодяем, но такие негодяи мне по вкусу.

Он предложил своим судьям выйти на бой, хоть по одному, а лучше «черепахой», — тогда он покончит с ними разом.

— Я сделаю из вас погребальный костер! Я зака-

лю мой клинок в ваших кишках! Я, стоя на пороге смерти, воздвигну над могилой свободного римлянина курган из тел врагов цезаря!

Легионеру пришлось перевести дух. Я вновь закричал ему в поддержку, Чибис вторила. Он глянул на нас через плечо и ухмыльнулся:

— Я буду валить их, парень, а ты режь глотки! Жаркое предстоит дело!

Холодный голос произнес:

— Следует возвратить его в те пространственно-временные параметры, откуда он был изъят.

Невидимые руки потащили разъяренного Юнио. Он взывал к Марсу и Юпитеру, размахивал мечом. Клинок прочертил в полу борозду, потом будто по собственной воле вернулся в ножны. Легионер стремительно удалялся; я потряс ему вслед сцепленными руками и завопил:

— Прощай, Юнио!

— Прощай, парень! Они трусы! — Он силился разорвать свои путы. — Это просто мерзкое колдовство!

И исчез.

— Клиффорд Рассел…

— А? Я здесь.

Чибис сжала мою руку.

— Минутку! — сказал я.

— Даем тебе слово.

Я глубоко вздохнул. Чибис придвинулась поближе и прошептала:

— Постарайся, Кип. Они не шутят.

— Постараюсь, малышка, — шепнул я и заговорил громче. — Что здесь происходит? Мне сказали, что вы намерены судить человеческую расу.

— Это верно.

— Но вы не имеете права. У вас нет достаточных оснований. Юнио счел колдовством ваши действия — и они ничем не лучше колдовства. Вы привезли пещерного человека, потом решили, что это ошибка. Но это не единственная ваша ошибка. Каким бы ни был Юнио, я не стыжусь его; я горжусь им. Но он не мой современник. Он мертв уже две тысячи лет — если, конечно, вы отправили его обратно, — и так же мертв весь его мир. Хороший или плохой, Юний не представляет сегодня человеческую расу.

— Это мне известно. Вы двое — контрольные образцы вашей расы, взятые в настоящем.

— Да, но мы тоже не критерий. Чибис и я так же далеки от среднестатистического человека, как и любой индивидуум. Конечно, ни она, ни я не ангелы. Если вы судите о нашей расе по нашим

деяниям, то совершаете огромную несправедливость. Судите нас, стоящих перед вами, — по крайней мере меня…

— И меня!

— …за все, что я совершил. Но не заставляйте отвечать за мои проступки мой народ. Это не научный подход. Это математически некорректно.

— Это корректно.

— Нет. Люди — не молекулы; они разные. — Я решил не спорить по поводу юрисдикции: черверотый уже испоганил этот подход.

— Согласен, люди не молекулы. Но они и не личности.

— Они личности!

— Они не являются независимыми личностями; они — части единого организма. Каждая клетка вашего тела содержит полную информацию. По трем клеткам организма, который вы называете человеческой расой, я могу предсказать будущие возможности и ограничения этой расы.

— У нас нет ограничений! Нельзя предсказать, какое будущее нас ждет.

— Возможно, у вас нет ограничений, — согласился голос. — Это мы определим. Однако не уверен, что результат пойдет вам на пользу. Ведь ограничения есть у нас.

— Что?

— Вы неправильно понимаете цель нашего собрания. Вы говорите о справедливости. Я знаю, что подразумевается под этим словом у вас. Однако никакие две расы не договорятся о значении данного термина, как бы он ни звучал в их языках. Мы не занимаемся здесь этим вопросом. Это не суд справедливости.

— Тогда что же это?

— Вы бы назвали это советом безопасности либо комитетом бдительности. Суть не в словах; моя единственная цель — исследовать вашу расу и выяснить, не представляете ли вы угрозы для нас. Если представляете, я немедленно от вас избавлюсь. Единственный надежный способ предотвратить смертельную опасность — это уничтожить ее в зародыше. То, что мы узнали о землянах, заставляет предполагать, что когда-нибудь вы сможете угрожать безопасности Трех Галактик. Теперь рассмотрим факты.

— Но вы сказали, что необходимы по крайней мере три образца. Пещерный человек вам не подошел.

— У нас есть три образца, вы двое и римлянин. Однако факты могут быть установлены и по одному образцу. Использование трех — давняя

традиция, осторожная привычка все проверять и перепроверять. Я не способен обеспечить справедливость, но я хочу убедиться, что не допускаю ошибки.

Я собирался сказать, что он ошибается, хоть ему и миллион лет от роду. Но голос зазвучал вновь:

— Я продолжаю исследование. Клиффорд Рассел, это твои показания?

Зазвучал мой голос — это снова был надиктованный отчет, но теперь совершенно полный. Сочные эпитеты, пристрастные комментарии — вплоть до запинок.

Я послушал некоторое время, поднял руку:

— Верно, это мои слова.

Запись остановилась.

— Подтверждаешь ли ты сказанное?

— Хм… да.

— Желаешь ли ты что-либо добавить, убрать или изменить?

Я задумался. Кроме нескольких пассажей, которые я вставил позднее, отчет был последовательным.

— Нет. Я подтверждаю сказанное.

— А это тоже твой голос?

На этот раз я замешкался. Звучала та бесконечная запись, которую я делал для профессора

Джо, насчет… ну, насчет всего на свете. Земная история, народы, обычаи, виды деятельности. До меня вдруг дошло, почему профессор носил тот же значок, что и Мамми. Как это называется?.. «Подсадная утка». Старый добрый никчемный профессор Джо был стукачом.

Мне стало противно.

— Дайте еще послушать.

Они не возражали. На самом деле я не слушал, а пытался вспомнить, что еще я наговорил, какие мои слова используют против человеческой расы. Крестовые походы? Рабство? Газовые камеры в Дахау? Сколько же я разболтал?

Запись все звучала. Ну, это надолго, будем стоять, пока не врастем в пол.

— Это мой голос.

— Ты подтверждаешь и это? Или хочешь что-то исправить, пересмотреть или дополнить?

Я осторожно спросил:

— Можно переделать все целиком?

— Как хочешь.

Я хотел было сказать, что запись никуда не годится, что ее нужно стереть и переписать. Но сотрут ли они? Или сохранят обе и сравнят? Я не погнушался бы и соврать; добродетельный девиз «говори правду, и будь что будет» неуместен,

когда твоя семья, друзья и вся раса поставлены на карту.

А вдруг они поймают меня на лжи?

«Мамми велела говорить правду и не бояться».

«Но она не на нашей стороне!»

«Ну конечно на нашей».

Пора было отвечать. Я до того растерялся, что не мог собраться с мыслями. Профессору Джо я старался говорить правду… Что ж, возможно, кое-что я затушевал, не распространялся о всяких газетных ужасах. Но в сущности, говорил как было.

Сделаю ли я это лучше, припертый к стенке? Позволят ли мне начать с чистого листа, примут ли все, что я смастерю? Или сам факт того, что я изменил свой рассказ, будет использован для осуждения нашей расы?

— Я подтверждаю все!

— Продолжаем рассмотрение фактов. Патриция Вайнэнт Райсфельд…

Чибис понадобилось лишь мгновение, чтобы подтвердить подлинность ее записанных слов. Она просто следовала моему примеру.

Голос машины заговорил:

— Факты изучены, результаты обобщены. Земляне, по их собственному свидетельству, дикие

и жестокие существа, подверженные всем мыслимым порокам. Они морят голодом, убивают, поедают своих соплеменников. У них отсутствует искусство, наука находится в зачаточном состоянии, однако их склонность к самоистреблению такова, что даже крохи добытого знания они используют для уничтожения друг друга в межплеменных войнах. Потенциально они могут в этом преуспеть. Однако, если по какой-либо несчастливой случайности им удастся выжить, они неизбежно рано или поздно долетят до звезд. Следует оценить, как быстро они достигнут нас, если выживут, и каковы будут тогда их возможности.

Голос продолжал, обращаясь к нам:

— Это веские аргументы против вас — дикарей, наделенных высоким интеллектом. Что вы можете сказать в свою защиту?

Я глубоко вздохнул и попытался успокоиться. Я знал, что мы проиграли… и все же должен был сделать еще одну попытку.

Припомнив, как говорила Мамми, я начал:

— Великие господа!

— Поправка. Мы вам не господа, но нет пока и оснований считать, что мы можем общаться на равных. Если хочешь обратиться, называй меня

председателем собрания.

— Да, председатель…

Я попытался вспомнить, что говорил Сократ своим судьям. Он, как и мы, заранее знал приговор — но все-таки одержал верх, даже выпив цикуту.

Нет! Мне не поможет «Апология Сократа» — он потерял только свою жизнь. А сейчас речь идет о целом мире.

— Вы сказали, что у нас нет искусства. Видели ли вы Парфенон?

— Взорванный во время одной из ваших войн.

— Лучше взгляните на него, прежде чем повернете нас, — иначе кое-что упустите. Читали ли вы нашу поэзию? «Окончен праздник. В этом представлении актерами, сказал я, были духи. И в воздухе, и в воздухе прозрачном, свершив свой труд, растаяли они. Вот так, подобно призракам без плоти, когда-нибудь растают, словно дым, и тучами увенчанные горы, и горделивые дворцы, и храмы, и даже весь — о да, весь шар земной»[21].

Мой голос прервался. Я слышал, как рядом всхлипывает Чибис. Не знаю, почему я выбрал

---

[21] notes: 21

У. Шекспир. Буря (перевод М. Донского).

эти строки, — говорят, подсознание ничего не делает случайно.

— Все это может случиться, — прокомментировал безжалостный голос.

— Думаю, наша жизнь — вовсе не ваше дело, раз мы вас не трогаем…

Я чуть не плакал от растерянности.

— Это стало нашим делом.

— Мы не подданные вашего правительства и…

— Поправка. Три Галактики не имеют общего правительства; на таком обширном пространстве, с такими разными культурами не могла бы работать никакая власть. Мы всего лишь образовали секторы полицейского контроля для самозащиты.

— Пусть так. Но ведь мы никогда не создавали проблем вашим полицейским. Сидели у себя на заднем дворе (лично я был у себя на заднем дворе!), когда появились эти черверотые и начали нас тиранить. Мы-то вас не трогали.

Я запнулся, подбирая слова. Я не мог сказать: «Мы больше не будем», не мог отвечать за все человечество — машина знала это так же, как и я.

— Запрос. — Он снова говорил сам с собой. — Эти существа кажутся идентичными Древней Расе, если не считать некоторых мутаций. Из

какой они части Третьей Галактики?

Он ответил себе, назвав координаты, которые для меня ничего не значили.

— Но они не принадлежат к Древней Расе; это эфемерные существа. В этом-то и опасность; они слишком быстро изменяются.

— Кажется, несколько периодов полураспада тория-двести тридцать назад Древняя Раса потеряла в этом районе корабль? Не могло ли это стать причиной расхождений с первым образцом?

Голос ответил твердо:

— Несущественно, происходят ли они от Древней Расы. Изучение продолжается; необходимо принять решение.

— Решение должно быть неоспоримым.

— Оно таким и будет.

Бесплотный голос продолжал, уже для нас:

— Можете ли вы что-либо добавить в свою защиту?

Я подумал о том, как пренебрежительно судьи отозвались о нашей науке. Хотел было сказать, что всего за два столетия мы прошли путь от мускульной силы до атомной энергии, — но побоялся, что этот факт может быть использован против нас.

— Чибис, ты можешь что-нибудь придумать?

Неожиданно она выступила вперед и крикнула в воздух:

— А разве не важно, что Кип спас Мамми?

— Нет, — ответил холодный голос. — Это нерелевантный факт.

— Но это должно считаться! — Она снова плакала. — Как вам не стыдно! Хулиганы! Трусы! Да вы хуже черверотых!

Я оттащил ее назад. Она уткнулась мне в плечо и затряслась в рыданиях. Потом прошептала:

— Прости, Кип. Я не хотела. Кажется, я все испортила.

— Мы и так наворотили — хуже некуда, солнышко.

— Имеете ли вы что-либо еще сказать? — неумолимо продолжал древний бесплотный голос.

Я оглядел зал. «…Когда-нибудь растают, словно дым, и тучами увенчанные горы, и горделивые дворцы и храмы, и даже весь — о да, весь шар земной…»

— Только одно! — с яростью выложил я. — Я не в защиту, вы не желаете слушать защиту. Ладно, заберите нашу звезду… Заберите, если сможете… думаю, сможете. Давайте! Мы сами сделаем себе звезду! А потом, в один прекрасный день, мы вернемся и переловим вас — всех до одного!

— Так им, Кип! Так им!

Никто не стал кричать на меня. Я вдруг почувствовал себя ребенком, который попал впросак и не знает, как это исправить.

Но я говорил то, что думал. Конечно, я и сам не верил в свои угрозы. Мы пока этого не можем. Но мы бы постарались. «Умри, сражаясь!» — самый гордый лозунг человечества.

— Это не исключено, — продолжал тот же бесящий голос. — Вы закончили?

— Я закончил.

Мы все закончили… каждый из нас.

— Выскажется ли кто-то в их защиту? Люди, вступится ли за вас какая-либо раса?

Хм, если бы мы знали хоть одну расу! Разве что собак… Возможно, собаки могли бы вступиться.

Я вступаюсь за них!

Чибис резко вздернула голову.

— Мамми!

Та вдруг оказалась перед нами. Чибис попыталась подбежать к ней и ударилась о невидимый барьер. Я схватил ее:

— Полегче, солнышко. Ее там нет — это что-то вроде телевидения.

— Собратья-наставники! За вами сила многих умов и знаний…

Странно было наблюдать, как она поет, и слышать английскую речь; даже в переводе сохранялась ее певучесть.

— …но я знаю их. Это правда, что они необузданны — особенно младшая, — но это необузданность возраста. Можем ли мы ожидать зрелой сдержанности от расы, представители которой обречены умирать в раннем детстве? А разве сами мы обходимся без насилия? Разве не мы сегодня убили миллиарды существ? Сможет ли хоть одна раса выжить без воли к борьбе? Верно, что эти существа подчас агрессивнее, чем требует необходимость или мудрость. Но, собратья-наставники, они еще так молоды! Дайте им время повзрослеть.

— Повзрослеть — это именно то, чего мы боимся. Ваша раса чересчур сентиментальна; это обесценивает ваше суждение.

— Неверно! Мы сострадательны, но не глупы. Я лично принимала непосредственное участие в вынесении многих, многих отрицательных решений. Вы знаете об этом; это есть в ваших архивах — я же предпочитаю об этом не помнить. Но и опять я буду принимать такие решения. Если ветвь неизлечимо больна, ее следует удалить. Мы не сентиментальны; мы наилучшие из наблюда-

телей, которых вы когда-либо находили, потому что делаем дело без гнева. Мы беспощадны ко злу. Однако мы любовно снисходим к ошибкам ребенка.

— Вы закончили?

— Я утверждаю, что эту ветвь не следует удалять! Я закончила.

Фигура Мамми исчезла. Голос продолжал:

— Выступит ли в их пользу еще какая-либо раса?

— Выступлю я.

Там, где только что стояла Мамми, оказалась огромная зеленая обезьяна. Она уставилась на нас, потрясла головой, потом неожиданно перекувырнулась и принялась смотреть на нас меж собственных ног.

— Я не являюсь их другом, но я сторонник справедливости. Этим я отличаюсь от моих коллег, участвующих в собрании. — Она быстро перевернулась несколько раз. — Как сказала наша сестра, раса эта молода. Дети моей собственной благородной расы кусают и царапают друг друга — иногда до смерти. Даже я вел себя так в свое время.

Обезьяна подпрыгнула, приземлилась на руки и выдала кульбит.

— И разве кто-то здесь возьмется отрицать, что

я цивилизован?

Он остановился, поскребся и внимательно осмотрел нас.

— Это звероподобные дикари, я не понимаю, как можно питать к ним симпатию, но я говорю: дайте им шанс!

Изображение обезьяны пропало.

Голос сказал:

— Можете ли вы что-либо добавить, прежде чем решение будет принято?

Я начал говорить: «Нет, кончайте эту волынку...» — но Чибис схватила меня за ухо и зашептала. Я послушал, кивнул и продолжил:

— Господин председатель собрания, если мы будем осуждены, не могли бы вы задержать палачей настолько, чтобы мы могли попасть домой? Нам известно, что вы можете доставить нас всего за несколько минут.

Голос ответил не сразу.

— Почему вы хотите этого? Как я объяснил, лично вас не судят. Есть договоренность оставить вас в живых.

— Мы в курсе. Но хотим оказаться среди своих, вот и все.

Снова секундное колебание.

— Это будет исполнено.

— Достаточны ли факты для вынесения решения?

— Да.

— Каково решение?

— Эта раса будет подвергнута повторному обследованию через десять периодов полураспада радия. На этом промежутке существует риск ее самоуничтожения. Ей будет оказана помощь против такого риска. Во время испытательного срока за ней будет наблюдать Мать-Хранительница… — машина пропела настоящее имя Мамми, — полицейский соответствующего сектора, которая будет немедленно докладывать обо всех угрожающих изменениях. Мы желаем данной расе успешного прогресса и совершенствования в течение этого срока. Теперь же образцы должны быть возвращены в те пространственно-временные параметры, откуда были изъяты.

Глава 12

Я считал, что приземляться в Нью-Джерси, не имея флайт-плана, чрезвычайно опасно. Вблизи Принстона тьма стратегических объектов; нас могли обстрелять чем угодно, вплоть до атомных ракет. Но Мамми снисходительно промурлыкала: «Думаю, до этого не дойдет».

И не дошло. Она посадила нас на околице, спела прощальную песенку и исчезла.

Конечно, нет ничего незаконного в том, чтобы прохаживаться по ночным улицам города в скафандрах, да еще с тряпичной куклой в руках. Но выглядит это странно — и нас замели полицейские. Они позвонили отцу Чибис, и уже через двадцать минут мы сидели в его кабинете, попивали какао, подкреплялись пшеничными хлопьями и разговаривали.

Маму Чибис чуть не хватил удар. Пока тянулась наша история, она так часто восклицала «Поверить не могу!», что профессор Райсфельд сказал:

— Прекрати, Дженис. Или иди спать.

Я ее не виню. Ее дочь пропала на Луне и считалась погибшей — и вот она чудесным образом возвращается на Землю. Но профессор Райсфельд

нам поверил. Как у Мамми был дар понимания, так и у него был дар осмысления данных. Когда появлялся факт, он отбрасывал версии, которые не соответствовали этому факту.

Он осмотрел скафандр Чибис, велел включить шлем, зажег свет, чтобы сделать шлем непрозрачным, — и все это с улыбочкой. Потом потянулся к телефону.

— Это должен увидеть Дарио.

— В полночь, Курт?

— Хоть бы и так, Дженис. Армагеддон не станет ждать до понедельника.

— Профессор Райсфельд!

— Да, Кип?

— Может, сначала вы захотите посмотреть другие вещи?

— Хм…

Я выгреб все из карманов Оскара — оба маяка, по одному на каждого из нас, листы металлической «бумаги», покрытой уравнениями, обе «счастливки» и две серебристые сферы. По пути на Землю мы останавливались на Веге-5, где провели бóльшую часть времени под своего рода гипнозом, пока профессор Джо с коллегой выкачивали из нас познания о земной математике. Они не изучать ее хотели — о нет! Им нужен

был наш язык математических символов, от радикалов и векторов до хитрых закорючек теоретической физики, чтобы они смогли обучать нас. Результаты были записаны на металлической бумаге.

Сначала я показал профессору Райсфельду маяки.

— Сектор Мамми включает теперь и Землю. Мамми велела включить маяк, как только она нам понадобится. Она всегда будет рядышком — самое большее за тысячу световых лет. Но прилетит даже издалека.

— Ага… — Профессор посмотрел на мой маяк. Он был меньше и аккуратнее того, смастеренного на Плутоне. — Нельзя ли разобрать его?

— Э-э-э… там заключена огромная энергия. Может рвануть.

— Гм… — Он с задумчивым видом вернул маяк.

Что такое «счастливки», трудно объяснить. Чем-то они похожи на абстрактные безделушки, которые покупают не только для того, чтобы рассматривать, но и для того, чтобы вертеть в руках. Моя была из чего-то вроде обсидиана, но теплая и не жесткая; доставшаяся Чибис походила на яшму. Она действует, когда прижмешь ее к голо-

ве. Я дал профессору Райсфельду попробовать, и на его лице отразилось благоговение, — кажется, что ты в объятиях Мамми, чувствуешь тепло, безопасность и понимание.

— Она тебя любит, — сказал профессор. — Не для меня эта штука…

— Она и вас любит.

— Да?

— Она любит все маленькое и беспомощное. Поэтому-то она и Мамми.

Я и сам не сообразил, что ляпнул. Но он не обиделся.

— Так ты говоришь, она полицейский?

— Ну, скорее, инспектор по делам несовершеннолетних — а мы живем в трущобном районе, на задворках и в ужасных условиях. Иногда Мамми приходится делать то, что ей не нравится. Но она хороший полицейский, а ведь кому-то надо делать и грязную работу. И своими обязанностями она не манкирует.

— Уверен, что так и есть.

— Хотите попробовать еще раз?

— Не возражаешь?

— Конечно нет — такие батарейки не садятся.

Он попробовал и вновь расплылся в улыбке. Он взглянул на Чибис — та успела заснуть, уткнув-

шись в пшеничные хлопья.

— Я не стал бы беспокоиться о своей дочери, если бы знал, что она под присмотром Мамми. И под твоим.

— Мы были одной командой, — объяснил я. — Без Чибис я бы не справился. Она очень волевая.

— Порой даже чересчур.

— Иногда без этого «чересчур» не обойтись. Вот шарики, на них все записано. У вас есть магнитофон, профессор?

— Конечно, сэр.

Мы включили магнитофон, и серебристый шарик выдал на него информацию. Пленка была необходима, потому что шарики оказались одноразовыми, потом молекулы теряли упорядоченность. Я показал профессору металлическую бумагу и попытался прочесть, но узнал лишь разрозненные символы. Профессор дошел до середины страницы и остановился.

— Позвоню-ка я лучше кое-кому.

Вечером показалась серебряная Луна, и я попытался разглядеть на ней станцию Томбо. Чибис, в отцовском купальном халате, спала на диване, сжимая в объятиях Мадам Помпадур. Отец хотел отнести ее в кровать, но она проснулась и начала скандалить, так что ее оставили в покое. Профес-

сор Райсфельд жевал пустую трубку и слушал, как мой серебристый шарик мягко шепчет что-то магнитофону. Время от времени профессор задавал мне какой-нибудь вопрос, я кратко отвечал.

Профессор Джиоми и доктор Брук в другом углу кабинета записывали что-то на доске, стирали и снова писали, споря насчет металлической бумаги. В Институте перспективных исследований гении — не редкость, но этих двоих никто бы в гениальности не заподозрил: Брук был похож на мрачного водителя грузовика, а Джиоми — на перевозбужденного Юнио. Но мозгами они работали с такой же интенсивностью, как и профессор Райсфельд. У доктора Брука дергалась щека; отец Чибис объяснил, что это гарантия нервного срыва, но не у самого Брука, а у всех остальных физиков.

Два дня спустя мы все еще торчали там. Профессор Райсфельд побрился; другим было не до того. Я вздремнул и успел принять душ.

Папа Чибис слушал записи — теперь уже дочкины. Брук и Джиоми то и дело отрывали его — Джиоми чуть ли не истерично, а Брук бесстрастно. Профессор Райсфельд задавал им один-два вопроса, кивал и возвращался на свой стул. Вряд ли он мог разобраться во всей этой математике

— зато мог оценить и упорядочить результаты.

Я хотел отправиться домой, раз уж они со мной закончили, но профессор Райсфельд очень просил остаться; должен был приехать генеральный секретарь Федерации Свободных Наций.

Я остался. Я не позвонил домой, ведь какой смысл расстраивать домашних? Я готов был встретиться с генеральным секретарем в Нью-Йорке, но профессор Райсфельд пригласил его к себе. До меня начало доходить, что приглашение профессора не может игнорировать ни один высокопоставленный деятель.

Мистер Ван Дювендюк оказался высоким и худым. Он пожал мне руку и произнес:

— Надо полагать, вы сын доктора Сэмюэла Рассела.

— Вы знаете моего отца, сэр?

— Встречался с ним много лет назад, в Гааге.

Доктор Брук, который на приветствие генерального секретаря едва кивнул, резко повернулся ко мне:

— Так ты сын Сэма Рассела?

— Вы тоже его знаете?

— Конечно. Его книга «О статистической обработке неполных данных» — блестящий труд.

Он взмахнул рукой, еще сильнее испачкав ру-

кав мелом. Я и не ведал, что папа такое написал, и не подозревал даже, что он знаком с генеральным секретарем. Иногда все-таки кажется, что папа несколько эксцентричен.

Мистер Ван Дювендюк подождал, пока яйцеголовые решат передохнуть, и сказал:

— Итак, у вас что-то есть, джентльмены?

— Пожалуй, — сказал Брук.

— Супер! — добавил Джиоми.

— Например?

— Ну… — Доктор Брук ткнул в строчки, написанные мелом. — Судя по этим уравнениям, можно погасить на расстоянии ядерную реакцию.

— На каком расстоянии?

— Скажем, десять тысяч миль. Или вам нужно с Луны?

— Гм… Думаю, десяти тысяч миль хватит…

— Можно и с Луны, — перебил Джиоми, — если хватит энергии. Шикарно!

— Действительно, — согласился Ван Дювендюк. — Что-нибудь еще?

— Вам мало? — набычился Брук. — Может, еще птичьего молока?

— И все-таки?

— Видите семнадцатую строчку? Возможно, это антигравитация, обещать не могу. А если

повернуть на девяносто градусов, то получится, как считает этот неуравновешенный латинянин, что-то вроде путешествия во времени.

— Не «что-то вроде», а именно оно!

— Ну-ну… Если он прав, то потребуется запас энергии, как у звезды приличных размеров. Так что забудьте об этом. — Брук уставился на каракули. — Впрочем… Возможно, это новый подход к преобразованию массы в энергию. Хотите карманную силовую установку мощнее, чем реактор в Брисбене?

— А такое возможно?

— Спросите своих внуков, — проворчал Брук. — Быстро только кошки родятся.

— Что вас не устраивает, доктор? — поинтересовался генеральный секретарь.

Брук еще больше нахмурился:

— Так вы же наверняка хотите все это засекретить. Я не терплю, когда прячут математику. Это постыдно.

Я навострил уши. Я объяснял Мамми, что такое государственная тайна, и думаю, она была шокирована. Я говорил, что наше государство не может обойтись без оборонных секретов, точно так же не могут без них обойтись Три Галактики. Она со мной не согласилась и сказала, что на будущем

это никак не скажется. Но мне было неспокойно.

— Я тоже не люблю секретность, — ответил мистер Ван Дювендюк, — однако считаюсь с ней.

— Знал, что вы так скажете.

— Послушайте, эти сведения принадлежат правительству США?

— Конечно нет.

— И не имеют отношения к научным проектам Федерации. Прекрасно. Вы показали мне несколько уравнений. Я не могу запретить их публикацию.

Брук покачал головой:

— Не наши. — Он показал на меня. — Его.

— Понятно. — Генеральный секретарь повернулся ко мне. — Молодой человек, я как юрист могу сказать вам следующее. Если вы хотите опубликовать эти материалы, я не вижу способа вам помешать.

— Я? Но это не мое… Я просто… ну, посланник.

— Все равно. Желаете, чтобы эти сведения были оглашены? Может быть, согласитесь подписаться под ними вместе с этими джентльменами?

Мне показалось, что именно этого он и хочет.

— Ну конечно. Только третьим должен стоять не я. — Я замешкался: птичью песенку не вставишь в статью. — Пусть будет доктор Мам Ми.

— Кто это?

— Она с Веги. Но имя можно выдать за китайское.

Генеральный секретарь провел в гостях у профессора Райсфельда еще некоторое время — задавал вопросы, слушал пленки. Потом позвонил по телефону. На Луну. Я знал, что такое возможно, но никогда не думал, что стану этому свидетелем.

— Это Ван Дювендюк… Да, генеральный секретарь. Соедините с командующим базой… Джим? Связь ужасная… Джим, ты иногда проводишь учения… Я обращаюсь неофициально, но не мог бы ты проверить долину… — он повернулся ко мне, я быстро подсказал, — …долину сразу за горами к западу от станции Томбо. С Советом Безопасности я не консультировался; это разговор между друзьями. Но если ты все же согласишься, я настоятельно советую послать сильное, полностью вооруженное подразделение. Там могут быть змеи, причем маскирующиеся. Назовем это предчувствием. Да, дети в порядке, и Беатрис тоже. Я позвоню Мэри и скажу, что говорил с тобой.

Генеральному секретарю понадобился мой адрес. Я не знал, когда попаду домой, потому что понятия не имел, как добираться, — я собирался

ехать автостопом, хоть об этом и помалкивал. Мистер Ван Дювендюк поднял брови:

— Думаю, мы должны доставить вас домой. Что скажете, профессор?

— Это будет нелишнее.

— Рассел, прослушивая ваши записи, я понял, что вы собираетесь стать инженером — космическим инженером?

— Да, сэр. То есть да, господин генеральный секретарь.

— Вы не думали заняться юриспруденцией? В космосе предостаточно молодых инженеров — и очень мало молодых юристов. Однако закон действует везде. Человек, знающий космические законы и подзаконные акты, всегда будет в выгодном положении.

— Может, обе профессии? — спросил папа Чибис. — Терпеть не могу эту современную узкую специализацию.

— Толковая мысль, — согласился мистер Ван Дювендюк. — Тогда он сможет сам диктовать условия.

Я хотел было сказать, что собираюсь заниматься электроникой, и вдруг понял, к чему меня действительно влечет.

— Не думаю, что я потяну и то и другое.

— Чепуха! — сурово заявил профессор Райсфельд.

— Но, сэр, мне бы хотелось делать более совершенные скафандры. У меня есть мысли насчет того, как их усовершенствовать.

— Хм, инженерная механика… а также многое другое, полагаю. Но в первую очередь — степень магистра техники… — Профессор Райсфельд нахмурился. — Помнится, ты говорил, что колледжи не приняли твоих документов. — Он побарабанил по столу. — Ну не глупо ли, господин секретарь? Парень сумел слетать в Магеллановы Облака, но не может попасть в вуз, который ему приглянулся!

— Э-э-э, профессор! Вы ломитесь в открытую дверь!

— В самом деле? Подождите-ка. — Профессор Райсфельд поднял телефонную трубку. — Сьюзи, соедините меня с ректором МТИ. Я знаю, что сегодня выходной… Мне плевать, в Бомбее он или в постели… Вот так-то лучше.

Он положил трубку.

— Сьюзи работает у нас пять лет, а до этого сидела на коммутаторе института. Она найдет ректора.

Я был смущен и обрадован. Поступить в Мас-

сачусетский технологический — любой бы ухватился за такой шанс! Но ведь это удовольствие не из дешевых. Я попытался объяснить, что у меня нет денег.

— Этот год поработаю и к следующему лету накоплю…

Зазвонил телефон.

— Райсфельд слушает. Привет, Оппи![22] Помнится, на встрече группы ты вырвал у меня обещание позвонить, если Брука замучает тик. Держись за стул, я засекал время — двадцать одно подергивание в минуту. Это рекорд… Полегче; никого ты не пришлешь, пока я не получу свой фунт мяса[23]. Вздумаешь читать лекцию об академических свободах и праве на информацию — я положу трубку и позвоню в Беркли… Впрочем, думаю, и ты мне не откажешь… Немного, всего лишь четырехлетний курс, с полной оплатой обучения и проживания… Не кричи на меня; у тебя есть дискреционный фонд… Ну или подправь

---

[22] notes: 22

По-видимому, намек на Роберта Оппенгеймера (1904–1967), «отца атомной бомбы».

[23] notes: 23

В комедии У. Шекспира «Венецианский купец» ростовщик Шейлок требует, чтобы ему выдали предложенный в заклад «фунт мяса с живого тела», но не получает, поскольку мясо обещано, а кровь — нет и нельзя извлечь из живого тела мясо, не пролив крови.

там что-нибудь в своей бухгалтерии. Ты ведь уже совершеннолетний, арифметику знаешь… Нет, никаких намеков. Либо ты берешь кота в мешке, либо твоя радиационная лаборатория останется на бобах. Я что, сказал «радиационная лаборатория»? Я имел в виду весь физический отдел… Ты же всегда можешь сбежать в Южную Америку, так что не заставляй давить… Что? От афериста слышу. Записывай…

Профессор Райсфельд обернулся ко мне:

— Ты подавал документы в МТИ?

— Да, сэр, но…

— Он в списках абитуриентов. Клиффорд Рассел. Пошлешь вызов ему на дом, а начальник вашей команды пусть привезет мне копию… Да, пусть это будет большая команда, а во главе поставь кого-нибудь из матфизиков, например Фарли; у него есть воображение… О-о-о, ничего более важного не происходило с тех времен, когда яблоко стукнуло сэра Исаака… Да, я шантажист, а ты протиратель штанов и демагог. Когда вернешься в научную жизнь? Привет Бьюле. Пока. — Он положил трубку. — Все в порядке. Кип, единственное, что меня смущает: зачем я понадобился этим самым черверотым монстрам?

Я не знал, что ему ответить. Только вчера он

рассказывал мне, что обобщает непонятные наблюдения, неожиданные помехи на космических трассах — все, что выходит за рамки обыденного. У такого человека наверняка есть что сказать — и к нему наверняка прислушиваются. Если у него и имеется какая-нибудь слабость, так это скромность. Чего, кстати, не унаследовала Чибис. Сообщи я, что космические захватчики занервничали из-за его любознательности, он бы только фыркнул. Так что я ответил:

— Об этом мне никто не говорил, сэр. Видимо, пираты сочли вас достаточно важной персоной, чтобы захватить.

Мистер Ван Дювендюк поднялся:

— Курт, я не буду тратить время, выслушивая чепуху. Рассел, я рад, что вопрос с вашим обучением решен. Если понадоблюсь, позвоните.

Когда он ушел, я попытался поблагодарить профессора Райсфельда.

— Я хотел учиться на собственные деньги, сэр. Я бы заработал до начала семестра.

— Меньше чем за три недели? Ну-ну.

— Я имел в виду, за остаток этого года и…

— Потерять целый год? Ну нет.

— Но я уже… — Я взглянул на зеленую листву за окном. — Профессор… которое сегодня число?

— День труда, разумеется.

«…к тем пространственно-временным параметрам, откуда они были изъяты…»

Профессор Райсфельд опрыскал меня водой.

— Пришел в себя?

— На-наверное. Мы же провели там несколько недель!

— Кип, ты слишком много пережил, чтобы теперь сломаться из-за ерунды. Можешь спросить наших заоблачных близнецов, — он махнул в сторону Джиоми и Брука, — но ты ничего не поймешь. По крайней мере я не понял. Почему бы просто не принять, что прыжки на сто шестьдесят семь тысяч световых лет оставляют место для люфта, вроде поправки на ветер, пусть крошечного, на волосок? Тем более что метод вообще некорректно использует пространство-время.

В дверях миссис Райсфельд расцеловала меня, Чибис прослезилась и заставила Мадам Помпадур попрощаться с Оскаром, который расположился на заднем сиденье. Профессор увозил меня в аэропорт.

По дороге он обронил:

— Ты нравишься Чибис.

— Ну, я надеюсь.

— А она тебе? Я не слишком нескромен?

— Нравится ли мне Чибис? Спрашиваете! Да она раза четыре или пять спасла мне жизнь! От нее, конечно, свихнуться можно, но она храбрая, верная, умная, а уж смелости у нее… В общем, характер что надо.

— Тебе и самому парочка медалей за спасение жизни полагается.

Я поразмыслил над словами профессора.

— Кажется, я чудом не провалил все, за что брался. Но мне помогали — и вдобавок здорово везло.

Я содрогнулся при мысли, что исключительно благодаря везению из меня не сварили суп.

— Везение или нет — это вопрос, — ответил Райсфельд. — По-твоему, удивительное везение — что ты попал на частоту, на которой моя дочь передавала сигнал о помощи. Но случайностью это не было.

— Не понял, сэр.

— Почему ты оказался на той частоте? Потому что был в скафандре. Почему ты был в скафандре? Потому что стремился в космос. Услышав сигнал с космического корабля, ты ответил. Если это везение, то беттеру везет каждый раз, когда он попадает по мячу. Кип, везение приходит после тщательной подготовки; невезение — резуль-

тат расхлябанности. Тебе удалось убедить суд, более древний, чем человечество, что ты и твой народ заслуживают пощады. И это просто случайность?

— Ну… на самом деле я очень разозлился и чуть не испортил все. Надоело, что меня не принимают всерьез.

— Историю человечества творят как раз те люди, которым надоело, что их не принимают всерьез. — Он нахмурился. — Я рад, что тебе нравится Чибис. Она тянет лет на двадцать по уму и лет на шесть по эмоциям. И мало с кем находит общий язык. Рад, что она нашла друга, который умнее ее.

У меня челюсть отвалилась.

— Профессор, Чибис гораздо умнее! Она меня то и дело выставляет дураком.

— Со мной она это делает уже много лет, а я не так уж и глуп. Не следует недооценивать себя, Кип.

— Но это правда.

— Вот как? Мы знаем величайшего специалиста в области математической психологии, который всегда сам распоряжался своей жизнью, вплоть до того, что по собственному желанию ушел в отставку — а это очень сложно, когда на

тебя такой спрос. Этот человек женился на своей лучшей ученице. Сомневаюсь, что их сын глупее моего ребенка.

До меня не сразу дошло, что речь обо мне. Я не знал, что ответить. Кто из детей действительно знает своих родителей?

Он продолжал:

— Чибис — сущее наказание, даже для меня. Вот и аэропорт. Когда начнешь учиться, навещай нас. И на День благодарения приезжай; ведь на Рождество ты, конечно, отправишься домой.

— Спасибо, сэр. Я приеду.

— Договорились.

— Да, насчет Чибис — если появятся педагогические трудности, у вас есть маяк. Мамми сумеет ее укротить.

— Мм… Это мысль.

— У Чибис ни разу не получилось ее переспорить. Да, чуть не забыл. Кому можно рассказывать? Не о Чибис. Обо всем.

— Разве не понятно?

— Сэр?

— Да говори что хочешь и кому хочешь. Язык не сотрешь, не беспокойся. Тебе почти никто не поверит.

Домой я полетел реактивным самолетом — это

очень быстрый транспорт. Профессор Райсфельд всучил мне десять долларов, когда узнал, что у меня с собой только доллар и шестьдесят центов, так что на автобусной станции я постригся и купил два билета до Сентервилла, чтобы не засовывать Оскара в багажный отсек; там он мог пострадать. Самый большой плюс стипендии в том, что теперь не нужно продавать Оскара. Да я и так бы не продал.

Сентервилл выглядел прелестно — от вязов над головой до выбоин под ногами. Водитель остановился возле дома — из-за Оскара; его неудобно нести. Я прошел в сарай, повесил скафандр, сказал, что еще наведаюсь, и направился к черному ходу в дом.

Мамы не было; папа сидел в кабинете. Он поднял голову от книги:

— Привет, Кип.

— Привет, пап.

— Как съездил?

— Да ты знаешь, я не был на озере…

— Знаю. Звонил доктор Райсфельд, рассказал все подробно.

— А… В общем, удалась поездка…

Я заметил, что он держит том «Британики», раскрытый на статье о Магеллановых Облаках.

Папа поймал мой взгляд.

— Я их никогда не видел, — с сожалением произнес он. — Возможность была, но по горло дел… а единственная свободная ночь выдалась пасмурной.

— Когда это, папа?

— Еще до твоего рождения, в Южной Америке.

— Я и не знал, что ты там побывал.

— Одно правительственное задание… в общем, работа «плаща и кинжала». О таком не распространяются. Они красивые?

— Ну, не очень. — Я взял другой том, открыл на статье «Туманности» и нашел Большую туманность Андромеды. — Вот она действительно красива. Так и мы выглядим.

Папа вздохнул:

— Неплохо, должно быть, выглядим.

— Да. Я тебе все потом расскажу. У меня и пленка есть.

— Не спеши. Ты проделал долгий путь. Триста тридцать три тысячи световых лет, верно?

— Да нет, вдвое меньше.

— Я имел в виду — туда и обратно.

— А-а-а… Но обратно мы летели другим путем.

— То есть?

— Не знаю, как объяснить, но для этих кораб-

лей кратчайшим путем назад является длинный кружной. Летишь прямо и снова оказываешься в исходной точке. То есть не совсем прямо, из-за кривизны пространства, — но настолько прямо, насколько возможно. Так что все возвращается к нулю.

— Большой космический круг?

— Ну да. Круговой путь по прямой линии.

— Мм… — Он задумчиво нахмурился. — Кип, а каково расстояние по окружности Вселенной? Предел красного смещения?

Я затруднился.

— Пап, я спрашивал, но не понял ответа. — (Мамми сказала: «При чем здесь расстояние, когда там нет ничего?») — Это не расстояние, а скорее состояние. Я ведь не летал; я просто оказывался. Ты не проходишь сквозь, а скользишь по краю.

— Мне следовало бы помнить, что математический вопрос не задают словами, — упрекнул себя отец.

Я уже хотел сослаться на доктора Брука, когда вошла мама и проворковала:

— Привет, мои дорогие!

На долю секунды мне показалось, что это Мамми.

Она расцеловала нас.

— Я так рада, что ты дома, милый.

— Э-э-э… — Я взглянул на папу.

— Она знает.

— Да, — ласково подтвердила мама. — Куда бы ни отправился мой сын, главное, чтобы он благополучно вернулся домой. Я уже поняла, что ты сможешь побывать везде, где захочешь. — Она погладила меня по щеке. — А я всегда буду гордиться тобой. Я сходила на угол за отбивными.

Назавтра был вторник, и я спозаранку пошел на работу. Как и ожидал, увидел стойку с газировкой в жутком беспорядке. Я надел белый пиджак и приступил к уборке. Мистер Чартон разговаривал по телефону; наконец он положил трубку и подошел ко мне.

— Хорошо съездил, Кип?

— Отлично, мистер Чартон.

— Кип, я хочу тебе кое-что сказать. Ты все еще мечтаешь попасть на Луну?

Я опешил. Потом сообразил, что он ничего не знает. Что ж, я ведь не успел как следует рассмотреть Луну, поэтому не отказался бы побывать там. Впрочем, теперь можно не торопиться.

— Да, сэр. Но сначала окончу университет.

— Я это и имел в виду. Знаешь, у меня нет детей. Если тебе нужны деньги, скажи.

Раньше он намекал на фармацевтическую школу, только не делал таких предложений. И только вчера вечером папа проговорился, что оформил страховку на образование еще в день моего рождения, но ничего мне не говорил — выжидал, когда я встану на собственные ноги.

— О-о-о, мистер Чартон, это ужасно любезно с вашей стороны!

— Мне нравится твое стремление к знаниям.

— Вообще-то, у меня уже все улажено, сэр. Но когда-нибудь может понадобиться заем.

— Или не заем. Скажи, если понадобится.

Мистер Чартон отошел. Было видно, что он расстроен.

Я работал в теплом полумраке, иногда трогая карман, где лежала «счастливка». Вчера вечером я дал маме и папе приложить ее ко лбу. Мама заплакала. Папа торжественно изрек: «Я начинаю понимать, Кип». Надо будет как-нибудь подсунуть «счастливку» мистеру Чартону.

Я начистил краны до блеска и проверил кондиционер. Все в порядке.

Около полудня ввалился Туз Квиггл, плюхнулся на стул.

— Привет, космический пират! Что слышно от властелинов Галактики? Гы! Гы! Гы!

Как бы он отреагировал, ответь я честно? Я дотронулся до «счастливки» и произнес:

— Что закажешь, Туз?

— Как обычно, и взбей получше!

— Шоколадный солодовый?

— Сам знаешь. Что ты такой снулый, кадет? Проснись и погляди на мир вокруг тебя.

— Как скажешь, Туз.

Не стоило обращать на него внимание; он жил в мирке узком, как пустота меж его ушей, и мелком, как свиная лохань. Вошли две девчонки; пока коктейль Туза крутился в миксере, я налил им кока-колы. Туз с улыбкой от уха до уха спросил у них:

— Дамы, вы знакомы с Капитаном Кометой?

Одна захихикала, а Тузу только того и надо.

— Я его агент. Захотите полюбоваться на подвиги — свяжитесь со мной. Капитан, я все думаю насчет рекламы, которую мы запустим.

— Что за реклама?

— Послушай, что я тебе скажу. «Есть скафандр — готов путешествовать!» — этого мало. Чтобы твой клоунский балахон принес денежки, надо поднапрячься. Так что мы добавим: «Истребляю пучеглазых монстров! Профессия — спаситель мира! Цена договорная!» Годится?

Я покачал головой:

— Нет, Туз.

— Чего это ты? Ни фига не понимаешь в бизнесе?

— Рассмотрим факты. Я не беру денег за спасение мира и не делаю этого под заказ. Это происходит само собой. И вряд ли я стал бы спасать мир, в котором живешь ты.

Обе девчонки заржали, а Квиггл нахмурился:

— Умный, да? А может, не слышал, что покупатель всегда прав?

— Всегда?

— Конечно. Заруби это на носу. И давай сюда коктейль!

— Хорошо, Туз.

Я поднял стакан. Он швырнул мне тридцать пять центов. Я отодвинул их обратно.

— Это за счет заведения.

И плеснул коктейль ему в лицо.

Роберт Хайнлайн
Туннель в небе

Джинни и Бибс

Глава 1
Марширующие орды

На доске объявлений у аудитории 1712-А средней школы имени Патрика Генри мигал красный сигнал. Род Уокер попытался протиснуться через толпу учащихся, чтобы взглянуть, что там за объявление, но ему тут же двинули локтем в живот и посоветовали не толкаться.

— Извини, Джимми, я не нарочно. — Род зажал локоть в борцовском захвате, но давить не стал и, вытягивая шею над головой Джимми Трокстона, спросил: — Что там такое?

— Сегодня занятий не будет.

— Почему?

Ответил ему кто-то из стоящих у самой доски:

— А потому, что завтра начнется Ave, Caesar, morituri te salutant![24]

— Серьезно? — Род почувствовал, что внутри у него все сжимается в тугой узел, как это обычно бывает перед экзаменами. Затем кто-то отодвинулся в сторону, и он наконец прочел объявление:

---

[24] notes: 24
Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя! *(лат.)*

СРЕДНЯЯ ШКОЛА имени ПАТРИКА ГЕНРИ

Отделение общественных наук

ВНИМАНИЮ всех слушателей курса 410 (факультативный семинар для учащихся старших классов)

«Выживание: дополнительные сведения».

Инстр. – доктор Мэтсон. 1712-А.

1. В пятницу, 14-го числа занятия отменяются.

2. Настоящим объявляется двадцатичетырехчасовая готовность к финальному экзамену по одиночному выживанию. Слушатели курса должны явиться на медицинское освидетельствование в 9:00 в амбулаторию при терминале «Темплтон» и в 10:00 с трехминутным интервалом начнут проходить ворота в порядке, устанавливаемом жребием.

3. УСЛОВИЯ ИСПЫТАНИЙ:

а) любая планета, любой климат, любой рельеф местности;

б) никаких правил, оружие любое, снаряжение любое;

в) разрешается объединяться в группы,

но члены групп будут проходить ворота по отдельности;

г) продолжительность экзамена – не менее сорока восьми часов и не более десяти суток;

4. Доктор Мэтсон консультирует в пятницу до 17:00.

5. Испытание может быть перенесено только по рекомендации врача, однако любой из учащихся имеет право отказаться от участия без всяких административных последствий до 10:00 субботы.

6. Удачи и долгих лет жизни вам всем!

Подп. – Б. П. Мэтсон, д. н. Согласовано: Дж. Р. Рорих, член совета директоров

Пытаясь унять волнение, Род Уокер медленно перечитал объявление. Еще раз прочел условия. Впрочем, какие тут условия? Это, скорее, «вообще никаких условий», полное отсутствие каких-либо ограничений! Тебя могут швырнуть через ворота, а в следующее мгновение ты нос к носу столкнешься с белым медведем при температуре минус сорок или сцепишься в теплой соленой воде с осьминогом.

Или же, подумал он, окажешься перед каким-нибудь трехголовым чудовищем, причем на планете, о которой никогда раньше не слышал.

Чей-то дискант в стороне пожаловался:

— Двадцатичетырехчасовая готовность! Да уже меньше двадцати часов осталось. Это просто нечестно!

— Какая разница? — откликнулась вторая девушка. — Лучше бы они начинали прямо сейчас. Я все равно сегодня не засну.

— Но если нам полагается двадцать четыре часа на подготовку, должно быть двадцать четыре часа. Чтобы все было справедливо.

Еще одна участница будущих испытаний, высокая девушка-зулуска, мягко усмехнулась:

— А ты пойди скажи об этом Мастеру.

Род выбрался из толпы и вытянул за собой Джимми Трокстона. Похоже, он и так знал, что «Мастер» Мэтсон может ответить на подобные претензии. Справедливость, мол, не имеет к выживанию никакого отношения. Однако пункт пятый заставил на какое-то время задуматься: никто его не упрекнет, если он решит бросить этот курс. В конце концов, «Выживание: дополнительные сведения» — курс институтский; школьный аттестат выдадут и без него.

Но он знал: если струсит сейчас, то уже никогда не наберется смелости на второй заход.

— И как тебе все это нравится, Род? — нервно спросил Джимми.

— Я полагаю, ничего страшного. Узнать бы только, стоит ли надевать подштанники с начесом. Как думаешь, может, Мастер намекнет?

— Жди! У него с юмором туговато. И вообще, такой тип родную бабку съест — не поморщится, причем без соли.

— Ну, это ты загнул. Без соли он есть не станет… Послушай, Джим… Ты видел, что там написано насчет групп?

— Да… А что? — Взгляд Джимми ушел в сторону.

Род почувствовал мимолетный всплеск раздражения. Ведь он пытался сделать предложение, ничуть не менее ответственное, чем, скажем, когда предлагаешь девушке руку и сердце. Он предлагал ему объединиться и бороться за жизнь вместе. Самая большая опасность одиночного испытания заключается в том, что его участник, хочет он того или нет, а должен хоть иногда спать. С напарником же можно поделить вахты и дежурить по очереди.

Джимми прекрасно знал, что Род подготовлен

лучше — как с оружием, так и без. Предложение было явно в его пользу. И все же он колебался, словно думал, что без Рода ему будет легче.

— В чем дело, Джим? — спросил Род настороженно. — Ты полагаешь, в одиночку будет безопасней?

— Нет, не в этом дело…

— Хочешь сказать, что лучше договоришься с кем-то еще?

— Нет, что ты! Я совсем не это имел в виду.

— А тогда что?

— Я хочу сказать… Слушай, Род, я тебе в самом деле очень благодарен и никогда этого не забуду. Но в объявлении было и еще кое-что…

— Что именно?

— Там сказано, что можно бросить этот курс и все равно окончить школу. А я как раз вспомнил, что для торговли одеждой он совсем не нужен.

— Как это? Ведь ты собирался стать юристом широкого профиля.

— Выходит, внеземная область юриспруденции потеряет свою ярчайшую звезду… И бог с ней. Мой старик будет очень рад, когда узнает, что я решил продолжить семейное дело.

— Короче, ты испугался.

— Можно и так сказать. А ты?

Род сделал глубокий вдох:

— Я тоже боюсь.

— Блеск! Давай вместе продемонстрируем классический пример выживания — стройными рядами пройдем в секретариат и отважно подпишем отказные листы.

— Мм… нет. Но ты иди.

— Будешь сдавать?

— Видимо.

— Послушай, Род, а ты видел статистику по выпуску прошлого года?

— Нет. И не хочу ничего видеть. Пока.

Род резко повернулся и двинулся к двери аудитории. Джимми остался на месте, провожая его встревоженным взглядом.

В аудитории разместилось более десятка слушателей курса. Доктор Мэтсон по прозвищу Мастер сидел на краешке стула, подогнув под себя ногу, и вещал в довольно легкомысленной манере. Роста он был небольшого, жилистый, с худым лицом. Один глаз закрывала черная повязка, а на левой руке не хватало трех пальцев. На груди инструктора поблескивали миниатюрные орденские планки за участие в трех очень известных первых экспедициях; одну из планок украшало крошечное бриллиантовое созвездие, означав-

шее, что он — единственный, кто остался после этой экспедиции в живых.

Род проскользнул во второй ряд. Мастер повел глазом в его сторону, но не стал прерываться.

— …Не понимаю, на что вы жалуетесь, — добродушно говорил он. — В условиях сказано «любое оружие», так что вы можете брать для защиты что угодно — от рогатки до кобальтовой бомбы. Я лично считаю, что финальную проверку нужно проводить с голыми руками. Чтобы даже пилки для ногтей не было. Но совет по образованию не согласен, и поэтому экзамен будет проходить в таких вот тепличных условиях.

— Э-э-э… Доктор, значит, совет знает, что мы столкнемся с опасными животными?

— А? Обязательно столкнетесь с самым опасным животным на свете.

— Если это не просто фигура речи…

— Разумеется, нет!

— Тогда нас или посылают на Митру, где водятся снежные обезьяны, или выбросят где-нибудь здесь, на Земле, где мы столкнемся с леопардами. Я прав?

Мастер разочарованно покачал головой:

— Мальчик мой, я думаю, тебе лучше отказаться от экзамена и пройти курс заново. Эти тупые

твари совсем не опасны.

— Но у Джаспера в «Хищниках и жертвах» сказано, что два наиболее коварных и опасных вида…

— Черт с ним, с Джаспером! Я же говорю о настоящем царе зверей, о единственном животном, которое опасно всегда, даже когда не голодно. О двуногих хищниках! Посмотрите вокруг! — Инструктор наклонился вперед и продолжил: — Я вам сто раз повторял, но вы все равно никак не усвоите. Человек — это единственное животное, которое нельзя приручить. Когда его это устраивает, он годами может вести себя тихо, как корова. А когда не устраивает, даже леопард по сравнению с ним выглядит котенком. Это вдвойне касается женских особей. Посмотрите вокруг еще раз. Тут все друзья. Мы вместе проходили проверки на групповое выживание и, казалось бы, можем друг на друга положиться. Так? Но почитайте об экспедиции Доннера или о Первой венерианской! Кроме того, на вашей территории будет еще несколько групп, люди, которых вы совершенно не знаете. — Доктор Мэтсон вперил в Рода свой единственный глаз. — Мне, право, жаль, что некоторые из вас решились на этот экзамен, честное слово. Есть люди — по

природе своей городские жители. Боюсь, мне так и не удалось вдолбить вам, что там, куда вы собираетесь, нет полисменов. И меня тоже не будет рядом, если вы совершите какую-нибудь глупую ошибку.

Взгляд инструктора ушел в сторону, и Род задумался, не его ли тот имел в виду. Иногда ему казалось, что Мастер просто наслаждался, устраивая ему тяжелую жизнь. Однако он знал, что этот курс обязателен для всех, кто собирается работать во Внеземелье, ибо во Внеземелье полно таких мест, где ты или сообразителен, или мертв. Род решил пройти курс еще до колледжа — в надежде, что это поможет ему получить стипендию, — но он прекрасно понимал, что это не пустая формальность.

Оглядываясь вокруг, Род задумался: теперь, когда Джимми выбыл, ему надо сговориться с кем-то еще. Впереди сидели рядом Боб Бакстер и Кармен Гарсиа. Их он отмел сразу: эти наверняка отправятся вдвоем. Они собирались стать врачами-миссионерами и планировали пожениться, как только смогут.

Может быть, Иоганн Браун? Из него получился бы отличный напарник: силен, быстр и сообразителен. Однако Род не доверял ему и, кроме того,

просто не был уверен, что тот захочет отправиться с ним вместе. Похоже, он совершил ошибку, не подружившись ни с кем, кроме Джимми.

Эта зулусская девушка, Каролина, с совершенно непроизносимой фамилией… Сильна как бык и абсолютно бесстрашна. Но брать в напарники девушек… Они слишком часто принимают строгие деловые отношения за романтические гамбиты. Взгляд Рода двигался по рядам, но в конце концов он был вынужден признать, что в аудитории нет никого, кому он хотел бы предложить стать его напарником.

— Проф, может, вы хоть намекнете? Брать с собой крем от загара? А может — мазь *против обмораживаний*?

Мэтсон усмехнулся:

— Сынок, я рассказал вам все, что знаю. Место для проведения экзамена выбрано преподавателем из Европы, а я выбирал место для его класса. Но где это, я знаю не больше вашего. Так что можете прислать мне оттуда открытку.

— Но… — Задавший вопрос парень вдруг замолк, потом резко встал. — Проф, это несправедливая проверка. Я выбываю.

— Мы, конечно, думали о справедливости в последнюю очередь, но я не понимаю, почему все-

таки испытания кажутся вам несправедливыми.

— Нас могут забросить куда угодно…

— Верно.

— …на обратную сторону Луны, в вакуум. Или на планету с хлорной атмосферой. Или куда-нибудь посреди океана. Я даже не знаю, что с собой брать — скафандр или каноэ. Так что черт с ним, с этим экзаменом. В реальной жизни так не бывает.

— Не бывает, значит? — вкрадчиво переспросил Мэтсон. — То же самое сказал Иона, когда его проглотил кит. Однако я могу дать вам кое-какие наводки. Испытания, по нашему мнению, может выдержать любой, у кого хватит сообразительности и сноровки. То есть мы не выбросим вас в ядовитую атмосферу или в вакуум без дыхательных аппаратов, а если вы окажетесь в воде, то берег будет близко. В таком вот духе. Я не знаю, куда именно вас отправят, но я видел список экзаменационных территорий для выпускников этого года. Любой достаточно сообразительный человек может там выжить. Ты должен понимать, сынок, что Совет по образованию отнюдь не стремится прикончить всех претендентов на ключевые профессии.

Парень сел так же резко, как вскочил.

— Уже передумал? — спросил инструктор.

— Э-э-э… Да, сэр. Если испытания справедливые, я участвую.

Мэтсон покачал головой:

— Ты уже провалил экзамен. Свободен. В канцелярию можешь не заходить: я им сообщу.

Парень начал было протестовать, но Мэтсон только мотнул головой в сторону двери и коротко произнес:

— Вон.

В аудитории повисло неуютное молчание, и лишь когда за неудачником закрылась дверь, Мэтсон оживленно продолжил:

— Это курс прикладной философии, и здесь я решаю, кто готов к экзамену, а кто нет. Каждый, чье представление о мире складывается из понятий о том, каков он *должен* бы быть, а не каков он есть на самом деле, просто не готов к последнему экзамену. Научитесь расслабляться и проще относиться к ударам судьбы. Совсем ни к чему трепать себе нервы и тратить адреналин при каждом ее фортеле. Еще вопросы будут?

Вопросы были, но вскоре стало понятно, что Мэтсон или в самом деле не знает, где именно будут проходить испытания, или твердо хранит эту информацию в тайне. Он также отказался

давать советы по выбору оружия, сказав просто, что школьный оружейник будет готов выдать у ворот любое стандартное оружие, а все «нестандартное» — на усмотрение испытуемых.

— Помните, однако, что самое лучшее оружие у вас между ушей, под скальпом. Разумеется, если оно заряжено.

Группа начала расходиться. Род тоже встал, собираясь идти. Мэтсон поймал его взгляд и сказал:

— Уокер, вы собираетесь сдавать экзамен?

— Да, сэр, конечно. А что?

— Зайдите, пожалуйста, ко мне.

Он завел его в кабинет, закрыл дверь и сел за стол. Затем взглянул на Рода, передвинул зачем-то пресс-папье и наконец произнес:

— Ты неплохой парень, Род… Но иногда, бывает, этого недостаточно.

Род промолчал.

— Скажи, пожалуйста, зачем ты сдаешь этот экзамен?

— Сэр?!

— Что «сэр»? — проворчал Мэтсон. — Отвечай на вопрос.

Некоторое время Род глядел на него в недоумении, потому что они уже говорили на эту

тему при зачислении на курс, но потом снова принялся рассказывать о своих планах получить профессию для работы во Внеземелье.

— Мне обязательно нужно сдать «Выживание». Без этого я не смогу получить ученую степень даже по колониальному администрированию, не говоря уже о планетографии и планетологии.

— Значит, хочешь стать исследователем?

— Да, сэр.

— Как я?

— Да, сэр. Как вы.

— Хм… Поверишь ли ты, если я скажу, что это была самая большая ошибка в моей жизни?

— А? Нет, сэр.

— Я, в общем-то, и не надеялся. Сынок, самое лучшее было бы — знать *тогда* то, что я знаю *сейчас*. Разумеется, это невозможно. Но поверь мне, ты родился не в том веке.

— Как это, сэр?

— Мне кажется, ты романтик. А время сейчас действительно очень романтичное, вот поэтому-то для романтиков теперь просто нет места. Теперь нужны практичные люди. Сто лет назад ты мог бы стать адвокатом, банкиром или профессором, а свои романтические порывы удовлетворять чтением приключенческих книг

или мечтами о том, кем бы ты стал, если бы тебе посчастливилось родиться не в такое скучное время. Но сейчас романтика и приключения — часть повседневной жизни, а потому в этой жизни нужны очень практичные люди.

— Но я-то чем плох? — Разговор уже начал раздражать Рода.

— Ничем. Ты мне нравишься, и я не хотел бы, чтобы жизнь обошлась с тобой сурово. Однако для настоящего «выживалы» ты слишком сентиментален и слишком эмоционален.

Мэтсон поднял руку, опередив его желание возразить.

— Подожди-подожди. Я знаю, что ты можешь разжечь огонь при помощи двух сухих слов. И мне лучше других известно о твоих отличных показателях практически по всем предметам. Я не сомневаюсь, что ты сумеешь сделать фильтр для воды голыми руками и знаешь, с какой стороны растет на дереве мох. Но я не думаю, что ты достаточно осторожен, чтобы не купиться на «мировую с Медведем»[25].

— Мировую с Медведем?..

— Это просто фигура речи, не обращай внима-

---

[25] notes: 25
Цитата из стихотворения Р. Киплинга «Мировая с Медведем».

ния. Сынок, я думаю, тебе нужно отказаться от экзамена. Если будет необходимо, ты сможешь повторить этот курс в колледже.

Род упрямо затряс головой, и Мэтсон тяжело вздохнул:

— Я ведь имею право просто отстранить тебя. Может, именно так мне и следует поступить.

— Но почему, сэр?

— В том-то и дело, что я не могу объяснить тебе причину. По оценкам ты один из лучших моих учеников. — Он встал и протянул Роду руку. — Удачи. И помни: если жизнь загонит тебя в тупик, всегда поступай, как сочтешь нужным, и ни о чем не жалей.

Вообще-то, Роду нужно было домой. Его родители жили в пригороде Большого Нью-Йорка, расположенном на плато у Гранд-каньона, куда вели ворота «Хобокен». Но ему требовалось сделать пересадку в «Эмигрантс-гэп», и он не удержался от того, чтобы остаться и поглазеть.

Выйдя из подземки, нужно было свернуть направо, подняться лифтовым колесом на следующий уровень и пройти через ворота на Аризону к движущейся полосе. Но он задумался о припасах, снаряжении и оружии для завтрашнего экзамена, и ноги сами повернули налево, к

движущейся полосе, ведущей к огромному комплексу планетарных ворот.

Род сразу пообещал себе, что задержится только на десять минут: не хотелось опаздывать к обеду. Он просочился через толпу и оказался в зале — на зрительной трибуне над эмиграционным ярусом. Комплекс был новый, его открыли только в шестьдесят восьмом. Раньше эмиграционный пункт располагался в Джерси, в нескольких километрах от питавшего его реактора, но теперь там занимались только транспортировкой в пределах Земли и торговлей с Луной.

Трибуна была выстроена прямо напротив шести пространственных ворот и вмещала более восьми тысяч человек, но в тот день половина мест пустовала, а все зрители сбились поближе к центру. Именно там Роду и хотелось устроиться, чтобы видеть все шесть ворот сразу. Он протолкался по среднему проходу и присел у ограждения, но тут заметил, что освободилось место в первом ряду, и рванулся к нему, чуть-чуть опередив мужчину, который кинулся было туда же из соседнего прохода, однако, поняв, что опоздал, остановился и уставился на Рода сердитыми глазами.

Род опустил в щель на подлокотнике несколько

монет, и кресло раскрылось. Он сел и огляделся. Место оказалось напротив копии статуи Свободы, родной сестры той, что более века стояла на месте теперешнего кратера Бедлоу. Факел ее почти доставал до потолка, а слева и справа располагались по трое ворот, ведущих к дальним мирам.

Однако на статую Род не глядел; все его внимание приковывали сами ворота. На восточном побережье Северной Америки день близился к концу, и небо затянуло тяжелыми тучами, но ворота номер один открывались в какой-то другой мир, где вовсю светило солнце. Род даже разглядел за ними мужчин, одетых лишь в шорты и солнцезащитные панамы. У ворот номер два вплотную стоял шлюз, на дверях которого были изображены череп с костями и обозначение хлора. Над шлюзом горел красный сигнал, но спустя минуту он погас и сменился голубым. Двери медленно открылись, и оттуда выползла герметичная капсула с дышащим хлором существом. Встречали его восемь землян в парадном дипломатическом облачении, один — даже с золотым жезлом.

Род уже собрался потратить еще одну монету в полплутона, чтобы узнать, кто этот важный гость, но тут его внимание привлекли ворота

номер пять. Напротив них, почти под трибуной, установили промежуточные ворота и соединили их высоким забором из проволочной сетки — получилось нечто вроде коридора от ворот до ворот: пятнадцать метров в ширину и семьдесят пять в длину. Загон все время заполнялся людьми, идущими от промежуточных ворот к планетарным и дальше, на какую-то планету за много светолет от Земли. Они словно вытекали из ниоткуда, поскольку позади промежуточных ворот ничего не было, пробегали по загону, как стадо, подгоняемое пастухом, вливались в ворота номер пять и вновь исчезали. Вдоль каждой стены загона растянулся взвод темнолицых монгольских полисменов с палками чуть ли не в рост человека, которыми они то и дело подгоняли эмигрантов, причем старались от души. Почти под самым креслом Рода один из них так сильно ткнул палкой старого кули, что тот споткнулся и упал. Все свои пожитки — имущество, с которым он собирался вступить в новый мир, — старик нес на правом плече, в привязанных к палке двух узлах.

Кули упал на костлявые колени, попытался встать, но его тут же сбили, и он распластался на полу. Род испугался, что его затопчут, но старик

как-то умудрился встать — уже без вещей. Он хотел устоять в людском потоке и отыскать свои узлы, но охранник снова ткнул его палкой, и старика, оставшегося с пустыми руками, просто унесло толпой. Он не прошел и пяти метров, как Род потерял его из виду.

Местные полицейские стояли снаружи, но они не вмешивались: узкое пространство от ворот до ворот стало на время экстерриториальным, и местная полиция не имела там власти. Правда, одного из них жестокое обращение со стариком, очевидно, возмутило, и он, прижавшись лицом к сетке, сказал что-то на общеземном языке. Монгольский полисмен резко ответил ему на том же языке, должно быть послал подальше, отвернулся и принялся орать, толкать переселенцев и лупить их палкой с еще большим остервенением.

Через загон текла толпа — японцы, индонезийцы, сиамцы, выходцы из Восточной Индии, совсем немного евразийцев, но в основном жители Южного Китая. Роду они казались почти одинаковыми — маленькие женщины с младенцами на боку или на спине, а часто с одним на спине и одним в руках, бесконечный поток сопливых бритоголовых детей, отцы семейств с пожитками в огромных тюках или на тачках.

Время от времени появлялись заезженные пони, тянущие за собой большие и явно перегруженные повозки на двух колесах, но у большинства переселенцев было с собой лишь то, что можно унести.

Род слышал когда-то, что, если всех живущих на Земле китайцев выстроить в колонну по четыре и заставить двигаться, она так никогда и не кончится, потому что население будет расти быстрее, чем проходит колонна. Род не поленился проверить, посчитал, и оказалось, что это чушь: даже если не учитывать смертность и считать только прирост населения, последний китаец прошел бы в колонне меньше чем через четыре года. Тем не менее, глядя, как толпу людей гонят, словно на бойню скот, Род чувствовал, что в старой байке есть доля правды, хотя математика ее и не подтверждала. Казалось, им не будет конца.

Спустя несколько минут Род все-таки решил потратить еще полплутона — узнать, что происходит, — и опустил монету в щель динамика, встроенного в кресло. В ушах тут же зазвучал голос комментатора:

— …посещение министра. Наследного принца встречали представители Земной корпорации во главе с самим генеральным директором, а те-

перь они сопровождают его до шлюзовой камеры анклава планеты Ратун. После телевизионного приема сегодня вечером начнутся переговоры на уровне делегаций. По мнению лиц, близких к генеральному директору, ввиду невозможности конфликта интересов между существами, потребляющими кислород, как мы, и ратунцами, любой исход переговоров будет нам на пользу, вопрос только — в какой степени. Если вы снова обратите внимание на ворота номер пять, мы готовы повторить сообщенные ранее сведения. Ворота номер пять переданы на сорок восемь часов в распоряжение Австралазиатской республики. Временные ворота, которые вы можете видеть внизу, гипершунтированы на определенную точку в Центральной Австралии, в пустыне Арунта, где в течение нескольких недель подряд накапливалась в большом лагере эта волна эмигрантов. Его Светлое Величество Председатель Австралазиатской республики Фун Чи Му информировал Корпорацию, что его правительство планирует осуществить за сорок восемь часов переброску более двух миллионов человек — воистину впечатляющая цифра, более сорока тысяч эмигрантов в час. Общее число переселенцев, запланированное в этом году для всех планетар-

ных ворот — «Эмигрантс-гэп», «Петр Великий» и «Уитуотерсрэнд», — составляет всего семьдесят миллионов, или в среднем около восьми тысяч человек в час. Это же перемещение предполагает темпы в пять раз более высокие, причем только через одни ворота!

Однако то, что мы наблюдаем, — скорость, эффективность и… э-э-э… решительность, присущая этой операции, — похоже, не оставляют сомнений в успехе. Наши данные за первые девять часов свидетельствуют, что эмигранты даже чуть опережают запланированные темпы. За эти же девять часов восемьдесят два эмигранта умерли и сто семь детей родилось в отбывающих семьях. Столь высокая цифра смертности объясняется, разумеется, трудностями, связанными с эмиграционной операцией такого масштаба.

Планета назначения, GO-8703-IV, отныне будет называться Райской Горой. По словам Председателя Фуна, это прекрасная, богатейшая планета, и до сих пор попыток колонизировать ее никто не предпринимал. Корпорацию заверили, что все будущие колонисты являются добровольцами. — (Тут Роду показалось, что в голосе комментатора прозвучала ироничная нотка.) — Это и понятно, если принять во внимание феноменальное

демографическое давление в Австралазиатской республике. Здесь, впрочем, не помешает краткая историческая справка. После высылки остатков прежнего населения Австралии в Новую Зеландию по Бэйпинскому мирному договору первым же удивительным актом нового правительства стало создание огромного внутриконтинентального моря в…

Род приглушил звук и снова посмотрел вниз. Слушать школьную лекцию о том, как австралийскую пустыню превратили в цветущий сад, ему вовсе не хотелось. Тем более что позже сад все равно загадили и превратили в трущобы, где жило больше населения, чем во всей Северной Америке. У ворот номер четыре разворачивались новые события…

Когда он пришел, пространство у ворот номер четыре было занято грузовым конвейером. Теперь же конвейерная лента отползла назад и скрылась в недрах терминала, а у ворот начала выстраиваться эмиграционная группа.

Здесь уже не было никаких нищих беглецов, подгоняемых полисменами. Здесь каждая семья переезжала в собственном фургоне. Широкие, длинные классические фургоны с прочным верхом из стеклоткани и шестеркой лошадей.

Угловатые прочные повозки со стальными кузовами и высокими тонкими колесами, запряженные одной или двумя парами. Животные в упряжках — как на подбор: морганы, величественные клайдсдейлы и миссурийские мулы с сильными спинами, хитрыми недоверчивыми глазами и похожими на кувшин мордами. Между колесами сновали собаки, фургоны были доверху нагружены домашней утварью, снаряжением и детьми. Громко жаловались на несправедливость судьбы куры, гуси и прочая домашняя птица в клетках, привязанных позади фургонов. У одного из них стоял низкорослый шетлендский пони, оседланный, но без седока.

Роду показалось странным, что не видно скота, и он снова прибавил звук, но комментатор по-прежнему бубнил о плодовитости граждан Австралазиатской республики. Приглушив динамик, Род продолжал смотреть. Фургоны, готовые двигаться вперед, выстроились перед воротами в плотную колонну, конец которой исчезал где-то под трибуной. Однако время еще не подошло, и возницы собирались небольшими группками у палатки Армии спасения под складками туники богини Свободы попить кофе и поболтать. Возможно, подумалось Роду, там, куда они на-

правляются, нет никакого кофе и не будет еще долгие годы, поскольку Земля никогда не экспортировала продовольствие, — напротив, продукты питания и радиоактивное топливо служили единственными предметами разрешенного импорта, и пока колония во Внеземелье не окрепнет настолько, чтобы производить излишки того или другого, она едва ли может рассчитывать на какую-то помощь Земли.

Из-за высокого расхода урана держать межпланетные ворота открытыми выходило слишком накладно, и эти люди, отправляющиеся караваном фургонов осваивать новую колонию, прекрасно понимали, что, скорее всего, потеряют коммерческие связи с Землей до тех пор, пока у них не появятся излишки ресурсов, которые позволят открывать ворота на регулярной основе. А до того времени они могут полагаться только на самих себя и рассчитывать только на то снаряжение, что берут с собой. Следовательно, лошади в данном случае лучше вертолетов, а кирки и лопаты надежнее бульдозеров. Машины, случается, выходят из строя и требуют сложного оборудования для ремонта, тогда как старые добрые «пожиратели сена» продолжают плодиться сами по себе, едят траву и таскают повозки как

ни в чем не бывало.

Мастер Мэтсон как-то сказал на лекции по выживанию, что больше всего в примитивном Внеземелье жизнь осложняет не отсутствие канализации, отопления, энергии или света и не плохие климатические условия — хуже всего бывает, когда нет самых простых вещей, вроде кофе и табака.

Род никогда не пробовал курить и к кофе тоже относился безразлично, поэтому плохо понимал, как это можно переживать из-за таких мелочей. Наклонившись в кресле, чтобы лучше видеть пространство за воротами, он пытался угадать, в чем причина задержки. Изогнутый дугой брезентовый верх первого «корабля прерий» загораживал ворота, Род почти ничего не видел, но похоже было, оператор ошибся при настройке фазы и небо с землей поменялись местами. Внепространственная коррекция, необходимая, чтобы совместить две точки на различных планетах, отстоящих на многие световые годы друг от друга, требовала не только колоссальных затрат энергии, но и невероятной точности, а это уже область высшей математики и высокого искусства. С математикой прекрасно справлялись машины, но окончательную настройку всегда

осуществляли операторы — как говорится, при помощи молитвы и интуиции.

Помимо тех движений в пространстве, что совершает каждая из связываемых планет, — векторов, которые легко можно складывать и вычитать, — необходимо учитывать еще и вращение планет вокруг оси. Главная проблема заключается в том, чтобы последняя гиперпространственная складка обеспечила касание планет по внутренней стороне окружности большей из них точками, где установлены ворота, причем планеты должны вращаться в одну сторону и оси их должны быть параллельны. Теоретически возможно совместить точки и при вращении в противоположные стороны — для этого достаточно лишь искривить бесплотную ткань пространства-времени, чтобы «реальные» движения планет совпали, — однако на практике это не только слишком расточительно в плане энергии, но и совершенно непрактично: земля за воротами ускользает в сторону, словно лента движущейся дороги, и то и дело наклоняется под немыслимыми углами.

Впрочем, математики, которую Род уже освоил, все равно не хватало, чтобы по-настоящему оценить всю сложность проблемы. Он только

оканчивал среднюю школу и не продвинулся дальше тензорного анализа, статистической механики и обобщенной геометрии шестимерного пространства, а в прикладных дисциплинах остановился на основах электроники, введении в кибернетику и роботостроение и начальном курсе конструирования аналоговых компьютеров. Настоящая математика ждала его впереди. Поэтому он даже не подозревал о своем невежестве и просто решил, что оператор, должно быть, работал «левой ногой».

Возницы все еще толпились у палатки, пили кофе и жевали бублики. Большинство мужчин отпустили бороды, и, судя по их длине, партия эмигрантов готовилась к переправке уже несколько месяцев. Капитан группы отрастил маленькую эспаньолку, усы и довольно длинные волосы, но все равно Роду казалось, что тот едва ли намного старше его. Разумеется, это был профессионал, прошедший целый курс необходимых во Внеземелье дисциплин — охота, разведка, элементарные ремесла, оружейное дело, фермерство, оказание первой помощи, групповая психология, тактика группового выживания, закон и еще более десятка различных вещей, без которых не обойтись, когда остаешься один на

один с дикой природой.

Одет он был в старинный калифорнийский костюм — может быть, просто для того, чтобы одежда соответствовала скакуну, прекрасной, подобно рассвету, гнедой кобыле. Когда над воротами вспыхнул предупреждающий сигнал, капитан группы вскочил в седло и, продолжая жевать бублик, двинулся вдоль колонны фургонов с последней проверкой. Сидел он прямо, осанисто и очень уверенно. На причудливом низком ремне болтались два пистолета-резака, каждый в украшенной серебром кобуре с такой же отделкой, как на седле и уздечке.

Род невольно задержал дыхание, пока капитан не скрылся под трибуной, затем вздохнул и подумал, а не стоит ли ему самому вместо какой-то более интеллектуальной профессии Внеземелья заняться чем-нибудь таким, что поможет ему стать похожим на этого человека. Он, в общем-то, и не знал пока, кем ему хочется работать: главное — покинуть Землю как можно скорее и очутиться там, далеко, где жизнь бьет ключом.

Эти размышления напомнили ему, что завтра у него важное испытание: через несколько дней он или сможет поступать, куда ему захочется, или… Но об этом лучше не думать. Род понял вдруг, что

время уходит, а он даже не решил еще, какое оружие и снаряжение возьмет с собой. У капитана группы, готовящейся к отправке, были пистолеты-резаки… Может быть, и ему стоит взять такой же? Хотя нет, если им придется защищаться, они будут сражаться группой. И такое оружие у их лидера скорее для поднятия авторитета, чем для выживания в одиночку. Что же тогда взять?..

Зазвучала сирена, и возницы вернулись к своим фургонам. На полном скаку вернулся к голове каравана и капитан.

— По места-а-а-ам! Приготовиться! — прокричал он и занял место у самых ворот, лицом к каравану.

Кобыла вздрагивала и то и дело переступала ногами.

Из-за стойки в палатке Армии спасения появилась девушка с маленькой девочкой на руках. Она крикнула что-то капитану, но голос ее до трибуны не долетел.

Однако у капитана голос оказался гораздо громче:

— Номер четыре! Дойл! Ну-ка, забери своего ребенка!

Рыжий мужчина с похожей на лопату бородой выскочил из четвертого фургона, со смущенным

выражением лица принял ребенка и понес назад под крики, смех и улюлюканье из других фургонов. Затем отдал девочку жене, которая тут же задрала ей платье и хорошенько отшлепала. Дойл забрался на место и взял в руки вожжи.

— Рассчитайсь! — протяжно крикнул капитан.

— Первый!

— Второй!

— Третий!

— Четвертый!

— Пятый!

Голоса ушли под трибуну и дальше, откуда их совсем не было слышно. Однако спустя какое-то время перекличка вернулась в обратном порядке и закончилась громким «Первый!». Капитан поднял правую руку и замер, не сводя глаз с цветовых сигналов над воротами.

Наконец загорелся зеленый. Он резко опустил руку и крикнул:

— Тронулись! Хэй-хэй!

Его кобыла рванулась с места, словно на скачках, проскочила перед носом левой ведущей лошади в упряжке первого фургона и очутилась за воротами.

Защелкали бичи. Снизу то и дело доносилось: «Вперед, Молли!», «Вперед, Нед!» или «Но, башка-

стые!». Караван покатил вперед. К тому времени, когда стоявшие на виду под трибуной фургоны скрылись за воротами и показались остальные, ждавшие в подъездном туннеле, колонна неслась уже галопом. Возницы сидели, упершись ногами в передок, а их жены держали руки на тормозах. Род пытался сосчитать их и добрался до шестидесяти трех, когда последний фургон проехал ворота… и скрылся, оказавшись за полГалактики от Земли.

Вздохнув, Род откинулся на спинку с каким-то теплым чувством в душе, окрашенным необъяснимой грустью, затем прибавил звук.

— …на Нью-Ханаан, первоклассную планету, которую великий Лэнгфорд назвал «розой без шипов». За привилегию строить новую жизнь на этой планете ради будущего своих детей колонисты заплатили высшую ставку в шестнадцать тысяч четыреста плутонов за каждого человека — разумеется, без учета освобожденных от уплаты кооптированных членов группы. Компьютерные центры предсказывают, что высшая ставка будет возрастать в течение еще двадцати восьми лет, и, если вы хотите подарить своим детям бесценное гражданство на Нью-Ханаане, действовать надо сейчас. Всего за один плутон, высланный по ад-

ресу: «Информация, а/я 1, „Эмигрантс-гэп“. Округ Нью-Джерси. Большой Нью-Йорк», вы сможете получить прекрасную кассету с видами планеты. Если же вас интересует полный список открытых для колонизации планет плюс отдельный список тех, что будут открыты в ближайшем будущем, добавьте еще полплутона. Те, кто наблюдает сейчас за событиями, о которых рассказывает наша передача, могут получить кассету и дополнительные материалы в фойе большого зала.

Род не прислушивался. Он давно уже выписал себе все бесплатные и большинство платных материалов, что распространялись Комиссией по эмиграции и торговле. Сейчас его больше занимало, почему ворота на Нью-Ханаан не закрылись.

Но загадка прояснилась почти сразу же. От ворот номер четыре до самого туннеля поднялись из пола металлические ограждения, образовавшие длинный коридор, и спустя секунду из ворот вырвался поток ревущего, фыркающего скота — откормленные херефордширские бычки, которые в скором времени должны были превратиться в нежные бифштексы и восхитительное жаркое для богатой, но слегка голодной Земли. За ними и среди них ехали нью-ханаанские погонщики с длинными палками, которыми они

подгоняли животных, заставляя их двигаться быстрее, несмотря на то что они теряли при этом в весе: ворота были по-прежнему открыты, и стоимость этой услуги автоматически вычиталась из стоимости скота.

Тут Род обнаружил, что комментатор умолк. Тридцать минут трансляции, за которые он заплатил, истекли. У него тотчас же возникло чувство вины, и он понял, что надо торопиться, иначе можно опоздать к обеду. Род бросился бегом, наступая на ноги и извиняясь направо и налево, и наконец добрался до движущейся полосы к воротам «Хобокен».

Эти ворота, поскольку они предназначались только для перемещения по поверхности Земли, были постоянно открыты и не требовали внимания оператора: две точки, которые они соединяли, располагались на одном и том же жестком основании, на твердой Земле. Род предъявил постоянный билет электронному контролеру и в компании знакомых и незнакомых людей шагнул в Аризону.

Поправка: на *почти* твердой Земле. Компьютер, управляющий работой ворот, учитывал приливные искажения поверхности, но не мог предвидеть мелкие сейсмические явления. Сде-

лав шаг в Аризону, Род почувствовал, что ноги у него дрогнули, словно при крошечном землетрясении, но спустя мгновение terra снова стала firma. Однако он все еще был в шлюзовой камере с давлением воздуха как на уровне моря. Уловив тепло человеческих тел, механизм закрыл шлюз, и давление снизилось. Род протяжно зевнул, приспосабливаясь к давлению на северном плато Гранд-Каньона, где оно было на четверть меньше, чем в Нью-Джерси. Но даже притом что ему приходилось путешествовать туда и обратно почти ежедневно, уши каждый раз закладывало, и Род принялся тереть ладонью правое ухо, чтобы избавиться от неприятного ощущения.

Наконец шлюз открылся, и он вышел наружу. Преодолев за долю секунды две тысячи миль, он теперь должен был потратить десять минут на движущийся туннель и еще за пятнадцать дойти пешком до дому. Род решил, что трусцой он все-таки доберется домой вовремя. И видимо, добрался бы — если бы тем же маршрутом не хотели воспользоваться еще несколько тысяч человек.

Глава 2
Пятый путь

Ракетные корабли вовсе не покорили космос, они лишь бросили ему вызов. Ракета, покидающая Землю со скоростью семь миль в секунду, слишком тихоходна для огромных просторов, что лежат за пределами планеты. Одна лишь Луна более-менее рядом, и то до нее около четырех дней. До Марса при такой скорости — тридцать семь недель, до Сатурна — бесконечные шесть лет, а до Плутона — почти невозможные полвека. Все — по эллиптическим орбитам, доступным ракетам.

Факельные корабли Ортеги значительно приблизили к нам Солнечную систему. Эти корабли, работающие за счет преобразования массы в энергию по бессмертному эйнштейновскому $E = mc^2$, уже могли разгоняться на протяжении всего полета, причем с любым ускорением, какое только выдержит пилот. При вполне приемлемом ускорении в одно *g* ближайшие планеты оказались всего в нескольких часах лёта, а дорога до далекого Плутона занимала лишь восемнадцать

дней. Человечество словно пересело с лошади на реактивный лайнер.

Люди заполучили дивную новую игрушку, вот только лететь было особенно некуда. С точки зрения человека, Солнечная система — на удивление непривлекательное место. Разумеется, кроме прекрасной, зеленой, щедрой Земли. Жители Юпитера с их стальными мышцами прекрасно чувствуют себя при силе тяжести в два с половиной раза больше нашей и в совершенно ядовитой атмосфере. Марсиане отлично живут почти что в вакууме, а лунные ящерицы — так те и вообще не дышат. Но все эти планеты — не для людей.

Людям нужна кислородная планета недалеко от звезды класса G и чтобы температура не очень сильно отклонялась от точки замерзания воды. Короче, такая, как Земля.

Однако, если вы уже здесь, зачем лететь куда-то еще? А затем, что у людей рождаются дети, много-много детей. Мальтус[26] писал об этом уже давно: производство продовольствия растет в арифметической прогрессии, в то время как численность человечества — в геометрической. К Первой мировой войне половина планеты уже

---

[26] notes: 26

Томас Р. Мальтус (1766–1834) — английский экономист, основоположник мальтузианства.

находилась на грани голода. Ко Второй мировой численность населения Земли увеличивалась на пятьдесят пять тысяч человек *каждый день*. А уже перед Третьей мировой войной, в 1954 году, этот прирост составил сто тысяч ртов и животов в день. Тридцать пять миллионов новых людей каждый год… И вскоре население Земли превысило то количество, которое способны прокормить пашни планеты.

Термоядерные бомбы, бактериологическое оружие, нервно-паралитические газы и прочие ужасы, обрушившиеся на человечество позднее, в общем-то, объяснялись не политическими причинами. Истинная картина происходящего напоминала скорее драку нищих из-за корки хлеба.

Автор «Путешествий Гулливера» когда-то мрачно пошутил, предложив откармливать ирландских детишек для английских столов, другие проповедовали менее радикальные меры обуздания роста человечества, но ни одна из них никак не изменила положения на Земле. Жизнь — *любая* жизнь — имеет два побуждения: выжить и продолжить род. Разум — всего лишь побочный продукт эволюции, бесполезный во всем, кроме служения этим двум целям.

Однако разум можно *заставить* работать на эти слепые императивы жизни. В нашей Галактике имеется более ста тысяч планет земного типа, и каждая может быть по-матерински добра к человеку, как родная Земля. Факельные корабли Ортеги уже позволяли достичь звезд. Человечество могло колонизировать новые земли в космосе, точно так же как когда-то миллионы голодных европейцев пересекли Атлантику, чтобы вырастить своих детей в Новом Свете.

Некоторые так и поступили. Сотни тысяч людей. Но даже все человечество целиком, работая как одна команда, не могло строить и запускать по сотне кораблей в день, каждый на тысячу колонистов, день за днем, год за годом и так до бесконечности. Даже когда есть хорошие руки и решимость (а последнего человечеству всегда недоставало), не хватит стали, алюминия и урана во всей земной коре. Не хватит и на одну сотую нужного числа кораблей.

Но разум способен находить решения там, где их, казалось бы, нет. Однажды психологи заперли обезьяну в комнате, оставив ей только четыре возможных пути для побега, а затем уселись наблюдать, какой из четырех она выберет.

Обезьяна нашла пятый путь.

Доктор Джесс Эвелин Рамсботхэм вовсе не пытался решить проблему высокой рождаемости. Нет, он хотел построить машину времени. И причин для этого у него было две: во-первых, машину времени создать невозможно; во-вторых, в присутствии девушек, достигших брачного возраста, он всегда заикался и очень мучился оттого, что у него потеют ладони. Впрочем, сам он даже не подозревал, что первая причина всего лишь компенсирует вторую. Строго говоря, он вообще не подозревал о существовании второй причины — этой темы его сознание старательно избегало.

Бессмысленно строить предположения о том, как повернулась бы история человечества, если бы родители Джесса Эвелина Рамсботхэма назвали своего сына Биллом, а не наградили его двумя девичьими именами. Возможно, он стал бы тогда выдающимся полузащитником и, прославившись на всю Америку, занялся бы в конце концов продажей ценных бумаг, добавляя, как все, детишек к катастрофически растущему населению Земли. Но он стал физиком-теоретиком.

В физике прогресс достигается отрицанием очевидного и принятием на веру невозможного. Любой ученый девятнадцатого века мог бы убедительно объяснить, почему невозможны

атомные бомбы, — если бы его, конечно, не оскорбил подобный бессмысленный вопрос. Любой физик двадцатого столетия легко убедил бы вас, что путешествия по времени просто не вписываются в реальную пространственно-временную картину мира. Но Рамсботхэм начал как раз с трех величайших уравнений Эйнштейна — двух уравнений для релятивистского сокращения длины и замедления времени и уравнения, связывающего массу с энергией. В каждом из них фигурирует скорость света, а скорость есть не что иное, как производная первого порядка функции пройденного расстояния от времени. Он переписал уравнения в дифференциальной форме и принялся за математические игры, скормив эти соотношения РАКИТИАКу, дальнему потомку УНИВАКа, ЭНИАКа и МАНИАКа. Работая с уравнениями, Рамсботхэм никогда не заикался, и у него никогда не потели при этом ладони — разве что когда ему приходилось общаться с молодой особой, служившей главным программистом гигантского компьютера.

Его первая рабочая модель дала стасисное, или низкоэнтропийное, поле размерами не больше футбольного мяча: при включении на полную мощность помещенная внутрь сигарета про-

должала гореть целую неделю. Через семь дней после начала эксперимента Рамсботхэм достал сигарету, докурил и надолго задумался.

В следующий раз он опробовал машину на однодневном цыпленке, причем в присутствии коллег. Спустя три месяца цыпленок ничуть не вырос и даже не проголодался, во всяком случае не больше, чем любой другой в таком же возрасте. Рамсботхэм поменял фазовое соотношение и настроил аппарат на самый короткий временной интервал, какой только позволяла изготовленная в домашних условиях установка.

В долю секунды недавно вылупившийся цыпленок умер от голода и разложился.

Рамсботхэм понимал, что в данном случае лишь изменил наклон графика, но по-прежнему верил, что вскоре откроет способ перемещения во времени. Долгожданного открытия не произошло, хотя однажды был момент, когда он думал, что это ему все-таки удалось. Как-то раз Рамсботхэм по просьбе коллег повторил эксперимент с цыпленком. Ночью двое из них подобрали ключи к лаборатории, выпустили цыпленка и поместили в стасисное поле яйцо. Возможно, Рамсботхэм навсегда уверовал бы в возможность путешествий во времени и до конца своей жизни

исследовал бы тупиковый маршрут, но коллеги сжалились и на его глазах раскололи яйцо, — оказалось, оно сварено вкрутую.

Однако Рамсботхэм не сдавался. Он построил модель еще больших размеров, после чего задался целью получить поле особой конфигурации, с некоей воронкой, аномалией (термин «ворота» он, конечно, не употреблял), позволяющей ему самому заходить внутрь и выбираться наружу.

Когда он включил питание, вместо голой стены за двумя изогнутыми магнетодами установки перед ним вдруг предстали удушливые джунгли. Рамсботхэм сразу решил, что это лес каменноугольного периода. Ему нередко приходило в голову, что разница между пространством и временем — лишь свойственный людям предрассудок, но в этот раз он ни о чем таком не задумывался: он просто верил в то, во что ему хотелось верить.

Рамсботхэм схватил пистолет и храбро, но безрассудно полез между магнетодами.

Спустя десять минут его арестовали за ношение оружия в ботаническом саду Рио-де-Жанейро. Незнание португальского только усугубило проблему и продлило срок его пребывания в душной тюремной камере тропической страны, но через

три дня он при помощи американского консула все-таки отправился на родину. Всю дорогу до дому Рамсботхэм напряженно думал, исписав при этом несколько блокнотов уравнениями и вопросительными знаками.

Короткий путь к звездам был найден.

Открытия Рамсботхэма устранили основную причину войн и подсказали, что делать со всеми этими милыми детишками. Сотни тысяч планет оказались вдруг не дальше противоположной стороны улицы. Неосвоенные континенты, нетронутые дикие чащи, пышные джунгли, убийственные пустыни, мерзлые тундры, суровые горы — все это лежало теперь прямо за воротами городов, и человечество вновь устремилось туда, где не сияет уличное освещение, где на углу не стоит готовый прийти на помощь полисмен, где и углов-то еще никаких нет. Нет ни хорошо прожаренных нежных бифштексов, ни ветчины без костей, ни упакованной, готовой к употреблению пищи для изысканных умов и изнеженных тел. Двуногому всеядному вновь понадобились его кусающие, рвущие звериные зубы: человечество выплеснулось в большой мир (как это уже случалось раньше), где действуют законы «убей, или будешь убит», «съешь, или будешь съеден».

Однако человечество обладает огромным талантом выживать. Человечество, как всегда, приспособилось к новым условиям, и наиболее урбанизированная, механизированная и цивилизованная культура за всю его долгую историю начала учить своих лучших детей, своих потенциальных лидеров, выживать в примитивных условиях, когда обнаженный человек выходит один на один с дикой природой.

Разумеется, Род Уокер знал о докторе Дж. Э. Рамсботхэме, так же как знал он имена Эйнштейна, Ньютона или Колумба, но вспоминал о нем не чаще, чем, скажем, о том же Колумбе. Для него они были просто образами из книг, историческими личностями, грандиозными фигурами прошлого. Совершенно не задумываясь, он каждый день проходил ворота Рамсботхэма между Джерси и движущейся полосой в Аризоне — так же, как его предшественники пользовались лифтами, не вспоминая человека по имени Отис[27]. И если он когда вспоминал об этом чуде, то с некоторой долей раздражения, потому что выход ворот «Хобокен» в Аризоне был слишком далеко от

[27] notes: 27

Элиш Грейвз Отис (1811–1861) — американский изобретатель, первым в мире запатентовавший пассажирский лифт.

родительского дома. Здешние ворота назывались «Кайбаб», и располагались они в семи милях к северу от жилища Уокеров.

В то время, когда строился их дом, местность эта была на дальнем конце коммуникационной линии пневмодоставки и прочих городских удобств. Строили его давно, и поэтому гостиная Уокеров стояла на поверхности, тогда как спальня, кладовые и бомбоубежище скрывались под землей. Раньше гостиная торчала на участке голым, будто выточенным из одного куска эллипсоидом, но позже, когда Большой Нью-Йорк стал разрастаться, строительство наземных сооружений, нарушающих целостную картину дикого леса в этом регионе, запретили.

Родители Рода решили подчиниться — до определенной степени — и засыпали купол землей, насадив сверху обычной для здешних мест растительности, но категорически отказались закрывать панорамное окно с видом на Гранд-Каньон, придававшее дому все его очарование. Окружной административный совет пытался заставить их убрать окно, предлагая за свой счет заменить его телеокном, как в других подземных жилищах, но отец Рода слыл упрямым человеком. Он утверждал, что погоду, женщину и вино

невозможно заменить чем-то «примерно тем же». Одним словом, окно осталось на месте.

Вернувшись домой, Род обнаружил, что все семейство сидит как раз перед этим самым окном, наблюдая, как движется через каньон грозовой фронт, — мать, отец и, к его удивлению, сестра Элен. Она была на десять лет старше Рода, служила капитаном в корпусе Амазонок и редко показывалась дома.

— Привет, сестренка! Здорово, что ты здесь! Я думал, ты на Тулии… — обрадованно заговорил Род, хотя и понимал, что даже ее приезд не спасет его от распеканий за опоздание.

— Я там и была. Всего несколько часов назад.

Род хотел пожать ей руку, но она сгребла его в охапку, словно медведь, и смачно поцеловала в губы, прижав к рельефному орнаменту на хромированных латах. Элен даже не сняла еще форму, и Род подумал, что она, очевидно, только-только прибыла: во время своих редких посещений сестра обычно расхаживала по дому в халате и шлепанцах. Сейчас она все еще была в бронежилете и форменном килте, а на полу лежали металлизированные перчатки, шлем и пояс с оружием.

— Боже, как ты вырос! — с гордостью произнес-

ла сестра. — Почти догнал меня.

— Уже перегнал.

— Спорим?.. Ну-ка, не дергайся, а то руку выверну. Снимай ботинки и давай померимся спиной к спине…

— Сядьте, дети, — спокойным тоном сказал отец. — Род, ты почему опоздал?

— Э-э-э… — Он уже придумал, как отвлечь внимание родителей рассказом о предстоящем экзамене, но тут вмешалась Элен:

— Ну что ты его спрашиваешь, патер? Если тебе так хочется оправданий, ты их обязательно получишь. Я это поняла, еще когда была младшим лейтенантом.

— Помолчи, дочь! Я вполне способен воспитать его без твоей помощи.

Рода удивила резкая реплика отца и еще больше удивил ответ Элен.

— Ой ли? — произнесла она каким-то странным тоном.

Род заметил, что мама всплеснула руками, собираясь что-то сказать, затем передумала. Выглядела она расстроенной. Отец и сестра молча смотрели друг на друга. Род в растерянности глядел то на него, то на нее, потом спросил:

— Слушайте, что тут произошло?

— Ничего, — ответил отец, переводя взгляд на него. — Давайте-ка не будем сейчас об этом. Обед ждет. Пойдем, дорогая. — Он повернулся к жене, помог ей встать и предложил руку, собираясь идти.

— Постойте, — нетерпеливо сказал Род. — Я опоздал, потому что проторчал в «Гэп».

— Ладно. Ты прекрасно знаешь, я не люблю, когда ты опаздываешь, но сейчас мы эту тему оставим. — Отец повернулся к лифту.

— Но я еще не все рассказал, пап. Меня не будет дома больше недели.

— Ладно… Что? Что ты сказал?

— Меня какое-то время не будет дома, сэр. Дней десять или больше.

Отец справился с удивлением и покачал головой:

— Каковы бы ни были твои планы, их придется изменить. Сейчас я не могу тебя отпустить.

— Но пап…

— Извини, но это окончательное решение.

— Но я просто *должен*, пап!

— Нет.

Род был близок к отчаянию. Но тут неожиданно вступила в разговор сестра:

— Патер, может быть, стоит все-таки узнать,

почему он собирается отсутствовать?

— Знаешь что, дочь…

— Пап, завтра у меня экзамен по одиночному выживанию!

Миссис Уокер судорожно вздохнула и заплакала. Отец попытался успокоить ее, потом повернулся к Роду и сказал суровым тоном:

— Ты расстроил маму.

— Но, пап, я… — Род обиженно замолчал. Никого, похоже, не волновало, что думает об этом он сам. А ведь завтра *его* экзамен, *ему* завтра «либо выплыть, либо утонуть». Много они понимают…

— Вот видишь, патер, — сказала сестра. — Он действительно должен. У него нет выбора, потому что…

— Ничего такого я не вижу! Род, я давно собирался поговорить с тобой, но не думал, что экзамен начнется так скоро. Должен признать, у меня были сомнения, когда я подписывал тебе разрешение на этот курс. Я считал, что в будущем знания могут пригодиться тебе… когда… если ты будешь проходить этот курс в колледже. Но я ни в коем случае не думал позволять тебе сдавать экзамен в рамках школьной программы. Ты еще слишком молод.

От обиды и негодования Род даже не знал, что

сказать. И опять за него высказалась сестра:

— Чушь!

— А? Знаешь что, дочь, тебе, пожалуй, следует помнить, где…

— Повторяю: чушь! Любой из девушек моей роты приходилось сталкиваться по крайней мере с такими же трудностями, а многие из них не бог весть на сколько старше братишки. Чего ты добиваешься, патер? Хочешь сломать его?

— У тебя нет оснований… Ладно. Лучше будет, если мы обсудим все это позже.

— Вот и отлично.

Капитан Уокер взяла брата под руку, и они последовали за родителями вниз, в столовую. Обед в доставочных контейнерах уже ждал на столе и еще не остыл. Все встали у своих мест, и миссис Уокер торжественно зажгла Лампу Мира. Семья по традиции исповедовала евангелический монизм, поскольку деды Рода по обеим линиям обратились в эту веру еще во времена второй великой волны прозелитизма, накатившей из Персии в последние десятилетия прошлого века, а отец Рода всегда относился к обязанностям семейного священника весьма серьезно.

По ходу ритуала Род автоматически произносил нужные слова, но мысли его занимали совсем

другие проблемы. Сестра вторила отцу от души, но голос матери был едва слышен.

Однако теплый символизм церемонии возымел действие, и Род почувствовал, что немного успокоился. Когда его отец повторил последнее «…единый Господь, единая семья, единая плоть!», ему уже захотелось есть. Он наконец сел и снял крышку со своей тарелки.

Белковая котлета в форме куска жареного мяса, немного настоящего бекона, большая печеная картофелина, жареная зеленая фасоль и несколько кочанчиков брюссельской капусты… У него сразу потекли слюнки, и он потянулся за кетчупом.

Род заметил, что мама ест мало, и это его удивило. Отец тоже едва притронулся к тарелке, но с ним такое случалось часто. Род вдруг понял с каким-то теплым, даже жалостливым чувством, что отец здорово исхудал и поседел. Сколько же ему уже?..

Но вскоре его внимание привлек рассказ сестры.

— …А комендант мне заявляет, что я должна подтянуть дисциплину. Я ей говорю, мол: «Мадам, девушки есть девушки. Если мне придется понижать старшин каждый раз, когда кто-нибудь

из них выкинет что-то подобное, у меня скоро останутся одни рядовые. А сержант Дворак — мой лучший бортстрелок…»

— Подожди-ка, — перебил ее отец. — Мне казалось, ты говорила «Келли», а не «Дворак».

— Ну да. Я намеренно сделала вид, что не понимаю, какого сержанта она имеет в виду. Дворак я уже поймала один раз на том же самом, а Крошка Дворак — она ростом выше меня — это наша главная надежда на армейских соревнованиях. Если бы ее понизили в звании, и она, и мы потеряли бы право на участие. Короче, я сделала большие глаза и решила действовать, как будто ничего не понимаю. Старуха разволновалась, только что ногти не грызет, а я ей говорю, что, мол, обе нарушительницы будут заперты в казарме до тех пор, пока парни из колледжа не установят новую следящую систему. Потом напела ей о милосердии: это, мол, и нам не чуждо, это как мягкий благодатный дождь… Пообещала лично проследить, чтобы ей не пришлось больше краснеть за подобные скандальные — это ее выражение, — скандальные выходки, особенно когда она водит по части командование сектора. Старуха немного еще поворчала — как командир роты, она, мол, ответственна за ее успехи и в случае чего спустит

с меня шкуру, — но потом выгнала, сказав, что ей нужно готовить квартальный отчет по обучению личного состава. Я тут же отсалютовала, как на параде, и вылетела оттуда пулей.

— Право, не знаю, — произнес мистер Уокер рассудительно, — стоит ли тебе возражать командиру в подобных случаях. В конце концов, она старше и, очевидно, мудрее тебя.

Элен сложила последние шарики брюссельской капусты маленькой горкой, подцепила вилкой и проглотила одним махом.

— Чепуха! Извини, патер, но, если бы ты проходил воинскую службу, ты бы и сам так думал. Я своих девчонок держу в ежовых рукавицах — отчего они только хвастаются, что им достался самый страшный огнеед на двадцати ближайших планетах. Но когда у них неприятности с начальством, я должна их защищать. Всегда может случиться, что мы влипнем в такую ситуацию, когда мне останется только встать во весь рост и идти вперед. Но я этого не боюсь, потому что справа у меня будет Келли, а слева — Дворак и каждая будет защищать «мамашу Уокер» уже по своей инициативе. Я знаю, что делаю. «Уокеровские оборотни» — все друг за друга.

— Боже милостивый, дорогая моя. Как мне

жаль, что ты выбрала такое… ну, такое *опасное* призвание.

Элен пожала плечами:

— Уровень смертности у нас такой же, как у всех других: один человек — одна смерть, раньше или позже. А что ты хотела, мам? Чтобы я сидела дома, вязала шарфики и ждала своего принца? Когда на одном только этом континенте женщин на восемнадцать миллионов больше, чем мужчин? В районе боевых действий мужчин всегда больше, и при случае я одного себе заарканю — какой бы я ни была старой уродиной.

— А ты в самом деле оставила бы службу, чтобы выйти замуж? — с любопытством спросил Род.

— Ха! Я даже не остановлюсь пересчитать, все ли у него руки и ноги! Если он еще тепленький и способен кивнуть головой, он обречен. Моя цель — шестеро детей и ферма!

Род окинул ее взглядом:

— Пожалуй, у тебя неплохие шансы. Ты здорово выглядишь, вот только лодыжки толстоваты.

— Ну спасибо, братец. Успокоил. А что у нас на десерт, мам?

— Я не смотрела. Открой, пожалуйста.

Оказалось, на десерт холодные мангорины, что Рода опять-таки обрадовало. Сестра продолжала

рассказывать:

— Во время активных действий все не так уж плохо. Вот гарнизонная жизнь и в самом деле выматывает. Девчонки толстеют, становятся небрежны и сцепляются друг с другом просто от скуки. На мой взгляд, эти потери страшнее боевых, и я надеюсь, нашу роту скоро переведут для наведения порядка на планету Байера.

Мистер Уокер взглянул на жену, потом на дочь.

— Мама опять расстроилась, дорогая. Кое-какие темы, что мы сегодня затрагиваем, едва ли годятся для беседы под Лампой Мира.

— Меня спросили — я ответила.

— Может быть, может быть…

— А может быть, пора ее выключить. Все уже поели.

— Если хочешь. Хотя поспешность тут вряд ли уместна.

— Ничего. Господь прекрасно знает, что мы не вечны. — Она повернулась к Роду. — Слабо тебе исчезнуть на какое-то время, братец? Мне нужно поговорить с родителями.

— Ты себя ведешь так, словно я…

— Сгинь. Увидимся позже.

Род ушел, чувствуя себя обиженным, и, выходя

из комнаты, заметил, как сестра задула Лампу Мира.

Когда Элен заглянула в его комнату, он все еще составлял список.

— Привет.

— Привет, Элен.

— Чем занимаешься? Думаешь, что взять с собой на «выживание»?

— Вроде как.

— Не возражаешь, если я здесь у тебя устроюсь? — Она скинула с кровати разложенные там вещи и расположилась поудобнее. — Этим мы займемся позже.

Род обдумал сказанное.

— Ты имеешь в виду, что отец не будет больше возражать?

— Точно. Я долбила свое, пока он не узрел наконец свет истины. Но об этом опять же после. Сначала я хочу кое-что тебе сообщить, братец.

— Например?

— Во-первых, наши родители отнюдь не так глупы, как тебе представляется. Собственно говоря, они совсем не глупы.

— А я ничего такого никогда и не говорил! — возразил Род, сознавая с чувством вины, что именно так он совсем недавно думал.

— Нет, конечно. Но я слышала, что происходило перед обедом, и ты тоже слышал. Отец пытался употребить свою власть и не желал ничего слушать. Я не знаю, приходило ли тебе в голову, какая это тяжелая работа — родитель. Может быть, самая тяжелая на свете, особенно если у тебя нет таланта. К отцу это в какой-то мере относится. Он знает свою работу, старается и делает ее добросовестно. По большей части справляется, хотя иногда делает ошибки вроде сегодняшней. Но одного ты еще не знаешь: папа может скоро умереть.

— Что? Как? — Рода словно ударили. — Я не знал, что он болен.

— Так и было задумано. Но не сходи с ума, выход еще есть. Папа сильно болен и может умереть через несколько недель — если только не предпринять решительных шагов. Что они и сделали. Так что успокойся.

Коротко и ничего не скрывая, она обрисовала ему ситуацию: мистер Уокер действительно страдал функциональным расстройством организма, от которого медленно умирал. Болезнь оказалась не под силу современному медицинскому искусству. Он мог протянуть еще несколько недель или месяцев, но в конце концов должен был умереть.

Род уронил голову на руки, проклиная себя за невнимательность. Отец умирал, а он даже ничего не заметил. От него скрыли это, как от малого ребенка, а он оказался слишком глуп, чтобы заметить самому.

Элен тронула его за плечо:

— Не надо. Нет ничего глупее, чем ругать себя, когда от тебя ничего не зависит. В любом случае мы уже предприняли необходимые шаги.

— Но какие? Ты сама сказала, что медицина бессильна.

— Успокойся и помолчи. Родители хотят совершить прыжок Рамсботхэма с соотношением пятьсот к одному — двадцать лет за две недели. Они уже подписали контракт с «Энтропи инкорпорейтед». Папа оставил работу в «Дженерал синтетикс» и сворачивает все остальные дела. В следующую среду они должны распрощаться с сегодняшним миром, поэтому отец и возражал против твоих планов. Он в тебе души не чает. Бог знает почему.

Род пытался разобраться во всех этих свалившихся на него новостях. Временной прыжок… ну конечно же! Отец останется жив еще двадцать лет. Но…

— Послушай, Элен, но ведь это ничего не даст!

Я понимаю, двадцать лет, но для них пройдет всего две недели… и отец останется таким же больным. Я знаю о таком случае: для прадеда Хэнка Роббинса сделали то же самое, но он все равно умер, сразу после того, как его достали из стасисного поля. Мне сам Хэнк рассказывал.

Сестра пожала плечами:

— Может быть, это и в самом деле безнадежный случай. Но лечащий врач отца, доктор Хенсли, сказал, что надежда есть… только через двадцать лет. Я ничего не понимаю в медкоррекции метаболизма, но Хенсли уверяет, что медики уже сейчас на грани открытия, а через двадцать лет они залатают отца так же легко, как сейчас людям отращивают новую ногу.

— Ты думаешь, так и будет?

— Откуда мне знать? В таких случаях остается лишь нанять самого лучшего специалиста, а затем поступить, как он посоветует. Если мы этого не сделаем, папа умрет. Потому мы и согласились.

— Да-да, конечно. Мы просто обязаны…

Сестра пристально посмотрела на него и добавила:

— Ладно. Хочешь поговорить с ними?

— Что? — Неожиданный вопрос сбил Рода с

толку. — Зачем? Они меня ждут?

— Нет. Я убедила их ничего не рассказывать тебе. А затем пришла сюда и рассказала все сама. Теперь ты можешь поступить, как захочешь, — можешь сделать вид, что ничего не знаешь, а можешь признаться, после чего мама будет весь вечер плакать, а отец наставлять тебя последними «мужскими» советами, которым ты все равно не последуешь. В конце концов около полуночи ты вернешься сюда с совершенно истерзанными нервами и начнешь собираться. Сам решай. Я сделала все, чтобы избавить тебя от этой сцены. Так всем будет легче. По мне, так лучше уходить по-кошачьи.

Род совсем растерялся. Не попрощаться, думал он, будет неестественно, неблагодарно, как-то не по-семейному, но и само прощание казалось невыносимо тягостным.

— Что значит «по-кошачьи»?

— Когда кошка приходит, она устраивает целое представление — тычется носом в ноги, трется вокруг тебя и урчит, как трактор. Но, уходя, она просто уходит и даже не оглядывается. Кошки — животные умные.

— И что…

— Помни еще, — добавила Элен, — что они

делают это ради себя. Ты тут ни при чем.

— Но отец просто должен…

— Разумеется, должен, если хочет выздороветь. — Она никак не могла решить, стоит ли упоминать, что стоимость временно́го прыжка оставит Рода практически без средств, но в конце концов пришла к выводу, что это лишнее. — Однако мама ничего такого не должна.

— Как же? Она должна быть с отцом.

— Да? Сам посчитай. Она предпочла оставить тебя одного на двадцать лет, чтобы провести с отцом две недели. Или можно еще так сказать: она предпочитает оставить тебя сиротой вместо того, чтобы овдоветь на двадцать лет.

— Я думаю, ты к ней несправедлива, — медленно произнес Род.

— Я же не критикую. Мама правильно решила. Однако оба они чувствуют себя здорово виноватыми перед тобой и…

— Передо *мной*?

— Да, перед тобой. Я уже давно сама по себе. Если ты захочешь все-таки попрощаться, это чувство вины может проявиться и как самооправдание, и как самовластие; они могут выместить свое чувство вины на тебе, и всем от этого будет только плохо. Мне бы не хотелось, чтобы так

вышло. Ты теперь — вся моя семья.

— Может быть, ты права.

— Ну не за красивые же глаза мне поставили в свое время высший балл по логике эмоций и военному руководству. Человек — существо не рациональное, а скорее придумывающее рациональные причины своим поступкам. Ладно, давай посмотрим, что ты собираешься брать с собой.

Элен пробежала глазами его список и взглянула на снаряжение.

— Боже, Род, сколько же ты набрал барахла! Прямо как Твидлдам, который собрался на битву, или Белый Рыцарь![28]

— Вообще-то, я собирался сократить список, — ответил Род смущенно.

— Надеюсь!

— Послушай, Элен, а какое мне лучше взять ружье или пистолет?

— Что? На кой черт тебе ружье?

— Ну как же? Я ведь неизвестно с чем там могу столкнуться. Дикие звери и все такое. Мастер Мэтсон подтвердил, что мы должны опасаться

---

[28] notes: 28

Твидлдам — персонаж английского детского стишка (в русском переводе Д. Орловского — Труляля). Белый Рыцарь — персонаж повести Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

диких животных.

— Я сомневаюсь, что он посоветовал бы тебе брать с собой ружье. Судя по его репутации, Мэтсон — человек практичный. В этом путешествии, дите ты малое, тебе отводится роль кролика, пытающегося убежать от лисы. Запомни, ты — не лиса.

— В смысле?

— Твоя единственная задача — остаться в живых. Не проявлять чудеса храбрости, не сражаться, не покорять планету, а только остаться в живых. В одном случае из ста ружье может спасти тебе жизнь, в остальных девяноста девяти оно лишь втянет тебя в какую-нибудь глупую историю. Мэтсон, без сомнения, взял бы ружье, да и я тоже. Но мы-то уже стреляные воробьи, мы знаем, когда не надо им пользоваться. И еще учти. В зоне проведения испытаний будет полно молодых сопляков, которым не терпится пострелять. Если тебя кто-нибудь подстрелит, уже не будет иметь никакого значения, есть у тебя ружье или нет, — ты будешь мертв. Но если оно у тебя будет, ты почувствуешь себя этаким суперменом и когда-нибудь просто забудешь про маскировку. Когда у тебя нет ружья, ты *знаешь*, что ты — кролик, и ты всегда осторожен.

— А ты сама брала ружье, когда сдавала «выживание»?

— Брала. И потеряла его в первый же день. Чем спасла себе жизнь.

— Как это?

— Я просто убежала от бессмеровского гриффина, а было бы у меня ружье, наверняка попыталась бы его пристрелить. Слышал про бессмеровских гриффинов?

— Э-э-э… Спика-пять?

— Спика-четыре. Я не знаю, как много экзозоологии вам сейчас преподают, но, глядя на наших рекрутов-недоучек, можно подумать, что в рамках этой новомодной системы «функционального образования» вообще запретили учиться и занимаются только развитием нежной трепетной личности. Ко мне однажды попала девица, которая хотела… Впрочем, ладно. Про гриффинов я тебе скажу самое главное: у них попросту нет ни одного жизненно важного органа. Нервная система у этих тварей децентрализована, и система ассимиляции тоже. Есть только один способ быстро убить гриффина — пропустить его через мясорубку, а стрельба для него — как щекотка. Но я тогда этого не знала и, будь у меня ружье, наверняка узнала бы, только вряд ли кому уже

рассказала. А так он загнал меня на дерево на трое суток, что пошло на пользу моей фигуре и дало мне время поразмыслить о философии, этике и практических принципах самосохранения.

Род не стал спорить, но по-прежнему считал, что огнестрельное оружие — штука очень удобная и полезная. Когда на бедре висит пистолет, он всегда чувствовал себя выше, сильнее, увереннее — одним словом, хорошо себя чувствовал. И вовсе не обязательно его применять, кроме, может быть, самых крайних случаев. Род прекрасно знал, как важно уметь маскироваться и прятаться; никто в группе не умел подкрадываться так же незаметно, как он. Сестра, конечно, отличный солдат, но и она знает не все…

Однако Элен продолжала:

— Я знаю, какое это приятное чувство, когда на боку пистолет. Сразу чувствуешь, что глаза у тебя мечут молнии, роста в тебе три метра, хвост трубой и весь ты покрыт волосами, как пещерный человек. Ты готов ко всему, и тебе даже хочется приключений. Вот тут-то и кроется опасность, потому что все это тебе только кажется. Ты — слабый, голый эмбрион, которого на удивление легко убить. Ты можешь таскать с собой штурмовое ружье с прецизионным прицелом на

два километра и протонные заряды, способные взорвать целую гору, но у тебя все равно нет глаз на затылке, как у птицы-януса, и в темноте ты все равно не видишь, как пигмеи Тетиса. Пока ты целишься во что-нибудь впереди, смерть запросто может подкрасться сзади.

— Да, однако вся твоя рота ходит с ружьями, сестренка.

— С ружьями, радарами, гранатами, приборами ночного видения, газами, помехопостановщиками и еще всякими штуками, которые мы без особой в том уверенности считаем секретными. Ну и что? Тебе же не крепость штурмовать. Иногда мне приходится посылать девчонок на разведку. Задача: попасть туда, заполучить информацию и вернуться живой. Как, ты думаешь, я их снаряжаю?

— Э-э-э…

— А вот как. Прежде всего я никогда не выбираю ретивых молодых рекрутов. Я посылаю кого-нибудь из закаленных ветеранов, которых очень трудно убить. Она раздевается до исподнего, красит кожу в темный цвет — если кожа уже не темная — и отправляется на разведку с голыми руками, иногда босиком, без всего вообще. Я еще не потеряла так ни одного разведчика. Когда ты

беспомощен и не защищен, у тебя действительно отрастают глаза на затылке, а нервные окончания сами тянутся во все стороны и буквально ощупывают местность. Мне эту науку преподала, еще когда я сама была хвастливым зеленым рекрутом, сержант, очень опытная женщина, которая по возрасту годилась мне в матери.

На Рода это произвело впечатление, и он медленно произнес:

— Мастер Мэтсон сказал, что, будь его воля, он отправил бы нас на испытания с голыми руками.

— Доктор Мэтсон — разумный человек.

— Хорошо, а что бы взяла ты сама?

— Повтори мне условия.

Род перечислил пункты объявления об экзамене. Элен сдвинула брови:

— Не так уж много данных… От двух до десяти дней означает, скорее всего, пять. Климат вряд ли будет слишком суровый. Я надеюсь, у тебя есть термокостюм.

— Нет, но у меня есть военный комбинезон. Я подумал, что возьму его с собой, а затем, если зона испытаний окажется не очень холодной, оставлю у ворот. Жалко будет его потерять: он всего полкило весит, да и стоит недешево.

— На этот счет не беспокойся. В чистилище хорошая одежда все равно ни к чему. Ладно, кроме комбинезона, я бы взяла еще четыре килограмма продовольствия, пять литров воды, два килограмма всякой всячины, вроде таблеток, спичек и прочих мелочей — все в жилете с карманами, — и нож.

— Это не так много на пять дней, тем более на десять.

— Но это все, что ты сможешь унести, не потеряв способности быстро передвигаться. Давай-ка посмотрим, что у тебя за нож.

У Рода было несколько ножей, но один он считал действительно своим — изящный, на все случаи жизни, с лезвием из молибденовой стали в двадцать один сантиметр длиной и отличной балансировкой. Он передал нож сестре, и она качнула его на ладони.

— Неплохо, — сказала Элен и огляделась.

— Вон там, у вытяжки, — подсказал Род.

— Вижу. — Она метнула нож, и лезвие, воткнувшись в мишень, вздрогнуло и зазвенело. Элен протянула руку вниз и достала из сапога еще один. — Этот тоже неплох. — Второй нож воткнулся в мишень на расстоянии ширины лезвия от первого.

Элен выдернула их и, взяв в каждую руку по ножу, остановилась посреди комнаты, оценивая балансировку каждого, затем перевернула свой рукоятью вперед и протянула Роду.

— Это мой любимый нож, «Леди Макбет». Я брала его с собой, когда сдавала «выживание». Возьми, он тебе пригодится.

— Ты хочешь поменяться ножами? Ладно. — Роду было немного жаль расставаться с «Полковником Боуи», и он опасался, что другой нож может его подвести, но от такого предложения не отказываются. Во всяком случае, когда предлагает родная сестра.

— Бог с тобой! Разве я могу лишить тебя твоего собственного ножа, да еще перед самым «выживанием»? Возьми оба, малыш. Ты не умрешь с голода или от жажды, но запасной нож, может статься, окажется для тебя дороже, чем его вес в тории.

— Спасибо, сестренка. Но я тоже не могу взять твой нож: ты говорила, что вас ждут скоро активные действия. Возьму запасной из своих.

— Мне он не понадобится. Девчонки годами уже не дают мне случая воспользоваться ножом. Так что пусть «Леди Макбет» будет на экзамене с тобой. — Она вытащила из сапога ножны, спря-

тала туда нож и вручила его Роду. — Носи на здоровье, брат.

Глава 3
Через туннель

На следующее утро Род прибыл к воротам «Темплтон», чувствуя себя далеко не в лучшей форме. Он собирался хорошенько выспаться перед испытанием, но приезд сестры и ошеломляющие семейные перемены эти планы нарушили. Как большинство детей, Род воспринимал семью и дом как нечто незыблемое. Он не особенно много думал об этом и на сознательном уровне не особенно ценил то, что у него есть, — не больше, скажем, чем рыба думает о воде. Семья, дом — они просто всегда были.

А теперь вдруг исчезли.

Они с Элен проговорили допоздна, и у сестры в конце концов появились серьезные сомнения насчет того, стоило ли сообщать Роду о переменах накануне экзамена. Незадолго до того она все взвесила и решила, что так «правильно», а чуть позже действительность в который раз продемонстрировала ей горькую древнюю истину: «правильное» и «неправильное» иногда познается лишь задним умом. Просто нечестно,

подумалось ей, забивать Роду голову сомнениями и переживаниями перед самым экзаменом. Но и отпустить его, ничего не сказав, чтобы он вернулся потом в опустевший дом, тоже казалось нечестным.

А решать надлежало ей. Еще в первой половине того дня она стала его опекуном. Необходимые бумаги были уже подписаны и скреплены печатями; суд это решение утвердил. И теперь Элен вдруг обнаружила, что жизнь «родителя» состоит отнюдь не из одних лишь удовольствий. Гораздо больше это напоминало душевные переживания, выпавшие на ее долю, когда ей впервые пришлось участвовать в заседании трибунала.

Поняв, что ее «ребенок» никак не успокаивается, она настояла, чтобы он лег в постель, и долго гладила по спине, повторяя гипнотические команды: «Спать, спать, спать…» Затем, когда ей показалось, что Род уснул, Элен тихо вышла из комнаты.

Однако Род не уснул; ему просто захотелось побыть одному. И наверно, еще целый час мысли его метались от бесполезных предположений о болезни отца к таким же бесполезным попыткам представить, что ждет его утром… Как, интересно, встретятся они через двадцать лет? Ведь ему

будет почти столько же, сколько маме…

Он наконец осознал, что ему надо спать, и принялся внушать себе, что пора успокоиться, изгнать тревожные мысли и уйти в гипнотический транс. Времени на это ушло гораздо больше, чем обычно, но в конце концов Род провалился в большое золотистое облако сна.

Проснулся он лишь от второго сигнала будильника, но даже после холодного колючего душа глаза слипались и очень хотелось спать. Род посмотрел на себя в зеркало и решил, что там, куда он отправляется, можно ходить небритым, да и времени оставалось мало. Потом все-таки решил побриться, болезненно переживая из-за редкой мальчишеской поросли на щеках.

Мама еще не встала, но она никогда и не просыпалась так рано. Отец последнее время почти не завтракал, и Рода вдруг кольнуло воспоминание, отчего это. Но он ожидал, что сестренка все-таки выйдет попрощаться. В довольно мрачном настроении он прошел в столовую, снял крышку со своего подноса и обнаружил, что мама забыла заказать завтрак, а такое на его памяти случалось, может быть, всего раз или два. Род сделал заказ сам и сел ждать — еще десять минут потерянного времени.

Элен — на удивление не в халате, а в платье — появилась, когда он уже собирался уходить.

— Доброе утро.

— Привет, сестренка. Тебе, видимо, придется заказывать утреннюю кормежку самой. Мама забыла, а я не знал, что ты захочешь.

— Я уже давно позавтракала. Ждала, когда ты соберешься. Хотела проводить.

— Ладно. Пока. Я уже опаздываю. Надо бежать.

— Я тебя не задержу. — Она подошла и обняла Рода. — Не дрейфь, парень. Это самое главное. От волнения умирают чаще, чем от ран. И если придется бить, бей ниже пояса.

— Хорошо. Я запомню.

— Запомни. Я продлю свой отпуск, чтобы встретить тебя, когда ты вернешься. — Она поцеловала его и добавила: — А теперь беги.

Доктор Мэтсон сидел за столом рядом с помещением, где выдавали снаряжение, и отмечал в своем списке прибывших. Когда появился Род, он оторвал взгляд от бумаг и сказал:

— Привет, Уокер. Я думал, ты все-таки решил поступить разумно.

— Извините, сэр, что я опоздал. Дома много всякого произошло.

— Не беспокойся. Я однажды знал человека,

которого не расстреляли на рассвете, потому что он проспал.

— В самом деле? Кто это?

— Один молодой парень, которого я знал. Я сам.

— Не может быть, сэр. Вы хотите сказать, что вас…

— Увы, я все это придумал. Хорошие истории редко бывают правдивы. Давай беги в амбулаторию и проходи обследование, пока они там совсем не разозлились.

Рода простукивали, просвечивали, затем снимали какие-то волнистые графики мозговой активности и подвергали всяким другим издевательствам, какие обычно придумывают врачи. Старший из них послушал его сердце и потрогал влажную ладонь.

— Боишься, сынок?

— Конечно боюсь, — буркнул Род.

— Ну и хорошо. Если бы ты не боялся, я бы не допустил тебя до экзамена. Что за повязка у тебя на ноге?

— Э-э-э… — Бинтовая повязка скрывала подаренный Элен нож, «Леди Макбет», в чем Род и признался с глуповатым видом.

— Сними.

— Сэр?

— Мне приходилось иметь дело с кандидатами, которые выкидывали подобные фокусы, чтобы что-то скрыть. Так что давай посмотрим.

Род принялся разматывать повязку. Врач молчал, пока не убедился, что Род действительно прячет там нож, а не заживающую рану.

— Можешь одеваться и идти к своему инструктору.

Род надел жилет с карманами, туго набитыми пайками и всякой всячиной, затем пристегнул к ремню флягу — гибкий пояс из пластиковых контейнеров, каждый на пол-литра жидкости. Вес распределялся на два плечевых ремня, и по одному из них, слева, шла трубка, через которую можно было пить, не снимая пояса. Он планировал растянуть этот скудный запас воды на все время испытания, чтобы избежать риска, связанного с грязными водоемами, и еще большей опасности, которая может подстерегать у водопоя. Если, конечно, там, куда их отправят, вообще можно будет найти воду.

Вокруг пояса Род обмотал двадцать метров тонкой, легкой, но очень прочной веревки. Трусы, рубаха с длинными рукавами поверх жилета, штаны и сапоги-мокасины — вот и вся экипиров-

ка. «Полковник Боуи» висел на поясе. В полном снаряжении Род выглядел несколько полнее, чем на самом деле, но снаружи было видно только нож. Комбинезон он нес на левой руке: очень удобная и полезная штука — капюшон, пристроченные ботинки и перчатки, которые, однако, можно отстегнуть, если надо делать что-то голыми руками, — но слишком уж теплая, чтобы надевать до тех пор, пока он действительно не понадобится. Род прекрасно понимал, что даже эскимосы боятся потеть.

Доктор Мэтсон ждал у входа на склад.

— Опоздавший мистер Уокер, — прокомментировал он, затем взглянул внимательно на раздутый торс Рода. — Бронежилет, сынок?

— Нет, сэр. Жилет с припасами.

— И сколько ты на себя нагрузил?

— Одиннадцать килограммов. В основном вода и сухие пайки.

— Хм, неплохо. Но снаряжение покажется тебе тяжелее гораздо раньше, чем оно станет легче. Никаких скаутских наборов для первопроходцев? Никаких надувных вигвамов?

— Нет, сэр. — Щеки у Рода налились краской.

— Можешь оставить теплый комбинезон. Я отправлю его тебе домой почтой.

— Спасибо, сэр. — Род передал ему комбинезон и добавил: — Я не был уверен, что он понадобится, но на всякий случай прихватил с собой.

— Он тебе уже понадобился.

— Сэр…

— Сегодня утром я выгнал пятерых, что явились без теплого снаряжения, и еще четверых, что явились со скафандрами. И тех и других за глупость. Им следовало понимать, что школьный совет просто не выбросит их в вакуум, в хлорную атмосферу или еще куда-нибудь в таком же духе без предупреждения об условиях экзамена. Нам нужны выпускники, а не жертвы. А вот холодный климат — это как раз в пределах условий.

Род снова взглянул на свой комбинезон:

— Вы уверены, что он мне не понадобится, сэр?

— Абсолютно. Но если бы ты его не взял, я бы тебя не допустил. А теперь иди получи огнестрельное. Оружейнику не терпится закрыть лавочку. Что ты решил взять?

Род с трудом сглотнул.

— Я решил не брать с собой огнестрельного, Мастер… виноват, доктор.

— Ты можешь смело называть меня по прозвищу, но только после экзамена. Однако твое решение меня заинтересовало. Как ты до этого

додумался?

— Мм… видите ли, сэр… Короче, так посоветовала мне сестра.

— В самом деле? Мне непременно нужно встретиться с твоей сестрой. Как ее зовут?

— Штурмовой капитан Элен Уокер, — гордо ответил Род. — Корпус Амазонок.

Мэтсон записал.

— Ладно, иди. Сейчас будут разыгрывать очередь.

Род замялся.

— Простите, сэр, — у него вдруг возникло какое-то недоброе предчувствие, — но, если бы я брал с собой огнестрельное оружие, что бы вы мне посоветовали?

Мэтсон тут же скорчил недовольную мину:

— Я целый год скармливал вам с ложечки все то, что узнал на собственной шкуре. А теперь подходит экзамен, и ты спрашиваешь у меня ответ, который должен знать сам. Я так же не вправе отвечать на твой вопрос, как не вправе был давать вчера советы насчет теплой одежды.

— Извините, сэр.

— Ты можешь, конечно, спросить. Только я на такой вопрос не отвечу. Давай-ка переменим тему. Эта твоя сестра, должно быть, очень славная

девушка…

— Да, сэр, так оно и есть.

— М-да. Если бы я встретил такую девушку раньше, возможно, я не был бы сейчас старым чокнутым холостяком… Ладно, иди тяни свой номер. Первый отбывает через шесть минут.

— Да, доктор.

По дороге к воротам Род миновал палатку, что поставил у дверей школьный оружейник, в этот момент он как раз протирал бесшумный «Сам-мерфилд». Род поймал его взгляд.

— Привет, Пушкарь!

— Привет, парень. По-моему, ты опаздываешь. Что будешь брать?

Род пробежал глазами по рядам сверкающих смертоносных игрушек. Может быть, какой-нибудь маленький игломет с ядовитой обоймой… Ведь вовсе не обязательно его использовать…

Тут он вдруг понял, что доктор Мэтсон все-таки ответил на его вопрос или, во всяком случае, намекнул.

— Нет, спасибо, Пушкарь. У меня уже есть все, что нужно.

— Хорошо. Удачи тебе и возвращайся скорей.

— Спасибо, — еще раз поблагодарил Род и вошел в зал, где размещались ворота.

Факультативный курс слушали более пятидесяти человек; дожидаясь начала экзамена, по залу расхаживали человек двадцать. Не успел Род оглянуться, как его позвал дежурный:

— Идите сюда! Тяните номер!

Номера тянули из большой чаши с капсулами. Род сунул туда руку, достал капсулу и раскрыл.

— Номер семь.

— Счастливый номер. Поздравляю! Ваше имя и фамилия?

Род назвался и повернулся к залу, ища, куда бы присесть, поскольку ждать ему оставалось еще минут двадцать. Потом принялся с интересом разглядывать однокашников: кто что посчитал необходимым взять с собой для выживания в «любых условиях».

Иоганн Браун сидел между двух пустых сидений, а причина, почему никто не пожелал занять эти места, устроилась на полу у его ног — здоровый, крепкий боксер с недобрым взглядом. Через плечо у Брауна висела «Молния» модели «Дженерал электрик», тяжелый разрядник с телескопическим прицелом и фокусировкой огневого конуса. Энергоблок Браун надел на спину вместо рюкзака. На пояс он прицепил бинокль, нож, аптечку и три сумки.

Род остановился, с восхищением разглядывая ружье и одновременно прикидывая, сколько же эта замечательная игрушка может стоить. Собака подняла голову и зарычала.

Браун успокаивающе положил руку ей на затылок.

— Держись подальше, — предупредил он. — Тор признает только меня одного.

Род сделал шаг назад.

— А ты неплохо вооружился, Иоганн.

Тот самодовольно улыбнулся:

— Мы с Тором собираемся жить охотой.

— С такой пушкой он тебе просто не нужен.

— Еще как нужен. Он у меня вместо сигнализации. Рядом с ним я могу спать спокойно. Рассказать, что он умеет, так ты не поверишь! Тор ничуть не глупее большинства людей.

— Ничего удивительного.

— Мастер было развыступался, что мы вдвоем, мол, уже группа и должны проходить ворота по отдельности. Ну я ему объяснил, что, если нас попытаются разделить, он тут всех разорвет в клочья. — Браун погладил собаку по ушам. — Так что один Тор стоит целого взвода пехоты.

— Слушай, а дашь попробовать стрельнуть из этой штуковины? Я имею в виду, когда мы

вернемся?

— Ради бога. Отличная игрушка. Воробья в воздухе берет так же легко, как лося за километр… Знаешь, что-то Тор нервничает. Позже поговорим.

Род понял намек, прошел дальше и сел, оглядываясь по сторонам и все еще надеясь найти напарника. Около закрытых ворот стоял священник, на коленях перед ним получал благословение кто-то из экзаменующихся. Еще четверо ждали поодаль.

Затем парень, что был перед священником, поднялся на ноги, и Род торопливо вскочил:

— Эй! Джимми!

Джимми Трокстон обернулся, поискал его глазами и, улыбнувшись, бросился к нему:

— Привет, Род! Я уж думал, что ты увильнул и оставил меня одного. Ты еще ни с кем не договорился?

— Нет.

— Предложение еще в силе?

— А? Конечно!

— Блеск! Я, когда пойду через ворота, могу объявить, что мы в паре, если только у тебя не второй номер. У тебя не второй?

— Нет.

— Отлично. Потому что у меня…

— НОМЕР ОДИН! — выкрикнул дежурный у ворот. — Трокстон, Джеймс.

Джимми Трокстон даже вздрогнул от неожиданности.

— Вот видишь!

Он поддернул пояс с пистолетом, повернулся к раскрытым воротам и, бросив через плечо: «Увидимся на той стороне!» — шагнул вперед.

Род успел крикнуть: «Джимми, как мы найдем!..» — но было уже поздно. Ладно, подумал он, если Джимми хоть что-нибудь соображает, у него хватит ума проследить, куда перемещаются ворота.

— Номер два! Мшийени, Каролина.

В противоположном конце зала поднялась высокая зулусская девушка, о которой Род думал днем раньше как о возможном напарнике, и направилась к воротам. Одета она была в рубашку и шорты — ни обуви, ни перчаток. Оружия тоже не было видно, но в руках Каролина держала небольшую сумку.

— Эй, Кэрол! — крикнул кто-то. — Что у тебя в сумочке?

— Камни, — ответила она с улыбкой.

— Да брось ты! Наверно, сандвичи с ветчиной.

Сбереги один для меня!

— Я сберегу для тебя камень, милый.

Совсем незаметно пролетели минуты, и дежурный выкрикнул:

— Номер семь! Уокер, Родерик.

Род торопливо подошел к воротам. Дежурный сунул ему какую-то бумагу, потом пожал руку:

— Удачи, парень! Не зевай! — С этими словами он хлопнул Рода по спине и подтолкнул к входу.

Оказавшись по ту сторону ворот, Род, к своему удивлению, обнаружил, что по-прежнему находится в помещении. Но еще более неожиданным оказались тошнота и головокружение: сила тяжести была явно меньше земной.

С трудом удерживая внутри себя завтрак, он лихорадочно соображал, что происходит. Где он? На Луне? На одном из спутников Юпитера? Или где-то еще?

Скорее всего, на Луне. Большинство дальних прыжков совершалось через Луну, чтобы избежать ошибок в настройке и не отправить путешественника ненароком куда-нибудь на светило, особенно если система состоит из двух звезд. Но не оставят же его здесь! Мэтсон обещал, что безвоздушных планет не будет.

На полу лежала пустая сумка, и Род догадался,

что это, должно быть, сумка Каролины. Наконец он вспомнил про бумагу, что вручили ему при входе, и взглянул на листок.

ЭКЗАМЕН НА ВЫЖИВАНИЕ В ОДИНОЧКУ

Инструкция по возвращению

1. Вы должны пройти через дверь впереди в течение отпущенных вам трех минут — прежде чем появится следующий экзаменуемый. Задержка свыше трех минут означает полную дисквалификацию.

2. Возврат будет объявлен традиционными звуковыми и световыми сигналами. Предупреждение: местность остается опасной и после подачи сигнала.

3. Выходные ворота не будут совпадать со входными. Выход может находиться в пределах двадцати километров в направлении восхода.

4. За воротами нет подготовленной зоны. Испытания начинаются сразу же! Остерегайтесь стоборов. Удачи!

Б. П. М.

Все еще борясь с подступающей тошнотой, Род продолжал разглядывать инструкцию, но тут в противоположном конце длинной узкой комнаты, где он находился, открылась дверь и оттуда донесся мужской голос:

— Быстрее! А то потеряешь право на участие.

Род торопливо бросился вперед, споткнулся, затем, пытаясь сохранить равновесие, перестарался и снова чуть не упал. Ему уже доводилось бывать в условиях пониженной гравитации во время экскурсий, и один раз родители брали его с собой в отпуск на Луну, но он все равно не привык к малой силе тяжести и с трудом доскользил до двери.

За ней оказалось еще одно помещение с воротами. Дежурный взглянул на таймер на стене и сказал:

— Двадцать секунд. Инструкцию надо вернуть.

Род вцепился в лист бумаги. «Двадцать секунд, но мои». *В пределах двадцати километров в направлении восхода*… Условно — на востоке. Пусть будет «восток». Но что это за чертовщина такая — стобор?

— Время! Время! — Дежурный выхватил у него инструкцию, створки откатились в стороны, и Рода толкнули через раскрытые ворота.

Упал он на четвереньки: сила тяжести за воротами оказалась почти земная, и неожиданная перемена застала Рода врасплох. Однако он остался лежать — молча, неподвижно, — потом быстро огляделся. Вокруг раскинулась широкая

равнина с высокой травой, кое-где торчали над морем травы деревья и кусты, а дальше начинался густой лес.

Род выгнул шею и посмотрел назад. Планета земного типа; почти нормальная сила тяжести; в небе — солнце, возможно звезда класса G; обильная растительность, но пока никаких признаков фауны, — впрочем, это еще ничего не значит, в пределах слышимости могут бродить сотни зверей. Даже этот чертов стобор.

Ворота остались позади. Их темно-зеленые створки, казалось, вот они — рядом, а на самом деле они были далеко-далеко. Ворота висели над высокой травой, ни на чем не держась, и явно не вписывались в примитивный пейзаж. Зная об их одностороннем контакте с этим миром, Род подумал было отползти за ворота, чтобы, оставаясь невидимым, видеть через занятое ими пространство, кто появится следующим. Эта идея напомнила ему, что сейчас его самого прекрасно видно с той стороны, и он решил двигаться.

Где, интересно, Джимми? Ему следовало бы остаться неподалеку и подождать, когда появится Род. Или же спрятаться где-нибудь поблизости. Единственный верный способ найти друг друга в такой ситуации — это первому подождать второ-

го. Род просто не знал, где искать Джимми.

Он снова огляделся, на этот раз внимательнее, и попытался представить себе, куда мог спрятаться Джимми. Ничего. Никакого намека… Но когда его взгляд вернулся к исходной точке, ворот на месте уже не оказалось.

Род почувствовал, как по его позвоночнику, по кончикам пальцев пробежал холодок страха. Он заставил себя успокоиться, решив, что, возможно, так даже лучше. Исчезновение ворот на самом деле вполне объяснимо: должно быть, их фокусируют заново после каждого испытуемого, чтобы разбросать «выживателей» на расстоянии в несколько километров друг от друга.

Хотя нет, как же тогда «в пределах двадцати километров к восходу»? Это ведь совсем небольшая зона.

Или… Может быть, все получили разные инструкции? В конце концов он признал, что ничего не знает наверняка, и от этого стало даже как-то спокойнее. Род не знал, где он сам, где Джимми или кто-нибудь из его группы. Не знал, что его здесь ждет. В одном лишь он не сомневался: человек может здесь выжить, если будет достаточно сообразителен. И удачлив.

Сейчас перед ним стояла только одна задача:

выжить в течение — пусть будет по максимуму — десяти земных дней. Он выбросил мысль о Джимми Трокстоне из головы, выбросил вообще все лишние мысли, оставив только необходимость постоянно быть настороже. Заметив по склоненным венчикам травы направление ветра, он — где ползком, где на четвереньках — двинулся в ту же сторону.

Решение далось нелегко. Первой мыслью было пойти против ветра, потому что это казалось естественным направлением для хищника. Но очень кстати пришелся совет сестры: без ружья или пистолета он чувствовал себя обнаженным и беспомощным, и это напомнило ему, что он сейчас не охотник. Его запах все равно разнесется ветром, и, двигаясь в ту же сторону, он, по крайней мере, мог рассчитывать заранее увидеть подкрадывающегося хищника, тогда как незащищенный тыл будет в относительной безопасности.

Что это такое там дальше, в траве?

Род замер, напряженно вглядываясь вперед. И точно: среди стеблей он заметил какое-то непонятное движение. Род насторожился и продолжал ждать. Вот опять, что-то движется впереди, справа налево. Словно темный стебель

с пучком растительности на конце — возможно, задранный хвост.

Он так и не узнал, что там бродил за зверь, да еще с таким странным хвостом — если это в самом деле был хвост. Существо остановилось точно напротив него по ветру, а затем рванулось в сторону и скрылось из виду. Род выждал несколько минут и пополз дальше.

Жара стояла невыносимая, рубашка и штаны вскоре пропотели насквозь. Очень хотелось пить, но Род держался, напоминая себе, что пяти литров не хватит надолго, если он начнет расходовать воду в первый же час. Небо затянуло пеленой перистых облаков, но светило — или «солнце», как он решил его называть, — палило нещадно даже через облачный покров. Солнце висело позади, низко над горизонтом, и Род невольно представил себе, какое будет пекло, когда оно окажется в зените. Утешало лишь то, что до леса было не так уж и далеко, а лес обещал прохладу. Или, во всяком случае, шанс избежать солнечного удара.

Прямо по ходу травяное поле плавно спускалось в небольшую низину, и над этой низиной без конца кружили похожие на ястребов птицы. Не двигаясь с места, Род продолжал наблюдать. «Да, братцы, — пробормотал он вполголоса, — если

вы ведете себя так же, как наши земные стервятники, значит там впереди кто-то мертвый, и вы, прежде чем начать свое пиршество, хотите убедиться, что он действительно мертв. Если так, я, пожалуй, проползу стороной и подальше. Не ровен час, нагрянет еще кто-нибудь, а мне что-то ни с кем не хочется встречаться…»

Он двинулся вправо, немного наперерез легкому ветерку, и в конце концов оказался рядом с каменистой осыпью на гребне невысокого холма. Решив посмотреть, что происходило внизу, Род перебрался, прячась за камни, ближе к краю осыпи и затаился под торчащим обломком.

Издалека казалось, что на земле лежит взрослый человек, а рядом с ним ребенок. Покопавшись в своих многочисленных карманах, Род извлек маленькую подзорную трубу с восьмикратным увеличением и пригляделся получше. «Взрослый» оказался Иоганном Брауном, «ребенок» — его собакой. Оба, без сомнения, были мертвы. Браун лежал, как тряпичная кукла, которую небрежно швырнули на пол: голова неестественно повернута почти на сто восемьдесят градусов, одна нога загнута назад. Горло и пол-лица — сплошное темно-красное пятно.

Пока Род наблюдал, откуда-то появилось по-

хожее на собаку существо, обнюхало боксера и вцепилось в труп зубами, а следом за ним, присоединяясь к пиршеству, спустился на землю и первый стервятник. Чувствуя подкатившую тошноту, Род опустил трубу. Да, бедняга Иоганн протянул недолго — может быть, на него напал тот самый стобор, — и даже его умный пес не смог ему помочь. Жаль. Но это доказывало, что в округе водятся крупные хищники, и лишний раз напоминало Роду, как осторожно надо себя вести, если он не хочет, чтобы шакалы и стервятники дрались из-за его останков.

Затем он вспомнил еще кое-что и вновь прильнул к окуляру. Великолепной «Молнии» Иоганна нигде не было видно, как и энергоблока к ружью. Род тихо присвистнул и задумался. Хищник, которому могло пригодиться ружье, без сомнения, передвигается на двух ногах. Род тут же вспомнил, что «Молния» бьет наповал почти на любом расстоянии в пределах прямой видимости, и теперь эта опасная игрушка оказалась в руках человека, который решил воспользоваться отсутствием закона в зоне проверки на выживание.

В данной ситуации единственное, что ему оставалось, — это не маячить в пределах прямой

видимости. Род сполз по рассыпанным камням и спрятался в кустах.

До леса оставалось меньше двух километров, и Род двинулся дальше. Оказавшись уже совсем рядом, он вдруг осознал, что солнце вот-вот сядет. Беспокойство гнало его вперед, заставляя торопиться и пренебрегать осторожностью. Ведь он собирался провести ночь на дереве, а забираться лучше всего еще засветло. Ночевать на земле, в незнакомом лесу, казалось еще опаснее, чем прятаться в траве.

Разумеется, он не потратил весь день только на то, чтобы добраться до леса. Хотя они прошли ворота «Темплтон» еще утром, то суточное время не имело никакого отношения к времени здешнему. Сюда его выбросили ближе к концу дня, и, когда Род достиг первых высоких деревьев, уже почти смеркалось.

Вернее, было уже темно, и он решил рискнуть, потому что ничего другого не оставалось. Остановившись на границе леса, все еще в высокой траве, Род извлек из кармана складные «кошки». Сестра убедила его не брать с собой множество всяких приборчиков и приспособлений, но против «кошек» она не возражала. Это нехитрое приспособление для лазанья по столбам приду-

мали очень давно, но Род выбрал улучшенную, уменьшенную и облегченную конструкцию — вместе с креплениями пара «кошек» из титанового сплава весила не больше ста граммов. Кроме того, они очень компактно складывались.

Род разложил их и, защелкнув крепления вокруг лодыжек и под стопами, затянул ремни потуже. Затем еще раз оглядел выбранное дерево — высокое, с развесистой кроной и стоящее достаточно далеко в глубине леса, чтобы в случае чего можно было воспользоваться «черным ходом», то есть перелезть на соседнее. Высокий, но не очень толстый ствол — он вполне мог обхватить его руками.

Прикинув маршрут, Род выпрямился и затрусил к ближайшему дереву, обогнул его, потом повернул налево к следующему, обогнул и это и наконец взял чуть правее, нацелясь на то, которое выбрал. Но когда до дерева оставалось метров пятнадцать, что-то рванулось из темноты прямо на него.

Оставшееся расстояние он преодолел за одно мгновение — возможно, даже быстрее, чем сработала бы гиперпространственная машина Рамсботхэма, — и добрался до первого сука в десяти метрах от земли, буквально взлетев. Даль-

ше Род карабкался более привычным способом — всаживая когти в гладкую кору дерева или опираясь ногами на сучья, когда они стали попадаться достаточно часто.

Метрах в тридцати от земли он наконец остановился и посмотрел вниз. Сучья мешали, и под деревьями было гораздо темнее, чем на открытой местности, однако Роду все же удалось разглядеть расхаживающего там обитателя леса, что почтил его своим вниманием.

Он попытался найти точку, с которой будет лучше видно, но света с каждой минутой становилось все меньше. Хищник здорово напоминал… Одним словом, если бы Род не был уверен, что его забросили на неосвоенную планету бог знает как далеко от дома, он бы сказал, что это лев.

Только в несколько раз больше, чем обычно бывают львы.

Оставалось надеяться, что зверюга не лазит по деревьям. Впрочем, напомнил себе Род, будь это зверю под силу, он бы уже пять минут назад переваривался в желудке хищника. Понимая, что нужно устроить место для ночлега до полной темноты, он полез выше, выискивая удобные сучья.

В конце концов, когда уже казалось, что придется спускаться ниже, Род нашел то, что искал, — два

крепких сука как раз на таком расстоянии друг от друга, чтобы можно было повесить гамак, — и принялся за дело наперегонки с наступающей темнотой: достал из кармана жилета гамак-паутинку из прочных, как паучий шелк, волокон и почти такой же легкий и тонкий, затем размотал веревку на поясе, привязал гамак к сучьям и попробовал туда влезть.

Не тут-то было. Для хорошего акробата с цепкими пальцами это не составило бы труда. Эквилибрист, привыкший ходить по канату, просто прошел бы по суку и забрался в гамак. Но Род едва не свалился с дерева: нужно было за что-то держаться.

Гамак — штука практичная, и Роду уже приходилось спать в гамаке. Сестра тоже одобрила его выбор, заметив, что у него он даже лучше, чем те, которые выдавали им.

— Главное, не садись, когда проснешься, — добавила она.

— Не буду, — заверил ее Род. — Кроме того, я всегда пристегиваю нагрудный ремень.

Но никогда раньше ему не приходилось забираться в гамак в таких условиях: встать под гамаком не на что, а верхние сучья слишком высоко. После нескольких неуклюжих попыток, от

которых сердце то и дело уходило в пятки, он уже начал думать, что придется провести всю ночь на суку, как птица, или оседлать его, прислонившись спиной к стволу. Спускаться вниз, когда там бродит эта тварь, было просто немыслимо.

Высоко над гамаком торчал еще один сук. Может быть, если перекинуть через него веревку, а затем, держась за нее…

Попробовал. Но уже совсем стемнело, и веревку он не потерял только потому, что другой ее конец крепил гамак к сучьям. Род наконец сдался и решил попытаться в последний раз. Держась изо всех сил руками по обе стороны от веревки у изголовья, он медленно, осторожно опустил в гамак ноги и стал сползать сам. Вот он уже наполовину в гамаке… Дальше требовалось лишь следить, чтобы центр тяжести тела оставался низко, и не делать никаких резких движений, пока он сползает в свой паутинчатый кокон.

Почувствовав, что устроился надежно, Род глубоко вздохнул и позволил себе расслабиться. В первый раз за весь день ему было и удобно, и спокойно.

С минуту он упивался отдыхом, а после, отыскав губами ниппель трубки от канистры с водой и сделав два осторожных глотка, занялся приго-

товлением ужина. Для этого нужно было лишь извлечь из кармана четвертькилограммовый брусок походного концентрата: тысяча сто калорий в белках, жирах, углеводах и глюкозе плюс необходимые добавки. Этикетка на обертке, уже неразличимая в темноте, сообщала, что концентрат «хорош на вкус, возбуждает аппетит и имеет приятную консистенцию», хотя на самом деле положить перед настоящим гурманом этот концентрат и старую подметку, так еще неизвестно, что тот выберет.

Но, как говорится, голод — лучшая приправа. Род не уронил ни крошки и, когда доел, даже облизал обертку. Очень хотелось вскрыть новый пакет, но он подавил в себе это предательское желание и лишь отпил еще один глоток воды, а затем натянул над головой москитную сетку и пристегнул ее к ремню на груди. Его иммунная система могла справиться с большинством земных болезней, которые передаются через насекомых, а инфекционные заболевания Внеземелья почти никогда не причиняли человеку вреда, но все равно не хотелось, чтобы местные ночные кровососы рассаживались на лице и устраивали себе кормежку.

Даже в легкой одежде было слишком жарко,

и Род уже начал подумывать, а не раздеться ли ему до трусов: планета — или, во всяком случае, эта ее часть — здорово напоминала тропики. Но снимать рубашку, жилет с припасами и брюки, лежа в гамаке, казалось почти невыполнимой задачей, и он решил, что проведет первую ночь как есть, пусть даже придется попотеть и потратить лишний литр воды.

Интересно, что это за планета, подумал Род, пытаясь разглядеть небо сквозь пышную крону в надежде отыскать знакомые звезды. Но или крона была слишком густой, или небо затянуло облаками, только он ничего не увидел. Выбросив из головы все лишние мысли, Род попытался уснуть.

Прошло десять минут, сон по-прежнему не шел, и он лежал, вслушиваясь в ночь еще более настороженно. Занимаясь своим гамаком, а затем ужином, Род почти не обращал внимания на далекие звуки; теперь же все ночные голоса словно приблизились. Насекомые жужжали, гудели и пели, шелестела листва, а внизу кашлял какой-то невидимый зверь. В ответ на кашель вдруг раздался безумный хохот — он становился все громче, потом так же неожиданно стих, перейдя в сдавленный астматический хрип.

Роду очень хотелось верить, что это всего лишь какая-нибудь птица.

Затаив дыхание, он невольно продолжал вслушиваться в близкие и далекие звуки, затем, спохватившись, приказал себе успокоиться. По крайней мере девять десятых потенциальных врагов ничем не могли ему угрожать. Даже змея, если такие тут водятся, вряд ли заберется в гамак, и уж совсем маловероятно, что она нападет, если он будет лежать неподвижно. Змеи, хоть у них и крошечные мозги, редко интересуются чем-то бóльшим, чем они способны заглотить. И едва ли в этой кроне прячется какое-нибудь существо, достаточно крупное, чтобы быть опасным, или достаточно заинтересованное в нем как в жертве. «Так что, приятель, — сказал себе Род, — не обращай внимания на все эти странные звуки и спи. В конце концов, шум от транспорта в городах бывает и хуже».

Вспомнилась лекция Мастера о вреде лишних тревог, об опасностях, подстерегающих человека, когда тот слишком быстро приходит в возбуждение и слишком долго ждет в напряжении. Как сказала сестра, от волнения умирают чаще, чем от ран. Род снова попытался заснуть.

И это ему почти удалось. Из сладкой полудремы

его вырвал новый донесшийся издалека звук, и он невольно привстал, вслушиваясь. Казалось, это человеческий голос — да, и в самом деле человеческий… Истошный плач взрослого человека, безудержное, надрывное рыдание.

Род просто не знал, что делать. С одной стороны, это его не касается, здесь каждый сам за себя, но слышать эту жуткую агонию и ничего не предпринимать… Может, надо слезть и отыскать в темноте этого беднягу? Спотыкаясь о корни, напомнил он себе, проваливаясь в ямы и, возможно, двигаясь в пасть какой-нибудь большой и голодной твари…

Что же делать? Имеет ли он право не помочь?

Вопрос решился сам собой. На плач вдруг ответили плачем — теперь гораздо ближе и громче. Этот голос уже не походил на человеческий, хотя чем-то напоминал первый, и от неожиданности Род чуть не вывалился из гамака. Спас ремень.

Затем ко второму голосу присоединился третий, снова далекий, и спустя несколько секунд ночную тишину заполнили всхлипы и дикий вой, — казалось, ужас, агония, непереносимое горе охватили всю равнину. Теперь уже Род понял, что это не люди, но ничего подобного он за всю жизнь никогда не слышал. И не припоминал,

чтобы кто-то о таком рассказывал. Наверно, это и есть те самые стоборы, о которых его предупреждали, неожиданно решил он.

Но что они собой представляют? Как избежать встречи с ними? Ближайший голос, казалось, доносился даже откуда-то сверху, может быть с соседнего дерева. Или с *этого*?

Что делать, если столкнешься со стобором в темноте? Плюнуть ему в глаза? Или пригласить его на тур вальса?

В одном только Род не сомневался: тварь, которая так разоряется ночью в джунглях, скорее всего, ничего не боится. Следовательно, бояться должен он. Но делать было нечего, и Род по-прежнему лежал неподвижно. Его страх выдавали лишь напряжение мышц, гусиная кожа и холодный пот. Адский концерт продолжался, и ближайший стобор вопил чуть ли не над самым ухом. Во всяком случае, так Роду казалось.

Еще немного, и он, наверное, отрастил бы крылья и взлетел. До этого ночевать одному в лесу ему доводилось лишь на Земле, на Северо-Американском континенте. Там опасности известны, да и не так велики: вполне предсказуемые медведи, изредка — ленивая гремучая змея; встречи с ними избежать было нетрудно.

Но как можно обезопасить себя от чего-то совершенно неизвестного? Стобор — Род решил, что так и будет называть этого ночного зверя, — возможно, прямо сейчас подбирается к нему все ближе и ближе, разглядывает в темноте и думает, утащить ли его в берлогу или сожрать на месте.

Может, надо куда-то перебраться?.. Но вдруг он попадет прямо в когти стобору? Что ж, беспомощно ждать, когда зверь ударит его лапой? Может быть, стоборы не нападают на деревьях… Но ведь, может, и наоборот, они только здесь и охотятся, а его единственная надежда — спуститься как можно скорее вниз и провести ночь на земле…

Что за зверь этот стобор? Как он охотится? Где и когда опасен? Очевидно, Мастер предполагал, что вся группа знает ответы на эти вопросы. Может, они проходили стоборов как раз в те дни после Нового года, когда его не было в школе? Или он просто забыл… а теперь поплатится за это своей жизнью. Род неплохо разбирался в зоологии Внеземелья, но это слишком обширная область знаний, чтобы усвоить их все. Да что там говорить: даже земная зоология нередко преподносила ученым прошлого загадки. А тут десятки планет — кто в состоянии запомнить так много?

Это просто несправедливо!

Когда у него в мыслях всплыл этот древний и бесполезный протест, Роду вдруг привиделся Мастер с его доброй, насмешливой улыбкой, и он услышал его сухое ворчание: «Справедливость? Неужели ты ждал еще и справедливости, сынок? Это не игра. Я ведь пытался убедить тебя, что твое место в городе, что ты слишком мягок и неразумен для такой жизни. Но ты меня не послушал».

Род почувствовал, что зол на своего инструктора, и страх уступил место раздражению. Джимми прав: этот съест родную бабку и не поморщится. Холодная бесчувственная рыба!

Однако ладно. Как бы на его месте поступил Мастер?

И снова ему послышался голос Мэтсона, когда тот отвечал на вопрос, заданный кем-то из класса: «Делать мне ничего не оставалось, и я прилег вздремнуть».

Род немного поворочался и, положив руку на рукоять «Полковника Боуи», снова попытался уснуть. Из-за сумасшедшего гвалта это было почти невозможно, но в конце концов он решил, что стобор на его дереве — или на соседнем? — вроде бы не приближается. Впрочем, и без того казалось, что, подползи зверь чуть-чуть ближе, Род уже почувствует его дыхание. Но нападать

он, похоже, не собирался, и на том спасибо.

Спустя какое-то время Род и в самом деле заснул, хотя легче от этого не стало. Ему снилось, что хнычущие, улюлюкающие стоборы окружили его плотным кольцом и, глядя из темноты, ждут, когда он шевельнется. Однако Род был связан по рукам и ногам и не мог сдвинуться с места.

Когда же он поворачивал голову, чтобы узнать, как все-таки выглядит стобор, они отступали в темноту, и он каждый раз успевал заметить только красные глаза и длинные зубы. Это было хуже всего.

Проснулся он неизвестно от чего, весь в холодном поту. Попытался подняться, но ремень удержал его на месте, и Род заставил себя лечь. Что произошло? Что его разбудило?

Со сна он не сразу понял, что случилось. Прекратился гвалт. Ни одного стобора — ни близкого, ни далекого — не было слышно. Это насторожило Рода еще больше: воющий стобор выдает себя голосом, а вот молчащий мог скрываться где угодно. Возможно, ближайший к нему сидит на суку прямо у него над головой. Род выгнул шею и, чтобы лучше видеть, убрал москитную сетку, но все равно было слишком темно. Кто их знает, может, они сидят там уже по трое в ряд…

Впрочем, наступившая тишина вскоре подействовала на Рода успокаивающе, и он стал прислушиваться к другим ночным звукам, казавшимся почти безобидными после той адской какофонии. Род решил, что вот-вот наступит утро и лучше будет больше не засыпать.

Потом уснул.

Во второй раз он проснулся от ощущения, что на него кто-то смотрит. Вспомнив, где он находится, и поняв, что еще темно, Род подумал, что ему опять приснилась какая-то муть. Он поворочался, повертел головой и снова попытался заснуть.

Нет, кто-то и в самом деле на него смотрит!

Глаза привыкли наконец к темноте, и он разглядел на суку у ног какой-то темный ком. Черное на черном — он даже не мог сказать с уверенностью, как существо выглядит. Но два чуть светящихся глаза не мигая глядели на него в упор.

«Делать мне ничего не оставалось, и я прилег вздремнуть». Роду это было не под силу. Казалось, целую вечность они с неизвестным существом смотрели друг на друга, не отводя взгляда. Род сжал пальцы на рукоятке ножа и замер, борясь с оглушительным стуком сердца и пытаясь сообразить, как он будет отражать нападение, лежа в гамаке. Зверь тоже не шевелился и не издавал ни

звука. Просто глядел, и похоже было, собирался просидеть так всю ночь.

Испытание нервов тянулось невыносимо долго, и Род уже готов был закричать, чтобы прекратить это издевательство, но тут зверь, едва слышно царапая когтями, двинулся к стволу и исчез. Род почувствовал, как спружинил сук, и понял, что существо весит по крайней мере столько же, сколько он сам.

Он снова решил не засыпать. Небо вроде бы стало чуть светлее. Род пытался убедить себя в этом, но все равно не видел даже своих рук. Оставалось считать до десяти тысяч — и тогда придет заря.

Неожиданно вниз по стволу дерева скользнуло что-то очень большое, за ним еще одно такое же существо и еще. Не останавливаясь у гамака Рода, они бесшумно спустились вниз. Род с облегчением сунул нож обратно в ножны и пробормотал: «Ну и соседи попались! Носятся тут...» Он подождал еще немного, но наверх торопливая процессия так и не вернулась.

В третий раз его разбудил яркий солнечный луч. Род чихнул и открыл глаза. Попытался встать, и снова его удержал на месте ремень безопасности. Наконец он совсем проснулся и тут же об этом пожалел: нос был забит, глаза слезились,

во рту стоял отвратительный привкус, на зубах налипла какая-то гадость, и в довершение всего болела спина. Он попробовал изменить позу и обнаружил, что ноги болят тоже. И руки, и голова. Шея просто не поворачивалась.

Тем не менее Род был просто счастлив, что долгая ночь закончилась. Мир вокруг уже не казался угрожающим — скорее идиллическим. Забрался Род так высоко, что за ветками даже не видел земли внизу, но все равно оставался под плотной лиственной крышей джунглей, за которой не проглядывало ни кусочка неба, — он словно плавал в зеленом облаке. Деревья настолько плотно закрывали небо, что утренний луч, коснувшийся его лица, оказался единственным, проникшим так глубоко вниз.

Это напомнило Роду, что надо бы запомнить, где восходит солнце. Оказалось, это не так просто. Солнце едва ли можно будет увидеть с земли… Может быть, пока оно не поднялось слишком высоко, есть смысл быстро слезть и выбежать посмотреть на равнину?.. Потом он заметил, что яркий луч светит как раз из развилки в кроне еще одного лесного гиганта, стоящего в пятнадцати метрах от его дерева. Отлично, решил Род, будем считать, что это дерево «стоит к востоку»; позже

на земле можно будет заметить направление.

Выбираться из гамака оказалось не легче, чем влезать в него, да и разболевшиеся мускулы отчаянно протестовали против такого насилия. Но в конце концов Род выбрался, с трудом удерживая равновесие, уселся на сук и пополз к стволу. Там он выпрямился, преодолевая боль в мышцах, и, держась за ствол, сделал несколько приседаний, чтобы хоть немного размяться. Постепенно боль унялась, и только шея по-прежнему ныла.

Сидя спиной к стволу, Род позавтракал и выпил немного воды. На этот раз он даже не особенно прислушивался к тому, что происходило вокруг, рассудив, что ночные охотники уже спят, а дневные вряд ли гоняются за жертвами по верхушкам деревьев — во всяком случае, крупные, которым положено охотиться на земле, ловить травоядных. Да и выглядело его зеленое укрытие слишком мирно, чтобы таить какую-либо угрозу.

Род закончил завтрак, но продолжал сидеть, раздумывая, не выпить ли еще воды и не забраться ли опять в гамак. Предыдущая ночь показалась ему самой длинной в его жизни, но он смертельно устал, а дневная духота и жара уже давали о себе знать. Хотелось лечь и уснуть. Да и почему нет? Ведь у него одна задача — выжить, а проспав

еще несколько часов, он даже сэкономит воду и пищу.

Возможно, Род так бы и поступил, но он не знал, сколько сейчас времени. Часы показывали без пяти двенадцать, но как узнать — полдень это воскресенья или полночь наступающего понедельника? Он не сомневался, что планета вращается медленнее Земли: ночь тянулась, наверное, целые земные сутки.

Значит, испытания продолжались уже по крайней мере двадцать шесть часов; возможно, даже все тридцать восемь, а сигнал к возвращению могут дать в любое время через сорок восемь часов после начала экзамена. Не исключено, что сигнал будет уже сегодня, до заката, а он пока что живой и прекрасно себя чувствует, еды достаточно и еще вдоволь чистой воды.

От этих мыслей настроение у него заметно улучшилось. Что такое какой-то стобор по сравнению с человеком? Разве что голос громкий.

Однако до выходных ворот может быть километров двадцать к «востоку» от точки выброски. Значит, нужно пройти километров десять, и когда появятся ворота, он наверняка окажется в километре или двух от них. Надо двигаться, а затем окопаться и ждать. Может быть, он уже

сегодня будет спать дома — разумеется, после горячей ванны.

Род принялся отвязывать гамак, напомнив себе, что надо заметить время от восхода до заката, чтобы определить продолжительность здешних суток. Потом эта мысль забылась, потому что ему никак не удавалось сложить гамак, а сложить его нужно было очень аккуратно, иначе он просто не поместился бы в карман. Лучше всего, конечно, в таком случае расстелить его на столе, но здесь самой большой ровной поверхностью служила его ладонь.

В конце концов Род справился, с грехом пополам запихал гамак на место и полез вниз. На самом нижнем суку он остановился и внимательно огляделся: огромной голодной твари, что погналась за ним вечером, нигде не было видно, но кто его знает — кустарник внизу здорово разросся. Род заметил себе, что здесь ни в коем случае нельзя уходить слишком далеко от деревьев, на которые, если что, можно взобраться. А то замечтаешься, и привет…

Ладно, теперь сориентироваться… Где там дерево, которое отмечает «восток»? Это? Или вот то? Род понял, что запутался, и отругал себя за то, что не воспользовался компасом сразу. По правде

сказать, он просто забыл наверху про компас. Теперь же от него никакого толку, поскольку восток по компасу вовсе не означает ту сторону, откуда на этой планете восходит солнце, а вниз, под кроны деревьев, лучи светила не проникали — весь лес стоял окутанный призрачным мистическим светом, не дававшим теней.

Впрочем, открытая равнина не так далеко. Нужно будет выбраться и проверить. Род спустился к самой земле, спрыгнул в мягкий пружинистый мох и двинулся, как ему показалось, к равнине, считая шаги и настороженно глядя по сторонам.

Через сто шагов он остановился и пошел обратно. Отыскал «свое» дерево и внимательно осмотрел. Вот здесь он слезал: внизу отпечатались следы. А с какой же стороны он поднимался? От «кошек» должны остаться отметины…

Вскоре Род нашел их и был немало удивлен своим собственным достижением: царапины начинались примерно на уровне его головы. Однако царапины указывали направление, откуда он бежал, и через пять минут Род вышел к равнине, которую пересек днем раньше.

Здесь лежали четкие тени, и Род сверился с компасом. По чистой случайности восток совпадал с «востоком», и теперь оставалось только следо-

вать указаниям стрелки. Дорога вела через лес.

По лесу Род просто шел. Ползти, как днем раньше, уже не было необходимости, но он старался идти бесшумно и поменьше торчать на виду, постоянно оглядывался, сворачивая то вправо, то влево, чтобы быть поближе к деревьям, на которые легко взобраться, и часто сверялся с компасом.

Не забывал он и считать шаги. Полторы тысячи шагов по пересеченной местности — это примерно километр, и Род решил, что пятнадцать тысяч выведут его в район появления ворот, где он планировал устроиться понадежнее и дождаться возвращения.

Но, даже считая шаги, следя за компасом, высматривая хищников, змей и прочие опасности, Род успевал наслаждаться природой и погодой. Ночные страхи полностью оставили его, настроение поднялось, и казалось, все ему теперь нипочем. Он, конечно, двигался осторожно, старался не терять бдительности, но местность и в самом деле уже не казалась опасной, что бы там ни говорили о стоборах.

Лес, решил он, относится скорее к лесам переменно-влажного типа: растительность была не настолько густая, чтобы приходилось прорубать

дорогу. То и дело встречались протоптанные зверьем тропинки, но Род старательно обходил их стороной, опасаясь, что где-нибудь у такой тропинки может притаиться хищник, поджидающий, когда появится его завтрак, — Рода такая роль совсем не прельщала.

Травоядных всяческих форм и размеров тоже хватало. Многие очень напоминали антилоп, но увидеть их было довольно трудно: защитная окраска почти сливалась с растительным фоном. Однако даже те, которых Род видел мельком, убедили его, что в лесах полно живности. Этих он тоже обходил стороной — ведь он явился сюда не охотиться и прекрасно понимал, что даже травоядные с их копытами и рогами могут быть опасны — и сами по себе, и тем более в стаде.

Мир над головой был заселен не менее обильно — и птицами, и различными животными, живущими на деревьях. Несколько раз Род замечал семейства похожих на обезьян существ, и у него возникла мысль, что и на этой планете, возможно, развились гуманоиды. «Что же это все-таки за планета?» — подумал он в который раз. Почти Земля с точностью до нескольких знаков после запятой, — кроме непривычно долгого дня. Видимо, ее открыли совсем недавно, иначе тут было

бы полно колонистов. Без сомнения, планета высшей категории. Выжечь траву на той большой равнине, где он полз вчера, и получится отличное место для фермы с полями и пастбищами. Может быть, он даже вернется сюда когда-нибудь, чтобы помочь очистить планету от стоборов…

А пока надо смотреть, куда идешь, ни в коем случае не проходить под низкими ветками, не проверив заранее, кто там может прятаться, и вслушиваться, вглядываться в окружающий лесной мир, как пугливый заяц. Теперь Род по-настоящему понял слова сестры, когда та говорила, что человек без оружия сразу становится осторожным: у него вряд ли будет возможность применить оружие, если он позволит хищнику застать себя врасплох.

Именно эта повышенная осторожность заставила Рода понять, что кто-то идет за ним следом.

Поначалу возникло просто легкое предчувствие, но затем оно переросло в уверенность. Род несколько раз останавливался за деревом и, замирая, прислушивался. Дважды он прокрадывался кустами назад и возвращался по своим следам. Но кто бы это ни был, преследователь двигался так же бесшумно и маскировался ничуть не хуже его. Пожалуй, даже лучше.

Род подумал, что, возможно, есть смысл спрятаться на дереве и переждать преследователя, но желание поскорей достичь цели перевесило осторожность. Он убедил себя, что, двигаясь вперед, будет в большей безопасности, и, то и дело оглядываясь, пошел дальше, а спустя какое-то время и вовсе решил, что преследователь отстал.

Пройдя, по своим прикидкам, километра четыре, Род уловил запах воды, а еще через несколько минут вышел к оврагу, тянувшемуся как раз поперек дороги. Следы животных на тропе, вьющейся по краю оврага, убедили Рода, что она ведет к водопою, а таких опасных мест, он понимал, надо избегать. Поэтому Род быстро спустился вниз, двинулся по склону оврага в сторону и вскоре оказался у высокого берега, откуда уже был слышен плеск воды.

Подавшись в кусты, Род ползком двинулся к краю. Крутой берег возносился над речкой метров на десять и резко обрывался вниз справа и впереди, где выходил к реке овраг. Там и образовался небольшой затон с водоворотами, облюбованный зверьем для водопоя. Животных не было видно, но на глинистом берегу осталось множество следов копыт.

Нет, он не собирался пить в таком месте: там,

где легко пить, слишком легко можно умереть. Но его беспокоило, что место сбора оказалось на той стороне и придется перебираться через поток. Маленькая речка, скорее даже большой ручей — можно легко переплыть или перейти вброд, если найти подходящее место, — но это только на крайний случай, и то сначала нужно будет проверить, бросив в воду приманку, например только что убитое животное… В родных краях такие речушки вполне безопасны, но здесь тропики, и логично будет предположить, что в речке водятся местные разновидности аллигаторов, пираний или еще что-нибудь похуже.

По верхушкам деревьев тоже не перейдешь: слишком далеко берега друг от друга… Лежа в кустах, Род размышлял над неожиданной проблемой, затем решил идти вверх по течению в надежде, что где-нибудь найдется узкое место или поток разделится на маленькие ручейки, перебраться через которые будет легче…

И это была его последняя мысль.

Очнулся он быстро, без раскачки: рядом стояло и принюхивалось похожее на шакала существо. Род отмахнулся левой рукой, правой потянулся за ножом. Тварь отскочила назад, зарычала, но потом скрылась в листве.

Нож исчез! Это открытие сразу привело Рода в чувство. Он сел, но голова отозвалась дикой болью, и его качнуло. Род осторожно прикоснулся к затылку — пальцы оказались в крови. Потрогал еще и выяснил, что на затылке огромная, распухшая и очень болезненная шишка, но из-за плотной корки волос, спекшихся от крови, он не мог понять, цел череп или нет. Род не стал мысленно благодарить нападавшего за то, что остался жив: он не сомневался, что этим ударом его хотели убить.

Однако пропал не только нож. Род остался в одних трусах. Пропал драгоценный запас воды, жилет с пайками и десятком других незаменимых вещей: антибиотики, соль, компас, «кошки», спички, гамак — все пропало.

Первый приступ отчаяния тут же сменился злостью. То, что пропало продовольствие и снаряжение, — это вполне понятно: сам виноват, зазевался и забыл, что сзади могут напасть. Но часы, которые подарил ему отец!.. Тут уже чистый разбой, и кто-то за это поплатится!

От злости Род даже почувствовал себя лучше. И только сейчас заметил, что бинтовая повязка на ноге осталась нетронутой.

Коснулся рукой — нож на месте! Напавший на

него мерзавец, видимо, решил, что бинт ему ни к чему. Род размотал повязку и извлек из ножен «Леди Макбет».

Кто бы ни был этот человек, он ему дорого заплатит!

Глава 4
Дикарь

Род Уокер сидел на толстом нижнем суку, прячась в листве. Сидел уже два часа неподвижно и готов был, если понадобится, просидеть еще столько же. На поляне перед ним щипали траву несколько годовалых оленей, — во всяком случае, они походили на самцов оленей. Род ждал, когда один из них подойдет поближе: он был голоден.

И очень хотелось воды, потому что за этот день он не пил ни разу. Кроме того, у него подскочила температура — из-за трех длинных, плохо зажившихся царапин на левой руке. Но на царапины и температуру Род уже не обращал внимания: он все еще был жив и собирался жить дальше.

Один из оленей переместился ближе, и Род напрягся в ожидании удобного момента. Однако олень вскинул голову, бросил на дерево короткий взгляд и отошел в сторону. Похоже, он не заметил Рода, но, очевидно, еще в младенчестве мать научила его остерегаться нависающих ветвей или сотни тысяч поколений, борясь за выживание, отпечатали этот навык в его генах.

Род выругался про себя и снова замер. Рано или поздно один из них сделает ошибку, и тогда он наконец поест. Уже несколько дней Род думал только об одном — о еде, о том, как сохранить свою шкуру, о том, как напиться воды, не подвергаясь нападению из засады, о том, как устроиться на ночь, чтобы не проснуться в брюхе другого лесного хищника.

Заживающие раны напоминали о том, как дорого обошелся один из уроков этой науки: однажды он позволил себе отойти слишком далеко от дерева и в момент нападения даже не успел выхватить нож. Спасло его лишь то, что он сумел каким-то образом допрыгнуть до ветки и подтянуться, несмотря на раненую руку. Зверь, который располосовал ему руку когтями, был, как Роду показалось, той же породы, что гнался за ним в первую ночь. Более того, Род подозревал, что это и в самом деле был лев. У него даже возникла по этому поводу теория, но пока он не решался действовать на основе своих догадок.

За прошедшие дни Род сильно похудел и совсем потерял счет времени. Он понимал, что предельный срок окончания экзамена, скорее всего — нет, почти наверняка — уже прошел, но не помнил точно, сколько времени провел на раз-

вилке дерева, ожидая, пока хоть немного заживет рука, или сколько времени прошло с тех пор, как он, гонимый жаждой и голодом, слез. Возможно, думал Род, сигнал к возвращению дали, когда он лежал без сознания. Но сейчас у него были совсем другие заботы, и он почти не вспоминал об этом. Его больше не интересовал экзамен по выживанию — только само выживание.

И несмотря на слабость, шансов у него стало теперь гораздо больше, чем в первый день. Он во многом разобрался, перестал бояться каких-то вещей, что пугали его раньше, и, наоборот, научился относиться с осторожностью к тем, что прежде казались безобидными. Существа с дикими голосами, которых он окрестил стоборами, уже не вызывали у него страха: как-то днем он случайно спугнул такую тварь, и она подала голос. Размером не больше ладони, существо напоминало рогатую ящерицу, только с повадками древесной лягушки. Единственным ее талантом был голос: ящерица раздувала пузырь у шеи чуть ли не в три раза больше собственного объема, а затем испускала те самые, напугавшие его в первую ночь, вопли.

Больше она ничего не умела.

Род догадался, что это брачная песня, и на том

успокоился, хотя по-прежнему называл горластых тварей стоборами.

Узнал он и о свойствах лианы, очень похожей на земную эпомею: ее листья жгли, как крапива, только гораздо сильнее, и на какое-то время оставляли жертву парализованной. Еще на одной лиане росли большие, напоминающие виноград ягоды, очень симпатичные с виду и довольно приятные на вкус, — Род на собственном опыте узнал, что это сильнейшее слабительное.

Из своих собственных столкновений, едва не закончившихся трагично, и из полусъеденных останков жертв, встречавшихся в лесу, он знал, что в округе водятся хищники, хотя ни разу не видел ни одного толком. Судя по всему, хищных зверей, достаточно крупных, чтобы справиться с человеком, и способных лазить по деревьям, тут не было, но Род не мог знать этого наверняка и всегда спал, как говорится, только одним глазом.

По поведению стада он заключил, что есть хищники, которые охотятся таким же, как и он, способом, но пока судьба миловала, и он с ними не сталкивался… Оленята бродили по всей поляне, даже останавливались иногда под небольшими деревьями, но пока никто из них не польстился на траву под деревом Рода.

Так… Вот, кажется, один приближается… Спокойно… Род ухватил рукоять «Леди Макбет» покрепче и приготовился спрыгнуть на спину маленькому грациозному существу, когда оно пройдет под веткой. Но метрах в пяти олененок остановился, понял, похоже, что слишком удалился от стада, и собрался повернуть.

Род метнул нож.

Он услышал хлесткий удар и увидел, что из лопатки животного торчит лишь рукоять, спрыгнул в то же мгновение на землю и бросился к оленю, чтобы его прикончить.

Тот вскинул голову, повернулся и побежал. Род прыгнул, но не дотянулся, а когда он перекатился и вскочил на ноги, поляна уже опустела. Род почувствовал горечь и раздражение: он обещал себе никогда не бросать нож, если есть хоть малейший шанс, что он не сможет его вернуть. Но в тот момент он не дал воли чувствам и сразу же принялся искать следы.

Когда-то давно он запомнил первый закон спортивной охоты: раненого зверя обязательно надо выследить и добить; нельзя оставлять его умирать мучительно и долго. Но сейчас ничего спортивного в охоте не было, и Род собрался в погоню, чтобы съесть добычу и — что гораздо

важнее — чтобы вернуть свой нож, последнюю надежду на выживание.

Поначалу крови на земле не было видно, да и следы раненого оленя перепутались с сотнями других. Род три раза возвращался к поляне, начиная снова, и только после этого обнаружил первый кровавый след. Дальше стало легче, но Род сильно отстал, и, кроме того, напуганный олень двигался гораздо быстрее, чем он мог идти по следу. Жертва оставалась со стадом до следующей остановки за полкилометра от первой. Разглядывая оленей, Род притаился в кустах на краю поляны, но раненого животного среди них не было.

Странно. Ведь окровавленные следы вели сюда вместе со всеми остальными. Род возобновил преследование, и стадо снова бросилось бежать. Здесь он ненадолго потерял след, а когда снова нашел, обнаружил, что цепочка кровавых пятен ведет в сторону, в кусты. Это делало его работу одновременно и проще, и сложнее: проще, потому что уже не приходилось искать след среди сотен других, и сложнее, потому что продираться сквозь кустарник было трудно и опасно — ведь он сам не только охотник, но и возможная жертва. Кроме того, след в зарослях то и дело терялся.

Однако Род не унывал, зная, что только ослабевшее животное покидает стадо, чтобы спрятаться. Скоро, скоро он его отыщет…

Но олень не останавливался. Похоже, он хотел жить не меньше человека. Преследование продолжалось бесконечно, и Род уже начал задумываться, что же делать, если наступит ночь, а олень так и не сдастся. Нож-то, по крайней мере, нужно вернуть во что бы то ни стало.

Неожиданно он увидел второй след.

Кто-то наступил рядом с раздвоенным следом копыта раненого животного прямо на каплю крови. Дрожа от возбуждения и всеми своими чувствами прощупывая лес как радаром, Род бесшумно двинулся вперед. Снова след. Человеческий!

След ботинка. Однако Род одичал настолько, что открытие его даже не обрадовало, а скорее заставило насторожиться.

Спустя двадцать минут он их настиг — и оленя, и человека. Олень лежал на земле — или умер, или его добил второй охотник. Молодой парень — немного моложе его и мельче, оценил Род, — стоял на коленях и вспарывал оленю брюхо. Укрывшись в кустах, Род наблюдал и думал. Второй охотник слишком увлечен добычей, а сук вот

того дерева как раз нависает над прогалиной…

Несколькими минутами позже Род уже притаился на дереве, без ножа, но с длинным острым шипом в зубах. Он взглянул вниз: соперник оказался прямо под ним. Род переложил шип в правую руку и приготовился.

Охотник положил нож на землю, собираясь перевернуть тушу. Род прыгнул.

Он сразу почувствовал бронежилет, скрытый под рубашкой противника, и, мгновенно среагировав, приставил шип к его незащищенной шее.

— Не дергаться, или тебе конец!

Противник тут же прекратил попытки освободиться.

— Вот так-то лучше, — одобрительно произнес Род. — Мир?

Ответа не последовало, и Род прижал шип сильнее.

— Я не шучу, — сказал он строго. — У тебя есть только один шанс остаться в живых. Или ты обещаешь мир и держишь свое слово — тогда мы едим вместе, — или ты никогда больше не ешь. Мне лично абсолютно все равно, что ты выберешь.

Несколько секунд противник не мог решиться, затем сдавленным голосом произнес:

— Мир.

Все еще прижимая шип к шее противника, Род протянул руку и схватил нож, которым тот разделывал оленя, — его «Леди Макбет».

Спрятав его в ножны, он ощупал незнакомца и нашел еще один, на поясе. Достал, бросил шип в сторону и только тогда поднялся.

— Можешь вставать.

Парень поднялся с земли и смерил его хмурым взглядом:

— Отдай мой нож.

— Позже… если ты будешь хорошо себя вести.

— Я же обещал мир.

— Обещал. Повернись спиной, я хочу удостовериться, что у тебя нет пистолета.

— Я все оставил… У меня ничего нет, кроме ножа. Отдай.

— Где оставил?

Парень промолчал.

— Ладно, поворачивайся, — сказал Род, угрожающе выставив вперед нож.

На этот раз тот послушался, и Род быстро ощупал все места, где можно спрятать пистолет, убедившись заодно, что от пояса и выше у незнакомца сплошной бронежилет. Облачение самого Рода состояло из загара, царапин, нескольких

шрамов и грязных порванных трусов.

— А тебе не жарко таскать на себе столько металлолома? — спросил он добродушно. — Можешь повернуться. Только не подходи близко.

Парень повернулся, все еще храня мрачное выражение лица.

— Как тебя зовут, приятель? — спросил Род.

— Джек.

— А дальше? Меня зовут Род Уокер.

— Джек Доде.

— Ты из какой школы, Джек?

— «Понсе де Леон».

— А я из школы имени Патрика Генри.

— Из класса *Мэтсона*?

— Точно. У нас сам Мастер преподает.

— Я о нем слышал, — сказал Джек. Заметно было, что это произвело на него впечатление.

— Все слышали. Слушай, хватит болтать, а то скоро тут весь лес соберется. Давай поедим. Ты следи за моей стороной, а я буду следить за твоей.

— Тогда отдай мне мой нож. Как я буду есть?

— Не так быстро. Я тебе отрежу пару кусков. Все будет как в лучших домах.

Род продолжил надрез, начатый Джеком, затем полоснул вверх и, оттянув шкуру с правой лопат-

ки оленя, вырезал два больших куска мяса. Один кинул Джеку, сел на корточки и вцепился зубами в свой, не забывая, однако, глядеть по сторонам.

— Ты следишь? — спросил он.

— Разумеется.

Род оторвал упругий кус теплого мяса.

— Послушай, Джек, как они допустили до экзамена такого зеленого мальчишку? Тебе лет-то сколько?

— Ну уж не меньше, чем тебе!

— Сомневаюсь.

— Твое дело. Главное, допустили.

— Но тебе и на вид-то столько не дашь.

— Я здесь. И я жив.

Род улыбнулся:

— Убедил. Молчу.

Когда первая порция мяса удобно улеглась в желудке, он встал, разбил оленю череп и достал мозг.

— Хочешь половину?

— Спрашиваешь!

Род разделил десерт на две части и отдал одну Джеку. Тот принял свой кусок, задумался на секунду, потом буркнул:

— Соли хочешь?

— Соли? У тебя есть соль?

Джек, похоже, тут же пожалел о своей несдержанности.

— Немного. Не очень нажимай.

Род подставил свой кусок мяса:

— Посыпь чуть-чуть. Сколько не жалко.

Джек сунул руку куда-то между жилетом и рубашкой, извлек походную солонку, посыпал порцию Рода, затем пожал плечами и сыпанул еще.

— Ты что, не взял с собой соли?

— Я? — От такого аппетитного зрелища у него даже глаза заслезились. — Взял, конечно. Но… Короче, не повезло. — Род решил, что лучше будет не признаваться, как его застали врасплох.

Джек решительно убрал солонку. Они сидели, жевали и внимательно следили за лесом. Спустя какое-то время Род тихо сказал:

— Джек, сзади шакал.

— Только шакал?

— Да. Но пора рубить мясо и сматываться. Мы привлекаем внимание. Сколько тебе нужно?

— Заднюю ногу и кусок печени.

— Больше все равно съесть не успеешь. Испортится.

Род принялся рубить ножом задние ноги. Затем вырезал с живота полоску кожи и повесил свою

долю на шею.

— Ладно, парень, пока. Держи свой нож. И спасибо за соль.

— Не за что.

— Вкусно было невероятно. Ну, пока. Гляди в оба!

— Тебе того же. И удачи!

Род продолжал стоять на месте. Затем почти против своей воли спросил:

— Джек, а ты не хотел бы объединиться, а?

Он тут же пожалел о своем вопросе, вспомнив, как легко ему удалось справиться с этим парнем. Джек прикусил губу и задумался.

— Я… я не знаю.

Род почувствовал себя обиженным: неужели Джек не понимает, что ему оказывают услугу?

— А в чем дело? Ты меня боишься?

— Нет! Я думаю, ты свой человек.

У Рода возникло неприятное подозрение.

— Ты думаешь, я пытаюсь оттяпать у тебя соль?

— А? Бог с тобой. Хочешь, я поделюсь?

— Не надо. Я просто подумал… — Род умолк. Он подумал, что они оба прозевали сигнал к возвращению, и ждать предстояло теперь, возможно, очень долго.

— Я не хотел тебя рассердить, Род. Ты прав. Нам нужно объединиться.

— Да ладно. Я как-нибудь выживу.

— Не сомневаюсь. Но давай все-таки объединимся. Договорились?

— Мм… Держи.

Скрепив договор рукопожатием, Род сразу взял командование на себя. Никаких дискуссий не было. Он просто сделал это, и Джек согласился.

— Иди первым, — сказал Род, — а я буду прикрывать сзади.

— Хорошо. Куда мы идем?

— К тому холму ниже по течению. Там деревья удобные, и ночью там будет лучше, чем здесь. Нужно устроиться засветло, так что идем быстро и без разговоров.

— Ладно. — Джек задумался, потом неуверенно спросил: — Ты решил непременно ночевать на дереве?

Род выпятил губы:

— А ты собираешься провести ночь на земле? Как ты до сих пор выжил?

— Первые две ночи я действительно спал на деревьях, — неторопливо ответил Джек. — Но теперь у меня есть место получше.

— Да? Что за место?

— Что-то вроде пещеры.

Род задумался. Пещера, конечно, может превратиться в ловушку… Но возможность растянуться на ровной земле перевесила все остальные аргументы.

— Взглянуть не помешает, если это недалеко.

— Недалеко.

Глава 5
Новая звезда

Пещера Джека располагалась в одной из отвесных скал, вознесшихся над той самой речкой, где Рода ограбили. В этом месте холмы отгораживали небольшую долину, где в аллювиальных лугах прорезала себе мелкое устье петляющая речка. Вода вымыла в глинистом сланце карман, а сверху его закрывал огромный, нависающий над входом обломок известняка. Прямо под пещерой берег был слишком крут, чтобы забраться снизу, сверху мешала глыба известняка, а поток огибал пещеру почти по самому основанию скалы. Чтобы попасть внутрь, приходилось спускаться к воде по соседнему холму выше по течению, затем идти через луг вдоль речки, а дальше по наклонному глинистому берегу, тоже достаточно крутому.

Они взобрались по глиняной горке, протиснулись под нависающим обломком и очутились на твердом сланцевом полу пещеры. Одной стороной она открывалась к реке и уходила далеко в тело скалы, но стоять во весь рост можно бы-

ло только у самого входа. Дальше приходилось ползти на четвереньках. Джек швырнул внутрь пригоршню гальки и с ножом наготове встал у входа.

— Похоже, никого нет.

Они опустились на четвереньки и поползли.

— Как тебе тут?

— Блеск. Только нужно будет дежурить по очереди. Кто-нибудь может заползти так же, как мы. Пока тебе везло.

— Может быть. — Джек нащупал в полутьме сухие ветки шипастого кустарника и загородил ими вход, уперев концами в потолок. — Это моя сторожевая система.

— Если какая-нибудь тварь тебя учует, это ее не остановит.

— Конечно. Но я проснусь и дам ей отведать камней. У меня тут большой запас. И две сигнальные вспышки.

— Я думал… Ты говорил, у тебя есть ружье.

— Я не говорил, но есть. Однако стрелять в темноте — сам знаешь…

— А здесь нормально. Даже здорово. Похоже, я вовремя с тобой объединился. — Род огляделся. — Ого, у тебя тут и очаг есть!

— Да, пару раз разжигал, но только днем. Сырое

мясо так надоедает.

Род глубоко вздохнул:

— Знаю. Как ты полагаешь…

— Уже почти стемнело. Я ни разу не разжигал огонь, когда его могут заметить. Может, лучше поджарим печень на завтрак? С солью.

У Рода потекли слюнки.

— Да, ты прав, Джек. Но очень хочется пить, и пока не стемнело… Может, сходим вместе, чтобы один охранял другого?

— Ни к чему. У меня есть бурдюк с водой. Пей.

Род снова поблагодарил судьбу за то, что она свела его с таким запасливым хозяином. Раздувшийся от воды бурдюк был сшит из шкуры какого-то небольшого зверька, хотя что это за зверек, Род определить не сумел. Джек выскреб шкурку, но не выдубил, отчего вода пахла не особенно приятно. Однако Род не замечал этого, он напился вдоволь, вытер губы рукой и почувствовал себя совершенно умиротворенным.

Спать они легли не сразу: долго сидели в темноте и сравнивали свои наблюдения. Класс Джека забросили на день раньше, но с такими же инструкциями, и Джек согласился, что срок для сигнала к возвращению давно уже прошел.

— Должно быть, я его пропустил, когда лежал

без сознания, — сказал Род. — Я даже не знаю, как долго у меня была высокая температура. Наверно, я чуть не умер.

— Нет, не в этом дело, Род.

— Почему?

— Со мной было все в порядке, и я следил за временем. Никакого сигнала не подавали.

— Ты уверен?

— А как я его мог пропустить? Сирену слышно за двадцать километров. Днем они используют дымовые ракеты, а ночью прожекторы, и по закону, если все не вернутся раньше, это должно продолжаться неделю. Ничего такого и в помине не было.

— Может, мы слишком далеко? Честно говоря… Не знаю, как ты, но я в конце концов заблудился, чего уж тут скрывать…

— Нет. Мы примерно в четырех километрах от того места, где выбросили мой класс. Я даже могу показать тебе, где это. Так что, Род, нужно смотреть правде в глаза: что-то случилось, и теперь неизвестно, как долго мы тут проторчим, — сказал Джек, потом тихо добавил: — Поэтому-то я и решил, что будет лучше объединиться.

Род обдумал сказанное и решил, что пора рассказать о своей теории.

— Я тоже.

— Да. На несколько дней в одиночку безопаснее, но если мы застряли тут надолго…

— Я так не думаю, Джек.

— Что?

— Ты знаешь, какая это планета?

— Нет. Хотя я думал, конечно. Должно быть, она из совсем новых и очень похожа…

— Я знаю, где мы.

— Да ну? И где же?

— На Земле. На самой Земле.

Джек немного помолчал, потом спросил:

— Ты себя как чувствуешь, Род? У тебя нет температуры?

— Все у меня в порядке. Во всяком случае, теперь, когда я наелся досыта и напился. Послушай, Джек, я понимаю, это неожиданно, но тут все сходится. Мы на Земле, и я, кажется, даже догадываюсь, где именно. По-моему, они и не собирались подавать сигнал к возвращению; просто они ждут, когда мы сообразим, где нас выбросили, и выберемся сами. Такой трюк как раз в духе Мастера Мэтсона.

— Но…

— Подожди. Что ты все лезешь, как девчонка? Планета земного типа?

— Да, но…

— Дай мне договорить. Звезда класса G. Суточное вращение планеты такое же, как у Земли.

— Нет!

— Я сделал ту же ошибку. Первая ночь мне вообще показалась длиной в неделю. Но на самом деле я просто испугался до посинения, и поэтому ночь тянулась для меня бесконечно. Но теперь-то я уже не сомневаюсь, что суточное вращение то же самое.

— Не то же. По моему хронометру в сутках здесь примерно двадцать шесть часов.

— Когда вернемся домой, лучше отдай свои часы в починку. Ты, должно быть, ударил их о дерево или еще что.

— Но… Ладно, продолжай. Пленка за твой счет.

— Вот смотри. Флора такая же. Фауна такая же. Я знаю, как они это провернули и почему. И куда нас засунули.

— Как это?

— А так. Люди постоянно жалуются, что школьные налоги слишком высоки. Разумеется, держать планетарные ворота открытыми стоит немало, а уран на деревьях не растет. Я их даже понимаю. Но Мастер Мэтсон всегда говорил, что экономить здесь глупо. Да, мол, дорого, но дороже

отлично подготовленного исследователя или лидера поселенцев бывает только плохо подготовленный мертвый исследователь или лидер. Как-то раз после занятий он нам сказал, что эти жмоты, сторонники экономии, не раз предлагали проводить экзамены в специально отведенных для этого зонах на Земле. Но Мастер утверждает, что суть выживания во Внеземелье заключается в способности подчинять себе неведомое. Если бы испытания проводились на Земле, кандидаты просто изучали бы земные условия, и только. По его словам, любой бойскаут способен выучить шесть основных климатических зон Земли и запомнить из книг, как и что там следует делать, но было бы преступно называть это «обучением выживанию», а потом забрасывать человека во внеземные условия с его первым же профессиональным заданием. Как он говорит, это то же самое, что научить подростка играть в шахматы, а затем отправить его драться на дуэли.

— Он прав, — согласился Джек. — Капитан Бенбоу[29] говорил примерно так же.

— Конечно прав. Мастер даже пообещал, что, если такая политика будет принята за основу

---

[29] notes: 29
Джон Бенбоу (1653–1702) — знаменитый английский адмирал.

подготовки, он заканчивает год и уходит. Но я думаю, его перехитрили.

— Каким образом?

— А очень просто. Мастер забыл, что любое окружение кажется неведомым, когда не знаешь, где находишься. И они сделали так, чтобы мы ничего не узнали. Первым делом послали нас на Луну — там ворота открыты постоянно, так что ничего лишнего никто не тратил. А мы, разумеется, решили, что нас отправляют куда-то далеко. Кроме того — это опять же подействовало, — никто не ожидал, что нас выбросят при той же самой силе тяжести, а они именно это и сделали: вернули нас на Землю. Если ты спросишь куда, то, я думаю, в Африку. Видимо, через лунные ворота нас связали с «Уитоутерстрэндом» под Иоганнесбургом, а там уже все было готово, чтобы перебросить нас в буш. Может быть, это мемориальный парк Чаки или еще какой-нибудь заповедник. Все сходится. Множество травоядных, похожих на антилоп и оленей, хищники — я даже видел два раза львов и…

— Ты их *видел*?

— Во всяком случае, они очень похожи, а точно я скажу, когда у меня будет возможность снять с такого зверя шкуру. Но это не все. Небо могло их

выдать, особенно Луна, и они организовали плотный облачный покров. Готов спорить, где-нибудь не очень далеко работают климатические генераторы. И напоследок нам подбросили еще одну хитрость. Тебя предупреждали насчет стоборов?

— Да.

— А ты их видел?

— Честно говоря, я даже не знаю, что это такое.

— Вот и я не знаю. И думаю, никто не знает. Спорить готов, что стобор — это выдуманное «пугало», специально, чтобы нам было чем занять мысли. На Земле нет никаких стоборов, значит мы где-то еще. Такой трюк подействовал бы даже на такого недоверчивого типа, как я. Собственно говоря, и подействовал. Я, признаться, выбрал какую-то неизвестную мне тварь и окрестил ее стобором — как они и планировали.

— Выглядит логично, Род.

— Еще бы! Когда понимаешь наконец, что это Земля, — Род похлопал ладонью по полу, — и что они хотели скрыть это от нас, все сразу становится на свои места. Теперь нам нужно сделать вот что… Я собирался в одиночку, но с такой рукой не очень-то попутешествуешь, а теперь мы можем идти вдвоем, пока с тобой тоже чего-нибудь не случилось. План у меня такой. Я думаю, мы

в Африке или, может быть, в Южной Америке — короче, где-нибудь в тропиках. Это, в общем-то, не важно. Нам надо просто идти вниз по течению, ну и, разумеется, держаться настороже: здесь можно умереть так же легко, как во Внеземелье. Не знаю, сколько времени нам потребуется — неделя, месяц, — но рано или поздно мы дойдем до какого-нибудь моста. А дальше пойдем по дороге, пока не найдем людей. Добравшись до поселения, свяжемся с властями, и нас отправят домой. Заодно получим зачеты по выживанию. Все очень просто.

— Слишком просто, — медленно произнес Джек.

— Не беспокойся, всяких неприятностей по дороге будет достаточно. Но теперь мы знаем, что делать, и нам это по силам. Я не хотел спрашивать сразу, но у тебя хватит соли, чтобы заготовить несколько килограммов копченого мяса? Если нам не придется охотиться каждый день, мы сможем двигаться очень быстро. А может, ты прихватил немного приправы для быстрого копчения?

— Прихватил, но…

— Отлично!

— Подожди, Род. Ничего не выйдет.

— Почему? Мы ведь партнеры?

— Успокойся. Все, что ты говорил, логично, но…

— Какие тогда «но»?

— Все логично, но все неверно.

— В смысле? Послушай, Джек…

— Нет, это ты теперь послушай. Я тебе дал высказаться.

— Но… Ладно, что ты имеешь в виду?

— Ты сказал, что небо их могло выдать и поэтому они, мол, напускают облака.

— Ну да. Так они, очевидно, и делают. Во всяком случае, по ночам. Естественные погодные условия их сразу выдают…

— Я тебе хочу сказать, что «они» себя уже выдали. Облачно было не каждую ночь, хотя ты, возможно, ночевал в глухом лесу и просто не заметил. Но я видел небо, Род. Видел звезды.

— И что?

— Это не наши звезды, Род. Извини.

Род закусил губу.

— Может, ты плохо знаешь южные созвездия? — предположил он.

— Южные созвездия я запомнил раньше, чем научился читать. Это чужие звезды, Род. Я знаю, что говорю. В той стороне, где садится солнце,

ночью появляется пятиугольник из очень ярких звезд — ничего подобного с Земли не увидишь. Да и Луну, если бы она появилась, узнал бы любой.

Род попытался вспомнить, в какой фазе должна быть Луна, но бросил это дело, потому что не знал точно, сколько прошло времени.

— Может, она еще не взошла?

— Не может. Я не видел нашу Луну, но зато видел *луны*… Две луны, маленькие и очень быстрые, как спутники Марса.

— Надеюсь, ты не станешь утверждать, что это Марс, — неодобрительно произнес Род.

— Что я, по-твоему, рехнулся? Кроме того, звезды выглядят с Марса так же, как и с Земли. Боже, Род, о чем мы говорим? Когда садилось солнце, небо почти очистилось — давай выползем и посмотрим. Уж своим-то глазам ты поверишь?

Род не стал спорить и последовал за Джеком. Из пещеры не было видно вообще ничего, кроме темных силуэтов деревьев на противоположном берегу, но с края каменного уступа просматривался кусочек неба. Род посмотрел вверх и моргнул.

— Осторожней. Не свались в воду, — предостерег Джек.

Род промолчал. Между нависающей глыбой известняка и верхушками деревьев светился

рисунок из шести ярких звезд: неровный пятиугольник и одна звезда в центре. Очень заметное созвездие, которое так же невозможно спутать с чем-то другим, как видимые с Земли семь звезд Большой Медведицы. И без диплома по астрографии было понятно, что на Земле этого созвездия никто никогда не видел.

Стройные логические построения Рода рухнули. Он чувствовал себя потрясенным и одиноким. Деревья за рекой вдруг снова стали угрожающе чужими. Он повернулся к Джеку и уже без всякого гонора сказал:

— Убедил. Что мы теперь будем делать?

Джек не отвечал.

— Что делать-то? — переспросил Род. — И что мы тут стоим?

— Род, — произнес Джек, — вот той звезды в центре пятиугольника раньше не было.

— Как это? Ты, должно быть, просто забыл.

— Нет, я уверен. Знаешь что, Род? Мы с тобой видим Новую звезду.

От этого научного открытия Род не испытал никакой радости. Мысли его занимало другое: ломался мир, тот, каким он его себе представлял, и какая-то там взорвавшаяся звезда большого впечатления на него не произвела.

— Может, это одна из твоих лун?

— Ни в коем случае. Они больше, отчетливо видны и имеют форму диска. Я тебе говорю, Новая! По-другому и быть не может. Ты только подумай, какая удача!

— Какая еще удача? — расстроенно переспросил Род. — Нам от этого никакого проку. До нее, наверно, светолет сто, не меньше.

— Да, но неужели тебя это не трогает?

— Нет.

Род пригнулся и заполз в пещеру. Джек взглянул на небо еще раз и последовал за ним. Оказавшись внутри, они долго молчали. Род — явно обиженно. Наконец Джек сказал:

— Пожалуй, я ложусь.

— Просто не понимаю, где я ошибся, — откликнулся Род невпопад. — Вроде бы все было так логично.

— Не морочь себе голову, — посоветовал Джек. — Мой инструктор по аналитике говорит, что логика — это просто тавтология. С помощью логики не узнаешь ничего такого, чего не знал раньше.

— Тогда какой в ней смысл?

— Спроси что-нибудь полегче. Ладно, напарник, я спать хочу — умираю. Давай ложиться.

— Ладно. Но, Джек, если это не Африка — а я должен признать, что это действительно так, — то что нам делать? Получается, нас здесь просто *бросили*?

— Что значит «что делать»? То же, что и раньше: есть, спать, оставаться в живых. Это наверняка зарегистрированная планета. Если мы продержимся, кто-нибудь обязательно здесь появится. Может, просто нарушилась подача энергии к воротам и завтра нас отсюда заберут.

— В таком случае…

— В таком случае хватит болтать и давай спать.

Глава 6
«Я думаю, он мертв»

Проснулся Род от заполнившего пещеру божественного аромата. Он перекатился на живот, заморгал от льющегося под навес яркого света и с некоторым усилием вспомнил, где он и что произошло днем раньше. Джек сидел на корточках у маленького костра на краю каменного уступа. Пахло жаренной на огне печенкой.

Род встал на колени и обнаружил, что мышцы у него по-прежнему ломит от усталости: во сне он снова сражался со стоборами. На этот раз в ночных кошмарах ему явились пучеглазые чудовища, вполне уместные на планете, неожиданно ставшей чужой и много опаснее, чем казалась. Однако он все же выспался, а когда с утра так восхитительно пахнет жареным мясом, никакие ночные ужасы не могут испортить настроение.

Джек поднял глаза:

— Я уж думал, ты проспишь весь день. Иди почисти зубы, причешись, прими душ и давай к столу. Завтрак готов. — Потом он снова взглянул на Рода и добавил: — Можешь еще и побриться.

Род улыбнулся и потрогал рукой подбородок:

— Ты просто завидуешь моей щетине, мальчишка. Подожди, через год или два и ты поймешь, какое это мучение. Бритье, простуда и налоги, как говорит мой отец, это три вечные проблемы, с которыми человечество, похоже, никогда не справится. — При мысли о родителях у Рода вдруг зашевелилась совесть: он даже не мог вспомнить, когда думал о них в последний раз. — Чем-нибудь помочь?

— Садись, бери соль. Этот кусок — тебе.

— Давай поделим.

— Ешь и не спорь. Я себе еще сделаю.

Род взял у Джека дымящийся, обугленный кусок печени — пришлось перекидывать его из руки в руку и дуть. Он поискал глазами соль. Джек в это время резал второй кусок. Взгляд Рода скользнул дальше и тут же вернулся.

В руках у Джека был «Полковник Боуи».

Среагировал Род мгновенно. Стремительным движением он схватил Джека за запястье:

— Ты украл мой нож!

Джек застыл.

— Род… ты с ума сошел?

— Ты меня оглушил и украл мой нож!

Джек даже не сделал попытки освободиться.

— Ты еще не проснулся, Род. Твой нож у тебя на поясе. Это другой нож… Мой.

Не опуская глаз, Род сказал:

— На поясе — это «Леди Макбет». А тот, которым ты режешь мясо, — «Полковник Боуи», *мой* нож.

— Отпусти руку.

— Брось нож!

— Род… ты, наверно, сможешь заставить меня бросить нож. Ты сильнее и уже держишь меня за руку. Но вчера мы с тобой объединились. Если ты сейчас же меня не отпустишь, наш договор не в счет. Тебе, видимо, придется убить меня… Потому что, если ты этого не сделаешь, я тебя рано или поздно выслежу. Я буду следить за тобой, пока не застану спящим. И тогда тебе конец.

Не сводя друг с друга глаз, они застыли над костром. Род тяжело дышал и пытался осмыслить, что же произошло. Улики были против Джека. Но неужели этот маленький поганец шел за ним по следу, а затем оглушил и ограбил? Выходило, что так…

Но почему-то не верилось. В конце концов Род решил, что расправится с Джеком, если рассказ покажется ему лживым, и отпустил его руку.

— Ладно, — сказал он, — как у тебя оказался мой нож?

— Это не бог весть какая история, — ответил Джек, продолжая резать печенку, — и я по-прежнему не уверен, что это *твой* нож. Собственно говоря, он и не мой тоже — мой ты видел. А этот я использую в качестве кухонного. У него балансировка неважная.

— У «Полковника Боуи»? Балансировка? Да это самый лучший метательный нож на свете!

— Ты будешь слушать или нет? Я нашел в зарослях одного парня — еще немного, и на него набросились бы шакалы. Не знаю, кто его прикончил — может быть, и стобор, — но он был наполовину съеден и весь изорван когтями. Однако лицо его осталось нетронутым, и я уверен, что он не из моего класса. У него была «Молния» и…

— Подожди. Ружье?

— Ну я же сказал. Видимо, он пытался им воспользоваться, но ему не повезло. Короче, я взял, что можно — этот нож и еще кое-какое снаряжение. Могу тебе показать. «Молнию» я оставил: энергоблок был разряжен, а без него это просто металлолом.

— Джек, посмотри мне в глаза. Ты не лжешь?

— Я могу отвести тебя к этому месту, — сказал Джек, пожимая плечами. — От того парня, видимо, мало что осталось, но «Молния» наверняка

там.

Род протянул руку:

— Извини. Я поторопился с выводами.

Джек взглянул на него, но руки не подал.

— Я думаю, партнер из тебя неважный, так что лучше нам поставить здесь точку. Мы квиты. — Нож перевернулся в воздухе и упал рукояткой на ногу Рода. — Забирай свой тесак и проваливай.

Род оставил нож лежать на земле.

— Не обижайся, Джек. Я в самом деле ошибся.

— Я знаю, что это ошибка. Но ты меня заподозрил, и я вряд ли когда смогу тебе доверять. — Джек помолчал, затем добавил: — Доедай и отваливай. Так будет лучше.

— Джек, но мне вправду жаль, что так вышло. Я прошу прощения. Тут любой бы ошибся: ты ведь еще не слышал моего рассказа.

— Но ты даже не подождал, чтобы выслушать *мой*!

— Я был не прав, я же признал. — Род торопливо рассказал, как он остался совсем без снаряжения. — …И естественно, увидев, что «Полковник Боуи» у тебя, я решил, что это твоих рук дело. Тут все было логично, нет?

Джек промолчал, но Род не отставал:

— Ну скажи, разве нет?

— Опять ты со своей логикой, — неохотно произнес Джек. — Она тебе слишком часто ударяет в голову. Не лучше ли было сначала подумать, а?

Род покраснел, но промолчал.

— Если бы я стащил твой нож, — продолжил Джек, — разве б я тебе его показал? Или, если уж на то пошло, согласился бы я в таком случае стать твоим партнером по выживанию?

— Видимо, нет, Джек. Я действительно сделал поспешные выводы и не сдержался.

— Капитан Бенбоу всегда говорил, что поспешными выводами и несдержанностью можно заплатить за билет на кладбище, — произнес Джек строго.

— Мастер Мэтсон тоже говорил что-то в таком духе. — Род виновато улыбнулся.

— Похоже, они оба правы. Ладно, давай начнем все сначала. Даже собаке позволяется укусить хозяина один раз — но только один.

Род поднял взгляд и увидел перед собой грязную ладонь Джека.

— Ты хочешь сказать, что мы снова партнеры?

— Давай руку. Выбирать нам особенно не приходится.

Они с серьезным видом пожали друг другу руки, после чего Род подобрал «Полковника Боуи»,

еще раз взглянул на него и протянул рукояткой вперед Джеку:

— Видимо, он теперь твой.

— А? Нет. Пусть лучше он будет у тебя.

— Почему? Он достался тебе честно.

— Не валяй дурака, Род. У меня есть «Синяя Борода» — в самый раз для меня.

— Он — твой. У меня есть «Леди Макбет».

Джек сдвинул брови:

— Мы ведь партнеры?

— Да, конечно.

— Значит, у нас все общее. «Синяя Борода» принадлежит и тебе, и мне. И «Полковник Боуи». Но ты к нему приноровился, так что для нас обоих будет лучше, если нож останется у тебя. Твоей заумной логике это как — не противоречит?

— Э-э-э…

— Ну тогда заткнись и ешь. Давай я тебе еще кусок отрежу. Этот уже остыл.

Род подобрал обгоревший кусок печени, отряхнул с него пыль и пепел.

— Нет, он еще ничего.

— Выкинь его в реку и возьми который погорячей. Печень все равно долго не пролежит.

Накормленный и согретый ощущением, что у него есть друг, Род растянулся после завтрака на

каменном уступе и вперил взгляд в небо. Джек загасил костер и выбросил остатки завтрака в реку. Недоеденный кусок печени еще не коснулся воды, как оттуда высунулась в стремительном броске какая-то тварь и схватила его на лету. Джек повернулся к Роду:

— Так. Чем мы сегодня займемся?

— Мм… До завтра мяса у нас хватит. Так что сегодня охотиться не нужно.

— С тех пор как я нашел эту пещеру, я охочусь через день. На второй день мясо даже лучше, но на третий — фу-у!

— Согласен. А чем ты хочешь заняться?

— Не знаю. Надо подумать. Для начала можно сходить купить молочные коктейли — в больших стаканах, густые, с шоколадом. Или фруктового салата. А еще лучше и то и другое. Сначала я съем…

— Прекрати, а то у меня сердце не выдержит!

— Затем я приму ванну, разоденусь в пух и прах, смотаюсь в Голливуд и посмотрю парочку фильмов. Тот супербоевик с Дирком Мэнли в главной роли, а после что-нибудь приключенческое. Потом еще один молочный коктейль — на этот раз клубничный, а потом…

– *Заткнись!*

— Ты сам спросил, чем я хочу заняться.

— Да, но я имел в виду — в рамках возможного.

— Что ж ты сразу не сказал? Или, по-твоему, тут все «логично» и должно быть понятно сразу? Я думал, ты всегда действуешь в соответствии с логикой.

— Ну что ты ко мне пристал? Я же извинился.

— Да, извинился, — с мрачной ухмылкой признал Джек, — однако я еще не истратил весь накопленный яд.

— Ты, часом, не из тех, кто любит ворошить прошлое?

— Только тогда, когда ты этого меньше всего ожидаешь. Но если серьезно, Род, я думаю, надо идти охотиться сегодня.

— Ты же сам согласился, что это подождет до завтра. Лишний раз убивать ни к чему, да и опасно.

— Я думаю, надо поохотиться на людей.

Род приставил ладонь к уху:

— Еще раз…

— Я думаю, что сегодня нам надо поохотиться на людей.

— Да? От скуки я, конечно, готов на все. Только что мы будем с ними делать? Скальпировать или

просто кричать «Готов! Мы тебя убили!»?

— В скальпировании больше проку… Род, как по-твоему, сколько мы здесь проторчим?

— А? Мы уже знаем, что с возвратом вышла накладка. По твоим словам, мы здесь уже три недели… Мне казалось, что дольше, но я не делал зарубок. Следовательно…

— Что «следовательно»?

— Следовательно, ничего. Может, у них какие-нибудь технические неполадки, которые они устранят уже сегодня, и нас вернут домой. А может, Мастер Мэтсон и его коллеги, любители приключений, решили, что будет очень здорово удвоить срок проверки, ничего не сообщив нам. В конце концов, может, далай-лама приказал бомбить иноверцев и вместо ворот теперь радиоактивные развалины. Или прилетели трехголовые змеелюди из Малого Магелланова Облака и взяли ситуацию в свои руки — как они это понимают. Может, мы здесь навсегда.

Джек кивнул:

— Это я и имею в виду.

— Так сразу? Пока ясно только то, что про нас забыли.

— Род, группа из двух человек хороша на несколько недель. Но представь себе, что ожида-

ние растянется на месяцы. Представь, что кто-то из нас сломал ногу. И даже если ничего такого не случится, надолго ли мы, по-твоему, в безопасности с этой сторожевой системой из сухих веток? Нам нужно перегородить тропу, чтобы забираться сюда можно было только по веревочной лестнице, которую будет сбрасывать постоянный дежурный. Нужно найти соль, подумать о том, как выдубить шкуры, и много чего еще, — кстати, этот мой бурдюк уже попахивает. На долгий срок нам нужно как минимум четыре человека.

Род в задумчивости почесал свои выпирающие ребра.

— Знаю. Я об этом еще вчера думал, после того как ты разгромил мою оптимистическую теорию, но я ждал, когда ты сам об этом заговоришь.

— Почему?

— Это твоя пещера. У тебя тут и снаряжение, и ружье, и лекарства, и еще, наверно, много всякого, чего я не видел. У тебя есть соль. А у меня только нож — теперь, благодаря тебе, два ножа. Хорош бы я был, предложив поделить все это на четверых.

— Мы же одна команда, Род.

— Мм… верно. И мы оба считаем, что команда будет сильнее, если мы завербуем парочку

рекрутов… Сколько там всего народа, по-твоему? — спросил он, махнув рукой в сторону зеленой стены за рекой.

— В моей группе допущены были семнадцать парней и одиннадцать девчонок. Капитан Бенбоу сказал, что в этой зоне испытаний будет четыре группы.

— Мастер нам даже этого не сказал. Но из нашего класса прошло человек двадцать.

— Значит, тут всего человек сто, — задумчиво произнес Джек.

— Если не учитывать потери.

— Если не учитывать потери. Примерно две трети ребят и одна треть девчонок. Выбор большой, если мы сумеем их отыскать.

— Только давай обойдемся без девчонок, Джек.

— А что ты против них имеешь?

— Я? Ничего. На пикнике им цены нет или, скажем, долгими зимними вечерами. Я обеими руками за прекрасную половину. Но в таких вот переделках они — чистая отрава.

Джек промолчал, и Род продолжил:

— Сам подумай. Ну появится у нас тут такая милашка, и в пещере сразу будет больше проблем, чем там, снаружи, со всеми этими стоборами и прочей нечистью. Ссоры, сцены ревности, а

то, глядишь, кто-нибудь из парней еще и соперника из-за нее пырнет. Нам и без того проблем хватает.

— Ну хорошо, — задумчиво произнес Джек, — предположим, мы кого-то встретили, и оказалось, это девчонка. Как ты собираешься поступить? Снять шляпу и сказать: «Прекрасный день, мадам, не правда ли? Но теперь отвалите и не мешайтесь»?

Род вычертил на рассыпанном пепле пятиугольник, поставил в центре еще одну звезду, затем стер рисунок ногой.

— Не знаю, — медленно ответил он. — Будем надеяться, что наберем команду раньше, чем столкнемся с такой проблемой. Может, они сами объединятся.

— По-моему, нам надо продумать свою политику в этом вопросе заранее.

— Я — пас. А то ты опять обвинишь меня в пристрастии к логике. У тебя есть какие-нибудь соображения, как искать остальных?

— Пожалуй. Кто-то еще охотится выше по течению.

— Да? Ты его знаешь?

— Я видел его только издалека, и он не из моего класса. На полголовы ниже тебя, светлые волосы,

светлая кожа, но он здорово обгорел на солнце. Кого-нибудь напоминает?

— Трудно сказать, — ответил Род, взволнованно подумав, что описание и в самом деле кого-то напоминает. — Может, пойдем посмотрим, вдруг удастся его выследить?

— Я могу отдать его тебе со всеми потрохами. Но я не уверен, что нам нужен именно такой человек.

— Почему? Если он протянул до сих пор, он должен что-то соображать.

— Честно говоря, я не понимаю, как ему это удалось. Движется он так, что за километр слышно, и уже неделю живет на одном и том же дереве.

— В этом тоже есть свой смысл.

— Да, но только если не кидаешь кости и объедки под своим же деревом. Меня именно шакалы на его жилище и навели.

— Мм… да. Но если он нам не понравится, мы можем его и не приглашать.

— Договорились.

Перед выходом Джек порылся в темном углу пещеры и извлек оттуда сложенную веревку.

— Род, может быть, это твоя?

Род внимательно осмотрел веревку.

— Во всяком случае, такая же, как была у меня.

А что?

— Я ее нашел там же, где и «Полковника Боуи». Если и не твоя, все равно возьми — пригодится.

Джек достал еще моток веревки и обмотал ее вокруг бронежилета. Род подумал, что он, должно быть, так и спал, но промолчал. Если Джек считает такую защиту важнее подвижности, его дело. Каждому — по его привычкам, как говаривал Мастер.

Дерево стояло на небольшой поляне, но Джек провел Рода через кусты, подходившие близко к стволу, и последние несколько десятков метров они пробирались ползком. Джек пригнул голову Рода поближе и прошептал ему в ухо:

— Если мы пролежим тут часа три или четыре, я готов спорить, он обязательно или слезет с дерева, или появится из леса.

— Ладно. Следи за тылом.

Они пролежали около часа, но ничего не произошло. Род старался не замечать крошечных кусачих мушек, вьющихся вокруг. Он бесшумно поменял позу, чтобы не затекали руки и ноги, и с трудом подавил чих. Наконец он решил позвать Джека.

— Что случилось?

— Вот там из дерева растут две толстые ветки.

Это и есть его «гнездо»?

— Может быть.

— Видишь? Рука торчит.

— Где?.. Кажется, да. Но возможно, это просто ветка.

— По-моему, все-таки рука, и я думаю, он мертв. С тех пор как мы пришли, рука ни разу не шевельнулась.

— Спит?

— Спящий человек обычно не лежит так долго в одной позе. Я хочу влезть посмотреть. Ты меня прикроешь. Если рука пошевелится, кричи.

— Может, не стоит так рисковать, Род?

— Смотри в оба! — распорядился Род и пополз вперед.

Как Род и предположил, едва услышав рассказ Джека, рука принадлежала Джимми Трокстону. Он не умер, но был без сознания, и Роду никак не удавалось привести его в чувство.

Джимми лежал в своем наполовину искусственном гнезде, и одна его рука свешивалась вниз. Род заметил, что он срезал мелкие ветки — и между двумя сучьями и стволом дерева получилось что-то наподобие гамака.

Спустить его на землю оказалось не так-то легко: весил Джимми примерно столько же,

сколько и Род. Он продел веревку у Джимми под мышками и перекинул ее через сук, чтобы она стравливалась помедленнее, но сложнее всего было вытащить Джимми из его неопрятного гнезда и при этом не уронить.

На полпути вниз живой груз застрял, и Джеку пришлось подняться по стволу, чтобы его высвободить. Но в конце концов, изрядно попотев, они справились, и, оказавшись на земле, Джимми все еще дышал.

Роду пришлось нести своего друга до самой пещеры. Джек предложил делать это по очереди, но Джимми был явно слишком тяжел для него. Род только прикрикнул на Джека, чтобы тот прикрывал их со всех сторон: если бы, не ровен час, появился псевдолев, сам он мало чем мог помочь.

Хуже всего оказалось взбираться к пещере по крутому берегу из осыпающегося сланца. Род и без того уже выдохся — он больше километра тащил на себе обмякшее тяжелое тело по пересеченной местности, — и перед подъемом пришлось немного передохнуть.

— Не урони его в воду! А то уже нечего будет вылавливать. Я видел… — озабоченно произнес Джек.

— Сам знаю. Обойдусь без дурацких советов.

— Извини.

Наконец он пополз вверх. Страшно было и за Джима, и за себя. Род не знал, что за твари живут в реке, но он не сомневался, что сожрут их мгновенно. Когда он добрался до нависающей известняковой глыбы, пришлось совсем согнуться, чтобы попасть на каменный уступ, но даже так Род почувствовал, что его ноша цепляется за край и сползает назад.

Джек помог ему удержаться на месте, затем протолкнул дальше. Оказавшись в безопасности на каменном уступе, они повалились наземь. Род едва дышал и никак не мог унять дрожь в натруженных мышцах.

Они уложили Джимми на спину, и Джек проверил у него пульс.

— Быстрый, но слабый. Наверно, он не выкарабкается.

— Какие у тебя есть лекарства?

— Два вида неосульфатов и вердомицин. Но я не знаю, что ему давать.

— Давай все три и молись.

— А вдруг у него аллергия на какое-нибудь из них?

— У него сейчас аллергия на смерть, а это гораз-

до серьезнее. Температура поднялась, наверное, за сорок. Так что давай.

Род приподнял Джимми за плечи и ущипнул за мочку уха, а когда тот пришел в сознание, Джек запихал ему в рот таблетки и заставил запить водой. Теперь оставалось только ждать.

Всю ночь они дежурили около больного по очереди. К утру температура спала, Джим очнулся и попросил пить. Род снова приподнял его, а Джек поднес к пересохшим губам бурдюк. Джимми напился воды и опять уснул.

Они решили ни в коем случае не оставлять Джима одного, поэтому Джек оставался ухаживать за больным, а Род каждый день ходил на охоту, стараясь добыть что-нибудь понежнее, чтобы с мясом мог управиться и их ослабевший подопечный. Уже на вторые сутки Джим мог говорить, не засыпая посреди фразы. Во второй половине дня Род вернулся с тушкой небольшого зверька, напоминающего гибрид кошки и кролика. Джек как раз шел ему навстречу с пустым бурдюком.

— Привет.

— Привет. Я вижу, тебе повезло. Слушай, Род, будешь его свежевать, поосторожней со шкурой. Нам нужен новый бурдюк. Там не очень много

порезов?

— Совсем нет. Я убил его камнем.

— Отлично!

— Как наш пациент?

— Выздоравливает не по дням, а по часам. Я сейчас вернусь.

— Давай посторожу тебя, пока ты наберешь воды.

— Не надо, я буду осторожен. Иди к Джиму.

Род поднялся наверх, положил добычу на каменный уступ и пролез в пещеру.

— Как ты тут?

— Шикарно. Думаю, что поборю тебя в двух случаях из трех.

— На следующей неделе. Джек заботится?

— Еще как! Слушай, Род, я просто не знаю, как вас благодарить! Если бы не вы…

— Не знаешь, так и не надо. И не за что меня благодарить. А Джек — мой партнер, так что все нормально.

— Джеку цены нет!

— Да, отличный парень. Лучше не бывает. Мы с ним здорово ладим.

Джим посмотрел на него с удивлением, открыл было рот и тут же закрыл.

— В чем дело? — спросил Род. — Тебя укусил

кто? Или тебе опять нехорошо?

— Как ты сказал про Джека? — медленно произнес Джим.

— А? Я сказал, что лучше не бывает. Мы с ним теперь — одна команда. Отличный парень.

Джимми Трокстон посмотрел на него с сомнением и спросил:

— Род… Ты от рождения такой дурной? Или после поглупел?

— А что такое?

— Джек — *девчонка*.

Глава 7
«Надо было хоть пирог испечь»

Молчание тянулось долго.

— Закрой рот, — сказал наконец Джим, — а то кто-нибудь залетит.

— Джимми, ты, похоже, еще не в себе.

— Может, я еще болен, но не настолько, чтобы не отличить девчонку от парня. Когда со мной такое случится, я буду уже не болен, а мертв.

— Но…

— Спроси ее сам. — Джимми пожал плечами.

На пол упала тень. Род обернулся и увидел, что Джек уже на каменном уступе.

— Свежая вода, Джим!

— Спасибо, — ответил Джим и посмотрел на Рода. — Давай, спроси.

Джек перевел взгляд с одного на другого:

— Что за безмолвная сцена? Что ты на меня так смотришь, Род?

— Джек… — медленно произнес Род. — Как тебя зовут?

— А? Джек Доде. Я же тебе говорил.

— Нет. Полное, настоящее имя.

Джек снова перевел взгляд с Рода на ухмыляющуюся физиономию Джимми, потом обратно.

— Мое полное имя… Жаклин Мари Доде. Если тебе это так важно. А что?

Род сделал глубокий вдох.

— Жаклин, — произнес он, словно оценивая имя на слух. — Я не знал…

— Так и было задумано.

— Я… Слушай, если я сказал что-нибудь такое… в общем, тебя обидел — так я не имел в виду ничего плохого…

— Успокойся, ты ничего обидного не говорил, медведь ты этакий. Разве что про свой нож.

— Я не хотел.

— Или ты имеешь в виду, что «все девчонки — чистая отрава»? А тебе не приходило в голову, что про парней можно сказать то же самое? Нет, конечно, не приходило. Но раз ты теперь все знаешь, то, может, оно и к лучшему. Теперь нас уже трое.

— Но Жаклин…

— И пожалуйста, зови меня Джекки. — Она передернула плечами. — Теперь, когда вы оба знаете, мне не нужно будет носить этот чертов панцирь. Отвернитесь.

— Э-э-э… — Род отвернулся.

Джимми перекатился на бок, лицом к стене.

— Хорошо, — послышалось через минуту.

Род обернулся. В рубашке, без бронежилета, ее плечи были гораздо уже, а сама она изящнее и очень неплохо сложена. Жаклин сидела на полу и отчаянно чесала грудь и спину.

— С тех пор как я тебя встретила, Род Уокер, я даже не могла по-человечески почесаться, — сказала она с упреком. — Иногда я просто умирала.

— Никто не заставлял тебя носить эту штуковину.

— А представь, если бы я ее не носила. Ты бы захотел быть со мной в одной команде?

— Э-э-э… ну я… в общем-то… — Род умолк.

— Вот видишь. — Неожиданно на ее лице отразилось беспокойство. — Мы все еще партнеры?

— Что? Разумеется!

— Тогда давай снова пожмем друг другу руки. И Джиму тоже. Ты согласен, Джим?

— Спрашиваешь!

Три правые руки сошлись в рукопожатии, Джекки накрыла их левой рукой и торжественным тоном произнесла:

— Все за одного!

Род достал левой рукой «Полковника Боуи» и положил плашмя на сцепленные руки.

— И один за всех!

— Налоги делим на троих, — добавил Джимми. — У нотариуса заверять будем?

Глаза у Жаклин заблестели от слез.

— Джимми Трокстон, — произнесла она многообещающим тоном, — когда-нибудь я заставлю тебя воспринимать жизнь всерьез!

— Я и так воспринимаю ее всерьез, — возразил он. — Не хочется только, чтобы и она воспринимала меня так же. Когда рождаешься заново, грех не порадоваться.

— Мы все, считай, родились по второму разу, — сказал Род. — Но сейчас помолчи. Ты и так слишком много болтаешь.

— Смотри, как заговорил! А сам-то что?

— Во всяком случае, не стоит смеяться над тем, что говорит Жаклин. Она для тебя очень много сделала.

— Кто же спорит!

— Тогда…

— Никаких «тогда»! — резко сказала Жаклин. — Меня зовут Джекки, Род. Забудь о Жаклин. Если вы начнете сейчас проявлять галантность, у нас будет полный набор всех тех проблем, о которых ты меня предупреждал. Если я правильно помню, ты сказал «чистая отрава».

— Но было бы только логично…

— Опять ты со своей логикой! Давай займемся практической стороной дела. Помог бы мне лучше сделать новый бурдюк.

На следующий день Джим уже взял на себя заботы по «дому», а Джекки и Род ушли на охоту вместе. Джим тоже хотел пойти, но наткнулся на двойной запрет. Охота втроем давала не бог весть сколько преимуществ, зато вдвоем у них получалось отлично: теперь им не приходилось выжидать в засаде по нескольку часов, и дело было лишь за тем, чтобы найти добычу. Джекки загоняла зверя, а Род его приканчивал. Они выбирали животное где-нибудь на краю стада, Джекки подкрадывалась с другой стороны и спугивала его, обычно прямо на Рода.

Охотились они по-прежнему с ножами, хотя Джекки выбрала хорошее оружие для выживания в примитивных условиях — пневматическое ружье, стреляющее ядовитыми стрелками. Поскольку стрелки можно было находить и снова заряжать ядом, ружье могло служить практически вечно. Именно по этой причине Джекки выбрала его, а не огнестрельное или энергетическое оружие.

Роду оно очень понравилось, но тем не менее

он решил не брать ружье на охоту.

— Давление может упасть, и в нужный момент оно вдруг подведет.

— Такого ни разу не случалось. Да и перезарядить его — одна секунда.

— Хорошо… Но если мы начнем пользоваться ружьем, рано или поздно мы потеряем последнюю стрелку, и может так случиться, что именно тогда оно нам особенно понадобится. Возможно, мы здесь надолго, так что давай оставим его про запас, а?

— Как скажешь, Род.

— Почему это? У нас у всех равное право голоса.

— Нет. Мы с Джимми уже говорили об этом, и он согласен: кто-то должен быть главным.

Охота занимала у них около часа каждый второй день. Остальное время уходило на поиски новых партнеров: они поделили местность на квадраты и прочесывали их очень старательно. Однажды им удалось спугнуть стервятников с добычи, которую, похоже, кто-то разделывал ножом. Род и Джимми шли по следу — по человеческому следу, как они убедились, — но из-за темноты им пришлось вернуться в пещеру. Наутро они попытались отыскать след снова, но

безуспешно: ночью прошел сильный дождь.

В другой раз они нашли остатки костра, но Род решил, что им по крайней мере дней десять.

Как-то через неделю, которая прошла в бесплодных поисках, они вернулись домой не так поздно. Джимми оторвал взгляд от костра:

— Как успехи в переписи населения?

— И не спрашивай. — Род устало опустился на каменный пол. — Что у нас на обед?

— Сырое мясо, жареное мясо и горелое мясо. Я пытался запечь немного в мокрой глине, но получилась только отлично обожженная глина.

— И на том спасибо.

— Джим, — сказала Джекки, — нужно попробовать сделать глиняные горшки.

— Я уже пробовал. С первой попытки получил огромную трещину. Но я еще научусь. Послушайте-ка, дети мои, — продолжил он, — а вам не кажется, что вы ищете людей не тем способом?

— Почему не тем? — спросил Род.

— Ну, если вам хочется физических упражнений, то все нормально. Вы носитесь по всей округе, потеете, но результатов никаких. Может, лучше будет, если они сами нас разыщут?

— Каким образом?

— Можно подать дымовой сигнал.

— Мы уже думали об этом. Но нам не нужен кто угодно, и сообщать всем подряд, где мы живем, тоже ни к чему. Нам нужны люди, с которыми мы станем сильнее.

— Вот это как раз и есть то, что инженеры называют «ошибочным критерием». *Если вы задумали поймать в лесу человека, для которого лес что дом родной, то, сколько б вы ни гонялись по тропам, вам его никогда не найти.* А *он* вас найдет запросто, пока вы ломитесь через кустарник, расшвыривая камни, ломая ветки и распугивая птиц. Он может даже проследить за вами и понять, что вам нужно, но, если ему не захочется самому, *вы его* никогда не найдете.

— Род, в этом что-то есть, — сказала Джекки.

– *Тебя* мы нашли достаточно легко, — заметил Род Джиму. — Может, ты сам не тот тип, что нам нужен.

— Я просто был не в форме, — ответил Джимми спокойно. — Вот подожди, я наберусь сил и покажу свою истинную природу! Ург, пещерный человек, — перед вами! Наполовину неандерталец, наполовину гибкий черный леопард. — Он постучал себя в грудь и закашлялся.

— Это не очень похоже на истинную пропорцию. Неандерталец тут явно доминирует.

— Не дерзи. И помни, что ты мой должник.

— Я думаю, ты просто жульничаешь. Наверно, наизусть уже выучил, как каждая карта выглядит с другой стороны. Они у тебя скоро в лохмотья превратятся.

Когда Джимми спасли, при нем обнаружились игральные карты, и позже он объяснил, что это тоже снаряжение для выживания.

— Прежде всего, — сказал Джим, — если бы я потерялся, я всегда мог сесть и разложить пасьянс. Рано или поздно кто-нибудь меня нашел бы и…

— И посоветовал положить черную десятку на красного валета. Это мы уже слышали.

— Тихо, Род. Во-вторых, Джекки, я планировал объединиться здесь с этим вот «каменнолицым». Мне ничего не стоит обыграть его в криббедж, но он все время пытается отыграться. Я решил, что за время испытания сумею выудить у него все карманные деньги на будущий год. Тактика выживания!

Как бы то ни было, но карты имелись, и каждый вечер они втроем играли в тихие семейные игры по миллиону плутонов за кон. Жаклин шла более-менее ровно, зато Род задолжал Джиму уже несколько сот миллионов. В тот вечер они продолжили дискуссию за игрой. Род по-преж-

нему не хотел раскрывать местонахождение их убежища.

— Мы можем подавать дымовой сигнал где-нибудь в другом месте, — предложил он задумчиво. — И дежурить в безопасном укрытии. Сними, Джим.

— Да, но тут тоже риск… Пятерка, как раз то, что нужно! Если вы устроите костер достаточно далеко отсюда, чтобы никто не знал про эту пещеру, вам придется мотаться туда и обратно по крайней мере дважды в день. Я думаю, очень скоро удача вам изменит и в один прекрасный день вы просто не вернетесь. Не то чтобы я стал сильно горевать, но играть будет не с кем.

— Чья игра?

— Джекки. Но если мы разожжем костер близко, на виду, тогда нам останется только сидеть и ждать. Я сяду спиной к стене с этой пукалкой на коленях, и если покажется враг, шлеп — и готово! Длинная свинья на обед. Но если они нам понравятся, тогда мы возьмем их в игру.

— Считай.

— Пятнадцать-шесть, пятнадцать-двенадцать, пара, шестерка за валетов… Это будет стоить тебе еще один миллион, мой друг.

— По-моему, один из этих валетов — дама, — с

угрозой произнес Род.

— В самом деле? Знаешь, уже темно. Сдаешься?

В конце концов они согласились с планом Джима. Времени для игры в карты стало больше, и долг Рода вырос за миллиард. Сигнальный костер горел на каменном уступе ниже по течению, и обычно ветер дул так, что дым сносило в сторону. Когда же его задувало в пещеру, это было просто невыносимо, и они пулей вылетали оттуда, размазывая слезы по щекам.

За четыре дня такое случалось три раза. Их реклама ни у кого пока не вызвала интереса, и они здорово устали таскать сухие дрова для костра и собирать зеленые ветки, которые давали дым. После третьего раза Джимми не выдержал:

— Род, я сдаюсь. Твоя взяла, и я снимаю свое предложение.

— Нет!

— А? Поимей совесть! Я не могу питаться дымом — в нем совсем нет витаминов. Давай лучше вывесим флаг. Я пожертвую свою рубашку.

Род задумался.

— А это идея!

— Стой, подожди. Я же пошутил. У меня нежная кожа, и я легко обгораю.

— А ты не торчи на солнце подолгу, и со време-

нем у тебя будет отличный загар. Мы и вправду вывесим твою рубашку вместо флага. Но огонь тоже нужно поддерживать, только не здесь, на уступе, а где-нибудь там, на лугу, может быть.

— Чтобы дым опять задувало в наш летний коттедж?

— Ну тогда еще дальше вниз по течению. Мы разведем большой костер, и дым будет видно издалека. А флаг повесим над пещерой.

— И тем самым допросимся, что нас выселят какие-нибудь лихие волосатые личности, которые никогда не слышали о праве на собственность.

— Мы уже признали, что рискуем, когда решили разжечь сигнальный костер в первый раз, так что чего уж там. Давайте за дело.

Род выбрал самое высокое дерево на скале, под которой расположилась пещера, забрался на самый верх, где ствол едва его держал, и целый час работал ножом, срубая верхушку. Затем привязал рубашку Джимми за рукава и полез вниз, срезая по пути все лишние ветки. Вскоре они стали слишком толстыми, чтобы справиться с ними ножом, но и так получилась голая мачта в несколько метров высотой. Рубашку трепало на ветру и отлично было видно издалека. Усталый, но довольный своей работой, Род еще раз взгля-

нул вверх: ничего не скажешь, самый настоящий сигнальный флаг.

Джимми и Жаклин тем временем развели ниже по течению новый костер, для этого они перенесли огонь с уступа. У Жаклин еще оставалось несколько спичек, а у Джимми была почти полностью заряженная зажигалка, но сознание того, что они могут остаться тут надолго, заставляло экономить. Спустившись на землю, Род присоединился к ним. Теперь места для костра хватало, да и валежник таскать стало легче, так что дым валил вовсю.

Лицо Жаклин, и без того потное и не особенно чистое, теперь совсем почернело от дыма, а на бледно-розовой коже Джимми сажу было заметно еще лучше.

— Пироманьяки, — улыбнулся Род, оглядев своих товарищей.

— Ты приказал дым, — ответил Джимми, — и я собираюсь сделать такой костер, что сожжение Рима будет выглядеть по сравнению с ним детской забавой. Притащи-ка мне тогу и скрипку.

— Скрипки изобрели позже. Нерон играл на лире.

— Давай не будем мелочиться. У нас получается неплохое грибовидное облако, а?

— Гулять так гулять, Род! — подзадорила его Жаклин, вытирая лицо; чище оно при этом не стало. — Весело ведь!

Она макнула огромную зеленую ветку в воду и бросила в костер — дым тут же повалил столбом.

— Еще дров, Джимми!

— Несу!

Род тоже разошелся и вскоре стал таким же черным, как и они. Ни разу с самого начала испытания не было ему так весело. Когда солнце скрылось за верхушками деревьев, они наконец оставили попытки сделать костер еще больше, лучше, дымнее и неохотно отправились к пещере. Только в этот момент Род осознал, что совсем забыл про осторожность.

Ладно, успокоил он сам себя, все хищники боятся огня.

Пока они ели, от догорающего костра еще тянулся к небу столб дыма. После Джимми достал карты и попытался перетасовать рыхлую колоду.

— Кто-нибудь желает поучаствовать? Обычные низкие ставки.

— Я слишком устал сегодня, — ответил Род. — Ты можешь просто увеличить мой долг на ту сумму, что я обычно проигрываю за день.

— Но это неспортивно. И потом, помнишь? Ты на прошлой неделе один раз выиграл. А ты, Джекки, что скажешь?

Жаклин хотела что-то ответить, но Род жестом заставил их замолчать.

— Ш-ш-ш! Я слышал какой-то звук, — прошептал он.

Джим и Жаклин замерли, потом бесшумно достали ножи. Род сунул «Полковника Боуи» в зубы и выполз на каменный уступ. На тропе никого не было видно, и, похоже, никто не трогал загородку из сухих веток. Род высунулся еще дальше, пытаясь определить, откуда донесся звук.

— Эй, внизу! — послышался негромкий голос.

Род почувствовал, как напряглись у него мышцы. Он обернулся и увидел, что Джимми взял тропу на прицел. Жаклин достала свое ружье и тоже приготовила к бою.

— Кто там? — крикнул Род.

Сначала наверху молчали, потом тот же голос ответил:

— Боб Бакстер и Кармен Гарсиа. А вы кто?

Род облегченно вздохнул.

— Род Уокер, Джимми Трокстон и еще один человек, не из нашего класса, Джекки Доде.

Бакстер какое-то время думал.

— Можно к вам присоединиться? По крайней мере, на сегодня?

— О чем речь!

— Как нам спуститься вниз? Кармен не может карабкаться по скале — у нее болит нога.

— Вы прямо над нами?

— Наверно. Я тебя не вижу.

— Оставайся на месте. Я сейчас поднимусь. — Род повернулся к своим товарищам и улыбнулся. — У нас гости к ужину. Разводи огонь, Джимми.

Джимми удрученно причмокнул языком:

— А в доме почти ничего нет. Надо было хоть пирог испечь.

К тому времени, когда Род вернулся с Бобом и Кармен, на огне уже жарилось мясо. Задержались они из-за Кармен: она всего лишь растянула лодыжку, но по крутому берегу пришлось карабкаться на руках, да и туда еще нужно было добраться, а боль и усталость давали себя знать.

Когда Кармен поняла, что третий человек — девушка, она даже расплакалась. Джекки посмотрела на парней сердитым взглядом — Род так и не понял почему — и увела ее в дальний угол пещеры, где спала сама. Пока Боб Бакстер и Род с Джимом сравнивали свои наблюдения, девушки

непрерывно о чем-то шептались.

У Боба и Кармен дела шли отлично до тех пор, пока она не подвернула ногу двумя днями раньше, — если не считать, конечно, что их по какой-то непонятной причине забыли на этой планете.

— Когда стало ясно, что никто не собирается помогать нам отсюда выбраться, у меня, признаться, просто опустились руки, — сказал Боб. — Но Кармен быстро привела меня в чувство. Она — человек очень практичный.

— Женщины всегда практичнее мужчин, — согласился Джимми. — Вот я, например, натура поэтическая.

— Только все у тебя белым стихом получается, — поддел его Род.

— Это ты от зависти, Род. Ладно, Боб, старина, может, тебе еще кусок? Сырой или хорошо обугленный?

— И тот и другой. Последние два дня мы жили впроголодь… Мм… вкусно-то как!

— Соус по моему рецепту, — скромно сказал Джимми. — У меня, знаешь ли, тут свой огород. Сначала надо растопить на сковородке кусок масла, а затем…

— Уймись, Джимми, ради бога! Боб, вы с Кармен

хотите в нашу команду? Насколько я понимаю, мы вряд ли можем рассчитывать на возвращение. Следовательно, надо строить планы на будущее.

— Похоже, ты прав.

— Род всегда прав, — поддакнул Джимми. — А насчет планов на будущее… Боб, вы с Кармен играете в криббедж?

— Нет.

— Ничего. Я вас научу.

Глава 8
«Придется вам выбирать»

Решение о том, что надо подавать дымовой сигнал и дальше, чтобы собрать как можно больше людей, никто на голосование не ставил, оно оформилось и утвердилось само. Род хотел обсудить этот вопрос утром, но Джимми и Боб сами развели огонь, когда пошли вниз за водой, и он никому ничего не сказал. В тот день их разыскали еще две девушки.

Точно так же никто не заключал формальных договоров о партнерстве и никто не выбирал лидера группы: Род продолжал руководить, и Боб Бакстер без разговоров принял сложившееся положение. Сам Род был слишком занят и даже не думал об этом. Проблемы безопасности, размещения и продовольствия для растущей колонии просто не оставляли времени ни на что другое.

С прибытием Боба и Кармен запас мяса иссяк мгновенно, и уже на следующий день пришлось идти на охоту. Боб Бакстер предложил поучаствовать, но Род решил взять с собой, как обычно, Джекки.

— Ты сегодня отдыхай. Не разрешай Кармен наступать на больную ногу и не отпускай Джимми одного к костру. Он считает, что уже совсем выздоровел, но это не так.

— Я заметил.

Джекки и Род отправились на охоту и довольно быстро убили оленя. Однако Род добил его не сразу, и когда Жаклин подбежала помочь, бьющийся на земле раненый зверь ударил ее копытом в бок. Джекки уверяла, что все в порядке, но на следующее утро бок все еще болел, и Боб сказал, что у нее, возможно, сломано ребро.

Трое из прежнего состава группы оказались больны, а тем временем у них появилось два новых рта. Правда, один из них — большой и с постоянной улыбкой на губах — принадлежал Каролине Мшийени, и Род выбрал ее на роль нового помощника в охоте.

Джекки надулась. Она отвела Рода в сторону и прошептала:

— Зачем ты так? Я вполне способна охотиться. Бок у меня в порядке, почти не болит.

— Почти, говоришь? А знаешь, что это «почти» может подвести тебя в самый нужный момент? Я не хочу рисковать, Джекки.

Она еще раз взглянула на Каролину и надула

губы, храня на лице упрямое выражение.

— Джекки, ты помнишь мой разговор насчет ревности? — принялся уговаривать ее Род. — Если ты будешь устраивать сцены, я просто тебя отшлепаю.

— Кишка тонка!

— Ничего, мне помогут. Однако послушай… Мы ведь партнеры?

— Мне так казалось, во всяком случае.

— Тогда веди себя соответственно и не добавляй нам проблем.

Джекки пожала плечами:

— Ладно. Я и так все понимаю. Останусь дома.

— Это не все. Возьми мой старый бинт — он где-то здесь должен валяться, — и пусть Боб Бакстер замотает тебе ребра.

— Нет!

— Ну тогда Кармен. Они оба вроде как знахари. — Род повернулся к Каролине и громко спросил: — Ты уже готова?

— Ощетинилась и вся дрожу от возбуждения.

Род рассказал ей, как они с Джекки охотились, и объяснил, что от нее требуется. Первые два стада, что им попались, они прошли мимо: стада оказались смешанными. Мясо у старых самцов жесткое и не особенное вкусное, а пытаться

убить кого-нибудь другого, кроме вожака-самца, просто опасно и потому глупо. Около полудня они отыскали стадо годовалых животных, расположившихся против ветра от них, и разошлись в стороны. Род приготовился ждать, когда Каролина погонит добычу на него.

Ждал долго и уже начал нервничать, когда из зарослей бесшумно появилась Каролина и жестом позвала его за собой. Род снялся с места, хотя идти так же быстро и бесшумно, как она, ему удавалось с трудом. Вскоре Каролина остановилась, и, догнав ее, Род увидел, что она уже свалила оленя. Глядя на поверженное животное, Род пытался побороть в себе растущее раздражение.

— Очень молодой, и мясо, я думаю, нежное, — сказала Каролина. — Устраивает, Род?

Он кивнул:

— Лучше не бывает. И сразу наповал… Кэрол!..

— Что?

— Я думаю, у тебя это получается даже лучше, чем у меня.

— Брось. Мне просто повезло. — Она застенчиво улыбнулась.

— Я не верю в везение. Так что, когда ты захочешь повести охоту, просто скажи. Но только обязательно.

Каролина заметила мрачное выражение его лица и медленно произнесла:

— Ты, я чувствую, решил меня отчитать…

— Можно сказать и так. Но я настаиваю, чтобы ты всегда предупреждала меня, когда захочешь повести охоту. Никогда не меняй планов уже после того, как мы приступим к делу. Никогда. Понятно?

— В чем дело, Род? Ты завелся оттого, что я убила оленя? Это глупо.

Род вздохнул:

— Может быть. А может быть, мне не нравится, когда девушка делает за меня мою работу. Но в одном я уверен на все сто: мне не нравится напарник, на которого я не могу положиться до конца. Слишком опасно. Я лучше буду охотиться один.

— Может, лучше я буду охотиться одна? Мне, во всяком случае, не нужна ничья помощь.

— Не сомневаюсь. Ну ладно, давай оставим эту тему и оттащим добычу в лагерь.

Пока они свежевали тушу, Каролина не проронила ни слова. А когда они срезали все лишнее и уже собрались тащить мясо к пещере, Род сказал:

— Ты иди впереди. Я буду прикрывать сзади.

— Род?

— Что?

— Извини.

— А? Забудь.

— Я не стану так больше делать. Хочешь, я скажу, что это ты убил оленя?

Род остановился и тронул ее за руку:

— Зачем вообще кому-то что-то говорить? Никого не касается, как мы охотимся, до тех пор, пока мы приносим мясо.

— Ты все еще сердишься на меня.

— Я вовсе не сердился, — солгал Род. — Просто не хочу, чтобы мы перебегали друг другу дорогу.

— Родди, я никогда больше этого не сделаю. Обещаю.

До конца недели девушки оставались в большинстве. В пещере, где троим было удобно, а шестерым, в общем-то, еще терпимо, стало просто тесно, потому что день ото дня население лагеря росло. Род решил превратить пещеру в «женское общежитие», а мужчин переместить на открытый воздух, на луг, где начиналась тропа вверх по наклонному сланцевому берегу. От непогоды и хищников там укрыться было негде, но зато их бивуак защищал единственную тропу к пещере. Впрочем, погода стояла теплая, а для защиты от хищников они ставили на ночь дежурных, в чьи

обязанности входило поддерживать два костра — между рекой и скалой выше по течению и в узком проходе ниже.

Роду самому такой порядок не нравился, но выбирать не приходилось. Он отправил Боба Бакстера и Роя Килроя вниз по течению, а Каролину и Марджери Чан в противоположном направлении, чтобы они поискали другие пещеры. Но за отпущенный им на поиски день они ничего не нашли. Девушки, однако, привели с собой еще одного человека.

Спустя неделю после того, как они вывесили рубашку Джима в качестве флага, прибыла еще группа из четырех парней. Теперь их стало двадцать пять, и парней оказалось больше, чем девушек. Впрочем, к четверым новеньким скорее подходило слово «мужчины», поскольку все они были на два-три года старше. Три из четырех групп, оказавшихся в зоне проверки на выживание, состояли из выпускников средних школ, но четвертая, куда входили новенькие, была из Теллерского университета, с отделения наук Внеземелья.

«Взрослый» — понятие довольно расплывчатое. Разные культуры относятся к этому понятию по-разному: у одних человек считается взрослым

аж с одиннадцати лет, у других только после тридцати пяти, третьи же вообще не признают никакого возраста до тех пор, пока жив родитель. Род и не думал о вновь прибывших как о «старших». В лагере уже было несколько человек из Теллерского университета, но он вряд ли бы сказал с уверенностью, кто именно: они полностью вписались в их маленькое сообщество. Клубок проблем рос как снежный ком, и просто не хватало времени, чтобы беспокоиться еще и о том, кто чем занимался на далекой Земле.

Эти четверо — мускулистый и очень подвижный Джок Макгован, его младший брат Брюс, Чед Амес и Дик Берк — появились ближе к вечеру, и Род не успел толком с ними познакомиться. Утром тоже не удалось, поскольку совершенно неожиданно прибыли еще четыре девушки и пятеро парней, и административные проблемы выросли до необъятных размеров. Места в пещере для вновь прибывших девушек уже не осталось, и нужно было срочно искать или строить новые жилища.

Род подошел к четверым парням, разлегшимся у костра, присел на корточки и спросил:

— Кто-нибудь из вас понимает что-нибудь в строительстве?

Вопрос был задан всем, но они ждали, когда ответит Джок Макгован.

— Кое-что понимаем, — признался тот. — При желании я, пожалуй, сумею построить все, что захочу.

— Ничего сложного я не планирую, — объяснил Род. — Только каменные стены. Ты когда-нибудь кладку делал?

— Спрашиваешь! А что?

— Идея, в общем, такая. Нам нужно срочно решать вопрос с жильем, а то людей уже — не протолкнешься. Но первым делом надо поставить стену от скалы до реки и отгородить часть луга. Позже мы построим хижины, но сначала нужен крааль, чтобы защититься от хищников.

Макгован рассмеялся:

— Ничего себе стену ты задумал! А тебе не приходилось видеть эту тварь, похожую на вытянутую пуму? Ты даже пикнуть не успеешь, а она уже перемахнет через любую стену.

— Про них я знаю, — согласился Род, потирая длинные белые шрамы на руке, — и большой любви к ним тоже не испытываю. Они, скорее всего, и в самом деле могут перебраться через любую стену, но мы приготовим им сюрприз… — Он взял сухой прут и принялся чертить на

земле. — Здесь мы строим стену… Доводим ее до сих пор… А внутри метров на шесть в глубину ставим заостренные сверху колья. Любая тварь, которая перемахнет через стену, сразу распорет себе брюхо.

Джок Макгован взглянул на схему и сказал:

— По-моему, все это ерунда.

— Да, глупо, — согласился его брат.

Род покраснел, но все же спросил:

— А что, есть идеи получше?

— Это к делу не относится.

— Тогда, если никто не придумает ничего лучше, — медленно произнес Род, — или если мы не найдем хорошую большую пещеру, нужно укреплять это поселение. А значит, надо строить стену. Я собирался отправить девушек заготавливать острые колья. Все остальные займутся стеной. Если взяться как следует, мы еще до темноты многое успеем. Вы четверо хотите работать вместе? Одна группа будет собирать камни, другая копать глину и месить раствор. Выбирайте.

Трое снова посмотрели на своего вожака. Джок Макгован откинулся на спину и заложил руки за голову:

— Извини. У меня сегодня охота.

Род почувствовал, что краснеет.

— Сегодня в этом нет необходимости, — сказал он осторожно.

— А тебя никто не спрашивает, сопляк.

Внутри у Рода, как на охоте, все сжалось в тугой холодный узел. Краем глаза он заметил, что вокруг них уже собралась толпа, и старательно ровным тоном сказал:

— Возможно, я ошибся. Я…

— Ошибся.

— Мне показалось, вы четверо решили объединиться с нами. Так что?

— Может быть. А может быть, и нет.

— Придется вам выбирать. Или вы с нами и тогда работаете, как все. Или нет. В таком случае можете как-нибудь заглянуть на завтрак. А сейчас проваливайте. Я не хочу, чтобы кто-то бездельничал, когда все остальные работают.

Джок Макгован с шумом втянул в себя воздух и причмокнул языком. Руки его все еще оставались за головой.

— Мальчик, ты, кажется, еще не понял, что никто никогда не приказывает Макговану. Никто. Верно, Брюс?

— Верно, Джок!

— Верно, Чед? Дик?

Те тоже подтвердили. Макгован продолжал

разглядывать небо.

— А это значит, — спокойно произнес он, — что я хожу, где и когда хочу, и остаюсь так долго, как меня устраивает. Вопрос не в том, хотим ли мы с вами объединиться, а в том, кого я захочу пригласить объединиться с нами. Тебя, мальчик, это не касается. У тебя еще молоко на губах не обсохло.

— Вставайте и убирайтесь!

«Полковник Боуи», как всегда, висел у Рода на поясе, но он не протянул руку к ножу и только собирался встать. Взгляд Джока метнулся к брату. Род даже не успел распрямиться и, оказавшись на земле лицом вниз, почувствовал холодный укус острия ножа под ребрами. Он замер.

— Что с ним делать, Джок? — спросил Брюс.

Род не видел старшего Макгована, но услышал его ответ:

— Пока подержи его.

— Хорошо, Джок.

У Джока Макгована, кроме ножа, было еще и ружье.

— Кто-нибудь хочет на тот свет? Всем стоять, не двигаться.

Род по-прежнему не мог видеть Джока, но по ошарашенному, испуганному выражению на лицах стоявших вокруг он догадался, что Макго-

ван вскочил на ноги и держит их под прицелом. В лагере все ходили с ножами, и у большинства были ружья — Род заметил, что у Роя Килроя в этот раз ружье за спиной, — но, как правило, они хранились в пещере, в арсенале, которым распоряжалась Кармен.

Сейчас это оружие помочь не могло: слишком быстро все случилось, слишком быстро словесная перепалка превратилась в угрозу для жизни. Лежа на земле, Род не мог видеть своих самых близких друзей, а те люди, которых он видел, похоже, не собирались рисковать собой ради него.

— Чед! Дик! Держите их под прицелом!

— Договорились.

— Я пока займусь этой падалью. — В поле зрения Рода появились волосатые ноги Джока. — Он еще при оружии, Брюс?

— Да, пока.

— Сейчас я это исправлю. Ну-ка, мальчик, перевернись — я заберу твой нож. Пусть перевернется, Брюс.

Брюс Макгован чуть сполз в сторону, и Джок наклонился за ножом Рода, но в этот момент на боку у него, под ребрами, расцвел крошечный стальной цветок. Род не слышал звука выстрела, не слышал даже удара стрелки. Джок резко вы-

прямился, закричал и схватился за бок.

— Джок! Что случилось?

— Убили… — прошептал он и свалился на землю, сложившись, словно тряпка.

У Рода за спиной все еще сидел человек с ножом, но тот на мгновение отвлекся, и этого оказалось достаточно. Одним стремительным движением Род перекатился на бок, схватил Брюса за руку, и ситуация сразу же изменилась: теперь правая рука Брюса попала в железный захват, а острие «Полковника Боуи» заблестело на солнце под самым его носом.

— Эй, внизу, спокойно! Вы у нас на прицеле! — донеслось со скалы глубокое контральто.

Род поднял взгляд. Каролина стояла на каменном уступе у пещеры, прижав к плечу приклад винтовки. Ближе к воде и ниже по течению устроилась Жаклин со своим маленьким пневматическим ружьем. Она перезарядила его, подняла и прицелилась в кого-то за спиной Рода.

— Не стреляйте! — крикнул Род и оглянулся. — Ну-ка, вы двое, бросить оружие!

Чед Амес и Дик Берк послушались.

— Рой! И Грант Каупер! Заберите эти игрушки. И ножи тоже у них отберите! — Он повернулся к Брюсу и кольнул его под горлом. — Выпусти

нож!

Род подобрал брошенный нож и встал. Те, кто был в пещере, повалили наружу, Каролина впереди всех. Джок Макгован корчился на земле, лицо его посинело, он задыхался — симптомы очень напоминали действие яда, что используется в стрелках. Подбежал Боб Бакстер, взглянул на Рода и, сказав: «Сейчас я тобой займусь», склонился над Джоком.

— Ты что, хочешь попытаться его спасти? — возмущенно спросила Каролина.

— Конечно.

— Зачем? Давайте лучше сбросим его в реку.

Бакстер снова посмотрел на Рода. Тот с трудом подавил в себе желание внять совету Каролины и сказал:

— Сделай для него что можно, Боб… Где Жаклин? Джекки, у тебя есть противоядие? Принеси.

— Незачем. Ничего с ним не сделается.

— В смысле?

— Это просто булавочный укол. Учебная стрелка. «Бетси» всегда заряжена учебной стрелкой. Охотничьи я держу подальше, в укромном месте, — чтобы никто случайно себя не царапнул. У меня не было времени их достать. — Она легонько пнула Джока ногой. — Яд тут ни при чем. Это

у него от испуга.

Каролина прыснула и взмахнула своей винтовкой.

— А у меня вообще не заряжена! Даже дубина из нее неважная.

— Ты уверена? — спросил Бакстер у Джекки. — Симптомы похожие.

— Конечно уверена. Видишь цветное пятно на конце? Это учебная стрелка.

Бакстер склонился над раненым и похлопал его по щекам:

— Хватит дурака валять, Макгован! Вставай. Мне нужно вытащить стрелку.

Макгован застонал, но поднялся на ноги. Бакстер зажал оперение двумя пальцами и резко дернул. Джок вскрикнул, и Бакстер снова хлопнул его по щеке.

— Не вздумай падать в обморок, — проворчал Боб. — Считай, что тебе повезло. Пусть кровь немного стечет, и все будет в порядке. — Он повернулся к Роду. — Теперь ты.

— Что такое? У *меня* все в порядке.

— А на спине у тебя, надо полагать, красная краска, да? — Бакстер обернулся. — Кармен, принеси мою аптечку.

— Уже здесь.

— Молодец. Род, сядь и наклонись вперед. Будет немного больно.

Получилось действительно больно. Чтобы не показывать этого, Род заговорил с Кэрол:

— Слушай, я даже не представляю, как вы с Джекки так быстро договорились. Легко получилось.

— А мы и не договаривались. Просто сделали, что могли, и сделали быстро. — Она повернулась к Жаклин и хлопнула ее по плечу, отчего та едва не упала. — Ей цены нет, Родди, ей-богу!

Жаклин изо всех сил старалась не показать, как она довольна, но это ей не очень удавалось.

— Да ладно тебе, Кэрол.

— Как бы то ни было, я вам очень благодарен, — сказал Род.

— Всегда пожалуйста. Жалко только, что эта пукалка не заряжена. А кстати, Род, что ты собираешься с ними делать?

— Не зна… У-у-у!

— Спокойно, — пробормотал Бакстер у него за спиной. — Я же сказал, что будет немного больно… Пожалуй, я лучше поставлю еще одну скобку. Нужно бы, конечно, забинтовать рану, но нечем. Так что ты на время оставь тяжелую работу и спи на животе.

— У-у-у! — снова взвыл Род.

— Все. Это последняя. Можешь встать. Не напрягай спину, и пусть образуется корка.

— Я все-таки думаю, что нам нужно скинуть их в реку. Пусть добираются на ту сторону вплавь, — не унималась Кэрол. — Можно будет даже делать ставки: доплывут или не доплывут.

— Кэрол, ты же цивилизованный человек.

— Ничего подобного. Но я прекрасно знаю, с какой стороны собака виляет хвостом, а с какой кусается.

Род пошел взглянуть на пленников. Рой Килрой заставил их лечь друг на друга — довольно унизительное положение, лишающее их, помимо всего прочего, возможности сопротивляться и вообще как-то действовать.

— Пусть сядут.

Охраняли их Килрой и Грант Каупер.

— Вы слышали капитана. Сесть! — приказал Каупер.

Выбравшись друг из-под друга, пленники с мрачными, испуганными лицами расселись на земле. Род посмотрел на старшего Макгована:

— И что, по-твоему, нам с вами делать?

Макгован молчал. Он заметно побледнел, из прокола у него на боку еще сочилась кровь.

— Кое-кто у нас считает, что вас нужно сбросить в реку, — сказал Род. — Но это все равно что смертный приговор, и если мы решим привести его в исполнение, то скорее расстреляем вас или повесим. Бросать живых людей на съедение хищникам не в моих правилах. Ну что, может быть, вас повесить?

— Мы же ничего не сделали, — буркнул Брюс Макгован.

— Да. Но собирались. Вас опасно оставлять рядом с людьми.

Кто-то из собравшихся выкрикнул:

— Давайте пристрелим их, и дело с концом!

Род никак не отреагировал. Подошел Грант Каупер и, наклонившись поближе, тихо сказал:

— Это надо ставить на голосование. Должен быть какой-то суд.

— Нет, — ответил Род, покачав головой, и, обращаясь к пленникам, добавил: — Я не собираюсь давать волю чувствам и наказывать вас. Но и оставить вас здесь мы тоже не можем. — Он обернулся к Кауперу. — Отдай им ножи.

— Род? Ты, часом, не собираешься драться с ними?

— Боже упаси. — Он снова повернулся к Макговану и его команде. — Ножи можете взять.

Ружья останутся у нас. Когда вас отпустят, пойдете вниз по течению и будете идти по крайней мере неделю. Если мы когда-нибудь увидим ваши физиономии, возможности объясниться у вас уже не будет. Понятно?

Джок Макгован кивнул. Дик Берк сглотнул слюну и сказал:

— Но выгнать нас с одними ножами — это все равно что убить.

— Чушь! Ружей вы не получите. И помните, если вы хоть раз повернете назад, даже во время охоты, пеняйте на себя. Возможно, кто-то будет за вами следить. Кто-то с ружьем.

— И на этот раз с заряженным! — добавила Каролина. — Слушай, Родди, доверь это дело мне, а? Пожалуйста.

— Помолчи, Кэрол. Рой и ты, Грант, выведите их из лагеря.

По дороге группа изгнанников, конвоиров и просто любопытных столкнулась с Джимми Трокстоном. Тот остановился, удивленно их разглядывая, и спросил:

— Это что за процессия? Род… Что у тебя на спине? Опять расчесал?

Несколько человек сразу принялись наперебой рассказывать ему, в чем дело. Наконец он уло-

вил суть происшедшего и расстроенно покачал головой:

— А я там как дурак ищу камни покрасивее для нашей садовой ограды! Ну почему каждый раз, когда люди собираются веселиться, забывают позвать меня? Дискриминация!

— Перестань, Джим. Ничего веселого тут нет.

— Вот я и говорю: дискриминация.

На все происшедшее ушло больше часа, но в конце концов Род распределил поручения, и работа над стеной началась. Вопреки врачебным рекомендациям Боба Бакстера сам он тоже пытался таскать камни, но обнаружил, что это ему не под силу: рана болела при каждом движении, и, кроме того, после всего случившегося его немного лихорадило.

Во время полуденного перерыва Рода отыскал Грант Каупер.

— Капитан? Мне нужно с тобой поговорить. Наедине.

Род отошел с ним в сторону.

— Что ты задумал?

— Мм… Род, я думаю, ты понимаешь, что сегодня утром тебе, в общем-то, повезло. Не хочу тебя обидеть, но…

— Конечно понимаю. А что?

— А ты понимаешь, *почему* все это случилось?

— Теперь понимаю. Я поверил людям, которым верить не следовало.

Каупер покачал головой:

— Вовсе не в этом дело. Род, ты что-нибудь знаешь о теории государственного управления?

Род взглянул на него с удивлением:

— Я проходил обычный курс по основам гражданского права. А что?

— Возможно, у меня не было случая упомянуть об этом, но в Теллерском университете я специализировался как раз по колониальному администрированию. И, помимо всего прочего, мы изучали, что такое власть в человеческом обществе и как ее поддерживать. Я не хочу тебя критиковать… Но если откровенно, ты едва не лишился жизни, потому что никогда не изучал подобных вещей.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Род, борясь с раздражением.

— Не кипятись. Дело в том, что у тебя нет никакой власти. Макгован знал это и отказался подчиняться. Да и все знали. Когда дошло до открытого конфликта, никто не мог решить, что делать, поддерживать тебя или нет. И все потому, что реальной власти у тебя нет ни капли.

— Подожди-ка! Ты хочешь сказать, что я вовсе не капитан этого поселения?

— Ты, без сомнения, капитан, но только de facto. Тебя никто не выбирал на такую должность, и в этом слабость твоего положения.

Род обдумал его слова.

— Пожалуй, ты прав, — медленно произнес он. — Но мы все это время были чертовски заняты.

— Понимаю. И не собираюсь критиковать. Но капитан должен быть избран по закону.

Род вздохнул:

— Я собирался провести выборы, но думал, что стена пока важнее. Ладно, давай всех соберем.

— Ну, не обязательно делать это вот так сразу.

— Почему? Чем скорее, тем лучше.

— Вечером, когда стемнеет и нельзя будет работать, самое подходящее время.

— Мм… Ладно.

Перед ужином Род объявил, что будет организационное собрание. Никого это не удивило, хотя он ни с кем свои планы не обсуждал. Род почувствовал раздражение, и ему пришлось напомнить себе, что никакого секрета тут нет. Тем более что с Грантом он ни о чем таком не договаривался и тот вполне мог кому-то рассказать. Когда все

поужинали, Род расставил дежурных у костров и часовых, затем вернулся в центр освещенного круга и открыл собрание:

— Тихо, все! Давайте начинать. Если тем, кто стоит на вахте, не слышно, скажите! — На мгновение он умолк, затем продолжил: — У нас должны состояться выборы. Мне тут подсказали, что меня никто не выбирал капитаном поселения. Так что, если кто чем был недоволен, я извиняюсь. Старался как мог. Однако выбирать капитана — ваше право. Давайте приступим. Предлагайте кандидатуры.

— Предлагаю Рода Уокера! — выкрикнул Джимми Трокстон.

— Поддерживаю! И предлагаю прекратить выдвижение кандидатур, — раздался голос Каролины.

— Кэрол, твое предложение не принимается, — торопливо сказал Род.

— Почему?

Прежде чем он успел ответить, слово попросил Рой Килрой:

— Род? Я хочу кое-что сказать. Важный вопрос.

Род повернулся и увидел, что Рой сидит рядом с Грантом Каупером.

— Пожалуйста.

— Я хочу остановиться на процедурном вопросе. Прежде всего полагается выбрать временного председателя собрания.

Род быстро обдумал сказанное.

— Видимо, ты прав. Джимми, твое предложение не принимается. Пожалуйста, кандидатуры на должность временного председателя собрания!

— Предлагаю Рода Уокера!

— Угомонись, Джимми. Я не хочу быть временным председателем.

В конце концов выбрали Роя Килроя. Он взмахнул воображаемым молоточком и объявил:

— Председатель приглашает Гранта Каупера с выступлением о целях и задачах сегодняшнего собрания.

Тут снова вылез Джимми Трокстон:

— На кой черт нам речи слушать? Давайте выберем Рода и ляжем спать. Я устал, а мне еще ночью два часа на вахте стоять.

— Предложение не принимается. Приглашается Грант Каупер.

Каупер встал. В отсветах костров его привлекательное лицо и короткая кучерявая борода сразу приковывали к себе взгляд. Род потрогал чахлую поросль у себя на подбородке и понял, что здесь до Каупера ему далеко. Одет тот был лишь в шор-

ты и мягкие походные ботинки, но держался с непринужденностью хорошего оратора, выступающего перед каким-нибудь важным комитетом.

— Друзья, — начал он, — братья и сестры! Мы собрались здесь не для того, чтобы выбрать капитана поселения. Нет. Мы собрались, чтобы заложить основы новой нации.

Грант сделал паузу, предоставляя слушателям возможность прочувствовать сказанное, затем продолжил:

— Вы все представляете себе ситуацию, в которой мы оказались. Все мы надеемся на спасение, и, поверьте, я не меньше других. У меня нет сомнений, что нас спасут… рано или поздно. Но нам не дано знать, когда это случится, и оснований для хоть какого-нибудь прогноза у нас тоже нет. Возможно, это случится завтра, а может быть, спасатели отыщут наших потомков через тысячу лет. — Последнюю фразу он произнес очень торжественно. — Но когда-нибудь великая человеческая раса восстановит контакт со своей малой затерявшейся частичкой, с нами, и то, что увидят люди Земли, зависит от нас: или это будет цивилизованное общество, или замученные вшами животные без языка, без искусства, без искрящегося света разума в глазах… Или же

обглоданные белые кости и ни души вокруг.

— Это не про меня! — выкрикнула Каролина.

Килрой бросил на нее короткий взгляд и призвал к порядку.

— Да, Каролина, не про тебя, — строго подтвердил Каупер. — И ни про кого из нас. Потому что сегодня мы сделаем важный шаг, который позволит колонии выжить. Мы бедны ресурсами, но создадим все, что нам понадобится, потому что мы богаты знаниями. Основы знаний нашей великой расы живут во всех нас. Мы должны их сохранить, и мы их сохраним!

— Красиво говорит, а? — вставила Каролина громким шепотом, когда Грант сделал паузу. — Может, мне выйти за него замуж?

На этот раз он не отреагировал на ее выпад и продолжил:

— Каково же, по-вашему, величайшее достижение человечества? То, без чего все остальное просто бесполезно? Что мы должны беречь и ценить превыше всего?

— Огонь, — отозвался кто-то.

Каупер покачал головой.

— Письменность!

— Десятичную систему!

— Атомную физику!

— Колесо, конечно!

— Нет-нет, все это не то. Открытия и достижения, что вы назвали, важны, но не они основа цивилизации. Важнейшее изобретение человечества — это государственное управление. Оно же и самое сложное. Люди — индивидуалисты даже в большей степени, чем кошки, и тем не менее мы научились сотрудничать более эффективно, чем муравьи, пчелы или термиты. Дикие, хищные и опасные, как акулы, мы научились жить в мире, словно агнцы. Но это было нелегко. Именно поэтому то, что произойдет сегодня, определит наше будущее, а может быть, и будущее наших детей, внуков, правнуков и длинной череды потомков. Мы не выбираем сейчас временного лидера поселения, мы создаем правительство. И мы должны подходить к этой задаче со всей ответственностью. Да, нам нужно выбрать руководителя новой нации, мэра нашего города-государства. Но не только. Мы должны создать конституцию и определить, что связывает нас вместе. Мы должны быть организованны и четко планировать свое будущее!

— Правильно!

— Браво!

— У нас должен быть закон, судьи и правопо-

рядок. Возьмите, к примеру, утренние события… — Каупер повернулся к Роду, и на лице его появилась дружеская улыбка. — У меня нет никаких претензий к тебе лично, Род. Считаю, что ты поступил мудро, и я рад, что твое решение было продиктовано милосердием. Хотя в данном случае никто не упрекнул бы тебя, если бы ты поддался чувствам и пристрелил всю четверку этих… антиобщественных элементов. Тем не менее справедливость не должна подчиняться переменам настроения диктатора. Мы не хотим, чтобы наша жизнь зависела от того, хорошее у тебя настроение или плохое. Я думаю, что ты тоже понимаешь это.

Род промолчал. У него было такое чувство, словно его только что назвали диктатором и тираном, а вдобавок продемонстрировали, что он просто опасен для их маленького общества. Вроде ничего конкретного, все как будто по-дружески, и в то же время слова Каупера звучали как серьезный упрек лично ему.

— Ты ведь согласен, Род? — не отставал Каупер. — Правда же? Ты ведь не хочешь и впредь сохранять абсолютную власть над жизнью и душой каждого из нас? Правильно я понимаю? — Он ждал ответа.

— А? Да, разумеется. Я имею в виду, что я с тобой согласен.

— Отлично! Я не сомневался, что ты поймешь. И должен сказать, я считаю, что ты отлично справился со своей работой, собрав нас всех вместе. Я ни в коем случае не соглашусь с твоими критиками. Ты сделал все, что в твоих силах, и что сделано, то сделано. — Каупер вновь одарил его своей дружеской улыбкой, и Род почувствовал, что его будто душат в объятиях.

Каупер повернулся к Килрою:

— Собственно, это все, что я хотел сказать, господин председатель. — Он улыбнулся собравшимся и, садясь, добавил: — Прошу прощения, если я занял много времени. Очень уж хотелось высказаться.

Килрой хлопнул в ладоши:

— Председатель предлагает выдвигать кандидатуры на пост… Послушай, Грант, если не «капитан», то как мы назовем эту должность?

— Мм… — задумался Каупер. — «Президент» звучит слишком помпезно. Думаю, «мэр» будет в самый раз: мэр нашего города-государства, мэр нашего поселения.

— Прошу выдвигать кандидатуры на пост мэра!

— Эй! — выкрикнул Джимми Трокстон. — А что, никому другому здесь высказаться не дадут?

— Не принимается!

— Постой, — возразил Каупер. — Я думаю, ты не прав, не разрешая выступить Джимми, Рой. Каждый, кому есть что сказать, имеет право выступить. Нам нельзя действовать поспешно.

— Хорошо, Трокстон, высказывайся.

— Я не собирался выступать. Просто мне не нравится, когда зажимают остальных.

— Поправка принимается. Кто-нибудь еще желает? Если нет, я прошу выдвигать…

— Минутку, господин председатель!

Род увидел, что поднялся Артур Нилсен из группы Теллерского университета. Каким-то образом ему удавалось выглядеть прилично даже в таких условиях, хотя до лагеря он добрался совсем без снаряжения, даже без ножа, и был страшно голоден.

— Ты хочешь выступить, Вакси? — спросил Килрой.

— Нилсен. Или Артур. Как тебе известно. Да, я хочу.

— Ладно. Только покороче.

— Я буду краток — насколько позволят обстоятельства. Дорогие друзья, нам представилась уни-

кальная возможность — возможность, которой не было ни у кого за всю историю человечества. И, как сказал Каупер, нам следует подходить к решению наших задач со всей ответственностью. Однако мы уже встали на неверный путь. Нашей целью должно быть создание нового сообщества, действующего на истинно научной основе. Но что я вижу? Вы хотите выбрать руководителя простым подсчетом голов! Лидеров нельзя выбирать, исходя из популярности; они должны выявляться по строгим научным критериям. И, будучи выбранными, они должны обладать всей полнотой научной свободы, чтобы направлять биогруппу в соответствии с законами природы, без вмешательства таких искусственных анахронизмов, как законодательство, конституция и суды. У нас здесь вполне достаточное число здоровых особей женского пола, и мы имеем возможность создать научно обоснованную новую расу, суперрасу, расу, которая, я осмелюсь ска…

В грудь ему ударил ком глины, и он умолк на полуслове.

— Я видел, кто это сделал! — выкрикнул Нилсен с обидой. — Как раз такой дуб, который всегда…

— Тихо! Я призываю собрание к порядку! — перебил его Килрой. — Грязью не кидаться, а то я

буду вынужден ввести в зал заседаний полицию. Ты закончил, Вакси?

— Я только начал.

— Минутку, — вмешался в разговор Каупер. — Процедурный вопрос, господин председатель. Артур имеет право быть выслушанным. Но я думаю, он выступает не перед тем собранием. У нас будет конституционный комитет, я не сомневаюсь. Вот ему-то Артур и должен будет изложить свои соображения. Если его доводы придутся нам по душе, тогда мы возьмем их на вооружение.

— Верно, Грант. Садись, Вакси.

— Как это? Я выношу протест.

Рой Килрой не мешкая произнес:

— Председатель предлагает перенести это выступление на более подходящее время, но оратор настаивает на решении собрания. Ставим вопрос на голосование. Кто за то, чтобы Вакси заткнулся, кричит «да».

Раздалось дружное громкое «да-а-а!».

— Против?.. Никого. Садись, Вакси.

— Кто-нибудь еще желает выступить? — Килрой оглядел собравшихся.

— Да.

— Не вижу. Кто это?

— Билл Кеннеди. Школа «Понсе де Леон». Я

не согласен с Нилсеном во всем, кроме одного: мы действительно взяли не то направление. Нам, безусловно, нужен капитан поселения, но, помимо пропитания, у нас должна быть только одна забота — поскорее вернуться назад. Меня интересует не научно обоснованное общество, а горячая ванна и приличная еда.

Вокруг зааплодировали, но не очень дружно.

— Я тоже не возражаю против ванны… — откликнулся председатель, — и готов сразиться с любым за тарелку кукурузных хлопьев, но, Билл, что, по-твоему, мы должны делать?

— Как — что? В первую очередь бросить все силы на разработку и строительство гиперпространственных ворот.

Несколько секунд собрание молчало, затем заговорили все сразу.

— Ненормальный! А уран где взять?

— Мы можем *найти* уран.

— У нас нет никаких инструментов! Даже простой отвертки и то нет!

— А кто знает, где мы находимся?

— Все дело за…

– *Тихо!* — крикнул Килрой. — Билл, ты знаешь, как построить ворота?

— Нет.

— И я сомневаюсь, что кто-нибудь из нас это знает.

— Это пораженчество! Наверняка кто-нибудь из Теллерского университета изучал этот вопрос. Вы должны собраться, объединить свои знания и определить нам программу работ. Понятно, это займет много времени. Но это единственный выход.

— Секунду, Рой, — снова встал Каупер. — Билл, я не стану оспаривать твое предложение, потому что каждое предложение нужно изучить и оценить. У нас будет и комитет по планированию. Может быть, мы сначала изберем мэра — или капитана, или как вы решите назвать эту должность, — а потом, когда у нас будет время обсудить твое предложение в деталях, мы с ним разберемся. Я думаю, оно не лишено достоинств и нужно его обсудить. Что ты думаешь по этому поводу?

— Конечно, Грант. Давай займемся выборами. Я просто не хотел, чтобы эта чушь насчет выведения расы суперменов прозвучала как заключительное слово.

— Господин председатель! Я протестую!

— Умолкни, Вакси. Вы готовы высказывать предложения? Если нет возражений, я объявляю

окончание дебатов и предлагаю выдвигать кандидатуры.

— Предлагаю кандидатуру Гранта Каупера!

— Поддерживаю!

— Поддерживаю предложение!

— Хорошо, я тоже поддерживаю!

— Единогласно! На голосование!

Тут сквозь гвалт прорвался голос Джимми Трокстона:

— Я ПРЕДЛАГАЮ РОДА УОКЕРА!

— Господин председатель? — Боб Бакстер встал.

— Тихо, все! Мистер Бакстер.

— Я поддерживаю кандидатуру Рода Уокера.

— Хорошо. У нас две кандидатуры. Грант Каупер и Род Уокер. Есть еще предложения?

Короткий период молчания нарушил Род:

— Секунду, Рой… — Он почувствовал, как дрожит у него голос, и два раза глубоко вздохнул. — Я не хочу этой должности. Мне и так уже хватило забот, и я хочу отдохнуть. Но в любом случае спасибо, Боб. Спасибо, Джимми.

— Еще кандидатуры?

— Рой… Я тоже имею право высказаться. — Грант Каупер встал. — Род, я понимаю, какие чувства ты испытываешь. Ни один человек в

здравом уме не ищет выборных постов — разве что повинуясь чувству долга и желанию служить своему народу. Если ты снимешь свою кандидатуру, я намерен поступить так же. Мне не больше тебя нравятся головные боли.

— Подожди-ка, Грант. Ты…

— Нет, это *ты* подожди. Я думаю, ни один из нас не имеет права на самоотвод. Эту работу мы должны выполнять так же, как без разговоров заступаем на ночное дежурство, когда подходит очередь. Но я считаю, что нам нужно больше кандидатур. — Он окинул собрание взглядом и продолжил: — После утренней стычки у нас парней и девушек поровну, однако оба кандидата — мужчины. Это несправедливо. Э-э-э… господин председатель, я предлагаю кандидатуру Каролины Мшийени.

— Что? Эй, Грант, не валяй дурака. Я, конечно, буду неплохо выглядеть в качестве мэра, но я все равно за Родди.

— Это твое право, Каролина. Но ты должна оставить свою кандидатуру, так же как Род и я.

— Но за меня никто не будет голосовать!

— Вот здесь ты не права. Я буду голосовать за тебя. Но нам нужны еще кандидатуры.

— Собранию предложены три кандидату-

ры, — объявил Рой. — Кто-нибудь еще желает выступить? Если нет, я…

— Господин председатель!

— А? Вакси, ты хочешь кого-нибудь предложить?

— Да.

— Кого же?

— Себя.

— Ты хочешь предложить *себя*?

— Ну да. А что тут такого? Я баллотируюсь на платформе строго научного правления. Я хочу, чтобы рационально мыслящим членам этой группы было за кого голосовать.

Килрой растерялся:

— Я не уверен, что это в рамках правильных парламентских процедур. Боюсь, мне придется…

— Какая разница? — рассмеялась Каролина. — *Я* его предлагаю! Но голосовать все равно буду за Родди.

— Хорошо, четыре кандидата, — вздохнул Килрой. — Похоже, нам придется голосовать открыто: не из чего сделать бюллетени.

— Возражаю, господин председатель, — встал Боб Бакстер. — Я настаиваю на тайном голосовании. Мы вполне способны что-нибудь придумать.

И разумеется, они придумали. Камешками решили обозначить голоса, отданные за Рода, обломками прутиков — голоса за Каупера, зелеными листьями — за Каролину, а в качестве урны для голосования взяли одну из неудавшихся попыток Джимми слепить глиняный горшок.

— А как насчет Нилсена? — спросил Килрой.

— У меня есть предложение, — отозвался Джимми. — Я на днях сделал еще один горшок, но только он треснул. Я принесу обломки, и все, у кого голова с такой же трещиной, будут голосовать ими за Вакси.

— Господин председатель, я протестую против подобного…

— Тихо, Вакси. Куски обожженной глины — за тебя, камни — за Уокера, щепки — за Каупера, листья — за Кэрол. Выбирайте свои бюллетени и по очереди опускайте их в урну. Коротыш и ты, Марджери, будете счетной комиссией.

В отсветах костров счетная комиссия подвела итоги. Пять голосов за Рода, один за Нилсена, ни одного за Каролину и двадцать два за Каупера. Род пожал ему руку и удалился в темноту, чтобы никто не видел его лица. Каролина взглянула на результаты и воскликнула:

— Эй, Грант! Ты же обещал голосовать за меня.

В чем дело? Или ты за себя проголосовал, а?

Род промолчал. Сам он голосовал за Каупера, но был уверен, что новый мэр не ответил на его любезность тем же. Род прекрасно знал, кто эти пятеро друзей, отдавших за него свои голоса. Черт! Ведь он понимал, чем кончится дело. Почему Грант не дал ему снять свою кандидатуру?

Никак не отреагировав на вопрос Каролины, Грант занял место председательствующего и произнес:

— Спасибо! Спасибо вам всем. Я знаю, что вы уже хотите спать, и поэтому сегодня лишь назначу несколько комитетов…

Род заснул далеко не сразу. Долго убеждал себя, что проиграть выборы — вовсе не бесчестье: в конце концов, его отец тоже провалился, когда выдвигал свою кандидатуру в окружной административный совет. И, кроме того, говорил себе Род, такая орава диких обезьян кого угодно может свести с ума, так что, может, оно и к лучшему. Ведь он, в общем-то, и не *хотел* этой должности… Однако внутри почему-то все сжималось от обиды, и поражение не давало покоя.

Казалось, едва он заснул… Рядом стоял отец и говорил: «Ты же знаешь, мы тобой гордимся, сынок. Но если бы ты предусмотрел…» Тут кто-то

тронул его за плечо.

Род мгновенно проснулся, вскочил и выхватил из ножен «Полковника Боуи».

— Убери свою зубочистку, — прошептал Джимми, — а то кого-нибудь ненароком прирежешь. Меня, например.

— Что случилось?

— Ничего, просто сейчас моя очередь следить за костром. Но все равно поднимайся — у нас будет заседание тайного совета.

— Что?

— Заткнись и иди за мной. Только тихо: люди спят.

«Тайный совет», как оказалось, состоял из Джимми, Каролины, Жаклин, Боба Бакстера и Кармен Гарсиа. Они собрались вместе внутри охраняемого кострами круга, но на противоположном краю от спящих. Род огляделся и спросил:

— Что это вы надумали?

— Дело вот в чем, — с ходу начал Джимми. — Ты по-прежнему остаешься для нас капитаном, и, по нашему общему мнению, эти выборы — все равно что крапленая колода.

— Верно, — согласилась Каролина. — Чего стоят одни эти заумные разговорчики!

— Но ведь все могли выступить. И все голосовали.

— Да, — признался Бакстер. — Но тем не менее…

— Все было по правилам. У меня нет претензий.

— Я понимаю. Однако… Не знаю, много ли тебе довелось вкусить политической жизни там, на Земле… Мне и самому не часто приходилось сталкиваться с подобными ситуациями — разве что в религиозных вопросах, но у нас, квакеров, все это делается иначе. Мы просто ждем наития. Болтовни сегодня было много, но в действительности это лишь ловкий маневр. Еще утром ты прошел бы единогласно, а уже вечером у тебя не осталось никаких шансов.

— Короче, вопрос стоит так: согласны мы или нет? — закончил за него Джимми.

— А что мы можем сделать?

— Как — что? Мы не обязаны сидеть здесь на привязи. Мы по-прежнему одна маленькая группа и можем просто уйти куда-нибудь в другое место. Найдем пещеру побольше…

— Вот именно, — согласилась Каролина. — Можно прямо сейчас.

Род задумался. Идея, конечно, была соблаз-

нительная. Они вполне способны обойтись без остальных, особенно таких, как Нилсен. Или Каупер. Род осознал, что друзья по-настоящему преданы ему, что они выберут изгнание, но не оставят его, и от волнения у него вдруг перехватило дыхание. Он повернулся к Жаклин:

— А ты, Джекки?

— Мы ведь партнеры, Род. Навсегда.

— Боб, вы в самом деле хотите этого? И ты, и Кармен?

— Да, но…

— Что «но»?

— Род, мы, понятно, с тобой. Выборы выборами, но ты принял нас к себе в команду, когда мы оказались в беде, и мы никогда этого не забудем. Более того, я думаю, Каупер никогда не станет таким капитаном, каким мог бы стать ты. Но есть одно дело.

— Какое именно?

— Если ты решишь, что надо уходить, то давай отложим это на один день. Мы с Кармен были бы очень благодарны…

— Зачем это? — спросила Каролина. — Сейчас самое время.

— Дело вот в чем… У них тут настоящая колония, поселение со своим мэром, а всем известно,

что выбранный по закону мэр может оформлять браки.

— О! — спохватилась Каролина. — Молчу, молчу.

— О религиозной стороне мы с Кармен позаботимся сами — у нас это несложно. Но на тот случай, если нас спасут, мы бы хотели, чтобы все формальности гражданского брака были соблюдены. Родителям так будет спокойней. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Род.

— Но если ты скажешь, что идем сейчас…

— Не скажу, — ответил Род, неожиданно решившись. — Мы останемся и поженим вас как положено. А затем…

— А затем смоемся под звуки свадебной музыки, — закончила Каролина.

— А затем посмотрим. Может быть, Каупер окажется неплохим мэром. Нам вовсе не обязательно уходить только потому, что я проиграл выборы. — Род обвел своих друзей взглядом. — Но… я вам всем очень благодарен. Я…

Он не справился с охватившими его чувствами и умолк. Кармен шагнула вперед и чмокнула его в щеку:

— Спокойной ночи, Род. Спасибо.

Глава 9
«Радостное знамение»

Мэр Каупер начал неплохо. Прежде всего он одобрил, поддержал и запустил в работу предложение выделить Кармен и Бобу отдельное жилье. Для этого все на время оставили стену и дружно принялись за строительство коттеджа для новобрачных. И только когда его помощник, Рой Килрой, напомнил ему, Каупер распорядился насчет охоты.

Сам мэр тоже работал не покладая рук — свадьбу назначили на вечер, и он объявил, что дом должен быть готов к заходу солнца. Построить они его построили, только для этого пришлось разобрать часть стены: не хватало камня. Поскольку не было ни инструментов, ни брусьев, а вместо раствора месили глину, конструкция, понятно, получилась предельно простой — прямоугольная коробка в рост человека и площадью метра в два с дырой в одной из стен. Крышу сложили из стеблей высоченной травы, что росла выше по течению. Трава здорово напоминала по виду бамбук, и это название

быстро закрепилось. Стебли обрезали, уложили рядами и навалили сверху глины — крыша сильно просела, но удержалась.

Как бы то ни было, у них вышел настоящий дом и даже с закрывающейся дверью, которую сделали из травяной циновки, натянутой на бамбуковую раму. Дверь не поворачивалась на петлях и не запиралась, но по крайней мере ее можно было поставить на место и прижать камнем. На полу в доме насыпали чистого песка и настелили свежих листьев.

Не бог весть какое жилище для человека: гораздо больше строение походило на будку для сенбернара. Но за долгую историю человечества людям приходилось жить в домах и похуже. Боба и Кармен жилище вполне устраивало.

Во время перерыва на ланч Род намеренно сел неподалеку от группы, окружившей Каупера. Ночью он долго себя убеждал и в конце концов убедил, что правильнее всего будет сделать хорошую мину при плохой игре. Для начала не избегать Каупера.

В тот день готовила Марджери Чан. Она отрезала Роду кусок обжаренного на огне мяса, и он, поблагодарив повара, впился в него зубами. Каупер вещал. Род не старался подслушивать, но

никаких причин не слушать тоже не было.

— …а это единственный способ привить нашей группе необходимую дисциплину. Я не сомневаюсь, что вы согласитесь. — Тут Каупер поднял взгляд и заметил Рода. На лице его промелькнуло раздражение, но он тут же улыбнулся. — Привет, Род.

— Привет.

— Слушай, старина, у нас тут заседание исполнительного комитета. Ты не мог бы поесть где-нибудь в другом месте?

Род покраснел и встал:

— Ради бога.

Каупер, похоже, о чем-то подумал и добавил:

— Тут никаких секретов, разумеется, но работа есть работа. А вообще-то, может быть, и тебе стоит к нам присоединиться: глядишь, что-то и присоветуешь.

— А? Нет уж! Я и не думал, что вы тут что-то обсуждаете. — Он двинулся прочь.

Настаивать Каупер не стал.

— Ладно, надо работать. Еще полно всяких дел. Позже увидимся. В любое время. — Он снова улыбнулся и повернулся к своему комитету.

Чувствуя, что на него обращают внимание, Род пошел через лагерь. Затем его окликнули,

и, увидев Джимми Трокстона, он обрадованно двинулся в его сторону.

— Пойдем за стену, — тихо сказал Джимми. — Тайная шестерка устраивает пикник. Ты не видел счастливую парочку?

— Кармен и Боба?

— А ты знаешь какую-нибудь другую счастливую парочку? О, вон они, разглядывают голодными глазами свой будущий особняк. Иди, там увидимся.

Род вышел за стену и обнаружил, что Жаклин и Каролина уже там: сидят у воды и уминают мясо. По привычке он огляделся, высматривая, где могут прятаться хищники, и прикидывая маршрут отступления к ограде, но все это почти бессознательно — на открытой местности, да еще когда рядом столько людей, опасности, пожалуй, никакой не было. Он подошел к девушкам и сел.

— Привет, девчонки.

— Привет, Род.

— Привет, Родди, — отозвалась Каролина. — Что новенького?

— Ничего, похоже. Слушай, а что, Грант назначил вчера и исполнительный комитет?

— Он назначил тысячу комитетов, но про исполнительный я ничего не слышала. Видимо, он

сделал это, когда мы уже разошлись. И зачем он ему? Нам исполнительный комитет нужен как собаке пятая нога.

— Кто туда входит, Род? — спросила Жаклин.

Род по памяти перечислил сидевших вокруг Гранта. Жаклин задумалась.

— Похоже, это все его дружки из Теллерского университета.

— Видимо, да.

— Не нравится мне это.

— А что тут плохого?

— Пока, возможно, ничего. Этого даже следовало ожидать. Но мне было бы спокойнее, если бы там участвовали все классы, а не только эта великовозрастная банда. Сам понимаешь…

— Ну подожди, Джекки, надо дать ему время, а там видно будет.

— Да что тут смотреть? — сказала Каролина. — Вся эта банда, что ты назвал, как раз и есть те люди, которых его величество назначил руководителями других комитетов. Маленькая сплоченная клика. Ты, наверно, заметил, что из нашей шестерки никого в важные комитеты не назначили: меня — в комитет уборки и санитарии, Джекки — в комитет питания, а тебя вообще никуда. Ты должен быть и в конституционном,

и в юридическом, и в организационном, но он назначил председателем этих комитетов себя, а тебя вообще не пригласил. Что получается?

Род промолчал, и Каролина продолжила:

— Я тебе скажу, что получается. Мы и оглянуться не успеем, как у нас появится выборный комитет. Затем окажется, что занимать ведущие должности могут только те, кто достиг определенного возраста, скажем двадцати одного года. А вскоре исполнительный комитет превратится в сенат — только называться, может, будет как-нибудь по-другому — с правом вето, которое можно отменить лишь тремя четвертями голосов, чего нам никогда не добиться. Я думаю, мой дядя Фил так бы и сделал.

— Твой дядя Фил?

— О, вот это политик! Я его никогда не любила — за время своей карьеры он перецеловал столько детишек, что у него губы вытянулись трубочкой, — и всегда пряталась, когда он приезжал к нам в гости. Но вот натравить бы его на нашего императора, то-то была бы битва динозавров! Ты же видишь, Род, нас окрутили как младенцев, и я думаю, надо сниматься отсюда сразу после свадьбы. — Она повернулась к Жаклин. — Верно я говорю?

— Конечно… если Род согласен.

— Нет, я не согласен, Кэрол. Мне и самому ситуация не особенно нравится. Сказать по правде, я был здорово обижен, что меня вышибли с должности капитана. Но я не хочу, чтобы вы все уходили отсюда только из-за этого. Нас не так много, чтобы мы могли основать новую колонию, причем столь же безопасную.

— Бог с тобой, Родди! Там, в лесах, еще в три раза больше народа, чем здесь, в лагере, и теперь мы будем осторожнее и разборчивее. А потом, шестеро — это не так уж мало. Мы выживем.

— Не шестеро, Кэрол. Четверо.

— Как это? Шестеро! Мы вчера только собирались!

Род покачал головой:

— Кэрол, разве можем мы настаивать, чтобы Боб и Кармен ушли после того, как все остальные сделали им такой свадебный подарок — собственный дом?

— А, черт!.. Мы построим им новый дом!

— Они пойдут с нами, Кэрол, но настаивать на этом, сама понимаешь…

— Я думаю, Род прав, Кэрол, — признала Джекки.

Спор закончился с появлением Боба, Кармен и

Джимми. Джимми объяснил, что они задержались, потому что обследовали дом.

— Как будто я и без того не знаю в нем каждый камень! О, моя бедная спина!

— Джимми, мы очень ценим твои усилия, — ласково сказала Кармен. — Я тебе разотру спину.

— Заметано! — Джимми повалился на землю лицом вниз.

— Эй! — возмутилась тут же Каролина. — Я камней перетаскала не меньше его. Он-то как раз только стоял и командовал.

— У надсмотрщика всегда самая тяжелая работа, — самодовольно произнес Джим. — А тебе пусть Боб спину разотрет.

Однако ни Джимми, ни Кэрол обещанных процедур не дождались. На стену взобрался Рой Килрой и крикнул оттуда:

— Эй, внизу! Перерыв окончен. Пошли работать.

— Извини, Джимми. Позже. — Кармен повернулась к стене.

Джимми вскочил на ноги:

— Боб, Кармен! Подождите. Я хотел что-то сказать.

Все остановились. Род махнул Килрою рукой и крикнул:

— Сейчас будем!

Джимми никак не мог подобрать нужные слова.

— Э-э-э… Кармен и Боб… — сказал он наконец. — Будущие Бакстеры. Вы знаете, что все мы вас очень любим. И здорово, что вы решили пожениться… У каждой семьи должна быть свадьба. Но… Короче, в магазинах тут негусто, и мы не знали, что вам подарить… Однако поговорили и решили подарить вам вот это. От всех нас. На свадьбу. — Джимми сунул руку в карман, достал свою затрепанную, грязную колоду карт и вручил ее Кармен.

Боб Бакстер не сразу нашелся что сказать.

— Боже, Джимми, мы не можем принять твои карты. Это ведь *единственная* колода на все поселение.

— Я… я хочу, чтобы это были ваши карты.

— Но…

— Помолчи, Боб. — Кармен взяла из рук Джимми колоду. — Спасибо, Джимми. Огромное спасибо. Спасибо вам всем. — Она обвела их взглядом. — Я хотела сказать, что наша свадьба ничего не меняет. Мы по-прежнему одна семья. Приходите к нам в гости… играть в карты… как и раньше… — Кармен умолкла и всхлипнула,

уронив голову Бобу на плечо.

Боб успокаивающе погладил ее по голове. Джимми часто заморгал, а Род от волнения просто не знал, что сказать. Кармен обняла одной рукой своего суженого, другой — Джимми, и они двинулись обратно к лагерю. Род и Жаклин с Каролиной шли чуть позади.

— Джимми вам что-нибудь говорил об этом? — прошептал Род.

— Нет, — ответила Жаклин.

— Мне тоже, — подтвердила Каролина. — Я собиралась подарить им свою сковородку, но теперь подожду день-другой.

В той самой «сумке с камнями» оказалось много всякой всячины, и среди прочего дневник с тонкими листами, губная гармошка и маленькая сковородка — весьма странный набор снаряжения для проверки на выживание. Время от времени она удивляла всех, извлекая откуда-то разные другие полезные мелочи. Никто не мог понять, почему Каролина взяла их с собой и как она умудрилась сохранить все это, выбросив сумку, но, как говорил Мастер Мэтсон, «у каждого свои методы. Выживание — не наука, а искусство». Так или иначе, появившись у входа в пещеру, Каролина была здорова, сыта и удивительно

опрятна, хотя она целый месяц провела среди дикой природы.

— Они подумают, что это слишком ценный подарок, Кэрол.

— Я все равно не могу ею пользоваться, когда нас так много. И мне очень хочется сделать им подарок.

— Я подарю ей две иголки и нитки. Боб заставил ее оставить набор для шитья, чтобы взять побольше лекарств. Но я тоже немного подожду.

— А у меня вообще ничего нет, — расстроился Род.

— Ты можешь сделать для них бурдюк, — подсказала Жаклин, бросив на него заботливый взгляд. — Их это сильно обрадует. А чтобы он долго служил, мы истратим немного дубильного препарата из моих запасов.

Род сразу же повеселел:

— Слушай, а ты здорово придумала!

— Мы собрались сегодня, — торжественно произнес Грант Каупер, — чтобы соединить двух этих молодых людей священными узами брака. Я не буду задавать традиционных вопросов, так как все мы прекрасно знаем, что никаких препятствий этому союзу не существует. И вообще, более радостное событие для нашего маленького

поселения даже представить себе трудно. Я бы сказал, это радостное знамение грядущих перемен, надежда на будущее, гарантия того, что мы твердо решили сохранить огонь цивилизации, зажженный на этой планете, и передать его следующим поколениям. А это означает…

Дальше Род не слушал. Он стоял справа от жениха в качестве шафера. Обязанности его ничего сложного собой не представляли, но ему вдруг невыносимо захотелось чихнуть. Он долго морщил нос, яростно тер верхнюю губу и наконец справился с собой. Следя за церемонией, Род тихо вздохнул и впервые почувствовал облегчение оттого, что эта работа досталась Гранту Кауперу. Тот, похоже, знал все нужные слова, чего про себя Род сказать не мог.

Слева от невесты стояла Каролина Мшийени. Обе девушки держали в руках букеты алых цветов. Каролина, как обычно, была в шортах и рубашке, а невеста в джинсах и легкой куртке. Кармен причесалась и заплела волосы в косу, отмытое по случаю свадьбы лицо буквально светилось в отблесках костра, и вся она была в этот момент сказочно красива.

— Кто отдает эту женщину?

Джимми Трокстон шагнул вперед и хрипло

ответил:

— Я!

— Кольцо, пожалуйста.

Немного замешкавшись, Род стянул кольцо с мизинца и вручил его Кауперу. За неимением другого пришлось взять у Билла Кеннеди на время выпускное кольцо школы «Понсе де Леон».

— Кармен Элеонора, согласна ли ты взять в мужья этого мужчину, чтобы любить его и заботиться о нем и быть рядом в горе и радости, пока не разлучит вас смерть?

— Согласна.

— Роберт Эдвард, согласен ли ты взять в жены эту женщину? Будешь ли ты любить ее, заботиться о ней и хранить ей верность, пока не разлучит вас смерть?

— Буду. В смысле, согласен. И то и другое.

— Возьми ее руку в свою, надень ей на палец кольцо, и повторяйте за мной…

На Рода снова напал чих; он боролся изо всех сил и пропустил мимо ушей значительную часть речи.

— …Итак, властью, данной мне как законно избранному главе магистрата этого суверенного поселения, я объявляю вас мужем и женой! Теперь поцелуй жену, парень, пока я тебя не

опередил.

Кэрол и Джекки почему-то плакали, а Род никак не мог понять почему. Он пропустил свою очередь целовать молодую жену, но она сама повернулась к нему, обняла за шею и поцеловала. Затем он долго тряс руку Бобу.

— Ну вот, поздравляю. Не забудь, что ты должен внести ее через порог на руках.

— Не забуду.

— Ты просил напомнить… И благослови вас Господь!

Глава 10
«Вношу предложение»

Разговоров о том, чтобы уйти, больше не возникало. Даже Каролина успокоилась.

Но разговоров на другие темы хватало. Каупер созывал общее собрание каждый вечер. Начинались они с отчетов комитетов: комитет продовольственных ресурсов и заготовок, комитеты инвентаризации, уборки и санитарии, внешней безопасности, трудовых ресурсов и распределения работ, иммиграции, сохранения искусства и науки, конституционный комитет, комитет питания, юридический, по строительству и планированию…

Каупер, похоже, наслаждался всей этой говорильней, и Род признавал, что остальным она тоже вроде бы нравится. К большому своему удивлению, он обнаружил, что и сам с нетерпением ждет вечеров, создававших некое подобие общественной жизни в поселении, а кроме того, служивших, пожалуй, их единственным развлечением. Каждый вечер разгорались настоящие словесные баталии, часто переходили на лично-

сти и весьма ядовито критиковали всех подряд — собраниям не хватало порой джентльменской официальности, присущей более зрелым конгрессам, но этот недостаток с лихвой окупался остротой и живостью. Роду просто нравилось растянуться на земле рядом с Джимми и слушать его язвительные комментарии об умственных способностях, мотивах поведения и родословной каждого из выступающих. Неменьшее удовольствие доставляли ему и критические выпады Каролины.

Правда, в последнее время она немного сбавила накал своих критических наскоков. Узнав, что у нее есть дневник и что она владеет стенографией, Каупер сразу назначил ее летописцем.

— Крайне важно, — поведал он ей в присутствии всей колонии, — чтобы мы сохранили для грядущих поколений полный отчет о героических первых днях. Ты делаешь записи каждый день?

— Разумеется. Дневник для этого и предназначен.

— Отлично! Отныне это будет официальный документ. Хотелось бы, чтобы ты записывала все важные события каждого дня.

— Как скажешь. Я и так делаю это каждый

день.

— Да, но надо подробнее. И я хочу, чтобы ты фиксировала наши заседания тоже. Это будет неоценимый документ для историков, Кэрол.

— Еще бы!

Каупер на секунду задумался.

— Сколько у тебя осталось чистых листков?

— Сотни две, пожалуй.

— Отлично! Это сразу решает проблему, которая мучила меня уже давно. Нам… э-э-э… придется конфисковать половину бумаги на официальные нужды — объявления, протоколы комитетов и тому подобное.

— Это довольно много бумаги, — с деланым удивлением произнесла Каролина. — Ты лучше пошли за ней двоих-троих крепких парней.

— Ты шутишь… — озадаченно сказал Каупер.

— А еще лучше *четверых*. С тремя я, пожалуй, справлюсь, и кому-то из них придется несладко.

— Но послушай, Каролина, это только временная мера, в интересах всего общества. К тому времени, когда тебе понадобятся эти листки, мы уже научимся делать другие материалы для записей.

— Вот давай учись. А дневник — мой!

Обычно Каролина сидела рядом с Каупером и,

пристроив дневник на коленях, делала записи. Каждый вечер она открывала заседание, зачитывая выдержки из протокола предыдущего собрания. Род как-то не удержался и спросил, неужели она и в самом деле записывает эту бесконечную трепотню.

— Боже упаси! Конечно нет!

— То-то я и думаю. Записывать все подряд — никакой бумаги не хватит. Однако твои «выдержки» всегда точны.

Каролина усмехнулась:

— Родди, хочешь, я тебе прочту, что я записываю на самом деле? Только обещай, что никому не скажешь.

— О чем речь!

— Зачитывая «выдержки», я просто вспоминаю, о чем болтали предыдущим вечером, — у меня отличная память. А бумагу я трачу вот на что… Сейчас покажу… — Она достала дневник из кармана. — Например, вчерашнее заседание. «Его величество назначил собрание сразу после вечерней отрыжки. Слушали комитет по кошкам и собакам. Выяснилось: нет ни кошек, ни собак. Долго обсуждали острую нехватку и тех и других. Затем закрыли заседание, и те, кто еще не уснул, отправились спать».

Род ухмыльнулся:

— Хорошо, что Грант не знает стенографии.

— Разумеется, если происходит что-то действительно важное, я записываю. Но не эту болтовню.

Впрочем, когда бумага требовалась для чего-то стоящего, Каролина не жадничала. На одном из листков они оформили свидетельство о браке: Ховард Голдштейн, студент-юрист из Теллерского университета, написал официальный текст, а подписали документ сами Бакстеры, Грант Каупер и Род с Каролиной в качестве свидетелей. Каролина, прежде чем преподнести свидетельство молодоженам, еще и украсила его цветочным орнаментом и изображениями голубков.

Были и другие, кому казалось, что новое правительство больше говорит, чем делает. К таким относился и Боб Бакстер, но чета квакеров присутствовала на собраниях не так часто. Как-то в конце первой недели правления Каупера после бесконечных докладов комитетов слово попросил Коротыш Дюмон.

— Господин председатель!

— Что такое, Коротыш? Может, ты подождешь? Перед тем как перейти к следующему вопросу, я хотел сделать объявление.

— Это как раз по поводу отчетов наших комитетов. Когда будет отчитываться конституционный комитет?

— Но я уже отчитался.

— Ты сказал, что готовится новый, доработанный вариант конституции и поэтому отчет переносится на более поздний срок. По-моему, это не называется «отчитался». Я хочу знать, когда у нас будет постоянная конституция вместо этих временных постановлений, которые плодятся каждый день. Когда прекратится это взвешенное состояние?

Щеки Каупера налились краской.

— Ты возражаешь против моего решения?

— Не то чтобы возражаю, но и не соглашаюсь тоже. Род проиграл, и мы выбрали тебя как раз потому, что ты проповедовал конституционное правительство вместо диктатуры. Я за тебя поэтому и голосовал. Теперь я хочу знать, где наши законы? Когда мы будем их принимать?

— Ты наверняка понимаешь, — старательно подыскивая слова, ответил Каупер, — что конституция не создается за одну ночь. Тут необходимо учесть много разных моментов.

— Безусловно. Но пришло время и нам узнать, что за конституцию вы готовите. Как там насчет

Билля о правах? Он-то хоть у вас уже готов?

— Всему свое время.

— А чего тут тянуть? Вношу предложение: для начала давайте примем в качестве первой статьи Билль о правах.

— Не принимается! И, кроме того, у нас даже нет его текста.

— Не беспокойся. Я его помню наизусть. Ты готова, Кэрол? Записывай…

— Не надо, — ответила Каролина. — Я его тоже знаю. И уже пишу.

— Вот видишь? Оказывается, ничего сложного тут нет, Грант. Большинство из нас способно прочесть Билль по памяти. Так что хватит откладывать на потом.

— Молодец, Коротыш! Так ему! Поддерживаю предложение! — закричали со всех сторон.

Перекрывая гвалт, Каупер призвал собрание к порядку, затем сказал:

— Сейчас не место и не время. Когда конституционный комитет доложит о своей работе, вы убедитесь, что все демократические свободы соблюдены, а права надежно гарантированы — с некоторыми изменениями, вызванными жесткими и опасными условиями, в которых мы оказались. — Он улыбнулся и продолжал: — А

теперь давайте вернемся к делу. У меня есть объявления, касающиеся порядка выхода на охоту. Отныне каждая охотничья группа будет…

Дюмон все еще стоял.

— Я сказал «хватит откладывать», Грант. Ты сам говорил, что нам нужны законы, а не произвол лидера. Но пока ты только приказываешь, а законов что-то не видно. Каковы твои обязанности? Где границы твоей власти? Ты что, истина в последней инстанции? Или у нас тоже есть права?

— Замолчи и сядь!

— Как долго ты можешь находиться у власти?

Каупер сделал над собой усилие и уже спокойным тоном сказал:

— Коротыш, если у тебя есть предложения по этим вопросам, внеси их на рассмотрение комитета.

— К черту комитет! Я настаиваю на прямом ответе.

— Не принимается!

— Ах, не принимается? Я требую, чтобы конституционный комитет отчитался о своей работе. И я не сяду, пока не получу ответ. Здесь общее собрание, и у меня столько же прав, как и у всех остальных.

Каупер покраснел от злости.

— Ты уверен? — спросил он многозначительным тоном. — Сколько тебе лет, Коротыш?

Дюмон взглянул на него в упор:

– *Вот оно что!* Теперь все ясно! — Он обвел собравшихся взглядом. — Я вижу, что здесь есть люди даже моложе меня. Вы чувствуете, на что он намекает, а? Граждане второго сорта! Он собирается воткнуть в эту так называемую конституцию ограничения прав по возрасту! А, Грант? Ну-ка, смотри мне в глаза и отвечай!

— Рой! Дейв! Усадите его силой!

Род внимательно прислушивался к перепалке: представление оказалось гораздо интересней, чем обычно. Джимми, по своему обыкновению, добавлял ко всему сказанному непочтительные комментарии. Теперь он наклонился и прошептал:

— Ну вот, началось. Мы как, выбираем, на чьей мы стороне, или тихо растворяемся в ночи и смотрим на этот цирк со стороны?

Не успел Род ответить, как Коротыш дал всем понять, что помощь ему не требуется — по крайней мере, сейчас.

— Пусть только попробуют. Кого-то придется откачивать, — сказал он, принимая боевую стойку. Он даже не потянулся за ножом, но и так было

видно, что Коротыш всерьез настроен драться.

— Грант, я хочу сказать еще кое-что, а потом уж заткнусь. — Коротыш повернулся и заговорил, обращаясь ко всем сразу: — Вы видите, что у нас нет никаких прав и положение наше неясно, однако мы уже заорганизованы до такой степени, что это напоминает смирительную рубашку. Комитеты для этого, комитеты для того, а что толку? Лучше, что ли, стало после того, как появились эти недопеченные комитеты? Стена еще не закончена, в лагере грязнее прежнего, и никто не знает, что ему положено делать. У нас вчера даже сигнальный костер погас! Когда течет крыша, надо не комитеты назначать, а чинить крышу. Я предлагаю опять отдать правление Роду, разогнать эти дурацкие комитеты и заняться делом. Кто-нибудь меня поддерживает? Подайте голос!

Поднялся страшный гвалт. Кричали, должно быть, меньше половины собравшихся, но Каупер уже понял, что теряет свои позиции. Рой Килрой прокрался сзади Коротыша и вопросительно взглянул на Каупера. Джимми толкнул Рода в бок и прошептал:

— Приготовься!

Однако Каупер поглядел на Роя и покачал головой.

— Коротыш, — сказал он спокойно, — ты закончил речь?

— Это не речь. Это предложение для голосования. И не вздумай сказать, что оно не принимается!

— Я не понял твоего предложения. Будь добр, повтори.

— Ты прекрасно все понял. Я предлагаю снять тебя с должности мэра и отдать ее снова Роду.

— Эй, Грант, — заговорил Килрой. — Так не положено. Это не по…

— Тихо, Рой. Коротыш, твое предложение не принимается.

— Я просто ждал, когда ты это скажешь!

— И на самом деле тут два предложения. Однако я не стану мелочиться. Ты утверждаешь, что никому мои порядки не нравятся? Давай сейчас и узнаем. Кто-нибудь поддерживает это предложение?

— Да!

— Я поддерживаю!

— Ладно, предложение поддерживается. Предлагается отозвать меня и передать правление Роду. Кто-нибудь желает выступить?

Пожелали сразу несколько, но Род добился своего, просто перекричав остальных:

— Господин председатель! Важное заявление!

— Слово предоставляется Роду Уокеру.

— Поскольку вопрос касается меня самого, я хочу сделать заявление.

— Да? Вперед.

— Я понятия не имел, что Коротыш решил меня выдвинуть, Грант. Скажи ему, Коротыш.

— Верно.

— Хорошо, хорошо, — произнес Грант, поморщившись. — Еще кто-нибудь? Только не орите, а поднимайте руки.

— Я еще не закончил, — сказал Род.

— И что же?

— Я не только не знал об этом предложении, но еще и не одобряю его. Коротыш, я прошу тебя снять свое предложение.

— Нет!

— Думаю, так будет правильнее. У Гранта была всего неделя, и за такое время нельзя ожидать чудес. Я-то уж знаю. С этим дикарским племенем и у меня забот хватало. То, что он делает, может тебе не нравиться — мне самому многое тут не нравится, — но этого следовало ожидать. И если ты воспользуешься подобными настроениями как поводом, чтобы снять его с должности, тогда в нашей группе наверняка произойдет раскол.

— Так это не я виноват, а Грант! Может, он и старше меня, но если ему кажется, что мое слово от этого меньше значит, то ему лучше хорошенько подумать еще раз. Я его предупредил. Ты слышал, Грант?

— Слышал. Но ты меня неправильно понял.

— Черта с два я неправильно понял!

— Коротыш, — настаивал Род, — ты согласен снять предложение? Я прошу тебя сам. *Пожалуйста.*

Коротыш Дюмон на уговоры не поддался. Род беспомощно поглядел на Каупера, пожал плечами и сел. Каупер отвел взгляд в сторону и ворчливо спросил:

— Есть еще желающие продолжить прения? Вот там, сзади… Агнесса? Пожалуйста.

Джимми снова наклонился и прошептал:

— За каким чертом ты это сделал, Род? Благородство тебе не идет.

— Благородство тут ни при чем. Я знаю, что делаю, — так же тихо ответил Род.

— Ты потерял шанс на переизбрание.

— Тише… — Род прислушался к выступлению: у Агнессы Фрис, судя по всему, накопилось немало претензий. — Джим?

— Что?

— Встань и предложи разойтись.

— Как? Все испортить, когда началось самое интересное? Сейчас кто-нибудь кому-нибудь еще и в волосы вцепится. Надеюсь.

— Не спорь. Сделай, о чем прошу. Или я тебе сам устрою интересную жизнь.

— Ладно. Обломщик! — Джимми нехотя встал на ноги, глубоко вздохнул и закричал: — Вношу предложение закрыть заседание и разойтись!

— Поддерживаю предложение! — заорал Род, вскакивая.

Каупер даже не взглянул в их сторону.

— Не принимается. Сядьте.

— Предложение закрыть собрание не может не приниматься, — громко сказал Род. — Такое предложение всегда принимается, всегда приоритетно и не подлежит обсуждению. Настаиваю на голосовании!

— Я не давал тебе слова. А предложение о переизбрании я поставлю на голосование, даже если это будет последнее, что мне удастся сделать. — По лицу Каупера было заметно, что он здорово зол. — Ты закончила, Агнесса? Или будешь обсуждать еще и мое умение вести себя во время еды?

— Ты обязан принять это предложение, — настаивал Род. — Я требую голосования!

Его поддержали криками с мест, совершенно заглушившими Агнессу Фрис. Грант даже не мог предоставить слово новому выступающему. Собрание выло и улюлюкало.

Каупер поднял обе руки вверх, призывая всех к тишине, и произнес:

— Поступило предложение закрыть собрание. Кто за это предложение, говорит «да».

— Да-а-а!

— Против?

— Никого, — ответил Джимми.

— Собрание объявляется закрытым, — отрезал Каупер и быстро удалился в темноту за кругом костров.

Коротыш Дюмон подскочил к Роду, встал на пути и посмотрел ему в глаза снизу вверх.

— Хорош друг! — презрительно произнес он, плюнул на землю и пошел прочь.

— Да, — согласился Джимми, — ты что? Приступ шизофрении? Или тебя в младенчестве головой вниз уронили? В правильных дозах это твое благородство могло вернуть все назад — так нет же, ты совсем меры не знаешь!

Джимми еще не закончил свою отповедь, когда подошла Жаклин.

— Я и не собирался ничего возвращать, — ска-

зал Род. — И я говорил совершенно серьезно. Если турнуть капитана сейчас, когда в его распоряжении было всего-то несколько дней, наше поселение расколется на дюжину мелких группировок. И тогда я уже точно не смогу удержать всех вместе. Никто не сможет.

— Боже, Джекки, ну скажи ему.

Она нахмурилась:

— Джимми, ты просто прелесть, но по части сообразительности…

— Et tu[30], Джекки?

— Ладно, я научу тебя уму-разуму. А ты, Род, молодец. Завтра они это поймут. Сегодня все еще на взводе.

— Я только одного не понимаю, — сказал Род задумчиво, — Коротыш-то из-за чего так завелся?

— А ты не слышал? Впрочем, может быть, ты в это время был на охоте. Я сама не видела, но знаю, что он поцапался с Роем, а Грант отчитал его на глазах у всех. Видимо, у него комплекс из-за маленького роста, — задумчиво сказала Жаклин. — Он не любит, когда ему приказывают.

— Боже, да кто же это любит?

---

[30] notes: 30

И ты… *(лат.)* — начало фразы, обращенной Гаем Юлием Цезарем к своему убийце Бруту: «И ты, Брут?»

На следующий день Грант Каупер вел себя скорее как Царь Чурбан, нежели Царь Журавль[31], и делал вид, что ничего не случилось. Однако гонора у него поубавилось. Во второй половине дня он отыскал Рода.

— Уокер, ты не уделишь мне несколько минут?

— О чем речь.

— Тогда давай отойдем поговорим.

Грант отвел его подальше, где их никто не мог слышать, и они уселись прямо на землю. Род ждал, а Грант, видимо, не знал, с чего начать.

— Род, я понял, что на тебя можно положиться, — сказал он наконец и улыбнулся, только улыбка получилась немного вымученной.

— С чего ты так решил?

— С того, как ты вел себя вчера вечером.

— Ясно. Но можешь не обольщаться: я сделал это не ради тебя, — сказал Род. — Если уж начистоту, то ты мне не нравишься.

На этот раз Каупер даже не улыбнулся.

— Это взаимно. Ты мне совершенно не нравишься. Но мы должны ладить друг с другом, и я думаю, тебе можно доверять.

— Может быть.

---

[31] notes: 31

Отсылка к классической басне француза Жана де Лафонтена «Царь Чурбан и Журавль».

— Ладно, я рискну.

— Хочу сразу сказать, что я согласен со всеми претензиями Коротыша. Меня не устраивает только его решение.

Губы Каупера изогнулись в кривой ухмылке, совсем не похожей на его обычную сияющую улыбку.

— Самое печальное здесь, что я тоже согласен со всеми его претензиями.

— В смысле?

— Род, ты, видимо, думаешь, что я полный идиот, но дело в том, что я действительно кое-что смыслю в теории государственного управления. Труднее всего ее применять в такой вот… переходный период вроде нашего. У нас здесь пятьдесят человек, и ни один из них не имеет практического опыта руководящей работы, даже я. Однако все считают себя крупными специалистами. Взять хотя бы это предложение насчет Билля о правах — ну ведь полная ерунда! Я достаточно знаю об этих вещах и понимаю, что комплекс прав и обязанностей, необходимых для нашей колонии, нельзя копировать слово в слово с документа аграрной демократии, и в такой же степени они отличаются от прав и обязанностей, необходимых для индустриальной республики. — На лице

его появилось обеспокоенное выражение. — И мы в самом деле хотели ввести ограничение на право голоса по возрасту.

— Только заикнись об этом, и тебя сбросят в реку.

— Знаю. И это одна из причин, по которой конституционный комитет до сих пор не отчитался. Другая причина… Черт бы все побрал! Ну как можно подготовить что-то вроде конституции, когда практически нет бумаги? Это кошмар!.. Однако насчет права голоса: самому старшему из нас двадцать два, самому младшему шестнадцать, и самые молодые как раз больше всех и лезут. Каждый — ну прямо гений или почти гений. — Каупер поднял взгляд. — Я не имею в виду тебя.

— Слава богу, — торопливо сказал Род, — потому что я никакой не гений.

— Ну, тебе и не шестнадцать уже. Но этот гениальный молодняк меня очень беспокоит. Все до одного — доморощенные юристы. У каждого всегда наготове какая-нибудь колкость, но ни одного дельного предложения. Мы думали, что с ограничением по возрасту — вполне разумным — старшая часть населения будет чем-то вроде противовеса, а они тем временем подрастут. Но,

похоже, ничего из этого не выйдет.

— Не выйдет.

— Но делать-то что-то надо! Этот запрет на охоту смешанными парами… Он не был направлен, скажем, против вас с Кэрол, но она решила, что это именно так, и устроила мне жуткий скандал. А я лишь пытался защитить этих ребятишек. Черт! Лучше бы они все скорее выросли, попереженились и успокоились. Вот с Бакстерами, например, никаких проблем.

— Не волнуйся. Через год или около того девяносто процентов колонии будут составлять семейные люди.

— Надеюсь. Послушай… А ты сам, часом, не подумываешь?

— Я? — Род даже удивился. — И в голову не приходило.

— Да? А я думал… Впрочем, ладно. Я тебя отозвал не для того, чтобы расспрашивать о твоих личных делах. То, о чем говорил Коротыш, не так-то легко проглотить, но я собираюсь ввести кое-какие изменения. Большинство комитетов распускаются.

— В самом деле?

— Да. Ну их к черту! Все равно ничего не делают, только готовят доклады. Я собираюсь назначить

одну из девушек главным поваром и одного из парней — главным охотником. А тебе я хотел предложить стать начальником полиции.

— Что? За каким дьяволом тебе начальник полиции?

— Ну как же… Кто-то же должен следить, чтобы распоряжения выполнялись. Сам знаешь — уборка лагеря и прочее. Кто-то должен следить за тем, чтобы всегда горел сигнальный костер: мы пока недосчитываемся тридцати семи человек — это без тех, про кого точно известно, что они погибли. Кто-то должен распределять ночные дежурства и проверять посты. Эти ребятишки просто с ума сходят, если за ними не присматривать. Как раз для тебя работа.

— Почему?

— Ну, если быть практичным, Род… Сторонники есть и у меня, и у тебя. Но когда все увидят, что мы заодно, неприятностей и беспорядков в лагере будет гораздо меньше. Колония от этого только выиграет.

Род не хуже Гранта понимал, что их группа должна жить сплоченно. Но Каупер просил поддержать его шаткую администрацию, а Род мало того что относился к нему неприязненно, но еще и был уверен, что, кроме болтовни, от Каупера

ожидать нечего.

И дело не только в том, что стена до сих пор не достроена, — нужно, просто необходимо было заняться еще множеством других дел. Кто-то должен искать соль каждый день. Надо организовать регулярные поиски съедобных кореньев, ягод и прочего — сам он, например, уже просто устал от мясной диеты. Конечно, если разнообразить добычу и не есть только постное мясо, на здоровье это не отразится, но кому охота всю жизнь питаться одним лишь мясом? И эти вонючие шкуры… Грант распорядился, чтобы охотники обязательно снимали с убитых животных шкуры и приносили их в лагерь для использования в хозяйстве.

— Что ты собираешься делать с этими протухшими шкурами? — спросил Род неожиданно.

— А что?

— Воняют. Если ты назначишь меня на эту должность, я первым делом велю выбросить их все в реку.

— Но нам нужны шкуры. Половина лагеря уже сейчас ходит в лохмотьях.

— Шкур у нас будет предостаточно, но нам нужны дубильные вещества. При такой погоде одного солнца мало.

— Но у нас нет танина. Не говори ерунды, Род.

— Значит, надо отправить кого-то жевать кору, пока его не найдут. На вкус танин определяется совершенно безошибочно. И выброси эти шкуры наконец!

— Если я сделаю так, ты согласишься на мое предложение?

— Может быть. Ты сказал «следить, чтобы выполнялись распоряжения». Чьи распоряжения? Твои? Или Килроя?

— Обоих, видимо. Рой — мой заместитель.

Род покачал головой:

— Нет, благодарю за честь. У тебя уже есть Рой; значит, я тебе не нужен. Слишком много генералов и слишком мало солдат.

— Но, Род, мне действительно без тебя не обойтись. Рой не умеет ладить с молодыми ребятами. Он их раздражает.

— Меня тоже. Ничего не выйдет, Грант. И, кроме того, мне не нравится этот титул — просто глупо звучит.

— Ну выбери сам, как назваться. Капитан охраны там или управляющий поселением… Это не важно. Важно, чтобы кто-то навел порядок с ночными дежурствами и чтобы в лагере тоже был порядок. За молодняком нужно следить. Ты

способен на это, а значит, это твой долг.

— А чем будешь заниматься ты сам?

— Прежде всего мне нужно утрясти наш свод законов. Нужно планировать на будущее… Боже, Род, у меня в голове сотни дел. Я просто не могу тратить время на то, чтобы разбираться в мелочных ссорах, когда, например, кто-нибудь из молодых донимает повара своими глупыми претензиями. Коротыш был прав: откладывать больше нельзя. Отдавая распоряжение, я хочу, чтобы закон меня поддерживал, а сейчас мне чаще всего приходится выслушивать замечания какого-нибудь сопляка. Я не справляюсь со всем этим один, мне нужна помощь.

В такой ситуации грех отказываться, и все же…

— А как насчет Килроя?

— Черт побери, Род, ты не вправе просить, чтобы я вытолкал кого-то другого и освободил место для *тебя*.

— Я не *прошу* эту работу.

Род сомневался, стоит ли говорить, что для него, хоть он и осознавал общественную необходимость такого решения, этим дело не исчерпывается. Поддержать человека, которому он проиграл выборы, — это в каком-то смысле даже

вопрос чести, благородное упрямство. Тем не менее он прекрасно понимал, что Каупер и Килрой — люди очень разные.

— Я не буду таскать за него каштаны из огня. Грант, я готов служить тебе, потому что тебя выбрали. Но служить слуге я не собираюсь.

— Род, но сам подумай! Если ты получаешь приказ от Килроя, значит это мой приказ. Он просто его передает.

Род встал:

— Нет.

Каупер в раздражении вскочил на ноги и быстро удалился.

В тот вечер собрания не было — впервые за все время после выборов. Род собирался навестить Бакстеров, но тут его снова отозвал в сторону Каупер.

— Твоя взяла. Я назначил Роя главным охотником.

— И что?

— Теперь ты — управляющий поселением, или Майская королева, или как ты там еще придумаешь. Ночную вахту опять никто не назначил. Так что займись делом.

— Подожди-ка! Я не говорил, что согласен.

— Ты дал мне понять, что тебя не устраивает

только Рой. Теперь приказы будут исходить исключительно от меня.

Род все еще не мог решиться. Каупер смерил его презрительным взглядом:

— Похоже, ты не хочешь помогать, даже когда все вышло по-твоему.

— Нет, но…

— Никаких «но»! Берешься ты за эту работу или нет? Отвечай: да или нет?

— Мм… да.

— Договорились. — Каупер нахмурился и добавил: — Хотя я до сих пор не уверен, стоит ли по этому поводу радоваться.

— Не ты один.

Начав разбираться с ночными дежурствами, Род обнаружил, что каждый, к кому он обращался, считает, будто уже отдежурил больше всех остальных, а поскольку комитет внешней безопасности не вел никаких записей — и не мог их вести, — узнать, кто говорит правду, а кто хочет сачкануть, было просто невозможно.

— Все! Хватит! — сказал наконец Род. — Завтра же я составлю алфавитный список, и все будут дежурить строго по очереди. Я это сделаю, даже если мне придется выцарапать список на камне.

Похоже, в словах Гранта, когда тот говорил,

что без бумаги приходится нелегко, была доля истины.

— А почему ты не поставишь на дежурство своего дружка Бакстера?

— Потому что мэр дал ему две недели свадебного отпуска. Как тебе прекрасно известно. И хватит болтать. Чарли тебя сменит, поэтому запомни, где он спит.

— Две недели безделья и мне не помешали бы. Пожалуй, я тоже женюсь.

— Пока еще никто из девушек из ума не выжил. Ты дежуришь с полуночи до двух.

Большинство приняло неизбежное, убедившись, что в будущем все будет честно, и только Пиви Шнайдер, самый молодой в их группе — ему едва стукнуло шестнадцать, — продолжал качать права: он, мол, уже дежурил прошлой ночью и теперь по крайней мере три ночи дежурить не должен и никто, так вашу и так, его не заставит.

На это Род сказал ему, что он или заступит на дежурство, или получит в ухо, после чего все равно придется дежурить. И добавил:

— Услышу еще хоть раз в лагере такие выражения, вымою тебе рот с мылом.

— Ха! Где ты возьмешь мыло? — Шнайдер тут же переменил тему.

— Пока у нас нет мыла, я буду пользоваться песком. И передай остальным, Пиви: в лагере больше не выражаться. Мы должны оставаться цивилизованными людьми даже в такой ситуации. Твое время — с четырех до шести, и покажи Кенни, где ты спишь.

Когда Пиви отошел, Род подумал, что неплохо бы начать собирать пепел и жир. Он очень смутно представлял себе, как делать мыло, но кто-нибудь наверняка знает… А мыло нужно отнюдь не для того только, чтобы воспитывать любителей грязной словесности. Последнее время ему нередко хотелось встать против ветра от самого себя, а носки он выкинул уже давно.

В ту ночь Род спал очень плохо. Просыпаясь, он каждый раз проверял дежурных, и дважды его будили, когда дежурным показалось, что в темноте за освещенной зоной кто-то бродит. Род и сам не мог сказать точно, но один раз он тоже разглядел большую длинную тень, скользившую в отдалении. Ложился он не сразу, оставаясь какое-то время рядом с дежурными — еще один ствол на случай, если ночной хищник рискнет прыгнуть через стену или костер. Очень хотелось выстрелить в крадущуюся тень, но он подавлял в себе это желание. Напасть на хищника озна-

чало лишь потратить драгоценные боеприпасы — хищников от этого едва ли станет заметно меньше. Вокруг лагеря каждую ночь бродили какие-то твари, но с этим приходилось мириться.

Наутро Род чувствовал себя усталым и разбитым. После четырех ночи он уже не ложился, проверял Пиви Шнайдера. Еще за завтраком у него возникла мысль забраться в пещеру и вздремнуть пару часов, но слишком много было дел. Он пообещал себе, что отоспится позже, и пошел искать Каупера.

— У меня сразу несколько вопросов, Грант.

— Сыпь.

— Почему мы не ставим на дежурство девушек?

— Хм, я думал, просто не стоит.

— Почему это? Девушки у нас не из тех, что, завидев мышь, визжат или падают в обморок. Каждая из них по крайней мере месяц до прихода сюда прожила в лесу сама по себе и осталась в живых. Ты когда-нибудь видел Каролину в действии?

— Мм… нет.

— Зря. Оно того стоит. Мгновенная смерть в обеих руках и глаза на затылке. Во время ее дежурства я буду спать как бревно. Сколько у нас

сейчас парней?

— Двадцать семь, с теми тремя, что пришли вчера.

— Ладно. Кто из этих двадцати семи не дежурит?

— Как? Все дежурят, по очереди.

— А ты?

— Не слишком ли далеко ты заходишь? В конце концов, я же не настаиваю, чтобы и ты дежурил.

— Значит, минус два. Рой Килрой?

— Э-э-э… Род, давай договоримся так: он все-таки главный охотник и, следовательно, от дежурства освобожден. Ты сам знаешь, как он оказался на этой должности, так что лучше его не трогай.

— Знаю. Боб Бакстер тоже освобожден.

— До начала следующей недели.

— Я говорю про эту неделю. Комитет решил оставить только одного дежурного на смену. Я собираюсь снова ввести парное дежурство. Кроме того, мне на каждую ночь нужен начальник охраны. Он будет бодрствовать всю ночь и отсыпаться на следующий день, а еще пару суток он должен быть освобожден от дежурства. Ты уже понял, что получается? На каждую ночь мне нужно двенадцать человек. А у меня сейчас меньше двадцати, из которых я могу выбирать.

— Но комитет решил, что больше одного человека на вахте нам не нужно, — встревоженно сказал Каупер.

— К чертовой матери этот комитет! — Род почесал шрамы на руке и снова вспомнил крадущиеся в темноте тени. — Мы сделаем так, как я сочту нужным, или опять будем ставить на голосование?

— Ну…

— Когда человек дежурит в одиночку, он или трясется от страха и видит то, чего нет, или засыпает, и тогда от него вообще никакого толку. Прошлой ночью мне пришлось одного разбудить — я не скажу, кого именно, потому что больше, я думаю, это не повторится: когда я тряхнул его за плечо, он от испуга чуть из штанов не выпрыгнул… Короче, нам нужна настоящая охрана, достаточно сильная, чтобы в случае чего продержаться, пока не проснется весь лагерь. А если ты хочешь оставить все по-старому, то лучше снимай меня и ставь кого-нибудь другого.

— Нет-нет. Делай, как считаешь нужным.

— Ладно. Я ставлю девушек на дежурство. Боба с Кармен тоже. И тебя.

— Э-э-э…

— И себя. И Роя Килроя. Всех без исключения.

Это единственный способ заставить людей дежурить без препирательств. Кроме того, такой порядок убедит их, что это абсолютно серьезно, что это наша первая забота, самая важная, даже важнее охоты.

Каупер задумчиво подергал заусенец на пальце.

— Ты в самом деле считаешь, что мне тоже нужно дежурить? И тебе самому?

— Считаю. Это здорово повысит моральный дух. И, кроме того, так будет правильнее… э-э-э… с политической точки зрения.

Каупер бросил на него взгляд и сказал без улыбки:

— Убедил. Дашь мне знать, когда моя очередь.

— Следующий вопрос. Прошлой ночью запаса дров еле хватило на два костра.

— Это уже твоя забота. Можешь брать всех, кто не на охоте и не при кухне.

— И возьму. Но приготовься — на меня будут жаловаться. Однако это все мелочи. Теперь о главном. Ночью я посмотрел на наш лагерь, так сказать, свежим взглядом. Не нравится он мне — во всяком случае, как постоянный лагерь.

— Почему?

— Его почти невозможно защищать. Между

сланцем и водой выше по течению метров пятьдесят пустого пространства. Ниже по течению чуть лучше, потому что в узком проходе у нас постоянно горит костер. Но с противоположной стороны мы отгородили стеной только половину лагеря, да и там нужно ставить больше кольев. Сам посмотри, — сказал Род, указывая рукой. — Там целая армия строем пройдет, а ночью в этом месте было только два костра. Нам обязательно нужно достроить стену.

— Достроим.

— Но лучше всего по-настоящему заняться поисками более подходящего места. Здесь в лучшем случае временный лагерь. До того как ты стал мэром, я пытался отыскать другие пещеры, но очень далеко не ходил — не хватало времени. Ты когда-нибудь был в Меса-Верде?

— В Колорадо? Нет.

— Это пещерный город. Ты, наверно, видел снимок. Так вот, может быть, где-то там, выше или ниже по течению — скорее ниже, — мы отыщем что-то похожее и сможем построить жилища для всей колонии. Нужно выслать небольшую группу на разведку, недели на две или даже больше. Я, кстати, готов.

— Может быть, мы так и сделаем. Но тебе нель-

зя. Ты нужен мне здесь.

— Через неделю я так налажу охрану, что все будет делаться само по себе. Кроме того, меня может заменить Боб Бакстер. Его уважают… — Род задумался на секунду, кого взять в пару: Джекки? Джимми? — Я бы взял с собой Кэрол.

— Род, я же сказал, что ты нужен мне здесь. А вы с Кэрол что, собираетесь пожениться?

— С чего ты взял?

— Тогда ты тем более не можешь взять ее с собой. Мы стараемся привить людям вкус к семейной жизни.

— Знаешь что, Каупер…

— Все. Забудь.

— Мм… ладно. Но первым делом — самым первым — надо закончить стену. Я хочу поставить всех на работу прямо сейчас.

— Извини, сегодня ничего не выйдет, — сказал Каупер.

— Почему?

— Потому что сегодня мы строим дом. Билл Кеннеди и Сью Бриггс решили пожениться. Вечером свадьба.

— Я даже ничего не слышал об этом.

— Никто еще не слышал. Они сообщили об этом пока только мне, за завтраком.

Известие Рода не удивило: Билла и Сью часто можно было видеть вместе.

— Послушай, а что, им обязательно прямо сегодня жениться? Стена важнее, Грант, поверь.

— Ну что ты так завелся с этой стеной, Род? Еще ночь или две будем жечь костры побольше. И запомни, в жизни есть вещи поважнее материальных ценностей.

Глава 11
Берег скелетов

29 июля. — Сегодня вечером поженились Билл и Сью. Его величество был выше всяких похвал: организовал очень красивую церемонию. Я даже всплакнула, другие девчонки тоже. Если бы он еще и делал столько же, сколько говорит! Я играла на губной гармонике «Свадебный марш» Мендельсона, а слезы текли по щекам и капали прямо на гармонику. Хотела сыграть еще на свадьбе Кармен, но не могла отказаться от роли подружки невесты. Молодой муж пытался занести Сью в «дом» — если его можно так назвать — на руках, но застрял: пришлось опустить ее на землю и протолкнуть вперед себя. Потолок здесь ниже, чем следует, потому он и застрял. Камни кончились, а когда мы стали брать их из стены, Род устроил страшный скандал. Атаку на стену начал его величество, и они с Родом долго друг на друга орали, оба аж покраснели. Потом Родди отвел его в сторону и что-то сказал, после чего его величество тут же пошел на попятный. Билл здорово обиделся на Рода, но Боб его как-то

уломал и предложил поменяться домами, а Род пообещал, что, достроив стену, он первым делом снимет крышу с этого дома и сделает его повыше. Возможно, это случится несколько позже, чем он думает: искать камни, которые можно использовать, становится с каждым днем труднее. Я себе все ногти пообломала, выковыривая куски, которые могли бы нам пригодиться. Но я согласна с Родди, что нужно доделать стену, и теперь, когда он взялся за охрану, сплю гораздо спокойнее. Однако еще лучше буду спать, когда закончим стену и понаставим с этой стороны заточенных кольев. Конечно, девушки все спят на дальнем, безопасном краю, но все равно, кому это понравится — проснуться и обнаружить, что кого-то из парней уже нет. У нас их не так и много, кстати, чтобы разбрасываться. Как говорила мама, ничто не придает дому такой обжитой вид, как мужчина.

30 июля. — Теперь буду делать записи, только если случится что-то особенное. Его величество говорит, что мы по примеру египтян можем изготовить папирус, но я в это поверю, лишь когда увижу его своими глазами.

5 авг. — Прошлой ночью я была назначена начальником охраны и видела, что Родди не спал

почти всю ночь. После завтрака я завалилась на боковую и проспала чуть не до вечера. Проснулась, а он так и не ложился — злой, с покрасневшими глазами, носится и орет на всех, что нужно больше камней и больше дров. Иногда я его не понимаю.

9 авг. — Соль, что нашла Алиса, гораздо ближе, чем то место, которое неделю назад отыскал Коротыш, но хуже.

14 авг. — Джекки наконец решилась и дала согласие выйти за Джимми. Родди эта новость, похоже, просто ошарашила, хотя я могла бы предупредить его еще месяц назад. Родди в таких делах мало что понимает. Предвижу еще один стенодомостроительный кризис, и Родди, наверно, просто рехнется, потому что он захочет, чтобы у Джимми и Жаклин сразу появился дом, а кроме как из стены в такой короткий срок камни взять негде.

15 авг. — Сегодня замечательное двойное торжество — поженились Джимми и Джекки, Агнесса и Курт. Трокстоны временно поселились в доме Бакстеров, а Пулвермахеры временно въехали в будку четы Кеннеди. Тем временем в пещере поставили несколько перегородок, чтобы разместить две супружеские пары и отделить склад.

1 сент. — Корешки, что я откопала, вроде не ядовитые — пока жива. Мы разыскали энергоблок от «Молнии» — видимо, той самой, что принадлежала Иоганну, — и из его корпуса получился неплохой котел. Сегодня вечером я сварила в нем похлебку — всем досталось понемногу. Однако вкус странный. Может быть, потому, что раньше Агнесса пыталась сварить в нем мыло — тоже получилось не бог весть что. Корешки я буду называть «ямсом», потому что они похожи на ямс, хотя вкусом больше напоминают пастернак. Их тут растет очень много. Завтра попробую сварить их с зеленью, куском мяса и солью. Ням-ням! А еще попробую запечь их в золе.

16 сент. — Поджав хвосты, вернулись Чед Амес и Дик Берк. Его величество подобрел и разрешил им остаться. Они сказали, что Джок Макгован совсем спятил. Охотно верю.

28 сент. — Сегодня во время охоты погиб Филипп Шнайдер. Рой принес его в лагерь, но он был уже мертв, потому что потерял много крови: раны оказались очень глубокие. Рой отказался от должности главного охотника, и его величество назначил Клиффа. Рой буквально сломлен, хотя никто его не винит. Бог дал, Бог взял. Да святится имя Его.

7 окт. — Я решила выйти замуж за М.

10 окт. — Похоже, я ошиблась. М. собирается жениться на Марджери Чан. Ладно, они неплохие ребята, а если я когда-нибудь выберусь отсюда, то буду только рада, что осталась одна, — ведь я собиралась идти в Амазонки. На заметку: будь немного сдержанней, Каролина. Во всяком случае, старайся.

11 окт. — Кармен???

21 окт. — Точно.

1 нояб. — Боже правый! Я теперь новый управляющий поселением. Подумать только! Правда, это временно, на две недели, пока не вернется Родди. Но я теперь иначе как на «сэр» не отзываюсь. Его величество в конце концов отпустил Родди на разведку вниз по реке — тот спал и видел себя в этой роли — и надавал ему кучу советов и рекомендаций, которые Родди забудет, едва скрывшись из виду. Мне ли его не знать. Отправились они вдвоем, и Родди выбрал напарником Роя. Ушли сегодня утром.

5 нояб. — Работа управляющего совсем не сахар. Скорее бы вернулся Родди.

11 нояб. — Его величество пристал ко мне, чтобы я записала доклад «комитета по ресурсам». До этого Мик Махмуд держал его в голове — там

ему, на мой взгляд, и место. Но с тех пор как ушли Родди и Рой, его величество здорово нервничает, и я решила, что так уж и быть. Вот он:

12 запасных ножей (не считая по одному на каждого);

53 единицы огнестрельного и другого оружия — но только к половине есть хотя бы по одному патрону;

6 экз. Евангелия;

2 экз. «Мира пламени»;

1 экз. Корана;

1 экз. «Книги мормона»;

1 экз. оксфордского юбилейного издания сборника английской поэзии;

1 стальной лук и 3 охотничьих стрелы;

1 котел, сделанный из экранированной обшивки энергоблока, и целая куча разных мелочей из пластика и металла (которые теперь, надо признать, на вес урана) от найденной Джекки «Молнии»;

1 сковородка (подарена Кармен);

1 колода игральных карт без девятки червей;

13 спичек, целый ворох неработающих зажигалок и 27 увеличительных стекол;

1 небольшой топорик;

565 метров альпинистской веревки, частично

порезанной для разных целей;

91 рыболовный крючок (и никакой съедобной рыбы!);

61 карманный компас, некоторые — сломанные;

19 наручных часов, которые еще работают (4 из них настроены на местное время);

2 куска ароматизированного мыла;

2 упаковки приправы для копчения и неполная коробка дубильного препарата.

Несколько килограммов всякой всячины, которой мы со временем, очевидно, найдем применение, но перечислять все это я не стану. У Мика не голова, а каталог.

Множество вещей, которые мы сделали сами и которых можем сделать еще больше, — горшки, луки, стрелы, скребки для шкур, каменная ступка и пестик, при помощи которых можно толочь зерно (если, конечно, вы не имеете ничего против песка на зубах), и т. д.

Его величество утверждает, что оксфордский сборник стихов — это наше самое большое достояние, и я с ним согласна, но только у нас разные причины так думать. Он хочет, чтобы я застенографировала на полях и чистых страницах всяческие полезные сведения, которыми

располагает каждый из нас, — от математики до свиноводства. Клифф разрешил — при условии, что мы не будем заползать на стихи. Неизвестно только, когда я буду этим заниматься: с тех пор как ушел Родди, я почти не бываю за пределами лагеря, а о том, что такое сон, слышу только от других.

13 нояб. — Осталось два дня. «С каким нетерпением я жду...»

16 нояб. — Я и не рассчитывала, что они вернутся вовремя.

21 нояб. — Мы наконец приняли нашу конституцию и базовый свод законов на первом общем собрании за последние несколько недель. Текст записан на форзацах двух Евангелий, Боба и Джорджии. Если кому-нибудь понадобится что-то уточнить — в чем я лично сомневаюсь, — можно обратиться к ним.

29 нояб. — Джимми сказал, что Рода так просто не прикончишь. Очень надеюсь, что он прав. Ну почему я не заставила его величество отпустить меня?

15 дек. — Дальше обманывать себя бесполезно.

21 дек. — Трокстоны, Бакстеры, я и Грант собрались сегодня вечером у Бакстеров дома, и Грант провел поминальную службу. Боб прочел

молитву за Роя и Рода, а потом мы долго сидели и молчали, как это принято у квакеров. Родди всегда напоминал мне моего братишку Рикки, и я про себя попросила Матерь Божью позаботиться и о них двоих, и о Рое тоже — чтобы все они были ей как дети.

Официально Грант ничего не объявлял: пока они просто «задерживаются с возвращением».

25 дек. — Рождество.

Род и Рой двигались налегке, быстро: один всегда шел впереди, другой прикрывал, потом менялись. У каждого было с собой несколько килограммов засоленного мяса, но они больше рассчитывали на охоту. Кроме того, теперь они знали много съедобных фруктов, ягод, орехов: для тех, кто разбирается, лес — словно бесплатное кафе. Воды с собой не брали, поскольку планировали идти все время вдоль реки, однако на берегу вели себя осторожно: помимо ихтиозавров, которым иногда удавалось затянуть в воду пришедшего на водопой быка, в реке водились маленькие кровожадные рыбки; они кусали совсем по чуть-чуть, но плавали огромными косяками и могли обглодать животное до костей буквально за считаные минуты.

Род взял с собой и «Леди Макбет», и «Пол-

ковника Боуи», а Рой Килрой, помимо своей собственной «Бритвы Оккама», прихватил нож, одолженный ему Кармен Бакстер. Рой намотал на пояс веревку, и у каждого был пистолет, но это на самый крайний случай — в одном из них оставалось всего три патрона. Кроме того, Род взял пневматическую винтовку Жаклин Трокстон с заряженными свежим ядом стрелками — они решили, что это сэкономит им время на охоту и позволит двигаться быстрее.

Три дня спустя они обнаружили ниже по течению небольшую пещеру, в которой жили пять потерявших всякую надежду на спасение девушек. После радостной шумной встречи Род и Рой направились дальше, а девушки двинулись вверх по реке к поселению. Девушки рассказали им, где можно перебраться через реку, и вскоре они нашли это место — широкий перекат с торчащими из воды частыми камнями, — однако, потратив два дня на том берегу, все же вернулись обратно.

К утру седьмого дня, кроме той пещеры, где обосновались девушки, они так ничего и не нашли.

— Неделя уже прошла, — сказал Род. — Грант приказывал вернуться через две недели.

— Да, было такое дело.

— Но мы ничего не нашли.

— Вот именно.

— Надо возвращаться.

Рой промолчал.

— А ты сам-то что думаешь? — спросил Род немного раздраженно.

Килрой лежал на животе, разглядывая местное подобие муравья, и не торопился с ответом.

— Род, — сказал он наконец, — здесь командуешь ты. Так что куда скажешь — вверх по течению, вниз…

— Да ну тебя…

— С другой стороны, какой-нибудь законник-недоучка вроде Коротыша мог бы спросить: а какое право у Гранта приказывать нам возвращаться к такому-то сроку? Мы, мол, тут «свободные граждане», «суверенная автономия», мол, и все такое. Возможно, он в чем-то прав — эта местность лежит очень далеко «к западу от Пекоса»[32].

— По крайней мере еще один день у нас есть. На обратном пути нам не придется тратить время на разведку другого берега.

---

[32] notes: 32

Пекос — река в США, приток Рио-Гранде, проходит по территории штатов Нью-Мексико и Техас. Выражение означает места, где действует право сильного, идет из времен освоения Дикого Запада.

— Разумеется. И если бы этой экспедицией руководил я… Впрочем, ладно.

— Хватит ходить вокруг да около. Я же попросил у тебя совета.

— Ну, тогда я бы сказал, что наша главная цель — не в две недели уложиться, а найти пещеры.

Род перестал хмуриться:

— Тогда хватит валяться. Пошли.

И они двинулись вниз по реке дальше.

Вскоре лесная долина сменилась иссеченной оврагами каменистой равниной, где проложила себе русло река. Дичи стало меньше, и им пришлось воспользоваться запасами соленого мяса. Еще два дня спустя они добрались до первого из целой гряды скалистых возвышений, где в незапамятные времена вода прорезала множество пещер, углублений и мелких вымоин.

— Похоже, это то, что нам нужно.

— Пожалуй, — согласился Рой, оглядываясь по сторонам. — Но может быть, дальше будет еще лучше.

И они продолжили путь.

Река стала шире, но пещер больше не попадалось, и каньоны уступили место бескрайней саванне, где деревья росли лишь вдоль берега реки.

— Я чую запах соли, — сказал Род, принюхавшись.

— Ничего удивительного. Где-то там должен быть океан.

— Сомневаюсь.

Однако они отправились дальше, избегая зарослей высокой травы и держась ближе к деревьям. Все вместе колонисты насчитали более дюжины крупных хищников, представляющих опасность для человека, — от похожих на львов существ (только эти были раза в два крупнее африканских) до маленькой свирепой чешуйчатой твари, которая нападала, если загнать ее в угол. Большинство считало, что напоминающие львов чудовища и есть стоборы, о которых их предупредили перед началом экзамена, хотя некоторые полагали, что это название относится к другому — не такому крупному, но более проворному и коварному — хищнику, который был гораздо опаснее.

Подобных сомнений не удостоилась только одна хищная тварь — размерами не больше зайца, но с огромной головой и массивными челюстями, с длинными передними лапами и совсем без хвоста. Морды у них были глупые, с выпученными глазами, а двигались твари, если их спугнуть,

медленно и неуклюже — за все это их прозвали «сонными кроликами». Охотились они, похоже, просто поджидая у нор полевых грызунов. Шкуры этих тварей обрабатывались, и из них получались отличные бурдюки. На таких травяных равнинах их водилось великое множество.

После очередного перехода Рой и Род устроились на привал в небольшой рощице у воды.

— Ну что, потратим спичку или опять пыхтеть? — спросил Род.

— Как хочешь. Я пойду поищу что-нибудь на обед.

— Осторожнее там. Не заходи в траву.

— Я пройдусь по самому краю. Зря, что ли, все страховые компании планеты называют меня «Осторожным Килроем»?

Род заглянул в коробок, надеясь, что вместо трех спичек там окажется четыре, затем принялся добывать огонь трением и только добился цели — мох оказался недостаточно сухим, — как вернулся Рой и бросил на землю маленькую тушку.

— Произошла удивительная вещь!

Добычей Роя оказался «сонный кролик». Род взглянул на несуразное существо и спросил:

— А что, лучше ничего не было? Они на вкус — как керосин.

— Ты еще не слышал самого интересного. Я вовсе не собирался его убивать. Он сам на меня напал.

— Шутишь?

— Клянусь! Пришлось его прикончить, а то он все время пытался откусить мне пятки. Но теперь мясо есть…

Род еще раз посмотрел на «сонного кролика».

— Никогда не слышал ничего подобного. Должно быть, ненормальный.

— Видимо. — Рой принялся разделывать добычу.

На следующее утро они вышли к морю. До самого горизонта, как застывшее стекло, тянулась неподвижная водная гладь — ни плеска волн, ни даже медленного движения прилива. Сильно пахло солью, и весь берег был покрыт белой коркой. Род с Роем решили, что это, скорее всего, не выход к океану, а внутриконтинентальное море. Но больше всего их поразила совсем не безбрежная водная гладь. В обе стороны вдоль берега — очевидно, до самого горизонта — тянулась гряда выбеленных солнцем костей — миллионы и миллионы скелетов.

— Откуда они все тут взялись? — спросил Род, не в силах оторвать взгляд от этого зрелища.

Рой присвистнул:

— Убей меня бог. Но если продавать их хотя бы по пять пенсов за тонну, мы могли бы стать миллионерами!

— Ты имеешь в виду, миллиардерами.

— Не цепляйся к словам.

Забыв об осторожности, они пошли вдоль берега, разглядывая это чудо природы. Здесь были и древние кости, потрескавшиеся от солнца и воды, и совсем новые, еще с хрящами. Огромные скелеты гигантских антилоп, на которых они никогда не охотились, и крошечные косточки травоядных с терьера ростом — кости всевозможные и без числа. Но ни одной туши.

Заинтригованные новой загадкой планеты, Род и Рой обследовали километра два побережья, но, повернув назад, оба уже знали, что возвращаются не просто на ночевку, а домой. Дальше пути не было.

Двигаясь вниз по реке, они не обследовали найденные пещеры, и теперь, на обратном пути, Род решил, что нужно заранее выбрать место для поселения, разведать дичь, найти подступы к воде, а самое главное, прикинуть, удобно ли здесь будет жить и можно ли защитить это место от нападения.

Прежде всего они занялись рядом пещер, проточенных водой в скале из песчаника. Терраса самого нижнего ряда была в шести-семи метрах над крутым земляным склоном. Здесь каньон резко уходил вниз, и Роду сразу представилось, как они сделают выше по течению небольшую протоку и пустят воду прямо в пещеры… Не в один день, конечно, такие дела делаются, но рано или поздно они найдут время, чтобы изготовить инструменты и справиться с этой задачей. Однако уже сейчас было ясно, что они нашли отличное место для поселения, которое, кроме всего прочего, еще и прилично защищено. А уж от дождя здесь точно есть где укрыться, мысленно добавил Род.

Оказалось, что скалолаз из Роя лучше; прижимаясь к каменной стене, он влез на следующую террасу и скинул Роду веревку, а затем подтянул его вверх. Род закинул руку на карниз, вскарабкался на колени, встал… и даже вскрикнул от неожиданности.

— Что за чертовщина?

— Вот потому-то я и молчал, — сказал Рой. — Боялся, ты подумаешь, что я рехнулся.

— Кажется, мы оба тронулись.

Род огляделся. Невидимые снизу, на террасе

ряд за рядом ютились жилища — настоящий пещерный город.

Пустой город. И явно не для людей предназначенный: отверстия в стенах — двери — были не выше колена и слишком узкие, чтобы человек мог свободно пролезть внутрь. Но в том, что это искусственные жилища, а не промытые водой пещеры, сомнений не возникало. Низкие комнаты теснились в шесть ярусов до самого верхнего края склона, а в качестве строительного материала неизвестные мастера использовали саманы, высушенные глиняные блоки, армированные деревом.

Но кто все это построил? Рой сунулся было в дверь ближайшего жилища, и Род тут же крикнул:

— Эй! С ума сошел?

— А что? Тут же никого нет.

— Откуда ты знаешь, что там внутри? Может, там змеи.

— Здесь нет змей. Никто их ни разу не видел.

— Да… но все равно лучше не лезть.

— Эх, был бы у меня фонарь!

— А у меня восемь танцовщиц и вертолет «кадиллак»! Осторожнее! Мне совсем не улыбается возвращаться одному.

Они устроились на террасе перекусить и заодно обсудить находку.

— Это наверняка разумные существа, — заявил Рой. — Может, мы когда-нибудь даже встретим их. Не исключено, что их цивилизация достигла уже высокого уровня развития: эти постройки больше походят на древние руины.

— При чем тут разум? — возразил Род. — Пчелы строят и более сложные жилища.

— Пчелы не умеют комбинировать глину с древесиной, как эти существа. Взгляни на дверное перекрытие.

— Ну тогда птицы. Это доказывает, что у них мозгов не больше, чем у птиц. Именно не больше.

— Род, ты просто не хочешь видеть доказательств.

— А где предметы материальной культуры? Покажи мне хоть одну пепельницу с надписью «Изготовлено в Джерси».

— Может, я и нашел бы что-нибудь, но ты слишком осторожничаешь.

— Всему свое время. Однако, раз они считали, что здесь безопасно, нас это тоже устраивает.

— Может быть. Но что их убило? Или почему они ушли?

Перекусив, они обследовали еще две террасы, где тоже нашли искусственные жилища. Судя по всему, когда-то тут было огромное поселение. Но четвертая терраса оказалась почти пустой — лишь в одной стороне теснилось несколько недостроенных помещений.

— Похоже, нас такой вариант устроит, — сказал Род, оглядевшись. — Может быть, он не самый идеальный, но мы можем перебраться сюда всей командой, а потом уже разберемся, где тут получше.

— Мы идем назад?

— Утром. Здесь вполне можно устроиться на ночь, а завтра отправимся к старому поселению… Интересно, а что вон там? — Род остановил взгляд на каменном уступе чуть выше по стене.

Рой прищурился:

— Сейчас узнаю.

— Не стоит. Тут стена почти отвесная. Когда переберемся, сделаем для таких мест лестницы.

— Не волнуйся — я рожден для горных круч. Смотри.

До уступа вполне можно было дотянуться рукой. Рой уцепился пальцами за край, подтянулся — и тут край осыпался. Падал Рой всего-то полметра.

— Ты как, в порядке? — подскочил к нему Род.

— Вроде да. — Рой попытался встать и, вскрикнув, снова упал на спину.

— Что случилось?

— Нога. Правая. Кажется… у-у-у!.. кажется, у меня перелом.

Род осмотрел его ногу и полез нарезать палок, чтобы сделать шину. Затем, подложив листьев, примотал палки к голени веревкой, что Рой носил на поясе. Веревку пришлось использовать очень экономно — она была нужна, чтобы забираться на террасу. У Роя оказалась сломанной большая берцовая кость, но при закрытом переломе можно было не опасаться заражения.

Много времени ушло на споры.

— Конечно же, тебе нужно идти, — говорил Рой. — Оставишь мне свежую добычу и все засоленное мясо. Да, и насчет воды нужно что-то придумать.

— А потом вернусь и найду тут твои обглоданные косточки.

— С чего это? Мне тут ничего не угрожает. Если ты поторопишься, то доберешься обратно дня за три.

— За четыре или, скорее, за пять. И еще шесть дней, чтобы привести сюда группу. А потом об-

ратно с тобой на носилках? Если на нас нападет стобор, ты будешь совершенно беспомощен.

— А зачем нести меня обратно? Все равно мы перебираемся сюда.

— Ты уверен? Но в любом случае одиннадцать дней — а скорее, двенадцать — это слишком много. По-моему, Рой, ты еще и головой ударился.

Пока заживала нога Роя, они не испытывали, в общем-то, никаких трудностей и не подвергались никакой опасности — хуже всего оказалась скука. Род хотел было, пока есть время, обследовать все пещеры, но в первый же раз, когда он задержался дольше, чем, по мнению Роя, требовалось, чтобы раздобыть свежего мяса, тот едва не впал в истерику. Видимо, у него разыгралось воображение, и он уже представлял себе, что Род мертв и что его, беспомощного и одинокого, тоже ждет смерть от голода и жажды. После этого случая Род оставлял его лишь для того, чтобы поохотиться или принести воды. Напасть на них на террасе никто не мог, и поэтому они даже не дежурили по ночам, а костер использовали только для приготовления пищи. Погода с каждым днем становилась все теплее, а дневные дожди почти прекратились.

Долгие дни ожидания проходили в разговорах о чем только можно: о девушках, о нуждах по-

селения, о том, что могло вызвать ситуацию, в которой они оказались, о том, что бы они съели, если бы представилась возможность выбирать, снова о девушках… Не обсуждали они лишь вероятность спасения — никто уже не сомневался, что им суждено остаться здесь навсегда. Род с Роем много спали и часто ничего не делали — просто ждали в каком-то оцепенении.

Рой хотел отправиться в обратный путь, едва Род снимет шину, но спустя несколько секунд понял, что разучился ходить. Он тренировал ногу целыми днями и здорово рассердился, когда Род сказал, что ему все равно еще рано собираться в дорогу. Раздражение и обида на себя и на все то, что копилось в душе беспомощного человека так долго, стали причиной их единственной ссоры за время путешествия.

Род тоже вспылил и, швырнув Рою веревку, крикнул:

— Ну давай! Посмотрим, как далеко ты уйдешь на такой ноге!

Спустя пять минут он уже затаскивал побледневшего, дрожащего, но присмиревшего Роя на террасу. И, лишь потратив еще дней десять на то, чтобы его нога разработалась как следует, они двинулись к поселению.

Первым же, на кого они наткнулись на подходе к лагерю, оказался Коротыш Дюмон. У того отвисла челюсть, в глазах на мгновение появился испуг, но затем он бросился вперед, чтобы поприветствовать их, и сразу же понесся в лагерь сообщить всем радостную весть.

— Эй, вы слышите?! Они *вернулись*!

Едва услышав этот крик, Каролина бросилась им навстречу — она не бежала, а почти летела над землей — и, обогнав всех остальных, кинулась обнимать и целовать обоих путешественников.

— Привет, Кэрол, — сказал Род. — Что ты так разревелась?

— Родди, негодник… Бить тебя некому…

Глава 12
«Ничего не выйдет, Родди»

Встречали их бурно, но Род успел заметить многочисленные перемены: в поселении появилось больше дюжины новых домов, в том числе и два похожих на сараи строения из бамбука и глины. Одна хижина была сложена из высушенных на солнце кирпичей, а в стенах даже сделали окна. На месте костра для приготовления пищи теперь выкопали яму, где туши запекали целиком, и установили небольшую жаровню. Рядом лилась из бамбуковой трубки вода, падала в сито из выделанной кожи, затем в каменную чашу и дальше отводилась обратно к реке. Род даже не знал, радоваться или огорчаться оттого, что кто-то уже реализовал его замысел.

Однако все эти нововведения он замечал лишь мельком, поскольку их триумфальное шествие по лагерю то и дело прерывалось объятиями, поцелуями, мощными хлопками по спине и вопросами, вопросами, вопросами…

— Нет, все нормально, только Рой разозлился на меня и сломал себе ногу… Да, конечно, мы

нашли, что искали… Увидите — закачаетесь… Нет… Да… Джекки!.. Привет, Боб! Как я рад тебя видеть! А где Кармен?.. Привет, Грант!..

Каупер улыбался до ушей, в бороде блестели два ряда белых зубов, но Род с удивлением отметил, что он выглядит здорово постаревшим — а ведь ему всего-то двадцать два, от силы двадцать три. Откуда все эти морщины?

— Род, старина! Даже не знаю, что с вами обоими делать: то ли упечь в каталажку, то ли увенчать лавровыми венками.

— Пришлось немного задержаться.

— Да уж. Однако ладно. Вернулись, и слава богу. Пойдем в мэрию.

— Куда?

— Это хижина, где я сплю, — ответил Грант, застенчиво улыбаясь. — Все ее так называют, ну и я тоже привык. Во всяком случае, это лучше, чем «Даунинг-стрит, десять»[33], как было вначале. Но хижина не моя, — добавил он. — Когда выберут кого-нибудь еще, я буду спать в холостяцком доме.

Грант отвел его к небольшому строению, стоящему чуть поодаль фасадом к кухне.

---

[33] notes: 33
Лондонский адрес резиденции премьер-министра Великобритании.

Стены вокруг поселения не было!

Род вдруг осознал, что же ему показалось странным в этом конце поселения: стены не было вовсе, а вместо нее стоял плетень из колючего кустарника. Он уже собрался высказать Гранту все, что он о нем думает, но тут вспомнил, что это не имеет больше значения. Зачем затевать ссору, когда им все равно скоро перебираться в пещерный город? Стены уже никогда не понадобятся: ночи они будут проводить на высокой террасе с поднятыми вверх лестницами… И Род заговорил о другом:

— Грант, как вам удалось убрать переборки из этих бамбуковых труб?

— А? Очень просто. Привязываешь нож полоской кожи к трубе меньшего диаметра, вставляешь ее в большую и долбишь до посинения. Вакси додумался. Но это еще ерунда. У нас будет *железо*!

— Да ну?

— Мы нашли руду и пока экспериментируем. Хорошо бы отыскать уголь. Слушай, а вам, часом, уголь нигде не попадался?

Обед превратился в настоящий пир, праздник, с которым не могло сравниться даже свадебное торжество. Роду дали настоящую тарелку — неглазурованную, кривобокую, некрасивую,

но все же тарелку. А когда он достал «Полковника Боуи», Марджери Чан-Кински вложила ему в руку деревянную ложку.

— У нас их пока мало, но вы сегодня почетные гости.

Род взглянул на ложку с любопытством: за прошедшее время он успел отвыкнуть от столовых приборов.

На обед в тот день была вареная зелень, какие-то новые, незнакомые ему коренья и запеченный окорок, нарезанный тонкими ломтиками. Рою и Роду выдали по маленькой лепешке из пресного теста. Лепешки достались только им двоим, но Род из вежливости не стал обращать на это внимания и только нахваливал новое блюдо, то и дело восклицая, как здорово, мол, снова попробовать хлеба.

Марджери зарделась:

— Когда-нибудь у нас будет много хлеба. Может быть, уже в следующем году.

Еще были терпкие маленькие плоды на десерт и вдоволь безвкусных мягких фруктов, напоминающих карликовые бананы с семечками. Род, конечно, объелся.

После обеда Грант призвал всех к порядку и объявил, что он собирается попросить обоих

путешественников рассказать о своих приключениях.

— Пусть лучше расскажут сейчас, — добавил он, — тогда им не придется рассказывать семьдесят раз подряд всем по отдельности. Давай, Род. Покажись.

— Может, пусть Рой? У него язык лучше подвешен.

— Будете рассказывать по очереди. Когда устанешь, Рой тебя сменит.

Говорили они долго, то и дело перебивая и дополняя друг друга. Огромное впечатление на поселенцев произвел рассказ о береге скелетов, и еще больше заинтересовал их брошенный город.

— Мы с Родом до сих пор спорим, — сказал Рой. — Я утверждаю, что это цивилизация, он говорит, инстинкт. Совсем, видимо, от жары сдвинулся. Они точно люди. Не в том смысле, что земляне, конечно, но настоящие разумные существа.

— И где же они теперь?

Рой пожал плечами:

— А где теперь селениты, Дора? Или куда подевались митряне?

— Рой просто романтик, — возразил Род. — Но вы все увидите сами, когда мы туда переберемся.

— Верно, Род, — согласился Рой.

— Вот, пожалуй, и все, — закончил Род. — Остальное время мы ждали, когда у Роя срастется кость. Кстати, как скоро мы сможем двинуться на новое место? Грант, есть ли какие-то причины откладывать? Может, стоит с самого утра собрать все, что нужно, и отправиться в путь? Я много думал об этом — я имею в виду, о том, как нам перебраться, — и хочу предложить прямо на заре выслать небольшую группу. Рой или я можем ее возглавить. Скажем, мы налегке уходим вперед на один дневной переход, выбираем место, добываем свежего мяса, и, когда вы нас нагоняете, у нас уже все готово — и костры, и ужин. На следующий день — то же самое. Думаю, что таким образом мы уже дней через пять доберемся до пещер и будем в полной безопасности.

— Меня возьмите в эту группу! Дибса!

— Меня тоже!

Раздалось еще несколько голосов, но Род не мог не заметить, что общая реакция оказалась совсем не такой, как он ожидал. Джимми не вызвался. Каролина о чем-то сосредоточенно думала. Бакстеры сидели в тени, и их он не видел.

Род повернулся к Кауперу:

— Грант? Есть предложения лучше?

— Род, — медленно произнес тот, — план у тебя замечательный… Но ты кое-чего не учитываешь.

— В смысле?

— Почему ты решил, что мы захотим перебраться?

— Ну как же? Нас ведь за этим и посылали! Найти место понадежнее и получше. Мы его нашли. В этих пещерах можно целую армию отбить! В чем дело? Конечно нужно перебираться!

Каупер сидел некоторое время, разглядывая свои ногти, затем наконец сказал:

— Род, только не обижайся, но у меня на этот счет другое мнение, и я подозреваю, что многие со мной согласятся. Я не хочу сказать, что вы с Роем нашли плохое место. Может быть, оно гораздо лучше этого, во всяком случае в том виде, как у нас было раньше. Но мы недурно устроились и здесь. Да и слишком много затрачено времени и усилий, чтобы наладить здесь жизнь. Зачем отсюда уходить?

— Но я же говорил… Там безопасно, совершенно безопасно. А здесь мы как на ладони. Мы постоянно рискуем.

— Может быть. Но, Род, за все время, что мы тут живем, в пределах лагеря ни с кем ничего не случилось. Можно, конечно, поставить вопрос на

голосование, но не жди, что мы покинем наши дома и все, ради чего столько трудились, только чтобы избежать скорее всего воображаемой опасности.

— Воображаемой? По-твоему, стобор не перепрыгнет эту хлипкую баррикаду? — гневно спросил Род, махнув рукой в сторону ограды.

— По-моему, если стобор попытается проникнуть сюда через ограду, он останется висеть на заточенных кольях, — спокойно ответил Грант. — Эта «хлипкая баррикада» на самом деле очень эффективное сооружение. Завтра утром посмотри повнимательней.

— Но там, где мы были с Роем, нам не понадобится даже она. Не нужно дежурить по ночам. Там даже дома не нужны. Эти пещеры — лучше любого дома!

— Возможно. Однако, Род, ты не видел еще всего, что мы тут сделали и сколько нам придется оставить. Давай осмотрим лагерь при дневном свете и тогда уже поговорим.

— Ладно… Впрочем, нет, Грант. О чем тут говорить? Важно одно: в пещерах безопасно, а здесь нет. Я предлагаю голосовать.

— Полегче. Это же не общее собрание, а торжество в честь вашего возвращения. Давай не будем

его портить.

— Да… Извини. Но здесь и так собрались все. Давайте проголосуем.

— Нет. — Каупер встал. — Общее собрание состоится, как всегда, в пятницу. Спокойной ночи, Род. Спокойной ночи, Рой. Мы ужасно рады вас видеть. Всем спокойной ночи.

Постепенно вечеринка распалась, и все разошлись спать. Остались лишь несколько парней из самых молодых, которым не терпелось обсудить предложенный переход на новое место. Подошел Боб Бакстер и, положив руку на плечо Роду, сказал:

— Утром увидимся, Род. И благослови тебя Господь.

Затем быстро удалился, и Роду пришлось выслушивать до конца своего предыдущего собеседника. Однако с ним остались Джимми Трокстон и Каролина. Выбрав момент, Род спросил:

— Джимми? Я хотел спросить, что об этом думаешь ты?

— Я? Ты же меня знаешь, дружище. Джекки я отправил спать — она неважно себя чувствовала, — но она велела передать тебе, что мы оба, как всегда, на твоей стороне.

— Спасибо. Мне уже лучше.

— До завтра. Пойду посмотрю, как там Джекки.

— Ладно. Крепкого сна.

В конце концов с ним осталась одна Каролина.

— Родди? Хочешь, пойдем вместе проверим посты? Со следующей ночи тебе так и так этим заниматься, но сегодня мы решили дать тебе отоспаться.

— Подожди-ка, Кэрол… ты как-то странно себя ведешь.

— Я? Почему, Родди?

— Не знаю. Может, мне показалось. Что ты думаешь о моем предложении? Я не слышал твоего мнения.

Каролина отвела взгляд в сторону:

— Родди, если бы дело было только во мне, я бы сказала: «Завтра. И нечего тянуть». Я бы даже пошла в первой группе.

— Отлично! Но что с ними со всеми случилось? Грант их словно стреножил, и я никак не пойму, в чем дело. — Он почесал в голове. — Может, нам есть смысл организовать свою группу? Я, ты, Джимми и Джекки, Бакстеры, Рой, еще несколько человек из тех, кто так рвался сегодня вперед, — короче, все те, кого тянет на новое место.

Каролина вздохнула:

— Ничего не выйдет, Родди.

— Но почему?

— Я пойду. Кто-то из молодых тоже пойдет ради забавы. Джимми и Джекки — если ты будешь настаивать. Но они постараются увильнуть, если ты не станешь давить. Бакстерам этого просто делать не следует, и я думаю, Боб не согласится. Кармен сейчас не в самой лучшей форме для таких путешествий.

Глава 13
Непобедимый

До голосования так и не дошло. Задолго до пятницы Род понял, как оно пройдет, — человек пятьдесят будут против, меньше половины этого числа за, причем его друзья будут голосовать за скорее из преданности, чем из искренней убежденности. А может, и они проголосуют в конце концов против.

Род решил поговорить с Каупером наедине.

— Грант, твоя взяла. Даже Рой на твоей стороне. Но ты можешь их переубедить.

— Сомневаюсь. Род, ты не поймешь, что мы уже укоренились здесь, приросли. Возможно, вы нашли место получше… Но уже поздно. В конце концов, это место тоже выбрал ты.

— Не совсем так. Это случилось само собой.

— В жизни многое случается само собой. Приходится это учитывать и выбирать лучшее из возможного.

— Ну так и я о том же! Я понимаю, что переход — дело нелегкое, но нам это по силам. Можно делать переходы покороче, полегче. Можно по-

слать парней поздоровее за всем тем, что мы не хотели бы бросать. В конце концов, мы можем перенести кого-то на носилках — надо только побольше охраны.

— Если поселение проголосует «за», то я согласен. Но я не стану их переубеждать. Послушай, Род, ты просто вбил себе в голову, что лагерь плохо защищен, однако факты говорят против тебя. И потом, посмотри, что у нас уже есть: проточная вода выше по течению — и ею же мы смываем мусор и нечистоты ниже, — удобные и вполне пригодные для такого климата дома, соль… Там есть соль?

— Не знаю. Мы не искали. Но соль легко будет принести с морского побережья.

— А здесь это совсем близко. И, кроме того, есть шанс, что у нас будет металл. Ты ведь еще не видел рудного пласта, что мы нашли, верно? С каждым днем поселение оснащается все лучше — короче, уровень жизни растет. У нас здесь настоящая колония, хотя никто не ставил перед нами такой задачи, и мы вправе гордиться этими достижениями, потому что все сделали своими руками. Зачем же бросать то, что здесь создано, и переселяться в пещеры, где мы будем жить как дикари?

— Грант, — вздохнул Род, — помимо того что лагерь плохо защищен, в сезон дождей этот берег может затопить.

— Не думаю. Но если такое случится, у нас будет достаточно времени, чтобы как-то выйти из положения. Сухой сезон еще только начинается, так что давай поговорим на эту тему через несколько месяцев.

Род сдался. Однако он отказался занять пост управляющего поселением, и точно так же отказалась Каролина. Назначили Билла Кеннеди, а Род занялся охотой под началом Клиффа. Спал он в большом сарае выше по течению вместе с остальными холостяками и, когда подходила его очередь, заступал на ночные дежурства. Пока они с Роем отсутствовали, вахту снова сократили до одного человека, и главной обязанностью дежурного стало поддерживать огонь в заградительных кострах. Кое-кто ратовал за то, чтобы упразднить и ночные костры: собирать дрова поблизости становилось все труднее, и многие считали, что для безопасности лагеря вполне достаточно колючей изгороди.

Род молчал, но по ночам спал очень чутко.

Дичи по-прежнему хватало, но животные стали более пугливы. Антилопы теперь не пас-

лись на открытой местности, как в дождливую погоду, — все чаще приходилось искать их по зарослям и гнать на засаду. Хищников вроде бы стало меньше. Однако впервые поселенцам пришлось задуматься о странных сезонных повадках местной фауны после инцидента с мелким и, казалось бы, неопасным хищником. В тот день Мик Махмуд вернулся в лагерь с покусанной ногой. Боб Бакстер забинтовал ему раны и спросил, что случилось.

— Не поверишь!

— Ну-ка, ну-ка.

— Всего лишь «сонный кролик». Я поначалу даже не обратил на него внимания. А через секунду он вцепился мне в ногу, и я оказался на спине. Ты сам видел, как он меня обглодал, прежде чем я всадил в него нож. Да еще и челюсти пришлось разжимать.

— Тебе просто повезло, что ты не истек кровью.

Услышав об этом происшествии, Род сразу же рассказал Рою. Один раз им уже встретился агрессивно настроенный «сонный кролик», и Роду показалось, что это серьезно. Он поделился своими сомнениями с Клиффом, и тот предупредил всех, кто выходит за пределы лагеря, чтобы

они были настороже: «сонные кролики», похоже, стали опасны.

А через три дня началась миграция животных.

Первое время казалось, что звери перемещаются бесцельно, но почему-то в одном направлении, вниз по течению. Антилопы и олени давно уже перестали пользоваться водопоем чуть выше лагеря и редко когда забредали в небольшую долину. Теперь же они появлялись все чаще, но, обнаружив изгородь, удирали прочь. Впрочем, это касалось не только антилоп. Бескрылые птицы с большими, похожими на маски головами, грызуны, корнееды и прочие, которым переселенцы даже не придумали названий, — все включились в миграцию. Один из тех напоминающих львов хищников, которых поселенцы прозвали стоборами, тоже появился как-то раз у изгороди при свете дня, оглядел преграду, взмахнул хвостом, потом вскарабкался по скале и двинулся дальше вдоль реки.

Клифф вернул все охотничьи отряды в лагерь: зачем охотиться, когда дичь сама идет к поселению?

Когда стемнело, у Рода возникло неуютное, тревожное чувство. Он оставил свое место у костровой ямы и подошел к Джимми с Жаклин:

— Слушайте, что происходит? Даже как-то страшно…

Джимми пожал плечами:

— Я тоже чувствую. Может, это из-за странного поведения животных… А ты слышал, что сегодня убили одного «сонного кролика» прямо в лагере?

— Я знаю, в чем дело, — неожиданно сказала Жаклин. — «Гранд-опера» заткнулась.

«Гранд-опера» Джимми прозвал существ с дикими голосами, что превратили первую ночь Рода на планете в настоящий кошмар. После заката они каждый вечер устраивали примерно часовые концерты. Род уже давно привык к ним и замечал не больше, чем цикад на Земле. Во всяком случае, он даже не мог вспомнить, когда в последний раз сознательно прислушивался к их безумным воплям.

Теперь же они почему-то молчали, и это его встревожило.

Род неуверенно улыбнулся:

— Точно, Джекки. Странно, как все-таки к этим вещам привыкаешь. Думаешь, у них забастовка?

— Скорее, похороны, — ответил Джимми. — Завтра, наверно, опять концерт устроят.

Уснул Род с трудом и, когда прозвучал сигнал тревоги, мгновенно выскочил из холостяцкого

сарая с ножом в руке.

— Что случилось?

Дежурил на этот раз Артур Нилсен.

— Все уже нормально, — ответил он, немного нервничая. — Бык проломил ограду, и эта тварь пробралась внутрь. — Он указал на труп «сонного кролика».

— У тебя кровь на ноге.

— Просто царапина.

Вокруг уже собрались все остальные поселенцы. Каупер протолкался в центр и сразу оценил ситуацию.

— Вакси, займись раной. Билл… Где Билл? Билл, поставь на вахту кого-нибудь еще. И как только рассветет, нужно починить изгородь.

Небо на востоке стало уже серым.

— Можно и не ложиться, — предложила Марджери. — Скоро будем завтракать. Я пойду разведу огонь.

Она отправилась за горящей веткой к сторожевому костру. Род выглянул через пролом в ограде. Бык лежал на земле в дальнем конце поляны, и в него вцепились по крайней мере шесть «сонных кроликов». Подошел Клифф, выглянул наружу и спросил:

— Как по-твоему, мы их сможем прикончить?

— Разве что из ружья.

— Жалко тратить на них патроны.

— Конечно.

Немного поразмыслив, Род двинулся к сложенным в кучу бамбуковым палкам, что заготавливались для новых строений. Выбрал одну покрепче, но не длинную — до плеча, — затем уселся на землю и, привязав «Леди Макбет» полоской кожи к концу палки, смастерил себе копье. Каролина заметила его, подошла, присела рядом на корточки.

— Что ты делаешь?

— Кроликобой.

Она понаблюдала еще немного, затем вдруг вскочила на ноги и сказала:

— Пожалуй, я себе тоже сделаю такую штуку.

К рассвету животные уже неслись во весь опор вдоль реки, словно спасаясь от лесного пожара. Поскольку с приходом сухого сезона река обмелела, ниже каменного уступа, где расположился лагерь, получилось что-то вроде миниатюрного пляжа от метра до двух шириной. Изгородь из кустарника протянули, чтобы закрыть и этот участок, но обезумевшие животные проломили ее и теперь неслись нескончаемым потоком под самым поселением, у воды.

Несколько бесплодных попыток остановить их ни к чему не привели, и в конце концов поселенцы оставили животных в покое: они так и так попадали в замкнутую долину лагеря, а проход между крутым берегом и водой служил своего рода «предохранительным клапаном». По крайней мере, животным было теперь куда деться — иначе этот бешеный поток просто снес бы ограду целиком.

Впрочем, мелкие животные все равно проникали внутрь и, не обращая внимания на людей, неслись дальше.

Род оставался у изгороди и даже завтрак съел стоя. С рассвета он уже убил шесть «сонных кроликов», но у Каролины счет был еще больше. Глядя на них, и остальные принялись мастерить копья. К счастью, «сонных кроликов» попадало в лагерь не так много; в основном они гнали зверье вдоль реки. Тех же, что проникали за изгородь, убивали копьями: с ножом в руке справиться с ними было гораздо сложнее.

Обходя ограду, Каупер и Кеннеди остановились рядом с Родом. Оба выглядели встревоженно.

— Род, — спросил Грант, — как по-твоему, долго еще это будет продолжаться?

— Откуда я знаю? Наверно, пока все не пробегут.

Выглядит это… Взять его, Коротыш! Выглядит это, как будто «сонные кролики» гонят всех остальных, но я так не думаю. Мне кажется, они *все* с ума посходили.

— Но почему? — спросил Кеннеди.

— Убей меня бог. Хотя теперь я, похоже, догадываюсь, откуда на морском побережье столько костей. Но почему это происходит… Почему куры бегут через дорогу? Почему лемминги устраивают массовые самоубийства? Откуда берутся тучи саранчи?.. Сзади! *Прыгай!*

Кеннеди подпрыгнул, Род одним ударом прикончил очередного «кролика», и они продолжили разговор.

— Лучше отряди кого-нибудь, чтобы бросали этих тварей в воду, Билл, а то они скоро вонять начнут. Знаешь, Грант, пока еще все в порядке, но я знаю, что бы я сделал.

— Что? Перебрался в эти пещеры? Род, ты был прав, но сейчас уже слишком поздно.

— Нет. Это все в прошлом. Забудь. Больше всего меня сейчас пугают эти злющие маленькие дьяволы. Они теперь совсем не сонные — они стремительны, свирепы… и так или иначе просачиваются через изгородь. Пока мы еще с ними справляемся, но что будет, когда наступит ночь?

Нужна целая цепочка костров вдоль изгороди и вдоль всего берега. Огонь — это единственное, что может их остановить. По крайней мере, хотелось бы так думать.

— Для этого нужно очень много дров. — Грант взглянул на изгородь и нахмурился.

— Еще бы! Но так мы сможем продержаться и ночью. Знаешь что, дай-ка мне топор и шестерых парней с копьями. Я поведу группу.

Кеннеди покачал головой:

— Это моя работа.

— Нет, Билл, — твердо сказал Каупер. — С ними пойду я. А ты оставайся и защищай поселение.

До конца дня Каупер выходил за дровами с двумя группами, и по одному разу ходили Билл и Род. Они выбирали периоды, когда поток животных на время ослабевал, но группе Билла пришлось просидеть в лесу над пещерой почти два часа в бездействии. Они решили, что оттуда будет удобно сбрасывать дрова в лагерь, однако по большей части вынуждены были пережидать наплывы зверья на деревьях. В маленькой долине вокруг поселения уже давно не осталось ни одной сухой деревяшки, и, чтобы найти пригодные для костра дрова, приходилось подниматься выше, в лес.

Пятую группу, ближе к вечеру, повел Клифф Па-

ули, главный охотник, но у них сразу сломалась рукоять топора, и они вернулись лишь с тем, что смогли нарубить ножами. Пока их не было, один из гигантских быков сорвался со скалы над лагерем, упал вниз и сломал себе шею. В шкуру ему вцепились четыре «кролика», и, поскольку они даже не разжали челюстей, убить их оказалось несложно.

Вечером Джимми и Род дежурили с копьями у изгороди. Джимми оглянулся назад, туда, где две девушки сбрасывали в реку трупы «сонных кроликов».

— Знаешь, Род, — произнес он задумчиво, — мы все не так поняли. Стоборы-то вот они. *Настоящие* стоборы.

— А?

— Те большие кошки вовсе никакие не стоборы. Мастер предупреждал нас именно об *этих* вот тварях.

— Как там их ни называй, они меня устраивают только мертвые. Вставай. Вон еще один лезет.

Перед наступлением темноты Каупер приказал разжечь костры. Больше всего его беспокоило, чтобы случайно не спалили водопровод, но вскоре вопрос решился сам собой: труба вздрогнула и вода иссякла. Видимо, выше по течению какая-то

зверюга наконец разнесла хрупкое сооружение на куски.

Поселенцы уже давно перестали пользоваться бурдюками, и теперь в запасе осталось всего несколько литров воды — в горшке, что использовали повара. Впрочем, никто не посчитал, что это опасно, — так, всего лишь очередная трудность. Главной задачей было разложить костры вокруг лагеря. Человек пять или шесть уже пострадали — никто не погиб, но укусы и раны от когтей тоже дело серьезное, — и почти все от нападений маленьких хищников, которых они презрительно называли «сонными кроликами». Запасы антисептиков, и без того значительно сократившиеся за долгие месяцы существования колонии, теперь буквально таяли на глазах, и Боб Бакстер решил экономить, тратя лекарства только на самые тяжелые раны.

Когда дрова разложили по широкой дуге, протянувшейся внутри ограды до берега и дальше прямо к пещере, стало понятно, что дневные труды напрасны: в кучах осталось не намного больше, чем разложили. Билл Кеннеди бросил один взгляд на кучи и сказал:

— На всю ночь не хватит, Грант.

– *Должно* хватить, Билл. Поджигай.

— Может быть, если мы отодвинемся от ограды и берега, а затем срежем до скалы… Как ты думаешь?

Каупер прикинул, насколько это будет экономнее, и покачал головой:

— Так не намного короче. Впрочем… Не зажигай пока костры ниже по течению — только если зверье вдруг полезет назад. И давай шевелиться: уже темнеет.

Он прошел к кухонному костру, вытащил горящую ветку и принялся разжигать протянувшиеся цепочкой костры. Кеннеди помогал, и вскоре по всему краю поселения запылал огонь. Каупер бросил ветку в костер и сказал:

— Билл, подели мужчин на две вахты, а всех женщин отправь наверх, в пещеру, — пусть там как-нибудь разместятся.

— Их же больше тридцати. Едва ли из этого что выйдет.

— Пусть потеснятся. Но отправь их в пещеру. И раненых мужчин тоже.

— Ладно. — Кеннеди пошел отдавать распоряжения, и спустя несколько минут к Кауперу с копьем в руке подлетела Каролина.

— Грант, что это за чушь такая? Кто решил загнать девчонок наверх? Если ты думаешь, что я

буду сидеть в пещере, пока вы тут развлекаетесь, то у тебя с головой что-то не в порядке.

Каупер посмотрел на нее усталыми глазами:

— Кэрол, у меня нет времени на глупые препирательства. Заткнись и делай, как я сказал.

Каролина открыла было рот, потом закрыла и молча двинулась к пещере. Подбежал Боб Бакстер. Род заметил, как встревоженно тот выглядит.

— Грант? Ты приказал укрыть всех женщин в пещере?

— Да.

— Извини, но Кармен не может.

— Тебе придется ее отнести. О ней-то я как раз и думал в первую очередь.

— Но… — Боб замолчал, отвел Гранта чуть подальше от остальных и принялся в чем-то его убеждать — тихо, но настойчиво. Грант покачал головой. — Это опасно, Грант, — продолжал Боб, повышая голос. — Я не могу рисковать. Интервалы между схватками уже девятнадцать минут.

— Мм… Ладно. Оставь с ней двоих женщин. Возьми Каролину, хорошо? По крайней мере, она не будет ко мне цепляться.

— Хорошо. — Бакстер торопливо двинулся к пещере.

Кеннеди и еще более десятка мужчин заступи-

ли в первую вахту, растянувшись вдоль линии костров. Роду выпало дежурить во вторую смену, которой руководил Клифф Паули. Он двинулся было к дому Бакстеров, чтобы узнать, как там Кармен, но Агнесса его прогнала. Тогда Род отправился в холостяцкий сарай и попытался уснуть.

Разбудили его крики, и, выскочив из сарая, он успел заметить, как похожее на льва чудовище метров пять длиной пронеслось по лагерю и скрылось ниже по течению. Зверь одним прыжком перемахнул через ограду, оставив далеко позади и острые колья, и костры.

— Эй, никого не зацепило? — крикнул Род.

— Нет. Он даже не остановился помахать ручкой, — ответил Коротыш Дюмон. На левой икре у него темнела глубокая царапина, по ноге стекала кровь, но Коротыш этого даже не замечал.

Род заполз в сарай и снова попытался уснуть. Во второй раз он проснулся, когда затряслись стены. Род торопливо выбрался наружу и спросил:

— Что происходит?

— Это ты, Род? Я не знал, что внутри кто-то есть. Давай-ка помоги. Мы хотим его сжечь. — Голос принадлежал Бобу Бакстеру. Он перерезал привязанные к угловому столбу полоски кожи и теперь вовсю его раскачивал.

Род положил копье в сторону, чтобы случайно не наступить на него в темноте, сунул «Полковника Боуи» обратно в ножны и подключился к делу: строили сарай из бамбука и веток, крыли тростником и глиной, так что дров получилось бы достаточно.

— Как Кармен?

— Все нормально. Но здесь от меня больше пользы. Да и потом, женщины меня сами выгнали.

Бакстер с грохотом повалил угол сарая, сгреб полную охапку обломков и заторопился прочь. Род набрал дров и двинулся за ним.

Резервный запас дров исчез. Кто-то срывал крышу с «мэрии» и швырял куски на землю, чтобы отбить глину. Стены у этого здания были из обожженных на солнце кирпичей, но крыша вполне годилась для костра. Род подошел ближе и увидел, что символ суверенного поселения уничтожает сам Каупер, причем работал он с каким-то даже остервенением.

— Давай я этим займусь, Грант. Ты хоть немного отдыхал?

— А? Нет.

— Пойди отдохни. Ночь будет длинная. Сколько сейчас?

— Не знаю. Должно быть, полночь.

Неподалеку вспыхнул огонь, и Каупер повернулся в ту сторону, вытирая лицо рукой.

— Род, смени Билла и возьми на себя командование второй сменой. У Клиффа глубокие раны, и я отправил его наверх.

— Хорошо. Жечь все, что горит?

— Все, кроме крыши над домом Бакстеров. Но расходуй дрова экономно: нужно протянуть до утра.

— Ясно. — Род бросился к цепочке костров и отыскал Билла. — Я тебя сменю. Приказ Гранта. Иди немного поспи. Как они, прорываются?

— Не очень много. И недалеко. — Копье Билла потемнело от крови. — Я все равно не буду спать, Род. Так что найди место вдоль ограды и помогай.

Род покачал головой:

— Ты же еле на ногах держишься. Приказ Гранта.

— Нет!

— Ладно. Знаешь что, бери свою банду, и идите ломайте сарай наших старых дев. По крайней мере, какая-то перемена.

— Мм… хорошо. — Кеннеди, шатаясь, пошел вглубь лагеря.

Поток зверья на какое-то время ослабел. За оградой стало спокойно, и у Рода появилась возможность разобраться со своей вахтой. Он сразу отослал спать тех, кто дежурил с заката, и послал за сменой. Затем назначил Дуга Сандерса и Мика Махмуда костровыми, приказав, чтобы никто, кроме них, не смел подбрасывать дрова в огонь.

Вернувшись к центру линии обороны, он обнаружил там Боба Бакстера с копьем в руке.

— Медику вовсе не обязательно драться на передовой, — сказал Род, положив руку ему на плечо. — Положение не настолько плохо.

— Аптечка у меня с собой — по крайней мере, то, что от нее осталось, — ответил тот, пожимая плечами, — а здесь она нужнее всего.

— Тебе других забот мало?

Бакстер через силу улыбнулся:

— Но это лучше, чем ходить под дверью взад-вперед... Смотри, Род, опять зашевелились. Может, стоит разжечь костры посильней?

— Не надо. А то нам не хватит дров до утра. Я думаю, и этих костров достаточно — не перепрыгнут.

Бакстер не ответил, потому что в этот момент сквозь ограду пролез «сонный кролик». Он махнул через низкое пламя, и Боб тут же проткнул

его копьем. Род сложил ладони рупором и прокричал:

— Развести огонь посильнее! Но *не очень*!

— Сзади, Род!

Род подпрыгнул, обернулся и в прыжке подколол еще одного «кролика».

— Откуда он взялся? Я даже не видел, где он пролез.

Не успел Боб ответить, как из темноты вынырнула Каролина.

— Боб! Боб Бакстер! Мне нужно найти Боба Бакстера!

— Он здесь! — крикнул Род.

Лицо Боба исказилось гримасой отчаяния, и он с трудом произнес:

— Что с ней? Она…

— Нет! Нет! — закричала Каролина. — С ней все в порядке. Она прекрасно себя чувствует. *И у тебя девочка!*

Бакстер выронил копье и молча повалился без чувств. Каролина успела подхватить его и тем самым спасла от ожогов. Боб открыл глаза и сказал:

— Извините. Ты меня напугала. Там в самом деле все в порядке?

— В лучшем виде. И ребенок тоже. Килограмма

три будет. Дай-ка мне свой тесак — тебя Кармен зовет.

Бакстер, качаясь, пошел к дому, а Каролина заняла его место и улыбнулась Роду:

— Я так *счастлива*, что все обошлось! Как тут дела, Родди? Все кипит? Ну-ка, я сейчас подколю штук восемь-десять этих тварей!

Спустя несколько минут появился Каупер.

— Ты уже слышал хорошие новости? — спросила Каролина.

— Да. Я только что оттуда. — Ни словом ни обмолвившись по поводу присутствия Каролины на передовой, он обратился к Роду: — Мы делаем носилки из остатков водопровода, чтобы затащить Кармен в пещеру. Потом их сбросят вниз, и можете бамбук сжечь.

— Отлично.

— Ребенка отнесет Агнесса. Род, сколько, по-твоему, людей войдет в пещеру?

— Хм… — Род обернулся и взглянул на каменный уступ. — Они и так, должно быть, скоро через край посыплются.

— Боюсь, да. Но мы просто *должны* набить в пещеру как можно больше. Я хочу послать наверх всех женатых мужчин и самых молодых парней тоже. Здесь будут держаться холостяки…

— Я тоже «холостяк»! — перебила его Каролина.

Каупер не обратил на нее внимания.

— Как только Кармен будет в безопасности, я загоню всех наверх. Огонь прогорит уже совсем скоро. — Он повернулся и двинулся к пещере.

Каролина тихо присвистнула:

— Похоже, мы здорово повеселимся, Родди.

— У меня о веселье несколько иные представления. Подержи-ка пока оборону, Кэрол. Мне надо разобраться с людьми. — И он двинулся вдоль линии огня, отдавая распоряжения, кому остаться, а кому идти к пещере.

— Я не пойду, — скорчил физиономию Джимми. — Пока все не уйдут, я не пойду. Как я посмотрю Джекки в глаза?

— Ты пристегнешь одну губу к другой и сделаешь, как скажет Грант. А то еще и от меня получишь. Ясно тебе?

— Ясно. Но мне все равно это не нравится.

— Никто от тебя этого не требует. Просто сделай, как тебе говорят. Джекки видел? Как она?

— Недавно бегал смотрел. Все в порядке, только немного подташнивает. Но, узнав о Кармен, она почувствовала себя гораздо лучше.

Никаких ограничений по возрасту Род не учи-

тывал. Без женатых мужчин, раненых и всех женщин выбор у него был совсем небольшой; он просто приказал тем, кого сам считал слишком молодыми и слишком неопытными, уйти, когда будет дан сигнал. Оставались с полдюжины парней, он, Каупер и… возможно, Каролина. Убедить ее уйти — задача не из легких, и Род решил до поры до времени не связываться.

Он обернулся и обнаружил рядом Каупера.

— Кармен уже подняли, — сказал тот. — Можешь отправлять остальных.

— Тогда можно сжечь крышу дома Бакстеров.

— Я уже сорвал ее, пока Кармен тащили наверх. — Каупер огляделся. — Кэрол! В пещеру!

Каролина встала напротив него:

— Не пойду!

— Кэрол, — мягко сказал Род, — ты же слышала. Наверх. И *быстро*!

Бросив на него сердитый взгляд, она надула губы, пробормотала: «Ну раз ты так *просишь*, Родди Уокер», повернулась к ним спиной и побежала вверх по тропе.

Род сложил ладони рупором и крикнул:

— Все, кроме тех, кому я сказал остаться, тоже наверх! Быстро!

Половина из тех, кому полагалось уйти, уже

взбиралась по тропе к каменной террасе, когда сверху донесся голос Агнессы:

— Эй! Потише! Если будете так толкаться, кто-нибудь свалится с обрыва.

Цепочка людей замерла.

— Всем выдохнуть! — крикнул Джимми. — Вот так оно лучше.

Кто-то снизу тут же откликнулся:

— Сбросьте Джимми в реку — будет еще лучше.

Очередь снова поползла вверх, теперь медленнее, и минут за десять они все-таки совершили невозможное — упаковали почти семьдесят человек в пещеру, где при нормальных обстоятельствах больше десятка уже чувствовали бы себя стесненно. Короче, расположились как сардины в банке. Стоять в полный рост можно было лишь у самого входа, поэтому девушек задвинули в глубину, и так плотно, что они едва могли дышать. Стоявшим у входа было легче, но в темноте кто-нибудь мог оступиться или же не удержаться на ногах, когда другой нечаянно толкнет локтем.

— Посмотри тут пока, Род. Я схожу проверю.

Грант взбежал по тропе и через несколько минут вернулся.

— Тесно, как на дне мешка, — сказал он. — Од-

нако у меня есть план. Если нужно, они все-таки смогут еще немного потесниться. Раненым будет неудобно, и Кармен придется сесть — сейчас она лежит, — но это возможно. Когда погаснут костры, мы втиснем туда остальных и, выставив копья над краем тропы, сумеем продержаться до рассвета. Понятно?

— Деваться некуда.

— Договорились. Когда придет время, ты идешь предпоследним, я замыкаю.

— Э-э-э… Давай кинем жребий.

Каупер грубо выругался, что с ним случалось крайне редко, и добавил:

— Я здесь главный. Я пойду последним. А сейчас нужно обойти костры и побыстрее все, что осталось, — в огонь. Затем соберем людей здесь. Ты иди вдоль берега, я — вдоль ограды.

Они побросали остатки дерева в огонь — времени это отняло совсем немного — и собрались у подножия тропы: Рой, Кенни, Дик, Чарли, Ховард, Род и Грант. Накатила новая безумная волна мигрирующих животных, но пока огонь еще сдерживал их, заставляя двигаться в обход лагеря по узкому перешейку у воды.

У Рода затекли пальцы, и он перебросил копье в левую руку. Огонь умирал, лишь кое-где остав-

ляя после себя светящиеся угли. Род с надеждой взглянул на восточный небосклон, но тут Ховард Голдштейн сказал:

— В дальнем конце один уже прорвался.

— Спокойно, Голди, — ответил Каупер. — Если он сюда не полезет, мы его не трогаем.

Род снова перекинул копье в правую руку. «Сонные кролики» проникли за стену огня уже в нескольких местах, но, что еще хуже, теперь угли давали так мало света, что хищников почти не было видно.

Каупер повернулся к Роду.

— Ладно, все наверх. Ты их пересчитай, — распорядился он и добавил громче: — Билл! Агнесса! Потеснитесь там, к вам пополнение!

Род бросил взгляд на ограду, затем сказал:

— Хорошо. Кенни — первый. Следующий — Дуг. Не толкайтесь. Голди. Потом Дик. Кто остался? Рой… — Род обернулся, почувствовав, что за спиной у него что-то произошло.

Гранта рядом не было. Он стоял неподалеку от ограды, склонившись над гаснущим костром.

— Эй, Грант!

— Сейчас вернусь! — Каупер выбрал тлеющий сук и несколько раз взмахнул им в воздухе, отчего пламя снова занялось. Перепрыгнув через угли,

он пробрался между острыми кольями, подбежал к изгороди из колючего кустарника и сунул туда свой факел. Сухие ветки тут же вспыхнули. Грант медленно отошел назад, пробираясь между кольями.

— Я тебе помогу! — крикнул Род. — Зажгу с другого конца.

Каупер обернулся, и огонь высветил его суровое бородатое лицо.

— Назад! Поднимай всех наверх! Это приказ!

Люди на тропе остановились, и Род, прорычав: «Вперед, остолопы! Шевелитесь!» — ткнул кого-то тупым концом копья в зад.

Когда он обернулся, Каупер уже поджигал изгородь в другом месте. Он выпрямился, собираясь двинуться дальше, потом резко повернулся и прыгнул через полосу погасших костров. Остановился, ткнул копьем куда-то в темноту… и вдруг закричал.

— Грант! — Род соскочил вниз и бросился вперед, но, когда он подбежал к Гранту, тот уже лежал на земле и в каждую его ногу вцепилось по «сонному кролику». Совсем рядом подбирались еще несколько. Род ткнул копьем одного, стараясь не задеть Гранта, выдернул, затем ткнул второго. И тут он почувствовал, как «кролик» вцепился в

ногу уже ему. Он едва успел удивиться, что почти не чувствует боли, как стало дико больно.

Род повалился на землю, и копье выпало у него из рук, но пальцы сами нащупали рукоять ножа, и «Полковник Боуи» одним ударом прикончил вцепившуюся в ногу тварь.

Дальше, как ему казалось, все происходило в какой-то кошмарной замедленной съемке. Лениво, словно нехотя, люди били копьями еле ползающих хищников. Пламя, взметнувшееся над колючей изгородью, высветило еще одного подбирающегося к нему «сонного кролика». Род взмахнул ножом, прикончил очередную тварь, перекатился на живот и попытался встать…

Очнулся он от бьющего в глаза яркого дневного света. Пошевельнулся, и нога тут же отозвалась вспышкой боли. Подняв голову, Род увидел компресс из листьев, аккуратно перемотанный полоской кожи. Лежал он в пещере, а рядом лежали еще несколько человек. Род привстал на локтях:

— Эй, кто-нибудь…

— Ш-ш-ш! — Сью Кеннеди подползла ближе и склонилась над ним. — Ребенок спит.

— О!

— Я сейчас дежурная медсестра. Тебе что-ни-

будь нужно?

— Нет вроде. Слушай, а как они ее назвали?

— Хоуп Роберта Бакстер. Красивое имя. Я скажу Каролине, что ты проснулся.

Вскоре появилась Каролина, присела рядом на корточки и, бросив многозначительный взгляд на его лодыжку, сказала:

— Будешь теперь знать, как веселиться без меня.

— Видимо, буду. Как у нас дела, Кэрол?

— Шестеро ранены серьезно. Ходячих раненых примерно вдвое больше. Кто здоров, все собирают дрова и рубят кустарник. Топор мы уже починили.

— А как же… Уже что, не нужно отбиваться от этих тварей?

— Сью тебе ничего не сказала? За все утро сюда забрели лишь несколько оленей, и те — как сонные мухи. Больше никого.

— Это может начаться опять.

— Если начнется, мы будем готовы.

— Хорошо. — Род попытался встать. — Где Грант? Сильно ему досталось?

Каролина покачала головой:

— Грант не выжил, Родди.

— Как!

— Бобу пришлось ампутировать ему обе ноги у колен, руку тоже нужно было отрезать, но Грант не выдержал операции, умер. — Она взмахнула рукой, словно подвела черту. — Его похоронили в реке.

Род хотел что-то сказать, но не выдержал и отвернулся, уронив голову на грудь. Каролина положила руку ему на плечо:

— Не переживай так сильно, Родди. Боб зря пытался его спасти. В такой ситуации лучше умереть.

Роду пришло в голову, что она, возможно, права: на этой планете пока не существовало анатомических банков. Но легче не стало.

— Не ценили мы его, — пробормотал он.

— Перестань! — сердито прошептала Кэрол. — Грант всегда был дураком.

— Как тебе не стыдно, Кэрол? — спросил Род укоризненно и с удивлением увидел у нее на глазах слезы.

— Ты сам это знаешь. И все знают, но мы все равно его любим. Я бы даже вышла за него замуж, только он никогда не предлагал. — Она смахнула слезы. — Ты уже видел ребенка?

— Нет.

Лицо Кэрол озарилось радостью.

— Сейчас я ее принесу. Красавица!

— Сью сказала, что она спит.

— Мм… тогда ладно. Но я, собственно, пришла по другому поводу. Какие будут распоряжения?

— В смысле? — Род подумал, что раз Гранта больше нет… — Билл его заместитель. Он что, тоже лежачий?

— Сью тебе ничего не сказала?

— А что она должна была сказать?

— Ты — наш новый мэр. Тебя выбрали сегодня утром. Пока ты спал, мы с Биллом и Роем пытались хоть как-то наладить работу.

Род почувствовал, что у него кружится голова. Лицо Кэрол то отдалялось, то снова наплывало, и он испугался, что потеряет сознание.

— …дерева достаточно, — продолжала Каролина, — и к закату мы отстроим изгородь. Мяса пока хватает: Марджери все еще кромсает того быка, что свалился вчера со скалы и свернул себе шею. На новое место нам все рано не перебраться, пока Кармен, ты и другие раненые не поправятся, так что мы решили хотя бы на время привести лагерь в порядок. Как по-твоему, что-нибудь еще нужно сделать прямо сейчас?

Род задумался.

— Нет. Не прямо сейчас.

— Хорошо. Тебе положено отдыхать. — Каролина попятилась и встала. — Я загляну позже.

Род вытянул ногу и перевернулся. Спустя какое-то время волнение оставило его, и он уснул.

Сью принесла бульон в горшке и подержала ему голову, пока он пил. Затем подползла ближе с Хоуп Бакстер на руках и показала ему новорожденную. Род, как в таких случаях полагается, сюсюкал и говорил какие-то глупости, а про себя думал: неужели все новорожденные выглядят так же?

Затем его оставили в покое, и все это время он думал. Каролина вернулась вместе с Роем.

— Как дела, вождь? — спросил Рой.

— Готов откусить башку гремучей змее.

— Нога у тебя — не дай бог, но это пройдет. Мы прокипятили листья, и у Боба еще оставались антисептики.

— Я себя нормально чувствую. Температуры вроде нет.

— Джимми всегда говорил, что тебя ничего не берет, — добавила Каролина. — Что-нибудь нужно, Родди? Или хочешь нам что-нибудь сказать?

— Да.

— Что?

— Вытащите меня отсюда. Помогите спуститься

по тропе.

— Тебе нельзя, — торопливо сказал Рой. — Ты еще не оклемался.

— Ты так считаешь? Давай-ка или помоги, или отойди с дороги. И соберите всех вместе. У нас будет общее собрание.

Они переглянулись, и Кэрол молча вышла из пещеры. Род сам дополз до каменного карниза, когда у входа в пещеру появился Бакстер.

— Ну-ка, Род! Давай назад и ложись!

— Отойди.

— Послушай, друг, я не люблю применять силу в отношении больных, но, если ты меня вынудишь, я это сделаю.

— Боб… Сильно у меня нога повреждена?

— Все будет в порядке — *если* будешь меня слушаться. Если же нет… Знаешь, что такое гангрена? Когда нога чернеет и появляется такой сладковатый запах?..

— Не надо меня запугивать. Что мешает спустить меня на веревках?

— Ну, если только так…

Спускали Рода, пропустив две веревки под мышками и третьей поддерживая больную ногу. Операцией руководил Бакстер. Внизу его подхватили на руки, отнесли к кухонному костру и

уложили на землю.

— Спасибо, — буркнул Род. — Здесь все, кто может ходить?

— Кажется, да, Родди. Пересчитать?

— Не надо. Насколько я понимаю, сегодня утром вы избрали меня кап… мэром поселения?

— Верно, — подтвердил Кеннеди.

— Какие были еще кандидатуры? Сколько голосов я набрал?

— Э-э-э… тебя выбрали единогласно.

Род вздохнул:

— Спасибо. Хотя я не уверен, что согласился бы с вами, будь это в моем присутствии. Теперь вот что. Вы ожидаете, что я поведу вас к тем пещерам, которые нашли мы с Роем? Каролина что-то об этом говорила…

— Мы не ставили вопрос на голосование, Род, но все считают, что надо перебираться, — несколько озадаченно ответил Рой. — После того, что случилось ночью, всем понятно, как опасно здесь оставаться.

Род кивнул.

— Ясно… Так, всем меня видно? Я собираюсь сказать кое-что важное. Насколько я знаю, пока нас с Роем не было, вы приняли конституцию и всякие там законы. Я их не читал и поэтому

не знаю, насколько легально будет то, что мне хотелось бы вам предложить. Но раз уже мне досталась эта работа, я собираюсь руководить. Если кому-то не понравятся мои решения и мы оба окажемся достаточно упрямы, чтобы вынести конфликт на всеобщее обсуждение, вы будете голосовать. Или вы меня поддерживаете, или снимаете и выбираете кого-то еще. Так пойдет? Твое мнение, Голди? Ты ведь был в законодательном комитете.

Ховард Голдштейн сдвинул брови:

— Ты не очень точно это сформулировал, Род…

— Возможно. Но все-таки?

— То, что ты описал, называется парламентский вотум доверия. В общем-то, это основа нашей конституции. Мы специально его ввели, чтобы закон был прост, но все же демократичен. Это Грант придумал.

— Отлично, — серьезно сказал Род. — Не хотелось бы думать, что я сразу ломаю весь свод законов Гранта, стоивший ему стольких трудов. При первой же возможности я его изучу, обещаю. Но насчет того, чтобы перебираться в пещерный город, мы будем голосовать прямо сейчас. Вотум доверия.

Голдштейн улыбнулся:

— Я и так могу сказать тебе, как пройдет голосование. Никого убеждать не надо.

Род хлопнул ладонями по земле:

— Вы ничего не поняли. Если хотите перебираться, перебирайтесь. Но пусть вас ведет кто-нибудь другой. Рою это вполне по силам. Или Клиффу. Или Биллу. Если же вы послушаете меня, то я скажу так: ни одна хищная и зубастая, но безмозглая тварь не сгонит нас с этой земли. Мы — *люди*. И людям *не к лицу* отступать — по крайней мере, перед такими тварями. За эту землю Грант заплатил своей жизнью, и теперь это наша земля. Мы останемся здесь и отстоим ее!

Глава 14
Цивилизация

Достопочтенный Родерик Л. Уокер, мэр Каупертауна, глава суверенной планеты GO-73901-11 (по каталогу Лимы), главнокомандующий вооруженными силами, главный судья и защитник свобод, отдыхал у порога мэрии. При этом он почесывался и раздумывал, не попросить ли кого-нибудь снова подрезать ему волосы — ощущение было такое, будто у него завелись вши, только на этой планете вши не водились.

Напротив сидела на корточках мисс Каролина Беатрис Мшийени, премьер-министр.

— Родди, я им говорила уже тысячу раз — и никакого толка. Грязи от этой семейки больше, чем от всех остальных вместе. Видел бы ты, что у них творилось сегодня утром! Помои прямо у порога дома… Мухи!

— Я видел.

— И что прикажешь делать? Вот если бы ты разрешил мне хорошенько его вздуть… так нет же, ты слишком мягок.

— Видимо, да. — Род в задумчивости перевел

взгляд на кусок сланца, установленный посреди городской площади. Надпись на нем гласила:

Памяти первого мэра
УЛИССА ГРАНТА КАУПЕРА,
который отдал за этот город свою жизнь

Буквы получились неровные — надпись делал сам Род.

— Грант как-то сказал мне, — заметил он, — что государственное управление — это умение ладить с людьми, которые тебе не нравятся.

— Брюс и Тея мне совершенно не нравятся!

— Мне тоже. Но Грант наверняка нашел бы способ приструнить их без рукоприкладства.

— Ну тогда сам придумывай. Я на это не способна. Родди, тебе вообще не следовало пускать Брюса обратно. Мерзкий тип. А уж когда он женился на этой…

— Похоже, они просто созданы друг для друга, — ответил Род. — Никому другому и в голову бы не пришло взять в жены или в мужья кого-нибудь из них.

— Я же не шучу. Это почти… Хоуп! Ну-ка, оставь Гранти в покое! — Каролина вскочила на ноги.

Мисс Хоуп Роберта Бакстер, шестнадцати ме-

сяцев от роду, увлеченно колотила в это время мистера Гранта Родерика Трокстона, тринадцати месяцев, а тот, соответственно, хныкал. Оба ползали голые и очень грязные, но это была, что называется, чистая грязь: всего час назад Каролина их мыла. Дети росли полненькие и здоровые.

Хоуп повернулась к Каролине и без тени сомнения заявила:

— Я хаосая!

— Я все видела! — Каролина перевернула ее попкой кверху и легонько шлепнула, затем взяла на руки Гранта Трокстона.

— Дай ее мне, — сказал Род.

— Ради бога, — ответила Каролина и, усевшись на землю, принялась укачивать малыша. — Бедненький. Покажи тете Кэрол, где у тебя бо-бо.

— Не надо с ним так разговаривать, а то вырастет сюсюкалкой.

— Кто бы говорил! Сам-то хорош!

Хоуп обняла Рода своими крохотными ручонками и, проворковав «Одди», чмокнула его чумазыми губами. Род чмокнул ее в ответ. По его мнению, ребенок был безвозвратно испорчен ласками, но тем не менее он и сам баловал ее сверх всякой меры.

— Вот-вот, — согласилась Кэрол. — Все любят

дядю Родди. Он раздает медали, а тете Кэрол достается вся грязная работа.

— Кэрол, я тут думал…

— Сегодня жарко. Не перегружай свою думалку.

— …про Брюса и Тею. Мне нужно с ними поговорить.

— Поговорить?!

— После принятия конституции мы еще ни разу не применяли самое серьезное у нас наказание — изгнание. И Макгованы ведут себя так безобразно, потому что думают, мы никогда на это не решимся. Хотя я бы с удовольствием их турнул. И если дело до того дойдет, я поставлю вопрос перед городским собранием — или мы их выгоняем, или я оставляю свой пост.

— Тебя все поддержат. Он не мылся уже по крайней мере неделю.

— Поддержат, не поддержат… Я уже семь раз проходил вотум доверия. Когда-нибудь мне повезет, и я заживу наконец спокойно. Но главная задача сейчас — убедить Брюса, что я готов поставить вопрос на голосование, и, если он поверит, делать этого просто не придется. Кому охота оказаться в диком лесу, когда здесь такая славная жизнь? Главное — его убедить.

— Может, если он будет думать, что ты все еще не забыл ту царапину под ребрами…

— Может, я и не забыл. Но мне нельзя опускаться до личных обид, Кэрол. Я слишком для этого горд.

— Хм… Ну тогда скажи наоборот: город, мол, закипает — что совсем недалеко от правды — и ты пытаешься нас сдержать.

— Вот это уже лучше. Да, я думаю, Гранту бы это понравилось. Надо обмозговать.

— Обмозгуй. — Кэрол встала. — Пойду вымою их еще раз. Честное слово, ума не приложу, где они берут столько грязи!

Она подхватила обоих детей под руки и двинулась к душевой. Род лениво посмотрел ей вслед. В лагере Каролина носила кожаный пояс и травяную юбку из длинных узких листьев, переплетенных особым образом и затем высушенных. Женской половине населения этот фасон пришелся по душе, и к ней нередко обращались за помощью. Однако, отправляясь на охоту, она всегда надевала набедренную повязку, какие носили мужчины.

Из тех же самых листьев, если их вымочить, размять и расчесать, можно было соткать полотно, но его пока не хватало даже на одежду

для малышей. Билл Кеннеди выстрогал для Сью примитивный ткацкий станок, и он, в общем-то, работал, хотя не очень надежно и не очень быстро, да и ткань получалась всего в полметра шириной. Тем не менее, думал Род, это уже прогресс, уже цивилизация. Они многого достигли.

Теперь город был надежно защищен от стоборов. Стена из высушенного на солнце кирпича огораживала поселение с берега и выше по течению — высокая отвесная стена, преодолеть которую могли разве что эти похожие на львов огромные хищники, но любого «льва», достаточно глупого, чтобы рискнуть, ждала за стеной полоса острых кольев, слишком широкая даже для их могучих прыжков. Навес, под которым отдыхал Род, как раз и был сделан из шкуры хищника, совершившего подобную ошибку. На всем протяжении стены располагались ловушки для стоборов, узкие туннели, выходившие к глубоким ямам, попадая в которые маленькие свирепые хищники занимались примерно тем же, чем и коты из Килкенни[34].

Возможно, проще было бы заставить стоборов двигаться в обход города, но Роду хотелось уни-

[34] notes: 34

Персонажи английского детского стишка, коты-забияки; есть русский перевод С. Маршака.

чтожить их как можно больше — без них, по его мнению, планета стала бы только лучше.

Короче, городу ничто не угрожало. Стоборы продолжали оправдывать прозвище «сонные кролики», меняя характер только к сухому сезону, и становились по-настоящему опасны лишь во время бешеной ежегодной миграции. Впрочем, последняя миграция прошла без жертв: теперь поселенцы знали, чего опасаться, и защитные сооружения выдержали. Самый пик Род заставил женщин с младенцами пересидеть в пещере, остальные же дежурили две ночи у стены, но лезвия ножей так и остались не обагренными кровью.

Борясь с дремотой, Род подумал, что им действительно нужна теперь бумага. Грант был прав: без бумаги управлять поселением оказалось нелегко. Они просто разучатся писать, если не будет практики, а этого допустить нельзя. Кроме того, Роду очень хотелось воплотить в жизнь идею Гранта — записать все полезное, что они знают. Взять, например, логарифмы — они, может, еще несколько поколений никому не понадобятся, но когда-нибудь придет время, и тогда… Он все-таки уснул.

— Ты занят, вождь?

Род открыл глаза и увидел перед собой Артура Нилсена.

— Сплю. Рекомендую, кстати. В воскресенье после полудня это сплошное удовольствие… Что-нибудь случилось, Арт? Коротыш и Дуг качают мехи без тебя?

— Нет. Эта чертова затычка опять вылетела, огонь погас, и мы загубили плавку. — Расстроенный Нилсен устало опустился на землю — только-только от печи, разгоряченный, с красным лицом. На правой руке у него блестел след от ожога, но он, похоже, даже не заметил еще, что обжегся. — Род, ну что мы делаем не так, а?

— Спроси что-нибудь попроще. Если бы я знал о выплавке стали больше тебя, мы бы давно поменялись работами.

— Да я, в общем-то, не всерьез спрашивал. Две вещи, которые «не так», я сам знаю. Во-первых, установка слишком мала, во-вторых, нет каменного угля. Род, чтобы получать чугун и сталь, нам позарез нужен каменный уголь. С древесным мы не получим ничего, кроме пористого ковкого железа.

— А чего ты ожидал вот так сразу, Арт? Чудес? Ты и без того уже на годы опередил наши самые смелые мечты. Ты дал металл — и какая разница,

ковкое железо это или уран? С тех пор как ты сделал вертела для кухни, Марджери считает тебя гением.

— Да, конечно, железо мы сделали, но нужно больше и лучше. Руда здесь отличная, настоящий гематит. На Земле такой руды никто не встречал в значительных количествах уже несколько веков. Из нее сталь выплавлять — самое милое дело. И я бы сумел, но нужен каменный уголь. У нас есть глина, известняк, прекрасная руда, но без угля я просто не могу добиться нужной температуры.

Род не беспокоился: колония получала железо. Вакси, однако, переживал.

— Хочешь бросить пока это дело и уйти искать уголь?

— Нет, пожалуй. Я лучше переделаю печь… — Нилсен не остановился и добавил еще много чего по поводу родословной печи, ее грязных привычек и предназначения.

— Кто у нас знает о геологии больше всех?

— Наверно, я.

— А кроме тебя?

— Видимо, Дуг.

— Может, дадим ему двоих парней, и пусть идут искать каменный уголь? На его место у мехов можно поставить Мика… Или знаешь что… Как

насчет Брюса?

— Брюс? *Он* не будет работать.

— Заставь. Если ты слишком его заездишь и он сбежит, плакать никто не станет. Арт, сделай одолжение, возьми его в дело, а?

— Ну, если так надо… Ладно.

— Отлично. И знаешь, в том, что партия стали не удалась, есть один плюс — сегодня ты не пропустишь танцы. Наверно, не следовало начинать плавку к концу недели: тебе нужно отдохнуть денек, да и Дугу с Коротышом отдых тоже не повредит.

— Знаю. Но когда все наконец готово, так прямо и хочется начать. Как мы работаем, так никакого терпения не хватит: прежде чем что-то сделать, нужно сделать все необходимое, а для этого обычно нужно сделать что-то еще, и так до бесконечности… Рехнуться можно!

— Это еще что! Поинтересуйся в сельскохозяйственном департаменте, они тебе расскажут, что такое «рехнуться можно». Видел перед стеной ферму?

— Мы как раз через нее и шли.

— Смотри, Клифф тебя поймает — башку за это оторвет. А я ему еще и помогу — буду держать тебя за руку, чтобы не дергался.

— Тоже мне ферма! Трава — она и есть трава. Тут такой — тысячи гектаров.

— Верно. Трава и несколько грядок зелени. Клифф, наверно, не доживет до результатов. И его маленький Клифф тоже. Но наши правнуки будут есть белый хлеб, Арт. Тебе легче, ты, по крайней мере, сам будешь строить станки. Ты знаешь, что тут нет ничего невозможного, а это, как говорит Боб Бакстер, уже две трети пути к победе. Клифф не доживет до тех времен, когда вкусного свежего хлеба будет вдоволь. Однако его это не останавливает.

— Тебе нужно было стать проповедником, Род. — Арт встал, втянул носом воздух и поморщился. — Пойду сполоснусь, а то со мной никто танцевать не будет.

— Я всего лишь цитировал. Эти слова ты, должно быть, уже слышал. Кстати, оставь мне немного мыла.

Каролина взяла две первые ноты из «Арканзасского путника», а Джимми ударил в барабан.

— Разбиваемся на пары! — выкрикнул Рой, затем немного выждал и затянул высоким голосом песню.

Род не танцевал, ждал второго захода, когда подойдет его очередь. Если в танце участвовали

все сразу, то получалось восемь групп по четыре пары — явно много для вокалиста, губной гармоники и примитивного барабана без всяких усилителей. Поэтому танцевали по очереди — половина поселения нянчила детей и сплетничала, другая танцевала. Певца и музыкантов тоже сменяли через раз.

Почти никто из них не знал раньше кадрили. Но Агнесса Пулвермахер, несмотря на насмешки и даже сопротивление, научила все поселение танцевать, обучила певцов, напела Каролине мелодии, чтобы та подобрала музыку, и, наконец, заставила Джимми изготовить некое подобие африканского барабана.

Поначалу Род не оценил нововведения (прежде всего он не знал истории мормонов-первопоселенцев) и даже счел его помехой работе. Но затем он увидел, как колонисты, в одну ночь потерявшие все, что было создано тяжким трудом, апатичные и безразличные к его призывам, вдруг начали улыбаться, шутить и работать в полную силу просто оттого, что у них появилась музыка, появились танцы.

И Род решил поддержать хорошее дело. Он плохо чувствовал ритм, не тянул мелодию, но и его захватило новое поветрие: танцевал он не бог

весть как, но зато от души.

Со временем поселение стало устраивать танцы лишь по воскресеньям, в честь свадеб и по праздникам, причем всегда в торжественной обстановке — женщинам полагалось приходить в травяных юбках. В кожаных шортах, набедренных повязках и остатках брюк на танцы просто не пускали. Сью мечтала о том времени, когда у нее появятся излишки ткани, чтобы сшить настоящее платье для кадрили себе и ковбойскую рубашку мужу, но пока у колонии были другие заботы, и мечта оставалась мечтой.

Музыка стихла, сменились музыканты. Каролина бросила гармонику Коротышу и подошла к Роду:

— Ну что, Род, пойдем тряхнем костями?

— Я уже пригласил Сью, — сказал Род торопливо, и это была правда.

Он совершенно сознательно не приглашал одну девушку дважды и никого не выделял. Давным-давно еще Род пообещал себе, что, решив жениться, оставит свой пост, но пока работа в каком-то смысле даже заменяла ему семью. Ему нравилось, конечно, танцевать с Каролиной — многим нравилось, хотя иногда она забывалась и начинала вести сама, — но он старался

не проводить с ней слишком много свободного времени: Каролина и без того была его правой рукой, почти вторым «я».

Род подошел к Сью и галантно предложил ей руку. Как-то сами по себе возвращались в их жизнь вежливые манеры, обходительность, а торжественная, даже изысканная обстановка на танцах делала эти мелкие любезности совершенно естественными. Род вывел Сью на площадку, и в течение нескольких минут они, помогая друг другу, старательно изображали нечто похожее на кадриль.

Когда танец закончился, он вернул Сью Биллу, поклонился, поблагодарил и усталый, но довольный сел на свое место, которое никто никогда не занимал. Марджери с помощниками начали раздавать что-то маленькое, поджаристое, насаженное на деревянные шампуры. Род взял свою порцию, принюхался.

— Какой аромат, Мардж! Что это такое?

— Копченая оленина, а внутри ма-а-аленькая булочка. Соль, местный шалфей, прожаренный на сковородке. Не вздумай сказать, что тебе не понравилось: мы провозились чуть ли не весь день!

— Мм! Как насчет добавки?

— Подожди. Все тебе сразу!

— Но мне нужно еще. Я работал в поте лица и должен восстановить силы.

— Я тебя сегодня днем видела: это и есть та самая *работа*? — Марджери вручила ему еще порцию.

— Я занимался перспективным планированием. Мой мозг буквально жужжал.

— Жужжание я тоже слышала. Ты, когда спишь на спине, «жужжишь» довольно громко.

Марджери на секунду отвернулась — Род тут же стащил третью порцию, поднял глаза, поймал взгляд Жаклин, подмигнул и улыбнулся.

— Ты счастлив, Род?

— Еще бы! А ты, Джекки?

— В жизни не чувствовала себя счастливее, — ответила она серьезно.

Джимми обнял ее за плечи.

— Видишь, какие чудеса творит любовь мужа, Род? — сказал он. — Когда я встретил это бедное дитя, ее били, морили голодом, заставляли готовить, и больше всего на свете она боялась открыть свое настоящее имя. А теперь посмотри на нее — толстая и счастливая!

— И никакая я не толстая!

— Ну хорошо. Очаровательно упитанная.

Род взглянул в сторону пещеры:

— Джекки, а ты помнишь тот первый наш вечер?

— Разве такое забудешь?

— И мою дурацкую теорию насчет Африки? Вот скажи: если бы все случилось снова, ты бы хотела, чтобы я оказался прав?

— Никогда об этом не думала. И, кроме того, я знала, что ты ошибаешься.

— Да, но если бы? Ведь ты давным-давно была бы уже дома.

Ее рука нашла ладонь Джимми.

— Но тогда я не встретила бы своего мужа.

— Встретила бы. Это неизбежно. Ведь ты уже была знакома со мной, а Джимми — мой лучший друг.

— Возможно. Но я не хочу никаких перемен. Меня не тянет «домой», Род. Наш дом *здесь*.

— Меня тоже не тянет, — согласился Джимми. — И знаешь что? Колония, я смотрю, все растет, быстро растет, и, если она вырастет еще чуть-чуть, нам с Голди пора будет открывать адвокатскую контору. Никакой конкуренции, и можно выбирать клиентов! Он будет заниматься уголовным правом, я — бракоразводными процессами, а корпоративными законодательством

— вместе. Мы огребем *миллионы*! Я буду разъезжать в лимузине с восьмеркой оленей, курить толстую сигару и посмеиваться над крестьянами! Верно, Голди? — крикнул он.

— Совершенно верно, коллега. Я уже готовлю вывеску: «ГОЛДШТЕЙН И ТРОКСТОН. С нами не сядешь!»

— Отлично! Только сделай «ТРОКСТОН и ГОЛДШТЕЙН».

— Но я старше! Я изучал право на два года дольше.

— Ерунда! Род, на твоих глазах какой-то тип из Теллерского университета обижает старого приятеля из школы имени Патрика Генри. Ты это стерпишь?

— Возможно. Однако мне вот что непонятно: как ты собираешься вести дела? По-моему, у нас нет закона о разводе. Давай спросим у Кэрол.

— Какие мелочи! Ты занимайся бракосочетаниями, а разводы — это уже по моей части.

— Что «спросим у Кэрол»? — вступила в разговор Каролина.

— У нас есть закон о разводе?

— Ха! У нас нет даже закона о браке.

— Это лишнее, — пояснил Голдштейн. — Он — естественная часть нашей культуры. А кроме

того, у нас кончилась бумага.

— Совершенно верно, господин советник, — согласился Джимми.

— А ты почему спрашиваешь? — не отставала Каролина. — Никто пока разводиться не собирается — я бы узнала раньше, чем они сами.

— Да мы, собственно, не о разводах говорили, — объяснил Род. — Просто Джекки сказала, что не хочет возвращаться на Землю, и Джимми развил эту мысль дальше — только ничего серьезного от него, как всегда, не дождешься.

— Кому же захочется теперь на Землю? — удивленно спросила Каролина.

— Вот и я говорю, — поддакнул Джимми. — Планета у нас что надо! Ни тебе подоходного налога, ни толп, ни автомобилей, ни рекламы, ни телефонов. В самом деле, Род, ведь все мы планировали попасть во Внеземелье, иначе никто из нас не стал бы сдавать экзамен на выживание. Так какая разница? Просто мы добились своего гораздо раньше. — Он сжал руку жены. — И черт с ней, с большой сигарой. Я и без того теперь богат, сказочно богат!

Привлеченные разговором, подошли Агнесса и Курт. Услышав последнюю фразу, Агнесса кивнула и сказала:

— Наконец-то Джимми заговорил серьезно. Что до меня, то первый месяц я каждую ночь засыпала в слезах, боялась, что нас никогда не найдут. Теперь я знаю, что не найдут, но мне уже все равно. Даже будь у нас такая возможность, я бы на Землю не вернулась. Единственное, чего мне здесь не хватает, — это губная помада…

Ее муж оглушительно расхохотался:

— Вот тебе и вся правда жизни, Род! Поставь на том берегу косметический прилавок, и все наши женщины пойдут по воде, яко посуху!

— Ну вот, опять ты смеешься, Курт! Кстати, ты обещал сделать помаду.

— Дай время — все у нас будет.

Подошел Боб Бакстер и сел рядом с Родом.

— Сегодня утром тебя не было на собрании, Род.

— Увяз в делах. На следующей неделе появлюсь.

— Хорошо. — Вера Бакстера не требовала посвящения в духовный сан, и он просто начал проводить службы, став таким образом, помимо главного медика, еще и капелланом. Проповедовал он без всякого догматизма, и потому очень многих — христиан, иудаистов, монистов, мусульман — службы эти устраивали. На собраниях

у Боба всегда было людно.

— Боб, а ты бы вернулся?

— Куда, Кэрол?

— Назад, на Землю.

— Да.

Джимми изобразил на лице карикатурный ужас:

— Чтоб я сдох! Но зачем?

— Не волнуйся, я ненадолго. Просто мне надо окончить медицинский колледж. — Он улыбнулся. — Возможно, я сейчас лучший хирург в округе, но, сам понимаешь, это не бог весть что.

— Понятно… — сказал Джимми. — Но нас ты вполне устраиваешь. Да, Джекки?

— Да.

— Я очень жалею, — продолжил Боб, — что не сумел спасти тех, кого должен был спасти. Но это беспредметный разговор. Мы здесь, и здесь мы остаемся.

Подходили новые люди, и всем приходилось отвечать на тот же вопрос. Точка зрения Джимми оказалась очень популярной, хотя и к аргументам Боба тоже нельзя было не отнестись с уважением. Вскоре Род попрощался и отправился к себе, но даже когда он улегся спать, до него еще долго доносились голоса спорщиков, и мысли сами

вернулись к предмету разговора.

Он давно решил, что связь с Землей потеряна навсегда, и даже не вспоминал о родной планете — сколько уже? — больше года, наверно. Поначалу Род заставлял себя верить в это — просто чтобы не мучиться сомнениями. Позже вера подкрепилась логическими умозаключениями: задержка в неделю может означать, скажем, нарушение энергоснабжения, несколько недель можно объяснить техническими трудностями, но месяцы — это уже глобальная катастрофа. С каждым днем вероятность спасения становилась все меньше и меньше.

И теперь он мог спросить себя: в самом ли деле это то, к чему он стремился?

Джекки права, их дом действительно здесь. Род признавался себе, что ему нравится быть «большой лягушкой в маленьком пруду», нравится работа. Едва ли он стал бы ученым, тем более теоретиком; карьера бизнесмена тоже никогда его не влекла. А вот то, чем он занимался сейчас, его вполне устраивало, и, похоже, он справлялся со своей работой не так уж плохо.

«Мы здесь, и здесь мы остаемся!»

Когда Род заснул, на душе у него было тепло и спокойно.

Клиффу опять требовалась помощь с его экспериментальными посадками, но Род давно привык относиться к его запросам не слишком серьезно. Клиффу всегда что-нибудь требовалось, и, будь его воля, он бы всех загнал на ферму и заставил гнуть спину от зари до зари. Однако сходить и узнать, в чем дело, не мешало: Род прекрасно понимал значение этих работ для будущего колонии. Сельское хозяйство — основа любой колонии, а уж про них и говорить нечего. Плохо только, что сам он ничего в сельском хозяйстве не смыслил.

Клифф остановился на пороге мэрии и спросил:

— Готов?

— Готов, — ответил Род, подхватив на ходу свое копье. Лезвием ему служил уже не нож, а старательно заточенная деталь от бесполезной «Молнии» Брауна. Они пробовали использовать и ковкое железо, но оно тупилось мгновенно. — Давай возьмем с собой нескольких парней и подколем заодно парочку стоборов.

— Договорились.

Род огляделся. Джимми работал у своего гончарного круга. Толкая ногой педаль, он осторожно обжимал глину большим пальцем.

— Джим! Бросай это дело! Хватай свою пику и пойдем развлечемся!

Джимми вытер со лба пот:

— Уговорил.

Они взяли Кенни и Мика, и Клифф повел их вдоль берега к ферме.

— Хочу показать вам животных.

— Ладно, — согласился Род. — Кстати, Клифф, я хотел с тобой поговорить. Если ты собираешься держать их на территории лагеря, следи, где они гадят. Кэрол по этому поводу уже жаловалась.

— Род, у меня на все рук не хватит. А поместить их за стеной, так это все равно что сразу прирезать.

— Понятное дело. Ладно, мы тебе организуем помощь, только… Подожди-ка!

Они как раз проходили мимо последней хижины, где у порога, растянувшись на земле, спал Брюс Макгован. Подавляя в себе злость, Род заговорил не сразу. Он понимал, что следующая минута может изменить его будущее и даже повлиять на будущее колонии, но эти трезвые рассуждения словно бились в водовороте недобрых чувств, обида и сознание своей правоты не давали покоя. Хотелось разделаться с этим паразитом прямо сейчас. Род сделал глубокий вдох и,

сдерживая дрожь в голосе, спокойно произнес:

— Брюс…

Макгован открыл глаза:

— А?

— У Арта на выплавке сегодня что, нет работы?

— Понятия не имею.

— Вот как, значит.

— Я там отпахал целую неделю и решил, что это не по мне. Найди кого-нибудь другого.

На поясе у Брюса, как у каждого из них, висел нож — в любой ситуации колониста скорее можно было застать голым, чем без ножа. Нож стал у них действительно универсальным орудием труда: резать кожу, готовить пищу, есть, строгать дерево, строить, плести корзины — все это и еще сотни других дел помогало выполнить стальное лезвие. Можно сказать, саму их безбедную жизнь создали ножи. Охотились теперь поселенцы с луками и стрелами, но ни то ни другое опять-таки без ножа не изготовишь.

Тем не менее еще не было случая, чтобы один колонист поднял оружие против другого — с того самого злополучного дня, когда брат Брюса отказался подчиниться Роду. И ведь конфликт тогда возник по такому же поводу, подумалось ему. Круг замкнулся. Правда, на этот раз, если

Брюс потянется за ножом, Роду помогут без промедления.

Только он знал, что пятеро против одного — это не выход. Он сам должен поставить этого пса на место, иначе дни его лидерства сочтены.

Вызвать Брюса на поединок, чтобы разрешить конфликт «голыми руками», Роду просто не пришло в голову. Он, конечно, читал в свое время исторические романы, где герой нередко приглашал своего противника разобраться «по-мужски», в стилизованном поединке, который назывался «бокс», и ему даже нравились подобные истории. Но представить себя в роли участника такого поединка ему было так же трудно, как в роли дуэлянта из «Трех мушкетеров», хотя он и знал в общих чертах, как это делается: люди сжимают ладони в кулаки и бьют друг друга в определенные участки тела, причем обычно все остаются живы.

Приемы, которыми владел Род, ничем не напоминали эти безобидные атлетические упражнения. Тут уже не имело значения, будут они выяснять отношения голыми руками или еще как — для кого-то из них двоих поединок в любом случае мог закончиться смертью или тяжелыми увечьями, ибо нет оружия опасней,

чем сам человек.

Брюс молча смотрел на него исподлобья.

— Давным-давно уже, — сказал Род, стараясь говорить спокойно, — я тебе говорил, что люди у нас или работают, как все, или выматываются отсюда к чертовой матери. Вы с братом мне не поверили, и пришлось вас вышвырнуть. А затем ты вернулся один, потому что Джок погиб, и умолял принять тебя в поселение. Зрелище было довольно жалкое. Ты помнишь?

Глаза Макгована сверкнули.

— Ты обещал вести себя как ангел, — продолжал Род. — Мне говорили, что я поступаю глупо, и, похоже, люди были правы. Однако я думал, ты исправишься.

Брюс выдернул стебелек травы, пожевал и наконец ответил:

— Мальчик, ты здорово напоминаешь мне Джока. Тот тоже очень любил командовать.

— Ну вот что, вставай и вали отсюда. Мне нет дела до того, куда ты двинешься, но, если у тебя хватит ума, ты рванешь к Арту и скажешь, что больше этого не повторится, а затем начнешь качать мехи. Я туда загляну чуть позже. И если к моему приходу ты не вспотеешь, сюда можешь не возвращаться. На этот раз мы выгоним тебя

насовсем.

На лице Брюса промелькнуло сомнение. Взгляд его скользнул чуть в сторону, и Род невольно подумал: что же Брюс прочел в глазах остальных? Сам Род не отрываясь смотрел на своего противника.

— Вперед. Или ты идешь работать, или можешь уже не возвращаться.

— Ты не имеешь права выгонять меня, — с хитрым блеском в глазах парировал Брюс. — Это решается большинством голосов.

— Хватит его слушать, Род, — вставил Джимми. — Давай турнем его прямо сейчас, и дело с концом!

Род покачал головой:

— Нет. Но если ты этого добиваешься, Брюс, я соберу народ, и мы вышвырнем тебя еще до ланча. Готов спорить на свой лучший нож, что больше трех голосов за тебя не будет. Ну как?

Оценивая свои шансы, Брюс обвел всю компанию взглядом, затем уставился на Рода и медленно произнес:

— Сопляк. Без этих прихлебал… или девчонок, за чьи спины ты прячешься, когда надо драться, ты просто ноль, дешевка.

— Спокойно, Род, — пробормотал Джимми.

Род облизнул сухие губы, понимая, что разговаривать и убеждать уже поздно. Оставалось одно — драться, хотя у него не было уверенности, что он справится с Брюсом.

— Я готов, — произнес он хрипло. — Прямо сейчас.

— Не связывайся, Род, — торопливо сказал Клифф. — Мы с ним и так разберемся.

— Не надо. Я сам. Ну, давай, Макгован! — сказал Род, отпустив в его адрес грубое ругательство.

— Брось свою пику, — сказал Макгован, не двигаясь с места.

Род повернулся к Клиффу:

— Подержи, пока я…

— Хватит! — перебил его Клифф. — Я не собираюсь стоять и ждать, чем это кончится. Может, ему повезет и он тебя прикончит, Род.

— Отойди, Клифф.

— Нет, — сказал тот, но прежней уверенности в его голосе уже не чувствовалось, и спустя секунду он добавил: — Ладно… Брюс, кинь нож в сторону. Давай-давай, а не то, Бог свидетель, я тебя сам проткну пикой. И ты, Род, давай сюда нож.

Род поглядел на Брюса, извлек «Полковника Боуи» из ножен и передал Клиффу. Брюс выпрямился и швырнул свой нож к его ногам. Клифф

проворчал:

— Я все-таки против, Род. Скажи слово, и мы его отделаем.

— Отойдите. Дайте нам места.

— Ладно. Но без переломов. Ты слышал, Брюс? Одна твоя ошибка — и второй тебе уже сделать не доведется.

— Без переломов, — повторил Род, понимая, что правило сработает против него: Брюс был выше и тяжелее.

— Хорошо, — согласился тот. — Сейчас я покажу этому придурку, что Макгован стоит двоих таких, как он.

Клифф вздохнул:

— Ладно. Все отошли. Начинайте.

Какое-то время они осторожно двигались по кругу в низких боевых стойках, делали ложные выпады, изучали друг друга, но не приближались. Начало поединка всегда занимает больше времени, чем сами приемы. В учебнике, которым пользовалось большинство школ и колледжей, приводилось двадцать семь способов уничтожить или обезоружить противника голыми руками, и ни один из них не требовал больше трех секунд.

Ограничение на серьезные приемы немного

сковывало Рода. Брюс почувствовал это и ухмыльнулся:

— Что? Мальчик испугался? Я так и думал. Сейчас ты у меня получишь! — Брюс рванулся вперед.

Род шагнул назад, готовясь обратить рывок Брюса в свою пользу, но тот не довел его до конца. Это был ложный выпад, и Род отреагировал слишком активно.

— В самом деле боишься, а? — Брюс рассмеялся. — И правильно.

Род понял, что действительно боится, больше, чем когда-либо в своей жизни. Его вдруг охватила уверенность, что Брюс собирается убить его, что уговор насчет переломов ничего для него не значит. Эта горилла задумала его прикончить.

Мысли смешались. Род отступил еще на шаг, понимая, что, если он хочет остаться в живых, надо забыть о всяких глупых ограничениях, и в то же время чувствуя, что он просто *должен* до конца держаться правил — даже если при этом ему конец. Его охватила паника, захотелось убежать…

Но конечно, он этого не сделал. Само отчаяние подсказало ему, что терять уже нечего, и Род решил как можно скорей разделаться с поединком.

Он убрал руку, словно ненароком подставляя пах для удара. Нога Брюса тут же взлетела вверх, и Род, успев в долю секунды почувствовать злорадное удовольствие, поставил блок. Лишь где-то в глубине сознания мелькнуло у него сомнение — правильно проведенным приемом он, возможно, сломает Брюсу лодыжку… Но руки его так и не коснулись Брюса, а в следующее мгновение Род оказался в воздухе, успев осознать, что противник раскусил его ход и ответил новым… Затем удар о землю, и сверху навалился Брюс.

— Ты можешь двигать рукой, Род?

Он с трудом разлепил глаза и увидел над собой лицо Боба Бакстера.

— Я его «сделал»?

Бакстер промолчал, но чей-то сердитый голос тут же ответил:

— Если бы! Он тебя чуть на куски не разорвал.

Род шевельнулся и хрипло спросил:

— Где он? Я должен поставить его на место.

Боб Бакстер не выдержал и прикрикнул: «Не двигайся!» — а Клифф добавил:

— Не беспокойся. Мы его отделали.

— Заткнись! — снова распорядился Бакстер. — Ну-ка, попробуй пошевелить левой рукой.

Род пошевелил рукой и почувствовал, как ее

прострелило болью, судорожно дернулся, и тут заболело вообще все.

— Перелома нет, — решил Бакстер. — Разве что трещина. Но я наложу тебе шину. Ты сесть можешь?.. Подожди, я тебе помогу.

— Я хочу встать.

Его поддержали за руки, и Род встал. Вокруг собралось почти все поселение, но Роду казалось, что люди двигаются словно скачками; голова у него закружилась, и он моргнул.

— Не торопись, спокойнее, — послышался рядом голос Джимми. — Брюс тебя чуть не прикончил. Ты просто с ума сошел, ввязавшись в это дело.

— Ничего. Все в порядке, — ответил Род и дернулся от боли. — Где он?

— У тебя за спиной. Не беспокойся, мы его отделали.

— Да, — подтвердил Клифф. — Отделали как положено. А то умник еще выискался! Мэра решил вздуть… — Клифф злобно сплюнул на землю.

Брюс лежал, закрывшись рукой, лицом вниз и всхлипывал.

— Сильно ему досталось? — спросил Род.

— Ему-то? — переспросил Джимми презрительно. — Да уж досталось. Но мы вовремя останови-

лись. Вернее, это Каролина нас остановила.

Каролина сидела на корточках рядом с пленником.

— Зря, конечно, — сказала она, поднимаясь. — Но я знала, что ты рассердишься, если я этого не сделаю. — Она уперла руки в бока и продолжила: — И вот что, Родди Уокер, когда ты наконец поумнеешь и приучишься звать в таких случаях меня, а? Эти четверо тупиц просто стояли и ждали, чем все кончится.

— Неправда, Кэрол, — возразил Клифф. — Я пытался остановить их. Мы все пытались, но…

— Но я не стал никого слушать, — перебил его Род. — Ладно, Кэрол, я сам виноват.

— Если бы ты слушал меня…

— Ладно! Я все понял. — Род подошел к Маккована и слегка пнул его ногой. — Ну-ка, перевернись.

Брюс медленно перекатился на спину, и Род невольно подумал: «Неужели я выгляжу так же?» Брюс был весь в крови, в грязи и в синяках; по лицу словно кто-то прошелся напильником.

— Вставай.

Брюс хотел было что-то ответить, но промолчал и, кряхтя, поднялся на ноги.

— Я тебе сказал, чтобы ты двигался к Арту,

Брюс. Так что давай — через стену и вперед.

— Что? — Макгован не смог справиться с удивлением.

— Ты прекрасно слышал, что я сказал. У меня нет времени на дурацкие препирательства. Ты идешь к Арту и начинаешь вкалывать. Или идешь дальше и обратно уже не возвращаешься. Пошел!

Брюс постоял еще несколько секунд, не сводя с него взгляда, затем заковылял к стене. Род повернулся к собравшимся:

— Я прошу всех вернуться к работе. Представление окончено. Клифф, ты хотел показать мне животных.

— А? Знаешь, Род, это не горит.

— Вот именно, — согласился Бакстер. — Мне нужно наложить тебе шину. А потом тебе лучше отдохнуть.

Род осторожно пошевелил рукой:

— Попробую обойтись без шины. Пойдем, Клифф. Вдвоем. Охоту на стоборов отложим до следующего раза.

Объяснения Клиффа он воспринимал с трудом. Что-то про пару молодых оленей, которых надо кастрировать и приучить к упряжке… Только зачем им упряжка, если нет ни телег, ни фур-

гонов? Голова у Рода болела, рука ныла, мозги были словно ватные… Как бы в такой ситуации поступил Грант?.. Да, он сегодня оплошал, но, может быть, нужно было что-то сказать? Или, наоборот, чего-то не говорить? Бывают же такие дни, черт побери…

— …Так что нам это просто необходимо. Ты понимаешь, Род?

— А? Да, Клифф, конечно. — Род с трудом вспомнил, о чем только что шла речь. — Может, деревянные оси тоже подойдут. Я спрошу у Билла, сможет ли он построить телегу.

— Но, кроме телеги, нам еще нужно…

— Клифф, если ты говоришь, что нужно, значит мы попытаемся, — остановил его Род. — Я, пожалуй, пойду приму душ… И давай поле завтра посмотрим, хорошо?

После душа Род почувствовал себя и лучше, и чище, хотя чуть теплая вода, льющаяся из желоба, казалась ему то слишком горячей, то холодной как лед. Он добрел до своей хижины и улегся спать, а проснувшись, обнаружил у входа Коротыша, охранявшего его от непрошеных гостей.

На ферму Род собрался лишь через три дня. Нилсен сообщил, что Макгован вкалывает, хотя и без особого энтузиазма, а Каролина рассказала

про Тею: у нее появился оромный фонарь под глазом, но вокруг их дома стало очень чисто. Поначалу Род стеснялся появляться на люди и как-то целую ночь провел в мучительных размышлениях: правильно ли он поступит, если подаст в отставку, чтобы поселенцы выбрали на его место кого-то, кто «не потерял лица». Но удивительное дело, после стычки с Брюсом его авторитет только укрепился. Небольшая группа из Теллерского университета, которую он в шутку окрестил «лояльной оппозицией», практически перестала его критиковать. Их лидер, Курт Пулвермахер, специально отыскал Рода и предложил свою помощь.

— Брюс у нас вроде паршивой овцы, Род, и, если что-нибудь подобное опять наклюнется, дай мне знать.

— Спасибо, Курт.

— Я серьезно. Здесь и так-то трудно что-нибудь сделать, даже если все заодно. И мы, понятно, не можем позволить ему ходить у нас по головам. Но ты теперь не высовывайся. Мы с ним сами разберемся.

В ту ночь Род спал спокойно. Может быть, он справился с проблемой хуже, чем это сделал бы Грант, но все получилось к лучшему. Каупертау-

ну ничего не угрожало. Конечно, в будущем еще многое может случиться, но колония все это переживет. Когда-нибудь здесь появится настоящий город, а это место назовут Каупер-сквер. Выше по течению будет сталеплавильный комбинат Нилсена. И чем черт не шутит, может, еще появится тут Уокер-авеню…

На следующий день ему захотелось взглянуть на ферму, о чем он сказал Клиффу, и они опять собрались той же компанией — их двое, Джимми, Кент и Мик. С копьями в руках они взобрались по ступеням на стену и спустились по приставной лестнице с другой стороны. Клифф поднял горсть земли, размял ее в ладони, попробовал на язык.

— Отличная почва. Только кислотность, может, чуть выше, чем нужно. Но без химического анализа мы все равно точно не узнаем, а структура почти идеальная. Если бы ты сказал этому тупому шведу, чтобы он первым делом изготовил плуг…

— Тупой? Это не про Вакси! Дай ему время — он тебе не только плуг сделает, но и трактор.

— Меня вполне устроит плуг и пара оленей в упряжке. Но я вот о чем думаю, Род: едва мы закончим прополку, сюда, как по приглашению, станут наведываться олени и сожрут весь наш урожай. Вот если огородить поле такой же высо-

кой стеной…

— Стеной?! Да ты представляешь, сколько на это потребуется усилий?

— А разве это довод?

Род окинул аллювиальную долину взглядом — получалось в несколько раз больше, чем отгораживала городская стена. Забор из колючего кустарника — еще куда ни шло, но не стену же, и во всяком случае не сейчас. У Клиффа просто непомерные амбиции.

— Знаешь что, давай-ка прочешем пока поле, поищем стоборов. А потом мы с тобой останемся и подумаем, что можно сделать.

— Хорошо. Но пусть они смотрят, куда ноги ставить.

Они растянулись цепочкой. Род встал в центре и предупредил:

— Теперь внимательнее! Чтоб ни один не ушел. Помните: один, убитый сейчас, означает минус шесть в сухой сезон.

Они двинулись вперед, и Кенни тут же подколол стобора. Затем Джимми прикончил сразу двух. Те почти не пытались спастись, поскольку в этой фазе годичного цикла полностью оправдывали прозвище «сонные кролики».

Род остановился, чтобы ткнуть копьем еще

одного, и повернулся направо, собираясь сказать что-то напарнику. Справа никого не было.

— Эй, стойте! Где Мик?

— Как это? Секунду назад был здесь.

Род оглянулся. Над горячим полем дрожало марево, но Мик словно испарился. Должно быть, какая-то тварь подкралась к нему в траве и…

— Все сюда! Только осторожно! Что-то произошло…

Род двинулся к тому месту, где исчез Мик, и вдруг прямо перед ним возникли две человеческие фигуры — Мик и какой-то незнакомец.

Незнакомец в комбинезоне и ботинках… Он огляделся и крикнул через плечо:

— Все нормально, Джейк! Врубай автоматику и фиксируй настройку.

Он посмотрел на Рода, не замечая его, двинулся вперед и спустя секунду исчез.

Сердце у Рода забилось часто-часто, и он бросился бегом. Затем обернулся и увидел перед собой открытые пространственные ворота, а за ними длинный глухой коридор.

В рамке ворот снова появился человек в комбинезоне.

— Все назад! — приказал он. — Сейчас будет стыковка с «Эмигрантс-гэп», и может возникнуть

локальное нарушение фокусировки.

Глава 15
В Ахиллесовом шатре

Прошло уже полчаса с того момента, когда Мик исчез в воротах и растянулся на полу коридора, где сила тяжести составляла всего одну шестую земной. Род пытался навести порядок, а заодно и разобраться со своими собственными сумбурными мыслями. Почти все поселенцы или высыпали на поле, или уселись поверх стены, наблюдая, как техники устанавливают аппаратуру, чтобы превратить пространственный контакт в постоянные ворота с приборами управления и связи по обе стороны. Род хотел объяснить им, что они подвергают себя опасности, что здесь нельзя без оружия, но один из техников, не поднимая головы, сказал:

— Поговори с мистером Джонсоном.

Род отыскал мистера Джонсона и начал все сначала, но тот его просто перебил:

— Ребятки, *ради бога*, дайте нам закончить. Мы в самом деле рады вас видеть, но прежде всего нам нужно поставить вокруг энергетический барьер. Черт его знает, что тут в траве водится.

— Ясно, — сказал Род. — Я выставлю посты. Мы уже знаем, чего нужно опасаться. Я здесь…

— Отстань, ладно? Потерпите еще немного.

Обиженный и злой, Род вернулся в город. Но вскоре и там появились незнакомцы — они всюду совались, словно были у себя дома, разговаривали с взбудораженными поселенцами и опять куда-то исчезали. Один из них остановился посмотреть на барабан Джимми, потом щелкнул по нему пальцем и рассмеялся. Род с трудом подавил в себе желание придушить этого типа.

— Род?

— А? — Он обернулся. — Что, Марджери?

— Мне готовить ланч или нет? Девчонки все разбежались, а Мэл сказала, что это просто глупо, потому что к ланчу здесь никого уже не останется. Я не знаю, что делать.

— Хм… Насколько я знаю, никто никуда не собирается.

— Может быть, но говорят же.

Род не успел ничего ответить, потому что в этот момент перед ним возник один из тех шустрых незнакомцев и спросил:

— Где мне тут найти парня по имени Родерик Уикер?

— Уокер, — поправил Род. — Это я и есть. Что

вам нужно?

— Меня зовут Сэнсом. Клайд Б. Сэнсом. Старший администратор службы эмиграционного контроля. Насколько я понял, Уикер, вы руководитель этой группы студентов…

— Уокер, и я — мэр Каупертауна, — ответил Род невозмутимо. — Что вам нужно?

— Да-да. Так вас кто-то из мальчишек и назвал. «Мэр». — Сэнсом усмехнулся и продолжил: — Нам, Уокер, прежде всего нужно соблюсти порядок. Я понимаю, что вам не терпится поскорее отсюда выбраться, но порядок есть порядок. Впрочем, мы не очень вас задержим — всего лишь обеззараживание, врачебная проверка, психологические тесты и стандартное собеседование для перемещенных лиц. После чего вы сможете вернуться по домам. Разумеется, вам придется подписать документ с отказом от претензий, но об этом позаботится юрист. Так что если вы построите свою группу в алфавитном порядке — думаю, лучше здесь, на открытой площадке, — я смогу начать… — И он полез в свой кейс за бумагами.

– Кто вы такой, черт побери, чтобы здесь распоряжаться? — не выдержал Род.

На лице Сэнсома появилось удивленное выражение.

— Как! Я ведь уже объяснил. Впрочем, если вы настаиваете на формальностях, то я представляю здесь интересы Земной корпорации. Я пока всего лишь прошу содействия, но вам должно быть известно, что в полевых условиях я вправе потребовать подчинения.

Род почувствовал, как наливаются краской его щеки:

— Ничего такого мне не известно. На Земле вы, может, сам Господь Бог, но сейчас вы в Каупертауне.

Мистер Сэнсом изобразил вежливую заинтересованность, но никакого впечатления слова Рода на него, похоже, не произвели.

— И что такое, позвольте спросить, Каупертаун?

— Каупертаун — это все, что вы видите вокруг. Суверенное государство со своей конституцией, своими законами и своей территорией. — Род остановился на секунду и перевел дыхание. — И если Земной корпорации что-то от нас нужно, пусть присылают своего полномочного представителя — тогда и поговорим. Ишь выдумали еще, в алфавитном порядке…

— Так его, Родди!

— Побудь рядом, Кэрол, — сказал Род и добавил,

обращаясь к Сэнсому: — Вам все ясно?

— Насколько я понимаю, — медленно произнес Сэнсом, — вы предлагаете, чтобы Земная корпорация назначила в вашу группу *посла*?

— Что-то в таком духе.

— Мм… Интересная идея, Уикер.

— Уокер. А до тех пор можете убрать отсюда к чертовой матери всех зрителей. И сами убирайтесь. Здесь вам не зоопарк.

Сэнсом взглянул на торчащие ребра Рода, на его грязные мозолистые ступни и улыбнулся.

— Проводи гостя, Кэрол, — сказал Род. — Будет сопротивляться, можешь его «отключить».

— Слушаюсь, сэр! — Каролина с усмешкой на губах двинулась к Сэнсому.

— О, я уже ухожу, — торопливо произнес Сэнсом. — Лучше небольшая задержка, чем нарушение дипломатического протокола. Крайне занимательная идея, молодой человек. До свидания. Мы еще увидимся. И если позволите, один совет…

— А? Валяйте.

— Не воспринимайте все-таки эту свою идею слишком серьезно… Вы готовы, леди?

Род продолжал сидеть в своей хижине. Ему тоже было интересно узнать, что происходит за

стеной, но не хотелось встречаться с Сэнсомом. Поэтому он сидел, грыз костяшку большого пальца и думал. Видимо, кое-кто послабее духом уже собрался назад — помани таких блюдцем с мороженым, и готово, побежали, бросив свою землю, забыв все, что создано таким тяжким трудом. Но *он* отсюда не уйдет! Здесь его дом, его место, он все это заслужил. Зачем возвращаться на Землю, а потом полжизни ждать шанса попасть на какую-то другую планету — возможно даже, не такую хорошую?

Пусть бегут! Каупертаун станет без них лучше и сильнее.

Может быть, кто-то хочет просто погостить на Земле, показать бабушкам и дедушкам внуков, а затем вернуться… Может быть. Но в таком случае им следует договориться с Сэнсомом или с кем-то еще о письменном разрешении. Наверно, стоит их предупредить…

Но ему-то самому навещать некого. Разве что сестренку, а она может быть где угодно — вряд ли она именно сейчас на Земле.

Боб и Кармен с Хоуп на руках зашли попрощаться. Род торжественно пожал им руки и сказал:

— Вы ведь вернетесь сюда, Боб, когда ты получишь диплом, да?

— Надеемся. Если это возможно. Если нам разрешат.

— А кто вас остановит? Это ваше право. Когда вернетесь, мы будем ждать вас. А пока постараемся не ломать ноги.

Бакстер замялся.

— Ты давно был у ворот?

— Давно. А что?

— Я бы на твоем месте не планировал так далеко в будущее. Некоторые, похоже, уже отбыли.

— Сколько?

— Много. — Уточнять Боб не захотел. Он оставил Роду адреса их родителей, благословил на прощание, и все трое двинулись к воротам.

Марджери не вернулась, и кухонный костер погас, но Роду было все равно: есть не хотелось. Чуть позже пришел Джимми (при прежнем распорядке это было бы уже после ланча), молча кивнул и сел рядом.

— Я был у ворот, — сказал он спустя какое-то время.

— И что там?

— Знаешь, многие удивляются, почему ты не пришел попрощаться.

— Они могли бы и *сюда* прийти.

— Да, могли. Но прошел слух, что ты не одобря-

ешь… Возможно, им было стыдно.

— Я не одобряю? — Род через силу рассмеялся. — Да мне совершенно наплевать, сколько городских неженок отправились к своим мамочкам. Страна у нас свободная. — Он взглянул на Джима в упор. — Сколько осталось?

— Э-э-э… я не уверен.

— Я знаешь что подумал? Если нас останется совсем мало, мы опять можем перебраться в пещеру. Будем там спать. Пока не появятся новые колонисты.

— Может быть.

— Ну что ты такой мрачный? Даже если останемся только мы с тобой да Джекки с Кэрол, будет не хуже, чем в самом начале. И это лишь на время. Да и ребенок у вас теперь… Я чуть не забыл про своего крестника.

— Да, ребенок… — согласился Джимми.

— Что ты так расстраиваешься? Джим… ты, часом, не собрался на Землю?

Джимми встал:

— Джекки просила передать, что мы поступим, как по-твоему будет лучше.

Род обдумал сказанное.

— Ты имеешь в виду, что она хочет вернуться? Вы оба хотите?

— Род, мы по-прежнему партнеры. Но мне нужно думать о ребенке. Ты ведь понимаешь?

— Да. Понимаю.

— Тогда…

Род протянул ему руку:

— Удачи, Джим. И передай от меня привет Джекки.

— Она сама хотела попрощаться. И мальчика принести.

— Не надо. Кто-то мне когда-то говорил, что прощаться глупо. Увидимся еще.

— Ладно, Род. Пока. Береги себя.

— И ты тоже. Если увидишь Каролину, попроси ее подойти.

Каролина появилась не скоро, и Род догадался, что она была у ворот.

— Сколько нас осталось? — спросил Род прямо.

— Немного, — признала она.

— Сколько?

— Ты и я. И куча зевак.

— И больше *никого*?

— Я проверяла по списку. Что мы будем теперь делать, Родди?

— Какая разница? А ты сама не хочешь вернуться?

— Как скажешь, Родди. Ты же мэр.

— Мэр чего? Кэрол, ты хочешь вернуться?

— Я никогда об этом не думала, Родди. Я была счастлива здесь. Но…

— Но что?

— Города нет, детишек нет, и, если я захочу поступить в корпус Амазонок, у меня есть всего год, — выпалила она, потом добавила: — Но если ты останешься, я тоже останусь.

— Нет.

— Останусь!

— Нет. Но я хочу, чтобы ты, вернувшись, сделала одно дело…

— Что именно?

— Найди мою сестру Элен. Узнай, где она сейчас служит. Штурмовой капитан Элен Уокер. Запомнила? Передай ей, что у меня все в порядке… и скажи, что я просил помочь тебе поступить в Амазонки.

— Родди… но я не хочу возвращаться.

— Беги. А то они еще закроют ворота. И оставят тебя здесь.

— А ты?

— Нет. У меня еще дела. А ты беги. Только не прощайся. Просто беги.

— Ты на меня сердишься, Родди?

— Нет, конечно. Беги. *Пожалуйста*. А то я тоже

расплачусь.

Каролина судорожно всхлипнула, обняла его, чмокнула в щеку и унеслась прочь. Род забрался в свою хижину и долго лежал лицом вниз. Потом наконец поднялся и принялся за уборку Каупертауна. Грязи и мусора было даже больше, чем в то утро, когда умер Грант.

Снова люди появились в поселении лишь во второй половине дня. Род увидел и услышал их задолго до того, как эти двое мужчин и женщина заметили его самого. Мужчины были одеты в городскую одежду, женщина — в шорты, рубашку и легкие сандалии. С копьем в руке Род вышел из хижины и спросил:

— Что вам здесь нужно?

Женщина взвизгнула от неожиданности, затем пригляделась и сказала:

— Бесподобно!

Один из мужчин нес тяжелую сумку на ремне и блок аппаратуры на треноге — Род сразу узнал мультифон, универсальную звуко-видео-запахо-и-прочее-записывающую систему, популярную у репортеров и исследователей. Мужчина молча поставил треногу на землю, подсоединил шнуры и склонился над шкалами настройки. Другой — пониже, рыжеволосый, с усиками — спросил:

— Это ты — Уокер? Тот самый, которого все зовут мэром?

— Да.

— «Космик» здесь еще не был?

— Кто?

— «Космик кинотс», разумеется. И никто не был? «Лайф-тайм спейс», например? Или «Галактические очерки»?

— Я не знаю, что вы имеете в виду. Тут с самого утра никого не было.

Незнакомец пошевелил усами и облегченно вздохнул:

— Вот это я и хотел узнать. Элли, давай впадай в транс. А ты, Мак, включай свой ящик.

— Минуту! — возмутился Род. — Кто вы такие и что вам здесь нужно?

— А? Я — Эванс из «Эмпайр энтерпрайз».

— Пулицеровская премия, — вставил оператор и вновь вернулся к своим приборам.

— Не без помощи Мака, разумеется, — торопливо добавил Эванс. — А эта леди — сама Элли Элленс.

Видимо, на лице Рода не отразилось должных чувств, и Эванс спросил:

— Ты что, о ней не слышал? Где ты был… Впрочем, понятно. Элли сейчас самый высоко-

оплачиваемый сценарист мелодраматических постановок. Она вас так подаст, что каждая женщина — от зрителей «Внеземелья» до читателей «Лондон таймс» — будет рыдать, мучаясь от желания прижать вас к груди и утешить. Она — *большой* мастер своего дела.

Мисс Элленс этих дифирамбов, похоже, не слышала. Она бродила по поселению с отрешенным лицом и лишь изредка останавливалась потрогать что-то или разглядеть внимательнее.

— Здесь вы и устраивали ваши примитивные пляски? — спросила она, поворачиваясь к Роду.

— Что? Мы здесь танцевали кадриль. Раз в неделю.

— Кадриль… Нет, это мы заменим… — И она снова ушла в свой внутренний мир.

— Дело в том, парень, — продолжал Эванс, — что нам нужно не просто интервью. Этого материала мы набрали еще там, когда ваши ребята появились в «Эмигрантс-гэп». От них-то мы про тебя и узнали, все бросили и мигом сюда. Торговаться не собираюсь — можешь называть любую цену, но нам нужны эксклюзивные права на все сразу: новости, репортажи, коммерческое использование и так далее. А кроме того… — Эванс огляделся. — Консультации, когда прибудут актеры.

— Актеры?

— Ну конечно. Если бы у людей из службы эмиграционного контроля было хоть немного мозгов, они бы не выпустили вас отсюда, пока кто-нибудь не заснял все на пленку. Но с актерами получится даже лучше. Мне нужно, чтобы ты всегда был под рукой, а твою роль будет играть кто-нибудь еще…

— Стоп! — остановил его Род. — Кто-то из нас двоих, кажется, сошел с ума. Во-первых, мне не нужны никакие деньги.

— Как это? Ты что, уже подписал с кем-нибудь контракт? Этот охранник пропустил сюда кого-нибудь раньше нас?

— Какой охранник? Я никого не видел.

У Эванса словно от сердца отлегло.

— Ладно, мы, я надеюсь, договоримся. А охранника поставили, чтобы он никого не пускал за стену. Я уж было подумал, что он двурушничает. И ты мне только не говори, что тебе не нужны деньги, — это аморально.

— В самом деле не нужны. Мы здесь обходимся без денег.

— Понятно. Но ведь у тебя есть семья? А семьям всегда нужны деньги. Давай не будем мелочиться. Мы тебе заплатим по совести, и пусть они лежат

себе в банке. Когда-нибудь пригодятся. Я только хочу, чтобы ты подписал с нами контракт.

— Не понимаю зачем.

— Тогда контрактное обязательство, — вставил Мак.

— Мм… да, верно, Мак. Давай так договоримся, парень. Ты просто пообещаешь не подписывать контракт ни с какой другой компанией. И за тобой по-прежнему остается право содрать с нас столько, сколько позволит совесть. Договорились? Пока всего лишь обязательство. Скажем, за тысячу плутонов, а?

— Я не собираюсь подписывать контрактов ни с какой другой компанией.

— Записал, Мак?

— Готово.

Эванс снова повернулся к Роду:

— Ты не возражаешь, если мы кое о чем тебя пока порасспросим? И сделаем несколько снимков, а?

— Ради бога. — Поведение их удивляло Рода и немного раздражало, но ему было до боли одиноко, а тут какая-никакая, а компания…

— Отлично! — Эванс принялся задавать вопросы, быстро и очень профессионально.

Спустя какое-то время Род обнаружил, что рас-

сказывает даже больше, чем, казалось ему, знал. Потом Эванс спросил об опасных животных:

— Насколько я понимаю, это довольно серьезная угроза, да? Проблем много было?

— Нет, в общем-то, — ответил Род вполне искренне. — Не с животными. Больше было проблем с людьми, хотя тоже не очень много.

— По-твоему, эта планета станет первоклассной колонией?

— Конечно. Все, кто вернулся на Землю, просто сваляли дурака. Здесь ничуть не хуже, только планета и безопаснее, и богаче, и места тут хоть отбавляй. Через несколько лет… Слушайте!

— Что такое?

— А как получилось, что нас тут бросили? Предполагалось, что испытания продлятся всего десять дней.

— Тебе что, никто до сих пор не рассказал?

— Может быть, рассказали другим — там, у ворот. Но я ничего не слышал.

— Это все из-за сверхновой звезды. Дельта… э-э-э…

— Дельта-Гамма-один-тринадцать, — подсказал Мак.

— Вот-вот. Искривление пространственно-временного континуума или что-то в таком духе. Я,

в общем-то, не математик.

— Флюксия, — снова вставил Мак.

— Ну да, что-то вроде этого. С тех самых пор вас и искали. Насколько я понимаю, волновой фронт нарушил настройку ворот во всем этом регионе. Кстати, парень, когда будешь возвращаться…

— Я не собираюсь.

— В любом случае, даже если надумаешь погостить на Земле, не подписывай отказ от претензий. Совет директоров компании пытается списать все это на Божью волю и снять с себя ответственность. Так что прислушайся к моему совету: ничего не подписывай. Дружеский совет, понятно?

— Спасибо. Но я не… Все равно спасибо.

— Как насчет снимков для репортажа на первую полосу?

— Мм… Хорошо.

— Копье, — напомнил Мак.

— Да, вроде бы у тебя было какое-то копье. Не возражаешь, если мы снимем тебя с копьем?

Род принес копье, и в этот момент к ним подошла «великая Элли».

— Бесподобно! — выдохнула она. — Я просто чувствую эту жизнь всеми фибрами своей души. Здесь очень хорошо видно, как тонка граница

между человеком и зверем. Почти сотня образованных мальчиков и девочек сползают в каменный век, к неграмотности… Налет цивилизации тает… Воцаряется дикость… Просто чудесно!

— Эй, послушайте-ка! — рассерженно произнес Род. — У нас в Каупертауне все было не так! У нас была конституция, были законы, мы заботились о чистоте. У нас… — Род умолк, потому что мисс Элленс его даже не слышала.

— Первобытные ритуалы… — продолжала она с мечтательной томностью в голосе. — Деревенский шаман, невежественный и суеверный, один на один с природой… Примитивные обряды плодородия… — Она остановилась и уже совершенно деловым тоном обратилась к Маку: — Танцы будем снимать три раза: в чем-нибудь легком — для подписчиков канала «А», полностью одетыми — для семейного канала, и голыми — для канала «Б». Ясно?

— Ясно, — подтвердил Мак.

— Я составлю три различных комментария. Оно того стоит, — добавила мисс Элленс и снова погрузилась в транс.

— Постойте-ка! — запротестовал Род. — Если я правильно ее понял, тогда никаких снимков не

будет — ни с актерами, ни без!

— Успокойся, — сказал Эванс. — Я же обещал, что ты будешь нашим консультантом. Элли свое дело знает, парень. Тебе, может, этого сразу не понять, но, чтобы добраться до настоящей истины, до глубокой истины, правду жизни нужно немного подкрасить. Ты сам увидишь.

— Но…

В этот момент к Роду подошел Мак:

— Постой спокойно.

Мак поднял руку к его лицу. Род замер и почувствовал легкие прикосновения кисточки.

— Эй! Что это такое?

— Грим. — Мак вернулся к своей аппаратуре.

— Немного боевой раскраски, — объяснил Эванс. — Нужно больше ярких цветов. Не волнуйся, краска легко смывается.

От удивления и обиды у Рода отвисла челюсть. Глядя на них, он невольно поднял копье.

— Снимай, Мак! — приказал Эванс.

— Готов, — спокойно ответил Мак.

Род с трудом подавил в себе ярость и, почувствовав наконец, что способен говорить спокойно, негромко произнес:

— Ну-ка, достань эту кассету и брось на землю. А потом убирайтесь отсюда к чертовой матери.

— Не волнуйся, — сказал Эванс. — Снимок мы пришлем — тебе понравится.

— Кассету! Или я разобью этот чертов ящик, а заодно и башку любому, кто попытается мне помешать. — Он нацелил копье в созвездие объективов.

Мак скользнул вперед и встал перед камерой, защищая ее собственным телом.

— Эй, посмотри-ка лучше сюда! — крикнул Эванс.

В руке у него был маленький, но довольно мощный пистолет, который он направил на Рода.

— Нам, парень, приходится бывать в самых разных местах, и мы всегда готовы к неожиданностям. Если ты повредишь камеру или заденешь кого-нибудь из нас, мы тебя до самой смерти по судам затаскаем. Прессе мешать — это, знаешь ли, дело серьезное. Публика имеет право на полную информацию. — Не оборачиваясь, он крикнул: — Элли! Мы отбываем!

— Я еще не готова, — ответила та, словно в забытьи. — Мне нужно насытиться этими…

— Некогда! Мы должны успеть к эфиру.

— Хорошо, — тут же ответила она деловым тоном.

Род позволил им уйти с пленкой, а когда они

скрылись за стеной, вернулся в мэрию и сел у порога, обняв руками колени. Его буквально трясло.

Спустя какое-то время он взобрался по ступеням на стену, огляделся и увидел внизу охранника — тот поднял взгляд, но ничего не сказал. Ворота сомкнулись до маленького канала, но рядом стоял разгрузочный транспортер, а вплотную к стене примыкал энергетический барьер. Кто-то из техников копошился у пульта управления, установленного в кузове грузовика. Род решил, что скоро, видимо, прибудет большая партия эмигрантов. Вернувшись к себе, он приготовил в одиночестве ужин, хуже которого не ел, наверно, больше года, а затем отправился спать и долго еще слушал доносящиеся из джунглей вопли «Гранд-Опера».

— Есть кто дома?

Род проснулся мгновенно и понял, что уже утро, но, к сожалению, не все плохое осталось во сне.

— Кто там?

— Друг. — В дверь хижины просунул голову Б. П. Мэтсон. — Можешь убрать свою ногтечистку. Я безвреден.

— Мастер! — Род вскочил на ноги. — В смысле, доктор!

— Мастер, — поправил его Мэтсон. — У меня для тебя сюрприз.

Он отступил в сторону, и Род увидел свою сестру.

Спустя несколько минут Мэтсон сказал добродушным тоном:

— Если вы все-таки отпустите друг друга и перестанете шмыгать носом, мы сможем наконец поговорить по-человечески.

Род сделал шаг назад и еще раз взглянул на сестру:

— Слушай, а ты замечательно выглядишь, Элен! И вес сбросила.

Она была в штатском — зеленая накидка и шорты.

— Да, немного. Зато он теперь лучше распределен. А ты вырос, Род. Мой маленький брат превратился в мужчину.

— Как ты… — Род умолк, сраженный неожиданным подозрением. — Вы, часом, не уговаривать меня пришли? Если так, то можете не стараться.

— Нет-нет! — торопливо ответил Мэтсон. — Боже упаси! Но мы прослышали о твоих планах и решили навестить. Я встряхнул старые связи и получил пропуск. Формально я — представитель эмиграционной службы.

— Ого! Я ужасно рад вас видеть… Но, надеюсь, вы меня поняли?

— Конечно, о чем речь! — Мэтсон достал из кармана трубку, набил ее и раскурил. — Мне нравится твой выбор, Род. Я на Тангароа впервые.

— На чем?

— В смысле?.. А, на Тангароа. Если я не ошибаюсь, это имя полинезийской богини. А вы что, дали планете другое имя?

Род засмеялся:

— Сказать по правде, до этого дело как-то не дошло. Мы просто… жили тут, и все.

Мэтсон кивнул:

— Было бы две планеты, тогда бы и имена понадобились. Однако здесь красиво, Род. И я смотрю, вы многого достигли.

— Еще немного, и мы зажили бы тут отлично, так нет же, взяли и выдернули из-под нас ковер, — с горечью в голосе произнес Род, затем пожал плечами. — Хотите, покажу вам поселение?

— Конечно.

— Отлично. Пойдем, Элен. Ой, подождите, я же еще не завтракал. А как вы?

— Вообще-то, когда мы проходили ворота, время в «Эмигрантс-гэп» приближалось к ланчу. Я бы перекусил. А ты, Элен?

— Да, пожалуй.

Род покопался в припасах Марджери, но окорок, от которого он отрезал на ужин, был, мягко говоря, уже не самого лучшего качества. Род передал его Мэтсону.

— С душком?

Мэтсон принюхался:

— Немного. Впрочем, если ты будешь есть, я тоже не возражаю.

— Мы должны были идти вчера на охоту, но тут много чего произошло. — Род на секунду задумался. — Посидите здесь. Я сейчас принесу копченое мясо.

Он взбежал по тропе в пещеру, выбрал копченый бок и несколько полосок засоленного мяса, а Мэтсон к его возвращению уже развел огонь. Кроме мяса, Род предложить ничего не мог — за фруктами днем раньше тоже никто не ходил, — и ему невольно подумалось, что завтракали его гости, должно быть, совсем по-другому.

Однако он справился со своим смущением, когда дело дошло до демонстрации достижений поселенцев: гончарный круг, ткацкий станок Сью с незаконченным куском ткани, водопровод и непрерывный душ, металлические предметы, что изготовили Арт и Дуг.

— Я мог бы отвести вас к плавильне, но бог с ней, а то нарвемся еще на какую-нибудь тварь.

— Брось, Род. Я же не городской мальчишка. Да и сестра твоя тоже может за себя постоять.

Род покачал головой:

— Я эти места знаю, а вы — нет. Мне туда сбегать — раз плюнуть, а вам придется пробираться медленно и осторожно, потому что я могу не уследить сразу за двоими.

Мэтсон кивнул:

— Видимо, ты прав. Странно, конечно, когда один из моих учеников проявляет обо мне такую заботу; но ты прав. Мы здесь новички.

Род показал им ловушки для стоборов и рассказал о бешеных ежегодных миграциях.

— Стоборы лезут через эти дыры и падают в ямы, а все другие животные текут мимо стены — беспрерывный поток, как на автостраде.

— Саморегулирующаяся природная катастрофа, — заметил Мэтсон.

— Что?.. Да, мы тоже поняли. Циклическое восстановление природного баланса. Если бы у нас была такая возможность, мы каждый сухой сезон могли бы переправлять на Землю тысячи тонн мяса. — Род задумался. — Может быть, мы этим и займемся.

— Возможно.

— До сих пор от этих миграций только забот прибавлялось. Особенно стоборы досаждали — я вам покажу их там, на поле… О! — Род на мгновение умолк. — Это и в самом деле стоборы, а? Такие маленькие хищники с тяжелыми мордами? Размером с кота, но свирепые и настырные.

— А почему ты меня спрашиваешь?

— Вы же нас предупреждали о стоборах. Все классы получили предупреждение.

— Видимо, это стоборы и есть, — признал Мэтсон, — но я тогда понятия не имел, как они выглядят.

— В смысле?

— Род, на каждой планете есть свои стоборы, только везде разные. Иногда — несколько. — Он остановился и выбил трубку. — Помнишь, я вам говорил, что каждая планета в Галактике имеет свои особые опасности?

— Да…

— Да. Но для вас это было лишь фразой. А чтобы остаться в живых, вы должны были бояться чего-то конкретного, того, что скрывается за этой фразой. Потому мы и облекали опасность в конкретную форму. Но не сказали вам, в какую именно. Мы проворачиваем этот фокус каждый

год, и каждый раз по-разному. А цель тут одна — предупредить вас, что непознанное и опасное может крыться где угодно, и заронить эту мысль — нет, не в голову, а в самое сердце.

— А, чтоб я… Значит, никаких стоборов не было?

— Как же не было? А ловушки вы для кого понаставили?

Когда они вернулись к хижине, Мэтсон сел на землю и сказал:

— У нас осталось не так много времени.

— Я понимаю. Сейчас… — Род зашел в хижину и вернулся к ним, прихватив «Леди Макбет». — Твой нож, сестренка. Он мне не один раз спасал жизнь. Спасибо.

Элен взяла нож, потрогала пальцем лезвие, взвесила его на ладони и взглянула поверх головы Рода. Сверкнув сталью, нож пронесся в воздухе и — буммм! — воткнулся в угловой столб. Элен выдернула его и вернула Роду.

— Оставь. Пусть он и впредь служит тебе верой и правдой.

— Но он и так был у меня слишком долго.

— Я тебя прошу. Зная, что «Леди Макбет» в случае чего за тобой присмотрит, я буду чувствовать себя спокойнее. И потом, нож мне сейчас не осо-

бенно нужен.

— Как так? Почему?

— Потому что теперь она моя жена, — ответил Мэтсон.

У Рода отвисла челюсть. Сестра заметила выражение его лица и спросила:

— В чем дело, Родди? Ты не рад за нас?

— А? Что ты! Конечно рад! Это… — Он покопался в памяти и извлек оттуда ритуальное благословение: — Дай бог вам единства и счастья! И пусть союз ваш будет плодотворным!

— Ну тогда подойди и поцелуй меня.

Род поцеловал сестру и пожал руку Мастеру. Видимо, это нормально, думал он, только… сколько же им сейчас? Сестре, должно быть, за тридцать, а Мастер уже совсем *старик*: ему никак не меньше сорока.

Вроде бы и поздно уже…

Но Род изо всех сил старался убедить их, что целиком одобряет это решение. В конце концов, если два человека, у которых жизнь осталась позади, хотят компании друг друга, это, наверно, даже хорошо.

— Как ты теперь понимаешь, — сказал Мастер, — у меня было сразу две причины искать вас. Во-первых, потерять целый класс — дело

нешуточное. Я уже не преподаю, но все равно досадно. А во-вторых, один из потерявшихся мой родственник — даже как-то неловко.

— Вы оставили преподавание?

— Да. Не сошелся с советом директоров во взглядах на школьную политику. Скоро я поведу группу на новую колонию, и на этот раз мы с твоей сестрой собираемся осесть, обзавестись хозяйством и построить ферму. — Мэтсон бросил на него короткий взгляд. — Тебя это, часом, не заинтересует? А то нам как раз нужен опытный лейтенант.

— Спасибо. Но я же говорил, что мое место здесь. А куда вы собираетесь?

— На Территу. Это в направлении Гиад. Отличное место — дерут за него по высшему разряду и без всяких скидок.

Род пожал плечами:

— Тогда мне все равно ничего не светит.

— В качестве моего лейтенанта ты был бы освобожден от платежа. Впрочем, не буду тащить тебя силком. Просто предложил тебе шанс. Сам знаешь, нам с твоей сестрой еще долго жить вместе.

Род взглянул на Элен:

— Извини.

— Ладно, Родди. Мы понимаем: у тебя своя

жизнь.

— М-да. — Мэтсон глубоко затянулся и продолжил: — Однако, как твой новоявленный зять и бывший учитель, я должен упомянуть еще кое о чем. Не думай, пожалуйста, что я тебя уговариваю, но буду признателен, если ты внимательно выслушаешь. Ладно?

— Хорошо… Согласен.

— Планета здесь, конечно, отличная. Но ты можешь вернуться на Землю, чтобы доучиться, приобрести квалификацию, профессиональный статус. Если откажешься возвращаться сейчас, ты останешься здесь навсегда. Тебе уже не удастся повидать остальное Внеземелье. Позже тебя уже не пустят назад бесплатно. А вот хороший профессионал где только не бывает, перед ним открыты все миры. Мы с твоей сестрой были уже на пятидесяти планетах… Я понимаю, что в школу сейчас совсем не тянет: ты уже мужчина и тебе нелегко будет в мальчишечьих башмаках. Но… — Мэтсон повел рукой в сторону поселения. — Все это не прошло даром. Ты вполне можешь пропустить некоторые предметы и получить зачет за полевую практику. Кроме того, у меня есть кое-какие связи в Центральном техническом… А?

Род долго сидел с каменным лицом, потом на-

конец покачал головой.

— Ладно, — сказал Мэтсон. — На нет и суда нет.

— Подождите. Дайте мне объяснить. — Род пытался сообразить, как передать свои чувства, но ничего не шло в голову, и он лишь удрученно произнес: — Нет… Это я так…

Мэтсон молча курил, затем сказал:

— Ты был здесь лидером.

— Мэром, — поправил Род. — Мэром Каупертауна. Но теперь именно «был».

— Ты им и остался. Население — один человек, но ты по-прежнему мэр. И даже эти бюрократы в эмиграционной службе не станут спорить, что вы доказали свое право на эту землю. Формально у вас автономная колония. Я слышал, что ты так Сэнсому и заявил. — Мэтсон улыбнулся. — Однако ты остался один, а человек не может жить один. Во всяком случае, жить и не одичать.

— Да, но ведь эту планету скоро начнут заселять?

— Наверняка. Возможно, пятьдесят тысяч уже в этом году и в четыре раза больше за два последующих. Но, Род, ты станешь просто частичкой большой толпы. У них будут свои лидеры.

— А мне вовсе не обязательно оставаться мэром. Я просто не хочу покидать Каупертаун.

— Род, Каупертаун останется в истории — так же, как Плимут-Рок, Ботани-Бэй и колония Дэйкина. Жители Тангароа, без сомнения, сохранят поселение как исторический памятник. Останешься ты или нет… Я не пытаюсь тебя убедить, просто высказываю свои предположения. — Мэтсон поднялся на ноги. — Ладно, Элен, нам, пожалуй, пора.

— Да, дорогой. — Элен взялась за протянутую руку и тоже встала.

— Подождите! — не удержался Род. — Мастер… Элен… Я знаю, что поступаю глупо. Знаю, что все кончено… Город, наше поселение… Но я *не могу* вернуться. Хотел бы, но не могу.

Мэтсон кивнул:

— Я тебя понимаю.

— Странно. Я *сам* себя не понимаю.

— Просто со мной такое уже было. В каждом из нас, Род, живет и желание вернуться, и понимание, что это уже невозможно. А ты к тому же в том возрасте, когда этот конфликт воспринимается особенно болезненно. Ты оказался в такой ситуации, когда кризис вдвое острей. Ты — не перебивай меня, — ты был здесь мужчиной, старейшиной племени, вожаком стаи. Именно поэтому остальные вернулись, а ты нет… Подо-

жди, дай мне закончить! Я говорил, что, вернувшись и став обычным подростком, ты, возможно, устроился бы совсем неплохо, но для тебя сама эта мысль невыносима. Я понимаю. Гораздо легче было бы вновь стать ребенком. Дети — другая раса, и взрослые ведут себя с ними соответственно. А подростки — они не дети и не взрослые. Их осаждают невозможные, неразрешимые, трагические проблемы всех маргинальных культур. Они — ничьи, они — граждане второго сорта, они экономически и социально не устроены. Это трудное время, и я не осуждаю тебя за то, что ты не хочешь в него возвращаться. Просто я считаю, что оно того стоит. Но ведь ты был властелином мира, а сдавать после этого курсовые или вытирать ноги, когда тебе на это указывают, видимо, очень нелегко. Так что удачи! Идем, дорогая?

— Мастер, — сказала Элен, — ты так и не сообщил ему…

— Это не имеет отношения к делу. Было бы просто нечестно давить на него таким образом.

— Одно слово — мужчины! Боже, как я рада, что я женщина!

— А я как рад! — улыбнулся Мэтсон.

— Я не это имела в виду. Носитесь вы со своей логикой… Я ему скажу.

— На твоей совести будет.

— Что еще ты собираешься мне сказать? — потребовал Род.

— Она хотела сказать, — ответил за нее Мэтсон, — что твои родители уже дома.

– *Как?*

— Вот так, Родди. Они вышли из стасисного поля неделю назад, а сегодня папа вернулся с операции. Ему уже лучше. Но мы ничего про тебя не говорили. Просто не знали, *что* сказать.

Факты оказались предельно просты, хотя Роду верилось в них с трудом. Медицина добилась нужных результатов не за двадцать лет, а всего за два. Мистера Уокера извлекли из темпоральной камеры, прооперировали и вернули миру живым и здоровым. Элен еще за несколько месяцев до этого знала, что такой исход вполне вероятен, но лечащий врач отца дал свое согласие на операцию лишь тогда, когда у него появилась стопроцентная уверенность в успехе. И только по чистому совпадению Тангароа нашли примерно в то же время. Для Рода же оба события явились полной неожиданностью: он давно считал родителей умершими.

— Ладно, дорогая, — строго сказал Мэтсон, — теперь, когда ты его совершенно ошарашила этой

новостью, мы можем идти?

— Да. Но я просто должна была сообщить Роду о родителях.

Элен поцеловала его и повернулась к мужу. Они двинулись к стене, а Род смотрел им вслед, мучительно размышляя, что делать, и не в силах принять решение. Затем он вдруг вскочил и крикнул:

— Подождите! Я с вами!

— Отлично, — откликнулся Мэтсон и, повернувшись к жене здоровым глазом, с удовлетворенным видом опустил веко — вроде как подмигнул, но едва заметно. — Если ты уверен, то я помогу тебе собрать вещи.

— У меня нет никаких вещей! Пошли!

Род задержался всего на несколько минут — только чтобы выпустить из загона животных.

Глава 16
Бесконечная дорога

Мэтсон быстро вывел Рода через ворота в «Эмигрантс-гэп», попутно спас от увечий одного назойливого чиновника, который приставал к Роду с психологическим тестированием, и проследил, чтобы он не подписывал никаких документов с отказом от претензий. Затем отвел его мыться, стричься, бриться, раздобыл приличную одежду и только тогда явил планете Земля. Однако у ворот «Кайбаб» он оставил их вдвоем с сестрой.

— Мне нужно показаться на клубном обеде, так что у вас будет возможность пообщаться семьей, вчетвером. Я появлюсь около девяти, дорогая. Пока, Род. Увидимся. — Мэтсон поцеловал жену и удалился.

— Папа знает, что я возвращаюсь?

Элен ответила не сразу.

— Да, знает. Пока Мастер приводил тебя в порядок, я связалась с домом… Только помни, Род, папа был болен, и для него прошло всего две недели.

— Всего две?

Прожив столько лет бок о бок с действующими аномалиями Рамсботхэма, Род тем не менее всегда воспринимал их временной аспект несколько недоверчиво, хотя прыжки с планеты на планету отнюдь не казались ему чем-то необычным. Кроме того, он чувствовал себя очень неуютно и сам не понимал почему. В действительности все объяснялось приступом неосознанной боязни перед огромными толпами людей. Мэтсоны предвидели это, но не стали предупреждать, чтобы не заострять внимание и не навредить еще больше.

Однако прогулка через лес по дороге к дому пошла ему на пользу. Привычные опасения, что за каждым кустом может скрываться хищник, и подсознательное стремление держаться поближе к деревьям настраивали мысли на знакомый лад. Домой Род добрался почти в радостном настроении, даже не осознав, насколько испугал его людской водоворот и успокоили несуществующие опасности пригородного лесного массива.

Отец загорел и выглядел вполне здоровым, но казался меньше ростом и у́же в плечах. Он обнял сына, мама поцеловала его и расплакалась.

— Хорошо, что ты вернулся домой, сынок. Насколько я понимаю, тебе несладко пришлось.

— Я тоже рад, папа.

— Все-таки, на мой взгляд, эти экзамены слишком строги. Слишком.

Род попытался было объяснить, что здесь дело не в экзамене, что не так уж им пришлось туго, что Каупертаун — вернее, Тангароа — на самом деле далеко не такой опасный мир, но сбился. Его здорово смущало присутствие «тетушки» Норы Пискоут, в действительности никакой не родственницы, а подруги детства его матери. Кроме того, отец почти не слушал.

Зато вовсю слушала миссис Пискоут. И глядела на него в упор своими маленькими глазками, словно проклюнувшимися среди рыхлых складок кожи на лице.

— Ну конечно же, Родерик, я сразу поняла, что это не твой снимок.

— Что? — спросил отец. — Какой снимок?

— Да тот дикарь, где под фотографией стояла фамилия Родди. Вы ее, должно быть, уже видели: ее и в «Новостях» напечатали, и в «Имперском часе» уже показывали. Но я сразу поняла, что это не он. Я еще Джозефу сказала: «Смотри, Джозеф, это совсем не Род Уокер; тут какая-то подделка».

— Видимо, я ее пропустил. Как вы знаете, я…

— Я вам ее пришлю — специально вырезала. Но я знала, что это подделка. Ужас просто! Огромный

голый дикарь с острыми зубами и жуткой ухмылкой; вся физиономия в боевой раскраске, а в руке — длинное копье. Я сразу сказала Джозефу…

— Как вы знаете, Нора, я только сегодня утром вернулся из больницы. Род, надо думать, твоей фотографии все-таки не было в прессе?

— Э-э-э… и да и нет. Возможно.

— Я тебя не понимаю. С чего бы им помещать твое фото в «Новостях»?

— Да так просто. Явился какой-то тип с камерой и снял.

— Значит, фото все-таки было?

— Да. — Род заметил, что «тетушка» Нора пялится на него во все глаза. — Но это все равно подделка или вроде того.

— Ничего не понимаю.

— Ну пожалуйста, патер, — вмешалась Элен. — Род здорово устал, а это дело может и подождать.

— Видишь ли, папа, они просто загримировали меня, когда я… э-э-э… отвлекся… — Род понял, что несет какую-то чушь.

— Значит, это твой снимок? — воскликнула «тетушка» Нора.

— Я не хочу больше говорить на эту тему.

— Может, оно и к лучшему, — согласился мистер Уокер несколько удивленно.

Однако миссис Пискоут на этом не успокоилась.

— М-да, я полагаю, в таких далеких местах может произойти *все, что угодно*. Из той затравки, которую дали в «Имперском часе», у меня сложилось впечатление, что у вас там происходили *очень* странные вещи. И не все из них *приличные*. — Миссис Пискоут посмотрела на Рода с вызовом, но тот промолчал, и она продолжила: — Просто не понимаю, о чем вы думали, когда позволили мальчику участвовать в таком деле. Мой отец всегда говорил: если бы Господь желал, чтобы мы пользовались этими воротами вместо космических кораблей, Он бы сам наделал в небе дырок.

— Миссис Пискоут, — резко спросила Элен, — с чего это вы вдруг решили, что космические корабли естественнее, чем пространственные ворота?

— Ай-ай-ай, Элен Уокер… Я всю жизнь была для тебя «тетей Норой»! А теперь вдруг «миссис Пискоут»…

Элен пожала плечами:

— Кстати, моя фамилия теперь не Уокер, а Мэтсон, как вам прекрасно известно.

Миссис Уокер вмешалась в разговор и совершенно невинным тоном спросила, не останется

ли миссис Пискоут пообедать с ними.

— Да, Нора, может, вы присоединитесь к нам под Лампой Мира? — добавил мистер Уокер.

Род сосчитал про себя до десяти. Но миссис Пискоут заявила, что она, мол, просто уверена, что им хочется побыть в узком семейном кругу и *очень* многое обговорить. Мистер Уокер не стал ее убеждать.

Во время ритуала Род успокоился, но все равно сбивался, путался и один раз пропустил свою реплику, отчего за столом на секунду воцарилось неловкое молчание. Обед был изумительный, только порции показались Роду слишком маленькими, и он решил, что на Земле, видимо, очень жесткое рационирование. Однако все излучали счастье, и он сам тоже.

— Жаль, конечно, что все так вышло, — сказал отец. — Видимо, тебе придется теперь повторить семестр.

— Напротив, патер, — вмешалась Элен. — Мастер уверен, что Род сможет поступить в Центральный технический без экзаменов.

— В самом деле? В мои годы требования там были жестче.

— Вся их группа получит особые дипломы. То, чему они научились, не преподают ни в одной

школе.

Заметив, что отец готов ввязаться в спор, Род решил переменить тему.

— Кстати, сестренка, я только что вспомнил. Я ведь думал, ты еще служишь, и дал одной девушке твои координаты. Она хотела поступить в корпус Амазонок. Ты еще можешь помочь ей?

— Я могу помочь ей советами и, может быть, подготовить к экзаменам. Это для тебя важно?

— Да, пожалуй. И она — идеальный офицерский материал. Крупная — даже больше тебя, — но чем-то на тебя похожа. Умна, как и ты, почти гений, и всегда в отличном настроении. Сильная, стремительная и буквально смертоносная, когда этого требуют обстоятельства. Мгновенная смерть, откуда ни зайди…

— Родерик… — Отец бросил взгляд на Лампу.

— Э-э-э… Да, извини, папа. Я просто пытался описать ее поподробней.

— Ладно. Но с каких пор ты начал есть мясо руками?

Род бросил кусок в тарелку и залился краской:

— Извини. У нас там не было вилок.

Элен рассмеялась:

— Брось, Род, не смущайся. Это же совершенно естественно, патер. Когда наши девушки подают

в отставку, мы всегда назначаем им курс переориентации — чтобы подготовить к опасностям, подстерегающим в мирной жизни. А пальцы, кстати, появились раньше вилок.

— Без сомнения… И если уж мы упомянули переориентацию, есть одно дело, дочь, которое нужно решить, прежде чем наша семья вернется к старому образу жизни.

— Ты имеешь в виду…

— Да. Я имею в виду передачу опекунства. Теперь, когда я чудесным образом выздоровел, мне положено снова взять на себя родительские обязанности.

Род даже не сразу сообразил, что говорят о нем. Опекунство? Да, верно, ведь сестра назначена его опекуном… Но какое это имеет значение?

— Видимо, да, патер, — медленно произнесла Элен. — Если Родди согласен.

— Э-э-э… По-твоему, это тоже следует учитывать? Твой муж вряд ли захочет брать на себя ответственность за молодого парня. И, кроме того, это *моя* обязанность и *моя* привилегия.

На лице у Элен появилось упрямое выражение.

— Какая разница, папа? — сказал Род. — Мне ведь все равно учиться в колледже. Да и лет мне уже достаточно — я скоро получу право голоса.

— Как? Родди! — недоуменно взглянула на него мать.

— Не так уж скоро. Три года — это все-таки срок немалый, — сказал мистер Уокер.

— Какие три года, папа? Я уже в январе стану совершеннолетним!

Миссис Уокер прижала ладонь к губам:

— Джером… мы опять забыли о разнице во времени… Боже, мальчик мой…

Мистер Уокер обвел семью ошарашенным взглядом, пробормотал что-то о том, «как трудно привыкнуть», и уткнулся в свою тарелку. Потом снова взглянул на сына.

— Извини, Род. Но все-таки, пока ты не достиг совершеннолетия, я должен выполнять свои обязанности. Мне, например, совсем не хотелось бы, чтобы, учась в колледже, ты жил где-то на стороне.

— Почему это?

— Видишь ли… Я чувствую, что мы несколько отдалились друг от друга, и меня это беспокоит. Взять, к примеру, эту девушку, которую ты охарактеризовал в столь необычных выражениях. Правильно ли я понял, что она была твоей… э-э-э… твоим близким другом?

Род почувствовал себя немного неловко.

— Она была моим городским управляющим.

— Твоим *кем*?

— Моим старшим помощником. Начальником охраны, шефом полиции, называйте это как хотите. Она вообще все делала. Даже охотилась, но это уже потому, что ей просто нравилось охотиться. Кэрол… Короче, ей в любой ситуации цены нет.

— Родерик, ты, часом, не увлекся этой девушкой?

— Я? Ни в коем случае. Она для меня была скорее как старшая сестра. У нее, конечно, были отношения с кем-то из парней, но это все быстро проходило.

— Ну что ж, я рад, что у вас не возникло серьезного интереса друг к другу. На мой взгляд, это не самая лучшая компания для молодого человека.

— Ты сам не понимаешь, что говоришь, папа.

— Возможно. Я разберусь. Но ты что-то говорил насчет «городского управляющего»… А кем тогда был ты сам?

— Я, — гордо заявил Род, — был мэром Каупертауна.

Отец бросил на него пристальный взгляд и покачал головой:

— Мы на эту тему еще поговорим. Возможно, тебе необходима квалифицированная медицин-

ская помощь. — Он перевел взгляд на Элен и добавил: — Передачу опекунства мы обсудим завтра. Я чувствую, мне предстоит немало хлопот.

— Только если Родди согласен, — сказала Элен твердо, глядя отцу в глаза.

— Что это значит?

— По документам опекунство передано мне безвозвратно. Или он согласится, или опекунство останется за мной!

Ответ дочери привел мистера Уокера в полное замешательство. Миссис Уокер сидела чуть не плача. Род встал и вышел из комнаты — Лампа Мира еще горела, и такое случилось впервые за всю историю их семьи. Отец крикнул что-то ему вслед, но Род не обернулся.

У себя в комнате он обнаружил Мэтсона. Тот сидел и читал, попыхивая трубкой.

— Я перекусил в клубе и тихо пробрался прямо сюда, — объяснил он и, внимательно посмотрев на Рода, добавил: — Я же говорил тебе, что придется туго. Но надо перетерпеть, сынок, надо перетерпеть.

— Это просто невыносимо!

— Надо перетерпеть.

Как нередко бывало раньше и как будет еще много раз, в «Эмигрантс-гэп» выстроились один

за другим прочные, надежные фургоны. Ворота еще не отрегулировали, и возницы собрались у небольшой палатки под складками каменной туники статуи Свободы. Пили кофе и перебрасывались шуточками, скрашивая нервное ожидание. Там же стоял и профессиональный капитан поселенцев, стройный, скромной наружности молодой человек с глубокими морщинами на лице — от яркого солнца, от смеха и, может быть, от забот. Однако сейчас он казался совсем беззаботным: как и все, улыбался и пил кофе, поделив бублик пополам с маленьким мальчишкой. На нем была куртка из оленьей кожи с бахромой — в подражание очень древнему стилю. Небольшая бородка и довольно длинные волосы дополняли портрет. Его пегий низкорослый конь с брошенными на седло поводьями терпеливо стоял неподалеку. Рядом с седлом, слева, висел чехол с охотничьей винтовкой, но больше никакого огнестрельного оружия у капитана не было — лишь два ножа на поясе, слева и справа.

Взвыла сирена, и голос из динамика над палаткой Армии спасения возвестил:

— Капитан Уокер, приготовиться у ворот номер четыре!

Род взглянул в сторону диспетчерской, махнул

рукой и крикнул:

— Рассчитайсь!

Затем снова повернулся к Джимми и Жаклин:

— Передайте Кэрол от меня привет. Жаль, что ей не удалось вырваться в увольнение. Но мы еще увидимся.

— Возможно, даже скорее, чем ты думаешь, — подтвердил Джим. — Моя фирма будет бороться за этот контракт.

— Твоя фирма? С каких это пор ты стал такой важный? Джекки, его что, уже приняли в полноправные партнеры?

— Нет еще, — спокойно сказала Жаклин, — но я не сомневаюсь, что примут, как только его назначат в коллегию адвокатов по внеземным делам. Поцелуй дядю Рода, Гранти.

— Не хочу, — твердо ответил мальчишка.

— Весь в отца, — гордо прокомментировал Джим. — Целуется только с женщинами.

Род услышал, что перекличка возвращается, и вскочил в седло.

— Счастливо, ребята!

Перекличка закончилась громким «Первый!» из головы колонны.

— Приготовились! — Род поднял руку и взглянул через открывшиеся ворота на заснеженные

вершины гор, вознесшихся у горизонта над бескрайними прериями. Ноздри его затрепетали от возбуждения.

Над воротами вспыхнул зеленый свет. Род махнул рукой и, крикнув: «Тронулись!», на мгновение сжал коленями бока своего скакуна. Пегий конь рванулся вперед, проскочил перед ведущим фургоном, и капитан Уокер отправился в путь.

Роберт Хайнлайн
Время для звезд

Биллу и Роберту Дэвисам

Глава 1
Фонд далеких перспектив

Если верить биографиям, в земном пути избранников судьбы все спланировано с самого начала. Наполеон уже босоногим корсиканским мальчишкой прикидывал, как он будет править Францией, примерно то же самое происходило и с Александром Македонским, а Эйнштейн, так тот прямо в колыбели бормотал свои уравнения.

Может, так и есть. Что касается меня, я ничего не планировал и жил, как живется.

Когда-то давно я видел в одной старой книге, принадлежавшей моему прадедушке Лукасу, карикатуру, на которой был нарисован человек в вечернем костюме, прыгающий с лыжного трамплина. С видом потрясенным и неверящим он произносил: «И как это меня сюда занесло?»

Очень хорошо понимаю его ощущения. И как это меня сюда занесло?

Меня и рожать-то не собирались. Не облагаемая налогом квота для нашей семьи была трое детей, а тут появился такой роскошный подарочек, состоявший из моего брата Пэта и меня. Мы были

огромным сюрпризом для всех, а особенно — для моих родителей, моих трех сестер и налоговых инспекторов. Не помню, было ли это сюрпризом и для меня, но самые первые воспоминания связаны у меня со смутным ощущением, что меня тут не очень-то ждали, хотя, если по правде, папа, мама, Фейт, Хоуп и Чарити[35] относились к нам хорошо.

Вполне возможно, папа не лучшим образом повел себя в сложившихся чрезвычайных обстоятельствах. Многие семьи получали дополнительную квоту или договорившись с какой-нибудь другой семьей, или как там еще, особенно в тех случаях, когда не облагаемый налогами лимит был исчерпан сплошными мальчиками или сплошными девочками. Но папа был упрям. Он считал этот закон неконституционным, несправедливым, дискриминационным, противным общественной морали, а также воле Божьей. Он перечислял великих людей, бывших младшими детьми в многодетных семьях, начиная с Бенджамена Франклина и кончая первым губернатором Плутона, а затем требовал ответить ему на про-

[35] notes: 35

Фейт, Хоуп и Чарити (англ.) — Вера, Надежда и Милосердие; в православной традиции Вера, Надежда, Любовь — три женских имени, отождествляемые с тремя христианскими добродетелями.

стой вопрос: где было бы человечество сейчас, если бы не они? — после чего маме приходилось его успокаивать.

Возможно, папа был прав, ведь, помимо своей профессии микромеханика, он разбирался во всем на свете, особенно в истории. Он хотел назвать нас в честь двух героев американской истории, а мама — в честь своих любимых художников. Вот таким-то образом я и оказался Томасом Пейном[36] Леонардо да Винчи Бартлеттом, а мой братец — Патриком Генри[37] Микеланджело Бартлеттом. Папа звал нас Томом и Пэтом, мама — Лео и Майклом, а сестрицы — Бестолковым-один и Бестолковым-два. Как самый упрямый, победил папа.

А упрямства в папе хватало. Он мог бы заплатить ежегодный подушный налог за нас, сверхкомплектных, подать заявку на квартиру для семерых и смириться с неизбежным. Потом он мог бы попросить о пересмотре лимита. Вместо

---

[36] notes: 36

Томас Пейн (1737–1809) — англо-американский писатель, философ, публицист. Участник Великой французской революции и Войны за независимость США, прозванный «крестным отцом США».

[37] notes: 37

Патрик Генри (1736–1799) — американский государственный деятель, участник Войны за независимость США. Известен своей фразой: «Дайте мне свободу или дайте мне смерть!»

всего этого он каждый год требовал освобождения нас, близнецов, от налога, что каждый раз кончалось одинаково — он платил наш подушный налог чеком со штампом «ОПЛАЧЕНО БЕЗ СОГЛАСИЯ», а мы всемером продолжали жить в квартире на пятерых. Когда мы с Пэтом были маленькими, мы спали в самодельных колыбелях в ванной, доставляя всем неудобства. Когда мы подросли, мы спали на кушетке в гостиной, что опять же было неудобно для всех, особенно для наших сестриц, считавших, что это ограничивает их социальную жизнь.

Папа мог разрешить все эти проблемы, подав заявление на эмиграцию нашей семьи на Марс, Венеру или спутники Юпитера; время от времени он поднимал этот вопрос. Однако вопрос этот был тем единственным, что вызывало в маме упрямство даже большее, чем у него. Не знаю уж, что именно так пугало ее в Большом туре. Она просто плотно сжимала губы и не отвечала ни слова. Папа говорил, что при эмиграции предпочтение оказывают как раз большим семьям и что подушный налог как раз и предназначен для субсидирования внеземных колоний и почему бы нам не извлечь выгоду из тех денег, что у нас заграбастали? Не говоря уж о том, что дети смогут

расти на свободе, а не в этой давке, где за спиной у каждого работника стоит бюрократ, который только и мечтает изобрести еще какие-нибудь правила и ограничения. Ну почему, ответь мне, почему?

Мама так и не ответила, а мы так и не эмигрировали.

Нам всегда не хватало денег. Два дополнительных рта, дополнительные налоги и отсутствие пособий на двух дополнительных детей — результаты действия закона о стабилизации семейного дохода были такими же жалкими, как те одежки, которые мама перешивала нам из отцовского старья. Очень редко мы могли позволить себе заказать обед на дом по телефону, как это делали другие, и папа даже приносил домой несъеденные остатки своего обеда с работы. Мама снова пошла работать, как только мы, близнецы, стали ходить в детский сад, однако единственным нашим домашним роботом была допотопная модель «Мамин помощник» фирмы «Моррис гараж». В этой штуке постоянно перегорали лампы, и программирование ее занимало почти столько же времени, сколько потребовалось бы, чтобы сделать все вручную. Мы с Пэтом быстро познакомились с мытьем посуды и моющими

средствами, по крайней мере — я. Пэт обычно настаивал на стерилизации посуды, или у него было бо-бо пальчику или что-нибудь еще.

Папа часто говорил о скрытых преимуществах бедности — о науке надеяться только на себя, о закаливании характера, о том, что это учит самому вставать на ноги, помогает выработать характер и все такое прочее. К тому времени как я стал достаточно взрослым, чтобы понимать эти разговоры, я стал достаточно взрослым, чтобы хотеть того, чтобы эти преимущества не были столь неочевидны. Однако, если подумать теперь, он, возможно, и был кое в чем прав. Жила наша семья весело. Мы с Пэтом держали на кухне хомяков, и мама никогда не возражала. Когда мы превратили ванную комнату в химическую лабораторию, девочки поначалу отнеслись к этому неприязненно, однако, когда отец хотел нам это запретить, они уговорили его не делать этого и стали развешивать белье в другом месте, а позднее, когда мы вылили кислоту в раковину и испортили канализацию, мать защищала нас от управляющего.

Только однажды мама была против нашей затеи — это случилось, когда ее брат, дядя Стив, вернулся с Марса и подарил нам несколько ка-

нальных червей, которых мы решили разводить на продажу. А когда папа, принимая душ, наступил на одного из них (так как мы не обсудили с отцом своих планов), она заставила нас сдать их в зоопарк, кроме того, на которого папа наступил, — от него уже было мало толку. Вскоре после этого мы сбежали из дому, чтобы записаться в Космический десант — дядя Стив служил сержантом-баллистиком, — и, когда вранье о возрасте не сработало и нас отправили домой, мама не только не ругалась, но все это время, пока нас не было, кормила наших змей и шелковичных червей.

Да, я думаю, что мы были счастливы. Но тогда нам так не казалось. Мы с Пэтом были очень близки и все делали вместе, но мне бы хотелось сказать вот что: быть близнецами — это не идиллия в духе Дамона и Финтия[38], которую вам внушают сентиментальные писатели. Тебя сближает с другим человеком то, что ты родился вместе с ним, делил с ним комнату, ел с ним, играл с ним, работал с ним и, судя по собственным

[38] notes: 38

Дамон и *Финтий* — два пифагорейца из Сиракуз, считаются образцом истинной дружбы. По легенде, Финтий был приговорен к смерти и попросил императора отпустить его для завершения семейных дел, оставив своего друга Дамона заложником. Ко времени казни Финтий не явился, и Дамона уже вели на казнь, когда появился Финтий. Император простил их обоих.

воспоминаниям или воспоминаниям других, никогда ничего не делал без него. Все это сближает, делает вас почти незаменимыми друг для друга, но это вовсе не заставляет вас любить этого человека.

Я хочу сказать все это, потому что с тех пор, как близнецы стали вдруг такими важными особами, о них успели наговорить уйму всякой ерунды. Я — это я; я — это не мой брат Пэт. Я всегда могу различить нас, даже если другие на это не способны. Он — правша, я — левша. И с моей точки зрения, я тот человек, который почти всегда получает меньший кусок пирога.

Я помню случаи, когда Пэт обманом получал оба куска, и это никакое не иносказание, я говорю о конкретном торте с шоколадной глазурью и о том, как брат всех обманул и вдобавок к своему получил мой кусок, заставив родителей думать, что он — это мы оба, несмотря на мои протесты. Десерт, если тебе восемь лет, может быть самым торжественным событием дня, а нам как раз было по восемь.

Я не жалуюсь… хотя даже теперь, после всех прожитых лет и пройденных миль, я ощущаю комок гнева в горле при воспоминании о том, как был наказан: отец и мать решили, что имен-

но я хочу выцыганить две порции десерта. Я не жалуюсь, я просто пытаюсь рассказать правду. Доктор Деверо сказал, чтобы я написал об этом, и я начал с того, что это значит — быть близнецами. Ведь вы же не близнец? Может, конечно, вы и близнец, но сорок четыре против одного — что нет. Даже не разнояйцовый, в то время как мы с Пэтом однояйцовые, что встречается еще в четыре раза реже.

Говорят, что один из близнецов всегда несколько отсталый, — я лично так не думаю. Мы с Пэтом всегда были похожи так же, как два ботинка одной пары. Иногда, когда мы отличались друг от друга, я оказывался на четверть дюйма выше и на фунт тяжелее; затем мы уравнивались. В школе мы получали одинаково хорошие оценки, у нас одновременно резались зубы. Что у него было — так это хватка, не в пример моей, что психологи называют «социальной иерархией». Но все это было неуловимо настолько, что различить было невозможно, а со стороны так и вовсе не было заметно. Насколько я помню, началось это с пустого места, однако развилось в схему поведения, поломать которую не смог бы ни один из нас, как бы ему этого не хотелось.

Может, если бы акушерка первым приняла

меня, когда мы родились, именно я бы и получал больший кусок. А может быть, она как раз меня первым и приняла — я же не знаю, как все это началось.

Только не думайте, что быть близнецом, который всегда получает меньший кусок, очень плохо. Чаще всего это хорошо. Ты попадаешь в толпу незнакомых людей, где чувствуешь себя робко и неуверенно, но в паре футов от тебя твой близнец, и ты больше не одинок. Или ты получил от кого-то удар в челюсть, а, пока у тебя все плывет перед глазами, твой близнец ударил его, и победа на вашей стороне. Ты провалился на экзамене, и твой близнец провалил его с таким же треском, так что опять ты не один.

Но не думайте, что быть близнецом — это значит иметь очень близкого и верного друга. Это совершенно не так, и в то же время это нечто большее.

Впервые мы с Пэтом столкнулись с Фондом далеких перспектив, когда этот самый мистер Гикинг заявился к нам домой. Мне он не понравился. Папе он тоже не понравился, и он хотел вытолкать его взашей, однако тот уже сидел за столом с чашкой кофе в руке, потому что мамины представления о гостеприимстве были самые что

ни на есть твердые.

Таким образом этому типу Гикингу и было дозволено изложить, что же именно привело его к нам. Он был, по его словам, местным агентом «Генетических исследований».

— Это что еще такое? — резко спросил папа.

— «Генетические исследования» — это научное агентство, мистер Бартлетт. Задача проекта состоит в сборе данных о близнецах. Ведется эта работа в интересах всего общества, и мы надеемся на ваше сотрудничество.

Папа набрал в легкие побольше воздуха и влез на воображаемую трибуну, которая у него всегда была наготове.

— Снова правительство лезет в мою жизнь! Я добропорядочный гражданин: я плачу по счетам и содержу свою семью. Мои ребята ничем не хуже других, и я устал от того, как к ним относится правительство. И я не позволю, чтобы их тыкали, кололи и исследовали, для того чтобы доставить удовольствие какому-то там бюрократу. Мы хотим только одного: чтобы нас оставили в покое и чтобы это самое правительство признало очевидный факт — мои ребята имеют не меньшее право дышать воздухом и занимать свое место под солнцем, чем кто-либо другой.

Отец не был невежественным человеком, просто во всем, что касалось нас с Пэтом, у него срабатывала автоматическая реакция, подобная рычанию собаки, которую часто пинают. Мистер Гикинг попытался было успокоить его, но не тут-то было. Если отец заводил свою пластинку, прервать его было невозможно.

— И передайте этому своему Департаменту контроля народонаселения, что я не собираюсь иметь ничего общего с их «генетическими исследованиями». Что они хотят выяснить? Вероятно, как предотвратить рождение близнецов. А что плохого в близнецах? Вот что было бы с Римом без Ромула и Рема? Ответьте мне! Мистер, да знаете ли вы, сколько…

— Пожалуйста, мистер Бартлетт, поймите, я не связан с правительством.

— Э? А что же вы сразу не сказали? Кто же вас тогда прислал?

— «Генетические исследования» — это агентство Фонда далеких перспектив.

Тут я почувствовал, что у Пэта неожиданно возник интерес к происходящему. Конечно, о Фонде далеких перспектив слышали все, но вышло так, что мы с Пэтом как раз только что сделали курсовую работу по некоммерческим корпорациям,

причем использовали Фонд в качестве типичного примера.

Нас заинтересовали цели Фонда далеких перспектив. На его гербе были слова: «Хлеб, пущенный по воде»[39], а на первой странице устава — «На благо наших потомков». Дальше в уставе было напущено море юридического тумана, который управляющие Фонда понимали как указание тратить деньги только на то, на что ни правительство, ни какие-нибудь другие корпорации своих средств расходовать не станут. Того, чтобы предложенный проект был интересен с научной точки зрения и благотворен с социальной, было недостаточно; он должен был быть настолько дорогостоящим, чтобы никто за него не взялся, а возможные его результаты должны были сказаться в столь отдаленном будущем, что это не могло оправдать его в глазах налогоплательщиков или акционеров. Чтобы управляющие ФДП дали проекту зеленый свет, вы должны были предложить нечто такое, что будет стоить миллиард или больше и, скорее всего, не даст ощутимых результатов в течение десяти поколений, если вообще когда-нибудь их даст…

---

[39] notes: 39

В синоидальном переводе: «Отпускай хлеб твой по водам» (Екк. 11: 1).

что-нибудь типа проекта управления погодой (этим они уже занимаются) или проблемы, куда девается ваш кулак, когда вы разжимаете руку.

Самое смешное — что хлеб, пущенный по воде, действительно возвращался сторицей; на самых нелепых проектах ФДП заработал прямо-таки непристойные суммы денег — я имею в виду «непристойные» для некоммерческой организации. Возьмем космические путешествия — пару сотен лет тому назад эта проблема казалась прямо-таки нарочно придуманной для ФДП: поскольку это было фантастически дорого и не предлагало никаких ожидаемых результатов, сопоставимых с инвестициями. Одно время некоторые правительства занимались этим, имея в виду военное применение, но байройтское соглашение 1980 года покончило даже с такими работами.

Именно тогда Фонд далеких перспектив вышел на сцену и начал радостно транжирить деньги. Как раз в это время корпорация, к своему ужасу, заработала несколько миллиардов на масс-конвертере Томпсона, намереваясь потратить не меньше столетия на фундаментальные исследования. Так как они не могли раздать дивиденды (ввиду отсутствия акционеров), им надо было

каким-нибудь образом избавиться от всех этих денег; космические путешествия представлялись вполне подходящей дырой, куда их можно было запихнуть.

О том, что из этого вышло, знают даже дети: факел Ортеги сделал полеты в пределах Солнечной системы дешевыми, быстрыми и простыми: односторонне проницаемый энергетический экран сделал колонизацию осуществимой и прибыльной; ФДП просто не мог тратить деньги с такой скоростью, с какой они поступали.

В тот вечер я об этом не думал; просто так уж вышло, что мы с Пэтом знали про ФДП больше, чем многие старшеклассники… и, видимо, больше, чем знал наш отец, потому что он фыркнул и ответил:

— Как ты говоришь? «Фонд далеких перспектив»? Уж лучше бы ты был от правительства. Если бы таких бездельников облагали как следует налогами, правительству не приходилось бы драть со своих граждан подушную подать.

А вот это не было правдой, потому что тут не существовало «пропорциональной зависимости», как это называется в «Началах математической эмпирики». Мистер Маккифи задал нам оценить влияние — если такое вообще имеется — ФДП на

кривую роста технологии. Так что либо я провалил курсовую работу, либо именно ФДП не дал этой кривой пойти на спад в начале XXI века — я хочу сказать, что «культурное наследие», запасы знаний и богатств, не дающие нам превратиться в дикарей, — все это сильно выросло из-за того, что такие некоммерческие исследовательские организации были освобождены от налогов. И я не высосал эту информацию из пальца — есть цифры, подтверждающие это. Что произошло бы, если бы старейшины племени заставили Уга охотиться с остальными, вместо того чтобы ему оставаться дома и выстругивать первое колесо, когда идея вспыхнула у него голове?

Мистер Гикинг ответил:

— Мистер Бартлетт, я не могу обсуждать подобные вопросы. Я всего лишь служащий.

— И вот я-то как раз и плачу вам жалованье. Помимо своего желания и не напрямую, но плачу.

Мне хотелось ввязаться в спор, однако я чувствовал, что Пэт что-то задумал. Впрочем, это не имело значения; мистер Гикинг пожал плечами и сказал:

— Ну, если так, то мне остается сказать вам спасибо. Но пришел я сюда только затем, чтобы попросить ваших близнецов пройти несколько

тестов и ответить на несколько вопросов. Тесты безвредны, а все результаты будут сохранены в тайне.

— А что вы пытаетесь выяснить?

Думаю, что мистер Гикинг не покривил душой, когда ответил:

— Этого я не знаю. Я всего лишь выездной агент, я не руковожу этим проектом.

Вот тут-то и вступил Пэт:

— Не понимаю, папа, почему бы их не пройти? Мистер Гикинг, тесты у вас в портфеле?

— Патрик…

— Папа, ничего страшного тут нет. Так какие там тесты, мистер Гикинг?

— Ну, это делается не совсем так. Проект открыл местный офис в здании компании «Транс-Луна». Тестирование занимает примерно полдня.

— Так, это значит ехать в центр города и полдня там… а сколько вы платите?

— Что? Мы просим испытуемых пожертвовать своим временем в интересах науки.

Пэт покачал головой.

— Тогда извините, мистер Гикинг, сейчас у нас экзаменационная неделя… к тому же нам с братом приходится подрабатывать в школе.

Я молчал. Экзамены у нас уже окончились,

остался только «Анализ истории», краткий курс без математики, только немного статистики и псевдопространственного счисления, а школьная химическая лаборатория, в которой мы подрабатывали, на время экзаменов была закрыта. Я уверен, отец не знал всего этого, иначе он мгновенно вмешался бы. Он всегда готов по малейшему поводу напялить римскую судейскую тогу.

Пэт встал, и я вслед за ним. Мистер Гикинг продолжал сидеть.

— Но можно и договориться, — ровным голосом произнес он.

Пэт запросил у него столько же, сколько мы зарабатывали мытьем посуды в лаборатории за месяц, — и это за один вечер работы, а затем поднял ставку, когда выяснилось, что нам придется проходить тесты вместе (будто мы поступили бы как-нибудь по-другому!). Мистер Гикинг заплатил не моргнув глазом, наличными, вперед.

Глава 2
Натуральный логарифм двух

Никогда в жизни не видел такой уймы близнецов, какая толпилась в ожидании на сороковом этаже здания компании «Транс-Луна» в следующую пятницу. Я не люблю находиться среди близнецов, начинает казаться, что двоится в глазах. И не надо говорить мне, что я непоследователен: я *никогда* не видел близнецов, частью которых являюсь сам, — я видел только Пэта.

У Пэта были сходные ощущения; мы никогда не дружили с другими близнецами. Он оглянулся и присвистнул.

— Том, ты когда-нибудь в жизни видел такую уйму запасных деталей?

— Никогда.

— Будь моя воля, я бы перестрелял половину.

Он говорил тихо, чтобы никого не обидеть; мы с Пэтом переговаривались шепотом, как заключенные в тюрьмах. Посторонним было не разобрать ничего, хотя мы понимали друг друга без малейшего труда.

— Тоскливо все это, правда?

Тут он тихо присвистнул, и я посмотрел туда, куда смотрел он. Само собой, это были близнецы, но тот случай, когда один — хорошо, а два — лучше; рыжие сестрички, помладше нас, но не совсем уж маленькие — пожалуй, лет шестнадцати — и хорошенькие, как персидские котята.

На нас эти сестрицы подействовали, как свет на мотыльков. Пэт прошептал:

— Том, мы просто обязаны уделить им немного времени, — и направился прямо к ним. Я — следом. Одеты они были в нечто псевдошотландское, рядом с зеленой тканью их шевелюры пылали, как костры, и, на наш взгляд, они были прелестны, как свежевыпавший снег.

И холодом от них веяло точно так же. Пэт оттараторил только половину своей вступительной речи и заткнулся; они смотрели сквозь него, не видя. Я покраснел, и одно только спасло нас от крайней неловкости — залаял громкоговоритель:

— Пожалуйста, внимание! Вас просят пройти к дверям, отмеченным первой буквой вашей фамилии.

Ну мы и пошли к двери «А-Д», а рыжие сестрицы отправились на другой конец алфавита, так нас и не увидев. Когда мы заняли очередь, Пэт

пробормотал:

— У меня что, подбородок яичницей перемазан? Или они дали обет остаться старыми девами?

— Вероятно, и то и другое, — ответил я. — И вообще, я предпочитаю блондинок. — Это было правдой, так как Моди была блондинкой. Мы с Пэтом уже около года встречались с Моди Корик. Вы можете назвать это постоянством, хотя, что касается меня, эти свидания обычно сводились к тому, что я торчал где-нибудь с подружкой Моди — Хеддой Стэйли, которая не могла придумать для поддержания оживленной беседы ничего остроумнее, чем вопрос, не кажется ли мне, что Моди — самая хорошенькая девочка, какую только можно себе представить. В силу того что, с одной стороны, это было правдой, а с другой — ответить на это было невозможно, наши беседы не отличались оживленностью.

— Если подумать, то и я, — согласился Пэт, не уточняя, каких блондинок. Моди была единственным предметом, по поводу которого мы были скрытны друг с другом. — Но вообще-то, у меня широкие взгляды. — Он пожал плечами и бодро добавил: — В любом случае это не единственный вариант.

Это уж точно, так как из сотен находившихся

там близнецов примерно треть была достаточно близка к нам по возрасту, чтобы не находиться вне рассмотрения, и из них половина, насколько я мог оценить, не подсчитывая, принадлежала к тому полу, который превращает обычное сборище в светский раут. Но в то же время до этих рыжих недотягивал никто, так что я начал оглядывать толпу в целом.

Самая старая пара, которую я увидел, была возрастом чуть за тридцать, потом я увидел девочек лет двенадцати — за ними следовала их мамочка, но большинству было что-то около двадцати. И только я подумал, что «Генетические исследования» подбирали испытуемых по возрастным группам, как оказалось, что подошла наша очередь, и клерк спрашивает:

— Ваши фамилии, пожалуйста?

На протяжении следующих двух часов мы ходили от одного сборщика данных к другому. У нас брали отпечатки пальцев, анализ крови, мы отвечали «да» и «нет» на сотни дурацких вопросов, на которые простым «да» или «нет» не отделаешься. Медицинское обследование было очень тщательным и включало в себя обычную старательно спланированную подлянку, когда полностью раздетую жертву заставляют стоять босиком на

холодном полу в помещении, температура воздуха в котором градусов на пять ниже, чем надо, одновременно дергая страдальца по-всякому и задавая ему грубые интимные вопросы.

Все это мне невыносимо надоело, и я даже не засмеялся, когда Пэт прошептал, что нам следовало бы содрать одежду с врача, ткнуть *его* в брюхо и заставить сестричку записать, как это ему понравилось. Утешало меня только то, что Пэт заставил их раскошелиться за все эти забавы. Потом нам разрешили одеться и проводили в комнату, где за письменным столом сидела довольно красивая женщина. Перед ней на столе стоял негатоскоп, на нем она изучала два наложенных друг на друга персональных профиля. Они почти совпадали, и я попытался подкрасться и тайком подсмотреть, чем они различаются. Только я не знал, какой из них — мой, а какой — Пэта, да и вообще я не специалист в математической психологии.

Женщина улыбнулась нам и сказала:

— Садитесь, мальчики. Меня зовут доктор Арно. — Она взяла со стола профили и пачку перфокарт. — Идеальные зеркальные близнецы, вплоть до декстрокардии[40]. Случай интерес-

---

[40] notes: 40

Декстрокардия — зеркальное расположение сердца в грудной клетке.

ный.

Пэт попытался заглянуть в бумаги:

— Доктор, а какой у нас на этот раз ай-кью?

— Не важно. — Она положила бумаги на стол и прикрыла их, а затем взяла в руки колоду карт. — Вы когда-нибудь имели дело с такими?

Конечно же имели, ведь это были классические райновские карты — зигзаги, звезды и все такое прочее. В каждом кабинете психологии есть такой комплект, а высокий результат почти всегда означает только то, что какой-нибудь умник сообразил, как надуть преподавателя. По правде говоря, Пэт тоже придумал совсем простой способ обмана, после чего наш учитель устало, без всякой злости разделил нас и заставил проходить испытание только с другими ребятами, после чего наши результаты упали до уровня среднестатистических. Так что я к этому времени был уже вполне убежден, что мы с Пэтом никакие не экстрасенсы, и райновские карты воспринял как еще один скучный тест.

Однако я почувствовал, как Пэт насторожился.

— Слушай внимательно, малыш, — прошептал он, — мы устроим им цирк.

Доктор Арно, естественно, ничего не услышала. Я был не уверен, что надо так делать, но в то же

время знал, что, если он исхитрится сигналить мне, я не удержусь от подделки результатов. Однако беспокойство мое было напрасным; доктор Арно куда-то увела Пэта и вернулась без него. При помощи микрофона она была связана с другой комнатой, где сидел Пэт, однако шептать по этой линии не было ни малейшего шанса; она работала только тогда, когда ее включала доктор Арно.

Она начала эксперимент сразу же.

— Мэйбл, первая серия через двадцать секунд, — сказала она в микрофон и выключила его, а затем повернулась ко мне. — Я буду класть перед вами карты, а вы будете смотреть на них, — сказала доктор Арно, — стараться и напрягаться не надо. Просто смотрите на них и все.

Ну, я и смотрел. Продолжалось все это с некоторыми вариациями примерно с час. Иногда от меня требовалось, чтобы я принимал, иногда — чтобы передавал. Что там получалось, я не знал, так как результатов нам не сообщали.

В конце концов доктор Арно посмотрела на свои записи и сказала:

— Том, я хотела бы сделать вам небольшой укол. Он не принесет вам вреда, а к тому времени, как вы пойдете домой, его действие окончится. Хорошо?

— А какой это укол? — спросил я с некоторым недоверием.

— Да не беспокойтесь, он совершенно безвредный. Я просто не хочу говорить вам, что это такое, потому что вы можете подсознательно изобразить ожидаемую реакцию.

— Ну… а что говорит мой брат? Ему вы тоже сделаете укол?

— Это не имеет значения, я вас спрашиваю.

Я все еще колебался. Папа не одобрял уколы и все такое, разве только в этом была крайняя необходимость; как-то он устроил большой скандал из-за того, что нам сделали прививки от энцефалита.

— Вы доктор медицины? — спросил я.

— Нет, я доктор наук. А что?

— Тогда откуда вы знаете, что он безвредный?

Она закусила губу, а потом ответила:

— Если хотите, я пошлю за доктором медицины.

— Да нет, я думаю, это не обязательно.

Тут я вспомнил, как отец рассказывал что-то такое про вакцину сонной болезни, и добавил:

— А Фонд далеких перспектив дает нам страховку от возможных последствий?

— Что? Думаю, да. Уверена, что дает. — Она

взглянула на меня и добавила: — Том, а как вышло, что мальчик вашего возраста стал таким подозрительным?

— А почему вы спрашиваете об этом меня? Это же вы психолог, мэм. И вообще, — добавил я, — если бы вам столько раз подкладывали кнопки на стул, вы бы тоже стали подозрительной.

— Мм… ну ладно. Я столько лет училась, а все еще не могу понять, что делается с молодым поколением. Так вы дадите сделать себе укол?

— Ну, пожалуй, дам — раз уж ФДП обеспечивает страховку. Вы только напишите, что именно вы мне вводите, и распишитесь.

На ее щеках вспыхнули красные пятна. Однако она взяла лист бумаги, что-то на нем написала, сложила, вложила в конверт и заклеила.

— Положите это себе в карман, — отрывисто сказала она. — И не заглядывайте туда, пока эксперимент не закончится. А теперь закатайте левый рукав.

Сделав мне укол, она сладким голосом сказала:

— Это будет немного болезненно… я надеюсь.

Так оно и было.

Затем доктор Арно выключила весь свет в помещении, оставив только негатоскоп.

— Вам удобно?

— Вполне.

— Прошу прощения, если я вас как-то задела. Я хочу, чтобы вы расслабились и успокоились. — Она подошла и сделала что-то с креслом, на котором я сидел. Оно плавно откинулось, и теперь я почти лежал в гамаке. — Расслабьтесь и не сопротивляйтесь тому, что вы чувствуете. Если вас начнет клонить в сон, то так и должно быть. — Она села на место, и теперь мне было видно только ее лицо, освещенное экраном. Я подумал, что она ужасно красивая, хотя и слишком стара, чтобы это имело какое-то значение. Ей было лет тридцать, а то и больше. И вообще, она была классная. Она несколько минут говорила еще что-то своим ласковым голосом, но что она там говорила, я толком не помню.

Наверное, я уснул, потому что потом вдруг оказалось, что вокруг темно, как в яме, и Пэт был где-то совсем рядом со мной, хотя я не заметил ни как потух свет, ни как открылась дверь. Я хотел уже с ним заговорить, когда услыхал его шепот:

Том, ты когда-нибудь видел такую идиотскую чушь?

— Смахивает на то, как нас посвящали в каннибалы Конго, — прошептал я в ответ.

Да тише ты, они услышат…

— Это ты сам громко говоришь. Да и вообще, кому какое дело? Давай покажем им, что такое боевой клич каннибалов, чтобы у них от страха волосы дыбом встали.

Потом, потом. Сейчас моя подружка Мэйбл желает, чтобы я зачитал тебе ряд чисел. Пусть они пока позабавятся. В конце концов, они за это заплатили.

— Ладно, давай.

Ноль запятая шесть девять три один.

— Это натуральный логарифм двойки.

А чего бы ты хотел? Номер телефона Мэйбл? Заткнись и слушай. А потом повторяй. Три запятая один четыре один пять девять…

Так продолжалось какое-то время. Некоторые из чисел были знакомыми, вроде первых двух, остальные могли быть случайными; может, среди них был даже и номер телефона Мэйбл — откуда мне знать? Скоро мне стало скучно, и я начал подумывать о том, чтобы заорать боевой клич в одиночку, когда доктор Арно тихо сказала:

— Конец теста. Пожалуйста, оба полежите спокойно несколько минут и расслабьтесь. Мэйбл, встретимся в кабинете обработки данных. — Я слышал, как она вышла, так что бросил мысль о боевом кличе и расслабился. Я несколько одурел

от повторения всех этих цифр в полной темноте, и вообще, как говаривал дядя Стив, если появилась возможность отдохнуть, не теряй ее. Другого шанса в ближайшее время может и не быть.

Потом я услыхал, как дверь снова открылась, и вдруг зажмурился от яркого света. Доктор Арно сказала:

— На сегодня все, Том… и большое вам спасибо. Мы хотели бы встретиться с вами и с вашим братом завтра в то же время.

Я еще немного поморгал и огляделся.

— А где Пэт? Что он говорит?

— Вы встретитесь с ним в приемной. Он сказал, что вы оба можете прийти завтра. Вы ведь сможете?

— Ну, наверное, да, если он согласен. — Мне было несколько совестно за тот трюк, который мы провернули, поэтому я добавил: — Доктор Арно, извините, что я вас достал с тем уколом.

Она похлопала меня по плечу и улыбнулась.

— Ничего. Вы правы, что ведете себя осторожно, и вы оказались хорошим подопытным. Посмотрели бы вы на тех дикарей, которые иногда нам попадаются. Увидимся завтра.

Пэт ждал меня в той самой большой комнате, где мы видели рыжих. Он пошел за мной, и мы

отправились к опускной шахте.

— Я поднял плату за завтрашний день, — произнес он с самодовольным видом.

— Поднял? Пэт, а стоит ли нам это делать? То есть я хочу сказать, что шутки шутками, но если они когда-нибудь просекут, что мы жульничаем, то мало не покажется. Могут даже заставить нас вернуть то, что уже заплатили.

— А как это они нас заставят? Нам заплатили за то, что мы явились сюда и прошли тест. Именно это мы и сделали. Это уж их дело — организовать тесты так, чтобы результаты были надежными. Если бы я их организовывал, я бы сумел.

— Пэт, ты врун и мошенник.

Я вспомнил доктора Арно… Такая приятная женщина.

— Пожалуй, я завтра останусь дома.

Сказал я это в тот момент, когда Пэт нырнул в шахту. Весь путь вниз он был футов на десять ниже меня, и у него было сорок этажей на обдумывание ответа. Когда я приземлился рядом с ним, он ответил мне, сменив тему:

— Они делали тебе инъекцию?

— Да.

— Ты догадался заставить их дать подписку об ответственности или постеснялся?

— Ну, вроде того. — Я пощупал конверт, лежащий в моем кармане; я уже успел забыть о нем. — Я заставил доктора Арно написать, что она нам вводила.

Пэт протянул руку к конверту.

— Мои извинения, маэстро. С помощью моих мозгов и твоих мы уделаем их как захотим. — Он начал вскрывать конверт. — Спорю, это был неопентотал — или что-нибудь из барбитуратов.

Я выхватил у него конверт.

— Это мой.

— Ну и открывай его сам, — ответил он, — и не задерживай уличное движение. Очень хочется поглядеть, каким снотворным они нас напичкали.

Мы вышли из здания на пешеходный уровень, в совете Пэта определенно был смысл. Прежде чем вскрыть конверт, я пересек все полосы до скоростной западной полосы и встал за ветровым козырьком. Только я развернул лист, как Пэт начал читать вслух через мое плечо:

— «Фонд далеких перспектив…» и все такое прочее. «Для инъекций, введенных субъектам 7L435 и 7L436, Т. П. Бартлетту и П. Г. Бартлетту (идентичные близнецы), использовалась дистиллированная вода, доведенная до нормального

уровня солености дозой в одну десятую куб. см каждому». Подпись «Дорис Арно, доктор наук, от имени Фонда». Том, нас надули!

Я уставился на бумагу, пытаясь как-то соотнести то, что со мной творилось, с тем, что было на ней написано. Пэт добавил с надеждой в голосе:

— А может быть, это и есть надувательство? А на самом деле нам ввели что-то другое, только они не хотят этого признавать?

— Нет, — медленно сказал я. Я был совершенно уверен, что доктор Арно не стала бы писать слово «вода», а в действительности вводить нам какое-нибудь снотворное — не такой она человек. — Пэт, они нас не усыпляли, они нас *загипнотизировали*.

Он покачал головой.

— Этого не может быть. Допустим, что я поддаюсь гипнозу, но ведь ты не поддаешься. Нечего там гипнотизировать. И меня, дорогой ты мой, тоже никто не гипнотизировал. Никаких крутящихся огоньков, никаких движений руками — да моя красотка Мэйбл даже в глаза-то мне не глядела. Она просто сделала мне укол, велела успокоиться и ждать, пока он подействует.

— Ты, Пэт, совсем как маленький. Крутящиеся лампочки и все такие штуки — это для дураков.

И какая разница, как это называть, гипнозом или рекламой. Они поставили нам укол, внушили, что мы почувствуем сонливость, — вот мы и уснули.

— Это я, значит, чувствовал сонливость? И вообще Мэйбл делала совсем не так. Она сказала, чтобы я не засыпал, а уж если засну — проснулся, когда она меня позовет. Потом, когда они принесли тебя, она…

— Подожди секунду. Ты хотел сказать, когда они перенесли тебя в ту комнату, в которой был я…

— Да нет, ничего подобного я не хотел сказать. После того как они принесли тебя, Мэйбл дала мне этот самый список чисел, я продиктовал его тебе и…

— Да подожди ты, — сказал я. — Пэт, ты все путаешь. Каким образом ты мог читать эти числа, находясь в полной темноте? Наверное, это она их тебе прочитала. Я хочу сказать… — Тут я остановился, потому что у меня самого все как-то не сходилось. Вообще-то, она могла диктовать их ему из другой комнаты. — На тебе были наушники?

— А какое это имеет значение? И вообще, там не было полной темноты, во всяком случае после того, как внесли тебя. Она держала список на та-

ком пюпитре, у которого была своя собственная лампочка, света было достаточно, чтобы я мог видеть цифры и ее руки.

— Пэт, перестань повторять эту чепуху. Загипнотизированный или нет, я не отключался настолько, чтобы совсем не замечать, что происходит. Меня никуда не перемещали; вероятно, они сумели перевезти тебя, совсем не потревожив. И в комнате, где мы сидели, было абсолютно темно, ни проблеска.

Пэт ответил не сразу, что было совсем на него не похоже. В конце концов он сказал:

— Том, ты уверен?

— Конечно уверен.

Он вздохнул.

— Ненавижу говорить такое, потому что знаю, что ты мне ответишь. Что ты сделаешь, если ни одна из твоих теорий не сходится с фактами?

— Что? Это что, викторина? Ты отбрасываешь их и пытаешься создать новую. Основы методологии, вводный курс.

— Ладно, тогда прикинь, как тебе вот эта теория, только постарайся не мыслить шаблонно. Том, мальчик мой, держись крепче, — мы действительно *читаем мысли*.

Я примерил ее и так и сяк — результат меня не

вдохновил.

— Пэт, то, что ты не можешь ничего объяснить, еще не повод уподобляться толстой старухе, которая ходит к гадалкам. Признаю, нас обдурили — то ли с помощью гипноза, то ли снотворного. Но мы не можем читать мысли друг друга, иначе давно бы это заметили.

— Совсем не обязательно. В твоей голове никогда не было особого изобилия мыслей, так что там было замечать?

— Ну это надо еще разобраться…

— Чему равен натуральный логарифм двойки?

— Ноль запятая шесть девять три один, как ты сказал, хотя я почти не пользуюсь четырехзначными таблицами. А в чем, собственно, дело?

— Логарифм четырехзначный потому, что она мне его таким дала. Ты помнишь, что она сказала перед тем, как я продиктовал тебе это число?

— Чего? Кто?

— Мэйбл. Доктор Мэйбл Лихтенштейн. Что она сказала?

— Никто ничего не говорил.

— Том, старческий ты мой симбионт, она сказала мне, что я должен делать, в частности диктовать тебе числа. Сказала она мне это чистым, пронзительным сопрано. Ты ее слышал?

— Нет.

— В таком случае, тебя не было в этой комнате. Тебя не было нигде в пределах слышимости, несмотря даже на то, что я готов был поклясться на Библии, что они пристроили тебя рядом со мной. Я точно знал, что ты рядом. Но в действительности тебя не было. Значит, это телепатия.

Это меня смутило. Я не чувствовал себя телепатом. Зато я чувствовал голод.

— Согласен и с тем и с другим, — поддержал меня Пэт, — так что давай сойдем у Беркли и перехватим по бутерброду.

Он сошел с дорожки, и я последовал за ним, чувствуя себя уже не таким голодным и еще более смущенным. Пэт ответил мне на то, чего я не говорил вслух.

Глава 3
Проект «Лебенсраум»[41]

Меня просили не торопиться и рассказать обо всем, но это невозможно. Несколько дней у меня не было ни минуты, чтобы продолжить эти записи, и, кроме того, если бы мне даже не нужно было работать, все равно «рассказать обо всем» я бы не смог, потому что нужно *больше* одного дня, чтобы записать то, что происходит за день. И чем больше стараешься, тем сильнее отстаешь. Так что я и стараться не буду, а просто пройдусь по самым заметным эпизодам.

Вообще, суть проекта «Лебенсраум» знакома каждому.

В тот первый день мы ничего не стали рассказывать маме с папой. Нельзя подвергать родителей такому сильному испытанию, они обязательно станут волноваться и начнут навязывать свою волю. Мы просто сказали им, что тесты продолжатся и завтра, а также что результатов нам не

---

[41] notes: 41

«Лебенсраум» (нем.) — жизненное пространство. Геополитический термин, обозначающий минимальный территориальный объем, позволяющий народу достичь реализации своих исторических и политических стремлений.

сообщили.

Казалось, доктор Арно ничуть не удивилась, когда мы ей сказали, что все знаем, и даже тогда, когда я выпалил, что мы думали, что жульничаем, но, видимо, все было наоборот. Она только кивнула и сказала, что так было надо — создать у нас впечатление, что все как обычно, хотя при этом все, и они и мы, немного хитрили.

— У меня было преимущество, я опиралась на ваши персональные профили, — добавила она, — к истине в психологии иногда приходится идти кружным путем.

— А сегодня мы попробуем более прямой путь, — продолжала доктор Арно. — Мы посадим вас спиной к спине, но настолько близко, чтобы вы беспрепятственно могли друг друга слышать. Однако я буду использовать звукопоглощающий экран, чтобы время от времени частично или полностью разделять вас, не предупреждая об этом.

На этот раз все было гораздо труднее. Конечно, мы старались изо всех сил, и, конечно же, у нас не получалось. Но доктор Арно была само терпение, и доктор Лихтенштейн — Пэтова «доктор Мэйбл» — тоже. Она хотела, чтобы ее называли «доктор Мэйбл», и была она низенькой толстушкой, помоложе доктора Арно и хорошенькой,

насколько это возможно для девушки, пухлой, как диванная подушка. Это уже позднее мы узнали, что она руководитель исследовательской группы и мировая знаменитость. «Смешливая толстенькая девочка» — это была такая роль, чтобы обычные — вроде нас с Пэтом — люди чувствовали себя раскованнее.

Думаю, это еще одно свидетельство того, что стоит игнорировать внешний вид и читать то, что напечатано мелким шрифтом.

Итак, Мэйбл хихикала, а доктор Арно хранила серьезный вид так, что мы не могли понять, читаем мы мысли или нет. Я слышал шепот Пэта — они сказали нам, чтобы мы продолжали перешептываться, — а он слышал мой; иногда шепот стихал. Я был уверен, что у нас ничего не получается — я имею в виду телепатию, — ведь все происходило точно так же, как в школе, когда мы с Пэтом потихоньку перешептывались, чтобы нас никто не слышал.

В конце концов Мэйбл опять смущенно хихикнула и сказала:

— Думаю, на сегодня хватит. Не правда ли, доктор?

Доктор Арно согласилась, после чего мы с Пэтом сели и посмотрели друг на друга. Я сказал:

— Пожалуй, вчера это получилось как-то случайно. Вероятно, мы вас разочаровали.

У доктора Мэйбл был вид удивленного котенка.

Доктор Арно очень серьезно ответила:

— Не знаю, чего вы ожидали, Том, но в течение последнего часа, пока шел тест, вы с вашим братом были полностью изолированы друг от друга.

— Но я же *слышал* его!

— Конечно же слышали. Но не ушами. Мы записывали все, что говорилось по каждую сторону от звуконепроницаемого барьера. Пожалуй, нам стоит прокрутить часть этой записи.

Доктор Мэйбл опять хихикнула.

— Хорошая мысль, — сказала она.

Так они и сделали. Запись началась с наших четырех голосов, когда они объясняли, что от нас требуется, затем шептали только мы с Пэтом, читая друг другу куски из «Комедии ошибок». Видимо, они использовали направленные на нас параболические микрофоны, так как шепот наш звучал, словно ураган.

Шепот Пэта понемногу стих. Но мой продолжал звучать… один в гробовой тишине.

Мы подписали с Фондом контракт на исследования, и папа, немного поспорив, заверил его

своей подписью. Он считал, что все это чтение мыслей — чушь собачья, и мы с ним на эту тему не спорили. Главным доводом было то, что с деньгами у нас было так же плохо, как и всегда, а здесь нам платили лучше, чем на любой другой летней работе, какую мы могли получить; платили вполне прилично, чтобы мы смогли потом поступить в колледж, если даже нам не дадут стипендии.

А прежде чем лето кончилось, они объяснили нам, что связывает «Генетические исследования» и проект «Лебенсраум». Это уже была лошадка другой масти — совершенно темная, с точки зрения наших родителей.

Уже задолго до этого мы с Пэтом могли общаться при помощи телепатии так же свободно, как говорить, и так же разборчиво, безо всякой подготовки и на любом расстоянии. Видимо, мы занимались этим уже многие годы, сами того не зная. Доктор Арно как-то записала, нас о том не предупреждая, одно из наших перешептываний (мы в этот момент не занимались телепатией, а просто беседовали частным образом) и наглядно продемонстрировала нам, что мы сами не можем разобрать свой собственный шепот, если говорим достаточно тихо, чтобы нас не слышали

другие люди.

Она объяснила нам теоретическую возможность того, что каждый является потенциальным телепатом, но продемонстрировать это оказалось крайне трудно, за исключением идентичных близнецов — да и то в десяти процентах случаев.

— Мы не знаем, почему так получается: но давайте предположим нечто аналогичное настройке радиоприемника на нужную станцию.

— Волны мозга? — спросил я.

— Не надо заводить аналогию слишком далеко. Это не могут быть те волны мозга, которые мы записываем на энцефалографе, иначе мы давным-давно продавали бы телепатическое оборудование. И мозг человека не является радиостанцией. Но чем бы это ни было, у двух людей, развившихся из одной яйцеклетки, шансов быть взаимно «настроенным» несравненно больше, чем у остальных. Я не могу читать ваши мысли, а вы — мои, и, возможно, такого никогда не будет. Во всей истории психологии известно всего несколько случаев, когда человек был способен «настраиваться» на кого угодно по своему желанию, да и большинство из них плохо документированы.

Пэт ухмыльнулся и подмигнул доктору Мэйбл:

— Так что мы с ним — пара уродов.

Она посмотрела на нас широко раскрытыми глазами и хотела было ответить, но доктор Арно ее опередила:

— Совсем нет, Пэт. Для вас это вполне нормально. Но у нас в проекте есть команды, не являющиеся идентичными близнецами. Некоторые из них — супруги, некоторые — братья и сестры; есть даже пары, образовавшиеся в результате наших исследований. Вот они и вправду являются — в каком-то смысле — «уродами».

Если бы нам удалось понять, каким образом это получается у них, мы смогли бы, возможно, создать условия для того, чтобы это мог делать кто угодно.

Доктор Мэйбл поежилась.

— Какая ужасная идея! У нас и так осталось слишком мало от личной жизни.

Все это я пересказал Моди (Пэт перебивал меня и поправлял), так как журналисты уже раскопали, какие дела творятся в «Генетических исследованиях», и, само собой, мы — «читающие мысли» — получили уйму дурацкого паблисити, и, само собой, под влиянием глупого подзуживания со стороны Хедды Стейли Моди начала задумываться: и вправду, может ли девушка быть

уверена в приватности своих мыслей? Может, конечно же может, я и с ордером на обыск не смог бы залезть к ней в голову, равно так же и Пэт. Моди поверила бы нам, не зуди ей Хедда все время на эту тему. В какой-то момент она почти сумела рассорить нас с Моди, но вместо этого мы прогнали в шею ее саму и стали устраивать свидания втроем до того времени, пока Пэта не услали.

Но это произошло уже к концу лета, после того как нам рассказали о проекте «Лебенсраум».

Примерно за неделю до того, как окончился срок нашего контракта, нас, близнецов, собрали вместе, чтобы побеседовать с нами. В тот первый день нас были сотни, на второй — десятки, а к концу лета — едва ли достаточно, чтобы заполнить большой конференц-зал. Рыжие были среди продержавшихся, однако мы с Пэтом не сели рядом с ними, хотя место там было; от них по-прежнему несло холодом, как от сосулек, и они были эгоцентричны, как устрицы. Остальная компания к этому времени давно перезнакомилась.

Некий мистер Говард был представлен нам как представитель Фонда. Он развел обычную пустую болтовню про то, как он счастлив со всеми нами познакомиться, какая это для него честь и все

такое. Пэт сказал мне:

Том, береги кошелек, этот тип пытается нам что-то всучить.

Теперь, зная точно, что мы делаем и как, Пэт и я переговаривались в присутствии посторонних даже чаще, чем раньше. Мы уже больше не шептали, ведь нам доказали, что шепот этот мы не слышим. Но мы все же проговаривали слова про себя, так как это помогало быть понятым. В самом начале лета мы попытались обойтись без слов и читать мысли напрямую, однако из этого ничего не вышло. Конечно же, я мог подключиться к Пэту, но идиотское, нечленораздельное бормотание, звучавшее в его голове вместо мыслей, только смущало и раздражало. Наверное, также бессмысленно было бы вдруг оказаться в чужом сне. Так что я выучился не слушать, если только Пэт не «разговаривал» со мной, и он делал то же самое. «Разговаривая», мы пользовались словами и предложениями, так же как и все остальные. В этом не было ничего от той фантастической популярной чуши о способности схватывать на лету мысли другого человека; мы просто «разговаривали».

Меня только все время тревожил вопрос, почему телепатический «голос» Пэта звучал как

настоящий. Пока я не знал, что именно мы делаем, меня это не беспокоило, но как только я осознал, что эти «звуки» — совсем не звуки, этот вопрос начал меня тревожить. Я стал задумываться, в своем ли я уме, и в результате «оглох» на целую неделю — доктор Арно назвала это психосоматической телепатоглухотой.

Она вернула меня в строй, объяснив, что такое слух. Ты слышишь не ушами, ты слышишь мозгом; ты видишь не глазами, ты видишь мозгом. Когда ты дотрагиваешься до чего-нибудь, ощущение находится не в пальцах, оно внутри твоей головы. Уши, глаза, пальцы — это просто датчики, собирающие информацию; но только мозг вносит упорядоченность в этот хаос информации и придает ей смысл.

— Новорожденный ребенок в действительности ничего не видит, — сказала она. — Понаблюдайте за его глазами, и вы увидите, что это так и есть. Его глаза функционируют, но мозг еще не научился видеть. Но как только мозг приобретает навык извлекать информацию из «зрения» и «слуха», эта способность закрепляется. В каком виде вы ожидаете «услышать» то, что вам телепатирует ваш близнец? Что это будет: звон маленьких колокольчиков или танцующие

огоньки? Ни в коем случае. Вы ждете слов, и ваш мозг «слышит» слова; это тот процесс, к которому он привык и с которым он умеет управляться.

Больше я не беспокоился по этому поводу. Я слышал голос Пэта гораздо отчетливее, чем голос обращавшегося к нам мистера Говарда. Вне всяких сомнений, в комнате одновременно шло еще с полсотни разговоров, но я не слышал никого, кроме Пэта, и было очевидно, что оратор никого из нас не слышит и вообще мало что понимает в телепатии, так как он продолжал:

— Вполне возможно, что многие из вас, людей с такими волшебными способностями, — тут он очень неприятно улыбнулся, — прямо сейчас читают мои мысли. Я надеюсь, что нет, а если даже и так, надеюсь, что вы выслушаете меня, пока я не скажу все, что хотел.

Что я тебе говорил? — вставил Пэт. *Не подписывай никаких бумаг, пока я не проверю.*

Заткнись, сказал я ему. *Я хочу послушать*. Обычно голос его звучал как шепот; теперь он прямо заглушил настоящие звуки.

Мистер Говард продолжал:

— Вполне возможно, вы задавались вопросом, чего это ради Фонд далеких перспектив финансирует эти исследования. Фонд всегда интересо-

вался тем, что могло приумножить человеческие знания. Однако есть еще одна, значительно более важная причина, причина величайшей важности… и великая цель, для достижения которой вы сами можете иметь решающее значение.

Вот видишь? Получше пересчитай сдачу.

Да тихо ты, Пэт.

— Позвольте мне, — продолжал мистер Говард, — кое-что процитировать из устава Фонда далеких перспектив: «Во благо наших потомков». — Тут он сделал театральную паузу — думаю, он это заранее отрепетировал. — Леди и джентльмены, что для наших потомков является наибольшей необходимостью?

Предки, не задумываясь, ответил Пэт. На секунду мне показалось, что он сделал это при помощи своих голосовых связок. Но никто ничего не заметил.

— Ответ может быть только один — жизненное пространство. Пространство, чтобы расти, пространство, чтобы создавать семьи, чтобы растить пшеницу; пространство для парков, школ, домов. Сейчас на этой планете насчитывается более пяти миллиардов человеческих душ. Сто лет тому назад, при половине нынешнего населения она уже была перенаселена до предела, за

которым лежит голод. И все равно нас сейчас на четверть миллиона больше, чем в то же самое время вчера, — на девяносто миллионов людей больше каждый год. Только гигантские усилия, приложенные для сохранения и восстановления земель, в сочетании с мерами по контролю над рождаемостью — мерами, которые день ото дня все труднее осуществлять, — смогли предотвратить голод. Мы создали море в Сахаре, мы растопили ледяную шапку Гренландии, мы оросили продуваемые всеми ветрами степи, и все равно год от года ощущаем все большее и большее давление, требующее все больше и больше пространства для бесконечно растущего числа людей.

Мне наплевать на речи, да и вообще все это — давно известная чепуха. Черт, если уж кто все это знал, так это мы с Пэтом; мы — котята, которых надо было вовремя утопить; наш старик ежегодно платил штраф только за то, что мы существуем.

— Исполнилось уже сто лет с того дня, как начались межпланетные полеты; человек расселился по всей Солнечной системе. Можно было бы подумать, что девять планет — вполне достаточное место для племени, чересчур плодовитого, чтобы поместиться на одной. Но все вы прекрасно зна-

ете, что это не так. Изо всех дочерей Солнечного Отца лишь прекрасная Терра воистину создана для человека.

Готов спорить, он пишет тексты для рекламных объявлений.

Слабенькие, согласился я.

— Конечно же, мы колонизовали и остальные, но какой ценой? Даже упорные голландцы в своих усилиях отодвинуть назад море не встретились с такими жестокими и почти безнадежными проблемами, какие встают перед поселенцами Марса, Венеры, Ганимеда. Человечеству нужны — и оно должно их получить — не эти смерзшиеся, или раскаленные, или лишенные воздуха отбросы творения. Нам нужны планеты, подобные той, прекрасной, на которой мы с вами сейчас находимся. И они *есть*, их много. — Он воздел руки к потолку и поднял лицо в том же направлении. — Их десятки, сотни, тысячи, бесчисленные множества… там. Леди и джентльмены, *настало время для звезд!*

И вот — подача, тихо произнес Пэт, *и мяч стремительно влетает в сетку ворот.*

Пэт, куда это он клонит?

Он — агент по продаже недвижимости.

Пэт был недалек от истины, но я не собираюсь

пересказывать вам остальную часть речи мистера Говарда. Когда мы познакомились с ним поближе, оказалось, что он вполне приятный человек, вот только его завораживал звук собственного голоса. Поэтому остальное я изложу вкратце. Он напомнил нам, что факельный корабль «Авангард» шесть лет тому назад стартовал к Проксиме Центавра. Мы с Пэтом знали про это не только из новостей, но еще и потому, что брат нашей мамы, дядя Стив, подавал туда заявление; его не взяли, но некоторое время мы купались в лучах славы только из-за того, что находились в родстве с человеком, который был в списке, — подозреваю, что мы в школе производили такое впечатление, будто дядя Стив непременно окажется в списке отобранных.

Никто с того времени ничего не слышал об «Авангарде»; может, он вернется лет через пятнадцать — двадцать, а может, и не вернется никогда. Мы не получали известий от корабля по причине, на которую указал мистер Говард (и которую все знали без него): невозможно послать радиосигнал с корабля, находящегося на расстоянии световых лет и летящего почти со скоростью света. Даже если предположить, что на корабле может поместиться силовая установка, доста-

точно мощная, чтобы послать радиограмму на расстояние в несколько световых лет (что, вероятно, возможно в каком-то космическом смысле, однако совершенно невозможно в смысле современной техники) — даже если так, какой толк от посланий, летящих всего чуть быстрее корабля, с которого они были посланы? «Авангард» вернется домой практически одновременно с любым донесением, посланным им по радио.

Какой-то придурок задал вопрос о специальных почтовых ракетах. Мистер Говард с измученным видом попытался ответить, но я его не слушал. Если уж радиоволны недостаточно быстры, как ракета может быть быстрее? Держу пари, доктор Эйнштейн перевернулся в своем гробу.

Мистер Говард поторопился продолжить, пока кто-нибудь еще не прервал его очередной глупостью. Фонд далеких перспектив предложил разослать во все стороны еще дюжину космических кораблей, с тем чтобы обследовать планетные системы типа Солнечной и найти планеты земного типа, пригодные для колонизации. Корабли уйдут надолго, так как каждый из них будет исследовать несколько звездных систем.

— Именно поэтому, леди и джентльмены, вы незаменимы для этого великого проекта поисков

жизненного пространства, так как *именно вы* и будете средством, благодаря которому капитаны этих кораблей доложат о том, что им удалось найти.

Тут затих даже Пэт.

Потом где-то в задних рядах поднялся человек. Он был одним из старейших в нашей компании; ему и его брату было лет по тридцать пять.

— Простите, мистер Говард, я могу задать вам вопрос?

— Конечно.

— Меня зовут Грегори Грэм; это мой брат Грант Грэм. Мы физики. Мы не считаем себя экспертами в области космических явлений, но кое-что понимаем в теории связи. Предположим, что телепатия будет работать на межзвездных расстояниях — я так не думаю, но у меня нет и доказательств обратного, — так вот, даже если предположить это, я все равно не вижу, чем она нам поможет. Телепатия, свет, радиоволны, даже гравитация — все это ограничено скоростью света. То есть в самой природе физического мира заложен предел скорости для любого вида связи. Любая иная точка зрения приводит к древнему философскому противоречию, к действию на

расстоянии[42]. Возможно, вы действительно сумеете использовать телепатию, чтобы доложить о том, что нашли, после чего корабль отправится дальше исследовать Вселенную, — но сообщению в любом случае придется преодолеть световые годы, чтобы достичь цели. Двусторонняя связь между кораблем и Землей, хотя бы и посредством телепатии, абсолютно невозможна, она противоречит известным законам физики. — Со смущенным, извиняющимся видом он сел.

Я думал, что здесь-то Грэм его и поймал. У нас с Пэтом по физике всегда были хорошие оценки, и то, что сказал Грэм, было слово в слово по учебнику. Однако Говард не проявил ни малейшего беспокойства.

— Я попрошу, чтобы вам ответил эксперт. Доктор Лихтенштейн? Если вы не возражаете…

Встала доктор Мэйбл. Она покраснела, хихикнула и, заметно волнуясь, сказала:

— Я страшно сожалею, мистер Грэм, правда сожалею, только с телепатией все совсем не так. — Она хихикнула еще раз и продолжила: — Конечно, мне не стоило так говорить, ведь это вы телепаты, а не я, только телепатия не обращает

---

[42] notes: 42

Действие на расстоянии — взаимодействие объектов между собой без использования посредников.

ни малейшего внимания на скорость света.

— Но она же обязана. Физические законы…

— О боже! Кто же вам сказал, что телепатия — физическое явление? — Она всплеснула руками. — Боюсь, что это не так.

— Все подчиняется законам физики. Разумеется, я отношу сюда и физиологию.

— Подчиняется? Вы уверены? О, как бы я хотела быть в этом уверенной… но физика всегда была для меня слишком глубокой наукой. Только я не понимаю, откуда у вас эта уверенность в том, что телепатия — физический эффект? Мы никогда не могли зарегистрировать ее каким-либо прибором. Господи, да мы даже не понимаем, каким образом сознание соотносится с материей. Является ли сознание физическим явлением? Я в этом совершенно не уверена. Но мы знаем, что телепатия быстрее света, потому что мы измерили это.

Пэт резко выпрямился.

Слушай внимательно, старик. Пожалуй, мы останемся на следующий сеанс.

Вид у Грэма был ошарашенный. Доктор Мэйбл торопливо добавила:

— Это сделала не я, это доктор Абернети.

— Горацио Абернети?! — вскричал Грэм.

— Да, его зовут именно так, хотя я никогда не

решалась называть его по имени. Он — довольно важная персона.

— Ну, всего лишь лауреат Нобелевской премии, — мрачно произнес Грэм, — в области теории поля. Продолжайте. Что он обнаружил?

— Ну, мы послали одного из близнецов на Ганимед — это ужасно далеко. А затем мы использовали параллельно радиотелефонную и телепатическую связи. Близнец, бывший на Ганимеде, разговаривал по радио и одновременно прямо — телепатически то есть — со своим братом, который остался в Буэнос-Айресе. Телепатическое послание всегда обгоняло радиосообщение примерно на сорок минут. Ведь так и есть. Точные цифры вы можете посмотреть у меня в кабинете.

Грэм с трудом закрыл разинутый рот.

— Когда это произошло? Почему это не было опубликовано? Кто держит это в тайне? Это же самый важный эксперимент со времен опыта Майкельсона — Морли[43], это же потрясающе!

---

[43] notes: 43

Опыт Майкельсона — Морли — был проведен в 1887 г. с помощью изобретенного Майкельсоном интерферометра для измерения разницы скорости света по направлению и против направления движения Земли. Считалось, что Земля движется сквозь неподвижный эфир, который является переносчиком света. Опыт доказал инвариантность скорости света.

Доктор Мэйбл выглядела расстроенной, и тут в разговор вступил мистер Говард. Он произнес успокаивающее:

— Никто не собирается скрывать этих результатов, мистер Грэм, и доктор Абернети готовит к печати статью в «Физикл ревью». Правда, я должен сознаться, что Фонд попросил его не давать предварительного сообщения, чтобы у нас было время осуществить другой проект — известный вам под названием «Генетические исследования» — самым срочным образом. Мы считали, что имеем право найти и взять к себе на работу потенциальные телепатические пары прежде, чем нам попытается перебежать дорогу каждая психологическая лаборатория, да что там, каждый амбициозный фокусник. Доктор Абернети охотно согласился — он не любит преждевременных публикаций.

— Мистер Грэм, — робко добавила доктор Мэйбл, — возможно, вас как-то успокоит тот факт, что на закон обратных квадратов телепатия тоже не обращает ни малейшего внимания. На расстоянии в полмиллиарда миль уровень сигнала был столь же высок, как и тогда, когда телепаты работали в соседних комнатах.

Грэм осел на месте.

— Я и сам не знаю, легче мне от этого или нет. Я сейчас пытаюсь переосмыслить все, во что я раньше верил.

Заминка с братьями Грэм внесла кое-какую ясность, но отвлекли нас от основной цели этого собрания, состоявшей в том, что мистер Говард пытался уговорить нас записаться в астронавты. Меня уговаривать было не нужно. Я думаю, что любой мальчишка мечтает отправиться в космос; мы с Пэтом однажды сбежали из дома, чтобы записаться в Космический десант, — а это намного серьезнее, чем просто попасть на рейс Земля — Марс — Венера, это означало лететь к звездам.

Звезды!

— Мы рассказали вам об этом до истечения срока ваших исследовательских контрактов, — объяснил мистер Говард, — чтобы у вас было время все обдумать, а у нас — время, чтобы объяснить вам все условия и преимущества этого предприятия.

Мне было все равно, какие там были преимущества. Если бы они предложили мне прицепиться к космическому кораблю сзади на санках, я бы согласился, ничуть не беспокоясь о выхлопах двигателя, космическом скафандре и прочей ерунде.

— Обоим членам телепатической пары будут

предоставлены равно хорошие условия, — заверил он. — Отправляющийся в космос получит отличную оплату и отличные условия труда на одном из лучших современных факельных кораблей, в составе экипажа из людей, отобранных как из соображений специальной подготовки, так и из соображений психологической совместимости. Остающийся на Земле будет обеспечен как с финансовой стороны, так и в смысле заботы о его здоровье. — Он улыбнулся. — Забота о здоровье — это уж обязательно. Совершенно необходимо будет сохранить его в живых столь долго, сколько это может делать наука. Не будет преувеличением сказать, что, подписывая этот контракт, вы продлеваете свою жизнь лет на тридцать.

Тут я сообразил, почему все близнецы, которых они тестировали, были молодыми людьми. Тот из них, который отправится к звездам, не состарится слишком сильно, он ведь будет двигаться почти со световой скоростью. Даже если он будет отсутствовать целое столетие, оно не покажется ему слишком длинным — а вот оставшийся близнец будет стареть. Им придется трястись над ним, как над королевской особой, сохраняя его в живых, — иначе их «радио» сломается.

Пэт сказал:

Млечный Путь, я иду к тебе!

Но мистер Говард продолжал свою речь:

— Мы хотим, чтобы вы все это тщательно обдумали, это самое важное решение в вашей жизни. На ваши плечи и на плечи таких же, как вы, из других городов, рассеянных по земному шару, на вас, представляющих крохотную долю одного процента рода человеческого, на плечи столь немногих возложена надежда человечества. Так что обдумайте все хорошенько и, если вас что-либо беспокоит, дайте нам возможность все вам объяснить. Не торопитесь принимать решение.

Рыжие девицы встали и, задрав носы, вышли из зала. Им не надо было говорить, чтобы стало ясно, что они не собираются иметь ничего общего с таким не женским, грубым и вульгарным занятием, как исследование космоса. Они шествовали в полной тишине, и Пэт сказал мне:

Вот идут матери первопроходцев. Это те, чья воля покорила Америку.

Когда девицы проходили мимо нас, он совсем разошелся и издал длинный неприличный звук, и я тогда только сообразил, что это не телепатия, потому что рыжие как-то напряглись и пошли быстрее. Раздались неуверенные смешки, а ми-

стер Говард быстренько вернулся к делу, словно ничего такого не случилось. Тем временем я ругал Пэта.

Мистер Говард сказал, чтобы мы приходили завтра в обычное время и тогда представитель Фонда объяснит нам все подробности. Он предложил, чтобы мы приходили со своими адвокатами или (те из нас, кому не было восемнадцати, каковых было больше половины) со своими родителями и их адвокатами.

Пэта, когда мы уходили, прямо распирало, но у меня энтузиазм куда-то испарился. Посреди речи мистера Говарда меня наконец осенило: одному из нас придется остаться, и я знал, кто это будет, так же точно, как то, что бутерброд всегда падает маслом вниз. Возможные лишние тридцать лет меня не очень привлекали. Какой смысл провести эти тридцать лет упакованным в вату? Для того, который остается, уже не будет никакого космоса, даже в пределах Солнечной системы… А я даже не был еще на Луне. Я сделал попытку чуть притушить энтузиазм Пэта и пояснее нарисовать ему картину, потому что будь я проклят, если на этот раз я безропотно возьму меньший кусок торта.

— Слышь, Пэт, мы про это дело будем тянуть

спички. Или монету бросим.

— Чего? Про что это ты?

— Ты прекрасно понимаешь, про что это я.

Он только отмахнулся от меня и ухмыльнулся:

— Ты, Том, слишком много мельтешишь. Они составят команды так, как им хочется. Мы тут ничего решать не будем.

Я понял, что он решил лететь, и я понял, что я проиграю.

Глава 4
Синица в руках

Как и следовало ожидать, родители подняли шум. Любое обсуждение в семье Бартлеттов всегда напоминало зоопарк во время кормежки, а на этот раз оно достигло нового максимума. В дополнение к нам с Пэтом, Фейт, Хоуп, Чарити и родителям в совещании принимали участие довольно-таки свеженький муж Фейт Фрэнк Дюбуа и новый, с иголочки, ухажер Хоуп Лотар Зембрих. Двух последних можно было не считать, оба они казались мне прекрасными примерами того, до чего может дойти девица, желающая выскочить замуж, однако они тоже занимали какое-то место в комнате и по временам вставляли замечания, чтобы еще больше запутать дело. Но тут находился и мамин брат, дядя Стив, внезапно свалившийся на Землю в отпуск.

Именно присутствие дяди Стива и подтолкнуло Пэта вынести вопрос на общее обсуждение, вместо того чтобы уламывать папу и маму поодиночке. Оба они считали, что дядя Стив дурно на нас влияет, однако в то же самое время гордились

им; его редкие визиты были всегда праздниками для нашей семьи.

Мистер Говард дал нам образец контракта, чтобы мы хорошенько ознакомились с ним дома. После обеда Пэт сказал:

— Кстати, папа, Фонд предложил нам сегодня новый контракт, на этот раз долгосрочный. — Он вынул бумагу из кармана, но передавать ее отцу не стал.

— Надеюсь, вы им сказали, что у вас скоро начинается учебный год?

— Конечно, мы им сказали об этом, но они настаивали, чтобы мы отнесли контракт домой и показали родителям. Ладно, мы и сами догадывались, что вы на это скажете. — Пэт начал засовывать контракт обратно в карман.

Я сказал Пэту телепатически:

Ты что, совсем дурак? Ты же заставил его сказать «нет», и теперь он уже просто не сможет отступить.

Нет, он еще не сказал «нет», ответил Пэт по внутренней линии связи. *И не толкай меня под руку.*

Папа уже тянулся за контрактом.

— Дай-ка я посмотрю эту штуку. Никогда нельзя принимать решение, пока не знаешь всех обсто-

ятельств.

Пэт не спешил отдавать ему контракт.

— Тут есть пункт насчет стипендии, — признал он, — но только мы с Томом не сможем учиться вместе, как раньше.

— Это не обязательно и плохо. Вы с ним слишком зависите друг от друга. Когда-нибудь каждому из вас придется в одиночку встать лицом к лицу с грубым, равнодушным миром… и то, что вы будете ходить в разные школы, может оказаться хорошим начинанием.

Пэт вытащил контракт и раскрыл его на второй странице.

— Это здесь, в десятом параграфе.

Папа, как того и хотел Пэт, сначала прочитал десятый параграф, и брови его поползли вверх. Десятый параграф гласил, что первая договаривающаяся сторона, ФДП, согласна содержать вторую договаривающуюся сторону в любой школе согласно выбору второй договаривающейся стороны, принимая на себя все расходы в течение всего периода действия контракта или меньшего времени, если того пожелает вторая договаривающаяся сторона. Она согласна на то же самое в отношении третьей договаривающейся стороны после окончания активного периода контрак-

та плюс индивидуальное обучение в течение активного периода. Вся эта хитро закрученная фраза была длинным способом сказать, что Фонд сейчас берет на себя обучение в школе того из нас, кто останется на Земле, а тот, кто отправится к звездам, будет учиться по возвращении… и все это в дополнение к нашим жалованиям, см. параграф семь.

И тогда папа перешел к седьмому параграфу, после чего брови его поднялись еще выше, а трубка выпала у него изо рта. Он поглядел на Пэта.

— Я правильно понял, что они собираются назначить вас двоих «техниками-связистами десятого разряда» при полном отсутствии опыта?

Дядя Стив выпрямился так резко, что чуть не перевернул свой стул.

— Брюс, ты сказал «десятого разряда»?

— Так тут написано.

— По тарифной сетке ФДП?

— Да. Не знаю уж, сколько это будет, но я слыхал, что обычно они нанимают работников, уже имеющих опыт по третьему разряду.

Дядя Стив присвистнул.

— Я просто боюсь сказать вам, какие это большие деньги, Брюс… на Плутоне только начальнику отдела электронщиков платят по тому же

десятому разряду… и ему для этого потребовалось двадцать лет работы и докторская степень. — Дядя Стив поглядел на нас. — Ну, братки, давайте, колитесь. Куда они закопали труп? А может, это взятка? — Пэт не отвечал. Дядя Стив повернулся к отцу и сказал: — Не обращай внимания на мелкий шрифт, Брюс, просто пусть ребята подписывают эту штуку. Каждый из них будет получать больше, чем мы с тобой, вместе взятые. Не надо спорить с Санта-Клаусом.

Но папа уже читал мелкий шрифт, начиная с подпункта один-А до пунктов о штрафных санкциях. Написано все это было юридическим языком, но суть заключалась в том, что мы зачисляемся членами команды корабля, принадлежащего ФДП, на один рейс, вот только один из нас должен исполнять свои обязанности, оставаясь на Земле. Была еще уйма всяких оговорок, чтобы тот, кто остался на Земле, не смог отвертеться, но сути это не меняло.

В контракте не говорилось, куда корабль отправляется и сколько будет продолжаться полет.

В конце концов папа отложил контракт, который сразу же схватила Чарити. Папа забрал у нее бумагу и передал матери. Потом он сказал:

— Мальчики, контракт выглядит так здорово,

что я подозреваю здесь какой-то подвох. Завтра утром я встречусь с судьей Холландом и попрошу его просмотреть документ от начала до конца вместе со мной. Но если я все правильно понял, вам предложены все эти блага — в дополнение к умопомрачительному жалованью — в том случае, если один из вас совершит полет на «Льюисе и Кларке»[44].

Тут неожиданно вмешался дядя Стив:

— «Льюис и Кларк», Брюс?

— «Льюис и Кларк» или другой назначенный корабль из той же серии. А что? Ты знаешь этот корабль?

Лицо дяди стало непроницаемым, и он отвечал:

— Сам я на нем не бывал никогда. Насколько я знаю, это новый корабль, очень хорошо оснащенный.

— Приятно слышать. — Папа поглядел на маму. — Ну так что скажешь ты, Молли?

Мать не отвечала. Она читала контракт и все сильнее и сильнее бледнела. Дядя Стив поймал мой взгляд и чуть покачал головой. Я сказал Пэту:

---

[44] notes: 44

«Льюис и Кларк» — корабль назван в честь исследователей бассейна реки Миссури Мэрриуотера Льюиса и Уильяма Кларка.

Дядя Стив понял, где подвох.

Он мешать не станет.

В конце концов мать оторвала взгляд от документа и высоким голосом сказала папе:

— Я так понимаю, ты собираешься согласиться? — В ее голосе звучала боль. Она отложила контракт, и Чарити снова схватила его. Одновременно Хоуп вцепилась в него с другой стороны. Кончилось это тем, что наш зять, Фрэнк Дюбуа, держал бумагу, а все остальные читали у него из-за плеча.

— И потом, дорогая, — мягко сказал папа, — не забывай, что мальчики взрослеют. Мне и самому хотелось бы, чтобы семья все время была вместе, но это же невозможно, и ты сама это понимаешь.

— Брюс, ты обещал мне, что они никогда не отправятся в космос.

Дядя Стив бросил на нее взгляд: грудь его была вся в нашивках, заработанных в космосе. Но отец продолжал так же мягко:

— Не совсем так, милая. Я обещал тебе, что не дам согласия, чтобы они несовершеннолетними записались в миротворческие силы; я хочу, чтобы они закончили школу, и к тому же не хочу, чтобы ты расстраивалась. Но это же совсем дру-

гое дело… а если мы сейчас не дадим согласия, совсем скоро они смогут записаться сами, хотим мы того или нет.

Мать повернулась к дяде Стиву и с горечью проговорила:

— Это ты, Стивен, вбил им в голову эту идею.

Тот сделал обиженное лицо, а затем ответил так же мягко, как папа:

— Успокойся, сестренка. Я был в отъезде, и ты не можешь повесить это на меня. И вообще, никто не может вбить мальцам в голову какие-то там идеи, они вырастают там естественным образом.

Фрэнк Дюбуа откашлялся и громко произнес:

— Так как это, видимо, семейный совет, несомненно, вы хотели бы узнать мое мнение.

Я сказал одному Пэту:

А твоего, дубина, мнения никто не спрашивал.

Пэт ответил:

Пусть говорит. Вполне возможно, он наше секретное оружие.

— Если вы хотите услышать мнение опытного делового человека, то этот так называемый контракт представляет собой либо чью-то неуместную шутку, либо предложение столь несуразное, что оно достойно только недоумения. Как я понимаю, тут имеется в виду, что у близнецов есть

какой-то уродский талант, — хотя лично я никаких доказательств этому не замечал, — но сама идея платить им больше, чем получает мужчина в зрелые годы, ну, это очень плохой способ воспитания юношей. Если бы это были мои сыновья, я бы, несомненно, воспротивился. Конечно, это не мои…

— Да, не твои, — подтвердил отец.

Фрэнк вскинул на него глаза.

— Это что, сарказм, мистер Бартлетт? Я просто пытаюсь помочь. Как я говорил вам вчера, если близнецы пойдут в приличную бизнес-школу и будут там прилежно учиться, я мог бы потом найти им место в пекарне. И если все у них пойдет хорошо, то нет причины, чтобы они не достигли такого же положения, как у меня. — Фрэнк был младшим компаньоном своего отца в автоматической пекарне. Он всегда находил способ дать понять, как много денег он зарабатывает. — А что касается того, чтобы отправиться в космос, я всегда говорил, что, если человек хочет, чтобы из него что-нибудь вышло, он должен оставаться дома и работать. Прости, Стив.

— Я хотел бы тебя простить, — безо всякого выражения произнес дядя Стив.

— Да?

— Забудь, забудь. Ты не лезь в космос, а я обещаю, что не буду печь хлеб. Кстати, у тебя мука на рукаве.

Фрэнк торопливо опустил глаза. Фейт отряхнула его пиджак и сказала:

— Да это же просто пудра.

— Конечно пудра, — подтвердил Фрэнк, отряхиваясь самостоятельно. — Я бы хотел, чтобы ты знал, Стив, что обычно я чересчур занят, для того чтобы ходить вниз, в производственные помещения. Я вообще почти не выхожу из офиса.

— Я так и думал.

Тут Фрэнк вспомнил, что они с Фейт уже опаздывают в другое место, и встал, чтобы откланяться, но отец его остановил.

— Фрэнк? Так что ты говорил насчет того, что мои парни уроды?

— Что? Я никогда не говорил ничего подобного.

— Рад слышать это.

Они удалились в гнетущей тишине. Только Пэт беззвучно и очень громко напевал «Марш гладиаторов».

Малыш, мы победили!

Мне тоже так показалось, однако Пэту нужно было закрепить успех.

— Ну так, значит, все в порядке, папа?

— Мм… Я хочу проконсультироваться с судьей Холландом, и к тому же я не могу говорить от имени вашей матери. — Это нас не очень беспокоило; мама не будет упорствовать, если согласится папа, особенно когда рядом дядя Стив. — Но вы можете передать, что предложение пока не отклонено. — Он нахмурился. — Кстати, здесь не указан срок контракта.

Тут нам помог дядя Стив.

— Такова обычная практика на коммерческих кораблях, Брюс… каковым в юридическом смысле является и этот. Ты нанимаешься на рейс от старта с родной планеты до возвращения.

— Конечно, конечно. Но все-таки, они вам хоть намекнули?

Я услышал, как Пэт застонал.

Вот тут-то и начинается игра. Ну, что мы ему скажем, Том?

Отец ждал. Дядя Стив смотрел на нас не моргая. Наконец дядя Стив сказал:

— Вы уж лучше расскажите, ребята. Может, мне стоило сказать, что я сам пытаюсь получить назначение на один из этих кораблей — спецразряд и все такое. Так что я все знаю.

Пэт что-то пробормотал. Папа резко сказал:

— Говори яснее, сын.

— Они сказали, что рейс, возможно, будет продолжаться… около ста лет.

Мама упала в обморок, дядя Стив ее подхватил, все забегали вокруг с холодными компрессами, натыкаясь друг на друга; все мы были крайне расстроены и взволнованы. Когда она немного отошла, дядя Стив сказал папе:

— Брюс, я сейчас уведу ребят, куплю им по большому стакану крепкой сарсапарели[45] и заодно вытащу их отсюда, чтобы они тут не мельтешили. Все равно сегодня вечером вы уже ничего не будете обсуждать.

Папа рассеянно согласился, сказав, что это хорошая идея. Думаю, он любил нас всех; однако, когда вопрос стоял ребром, на первом месте у него всегда была мама.

Дядя Стив повел нас в такое место, где он мог найти что-то более подходящее его вкусу, чем сарсапарель, однако он запретил Пэту сделать то же самое, когда тот попытался заказать пиво.

— Ты, малыш, не старайся рисоваться. Заставить меня поить спиртными напитками несовершеннолетних сыновей своей сестры ты не

---

[45] notes: 45

Сарсапарель — безалкогольный газированный напиток из корня одноименного растения.

сумеешь.

— От пива нет никакого вреда.

— Правда? Я вот до сих пор ищу того типа, который сказал мне, что это безалкогольный напиток. А ищу я его затем, чтобы вдребезги измочалить пивной кружкой. Так что остынь.

В общем, мы взяли себе прохладительное, а дядя пил какую-то жуткую смесь, которую он называл «марсианским шенди»[46]. Говорили мы про проект «Лебенсраум». Он знал об этом проекте больше нас, хотя к тому времени еще не опубликовали пресс-релиз, — думаю, осведомлен он был по причине своей работы при канцелярии начальника штаба, но сам он в этом не признавался.

Через некоторое время лицо Пэта стало озабоченным, и он сказал:

— Послушай, дядя Стив, есть хоть какой-нибудь шанс на то, что родители согласятся? Или нам с Томом лучше сразу все это забыть?

— Что? Да, конечно же, они разрешат вам.

— Да? Сегодня что-то было непохоже. Я-то знаю своего отца, он скорее сдерет с нас шкуры на коврики для ног, чем огорчит маму.

---

[46] notes: 46

Шенди — смесь из пива и безалкогольного напитка — лимонада, яблочного или апельсинового сока, имбирного пива и т. п.

— Это точно. Кстати, неплохая идея… Но все равно, вы уж мне, ребята, поверьте — у вас все будет тип-топ… если только вы, конечно, используете правильные аргументы.

— Каковыми являются?

— Мм… ребята, я сержант при штабе и служил с уймой больших шишек. Если ты прав, а генерал ошибается, есть только один способ заставить его изменить свое мнение. Надо молчать и не спорить. Надо дать фактам говорить самим за себя и надо дать ему время, чтобы он придумал логичное объяснение тому, что он передумал.

По Пэту было видно, что это его не убедило, и дядя Стив продолжал:

— Вы уж мне поверьте. Ваш отец вполне разумный человек, а мать — нет; она скорее будет страдать сама, чем заставит страдать кого-нибудь из тех, кого любит. Этот контракт полностью в вашу пользу, и они не смогут вам отказать — если только вы дадите им время привыкнуть к этой мысли. Но если вы раздразните их и будете напирать и спорить, как это за вами водится, то вы объедините их против себя.

— Что? Я никогда никого не дразню, я только использую логические…

— Прекрати, я от тебя устал. Пэт, ты всегда был

самым противным и надоедливым ребенком в семье, который упрямо лезет куда не надо, да и ты, Том, был не лучше. Вы не стали умнее с возрастом, вы только отточили свою технику. Ну так вот, сейчас вам бесплатно предлагают нечто такое, за что я лично отдал бы свою правую руку. Мне надо было бы постоять в сторонке и полюбоваться на то, как вы с треском все провалите. Но я не стану этого делать. Держите рты закрытыми, ведите себя осторожно — и вы своего добьетесь. А используете свою обычную мерзкую тактику — проиграете.

Такого мы не стали бы выслушивать почти ни от кого. Будь это кто угодно другой, Пэт подал бы мне сигнал и мы бы врезали ему одновременно — Пэт в челюсть, а я в корпус. Но разве можно спорить с человеком, у которого нашивка за Цереру? Его можно только выслушивать. И Пэт даже ни слова не пробормотал мне.

Итак, мы говорили о самом проекте «Лебенсраум». Отправлялись двенадцать кораблей, они должны были разойтись от Солнца во все стороны, примерно по осям додекаэдра, но только примерно, так как каждому кораблю предстояло не просто обследовать какую-то область пространства, а за кратчайшее время посетить как

можно больше звезд солнечного типа. Дядя Стив объяснял нам, каким образом разрабатывали «минимаксную» поисковую траекторию для каждого корабля, но я ничего не понял, это было связано с использованием какого-то исчисления, которое мы не изучали. Впрочем, это не важно; каждый из кораблей должен был тратить как можно больше времени на исследования и как можно меньше — на переходы.

Однако Пэт не мог сдержаться и опять вернулся к тому, как заставить родителей согласиться.

— Дядя Стив? Ну, скажем, ты прав насчет того, чтобы мы вели себя осторожно. Все равно есть еще один довод, который они должны услышать. Может, ты им его изложишь?

— А?

— Ну это насчет того, что синица в руках лучше, чем журавль в небе. Может, они еще не осознали, что в этом случае один из нас остается дома. — Я уловил слова, которые Пэт начал было уже произносить. Это было не «один из нас остается дома», а «Том остается дома». Я хотел было уже возмутиться, но не стал. Он же не сказал этого вслух. Пэт продолжал: — Они знают, что мы хотим в космос. Если они не позволят нам сейчас этого сделать, мы сделаем это потом, любым доступ-

ным нам способом. Если мы запишемся в твой корпус, мы будем иногда прилетать домой, но не часто. Если мы эмигрируем, мы для них все равно что умрем; очень немногие эмигранты зарабатывают столько, что могут позволить себе поездку на Землю, во всяком случае — при жизни своих родителей. Так что если они сейчас удержат нас дома, то, когда мы достигнем совершеннолетия, они, вполне возможно, вообще нас больше не увидят. А если согласятся, то не только один из нас останется дома, но они все время будут иметь контакт со вторым — в этом и состоит весь смысл использования телепатических пар. — Пэт озабоченно посмотрел на дядю Стива. — Как ты думаешь, стоит им сказать это? А может, ты сам подкинешь им мысль?

Дядя Стив не стал отвечать сразу, хотя я не находил в логике Пэта никаких ошибок. Если от двух отнять два, получается ноль. Но если отнять один — то один, как ни крути, остается.

В конце концов он ответил, медленно произнося слова:

— Пэт, можешь ли ты вбить в свою тупую голову, что их надо оставить в покое?

— Я не понимаю, чем плоха моя логика?

— С каких это пор в спорах, построенных на

эмоциях, побеждают при помощи логики? Тебе бы следовало почитать о том времени, когда царь Соломон предложил поделить ребенка. — Он отхлебнул из своего стакана и вытер рот. — То, что я вам сейчас скажу, является сугубо конфиденциальным. Вы, наверное, не знаете, что Планетная лига рассматривает вопрос о том, чтобы сделать эти двенадцать кораблей военными?

— Что? А почему? Мистер Говард не говорил…

— Потише ты. Проект «Лебенсраум» в высшей степени интересует Министерство мира. Если копнуть поглубже, основной причиной войны всегда является демографическая проблема в независимости от прочих факторов.

— Но ведь войны давно прекращены.

— Конечно. Именно поэтому парням вроде меня платят за то, что мы затаптываем горящую траву, пока не вспыхнул весь лес. Ребята, если я скажу вам сейчас остальное, вы просто *обязаны* будете хранить это при себе теперь и всегда.

Я не люблю чужие секреты. Предпочитаю чужие деньги. Секрет нельзя вернуть назад. Но мы все-таки дали дяде обещание.

— Хорошо. Я видел оценки этого проекта, сделанные Министерством мира по заказу ФДП. Когда посылали «Авангард», ему давали один

шанс из девяти на возвращение. Теперь техника получше, они оценивают шансы возвращения в один из шести на одно посещение планетной системы. По программе каждый из кораблей должен исследовать в среднем шесть звезд, так что шансы на возвращение — один из тридцати шести[47]. Для двенадцати кораблей это один шанс из трех на то, что один из них, возможно, вернется. Вот куда вы ввязались, психи.

— Не смей называть нас психами! — ответили мы хором.

— Психи, — повторил он. — И все просто прыгают от радости, оттого что вы есть, ведь без вас весь этот план стал бы невозможным. С потерей кораблей и команд можно было бы еще примириться, корабли — это просто деньги, а парней вроде меня, у которых больше любопытства, чем здравого смысла, они всегда смогут набрать. Можно потерять корабль, но информацию, которую он собрал, терять никак нельзя. Никто там, наверху, не ожидает, что корабли вернутся, но мы должны найти эти самые планеты земного типа, они необходимы для человечества. Вот для этого вы и нужны, ребята, чтобы передавать ин-

---

[47] notes: 47
Теория вероятности на совести автора.

формацию. Тогда уже не будет иметь значения, вернутся ли корабли на Землю.

— Я не боюсь, — твердо сказал я.

Пэт взглянул на меня и отвел глаза. Я не стал телепатировать, но ему и так было ясно, что я не считаю решенным, кто из нас отправляется в космос. Дядя Стив спокойно посмотрел на меня и сказал:

— А я и не думал, что ты, в твоем возрасте, испугаешься. Мне тоже не страшно. Я уже лет с девятнадцати беру у жизни в долг. Настолько уверен в своей удаче, что думаю: если один из кораблей все-таки вернется — это будет мой. Но неужели вы не понимаете, насколько глупо будет убеждать мать в том, что половина близнецов лучше, чем ничего? Эмоционально ваш довод абсолютно не годится. Перечитайте притчу о блудном сыне. Вы будете говорить матери, что один из вас будет в полной безопасности дома, а она услышит из ваших слов только то, что другой *не будет* в безопасности и *не будет* дома. А если ваш папаша попытается разуверить ее, он, вполне возможно, наткнется на факты, которые я вам изложил, ведь они не секретные, так же как и факты, на которых статистики основывали свои оценки. Просто, говоря об этом проекте для

публики, будут подчеркивать положительные стороны и смягчать отрицательные.

— Дядя Стив, — возразил Пэт, — я не понимаю, как они могут быть так уверены, что бóльшая часть кораблей будет потеряна?

— А они и не уверены. Но это вполне оптимистические оценки, основанные на том опыте исследования незнакомых мест, который накопило человечество. Видишь ли, Пэт, ты можешь принимать одно правильное решение за другим, но, когда дело доходит до исследования незнакомого места, первое твое ошибочное решение оказывается твоим последним решением. Ты уже труп. Ты когда-нибудь интересовался статистикой в связи с исследованием этой нашей крошечной Солнечной системы? Исследование — это вроде русской рулетки, ты можешь выигрывать раз за разом, но, если долго занимаешься этим делом, оно тебя рано или поздно угробит, это уж точно. Так что постарайтесь, чтобы хотя бы на этой стадии ваши родители не стали возражать. Я лично не против — мужчина имеет право умереть так, как хочет. Это единственное, что правительство не успело обложить налогом. Но нет ни малейшего смысла акцентировать внимание на том, что один из вас не вернется.

Глава 5
Вторая договаривающаяся сторона

Насчет того, что родители сдадутся, дядя Стив оказался прав; через три недели Пэт отбыл в центр подготовки.

Я до сих пор не знаю, почему это оказался именно Пэт. Мы не бросали жребий, у нас не было скандала по этому поводу, и я ни с чем не соглашался, просто отправился Пэт.

Несколько раз я пытался поговорить с ним, но каждый раз он отмахивался от меня, говорил, чтобы я не переживал и подождал, пока все устроится само собой. И в какой-то момент я обнаружил, что само собой разумеется, что летит Пэт, а я остаюсь. Возможно, мне надо было упереться в тот день, когда мы подписывали контракт, когда Пэт не стал подписываться первым, а предоставил это мне, в результате чего я оказался этой самой второй договаривающейся стороной, которая остается, а не третьей, которая летит. Но тогда казалось, что нет ни малейшего смысла устраивать скандал, ведь, согласно договоренности, закрепленной в контракте, эти две

стороны считались взаимозаменяемыми. Пэт указал мне на это прямо перед тем, как мы подписались; важно было, только чтобы контракт был подписан, пока родители согласны, — важно было получить *их* подписи.

Пытался ли Пэт уже тогда переиграть меня? Даже если так, то я не слышал, чтобы он мысленно это проговаривал. С другой стороны, а стал бы делать такое я, приди мне это тогда в голову? Не знаю, просто не знаю. Короче говоря, потихоньку мне стало ясно, что все уже решено, семья наша считала это само собой разумеющимся, люди из ФДП — тоже. Ну я и заявил Пэту, что с этим надо еще разобраться. В ответ он просто пожал плечами и сказал, что он тут ни при чем. Может, я могу заставить их передумать… если, конечно, мне наплевать, что я могу все порушить.

Мне не хотелось этого делать. Мы не знали тогда, что люди из ФДП скорее зарыдают и будут ползать перед нами на коленях, чем позволят паре молодых здоровых телепатов покинуть проект; мы-то думали, что у них огромный выбор. Я думал, что, если я стану возражать, они могут просто разорвать контракт. Они могли это сделать, заплатив незначительную неустойку, в любой момент, вплоть до самого дня отлета.

Вместо этого я поймал папу один на один и поговорил с ним. Уже по одному этому можно судить о том, в каком отчаянии я был; ни Пэт, ни я никогда не беседовали с родителями один на один друг о друге. Мне было нелегко это сделать, я заикался и с большим трудом смог объяснить отцу, почему считаю себя обманутым.

Папа выглядел обеспокоенным, он сказал:

— Том, я так понимал, что вы с братом уже решили это между собой?

— Вот это-то я и пытаюсь тебе сказать. Мы ничего не решали.

— Ну и что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Да я хочу, чтобы ты заставил его поступать честно. Мы должны бросить жребий — или еще как-нибудь. Или ты сам можешь сделать это за нас, чтобы все было по-честному. Ты можешь это сделать?

Отец занялся своей трубкой, как он делал всегда, когда хотел потянуть время. В конце концов он произнес:

— Том, я не понимаю, как ты можешь все переиграть теперь, когда решение уже принято. Если только ты не хочешь, чтобы я разорвал этот контракт. Это было бы не просто, но я могу.

— Но я не хочу разрывать контракт. Я только

хочу получить равный шанс. Если я выиграю, это ничего не изменит, просто полечу я, а Пэт останется.

— Мм… — Папа несколько раз затянулся с крайне задумчивым видом. — Том, ты видел, как последнее время выглядит твоя мать?

Я видел, правда я мало говорил с ней. Она двигалась подобно зомби, с горестным и страдающим видом.

— А что?

— А то, что я не могу сделать этого с ней. Сейчас она страдает, заранее прощаясь с твоим братом; я не могу заставить ее пройти через все это еще и из-за тебя. Она просто этого не выдержит.

Я знал, как трудно ей все это давалось, однако не понимал, что изменится, если мы поменяемся местами.

— Ты же не хочешь сказать, что маму больше устраивает такое положение вещей? Что она предпочитает, чтобы летел Пэт, а не я?

— Не хочу. Ваша мать любит вас обоих одинаково.

— Тогда для нее это будет все равно.

— Не будет. Сейчас она страдает оттого, что теряет одного из своих сыновей. Если вы теперь поменяетесь местами, ей придется проходить

все по-новой из-за другого сына. Это нечестно по отношению к ней. — Он выбил трубку о пепельницу. Этот стук, словно удар гонга, извещал об окончании совещания. — Нет, сынок. Боюсь, тебе просто придется примириться с этим решением.

Это был безнадежный разговор, поэтому я заткнулся. Если уж отец говорит о мамином благе, спорить было все равно что пытаться бить козырного туза.

Через четыре дня Пэт отправился в центр подготовки. В эти дни я мало его видел, только в те часы, которые мы проводили в здании компании «Транс-Луна», а каждый вечер он бегал на свидания с Моди — без меня. Он сказал, что больше никогда ее не увидит, а у меня будет еще уйма времени, «так что свали куда-нибудь, пожалуйста». Я не возражал. С одной стороны, это было справедливо само по себе. С другой — при сложившихся обстоятельствах мне и самому не хотелось ходить на эти их свидания. Эти последние дни мы с Пэтом были дальше друг от друга, чем когда-либо раньше.

На наши телепатические способности, однако, это совсем не повлияло. Чем бы там ни была эта самая «взаимная настройка», на которую способны мозги некоторых людей, мы включали ее так

же легко, как начинали обычные разговоры… и так же легко отключали. Нам не надо было «концентрироваться», или «очищать свой мозг», или что-нибудь еще из этой восточно-мистической ерунды. Если мы хотели «поговорить», мы говорили.

С отъездом Пэта мне стало не по себе. Конечно, я ежедневно находился с ним в контакте по четыре часа плюс в любой момент, когда возникало желание поговорить. Но если ты всю жизнь привык все делать на пару, потом очень трудно пытаться что-то делать в одиночку. У меня еще не выработались новые привычки. Я мог собраться пойти куда-нибудь, а потом остановиться у двери в размышлении: что же это я такое забыл? Оказывается, Пэта. Страшно одиноко отправляться куда-нибудь одному, если прежде всегда делал это с кем-нибудь вместе.

Вдобавок ко всему мама была веселой, жизнерадостной, заботливой и при этом абсолютно непереносимой, да и сон у меня совсем поломался. Центр подготовки находился в часовом поясе Швейцарии; это означало, что я и прочие близнецы, остающиеся на Земле, проводили тренировочные сеансы связи также по швейцарскому времени, где бы мы ни жили. Каждую

ночь Пэт будил меня свистком в ухо в два ночи, и я работал до самого рассвета, а потом пытался добрать недоспанное днем.

Это было неудобно, но так было нужно, и мне за это хорошо платили. Впервые в жизни у меня была уйма денег. Как и у всей нашей семьи, ведь я, невзирая на папины протесты, начал отдавать приличные суммы за свое содержание. Я даже купил себе часы (наши Пэт забрал с собой), не беспокоясь о цене, и мы обсуждали переезд в квартиру побольше.

А тем временем ФДП все глубже и глубже проникал в мою жизнь, и я потихоньку стал осознавать, что контракт подразумевает не только запись сообщений моего близнеца. Гериатрическую программу запустили сразу. «Гериатрия» — звучит забавно применительно к человеку, который еще слишком молод, чтобы голосовать, но в этом был определенный смысл: чтобы заставить меня жить подольше, они решили взяться за меня сразу. То, чем я питаюсь, перестало быть моим личным делом, я должен был придерживаться предписанной ими диеты — никаких перехваченных на ходу бутербродов! Был длиннющий список «особо опасных» вещей, делать которые я не имел права. Мне наделали прививок от все-

го, начиная с «колена горничной»[48] и кончая «лихорадкой попугаев»[49], а медицинские обследования мне устраивали такие, что прежние по сравнению с ними казались детскими играми.

Одно утешало: с Пэтом, по его словам, делали то же самое. В действительности мы были самыми обыкновенными ребятами, таких везде как грязи, но для ФДП мы были незаменимым коммуникационным оборудованием, так что заботились о нас, как о призовых скакунах или премьер-министре, обычные люди такой заботы не знают. Это было утомительно.

Я не звонил Моди первые семь или десять дней после отъезда Пэта, мне было неловко. В конце концов она сама позвонила мне и спросила, в чем дело, злюсь ли я на нее за что-нибудь или считаю ее заразной? Тем же вечером мы встретились. Все это было не слишком весело. Она пару раз назвала меня «Пэт»; раньше это не имело значения, ведь мы с Пэтом привыкли к тому, что нас путают. Но теперь это было до крайности неприятно,

---

[48] notes: 48

«Колено горничной» — воспаление околосуставной сумки, бурсит. Неинфекционное заболевание.

[49] notes: 49

«Лихорадка попугаев» — орнитоз, инфекционное заболевание, которое разносится птицами, особенно попугаями.

дух Пэта все время присутствовал рядом с нами, подобно некоему скелету на пиру.

Когда она назвала меня так во второй раз, я сказал со злостью:

— Если ты так уж хочешь поговорить с Пэтом, я могу связаться с ним буквально за секунду.

— Что? О чем ты?

— О, я знаю, ты бы предпочла вместо меня Пэта! Если ты думаешь, что мне так уж нравится быть запасным вариантом, то сильно ошибаешься.

В ее глазах появились слезы, мне стало стыдно того, что я сказал, и от этого еще более неловко. В результате мы поругались, а потом я рассказывал ей, как меня надули.

Реакция Моди была для меня полной неожиданностью. Она не бросилась меня утешать, а вместо этого сказала:

— Ох, Том, Том! Неужели ты не понимаешь, что все это устроил не Пэт? Ты же сам во всем виноват.

— Что?

— Это совсем не его вина, а твоя собственная. Мне надоело смотреть, как ты разрешаешь ему крутить собой. Тебе прямо-таки *нравилось*, что он тобой крутит. У тебя было «желание поражения».

Тут я так разозлился, что даже с трудом сумел ответить:

— Что ты несешь? Звучит как дешевая попытка психоанализа. Ты еще скажи, что у меня «стремление к смерти».

Она сморгнула слезы:

— Нет. Вот у Пэта оно, может быть, и есть. Он всегда над этим шутил, хотя я знаю, насколько это опасно. Я знаю, что мы его больше не увидим.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы переварить все это.

— Ты хочешь сказать, — медленно произнес я, — что я нарочно дал Пэту себя обмануть, потому что боялся лететь?

— Что? Том, милый, я ничего такого не говорила.

— А прозвучало это именно так…

И тут я понял, почему это так прозвучало. Возможно, я и вправду боялся. Возможно, я сопротивлялся только для виду, так, чтобы Пэт победил… потому что знал, что случится с тем, кто отправится в полет.

Может быть, я трус.

Мы помирились, и уже казалось, что это свидание окончится благополучно. Провожая Моди домой, я все думал, поцеловать ли ее на проща-

ние или нет, — сам я этого никогда не делал, мы с Пэтом всегда крутились друг у друга под ногами. Думаю, и она ждала, что я так сделаю… Но тут меня неожиданно позвал Пэт:

Эй! Ты не спишь?

Конечно нет, коротко ответил я. *Только я занят.*

Очень занят? Ты что, гуляешь с моей девушкой?

С чего ты взял?

Но ведь так и есть. Я был в этом уверен. Ну и как у вас с ней?

Не суй свой нос в чужие дела.

Конечно, конечно! Просто передай ей привет от меня. Привет, Моди!

— Том, о чем это ты так задумался? — спросила Моди.

— Да это просто Пэт, — ответил я. — Он говорит, чтобы я передал тебе привет.

— А… ну, привет ему от меня.

Так я и сделал. Пэт хмыкнул.

А теперь поцелуй ее от меня на прощание.

Я, конечно, не стал — ни за него, ни за себя.

Но на следующий день я снова ей позвонил, и после этого мы стали встречаться регулярно. Наши отношения с Моди вдруг вошли в ужасно

приятную колею, настолько приятную, что я даже стал подумывать о том, что студенты колледжа иногда женятся и если все и дальше так пойдет, то я смогу себе это позволить. Нет, я не был до конца уверен в том, что хочу связать себя в таком юном возрасте, просто чувствуешь себя очень одиноким, если раньше всегда кто-то был рядом с тобой.

А потом Пэта принесли домой на носилках.

На самом деле это был специально зафрахтованный санитарный самолет. Этот идиот тихонько сбежал, чтобы покататься на лыжах, в которых он понимал столько же, сколько я в подводном плавании. Ему даже не пришлось ни на что натыкаться, он просто запутался в собственных ногах. И вот его приносят в наш дом на носилках, парализованного ниже пояса, не способного владеть ногами. Его должны были отправить в больницу, но он хотел домой, и мама хотела, чтобы он оставался дома, так что папа на этом настоял. Его положили в комнате, которую освободила Фейт, а я вернулся на свою кушетку.

Вся семья была очень расстроена, даже больше, чем перед отъездом Пэта. Папа чуть не выкинул Фрэнка Дюбуа из дома, когда тот заявил, что теперь, когда с этой чушью насчет космических

полетов покончено, он, как и прежде, готов взять Пэта на работу, если он изучит бухгалтерский учет, так как бухгалтер может работать и в инвалидном кресле. Не знаю, может быть, у Фрэнка были самые добрые намерения, только иногда мне кажется, что «добрые намерения» стоило бы объявить уголовным преступлением.

Но что меня совсем уж достало, так это то, как ко всему этому отнеслась мама. Она была полна слез и сострадания, она готова была уже в лепешку расшибиться для Пэта и часами растирала его ноги, пока сама не валилась с ног от усталости. Но я видел, даже если этого не видел папа, что она до неприличия счастлива — ее «крошка» к ней вернулся. Вы не подумайте, слезы были настоящие… но женщины, похоже, могут плакать и радоваться одновременно.

Все мы понимали, что с «чушью насчет космических полетов» покончено, но не обсуждали этого даже мы с Пэтом. Теперь, когда он лежал в совершенно беспомощном состоянии и, вне всякого сомнения, чувствовал себя хуже, чем я, было не самое подходящее время обвинять его в том, что он сначала подгреб все под себя, а потом угробил наши шансы. Может, я и сердился на него, но сейчас нельзя было сообщать ему об этом. Я с

тревогой осознал, что солидные чеки ФДП скоро перестанут приходить и семья снова останется без денег, причем в тот самый момент, когда деньги эти особенно нам нужны. Я жалел, что купил такие дорогие часы, жалел денег, потраченных на походы с Моди в заведения, которые раньше были нам не по карману, однако старался не думать об этом: какой смысл охать над разлитым молоком? Но я начинал подумывать, какую бы работу подыскать себе, раз уж дорога в колледж для меня закрыта.

Визит мистера Говарда застал меня врасплох — я уже почти надеялся, что ФДП сохранит нас в своей платежной ведомости, пока Пэту не сделают операцию, хотя травму он получил не по их вине, а потому, что нарушил их инструкции. Но с такой-то кучей денег они, по моему мнению, могли бы позволить себе быть щедрыми.

Однако мистер Говард даже не заикнулся о том, будет или не будет Фонд оплачивать инвалидность Пэта, он просто хотел узнать, как скоро я могу явиться в центр подготовки.

Я был в полном смятении, мать — в истерике, папа — в бешенстве, а мистер Говард был вежлив и обходителен. Послушать его, так ничего вообще и не произошло, уж во всяком случае — ничего

такого, что имело бы малейшее отношение к прекращению действия контракта. Вторая и третья договаривающиеся стороны взаимозаменяемы; если Пэт не может лететь, ясное дело, лечу я. Не случилось ничего, снижающего нашу эффективность в роли средства связи. Конечно же, само собой, они дали нам, в связи с печальным случаем, несколько дней, чтобы успокоиться, но не могу ли я явиться в ближайшие дни? Сроки поджимают.

Папа побагровел, он захлебывался словами. Разве вам мало того, что вы уже сделали с этой семьей? Есть ли в вас хоть капля порядочности? Хоть немного такта?

И в самый разгар всего этого цирка, когда я пытался осмыслить новую ситуацию и решить, что же мне-то сказать, меня беззвучно окликнул Пэт:

Том, пойди сюда!

Я извинился и поспешил к нему. Мы с Пэтом почти совсем не переговаривались телепатически со времени его возвращения. Раз-другой он окликал меня ночью, чтобы я принес воды или сделал еще что в этом роде, но беседовать мы не беседовали, ни вслух, ни мысленно. Я ощущал только некую темную, угрюмую стену молчания, которой он отгородился от меня. Я не знал, что с

этим делать, — впервые один из нас был нездоров в одиночку, без другого.

Но когда Пэт окликнул меня, я бросился к нему со всех ног.

— Закрой дверь.

Я закрыл. Он мрачно поглядел на меня.

— Надеюсь, я выдернул тебя оттуда раньше, чем ты успел что-нибудь им наобещать?

— Да.

— Тогда иди к ним и скажи папе, что я хочу сию же секунду с ним поговорить. И скажи маме, что я прошу ее перестать плакать, а то она меня очень расстраивает. — Он сардонически ухмыльнулся. — А мистера Говарда попроси дать мне поговорить с родителями наедине. А сам потом мотай отсюда.

— Чего?

— Уходи и не задерживайся, чтобы сказать «до свидания», и не говори, куда уходишь. Когда ты понадобишься, я позову. Если ты будешь ошиваться здесь, мама тебя обработает и заставит надавать обещаний. — Он мрачно поглядел на меня. — У тебя никогда не было никакой силы воли.

Я спустил ему это: он же был болен.

— Послушай, Пэт, на этот раз против тебя вся

банда. Мать хочет сделать по-своему, несмотря ни на что, а папа так завелся, что чудо еще, что он не врезал хорошенько мистеру Говарду.

— Я справлюсь с матерью, да и с отцом тоже. Говарду лучше держаться в стороне. Ну давай, разведи их, а сам сматывай.

— Хорошо, — сказал я, чувствуя себя крайне неловко. — Да… слушай, Пэт, я тебе очень благодарен.

Он взглянул на меня, и его губы искривились.

— Думаешь, я это ради тебя?

— Ну, я думал…

— Ты вообще никогда не думал… а я уже несколько дней только этим и занимаюсь. Если я останусь калекой, думаешь, мне хочется провести всю жизнь в казенном заведении? Или здесь, где мать будет надо мной сюсюкать, а папа будет считать каждый грош, а девочек будет тошнить от одного моего вида? Только не Патрик! Если уж мне придется быть таким, у меня будет все самое лучшее: санитарки, которые будут вскакивать, если я только палец подниму, и танцовщицы, чтобы меня развлекать, — и вот увидишь, ФДП все это оплатит. Мы можем сохранить наш контракт, и так мы и сделаем. О, я знаю, что ты не хочешь лететь, но теперь ты просто обязан.

— Я? Да ты все путаешь. Это ты меня обошел. Ты…

— Ладно, проехали. Ты прямо рвешься туда. — Он вытянул руку и слегка ударил меня под ребра, потом ухмыльнулся. — Значит, мы оба туда отправимся, ведь я буду с тобой всю дорогу, на каждом шагу. А теперь убирайся и займись делом.

Я уехал через два дня. Когда Пэт, глядя матери в глаза, изложил ей все эти соображения, она даже и не сопротивлялась. Если для того, чтобы обеспечить деньги для надлежащего ухода за ее больным ребенком и всего остального, что он захочет, я должен лететь в космос — ну что ж, очень жаль, но ничего уж тут не поделаешь. Она объяснила мне, как больно ей меня отпускать, но я понимал, что она не слишком расстроена. Вот *я* лично — был расстроен, несколько… Я задавался вопросом, как бы это происходило, попади я в положение Пэта? Отпустила бы она Пэта так же легко, чтобы обеспечить меня всем, чего хочу я? Но я решил бросить все эти размышления; родители, возможно, не осознают, что у них есть любимчики, даже когда они у них есть.

Перед самым отъездом папа отвел меня в сторону для мужского разговора с глазу на глаз. Он

мямлил и запинался, и завяз в извинениях насчет того, что надо было переговорить со мной раньше, и был смущен даже больше, чем я, а это кое-что. Он все еще барахтался в словах, когда я объяснил ему, что все, что он пытается мне сказать, было у нас в одном из школьных курсов. (Я не стал говорить, что этот курс оказался сплошным разочарованием.) Папа просветлел и сказал:

— Ну, сынок, мы с твоей матерью старались научить тебя, что такое хорошо и что такое плохо. Ты только не забывай, что ты — Бартлетт, и тогда не наделаешь слишком много ошибок. А про это, другое, ну, ты всегда задавай себе вопрос, та ли это девушка, какую ты с гордостью привел бы домой познакомить со своей матерью, — это все, чего я хочу.

Я пообещал это — мне пришло в голову, что у меня не будет особых шансов попасть в дурную компанию, когда эти самые психологи буквально по косточкам разобрали всех будущих участников проекта «Лебенсраум». Паршивой овце в это стадо просто не пробраться.

Когда я вижу, насколько наивны мои родители, я невольно задаюсь вопросом, как род человеческий ухитряется продолжать цепочку рождений?

Но все равно это было крайне трогательно, и я по достоинству оценил муку, через которую прошел отец, чтобы поговорить начистоту, он всегда был приличным парнем, и намерения у него всегда были самые наилучшие.

У меня было последнее свидание с Моди, но о нем и сказать-то особенно нечего: мы провели его, сидя у кровати Пэта. Она сама поцеловала меня на прощание — ей так Пэт велел. Какого черта!

Глава 6
Факельщик «Льюис и Кларк»

В Швейцарии я пробыл всего два дня. Я бегло осмотрел Цюрихское озеро, этим все развлечения и закончились. Время было забито до отказа — они пытались поскорее вбить в меня все то, что Пэт изучал неделями. Сделать это было невозможно, так что мне дали кассеты с микропленкой, по которым я должен был учиться уже во время полета.

Кое-какое преимущество у меня было — в нашей школе одним из обязательных курсов был вспомогательный язык Планетной лиги — а этот самый ПЛ-жаргон являлся рабочим языком проекта «Лебенсраум». Нельзя сказать, чтобы я умел на нем говорить, когда попал сюда, но это было не особенно трудно. Конечно, с непривычки некоторые слова звучат немного глупо, но потом привыкаешь, а вся техническая терминология, как всегда, шла на женевском международном.

В действительности, как указал руководитель подпроекта профессор Брунн, телепатическому коммуникатору и не надо было ничего особенно-

го изучать перед началом рейса; основная цель центра подготовки была в том, чтобы собрать весь экипаж в одном месте, чтобы они вместе жили и питались, а психологи смогли выявить мелкие трения между ними, которые не обнаружили с помощью тестов.

— В отношении тебя, сынок, у нас сомнений нет. У нас есть данные твоего брата, и мы знаем, насколько близко совпадают ваши тесты. А вы, телепаты, должны очень сильно отклоняться от общепринятых стандартов, чтобы мы кого-то из вас дисквалифицировали.

— Сэр?

— Не понимаешь? Мы можем отклонить кандидата в капитаны корабля всего лишь за то, что у него низкий уровень сахара в крови перед завтраком, потому что он, теоретически, может вспылить, пока не получит свою утреннюю кашку. Любую вакансию мы можем заполнить двумя десятками кандидатов и можем, соответственно, жонглировать ими, пока команда не окажется подобранной, как группа цирковых акробатов.

Но к вам, ребята, это не относится. Вас так мало, что мы должны допустить у вас любую эксцентричность, лишь бы она не угрожала безопасности корабля. Я, например, и глазом бы не

моргнул, если бы ты верил в астрологию. А ты веришь в нее?

— Помилуй бог, конечно нет! — ответил я, совершенно шокированный.

— Вот видишь? Ты нормальный, разумный парень, ты вполне нам подойдешь. Да что там, если бы это было так уж необходимо, мы взяли бы твоего брата даже на носилках.

Когда я попал в Цюрих, там оставались одни телепаты. Капитаны, астронавигаторы и инженеры факельных приводов первыми отправились на свои корабли, за ними последовали специалисты и вспомогательные работники. Все «пассажиры» были уже на борту, за исключением нас. И мне едва хватило времени, чтобы познакомиться хотя бы со своими коллегами-телепатами.

Мы представляли собой странную компанию, и я начал понимать, что имел в виду профессор Брунн, говоря, что нам, психам, позволительны некоторые отклонения от нормы. Нас было двенадцать человек; я имею в виду — двенадцать только для нашего «Льюиса и Кларка», для всех двенадцати кораблей флота собрали полторы сотни телепатов — по одному от каждой телепатической пары, которую сумел завербовать ФДП. Я спросил одного из старожилов, Бернарда

ван Хоутена, зачем на каждом корабле так много телепатов?

Он с жалостью посмотрел на меня:

— Да подумай ты сам своей головой, Том. Что ты сделаешь, если в твоем приемнике сгорит лампа?

— Сменю ее, конечно.

— Вот и ответ. Мы — запасные части. Если любой из членов телепатической пары умрет или с ним произойдет еще что-нибудь, этот «приемник» сгорит окончательно. Тогда они переключаются на другого из нас. Они хотят быть уверенными, что хотя бы одна из телепар проработает до конца полета… они на это надеются.

Мне едва хватило времени запомнить их имена, до того как нас увезли на корабль. Тут были я сам и Бернард ван Хоутен, китайско-перуанская девушка по имени Мэй-Лин Джонс (только она произносила свою фамилию как «Хон-Эйс»), Руперт Хауптман, Анна Горошен, Глория Мария Антонита Докампо, Сэм Рохас и Пруденс Мэтьюз. Эти были более-менее моего возраста. Затем шел Дасти Родс, выглядевший лет на двенадцать, заявлявший однако, что ему четырнадцать. Я удивлялся про себя, как это ребята из ФДП убедили его родителей отпустить такого маленького

ребенка. Возможно, они его ненавидели; представить себе такое было нетрудно.

Затем были трое постарше всех остальных: мисс Гамма Фэтни, Кас Уорнер и Альфред Макнил. Мисс Гамма была со странностями, она относилась к тому типу старых дев, которые никогда не признаются, что им больше тридцати, к тому же она была наша тройняшка. ФДП сумел наскрести четыре комплекта тройняшек-телепатов подходящего возраста, которых удалось уговорить лететь. Их собирались использовать для того, чтобы связать двенадцать кораблей вместе в четыре группы по три; далее эти группы связывались друг с другом посредством четырех пар двойняшек.

Поскольку тройняшки встречаются в восемьдесят шесть раз реже, чем близнецы, было удивительно, как они сумели найти достаточное количество тройняшек, обладавших телепатическими способностями и согласных лететь. Тут уж было не до выяснения, со сдвигом они или нет. Подозреваю, что мисс Альфу, Бету и Гамму Фэтни привлек эйнштейновский эффект замедления времени; они смогут посчитаться со всеми мужчинами, не женившимися на них, — они ведь почти не постареют, а эти мужчины тем

временем поумирают от старости.

Наш корабль был «угловым», и Кас Уорнер был нашим «боковым» близнецом, он через своего близнеца связывал нас с «Васко да Гама»[50], сцепляя таким образом две группы по три корабля. Другие «боковые» близнецы связывали другие углы. Близнецам, работавшим на связи «корабль — корабль», не обязательно было быть молодыми, так как у них не было партнеров на Земле, стареющих, пока их близнецы в космосе остаются молодыми благодаря релятивистскому эффекту. Кас Уорнер был лет сорока пяти, хороший, спокойный мужчина, которому, похоже, нравилось с нами, детишками.

Двенадцатым был мистер («Зовите меня просто „дядя Альфред“») Макнил. Это был негр, возраст его мог быть каким угодно, от шестидесяти пяти и выше (я лично так и не угадал), он обладал той святостью, которая появляется иногда у старых людей, если только они не преисполняются злобы на все и вся и не замыкаются сами в себе… Взглянув на него, вы были бы готовы много по-

[50] notes: 50

«Васко да Гама» — корабль назван в честь Васко да Гама (1469–1524), португальского мореплавателя эпохи Великих географических открытий. Экспедиция Васко да Гама впервые в истории прошла морским путем из Европы в Индию.

ставить на то, что раньше он был дьяконом в своей церкви.

Я познакомился с ним потому, что первую свою ночь в Цюрихе страшно тосковал по дому, а он это заметил, позвал меня после ужина в свою комнату и кое-как утешил. Я принял его за одного из психологов Фонда вроде профессора Брунна, но нет — он тоже был половинкой телепары, и даже не «боковой», его напарник оставался на Земле.

Я не мог поверить в это, пока он не показал мне фотографию своего напарника — маленькой девочки с веселыми глазенками и волосами, собранными в хвостики. Только тогда до моей тупой головы дошло, что это уникальный случай, телепатическая пара, состоящая не из близнецов. Девочка была его двоюродной внучкой, по имени Селестина Реджина Джонсон, — только сам он, показывая мне ее фотографию и одновременно рассказывая ей, кто такой я, называл ее исключительно «лапочка».

Тут я даже прервался и рассказал про такое чудо Пэту, совсем позабыв, что он и сам с ними знаком.

Дядя Альфред вышел на пенсию, жил со своей племянницей и ее мужем и стал главным товарищем по играм своей крохотной двоюродной

внучки. Он научил девочку говорить. Когда ее родители погибли в результате несчастного случая, дядя Альфред, чтобы ребенка не забрали на удочерение, вернулся на работу. «И тут я обнаружил, что могу следить за лапочкой даже тогда, когда не вижу ее. Она всегда была послушной девочкой, и это значило, что я могу присматривать за ней и тогда, когда ухожу из дома. Я понял, что это дар Божий; я считаю, что Господь в бесконечном своем милосердии даровал мне то, что было необходимо для заботы о моей малышке».

Его беспокоило лишь одно — что он не проживет достаточно долго или, того хуже, не окажется в силах работать достаточно долго, чтобы вырастить свою Лапочку и обеспечить ей хороший старт в жизни. И вот тогда все эти проблемы разрешил проект «Лебенсраум». Нет, он ничего не имел против того, чтобы разлучиться с ней, так как он с ней и не разлучался, а каждую минуту был рядом.

У меня создалось впечатление, что он в действительности может даже видеть ее, но спросить я не решился. Во всяком случае, для него каменные стены не являлись тюрьмой, а световые годы — разлукой. Он знал, что Бесконечное Милосердие, соединявшее их все это время, не позволит им

разлучиться еще достаточно долго, чтобы он мог выполнить возложенную на него задачу. Что будет потом — в руках Божьих.

Я в жизни своей не встречал человека, который был бы так глубоко и безмятежно счастлив. С ним я забыл о своей тоске по дому, она вернулась только тогда, когда я ушел в свою комнату и лег спать. Тогда я окликнул Пэта и рассказал ему о своем знакомстве с дядей Альфредом. Он ответил, что дядя Альфред — отличный старый чудак, а теперь мне лучше бы заткнуться и уснуть, так как завтра у меня тяжелый день.

Потом нас быстренько перекинули в южную часть Тихого океана, и, перед тем как подняться на борт, мы провели ночь на атолле Кантон. Поплавать в лагуне нам не дали, хотя Сэм сколотил уже было прогулочную компанию из себя, меня, Мэй-Лин и Глории; плавание было одним из опасных занятий. Вместо этого мы рано легли спать, и были разбужены за два часа до рассвета — отвратительное время, особенно если твой ритм полностью сбит быстрой сменой слишком большого количества часовых поясов. Я задумался: что я здесь, собственно, делаю и зачем?

«Льюис и Кларк» находился в нескольких сотнях миль к востоку от нас, в пустынной части

океана. Я и не представлял себе, насколько много на Земле воды, пока не бросил на нее взгляд с воздуха, — а ведь я видел только малую часть. Если люди сообразят, как использовать все эти водные гектары с той же эффективностью, с какой используется долина Миссисипи, им не нужны будут другие планеты.

С воздуха «Льюис и Кларк» смахивал на футбольный мяч, плавающий в воде; что он скорее напоминал формой репу — видно не было. Он болтался в воде двигателями вниз, видна была только верхняя его полусфера. Секунду мы смотрели на космический корабль, окруженный крошечными в сравнении с ним транспортными подводными лодками, затем наш вертолет завис над ним, нам было сказано: «Осторожнее на лесенке и не забывайте свои вещи в вертолете». Я подумал, что если мы забудем какие-нибудь вещи, то писать в бюро находок мало смысла. От этой мысли повеяло неприятным холодком. Пожалуй, я все еще скучал по дому, но больше всего я дрожал от возбуждения.

Пару раз я заблудился и в конце концов добрел до своей каюты как раз в тот момент, когда изо всех громкоговорителей прозвучало: «Команде приготовиться к ускорению. Пассажирам

пристегнуться. Двигательные установки докладывают о готовности в установленном порядке. Минус четырнадцать минут».

Все это было произнесено так буднично, что легко можно было ожидать продолжения: «Транзитные пассажиры пересаживаются в Бирмингеме».

Каюта была вполне просторной, в ней стоял сдвоенный платяной шкаф, письменный стол со встроенным видео, небольшой умывальник и две откидные койки, обе они были опущены, что уменьшало размеры помещения. Кроме меня здесь не было никого, так что я выбрал одну из них, лег и застегнул на себе три ремня безопасности. Только я сделал это, как в каюту просунулась голова этого коротышки Дасти Родса.

— Эй! Ты занял мою койку!

Я хотел было послать его, но затем решил, что время перед стартом — не самое лучшее, чтобы спорить.

— Ради бога, — ответил я, отстегнулся, перелег на другую койку и пристегнулся снова.

На лице у Дасти появилась обида; наверное, он хотел поругаться. Вместо того чтобы залезть на освобожденную койку, он высунул голову в коридор и поглядел по сторонам. Я сказал:

— Ты бы лучше пристегнулся. Уже объявляли.

— Ерунда, — ответил Дасти, не оборачиваясь. — Времени еще уйма. Лучше я сбегаю посмотрю рубку управления.

Только я собрался предложить ему прогуляться за пределы корабля, пока еще есть такая возможность, как вошел один из офицеров, проверявший каюты.

— А ну-ка на койку, сынок, — произнес он резко, тоном, не допускающим возражений, каким отдают собаке приказ «к ноге».

Дасти раскрыл рот, потом закрыл его и вскарабкался на кровать. Тогда офицер пристегнул его «детским» способом, оттянув пряжки в такое положение, что сам Дасти не мог до них добраться. Он даже привязал руки Дасти к койке грудным ремнем.

Затем офицер проверил мои ремни. Руки у меня были свободны, но он только сказал:

— Во время ускорения не поднимайте руки с матраса, — и ушел.

Женский голос произнес:

— Всем специальным связистам — установить связь со своими телепартнерами.

Я переговаривался с Пэтом все время, с тех пор как проснулся, — описывал ему, как выглядит

«Льюис и Кларк» сверху, а потом и изнутри. Но все равно я сказал:

Ты здесь, Пэт?

Само собой, я-то никуда не ухожу. Как там?

Старт минут через десять. Они только что велели нам связаться со своими партнерами во время ускорения.

Тогда лучше оставайся на связи, а то я тебе такое выдам — оглохнешь. Я не хочу ничего пропускать.

Ладно, ладно, не жми на педаль. Пэт! Это не совсем так, как я себе представлял.

Да? А что?

Не знаю. Наверное, я ожидал духовые оркестры, торжественные речи и все такое. В конце концов, это же великий день. Но если не считать того, что прошлым вечером на атолле Кантон нас много снимали, шуму было меньше, чем тогда, когда мы отправлялись в скаутский лагерь.

Пэт хмыкнул:

Если расставить духовые оркестры вокруг твоего корабля, они малость промокнут, не говоря уж о том, что наберут уйму нейтронов.

Точно, точно. Мне не нужно было рассказывать, что факельному кораблю для старта нужно много свободного места. Даже когда инженеры

сумели разработать способ старта прямо с Земли, а не с орбиты, сохранилась необходимость в нескольких тысячах квадратных миль свободного океана. И все равно можно было слышать, как малограмотные люди болтают о том, что выхлоп двигателей меняет климат и правительство должно с этим что-то сделать.

А вот у нас оркестров и речей хватает. Вот мы прямо сейчас являемся свидетелями выступления достопочтенного Дж. Дилбери Эгхеда… повторить?

Э-э-э… Не стоит беспокойства. А кто это «мы»?

А все мы. Вот только что пришли Фейт и Фрэнк.

Я как раз собирался спросить насчет Моди, когда из динамика опять послышался голос:

— Рад приветствовать всех вас на борту корабля. Говорит капитан. Мы стартуем с легким ускорением в три *g*; тем не менее я хотел бы предупредить вас, чтобы вы расслабились и не убирали рук с коек. Тройная тяжесть будет длиться в течение шести минут, затем вам будет разрешено встать. Мы стартуем вторыми, сразу

после «Генри Хадсона»[51].

Я повторял Пэту слова капитана практически одновременно с тем, как он их произносил; это как раз и было одним из предметов нашей тренировки в то время, когда Пэт находился в центре подготовки; мы учились мысленно повторять чужие слова, подобно эху, так чтобы телепара действовала почти как микрофон и динамик. Наверное, он там, дома, делал то же самое, повторяя нашей семье слова капитана на секунду позже меня, — после тренировки это совсем не сложно.

Капитан произнес:

— «Генри» кончает обратный отсчет… десять секунд… пять… Вот!

Я увидел нечто вроде вспышки молнии, хотя и находился в закрытом помещении. Несколько секунд из динамика доносился мягкий шипящий отдаленный звук, похожий на шелест снега, бьющего в окно. Пэт сказал:

Господи!

Что там, Пэт?

Он выскочил оттуда, словно пчела в зад ужалила. Просто вспышка света, и в воде осталась яма.

---

[51] notes: 51

«Генри Хадсон» — корабль назван в честь английского мореплавателя сэра Генри Хадсона (1570–1611). Пытался найти Северо-Западный морской путь, открыл Гудзонов пролив.

Подожди секунду — они переключаются с камер на спутнике на вид с Луны.

У вас вид получше, чем у меня. Я вижу только потолок каюты.

Женский голос произнес:

— Мистер Уорнер! Мисс Фэтни! Межкорабельным телепарам начать запись.

Капитан объявил:

— Вся команда, готовность к старту. Следите за обратным отсчетом. — После чего зазвучал другой голос:

— Шестьдесят секунд… пятьдесят пять… пятьдесят… сорок пять… задержка на сорок пять… задержка сорок пять… задержка… задержка…

Я уже готов был заорать.

Том, что случилось?

Откуда я знаю?

— …сорок… тридцать пять… тридцать…

Том, мама просила, чтобы я сказал тебе быть поосторожнее.

А что, по ее мнению, я могу сделать? Я просто лежу здесь, привязанный к койке.

Знаю, хихикнул Пэт. *Держись покрепче за кисточку, везунчик, они собираются убрать лестницу.*

— …четыре!.. три!.. два!.. ОДИН!

Я не видел вспышки, я ничего не слышал. Мне просто стало очень тяжело — вроде как куча-мала, а ты в самом низу.

Том, где были вы, остался только пар.

Я не отвечал, у меня были проблемы с дыханием.

Они поменяли точку обзора. Сейчас они следят за вами объективом. Том, ты бы только посмотрел… Ваш корабль светит как солнце. В кадре просто больше ничего не видно.

Как бы я мог это видеть? — раздраженно ответил я. *Я же внутри.*

У тебя какой-то придушенный голос. С тобой все в порядке?

У тебя тоже был бы придушенный, если бы тебе на грудь навалили мешки с песком.

Что, так плохо?

Мало приятного, но все нормально, я думаю.

Пэт оставил меня в покое и стал подробно описывать, что показывают по телевизору. «Ричард И. Берд»[52] стартовал сразу после нас, еще до того,

---

[52] notes: 52

«Ричард И. Берд» — корабль назван в честь Ричарда Ивлина Берда (1888–1957), американского авиатора и полярного исследователя. В 1929 г. Ричард Берд первым в истории пролетел над Южным полюсом. Более известен в связи с конспирологическими теориями полой Земли и базы Третьего рейха в Антарктиде (экспедиция адмирала Берда 1946–1947 гг.).

как мы закончили ускорение и набрали вторую космическую скорость; Пэт мне все про это рассказал. Мне все равно нечего было рассказывать: видеть я ничего не видел, а болтать мне не хотелось. Я просто хотел тихо лежать и жалеть себя.

Наверное, это и вправду были шесть минут, только больше похожие на час. Много-много времени спустя, когда я уже решил, что там где-то заело в управлении и мы будем сохранять ускорение, пока не превысим скорость света, давление неожиданно прекратилось и я почувствовал себя легким как пушинка. Если бы не ремни, я, пожалуй, воспарил бы к потолку.

— Мы снизили ускорение до одного и одной десятой *g*, — послышался ободряющий голос капитана. — Крейсерское ускорение будет выше, но мы дадим новичкам некоторое время, чтобы привыкнуть к нему. — Тон его изменился, и он отрывисто скомандовал: — Всем постам — проверить защиту, третья секция — установить вахты по космическому распорядку.

Я расстегнул ремни и сел, а потом и встал. Может, мы и стали на десять процентов тяжелее, но я этого не чувствовал, я чувствовал себя великолепно. Я направился к двери, намереваясь осмотреться получше, чем при посадке.

И тут заорал Дасти Родс:

— Эй! Вернись и отвяжи меня! Этот придурок убрал пряжки так, что мне до них не дотянуться.

Я обернулся и посмотрел на него.

— Скажи «пожалуйста».

Дасти ответил мне, и это было совсем не «пожалуйста». Но я все равно расстегнул его. Надо было заставить его сказать «пожалуйста»; возможно, это избавило бы меня от многих последующих неприятностей.

Глава 7
19 900 вариантов

Первое, что случилось со мной на борту «Льюиса и Кларка», заставило меня думать, что я сплю, — я наткнулся на дядю Стива.

Я шел по кольцевому коридору, соединявшему каюты на нашей палубе, и искал какой-нибудь проход, ведущий внутрь, к оси корабля. Свернув за угол, я на кого-то натолкнулся. Произнеся: «Извините, пожалуйста», — я собирался было идти дальше, однако встречный схватил меня за руку и хлопнул по плечу. Я поднял глаза — это был он, дядя Стив, с ухмылкой на лице, кричавший во весь голос:

— Привет, коллега! Добро пожаловать.

— Дядя Стив! А ты что здесь делаешь?

— Спецзадание Генерального штаба. Смотреть, чтобы *ты* не попал в беду.

— Чего?

Когда он объяснил, все оказалось очень просто. Дядя Стив еще месяц назад узнал, что получено согласие на его заявление о специальном увольнении из армии для перехода на службу в ФДП по

проекту «Лебенсраум». Он не стал рассказывать об этом семье и потратил месяц, придумывая — и придумав — способ попасть на один корабль с Пэтом или, как получилось в результате, со мной.

— Я подумал, что твоей матери будет легче, если она будет знать, что я присматриваю за ее мальчиком. Скажи ей это в следующий раз, когда будешь связываться с Пэтом.

— А я прямо сейчас и скажу, — ответил я и громко окликнул (в уме) Пэта. Непохоже было, чтобы его эта новость особенно заинтересовала. Наверное, наступала реакция после первого возбуждения и ему опять стало обидно, что я нахожусь там, где хотел быть он. Но мать была рядом, и он сказал, что сообщит ей. — Передал, она знает.

Дядя Стив бросил на меня недоверчивый взгляд.

— Это что, так просто?

Я начал объяснять ему, что это как говорить… ведь мысленно произносить слова можно быстрее, чем вслух, особенно когда потренируешься. Но он остановил меня:

— Ладно, не надо. Ты же пытаешься объяснить слепому, что такое цвет. Я просто хотел, чтобы

сестренка знала.

— Ладно так ладно. — Только сейчас я заметил, что он сменил мундир. Те же, что и раньше, ленточки наград украшали такую же, как и у меня самого, форму ФДП, но не это меня удивило, а то, что на рукавах его не было нашивок. — Дядя Стив… да у тебя же майорские листья!

Он кивнул.

— Вот видишь, парень из нашего села добился успеха в жизни. Надо только много работать, вести правильный образ жизни и т. д.

— Ух ты, вот здорово!

— Меня перевели сюда с присвоением звания, которое полагается мне при уходе в запас. И продвинули еще на одну ступеньку за исключительно высокие результаты при тестировании. Останься я служить в Корпусе, вышел бы в отставку не больше чем старшим сержантом — в мирное время нет повышений! Но этот проект подыскивал нужных ему людей, а не людей с нужными званиями, и так уж случилось, что у меня как раз подходящее количество рук и ног для исполнения моих обязанностей.

— А какие у тебя обязанности, дядя?

— Я — начальник охраны.

— Да? И что ты будешь охранять?

— Хороший вопрос. Спроси меня через год или два, и я смогу дать хороший ответ. На самом деле «командир десантного отряда» звучит получше. Когда мы найдем подходящую на вид планету — я хотел сказать «если и когда», — то я и буду тем парнем, который выйдет наружу, чтобы поглядеть, как там все и насколько дружественны к нам аборигены. А все вы, ценные личности, останетесь на корабле, в уюте и безопасности. — Он глянул на свое запястье. — Пошли на кормежку.

Есть мне не хотелось, а хотелось осмотреться, но дядя Стив крепко взял меня за руку и повел в столовую.

— Если бы ты прослужил столько, сколько я, то усвоил бы: есть возможность спать — спи и никогда не опаздывай к раздаче кормежки.

Там и в самом деле была линия раздачи кормежки, типа кафетерия. На «Льюисе и Кларке» не было официантов и какого-либо персонального обслуживания, только для капитана и вахтенных. Мы прошли вдоль линии, и я обнаружил, что все-таки хочу есть. Дядя Стив провел меня — только в этот раз — к столику, за которым обедали командиры служб корабля.

— Леди и джентльмены, это мой двухголовый племянник Том Бартлетт. Вторую свою голову он

забыл на Земле — он близнец из телепары. Если он вдруг сделает что-нибудь такое, чего делать не должен, не говорите мне, пожалуйста, а просто настучите ему по башке. — Он глянул на меня искоса. Я начал заливаться краской. — Ну, сынок, скажи «здрасте»… или просто кивни дядям и тетям, если ты не умеешь говорить.

Я кивнул головой и сел. Рядом со мной сидела приятная женщина с такими коленками, на которых любят сидеть дети. Она улыбнулась и сказала:

— Рада, что ты заглянул к нам, Том.

Я узнал, что она главный эколог доктор О'Тул, но по фамилии ее никто не называл; она была замужем за одним из релятивистов.

Дядя Стив обошел стол, рассказывая, кто здесь кто и чем занимается: старший механик, релятивист (дядя Стив назвал его «астронавигатор», так называлась эта должность на обычном корабле), главный планетолог Гарри Гэйтс, штатный ксенолог и так далее — в тот раз я не сумел запомнить все фамилии — и резервный капитан Уркхардт. Я не расслышал слово «резервный» и удивился, до чего же он молод. Но дядя Стив поправил меня:

— Нет-нет! Он не капитан. Он тот человек, который станет капитаном, если окажется, что

потребуется замена. Вот напротив тебя сидит хирург — но ты не верь тому, что слышишь, сам он никаких операций не делает. Доктор Деверо — самый главный мозгоправ.

На лице у меня, видимо, отразилось полное непонимание, поэтому дядя Стив продолжил:

— Не сечешь? Психиатр. Док Деверо вглядывается в каждое наше движение и соображает, как скоро потребуется смирительная рубашка и шприц. Точно, док?

Доктор Деверо намазывал булочку маслом.

— Ну, в общих чертах майор прав. Но вы ешьте, ешьте — до вечера мы за вами не придем. — Это был маленький, толстый, напоминавший жабу, ужасно уродливый человечек, полный безмятежного, невозмутимого спокойствия. Он продолжил: — У меня, майор, только что появилась мысль.

— Никогда бы не подумал, что мысли могут вас тревожить.

— А вы послушайте. Меня прислали, чтобы я поддерживал в здравом рассудке сомнительных типов вроде вас… но они забыли назначить кого-нибудь — поддерживать в здравом рассудке меня. Ну и что вы прикажете мне делать?

— Мм… — Дядя Стив изобразил тщательное об-

думывание проблемы. — А я и не знал, что сами вы, мозгоправы, должны пребывать в здравом рассудке.

Доктор Деверо кивнул:

— Вот тут-то вы попали в самую точку. В моей профессии, равно как и в вашей, майор, сумасшествие — не недостаток, а преимущество. Передайте соль, пожалуйста.

Дядя Стив смолк и сделал вид, что вытирает кровь с разбитого лица.

Подошел еще один человек и тоже сел за наш стол. Дядя Стив представил ему меня и сказал:

— Это командор Фрик, ответственный за связь, твой начальник, Том.

Командор Фрик кивнул мне и спросил:

— А вы, молодой человек, разве не из третьей секции?

— Э-э-э, я не знаю, сэр.

— А я знаю… и вам тоже надо бы знать. Доложитесь в центр связи.

— Вы имеете в виду — прямо сейчас, сэр?

— Прямо сейчас. Вы и так уже опоздали на полчаса.

Я сказал:

— Извините, пожалуйста, — и торопливо вскочил, чувствуя себя до крайности глупо. Я взглянул

на дядю Стива, но он не смотрел в мою сторону, можно было подумать, что он ничего не слышал.

Центр связи был двумя палубами выше, прямо над центром управления; нашел его я не сразу. Там были ван Хоутен, Мэй-Лин и офицер по фамилии Трэверс — вахтенный связист. Мэй-Лин не подняла глаз, она читала пачку бумаг; я понял, что она телепатирует. Ван Хоутен спросил:

— Где тебя черти носили? Я есть хочу.

— Я же не знал, — возразил я.

— Должен был знать.

Он вышел, а я повернулся к мистеру Трэверсу:

— Что мне нужно делать?

Тот заправлял катушку пленки в автоматический передатчик и не ответил мне, пока не покончил с этим занятием.

— Когда она кончит, возьмите у нее эту пачку сообщений и делайте с ними, что уж вы там с ними делаете. Впрочем, это не важно.

— То есть прочесть все это моему близнецу?

— Именно это я и сказал.

— И вы хотите, чтобы он все это записал?

— Передаваемые сообщения всегда записываются. Вас что, ничему не учили?

Я хотел объяснить, что меня и вправду ничему не учили, так как на это не осталось времени, но

потом подумал: а какой смысл объяснять? Возможно, он думает, что я — это Пэт, и считает, что я прошел полный курс. Я взял те бумаги, которые Мэй-Лин уже прочитала, и сел.

Но Трэверс еще не кончил говорить.

— И вообще я не понимаю, сейчас-то зачем вы, психи, здесь находитесь. Вы же пока что не нужны, мы еще в досягаемости обычной связи.

Я положил бумаги и встал.

— Не называйте нас «психи».

Он глянул на меня и сказал:

— Малыш, да какой же высокий ты вырос. Садись и приступай к работе.

Мы были примерно одного роста, только он лет на десять старше и фунтов на тридцать тяжелее меня. Будь мы один на один, я, может, и пропустил бы все это мимо ушей, но в присутствии Мэй-Лин не мог.

— Я сказал, чтобы вы не называли нас «психами». Это невежливо.

Вид у него был усталый и недовольный, однако со своего кресла он не сдвинулся. Я решил, что он не хочет драться и почувствовал облегчение.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Не заводись с пол-оборота. И займись этими сообщениями.

Я сел, просмотрел передаваемый материал,

окликнул Пэта и сказал ему подготовить диктофон; это уже не было тренировочной связью.

Он ответил:

Позвони через полчасика. Я обедаю.

Я и сам обедал, только мне не дали закончить. Не тяни волынку, Пэт, перечитай лучше контракт, который рвался подписать.

Ты и сам рвался не меньше. А в чем дело, парень, уже дрожат коленки?

Может, дрожат, может, нет. Только у меня появилось подозрение, что это будет совсем не похоже на длинную веселую прогулку. И одно я успел уже усвоить: если капитан посылает тебя за ведром краски, он хочет, чтобы ты ему принес это ведро, а не объяснения, что тебе помешало. И полное ведро. Так что включай свой диктофон и приготовься принимать цифры.

Пэт что-то пробормотал и сдался. Потом, после задержки (наверняка мама сказала, чтобы он все доел), он объявил:

Готов.

Сообщения почти полностью состояли из чисел (имеющих, наверное, какое-то отношение к старту) и кода, поэтому я заставил Пэта все повторить. Это было нетрудно, но очень уж скучно. Единственным сообщением, которое шло откры-

тым текстом, был заказ капитана послать розы некоей миссис Детвейлер из Брисбейна с переводом стоимости на его счет в ФДП и с припиской: «Спасибо за великолепный прощальный ужин».

Больше личных посланий не было; похоже, члены нашей команды не оставили после себя никаких неурегулированных дел на Земле.

Я подумал было, не послать ли розы Моди, но я не хотел делать это через Пэта. Мне пришло в голову, что это можно сделать через Мэй-Лин, а потом я вспомнил, что, хотя деньги в банке у меня и есть, я оставил своим доверенным того же Пэта и все равно потребуется его подпись под счетом.

Так что я решил не вступать на мосты, которые сжег за собой.

Жизнь на борту «Льюиса и Кларка», или «Элси»[53], как мы называли наш корабль, быстро вошла в рутинную колею. Ускорение увеличили еще на пятнадцать процентов, в результате чего я стал весить сто пятьдесят восемь фунтов; ноги мои сперва побаливали, пока я не привык, но привык я скоро — у тощих тоже есть кое-какие преимущества. Мы, психи, стояли одну вахту из пяти, по двое — мисс Гамма и Кас Уорнер в

---

[53] notes: 53

«Элси» — от аббревиатуры Эл Си — LC, «Lewis & Clark».

этом не участвовали, они связывались с другими кораблями. Сначала у нас была уйма свободного времени, но капитан быстро с этим делом покончил.

Зная, что ФДП мало надеется на наше возвращение, я не заботился особенно относительно пункта в контракте, гарантирующего обучение во время рейса, но вскоре обнаружилось, что капитан-то про этот пункт забывать не собирался. Возможность учиться была абсолютно для всех, а не только для нас, телепатов школьного возраста. Капитан назначил педагогический совет в составе доктора Деверо, миссис О'Тул и мистера Кришнамурти, и нам была предложена программа обучения практически всему, чему угодно, от рисования с натуры до древней истории. Последнюю преподавал лично капитан; выяснилось, что он знал Саргона Второго и Сократа, как своих братьев.

Дядюшка Альфред пытался записаться на все сразу, что было совершенно невозможно, даже если бы он перестал есть, спать и стоять вахты. У него никогда, рассказал он мне, не было времени учиться всему, чему хотелось учиться, и теперь-то он собирается наверстать упущенное. Даже мой настоящий дядюшка, Стив, записался на пару

курсов. Вероятно, услышав об этом, я вытаращил глаза от удивления, так как он сказал:

— Знаешь, Том, в первом же своем рейсе я понял, что единственный способ вынести пребывание в космосе — это выбрать какой-то предмет и изучить его. Обычно я записывался перед полетом на какие-нибудь заочные курсы. Но на этой посудине находится самый великолепный набор по-настоящему ярких умов, какие ты когда-либо встретишь. И если ты этим не воспользуешься, то ты просто идиот. Возьми вот, например, кулинарный курс мамочки О'Тул — ну где еще ты встретишь выпускника «Кордон блю», который желал бы научить тебя своему высокому искусству совершенно бесплатно? Я тебя спрашиваю, где?

Я возразил дяде, что мне, пожалуй, никогда не понадобится это вот высокое кулинарное искусство.

— А какое это имеет отношение к делу? Учение — совсем не средство достижения цели, оно само и есть цель. Ты вот глянь на дядюшку Альфа, он же бегает счастливый, как мальчишка с новой рогаткой. В любом случае, если ты не запишешься на какой-нибудь серьезный курс, старина Деверо найдет, чем тебя занять, хоть заклепки считать

заставит. Почему, ты думаешь, капитан именно его назначил главой педагогического совета?

— Как-то не задумывался.

— А ты задумайся. В космосе самая большая опасность — клаустрофобия. Тебя надолго запирают в крошечном пространстве, и снаружи нет ничего, кроме очень-очень разреженного вакуума. Ни уличных фонарей, ни кегельбанов. А внутри все время одни и те же физиономии, и потихоньку ты начинаешь их ненавидеть. Ну так что же делает умный капитан? Умный капитан старается сделать так, чтобы у тебя было нечто интересующее тебя и занимающее твое время — а уж наш-то капитан умнейший, какого только можно сыскать, иначе его бы не взяли в этот рейс.

Тут я начал понимать, что очень многое на «Льюисе и Кларке» было организовано с одной целью — чтобы мы оставались здоровыми и в более-менее хорошем настроении. Не только курсы, многое другое тоже. Например, наша многочисленность — почти две сотни. Дядя Стив рассказывал мне, что как корабль «Элси» обошелся бы командой человек в десять: капитан, три офицера управления, три механика, связист, фермер и кок. Да что там, и это можно было бы

урезать до пяти: два офицера управления (один из них командует кораблем), двое, присматривающих за двигателями, и фермер-кок.

Зачем тогда две сотни?

Во-первых, потому, что для них есть место. «Элси» и остальные корабли были переделаны из огромных грузовиков, использовавшихся Фондом для поставки припасов с Земли на Плутон и руды с Плутона на Землю. Во-вторых, нужен большой научный персонал для исследования планет, которые мы надеялись найти. В-третьих, некоторые из нас были запасными частями, как, например, резервный капитан Уркхардт, ну и я сам. Кто-то из нас умрет, кто-то погибнет, а корабль должен лететь дальше.

Но самое главное, как я теперь понял, — это то, что небольшая изолированная социальная группа не может быть стабильной. Это даже описано математически с эмпирическими формулами и символами для явлений и понятий вроде «латерального давления», «обменной валентности» и «экзогамной разгрузки». (Эта последняя штука обозначает всего лишь то, что молодые ребята из маленьких поселков женятся обычно где-нибудь на стороне.)

Или взгляните на это таким образом: предпо-

ложим, у вас имеется одноместный космический корабль, способный путешествовать в одиночку несколько лет. На нем может лететь только человек, уже съехавший с катушек определенным образом, — в противном случае он вскоре съедет в другую сторону и начнет вырывать приборы из пульта управления. Пусть это будет двухместный корабль: даже если вы посадите на него пару, влюбленную друг в друга не меньше, чем Ромео и Джульетта, к концу рейса в Джульетте проснутся инстинкты «черной вдовы».

Трое — ничем не лучше, даже хуже, особенно если двое объединятся против одного. Куда безопаснее большие числа. Даже из каких-то двух сотен людей можно составить ровно девятнадцать тысяч девятьсот вариантов пар друзей или врагов; как видите, возможности общения очень резко вырастают с увеличением численности. В большой группе больше шансов найти друзей и больше способов избежать людей, которые вам не нравятся. А это ужасно важно на борту корабля.

Наряду с курсами по выбору у нас были и обязательные, называвшиеся «корабельное обучение», — наш капитан считал, что каждый обязан научиться хотя бы одной корабельной специальности помимо своей основной. Я отсто-

ял две вахты внизу, в демпфирующей камере, после чего старший механик Роч изложил в письменной форме свое мнение касательно того, что из меня никогда не получится двигательщик по причине врожденного отсутствия способностей к ядерной физике. По правде говоря, я сильно нервничал, находясь рядом с ядерной энергетической установкой и осознавая, что в нескольких футах от меня пылает сорвавшийся с цепи ад.

Но и фермер из меня получился не лучше. Я провел две недели на этой фабрике кислорода, и единственное, что я там сделал правильно, — это покормил цыплят. Когда меня поймали на том, что я не в ту сторону перекрестно опыляю какие-то кабачки (растения эти были особой гордостью миссис О'Тул), она отпустила меня с фермы — скорее в печали, чем в гневе.

— Том, — сказала она, — ты хоть что-нибудь умеешь делать хорошо?

Я обдумал этот вопрос.

— Ну, я умею мыть посуду… а когда-то я выращивал хомяков.

Тогда она отослала меня в исследовательский отдел, где я стал мыть колбы в химической лаборатории и кормить подопытных животных. Колбы были небьющиеся. К электронному микро-

скопу меня близко не подпускали. Это было даже неплохо — меня могли услать и в прачечную.

Из 19 900 комбинаций, возможных на борту «Элси», мы с Дасти Родсом как раз и являлись одной из плохих. Я не стал записываться на курсы живописи, так как эти курсы вел он; этот мелкий прыщ и вправду был отличным художником. Я в этом разбираюсь, я и сам рисую вполне прилично и хотел бы посещать эти курсы. Что еще хуже, у него был просто оскорбительно высокий ай-кью, гений-плюс, намного выше моего. Поэтому в спорах он крутил мной как хотел. Помимо этого, в быту у него были манеры свиньи, а в общении повадки скунса — малосимпатичное сочетание, с какой стороны ни посмотри.

Слова «пожалуйста» и «спасибо» в его словаре отсутствовали напрочь. Он никогда не прибирал свою постель, если только над его душой не стоял кто-нибудь из начальства, и я часто, войдя в каюту, заставал его на своей постели, где он мял и пачкал покрывало. Он никогда не вешал одежду в шкаф, всегда оставлял умывальник после себя грязным, а самое лучшее его настроение выражалось в полном молчании.

К тому же он редко принимал душ. На борту корабля это уголовное преступление.

Сперва я был с ним вежлив, потом стал на него орать, потом даже стал ему угрожать. В конце концов я сказал ему, что следующая же принадлежащая ему вещь, которую я найду на своей койке, прямым ходом отправится в масс-конвертор. В ответ он только глумливо ухмыльнулся, и на следующий же день я обнаружил его фотоаппарат на своей койке, а грязные носки — на подушке.

Носки я швырнул в умывальник, который он оставил наполненным грязной мыльной водой, а аппарат запер в своем шкафу, чтобы он поканючил, пока я ему его верну.

Но Дасти не стал пищать. Вскоре я обнаружил, что аппарата в моем шкафу нет, несмотря на то что шкаф был заперт на наборный замок, который господа Йель и Тауни[54] легкомысленно назвали «невскрываемый». Не было в шкафу и моих чистых рубашек. То есть рубашки были, но они не были чистыми; некто тщательно перепачкал их все до единой.

Раньше я на него не жаловался. Справиться со всем этим стало делом чести: мысль о том, что я не могу справиться с существом вдвое мельче и младше меня, восторга не вызывала.

---

[54] notes: 54

«Йель и Тауни» («Yale & Towne») — фирма, с 1986 г. производящая замки.

Однако, глядя на то, во что он превратил мою одежду, я сказал себе: «Томас Пейн, лучше тебе признать свое поражение и попросить помощи — иначе тебе остается только пытаться списать все на непредумышленное убийство».

Но жаловаться мне не пришлось. Меня вызвал капитан; оказывается, Дасти сам пожаловался на меня.

— Бартлетт, этот маленький Родс заявил мне, что вы к нему пристаете. Вы можете объяснить мне ситуацию со своей точки зрения?

Тут я чуть не взорвался, но потом медленно выдохнул и попытался успокоиться, ведь капитан действительно хотел знать ситуацию.

— Я бы этого не сказал, сэр, хотя мы и вправду не ладим.

— Вы его били?

— Э-э-э… я его не бил, сэр. Я несколько раз сдергивал его со своей койки — и не старался при этом быть особенно нежным.

Капитан вздохнул.

— Может, вам стоило его вздуть — конечно, так, чтобы я об этом не знал. Ну ладно, расскажите мне все. И старайтесь рассказывать все откровенно и — поподробнее.

И я рассказал ему. Звучало все это очень мел-

ко, и мне было стыдно. У капитана есть заботы поважнее, чем то, что мне приходилось отдирать от грязи раковину, чтобы иметь возможность умыться самому. Но капитан слушал меня внимательно.

Вместо того чтобы ответить, возможно — сказать, что мне надо бы получше справляться с таким маленьким мальчишкой, капитан заговорил о другом:

— Бартлетт, а вы видели эту иллюстрацию, которую Дасти нарисовал для сегодняшней корабельной газеты?

— Да, сэр. Просто великолепно, — согласился я. Нарисовано там было Сантьяго после землетрясения, случившегося после нашего отлета с Земли.

— Мм… нам приходится допускать у вас, людей с особыми способностями, некоторые отклонения от нормы. Дасти находится здесь потому, что он был единственным телепатом, способным принимать и передавать изображения.

— А это так важно, сэр?

— Может оказаться важным. Это мы узнаем только тогда, когда возникнет такая необходимость. Но это вполне может оказаться критически важным. В противном случае я никогда не допустил бы, чтобы такой избалованный щенок

оказался на борту моего корабля. — Он нахмурился. — Однако доктор Деверо не находит у Дасти никакой патологии.

— Ну, я же не говорил ничего про патологию.

— Послушайте меня, пожалуйста. Он говорит, что у мальчика несбалансированная личность. Ум, которому может позавидовать взрослый, в сочетании с сильной задержкой в социальном развитии. Его оценки и отношение к окружающим находятся на уровне пятилетнего, и это в сочетании с великолепными мозгами. Далее доктор Деверо сказал, что он заставит детскую часть личности Дасти вырасти или он вернет свой диплом.

— И? Я хотел сказать: «Да, сэр?»

— И вам надо было его отлупить. Единственное, что не так с этим мальчишкой, — это то, что родителям надо было его пороть, а не восхищаться, какой он умница. — Капитан опять вздохнул. — А теперь придется это делать *мне*. Доктор Деверо говорит, что я — как раз подходящая личность для создания образа отца.

— Да, сэр.

— Голова у меня раскалывается от этих «да, сэр». Это не корабль, это какой-то чертов детский сад. У вас есть еще какие-то проблемы?

— Нет, сэр.

— Странно. Вот Дасти жаловался еще на то, что штатные связисты называют вас «психами». — Он внимательно посмотрел на меня.

Я не отвечал, мне было как-то неудобно.

— Как бы там ни было, больше они этого делать не будут. Я помню, как однажды один член команды чуть не зарезал другого за то, что тот упорно называл его «лысый». Моя команда будет вести себя как настоящие леди и джентльмены, иначе мне придется кое-кого взять за шкирки и стукнуть лбами. — Он нахмурился. — Я переведу Дасти в помещение напротив моей каюты. Если Дасти отстанет от вас, оставьте и вы его в покое. Если не отстанет… ну что же, сами решайте, что тогда делать, однако не забывайте, что вы сами отвечаете за свои поступки. Но не забывайте и того, что я не хочу, чтобы кто-то из команды превращался в коврик, о который можно вытирать ноги. Это все. До свидания.

Глава 8
Релятивистские отношения

«Элси» был в пути уже неделю, когда было принято решение оперировать Пэта. Пэт сказал только, что они собираются это сделать, и больше на эту тему не распространялся. Он вел себя как человек со стальными нервами, так, как будто он собирается грызть орешки и листать комиксы, пока его будут резать на кусочки. Думаю, он был страшно напуган… я бы на его месте напугался.

Да я бы и мало что понял, выложи он все подробности; я же не нейрохирург или кто-то еще, вытащить занозу — предел моих способностей.

Но это значило, что на некоторое время мы выбываем из вахтенного расписания, поэтому я доложил командору Фрику. Он уже и сам знал об этом из переговоров корабля с ФДП и велел мне исключить себя из вахтенного расписания за сутки до операции, а потом быть готовым к исполнению других поручений в послеоперационный период. Ему было все равно: были другие телепаты, да к тому же мы еще не вышли из пределов радиосвязи с Землей.

Через две недели после старта и за день до того, как Пэта должны были резать, я сидел в своей каюте и принимал важное решение — то ли явиться в центр связи, предложить свои ценные услуги и вынести мусорные корзины или микрофильмировать документы, то ли просто сидеть, где сижу, и ждать, пока меня позовут.

Я только что склонился в пользу последнего, вспомнив совет дяди Стива никогда не высовываться, и начал опускать койку, когда громкоговоритель проорал:

— Специальный связист Т. П. Бартлетт, явиться к релятивисту.

Я поднял свою койку, раздумывая, нет ли в моей каюте «следящего глаза», — все мои попытки опустить койку в рабочие часы кончались одинаково: меня куда-то вызывали. Доктора Бэбкока не было в центре управления, и меня оттуда выгнали, однако я успел там немного оглядеться — в центр управления пускали только тех, кто там работал. Нашел я нашего релятивиста в вычислительном центре, напротив центра связи — в том самом месте, куда я и пошел бы за ним в первую очередь, если бы не желание заглянуть в центр управления.

Я доложил:

— Т. П. Бартлетт, связист десятого разряда, по вашему приказанию явился.

Доктор Бэбкок резко развернулся вместе с креслом и уставился на меня. Это был крупный, ширококостный человек, весь состоявший из рук и ног; он больше смахивал на лесоруба, чем на матфизика. Думаю, это было слегка наигранно: локти на столе, неграмотная речь и все такое. Дядя Стив говорил, что у Бэбкока больше почетных степеней, чем у большинства людей — носок.

Так вот, он уставился на меня, потом рассмеялся.

— И где ж это ты набрался таких липовых военных манер, сынок? Садись. Ты Бартлетт?

Я сел.

— Да, сэр.

— Чего это вы с братцем вышли из вахтенного расписания?

— Понимаете, сэр, мой брат в больнице. Завтра там будут что-то делать с его позвоночником.

— Так почему же ты мне этого не сказал? — (Я не стал отвечать, не видел смысла; я даже не был в его отделе.) — Фрик никогда ничего мне не рассказывает, капитан никогда ничего мне не рассказывает, теперь и ты вот никогда ничего мне не рассказываешь. Мне приходится таскать-

ся на камбуз и собирать сплетни, чтобы хоть немного быть в курсе, что у нас тут происходит. А я собрался завтра с тобой поработать, ты же знаешь об этом? Знаешь?

— Нет, сэр.

— Ясное дело, не знаешь, потому что и я тоже никогда никому ничего не рассказываю. Как можно управлять таким кораблем? Надо было мне остаться в Вене. Это славный город. Когда-нибудь пробовал кофе с пирожными на Ринге?[55] — Ответа он не дожидался. — Как бы там ни было, я собирался завтра работать с тобой и с твоим близнецом. Так что теперь придется сделать это сегодня. Скажи ему, чтобы приготовился.

— А что вы хотите, чтобы он делал, доктор? Его уже увезли в больницу.

— Просто скажи ему, чтобы приготовился. Хочу откалибровать вас двоих, вот что. Измерить ваш индекс ошибки.

— Сэр?

— Просто скажи ему…

Я вызвал Пэта. Мы не разговаривали с ним после завтрака, и я не знал, как он воспримет это предложение.

---

[55] notes: 55

Ринг — Рингштрассе, бульварное кольцо в Вене.

Но Пэт уже знал.

Хорошо, хорошо, сказал он устало. *Они прямо сейчас устанавливают в палате свой прибор. Мама подняла такой шум, что ее пришлось отослать.*

Слушай, Пэт, если ты не хочешь этого делать, то, что бы там ни было, я так им и скажу, что ничего не выйдет. Они слишком много хотят.

Да какая разница, ответил он с раздражением. *Мне все равно надо каким-то образом провести ближайшие шестнадцать часов. Да и вообще, может получиться, что это последний наш сеанс.*

Впервые он не удержался и показал, как все это на него действует. Я торопливо сказал:

Не надо так говорить, Пэт. У тебя все получится. Ты снова будешь ходить. Черт, да ты даже на лыжах кататься сможешь, если захочешь.

Кончай ты с этой ободрительной чушью. Я уже наслушался этого от предков больше чем достаточно. Тошнит просто.

Да ты послушай, Пэт…

Кончай, кончай. Давай лучше займемся тем, чего они от нас хотят.

Ну хорошо. А вслух я сказал:

— Он готов, доктор.

— Полминуты. Запускайте свою камеру,

О'Тул. — Доктор Бэбкок нажал что-то на своем столе. — Командор Фрик?

— Да, доктор, — ответил голос Фрика.

— Мы готовы. Вы придете?

— Тут все в порядке, — услышал я ответ своего начальника. — Сейчас идем.

Через секунду он вошел в сопровождении Анны Горошен. Тем временем я осмотрелся. Одну из стен вычислительного центра полностью занимал компьютер, поменьше, чем в Лос-Аламосе, но не намного. Перемигивающиеся лампочки на его панелях, наверное, что-то для кого-то значили. Под прямым углом к компьютеру за пультом сидел мистер О'Тул, над пультом висел большой экран дисплея, в центре которого примерно каждую секунду появлялась яркая вспышка.

Анна без слов кивнула мне; я понял, что она на связи.

Пэт сказал:

Том, у вас на борту есть девушка по имени Анна Горошен. Ее там нет поблизости?

Есть. А что?

Передай ей привет. Я знал ее по Цюриху. Тут ее сестрица Бекки. Он чуть хихикнул, что меня обрадовало. *Симпатичная девица. Моди ревнует.*

Бэбкок сказал Фрику:

— Скажи, чтобы они приготовились. Первый синхронизирующий прогон с той стороны.

— Скажи им, Анна.

Она кивнула. Я не понимал, зачем потребовалась вторая телепара, если они могут переговариваться через нас с Пэтом. Скоро я понял: мы с Пэтом были слишком заняты.

Пэт выдавал тикающие звуки, как часы, а мне было велено их повторять. При каждом моем тике на дисплее появлялась вспышка. Бэбкок наблюдал за дисплеем, потом он развернул меня так, чтобы мне не было видно, и прикрепил микрофон к моей гортани.

— Еще раз.

Пэт сказал:

Внимание… — опять начал тикать. Я старался, как мог, чтобы тикать с ним одновременно, но это было совершенно дурацкое занятие. Я услышал, как Бэбкок тихо произнес:

— Это исключило обратную связь и задержку из-за конечности скорости звука. Жаль, что мы не можем получше измерить скорость передачи сигнала. По нервным синапсам.

Фрик сказал:

— А с Деверо ты говорил?

Я продолжал тикать.

— А теперь, юная леди, прогон в обратную сторону, — сказал Бэбкок, надевая на меня наушники. Я сразу же услышал тиканье вроде того, какое издавал Пэт. — Вы, молодой человек, слушаете сейчас спектральный метроном, ритм которого задается монохроматическим светом. Прежде чем мы покинули Землю, он был синхронизирован с тем, который использует ваш брат. А теперь — тикайте ему.

Я начал тикать. Занятие это прямо гипнотизировало; легче было войти в ритм и тикать вместе с метрономом, чем выбиться из этого ритма. Не обращать на него внимания было невозможно. Меня стало клонить в сон, но я продолжал тикать; остановиться я просто не мог.

— Конец прогона, — возвестил Бэбкок. Тиканье прекратилось, я снял наушники и потер свои уши.

— Доктор Бэбкок?

— Да?

— А как вы сможете отличить один тик от другого?

— Что? Ты, конечно, не сможешь, а О'Тул — сможет. Он все записал на пленку. То же самое и на другом конце. Да ты не бери в голову, просто старайся не сбиться с ритма.

Вся эта ерунда продолжалась еще час с лишним; иногда передавал Пэт, иногда — я. В конце концов О'Тул поднял глаза и сказал.

— Усталость начинает все портить, док. Вторые производные быстро растут по всей серии.

— Ладно, тогда кончаем, — объявил Бэбкок. Он повернулся ко мне. — Можете поблагодарить от моего имени своего брата и отключайтесь.

Командор Фрик и Анна вышли, а я остался. Через некоторое время доктор Бэбкок поднял глаза и сказал:

— Можешь идти, парень. Спасибо.

— Э-э-э, доктор Бэбкок?

— Чего тебе?

— Не могли бы вы рассказать мне, зачем все это?

На лице его появилось удивление, затем он сказал:

— Извини. Я не привык использовать людей вместо приборов, уже забыл, как это… Хорошо, садись. Вот для этого-то вас, телепатов, и взяли на корабль: для исследования природы времени.

Я посмотрел на него с недоверием.

— Сэр? Я думал, мы здесь для того, чтобы сообщать о планетах, которые мы надеемся обнаружить.

— А, это… Ну, наверное, и это тоже, но только исследование времени значительно важнее. Людей и так чересчур много, зачем еще новые колонии? Математик может решить проблему народонаселения в одно мгновение — просто перестрелять всех через одного.

Мистер О'Тул пробормотал, не поднимая глаз:

— За что я люблю вас, шеф, так это за доброту и великодушие.

— Там, на галерке, потише, пожалуйста. Так вот, сегодня, сынок, мы пытались узнать, сколько сейчас времени.

Видимо, все мое непонимание отразилось на лице, так как он продолжал:

— Да, конечно, мы *знаем*, сколько сейчас времени… но их слишком много, и все они разные. Видишь эту штуку? — Он указал на экран дисплея, неустанно тикавший каждую секунду. — Это гринвичское время, принятое по радио с поправкой на относительную скорость и ускорение. Затем есть другое время, которое ты слышал в наушниках; по этому времени живет корабль. И есть еще то время, которое ты получаешь от своего брата и передаешь нам. Мы пытаемся сравнить все три времени, но проблема в том, что в цепочку пришлось включить людей, а

одна десятая секунды — слишком малое время для нервной системы человека, хотя в физике микросекунда — вполне измеримый отрезок времени. Обычная радарная система отсчитывает микросекунды с той же легкостью, с какой ты нарезаешь фунт масла. Поэтому мы повторяем серии множество раз, чтобы попытаться как-то скомпенсировать свое несовершенство.

— Понятно, но что вы надеетесь обнаружить?

— Если бы я «надеялся», я бы сейчас этим не занимался. Но можно выразить это так: мы пытаемся узнать, что значит слово «одновременно».

Мистер О'Тул поднял глаза от своего пульта.

— Если оно вообще что-нибудь значит.

Мистер Бэбкок искоса взглянул на него.

— Ты еще здесь? «Если оно вообще что-нибудь значит». Сынок, начиная со времени великого доктора Эйнштейна слова «одновременность» и «одновременно» считаются у физиков непристойными. Мы изгнали саму концепцию одновременности, заявили, что она не имеет смысла, и построили великолепное здание теоретической физики без него. А тут явились вы, телепаты, и все порушили. Не надо этого виноватого вида, в любом доме нужно время от времени устраивать уборку. Если бы вы занимались своими фокусами,

придерживаясь скорости света, вам бы отвели строчку в учебниках и забыли о вас. Но ведь вы нагло настаиваете на том, что проделываете все это со скоростью неизмеримо большей, чем скорость света, отчего вам рады не больше, чем свинье на свадьбе. Вы раскололи нас, физиков, на две школы: на тех, которые хотят объявить вас чисто психологическим явлением, до которого физике нет дела, ребят, считающих, что «вот мы закроем глаза — и оно само исчезнет», и на другую школу, которая понимает: то, что вы делаете, чем бы это ни было, поддается измерению и, следовательно, дело физиков — провести эти измерения и включить их в общую картину… Ведь физика в первую очередь — умение измерять различные объекты и приписывать им определенные численные значения.

О'Тул сказал:

— Не ударяйся так в философию, шеф.

— Иди ты к своим цифрам, О'Тул. У тебя просто нет души. Так вот, эти ребята хотят измерить, как быстро вы это делаете. Их уже не пугает сама скорость — они успели оправиться от потрясения, узнав, что вы делаете это быстрее скорости света, — но они хотят точно знать, насколько быстро. Они не могут принять идею о том, что вы

делаете это «мгновенно», для этого им придется отречься от прежней веры и перейти в другую церковь. Они хотят получить некую определенную скорость распространения сигнала, во столько-то раз больше скорости света. Тогда они смогут видоизменить свои прежние уравнения и со счастливыми лицами вернуться к своим забавам.

— Именно так они и сделают, — согласился О'Тул.

— А еще есть третий подход, правильный, то есть мой собственный.

О'Тул, не поднимая глаз, громко закашлялся.

— Опять твоя астма? — озабоченно осведомился Бэбкок. — Кстати, ты получил уже результаты?

— Они, как и раньше, делают это за нулевое время. Время задержки в измерениях то положительное, то отрицательное, и все отклонения не превосходят ошибки измерения.

— Вот видишь, сынок, это и есть верный подход. Измерь, как это происходит, и будь что будет.

— Вы только послушайте!

— Да стихни ты, ренегат! К тому же вы, телепаты, даете нам первую реальную возможность проверить еще одно обстоятельство. Ты знаком с релятивистскими преобразованиями?

— Вы имеете в виду уравнения Эйнштейна?

— Конечно. Ты помнишь преобразование времени?

Я задумался. Мы с Пэтом учили начала физики в первый год обучения, но это было очень давно. Я взял лист бумаги и написал, как мне это помнилось:

— Вот-вот, — согласился доктор Бэбкок. — При относительной скорости «v» временной интервал в первой системе отсчета равен временному интервалу во второй системе отсчета, умноженному на квадратный корень из единицы минус квадрат относительной скорости, деленный на квадрат скорости света. Конечно, это особый случай, для постоянных скоростей, при ускорении все выглядит сложнее. Но было очень много разногласий относительно того, что означает временное уравнение, если оно вообще что-либо означает.

— Что? — выпалил я. — Но мне казалось, что теория Эйнштейна доказана. — Я вдруг подумал, что, если уравнения теории относительности ошибочны, нам предстоит очень долгая прогулка. Тау Кита, наша первая остановка, находится в одиннадцати световых годах от Солнца… и это только первая, остальные гораздо дальше.

Но ведь *все* говорили, что, когда мы приблизимся к скорости света, месяцы промелькнут, подобно дням. И уравнения это *подтверждают*.

— Слушай меня внимательно. Каким образом ты можешь доказать, что в птичьем гнезде есть яйца? Не надо напрягать извилины: просто влезть на дерево и проверить. Другого способа нет. Вот мы теперь как раз и лезем на дерево.

— Отлично! — сказал О'Тул. — Иди влезь на дерево.

— Что-то шумно стало. Одна школа считает, что уравнение обозначает следующее: если посмотреть на часы с мимо летящей звезды… чего сделать нельзя… то увидишь на них другое время, но реального растяжения и сжатия времени нет — как бы ни понимать слово «реальное». Другая школа указывает на сопутствующие уравнения для длины и массы и считает, что знаменитый опыт Майкельсона — Морли показал, что преобразование длины является «реальным», а увеличение массы вычисляется и используется в кинематике ускорителей частиц, да и везде в ядерной физике — например, в факеле, ускоряющем этот корабль. Поэтому, рассуждали они, изменение скорости течения времени тоже должно быть реальным, так как сопутствующие

уравнения проверены на практике. Но точно никто не знает. Надо влезть на дерево и посмотреть.

— А когда мы узнаем? — Меня не покидало беспокойство. С тем, что я пробуду на корабле несколько лет, по эйнштейновскому времени, я согласился заранее. О том, что я могу за это время погибнуть, как предостерегал нас дядя Стив, я решил не задумываться. Но умереть на «Элси» от старости — на это я как-то не рассчитывал. Перспектива была мрачная — пожизненное заключение в этих стальных стенах.

— Когда? Да мы уже знаем.

— Знаете? И как же?

— Ты, сынок, меня не торопи. Мы в пути уже пару недель, с ускорением в сто двадцать четыре процента *g*, теперь мы достигли скорости примерно девять тысяч миль в секунду. Отошли мы еще не слишком далеко, считай, семь с половиной световых часов или около пяти триллионов четырехсот пятидесяти миллионов миль. Пройдет еще почти год, пока мы станем подбираться к скорости света. Несмотря на это, у нас уже заметная доля скорости света, около пяти процентов. Вполне достаточно для проверки. Все очень легко измерить — с помощью вас, телепатов.

— И что, сэр? Есть реальная разница во времени? Или только относительная?

— Ты используешь неправильные термины. Однако оно «реально», если только это слово вообще что-то значит. В настоящее время отношение приблизительно равно девяноста девяти и девяти десятым процента.

— Если уж быть точным, — добавил мистер О'Тул, — замедление Бартлетта — это технический термин, который я только что придумал. Ну так вот, его замедление от времени его близнеца достигло к настоящему моменту двенадцати десятитысячных.

— Значит, ты сделал меня лжецом на одну пятидесятую процента? — пожаловался Бэбкок. — О'Тул, зачем я только тебя взял?

— Затем, чтобы кто-то считал за тебя арифметику, — с достоинством парировал ассистент.

Пэт сказал мне, что не хочет, чтобы я присутствовал при операции, но я все равно явился. Я заперся в своей каюте, чтобы мне никто не помешал, и подключился к нему. Он, вообще-то, не протестовал — когда я с ним заговаривал, он отвечал, — и чем ближе была операция, тем больше он говорил… беспечная болтовня обо всем и ни о чем. Меня это не обманывало.

Когда Пэта покатили в операционную, он сказал:

Том, поглядел бы ты на моего анестезиолога. Хорошенькая, как майское утро, и как раз нужного размера, чтобы усадить на колени.

А разве лицо не под маской?

Ну, не совсем. Видны ее хорошенькие голубые глазки. Я, пожалуй, спрошу, что она делает сегодня вечером.

Моди это не понравится.

Не надо мешать в это дело Моди. Должны же быть хоть какие-нибудь привилегии у больного человека. Подожди секунду. Я ее спрошу.

Что она сказала?

Она сказала: «Ничего особенного» — и что я в ближайшие дни буду занят тем же самым. Но номер я у нее получу.

Пять против двух, что она не скажет.

Ну, попробую... ох, ох! Поздно, они начинают. Том, ты не поверишь, эта игла, она толщиной с воздушный шланг. Она хочет, чтобы я посчитал. Ладно, для смеху... раз... два... три...

Пэт дошел до семи, и я считал вместе с ним. Тем временем меня все больше и больше охватывало невыносимое напряжение и страх. Теперь я понял, что Пэт, возможно, все это время был

уверен, что не выйдет из наркоза. На счете «семь» он сбился, но его мозг не замолк. Возможно, те, которые стояли вокруг операционного стола, считали, что он потерял сознание, но я-то знал, что это не так; он был заперт внутри и кричал, кричал, чтобы его выпустили.

Я крикнул ему, и он отозвался, но мы не могли найти друг друга. А потом я сам оказался в этой ловушке, заперт, потерян, сбит с толку, так же как он, и оба мы растерянно метались во тьме, холоде и одиночестве того места, куда приходит смерть.

А потом я почувствовал, как нож рассекает мою спину, и закричал.

Следующее, что я помню, — это несколько лиц, плавающих надо мной. Кто-то произнес:

— Доктор, он, кажется, приходит в себя. — Этот голос не принадлежал никому, он доносился откуда-то издалека.

Потом осталось только одно лицо, и оно спросило:

— Тебе лучше?

— Пожалуй. А что со мной случилось?

— Выпей это. Вот, я приподниму твою голову.

Когда я снова пришел в себя, то воспринимал окружающее уже гораздо лучше и сообразил,

что нахожусь в корабельном лазарете. Здесь же находился доктор Деверо, он смотрел на меня.

— Ну что, молодой человек, вы решили к нам вернуться?

— Откуда вернуться? Доктор, что случилось?

— Точно не знаю, но ты показывал классическую клиническую картину пациента, умирающего от послеоперационного шока. К тому времени как мы взломали твою дверь, ты зашел уже очень далеко и доставил нам много хлопот. Ты сам-то можешь что-нибудь про это рассказать?

Я попытался думать и вдруг вспомнил. Пэт! Я окликнул его:

Пэт! Где ты там?

Ответа не было. Я попробовал снова, но он снова не ответил, и тогда я понял. Я сел в койке и с трудом выдавил:

— Мой брат… он *умер*!

Доктор Деверо сказал:

— Чушь! Успокойся. Ложись. Он жив… если только не умер за последние десять минут, в чем я сильно сомневаюсь.

— Но я не могу с ним связаться! Откуда вы знаете? Я же говорю вам — я не могу с ним связаться!

— Слезь-ка со стенки. Знаю, потому что все утро

следил за ним через вахтенного телепата. Он спит после восьми кубиков гипнала, потому ты и не можешь его добудиться. Сынок, я, наверное, идиот — да что там, я точно идиот, предупреждаю тебя: держись от меня подальше — ведь я же давно имею дело с человеческим мозгом и мог сообразить, хотя бы приблизительно, что случится с тобой при этих обстоятельствах. Меня немного извиняет только то, что с такой ситуацией я сталкиваюсь впервые.

Я немного успокоился. Если Пэта накачали снотворным, то было понятно, почему я не мог его разбудить. Направляемый вопросами доктора Деверо, я кое-как сумел рассказать, что случилось, — конечно, очень приблизительно, ведь невозможно рассказать другому, что происходит у тебя в голове.

— Доктор, а операция прошла успешно?

— Пациент в хорошем состоянии. Поговорим об этом после. А сейчас повернись.

— Что?

— Перевернись на живот, я хочу взглянуть на твою спину. — Он поглядел на мою спину, потом подозвал двоих врачей, чтобы на нее полюбоваться. Потом ее потрогал. — Больно?

— Ой! Да, там очень больно. Что с моей спиной,

доктор?

— Вообще-то, ничего. Но у тебя появились два замечательных шрама, как раз соответствующие надрезам при операции Макдугала… а как раз эту операцию и делали твоему брату.

— Что это значит?

— Это значит, что человеческий мозг — штука сложная и мы мало о нем знаем. А теперь перевернись и спи. Я продержу тебя пару дней в постели.

Я не собирался спать, но все равно заснул. Меня разбудил Пэт:

Эй, Том! Где ты там? Просыпайся!

Здесь я. В чем дело?

Том… у меня опять появились ноги!

Ага, знаю, ответил я и снова заснул.

Глава 9
Родственные отношения

Теперь, когда Пэту вылечили его паралич, я вроде должен был быть сам не свой от счастья, ведь теперь у меня было все, чего я хотел. Но почему-то так не получалось. До несчастья с ним я понимал, почему мне плохо: он летит, а я — нет. Потом я чувствовал себя виноватым: я получаю то, чего хотел он, из-за случившейся с ним беды. Нехорошо было радоваться, когда Пэт стал калекой — особенно когда его увечье принесло мне то, чего я хотел.

Поэтому я должен был радоваться, когда у него все стало в порядке.

Попадали вы когда-нибудь на вечеринку, где, по идее, вам должно быть страшно весело, но вдруг обнаруживается, что никакого веселья нет и в помине? Без всякой причины, просто веселья нет как нет, и весь мир видится серым и безвкусным?

Некоторые из причин своего угнетенного состояния я понимал. Во-первых, Дасти, но с ним разобрались. Потом с разными прочими,

особенно со связистами, стоявшими вахты вместе с нами, которые называли нас «психами» и другими малоприятными словами, да и вели они себя с нами соответственно. Но капитан и с этим решительно покончил, а когда мы получше познакомились с командой, люди и вообще позабыли все эти глупости. Жанет Меерс, релятивистка, была мгновенным вычислителем, что делало ее таким же «психом», но коллеги воспринимали эту ее способность как что-то само собой разумеющееся. И через некоторое время для них само собой разумеющимся стало и то, что делали мы, телепаты.

Когда мы вышли из области радиосвязи с Землей, капитан вывел нас из подчинения командора Фрика и организовал в особое подразделение. Возглавлял его «дядюшка» Альфред Макнил, а Руперт Хауптман стал его помощником; это означало, что Руп следил за вахтенным расписанием, а дядя Альф заведовал нашим питанием и более-менее присматривал за тем, как мы себя ведем. Все мы очень любили дядю, так что старались не доставлять ему много хлопот; если же кто из нас и срывался, вид у дяди становился такой несчастный, что остальная наша компания быстро ставила провинившегося на место. И это

срабатывало.

Думаю, капитан сделал так по совету доктора Деверо. Никуда не денешься, командору Фрику мы очень не нравились. Быть радиоинженером, всю свою жизнь работать со все более и более совершенным коммуникационным оборудованием, а потом появляются какие-то люди и делают все лучше, быстрее и вообще без оборудования. Трудно его винить, мне на его месте тоже было бы как-то не по себе. С дядей Альфом нам было лучше.

Пожалуй, мое настроение было отчасти связано с «Васко да Гама». Хуже всего в космосе то, что там абсолютно ничего не происходит. По этой причине самым большим событием дня была наша утренняя газета. Весь день вахтенные телепаты записывали земные новости (конечно, когда не были заняты приемом и передачей сообщений, но это занимало немного времени). Информационные агентства оказывали нам свои услуги бесплатно, Дасти добавлял сюда еще и картинки, передаваемые его братом Расти. Связист, несущий ночную вахту, все это редактировал, а телепат и связист ранней утренней вахты печатали газету; к завтраку она была в столовой. Объем газеты ограничивался только

тем, сколько материала могут подготовить столь немногочисленные «газетчики». Кроме новостей из Солнечной системы, у нас были также и корабельные новости, не только с нашего «Элси», но и с одиннадцати других кораблей. У всех (кроме меня) были знакомые на других кораблях. Или они встречались в Цюрихе, или, как старые космонавты вроде капитана и многих других, были уже давно знакомы со своими коллегами.

Новости с кораблей обычно относились к повседневной жизни, но нам они были интереснее новостей с Земли и из системы; корабли нашего флота были нам как-то ближе, хотя находились они в миллиардах миль от нас и с каждой секундой — все дальше и дальше. Когда Рэй Гилберти и Сумира Ватанабе поженились на борту «Лейфа Эрикссона»[56], радостное событие это отмечалось на всех кораблях. Когда на «Пинте»[57] родился ребенок и нашего капитана избрали крестным отцом, мы были горды.

---

[56] notes: 56

«Лейф Эрикссон» — корабль назван в честь Лейфа Эрикссона Счастливого (970–1020), скандинавского мореплавателя. Считается, что Лейф Эрикссон добрался до Северной Америки за пять столетий до Колумба.

[57] notes: 57

«Пинта» — название одной из каравелл, участвовавших в первой экспедиции Христофора Колумба, во время которой, в 1492 г., была открыта Америка.

Кас Уорнер связывал нас с «Васко да Гама», а мисс Гамма Фэтни — с «Марко Поло»[58] и «Санта-Марией»[59] через своих близнецов мисс Альфу и мисс Бету, но новости мы получали со всех кораблей, по эстафете. Корабельные новости никогда не сокращались, даже если для этого приходилось сильно урезать земные. Мамочка О'Тул уже жаловалась, что, если газета станет еще больше, придется или выдавать чистые простыни и наволочки только раз в неделю, или приказать, чтобы техники организовали ей еще одну прачечную для того, чтобы стирать старые газеты. Как бы там ни было, пока что у экологического отдела для всех номеров находилась свежая бумага.

Мы даже иногда делали дополнительные выпуски, — например, когда Люсиль ля Вон получила титул «Мисс Солнечная система» и Дасти изготовил такое отличное ее изображение, что можно было поклясться — это фотография. Из-за этого мы лишились некоторого количества бумаги; многие пришпиливали эту иллюстрацию у

[58] notes: 58

«Марко Поло» — корабль назван в честь Марко Поло (1254–1324), итальянского купца и путешественника, исследовавшего Восточную Азию. Долгое время считался первым европейцем, побывавшим в Китае.

[59] notes: 59

«Санта-Мария» — название флагманского корабля, на котором Христофор Колумб в 1492 г. открыл Америку.

себя на стенках, вместо того чтобы вернуть на переработку, — я и сам так сделал. Я даже получил на свою автограф у Дасти. Моя просьба его поразила, но все равно доставила ему удовольствие, хотя говорил он об этом пренебрежительно. Я считаю, что художник имеет право на признание, даже если он мелкий вредный паразит вроде Дасти.

Я все это к тому, что «Элси таймс» была кульминационным событием каждого нашего дня, а корабельные новости были их самой важной частью.

Той ночью я не стоял на вахте, но все равно к завтраку опоздал. Когда я вбежал в столовую, все, как обычно, читали «Таймс», но к еде никто не притронулся. Плюхнувшись между ван Хоутеном и Пруденс, я спросил:

— В чем дело? Чего они все?

Пру молча протянула мне «Таймс».

Первая страница была в черной рамке. По верху ее огромными буквами шло: «„ВАСКО ДА ГАМА“ ПОТЕРЯН».

Я не поверил. «Васко» направлялся к Альфе Центавра, но ему было лететь туда еще четыре года по земному времени. Он даже не приблизился к скорости света. Там, где он находился, вообще ничего не могло произойти. Это была какая-то

ошибка.

Я перевернул лист, чтобы прочитать подробности на второй странице. Там, в рамке, было сообщение коммодора с «Санта-Марии»: «*Официальное заявление.* Сегодня в 03:34 по Гринвичу МЗК „Васка да Гама“ (ФДП 172) прекратил выходить на связь. В этот момент действовали две специальные линии связи: одна с Землей, одна с „Магелланом“[60]. В обоих случаях связь прекратилась без предупреждения, в середине сообщения, в один и тот же момент приведенного времени. Корабль был укомплектован одиннадцатью специальными связистами. Связаться с кем-либо из них не оказалось возможным. В свете изложенного следует считать корабль погибшим со всем экипажем».

Сообщение ФДП констатировало только, что контакт с кораблем утрачен. Было еще заявление нашего капитана и заметка подлиннее, включавшая в себя комментарии, полученные с других кораблей. Я прочитал все это, но главное содержалось в заголовке: «Васко» ушел туда, куда уходят все невернувшиеся корабли.

---

[60] notes: 60

«Магеллан» — корабль назван в честь Фернана Магеллана (1480–1521), португальского мореплавателя. Экспедиция Магеллана совершила первое известное кругосветное путешествие в 1519–1522 гг.

Тут до меня вдруг дошло, и я поднял глаза. Место Каса Уорнера было пусто. Дядя Альф поймал мой взгляд и тихо сказал:

— Он уже знает, Том. Капитан разбудил его и сказал, как только это случилось. Одно хорошо: что он не был связан в этот момент с братом.

Я не был уверен, что здесь дядя Альф прав. Если бы так случилось с Пэтом, я хотел бы быть с ним в последний момент, ведь хотел бы? Пожалуй, размышлял я, хотел бы. И во всяком случае, я был уверен, что сам-то дядя хотел бы держать за руку свою Лапочку, если бы что-то случилось, и ей пришлось уйти туда, откуда не возвращаются, раньше него. А Кас и его брат Калеб были очень близки, это я знал.

В тот же день капитан провел заупокойную службу, дядя Альфред прочел короткую проповедь, а мы все вместе пропели «Молитву о путешествующих». А потом мы притворились, что никогда не было корабля под названием «Васко да Гама». Но это было только притворство.

Кас ушел с нашего стола, и мамочка О'Тул взяла его к себе ассистентом. Кас и его брат работали в отеле, до того как их завербовал ФДП, и Кас очень ей пригодился: поддерживать экологический баланс на корабле с двумя сотнями

людей — работенка не из легких. Господи, да просто выращивание пищи для этих двухсот человек, не будь это даже связано еще и с поддержанием атмосферного баланса, — серьезное дело. Одно обслуживание гидропонных плантаций и дрожжевых культур занимало все рабочее время девяти человек.

Через несколько недель Кас уже взял на себя писанину и надзор за всеми хозяйственными делами корабля, и мамочка О'Тул смогла полностью посвятить свое время научным и техническим вопросам, только за камбузом она продолжала присматривать.

И все же «Васко да Гама» не должен был нагнать на меня такую тоску. Я никого не знал на этом корабле. Если уж Кас с этим справился и вернулся к нормальной полезной жизни, то у меня не было оснований хандрить. Нет, я думаю, это из-за моего дня рождения.

В нашей столовой было два календаря, вроде тех, какие висят в банках, а под каждым из них — большие электронные часы, управляемые из вычислительного центра релятивистов. После старта на всех были одинаковое время и дата по Гринвичу. Потом, по мере того как мы ускорялись и скорость наша приближалась к световой,

«замедление» между «Элси» и Землей начало проявляться все заметнее — и часы расходились все больше и больше. Сперва мы это обсуждали, а потом просто перестали обращать внимание на часы с земным временем. Что толку знать, что сейчас уже три часа ночи следующей среды по Гринвичу, если на корабле как раз обеденное время? Это вроде часовых поясов и линии перемены дат на Земле, обычно они всем до лампочки. Я даже не обращал внимания на ворчание Пэта по поводу того, в какое странное время приходится иногда работать; сам-то я стоял вахты в любое время суток.

Поэтому для меня как гром среди ясного неба прозвучал голос Пэта, когда он свистом разбудил меня посреди ночи и весело прокричал:

С днем рождения!

Как? С чьим?

С твоим, придурок. Нашим. Что с тобой? Считать разучился?

Но ведь…

Да подожди ты. Сейчас как раз вносят торт и все собираются петь «С днем рождения». Я спою вместе с ними, для тебя.

Пока они занимались этими делами, я встал, натянул штаны и прошел в столовую. По кора-

бельному времени была глубокая ночь, и здесь горело только дежурное освещение. В его свете я рассмотрел часы и календари — так и есть, по Гринвичу был наш день рождения, а если гринвичское время пересчитать на наше, домашнее, там сейчас как раз ужин.

Но это же не мой день рождения. Я живу по другому времени, и это казалось неправильным.

Задул все с одного раза, малыш, радостно объявил Пэт. *Теперь-то уж мы обязательно продержимся еще год. Мама спрашивает, испекли ли тебе тортик?*

Скажи ей, что да.

Ничего, мне, конечно, не пекли, но я был не в настроении объяснять, что и почему. Мама легко начинает нервничать, даже если ей не объясняешь эйнштейновскую концепцию времени. А вот Пэт мог бы и сам понять.

Родители подарили Пэту новые часы, и он сообщил: для меня оставили коробку конфет, — разрешаю ли я открыть ее и пустить по кругу? Я сказал ему: «Валяйте», уже не зная, то ли испытывать благодарность за то, что обо мне помнили, то ли обидеться за «подарок», которого я не могу ни потрогать, ни увидеть. Чуть позднее я заявил Пэту, что мне надо спать и, пожалуйста, пусть

скажет всем «спокойной ночи» и «спасибо» от меня. Но заснуть не получилось. Я лежал без сна, пока в коридорах корабля не зажглись огни.

Через неделю меня на столе ждал праздничный торт, и все пели мне «С днем рождения» и надарили мне уйму приятных, но совершенно бесполезных подарков — много ли можно подарить человеку на борту корабля, когда все вы питаетесь в одной столовой и все, что вам нужно, берете с одних и тех же складов. Когда кто-то заорал: «Речь!» — я встал и сказал всем спасибо, а потом я танцевал с девушками. И все-таки я не чувствовал радости от своего дня рождения, потому что тогда, несколько дней назад, у меня уже *был* день рождения.

Кажется, на следующий день дядя Стив заглянул ко мне в каюту.

— Где это вы скрываетесь, юноша?

— Чего? Нигде.

— Вот и я так думаю. — Он расположился на моем стуле, а я снова уселся на койку. — Как только я ни начну тебя высматривать, тебя всегда нигде нет. Ты же не все свое время стоишь вахты или работаешь. Так где же ты?

Я не ответил. Где-где! Там, где я чаще всего бываю, на койке, разглядывая потолок. Дядя Стив

продолжал:

— Я уже давно понял, что, если кто-нибудь на борту корабля приобретает привычку забиваться в угол, не надо ему мешать. Одно из двух: или он справится с этим сам, или он в один прекрасный день выйдет через шлюз наружу, не потрудившись надеть скафандр. Как бы там ни было, он не хочет, чтобы его трогали. Но ты — сын моей сестренки, я за тебя отвечаю. В чем дело? По вечерам ты никогда не приходишь повеселиться или сыграть и ходишь везде с вытянутой физиономией. Что тебя гложет?

— У меня все в порядке! — со злостью крикнул я.

Дядя Стив презрительно выругался.

— Выкладывай, малыш. Ты совсем изменился с того времени, как пропал «Васко». Из-за этого? Нервишки сдают? Если так, то у доктора Деверо есть уйма синтетической отваги. В таблетках. Совсем не обязательно, чтобы кто-нибудь знал, что ты их глотаешь, — и стыдиться тут нечего, у любого нервы могут сдать. Не хочу даже и рассказывать тебе, в какой отвратительной форме это было у меня, когда я первый раз попал в заварушку.

— Нет, не думаю, что это страх. — Про себя я

подумал: а может и вправду? — Дядя Стив, что случилось с «Васко»?

Он пожал плечами.

— То ли факел пошел вразнос, то ли врезались во что-нибудь.

— Но ведь факел не может пойти вразнос… ведь правда не может? И врезаться там не во что.

— Верно. И то и другое. Но если факел все же взорвался? В миллионную долю секунды корабль превратился в маленькую звезду. Легче способа умереть и не придумаешь. В первом варианте все произойдет почти так же быстро, не успеешь и заметить. Ты задумывался когда-нибудь, сколько кинетической энергии мы набрали в эту посудину при такой скорости? Док Бэбкок говорил, что когда мы достигнем скорости света, то станем просто-напросто плоским волновым фронтом, хотя при этом будем весело лопать картошку с кетчупом, ничего такого не ощущая.

— Только скорости света мы никогда не достигнем.

— Доктор тоже подчеркивал это. Мне надо было сказать «если». Так тебя это беспокоит, малыш? Боишься, что летим-летим, а потом — трах! Как «Васко»? Если ты этого боишься, то подумай о том, что почти все способы умереть в своей постели

куда хуже… Особенно если ты будешь настолько глуп, что умрешь от старости. Я лично надеюсь этого избежать.

Мы много говорили, но ни до чего не договорились. На прощание он пригрозил, что будет вытаскивать меня из каюты, если я буду проводить там слишком много времени. Думаю, дядя Стив пожаловался на меня доктору Деверо, хотя оба они яростно это отрицали.

Как бы там ни было, назавтра доктор Деверо остановил меня, отвел к себе в каюту, усадил и начал со мной беседовать. Каюта у него была большая, удобная и неряшливая; в лазарете он никогда никого не принимал.

Я сразу спросил, с чего это он вдруг захотел со мной поговорить.

Доктор с невинным видом широко раскрыл свои лягушачьи глазки.

— Да просто встретил тебя, Том. — Он приподнял со стола пачку перфокарт. — Видишь? Вот со сколькими я беседовал на этой неделе. Надо же делать вид, что я честно отрабатываю свою зарплату.

— Ну, на меня вам не стоит тратить время. У меня все отлично.

— Том, да я же просто обожаю тратить время.

Знаешь, психология — классная халтурка. Не надо драить руки перед операцией, не надо заглядывать в чьи-то грязные глотки, ты просто сидишь и притворяешься, что слушаешь. А кто-то тебе рассказывает про то, как был маленьким мальчиком, который не любил играть с другими маленькими мальчиками… А теперь ты поговори со мной немного. Расскажи мне все, что тебе хочется рассказать, а я пока вздремну. Если ты будешь говорить достаточно долго, я сумею отдохнуть после покера, за которым провел эту ночь, и в то же время выполню дневную норму работы.

Я пытался говорить, ничего при этом не рассказывая. Пока я этим занимался, меня окликнул Пэт. Я попросил его «перезвонить» потом, сейчас я занят. Доктор Деверо следил за моим лицом и неожиданно спросил:

— О чем ты сейчас подумал?

Я объяснил ему, что это не спешно, просто брат хотел со мной поговорить.

— Хм… Том, расскажи мне немного о своем брате. В Цюрихе у меня не было времени познакомиться с ним получше.

И не успел я опомниться, как оказалось, что я наговорил доктору уйму всего про нас с Пэтом.

Почему-то рассказывать ему было очень легко. Два раза мне уже казалось, что он заснул, но, как только я замолкал, доктор просыпался, что-нибудь спрашивал, и все начиналось сначала.

В конце концов он сказал:

— Знаешь, Том, идентичные близнецы исключительно интересны для психолога — уж не будем говорить про генетиков, социологов и биохимиков. Вы развиваетесь из одной яйцеклетки настолько одинаковыми, насколько это вообще возможно для биологических структур. А потом вы становитесь двумя разными личностями. Появляются ли эти различия в результате воздействия среды? Или тут действует еще какой-нибудь фактор?

Я немного поразмыслил:

— Вы хотите сказать «душа», доктор?

— Мм… спроси меня в следующую среду. У людей бывают иногда собственные, очень личные взгляды, которые несколько отличаются от их научных, публичных мнений… Это не важно. Важно то, что вы, близнецы-телепаты, — очень интересные объекты. Я сильно подозреваю, что сопутствующие результаты проекта «Лебенсраум» будут, как и обычно, значительно существеннее планируемых результатов.

— Какие результаты, доктор? Простите, я не расслышал.

— Что? Сопутствующие. Когда идешь накопать червей и натыкаешься на золото. В науке происходит сплошь и рядом. Именно поэтому «бесполезная» чистая наука значительно полезнее «прикладной». Но поговорим лучше о тебе. Я не могу помочь тебе справиться с твоими проблемами — ты должен сделать это сам. Но давай попритворяемся немного, что я все-таки могу, надо же чем-то оправдывать деньги, которые мне платят. Так вот, два обстоятельства совершенно очевидны: первое — ты не любишь своего брата.

Я начал было протестовать, но он только отмахнулся.

— Дай мне договорить. Почему ты так уверен, что я не прав? Ответ: потому, что тебе с самого рождения твердили, что ты его любишь. Братья и сестры всегда «любят» друг друга, это основа нашей цивилизации, такая же, как мамин яблочный пирог. И люди обычно верят тому, что им вдалбливают с ранних лет достаточно часто. Пожалуй, очень хорошо, что они верят в эту братскую любовь, ведь у братьев и сестер зачастую гораздо больше поводов и оснований ненавидеть друг друга, чем у кого-либо другого.

— Но я же и вправду *люблю* Пэта. Просто…

— «Просто» что? — мягко, но настойчиво спросил он, когда я запнулся.

Я не ответил, и он продолжал:

— Просто у тебя есть все основания не любить его. Он изводил тебя, он помыкал тобой, он хватал все, что захочет. Если у него не получалось это напрямую, он использовал вашу мать, чтобы она поработала над отцом и в результате все вышло по его желанию. Он получил даже девушку, с которой ты хотел встречаться сам. Так за что же тебе его любить? Если бы этот парень был посторонним, а не твоим братом-близнецом — любил бы ты его за все это? Или ты бы его ненавидел?

Мне это как-то не очень понравилось.

— Пожалуй, доктор, я не совсем справедлив по отношению к нему. Не думаю, чтобы Пэт понимал, что все выхватывает у меня из-под носа; и я уверен, что родители не собирались заводить любимчиков. Может быть, я просто слишком себя жалею.

— Может быть, и так. Может быть, во всем твоем рассказе нет ни слова правды, а ты органически не способен понять, что справедливо, когда это касается тебя самого. Но самое главное то, как ты сам это воспринимаешь. И ты, конечно

же, не любил бы такого человека, разве только он твой брат-близнец, и ты, конечно же, обязан его любить. В тебе борются две силы, и поэтому внутреннее твое беспокойство не прекратится, пока ты не решишь, какая из них ложная, и не изгонишь ее. Ну а это уж твое личное дело.

— Но… да какого черта, доктор, я же точно люблю Пэта!

— Любишь? В таком случае лучше выкинь куда-нибудь свою мысль, что все эти годы он всегда отхватывал лучший кусок, но я сомневаюсь, что ты это сделаешь. Ты привязан к нему, как все мы привязаны к привычным нам вещам: старым туфлям, старым трубкам; даже знакомый нам черт лучше незнакомого. Ты к нему лоялен. Он *необходим* тебе, и ты ему тоже. Но любить его? Это кажется крайне сомнительным. С другой стороны, если ты хорошенько осознаешь своей головой, что больше не нужно любить его или даже испытывать к нему симпатию, тогда, возможно, он начнет тебе немного нравиться таким, какой он есть. Несомненно, ты станешь к нему терпимее, хотя я очень сомневаюсь, что Пэт когда-нибудь тебе по-настоящему понравится. Он довольно неприятный малый.

— Это неправда! Его всегда все любили.

— Только не я. Мм… Том, я тебя немного обманул. Я совсем не так плохо знаком с твоим братом. По правде говоря, оба вы не слишком симпатичны и очень похожи друг на друга. Ты только не обижайся, я терпеть не могу симпатичных людей, ото всей этой «простоты и приятности» меня просто тошнит. Мне нравятся упрямые, малосимпатичные люди, в которых чувствуется этакая твердая сердцевина заботы о своих интересах, — очень для меня удачно, имея в виду мою профессию. Ты и твой братец примерно в равной степени эгоистичны, только у него этот эгоизм удачнее осуществляется на практике. И кстати. Вот он-то тебя любит.

— Что?

— Ничего. Любит, как собачку, всегда прибегающую, если ее позвать. У него к тебе покровительственное отношение, пока это не противоречит его собственными интересами. Но в то же время он тебя слегка презирает, считает слабаком, а в его варианте Писания кроткие не наследуют землю, она для парней вроде него.

Я кое-как переварил все услышанное и начал выходить из себя. Я не сомневался, что Пэт относится ко мне именно так — покровительствует и старается, чтобы мне достался кусок пирога…

если, конечно же, ему достанется больший.

— Второе очевидное обстоятельство, — продолжал доктор Деверо, — заключается в том, что ни ты, ни твой брат не хотели лететь в эту экспедицию.

Это было настолько неверно и несправедливо, что я открыл рот, но не смог ничего сказать. Доктор Деверо взглянул на меня.

— Да? Ты собирался что-то сказать?

— Ну, это самая большая глупость, какую я когда-нибудь в жизни слышал, доктор! Единственный настоящий раздор между Пэтом и мной и был как раз из-за того, что мы оба хотели лететь, а мог только один.

Доктор покачал головой.

— Ты все перепутал. Вы оба хотели остаться, но мог только один. И твой брат, как обычно, выиграл.

— Нет, он не… ну да, он выиграл, выиграл шанс лететь, а не наоборот. И полетел бы, если бы не тот несчастный случай.

— Да-да, «тот несчастный случай», конечно. — Доктор Деверо так долго сидел неподвижно, свесив голову и сцепив руки на животе, что я опять подумал, что он заснул. — Том, я сейчас расскажу тебе то, что тебя совсем не касается.

Потому что я думаю, что ты должен это знать. Я бы хотел, чтобы ты никогда не обсуждал это с братом… Если ты меня все-таки не послушаешься, я выставлю тебя полным лжецом. Потому это ему очень навредит. Ты меня понял?

— Вы тогда лучше мне ничего не рассказывайте, — угрюмо ответил я.

— А ты помолчи и слушай, когда тебе говорят. — Он взял со стола папку. — Здесь у меня доклад об операции, сделанной твоему брату, написанный тем жаргоном, который мы, врачи, используем, чтобы запутать пациентов. Ты бы в этом ровно ничего не понял, да к тому же и послан этот доклад был кружным путем, через «Санта-Марию», и в зашифрованном виде. Так хочешь узнать, что они обнаружили, вскрыв твоего брата?

— Да не особенно.

— У него не было никакого повреждения спинного мозга.

— Что? Вы что, хотите мне сказать, что он *симулировал* и ноги у него не отнялись? Я этому не верю!

— Потише, потише. Ничего он не симулировал. Ноги у него *действительно* были парализованы. Он никак не сумел бы настолько хорошо симулировать паралич, чтобы обмануть невро-

лога. Да я и сам его осматривал; твой брат был парализован. Но не в результате повреждения позвоночника — о чем я знал, а также знали и те хирурги, которые его оперировали.

— Но… — Я в растерянности потряс головой. — Наверное, я совсем дурак.

— Как и все мы. Том, человеческий мозг — не какая-то там простая машинка, он крайне сложен. Сверху, на поверхности, сознание с его идеями и желаниями; что-то из этого — настоящее, что-то наложено пропагандой, обучением, необходимостью производить хорошее впечатление, быть достаточно привлекательным в глазах других людей. Внизу, в глубине, подсознание, слепое и глухое, глупое и хитрое. И у него — чаще всего — совсем другой набор желаний и совершенно другие мотивации. Оно хочет, чтобы все было по его желанию, а если не получается того, что хочет, устраивает скандал, пока его не послушаются. Фокус, который облегчит твою жизнь, состоит в том, чтобы выяснить, чего же в действительности хочет твое подсознание, и дать ему это желаемое по самой дешевой возможной цене, прежде чем оно сделает тебя эмоциональным банкротом, чтобы добиться своего. Том, ты знаешь, кто такой психотик?

— Ну, ненормальный…

— «Ненормальный» — это слово, от которого мы стараемся избавиться. Психотик — это бедолага, которому пришлось продать свою лавку и нагишом пойти по миру, чтобы удовлетворить желания своего подсознания. Они пришли к согласию, это соглашение человека уничтожило. Моя работа состоит в том, чтобы помогать людям заключать такие соглашения с подсознанием, которые их не погубят, — я хороший адвокат. Мы никогда не пытаемся заставить людей избегнуть этих соглашений, просто стараемся обеспечить как можно лучшие условия.

Так что я говорю: твой брат сумел заключить соглашение со своим подсознанием на вполне приличных условиях, просто великолепных, если учесть, что он сделал это безо всякой профессиональной помощи. Сознательная часть его мозга подписала контракт, а подсознание прямо заявило, что он не должен его выполнять. Получился конфликт столь глубокий, что многие, попав в такое положение, кончили бы очень плохо. Многие, но только не твой братец. Подсознание решило, что ему надо попасть в несчастный случай, который может привести к параличу. Может привести и, конечно же, привел — к на-

стоящему параличу, я хочу подчеркнуть, а не к какой-то там симуляции. И вот теперь твой брат вполне достойным образом освободился от обязательства, выполнить которое он был не в состоянии. Потом, когда он уже точно не попал в эту экспедицию, ему сделали операцию. Вся она состояла в том, что ему исправили небольшие повреждения каких-то костей. Но при этом его заставили думать, что паралич исчезнет, — и он, конечно, исчез. — Деверо пожал плечами.

Я думал об этом, думал, пока голова кругом не пошла. Все эти штуки насчет сознания и подсознания я проходил, и зачет даже сдавал… но не особенно в них верил. Доктор Деверо может разводить все свое красноречие хоть до посинения, но никуда не денешься от простого факта, что мы хотели лететь и Пэт остался только потому, что покалечился при несчастном случае. Ладно, может, это был истерический паралич, может, он испугался и начал думать, что у него повреждение серьезнее, чем в действительности, но это все равно ничего не меняет.

Вот только доктор Деверо говорил, что несчастный случай не был случайным. Ну и что? Если даже правда, что у Пэта совсем душа в пятки ушла, а показать это мешала гордость, — все рав-

но никогда не поверю, что он нарочно свалился со склона.

И уж в одном-то доктор ошибался точно: я лично хотел лететь. Может, я и побаивался немного и поначалу скучал по дому — но это было вполне естественно.

Тогда почему ты ходишь как в воду опущенный, тупица?

Это не Пэт говорил со мной; это я сам с собой говорил. Возможно, это мое подсознание заговорило для разнообразия вслух.

— Доктор?

— Да, Том.

— Вы говорите, что на самом деле я не хотел лететь?

— Очень похоже на то.

— Но вы же сами сказали, что подсознание всегда выигрывает. Уж или одно, или другое.

Доктор вздохнул.

— Я сказал не совсем так. Ты попал в это дело слишком быстро. Подсознание — оно глупое и зачастую медлительное, твоему просто не хватило времени придумать что-нибудь такое же удобное, как падение на лыжах, но вот в упрямстве ему не откажешь. Оно требует, чтобы ты вернулся домой, а ты просто не можешь этого сделать. А оно,

по глупости своей, не желает слушать никаких резонов. Оно просто ноет и ноет, чтобы ты взял да и выложил ему невозможное, вроде того как ребенок с ревом требует подать ему луну.

Я пожал плечами.

— Вас послушать, так я нахожусь в жутком состоянии.

— Не делай такую трагическую физиономию! Психическая гигиена — это процесс исправления того, что исправлению поддается, и адаптации к неизбежному. У тебя есть три возможности.

— Не думал, что они у меня вообще есть.

— Три. Ты можешь продолжать входить в штопор, пока мозг твой не состряпает какую-нибудь фантазию, приемлемую для подсознания; это будет психотическая адаптация, и ты станешь, как ты это называешь, «ненормальным». Или же ты можешь продолжать киснуть, как сейчас, несчастный и довольно бесполезный для остальной команды; при этом всегда будет опасность, что ты сорвешься. Третий вариант — ты можешь покопаться в своем мозгу, познакомиться с ним получше, узнать, чего же он в действительности хочет, объяснить ему, что это невозможно и почему это невозможно, а затем найти с ним какой-то компромисс на основе того, что возможно. Если у

тебя достаточно духа и здравого смысла, именно так ты и попробуешь сделать. Конечно, это нелегко. — Он ждал, молча глядя на меня.

— Наверное, мне и вправду лучше попробовать. А что надо для этого делать?

— Уж во всяком случае не сидеть сутками в своей каюте, думая о том, что могло бы быть.

— Мой дядя Стив — то есть майор Лукас, — медленно произнес я, — говорил мне, что я не должен так жить. Он хочет, чтобы я ходил туда-сюда, общался с людьми. Наверное, и вправду надо.

— Конечно, конечно. Только этого недостаточно. Ты не сможешь вытащить себя из той ямы, в которую попал, просто изображая из себя душу общества. Тебе необходимо познакомиться с самим собой.

— Да, сэр. Но *как*?

— Чтобы ты каждый вечер рассказывал мне о себе, пока я держу тебя за ручку, — этого мы, пожалуй, не сможем. Мм… думаю, тебе нужно попробовать записать, кто ты есть такой, где ты был и каким образом попал оттуда сюда. Если будешь делать это достаточно тщательно, возможно, сам начнешь понимать не только «как», но и «почему». Старайся, и тогда ты сможешь узнать, кто ты такой, чего ты хочешь и что из

желаемого можешь получить. — Видимо, у меня был озадаченный вид, так как он добавил: — Ты ведешь дневник?

— Иногда. Я взял его с собой.

— Вот и используй его в качестве основы. «Жизнь и похождения Т. П. Бартлетта, джентльмена». Пиши подробно и старайся писать правду — всю правду.

Я обдумал предложение доктора. Есть некоторые вещи, которые не хочется рассказывать никому.

— Полагаю, доктор, вам захочется его прочитать?

— Я? Боже упаси! Мне и без того хватает общества запутавшихся людей. Это — для тебя самого, сынок, ты будешь писать самому себе; только пиши это так, словно ты совсем ничего о себе не знаешь и тебе приходится все объяснять. Пиши так, словно боишься потерять память и хочешь быть уверенным, что после сможешь вернуться в прежнюю колею. Пиши все. — Он нахмурился и с неохотой добавил: — Если тебе покажется, что ты наткнулся на нечто важное, и захочется выслушать мнение постороннего человека — я, пожалуй, найду немного времени, чтобы почитать пару страниц. Но не обещаю. Просто пиши

его для себя — для того себя, у которого случилась амнезия.

Я пообещал ему, что попробую… и попробовал. Я бы не сказал, чтобы это как-то мне помогло (от апатии своей я так и не избавился), а сейчас у меня просто нет времени для занятия, которое он для меня придумал. Надо поскорее закончить последнюю часть, ведь сегодня у меня первый свободный вечер за последний месяц.

Удивительно все-таки, как много можно вспомнить, если постараться.

Глава 10
Романтические отношения

На «Элси» много нового. Начать хоть с того, что мы уже миновали вершину и теперь спускаемся по склону вниз, замедляясь с той же скоростью, с какой прежде ускорялись; мы доберемся до Тау Кита месяцев через шесть корабельного времени.

Но я забегаю вперед. Прошло около года по времени корабля, как я начал вести записи, и около двенадцати лет земного времени, с тех пор как мы покинули Землю. Но давайте забудем о земном времени, оно ничего не значит. У нас на корабле прошло тринадцать месяцев, и за этот период произошло много всякого. Пэт женился — но нет, это произошло не на корабле, и начинать надо не с этого.

Пожалуй, лучше начать с другой свадьбы, когда Чет Трэверс женился на Мэй-Лин Джонс. Это событие вызвало всеобщее одобрение, исключением был только один из техников, который сам положил на нее глаз. По такому случаю мы, психи, и связисты закопали топор войны — ведь

один из них женился на одной из нас. Особенно очевидным было примирение тогда, когда командор Фрик ввел невесту в нашу столовую с видом таким торжественным и гордым, словно это его собственная дочь. Хорошая получилась пара; Чету нет еще тридцати, а Мэй-Лин, как мне кажется, по крайней мере, двадцать два.

Но дополнительным результатом этого события стало изменение вахтенного расписания, и Рут поставил меня в пару с Пруденс Мэтьюз.

Пру мне всегда нравилась, хотя я и не обращал на нее особого внимания. С первого взгляда она не казалась хорошенькой, к ней нужно было приглядеться, чтобы понять это. Но она могла взглянуть на тебя так, что ты начинал ощущать себя важной персоной. До того времени как я начал дежурство вместе с ней, я практически не интересовался девушками, наверное, я «хранил верность Моди». Но ко времени наших с ней вахт я уже начал писать по заказу доктора Деверо эту исповедь; как-то так получается, что, описав факт на бумаге, лучше ощущаешь его бесповоротность. И я себе сказал: «Почему бы и нет? Том, старина, Моди определенно ушла из твоей жизни, и это так же бесповоротно, как если бы один из вас умер. Но жизнь все равно продолжается, продол-

жается прямо здесь, в этой консервной банке».

Никаких особенно решительных поступков я совершать не стал, я просто получал удовольствие от общения с Пру… и получал его все больше и больше.

Я где-то слышал, что, взяв на борт ковчега животных парами, Ной разделил их — одних на правый борт, других на левый. На «Элси» такого не было. Чет и Мэй-Лин нашли возможность познакомиться достаточно близко для того, чтобы захотелось перевести это знакомство на постоянную основу. Чуть меньше половины экипажа составляли женатые пары. Перед нами, остальными, не было никаких препятствий, если нам что-то подобное приходило в голову.

Но как-то уж так получалось, что присматривали за нами строже, чем это бывало дома. Непохоже, чтобы этот присмотр был специально организованным, но все-таки он был. Если кто-то слишком уж долго прощался в коридоре, после того как освещение гасили на ночь, всегда почему-то получалось, что мимо прошаркивал ногами дядя Альфред. Или мамочка О'Тул шла приготовить себе чашку шоколада, «чтобы получше уснуть».

А то мог пройти даже сам капитан. Мне начи-

нало казаться, что, если дело касается происходящего на корабле, у него и на затылке были глаза. А уж у мамочки О'Тул они точно были. Или, может быть, дядя был одним из тех гипотетических телепатов широкого спектра, но он был слишком умен и слишком деликатен, чтобы кто-то его раскусил.

Или док Деверо так хорошо изучил наши перфокарты, что заранее знал, когда какая-то овечка из его стада забредет не туда, и вовремя посылал своих собак, чтобы они пригнали ее обратно. Я бы не стал исключать такую возможность.

Все это было очень ненавязчиво — как раз сколько надо, ничего излишнего. Никому не возбранялся поцелуй-другой, если уж очень хотелось попробовать, каков он на вкус; с другой стороны, у нас никогда не случалось скандалов, которые время от времени разгораются практически в любой общине. Я совершенно уверен, что скандалов не было, на корабле такое не скроешь. А на легкие, полудружеские обнимашки, похоже, никто даже внимания не обращал.

Мы с Пру, разумеется, не позволяли себе ничего такого, что могло бы заслужить порицание.

И все же мы уделяли друг другу все больше и больше времени как во время вахт, так и между

ними. Я не относился к этому серьезно, я имею в виду намерение жениться, но к тому, что это становится для меня все более важным, я относился серьезно. Во взглядах, которые она на меня бросала, стало появляться уже что-то интимное и даже собственническое; иногда при передаче каких-нибудь бумажек наши руки соприкасались, и тогда между нами словно искры проскакивали.

Я взбодрился, чувствовал себя великолепно, у меня не стало времени писать свои мемуары, а еще я набрал четыре фунта и уж точно забыл скучать по дому.

У нас с Пру появилась привычка: в тех случаях, когда мы вместе шли с ночной вахты, устраивать налет на кладовую. Мамочка О'Тул не имела ничего против, она оставляла кладовку незапертой, чтобы любой, кто хотел перехватить, мог это сделать, — она говорила, что здесь наш дом, а не тюрьма. Мы с Пру делали себе бутерброды или изобретали какое-нибудь фантастическое съедобное месиво, ели и беседовали, пока не приходило время идти спать. Не важно, о чем мы говорили; важно было то теплое чувство, которое мы разделяли.

Однажды мы сдали вахту в полночь, и в столовой не оказалось ни души; игроки в покер

разошлись рано, никто даже не засиделся допоздна за шахматами. Мы с Пру зашли в кладовку и собирались поджарить сырно-дрожжевые сэндвичи. В кладовке было довольно тесно, и, поворачиваясь, чтобы включить маленький гриль, Пру прижалась ко мне. Я ощутил запах ее чудесных волос и еще чего-то — то ли клевера, то ли фиалок. И тогда я ее обнял.

Пру не стала устраивать шума; она на мгновение замерла, потом расслабилась.

Девушки — очень приятные существа. У них совершенно отсутствуют кости, а температура по крайней мере на пять градусов выше, чем у нас, что бы там ни показывали термометры. Я наклонил лицо, она подняла свое, закрыла глаза, и все было чудесно. С полсекунды она целовала меня, и я знал, что ей это нравится не меньше, чем мне, а это очень сильная оценка.

А потом она вдруг вырвалась от меня, словно какой-то борец, и прижалась спиной к стене напротив меня с видом крайнего разочарования на лице. Я был разочарован ничуть не меньше. Она не смотрела на меня, она смотрела в никуда и вроде прислушивалась. Это было мне знакомо, такое же выражение было у нее во время сеансов связи — только сейчас она выглядела ужасно

несчастной.

Я спросил:

— Пру! В чем дело?

Она не ответила, а просто двинулась к выходу. Она сделала уже пару шагов по направлению к двери, когда я протянул руку и схватил ее за запястье.

— Эй, ты злишься на меня?

Пру вывернулась, потом, похоже, до нее дошло, что я все еще здесь.

— Прости, Том, — хрипло сказала она. — Моя сестра сердится.

Я в жизни не встречал Пэйшенс Мэтьюз, а теперь, пожалуй, и не хотел бы ее встретить.

— Что? Я всякие глупости слыхал, но чтобы…

— Ты не понравился моей сестре, Том, — твердо сказала она, как будто это все объясняло. — Спокойной ночи.

— Но…

— Спокойной ночи, Том.

За завтраком Пру была такой же очаровательной, как и всегда, вот только когда она передавала мне булочки, искры не прыгали. Я не удивился, когда Руп в тот же день поменял вахтенное расписание, и не стал спрашивать почему. Пру меня не избегала, она даже танцевала со мной иногда,

но огонь потух, и ни один из нас не пытался разжечь его снова.

Много времени спустя я рассказал эту историю ван Хоутену. Сочувствия я не дождался.

— Думаешь, тебе первому палец дверью прищемило? Пру, она прелесть, ты уж поверь мне, старику. Но даже если сам сэр Галахад явится на белом скакуне, он обязан будет получить одобрение Пэйшенс, прежде чем ему будет дозволено общаться с Пру… и — зуб даю — она скажет «нет!». Сама-то Пру согласна, причем очень мило и слегка глуповато, но Пэйшенс не даст согласия ни на что более интимное, чем игра в ладушки.

— Я думаю, что это просто позор, — сказал я. — Мне-то, конечно, теперь все равно, но ее сестра разрушит ее жизнь.

— Ну, это ее дело. Что до меня, то я добился компромисса со своим близнецом пару лет назад — выбили друг другу по зубу, а после сотрудничали на деловой основе. Кстати, откуда ты знаешь, что Пру не делает то же самое с Пэйшенс? Может, это Пру первая начала.

Этот случай не оттолкнул меня от девушек, даже от таких, у которых были сестры-близнецы с телепатическими способностями, только теперь я уж стал наслаждаться обществом всех

их вместе. Но какое-то время после этого случая я стал чаще видеть дядю Альфреда. Он любил играть в домино, а потом, когда мы кончали игру, говорить о своей Лапочке — и, конечно, с ней. Он, и я тоже, смотрели на ее большую фотографию, и мы втроем разговаривали, причем дядя повторял ее слова мне, а мои — ей. Она и вправду была очень хорошим ребенком. Было очень интересно познакомиться с маленькой шестилетней девочкой; крайне забавно, о чем они думают.

Однажды вечером, как всегда, мы беседовали втроем, я смотрел на ее фотографию, как вдруг мне пришло в голову, что прошло много времени и Лапочка, должно быть, изменилась, — ведь в этом возрасте меняются очень быстро. И у меня появилась блестящая мысль.

— Дядя, а почему бы Лапочке не послать свою фотографию Расти Родсу? Потом тот передаст ее Дасти, а тот уже нарисует тебе не хуже этой, только уже теперешнюю, ты увидишь, как она выглядит сейчас, понимаешь? Ну как, Лапочка, хорошая мысль?

Это совсем не обязательно.

Я глядел на эту фотографию, и глаза мои чуть не вывалились от удивления. На какой-то миг изображение изменилось. Конечно, это была та

же самая веселая девочка, но она вдруг стала немного старше, она стеснялась дырки в зубах и волосы у нее были зачесаны по-другому.

И она была живая. Не просто цветная стереофотография, а живая девочка. Разница очень большая.

Но я моргнул, и передо мною опять была та же самая старая фотография.

Я хрипло произнес:

— Дядя, кто это сказал: «Это совсем не обязательно»? Ты? Или Лапочка?

— Конечно Лапочка. Я только повторил.

— Да, дядя… но я не слышал *тебя*, я слышал именно *ее*. — Потом я рассказал ему про фотографию.

Он кивнул.

— Да, так она сейчас и выглядит. Она просит передать тебе, что, вообще-то, зуб у нее вот-вот прорежется.

— Дядя, тут никуда не денешься. На секунду я незаконно подключился на вашу волну. — Меня немного трясло.

— Знаю. И Лапочка тоже знает. Только почему незаконно, сынок, мы всегда рады другу.

Я пытался переварить эту новость. От последствий, которые это могло иметь, голова шла

кругом куда сильнее, чем тогда, когда мы с Пэтом обнаружили свою способность. Только я не представлял себе, какими они могут быть, эти последствия.

— Слушай, дядя, думаешь, у нас может получиться еще раз? Лапочка?

— Можно попробовать.

Но на этот раз ничего не вышло. Если только я не слышал ее голос вместе с голосом дяди, когда она сказала:

Спокойной ночи, Томми. Но я не был уверен.

Улегшись в постель, я рассказал все это Пэту. Когда я убедил его, что все это и вправду произошло, он заинтересовался.

В этом, старик, стоит покопаться. Я, пожалуй, лучше запишу все это на пленку. Доктор Мэйбл обязательно захочет этим заняться.

Ты подожди, пока я спрошу разрешения у дяди Альфа.

Хорошо. Я думаю, это все его племянница, и каким-то непростым образом. Да, кстати о ней; может, мне с ней увидеться? Возможно, будет проще снова подключиться, если на каждом конце будут двое. Где живет его племянница?

Кажется, в Йоханнесбурге.

Мм… Неблизко, но, если доктор Мэйбл проявит

интерес, ФДП обязательно пошлет меня туда.

Возможно, но дай я сначала поговорю с дядей.

Однако дядя Альф сперва побеседовал с доктором Деверо. Они вызвали меня, и доктор захотел, чтобы мы прямо тут же сделали еще одну попытку. Я никогда не видел раньше его таким взволнованным. Я сказал:

— Можно, конечно, только я сильно сомневаюсь, что у нас что-нибудь получится. Прошлым вечером ведь не вышло. Думаю, тот раз был просто случайностью.

— Случайность, случайность. Получилось раз, значит может получиться снова. Надо только хорошенько подумать о создании подходящих условий. — Он глянул на меня. — Есть возражения против легкого гипноза?

— У меня? Да нет, сэр. Только я плохо поддаюсь гипнозу.

— Думаешь? Если верить твоему досье, доктор Арно сумела. Просто притворись, что я — это она.

Я чуть не рассмеялся ему в лицо. Наверное, я больше похож на Клеопатру, чем он — на хорошенького доктора Арно. Но я согласился принять участие в опыте.

— Все, что тебе нужно, — это легкий транс,

чтобы убрать все отвлекающие обстоятельства и сделать тебя более восприимчивым.

Не знаю, что я должен был ощутить в «легком трансе». Я не чувствовал ничего и не спал.

Однако я снова услышал Лапочку.

Думаю, интерес доктора Деверо был чисто научным; любой новый факт, связанный с человеческой психикой, мог вывести его из обычной апатии. Дядя Альф думал, что доктору также очень хотелось установить новую телепатическую линию связи, так, на всякий пожарный. В том, что сказал дядя, звучал легкий намек, что сам он задумывался, долго ли он протянет.

Но был еще один намек, более серьезный. Дядя Альф со всей деликатностью дал мне понять, что, если уже дело дойдет до этого, хорошо знать, что есть кто-то, кому он доверяет и кто может присмотреть за его девочкой. Он, конечно, не сказал этого прямо, в лоб, так что мне не пришлось отвечать, а то я, пожалуй, поперхнулся бы от смущения. Он просто дал мне понять — и это был наилучший комплимент, какого я только в жизни удостаивался. Я все-таки сомневался, что заслуживаю такого доверия, и поэтому решил, что обязан заслужить его, если уж дойдет до дела.

Теперь я мог, конечно, «говорить» с дядей Альфом также, как и с Лапочкой. Но я пользовался новой возможностью только при наших беседах втроем. Все-таки телепатия без необходимости — это лишняя обуза. И я никогда сам не связывался с Лапочкой, только во время пары экспериментов, проведенных по просьбе доктора Деверо для того, чтобы твердо установить, что я могу это сделать без помощи дяди. Для этого потребовалось снотворное, из обычного сна дядя сразу выходил, если кто-нибудь «кричал» на этой волне. Но потом я ее оставил в покое, не мое это было дело — залезать в мозг маленькой девочки, разве что она сама была к этому готова и хотела пообщаться.

А вскоре после этого Пэт женился.

Глава 11
Замедление

Все время этого первого ускоренного участка пути, после того как доктор Деверо «подержал меня за руку», мои отношения с Пэтом стабильно улучшались. После того как я сумел понять, что ненавижу и презираю Пэта, вдруг почему-то оказалось, что ни ненависти этой, ни презрения уже нет. Я излечил его от ужасной привычки без нужды меня беспокоить — для этого я сам занялся тем же самым. Будильник-то он мог заглушить, а меня — нет. После этого мы выработали формулу «живи-и-дай-жить-другому» и стали лучше ладить. Через какое-то время я заметил, что с нетерпением жду очередной связи с ним, и понял, что он мне нравится. Не «снова», а «наконец-то», ведь я никогда не испытывал к нему таких, как теперь, теплых чувств.

Но теперь, когда мы начали сближаться, нас все больше отдаляло друг от друга: в дело вмешалось «замедление». Как видно из релятивистских уравнений, зависимость не линейна; вначале замедление почти незаметно, но с приближением

к скорости света оно нарастает как бешеное.

При трех четвертях скорости света Пэт начал жаловаться, что я растягиваю слова; мне же казалось, что это он тараторит. При девяти десятых отношение было близко к двум, но мы уже разобрались, в чем тут дело: я стал говорить побыстрее, а он помедленнее.

При девяносто девяти процентах скорости света отношение перевалило за семь, и мы едва могли понять друг друга. Чуть позднее в тот же день мы полностью утратили контакт.

У остальных были те же проблемы. Разумеется, телепатия мгновенна. Во всяком случае, триллионы миль, бывшие между нами, не приводили к какому-либо запаздыванию, даже такому, как при телефонном разговоре между Землей и Луной, и сила сигнала не падала. Но только ведь мозг — это плоть и кровь; и мысли требуется время, а наши скорости течения времени совсем разошлись. Я думал настолько медленно (с точки зрения Пэта), что он уже не мог замедлиться достаточно, чтобы меня воспринимать. Что касается меня, то я иногда понимал, что он пытается связаться со мной, но это был просто какой-то визг, смысл которого уловить было невозможно.

Даже Дасти Родс ничего не мог сделать. Его брат

просто не мог сконцентрироваться на изображении на несколько долгих часов, необходимых, чтобы Дасти «увидел» это изображение.

Все это, мягко скажем, выводило нас из равновесия. Слышать голоса — это нормальный ход, но только не в том случае, если ты не можешь ни разобрать, что они говорят, ни попросить их замолчать. Не исключено, что некоторые из непонятных «чокнутых» чокнутыми совсем не являлись; возможно, несчастные психи были просто-напросто настроены на неподходящую волну.

Поначалу хуже всех воспринимал это дядя Альф; один раз я просидел с ним весь вечер, мы пробовали и пробовали вместе. А потом к нему вдруг опять вернулась обычная его безмятежность; Лапочка думала о нем, это он знал, и это было самым главным; слова не были такими уж необходимыми.

Расцвела одна Пру: она наконец-то избавилась от надзора своей сестры. Она целовалась по-настоящему, возможно, впервые в жизни. Нет, не со мной. Я просто шел попить из фонтанчика, а затем тихо ретировался, решив, что питье мое подождет. Кто это был, говорить нет ни малейшего смысла, поскольку это вообще ничего не

значило; думаю, в это время Пру поцеловала бы даже капитана, если бы он только стоял спокойно и не рыпался. Бедняжка Пру.

Мы смирились с необходимостью ждать, пока снова не приблизимся к земному темпу. Мы продолжали поддерживать связь с другими кораблями, ведь все они ускорялись по одной программе, и по этим сохранившимся линиям оживленно обсуждалась дилемма, возникновения которой, похоже, никто не предвидел. С одной стороны, перерыв в связи не имел большого значения, докладывать нам особенно было нечего, пока мы не замедлимся и не начнем исследовать свои звезды, но, с другой стороны, он был очень важен: время, которое «Элси» шел со скоростью света (ну, лишь не намного меньше), было очень кратким для нас, но там, на Земле, пройдет добрый десяток лет. Как мы выяснили позднее, доктора Деверо и его коллег на других кораблях, а также дома, в ФДП, очень тревожила мысль, сколько телепатических пар останется (если вообще останется) в действии по прошествии стольких лет. У них были причины беспокоиться. Уже было установлено, что идентичные близнецы практически никогда не становились телепатами, если многие годы жили врозь. Именно это было еще одной

причиной отбора молодых пар — большинство близнецов взрослая жизнь разлучает.

Но до этого момента мы не были «разделены» из-за проекта «Лебенсраум». Конечно, мы были на немыслимом расстоянии друг от друга, но каждая пара ежедневно вступала в контакт и практиковалась, что определялось системой ежедневных вахт, поддерживаемых даже тогда, когда передавать, кроме новостей с Земли, было нечего. Но как повлияет многолетний перерыв контакта на связь между близнецами?

Меня это не беспокоило; я про это ничего не знал. В ответ на мой вопрос о прекращении связи мистер О'Тул ответил что-то такое, из чего я сделал вывод, что через несколько недель по корабельному времени темпы времени у нас и на Земле сблизятся достаточно, чтобы связь возобновилась. А пока — никаких вахт, так что все было не так уж и плохо. Я лег спать и пытался игнорировать визги, раздающиеся у меня в голове.

Разбудил меня Пэт.

Том… отвечай, Том. Ты слышишь меня? Том, от…

Эй, Пэт, я здесь! — В мгновение ока я совершенно проснулся и, соскочив с койки, босиком стоял на полу в таком возбуждении, что едва был

способен что-нибудь сказать.

Том! О Том! Рад слышать тебя, парень, — ведь прошло уже два года, как я последний раз до тебя достучался.

Но… — хотел было возразить я, но потом смолк. Для меня прошло меньше недели. А сколько времени прошло для Пэта, я мог узнать, только поглядев на Гринвичский календарь и наведя справки в вычислительном центре.

Том, не перебивай, долго мне не продержаться. Последние шесть недель меня держат под глубоким гипнозом и наркотиками… я так долго не мог с тобой связаться. Держать меня дольше в таком состоянии они не решаются.

Ты хочешь сказать, что ты вот прямо сейчас под гипнозом?

Конечно, иначе я вообще не смог бы с тобой говорить… А теперь… На секунду голос стих. *Прости, пришлось прерваться, мне сделали еще один укол, а заодно и внутривенное кормление. А теперь слушай и записывай расписание: ван Хоутен…*

Он прочитал мне гринвичские даты и точное — до секунды — время для каждого из нас, и, пока я для проверки читал записанное ему, его голос стал затихать. Последним, что я услышал, было *«Пока»*, перешедшее в визг, а затем наступила

тишина.

Штаны я все-таки натянул, прежде чем бежать и будить капитана, но на ботинки времени тратить не стал. Потом все повскакивали с постелей, везде включили дневной свет, хотя официально еще была ночь, и мамочка О'Тул варила кофе, и все говорили, перебивая друг друга. Релятивисты толпились в вычислительном центре, а Жанет Меерс вычисляла корабельное время намеченного контакта Берни ван Хоутена с братом в уме. Она не стала возиться с компьютером, потому что Берни был первым по списку и время поджимало.

Ван не мог связаться со своим братом, и все занервничали, а Жанет Меерс заливалась слезами, так как кто-то предположил, что она, считая в уме, выдала ошибочное время. Но доктор Бэбкок собственноручно прогнал задачу через компьютер и подтвердил ее результат с точностью до девятого знака. А потом ледяным тоном объявил, что будет крайне благодарен, если в будущем никто не станет критиковать его сотрудников, эту привилегию он оставляет себе.

Но вскоре Глория связалась со своей сестрой, и все немного успокоились. Капитан, через мисс Гамму, послал донесение на флагманский

корабль и получил ответ, что еще два корабля — «Наутилус» и «Христофор Колумб» — восстановили связь с Землей.

Теперь уже никто не тянул время, когда надо было заступать на вахту, никаких забеганий в кладовку, чтобы малость перекусить. Если было известно, что твой напарник будет передавать в 3:17:06 с крохотным хвостиком корабельного времени, ты сидел наготове уже с трех часов, никаких глупостей, магнитофон крутился, а микрофон у рта. Нам-то на корабле было легко, но каждый из нас знал, что его напарника накачивают наркотиками и погружают в глубокий гипноз, чтобы он мог провести связь, — доктора Деверо это очень беспокоило.

К тому же теперь не было времени для болтовни, ведь твой близнец расплачивался, возможно, часом своей жизни за каждое переданное слово. Ты просто записывал то, что он передает, с первого раза, никаких сбоев, а затем передавал то, что написал капитан. Хорошо, если после этого оставалась пара минут на разговоры. Обычно их не оставалось… вот так я и напутал все насчет женитьбы Пэта.

Видите ли, две переходных недели, когда мы летели с максимальной скоростью, последняя

неделя ускорения и первая замедления соответствовали примерно десяти годам на Земле. Отношение было в среднем один к двумстам пятидесяти. Но это в среднем, при максимальной скорости замедление было гораздо больше. Я спросил мистера О'Тула, чему равнялся максимум, но он только покачал головой. Измерить это — сказал он мне — невозможно, и вероятная ошибка больше присутствующих в расчете малых величин.

— Скажем так, — закончил он. — Слава богу, что на корабле нет простуженных, а то один хороший чих перекинул бы нас через скорость света.

Он, ясно, шутил. Ведь, как напомнила Жанет, при приближении нашей скорости к световой, масса корабля приближалась к бесконечности.

Но мы снова утратили связь на целые сутки.

В конце одного из этих пиковых сеансов (они длились не более пары минут по корабельному времени) Пэт сказал мне, что они с Моди собираются пожениться. Связь прервалась, прежде чем я успел его поздравить. Я хотел сказать, что Моди, пожалуй, еще слишком молода и не спешит ли он, но упустил этот шанс. Его уже не было.

Я, пожалуй, не ревновал. К этому выводу я пришел, покопавшись в себе и обнаружив, что

не могу вспомнить, как выглядит Моди. Нет, я, конечно, помнил, что она блондинка со вздернутым носиком, на котором летом проступали веснушки. Но я не мог вызвать перед глазами ее лицо, как мог вызвать лицо Пру или Жанет. Я не ревновал, только чувствовал, что меня как бы мягко выставляли за дверь.

Потом я справился у Жанет, какое гринвичское время соответствовало моей последней связи с Пэтом, и понял, что совершенно зря собирался наводить критику. Пэту было двадцать три, а Моди двадцать один, почти двадцать два.

При очевидной связи я умудрился успеть сказать «поздравляю», но у Пэта не было времени для ответа. Ответил он в следующий раз…

Спасибо за поздравление. Мы назвали ее в честь мамы, а похожа она будет, думаю, на Моди.

Это меня изумило до крайности. Я снова попросил помощи у Жанет и обнаружил, что все в порядке. Я хочу сказать, что, если пара жената уже два года, вряд ли кто будет удивляться, если у них появится маленькая дочка, правильно? Разве только я.

В общем, за эти две недели мне пришлось ко многому привыкать. В начале этого периода мы с Пэтом были одного возраста, за исключением

несущественного замедления. В конце (концом периода я считаю тот момент, когда исчезла необходимость в экстремальных средствах для поддержания связи) мой брат оказался одиннадцатью годами старше меня и у него была семилетняя дочь.

Я перестал думать о Моди как о девочке, во всяком случае — той девочке, за которой я когда-то ухаживал. Я решил, что она, пожалуй, стала толстой, неряшливой и очень, очень домашней, — ей было никогда не устоять перед вторым шоколадным эклером. Если по-честному, мы с Пэтом стали друг для друга почти чужими, у нас было так мало общего. Всякие мелкие корабельные сплетни, столь важные для меня, его раздражали; меня же, с другой стороны, ну никак не могли взволновать гибкие строительные блоки и сроки штрафных санкций. Мы продолжали вполне успешно связываться, но теперь это было похоже на разговор по телефону с незнакомым человеком. Мне было жаль, я уже успел полюбить Пэта, прежде чем он ускользнул от меня.

Но я и вправду хотел бы увидеть свою племянницу. Знакомство с Лапочкой научило меня тому, что маленькие девочки могут быть забавнее щенков и даже симпатичнее котят. Я вспомнил про

свою идею насчет портрета Лапочки и пристал с этим к Дасти.

Он согласился. Дасти просто не может упустить лишнюю возможность продемонстрировать, как здорово он рисует. К тому же он стал чуточку мягче — насколько это вообще для него возможно, — он больше не рычал, когда его пытались погладить, хотя нужны будут еще годы и годы, пока он научится садиться и подавать лапу.

Дасти выдал великолепный рисунок; у малютки Молли не хватало только крылышек, и вышел бы настоящий херувим. Я видел в ней сходство с собой — то есть, конечно, с ее отцом.

— Дасти, это прекрасный рисунок. А это точная передача?

— Откуда мне знать? — ощетинился он. — Но если тут есть отличие хоть на микрон, хоть на малейшую разность тонов, какую только может уловить спектрофотометр от той фотографии, которую твой брат прислал моему, я готов съесть этот рисунок. А насчет оригинала ничего не знаю; может, гордые родители и приукрасили свое дитятко.

— Извини, извини, это потрясающий рисунок. Мне бы очень хотелось чем-нибудь тебе отплатить.

— Только не надо из-за этого терять сон; я сам что-нибудь придумаю. Но мои услуги недешевы.

Я снял со стенки изображение Люсиль Ля Вон и повесил на ее место Молли. Правда, Люсиль я выбрасывать не стал.

Через пару месяцев выяснилось, что доктор Деверо усмотрел в моей способности пользоваться той же «длиной волны», что и дядя Альф с Лапочкой, возможности совершенно отличные от тех, очевидных, которые видел я. Я продолжал иногда говорить с ними, хоть и не так часто, как раньше. Лапочка была теперь настоящей молодой леди, почти восемнадцать; она училась в Витватерсрэнде[61] и уже сама была учительницей-практиканткой. Никто, кроме дяди и меня, не называл ее теперь «Лапочка», а мысль о том, что я когда-нибудь заменю дядю Альфа, счастливо отошла в прошлое — если так дальше пойдет, вскоре она сможет меня самого воспитывать.

Но док Деверо ничего не забывал. Однако переговоры свои с ФДП он провел, не ставя меня в известность. Видимо, и Пэту было велено молчать, пока все не будет готово, так что впервые я услышал об этом совершенно неожиданно, когда

---

[61] notes: 61

Витватерсрэнд — городской округ Йоханнесбурга, Южная Африка.

поднял его, чтобы передать какие-то рутинные сообщения (к тому времени мы перешли на обычные вахты).

Оставь это, старик, ответил он. *Передай все бумажки следующему несчастному. Мы сейчас попробуем кое-что новенькое.*

Что?

Это по приказу ФДП, с самого верха. У Молли теперь свой собственный временный контракт, вроде того, какой был у нас с тобой.

Как это? Она же не близнец.

Дай-ка я ее посчитаю. Нет, вроде она всего одна, хотя иногда она кажется целым стадом диких слонов. Но вот она здесь, со мной, и хочет поздороваться с дядей Томом.

А, прекрасно, привет, Молли.

Привет, дядя Том.

Я чуть с ума не сошел. Я услыхал это совершенно четко, без всяких сбоев.

Эй, кто это? Повтори-ка.

Привет, дядя Том, она хихикнула, *у меня новый бантик.*

Я сглотнул.

Готов поспорить, ты здорово с ним смотришься, милая. Жаль, что я не вижу. Пэт! Когда это произошло?

Потихоньку-полегоньку, в течение последних десяти недель. Для этого потребовались такие же суровые сеансы с доктором Мэйбл. Кстати сказать, для этого потребовались еще более суровые сеансы, с… ну, бывшей мисс Корик, прежде чем она разрешила нам попробовать.

Это он про мамочку, заговорщическим шепотом поведала мне Молли. *Ей это не нравится. А мне нравится, дядя Том. Я думаю, что это очень здорово.*

А у меня теперь из-за них не осталось никакой личной жизни, пожаловался Пэт. *Слушай Том, это просто проба, я сейчас отключусь. Нужно вернуть этот кошмар ее мамаше.*

Она заставит меня спать, обреченным голосом согласилась Молли. *А я уже совсем взрослая и не хочу спать днем. До свидания, дядя Том. Я тебя люблю.*

Я тоже люблю тебя, Молли.

Я повернулся — и, конечно же, за моей спиной стояли, развесив уши, доктор Деверо и капитан.

— Ну, как прошло? — спросил доктор озабоченным — для него — голосом.

Я с большим трудом придал своему лицу безразличное выражение.

— Удовлетворительно. Отличный прием.

— И от ребенка тоже?

— Конечно, сэр. А вы ожидали чего-нибудь другого?

Доктор с облегчением вздохнул.

— Сынок, не нуждайся мы в твоих услугах, я бы вышиб тебе мозги старым телефонным справочником.

Думаю, мы с Молли были первой из вторичных телепатических пар флота. Но не последней. ФДП, исходя из гипотезы, принятой после случая с дядей Альфом и Лапочкой, предположил, что появляется возможность образовать новую связь в тех случаях, когда потенциальный новый член очень молод и близко связан со взрослым членом старой группы. В некоторых случаях это удавалось. А в других случаях и попытку было не сделать в виду отсутствия подходящего ребенка.

Прежде чем мы добрались до системы Тау Кита, у Пэта и Молли появилась еще одна дочка. На этот раз, в отношении Линет, Моди была тверда: она сказала, что двух психов в семье более чем достаточно.

Глава 12
Тау Кита

К тому времени как до Тау Кита оставалось несколько световых часов пути, мы уже точно знали, что не вытащили пустой номер: Гарри Гейтс заснял на стерео и допплер-стерео уже с полдюжины планет. Гарри был не только главным планетологом, он также возглавлял исследовательский отдел. Думаю, у него было достаточно научных степеней, чтобы нанизывать их, как бусинки на нитку, но я звал его «Гарри», потому что все так делали. Он не из тех, кого называешь «доктор»; очень энергичный и на вид моложе своих лет.

Гарри Вселенная представлялась сложной игрушкой, которую ему подарили; ему хотелось разобрать ее на кусочки и посмотреть, почему она крутится. Он был в восторге от этой игрушки и с радостью обсуждал ее с кем угодно и когда угодно. Познакомился я с ним, когда мыл лабораторную посуду: Гарри не относился к лаборантам как к бездушным роботам. Он обращался с ними как с людьми и не ставил им в вину, что они

знают значительно меньше, чем он, — иногда казалось даже, что он думает, что и сам может узнать у них что-нибудь новое.

Как он нашел время жениться на Барбаре Койпер — не понимаю, но Барбара присматривала за факелом, так что, возможно, все началось с обсуждения какого-нибудь физического вопроса, а потом перешло на биологию и социологию; Гарри интересовался всем. Однако на то, чтобы быть рядом с ней в ту ночь, когда у них родился ребенок, он уже не нашел времени; как раз в эту ночь он фотографировал планету, названную им потом в честь дочки — Констанс. Кое-кто возражал, у всех были свои идеи, но капитан решил, что здесь применимо древнее правило: открыватель астрономического объекта имеет право дать ему имя.

То, что мы нашли Констанс, не было случайностью (я имею в виду планету, не ребенка; ребенка никто и не терял). Гарри хотел найти планету на расстоянии пятидесяти — пятидесяти одного миллиона миль от Тау, или, лучше сказать, планету на таком расстоянии хотел найти ФДП. Видите ли, по спектральному типу Тау Кита находится в близком родстве с Солнцем; правда она поменьше и дает всего лишь около трех десятых

от света нашего Солнца. Поэтому, согласно тому же самому старому, надоевшему закону обратных квадратов, в соответствии с которым планируется освещение помещений или подбирается мощность вспышки для фотоснимка, в пятидесяти миллионах миль от Тау планета получит столько же света, как и в девяноста трех миллионах миль от Солнца, где и находится Земля. Мы не искали планету вообще, какую-нибудь планету, «каких-нибудь» достаточно в нашей Солнечной системе; мы хотели найти близкую копию Земли, иначе она не будет пригодна к колонизации.

Если в ясную ночь вылезти на крышу и посмотреть на небо, звезд на нем так много, что начинает казаться — планет, похожих на Землю, должно быть как собак нерезаных. В каком-то смысле так оно и есть; по оценке Гарри, их в нашей Галактике где-то от ста тысяч до ста миллионов. Для всей Вселенной можете умножить это число на что угодно.

Заковыка здесь в том, что планеты эти находятся далековато. Тау Кита отделяют от Солнца всего одиннадцать световых лет; расстояние до большей части звезд Млечного Пути в среднем где-то около пятидесяти тысяч световых лет. Даже Фонд далеких перспектив не думает пока о

таких далеких перспективах. Хотя у нас и появились корабли с факельными двигателями, глупо думать о колонизации планеты за пределами сотни световых лет. Конечно, факельщик может долететь, если надо, куда угодно, даже на другой конец Галактики, но только кого заинтересуют сведения об удобных для застройки земельных участках, если к тому моменту на Земле уже пройдет парочка ледниковых периодов? Конечно же, к тому времени проблема народонаселения будет уже решена тем или другим способом. Возможно, тем же, каким решили ее всем известные коты, от которых остались «только кончики хвостов».

Но в пределах сотни световых лет от Земли имеется всего лишь чуть больше полутора тысяч звезд, и из них только около ста шестидесяти принадлежит к тому же спектральному типу, что и Солнце. Проект «Лебенсраум» надеялся проверить что-то около половины этих звезд, скажем — семьдесят пять; теперь, с утратой «Васко да Гама» — еще меньше. Проект окупится, если поиск обнаружит хотя бы одну планету земного типа, но уверенности в таком исходе, к сожалению, не было. У звезды солнечного типа может не быть планет земного типа; планета может находиться чересчур близко к звезде или

чересчур далеко от нее. Она может быть слишком маленькой, чтобы иметь атмосферу, или слишком большой, с непереносимой для человеческих костей гравитацией. Или на ней будет слишком мало воды, с которой связана вся жизнь человека.

Или она может оказаться населенной какими-нибудь грубыми типами, считающими, что кто первый нашел, тому все и принадлежит.

Самые лучшие шансы найти первую планету земного типа были как раз у «Васко да Гама»; звезда, к которой он направлялся, Альфа Центавра-А, является единственным настоящим близнецом Солнца в этой части Вселенной (напарница ее, Альфа Центавра-В, относится к другому типу, к спектральному классу К). Следующими были мы, хотя Тау Кита меньше похожа на Солнце, чем Альфа Центавра-В, так как следующая ближайшая звезда класса G отстоит от Солнца примерно на тринадцать световых лет, что давало нам преимущество в два года, если сравнивать с «Магелланом», и около четырех — если с «Наутилусом».

Если мы, конечно, вообще что-нибудь найдем. Можете себе представить, какое у нас было торжество, когда Тау не оказалась пустым номером.

Гарри торжествовал тоже, но совсем по иной причине. Я забрел как-то в обсерваторию в надежде посмотреть на небо, — одним из недостатков «Элси» было то, что из него было почти невозможно выглянуть наружу, — когда он схватил меня за руку и заявил:

— Ты только посмотри на это, приятель!

Я посмотрел на «это». Это был лист бумаги с какими-то цифрами; то ли расписание севооборота, составленное мамочкой О'Тул, то ли еще что.

— Что это?

— Ты что, читать разучился? Это правило Тициуса — Боде, вот что!

Я начал копаться в голове… Да-да… нет, это же закон Ома… а потом вдруг вспомнил. Правило Тициуса — Боде — это простая геометрическая прогрессия, описывающая расстояния планет Солнечной системы от Солнца. Никто так и не смог найти его причину; в некоторых случаях правило соблюдалось не очень хорошо, хотя я и припоминал, что не то Нептун, не то Плутон был открыт при помощи вычислений, использовавших его. Но вообще говоря, эта связь казалась случайной.

— Ну и что? — спросил я.

— Он еще спрашивает «ну и что»! Господи,

да ты что, не понимаешь, это же самое важное событие с того времени, как Ньютона долбануло яблоком?

— Знаешь, Гарри, может, оно и так, но я сегодня что-то туго соображаю. Я считал, что правило Тициуса — Боде — просто случайность. Почему не может быть случайности и здесь?

— Случайность! Ты подумай, Том, если ты выкинешь на костях семерку один раз — это случайность. Если ты выкинешь ее восемьсот раз подряд — значит кости жульнические.

— Но пока что только два раза.

— Это же не кости. Ты найди мне кусок бумаги побольше, и я тебе напишу все те нули, которые содержатся в вероятности такой «случайности». — Вид его стал задумчивым. — Томми, старина, это будет ключ к тому, чтобы понять, как возникают планеты. За это открытие нас похоронят вместе с Галилеем. Мм… Том, мы не можем позволить себе тратить слишком много времени в этом месте, нам надо двигаться дальше, взглянуть на систему Беты Гидры и убедиться, что и там правило подтверждается. Оно подтвердится, конечно подтвердится, но надо доказать всяким заросшим мхом там, на Земле. Я пойду и скажу капитану, что нужно изменить программу полета.

Он запихнул бумажку в карман и торопливо вышел. Я огляделся по сторонам, однако все иллюминаторы были закрыты антирадиационными экранами. Выглянуть наружу не удалось.

Само собой, капитан не стал менять программу; нашей задачей были поиски пахотных земель, а не решение астрономических ребусов. Через несколько недель «Элси» лег на орбиту вокруг Констанс. В результате мы впервые за полет оказались в состоянии невесомости. Невесомости не было даже во время перехода от ускорения к замедлению, мы сделали это посредством разворота корабля без остановки двигателей. Инженеры не любят заглушать факел, если нет времени на капитальный ремонт перед повторным запуском, — все помнят случай с «Петром Великим», который заглушил свои двигатели, не смог запустить их снова и упал на Солнце.

Ощущение свободного падения мне не понравилось. Но если не перегружать желудок, ничего особо страшного в нем нет.

Гарри не очень расстроился. Он получил в качестве игрушки целую новую планету, так что он отложил Тициуса — Боде в долгий ящик и занялся делом. Мы крутились по орбите, на высоте в тысячу миль, а тем временем ученые проводили

все исследования Конни, какие только можно провести без посадки: прямые визуальные наблюдения, радиационное обследование, снятие спектров поглощения атмосферы. У планеты было два спутника, один из них приличных размеров, хоть и поменьше Луны; поэтому они смогли точно определить силу тяготения на поверхности.

По виду Конни была очень сходна с нашей родной планетой. Командор Фрик поручил своим ребятам установить в столовой большой телеэкран, цветной и с усиленным стереоэффектом, так что мы все смогли полюбоваться на нее. Было похоже на изображения Земли, сделанные с космических станций: зеленый, голубой, коричневый цвета, поверхность наполовину скрыта облаками, на верхушках — полярные ледяные шапки. Атмосферное давление на ней было пониже, чем у нас, но зато содержание кислорода — повыше, так что мы могли бы там дышать. Спектры поглощения показывали довольно высокую концентрацию углекислого газа, однако не такую высокую, как на Земле в каменноугольный период.

Конни была поменьше Земли, однако площадь суши у нее была чуть побольше, чем у нас, за счет того, что меньше места занимали океаны. Каж-

дое сообщение на Землю содержало какие-либо приятные новости, я даже смог отвлечь Пэта от подсчета прибылей и убытков на некоторое время… Он создал компанию «Братья Бартлетт Инк» и, похоже, ожидал от меня интереса ко всяким этим дебетам-кредитам на том лишь основании, что в капитал фирмы вошла и накопившаяся на моем счету зарплата ФДП. Да где там, я так давно не прикасался к деньгам, что уже почти забыл, что кто-то ими еще пользуется.

Разумеется, первой нашей заботой было выяснить, не занято ли это место; я имею в виду разумную животную жизнь, способную пользоваться орудиями труда, делать вещи и создавать организации. Если таковая уже была, мы, согласно инструкции, обязаны были улететь отсюда, не пытаясь произвести посадку, а топливо поискать где-нибудь в другом месте системы. Установление дружеских отношений откладывалось на потом, до другого полета, ФДП не хотел повторения трагической ошибки, совершенной когда-то на Марсе.

Однако электромагнитный спектр не показывал абсолютно ничего, от гамма-лучей и вплоть до самых длинных радиоволн. Если там, внизу, и были люди, они не использовали радио, не

освещали свои улицы и не владели атомной энергией. Ровно так же не было у них ни самолетов, ни дорог, ни кораблей на поверхности океанов, ни чего-либо похожего на города. Поэтому мы спустились пониже, к самой границе атмосферы, и начали «делить апельсин на дольки», встав на полярную орбиту, чтобы внимательно осмотреть всю поверхность, новый сектор на каждом новом витке.

Мы исследовали планету визуально, фотографически и при помощи радара. Мы не могли пропустить ни одного объекта, хоть немного более заметного и подозрительного, чем бобровая плотина, в этом я уверен. Никаких городов, никаких домов, никаких дорог, никаких мостов, никаких кораблей, никого. Животные — это пожалуйста, мы видели стада, пасущиеся на равнинах, а иногда мельком замечали еще каких-то существ. Но в общем и целом это было очень похоже на рай для поселенца.

Капитан послал сообщение:

— Готовлюсь к посадке.

Я быстренько вызвался добровольцем в разведывательную группу. Сперва я пристал к своему дяде, майору Лукасу, с просьбой, чтобы он взял меня в свой отряд. Дядя сказал, чтобы я шел и

занимался своими делами.

— Если ты действительно думаешь, что мне зачем-либо нужен необученный новобранец, ты свихнулся даже больше, чем я в твоем представлении. Если уж у тебя появилась мысль стать солдатом, думать об этом надо было сразу после старта.

— Но ведь в твоем отряде есть люди изо всех остальных отделов.

— Да, и каждый из них — подготовленный солдат. Серьезно, Том, никак нельзя. Мне нужны такие ребята, которые смогут защищать меня самого, а не новички, о которых придется заботиться мне. Ты уж прости.

Тогда я попросил Гарри Гейтса, чтобы он взял меня в научную группу, которую и должен был защищать дядин отряд. Гарри сказал:

— Без проблем. Там будет уйма черной работы, которой моя компания примадонн не захочет заниматься. Можешь приступать прямо сейчас: проверь оборудование по этому списку.

Мы занялись проверкой — я зачитывал список, он пересчитывал свое хозяйство. Через некоторое время Гарри сказал:

— Ну, каково быть маленьким зеленым человечком с летающего блюдца?

— Кем?

— Энэлонавтом. Мы же здесь все — энэлонавты, ты не задумывался над этим?

Тут до меня дошло. НЛО — «неопознанный летающий объект». НЛО-истерия, сообщения о встречах с НЛО проходили через всю историю полетов в космос.

— Я думаю, что *мы* сейчас — нечто вроде НЛО.

— Вот именно. НЛО — это исследовательские корабли вроде нашего. Они рассматривали нас, не приходили в восторг от увиденного и отбывали. Если б они не обнаружили, что Земля прямо кишит враждебными аборигенами, они сели бы и стали организовывать хозяйство, так же как собираемся делать мы.

— Гарри, ты *правда* веришь, что НЛО — это нечто иное, чем плод воображения, ошибки наблюдений и все такое? Я-то думал, что эта теория давно изжила себя.

— А ты, Том, сам подумай обо всех этих свидетельствах. В нашем небе действительно *что-то* происходило незадолго до того, как мы сами начали космические полеты. Ясно, что большинство сообщений было липой. Но некоторые из них — не были. Если у тебя перед носом факт — приходится верить в него, иначе Вселенная

становится слишком уж фантастичной. Ты же не думаешь, что, кроме людей, никто никогда не строил космических кораблей?

— Ну… может, и не думаю. Но если строили, почему они не навестили нас давным-давно?

— Это, дружок, простая арифметика. Вселенная очень велика, а мы — ее крохотный закоулок. К тому же, может, они нас и навещали. Это мое личное мнение. Они исследовали нас, и оказалось, что Земля — не то, что им нужно, — может, из-за нас, может, из-за климата. И тогда НЛО улетели. — Он немного задумался. — А может, они садились совсем ненадолго, только чтобы заправиться топливом.

Эта поучительная беседа — все мое приобретение от членства в научной группе; когда Гарри внес мою фамилию в список, капитан ее вычеркнул.

— Ни один специальный связист не покинет корабль.

Это все решило, воля у капитана была железная. Вану идти было разрешено, так как его брат погиб при несчастном случае, пока мы летели с максимальной скоростью. Я рассказал про ван Хоутена Пэту и спросил, не может ли он тоже умереть для такого случая? Пэт не нашел в этом

ничего смешного.

«Элси» сел в океан в достаточно глубоком месте, а затем при помощи вспомогательных двигателей подгреб поближе к берегу. Корабль далеко выступал из воды, ведь его топливные баки были на две трети пусты. Вода, содержавшаяся в них, была истрачена сначала на то, чтобы разогнать корабль почти до световой скорости, а затем — чтобы опять его затормозить. Мы еще не встали окончательно на якорь, а техники уже занялись профилактическим ремонтом двигателя. Насколько я знаю, никто из них не просился в исследовательский отряд. Думаю, для большинства техников посадка на Констанс была просто удобным случаем запастись топливом, а также провести осмотр и капитальный ремонт двигателей, невозможные во время полета. Им и дела не было — где они находятся и куда направляются, лишь бы факел пылал, а вся их техника крутилась. Доктор Деверо рассказывал, что главный металлург шесть раз летал на Плутон и в то же время нога его не касалась ни одной, кроме Земли, планеты.

— А это нормально? — спросил я, вспомнив о том, как доктор носится с нормальностью всех окружающих, включая меня.

— Для таких, как он, это показатель великолепного психического здоровья. Человека из другой породы я бы за такое крепко запер и кормил через замочную скважину макаронами.

Сэму Рохасу такая дискриминация в отношении телепатов понравилась не больше, чем мне; он тоже рассчитывал ступить на чужую землю, подобно Колумбу, Бальбоа и Ланди. Сэм зашел ко мне обсудить положение.

— Том, неужели ты собираешься это терпеть?

— Ну как сказать, я не хочу, конечно, но только *что* мы можем сделать?

— Я переговорил кое с кем из остальных. Все очень просто. Мы не будем.

— Не будем что?

— Ну… просто не будем. Понимаешь, Том, с того времени как мы замедлились, я начал замечать у себя снижение телепатической способности. То же самое, похоже, наблюдается у всех нас — у тех, с кем я переговорил. А ты как?

— Ты что, я не…

— Подумай получше, — прервал он меня. — Ты не мог этого не заметить. Да что там, сейчас я, пожалуй, не смог бы даже вызвать своего брата на связь. Наверное, это как-нибудь связано с тем, где мы находимся… Может, это какое-нибудь стран-

ное излучение Тау Кита или что-то в этом роде. А может — это как-нибудь связано с планетой. Как знать? И если уж на то пошло, кто нас проверит?

Потихоньку до меня стало доходить. Я не отвечал, идея была очень заманчивая.

— Если мы бесполезны как связисты, — продолжил он, — мы можем пригодиться для чего-нибудь другого… ну, например, в группе высадки. Как только мы избавимся от этого загадочного влияния, мы, вполне возможно, сможем опять передавать сообщения на Землю. А может оказаться и так, что некоторые из девушек, те, которые не хотят идти с группой высадки, смогут все-таки связаться с Землей и передать туда донесения. Это, конечно, в том случае, если дискриминация против нас, психов, не будет возобновлена.

— Это идея, — согласился я.

— Ты подумай хорошенько. И ведь наверняка окажется, что эта твоя способность все слабеет и слабеет. Вот я, например, уже все равно что глухой. — И он ушел.

Я покрутил эту идею и так и сяк. Понятно, что капитан догадается, что это забастовка… но только что он сможет сделать? Обозвать нас лжецами и подвесить за ноги, пока мы не пойдем на попятную? Может ли он быть на все сто процентов

уверен, что мы врем? Ответ: нет. Никто, кроме самого телепата, не знает, на что это похоже. Никто, кроме него самого, не может знать, скис он или нет. Когда мы утратили контакт на пике скорости, капитан не высказывал ни малейших сомнений, он просто принял это как факт. И теперь ему тоже придется это принять, что бы там он ни думал про себя.

Потому что мы были ему нужны. Мы были незаменимы.

Отец был когда-то членом согласительной комиссии в местном отделении своей гильдии. Я помню, как он говорил, что бастовать имеет смысл только в одном случае: если работники так необходимы, что забастовка выигрывается, не успев начаться. Вот в таком-то положении и находился наш капитан: мы ему были нужны до зарезу. Ни одного потенциального штрейкбрехера в радиусе одиннадцати световых лет. Он не рискнет что-нибудь с нами сделать.

Правда, любой из нас может сорвать эту забастовку. Давай поглядим. Ван не считается, Кас Уорнер тоже, они больше не были телепатами, их напарники погибли. Сестричка нашей Пру, Пэйшенс, все еще жива, но эту пару не удалось восстановить после пика скорости — Пэйшенс

отказалась от рискованных фокусов с гипнозом и наркотиками, они надолго потеряли связь и не смогли ее возобновить. Мисс Гамма тоже не считается, корабли с ее сестричками все еще летят с максимальной скоростью, поэтому у нас нет возможности кружной связи с Землей и не будет, пока один из этих кораблей не замедлится. Кто же тогда остается, кроме Сэма и меня? И насколько они надежны? Руп, Глория, Анна, Дасти. И дядя, конечно. И Мэй-Лин.

Да, на всех их можно положиться. То, что к нам поначалу отнеслись как к психам, сплотило нас. Даже если кому и покажется, что так поступать нехорошо, он не станет подводить остальных. Даже Мэй-Лин, вышедшая замуж на сторону. Может получиться. Если только Сэм сумеет их всех убедить.

Я хотел попасть на планету каким угодно путем. Может, этот путь и был сомнительным, но я все равно хотел.

И все-таки было здесь неприятное жульничество, нечто вроде того, когда ребенком тратишь на себя деньги, которые тебе дали для церковной кружки.

Времени у Сэма на организацию было до завтрашнего полудня, так как у нас теперь была

всего одна вахта в день. Необходимости в постоянной связи не было, а работы на корабле, с того времени как было решено делать вылазку, прибавилось. Я пошел навешивать бирки на лабораторных крыс.

Но ждать до завтра не пришлось. Тем же вечером дядя созвал нас, и мы все набились в его каюту — все, кроме мисс Гаммы, Пру, ван Хоутена и Каса. Дядя оглядел нас, лицо у него было длинное и печальное; он извинился, что ему негде всех усадить, но надолго он нас не задержит. Потом он начал говорить нечто витиеватое про то, как все мы ему вроде родных его детей, и как он нас полюбил, и что мы всегда будем его детьми, что бы ни случилось. А потом он заговорил о чувстве достоинства, которое делает человека человеком.

— Человек всегда сам за все расплачивается, он хранит себя в чистоте, он уважает других людей, он держит слово. Он делает все это бескорыстно, должен это делать просто, чтобы оставаться в гармонии с самим собой. Билет на небеса стоит гораздо дороже.

Дядя сделал паузу и продолжил:

— И он всегда исполняет обещанное. — Он оглядел нас и добавил: — Это все, что я хотел

сказать. Да, если уж все вы здесь, я могу сделать одно объявление. Рупу пришлось немного сдвинуть вахтенное расписание. — Он нашел глазами Сэма Рохаса. — Сэм, я хочу, чтобы ты вышел на следующую вахту завтра в полдень. Сможешь?

Секунды три не было ни звука. Затем Сэм медленно произнес:

— А что, думаю, смогу, дядя, если уж ты этого хочешь.

— Я был бы очень рад, Сэм. Понимаешь, по разным причинам я не хочу ставить на эту вахту никого другого… и мне самому не хочется ее стоять. Если бы ты не смог, мне, пожалуй, пришлось бы сказать капитану, что некого поставить. Поэтому я очень рад, что ты выйдешь.

— Ну конечно, дядя. Не стоит беспокойства.

На этом наша забастовка закончилась.

Но дядя еще не распустил нас.

— Я подумал, что скажу вам про изменения в расписании сейчас, пока вы все здесь, чтобы Рупу не пришлось искать всех по очереди и давать его вам на подпись. Но я собрал вас еще и для того, чтобы кое о чем спросить. Группа высадки покинет корабль совсем скоро. Как бы соблазнительно ни выглядела Констанс, я понимаю, что это может быть опасным… Неизвестные нам болезни,

животные, которые могут оказаться смертельно опасными с самой неожиданной для нас стороны, да что угодно. Мне пришло в голову, что мы сможем тут помочь. Можно послать одного из нас с группой высадки, а другого оставить на вахте на корабле — а их напарники на Земле установят связь по телефону. Таким образом, мы будем находиться в контакте с группой высадки, даже если у нее поломаются рации или еще что-нибудь случится. Для нас это будет уйма дополнительной работы, и никакой славы… Однако, если таким образом будет спасена хотя бы одна жизнь, все это беспокойство будет оправданно.

Тут неожиданно вмешался Сэм:

— Дядя, а кого ты думаешь отправить с группой высадки?

— Я не знаю. Для нас это не было предусмотрено, мы не получаем дополнительную плату за повышенную опасность, так что я не чувствую себя вправе кому-либо приказывать, не думаю, чтобы капитан меня одобрил, если бы я кого-либо сам *послал*. Но у меня была надежда, что найдется достаточное количество добровольцев, чтобы организовать попеременную вахту. — Он немного поморгал, вид у него был неуверенный. — Но никто не потребует, чтобы вы шли добровольца-

ми. Пожалуй, лучше пусть все скажут мне свое решение с глазу на глаз.

Ждать ему не пришлось, все тут же вызвались добровольцами. Даже Мэй-Лин, которая затем взбесилась и устроила большой крик, когда дядя мягко сказал, что ей стоило бы получить сперва согласие мужа — которое она потом так и не получила: семейка Трэверсов ожидала прибавления.

С капитаном дядя переговорил на следующее утро. У меня мелькало желание подключиться к нему и сразу узнать, чем это закончится, но было слишком много работы. К моему удивлению, получасом позднее громкоговоритель, висевший в лаборатории, вызвал меня к капитану. Я помыл руки и поспешил в его каюту.

Дядя был там. Вид у капитана был суровый, у дяди — мрачный. Я попытался связаться с дядей на частоте Лапочки, но тут он впервые проигнорировал меня. Капитан холодно посмотрел в мою сторону и произнес:

— Бартлетт, мистер Макнил предложил мне план, согласно которому сотрудники вашего отдела желают оказать помощь в наземных исследованиях. Скажу вам сразу и прямо, что я отверг этот план. Я благодарен за это предложение, однако намерен подвергать риску людей вашей

особой категории не больше, чем перестраивать двигатель корабля для стерилизации тарелок. Все должно быть на своем месте.

Он побарабанил пальцами по столу.

— И все же у этого предложения есть свои положительные стороны. Я не имею права рисковать всем вашим отделом… однако, для повышения безопасности группы высадки, я могу рискнуть одним специальным связистом. И вот мне пришло в голову, что прямо здесь, на корабле, у нас есть готовая телепара, что избавляет от необходимости связываться косвенно, через Землю. Вы и мистер Макнил. Так что? Что вы можете сказать?

Я хотел было сразу крикнуть: «Согласен!» — но тут вдруг сообразил. Если после всех событий на высадку отправлюсь я, Сэм воспримет это крайне мрачно… да и остальные тоже. Они могут подумать, что я все устроил сам.

— Ну так что же? Отвечайте!

Какого черта, чего бы они там ни подумали, от такой возможности не отказываются.

— Капитан, вам хорошо известно, что уже несколько дней назад я вызывался добровольцем в группу высадки.

— Именно так. Хорошо. Я считаю, что ваше

согласие получено. Только вы неправильно меня поняли. Вы не идете с десантом, это сделает мистер Макнил. Вы останетесь на борту и будете поддерживать с ним контакт.

Я был столь ошарашен, что чуть не прослушал, что капитан сказал дальше. Я беззвучно спросил дядю:

Как же это, дядя? Ты что, не понимаешь, все подумают, что это ты все подстроил.

На этот раз он мне ответил сильно расстроенным голосом.

Я знаю, знаю, сынок. Он меня застал врасплох.

Ну и что же ты намерен делать?

Не знаю. И так плохо, и так.

Тут неожиданно вмешалась Лапочка:

Эй, о чем это вы там шумите?

Дядя мягко ответил:

Ты отойди на минутку, милая. Это мужской разговор.

Ладно. Больше она не вмешивалась. Возможно — слушала.

А капитан тем временем говорил:

— ...в любой ситуации, где можно послать одного из двоих людей, мы не станем рисковать жизнью младшего. Это стандартное правило, и оно в одинаковой степени применимо как к нам с

капитаном Уркхардтом, так и к любой другой паре. На первом месте всегда стоят интересы нашей миссии. Бартлетт, ваш ожидаемый срок службы по крайней мере на сорок лет больше, чем у мистера Макнила. Поэтому мы должны предпочесть именно его для исполнения обязанностей, связанных с риском. Ну что ж, джентльмены, подробные указания вы получите позднее.

Дядя, что ты теперь скажешь Сэму? Ты можешь соглашаться, я не буду.

Не толкай меня под локоть. А вслух он сказал:

— Нет, капитан.

Капитан посмотрел на него с изумлением.

— Что такое, старый негодяй! Ты так трясешься за свою шкуру?

Дядя посмотрел ему прямо в глаза.

— Другой у меня нет, капитан. Но это не имеет отношения к делу. И возможно, вы несколько поторопились, обзывая меня всякими словами.

— Э? — Капитан густо покраснел. — Прости, Макнил. Я беру свои слова назад. Но я думаю, ты должен объяснить мне свое поведение.

— Это я и собираюсь сделать, сэр. Мы с вами оба немолоды. Я уж как-нибудь переживу и без того, чтобы ступить на эту планету. Вы, очевидно, тоже. Но для молодых все выглядит иначе. Вы

прекрасно понимаете, что не потому мои ребята вызвались добровольцами в десантную группу, что они ангелы, или ученые, или филантропы… Нет, просто потому, что им не терпится сойти на берег. Вы это прекрасно понимаете, вы сами говорили мне это десять минут назад. Если вы честны с самим собой, то понимаете и то, что большинство этих детей ни в жизнь не записались бы в наш рейс, подозревай они, что их здесь запрут на замок и не позволят того, что они называют «приключениями». Не из-за денег они полетели — из-за дальних горизонтов. А теперь вы хотите лишить их того, чего они вполне разумно ожидали.

Капитан помрачнел. Он несколько раз сжал и разжал кулак, потом сказал:

— Возможно, в том, что говорите вы, и есть какой-то смысл. Но я должен сам принимать решение, эту обязанность я не могу переложить ни на кого. Мое решение остается неизменным. Вы идете, Бартлетт остается.

Я сказал:

Скажи ему, что он не получит ни одного чертова сообщения!

Дядя мне не ответил.

— Боюсь, не получится, капитан. На это дело

должен идти доброволец… а я не вызываюсь добровольцем.

Капитан медленно сказал:

— Я не уверен, что необходимо личное согласие. Я наделен широкой властью определять обязанности каждого на борту этого корабля. Я склонен думать, что вы отказываетесь от исполнения своих обязанностей.

— Не совсем так, капитан. Я не говорил, что не подчинюсь приказу; я только сказал, что не вызываюсь добровольцем. Я бы попросил вас отдать мне этот приказ в письменном виде, я напишу под ним: «Подчиняюсь с возражениями» — и попрошу, чтобы текст передали в Фонд. Одним словом, я не вызываюсь добровольцем.

— Но… Какого черта? Вы же вызывались добровольцем вместе со всеми остальными. И сейчас вы пришли ко мне по этому самому поводу. Вот я и выбрал вас.

Дядя покачал головой.

— Не совсем так, капитан. Мы вызвались группой. И как группа получили отказ. Простите, если из-за меня у вас каким-то образом создалось впечатление, что я вызываюсь добровольцем… но дела обстоят таким образом. А теперь, если вы мне позволите, я вернусь к своим ребятам и

скажу им, что вы отказались от наших услуг.

Капитан снова покраснел. Затем он вдруг оглушительно расхохотался. Он вскочил со стула и обнял узкие плечи дяди.

— Старый негодяй! Ты же и *вправду* старый негодяй, мятежник с черным сердцем. Глядя на тебя, начинаешь тосковать по старым добрым временам, по хлебу и воде, плетке и виселице. А теперь давай сядем и договоримся по-хорошему. Бартлетт, вы можете идти.

Я удалился с большой неохотой, а потом постарался не попадаться на глаза остальным психам; отвечать на расспросы мне не хотелось. Но дядя не забыл обо мне: сразу по выходе из капитанской каюты он окликнул меня и вкратце рассказал, чем все кончилось. Был достигнут компромисс. Он, я, Руп и Сэм будем меняться; первый выход (предположительно, наиболее опасный) доставался ему. Девушки будут стоять вахту на корабле, Дасти, по причине своего возраста, — с ними. Но и им кинули косточку: как только медики и исследователи решат, что планета безопасна, им будет разрешено выходить наружу по одному зараз.

— Для этого мне пришлось выкручивать ему руки, — признался дядя, — но в конце концов он

согласился.

Затем наступило послабление. Опасностей на Конни оказалось не больше, чем в Канзасе. Прежде чем хоть одному человеку было позволено выйти за пределы корабля без защитного скафандра, воздействие атмосферы было опробовано на крысах, канарейках и хомяках. Им понравилось. Когда на поверхность отправилась первая группа, все еще в скафандрах, но уже используя местный воздух, правда очищенный электростатическими фильтрами, с ними отправились еще двое подопытных животных — Бернард ван Хоутен и Персиваль-свинья.

Берни так и оставался мрачным с того самого времени, как лишился брата; он вызвался добровольцем, и я думаю, это доктор Деверо посоветовал капитану отпустить его погулять. Кто-то должен быть первым; можно делать сколько угодно микроскопических и химических анализов, но в конце концов наступает день, когда живой человек впервые незащищенной кожей соприкасается с чужой атмосферой, чтобы посмотреть, насколько она дружественна. Как говаривал доктор Бэбкок, в конце концов приходится лезть на дерево. Вот так Берни и отправился наружу в шортах, рубашке и кедах, видом своим напоми-

ная вожатого скаутов.

Персиваль-свинья не был добровольцем, он просто думал, что это пикник. Ему сделали загон в кустах и позволили есть любые, на его взгляд съедобные, продукты местного производства. В качестве подопытного животного свинья имеет много преимуществ: она ест все, как крысы и люди, и, насколько я понимаю, метаболизм свиней очень близок к человеческому — даже многие болезни у нас общие. Хорошее состояние Персиваля почти наверняка означало бы, что и нам бояться нечего, особенно если принять во внимание, что ему не сделали всех тех прививок, которые сделали нам. Ему даже не сделали укола сывороткой «джи-эй-ар», обладавшей широким спектром и, предположительно, способной защитить даже от таких болезней, с которыми люди никогда раньше не сталкивались.

Перси толстел, лопал все подряд и пил воду из ручья. Бернард ван Хоутен сперва обгорел на солнце, а затем покрылся хорошим загаром. Вид у обоих был здоровый, так что исследовательская группа поснимала свои скафандры. Затем вдруг все (и даже Перси) слегли с трехдневной лихорадкой и приступом диареи, но все выздоровели, и ни у кого болезнь не повторялась.

После этого стали устраивать ротацию членов исследовательской группы; все, кроме дяди Стива, Гарри и нескольких еще, отобранных ими, менялись местами с оставшимися на корабле. Половине второй группы была сделана прививка сывороткой, полученной из крови оправившихся от трехдневной лихорадки; почти никто из привитых не заболел. Возвращающихся не сразу пускали на корабль, сначала они проходили карантин на временной палубе, установленной на макушке «Элси».

Не надо только делать из моих слов вывода, что Конни была совсем как городской парк, — вас могут убить даже в Канзасе. Тут обитал здоровенный хищник, похожий на ящерицу, и он был совсем не подарок. Когда люди впервые встретились с этими тварями, одна из них прикончила Лефти Гомеса. Будь Лефти из тех людей, которые очень хотят жить вечно, зверюга добралась бы по крайней мере еще до двоих. Никак не подумал бы, что Лефти — герой; на корабле он был помощником кондитера и заведовал одной из кладовых, но дядя Стив говорит, что храбрость в критических условиях — самое рядовое для людей качество и семеро из десяти могут заслужить медаль «За отвагу». Если попадут в подходящие

обстоятельства.

Не знаю, может, и так. Наверное, я из тех оставшихся. Не думаю, что я бы остался стоять и попытался выколоть глаза твари единственным своим оружием — шампуром.

Но этот самый Tyzanosaurus Ceti не был настолько опасен, чтобы из-за него браковать планету. Ничего страшного, когда знаешь, что он есть и на что он похож. Гораздо опаснее была бы любая крупная кошка; кошки — хитрые, а эта тварь была глупой. Конечно, надо было успеть выстрелить первым, но, получив разрывную пулю, она падала и лежала тихо, как коврик. Вообще-то, она была беззащитна против людей, и когда-нибудь люди ее истребят.

Береговая группа расположилась лагерем так, чтобы был виден корабль, на берегу очень красивого залива Бэбкока, где мы встали на якорь. Ежедневно окрестности патрулировались двумя вертолетами; они всегда летали вместе, чтобы второй подобрал команду первого, если с ним что-нибудь случится. Их не отпускали дальше чем на несколько сотен миль от базы. Пешие патрули не удалялись от базы дальше чем на десять миль; мы не ставили себе задачу покорения этой планеты, мы просто пытались выяснить, смогут

ли люди покорить ее и затем удержать. Получалось, что смогут, по крайней мере, в окрестностях залива Бэбкока. А обычно, если уж человек сумеет уцепиться, значит сумеет и удержаться.

Моя очередь подошла только к четвертой ротации, к тому времени все страхи уже окончились и начали выпускать даже женщин.

Удивительнее всего было давно забытое ощущение погоды. За два года в помещении с кондиционированным воздухом я совсем забыл, что это такое — ощущать на лице дождь, ветер и солнечный свет. На борту «Элси» вахтенный техник менял по случайной программе температуру, влажность и содержание озона в воздухе; считалось, что это полезно для нашего обмена веществ. Только это было не погодой, а вроде того, когда целуешься со своей сестрой.

Первая капля дождя поразила меня. Я не понял, что это такое. А затем носился как оглашенный, плясал под дождем, как ребенок, и ловил капли ртом. Это был дождь, настоящий дождь, и это было здорово!

Ночью я не спал. Мне не давали уснуть легкий ветер на лице, звуки, издаваемые во сне другими членами нашей команды, лежавшими неподалеку, отдаленные звуки жизни, доносившиеся из-за

забора, окружавшего лагерь, неполная темнота. Корабль тоже живет, у него есть свои звуки, но они совсем не такие, как в природе; планета живет совсем по-другому.

Я тихо встал и на цыпочках вышел наружу. Перед мужской казармой, футах в пятидесяти от себя, я увидел вахтенного охранника. Голова его склонилась над приборами и дисплеями, регистрировавшими состояние внутренней и внешней оград, а также экрана, прикрывавшего нас сверху, он меня не заметил. Говорить мне не хотелось, так что я зашел за дом, туда, откуда не было видно ни его, ни даже тусклого свечения приборов. Там я остановился и посмотрел вверх.

Впервые с тех пор, как мы покинули Землю, я мог хорошенько рассмотреть небо; ночь была ясная. Я стоял потрясенный и немного опьяневший от зрелища.

Потом я начал выискивать знакомые созвездия.

Это было довольно легко; по сравнению с расстоянием до большинства звезд одиннадцать световых лет — небольшая прогулка. Ковш Большой Медведицы был над головой. Хоть и несколько более смещенный, чем если смотреть с Земли, он легко узнавался. Орион сиял передо

мной над самым горизонтом, однако Процион сильно сместился, а Сириуса и совсем не было видно — должно быть, ушел за горизонт, потому что Сириус даже ближе к Земле, чем Тау Кита, и наш перелет сместил его на другой край небосвода. Я попытался разобраться в уме со сферической тригонометрией, чтобы вычислить, где надо искать Сириус, но голова у меня пошла кругом, и я бросил это занятие.

Потом я попробовал найти Солнце. Я знал, где оно должно быть, в Волопасе, между Арктуром и Девой, но сначала надо было найти Волопас.

Волопас был у меня за спиной, столь же близко к горизонту, как и Орион, но в противоположной стороне. Арктур малость сдвинулся и попортил форму Волопаса, однако сомнений не было.

Вот оно! Желтоватая звезда, цветом как Капелла, но более тусклая, примерно второй звездной величины. Все было как надо, и положение, и яркость; да и вообще это должно было быть Солнце; когда мы с Пэтом в школе зарабатывали свои почетные нашивки астронавигаторов, в этом месте не было такой яркой звезды.

Я смотрел на него в задумчивой меланхолии, скорее теплой, чем печальной. Интересно, что сейчас делает Пэт? Может, гуляет с ребенком. А

может, нет, я не мог вспомнить, что там по Гринвичу. Вот он, за тридцать, и двое детей, лучшая часть жизни уже позади… И вот я, по возрасту — едва кончал бы второй курс колледжа, если бы остался дома.

Нет, совсем не так, мне было бы столько же, сколько и Пэту.

Но мне же *не тридцать*.

Я чуть-чуть приободрился и решил, что, если разобраться, мой вариант все-таки оказался лучше, хотя поначалу так и не казалось. Я вздохнул и пошел немного погулять, не опасаясь ничего, ведь стоит одной их этих ящериц приблизиться к лагерю, как на ее уши обрушатся гром и молнии. Если только у нее есть эти самые уши. Загородка, в которой пасся Перси, была здесь же, за домом, совсем неподалеку; он услыхал меня и подошел к забору, я тоже подошел поближе и почесал ему пятачок.

— Хорошее место, правда, дружок? — Я думал о том, что, когда «Элси» вернется домой — а я больше не верил мрачным предсказаниям дяди Стива, — когда я вернусь домой, мне будет еще двадцать с небольшим, самый подходящий возраст, чтобы эмигрировать. А Конни казалась таким местом, куда захочется вернуться.

Перси ответил мне хрюканьем, которое я перевел следующим образом: «Ты что, не принес мне поесть? Тоже мне друг!» Мы с Перси были старыми друзьями; на корабле я его кормил, заодно с его братьями, а также хомяками и крысами.

— Перси, ты свинья.

Он не стал с этим спорить, его сопящий нос продолжал тыкаться в мою пустую ладонь. Я думал о том, что одиннадцать световых лет — не слишком далеко; как раз подходящее расстояние. Звезды оставались теми же, знакомыми.

В конце концов Перси все это надоело, мне тоже; я вытер ладонь о штаны и пошел спать.

Глава 13
Относительно безотносительности

Я должен либо дописать эти мемуары, либо забросить их окончательно. Теперь у меня почти нет времени писать, потому что работы навалом, а делать ее некому. Эта штука, которую мы подцепили на Констанс — или на Земле, если наши припасы были плохо продезинфицированы, — задала нам работы, особенно в моем отделе. Сейчас нас осталось только шестеро, и на нас лежит вся связь. Шестеро — это дядя, я, Мэй-Лин, Анна, Глория и Сэм. Дасти остался в живых, но утратил контакт, видимо — навсегда. У его брата не было детей для создания вторичной пары, и они просто не сумели возобновить связь после очередного пика.

Я связываюсь со своей внучатой племянницей Кэтлин и с Молли, ее матерью. Мы с Пэтом все еще можем переговариваться, но только с их помощью; когда мы пробуем связаться без них, это похоже на разговор в металлообрабатывающем цехе. Понимаешь, что тебе что-то говорят, но чем больше напрягаешь уши, тем меньше слышишь.

Пэту стукнуло пятьдесят четыре, когда мы были на очередном пике, теперь у нас с ним просто нет ничего общего. С того времени как умерла Моди, его вообще ничего не интересует, кроме бизнеса, а меня это как-то вовсе не волнует.

Дядя — единственный из нас, кто не ощущает, что его телепартнер становится чужим человеком. Селестине сейчас сорок два, они скорее сближаются, чем отдаляются. Я продолжаю называть ее «Лапочка», просто чтобы послушать ее хмыканье. Трудно себе представить, что она вдвое старше меня, по мне — у нее должны быть косички и дырка между передних зубов.

В общем и целом чума стоила нам тридцати двух человек. Я выздоровел. Док Деверо не смог, также как Пруденс и Руп. Нам пришлось сомкнуть ряды и вести себя так, словно их с нами никогда и не было. У Мэй-Лин умер ребенок, и какое-то время мы думали, что потеряем и ее саму, однако теперь она снова стоит вахты, делает все, что надо, и даже иногда смеется.

Думаю, больше всего нам не хватает мамочки О'Тул.

Что еще произошло существенного? А что вообще может произойти на корабле? Ничего. Бета Гидры оказалась пустышкой. Не только ничего

даже отдаленно напоминающего планету земного типа — во всей системе не оказалось ни одного океана, я имею в виду океаны, состоящие из воды. Пришлось выбирать, что взять в качестве топлива, аммиак или метан. Старший механик долго и озабоченно обсуждал этот вопрос с капитаном, прежде чем выбор пал на аммиак. Вообще-то, теоретически, «Элси» может жечь все что угодно; только дай его масс-конвертеру что-нибудь пожевать, и тут же начинает работать старый закон «$E = mc^2$», и факел выбрасывает массу в виде излучения со скоростью света и нейтроны почти со скоростью света. Вот только конвертеру было все равно, что перемалывать, а вспомогательному оборудованию — нет, оно рассчитано на жидкость, предпочтительно воду. У нас был выбор между тем, садиться ли в аммиак, уже жидкий от холода, или на дальнюю планету, покрытую по большей части льдом, но льдом с температурой, почти равной абсолютному нулю. Ну, и инженеры, скрестив пальцы, посадили корабль в аммиачный океан и наполнили топливные баки. Поначалу мы назвали планету Инферно, а потом напридумывали ей имен и похлеще. Мы просидели там четыре дня при удвоенной гравитации. Было холодно, очень холодно, хотя отопительная

система работала на полную мощность.

В систему Беты Гидры возвращаться мне не очень хочется; если у кого-нибудь другой обмен веществ — пусть пользуется на здоровье, добро пожаловать. Кому там понравилось, так это Гарри Гейтсу: планеты и здесь были выстроены согласно правилу Тициуса — Боде. По мне — да пусть хоть клином выстраиваются, какая разница!

Кроме того, мне запомнилось, пожалуй, только одно событие — (и надо же) политические неурядицы. Как раз тогда, когда мы входили в последний пик скорости, разразилась война между Африкано-Европейской Федерацией и Южноамериканскими Соединенными Штатами. Нас это вроде и не касалось; большинство так и считало; если у кого и были в этом конфликте определенные симпатии, их благоразумно хранили про себя. Но мистер Роч, наш старший механик, родом из Федерации, а его первый помощник — из Буэнос-Айреса. И когда Буэнос-Айресу досталось, а в нем, возможно, и кое-кому из родственников мистера Регато, тот возложил персональную ответственность за это на своего босса. Глупость, конечно, но куда денешься?

После этого капитан отдал приказ относить ему на просмотр все новости с Земли, которые мы со-

бираемся печатать; одновременно он напомнил нам о некоторых ограничениях, налагаемых на связистов, в отношении секретности переговоров корабля. Думаю, у меня лично хватило бы мозгов показать капитану то сообщение, прежде чем его напечатать, но кто ж может это точно знать? На «Элси» всегда была свобода печати.

Нас спасло только то, что мы вошли в пик сразу же после той заметки. А когда вышли из пика, на Земле прошло четырнадцать лет и по новой расстановке сил Аргентина уже обнималась со своими бывшими врагами, а с остальной Южной Америкой была на ножах. И вскоре мистер Роч и Регато мирно, как и прежде, играли в шахматы, и трудно было поверить, что капитану пришлось запретить им приближаться друг к другу, чтобы они не вцепились в глотки один второму.

Все земные события кажутся мне немного нереальными, хотя мы регулярно получаем новости, пока не выходим на пик. Ведь только привыкнешь к новой ситуации — и тут «Элси» проходит пик, на Земле проходят года, и все там уже по-другому. Раньше была Планетная лига, а теперь это Объединенная система, и они говорят, что новая конституция сделает войну невозможной.

Но для меня это все равно Планетная лига;

и прежняя конституция тоже делала войну невозможной. Интересно, что они там поменяли, кроме названий?

Добрую половину новостей я просто не понимаю. Кэтлин сообщила, что их класс скинулся своими равнялками, чтобы купить школе «Фарди» в качестве подарка к окончанию. И что они собираются зафитилить его в первый раз на репетиции выпускного, и ей надо бежать, так как ее привлекли для дежурства. Все это из нашего последнего разговора. Ну так пусть мне кто-нибудь объяснит, что такое эта (это? этот?) «Фарди» и почему нельзя было оставить ее (его?) в покое?

Новости научные я тоже не понимаю, но здесь я хотя бы знаю почему, и знаю, что обычно кто-нибудь из находящихся на борту их понимает. Релятивисты до крайности возбуждены поступающей информацией. Информация эта настолько специальна, что всю ее приходится передавать назад для подтверждения правильности приема, а в это время Жанет Меерс стоит у тебя над душой и пытается выхватить кассету из диктофона. Мистер О'Тул тоже возбужден, однако внешне это выражается только тем, что у него краснеет кончик носа, доктор Бэбкок никогда не выказывает возбуждения, однако, после того как я

скопировал монографию под названием «Самнер относительно некоторых аспектов теории безотносительности», он два дня не появлялся в столовой. После этого я передал обратно в ФДП другую монографию, написанную им самим. Она тоже была набита неудобоваримыми формулами, но у меня создалось впечатление, что доктор Бэбкок в вежливой форме обзывает профессора Самнера идиотом.

Жанет Меерс пыталась мне что-то объяснять, но я не понял ничего, кроме того, что концепция одновременности совершенно меняет облик физики.

— До сих пор, — говорила она, — мы занимались относительными аспектами пространственно-временного континуума. Но то, что делаете вы, телепаты, не имеет никакого отношения к пространству-времени, безотносительно к нему. Без времени нет пространства, без пространства не может быть времени. Без пространства-времени не может быть сохранения энергии-массы. Господи, да вообще ничего не может быть! Неудивительно, что некоторые из стариков от всего этого просто свихнулись. Но теперь понемногу становится понятным, каким образом можно вписать вас в физику — в новую физику, она

совершенно меняется.

Мне и со старой-то физикой было достаточно проблем; от одной мысли о том, что придется учить новую, начинала болеть голова.

— А какая от этого польза? — спросил я.

Жанет была просто шокирована.

— Физика совсем не должна иметь какую-либо *пользу*. Физика просто *существует*.

— Ну, не знаю. Старая физика была полезной. Возьмем, например, этот факел, который двигает наш корабль.

— Ах, это!.. Это же не физика, это просто техника, — произнесла она таким тоном, словно я сказал нечто неприличное.

Жанет я никогда не понимал и не пойму; пожалуй, хорошо, что она сказала, что будет для меня «как сестра». По словам Жанет, ее совершенно не волнует, младше я ее или нет, но она никогда не сможет смотреть снизу вверх на человека, неспособного решить в уме уравнение четвертой степени, — ведь жена должна смотреть на своего мужа слегка вверх, так ведь?

Теперь мы разгоняемся с ускорением в полтора *g*. Таким образом, каждый разгон и торможение сокращаются примерно до четырех месяцев по времени корабля, несмотря даже на то, что рас-

стояния стали больше. Во время разгона я вешу двести двадцать фунтов и стал носить бандаж, но в пятидесяти процентах дополнительного веса нет ничего плохого; возможно, это даже хорошо для нас; тут, на корабле, слишком мало физических нагрузок.

ФДП прекратил использование наркотиков для облегчения связи на пике скорости; это сильно порадовало бы доктора Деверо, ему наркотики очень не нравились. Теперь или твой телепартнер приспосабливается к тебе при помощи гипноза и внушения, или уж не приспосабливается, если не может. Кэтлин сумела не потерять связь со мной во время последнего пика, однако я вижу, что флот теряет одну телепару за другой, особенно быстро теряют ее те, кто не получил дополнительных телепартнеров. Не знаю, что было бы с моей связью без Кэтлин. Ничего хорошего, я думаю.

А пока что на «Нинье»[62] и «Генри Хадсоне» осталось всего по две команды; на остальных четырех кораблях, все еще находящихся в контакте с Землей, примерно такое же положение.

---

[62] notes: 62

«Нинья» — название одной из каравелл, участвовавших в первой экспедиции Христофора Колумба, во время которой, в 1492 г., была открыта Америка.

Мы, пожалуй, находимся в самой лучшей форме, хотя корабельных новостей мы получаем теперь мало, так как мисс Гамма потеряла контакт со своими сестрами, а может, и их самих. «Санта-Мария» числится «погибшей», но «Марко Поло» пока считается просто «утратившим контакт»; при последней связи он как раз подходил к пику и до выхода из него остается еще несколько земных лет.

Сейчас мы направляемся к небольшой звезде класса G, которая при взгляде с Земли настолько слабо видна, что не заслужила себе не только имени, но даже и греческой буквы в своем созвездии, у нее есть только каталожный номер. Если смотреть с Земли, она расположена в Фениксе, между Южной Гидрой и Китом (Южная Гидра — это не Гидра, простая Гидра на шесть часов по прямому восхождению выше и дальше на север). Дядя дал ей имя «Полустанок», так мы ее и называли, невозможно ведь без запинки выговорить номер по Паломарскому каталогу каждый раз, когда хочешь сказать, куда мы теперь направляемся. Без сомнения, если у нее окажется планета, хоть в половину такая же роскошная, как Конни, звезда эта получит достаточно солидное имя. К слову, несмотря на подхваченную нами болезнь, Конни

будет колонизована; первые корабли с поселенцами уже в пути. Какая бы это ни была зараза (к тому же не исключено, что мы прихватили ее с собой с Земли), она не хуже, чем полдюжины других, с которыми люди боролись и которые победили. Во всяком случае, такова официальная точка зрения, и корабли первопоселенцев отправились, зная, что они, возможно, заразятся и должны будут победить эту болезнь.

Лично я считаю, что все способы умереть одинаково опасны. Если уж ты умер — ты умер, даже если ты умер от «ничего серьезного». А чума эта, как бы ужасна она ни была, меня не убила.

«Полустанок» не стоил того, чтобы на нем останавливаться. Теперь мы направляемся к Бете Кита, в шестидесяти трех световых годах от Земли.

Жаль, что Дасти потерял контакт и не может больше передавать изображения; я хотел бы посмотреть на свою правнучатую племянницу Вики. Так-то я знаю, как она выглядит: морковно-рыжие волосы, веснушки на носу, зеленые глаза, большой рот и брекеты на зубах. В настоящее время она щеголяет с подбитым глазом: глаз ей подбили в школе; кто-то назвал ее психом, и ей это не понравилось, — жаль, что я не видел этой

драки. Конечно, я знаю, как она выглядит, но все равно хотелось бы посмотреть.

Интересно, что в нашей семье сплошные девицы. Конечно, если посчитать всех потомков моих сестер и брата вместе, будет примерно поровну того и другого пола. Но у Моди с Пэтом было две дочки, и ни одного сына, а я улетел, не женившись, так что фамилия Бартлеттов исчезла.

Очень хотелось бы иметь снимок Вики. Я знаю, что она далеко не красавица, но уверен, что она хорошенькая — типа девчонки-сорванца, у которой вечно ободранные коленки, потому что она не хочет играть в девчачьи игры. Вики обычно остается на связи, после того как закончена передача сообщений, и мы с ней болтаем. Возможно, это из вежливости, она ведь, очевидно, считает меня таким же старым, как ее прадедушка Бартлетт, хотя мать и говорила ей, что я не такой. Я полагаю, это зависит от того, где ты находишься. С моей стороны я бы сейчас только кончал последний курс колледжа, но она-то знает, что я — близнец Пэта.

Если ей так уж хочется нацепить на меня длинную седую бороду, пускай, ради общения с ней я согласен. Сегодня утром она спешила, но очень вежливо извинилась:

Дядя Том, ты прости меня, пожалуйста, мне надо готовиться к контрольной по алгебре.

Самое честное?

Самое честное, ей-богу. Я бы хотела остаться.

Ну беги, конопатая. Передай привет своим.

Пока. Позвоню тебе завтра пораньше.

Хорошая девочка.

Глава 14
Элизия[63]

Бета Кита — большая звезда из главной спектральной последовательности, такая большая, что может считаться гигантом — маленький гигант, в тридцать семь раз ярче Солнца. Она настолько яркая, что видна с Земли. У нее есть даже собственное имя, Денеб Кайтос, но мы никогда так ее не называли, слово «Денеб» напоминает о другом Денебе, Альфе Лебедя, настоящем гиганте из совсем другой части неба, находящемся на расстоянии почти в тысячу шестьсот световых лет.

Бета Кита настолько ярче Солнца, что нужная нам планета, если такая вообще имеется, должна быть на расстоянии порядка шестисот миллионов миль от нее, дальше, чем Юпитер от Солнца.

Мы нашли планету в этом районе, в пятистах восьмидесяти миллионах миль, что довольно близко. И совсем удачно то, что это самая маленькая планета в системе, изобилующей переростками; следующая по порядку от центра

---

[63] notes: 63

Элизия — по-видимому, от древнегреческого мифа об элизианских (елисейских) полях — райской обители на островах посреди океана.

уже больше Юпитера.

Программу рутинного внешнего обследования Элизии составлял я под рассеянным руководством Гарри Гейтса. Гарри изо всех сил старается закончить свой magnum opus[64], прежде чем придется отложить его в сторону и возглавить наземное исследование планеты. Он хочет передать эту работу на Землю, чтобы его имя навеки осталось в Зале славы науки, — Гарри, конечно, не говорил такого, он достаточно скромен, он просто считает, что разработал космогонию планетных систем, приводящую к правилу Тициуса — Боде. По его словам, если все это верно, у любой звезды из главной спектральной последовательности должны быть планеты.

Может, и так, не знаю. Только я не понимаю, какой толк от звезды, у которой нет планет, и не верю, что вся эта безумно сложная Вселенная возникла случайно. Планеты существуют для того, чтобы их использовали.

Быть Пятницей при Гарри совсем не трудно. Вся моя работа заключалась в том, что я вытащил микрофильмы отчетов о предварительном исследовании Конни и написал аналогичную

---

[64] notes: 64
Главный труд всей жизни *(лат.)*.

программу для Элизии; слегка модифицированную, потому что у нас поубавилось персонала. Помогали все с большой охотой, ведь (насколько нам известно) мы единственный корабль, дважды вытащивший счастливый номер, и один из четырех, вообще его вытащивших.

А теперь мы сели на воду и ждем, пока медицина разрешит выход наружу: у меня уже не такая запарка. Сегодня вечером попытался связаться с Вики и просто поболтать. Только там, дома, был тоже вечер, и у Вики было свидание, так что она вежливо отказалась.

За последний наш пик Вики повзрослела, теперь она уже интересуется мальчиками и не имеет так много времени для своего древнего дядюшки.

Это что, Джордж? — спросил я, когда она захотела узнать, по делу ли я связываюсь.

Если уж вам хочется знать, это действительно Джордж! — выпалила она.

Не заводись так, конопатая, ответил я, *я же просто спросил.*

А я просто ответила.

Конечно, конечно. Приятно провести время, дорогая, и не задерживайся слишком поздно.

Ты точь-в-точь как отец.

Так оно, наверное, и было. Дело в том, что мне этот Джордж совсем не нравится, хотя я его никогда не видел, никогда не увижу и вообще не знаю о нем почти ничего. Вики говорит, что он «десятый по силе» и «первый из худших», несмотря на то что он «рывком обошел раунд», если я правильно понял, что она имеет в виду, но она намеревается это как-то «выправить».

Не ручаюсь за точность, но для себя я перевел ее рассказы так: он нравится ей, хотя и с некоторыми оговорками, и она надеется, что он дойдет до кондиции или «будет тип-топ», когда она толком приложит к нему руки. Сильно подозреваю, что это прыщавый невежественный малолетний зануда, тот тип, к которому принадлежал и я сам и который мне никогда не нравился, — что-то вроде теперешнего Дасти Родса, только без потрясающего мозга, которым обладает Дасти.

Тут может создасться впечатление, что я ревную девочку, которую никогда не видел, к мальчику, которого никогда и не увижу, но это же просто смешно. Моя заинтересованность в ней чисто отеческая, или старшебратская, хотя я ей практически и не родственник вообще; мои родители были двумя из ее шестнадцати прапрадедушек и бабушек — родство столь отдаленное,

что большинство людей даже и не знает о существовании своих родственников такой степени родства.

А может, в диких теориях ван Хоутена и вправду что-то есть и все мы становимся свихнутыми стариками, несмотря на свои молодые тела? Но это же ерунда. Хотя на Земле и прошло семьдесят лет, для меня со времени старта прошло только четыре года. Мое настоящее время отмеряется голодом и сном. На «Элси» я спал около тысячи четырехсот раз и ел по три раза в день — ну, может, еще раз-другой перехватывал что-нибудь — на сон грядущий. А это — четыре года, а не семьдесят.

Нет, я просто разочарован, что у меня первый свободный вечер за несколько недель, а мне нечем его занять, кроме как писать этот дневник. К слову сказать, насчет сна. Мне и вправду лучше бы лечь; первая группа выходит на поверхность завтра, если только врачи что-нибудь не придумают, и у меня будет уйма хлопот. Я не пойду с этой группой, но всяких дел в связи с их выходом будет достаточно.

Вот уж влипли, так влипли. Не знаю, что нам теперь и делать.

Лучше начать сначала. По всем статьям предва-

рительного обследования Элизия дала отличные результаты: пригодная для дыхания атмосфера, климат в пределах земного и, по-видимому, менее экстремальный. Жизненный цикл, основанный на воде, кислороде и углекислом газе, никаких необычных опасностей. И конечно же, ни малейших признаков разумной жизни, иначе мы не стали бы садиться. Это водный мир в большей степени, чем Земля, океанами покрыто свыше девяносто процентов поверхности планеты. Сначала были даже разговоры насчет того, чтобы назвать планету «Аквария», а не «Элизия», но кто-то подумал, что нет смысла давать ей название, которое может показаться непривлекательным для колонистов; в то же время здесь, похоже, не меньше суши, пригодной для использования, чем на Земле.

Так что мы пристроились к одному острову размером почти с Мадагаскар — по местным масштабам это почти континент — с намерением подробно изучить его целиком и доложить о возможности организации здесь колонии, как только ФДП сможет прислать корабль. Мы знали, что Конни уже осваивается, и хотели, чтобы то же самое случилось с новой планетой, а «Элси» записал себе в актив еще одну победу.

Я похлопал Перси и попросил его оценить, как там, на острове, и чтобы сообщил, если найдет там себе даму. Дядя Лукас высадил на берег охрану; научная группа отправилась в тот же день. Было ясно, что Элизия представит не больше трудностей, чем Конни, и окажется почти столь же великолепной находкой, — если не принимать во внимание небольшую, но всегда остававшуюся вероятность какой-либо экзотической заразы, с которой мы не сможем справиться.

Это было две недели назад.

Начиналось все совершенно обычно. Перси и прочие подопытные животные процветали на элизианских харчах; ван Хоутен не сумел подхватить какой-либо серьезной болезни, только стал немного чесаться. Потом он начал испытывать элизианскую пищу и на себе — были там такие неуклюжие четырехкрылые птицы, очень хорошие для гриля. Берни сказал, что они напоминают ему жареную индейку, чуть с привкусом тыквы. Однако Перси-свинья не стал притрагиваться к рыбе, которую мы поймали, а крысы, съевшие этих рыб, сдохли. Так что всякую морскую пищу отложили до дальнейшего исследования. Рыбы эти не походили на наших, они были плоскими, как камбала, и у них были усики, как у сома,

но не шипастые, а расщепленные на кончиках. Гарри Гейтс считал, что это органы осязания и, возможно, манипуляторы.

На острове не было ничего похожего на тех хищных ящериц с огромными пастями, одна из которых прикончила Лефти Гомеса. Однако нельзя было сказать, чего можно ожидать на других островах, поскольку массивы суши так удалены друг от друга, что картина эволюции в разных архипелагах могла быть совершенно различной. В нашем донесении должна была присутствовать рекомендация колонизовать сначала остров Деверо, а затем уже осторожно обследовать остальные.

Я должен был выйти на поверхность в третьей смене, дядя отработал первую неделю, потом неделю отдыхал, а теперь должен был стоять вахту на корабле, а я должен был связываться с ним с берега. Но в последнюю минуту я поменялся, так как Анна очень стремилась выйти. Меняться мне не хотелось, но после смерти Рупа я вел расписание вахт, и отказать ей было как-то неловко. В эту же третью смену выходил муж Глории, а с ним и она сама, но это не считалось, так как ее телепартнер там, на Земле, был в отпуске.

Когда они покидали корабль, я стоял на вер-

хушке «Элси», мрачно наблюдая, как они садятся в лодки. Здесь, на выходе из шлюза, была пристроена временная смотровая палуба, отличное место, чтобы наблюдать, как ниже, у грузовых люков, заполняются лодки. Техники покончили с осмотром и ремонтом двигателей, а также почти заполнили топливные баки, в результате чего «Элси» глубоко сидел в воде и грузовые люки были всего футах в десяти над ватерлинией. Поэтому грузиться было удобно. При высадке первой группы баки были пусты, лодки приходилось опускать почти на сто футов, а пассажиры спускались по веревочным лестницам — не очень легкая задача для людей, страдающих боязнью высоты, а такие у нас имелись. Но сегодня все было просто.

Шлюз у нас маленький и годится только для выхода людей; все, что крупнее, проходило через грузовые люки. Их тоже можно превратить в шлюзы, на Инферно в системе Беты Гидры мы так и сделали, однако, если атмосфера была хорошая, эти люки просто открывались как двери. Они вели на грузовую палубу, расположенную ниже пассажирской и над палубой вспомогательных механизмов. На грузовой палубе хранились три наши лодки и два вертолета. Лодки легко вы-

таскивались и опускались на воду с помощью шлюпбалок, но с вертолетами все значительно сложнее. Сначала их надо было выставить наружу на тех же шлюпбалках. Затем к ним прицепляли тросы и тянули вверх, вдоль изогнутой поверхности корабля, на смотровую палубу, где на них уже ставили винты.

Каждый раз, когда мы всем этим занимались, мистер Регато ругал конструкторов последними словами, а саму эту конструкцию называл не иначе как «механический бред».

— Все проектировщики кораблей, каких я встречал в своей жизни, были счастливы, если у них получалась красивая картинка. Им никогда не приходит в голову, что потом их симпатичную картинку будут пытаться использовать какие-нибудь бедолаги.

Вполне возможно, таким образом хотели организовать выгрузку вертолетов с помощью минимального количества специального оборудования, которое может выйти из строя. Это обстоятельство, как я понимаю, все время имелось в виду при переоборудовании кораблей для нужд нашего проекта. Но в тот день оба вертолета были выгружены и готовы к полетам; один из них находился в лагере, а другой был привязан

неподалеку от меня на смотровой палубе. Нам оставалось только загрузить лодки.

Это были вельботы, изготовленные из стекла и тефлона, непотопляемые из-за пористого пластика, заполнявшего все пустоты. Они такие крепкие, что вмятину в них еще можно сделать, если очень уж постараться, но пробоину — никак, разве что сверлом или высокотемпературной горелкой. И они такие легкие, что пустую лодку нетрудно поднять вчетвером. На такой не страшно высадиться на скалистый берег; потом, после разгрузки, ее можно оттащить повыше. Лодки были снабжены спиртовыми двигателями, как и вертолеты; однако на них также были и весла, и парус. Мы ни разу не использовали весла, хотя обучались на тренажерах под бдительным присмотром дяди Стива.

Предыдущим вечером лодки вернулись на корабль с грузом образцов для исследовательского отдела; теперь они отправлялись на берег с новой сменой на борту. Со своей верхотуры я мог видеть в полумиле от себя людей, собиравшихся вернуться на корабль; они столпились на берегу, ожидая, когда их заберут. Две лодки были уже на воде и ожидали третью; на каждой из них отправлялось около восемнадцати человек и несколько

тюков всякого имущества, реквизированного Гарри Гейтсом для научной работы на берегу; кроме того, лодки захватили недельные припасы всей группы.

Я почувствовал движение у себя за спиной, повернулся и увидел, что капитан поднимается на палубу через шлюз.

— Доброе утро, сэр.

— Доброе утро, Бартлетт. — Он окинул взглядом горизонт. — Прекрасный день.

— Да, сэр… И прекрасное место.

— Это уж точно. — Он поглядел в направлении берега. — Обязательно найду какой-нибудь предлог, чтобы сойти на берег, пока мы не улетели. Я слишком засиделся в этой металлической коробке.

— Не вижу, почему бы и нет, сэр. Эта планета приветлива, как щенок. Не то что Инферно.

— Совсем не то что Инферно. — Он отвернулся в сторону, и я тоже; неприлично стараться поддерживать разговор с капитаном, если сам он не выказывает к этому охоты. Третью лодку наконец загрузили и спустили на воду; все они были ярдах в пятидесяти от корабля и выстраивались в колонну, чтобы вместе идти к берегу. Я помахал Глории и Анне.

Рядом с каждой из лодок из воды появилось нечто вроде длинной, мокрой веревки толщиной с мою талию, веревки перехлестнули лодки посередине, концы их ушли в воду с другой стороны. Я заорал:

— Эй, капитан! *Глядите!*

Он резко повернулся. Лодки, накренившись, ушли под воду — точнее, их *утащило* под воду. Я услыхал чей-то крик, вода кишела барахтающимися людьми.

Капитан, склонившись над ограждением палубы, смотрел на этот ужас. Ровным голосом он спросил:

— Ты можешь запустить вертушку?

— Думаю, да, капитан. — Я не был пилотом вертолета, однако знал, как он действует.

— Ну так запускай. — Он наклонился еще дальше и крикнул: — Закройте этот грузовой люк! — а потом повернулся и нырнул в отверстие шлюза. Карабкаясь в вертолет, я увидел краем глаза, что заставило его закричать. Еще одна из этих мокрых веревок ползла по обшивке «Элси» в направлении грузового люка.

Запустить вертолет оказалось сложнее, чем мне это представлялось, однако над приборной панелью была инструкция. Я кое-как дошел до

«четвертой операции: запуска крыльчатки», но тут меня отпихнул в сторону Эйс Венцель, механик факела, бывший по совместительству пилотом. Эйс сделал что-то обеими руками одновременно, лопасти пришли в движение, их тени пробегали по нашим лицам, он крикнул:

— Отвяжи!

Меня вытолкнули из двери вертолета на палубу, по лесенке торопливо карабкался главный врач. Я свалился с высоты в четыре фута, и в тот же миг сверху на меня обрушился поток воздуха. Поднявшись на ноги, я огляделся.

На поверхности воды ничего не было, *абсолютно ничего*. Ни одного тела, ни одного человека, пытающегося держаться на плаву, ни малейшего следа самих лодок. Не плавало даже ничего из груза, хотя некоторые из свертков должны были плавать. Я это знал, я сам упаковывал некоторые из них.

Рядом со мной стояла Жанет, ее трясло от сухих рыданий. Я тупо спросил:

— Что это было?

Она попыталась взять себя в руки и ответила дрожащим голосом:

— Не знаю. Я видела, как один из них утащил Отто. Это просто… это просто… — Она снова зары-

дала и отвернулась.

На воде не было ничего, но теперь я увидел, что что-то есть *под* водой. Если поверхность воды достаточно спокойна, с высоты можно заглянуть вглубь. Так вот корабль правильным строем окружали какие-то штуки. Они походили на китов, точнее, на то, как я себе представляю китов в воде. Я в жизни не видел кита.

До моих затуманенных мозгов начало доходить, что я смотрю на существ, которые уничтожили наши лодки, когда кто-то громко закричал и указал на берег. На берегу люди, собиравшиеся вернуться на корабль, все еще находились у кромки воды, но уже не одни — они были окружены. Какие-то существа вышли из воды по обе стороны от людей и отрезали их от острова. До берега было далеко, видно плохо, но морских тварей я различал отчетливо, они гораздо крупнее людей. Ног у них, насколько я мог понять, нет, но это не замедляло их движений — они были быстрыми, очень *быстрыми*.

Наших людей, как стадо, гнали к воде.

И мы ничего не могли поделать, *абсолютно ничего*. Под нами был корабль, вершина многовекового технического прогресса. Его факел мог в мгновение ока испепелить город. На берегу у

охранников было оружие, с которым один человек смог бы противостоять целой армии прошлого, а где-то на корабле была еще уйма подобного оружия. Но в этот момент я даже не представлял, где находится наш арсенал, только — что он где-то на вспомогательной палубе, — можно ведь прожить очень долго на корабле и так и не ознакомиться со всеми его отсеками.

Наверное, мне надо было спуститься на вспомогательную палубу и разыскивать оружие. Однако вместо этого я тупо стоял там, наверху, вместе с дюжиной других. Мы просто окаменели и смотрели на происходящее.

Однако у кого-то была реакция получше. Два человека выскочили из шлюза; они бросили на палубу две крупнокалиберные винтовки, начали лихорадочно готовить их к стрельбе и вскрывать коробки с боеприпасами. Могли бы и не торопиться; к тому времени, когда они изготовились прицелиться во врага, берег был столь же пустынен, как и поверхность моря. Наших товарищей затолкали и утащили под воду. Над этим местом парил вертолет, с него свисала спасательная лестница, но на ней никого не было.

Вертолет сделал круг над островом, пролетел над лагерем и вернулся на корабль.

Пока он опускался, из шлюза торопливо вылез Чет Трэверс. Он оглянулся по сторонам, увидал меня и спросил:

— Том, а где капитан?

— На вертушке.

— А. — Он нахмурился. — Слушай, передай ему это. Срочно. Мне надо вернуться. — Он сунул мне в руки листок бумаги и исчез. Я бросил взгляд на бумажку, увидел бланк радиограммы, увидел, от кого она, и, как только капитан сошел с вертолета, схватил его за локоть.

Он стряхнул мою руку:

— С дороги.

— Капитан, вы должны — это сообщение с острова, от майора Лукаса.

Тогда он остановился, взял у меня радиограмму и начал искать очки, которые торчали у него из кармана. Потом, прежде чем я успел помочь ему с очками, он сунул бланк назад в мою руку и сказал:

— Прочитай мне вслух, сынок.

Я прочитал:

«От: командира охраны корабля.

На имя: командира корабля „Льюис и Кларк“.

Девять тридцать одна.

В девять ноль пять исследовательский лагерь

был атакован враждебными туземцами, по-видимому амфибиями. После первых тяжелых потерь атака была отбита, и я с семью выжившими отступил на вершину холма к северу от лагеря. Мы были вынуждены бросить исследовательский вертолет номер два. В момент атаки группа, направлявшаяся на корабль, ожидала на берегу, мы отрезаны от них, их положение неизвестно, но, по-видимому, является отчаянным.

Обсуждение ситуации: атака была хорошо организованной и вооруженной. Главным оружием аборигенов является струя морской воды под очень высоким давлением, однако они используют также личное колющее и режущее оружие. Следует считать, что у них имеется и другое оружие. Стоит также условно предполагать, что они столь же разумны, как и мы, столь же дисциплинированны и, принимая во внимание условия, возможно, столь же хорошо вооружены. Их численное превосходство в настоящий момент дает им бесспорное преимущество, даже если у них нет более совершенного оружия.

Рекомендации: остатки моего отряда могут держаться на занятой позиции против того оружия, с которым мы столкнулись. Поэтому настоятельно рекомендуется незамедлительно принять меры

по спасению команды на берегу. Затем корабль должен быть выведен на орбиту и оставаться там, пока не будет разработан план и изготовлено подходящее оружие, с тем чтобы снять мой отряд, не подвергая риску корабль.

С. Лукас, комендант лагеря.

Девять тридцать шесть».

Капитан взял у меня радиограмму и, не произнеся ни слова, повернулся к шлюзу. Молчали и все скопившиеся на верхней палубе, а было нас человек двадцать. Я немного задержался, но, увидев, что остальные спускаются внутрь, протолкался вперед и пошел вслед за капитаном.

Он спустился двумя палубами ниже и пошел в центр связи. Я не последовал за ним, но он оставил дверь открытой. Находившийся там Чет Трэверс склонился над оборудованием, которое использовалось для связи с лагерем; командор Фрик с озабоченным выражением лица стоял у него за спиной. Капитан сказал:

— Дайте мне майора Лукаса.

Командор Фрик поднял глаза:

— Мы пытаемся, капитан. Связь прервалась в то время, как они диктовали список погибших.

Капитан пожевал губу, вид у него был потерянный. Затем он сказал:

— Продолжайте попытки, — и повернулся. Тут он увидел меня. — Бартлетт!

— Да, сэр!

— Там находится один из ваших. Свяжитесь с ним.

Я лихорадочно соображал, какое сейчас время по Гринвичу, одновременно вызывая Вики. Вики дома, она может по прямой линии связаться с ФДП, они свяжут ее с телепартнером Сэма Рохаса, а значит — и с самим Сэмом. Тогда капитан сможет говорить с дядей Стивом по цепочке из четырех звеньев почти столь же быстро, как по радио.

Вики! Отвечай, Вики! Это срочно!

Да, дядя Том? В чем дело? Я уже сплю.

Командор Фрик сказал:

— Не думаю, что это получится, капитан. Рохаса нет в списке уцелевших. Его смена кончалась, и он, наверное, был на берегу.

Да конечно же! Сэм был на берегу — а я стоял и смотрел, как его загоняли в воду!

Что случилось, дядя Том?

Подожди, милая. Оставайся на связи.

— Тогда найдите кого-нибудь другого! — рявкнул капитан.

— Никого другого нет, капитан, — ответил

Фрик. — Вот список уцелевших. Рохас был единственным пси… — единственным специальным связистом на острове.

Капитан бросил взгляд на список и сказал:

— Объявите, чтобы все, свободные от вахты, сию же минуту собрались в столовой. — Он повернулся и пошел прямо сквозь меня. Я отскочил в сторону.

В чем дело, дядя Том? У тебя встревоженный голос.

Я попытался взять себя в руки и говорить спокойно.

Это была ошибка, милая. Не бери в голову и поскорее засыпай. Прости, пожалуйста.

Хорошо. Но все-таки у тебя какой-то обеспокоенный голос.

Я поспешил за капитаном. Мы бежали по трапу вниз, а тем временем по корабельной системе оповещения разносился голос командора Фрика, объявлявшего приказ капитана, и все же сам Фрик появился в столовой всего на какие-то одну-две секунды позже меня. Через несколько секунд мы все были там… маленькая горсточка из тех, кто улетал с Земли, — человек сорок. Капитан огляделся по сторонам, спросил Каса Уорнера:

— Это все?

— Думаю, что так, капитан, если не считать вахтенных техников.

— Я оставил Трэверса на вахте, — добавил Фрик.

— Хорошо. — Капитан повернулся и посмотрел на нас. — Мы собираемся спасти выживших на берегу. Добровольцы, шаг вперед.

Мы не шагнули, мы бросились вперед, все разом. Мне бы хотелось сказать, что из-за дяди Стива я был на шаг впереди других, но не хочу врать. Миссис Гейтс с маленьким Гарри на руках бросилась вперед так же быстро, как и я.

— Благодарю вас, — немного чопорно сказал капитан. — А теперь женщины отойдите, пожалуйста, сюда, к кладовой, чтобы я мог отобрать тех мужчин, которые пойдут в спасательной группе.

— Капитан?

— Да, капитан Уркхардт?

— Я поведу группу.

— Вы не сделаете ничего подобного, сэр. Поведу я. А вы сейчас возьмете нескольких женщин, спуститесь вниз и принесете оттуда все, что нам будет необходимо.

— Есть, сэр, — едва заметно помедлив, ответил Уркхардт.

— Это правило — наше основное правило во всем, что касается риска, — относится и ко всем остальным. В каждом случае, когда имеются двое, способные выполнять одну и ту же работу, идет старший. В остальных случаях, если без работы, выполняемой членом команды, можно обойтись, он идет, если нельзя — остается.

Он огляделся:

— Доктор Бэбкок!

— Готов, шкипер!

Тут вмешался мистер О'Тул:

— Секунду, капитан. Я вдовец, а доктор Бэбкок значительно более…

– *Молчать!*

— Но…

— Какого черта, сэр, я что — должен обсуждать свои приказы с каждым из вас по очереди? Неужели вам нужно напоминать, что сейчас дорога каждая секунда? Идите туда, к женщинам.

Разъяренный, с побагровевшим лицом, О'Тул подчинился.

— Мистер Уорнер, мистер Роч, доктор Северин… — продолжал капитан. Он быстро отобрал команду и взмахом руки отправил нас, остальных, к кладовой.

Дядюшка Альфред Макнил попытался распра-

вить свои сутулые плечи.

— Вы забыли про меня, капитан. Я самый старший в нашем лагере.

Лицо капитана едва заметно смягчилось.

— Нет, мистер Макнил, я не забыл про вас, — негромко сказал он, — но вместимость вертолета ограничена, а нам нужно еще подобрать семерых. Поэтому я вынужден оставить вас на корабле.

Плечи дядюшки Альфа согнулись, я думал, он сейчас заплачет. Нетвердой походкой он отошел от маленькой группы, отобранной капитаном. Дасти Родс поймал мой взгляд: вид у него был гордый и уверенный. Он был одним из избранных. Выглядел Дасти не старше шестнадцати и, скорее всего, ни разу еще не брился; это, вероятно, был первый случай в его жизни, когда к нему отнеслись как к настоящему мужчине.

Несмотря на то, как резко капитан заткнул всем рты, я не мог молча стоять в стороне. Сделав шаг вперед, я тронул его за рукав:

— Капитан… Меня вы просто должны взять! Там мой дядя.

Казалось, капитан сейчас взорвется, но он взял себя в руки.

— Я вас понимаю. Но вы — специальный связист, а у нас их и так нехватка. Я передам майору

Лукасу, что вы пытались пойти с нашей группой.

— Но…

— А теперь заткнись и делай, как тебе велено, или ты у меня улетишь сейчас вон в тот угол. — Он отвернулся, словно меня здесь вообще не было.

Через пять минут раздали оружие, и мы полезли наверх смотреть, как они улетают. Эйс Венцель запустил двигатель вертолета на холостых оборотах и спрыгнул на палубу. Они поднялись по лесенке, все восемь человек, капитан последним. У Дасти в руках была крупнокалиберная винтовка и по патронташу через каждое плечо, на лице его играла возбужденная улыбка. Он подмигнул мне и сказал:

— Я пришлю тебе открытку.

Капитан остановился и сказал:

— Капитан Уркхардт.

— Да, сэр.

Капитан и резервный капитан секунду о чем-то поговорили; мне их не было слышно, да, наверное, нам и не полагалось слышать этот разговор. Затем Уркхардт громко сказал:

— Есть, сэр. Будет сделано.

— Очень хорошо, сэр. — Капитан вошел в вертолет, захлопнул за собой дверцу и сам взялся за ручки управления. Поток воздуха от винта

ударил в нас, и я с трудом удержался на ногах.

А потом мы стали ждать.

Я бегал со смотровой палубы в центр связи и обратно. Чет Трэверс так и не смог связаться с дядей Стивом, но все время находился в контакте с вертолетом. Поднимаясь наверх, я каждый раз высматривал морских тварей, но они, похоже, удалились.

Наконец, когда я очередной раз спустился в центр связи, Чет был полон восторга.

— Они их забрали! — объявил он. — Они уже взлетели!

Я хотел его расспросить, но Чет повернулся и объявлял радостную новость всему кораблю. Я побежал наверх, чтобы попробовать рассмотреть вертолет.

И увидал его сразу, около вершины холма, в полутора милях от нас. Он быстро приближался. Скоро можно было даже рассмотреть людей, сидевших внутри. Когда машина подлетела совсем близко, кто-то из сидевших в ней открыл иллюминатор с нашей стороны.

Капитан не очень умел управляться с вертолетом. Он попробовал сесть сразу, но ошибся в оценке ветра, пришлось пролететь мимо и сделать новый заход. При этом вертолет пролетел

так близко к кораблю, что всех, сидевших в нем, было ясно видно. Я увидел дядю Стива, он тоже увидел меня и помахал рукой; он ничего не крикнул, просто помахал мне. Рядом с ним сидел Дасти Родс, он тоже увидал меня. Ухмыльнувшись, он махнул мне рукой и закричал:

— Эй, Том, я спас твоего дружка! — Он что-то вытащил из-за своей спины, и вдруг в иллюминаторе показалась голова и передние лапы Перси. Дасти одной рукой держал поросенка, другой указывал на него. Оба улыбались.

— Спасибо! — прокричал я в ответ. — Привет, Перси!

В нескольких сотнях футов от корабля вертолет развернулся и полетел назад.

Он направлялся прямо к нам и сел бы через какие-то секунды, но тут прямо под ним что-то выступило из воды. Потом говорили, что это был какой-то механизм, но мне предмет казался похожим на чудовищный слоновый хобот. Из его конца вырвалась струя воды, настолько монолитная, прямая и сверкающая, что она походила на стальную иглу. Она ударила в винт вертолета, и тот покачнулся.

Капитан, наклонив вертолет, увел его вбок, но струя последовала за ним, ударила в корпус

и снова в винт. Машина сильно накренилась и начала падать.

При чрезвычайных обстоятельствах от меня обычно немного толку, это уж лишь несколько часов спустя я начинаю соображать, что надо было сделать. Но на этот раз я действовал не раздумывая. Я соскользнул по трапу, даже не задевая ступенек, и мгновенно оказался на грузовой палубе. Люк на этой стороне был закрыт, как приказал в тот раз капитан; я ударил по кнопке, и он начал со скрежетом отворяться. Затем, быстро оглянувшись, я увидел то, что было нужно, — тросы, на которых опускали лодки, сложенные бухтами на палубе, но пока еще не закрепленные и не убранные. Я схватил конец одного из этих тросов и, пока крышка люка еще откидывалась, уже стоял у него наготове.

Разбитый вертолет плавал прямо передо мной, в воде около него барахтались люди:

— Дядя Стив! — закричал я. — Лови! — И швырнул трос как можно дальше.

Я даже не успел его увидеть, когда кричал. Просто мысль о дяде была в моей голове единственной. А потом увидел его, далеко, гораздо дальше, чем я мог добросить конец. И услыхал его ответ:

— Сейчас, Том! — И он сильными движениями поплыл к кораблю.

Я был насколько не в себе, что чуть не вытащил трос из воды для нового броска, но тут сообразил, что бросил его достаточно далеко, чтобы им мог воспользоваться кто-то другой. Я снова закричал:

— Гарри! Прямо за тобой! Хватайся!

Гарри Гейтс повернулся в воде, поймал трос и вцепился в него. Я начал вытягивать трос.

Когда я вытащил Гарри на обшивку корабля, он чуть не выпустил трос. Одна из его рук не действовала. Однако совместными усилиями мы затащили его внутрь. Вряд ли это удалось бы, не сиди корабль так глубоко в воде. Оказавшись на палубе, Гарри упал ничком, лицом вниз, всхлипывая и хватая воздух ртом.

Я резко вырвал трос из его все еще сжатой руки и повернулся для нового броска, теперь — дяде Стиву.

Вертолета не было, дяди Стива не было, поверхность воды, как и в прошлый раз, была совершенно пустынной, только Перси, высоко задрав морду, с мрачной решимостью плыл к кораблю.

Я еще раз окинул взглядом воду, чтобы окон-

чательно убедиться, что людей на поверхности нет. Потом попытался придумать, чем можно помочь Перси.

Ухватиться за трос несчастная свиная отбивная не сможет, это уж точно. Может, я сумею накинуть на него аркан. Завязать скользящую петлю на конце тяжелого мокрого троса было непросто. Я едва покончил с этим занятием, когда Перси в ужасе завизжал; я повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как его утаскивают под воду.

То, что его схватило, не было пастью. Не думаю, что это была пасть.

Глава 15
«Выполняйте задание»

Не знаю уж, чего я ожидал после нападения чудовищ. Мы просто слонялись по кораблю в каком-то оцепенении. Некоторые пытались что-то высмотреть с временной палубы. Продолжалось это до тех пор, пока из воды снова не высунулась эта прыскалка и чуть не сбила одного из нас; тогда капитан Уркхардт приказал всей команде оставаться внутри корабля, а люк был закрыт.

После ужина (если это можно назвать ужином, некоторые просто сделали себе бутерброды) я неожиданно услышал объявление: мне было приказано немедленно явиться на совещание глав отделов.

— Это тебя, Том? — спросил Чет Трэверс. — Говорят, дядя Альф заболел. Дверь его каюты закрыта.

— Видно, меня. — На дядю все случившееся подействовало очень сильно; по приказу единственного оставшегося у нас медика, доктора Пандита, он принял большую дозу снотворного и лежал в постели.

— Тогда тебе лучше поторопиться.

Сначала я отправился в каюту капитана Уркхардта, но там было темно. Тогда я сообразил и пошел в капитанскую каюту. Дверь ее была нараспашку, некоторые уже сидели вокруг стола, во главе с капитаном Уркхардтом.

— Отдел специальной связи, сэр, — отрапортовал я.

— Садитесь, Бартлетт.

За мной вошел Гарри, после чего Уркхардт встал, закрыл двери и снова сел на свое место. Я огляделся, думая про себя, что это довольно странное совещание глав отделов. Из присутствовавших один только Гарри Гейтс был начальником, когда мы покидали Землю. Мистер Истмен был вместо командора Фрика. Мамочка О'Тул умерла уже давно, но теперь погиб и Кас; отдел экологии был представлен мистером Кришнамурти, который, когда мы улетали, всего лишь присматривал за кондиционированием воздуха и гидропоникой. Мистер О'Тул заменял доктора Бэбкока, мистер Регато — мистера Роча. Сержант Андреели, бывший также техником при двигателях, находился здесь вместо дяди Стива, и он был единственным оставшимся в живых из всей охраны корабля — пару дней тому назад

его отослали на корабль со сломанной рукой. Доктор Пандит сидел на месте, принадлежавшем когда-то доктору Деверо.

Ну и конечно я, но я только временно замещал дядюшку Альфа, к счастью еще живого. Хуже всего было то, что вместо прежнего капитана сидел капитан Уркхардт.

Капитан Уркхардт начал:

— У меня нет необходимости описывать вам подробно то положение, в котором мы находимся, вы знаете его не хуже меня. Опустим мы также и обычные рапорты по отделам. По моему мнению, наше исследование этой планеты завершено; с имеющимся у нас персоналом и техникой мы не можем ничего к нему добавить… Осталось только составить дополнительный отчет об опасности, с которой мы сегодня столкнулись, чтобы первые поселенцы были готовы защитить себя. Есть возражения? Доктор Гейтс, вы желаете продолжить здесь исследования?

На лице Гарри появилось удивление, и он ответил:

— Нет, капитан. При сложившихся обстоятельствах — нет.

— Замечания? — (Замечаний ни у кого не было.) — Хорошо, — продолжил Уркхардт. — Тогда

я предлагаю проложить курс к Альфе Феникса. Панихида завтра в девять; стартуем в полдень. Замечания? Пожалуйста, мистер О'Тул.

— Вы хотите знать, будут ли у нас готовы ко времени все расчеты? Думаю, да, если мы с Жанет сейчас сядем за работу.

— Садитесь сразу, как только мы разойдемся. Мистер Регато?

Вид у Регато был пораженный.

— Я не ожидал этого, капитан.

— Я понимаю, все это несколько неожиданно, но все-таки может ваш отдел подготовиться? Насколько мне известно, мы закончили набирать топливо.

— Не в этом дело, капитан. Конечно, двигатели будут готовы. Только мне казалось, что нам предстоит один дальний переход — к Земле.

— И что же заставило вас прийти к такому заключению?

— Ну… э-э-э… — Новый старший механик начал заикаться и чуть не перескочил с ПЛ-жаргона на родной испанский. — Но ведь мы в жутком положении, сэр. Нашему отделу придется стоять вахты через одну, почти не отдыхая. Не могу говорить за другие отделы, но у них ситуация, вероятно, не лучше.

— Конечно, не можете, да я вас об этом и не прошу. А что касается вашего отдела, технически он готов?

Регато сглотнул:

— Да, сэр. Только ведь ломаться могут не одни механизмы, люди тоже.

— А разве не пришлось бы вам точно так же стоять вахты через одну, если бы мы направились сейчас к Солнцу? — Уркхардт не стал дожидаться и так очевидного ответа и продолжил: — Жаль, что мне приходится это говорить. Мы здесь не для собственного удовольствия, мы выполняем возложенную на нас миссию… и всем вам это известно. Сегодня, перед самым своим отлетом, капитан Свенсон сказал мне: «Примите командование моим кораблем, сэр. Выполняйте порученное нам задание». И я ответил: «Есть, сэр». Позвольте мне напомнить вам, в чем состоит это задание: нас послали для проведения тех самых исследований, которыми мы занимаемся, с приказанием продолжать поиски до тех пор, пока у нас сохраняется связь с Землей. После прекращения связи мы имеем право вернуться, если сможем. Так вот, джентльмены, связь с Землей у нас пока еще есть, следующий пункт, назначенный к исследованию, — Альфа Феникса.

По-моему, все совершенно ясно.

В моей голове была такая сумятица, что я едва его слышал. Я думал: кем, интересно, этот олух себя считает? Колумбом? «Летучим голландцем»? Нас осталось в живых чуть больше тридцати человек — это из двух сотен. Лодок нет, вертолетов нет… Я чуть не прослушал следующее, что он сказал.

— Бартлетт?

— Сэр?

— Что насчет вашего отдела?

Тут меня осенило, что именно *мы* являемся ключевым отделом — мы, психи. Когда *мы* утратим контакт, он должен будет повернуть назад. Меня так и подмывало заявить, что все мы вдруг оглохли, но, как я хорошо понимал, это бы не прошло. Так что я воздержался.

— Как вы верно сказали, сэр, у нас есть связь с Землей.

— Очень хорошо. — Он перевел взгляд на доктора Пандита.

— Одну секунду, капитан, — продолжил я. — Это еще не все.

— Да? Говорите, в чем дело.

— Ну, этот следующий бросок будет продолжаться около тридцати лет. Я имею в виду

Гринвичское время.

— Что-то в этом роде. Чуть поменьше.

— «Что-то в этом роде». Специальных связистов осталось трое: я, дядя — я хотел сказать мистер Макнил — и Мэй-Лин Трэверс. Думаю, дядю считать не надо.

— Почему?

— Потому что он все еще на связи со своим первоначальным телепартнером и ей сейчас почти столько же лет, сколько ему. Как вы думаете, проживет дядя еще тридцать лет?

— Но для него это будет не тридцать лет… А, простите! Я понял, о чем вы. Ей будет уже за сто, если она вообще доживет. Может стать сенильной.

— Возможно, сэр. А скорее всего — умрет.

— Ну хорошо, забудем про Макнила. Остается вас двое. Вполне достаточно для того, чтобы передавать самые существенные сообщения.

— Сомневаюсь, сэр. На Мэй-Лин надежда тоже слаба. У нее связь только вторичная, а ее напарнику больше тридцати, детей нет. По опыту других телепар я бы счел крайне маловероятным, что они сохранят связь после очередного пика. Особенно — после пика в тридцать лет.

— Остаетесь еще вы.

Тут я вдруг подумал, что, если бы у меня хвати-

ло духу прыгнуть с корабля в воду, все остальные могли бы спокойно отправиться домой. Но это была просто секундная мысль: я, конечно, когда-нибудь умру, но, уж во всяком случае, не из-за самоубийства.

— Мой случай не многим лучше, сэр. Моей напарнице около… — мне пришлось остановиться и подсчитать, результат как-то не укладывался в голове, — около девятнадцати, сэр. Детей нет. И нет шансов, что дети появятся, прежде чем мы войдем в пик… Да и в любом случае я не смог бы связаться с новорожденным ребенком. Когда мы выйдем из пика, ей будет под пятьдесят. Насколько мне известно, до настоящего момента у всего нашего флота не было случаев восстановления связи после столь долгого перерыва.

Уркхардт ответил не сразу:

— У вас есть какие-нибудь причины считать, что это невозможно?

— Ну… вообще-то, нет, сэр. Но это крайне маловероятно.

— Мм… Вы считаете себя специалистом в теории телепатии?

— Кем? Конечно нет, сэр. Я просто телепат, вот и все.

— Думаю, скорее всего, он прав, — вступил в

разговор доктор Пандит.

— А вы — специалист, доктор?

— Я, сэр? Как вам известно, моей специальностью являются редкие заболевания. Однако…

— В таком случае мы проконсультируемся со специалистами на Земле. Возможно, они смогут предложить какой-то способ улучшить наши шансы. Вполне возможно, ввиду сложившихся обстоятельств Фонд разрешит снова использовать наркотики для уменьшения вероятности того, что после пика не удастся восстановить связь. Или что-нибудь еще.

Я хотел сказать ему, что Вики не станет рисковать и принимать опасные наркотики, к которым можно и привыкнуть. А потом передумал. Пэт принимал — значит и Вики может.

— Это все, джентльмены. Мы стартуем завтра в полдень. Да, вот еще. Один из вас намекал, что моральный дух на корабле не слишком высок. Все так, и я знаю это, возможно, лучше, чем кто-либо из вас. Однако дух восстановится, и мы сможем быстрее забыть о своих утратах, если мы сразу же возьмемся за работу. Хочу лишь добавить, что все вы, как старшие офицеры этого корабля, можете сделать очень многое для повышения духа, просто подавая хороший пример. И я уверен, что

так вы и поступите. — Он встал.

Не знаю уж, каким образом по кораблю разносятся новости, но, к тому времени как я дошел до столовой, все уже знали, что мы завтра стартуем. И не к Земле. Я сразу выскочил из столовой, она вся гудела от разговоров, а мне не хотелось принимать в них участие, мысли у меня путались. Я думал о том, что капитан хочет сделать еще один переход, после которого он, скорее всего, не сможет сообщить результаты — если те вообще будут — на Землю. А из-за этого у всех нас появляются великолепные шансы никогда не вернуться домой. С другой стороны, я не мог не восхищаться тем, с какой твердостью он напомнил нам о наших обязанностях и в зародыше подавил панику. Воля у него была.

У «Летучего голландца» тоже была воля, правда, по последним сообщениям, он все еще пытался обогнуть мыс Горн, и все так же безуспешно.

Вот капитан — капитан Свенсон, поправил я себя — не был бы таким упертым.

А может, был бы? Если верить Уркхардту, последними словами капитана было напоминание, что он должен продолжать нашу миссию. Все мы были очень тщательно подобраны (не считая нас, психов), и вполне могло статься, что и шкипер, и

запасной шкипер каждого корабля выбирались в первую очередь за бульдожье упрямство, то самое качество, которое не давало Колумбу отступить даже тогда, когда у него кончалась питьевая вода, а команда готова была взбунтоваться. Я вспомнил, что дядя Стив как-то высказывал такое предположение.

Тут я решил пойти и поговорить с дядей Стивом… а потом вспомнил, что не могу этого сделать, и вот тогда-то почувствовал себя действительно паршиво. Когда мои родители умерли, два пика тому назад, я почувствовал себя паршиво потому, что я не чувствовал себя настолько плохо, насколько был бы должен. Когда это случилось — или, вернее сказать, когда я узнал об этом, — они были уже мертвы, люди, которых я давно не видел, превратились просто в лицо на фотографиях. Но дядю Стива я видел ежедневно, я видел его еще *сегодня*. И я привык обсуждать с ним все свои проблемы, когда они казались чересчур велики для меня одного.

Вот тут-то я почувствовал утрату. Запоздалый шок, который случается, когда после сильного удара не сразу чувствуешь боль. Боль появляется только тогда, когда соберешься и поймешь, что тебя ударили.

Хорошо, что в этот момент кто-то постучал в мою дверь, иначе я бы разревелся.

Это была Мэй-Лин со своим мужем, Четом. Я пригласил их в каюту, и они сели на койку. Чет сразу приступил к делу:

— Том, как ты относишься ко всему этому?

— К чему?

— Ко всей этой идиотской попытке идти дальше с тем, что осталось от команды.

— Какая разница, как я отношусь? — медленно ответил я. — Я же не командую этим кораблем.

— Именно ты им командуешь.

— Что?

— Ну не совсем так, я просто хотел сказать, что ты можешь прекратить эту ерунду. Так вот, Том, все знают, что́ ты сказал капитану, и…

— А кто сказал?

— Что? Да не важно. Если это пошло не от тебя, возможно, рассказали все остальные, бывшие на вашем совете. Теперь уже все знают. В том, что ты ему говорил, есть смысл. Суть в том, что Уркхардт зависит от тебя и связь со штаб-квартирой на Земле у него только через тебя. Так что ты тот человек с дубинкой. И ты можешь его остановить.

— Что? Подожди, я же не единственный. Ясно, что он не рассчитывает на дядю, — а как насчет

Мэй-Лин?

Чет покачал головой:

— Мэй-Лин не собирается «переговариваться» для него.

— Подожди, Чет, я же этого не говорила, — сказала Мэй-Лин.

Он с обожанием поглядел на жену:

— Ну не притворяйся такой дурочкой, любовь моя. Ты же прекрасно знаешь: нет ни малейших шансов, что после пика ему будет от тебя какой-нибудь толк. А если наш отважный капитан Уркхардт сам этого еще не понял, так я ему объясню, даже если для этого придется пользоваться словами, которые не говорят при женщинах.

— Но ведь *может получиться*, что я останусь в контакте.

— Нет, не может, иначе я крепко настучу тебе по твой прелестной головке. Наши дети будут расти на Земле.

Мэй-Лин взглянула на него и успокаивающе похлопала его руку. Трэверсы пока не ждали ребенка, но всем было известно, что они надеются. До меня начало доходить, почему Чет столь непреклонен, и я почувствовал полную уверенность, что Мэй-Лин действительно не возобновит контакта после пика, если муж немного с ней

поговорит. Для нее было гораздо важнее то, чего хочет Чет, чем то, чего хочет капитан, или какой-то абстрактный долг по отношению к Фонду там, на Земле.

— Обдумай все это хорошенько, Том, — продолжил Чет, — и ты поймешь, что просто не можешь подводить своих товарищей. Лететь дальше — просто самоубийство, и все это понимают, все, кроме капитана. Теперь все зависит от тебя.

— Э-э-э, я об этом подумаю.

— Подумай. Только не тяни слишком долго. — И они ушли.

Я лег, но не уснул. Все заключалось в том, что Чет почти наверняка прав, в том числе и в своей уверенности, что Мэй-Лин не сможет связаться со своей телепарой после очередного пика; у нее и теперь иногда пропадал контакт. Со времени последнего пика технические и математические материалы, которые должна была передавать она, передавал я, так как ее контакт все время прерывался. Чету не потребуется стучать по ее (вполне согласен) хорошенькой головке, так как она и сама теряла связь.

А с другой стороны…

Добравшись так до восемнадцатого «а с другой стороны», я встал, оделся и пошел искать Гарри

Гейтса; мне пришло в голову, что, раз он глава отдела и также присутствовал на совещании, поговорить с ним вполне позволительно.

В каюте его не было; Барбара посоветовала мне посмотреть в лаборатории. Там он и находился, погруженный в распаковывание образцов, присланных вчера с берега. Гарри поднял глаза:

— Ну, Том, как дела?

— Да не очень.

— Понимаю. Слушай, у меня даже не было подходящего случая как следует тебя поблагодарить. Сделать это в письменной форме или ты согласишься на устную?

— Будем считать, что ты поблагодарил. — Сперва я его даже не понял, я ведь и вправду совсем забыл, что вытащил его из воды. Мне об этом некогда было думать.

— Как скажешь. Но я этого не забуду. Ты же понимаешь?

— Хорошо. Гарри, мне нужен твой совет.

— Тебе нужен? Да ради бога, у меня их сколько угодно, любых фасонов и расцветок. Все бесплатные и, боюсь, ценность любого из них в точности равна цене.

— Ты был сегодня на совещании.

— И ты тоже. — На лице его появилось беспо-

койство.

— Да. — Я рассказал ему, что меня тревожит, потом, чуть подумав, рассказал и то, что сказал мне Чет. — И что же я должен делать, Гарри? Чет совершенно прав: на то, что из этого нового прыжка будет какой-либо толк, шансов мало. Даже если мы найдем планету, сто́ящую того, чтобы о ней сообщить на Землю, — а шансов на это немного, если посмотреть результаты по всему флоту, — мы, скорее всего, не сможем о ней сообщить. Вернее, сможем, но только по возвращении на Землю, через две сотни лет после старта. Идти на это дело смешно, и, как верно сказал Чет, это самоубийственно. Но с другой стороны, капитан прав: именно на это мы и подписывались. Программа полета корабля говорит, что мы должны продолжать двигаться вперед.

Прежде чем ответить, Гарри осторожно развернул очередной образец.

— Томми, спроси меня о чем попроще. Спроси меня, жениться тебе или нет, — и я скажу тебе прямо, как на духу. Или о чем-то еще. Но есть вещь, которую ни один человек не может сказать другому: это в чем состоит его долг. Это каждый должен решать для себя сам.

Я немного подумал:

— Какого черта, Гарри, сам-то ты как ко всему этому относишься?

— Я? — Он приостановил свое занятие. — Том, я просто не знаю. Что касается лично меня… ну, пожалуй, на этом корабле я был счастливее, чем когда-либо в своей жизни. При мне моя жена и дети, я занят именно той работой, которая мне нравится. Но это я, у других все может быть иначе.

— А как насчет твоих детей?

— Вот тут, конечно, есть загвоздка. Для семейного человека… — Он нахмурился. — Я не могу ничего тебе посоветовать, Том. Если я хоть чуть намекну, что ты не должен выполнять условия подписанного тобой контракта, — это будет побуждение к бунту на борту, самое тяжелое преступление для нас обоих. Сказать тебе, что ты обязан выполнять то, что хочет капитан, — это было бы законопослушно, но это может означать смерть. Твою, мою, моих детей и всех остальных, потому что на стороне Чета здравый смысл, даже если закон против него. — Он вздохнул. — Том, сегодня я чуть не отдал концы, спасибо тебе еще раз, и мои суждения пока не вернулись в норму. В общем, я не могу дать тебе совета, я не беспристрастен.

Я молчал. Как жаль, что так случилось с дядей Стивом, у него-то всегда и на все был ответ.

— Единственное, что я могу, — продолжал Гарри, — это предложить тебе одну вещь.

— Да? И что это?

— Ты можешь подойти к капитану в частном порядке и рассказать ему, чем и насколько ты обеспокоен. Это может повлиять на его решение. Во всяком случае, ему стоит об этом знать.

Я сказал, что подумаю, поблагодарил его и ушел. Лег спать и в конце концов все-таки уснул. Проснулся я посреди ночи оттого, что корабль трясся. Корабль, находясь на воде, всегда чуть покачивается, но совсем не таким образом, не с такой силой и, уж конечно, не на Элизии.

Тряска прекратилась, а затем вновь началась… и снова прекратилась… и началась. Я начал гадать, что это… когда неожиданно корабль задрожал, на этот раз совершенно другим, знакомым образом. Так бывает при запуске двигателя на самой малой мощности. Техники называли это «прочистить глотку», это был обычный элемент проверки двигательной установки. Решив, что просто мистер Регато заработался допоздна, я успокоился. Тряски больше не было.

За завтраком я узнал, в чем было дело: эти

огромные твари испробовали что-то — никто не знал, что именно, — на самом корабле, после чего капитан, вполне логично, приказал мистеру Регато использовать против них факел. Теперь, хотя мы по-прежнему не знали о них почти ничего, мы установили точно — они не защищены от перегретого пара и высокого уровня радиации.

Каким-то образом очередная стычка с морскими чудовищами придала мне смелости, я решил пойти к капитану, как советовал Гарри.

Он впустил меня в каюту, заставив прождать у двери не более пяти минут. Затем он только молчал, позволив мне говорить сколько захочется. Я описал всю картину, как она мне виделась, не упоминая Чета и Гарри. По его лицу мне не было понятно, пронял я его или нет, так что излагал я все очень драматически: что дядю и Мэй-Лин можно не считать, что шансы на то, что после следующего пика от меня будет какой-нибудь толк, очень малы, и поэтому он собирается рисковать кораблем и командой при очень и очень плохих условиях.

Окончив, я так и не понял, убедил я его или нет. Он не стал отвечать мне прямо, а вместо этого сказал:

— Бартлетт, вчера вечером за закрытой дверью

вашей каюты в течение пятидесяти пяти минут находились двое членов экипажа.

— Да, сэр.

— Вы беседовали с ними на эту тему?

Мне очень хотелось соврать.

— Э-э-э… да, сэр.

— После этого вы нашли на корабле еще одного члена команды и пробыли у него допоздна или, лучше сказать, до раннего утра. Вы беседовали с ним на ту же тему?

— Да, сэр.

— Очень хорошо. В таком случае я должен задержать вас на время расследования по двум обвинениям: подозрении в намерении поднять мятеж на борту и подозрении в подстрекательстве к мятежу на борту. Вы арестованы. Отправляйтесь в свою каюту и не покидайте ее. Никаких посетителей.

Я сглотнул, и тут мне на помощь пришло то, что я как-то слышал от дяди Стива, — он ведь был матерым специалистом по космическому праву и очень любил обсуждать эту тему.

— Есть, сэр. Однако я настаиваю на возможности встречи с выбранным мной поверенным, а также на открытом слушании дела.

Капитан безразлично кивнул, словно я сказал

ему, что идет дождь.

— Конечно. Все ваши законные права будут соблюдены. Но с этим придется подождать, мы сейчас готовимся к старту. Поэтому считайте себя арестованным и отправляйтесь в свою каюту.

Он отвернулся и предоставил мне возможность отконвоировать себя в каюту. Непохоже было, что он на меня сердится.

И вот я сижу один в своей каюте. Мне надо сказать дяде, что ему нельзя ко мне приходить, а потом передать то же самое Чету. В голове не умещается, как такое могло со мной случиться.

Глава 16
«Просто математическая абстракция»

Это утро казалось очень долгим, словно тянулось оно сотни лет. Вики связалась со мной в обычное время, но я сказал ей, что вахтенное расписание изменилось и я «позвоню» потом.

Что-нибудь не так? — спросила она.

Нет, лапа, просто у нас тут небольшая перетряска.

Ладно, только голос у тебя опять какой-то неспокойный.

Я не сказал ей, в какую историю влип; не стал даже рассказывать ей о вчерашней катастрофе. Будет сколько угодно времени потом, когда все немного уляжется, — если только она сама не узнает раньше, из официальных сообщений. А пока какой смысл расстраивать девочку неприятностями, которым она все равно помочь не может?

Минут через двадцать явился мистер Истман. Он постучал, я открыл ему дверь и сказал:

— Извините, но я не имею права никого принимать.

Но он не ушел.

— Я не гость, Том; я здесь в официальном качестве, по поручению капитана.

— А. — Я впустил его.

У него с собой был чемоданчик с инструментами. Поставив чемоданчик на стол, он сказал:

— У нас сейчас так мало людей, что решили объединить отделы обычной и специальной связи, так что теперь, похоже, я твой начальник. Не думаю, что это что-то меняет. Но мне надо сейчас подсоединить твой диктофон так, чтобы ты мог отсюда писать прямо в центр связи.

— Валяй. А зачем?

На его лице появилось что-то вроде смущения.

— Ну, понимаешь, ты ведь должен был заступить на вахту полчаса тому назад. Мы хотим устроить так, чтобы ты со всеми удобствами стоял свои вахты здесь. Капитан сердится, что я сам не догадался так сделать. — Он принялся снимать панель диктофона.

Я лишился дара речи. А затем вспомнил кое-что, рассказанное мне дядей Стивом.

— Подожди-ка секунду.

— Что?

— Нет, продолжай, соединяй это хозяйство как хочешь, вот только никаких вахт я стоять

не буду.

Он распрямился, на его лице появилась крайняя озабоченность.

— Не говори так, Том, у тебя сейчас достаточно проблем, зачем тебе лишние? Давай так: ты этого не говорил, я не слышал. Заметано?

Мистер Истман был вполне приличным парнем, он единственный из радистов ни разу не называл нас «психами». Наверное, он и вправду обо мне беспокоился. Но я сказал:

— Я не понимаю, что тут может стать хуже. Передай капитану, что он может эти свои вахты… — Я замолк. Дядя Стив такого бы не сказал. — Извини. Скажи ему вот что: «Связист Бартлетт просит передать, что при всем его уважении к капитану он, к глубокому сожалению, не может исполнять свои служебные обязанности, находясь под арестом». Понял?

— Послушай, Том, это неправильный подход. Разумеется, что с точки зрения служебных инструкций в том, что ты тут наговорил, есть какой-то смысл. Но у нас не хватает рук, все должны браться за дело и помогать. Ты не можешь цепляться за букву закона и стоять в стороне, это будет несправедливо по отношению к остальным.

— Не могу? — Я тяжело дышал, возбужденный появившейся у меня возможностью дать сдачи. — А капитан может? Нет! Он не может есть из двух тарелок сразу. Арестованный не стоит вахты. Так было и будет всегда. И передай ему все, что я сказал.

Истмен, не говоря ни слова, быстро и профессионально закончил свою работу.

— Так ты совершенно уверен, что хочешь, чтобы я ему все это передал?

— Совершенно.

— Как хочешь. Эта штука, — добавил он, указав на диктофон, — теперь подключена, так что можешь связаться со мной, если вдруг передумаешь. Пока.

— Еще кое-что…

— Да?

— Может, капитан не подумал о таких мелочах, у него же и ванная в каюте, и все такое, но я сижу здесь уже несколько часов. Кто проводит меня по коридору и когда? Даже заключенный имеет право, чтобы его время от времени выводили в туалет.

— Ох! Наверное, тут и я могу. Пошли.

Это была кульминационная точка памятного утра. Я ожидал, что через пять минут после ухода

Истмана ко мне ворвется, дыша огнем и плюясь раскаленными углями, капитан Уркхардт. Поэтому мысленно отрепетировал пару речей, тщательно сформулированных таким образом, чтобы оставаться в рамках закона и элементарной вежливости. Я знал, что загнал его в угол.

Но все было тихо. Капитан не явился, и вообще никто ко мне не приходил. Время приближалось к полудню. Команды приготовиться к старту все не было и не было. За пять минут я лег на койку и начал ждать.

Это были очень длинные пять минут.

Примерно в четверть первого я решил, что хватит ждать и слез с койки. Про ланч тоже не было ни слуху ни духу. В половине первого я услышал гонг, но про меня словно забыли. В конце концов я решил, что, ладно, разок не поем и только потом начну возмущаться; не хотелось давать капитану возможность перевести разговор на то, что я самовольно покинул каюту. Подумал было связаться с дядей Альфом и пожаловаться на перебои с поставками пайков, но потом решил, что чем дольше я прожду, тем больше будет вина капитана.

Примерно час спустя после того, как остальные покончили с ланчем, появился мистер Кришна-

мурти с подносом в руках. То обстоятельство, что еду принес он сам, а не кто-нибудь с кухни, показало мне, что я — очень важный заключенный, тем более что Крис очень старался не говорить со мной и даже вроде подходить близко боялся. Он просто просунул поднос в каюту и сказал:

— Когда кончишь, выставишь это в коридор.

— Спасибо, Крис.

Но в еде была спрятана записка: «Молодчина! Только не сдавайся, и мы подрежем ему крылышки. Все ребята за тебя». Подписи не было, а почерк я не узнал. Во всяком случае писал не Кришнамурти, я помнил его почерк с того времени, как занимался диверсионной деятельностью на их плантации. И не Трэверс, и, уж во всяком случае, не Гарри.

В конце концов мне надоело угадывать, кто писал эту записку, тогда я порвал ее на клочки и разжевал, словно какой-нибудь граф Монте-Кристо или Железная Маска. Правда, на романтического героя я все-таки не тяну, потому что глотать записку я не стал, просто разжевал и выплюнул. Но я тщательно убедился, что записка уничтожена, мне не хотелось, чтобы кто-то узнал о ней, — да и самому не хотелось знать, кто ее послал.

И знаете почему? Записка не ободрила меня,

она меня обеспокоила. О, конечно же, в первый момент она меня взбодрила, я прямо вырос в собственных глазах. Такой защитник угнетенных!

А потом я понял, что значит такая записка…

Мятеж.

В космосе это самое страшное слово. Любая катастрофа лучше, чем это.

Одним из первых заветов дяди Стива, которые он передавал нам с Пэтом давно-давно, когда мы были еще пацанами, было: «Капитан прав даже тогда, когда он ошибается». Прошло много лет, прежде чем я понял его слова. Чтобы осознать эту истину, надо пожить на корабле. И даже после этого, в глубине души я не понимал ее до конца, пока не прочитал эту подбадривающую записку и не осознал, что какие-то люди всерьез собираются оспорить власть капитана… и что я — их символ сопротивления.

Корабль — это не просто маленький мир, он больше схож с живым человеческим организмом. На нем не может быть и речи о демократии, во всяком случае — о демократическом консенсусе, каким бы вежливым и демократичным ни был капитан. Если попадешь в переделку, не устраиваешь всеобщее голосование, чтобы ноги, руки, желудок и глотка решили, чего же хочет боль-

шинство. И хорошо, что нет! Ваш мозг принимает решение, а все прочее его выполняет.

Вот так же обстоят и всегда должны обстоять дела на корабле, летящем в космосе. И дядя Стив имел в виду, что капитану *лучше* бы быть правым, а остальным лучше всего молиться, чтобы он оказался прав, даже если вы с ним не согласны… потому что корабль не спасет ваша правота, если капитан ошибается.

Но все же корабль — не совсем единый организм, он состоит из отдельных людей, работающих вместе, работающих с самоотречением, которое не каждому легко дается, — мне, во всяком случае, оно давалось нелегко. И единственное, что удерживает этих людей вместе, — нечто туманное, что называют моральным духом корабля, нечто, чего вы почти не замечаете, пока оно есть, но мгновенно ощущаете, когда оно утрачено. Только теперь я понял, что на «Элси» утрата этого духа началась уже давно. Сначала умер доктор Деверо, затем мамочка О'Тул, это были очень тяжелые удары. А теперь мы лишились капитана и большей части экипажа… В результате «Элси» рассыпался на куски.

Возможно, новый капитан и не особенно блистал, но он, во всяком случае, пытался остановить

этот распад. До меня стало понемногу доходить, что корабли исчезают не только из-за поломок техники или нападений злых туземцев; возможно, худшей из опасностей был какой-нибудь блистательный юный идиот, который решил, что он умнее капитана и убедил в своей правоте достаточно народу. Интересно, какая часть из восьми кораблей, пропавших в космосе, погибла в попытке доказать, что их капитан ошибается, а какой-нибудь тип вроде меня — прав.

Быть правым — далеко не достаточно.

Тут я так расстроился, что был уже готов пойти к капитану и сказать ему, что я ошибался, и спросить, чем могу быть полезен. Но потом я сообразил, что не могу сделать даже этого, — он велел мне не выходить из каюты безо всяких «если» и «может быть». И если уж поддерживать капитана и с уважением относиться к его авторитету важнее всего остального, то мне оставалось одно — делать как велено и сидеть, не высовываясь.

Ужин опять принес Крис, на этот раз — почти вовремя. Поздно вечером динамики проорали обычное предупреждение, я лег, и «Элси» стартовал с Элизии. Но мы никуда не полетели, а просто вышли на орбиту, так как наступила неве-

сомость. Спал я плохо, со мной в невесомости всегда так.

Проснулся я оттого, что корабль пошел с ускорением, небольшим, порядка половины *g*. Крис принес мне завтрак, но я не стал его спрашивать, что происходит, а сам он не рассказывал. Около полудня из динамика прозвучало: «Связист Бартлетт, явитесь к капитану». Только после повторения я понял, что это касается меня… тогда я вскочил, прошелся бритвой по лицу, окинул глазом форму, решил, что сойдет, и поспешил в каюту капитана.

Капитан поднял на меня глаза, и я доложил по всей форме.

— А, Бартлетт. По результатам расследования я пришел к выводу, что нет оснований для выдвинутых обвинений. Вы освобождены из-под ареста и можете вернуться к исполнению своих обязанностей. Зайдите к мистеру Истмену.

Он вернулся к своей работе, словно забыл про меня, и мне стало очень обидно. Я разрывался между святым чувством преданности кораблю, а значит, и его капитану, и не менее сильным желанием пнуть Уркхардта ногой в живот. Скажи он мне тогда хоть одно доброе слово — и, думаю, я был бы на его стороне, со всеми своими потро-

хами. А так мне стало очень обидно.

— Капитан?

Он снова поднял глаза:

— Да?

— Я думаю, вы могли бы передо мной извиниться.

— Вы так думаете? А я нет. Я действовал в интересах всего корабля. Однако, если уж вас это интересует, у меня нет к вам никаких претензий, и я не таю на вас зла. — Он снова занялся своими бумагами, показывая, что разговор закончен… как будто мои претензии и обиды, если таковые были, не имели ни малейшего значения.

Так что я вышел и отправился к мистеру Истмену. Похоже, больше делать было нечего.

В центре связи сидела Мэй-Лин, она была занята передачей какого-то шифрованного текста. Мэй-Лин мельком глянула на меня, и я заметил, какой усталой она выглядит. Мистер Истмен сказал:

— Привет, Том. Рад, что ты здесь, тебя очень не хватало. Ты можешь вызвать свою напарницу?

Хорошо, когда расписание вахт составляет телепат. Потому что другие люди, похоже, не понимают, что партнер на другом конце линии связи — не бестелесный дух. Ему нужно есть,

спать, работать, заниматься семейными делами. И он не может быть постоянно на связи, ожидая, когда кому-то вздумается отправить ему сообщение.

— Это экстренное сообщение? — спросил я, глянув на гринвичские, а затем на корабельные часы. До связи с Вики оставалось по расписанию еще около получаса; может, она дома и свободна, а может, и нет.

— Возможно, не «экстренное», но как минимум «срочное».

Тогда я вызвал Вики, и она сказала мне, что согласна поработать.

Шифрогруппы, конопатая, сказал я ей. *Так что будь готова включить свой диктофон на воспроизведение.*

Он уже весь трепещет, дядя Том. Начинайте, как будете готовы.

Три битых часа мы гоняли туда и сюда эти шифрогруппы; по-моему, нет ничего более утомительного. Я решил, что это доклад капитана Уркхардта о том, что произошло с нами на Элизии или, еще вероятнее, повторный доклад, после того как ФДП затребовал более подробную информацию. Скрывать этот текст от меня смысла не было, я и сам все видел, так что шифровался

он, видимо, для того, чтобы скрыть его от наших телепартнеров, до тех пор пока ФДП не решит его опубликовать. Меня такое положение вполне устраивало, не очень-то хотелось пересказывать маленькой Вики весь этот ужас и кровь.

Итак, мы работали, а тем временем вошел капитан и сел рядом с мистером Истменом. Краем глаза я заметил, что они готовят очередную шифровку; капитан диктовал, а Истмен работал на шифровальной машине. Мэй-Лин давно уже ушла. В конце концов Вики произнесла совсем уже усталым голосом:

Дядя Том, насколько срочна эта белиберда? Мама позвала меня на ужин полчаса назад.

Подожди секунду, сейчас узнаю.

Я повернулся к капитану и мистеру Истмену в неуверенности, кого лучше спросить. Поймав взгляд Истмена, я сказал:

— Мистер Истмен, насколько это срочно? Мы бы хотели…

— Не мешайте нам, — вклинился Уркхардт. — Не задавайте лишних вопросов, продолжайте передачу. Насколько это срочно — не ваше дело.

— Капитан, вы меня не поняли; я говорю не за себя. Я хотел сказать…

— Не отвлекайтесь от работы.

Я сказал Вики:

Подожди еще секунду, красавица, а затем откинулся на стуле и произнес:

— Есть, капитан. Я в полной готовности хоть всю ночь диктовать эти таблицы для проверки зрения. Только вот на другом конце провода никого нет.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что моему напарнику уже давным-давно пора обедать. Если вы хотите, чтобы на том конце работали сверхурочно, согласуйте это с центром связи ФДП. У меня создается впечатление, что кто-то спутал все вахтенное расписание.

— Понятно. — На его лице, как обычно, ничего не отразилось. Я уже начинал подозревать, что он — робот с проводами вместо вен. — Хорошо. Мистер Истмен, вызовите мистера Макнила; пусть он подменит мистера Бартлетта.

— Есть, капитан.

— Извините меня, пожалуйста, капитан.

— Да, Бартлетт?

— Вам, возможно, неизвестно, что напарница дяди живет в минус втором от Гринвича часовом поясе. Там сейчас середина ночи, а она — старушка за семьдесят пять. Я подумал, что, возможно,

вы хотели бы это знать.

— Мм, это верно, Истмен?

— Думаю, да, сэр.

— Я отменяю предыдущий приказ. Бартлетт, согласен ли ваш напарник продолжить работу после часового перерыва? Без согласования с ФДП.

— Сейчас узнаю, сэр. — Я передал вопрос Вики, она явно была в нерешительности. Тогда я сказал:

В чем дело, конопатая? Свидание с Джорджем? Ты только скажи, и я объясню капитану Блаю[65], *что ничего не получится.*

Да ладно, ерунда это. Обойдусь и без Джорджа. Мне просто обидно, что они не дают нам ничего, кроме этой каши из цифр. Хорошо, через час.

Через час, красавица. Беги, ешь свой салат. И следи за талией.

Спасибочки, а талия у меня в полном порядке.

— Капитан, напарник согласен.

— Хорошо. Поблагодарите его от меня.

Он говорил настолько безразлично, что я не смог удержаться от небольшого укола:

---

[65] notes: 65

Капитан Блай — Уильям Блай был капитаном английского брига «Баунти», его жестокость послужила причиной мятежа, поднятого командой в 1789 г.

— Мой напарник, капитан, девушка, а не «он». И ее мать установила комендантский час, у нас будет только два часа. Все, что дольше, — только через ФДП.

— Понятно. Хорошо. — Он повернулся к Истмену. — Мы можем упорядочить это расписание вахт?

— Я стараюсь, капитан. Но я в этом новичок, да к тому же у нас осталось всего трое связистов.

— Одна вахта из трех — тут не должно быть особых трудностей. И все равно каждый раз появляется какая-то причина, по которой мы не можем передавать. Вы готовы мне это объяснить?

— Что ж, сэр, вы прямо сейчас видели, как возникают эти трудности. Тут все дело в координации с Землей. Я так понимаю, специальные связисты сами обычно организовывали расписание. Или один из них.

— Кто? Мистер Макнил?

— Насколько я помню, обычно это делал Бартлетт.

— Понятно. Бартлетт?

— Этим занимался я, сэр.

— Прекрасно, эта работа снова возлагается на вас. Организуйте непрерывное дежурство. — Он

начал вставать.

И как же теперь объяснить капитану, что он не получит свое ведро краски?

— Есть, сэр. Но… одну минуту, капитан…

— Что еще?

— Если я вас правильно понял, вы поручаете мне организовать через ФДП непрерывное дежурство? И я могу воспользоваться вашей подписью?

— Естественно.

— Хорошо, только что мне делать, если они не согласятся на такие долгие вахты для старой леди? Просить увеличить продолжительность вахт двух остальных? Но в случае моего напарника возникает проблема с родителями, она еще очень молодая девушка.

— Понятно. Не понимаю, почему они берут на работу таких людей.

Я не отвечал. Если он не понимал, что телепата нельзя нанять, как нанимают плотников, то я ему объяснять это не собирался.

Однако он настаивал.

— Вы можете что-нибудь сказать?

— По этому поводу мне сказать нечего, сэр. Только никто из этих троих не может работать больше трех-четырех часов в день, за исключе-

нием самых чрезвычайных обстоятельств. Если сейчас именно такой случай, я могу организовать все сам, не беспокоя понапрасну центральную контору.

Отвечать прямо Уркхардт не стал. Вместо этого он сказал:

— Организуйте лучшее возможное расписание вахт. Посоветуйтесь с мистером Истменом. — Капитан Уркхардт повернулся к выходу; в этот момент я заметил, какая невыразимая усталость написана на его лице, и мне вдруг стало его жалко. Во всяком случае, я не хотел бы поменяться с ним местами.

Вики снова вышла на связь в середине ночи, хотя Кэтлин и была недовольна. Кэтлин хотела поработать сама, но, по правде говоря, мы с ней, без участия Вики, переговаривались уже с трудом. Во всяком случае — при таком трудном тексте, как шифрогруппы.

Капитан не вышел к завтраку, а я опоздал. Оглядевшись, я сел рядом с Жанет Меерс. Теперь мы не сидели по отделам — у нас был один большой подковообразный стол, на остальном пространстве большой столовой было организовано нечто вроде гостиной, чтобы не выглядело так пусто.

Только я запустил зубы в бутерброд с поджа-

ренным дрожжами, как мистер Истмен встал и постучал по стакану, привлекая внимание. Выглядел он так, словно не спал много дней.

— Тише, пожалуйста. Мне поручено зачитать вам заявление капитана. — Он вынул лист бумаги и начал: «К сведению всех членов команды. Согласно указанию Фонда далеких перспектив задание нашего корабля изменяется. Мы остаемся в окрестностях Беты Кита, ожидая рандеву с принадлежащим Фонду кораблем „Неожиданная находка“. Рандеву намечено приблизительно через месяц. Сразу после встречи мы прокладываем курс к Земле. Подписано: Ф. К. Уркхардт, командир корабля „Льюис и Кларк“».

Я был поражен. Ну тихоня! И все это время, пока я ругал его про себя, он уговаривал начальство вернуть нас на Землю. Понятно, почему он пользовался шифром; ты только попробуй заявить открытым текстом, что у тебя на корабле бардак, — увидишь, что тебе скажет команда. Такого, если есть хоть малейшая возможность, не сделает никто. Я даже простил ему недоверие к нам, психам, — что мы сохраним в тайне его переговоры; при таких обстоятельствах я сам себе не доверял бы.

У Жанет сияли глаза; они сияли, как у влюб-

ленной девушки или у математика, только что придумавшего новое преобразование.

— Значит, они все-таки сумели! — произнесла она приглушенным голосом.

— Что сумели? — спросил я. Она явно принимала все это близко к сердцу; я и не догадывался, что ей так хочется домой.

— Томми, неужели ты не *понял*? Они сумели, сумели использовать на практике безотносительность. Доктор Бэбкок не ошибся.

— В чем?

— Неужели не понятно, ведь это очевидно. Какой корабль может попасть сюда за месяц? Ну конечно же, только «безотносительный» корабль. Тот, который перемещается быстрее скорости света. — Тут она нахмурилась. — Не понимаю только, почему это займет месяц. Это не должно занимать вообще никакого времени. Время тут вообще ни при чем.

— Полегче, Жанет, — сказал я. — Сегодня я плохо соображаю, не спал прошлой ночью. Почему ты говоришь, что этот корабль — как его там — «Неожиданная находка» — быстрее света? Это же невозможно.

— Эх, Томми, Томми… Ты подумай, будь это обычный корабль, чтобы встретиться с нами

здесь, он должен был бы покинуть Землю больше шестидесяти трех лет тому назад.

— Ну, может, они так и сделали?

— Томми! Это же невозможно — потому что в то время никто не знал, что мы здесь окажемся. Как они могли это предвидеть?

Я поразмыслил. Шестьдесят три земных года тому назад… мамочки, это где-то в районе первого нашего пика. Похоже, что Жанет права, надо быть либо невероятным оптимистом, либо ясновидящим, чтобы послать в то время корабль с Земли для встречи с нами здесь и сейчас.

— Не понимаю я этого.

— Ну как же ты не понимаешь? Я же все тебе тогда объяснила, я помню это. Безотносительность. Ведь это как раз из-за вас, телепатов, и начались все эти исследования; это вы доказали, что «одновременность» — вполне допустимое понятие, а неизбежным логическим следствием этого было то, что пространства и времени не существует.

У меня начала болеть голова.

— Не существует? А тогда что же это такое — то, в чем мы сейчас, как нам кажется, завтракаем?

— Просто математическая абстракция, дорогой, и ничего больше. — Она улыбнулась, на лице ее появилась материнская нежность. — Беднень-

кий сентиментальный Томми. Ты сильно это переживаешь.

Жанет, наверное, была права, так как двадцать девять земных суток спустя у нас состоялось рандеву с кораблем ФДП «Неожиданная находка». Время это мы потратили, ковыляя с ускорением в половину *g* к точке, расположенной в пяти миллиардах миль к галактическому северу от Беты Кита; оказалось, что «Находка» не любит слишком приближаться к большим звездам. Все же с расстояния в шестьдесят три световых года пять миллиардов миль — это совсем немного, немудрено и промазать. Все это время мы работали не покладая рук, приводя в порядок наши образцы и сопоставляя данные исследований. К тому же теперь, когда мы ждали посетителей, капитан Уркхардт вдруг обнаружил, что на корабле есть уйма вещей, которое давно уже пора почистить и надраить. Он даже почтил своим визитом каюты, что было, на мой взгляд, откровенным вмешательством в личную жизнь.

На «Находке» был свой телепат, что сильно облегчило сближение кораблей. Сначала они промазали мимо нас на два световых часа; затем их телепат и я через Землю обменялись своими координатами (относительно Беты Кита) и

быстренько обнаружили друг друга. Будь у нас только радары и радио, мы прокопались бы не меньше недели, если бы вообще сумели вступить в контакт.

Но как только мы нашли друг друга, «Находка» оказалась на удивление шустрым кораблем, мы только глаза выпучили. Я только еще докладывал капитану ее координаты, а она была уже здесь, прямо в виду радара близкого действия. Через час она уже пришвартовалась к нам и наши шлюзы были соединены. И это был очень *маленький* корабль. Когда я впервые увидел «Элси», он показался мне необъятным; затем, привыкнув, я воспринимал его размеры как вполне нормальные, иногда он казался даже тесноватым. Но эта «Находка» не тянула даже на пристойный шаттл с линии Земля — Луна.

Первым на борт поднялся мистер Уиппл. Это была совершенно несуразная фигура, какую не ожидаешь встретить в космосе. Он повсюду ходил с портфелем. Однако он сразу взял бразды правления в свои руки. С ним были еще двое, и они сразу принялись за работу в маленьком отсеке грузовой палубы. Ребятам этим было в точности известно, какой отсек им нужен, нам пришлось спешно выгрузить оттуда картошку. Они про-

возились там полдня, устанавливая нечто под названием «генератор нуль-поля». Работали они в странной одежде, сотканной целиком из паутинно-тонкой проволоки, запеленутые в нее, как мумии. Мистер Уиппл стоял все это время в дверях, наблюдая за их действиями и посасывая сигару — первую, которую я увидел за три года; от ее запаха меня затошнило. Релятивисты крутились поблизости, обмениваясь возбужденными замечаниями; команда факела тоже собралась здесь, однако вид у них был потрясенный и несколько раздраженный. Я слышал, как мистер Регато сказал:

— Может, оно и так, но факел надежнее. Факел тебя не подведет.

Уркхардт взирал на происходящее, являя собой фигуру капитана Каменное Лицо.

В конце концов мистер Уиппл вытащил свою сигару изо рта и сказал:

— Ну что ж, вот и все, капитан. Томпсон останется здесь и доведет вас до места, а Бьеркенсен вернется на «Находку». Боюсь, вам придется примириться и с моим присутствием, я должен вернуться на вашем корабле.

Лицо капитана Уркхардта стало пепельно-серым.

— Если я правильно понимаю вас, сэр, вы отстраняете меня от командования кораблем?

— Что? Да не дай бог, капитан, с чего это вы так решили?

— У меня сложилось впечатление, что вы, по поручению центра, взяли на себя ответственность за мой корабль. А теперь вы еще говорите, что этот человек… как его… Томпсон — что он доведет нас до места.

— Боже милостивый, нет! Простите. Я не специалист в полевых работах, знаете, слишком засиделся в канцелярии. Просто считайте Томпсона своим… мм… своим штурманом. Вот-вот, он будет вашим пилотом. Но вас никто не снимает, вы остаетесь капитаном этого корабля, пока не вернетесь на Землю и не сдадите его. Тогда, конечно, он пойдет на слом.

— Вы сказали «на слом», мистер Уиппл? — раздался высокий, не похожий на себя, голос мистера Регато. Я почувствовал, что в моем животе что-то сжалось. — «Элси» на слом? *Нет!*

— Что? Да нет, ничего еще не решено, я, как всегда, тороплюсь. Может быть, его сохранят в качестве музея. А что, это хорошая мысль. — Он вытащил записную книжку и занес в нее эту хорошую мысль. Спрятав книжку, мистер Уиппл

сказал: — А теперь, если вы, капитан, позволите, я хотел бы обратиться к вашим людям. А то времени совсем мало.

Капитан Уркхардт молча провел его в столовую.

Когда все собрались, мистер Уиппл широко улыбнулся и произнес:

— Я не очень силен в произнесении речей. Я просто хочу выразить вам благодарность от имени Фонда и заодно объяснить, чем мы тут занимаемся. Я не ученый, а всего лишь администратор, занятый сворачиванием проекта «Лебенсраум», на который вы работаете, так что я не буду особенно вдаваться в подробности. Спасательные операции вроде этой совершенно необходимы, однако Фонд очень озабочен тем, чтобы высвободить «Неожиданную находку» и другие корабли той же серии — «Безотносительный», «Бесконечность» и «Нуль» — для выполнения основной их работы — исследования звезд в окрестностях Солнца.

Кто-то выпалил с удивлением:

— Да ведь как раз этим мы и занимаемся.

— Да, конечно. Но времена меняются. Нульполевой корабль может за год облететь больше звезд, чем факельный — за столетие. Вам, на-

верное, будет приятно узнать, что один только «Нуль» за последний месяц обнаружил семь планет земного типа.

Не сказал бы, что мне было особенно приятно это узнать.

Дядюшка Альфред Макнил наклонился вперед и тихим, печальным голосом, хорошо выражавшим наше настроение, спросил:

— Минуточку, сэр. Вы хотите сказать, что все, что мы сделали… *было не нужно?*

Мистер Уиппл был, похоже, крайне удивлен.

— Нет, нет и еще раз нет! Мне ужасно жаль, если мои слова создали у вас такое впечатление. То, что сделали вы, было совершенно необходимо, без вас не было бы сейчас этих нуль-кораблей. Да это то же самое, как сказать, что свершенное Колумбом было не нужно: ведь теперь мы перепрыгиваем океаны, словно какие-нибудь лужицы.

— Благодарю вас, сэр, — тихо сказал дядя Альф.

— Возможно, никто еще не сказал вам, насколько необходим, я бы сказал — незаменим, был проект «Лебенсраум». Вполне возможно. Это, конечно, моя вина, но в последнее время у нас в Фонде столько суматохи, мне некогда даже поспать, так что я все время забываю, что уже

сделано, а что сделать еще надо. Но вы, конечно, и сами понимаете, что без телепатов, которые находятся среди вас, весь этот прогресс был бы невозможен. — Уиппл обвел нас взглядом. — Кто они? Я хочу пожать им руки. Во всяком случае — не забывайте, я не ученый, я юрист, — во всяком случае, если бы не удалось превыше любых сомнений доказать, что телепатия абсолютно мгновенна, доказать в эксперименте, проведенном на расстоянии в десятки световых лет, вполне возможно, наши ученые все еще искали бы ошибки в шестом знаке после запятой, пытаясь спасти мнение, что телепатические сигналы распространяются не мгновенно, а с конечной скоростью, хотя и столь большой, что измерить ее не удается из-за неточности приборов. Во всяком случае, я именно так понимаю ситуацию; так мне объясняли. Так что, как вы видите, ваша прекрасная работа принесла чудесные результаты, результаты гораздо более важные, чем ожидалось, даже если они не совсем то, что вы искали.

А я думал о другом: скажи они нам это хотя бы на пару дней раньше — дядя Стив был бы сейчас жив.

Правда, он никогда не хотел умирать в постели.

— Но эти великолепные плоды ваших героических усилий, — продолжал разглагольствовать Уиппл, — созрели не сразу. Как это часто бывает в науке, новой идее потребовалось длительное время вызревания среди специалистов, после чего ее потрясающие результаты внезапно явились миру. Вот, например, я сам; если бы шесть месяцев тому назад кто-нибудь сказал мне, что сегодня я буду здесь, среди звезд, читать популярную лекцию по современной физике, я бы не поверил. Я и сейчас не совсем уверен, что я в это верю. И все-таки я здесь. Кроме всего прочего, я здесь затем, чтобы помочь вам прийти в себя, когда мы вернемся домой. — Он еще раз широко улыбнулся и поклонился своей аудитории.

— Да, мистер Уиппл, — спросил Чет Трэверс, — так когда мы вернемся домой?

— Как, разве я вам этого не сказал? Да совсем скоро… Ну, так, скажем, вскоре после обеда.

Глава 17
Время и перемены

Теперь, пожалуй, в самый раз закончить эту штуку и похоронить по первому разряду. У меня, наверное, больше никогда не будет времени заниматься литературными упражнениями.

Нас неделю продержали в Рио на карантине. Если бы не этот человек из ФДП, который был с нами, они, пожалуй, так бы и продолжали нас держать. Однако обращались с нами вполне уважительно, этого у них не отнимешь. Сам император Бразилии Дон Педро III от имени Объединенной системы нацепил каждому из нас медаль Ричардсона и произнес речь, из которой было понятно, что, хотя он не совсем понимает, кто мы, собственно, такие и где мы, собственно, были все это время, но тем не менее он высоко оценивает наши труды.

Но мы привлекли значительно меньше внимания, чем я ожидал. Нет, я совсем не хочу сказать, что службы новостей нас игнорировали; они снимали нас, они взяли у каждого из нас интервью. Однако единственная новость, которую я видел,

шла под заголовком: «СЕГОДНЯ ПРИБЫЛА ТРЕТЬЯ ТАЧКА РИПОВ ВАН ВИНКЛЕЙ».

Репортер, или кто там это писал, очень повеселился, и я надеюсь, что он от своего смеха сам и задохнулся. Получалось, что и одеты мы забавно, и речь у нас забавная, и все мы такие трогательно старомодные и такие, знаете, туповатые. Фотографию, иллюстрировавшую статью, сопровождала подпись: «Шапки долой, пижоны! Дедушка вернулся!»

Я не стал читать дальше.

Дядю Альфа это не трогало; не думаю, что он вообще что-нибудь такое заметил. Он просто рвался увидеть Селестину.

— Надеюсь, — шутливо, но наполовину и серьезно, сказал он мне, — что девочка умеет готовить, как умела ее мама.

— Вы будете жить вместе с ней? — спросил я.

— Конечно, мы же всегда жили вместе.

Это было так логично, что я не нашел что сказать в ответ. Потом мы обменялись адресами. Это тоже было логично, но в то же время и странно — у нас всех давно не было другого адреса, кроме «Элси». Но я обменялся адресами со всеми и взял себе на заметку найти близнеца Дасти, если только он еще жив, и сказать ему, что он мо-

жет гордиться своим братом. Возможно, в Фонде знают, где он живет.

Когда нас наконец отпустили на волю и появилась Селестина Джонсон, я ее не узнал. Я просто увидел, что какая-то высокая, красивая старая леди бросилась вперед и обняла дядю Альфа, почти оторвав его от земли, и у меня на мгновение даже мелькнула дурная мысль, что надо его спасать.

Но тут она обернулась, поймала мой взгляд и улыбнулась, и тогда я заорал:

— Лапочка!

Она улыбнулась еще шире, и я почувствовал, как на меня накатывает волна любви и доброты.

Привет, Томми. Как хорошо, что ты здесь.

Чуть позже я обещал заехать к ним, как только появится возможность, и распрощался; сейчас я им был не нужен. Меня самого никто не встречал. Пэт был слишком стар и никуда не ездил, а Вики — слишком молода, ей еще не разрешили путешествовать в одиночку. Что касается Молли и Кэтлин, то, как я сильно подозреваю, их мужья не видели в этом необходимости. Как-то так вышло, что оба они недолюбливали меня. Я, принимая во внимание ситуацию, не могу их в этом винить, несмотря даже на то, что уже давно (для них многие годы) я не могу телепатически

разговаривать с их женами иначе как с помощью Вики. Но, повторяю еще раз, я их не виню. Если телепатии суждено когда-нибудь широко распространиться, такие случаи могут создать уйму семейных неурядиц.

А кроме того, контакт с Вики у меня был в любой момент, когда пожелаю. Я сказал ей забыть об этом и не суетиться: предпочитаю, чтобы меня не встречали.

На самом деле никого из нас, за исключением дяди, никто не встретил, кроме представителей ФДП. После отлучки в семьдесят один год нас просто некому было встречать. Но единственный, кому я посочувствовал, был капитан Уркхардт. Я обратил внимание на него, когда мы, покинув карантин, поджидали своих гидов-переводчиков. Он стоял совершенно один. Все остальные не были одиноки, все оживленно прощались, но у него не было друзей — думаю, он не мог себе позволить дружить с кем-нибудь на борту даже тогда, когда не был еще капитаном.

И такой он был одинокий, несчастный и мрачный, что я подошел к нему и протянул руку.

— Я хотел бы попрощаться с вами, капитан. Было большой честью служить под вашим командованием… честью и удовольствием. — Я не

кривил душой, в этот момент я и вправду так считал.

Сперва его лицо выразило изумление, потом на нем появилась улыбка, такая широкая, что я подумал, что он вот-вот расколется пополам. Его лицо явно не привыкло к таким упражнениям. Уркхардт схватил мою руку и сказал:

— И для меня, Бартлетт, это было большим удовольствием. Желаю вам всяческого счастья и удачи. Э-э-э… а чем вы планируете теперь заняться?

Он произнес это с искренним интересом, и я вдруг понял, как ему хочется поговорить, просто поболтать с кем-нибудь.

— У меня нет пока никаких определенных планов, капитан. Сперва поеду домой, потом, наверное, пойду учиться. Я хочу поступить в колледж, но, скорее всего, сначала надо будет многое подогнать. Ведь за это время столько изменилось.

— Да уж, столько изменилось, — очень серьезно согласился Уркхардт. — Нам всем надо будет многое подогнать.

— А какие планы у вас, сэр?

— У меня нет никаких планов. Совсем не знаю, чем я могу заняться.

Уркхардт сказал это очень легко, просто констатируя факт; было видно, что он говорит правду, и меня захлестнула волна жалости. Капитан факельного корабля — специальность узкая до крайности, и вдруг оказывается, что таких кораблей больше не будет. Это как если бы Колумб вернулся из своего первого плавания и обнаружил, что вокруг одни пароходы. Смог бы он снова выйти в море? Он не нашел бы даже мостик на пароходе, не говоря уж о том — что делать, забравшись на этот мостик?

Капитану Уркхардту не было места в этом мире, он был анахронизмом. Один прощальный обед, а потом — очень вам благодарны, спокойной ночи.

— Полагаю, я могу выйти в отставку, — продолжил он, глядя куда-то в сторону. — Я тут прикинул, сколько жалованья накопилось у меня за это время, — получается просто неприлично большая сумма.

— Да, наверное, очень много, сэр. — Свои деньги я не считал; их получал за меня Пэт.

— Да какого черта, Бартлетт! Я же совсем не старый, мне рано в отставку.

Я посмотрел на Уркхардта. Он никогда не казался мне особенно старым, да и вправду не был

таким, в отличие от капитана Свенсона. Ему было, пожалуй, около сорока — если по корабельному времени.

— Слушайте, капитан, а почему бы и вам не пойти учиться? Вы можете себе это позволить.

Вид его стал несчастным.

— Может, так я и сделаю. Наверное, так мне и надо сделать. А то пошлю все к чертовой матери и эмигрирую. Говорят, теперь большой выбор мест.

— Я, наверное, тоже в конце концов так и сделаю. Здесь, если кому и интересно мое мнение, стало совсем уже тесно. Я все вспоминаю Конни — и как красиво смотрелся залив Бэбкока. — Действительно, я думал о Конни всю ту неделю, что мы провели на карантине. Если Рио был типичным образцом современного города, на Земле теперь, пожалуй, и плюнуть некуда; мы находились в Сантосе[66], а нам говорили, что это Рио. — Вернись мы к заливу Бэбкока, были бы там самыми старыми колонистами.

— Возможно, так я и сделаю. Да, вполне возможно. — Но вид у Уркхардта все равно оставался потерянным.

---

[66] notes: 66

Сантос — район в Бразилии, расположен на побережье Атлантического океана в трехстах километрах от Рио-де-Жанейро.

Наши гиды-переводчики получили указание развезти нас по домам, или куда уж там мы хотели направиться, но свою я отпустил на все четыре стороны, как только получил билет домой. Она была страшно симпатичная, но она мне жутко надоела. Обращалась она со мной как с чем-то средним между дедушкой, которому надо помочь перейти улицу, и маленьким мальчиком, которого надо всему учить. Не то чтобы мне *не надо* было ничего объяснять, но, как только у меня появилась одежда, на которую не пялился каждый встречный, я захотел передвигаться самостоятельно. За неделю она натаскала меня в системном языке достаточно, чтобы объясниться в простейших ситуациях; я лелеял надежду, что мои ошибки будут восприниматься как особенности некоего местного диалекта. Вообще-то, оказалось, что системный, если не говорить о самых его возвышенных вариантах, это все тот же ПЛ-жаргон, ну разве чуть-чуть пообтесаннее, с горсткой новых слов. Иными словами — тот же английский, подрезанный, причесанный и расширенный для употребления в качестве международного профессионального жаргона.

Так что я поблагодарил сеньориту Гуэрру, попрощался с ней и помахал своим билетом перед

носом сонного охранника на выходе. Тот ответил мне по-португальски, я тупо посмотрел на него, тогда он сказал нечто вроде:

— Тудавнизнаправо. Спросишь кого-нибудь.

И я отправился своей дорогой.

Каким-то образом все на борту уже знали, что я — Рип ван Винкль, и стюардесса настояла на том, чтобы помочь мне при пересадке в Уайт-Сэндзе. Но все были очень приветливы, и никто надо мной не смеялся. Один парень все интересовался колонией, организованной на Капелле VIII, и не мог понять, как это я не бывал там, если так долго пробыл в космосе. Я попытался объяснить ему, что Капелла находится в прямо противоположной части неба и в доброй сотне световых лет от тех мест, где был я, но объяснить не удалось.

Теперь я начал понимать, почему наше появление не вызвало никакого шума в новостях. Сейчас все были увлечены планетами, пригодными для колонизации, чуть не каждый день появлялась новая, так чего же ради так уж радоваться одной-единственной, которую мы нашли шесть десятков лет тому назад? Или даже той, которую мы нашли несколько месяцев тому назад и которая не шла ни в какое сравнение с теми, что находили теперь буквально пачками? А что

касается полетов к звездам — «следите за изменением расписания ближайших рейсов на табло».

Мы превратились в короткий абзац в истории и небольшую сноску на одной из страниц учебника физики; в новостях нам было не место. Подумав, я решил, что даже сноска — это очень и очень прилично, и выкинул это из головы.

Вместо этого я начал размышлять о переобучении, которое мне предстояло и которое, как до меня понемногу доходило, будет очень и очень серьезным; изменения повсюду были куда бóльшие, чем я ожидал. Вот взять, например, стиль женской одежды — я, поверьте, совсем не пуританин, но в мое время так не одевались, если это слово тут вообще подходит. Девушки при всем честнóм народе расхаживали без ничего на голове, хотя бы на макушке… с *обнаженными головами*, словно животные! Хорошо, что папа не дожил до этого. Он никогда не разрешал нашим сестрицам садиться за стол без шляпок, даже если за столом не было неженатых мужчин, кроме нас с Пэтом.

Или погода. Знал я, конечно, что ФДП работает над этой проблемой, но мне никогда и в голову не приходило, что у них может что-нибудь получиться. Неужели людям не кажется скучным, что

дождь бывает только ночью? Или еще грузовики. Ясно, что от грузовика требуется только одно — чтобы он перетаскивал грузы из одного места в другое. Но все равно без колес они кажутся какими-то ненадежными.

Интересно, сколько времени потребуется, чтобы последнее колесо исчезло с лица земли?

Только я пришел к разумному выводу, что как ни крутись, а придется привыкать ко всему этому, и тут проходившая мимо меня стюардесса положила мне что-то на колени. Когда я взял это «что-то» в руки, оно заговорило. Это был просто сувенир на память о поездке.

Городской дом Пэта был раз в восемь больше той квартиры, где мы жили когда-то всемером; я решил, что хоть какая-то часть денег у него, видно, сохранилась.

Робот-дворецкий принял у меня шляпу и ботинки, а потом проводил к хозяину.

Вставать Пэт не стал. Не уверен, что он мог встать. Разумеется, я знал, что он стар, но мне и в голову не приходило, что он *старик*! Было ему, дайте прикинуть, восемьдесят девять. Да, это точно, скоро будет наш девяностый год рождения.

— Привет, Пэт. — Я пытался вести себя непринужденно.

— Привет, Том. — Он тронул подлокотник своего кресла, и оно покатилось мне навстречу. — Не двигайся, постой немного так и дай мне хорошенько тебя рассмотреть. — Он рассмотрел меня с головы до ног, потом удивленно сказал: — Разумом я, конечно, понимал, что ты почти не изменишься за все эти годы, но увидеть это собственными глазами, осознать это — совсем другое дело, согласен? «Портрет Дориана Грея».

Голос у него тоже был старый.

— А где семейство? — неловко спросил я.

— Я велел девицам подождать. Хотел сначала увидеться со своим братом один на один. А если ты имел в виду Грегори и Ганса, можешь не сомневаться, ты встретишь их за ужином. А пока — ну их в болото, поболтай лучше немного со мной. Это ж сколько времени прошло! — Я видел слезы, старческие слезы в его глазах, и от смущения не знал, куда деваться.

— Да, думаю, изрядно.

Вцепившись в подлокотники, он наклонился ко мне:

— Скажи мне только одно. Здорово было?

Я задумался. Перед моими глазами вставали док Деверо… мамочка О'Тул… бедная малышка Пру, которая так и не успела стать взрослой,

по-настоящему взрослой. Дядя Стив. А потом я прогнал их тени прочь и дал ему тот ответ, который он хотел от меня услышать.

— Да, это было здорово, очень здорово.

— Вот и хорошо, — вздохнул он. — Сам-то я давно ни о чем не жалею, сколько лет прошло… Но было бы страшно обидно, если бы все зря.

— Это было не зря.

— Вот это я и хотел услышать. Я сейчас позову девиц. Завтра мы осмотрим наш завод, и я познакомлю тебя со всеми ключевыми людьми. Ты не подумай, я не ожидаю, что ты сразу возьмешь все в свои руки. Если хочешь — устрой себе хороший долгий отпуск. Но не очень долгий, Том. Ведь я, наверное, очень постарел. Мне теперь трудно смотреть вперед, думать о будущем.

Я вдруг понял, что у Пэта, как обычно, все уже спланировано.

— Секунду, Пэт. Я признателен за то, что ты покажешь мне свой завод, это честь для меня. Но не очень рассчитывай на меня. Сначала я пойду учиться. А потом… ну, потом и посмотрим.

— Что? Не валяй дурака. И не называй его «моим» заводом, это «Братья Бартлетт, Инкорпорейтед». И с самого начала так и было. Ты отвечаешь за этот завод не меньше, чем я.

— Пэт, успокойся. Я же просто…

— Молчать! — Голос у него был тонкий, визгливый, но в нем все еще слышались начальственные нотки. — Я не собираюсь, молодой человек, выслушивать всю эту вашу чушь. До сих пор все было по-вашему, вы совершили долгую увеселительную прогулку. Не станем вспоминать, каким образом вы этого добились. Что было, то было. Но теперь пришло время вам немного повзрослеть и принять на себя ответственность за семейный бизнес. — Тяжело дыша, Пэт смолк. Затем он продолжил тихо, словно разговаривая сам с собой: — У меня нет сыновей, у меня нет внуков, все приходится тащить одному. И чтобы мой брат, мой собственный брат… — Голос его совсем стих.

Я подошел и взял Пэта за плечо — а потом отпустил. Оно было на ощупь словно сухие веточки. Но я твердо решил объясниться с Пэтом раз и навсегда; я сказал себе, что так будет милосерднее.

— Пэт, послушай меня. Пойми все правильно и не считай меня неблагодарной свиньей. Я собираюсь жить своей жизнью. Попытайся меня понять, компания «Братья Бартлетт» может оказаться частью этой жизни, а может и не оказаться. Вполне возможно, что не окажется. И решать буду я. Никто никогда не будет мне указывать.

Он отмел мои возражения, как нечто не заслуживающее внимания.

— Ты сам не знаешь, чего ты хочешь. Ты еще совсем мальчик. Ладно, не важно, поговорим об этом завтра. Сегодня у нас день радости.

— Нет, Пэт, я не мальчик. Я мужчина. И тебе придется привыкнуть к этому. Я могу наделать ошибок, но это будут мои собственные ошибки. Никто не будет мне указывать, что делать.

Он не смотрел на меня.

— Я говорю серьезно, Пэт, — настаивал я, — я говорю настолько серьезно, что, если ты не согласишься и не смиришься с этим, я встану и уйду. Прямо сейчас. Навсегда.

Вот теперь он поднял на меня глаза.

— Ты не можешь так поступить со мной.

— Я могу.

Он вгляделся в мои глаза.

— Да, ты можешь. Ты всегда был злым. У меня была из-за тебя уйма неприятностей.

— Я и остался злым, если ты считаешь, что это подходящее слово.

— Да… Но ведь ты не можешь поступить так с девочками. С маленькой Вики?

— Придется, если ты меня к этому вынудишь.

Некоторое время Пэт глядел мне в глаза, затем

плечи его поникли, и он закрыл лицо руками. Я думал, что он сейчас заплачет, и я чувствовал себя злодеем, измывающимся над стариком. Не зная, что делать, я погладил его по плечу, жалея уже, что не остановился вовремя, а вместо этого форсировал события. Я вспомнил, как этот хрупкий старик рисковал здоровьем и рассудком, чтобы выйти на связь со мной во время первого пика, и, вспомнив это, подумал: ладно, если уж Пэту так хочется, доставлю ему удовольствие. В конце концов, ему недолго осталось жить.

Нет!

Неправильно это, когда один человек навязывал свою волю другому. И не важно, пользуется он для этого своей силой или слабостью. Я — это я, и… я снова улечу к звездам. Я вдруг понял это. Да, конечно, сначала колледж — но я полечу. Я обязан поблагодарить этого старика за многое… но я не обязан строить свою жизнь по его желаниям. Это мое, и только мое.

Я взял его за руку и сказал:

— Прости, Пэт.

Не поднимая лица, он ответил:

— Ничего, Том. Пусть будет по-твоему. Все равно очень хорошо, что ты вернулся… пусть даже на своих условиях.

Мы еще чуть поговорили о всякой ерунде, потом робот принес мне кофе; сам Пэт пил молоко. Еще чуть позже Пэт сказал:

— Я сейчас позову девиц. — Он тронул ручку кресла, в ней загорелся огонек, и он произнес несколько слов.

Первой вошла Молли, за ней Кэтлин. Я никогда их не видел, но узнал бы где угодно. Молли все еще была красивой, хотя ей шло уже к семидесяти. Кэтлин было лет сорок, но выглядела она моложе. Нет, пожалуй, не так, она выглядела на свой возраст и несла этот возраст с достоинством королевы. Держась за мои руки Молли встала на цыпочки и поцеловала меня.

— Как хорошо, что ты вернулся домой, Том.

— Мы все очень рады, — согласилась Кэтлин, и ее слова эхом отозвались в моем мозгу. Она тоже поцеловала меня, а затем сказала уже обычным голосом: — Так вот, значит, какой у меня престарелый и нестареющий двоюродный дедушка. Том, глядя на тебя, мне хочется иметь сына. Ты совсем не похож на дедушку, я никогда не буду больше называть тебя «дедом».

— Я и сам не чувствую себя дедушкой. Ну разве что по отношению к Молли.

У Молли на лице появилось удивление, потом

она прыснула — совсем как девочка.

— Хорошо, дядя Том. Я не буду забывать про твой возраст и буду относиться к тебе с уважением.

— А где Вики?

Я здесь, дядя Том. Сейчас приду.

Поспеши, красавица.

Кэтлин резко глянула на меня, но ничего не сказала. Наверняка она не хотела подслушивать. Она ответила:

— Вики сейчас придет, Том. Ей хочется чуть-чуть привести в порядок свое лицо. Ты же знаешь девушек.

В этом я не был уверен. Вики появилась буквально через мгновение.

Веснушек не было и в помине, равно как и брекетов на зубах. Рот не был большим. Он ей просто идеально подходил. А морковные волосы, источник стольких ее волнений, превратились в огненную корону.

Она не стала меня целовать, она просто подошла ко мне, словно, кроме нас с ней, здесь никого больше не было, взяла меня за руки и посмотрела мне в глаза.

Дядя Том. Том.

Конопатая.

Не знаю, сколько уж времени мы изображали из себя статуи. Потом она сказала:

Когда мы поженимся, со всей этой штукой насчет на-расстоянии-во-много-световых-лет-друг-от-друга будет покончено. Ты меня хорошо понял? Куда отправишься ты, туда и я. Хоть к этому заливу Бэбкока, если тебе так уж хочется. В любом случае я пойду с тобой.

Что? Когда это ты решила выйти замуж за меня?

Ты, кажется, совсем забыл, что я читала твои мысли с самого детства. И заглядывала глубже, чем ты думаешь. И продолжаю этим заниматься.

А как же Джордж?

А никак Джордж. Просто запасной вариант, я же думала, что стану старухой к твоему возвращению. Так что забудь про Джорджа.

С радостью.

Наше «ухаживание» продолжалось целых двадцать секунд. Не выпуская моих рук, Вики сказала вслух:

— Мы с Томом поедем сейчас в город и поженимся. Приглашаем всех вас с собой.

Так мы и сделали.

Я видел, как после церемонии Пэт внимательно

но присматривался ко мне, пытаясь оценить новое положение вещей и размышляя, как бы использовать его в своих интересах. Правда, Пэт не разобрался еще в новой ситуации; если кто и будет теперь помыкать мной, то во всяком случае не он. Вики говорит, что в ближайшее время я буду ее стараниями «совсем тип-топ». Хотелось бы надеяться, что у нее ничего не получится, однако надежды мало. Ну а если получится — что ж, придется к этому приспособиться. Я и не к такому приспосабливался.

Роберт Хайнлайн
Звездный зверь[67]

Диане и Кларк

[67] notes: 67
Перевод Михаила Пчелинцева

Глава 1
Л-день

Скучно было Ламмоксу, скучно и хотелось есть. В последнем не было ничего удивительного: его соплеменники всегда готовы перекусить, пусть даже после хорошего обеда. Но то, что Ламмокс скучал, — случай действительно необыкновенный. А скучал он потому, что лучшего его приятеля Джона Томаса Стюарта весь день не было дома; тот где-то пропадал со своей подружкой Бетти.

Конечно, один день — не в счет. Один день Ламмокс мог обойтись даже без дыхания. Но он ведь прекрасно понимал, к чему идет дело. Джон Томас достиг таких размеров и возраста, что станет теперь проводить все больше и больше времени с Бетти или другими ей подобными и все меньше и меньше с ним, Ламмоксом. Затем предстоит довольно долгий период, когда Ламмокс практически не будет видеться с Джоном Томасом, а если и будет, то очень редко, но в конце концов должен появиться еще один, новый Джон Томас, который со временем подрастет, и с ним станет

интересно играть.

Из долгого своего опыта Ламмокс знал, что такие циклы неизбежны, от них никуда не денешься. Только знание знанием, а все равно ближайшее будущее представлялось ему жутко тоскливым. Ламмокс вяло слонялся по заднему двору дома Стюартов, выискивая хоть что-нибудь, стоящее внимания: кузнечика или там воробья — ему было все равно что. Он немного понаблюдал за муравейником. Муравьи, похоже, переезжали на новую квартиру. Бесконечной цепью ползли они в одну сторону, нагруженные маленькими белыми личинками, и обратно — порожняком. На такое вот увлекательное зрелище Ламмокс убил полчаса.

Когда глядеть на муравьев стало уж совсем тошно, Ламмокс поплелся к дому. Поворачиваясь, он седьмой своей ногой наступил на муравейник и раздавил его, даже не заметив. В свой дом Ламмокс едва помещался, да и то — если заходить туда, пятясь. Домов этих у него было много: от теперешнего, самого большого, до самого маленького, дальнего, размером с конуру для щенка.

Рядом с домом стояли шесть стожков сена. Ламмокс выдернул из ближайшего небольшой пучок и меланхолично его сжевал. Этим он и ограни-

чился: возьмешь больше — заметят, а так никто не узнает. Ламмокс мог съесть весь стог, мог и вообще все сено, ничто ему вроде не мешало, но тогда Джон Томас уж точно рассердится и будет долго ругаться. А то на неделю или даже больше откажется чесать Ламмоксу спину граблями. Порядки в доме заведены были строгие: Ламмокс имел право есть только подножный корм или то, что положили в кормушку. Приходилось подчиняться. Ламмокс не любил, когда на него сердились, а когда ругали — тем более.

Да и не хотелось этого самого сена. Сено вчера, сено сегодня, и завтра тоже наверняка сено. Посущественнее бы чего, повкуснее. Ламмокс протопал к хилому заборчику, отделявшему задний двор от аккуратного садика миссис Стюарт, перевесил голову на другую сторону и вожделенно засмотрелся на розы. Значение этот заборчик имел чисто условное: линия, за которую нельзя. Как-то пару лет назад Ламмокс пересек эту линию и попробовал розовые кусты. Именно попробовал, самую малость, но миссис Стюарт устроила такое… даже теперь подумать страшно. Содрогнувшись от ужасных воспоминаний, Ламмокс торопливо отошел от забора.

Вот тут-то он и вспомнил другие розовые кусты

— кусты, не принадлежавшие миссис Стюарт и, следовательно, ничьи. Росли они в саду миссис Донахью, их соседки. И был, вообще говоря, способ добраться до этих «бесхозных» кустов. В последнее время Ламмокс подолгу обдумывал этот способ.

Вокруг всего участка Стюартов шла десятифутовая бетонная стена. Ламмокс никогда не пытался перелезть через эту стену, хотя и поотщипывал кое-где от ее верхнего края. Но в дальнем углу границу участка пересекала дренажная канава, и там в стене был проем. Проем заделали здоровенной решеткой из деревянных брусьев восемь на восемь дюймов, скрепленных чудовищного вида болтами. Вертикальные брусья были вкопаны в дно канавы, и подрядчик, мастеривший этот шедевр, убедил миссис Стюарт, что решетка остановит Ламмокса. Да что Ламмокса, она и стадо диких слонов сдержит. И вообще остановит любое существо, лишь бы оно не могло проскользнуть между брусьями.

Ламмокс знал, что подрядчик не прав, но его же никто не спрашивал — вот он и молчал. Что касается Джона Томаса, тот свое мнение тоже держал при себе, но, похоже, догадывался что и как. Во всяком случае, он твердо наказал Ламмоксу не

ломать эту решетку.

Ламмокс послушался. Конечно, он попробовал ее на вкус, но брусья пропитали какой-то гадостью, и вкус поэтому был хуже некуда. После этого он быстро оставил решетку в покое.

А вот за природные явления Ламмокс не отвечал. Еще месяца три назад он заметил, что весенние дожди так размыли дно канавы, что два вертикальных бруса теперь едва доставали грунта. Ламмокс несколько недель обдумывал такое положение вещей, а потом выяснил, что от самого легонького толчка брусья эти вроде как раздвигаются снизу. И очень похоже, что толчок посильнее раздвинет их на достаточное расстояние и, главное, решетка при этом совсем даже не будет поломана.

Ламмокс побрел проверить, как там сейчас. Последний дождь еще сильнее размыл дно канавы, один из брусьев вообще висел теперь в нескольких дюймах от земли, а другой — едва ее касался. Ламмокс широко ухмыльнулся, под стать огородному пугалу, и тихонечко, осторожненько просунул голову в щель между брусьями. И так же осторожно толкнул.

Наверху послышался громкий треск ломающегося дерева, и вдруг почему-то оказалось,

что дальше голова проходит совсем свободно. Удивленный Ламмокс вытащил голову из щели и посмотрел вверх. Один из брусьев сорвался с болтов и держался теперь только на верхней горизонтальной перекладине. Да, хорошенькое дело… но тут уж ничего не попишешь. Горевать над случившимся было бесполезно, да и вообще, Ламмокс не имел такой скверной привычки. Как пить дать, Джон Томас потом разозлится, но это потом, а на данный момент имелась дыра в решетке. Пригнув голову, словно игрок в регби, Ламмокс неспешно двинул в проем. Раздался страдальческий треск рвущейся древесины и резкие, словно выстрелы, звуки ломающихся болтов, но теперь Ламмокс не обращал на это внимания. Он был по другую сторону забора.

Тут Ламмокс помедлил, приподнял, наподобие гусеницы, переднюю часть тела, оторвав от земли первую, третью, вторую и четвертую ногу, и огляделся. Как здорово было выбраться за ограду! И чего ради он не ходил сюда раньше? Ведь Джон Томас так давно не выводил его даже на короткую прогулку.

Ламмокс все еще оглядывался, вдыхая воздух свободы, когда на него невесть откуда налетел, захлебываясь от яростного лая, некий уж очень

недружелюбно настроенный тип. Ламмокс сразу узнал его. Этот мощный, даже для своей породы, огромный мастиф, который бегал свободно и безнадзорно по всей округе. Ламмокс частенько обменивался с ним оскорблениями сквозь только что уничтоженную решетку. Против собак как таковых Ламмокс ничего не имел; за долгую жизнь у Стюартов он довольно близко сошелся с несколькими из собачьей породы и считал, что с ними можно вполне прилично провести время, если, конечно, рядом нет Джона Томаса. Но тут был совсем другой случай. Этот мастиф воображал себя самым главным, гонял всех прочих собак, терроризировал кошек и не раз вызывал Ламмокса выйти наружу для честного, как собака с собакой, боя.

Ламмокс мило улыбнулся, широко раскрыл рот и шепелявым, как у маленькой девочки, голосом, шедшим откуда-то из глубины его тела, назвал пса очень-очень обидным словом. Тот прямо-таки поперхнулся от возмущения. Сомнительно, чтобы пес смог понять сказанное Ламмоксом, но в том, что его оскорбили, он нисколько не сомневался. Оправившись от потрясения, пес с удвоенной яростью бросился в атаку. Он захлебывался от лая и носился вокруг Ламмокса, время

от времени совершая резкие выпады с флангов, угрожая вцепиться в одну из его многочисленных ног.

Ламмокс спокойно за ним наблюдал, не меняя позы и не делая никаких движений. Он только добавил к ранее сказанному вполне справедливое замечание относительно предков мастифа и другое, совершенно несправедливое — по поводу его интимных привычек; пес взбесился окончательно. И тут, завершая седьмой по счету обход своего врага, мастиф неосторожно оказался совсем близко к тому месту, где стояла бы первая пара ног Ламмокса, стой тот на земле всеми восьмью ногами. Ламмокс выбросил голову вперед и вниз, как это делает лягушка, слизывая комара. Его пасть широко распахнулась, словно сундук, и мастифа как не бывало.

Совсем неплохо, решил Ламмокс, прожевав и проглотив пса. Очень даже неплохо, особенно ошейник. Хрусткий такой. Заморив червячка, он было подумал вернуться и сделать вид, что никуда и не выходил. Но, с другой стороны, эти самые бесхозные розы, да и Джон Томас не скоро позволит ему снова выйти наружу — уж это точно. Ламмокс неторопливо пошел вдоль бетонной стены, обогнул угол и углубился во владения

миссис Донахью.

* * *

Джон Томас Стюарт XI вернулся только к обеду, по пути проводив домой Бетти Соренсон. Приземляясь, он обратил внимание на то, что Ламмокса нигде не было видно, и решил, что тот сидит в своем доме. Мысли Джона заняты были не Ламмоксом, а тем старым как мир вопросом, почему прекрасная половина рода человеческого в своей деятельности не руководствуется логикой, во всяком случае — логикой, постижимой для разума мужчины.

Джон Томас думал поступать в Западный политехнический, а Бетти хотела, чтобы они вместе пошли в университет штата. Он говорил, что не сможет изучать в этом университете нужные ему предметы, а Бетти, просмотрев университетский проспект, убеждала его, что сможет. Он ответил ей, что важно не название курса, а кто его ведет. В этом месте спор их зашел в тупик, так как Бетти отказалась считать Джона Томаса авторитетом в таких вещах.

Все еще размышляя о нелогичности женской логики, Джон Томас рассеянно расстегнул ремни своего ранцевого вертолета и как раз засовывал

его на полку, когда в прихожую ворвалась мать:

— Джон Томас! Где вы были все это время?

Он отчаянно пытался сообразить, в чем дело. «Джон Томас» — очень плохой признак. «Джон» или «Джонни» — это нормально, «Малыш» — тоже. Но «Джон Томас» обычно значило предъявление обвинения с последующим судом и вынесением приговора в отсутствие обвиняемого.

— А? Мама, да я же тебе говорил за завтраком. Гулял с Бетти. Мы полетели…

— Это меня не интересует. Ты знаешь, что наделал этот твой зверь?

Все ясно — Ламмокс. Господи, лишь бы не мамин садик. Может, Лам опять завалил свой дом? Если так, мама скоро успокоится. И вообще, давно пора построить новый, побольше.

— А что такое? — осторожно спросил он.

— Что такое? И ты еще спрашиваешь?! Джон Томас, уж на этот раз ты просто обязан избавиться от него. Это последняя капля.

— Мам, да ты успокойся, — торопливо ответил Джон Томас. — Мы же все равно не можем от него избавиться. Ты обещала папе.

Мать ушла от прямого ответа:

— Ну, знаешь, если полиция звонит каждую

минуту, а эта огромная свирепая тварь громит все, что ей попадется на пути…

— Как? Мам, подожди. Да Лам же совсем не свирепый, он ласковый, как котенок. Что случилось?

— «Что-что!» Да все, что угодно!

Мало-помалу Джон Томас вытащил из нее некоторые подробности. Ламмокс пошел прогуляться — это, во всяком случае, было ясно. Хорошо бы во время своей прогулки он не добрался до чего-нибудь железного; железо и сталь оказывают прямо-таки взрывное действие на его обмен веществ. Помнится, когда Ламмокс съел подержанный «бьюик»…

Но тут Джон Томас снова услышал, что говорит мать.

— …А миссис Донахью просто сама не своя. Еще бы — ее премированные розы!

А вот это уже совсем плохо. Джон Томас попытался вспомнить, сколько там в точности у него на счете в банке. И нужно будет обязательно извиниться и вообще как-нибудь ублажить старую курицу. А Ламмоксу — по ушам. Топором. Тут уж никаких «прости, пожалуйста», про розы он знал прекрасно.

— Послушай, мама, это все, конечно, ужасно.

Я прямо сейчас пойду и вколочу кое-что в его тупую башку. Он у меня чихнуть побоится без разрешения. — Джон Томас обошел мать и направился к выходу.

— Куда это ты собрался?

— Как куда? К Ламмоксу, скажу ему пару ласковых. Сейчас я с ним разберусь…

— Не соображаешь? Его тут нет.

— Как? А где он? — Джон Томас молил про себя, чтобы если уж Ламмокс доберется до железа, так хоть съел бы не очень много.

Если подумать, в той истории с «бьюиком» Ламмокс вовсе не виноват, и вообще машина, к счастью, принадлежала самому Джону Томасу, но все равно…

— Я не знаю, где он сейчас. Шеф Драйзер сказал…

— Им занимается полиция?

— Это уж точно — занимается. Вся городская бригада безопасности гоняется за ним. Мистер Драйзер хотел, чтобы я поехала в город и забрала его домой, но я сказала, что нам нужен ты, чтобы справиться с этим зверем.

— Мама, да Ламмокс прекрасно бы тебя послушался. Он же тебя всегда слушается. А зачем мистер Драйзер отвез его в город? Он же знает,

что Лам живет здесь. В городе Лам совсем перепугается. Бедный малыш такой робкий, ему не понравится…

— Нашел бедного малыша! Никто и не думал отвозить его в город.

— Ты же сама сказала, что отвезли.

— Ничего я такого не говорила. Если ты замолчишь на секунду, я тебе все расскажу.

События рисовались следующим образом. Миссис Донахью застукала Ламмокса в тот момент, когда тот успел съесть в ее саду только четыре или пять розовых кустов. Проявив больше отваги, чем здравого смысла, она бросилась на него со шваброй и, жутко вопя, отходила его этой шваброй по голове. Она избежала судьбы мастифа — хотя и ее Ламмокс тоже мог запросто проглотить, если б не знал, что можно, а чего нет, — не хуже любой хорошо воспитанной кошки. Люди — это не еда, к тому же люди чаще всего существа дружелюбные.

Оскорбленный в лучших своих чувствах, надув губы, Ламмокс уковылял прочь.

В следующий раз он был замечен минут через тридцать в двух милях от дома Стюартов. Стюарты жили в пригородном поясе Вествилла; от города их отделяла полоса сельской местности.

Здесь, в этой полосе, и находилась ферма мистера Ито, он растил на ней экологически чистые овощи на потребу гурманам. Судя по всему, мистер Ито так и не понял, что это за штука выдергивает из земли капустные кочаны и заглатывает их прямо у него на глазах. Ламмокс жил неподалеку от его фермы, и жил очень давно, но мистер Ито чужими делами не интересовался и Ламмокса до этого не видал.

Мистер Ито проявил силу духа не меньшую, чем миссис Донахью. Он бросился в дом и выволок оттуда базуку, доставшуюся ему по наследству от дедушки. Эта реликвия Четвертой мировой войны более известна под ласковым названием «танкобойка».

Мистер Ито аккуратно установил это старое, но грозное оружие на небольшом столике перед домом и влепил Ламмоксу в то самое место, из которого бы у него росли ноги, если б они действительно оттуда росли. Грохот до полусмерти перепугал самого мистера Ито (еще бы, отважный фермер ни разу в жизни не слышал, как его пушка стреляет), а вспышка на мгновение его ослепила. Когда он пришел в себя, существа, громившего его огород, нигде не было.

Куда оно делось, догадаться было нетрудно.

Если столкновение с миссис Донахью просто-напросто обидело Ламмокса, то сейчас он перепугался едва ли не до потери сознания. Несчастный щипал себе зеленый салат, никого не трогал; прямо перед ним стояли одна за другой три теплицы мистера Ито. Когда раздался оглушительный грохот и что-то его сильно толкнуло, Ламмокс, не помня себя от страха, припустил вперед. Обычно он пользовался порядком чередования ног 1, 4, 5, 8, 2, 3, 6, 7 — такой порядок удобен для любых скоростей от медленного ползания до умеренной рыси; на этот раз он прямо со старта пошел чем-то вроде двойного галопа, переставляя ноги 1, 2, 5, 6 вместе, а затем — 3, 4, 7, 8.

Ламмокс проломил все три теплицы и даже их не заметил, за ними тянулся туннель, вполне достаточный для средних размеров грузовика. А тремя милями дальше на его пути лежал Вествилл. Насколько было бы лучше, направься он в другую сторону, в горы.

Джон Томас слушал сбивчивый рассказ матери, и до него все больше и больше доходил страшный смысл случившегося. Услышав про теплицы мистера Ито, он оставил всякие мысли о своем банковском счете и стал судорожно вспоминать, какие активы он может конвертировать

в наличные деньги. Ранцевый вертолет, почти новый… да нет, чушь! Этого не хватит, чтобы оплатить ущерб. Может, попробовать уговорить банк, чтобы дали кредит? На мать рассчитывать не приходится, с ней все ясно — она отойдет не скоро.

Из дальнейших разрозненных сообщений выходило, что Ламмокс полями выбрался на шоссе, ведущее в город. Шофер-дальнобойщик за чашкой кофе пожаловался дорожному полицейскому, что только что видел автоматический шагоход-грузовик без номерных знаков и эта хреновина совершенно не обращала внимания на разделительные линии. Шофер выдал все это в виде страстной обличительной речи о бедах и смертельной опасности, которыми грозит автоматический транспорт, и особо давил на то, что никогда ничто не заменит живого шофера, сидящего в своей кабине и привычного к любым неожиданностям. Сам полицейский Ламмокса не видел: когда тот проходил по дороге, он уже пил свой кофе и рассказанное не стал принимать всерьез из-за явной предубежденности водителя. Но в управление он все-таки позвонил.

Управление транспортной полиции Вествилла не обратило на этот рапорт внимания, ему

было не до того — там у них творился полный кошмар.

— Кто-нибудь пострадал? — прервал Джон рассказ матери.

— Пострадал? Не знаю. Может, и пострадал. Джон Томас, ты обязан немедленно избавиться от этой твари.

Джон Томас не стал спорить, момент был явно неподходящий.

— А что еще случилось?

Подробностей миссис Стюарт не знала. Шоссе пересекало Вествилл сверху, протягиваясь над крышами домов; Ламмокс спустился с него по одному из боковых ответвлений и оказался прямо в центре города. Двигался он теперь медленно, часто останавливаясь; уличное движение и городская толпа приводили его в смятение. Он сошел с мостовой на одну из движущихся пешеходных дорожек. Дорожка, явно не рассчитанная на шесть тонн концентрированной нагрузки, со скрежетом встала. Предохранители летели один за другим, прерыватели прерывали ток, пешеходное движение на протяжении двадцати кварталов пришло в полное смятение; и это в час пик, в торговом районе города.

Женщины визжали, дети и собаки вносили

посильный вклад в общую радостную суматоху, полицейские пытались восстановить порядок, а бедный Ламмокс, не желавший ничего плохого и вообще не собиравшийся посещать торговый район, допустил вполне простительную для него ошибку. Огромные витрины универмага «Бон-Марше»[68] показались ему подходящим убежищем, где можно было укрыться от всего этого безобразия. Вообще-то, дюрагласс, из которого были сделаны витрины, считался непробиваемым, но разработчиками при этом не брался в расчет Ламмокс, принявший эти стекла за воздух. Ламмокс вошел в витрину и попытался спрятаться в выставленной там спальне. Он не слишком в этом преуспел.

Джон Томас хотел спросить у матери что-то еще, но в это время раздался глухой стук на крыше. Кто-то прилетел. Джон Томас взглянул на мать:

— Ты кого-нибудь ждешь?

— Наверное, это полиция. Они сказали…

— Полиция? Господи!

— Никуда не уходи, тебе надо с ними погово-

---

[68] notes: 68

«Бон-Марше» («Bon Marche») — американская сеть универмагов в среднем ценовом диапазоне, позаимствовавшая имя у французского элитного магазина. Бренд просуществовал до 2003 г. и исчез в результате ребрендинга.

рить.

— Да никуда я не ухожу, — с мукой в голосе ответил Джон Томас и, нажав кнопку, открыл вход на крышу.

Через несколько секунд неторопливый лифт со скрипом остановился, открылась дверь и в комнату вошли двое полицейских — сержант и рядовой.

— Миссис Стюарт? — официально осведомился сержант. — К вашим услугам, мэм. Мы… — Тут он заметил Джона Томаса, изо всех сил пытавшегося стать невидимым. — А вы, очевидно, Джон Т. Стюарт?

Джон Томас проглотил комок в горле:

— Да, сэр.

— Тогда пошли прямо сейчас. Прошу прощения, мэм. Или вы тоже летите?

— Я? О нет, я буду только путаться под ногами.

На лице сержанта отразилось явное облегчение.

— Да, мэм. Пошли, парень. Тут каждая минута на счету. — Он взял Джона за локоть.

Джон попытался стряхнуть с себя руку сержанта:

— Эй, что это такое? У вас что, есть ордер или что-нибудь в этом роде?

Полицейский остановился, вздохнул. Сосчитав про себя до десяти, он медленно произнес:

— Сынок, у меня нет ордера. Но если ты — тот самый Джон Стюарт, который мне нужен, — а я прекрасно знаю, что так оно и есть, — так вот, Джон Стюарт, если ты не хочешь, чтобы с этой самой — как-ее-там — космической тварью, которую ты зачем-то у себя держишь, случилось что-нибудь серьезное и непоправимое, то лучше не тяни волынку и быстренько отправляйся с нами.

— Иду-иду, — торопливо ответил Джон.

— Хорошо. И чтобы больше никаких выходок!

Джон Томас Стюарт покорно проследовал за полицейскими.

За те три минуты, которые потребовались вертолету, чтобы долететь до города, Джон Томас попытался выяснить, насколько плохо обстоит дело:

— Мистер офицер, никто ведь не пострадал? Правда?

— Я сержант Мендоса, — ответил полицейский. — Надеюсь, что никто. Но точно не знаю.

Джон обмыслил этот довольно расплывчатый ответ:

— А… а Ламмокс все еще в «Бон-Марше»?

— Вот как, значит, ты зовешь эту тварь? Ламмокс. Я бы подобрал словцо посильнее. Нет, оттуда мы его сумели турнуть. Теперь он под виадуком Вест-Арройо. Надеюсь.

Ответ прозвучал несколько зловеще.

— Вы сказали «надеюсь»?

— Ну, сначала мы перекрыли Главную и Гамильтон-стрит, а потом выгнали его из магазина огнетушителями. Похоже, ничто другое его не берет. Крупнокалиберные пули просто отскакивают от него. Слушай, из чего у него шкура? Это что, десятидюймовая сталь?

— Ну не то чтобы… — Шуточка сержанта Мендосы была слишком похожа на правду, чтобы Джону Томасу захотелось поддержать эту тему.

Он продолжал гадать, успел Ламмокс нажраться железа или не успел. После того злосчастного происшествия с «бьюиком» Ламмокс начал расти буквально на глазах; за какие-то две недели из мелкого, занюханного бегемотика он раздулся до своих теперешних невероятных размеров. Ламмокс вырос больше, чем за два-три предыдущих десятилетия. Стал он при этом необычайно тощим и был похож на деревянные козлы, которые накрыли брезентом; странный, не похожий ни на что земное скелет чуть не протыкал его шкуру.

Потребовалось три года обильной кормежки, чтобы он снова стал толстячком. С тех пор Джон Томас старался держать подальше от Ламмокса все металлическое, особенно железо, хотя знал, что дед и отец подкармливали его время от времени кусками металлолома.

— Такие дела. В общем, что бы то ни было, огнетушители выковыряли его из магазина, при этом он, правда, разок чихнул и сшиб с ног двоих наших людей. А потом мы, опять же огнетушителями, завернули его на Гамильтон-стрит, хотели выгнать в поля, там он хоть ничего не сломает. Тебя мы искали, но не могли найти. Хотя ничего особо страшного не случилось: ну сшиб он пару фонарных столбов, на машину наступил — мелочи. Так мы с ним добрались до перекрестка, на котором надо было завернуть его на Хиллкрест, а оттуда уж — прямо к вашему дому. Там-то мы его и упустили, он двинул прямо на виадук, сшиб ограждение и грохнулся вниз, а потом… да ты сам все сейчас увидишь. Приехали.

Над одним из концов виадука висело с полдюжины полицейских вертолетов. Кроме них, в воздухе была туча частных машин и даже несколько аэробусов; патрульные вертолеты удерживали их от места происшествия. Тут же

крутились сотни людей с ранцевыми вертолетами. Как летучие мыши, они шныряли между машинами, так что полиции работы хватало.

Внизу небольшая группа полицейских, усиленная офицерами из аварийной службы, которых было видно по нарукавным повязкам, оттесняла толпу и одновременно направляла в объезд движение с виадука и с дороги, проходившей в лощине под ним. Пилот машины сержанта Мендосы осторожно двигался через воздушную толчею, непрерывно говоря что-то в ларингофон. От группы машин, висевших над концом виадука, отделился ярко-красный вертолет шефа Драйзера и пошел к ним на сближение.

Обе машины зависли в сотне футов над виадуком на расстоянии в несколько ярдов друг от друга. Отсюда был хорошо виден пролом в ограждении, через который свалился Ламмокс, но самого его Джону Томасу видно не было: все закрывал виадук. Дверца машины Драйзера открылась, и оттуда высунулся он сам. Вид у шефа полиции был затравленный, его лысину покрывали крупные капли пота.

— Скажите этому мальчишке Стюарту, чтобы высунул голову.

Джон Томас опустил стекло иллюминатора:

— Я здесь, сэр.

— Парень, ты можешь справиться с этим чудовищем?

— Конечно, сэр.

— Будем надеяться. Мендоса! Высади его. Пусть попробует.

— Сейчас, шеф. — Мендоса что-то сказал пилоту, тот перелетел виадук и начал снижаться.

Ламмокса они увидели сразу: тот забился под край моста, стараясь сделаться как можно меньше. Джон Томас высунулся из вертолета и закричал:

— Лам! Ламми, мальчик! Иди к папочке!

Ламмокс зашевелился. Вместе с ним зашевелился и конец виадука. Недоверчиво озираясь, он высунул из убежища передние футов десять-двенадцать своего громадного туловища.

— Лам, я здесь, наверху!

Ламмокс наконец увидел своего друга и расплылся в идиотской улыбке.

— Опускайся, Слэтс! — резко скомандовал сержант Мендоса. — Пора кончать с этими делами.

Пилот немного снизился, повернулся к Мендосе и озабоченным голосом сказал:

— Сержант, этого вполне хватит. А то я раз видел, как эта тварь встает на дыбы.

— Ладно-ладно. — Мендоса открыл дверцу и спихнул наружу веревочную лестницу, которую используют при спасательных работах. — Сумеешь спуститься, сынок?

— Конечно. — Придерживаясь за руку Мендосы, Джон Томас вылез наружу и крепко ухватился за перекладину. Осторожно нащупывая ступеньки, он добрался до конца лестницы. До головы Ламмокса не хватало каких-то шести футов. Джон Томас посмотрел вниз. — Малыш, подними-ка голову. Помоги мне слезть.

Ламмокс оторвал от земли еще одну пару ног и аккуратно подставил широкий череп прямо под ноги Джону. Тот отпустил лестницу и слегка покачнулся, удерживая руками равновесие. Ламмокс осторожно положил голову на землю.

Джон Томас спрыгнул и сразу же повернулся к Ламмоксу. Падение, похоже, нисколько тому не повредило, хоть за это не нужно было переживать. Теперь первым делом домой, а там уж как следует осмотреть его с головы до ног.

Ламмокс ласкался, тычась Джону Томасу в ноги; звуки, которые он при этом издавал, были удивительно похожи на громкое мурлыканье. Джон Томас напустил на себя строгий вид:

— Ламми плохой! Ламми очень-очень плохой…

Просто ужас какой плохой, понимаешь?

После таких слов Ламмокс был ну просто само смущение. Он опустил голову до земли, посмотрел на Джона Томаса снизу вверх и широко распахнул рот.

— Я не хотел! — пропищал он тоненьким голоском маленькой девочки.

— Не хотел… Ну конечно, ты не хотел. Ты никогда не хочешь. А вот я сейчас возьму и запихну твои лапы тебе в глотку, этого ты хочешь? Я кисель из тебя сделаю, а шкуру пущу на половик. Об ужине даже не заикайся. Он, понимаете ли, не хотел!

Подлетел ярко-красный вертолет и низко завис над ними.

— Порядок? — послышался сверху голос Драйзера.

— Еще бы.

— Хорошо. Значит, план такой. Я передвину это заграждение. Ты выведешь его на Хиллкрест, только выходите из этой лощины не вниз, а вверх. Там будет ждать сопровождение, вы пристроитесь сзади и так будете двигаться до самого дома. Понятно?

— Понятно.

Джон Томас посмотрел назад и увидел, что

шоссе под виадуком с обеих сторон перекрыто щитами для подавления уличных беспорядков. Щиты были сделаны из тяжелых бронированных плит, которые установили на тракторы. При помощи такой техники можно в считаные минуты надежно перегородить любую улицу или площадь. Это было обычное полицейское снаряжение, введенное после мятежей девяносто первого года, но Джон Томас никогда не видел, чтобы оно применялось в Вествилле. До него стало понемногу доходить, что город не скоро забудет день, когда Ламмокс отправился погулять.

Хорошо еще Ламмокс был слишком напуган и ему в голову не пришло попробовать на вкус один из этих щитов. Значит, можно было надеяться, что его питомец весь день был слишком занят, чтобы слопать какую-нибудь железяку. Джон повернулся к Ламмоксу:

— Ладно уж, вытаскивай свою уродскую тушу из этой щели. Мы идем домой.

Ламмокс с радостью подчинился; виадук опять заходил ходуном.

— Сделай-ка мне седло.

Середина туловища у Ламмокса опустилась на пару футов. Подумав немного, из той части спины, где получилась впадина, он соорудил что-то

напоминающее кресло.

— А теперь хватит топтаться, — приказал Джон Томас. — А не то все пальцы отдавишь.

Ламмокс замер, тело его слегка подрагивало; Джон вскарабкался ему на спину, цепляясь за складки непрошибаемой шкуры. Сейчас он был похож на раджу, собравшегося охотиться на тигров.

— Ну, все в порядке. Теперь не спеша вверх по дороге. Стой, куда! Развернись, тупая твоя башка. Я же сказал вверх, а не вниз.

Ламмокс развернулся и послушно поковылял по шоссе.

Дорогу перед ними освобождали от посторонних две патрульные машины; две другие двигались позади. С воздуха на безопасном расстоянии их прикрывал помидорно-красный вертолет шефа полиции Драйзера. Развалившись на своем сиденье, Джон Томас зря времени не терял: он сочинял две речи одновременно. Первая предназначалась для Ламмокса, а со второй он собирался выступить перед матерью. С речью номер один особых хлопот не было: он раз за разом возвращался к ней, придумывая эпитеты один краше другого, когда спотыкался в составлении другой.

Когда весь этот бродячий цирк был уже на полпути к дому Стюартов, вдруг непонятно откуда вынырнула фигурка с ранцевым вертолетом. Проявив полное безразличие к красной мигалке драйзеровской машины, летун спикировал прямо на огромного зверя. Джон Томас подумал, что он узнал бы Бетти по стилю пилотирования, даже не видя ее лица. Он не ошибся. Бетти отключила двигатель, и Джон поймал ее на лету.

Шеф Драйзер распахнул иллюминатор и высунулся наружу. Но не успел он как следует набрать обороты, как Бетти прервала поток его красноречия:

— Шеф Драйзер, не может быть! Я и не думала, что вы знаете такие слова!

Драйзер моментально замолк и стал всматриваться, кто это там, внизу:

— Это Бетти Соренсон?

— Я, кто же еще? Должна сказать вам, шеф, что от вас, столько лет преподававшего в воскресной школе, я никак не ожидала услышать такие слова! Если вы думаете, что это хороший пример для подражания, я…

— Юная леди, попридержите язык.

— Я?! Но ведь это же как раз вы…

— Цыц! На сегодня с меня хватит. Включай эту

свою вертелку и мотай отсюда. Это официальное предложение. Давай-давай.

Бетти бросила на Джона Томаса взгляд, подмигнула и изобразила на своем лице ангельскую невинность:

— Шеф, но я же не могу.

— Как это не можешь?

— Горючее кончилось. Я сделала вынужденную посадку.

— Бетти, ты хоть бы соврала получше.

— Я? Вру? Да как вам не стыдно, Драйзер. А еще дьякон![69]

— Я тебе дам — дьякон. А если у тебя пустой бак, слезай с этой твари и топай домой пешком. Он опасен.

— Это Ламми-то опасен? Да он, если хотите знать, мухи не обидит. И потом, вы что, хотите, чтобы я пошла домой одна? По этому глухому проселку? Когда уже почти стемнело? Не ожида-

---

[69] notes: 69

Дьякон в переводе с греческого «служитель». В ранние века христианства дьяконами назывались лица, состоявшие при епископах и ведавшие хозяйственными делами общины. Впоследствии этим словом стали обозначать облеченного духовным саном помощника священника, исполняющего определенные обязанности при богослужении и отправлении обрядов. В некоторых протестантских общинах дьякон является лицом выборным, избирающимся из числа членов общины, и исполняет церковные обязанности в свободное от основной работы время.

ла от вас такого.

Драйзер собрался было ответить, не нашел от негодования слов и захлопнул иллюминатор. Бетти ловко выскользнула из ремней и устроилась рядом с Джоном; Ламмокс заранее расширил сиденье, не дожидаясь, пока попросят. Джон Томас повернул к ней лицо:

— Ну, привет, Молоток.

— Привет, Тупица.

— Не знал, что ты знакома с шефом.

— Я всех знаю. А теперь затихни. Можно подумать, мне нечем было больше заняться, кроме как бежать к вам на помощь, как только я услыхала об этом по радио. И дураку ясно, что таким двум умникам, как ты и Ламмокс, без меня из этой каши не выбраться, даже если думать будет в основном Ламми. Расскажи мне лучше все «ужасающие» подробности. Не надо от мамочки ничего скрывать.

— Уж больно ты стала умная.

— Не трать время на комплименты. Может статься, это наш единственный шанс поговорить с глазу на глаз, прежде чем они за тебя возьмутся как следует. Так что давай покороче и побыстрее.

— Ух! Да кем ты себя возомнила? Адвокатом?

— Я лучше любого адвоката, мой мозг не забит всеми этими плесневелыми прецедентами. Я могу подходить к делу творчески.

— Ну так значит… — По правде говоря, с появлением Бетти Джону стало как-то полегче. Теперь они с Ламмоксом не одни против всего мира. Он быстро рассказал Бетти, как все случилось, и она внимательно его выслушала.

— Кто-нибудь пострадал? — спросила она.

— Не думаю. Мне, во всяком случае, никто ничего не говорил.

— Они бы наверняка сказали. — Бетти выпрямилась на своем сиденье. — Ну, тогда нам не о чем и беспокоиться.

— Не о чем? Это когда он набил горшков на сотни, да что там сотни — на тысячи? Интересно, а что бы ты считала достаточной причиной для беспокойства?

— Если бы пострадали люди, — ответила Бетти. — Все остальное можно уладить. Может быть, мы объявим Ламмокса банкротом…

— Чего? Это еще что за глупость?

— Если ты считаешь, что это — глупость, значит ты никогда не был в суде.

— А ты была?

— Погоди, не сбивай с мысли. Так вот, опять же

на жизнь Ламмокса было совершено покушение. С применением оружия.

— Так он же не пострадал, только маленький ожог.

— Не важно. Без всяких сомнений, он испытал глубокое душевное потрясение. Не думаю, чтобы он нес ответственность за все, что случилось после этого выстрела. А теперь помолчи, я буду думать.

— Вы не возражаете, если я тоже немного подумаю?

— Не возражаю, только не скрипи слишком громко шестеренками. Все, молчи.

Дальше до самого дома Стюартов процессия двигалась в полном молчании. Перед тем как слезть с Ламмокса, Бетти дала Джону последнее указание:

— От всего отказывайся. От всего. И ничего не подписывай. Буду нужна — кричи.

Миссис Стюарт встречать их не вышла. Шеф Драйзер отправился изучать пролом в решетке; Джон Томас и Ламмокс топтались у него за спиной. После шеф молча наблюдал, как Джон Томас взял шнурок и натянул его поперек проема.

— Ну вот. Теперь он не выйдет.

Драйзер подергал свою нижнюю губу:

— Сынок, у тебя с головой все в порядке?

— Сэр, вы просто не понимаете. Решетку чини не чини, но, если он захочет уйти, она его не задержит. Ему ничто не помешает. Только этот шнурок. Ламмокс!

— Что, Джонни?

— Видишь этот шнурок?

— Да, Джонни.

— Так вот, если его порвешь, я оторву твою глупую башку. Понимаешь?

— Да, Джонни.

— И ты не будешь больше уходить со двора. Только если я сам тебя выведу.

— Хорошо, Джонни.

— Честное-пречестное? Крест на пузе?

— Крест на пузе.

— Вообще-то, надо «крест на сердце», но сердца у него нет, — объяснил Джонни Драйзеру. — У него нецентрализованная система кровообращения. Это вроде как…

— Знаешь, меня это мало интересует, пусть у него там хоть центробежный насос, лишь бы не вылезал на улицу.

— Не вылезет. Хотя он и без сердца, но клятву «крест на пузе» он еще ни разу не нарушал.

Драйзер задумчиво покусал большой палец

правой руки.

— Хорошо, — сказал он. — Я оставлю здесь человека с рацией. А завтра мы заделаем эту дырку стальными двутавровыми балками вместо дерева.

Джон чуть было не закричал: «Только не сталь!» — но вовремя сообразил и сдержался.

— Что это ты дергаешься? — спросил Драйзер.

— Так, ничего.

— Ты все-таки за ним приглядывай.

— Он никуда не уйдет.

— Да уж будем надеяться. Ты, конечно, понимаешь, что оба вы находитесь под арестом. Просто мне некуда запереть это чудище.

Джон Томас не ответил. Такое ему просто не приходило в голову, но, если разобраться, иначе и быть не могло.

— Да ты не расстраивайся, — добавил Драйзер; голос его стал мягче. — Ты вроде парень ничего, и отца твоего все уважали. А теперь я пойду поговорю с твоей матерью. Ты побудь пока здесь, за тобой придет мой человек. Ты как-нибудь познакомь его с… ну, с этой штукой. — Он с сомнением окинул Ламмокса взглядом.

Шеф полиции отправился в дом, а Джон Томас остался во дворе. Вроде было самое подходящее

время, чтобы выдать Ламмоксу все, что он заслужил, но как-то вдруг расхотелось. Когда-нибудь потом, может быть.

Глава 2
Министерство космоса

Из-за несчастий, по милости Ламмокса свалившихся на Джона Стюарта XI, ему казалось, что жизнь его погублена окончательно, но даже в таком крохотном городке, как Вествилл, далеко не один он пребывал в печали. Маленький мистер Ито мучился от смертельной болезни, имя которой старость. Скоро она убьет его. За бесчисленными дверями Вествилла другие люди молча страдали от бесчисленных несчастий, которые способны обрушить на мужчину или женщину проблемы денег, семьи, здоровья или внешности.

Далеко от Вествилла, в столице штата, губернатор обреченно смотрел на стопку бумаг, которые, несомненно, могли отправить его самого старого и самого надежного друга прямиком в тюрьму. Еще дальше, на Марсе, одинокий старатель, выбравшись из разбитого краулера, готовился к долгому возвращению пешком на Аванпост. Ему не суждено было дойти.

А очень-чень далеко, на гигантском расстоянии

в двадцать семь световых лет от Земли, звездолет «Боливар» входил в межпространственный переход. Из-за мелкой неисправности крохотное реле замкнется на десятую долю секунды позже, чем надо, и «Боливар» многие годы будет блуждать от звезды к звезде… но не найдет дороги домой.

И уж совсем невероятно далеко от Земли, примерно на полпути через местное звездное скопление, раса древолазающих ракообразных шаг за шагом уступала более молодой, более агрессивной расе земноводных. Пройдет еще не одна тысяча земных лет, пока ракообразные не исчезнут, но исход противостояния сомнений уже не вызывал. Факт — с точки зрения землян — достойный сожаления; ментальные и духовные способности этих ракообразных очень удачно дополняли способности людей, что позволяло надеяться на выгодное и плодотворное сотрудничество. Но к тому времени, когда первые обитатели Земли доберутся туда (это произойдет через одиннадцать тысяч лет), последние ракообразные будут давно уже мертвы.

Если вернуться поближе, в столицу Федерации, то его превосходительство достопочтенный

Генри Гладстон Кику[70] — магистр искусств (Оксфорд), доктор литературы honoris causa[71] (Кейптаун), кавалер ордена Британской империи и первый заместитель министра по делам космоса — совершенно не тревожился о судьбе обреченных ракообразных; он не знал и так никогда и не узнает об их существовании. Не беспокоился он пока и о потерявшемся «Боливаре», это ему еще предстоит. И даже не столько корабль, сколько утрата одного из его пассажиров на долгие годы станет причиной головных болей как самого мистера Кику, так и его сотрудников.

Сферой забот и ответственности мистера Кику было все находящееся за пределами ионосферы Земли. Он заведовал также всем, что касалось связей Земли с любой исследованной частью Вселенной. Даже дела на первый взгляд сугубо земные не могли миновать круга его забот, если были хоть в малой степени связаны с чем-либо внеземным, межпланетным или межзвездным — диапазон, мягко говоря, весьма широкий.

---

[70] notes: 70

В имя Кику входит фамилия Уильяма Гладстона (1809–1898) — политика, лидера либеральной партии Великобритании, члена палаты общин, канцлера казначейства и впоследствии премьер-министра.

[71] notes: 71

Ученая степень, присуждаемая за заслуги, за совокупный вклад, без защиты диссертации *(лат.)*.

Взять, к примеру, ввоз на Землю марсианской песчаной травы, подвергнутой соответствующим мутациям, для посадки на Тибетском плоскогорье. Ведомство мистера Кику одобрило операцию только после скрупулезнейшего математического исследования возможного действия этой травы на австралийское овцеводство и на дюжины других факторов. Такие вещи приходилось делать крайне осторожно; перед глазами всегда стоял жутковатый пример марсианского ягодника на Мадагаскаре. Решения, связанные с экономикой, беспокоили мистера Кику мало, сколько бы пальцев при этом ему ни случалось отдавить; проблемы иного рода не давали ему уснуть по ночам, например решение отказать в полицейском сопровождении студентам с Проциона VII, приехавшим на Землю по Годдардовской[72] программе обмена. Конечно, они подвергались вполне реальной опасности со стороны провинциалов-землян, враждебно настроенных против любых существ с не таким, как у них, расположением конечностей, глаз и прочего, но в то же

[72] notes: 72

Роберт Хатчингс Годдард (1882–1945) — американский ученый, один из пионеров астронавтики, положивший начало созданию жидкостных ракет. В 1959 г. Конгресс США учредил золотую настольную медаль Годдарда для награждения тех, чьи работы способствуют развитию ракетостроения.

время эти самые цефалоподы были чрезвычайно обидчивы, тем более что на их планете полицейское сопровождение было обычным наказанием преступников.

Конечно же, мистеру Кику в таком ответственном деле помогал большой штат сотрудников, включая и самого министра. Последний произносил речи, приветствовал Очень Важных Посетителей, давал интервью — одним словом, как мог облегчал почти неподъемную ношу своего заместителя, и мистер Кику первым готов был это за ним признать. Пока министр вел себя в рамках приличий — не совал носа куда не просят, брал на себя заботу о связях с общественностью и давал заместителю спокойно заниматься работой, — он вполне устраивал мистера Кику. Ну а если тот начинал отлынивать или, не дай бог, показывать, кто тут главный, мистер Кику завсегда мог скоренько от него избавиться. Правда, последний раз столь суровые меры потребовались лет пятнадцать назад; опыт показывает, что даже на самого необъезженного политика, только попавшего на государственную должность, всегда можно накинуть узду.

Мистер Кику не решил еще окончательно, что ему делать с теперешним министром, сейчас ему

было не до него. Он просматривал реферат проекта «Цербер»[73] с предложениями по организации снабжения энергией исследовательской станции на Плутоне. На столе мигнула сигнальная лампочка. Мистер Кику поднял глаза и увидел, как распахнулась дверь из кабинета министра. Тот вошел, насвистывая известный мотивчик «Возьми меня с собою на футбол», но мистер Кику мелодию не узнал.

— Привет, Генри, — сказал он, прекратив свистеть. — Сиди, не вставай.

Мистер Кику и не собирался вставать.

— Как поживаете, господин министр? Вам что-нибудь надо?

— Да, в общем-то, ничего. — Он остановился у стола мистера Кику и взял в руки папку с проектом. Что это вы там штудируете? «Цербер»? Генри, здесь же сплошная техника, нам-то какое до нее дело?

— Некоторые стороны этого проекта, — осторожно ответил мистер Кику, — имеют отношение и к нам.

---

[73] notes: 73

Цербер — свирепый трехглавый пес, сторож царства мертвых в греческой мифологии. Через несколько лет после выхода романа Хайнлайна название Цербер было принято для обозначения гипотетической планеты, находящейся за Плутоном.

— Да, пожалуй. Бюджет и тому подобное. — Внезапно его глаза привлекла строка, выделенная крупным шрифтом: «ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ — 3,5 мегабакса и 7,4 жизни». — А это еще что? Не могу же я предстать перед Советом и просить утвердить такое. Бред какой-то.

— Первоначальная оценка, — ровным голосом произнес мистер Кику, — давала около восьми мегабаксов и более сотни жизней.

— Деньги ладно, но вот это… Получается, что вы просите Совет подписать смертные приговоры семи целым и четырем десятым человека? Так нельзя, это не гуманно. Да и вообще, что значит четыре десятых? Разве можно убить часть человека?

— Господин министр, — терпеливо ответил мистер Кику, — строительство любого объекта, по размерам превосходящего песочницу в детском саду, связано с возможными жертвами. Однако в данном случае фактор опасности очень низок; практически это значит, что безопаснее работать по проекту «Цербер», чем оставаться дома, на Земле. Это по грубой оценке.

— Да? — Министр снова посмотрел на реферат. — А почему не сказать об этом прямо? Представить все в наилучшем виде и так далее?

— Этот доклад составлен исключительно для меня… то есть для нас. В докладе, подготовленном для Совета, меры предосторожности подчеркиваются особо, а оценки числа жертв нет вообще. В конце концов, это же чисто предположительная оценка.

— Мм, предположительная… Да, я понимаю. — Министр положил доклад на стол и, похоже, утратил к нему интерес.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Да, конечно, чуть не забыл. Генри, старина, вам знаком этот рарджиллианский сановник, которого я должен сегодня принять? Доктор… как его там?

— Доктор Фтаемл. — Мистер Кику бросил взгляд на настольный пульт. — У вас с ним встреча через… э-э-э… один час и семь минут.

— Вот именно. Боюсь, придется вам меня подменить. Ну, там извинитесь и все такое. Скажите ему, что я перегружен государственными делами.

— Сэр? Я бы вам этого не советовал. Он ожидает встречи с официальным представителем вашего уровня… а рарджиллианцы крайне щепетильны в вопросах протокола.

— Ай бросьте. Этот дикарь даже не поймет

разницы.

— Он все великолепно поймет, сэр.

— Ну так пусть он считает, что вы — это я… мне безразлично. Но меня здесь не будет, и тут уж ничего не поделаешь. Генеральный секретарь пригласил меня с собой на футбол, а его приглашение, сами знаете, — это приказ.

Мистер Кику знал, что это приглашение ничего такого не значило: объясни министр свою занятость — никто бы и не подумал на него обижаться. Знал, но смолчал.

— Хорошо, сэр.

— Спасибо вам, старина! — Министр удалился, насвистывая.

И только когда дверь за ним затворилась, мистер Кику дал выход своему гневу. Одним ударом он выключил на пульте все тумблеры. Теперь он был заперт в кабинете и отрезан от телефона, видеофона, диктофона, пневмопочты или любых других средств связи, за исключением кнопки тревоги, которую его собственный секретарь нажал единственный раз двенадцать лет назад. Мистер Кику уперся локтями в стол и сжал в ладонях свою несчастную курчавую голову.

Там заботы, тут заботы, одна, другая, третья. И все время какой-нибудь идиот норовит толкнуть

под руку. Зачем он уехал из Африки? Куда делась его страсть к государственной службе? Она давно обратилась в привычку…

Он выпрямился и открыл средний ящик стола. Ящик был битком набит каталогами кенийских агентов по продаже недвижимости. Мистер Кику вынул стопку каталогов и начал сравнивать относительные достоинства ферм. Вот эта — если, конечно, иметь такие деньги — ну просто прелесть. Больше восьми акров, половина из них распахана, и к тому же — семь действующих колодцев. Он изучил карту, рассмотрел фотографии и понемногу стал успокаиваться. Через некоторое время он убрал каталоги на место и закрыл ящик.

От себя не уйдешь: да, все, что он говорил министру, правда, но главное не в этом. Он смертельно боялся змей, боялся всю жизнь — вот причина его нервной реакции на предложение министра. Будь доктор Фтаемл кем угодно, но не рарджиллианцем или, вернее, не будь рарджиллианцы горгоноподобными гуманоидами, он бы и дергаться не стал. Конечно, мистер Кику знал, что эти самые щупальца, которые растут у рарджиллианцев на голове, — не змеи, только поди попробуй объяснить все это желудку. Нужно будет сделать

гипнотическое внушение, перед тем как… Нет, уже не успеть. Вместо этого придется глотать таблетку.

Вздохнув, он вернул тумблеры в прежнее положение. И сразу же начала расти гора в корзине для входящих, а на всех коммуникационных устройствах зажглись лампочки. Эти были спокойные, янтарные лампочки, а не красные, рассерженные мигалки. Не обращая на них внимания, Кику начал просматривать документы, падающие в корзину. Большинство из них было из разряда «принять к сведению»: его подчиненные или подчиненные его подчиненных сделали согласно инструкции то-то и то-то. Время от времени он проверял какую-нибудь фамилию или предлагаемый курс действий, а после кидал листок в пасть корзины для исходящих.

Одна телеграмма показалась ему не совсем обычной, в ней говорилось о некоем существе, предположительно внеземном, однако вид существа и происхождение его не указывались. В целом инцидент не выглядел важным — какая-то чепуха в одном из маленьких городков на западе. Однако сам факт присутствия в инциденте внеземного существа (ВЗС) автоматически вынуждал местную полицию послать сообщение

в Министерство космоса, а отсутствие точной классификации ВЗС не позволило действовать по инструкции, вот сообщение и отфутболили наверх.

Мистер Кику никогда в жизни не видел Ламмокса, а увидев — вряд ли проявил бы к нему интерес. Но он знал, что любой контакт с «вне» уникален, что Вселенная бесконечна в своем разнообразии, а предполагать что-либо, не имея точной информации, рассуждать по аналогии, считать неизвестное само собой разумеющимся — все это может накликать большую беду.

Мистер Кику просмотрел список сотрудников, соображая, кого бы выбрать. Любой из чиновников его ведомства имел право единолично выступать в роли суда первоначальной или высшей инстанции в любом деле, касающемся ВЗС, но только кто из них сейчас на Земле и не очень занят? Хм…

Ага! Вот оно! Сергей Гринберг. Отдел сбора информации системы как-нибудь проживет пару дней без своего шефа. Мистер Кику щелкнул тумблером:

— Сергей?

— Да, босс?

— Очень занят?

— Как вам сказать. Стригу вот ногти и пытаюсь придумать причину, по которой налогоплательщики должны мне больше платить.

— А что, они и вправду должны? — Мистер Кику написал на телеграмме фамилию Гринберга. — Посылаю тебе одну бумагу. — Он бросил телеграмму в корзину для исходящих и подождал несколько секунд, пока Гринберг не забрал ее из своей корзины входящих. — Прочитай эту штуку.

Прочитав, Гринберг поднял голову:

— Ну и что?

— Позвони в тамошний суд и скажи, что предположительно мы берем это дело под свою юрисдикцию, потом смотайся туда и разберись.

— Твоя воля — закон для меня, о государь. Но ставлю один к одному, что эта тварь никакая не внеземная, и два против одного, что, ежели оно не так, я сумею ее идентифицировать.

— Ладно-ладно, поищи дураков в другом месте. Хотя, скорее всего, ты прав. Но может случиться, что там «особая ситуация», так что лучше не рисковать.

— Разберемся. Эти сельские бездельники у меня по одной половице ходить будут. Где, кстати, эта дыра? Вествилл, или как он там называется.

— Откуда я знаю? Телеграмма же у тебя.

Гринберг посмотрел на бумагу:

— Слушайте. Ничего себе? Это же в горах… Да на такое дело нужно минимум две недели. Если не три. Правильно?

— Только задержись там больше трех дней, и я вычту их из твоего отпуска. — Мистер Кику отключил видеофон и вернулся к своим делам.

Он ответил на десяток звонков, добрался до дна корзины для входящих, после чего та стала наполняться снова, и вдруг вспомнил, что пора встречаться с рарджиллианцем. От ужаса покрывшись гусиной кожей, он торопливо вытащил из стола одну из специальных таблеток. Врач не велел принимать их слишком часто. Только он ее проглотил, как на столе замигала лампочка и раздался голос секретарши:

— Сэр? Прибыл доктор Фтаемл.

— Проси, — сказал мистер Кику и пробормотал что-то на языке, которым пользовались его предки для заклинаний против тварей лесных — ну, например, змей.

Дверь начала раздвигаться, и он придал своему лицу выражение, приличествующее хозяину, радушно встречающему гостя.

Глава 3
«…Ваш вопрос неуместен»

Судебное слушание по делу Ламмокса из-за вмешательства Министерства космоса откладывать не стали, скорее наоборот. Мистер Гринберг позвонил окружному судье, получил разрешение на пользование залом суда и попросил пригласить завтра к десяти утра всех участников слушания и свидетелей — включая внеземное существо, из-за которого, собственно, и заварилась вся каша. Последнее условие вызвало у судьи О'Фаррелла некоторое сомнение.

— А это существо… оно вам тоже нужно?

Гринберг ответил, что присутствие ВЗС совершенно необходимо, ведь именно из-за него Министерство космоса и вмешалось в дело.

— Знаете, судья, наше Министерство не имеет привычки лезть без повода в местные дела. Скорее всего, я просто взгляну на это существо, задам пяток вопросов и откланяюсь к обоюдному нашему удовлетворению. Я ведь и прилетел-то сюда только из-за этого предполагаемого ВЗС. Так что вы уж сделайте, чтобы зверюга тоже была на

слушании. Хорошо?

— Дело в том, что для зала суда он малость… э-э-э… великоват. Я не видел его уже несколько лет, и, боюсь, за это время он успел подрасти… Но даже тогда он был явно не комнатного размера. Может, вы его на месте посмотрите?

— Не исключено, хотя, честно говоря, мне больше нравится, когда все, что относится к слушанию, собрано в одном месте. А он где?

— Под арестом вместе с хозяином, прямо там, где и живет. Это в пригороде, отсюда несколько миль.

Гринберг немного подумал. Сам он был человек нетребовательный и не придавал большого значения тому, где приходится есть или спать, но, когда дело касалось работы на Министерство, он предпочитал, чтобы беготней с места на место занимался кто-нибудь другой. Иначе со всей этой прорвой забот просто не справиться.

— Честно говоря, не очень бы мне хотелось участвовать в загородной прогулке, завтра к вечеру я собираюсь вернуться в столицу, даже свою машину отпускать не хочу. Там у меня довольно неотложное дело… сами понимаете, марсианский договор и все такое. — Эту откровенную ложь Гринберг использовал всякий раз, когда

требовалось кого-то поторопить, естественно, если этот кто-то не принадлежал к родному Министерству.

Судья О'Фаррелл подумал и обещал все устроить:

— Хорошо, сделаем временный загон на площади перед судом.

— Вот и отлично! Тогда до завтра, судья. Спасибо за помощь.

Позавчера, когда Ламмокс отправился прогуляться, судья О'Фаррелл провел день на рыбалке. К его возвращению все уже успели убрать и по возможности починить. Судья из принципа знать не хотел слухов, газетных и телевизионных сообщений и даже просто разговоров, связанных с предметом предстоящего слушания. Поэтому, позвонив шефу полиции Драйзеру, он не ожидал, что возникнут какие-нибудь проблемы.

Услышав, в чем дело, Драйзер взвился до потолка:

— Судья, да вы что, свихнулись?

— Не понимаю, дьякон, а что тут такого?

Драйзер попытался объяснить, но судья с ходу отмел все возражения. После чего они позвонили мэру. Однако мэр, тоже присутствовавший на вышеупомянутой рыбалке, взял сторону О'Фар-

релла.

— Шеф, — сказал он Драйзеру, — вы меня удивляете. Нельзя допустить, чтобы важный столичный чиновник подумал, будто у нас здесь полное захолустье и даже с такой ерундой мы справиться не можем.

Застонав, вконец отчаявшийся полицейский позвонил в фирму «Сталь и сварка Горных штатов».

* * *

Шеф Драйзер решил провести операцию до рассвета, чтобы Ламмокс был надежно заперт еще до того, как на улицах появятся люди. Только вот никто не подумал дать знать об этом решении Джону Томасу. Его разбудили в четыре часа ночи, вытащив из какого-то кошмарного сна; сначала он не мог ничего понять и решил, что с Ламмоксом произошло что-то ужасное. Но даже когда Джон Томас осознал ситуацию, толку от него не было никакого.

Есть люди, у которых в крови по утрам пониженное содержание сахара; до сытного завтрака они совершенно ни на что не способны. Вот к этим-то несчастным и относился Джон Томас; теперь он требовал, чтобы ему дали позавтракать.

Шеф Драйзер раздраженно нахмурился. Миссис Стюарт, придав своему лицу выражение «уж маме-то лучше знать», сказала:

— Дорогой мой, а может, тебе все же лучше…

— Нет, я буду завтракать. И Ламмокс тоже.

— Молодой человек, — вступил в разговор Драйзер, — напрасно вы так себя ведете. Смотрите, опомниться не успеете, как вляпаетесь в куда большие неприятности. Так что собирайтесь. Позавтракать можете и в городе.

Но Джонни стоял на своем.

— Джон Томас! — резко сказала миссис Стюарт. — Я не собираюсь этого терпеть, ты слышишь? Ты становишься ничем не лучше своего отца.

Упоминание об отце разозлило Джонни еще больше.

— Значит, и ты, мама, против меня? — обиженно спросил он. — Нас в школе учили, что гражданина нельзя выдергивать из его дома тогда, когда захочется полиции. Но ты почему-то помогаешь ему, а не мне. Ты на чьей стороне?

Мать пораженно уставилась на сына: ведь он всегда был таким покорным и безответным.

— Джон Томас! Ты не имеешь права так разговаривать с матерью!

— Точно, — поддакнул Драйзер. — Ну-ка, повежливее с матерью, а то сейчас как вмажу — неофициально, конечно. Чего не могу терпеть, так это когда такой вот сопляк грубит родителям. — Драйзер расстегнул китель и вытащил сложенный лист бумаги. — Сержант Мендоса все мне рассказал о твоих штучках… так что я приготовился. Вот ордер. Ну как, пойдешь сам или придется тебя тащить?

Он стоял, похлопывал ордером по ладони, не пряча его, но и не предлагая Джону. Однако, когда тот потянулся за бумагой, Драйзер не стал возражать и терпеливо ждал, пока мальчик не дочитает. После этого он спросил:

— Ну что? Доволен?

— Это судебная повестка, — сказал Джон Томас, — обязывающая меня явиться и привести с собой Ламмокса.

— Вот именно.

— Только здесь сказано: «к десяти часам». А про то, что я не имею права позавтракать, ничего нет.

Шеф глубоко вздохнул. Лицо его, и без того розовое, стало багрово-красным. От ответа он воздержался.

— Мама, — сказал Джон Томас, — я пойду при-

готовлю завтрак. На тебя делать?

Та взглянула на Драйзера, потом на сына и нервно прикусила губу.

— Сиди, — сказала она, — я сама приготовлю. Мистер Драйзер, вы выпьете с нами кофе?

— А? Очень любезно с вашей стороны, мэм. Не откажусь. Всю ночь на ногах.

Джон Томас посмотрел на них и сказал:

— Тогда я сбегаю гляну, как там Ламмокс. — Помявшись, он добавил: — Мама, прости, пожалуйста, что я с тобой говорил грубо.

— Хорошо, тогда хватит об этом, — холодно ответила она.

Джон Томас хотел добавить в свое оправдание кое-что еще, но понял, что лучше не надо, и молча вышел.

Ламмокс мирно похрапывал, одна половина в доме, другая снаружи. Как обычно, во время сна его сторожевой глаз был слегка приподнят над шеей. Когда Джон Томас приблизился, глаз повернулся и внимательно его оглядел; та часть Ламмокса, которая стояла на страже, признала в мальчике Джона, и звездный зверь просыпаться не стал. Джон Томас успокоился и, удовлетворенный, вернулся в дом.

За завтраком атмосфера разрядилась: к тому

времени, когда Джон Томас загрузил в себя две тарелки овсянки, омлет, тосты и залил все это пинтой какао, он был уже готов согласиться с тем, что шеф Драйзер просто исполняет долг и даже, возможно, не бьет ногами собак для собственного удовольствия.

В свою очередь шеф, раздобрев от съеденного и выпитого, пришел к выводу, что в мальчишке, пожалуй, нет ничего такого, что не исправила бы твердая мужская рука да пара хороших порок. Жаль, что матери приходится мучиться с ним одной, — похоже, она славная женщина. Подчистив хлебом остатки яичницы, он сказал:

— Теперь вроде получше, миссис Стюарт, это точно. Вы не представляете себе, что такое для вдовца — поесть домашнего. Но моим ребятам говорить об этом не стоит.

— Господи, — миссис Стюарт испуганно приложила ладонь ко рту, — я же совсем о них забыла! Я в момент сварю еще кофе. Их там сколько?

— Пятеро. Да вы не переживайте, мэм, ребята позавтракают после дежурства. — Драйзер повернулся к Джону Томасу. — Как, готовы, молодой человек?

— Ну… — Джонни вопросительно посмотрел на мать. — Мама, а может, сделать для них завтрак?

Мне еще нужно разбудить Ламмокса и накормить его.

К тому времени, как Ламмокс был разбужен, накормлен и Джон Томас все ему объяснил, а каждый из пяти полицейских, плотно позавтракав, приканчивал по второй чашке кофе, происходящее больше напоминало прием гостей, чем арест. Только в восьмом часу процессия направилась в город.

Когда Ламмокса наконец заставили забраться во временную клетку, сооруженную перед зданием суда, стрелки перевалили за девять. От аромата стали пленник был прямо в восторге, он все порывался отщипнуть кусочек от своего застенка — вот уж где Джону Томасу пришлось проявить твердость. Войдя в клетку вместе с Ламмоксом, он гладил его и разговаривал с ним, пока рабочие заваривали проход. Едва увидев массивную стальную решетку, Джонни понял, что дело плохо; он ведь так и не успел сказать шефу Драйзеру, что против Ламмокса сталь была более чем бесполезна.

Теперь говорить было поздно, тем более сам шеф явно гордился своим детищем. Времени на заливку бетонного фундамента не хватало, поэтому он заказал большущий ящик со стенками,

дном и крышкой из стальных решеток; одну из сторон ящика оставили открытой и заделали только тогда, когда Ламмокс оказался внутри.

«Все такие умные, — думал Джон Томас, — могли бы и у меня сначала спросить». Он решил, что просто пригрозит Ламмоксу, чтобы тот вел себя хорошо и не вздумал покушаться на клетку… а после будет надеяться, что все как-нибудь обойдется.

А вот слушаться Ламмоксу на этот раз не хотелось, у него было настроение поспорить. По его мнению, происходящее выглядело глупее некуда: все равно что запереть голодного ребенка, обложив его со всех сторон тортами. Один из рабочих навострил слух, опустил сварочную горелку и сказал:

— Слышь, она что, еще и говорить умеет?

— Умеет, — хмуро ответил Джон Томас.

— Надо же! — Сварщик еще раз посмотрел на Ламмокса и вернулся к своей работе. Внеземные существа, разговаривающие как люди, в общем-то, были не в диковинку, особенно в телевизионных сериалах, и, казалось, рабочего ответ Джона устроил. Но вскоре он снова прервал работу. — Терпеть не могу, когда эти твари разговаривают, — объявил он, ни к кому вроде бы

не обращаясь.

Джон Томас промолчал, да и что можно было сказать на такое заявление.

Время еще оставалось, и Джон Томас решил заняться медицинским, а точнее, ветеринарным обследованием Ламмокса; в последние дни Джона кое-что беспокоило. Первый раз он заметил странные симптомы наутро после сокрушительной прогулки; там, где у обычных животных положено быть плечам, у Ламмокса появились какие-то две припухлости. Ко вчерашнему дню они вроде как увеличились, и Джона это сильно встревожило: он ведь думал, что это просто ушибы… хотя, если честно, ушибить Ламмокса — дело сложное.

Странные вздутия не давали Джонни покоя. Скорее всего, Ламмокс получил их, занимаясь бегом по пересеченной местности. Выстрел мистера Ито практически не оставил на нем следов: легкий ожог там, куда угодил разрывной снаряд, — вот и все. Будь на месте Ламмокса танк, тут бы ему и крышка, но этому красавцу снаряд — вроде хорошего пинка мулу… чуточку удивится, и только.

Непохоже, чтобы Ламмокс поранился, когда пролезал сквозь теплицы. Скорее всего, это слу-

чилось, когда он упал с виадука. Джон Томас знал, что, окажись на месте Ламмокса любое достаточно крупное земное животное, например слон, такое падение живо отправило бы его на тот свет. Конечно, Ламмокс, с его внеземной конструкцией, не так хрупок, как слон, но все равно расшибиться он мог прилично.

Ничего себе! Припухлости стали больше, теперь это были самые настоящие опухоли. Шкура на них сделалась мягче и тоньше, совсем не похоже на броню, которая покрывала остальное его тело. А что, если и у Ламмокса может быть рак — например, от ушиба? Этого Джон Томас не знал, и спросить было не у кого. На памяти Джона Томаса Ламмокс никогда не болел; его отец тоже никогда не упоминал ни о каких болезнях. Ламмокс не менялся, он оставался, каким был, — вчера, сегодня, всегда, разве что продолжал расти.

Надо будет просмотреть вечером дедушкин дневник и заодно записки прадедушки. Может, он в них что-нибудь пропустил…

Он надавил на одну из опухолей, пытаясь прощупать ее пальцем; Ламмокс беспокойно зашевелился. Джон перестал давить и с тревогой спросил:

— Больно?

— Нет. Щекотно, — ответил детский голосок.

Спокойнее от такого ответа не стало. Джон Томас знал, что Ламмокс боится щекотки, но обычно пощекотать его можно было только чем-нибудь вроде кирки. Значит, эти места стали очень чувствительными. Джон Томас собирался продолжить свои исследования, как вдруг сзади послышалось:

— Джон! Джонни!

Он обернулся. Возле клетки стояла Бетти Соренсон.

— Привет, Молоток, — поздоровался он. — Получила мое послание?

— Да, но уже после восьми. Ты же знаешь, какие у нас в общаге порядочки. Привет, Ламмокс. Как у нашей деточки дела?

— Отлично, — ответил Ламмокс.

— Потому-то я на ваш автоответчик и записал, — сказал Джон Томас. — Эти болваны вытащили меня из постели ни свет ни заря. Совсем сдурели.

— Ничего, хоть в кои-то веки увидел восход солнца. А чего это они так забегали? Ведь говорили, что суд на будущей неделе.

— Хотели на будущей. Но приехал какой-то столичный гусь из Министерства космоса. Теперь,

оказывается, он будет судить.

— Чего-чего?

— А в чем дело?

— В чем дело? Да во всем! Я же не знаю этого типа из столицы. Я собиралась иметь дело с судьей О'Фарреллом, с ним бы я как-нибудь разобралась. А теперь этот новый… Не знаю, не знаю. К тому же у меня были кой-какие идеи, которые я еще как следует не продумала. — Бетти нахмурилась. — Надо добиться отсрочки.

— А зачем? — спросил Джон Томас. — Почему просто не пойти в суд и не рассказать им всю правду?

— Эх, Джонни, Джонни, ты как маленький. Если бы все было так просто, то и судов бы никаких не было.

— Может, оно и лучше.

— Конечно лучше… Слушай, Тупица, кончай торчать здесь и говорить глупости. У нас меньше часа осталось… — Бетти глянула на часы старинного здания суда. — Сильно меньше. Нужно шевелиться. Во всяком случае, надо успеть оформить заявку на неотъемлемое имущество.

— Ты что! Никто нам этого не оформит. Ламмокса нельзя записать неотъемлемым имуществом, он же не земельный участок.

— Фермер может записать как неотъемлемое — корову, двух лошадей, дюжину свиней. Плотник — свои инструменты. Актриса может записать неотъемлемым свой гардероб.

— Это не совсем так. Я ведь ходил на тот же самый курс коммерческого права, что и ты. Нас просто обсмеют.

— Не спорь. Это во втором разделе того же закона. Если бы ты показывал Ламмокса на ярмарке за деньги, он был бы твоим «орудием труда», верно? Вот пусть они и доказывают, что это не так. Главное — зарегистрировать Ламмокса как не подлежащего изъятию, прежде чем кому-нибудь присудят с тебя возмещение убытков.

— Если они не смогут содрать с меня, они сдерут с мамы.

— А вот ничего подобного. Я проверяла. Твой отец оставил все в распоряжение попечительного фонда, так что с точки зрения закона за душой у нее ни гроша.

— Это что же, вот так по закону и получается? — с сомнением в голосе спросил Джон.

— Да проснись ты! В чем убедишь суд, то и будет законно.

— Бетти, у тебя извращенный ум. — Джон проскользнул между прутьями решетки, обернулся

к Ламмоксу и сказал: — Ламми, я на минутку. А ты сиди здесь.

— Зачем? — спросил Ламмокс.

— Ни за чем. Просто сиди здесь и жди меня.

— Хорошо.

На лужайке перед судом уже собралась толпа зевак. Они пялили глаза на Ламмокса, неожиданно ставшего знаменитостью. Шеф Драйзер приказал обнести клетку веревочным ограждением и поставил пару полицейских следить за порядком. Молодые люди поднырнули под веревку и протолкались сквозь толпу к ступенькам, ведущим в здание суда. Офис окружного клерка находился на втором этаже, там они нашли пожилую леди, его первого заместителя.

Мисс Шрайбер придерживалась той же точки зрения, что и Джон Томас, и считала, что Ламмокс не является неотчуждаемым имуществом. Но Бетти твердо стояла на том, что окружной клерк должен заниматься исключительно регистрацией, в его обязанности не входит определять, какое имущество соответствует закону, а какое нет. Она сослалась на случай (который тут же сама и придумала) с неким человеком, зарегистрировавшим в качестве неотъемлемого имущества свое эхо. Мисс Шрайбер с видимой неохотой запол-

нила бланки, приняла свой скромный гонорар и вручила заверенную копию регистрационной записи.

Было уже почти десять. Джон Томас торопливо вышел из конторы и направился было к лестнице, но остановился, увидев, что Бетти задержалась у платных автоматических весов.

— Пошли, Бетти, твоя фигура может пока обождать.

— Я не взвешиваться, — ответила Бетти, внимательно вглядываясь в укрепленное над весами зеркало. — Я проверяю свой макияж. На суде надо выглядеть по первому разряду.

— Ты и так хорошо смотришься.

— Джонни, это что, комплимент?

— Не комплимент, а надо спешить. Я еще должен Ламмоксу сказать пару слов.

— Скинь скорость до десяти тысяч. Я довезу тебя до порта.

Бетти стерла подведенные брови и накрасила их заново, но теперь в стиле «умная чертовка», решив, что так она выглядит старше. Бетти собиралась добавить на правой щеке узор из игральных кубиков, но Джонни готов был уже взорваться, так что пришлось обойтись без этого. Они сбежали вниз по лестнице и вылетели на

площадь.

Чтобы убедить полицейского, что они имеют право заходить за веревку, пришлось потратить еще несколько секунд. Джонни увидел, что около клетки стоят двое мужчин. Он бросился к ним со всех ног:

— Эй! Вы там! Отойдите от него!

Судья О'Фаррелл повернулся, недоуменно моргая:

— А кто вы, собственно, такой, юноша?

Второй человек тоже повернулся, но ничего не сказал.

— Я? Я его владелец. Он боится незнакомых людей. Так что, пожалуйста, пройдите за веревку. — Джон Томас обратился к Ламмоксу. — Все в порядке, малыш. Видишь, Джонни уже пришел.

— Привет, судья, — сказала вдруг Бетти.

— А, Бетти, привет. — Судья задержался на ней взглядом, соображая, что это Бетти здесь делает, а затем сказал Джону: — Я так понимаю, вы — молодой Стюарт. Я — судья О'Фаррелл.

— Ой, простите меня, пожалуйста, — ответил Джон Томас, и уши его покраснели. — Я думал, что вы из этих. — Он кивнул на толпу.

— Ничего, бывает. Мистер Гринберг, это молодой Стюарт… Джон Томас Стюарт. Юноша,

это достопочтенный[74] Сергей Гринберг, специальный уполномоченный Министерства космоса. — Он оглянулся. — Да… а это, мистер уполномоченный, мисс Бетти Соренсон. Бетти, что за ерунду ты сделала со своим лицом?

Последний вопрос Бетти с достоинством пропустила мимо ушей:

— Рада с вами познакомиться, мистер уполномоченный.

— Только, пожалуйста, без всяких уполномоченных. Просто мистер Гринберг, мисс Соренсон. — Гринберг повернулся к Джонни. — Вы приходитесь родственником тому самому Джону Томасу Стюарту?

— Я Джон Томас Стюарт одиннадцатый. Вы, наверно, имеете в виду моего прапрапрадедушку?

— Наверно. Сам я родился на Марсе, чуть ли не напротив памятника вашему предку. Мне и в голову не приходило, что это дело связано с вашей семьей. Мы могли бы как-нибудь в другой раз поболтать об истории Марса.

— Я никогда не был на Марсе, — смущенно

---

[74] notes: 74

Достопочтенный — британский титул, соответствующий достоинству младших сыновей графов и всех сыновей виконтов и баронов (распространяясь также на их жен), в США используется при обращении к консулам, начальникам управлений, министерств, членам конгресса и мэрам крупных городов.

признался Джонни.

— Не были? Не могу поверить. Но у вас еще все впереди.

Бетти слушала разговор, чуть ушами не шевеля от старания, лишь бы не пропустить ни слова. В конце концов она пришла к выводу, что с этим заезжим судьей, если она правильно его оценивает, справиться будет еще легче, чем с О'Фарреллом. Надо же, как просто, оказывается, забыть, что фамилия-то у Джонни знаменитая. Это только здесь, в Вествилле, она ничего не значит.

— Между прочим, из-за вас, мистер Стюарт, — продолжил Гринберг, — я проиграл сразу два пари.

— Сэр?

— Да. Да, я был почти уверен, что это существо окажется не «оттуда». И вот на тебе — ошибся. Этот здоровенный парнишка, конечно, родился не на Земле. Но, кроме всего прочего, я был уверен, если каким-нибудь чудом окажется, что это и вправду ВЗС, определить его я уж сумею. Конечно, я не экзобиолог, но при моем роде занятий приходится понемногу знакомиться и с такими вещами… Хотя бы картинки просматривать. Но на этот раз я в полном тупике. Скажите, что это? И откуда оно взялось?

— Ну, это Ламмокс. Мы его так зовем. Мой прадедушка привез его на «Следопыте»… после второго полета.

— Так давно? Тогда понятно. В то время Министерство еще не вело записей… Вообще-то, тогда и самого Министерства не было. Но я все равно не понимаю, почему о нем не упоминается в книгах по истории первых полетов. Я читал о «Следопыте», помнится, он привез на Землю много всякой экзотики. Но про этого парня ничего не знаю… Странно, в те дни внеземные существа были в новинку.

— А, это… Ну, понимаете, сэр, капитан не знал, что Ламмокс на борту. Прадедушка потихоньку принес его на корабль в сумке и в сумке же на Земле вынес.

— В сумке? — Гринберг недоверчиво уставился на огромную тушу Ламмокса.

— Да, сэр. Конечно, Ламми был тогда поменьше.

— Разве что так.

— У меня есть старые фотографии. Он был размером со щенка колли. Ног только побольше.

— Мм, да. Ног побольше. И он побольше напоминает мне трицератопса, чем колли. А кормить его не слишком накладно?

— Нет, что вы. Ламми ест все. Ну… почти все, — торопливо поправился Джон Томас, с опаской глянув на стальную решетку. — А еще он может долго обходиться без еды. Можешь, Ламми?

Все это время Ламмокс спокойно лежал, втянув в себя ноги и демонстрируя бесконечное терпение, которое он умел изобразить, если было нужно. Он подслушивал разговор своего друга с мистером Гринбергом да поглядывал на Бетти с судьей. На вопрос Джона он раскрыл свой огромный рот:

— Могу, только не люблю.

— Я не предполагал, — мистер Гринберг высоко поднял брови, — что он относится к существам, имеющим речевой центр.

— Какой? А, понятно. Ламми начал говорить, когда мой папа был еще маленьким. Просто слушал, слушал и научился. Хочу вас познакомить. Ламми, познакомься, это мистер Гринберг, уполномоченный.

Ламмокс равнодушно посмотрел на Гринберга и сказал:

— Как поживаете, мистер уполномоченный Гринберг?

Начало фразы он произнес отчетливо, чего нельзя было сказать о фамилии и должности.

— Мм, а вы как поживаете, Ламмокс? — Гринберг все еще смотрел на Ламмокса, когда часы на здании суда пробили десять.

Судья О'Фаррелл повернулся к нему и сказал:

— Десять часов, мистер уполномоченный. Думаю, нам пора.

— Куда спешить, — рассеянно отозвался Гринберг, — все равно без нас не начнут. Меня тут кое-что заинтересовало. Мистер Стюарт, а какой у Ламмокса ар-ай-кью по земной шкале?

— Что? А, его относительный коэффициент интеллекта. Я не знаю, сэр.

— Господи, да неужели никто никогда его не удосужился замерить?

— Да знаете, сэр, нет… то есть да, сэр. Понимаете, давно, еще дедушка был жив, кто-то пытался его тестировать, но дедушке очень не понравилось, как они обращались с Ламми, ну он их и прогнал. С того времени мы не подпускаем к Ламми незнакомых. Но он очень умный. Проверьте его, если хотите.

— У этой скотины, — прошептал Гринбергу судья О'Фаррелл, — мозгов меньше, чем у хорошей собаки, пусть он и умеет подражать человеческой речи, как попугай. Мне ли не знать.

— Я все слышал, судья, — с негодованием сказал

Джон Томас. — Вы предвзяты!

Судья собрался ответить, но его прервала Бетти:

— Джонни, мы же договорились… Разговаривать буду я.

Гринберг пропустил мимо ушей всю эту интермедию:

— А пытался кто-нибудь изучить его язык?

— Сэр?

— Мм, видимо, нет. К тому же вполне возможно, что, когда его привезли, он еще не умел говорить… Я имею в виду — на своем языке. Но конечно, этот язык существует. Если у существ есть речевой центр — они его обязательно используют, для ксенологов[75] это прописная истина. Или, попросту говоря, он бы не освоил человеческую речь ни на грамм, если бы его соплеменники не пользовались речевым общением. А писать он умеет?

— Каким образом, сэр? У него же рук нет.

— Мм, да. Да. Что ж, основываясь на теории, можно сделать приблизительную оценку. Я бы

---

[75] notes: 75

Ксенолог (от *греч.* «ксенос» — «чужой») — в фантастике ученые, занимающиеся изучением инопланетной антропологии и этнографии. Остальные области выделяются как самостоятельные: ксенобиология, ксеноботаника, ксенозоология, ксенопланетология и т. д.

поспорил, что его ай-кью где-то сорок, не более. Ксенологи установили, что у высших типов существ, эквивалентных людям, имеются три основные особенности: речевой центр, способность к манипулированию объектами и, на основе двух первых, — письменность. Отсюда следует, что раз он не умеет писать, то соплеменники этого существа недотягивают до высоких стандартов, где-то они отстали. Вы изучали ксенологию?

— Очень немного, сэр, — признался Джон Стюарт, чувствуя себя крайне неловко. — Кое-какие книги, которые попались в библиотеке. Но в колледже я собираюсь специализироваться по ксенологии и внеземной биологии.

— Прекрасный выбор. Широчайшее поле деятельности. Вы не поверите, даже нашему Министерству трудно найти достаточное количество приличных ксенологов. А спросил я вас неспроста. Как вы думаете, почему Министерство вмешалось во все это дело? Вот почему. — Гринберг указал на Ламмокса. — Нельзя было исключить возможность, что это ваше домашнее животное относится к расе, с которой мы подписали договор. Как ни странно, но один или два раза внеземного гостя здесь ошибочно принимали за дикого зверя с… назову это «прискорбными

результатами». — Гринберг нахмурился, ему вспомнился жуткий случай, который удалось замять с великим трудом. Это когда одного из членов семьи чрезвычайного и полномочного посла Лладора нашли хорошо бы мертвым, а то в виде чучела в витрине одной из лавок на Виргинских островах. — Но на этот раз нам такая опасность не грозит.

— Конечно нет, сэр. Ведь Ламмокс… ну, он практически член нашей семьи.

— Совершенно верно. Судья, — уполномоченный обратился к О'Фарреллу, — мы не могли бы побеседовать с вами пару минут один на один?

— Конечно, сэр.

Когда мужчины отошли, Бетти приблизилась к Джону Томасу.

— Дело в шляпе, — прошептала она, — если только ты перестанешь выступать.

— А что я такого сказал? — запротестовал Джон. — И с чего ты взяла, что все в порядке?

— Да это же ясно. Ты ему понравился, Ламмокс — тоже.

— Очень мило, только не вижу, как это поможет мне расплатиться за разгромленный этаж «Бон-Марше». Или хотя бы за фонарные столбы.

— Ты, главное, не заводись и во всем подыг-

рывай мне. Вот увидишь, они еще сами нам заплатят.

Тем временем неподалеку от них мистер Гринберг вел переговоры с О'Фарреллом:

— Судья, из того, что я выяснил, мне кажется, что Министерству космоса следует от этого дела устраниться.

— Не понял, сэр. Как это — устраниться?

— Сейчас объясню. Я хотел бы отложить слушание на двадцать четыре часа, пока Министерство не подтвердит мои выводы. Тогда я смогу с вами распрощаться и оставить это дело на рассмотрение местных властей. То есть — на ваше.

— Мне не нравятся такие отсрочки в последнюю минуту, мистер уполномоченный, — поджал губы судья О'Фаррелл. — Я всегда считал, что нечестно сначала заставить занятых людей пренебречь семьей и работой, собрать их в суде, а потом заявить: зайдите, пожалуйста, завтра. Как-то несправедливо.

— Тоже верно. — Гринберг нахмурился. — Дайте подумать, может, что-нибудь и придумаем. После разговора со Стюартом-младшим я окончательно убедился, что данный случай не требует вмешательства, связанного с ксенополитикой Федерации. Пусть даже мы имеем дело с ВЗС, что

дает законный повод для такого вмешательства в случае необходимости. Несмотря на то что наше Министерство наделено властью, эту власть мы применяем только в случае необходимости, чтобы избежать проблем с правительствами других планет. На Земле живут сотни тысяч внеземных животных, а также более тридцати тысяч негуманоидных инопланетян, одни на постоянной, другие — на временной основе. И каждый из них имеет, в соответствии с договором, правовой статус человека, хотя на людей они абсолютно не похожи.

Ксенофобия существует, особенно в нашем культурном захолустье… нет-нет, я не имею в виду Вествилл! Человеческая природа такова, что каждый из этих чужаков — потенциальный источник опасности для наших отношений с внеземными мирами.

Гринберг немного помолчал, потом продолжил:

— Вы уж простите, что я повторяю общеизвестные истины, но без них не обойтись. Наше Министерство просто не может бегать и подтирать носы всем этим инопланетянам. Даже тем, у которых действительно есть носы, не может. У нас нет для этого ни лишних людей, ни особого

желания. Если кто-то из них попадает в беду, чаще всего достаточно объяснить местным властям про обязательства, взятые Землей по отношению к родной планете этого разнесчастного чужака. Редкий случай, когда Министерство вмешивается напрямую. Ваш случай, на мой взгляд, в число редких не входит. Во-первых, насколько мне удалось понять, наш общий друг Ламмокс не имеет правового статуса человека…

— А вы сомневались?

— Сомнения были. Поэтому я здесь. Но теперь я знаю, хоть он и может немного разговаривать, не могла его раса стать по-настоящему разумной, ей до этого еще расти и расти. Но, несмотря на его ограниченную способность говорить, иные ограничения не позволили бы подобному виду подняться до уровня, который мы могли бы признать как цивилизованный, следовательно он — животное. У него есть только обычные права животных, которые защищают наши высокогуманные законы, поэтому нашего Министерства это дело не касается.

— Понятно. Ну что ж, жестоко обращаться никто с ним не собирается, во всяком случае у меня в суде.

— Разумеется. Но есть еще одна причина, и

достаточно веская, чтобы Министерство не вмешивалось. Со времени первого контакта с великой марсианской расой законы, обычай и договоры придали вполне определенный смысл понятию «человек». Предположим теперь, что это существо — человек именно в таком смысле. Конечно, это не так, но предположим.

— Предположим, — согласился судья О'Фаррелл.

— Да, предположим. Но и в этом случае Министерству нет до него дела, потому что… Судья, вы же знаете историю «Следопыта».

— Очень смутно, что-то такое рассказывали в младших классах. Я вообще не знаток истории освоения космоса. С земными-то делами не разобраться…

— Это точно. Так вот, «Следопыт» совершил три полета с переходами в подпространство. Это было время самых первых таких полетов, когда они были такой же авантюрой, как экспедиция Колумба. Они не знали, куда направляются, и имели весьма туманное представление о том, как вернуться назад. Кстати, из третьего похода «Следопыт» так и не вернулся.

— Да-да, что-то такое припоминаю.

— Так вот, молодой Стюарт — у меня просто

язык не поворачивается назвать его полным именем, — молодой Стюарт сказал, что это нескладное существо с дурацкой улыбкой — просто сувенир, прихваченный во время второго рейса «Следопыта». Это все, что мне требовалось узнать. У нас нет договоров ни с одной из планет, которые они посетили, ни торговых, ни каких-либо иных отношений. Юридически их не существует. Поэтому единственные законы, которые применимы к Ламмоксу, — это наши собственные местные законы, следовательно Министерство космоса вмешиваться не должно, а если оно и вмешается, его представитель — в данном случае я — будет обязан придерживаться местного законодательства, в котором вы разбираетесь лучше, чем я.

Судья О'Фаррелл кивнул:

— Что ж, я не возражаю против перехода дела под мою юрисдикцию. Идем?

— Еще секундочку. Я предлагаю отсрочку, потому что в этом деле есть любопытные обстоятельства. Я хочу вернуться в Министерство, чтобы убедиться, что моя теория правильна и что я не пропустил какой-то важный прецедент или закон. Но я готов немедленно устраниться, если вы убедите меня вот в чем: это существо… Оно с

виду такое тихое, но, если я правильно понимаю, этот тихоня разгромил целую улицу и, пожалуй, даже угрожал жизни людей?

— У меня такое же впечатление, — кивнул О'Фаррелл. — Но это, разумеется, неофициально.

— Хорошо. Кто-нибудь уже требовал его уничтожения?

— Ну, — медленно произнес судья, — опять же неофициально, я знаю, что такое требование будет выдвинуто. В частном порядке мне сообщили, что наш начальник полиции намерен попросить суд распорядиться об уничтожении животного в качестве меры общественной безопасности. Скорее всего, поступят такие требования и от частных лиц.

— Все так плохо? — обеспокоенно спросил Гринберг. — Что ж, судья, как вы сами к этому относитесь? Если вы поведете процесс, то разрешите его уничтожить или нет?

— Сэр, ваш вопрос неуместен! — возмутился судья.

Гринберг покраснел:

— Я прошу прощения, но мне действительно необходимо это знать. Вы понимаете, что этот экземпляр уникален? Что бы он там ни наделал и как бы ни был опасен — впрочем, в последнее

верится с трудом, — тем не менее его просто необходимо сохранить в интересах науки. Вы можете обещать, что не позволите его уничтожить?

— Молодой человек! Вы пытаетесь вынудить меня идти на процесс, заранее вынеся приговор или часть приговора. Ваше отношение к делу совершенно неуместно!

Шеф Драйзер не мог выбрать более неподходящего момента, чтобы поторопить их:

— Судья, мы вас везде обыскались. Вы, вообще, собираетесь открывать слушание? У меня тут семеро, которые…

— Шеф, это мистер Гринберг, уполномоченный, — перебил его О'Фаррелл. — Мистер уполномоченный, это наш шеф службы безопасности.

— Очень приятно, шеф.

— Как дела, мистер уполномоченный? Так, джентльмены, насчет этого слушания. Мне все-таки хотелось бы знать…

— Шеф, — грубо оборвал его судья, — просто передайте приставу, чтобы все было готово. А теперь не будете ли вы добры нас оставить.

— Но… — Драйзер смолк и отошел, пробормотав нечто неподобающее, но вполне простительное для задерганного полицейского.

О'Фаррелл снова повернулся к Гринбергу.

Эту новую интермедию уполномоченный проигнорировал так же, как и предыдущую, но она дала ему время вспомнить, что он не имеет права руководствоваться личными чувствами.

— Я снимаю свой вопрос, судья, — вежливо сказал Гринберг. — Я вовсе не собираюсь толкать вас на должностное преступление. При иных обстоятельствах, — он ухмыльнулся, — вы, наверно, пришили бы мне неуважение к суду.

— Вполне возможно, — криво улыбнулся О'Фаррелл.

— А что, хорошая у вас тюрьма? А то у меня накопилось больше семи месяцев неиспользованного отпуска. И нет ни малейшего шанса его использовать.

— Нельзя себя так изматывать, молодой человек. Лично я всегда нахожу время порыбачить; дела могут и подождать. Говорят, Аллах не вычитает времени, проведенного на рыбалке, из отпущенного тебе срока.

— Очень здоровый подход. Но проблема все равно остается. Я снова вынужден настаивать на отсрочке; мне надо связаться с Министерством.

— Понимаю. Возможно, это и вправду необходимо. Мое мнение не должно влиять на ваши поступки.

— Само собой. Но я с вами согласен: нет ничего досадней таких отсрочек в последнюю минуту.

Связаться с Министерством — значит иметь дело с мистером Кику, думал про себя Гринберг. Он живо себе представил, как зам ядовито проходится насчет «инициативы» и «ответственности», и словно бы слышал уже его «господи боже мой, да может кто-нибудь в этом сумасшедшем доме принять хоть самое простое решение?». И Гринберг наконец решился:

— Думаю, будет лучше, если Министерство оставит это дело за собой. Во всяком случае, предварительное слушание проведу я, а там посмотрим.

— Я надеялся, что вы так поступите, — с облегчением улыбнулся О'Фаррелл. — Очень хочу послушать, как вы поведете дело. Говорят, вы, джентльмены из Министерства космоса, иногда ведете дело довольно необычным образом.

— Серьезно? Надеюсь, те, кто это говорит, ошибаются. Не хотелось бы бросить тень на юридический факультет Гарварда.

— Гарвард? Вот как? И я оттуда. Там все еще поддерживают Рейнхардта?

— Так и было, когда я там учился.

— Как все-таки тесен мир. Да, такое дело, как

это, однокашнику не пожелаешь. Боюсь, еще тот будет подарочек.

— А когда они не бывают подарочками? Ладно, пора идти запускать фейерверки красноречия. Слушайте, а почему бы нам не сесть на председательскую скамью вместе? Вполне возможно, что кончать слушание придется вам.

Они направились к зданию суда. Шеф Драйзер, продолжавший тихо негодовать в стороне, увидел, что про него забыли. Он двинулся было следом, но вдруг заметил, что мальчишка Стюарт и Бетти Соренсон все еще сидят в клетке Ламмокса. Они о чем-то шептались и даже не заметили ухода обоих юристов. Драйзер подбежал к ним:

— Эй, там, в клетке! Джонни Стюарт! Вы обязаны были находиться в суде еще двадцать минут назад.

— Но я думал… — удивленно начал Джон Томас, но вдруг увидел, что судья и мистер Гринберг уже ушли. — Ой, сейчас, мистер Драйзер. Мне надо сказать Ламмоксу одну вещь.

— Хватит, наговорился. Идем.

— Шеф, но ведь…

Драйзер ухватил его за локоть и двинулся к зданию суда. Джон Томас в весовой категории уступал полицейскому примерно фунтов на сто,

и посему ему пришлось отправиться следом.

— Дьякон Драйзер! — воскликнула Бетти. — Как вы себя ведете!

— А вашими штучками, дорогуша, — ответил Драйзер, — я сыт по это самое место.

Он снова двинулся к зданию суда, волоча за собой на буксире Джона Томаса. Бетти молча последовала за ними. Она обдумывала, не подставить ли шефу ножку, но решила, что, пожалуй, не стоит.

Джон Томас смирился с судьбой. Он собирался напоследок втемяшить в Ламмоксову башку, чтобы тот сидел тихо, из клетки не высовывался и не вздумал эту самую клетку есть. Но мистер Драйзер, как назло, не хотел ничего слушать. Джон подозревал, что большинство взрослых в этом мире озабочены лишь тем, чтобы никого не слушать.

Ламмокс смотрел, как они уходят. Он поднялся, сразу заполнив собой всю клетку, смотрел на Джона Томаса и размышлял о том, что ему делать. Брусья, за которые он задел боком, жалобно затрещали.

— Ламмокс! — крикнула Бетти, оборачиваясь на ходу. — Жди нас здесь. Мы скоро.

Ламмокс стоял, глядя им вслед и обдумывая

положение. Приказ, который отдала Бетти, не был полноценным приказом. Или был? В прошлом уже были подобные прецеденты, которые следовало обдумать. Потом он снова улегся.

Глава 4
Подсудимый

— Встать! Суд идет! — крикнул пристав, увидев, что в зале появился О'Фаррелл с Гринбергом.

Разговоры стихли, зрители начали занимать места. Молодой человек в шляпе, увешанный оборудованием, преградил судьям дорогу.

— Минуту! — сказал он и щелкнул камерой. — Повторим… Судья, улыбочку! Представьте, что уполномоченный сказал вам что-то смешное.

— Хватит с вас и одного. И шляпу снимите. — О'Фаррелл, не останавливаясь, прошел мимо фотографа.

Тот пожал плечами; шляпу снимать он не стал.

Секретарь суда поднял на подошедших глаза. Его лицо было красным и потным, свои инструменты он разложил на скамье судьи.

— Простите, пожалуйста. Я сейчас. — Наклонившись к микрофону, он забубнил: — Проверка… раз, два, три, четыре… Цинциннати… шестьдесят шесть. — Он снова поднял глаза. — Одна морока сегодня с этой звукозаписью.

— Вы должны были все проверить заранее.

— Господи, судья, да ведь когда надо, никого нет на месте… Вообще-то, я проверял, все вроде работало. А потом, когда включил ее без десяти десять, полетел какой-то транзистор, и поди там в ней разберись — какой именно.

— Ладно, хватит, — поморщившись, ответил О'Фаррелл. «И главное, как у нас гость — обязательно что-нибудь такое», — подумал он. — Может быть, вы соизволите убрать с моего места свои инструменты?

— Если не возражаете, — торопливо вмешался Гринберг, — я не стану занимать председательское место. Сядем вместе за круглым столом, вроде как в военном трибунале. Знаете, иногда это даже на пользу, я имею в виду — ускоряет рассмотрение дела.

— Я всегда стараюсь, — сказал О'Фаррелл, — придерживаться в суде традиционных формальностей. Мне кажется, что в этом есть смысл. — Вид у судьи был несчастный.

— Пожалуй, вы правы. Но понимаете, когда приходится вести дела в самых неожиданных местах и при всяких непредвиденных обстоятельствах, на формальности поневоле смотришь сквозь пальцы. Никуда от этого не денешься. Вот, ска-

жем, минатарцы. Предположим, вы попытались из вежливости делать все так, как это принято у них. А они считают, что судья гроша ломаного не стоит, если не выдержал очистительного поста перед тем, как забраться на судейскую сферу. И после этого он должен еще сидеть на ней, без еды и питья, пока не вынесет решение. По правде говоря, я бы не выдержал. А вы?

Судья О'Фаррелл с раздражением слушал, как столичный юнец проводит параллели между надлежащими ритуалами его суда и какими-то языческими обычаями. Почему-то вспомнились три стопки блинов, яичница и колбаса, с которых начался его трудовой день.

— Как вам сказать… иные времена, иные нравы, — выдавил из себя судья.

— Вот именно. Я знал, что мы найдем общий язык. — Гринберг жестом подозвал пристава, и, прежде чем судья сумел объяснить, что процитировал старую поговорку именно потому, что был с ней не согласен, Гринберг с приставом уже сдвигали отдельные столы, делая из них один общий.

Вскоре все пятнадцать участников слушания расселись вокруг этого составного стола, и Гринберг послал пристава на поиски пепельниц. Затем он повернулся к секретарю; тот, подоб-

но всем электронщикам, скрючился за своим пультом с наушниками на голове, склоняясь в неудобной позе над своими приборами.

— Ну как хозяйство, работает?

Тот показал большой палец:

— Порядок.

— Прекрасно. Слушание объявляется открытым.

Секретарь пробубнил в микрофон время, дату, место, характер и юрисдикцию суда, а также фамилию, имя и звание председательствующего. Фамилию и имя Сергея Гринберга он прочитал по бумажке, причем имя прочел неправильно; поправлять его Гринберг не стал. Подошел пристав с руками полными пепельниц и с ходу вдарил скороговоркой:

— Слушайте! Слушайте! Пусть все имеющие отношение к данному суду соберутся здесь, дабы…

— Ну, это можно и пропустить, — остановил его Гринберг. — Но все равно очень вам признателен. Итак, суд начинает предварительное слушание по всем вопросам, связанным с произведенными в прошлый понедельник действиями постоянно проживающего в этом городе внеземного существа, известного как «Ламмокс». Это я про ту здоровенную тварь, что в клетке на площади.

Пристав, сфотографируйте его, пожалуйста, и приобщите снимок к протоколу.

— Сию секунду, ваша честь.

— Суд считает себя обязанным объявить, что это слушание может, если суд того пожелает и объявит об этом, стать высшей инстанцией, принимающей окончательные решения по всем вопросам, связанным с данным делом. В таком случае все протесты и отводы будут возможны только в ходе данного заседания. Другими словами, не жалейте патронов, война, может, сегодня и кончится. Да, еще… Кроме слушания обстоятельств дела, суд будет принимать заявления и просьбы, связанные с этим внеземным существом.

— Вопрос, ваша честь.

— Да?

— Если суд будет так любезен. Мой клиент и я, мы не имеем никаких возражений, если это всего лишь предварительное слушание. Но мы хотели бы знать, вернется ли суд к общепринятым процедурам, когда перейдет к принятию решения?

— Суд проводится именем Федерации. Он действует в соответствии с кодексом законов, называемым кратко «Законы и обычаи цивилизаций». Этот кодекс состоит из соглашений,

договоров, прецедентов et cetera[76] между двумя и более планетами Федерации или с иными цивилизациями, с которыми имеют дипломатические отношения планеты, входящие в состав Федерации. Соответственно, этот суд местными формальностями не связан. Цель данного суда — установить истину и, исходя из нее, принять справедливое решение… Справедливое с точки зрения закона. Суд не будет нарушать местных законов и обычаев, за исключением тех случаев, когда они явным образом противоречат законам более высокого порядка. Но там, где местные обычаи имеют ценность чисто ритуальную, данный суд оставляет за собой право игнорировать эти формальности и продолжать работу. Вы меня понимаете?

Человек, задавший вопрос, — мужчина средних лет и невысокого роста, — несколько смутившись, ответил:

— Э-э-э, думаю, что да, сэр. Возможно, я внесу протест позднее.

— Любой участник слушания может внести протест в любой момент и по любой причине; все протесты будут заслушаны. Вы можете также

---

[76] notes: 76
И так далее *(лат.)*.

обжаловать мои решения. Однако… — Гринберг одарил окружающих лучезарной улыбкой, — я не думаю, что это принесет вам какую-то пользу. Так сложилось, что до сих пор все мои решения оставались в силе.

— Я совсем не имел в виду, — несколько напыщенно ответил мужчина, — что этот суд не был должным образом…

— О, конечно, конечно! Давайте к делу. — Гринберг взял со стола пачку бумаг. — Что мы имеем. Гражданский иск, возбужденный корпорацией розничной торговли «Бон-Марше» против «Ламмокса», Джона Томаса Стюарта Одиннадцатого… Прямо язык не поворачивается произнести это имя, — заметил он, повернув голову к судье О'Фарреллу. — …Мэри Брендли Стюарт и прочих. Другой аналогичный иск в пользу Западного отделения компании «Взаимная гарантия», в которой «Бон-Марше» застрахован. Еще один, с теми же самыми ответчиками, выдвинутый К. Ито и его страховой компанией… э-э-э… «Страховая компания Нового Света, лимитед». Затем иск от города Вествилл, снова те же ответчики. И наконец, еще один, выдвинутый миссис Изабеллой Донахью. Также имеются уголовные обвинения: одно в содержании опасного животного, одно в

злонамеренном укрывательстве его же, другое в преступной небрежности и еще одно в нарушении общественного порядка.

С каждым словом председательствующего Джон Томас бледнел все больше и больше. Гринберг посмотрел на него ободряюще:

— Похоже, они ничего не пропустили, сынок? Ладно, не вешай носа… зато приговоренному перед казнью положен отличный завтрак.

Джон Томас с трудом выдавил из себя улыбку. Бетти ободряюще похлопала его под столом по колену.

В пачке была еще одна бумага; Гринберг решил не зачитывать ее вслух, а отложил вместе с другими в сторону. Это была петиция за подписью шефа безопасности. От имени города Вествилл он просил вынести судебное решение об уничтожении опасного животного, известного как «Ламмокс», далее именуемого как… и т. д. Отложив бумаги, Гринберг поднял глаза и спросил:

— Ну а теперь, кто есть кто. Вот вы, сэр?

Он обратился к адвокату, сомневавшемуся в правильности ведения заседания. Тот назвался Альфредом Шнейдером и заявил, что представляет интересы «Взаимной гарантии» и «Бон-Марше».

— А этот джентльмен рядом со мной — мистер де Грассе, управляющий магазином.

— Отлично. Пожалуйста, следующий.

Таким образом, Гринберг выяснил, что присутствуют все стороны процесса со своими адвокатами. На заседании, кроме него самого, судьи О'Фаррелла, Джона Томаса, Бетти и шефа Драйзера, присутствовали миссис Донахью со своим адвокатом мистером Бинфилдом, мистер Шнейдер и де Грассе, представлявшие «Бон-Марше», мистер Ломбард, городской поверенный Вествилла, адвокат, представлявший страховую компанию мистера Ито, сын мистера Ито (действующий от имени отца), полицейские Карнес и Мендоса (свидетели) и мать Джона Стюарта вместе с семейным адвокатом Стюартов — мистером Постлом.

— Как я понимаю, — сказал Гринберг Постлу, — вы представляете также и мистера Стюарта?

— Господи, да конечно же нет! — перебила его Бетти. — Джонни представляю я.

Гринберг удивленно поднял брови:

— Я как раз собирался спросить, что вы здесь делаете. Вы являетесь адвокатом?

— Ну… я его советник.

— Мистер уполномоченный, — наклонившись

вперед, прошептал О'Фаррелл, — это просто нелепо. Никакой она не адвокат. Я ее знаю. Очень хорошая девочка, но… честно говоря, не слишком умна. Бетти, — добавил он, повернувшись, — нечего тебе здесь делать. Кончай смешить людей и иди домой.

— Послушайте, судья…

— Один момент, юная леди, — вставил Гринберг. — У вас есть какая-то квалификация, чтобы представлять здесь мистера Стюарта?

— Конечно. Он хочет, чтобы его советником была я.

— М-да, довод очень сильный, хотя, возможно, и недостаточный. — Он повернулся к Джону Томасу. — Это верно?

— Д-да, сэр.

— Не делай этого, сынок! — прошептал судья О'Фаррелл. — Ты проиграешь.

— Вот этого-то я и опасался, — прошептал в свою очередь судье Гринберг. Нахмурившись, он обратился к мистеру Постлу: — Вы согласны представлять интересы и матери, и сына?

— Да.

— Нет! — возразила Бетти.

— Нет? Разве квалифицированный адвокат не сможет лучше защитить интересы мистера

Стюарта, чем вы? Стоп, не отвечайте. Я хочу послушать самого мистера Стюарта.

Джон Томас порозовел и выдавил из себя:

— Я его не хочу.

— Но почему?

Джон Томас упрямо молчал.

Бетти презрительно сказала:

— Потому что его маме не нравится Ламмокс, вот почему. И еще…

— Это неправда! — перебила ее миссис Стюарт.

— Правда-правда… А это замшелое ископаемое Постл с ней заодно. Они хотят избавиться от Ламми, они оба!

О'Фаррелл закашлялся в носовой платок. Мистер Постл покраснел.

— Юная леди, — крайне серьезным голосом произнес Гринберг, — я требую, чтобы вы встали и извинились перед мистером Постлом.

Бетти взглянула на уполномоченного, потупила взгляд и встала.

— Мистер Постл, — смиренно сказала она, — мне крайне жаль, что вы — ископаемое. То есть я хотела сказать, мне крайне жаль, что я назвала вас ископаемым.

— Садитесь, — не моргнув глазом сказал Гринберг. — И впредь следите за своими манерами.

Мистер Стюарт, нельзя требовать, чтобы человек взял защитника против своего желания. Но вы ставите меня в затруднительное положение. Юридически вы — несовершеннолетний, и вы выбрали себе защитником другого несовершеннолетнего. В протоколе это будет выглядеть несколько странно. — Он потер подбородок. — Возможно, вы… или ваш защитник… или вы оба… пытаетесь создать основание для пересмотра дела?

— Что вы, сэр, нет, конечно. — Бетти была сама искренность; она рассчитывала на эту возможность, правда с Джонни ее не обсуждала.

— Хм…

— Ваша честь…

— Да, мистер Ломбард?

— С моей точки зрения, это просто нелепо. У этой девушки нет процессуального статуса. Она — не член коллегии адвокатов. Совершенно очевидно, она не может выступать в качестве адвоката. Мне очень неприятно давать советы суду, но здесь очевидно, что нужно предпринять: надо выставить ее из-за стола заседаний и назначить мистеру Стюарту защитника. Могу я внести предложение, чтобы суд пригласил сюда общественного защитника и поручил ему приго-

товиться к ведению дела?

— Вы можете внести такое предложение. Вы закончили, мистер городской поверенный?

— Мм… да, ваша честь.

— Могу сообщить вам, что суду также очень неприятно, когда вы даете ему советы, вам не следует этого делать впредь.

— Э-э-э… да, ваша честь.

— Данный суд предпочитает совершать свои собственные ошибки. В соответствии с обычаями проведения суда, защитник не обязан иметь формальную квалификацию, то есть, говоря вашими словами, быть «членом коллегии» или дипломированным юристом. Если это правило кажется вам необычным, позвольте заверить вас, что еще более необычным его находят наследственные адвокаты-жрецы с Дефлая. Однако другого правила, применимого повсеместно, никто пока не придумал. Но все равно я благодарен за ваше предложение. Где здесь общественный защитник?

— Здесь, ваша честь. Сайрус Эндрюс.

— Благодарю вас. Вы готовы к защите?

— Да. Но мне потребуется перерыв, чтобы проконсультироваться со своим подопечным.

— Естественно. Ну так что, мистер Стюарт?

Вы согласны, чтобы суд назначил мистера Эндрюса вашим защитником? Или консультантом защитника.

— Нет! — снова возразила Бетти.

— Я обращался к мистеру Стюарту, мисс Соренсон. Итак?

Джон Томас мельком посмотрел на Бетти:

— Нет, ваша честь.

— Но почему?

— Я могу ответить, — опять встряла Бетти. — Я говорю быстрее Джона, потому я и защитник. Так вот, мы не хотим брать мистера Эндрюса потому, что городской поверенный выступает против нас в одном из этих дурацких исков, возбужденных по поводу Ламмокса, а городской поверенный и мистер Эндрюс — партнеры по юридическим делам и только изредка устраивают показные сражения в суде!

— Это верно, сэр? — повернулся к Эндрюсу Гринберг.

— Ну да, мы юридические партнеры, ваша честь. Вы же понимаете, что в таком маленьком городе…

— Очень хорошо понимаю. А также я понимаю и возражения мисс Соренсон. Благодарю вас, мистер Эндрюс. Вы свободны.

— Мистер Гринберг?

— Что еще, юная леди?

— Я могу вам немного помочь. Понимаете, у меня было скверное предчувствие, что какой-нибудь проныра попытается вывести меня из этого дела. Поэтому мы подготовились заранее, и теперь я — наполовину владелица.

— Наполовину владелица?

— Ламмокса. Вот, посмотрите. — Она вынула из сумочки документ и протянула его Гринбергу. — Запись о продаже, все правильно, все по закону. Во всяком случае — должна быть. Я сама скопировала из городской книги.

Гринберг изучил бумагу:

— Форма записи выглядит корректно. Зарегистрировано вчерашним числом… Таким образом, с точки зрения гражданского права вы добровольно взяли на себя долю материальной ответственности, пропорциональную доле владения. Но это не относится к уголовным преступлениям, совершенным ранее даты покупки.

— Какие там еще уголовные преступления! Ерунда это все.

— Как раз данный факт и должен выяснить суд. И не говорите «ерунда», это не юридический термин. Но встает вопрос, имела ли личность,

подписавшая данный документ, право продавать эту собственность. Кому принадлежит Ламмокс?

— Конечно же Джону! Так значится в завещании его отца.

— Да? Это обусловлено завещанием, мистер Постл?

Перед тем как ответить, мистер Постл пошептался с миссис Стюарт:

— Именно так и записано, ваша честь. Существо, называемое «Ламмокс», переходит в собственность несовершеннолетнего Джона Томаса Стюарта. Миссис Стюарт имеет только косвенные права, через сына.

— Прекрасно. — Гринберг передал запись о продаже секретарю. — Надиктуйте это в протокол.

Бетти вернулась на место:

— Хорошо, ваша честь… можете назначить кого хотите. Но чтобы я тоже могла выступать.

— А это назначение что-нибудь изменит? — вздохнул Гринберг.

— Думаю, почти ничего.

— Тогда занесем в протокол, что вы вдвоем с мистером Стюартом, несмотря на неоднократные предложения суда, настояли на том, что будете защищать себя сами. В связи с этим суд вынужден возложить на себя бремя защиты ваших прав и

обязуется консультировать вас в вопросах гражданского права.

— Не огорчайтесь, мистер Гринберг. Мы вам доверяем.

— Лучше бы вам этого не делать, — сухо ответил Гринберг. — Но давайте двигаться дальше. Вот этот джентльмен в конце стола… Кто вы?

— Я? Я здешний корреспондент «Галактик пресс». Моя фамилия Хови.

— Да? Секретарь передаст прессе стенограмму заседания. Позднее, если кому-нибудь потребуется, я могу дать интервью. Только чтобы без съемок рядом с этим созданием. Есть еще джентльмены из прессы?

Встали два человека.

— Пристав поставит вам стулья у барьера.

— Спасибо, судья. Но сначала…

— За барьер, пожалуйста. — Гринберг посмотрел по сторонам. — Все, пожалуй… Нет, еще вот этот джентльмен. Ваше имя, сэр?

Мужчина поднялся. Он был одет в строгий пиджак и серые полосатые шорты. Держался он с чувством собственного достоинства.

— Сэр, если высокому суду угодно знать мое имя, то я Т. Омар Эсклунд, доктор философии.

— Не вижу в этом ничего особо угодного или

неугодного суду, доктор. Вы имеете отношение к какому-либо из этих исков?

— Да, сэр. Я нахожусь здесь как amicus curiae — друг суда.

Гринберг нахмурился:

— Данный суд предпочитает сам выбирать себе друзей. Объявите свой интерес в деле, доктор.

— Если изволите, сэр, я — местный исполнительный секретарь лиги «Сохраним Землю для людей».

От ужаса Гринберг чуть ли не застонал, чего Эсклунд, по счастью, не заметил — он смотрел вниз, извлекая довольно объемистый манускрипт.

— Ни для кого не секрет, что с самого начала безбожной практики космических полетов на Земле, родине нашей, которую Божественное провидение поручило нашим заботам, появляется все больше и больше созданий… я сказал бы лучше — зверей… самого сомнительного происхождения. Моральные последствия этого нечестивого движения видны в каждом…

— Доктор Эсклунд!

— Сэр?

— По какому, собственно, делу вы занимаете время суда? Вы являетесь истцом по одному из

исков?

— Все просто, ваша честь. Если брать в самом широком смысле, я — адвокат всего рода человеческого. Общество, представлять которое здесь я имею честь…

— У вас есть хоть какое-нибудь конкретное дело? Может быть, прошение?

— Да, — угрюмо ответствовал Эсклунд. — У меня прошение.

— Представьте его.

Порывшись в своих бумагах, Эсклунд вынул одну из них и передал Гринбергу; тот на нее даже не взглянул:

— А теперь изложите кратко, для протокола, суть своего прошения. Говорите в ближайший к вам микрофон. И пожалуйста, поотчетливей.

— Ну… если высокий суд не против… Общество, членом которого я имею честь состоять… союз, да будет позволено мне так выразиться, охватывающий все человечество, просит… нет, требует, именно требует, чтобы внеземная тварь, уже успевшая принести ужас и разрушение в эту мирную общину, была уничтожена. Такое деяние будет благом, оно оправданно, да что говорить — предписано всем самым святым…

— Так смысл вашего прошения именно в этом?

Вы хотите, чтобы суд предписал уничтожить ВЗС, известное как «Ламмокс»?

— Да, но более того. В прошении имеется тщательно подобранная документация, дающая аргументы… я бы сказал — неопровержимые аргументы…

— Секундочку. Слово «требует», которое вы употребили, оно фигурирует в тексте прошения?

— Нет, ваша честь, но оно исходит от сердца, от полноты, так сказать…

— Ваше сердце только что довело вас до неуважения к суду. Вы желаете изменить формулировку?

Эсклунд замолк, затем с явной неохотой произнес:

— Я беру это слово назад. У меня не было намерения оскорбить суд.

— Очень хорошо. Суд принял ваше прошение, секретарь зачитает его в протокол. Решение будет вынесено позднее. А теперь по поводу речи, которую вы собираетесь произнести. Судя по толщине рукописи, на нее потребуется часа два.

— Думаю, этого будет вполне достаточно, ваша честь, — явно смягчившись, ответил Эсклунд.

— Прекрасно. Пристав!

— Ваша честь?

— Вы можете найти где-нибудь ящик из-под мыла?

— Думаю, что да, сэр.

— Великолепно! Поставьте его на газоне перед судом. Доктор Эсклунд, все мы имеем право слова, так что идите и пользуйтесь этим своим правом. На ближайшие два часа ящик из-под мыла[77] в полном вашем распоряжении.

Лицо доктора Эсклунда приобрело цвет баклажана.

— Вы еще о нас услышите!

— Не сомневаюсь.

— Мы знаем таких, как вы. Предатели рода человеческого! Ренегаты! Так издеваться…

— Выведите его.

Пристав с ухмылкой выпроводил защитника рода человеческого из зала. Один из журналистов последовал за ними.

— Похоже, за столом остались только те, без кого действительно не обойтись, — сказал Гринберг. — Мы рассматриваем несколько исков, но все они связаны с одними и теми же фактами. Если никто не возражает, сначала мы заслушаем

[77] notes: 77

Некогда такие ящики служили уличным ораторам импровизированной трибуной, поэтому этим выражением начали обозначать переносную трибуну.

свидетельские показания по всем искам, а затем перейдем к разбору самих исков. Есть возражения?

Юристы начали недоуменно переглядываться. Затем адвокат мистера Ито сказал:

— Ваша честь, мне кажется, что лучше было бы рассматривать иски по отдельности.

— Возможно. Но тогда мы просидим здесь до самого Рождества. А мне совсем не хочется заставлять такое количество занятых людей по многу раз выслушивать одно и то же. У вас есть право потребовать отдельного рассмотрения фактов по вашему иску в суде — учитывая, что ваш подопечный оплатит все дополнительные издержки в случае проигрыша.

Сын мистера Ито подергал адвоката за рукав и что-то прошептал. Адвокат кивнул и, повернувшись к суду, произнес:

— Мы согласны на совместное рассмотрение… В той части, которая касается фактов.

— Прекрасно. Еще возражения? — Таковых не было. — Судья, — Гринберг повернулся к О'Фарреллу, — этот зал оборудован детекторами истины?

— А? Конечно-конечно. Только я ими никогда не пользуюсь.

— А вот мне они нравятся. — Гринберг повернулся к остальным участникам слушания. — Мы подключим детекторы истины.

Пользоваться ими не обязательно, но тот, кто откажется, будет приведен к присяге. Кроме того, если кто-нибудь откажется пользоваться детектором, данный суд оставляет за собой право особо отметить и прокомментировать данный факт.

— Будь осторожна, Молоток, — прошептал Джон Томас.

— Буду, умник! Лучше за собой последи, — прошептала в ответ Бетти.

— Чтобы их подключить, — сказал Гринбергу судья О'Фаррелл, — потребуется какое-то время. Может, пока сделаем перерыв для ланча?

— Ланч? Да, конечно. Только минутку внимания… Суд не будет делать для этого перерыва. Я попрошу пристава принять у вас заказы на кофе, сэндвичи — словом, кто чего пожелает, пока секретарь подключает детекторы. Будем есть прямо за этим столом. А пока… — Гринберг нашарил в кармане сигареты, — найдутся у кого-нибудь спички?

* * *

Между тем Ламмокс, изучив сложный вопрос о праве Бетти отдавать приказы, пришел к заключению, что она, вероятно, обладает особым статусом. Каждый из Джонов Томасов вводил в жизнь Ламмокса некую личность, наподобие Бетти; каждый из них настаивал, чтобы любой приказ этой личности выполнялся беспрекословно. У теперешнего Джона Томаса такой процесс как раз только начинался с Бетти; поэтому лучше всего было соглашаться с тем, что она хотела, если это не грозило большими неприятностями. Он лег и уснул, оставив бодрствовать свой сторожевой глаз.

Но манящий, дурманящий аромат стали не дал Ламмоксу как следует выспаться. Вскоре он встал, потянулся, клетка при этом перекосилась и угрожающе затрещала. Что-то уж слишком долго нет Джона Томаса, подумал Ламмокс. А еще он подумал про этого человека, который увел Джона Томаса. Как-то нехорошо он это сделал… Ему не понравилось, как тот это сделал… нет, не понравилось. И как же теперь быть, и вообще — стоит ли в это дело вмешиваться? И что сказал бы Джон Томас, будь он сейчас здесь?

Проблема была слишком сложной. Ламмокс снова улегся и попробовал решетку на вкус. Нет, есть он не стал, только слегка попробовал. Ничего, разве что чуток кисловато.

* * *

В здании суда шеф Драйзер закончил давать показания, за ним последовали Карнес и Мендоса. При этом не возникло никаких возражений и вопросов, а стрелки детекторов истины даже не шелохнулись. Мистер де Грассе настоял на дополнениях к свидетельским показаниям. Адвокат мистера Ито признал, что мистер Ито выстрелил в Ламмокса; сыну мистера Ито было разрешено рассказать о последствиях неожиданного визита и проиллюстрировать свой рассказ фотографиями. Для завершения описания событий Л-дня не хватало лишь показаний миссис Донахью.

Гринберг повернулся к ее адвокату:

— Мистер Бинфилд, вы сами допросите своего клиента или это сделает суд?

— Допрашивайте вы, ваша честь. Возможно, я добавлю один-два вопроса.

— Это ваше право. Миссис Донахью, расскажите нам, как это произошло.

— Расскажу непременно, все как есть расскажу.

Ваша честь, друзья, достопочтенные гости, хотя мне очень непривычно выступать вот так, перед публикой, однако при всей присущей мне скромности я уверена, что я…

— Миссис Донахью, пожалуйста, без длинных вступлений. Только факты. Касающиеся второй половины прошлого понедельника.

— Но я же про это и говорю!

— И прекрасно, продолжайте. Только излагайте попроще.

Миссис Донахью презрительно фыркнула:

— Хорошо! Я спокойно лежала, пытаясь отдохнуть хоть пару минут… У меня так много обязанностей, все эти клубы, благотворительные общества, прочие дела…

Гринберг смотрел на расположенную над ее головой шкалу детектора истины. Стрелка беспокойно подергивалась, но красной черты не пересекла ни разу, так что до сигнала предупреждения дело пока не дошло. Гринберг решил, что напоминать ей об этом, пожалуй, не стоит.

— Как вдруг меня охватил какой-то необъяснимый ужас.

Стрелка прыгнула далеко за черту, загорелась красная лампочка, и послышалось противное гудение зуммера. Кто-то захихикал.

— Порядок в суде! — торопливо возгласил Гринберг. — Приставу даны указания выводить из зала всех, кто мешает ведению заседания.

Когда раздался звук зуммера, миссис Донахью резко смолкла. Мистер Бинфилд с мрачной физиономией тронул ее за рукав и сказал:

— Не обращайте внимания, дорогая леди. Просто расскажите суду о том, что вы слышали, о том, что увидели, и о том, что вы сделали.

— Да он же подсказывает свидетелю, — запротестовала Бетти.

— Ну и что? — возразил ей Гринберг. — Кто-то ведь должен это делать.

— Но ведь…

— Протест отклонен. Свидетель может продолжать.

— Хорошо! Э-э-э… ну, услышала я этот самый шум и подумала, что же это может такое быть. Я выглянула наружу и увидела, как этот огромный разъяренный зверь носится по моему саду и…

Снова раздался сигнал зуммера; на этот раз человек десять из зрителей ответили громким смехом.

— Выключит кто-нибудь эту дурацкую штуку? — раздраженно спросила миссис Донахью. — Я просто не понимаю, как можно давать

показания в такой обстановке.

— Порядок в зале! — призвал Гринберг. — Если так будет продолжаться, суд сочтет необходимым арестовать кого-нибудь за неуважение. — Затем он повернулся к миссис Донахью. — Если свидетель согласился на использование детектора истины, это решение не подлежит пересмотру. Однако данные, получаемые с помощью этого прибора, являются чисто вспомогательными, суд не обязан исходить из них при вынесении решения. Продолжайте.

— Да уж, надеюсь. Ведь я в жизни никогда не врала.

Зуммер безмолвствовал. Гринберг грустно подумал, что она, очевидно, сама этому верит.

— Я хотел сказать, — добавил он, — что суд сам принимает решения, никакая машина не может это сделать за него.

— Мой отец всегда говорил, что такие вот штуки — порождение дьявола. Он говорил, что честный деловой человек не должен…

— Пожалуйста, миссис Донахью.

Мистер Бинфилд что-то ей прошептал, после чего миссис Донахью продолжила уже более спокойным голосом:

— Так вот, там была эта самая тварь, этот огром-

ный зверь, который живет у соседского мальчика. Этот зверь пожирал мои розы.

— И что сделали вы?

— Я не знала, что мне делать. Я схватила первое, что попалось мне под руку… это оказалась швабра… и бросилась во двор. Зверь кинулся на меня и…

Зззззз!

— Не могли бы вы повторить еще раз, миссис Донахью?

— Ну… во всяком случае, я бросилась на него и начала лупить по голове. Он щелкнул на меня зубами. Эти огромные клыки…

Зззззз!

— И что же произошло потом, миссис Донахью?

— Эта трусливая тварь повернулась и выбежала с моего двора. Я не знаю, куда она потом делась. Но мой сад! Мой замечательный сад! Что в нем творилось! Он был просто весь уничтожен.

Стрелка заколебалась, но зуммер молчал.

— Мистер Бинфилд, — Гринберг повернулся к адвокату, — вы осмотрели повреждения, нанесенные саду миссис Донахью?

— Да, ваша честь.

— Вы можете сообщить нам оценку нанесен-

ного ущерба?

Мистер Бинфилд решил, что лучше уж он потеряет клиентку, чем позволит, чтобы на него в открытом суде гудела эта проклятая игрушка.

— Съедено пять кустов, ваша честь, целиком или частично. Причинены небольшие повреждения газону, и пробито отверстие в фигурной решетке.

— Денежное выражение ущерба?

На этот раз мистер Бинфилд ответил крайне осторожно:

— Сумма, на которую мы подали иск, находится перед вами, ваша честь.

— Это не ответ на мой вопрос, мистер Бинфилд.

Мистер Бинфилд внутренне пожал плечами и вычеркнул миссис Донахью из списка выгодных клиентов.

— Что-то порядка пары сотен, ваша честь, если считать ущерб, нанесенный собственности. Но суд должен учесть причиненное беспокойство и душевные муки моего клиента.

— Но это же просто возмутительно! — взвизгнула миссис Донахью. — Мои премированные розы!

Стрелка далеко прыгнула, но вернулась на

место слишком быстро, чтобы успел сработать зуммер.

— Какие премии, миссис Донахью? — устало спросил Гринберг.

— Эти кусты росли прямо по соседству со знаменитыми, не раз премированными розами миссис Донахью, — поспешно вмешался адвокат, — и я счастлив сказать, что ее отважное поведение спасло наиболее ценные кусты.

— Можете вы добавить еще что-нибудь?

— Думаю, нет. У меня есть фотографии, где все отмечено и подписано.

— Прекрасно.

Миссис Донахью готова была испепелить своего адвоката взглядом:

— Хорошо! А вот я лично хочу кое-что добавить. Я настаиваю, повторяю, настаиваю на одной вещи — на том, чтобы это опасное кровожадное чудовище было немедленно уничтожено.

Гринберг повернулся к Бинфилду.

— Это официальное прошение, советник? — спросил он. — Или можно считать заявление миссис Донахью всего лишь ораторским приемом?

Бинфилд явно чувствовал себя не в своей тарелке:

— У нас есть такое прошение, ваша честь.

— Суд примет его.

— Эй, подождите секундочку! — вступила в разговор Бетти. — Ведь Ламми съел всего-то несколько ее старых вшивых…

— Потом, мисс Соренсон.

— Но ведь…

— Пожалуйста, позже. У вас будет еще возможность высказаться. Суд считает, что теперь в его распоряжении находятся все необходимые факты, относящиеся к этому делу. Желает кто-нибудь изложить новые факты или прибегнуть к дополнительному допросу кого-либо из свидетелей? Или выдвинуть нового свидетеля?

— Мы желаем, — мгновенно ответила Бетти.

— Желаете чего?

— Мы желаем вызвать нового свидетеля.

— Прекрасно. Он находится здесь?

— Да, ваша честь. Снаружи. Это Ламмокс.

На лице Гринберга появилось задумчивое выражение.

— Если я вас правильно понял, вы предлагаете, чтобы этот… э-э-э… Ламмокс дал показания в свою защиту?

— А почему бы и нет? Он ведь умеет говорить.

Один из репортеров повернулся к своему кол-

леге, что-то ему прошептал и торопливо вышел из зала. Гринберг пожевал губу.

— Я это знаю, — признался он. — И даже сам успел обменяться с ним парой слов, однако умение говорить не превращает его в надлежащего свидетеля. Ребенок может научиться разговаривать, не достигнув и годовалого возраста, но крайне редко малолетний ребенок — ну, скажем, в возрасте до пяти лет — признается способным давать свидетельские показания. Суд принимает во внимание, что представители негуманоидных рас… не являющиеся людьми в биологическом смысле слова… могут, вообще говоря, давать показания. Но не было представлено никаких доказательств компетентности данного конкретного внеземного существа.

— У тебя что, шарики за ролики? — обеспокоенно зашептал Джон Томас. — Ведь Ламми может такого наговорить…

— Цыц! — отмахнулась от него Бетти и продолжила, обращаясь к Гринбергу: — Послушайте, мистер уполномоченный. Вы тут наговорили кучу красивых слов, только что они означают? Вы уже готовы вынести решение, касающееся Ламмокса, и даже не побеспокоились задать ему самому ни одного вопроса. Вы говорите, что он

не может давать квалифицированных показаний. Но я видела здесь и других, которые тоже не очень-то хорошо с этим справлялись. Спорю на что хотите: если вы подключите этот детектор к Ламми, он не будет звенеть. Конечно, Ламмокс наделал много, чего не следовало делать. Но что такого ужасного в том, что он съел несколько чахлых старых кустов и капусту мистера Ито? Вы сами, когда были маленьким, тоже ведь, наверное, таскали конфеты, если думали, что никто не видит?

Бетти перевела дыхание:

— А теперь подумайте, если бы за то, что вы утащили конфету, кто-нибудь съездил вам по лицу шваброй. Или выстрелил в вас из пушки. Вы бы не испугались? Не побежали? Ламми очень тихий и дружелюбный. Все соседи об этом знают… ну, разве, кроме таких, которые глупее и безответственнее его самого. Но кто-нибудь попытался поговорить с ним? Нет! На него набрасывались, в него стреляли, его перепугали до полусмерти, его загоняли до того, что он свалился с моста. Вы говорите, что Ламми неправомочен. А если хорошенько подумать, кто здесь неправомочен по-настоящему? Ламми? А может, все эти люди, которые его травили? И теперь они же хотят

его убить. Я так понимаю, что, если маленький мальчик стащит конфету, они оттяпают ему голову — просто на всякий случай, чтобы впредь неповадно было. Они что, все с ума посходили? Что это за фарс?!

Бетти замолчала, слезы катились по ее щекам. Способность пускать слезу по желанию служила ей хорошую службу в школьном театре, но на этот раз, к своему удивлению, она обнаружила, что эти слезы настоящие.

— Вы закончили? — спросил Гринберг.

— Да. Думаю, пока да.

— Должен признать, что вы изложили свое мнение весьма трогательно. Однако суд не может руководствоваться в своих решениях эмоциями. Видимо, вы хотели сказать, что по большей части причиной нанесенного ущерба, скажем даже — всего ущерба, за вычетом розовых кустов и капусты, были неадекватные действия людей и, следовательно, нельзя возлагать вину за них на Ламмокса и его владельца?

— Сами подумайте, ваша честь. Все-таки обычно хвост следует за собакой, а не наоборот. Почему бы вам не спросить самого Ламми, как, по его мнению, все это выглядело?

— Мы еще подойдем к этому. Что касается дру-

гого спорного вопроса: я не могу согласиться с законностью вашей аналогии. Мы имеем дело не с маленьким ребенком, а с животным. И если данный суд издаст постановление об уничтожении этого животного, это решение не будет ни наказанием, ни местью, поскольку предполагается, что такие понятия животному недоступны. Решение будет иметь сугубо превентивный характер — нельзя допустить, чтобы потенциальная опасность превратилась в реальную угрозу жизни, здоровью или собственности какого-либо человека. Маленького ребенка может без труда сдержать нянька, но мы имеем дело с существом весом в несколько тонн, способным неосторожным движением раздавить человека. Я не нахожу ни малейшего сходства между этим существом и маленьким мальчиком, ворующим конфеты.

— Не находите? Да этот маленький мальчик может вырасти и стереть с лица Земли целый город, просто нажав на во-о-от такусенькую кнопочку. А раз так — долой ему голову, пока вырасти не успел. И не надо спрашивать его, почему он взял эту конфету, не надо вообще ни о чем спрашивать! Он плохой мальчик, так что отрубить голову — и конец всем беспокойствам.

Гринберг снова невольно закусил губу.

— Так вы хотите, чтобы были выслушаны показания Ламмокса? — спросил он.

— Кажется, я об этом уже сказала.

— Я не совсем уверен, что именно вы сказали. Суд рассмотрит ваше прошение.

— Ваша честь, я протестую, — быстро вмешался мистер Ломбард. — Если это крайне необычное…

— Пожалуйста, подождите с вашим протестом. Суд объявляет перерыв на десять минут. Всем остаться. — Гринберг встал и вышел из зала. Он вынул сигареты, в очередной раз обнаружил, что у него нет спичек, и снова засунул пачку в карман.

Черт бы побрал эту девицу! Ведь он уже аккуратным образом рассчитал, как тихо прикрыть это дело, к вящей славе родного Министерства и к радости всех заинтересованных лиц… ну разве, за исключением мальчишки Стюарта, но тут уж ничего не попишешь… мальчишки и этой несуразной, не по годам развитой юной млекопитающей, которая приняла его под крыло. И теперь держит под каблуком.

Конечно же, нельзя было допустить уничтожения этого уникального экземпляра. Но Гринберг собирался организовать все осторожно, чтобы комар носа не подточил… Отклонить прошение

этой злобной старой склочницы, поскольку причина его очевидна, личная неприязнь, и сказать в частном порядке шефу полиции, чтобы отозвал другое прошение. Прошение от общества «Сохраним Землю для неандертальцев» вообще не имеет силы. Но тут из-за этой занозы-девчонки, которой бы не болтать, а слушать, создается впечатление, будто можно заставить Министерство подвергнуть риску общественное благополучие ради всякой там сентиментальной антропоморфной ерунды.

Чтоб ей провалиться, с ее голубыми глазками!

А ведь потом его обвинят в том, что он поддался влиянию этих голубых глазок. Лучше бы уж она была уродиной.

Владелец животного несет ответственность за ущерб; в делах о «животных без присмотра» имелись тысячи прецедентов, которые могли подкрепить постановление суда, ведь мы, слава тебе господи, не на планете Тенкора. Вся эта болтовня насчет вины тех, кто перепугал животное, — яйца выеденного не стоит. Однако, если рассматривать это ВЗС как научный образец, оно стоит значительно больше суммы причиненного ущерба, так что в финансовом отношении мальчишка не пострадает.

Гринберг вдруг осознал, что дал своим мыслям потечь по сугубо неюридическому пути. Его совершенно не должно касаться, может ли ответчик заплатить по искам.

— Простите, ваша честь, но не стоит баловаться этими штуками.

Гринберг резко оглянулся, готовый оторвать кому-нибудь голову, и обнаружил рядом с собой секретаря суда. Тут до него дошло, что он в задумчивости крутит тумблеры на приборной панели. Гринберг отдернул руку:

— Простите.

— Если человек не знает, что тут и как, — извиняющимся голосом сказал секретарь, — такого можно наделать…

— Вы правы. К сожалению, вы совершенно правы. — Гринберг поспешил в зал. — Заседание продолжается.

Заняв свое место, он сразу же повернулся к мисс Соренсон:

— Суд постановляет, что Ламмокс не может являться надлежащим свидетелем.

Бетти ахнула:

— Ваша честь, вы поступаете несправедливо!

— Возможно, что и так.

Бетти на мгновение задумалась.

— Мы ходатайствуем об изменении места рассмотрения дела.

— И где это вы успели нахвататься всех этих штучек? Впрочем, не важно, изменение уже произошло, когда вмешалось Министерство. Другого не будет. А теперь — нельзя ли вас попросить о любезности помолчать немного… просто для разнообразия.

Лицо Бетти залилось краской.

— Вам следовало бы сделать самоотвод!

Гринберг намеревался хранить полное, истинно олимпийское спокойствие, но сейчас ему это давалось с трудом. Он трижды медленно, глубоко вздохнул.

— Юная леди, — сказал он, тщательно подбирая слова, — весь день вы пытаетесь внести сумятицу в рассмотрение дела. Вам совершенно не нужно что-либо еще говорить, вы и так уже наговорили больше чем нужно. Вы меня понимаете?

— Я этого не делала, я все равно буду, мне это не нравится.

— Не понял. Вы не могли бы повторить?

— Нет, — Бетти посмотрела на него, — я лучше возьму свои слова обратно, а то вы опять заговорите про «неуважение к суду».

— Нет-нет. Мне просто хотелось запомнить.

Не думаю, чтобы я когда-нибудь слышал столь всеохватывающее заявление. Ну да ладно, вы просто попридержите свой язычок. Если, конечно, знаете, как это делается. Вы сможете выступить позднее.

— Да, сэр.

Гринберг повернулся к остальным:

— Ранее суд заявлял, что, если будет решено сделать это слушание окончательным, участники будут надлежащим образом оповещены. Суд не видит причин, мешающих перейти к вынесению решений. Возражения?

Адвокаты неловко заерзали, оглядываясь друг на друга. Гринберг повернулся к Бетти:

— Что насчет вас?

— Я? Я думала, что лишена права голоса.

— Так как — закончим мы сегодня это дело?

Бетти оглянулась на Джона Томаса и тусклым голосом произнесла:

— Возражений нет, — затем наклонилась к нему и прошептала: — Джонни, я и вправду старалась!

Тот пожал под столом ее руку:

— Я же и сам все видел, Молоток.

Гринберг сделал вид, что ничего не услышал. Он продолжил холодным, официальным голо-

сом:

— Перед судом находится прошение об уничтожении ВЗС Ламмокса на том основании, что он опасен и не поддается контролю. Факты не подтвердили данную точку зрения. Прошение отклоняется.

Бетти ахнула и завизжала. Пораженный Джон Томас широко ухмыльнулся, в первый раз за весь суд.

— К порядку, пожалуйста, — мягко сказал Гринберг. — У нас есть еще одно прошение, смысл такой же, но другая аргументация. — Он поднял бумагу, поданную лигой «Сохраним Землю для людей». — Суд находит себя неспособным понять излагаемые здесь доводы. Прошение отклоняется. Предъявлено четыре уголовных обвинения. Я снимаю все четыре. Закон требует…

— Но, — с крайним удивлением на лице заговорил городской поверенный, — ваша честь…

— Не будете ли вы так добры приберечь доводы, если они у вас действительно есть, до начала своего выступления. Так вот, в данном деле невозможно усмотреть преступное намерение, из-за чего может создаться впечатление, что о преступлении вообще нельзя говорить. Однако есть случаи, когда закон требует от граждани-

на проявления должной осмотрительности в целях защиты окружающих. В таких делах появляется понятие конструктивного намерения — в соответствии с этим понятием и должны рассматриваться такие дела. Предусмотрительность основывается на опыте, личном или опосредованном, а не на совершенно нелепом предугадывании всех возможных обстоятельств. По мнению данного суда, имевшие место предосторожности показывают вполне достаточную предусмотрительность в свете всего имевшегося опыта… опыта, имевшегося, скажем, к прошлому понедельнику. — Он повернулся к Джону Томасу. — Я хочу сказать следующее, молодой человек: на тот момент ваши меры предосторожности были «разумными», насколько вам было известно. Теперь вы лучше понимаете ситуацию. И если эта тварь снова сорвется с привязи, вам мало не будет.

Джонни с трудом сглотнул.

— Да, сэр.

— Остаются гражданские иски по возмещению ущерба. Здесь подход другой. Опекун несовершеннолетнего или собственник животного несет ответственность за ущерб, причиненный этим ребенком или этим животным; закон считает,

что лучше пусть пострадает собственник или опекун, чем ни в чем не повинная третья сторона. За исключением одного момента, который я пока оставлю в стороне, имеющиеся иски подпадают под это правило. Во-первых, позвольте отметить, что один или несколько этих исков требуют возмещения реального ущерба, штрафа за нанесенный ущерб и карательного взыскания.[78] Для карательного и штрафного взыскания оснований не найдено, соответствующие просьбы отклоняются. Думаю, что мы пришли к согласию относительно сумм реального ущерба, адвокаты с этим согласны. Что касается этих сумм, то Министерство по делам космоса, исходя из общественных интересов, берет их возмещение на себя.

— Хорошо, что мы записали его неотчуждаемым, — прошептала Бетти. — Ты только посмотри на этих стервятников из страховых компаний.

— До сих пор я оставлял в стороне один момент, — продолжал Гринберг. — Здесь уже поднимался, правда косвенно, вопрос о том, что Ламмокс, возможно, не является животным, а значит, не является и предметом собственности.

---

[78] notes: 78

В оригинале «punitive and exemplary damages», которые являются синонимами.

Что, возможно, он является разумным существом в смысле кодекса «Обычаи цивилизаций» и, следовательно, сам себе хозяин. — Гринберг немного помедлил. Он хотел внести свою лепту в «Обычаи цивилизаций», и ему очень не хотелось, чтобы это дополнение было отвергнуто. — Мы давно запретили рабство; ни одно разумное существо не может быть предметом собственности. Однако в каком положении оказываемся мы, если Ламмокс разумен? Можно ли считать Ламмокса лично ответственным? Непохоже, чтобы он обладал достаточным знанием наших обычаев, как не похоже и то, что он оказался на Земле по своей доброй воле. Не являются ли предполагаемые владельцы в действительности его опекунами, ответственными за него уже в этом качестве? Все эти вопросы сводятся к следующему: является ли Ламмокс предметом собственности или свободным разумным существом?

Данный суд уже выразил свое мнение, отказав Ламмоксу в праве выступать свидетелем… на настоящий момент. Но этот суд не полномочен давать окончательное решение по такому вопросу при всей своей уверенности в том, что Ламмокс — животное.

Поэтому суд по собственной инициативе воз-

буждает дело об определении истинного статуса Ламмокса. Тем временем Ламмокс поручается попечению местных властей, каковые будут нести ответственность как за его безопасность, так и за то, чтобы он не подвергал опасности окружающих. — Гринберг замолчал и сел на место.

Если бы какой мухе захотелось в этот момент залететь в чей-то открытый рот — выбор у нее был бы необычайно широкий. Первым опомнился адвокат «Взаимной гарантии» мистер Шнейдер:

— Ваша честь? И что же тогда получается с нами?

— Не знаю.

— Но… послушайте, ваша честь, давайте прямо взглянем на факты. У миссис Стюарт нет никакой собственности или фондов, она живет на средства треста. То же самое относится и к мальчику. Мы надеялись получить свои деньги за счет самого животного; постаравшись, за него можно взять хорошую цену. А теперь вы, разрешите так выразиться, все разрушили. Да ведь если кто-нибудь из этих типов… ладно, назовем их «учеными»… начнет свои исследования, которые могут тянуться долгие годы, или, того хуже, бросит хоть тень сомнения на статус этого животного — ну и где нам, спрашивается, искать тогда возмещение?

Подавать в суд на город?

Ломбард мгновенно оказался на ногах:

— Эй, послушайте, вы не можете подать в суд на город! Город сам является одной из пострадавших сторон. Если так рассуждать…

— Порядок в суде! — сурово приказал Гринберг. — Ни на один из этих вопросов мы не можем ответить в настоящий момент. Все гражданские иски сохраняют силу до окончательного выяснения статуса Ламмокса. — Он задумчиво поглядел в потолок. — Но есть еще один вариант. Насколько можно понять, это существо прибыло на Землю на борту «Следопыта». А если мне не изменяет знание истории, все образцы, привезенные этим кораблем, принадлежат государству. Даже в том случае, если Ламмокс — объект собственности, он, возможно, все равно не является собственностью частной. В таком случае источник возмещения ущерба может оказаться предметом несколько более сложного разбирательства.

Мистер Шнейдер был ошеломлен, мистер Ломбард был возмущен, Джон Томас был растерян.

— Что это судья хочет сказать? — прошептал он Бетти. — Ламмокс мой, и только мой.

— Тсс… — прошептала Бетти. — Ведь я же говорила тебе, что он нас вытащит. Мистер Гринберг

— просто зайка.

— Но ведь…

— Заткнись. Мы выигрываем.

За все время суда, исключая дачу показаний, сын мистера Ито не проронил ни слова. Теперь он встал:

— Ваша честь?

— Да, мистер Ито?

— Я всего этого не понимаю, я простой фермер. Я хочу только одно знать: кто заплатит за папины теплицы?

Джон Томас поднялся.

— Я заплачу, — просто сказал он.

Бетти дернула его за рукав:

— Да замолчи же ты, идиот!

— Это ты замолчи. Ты уже достаточно поговорила сегодня. — (Бетти умолкла.) — Мистер Гринберг, все уже, похоже, высказались. Можно и мне кое-что сказать?

— Пожалуйста.

— Сегодня я много всякого выслушал. Тут пытались доказать, что Ламмокс опасен, а это совершенно не так. Пытались сделать, чтобы его убили, — просто по злобе… да, да, это я про вас, миссис Донахью!

— Обращайтесь, пожалуйста, только к суду, —

спокойно вставил Гринберг.

— Вы тоже говорили очень много. Я не все понял, но, вы меня простите, кое-что из сказанного показалось мне очень глупым. Извините, пожалуйста.

— Я не сомневаюсь, что вы не хотели оскорбить суд.

— Ну, скажем… насчет того, является ли Ламмокс предметом собственности. Или — достаточно ли он умен, чтобы получить избирательное право. Ламмокс очень умный, наверное, никто, кроме меня, не знает, какой он умный. Но у него нет никакого образования, и он нигде не бывал. Однако это не имеет никакого отношения к вопросу, чей он. Он мой. Ровно так же, как я принадлежу ему… мы же вместе выросли. Так вот, я знаю, что именно я ответствен за все перепорченное в понедельник… Ты можешь помолчать, Бетти? Сейчас я не смогу заплатить за все это, но в конце концов я заплачу. Я…

— Одну секунду, молодой человек. Суд не может позволить вам взять на себя ответственность, не посоветовавшись с адвокатом. Если вы намерены это сделать, суд назначит вам защитника.

— Вы говорили, что я могу высказаться.

— Продолжайте. Отметьте в протоколе, что

все сказанное вами не накладывает на вас обязательств.

— Именно накладывает, потому что я действительно собираюсь расплатиться. Очень скоро фонд, оставленный на мое образование, поступит в мое распоряжение, и его суммы примерно хватит. Я думаю, что смогу…

— Джон Томас! — воскликнула миссис Стюарт. — Ты не сделаешь этого!

— Мама, ты бы тоже лучше в это дело не лезла. Я собирался сказать…

— Ты ничего не скажешь! Ваша честь, он же…

— К порядку! — прервал их Гринберг. — Ничто из сказанного не накладывает никаких обязательств. Пусть парень говорит.

— Спасибо, сэр. Но я все равно уже заканчиваю. Мне только надо сказать кое-что и вам, сэр. Ламми очень тихий и робкий. Я могу справиться с ним потому, что он мне доверяет, — но если вы думаете, что я позволю кому-нибудь пихать его туда-сюда, задавать дурацкие вопросы, гонять его через свои лабиринты и всякие такие штуки, — вы сильно ошибаетесь, я этого не потерплю. Сейчас Ламми болен. На него свалилось больше, чем он может выдержать. Бедный…

* * *

Ламмокс ждал Джона Томаса дольше, чем ему хотелось, потому что не знал в точности, куда тот ушел. Он видел, как Джон исчез в толпе, но не был уверен, вошел ли он в большой дом, стоящий неподалеку. Проснувшись в первый раз, он попытался уснуть снова, но вокруг все время крутились какие-то люди, и ему приходилось опять и опять заставлять себя просыпаться — сторожевые центры его мозга не очень хорошо разбирались в сложных ситуациях. Сам-то он не думал об этих центрах, а просто раз за разом просыпался от чего-то вроде предупредительного звонка.

Потом ему это надоело, и он решил, что пора найти Джона Томаса и отправиться домой. Таким образом, он все-таки нарушил приказ Бетти, но, с другой стороны, Бетти — это не Джонни.

Поэтому он обострил свой слух и попытался обнаружить Джонни. Он слушал долго, несколько раз слышал голос Бетти, но она его не интересовала. Он продолжал слушать.

И вот наконец Джонни! Ламмокс отгородился от всего остального и прислушался внимательнее. Так и есть, он в большом доме. Но что это?

Голос Джонни звучит в точности как при спорах с матерью. Ламмокс немного расширил диапазон своего слуха, пытаясь определить, что же там происходит.

Они говорили о чем-то совершенно непонятном. Ясно было одно: Джонни кто-то обижает. Его мать? Один раз до него донесся и ее голос; Ламмокс знал, что у нее есть какое-то право обижать Джонни, ну вроде как Джонни может со злостью говорить с ним самим. Это не имело особого значения. Но там был кто-то еще… другие люди, и у них, во всяком случае, такого права не было точно.

Ламмокс решил, что пора действовать. Он поднялся на ноги.

Красноречие Джона Томаса так и оборвалось на слове «бедный». Снаружи раздались вопли, и все сидевшие в зале в недоумении повернули голову к двери. Шум быстро приближался, и мистер Гринберг только собрался послать пристава выяснить, в чем там дело, как необходимость в этом отпала сама собой. Дверь в зал суда как-то странно вспучилась, а затем слетела с петель. В зал, вырвав по дороге часть стены, вступила передняя часть Ламмокса, украшенная на манер жабо дверной рамой. Ламмокс широко открыл

пасть и пропищал:

— Джонни!

— Ламмокс, — крикнул Джонни в ответ. — Не двигайся! Оставайся на месте! Совсем не двигайся!

В этот момент стоило посмотреть на лицо каждого из присутствующих в зале, но даже при таком широком выборе самое интересное выражение было у особого уполномоченного Сергея Гринберга.

Глава 5
Вопрос смены ракурса

Достопочтенный мистер Кику, заместитель министра по делам космоса, выдвинул ящик стола и внимательно изучил свою коллекцию таблеток. Сомневаться не приходилось: его язва желудка вновь обострилась. Проглотив таблетку, он устало вернулся к текущим делам.

Приказ Технического комитета Министерства обязывал все межпланетные корабли класса «Пеликан» вернуться в порты приписки для проведения каких-то непонятных изменений в конструкции. Приложенные к приказу технические спецификации мистер Кику не стал даже раскрывать; он подписался в графе «Утверждаю», пометил на приказе «ИСПОЛНИТЬ НЕМЕДЛЕННО» и кинул его в корзину для исходящих. Технической безопасностью в космосе занимался Техком; сам Кику в технике ничего не понимал и понимать не хотел; он будет поддерживать все решения главного инженера или уволит его и назначит нового.

С мрачной решимостью он сознавал, что фи-

нансовые тузы — владельцы кораблей класса «Пеликан» — скоро начнут зудеть на ухо министру… и очень скоро министр выйдет из себя и, напуганный политическим весом этих славных джентльменов, скинет это дело на мистера Кику.

У него возникли сомнения насчет этого нового министра. Он что-то никак не освоится на своем месте.

Следующая бумага пришла к нему не для принятия решения, а только для информации, и пришла она во исполнение постоянно действующего указания, чтобы все касающееся министра, каким бы рутинным ни оказалось дело, ложилось на стол к мистеру Кику. Это дело выглядело рутинным и несущественным; согласно приложенной аннотации некая организация под названием «Друзья Ламмокса», возглавляемая миссис Беулой Мергитройд, требовала аудиенции у министра; их, естественно, отфутболили к замминистра по связям с общественностью.

Читать дальше не имело смысла. Вэс Роббинс зацелует их до смерти и не позволит побеспокоить ни министра, ни мистера Кику. Он немного посмаковал идею наказать министра, натравив на него эту миссис Мергитройд, но это была всего лишь мимолетная фантазия; время министра

следовало беречь для действительно важных дел и краеугольных решений, а не переводить его попусту на всяких провинциальных психов. Любая организация, называющая себя «Друзья того или этого», состоит из кого-то, преследующего свои корыстные цели, и обычного ассортимента из известных придурков и профессиональных напыщенных индюков. Но такие шайки вполне могли доставить неприятности… поэтому — никогда не следует давать им того, что они требуют.

Он отослал бумагу в архив и взялся за докладную из Эконкома. Большой дрожжевой завод в Сент-Луисе поражен вирусом — это значило недостаток белков у населения и переход на более радикальное нормирование. Голод на Земле не входил в круг прямых обязанностей мистера Кику. И все же он несколько секунд задумчиво глядел на бумагу; калькулятор в его голове вел подсчеты. Затем мистер Кику вызвал своего помощника:

— Вонг, ты смотрел Эконком Аи ноль четыре двадцать восемь?

— Насчет дрожжей в Сент-Луисе? Вроде да, босс.

— И чего ты не сделал в связи с этим?

— А ничего не сделал. Думаю, это не по моей

части.

— Значит, думаешь. А наши внеземные станции — они тоже не по твоей части? Ну-ка, погляди графики снабжения на ближайшие полтора года и сопоставь их с Аи ноль четыре двадцать восемь. А после подумай, что теперь будет. Может, тебе придется овец закупать в Австралии, причем не на бумаге — в натуре, реально вступать во владение. Неужели наши люди должны голодать только из-за того, что какой-то дебил в Сент-Луисе уронил свои вонючие носки в чан с дрожжами?

— Есть, сэр.

Мистер Кику вернулся к бумагам. Он уже жалел о своей грубости. Ведь ясно, что причина его раздражительности — не просчет Вонга, причина — в докторе Фтаемле. Да и не доктор Фтаемл виноват, а он сам! Мистер Кику прекрасно понимал, что расовые предрассудки до добра не доводят, особенно на такой работе. Еще он прекрасно понимал, что благодаря таким причудливым существам, как доктор Фтаемл, различия в цвете кожи, волосах и контуре лица у разных пород людей выглядят несущественными, благодаря чему он сам находится в относительной безопасности от преследований.

И все равно, против себя не попрешь. Он нена-

видел даже тень Фтаемла и не мог с этим ничего поделать.

Если бы этот сукин сын хотя бы носил на голове тюрбан, все было бы легче… Так нет! Он непременно будет разгуливать с этими проклятыми змеями на голове, извивающимися, как черви в банке. Рарджиллианцы ими гордятся. Пожалуй, даже держат за неполноценных тех, у кого их нет на голове.

«Да что это я! Фтаемл — отличный парень». Мистер Кику сделал себе заметку — пригласить Фтаемла на обед, и не откладывая. В конце концов он сделает себе глубокую гипнотическую подготовку. После этого ужин перестанет быть проблемой. Только вот при одной этой мысли снова начались рези в желудке.

Кику не имел ничего против рарджиллианца. Рарджиллианец поставил перед Министерством совершенно неразрешимую задачу, ну и что? Разрешение неразрешимых задач для Министерства было обычным делом. Это была просто… Нет, почему этот монстр не может подстричься?

Представив доктора Фтаемла остриженным наголо и с головой в шишках, мистер Кику улыбнулся и вернулся к работе, чувствуя себя немного получше. Что теперь? Краткий отчет о команди-

ровке… да, конечно же, Сергей Гринберг. Молодец Сергей. Пробежав глазами начало, мистер Кику потянулся было за ручкой, чтобы завизировать рекомендации, которые сделал Гринберг.

Но рука остановилась на полдороге. С секунду он глядел на бумагу и затем ткнул пальцем в кнопку:

— Архив! Пришлите мне полный отчет о командировке мистера Гринберга, той, из которой он вернулся несколько дней назад.

— Вы можете назвать номер, сэр?

— Это насчет вмешательства Министерства, вы там легко найдете. А, погодите-ка, вот оно. Рт ноль четыре одиннадцать, за прошлую субботу. Пришлите немедленно.

Он едва успел разделаться еще с полудюжиной бумаг, как чпокнула пневматическая труба и на стол к нему выскочил маленький цилиндр. Мистер Кику вставил его в читальный аппарат и поудобней уселся в кресле. Большой палец правой руки лег на регулятор скорости движения текста по экрану.

Менее чем за семь минут он просмотрел не только полную стенограмму суда, но и доклад Гринберга о прочих событиях. Мистер Кику читал с помощью этой машины не менее двух тысяч

слов в минуту; диктофонные записи и личные устные доклады были, по его мнению, пустой тратой времени. Однако, когда машина щелкнула и остановилась, мистер Кику решил, что на этот раз без устного доклада не обойтись. Он наклонился к селектору и повернул тумблер:

— Гринберг.

Гринберг поднял голову от стола:

— Как поживаете, босс?

— Зайди, пожалуйста, ко мне. — И, не тратя времени на вежливости, мистер Кику отключил связь.

Гринберг подумал, что босса, похоже, снова беспокоит желудок. Но придумывать себе какое-нибудь позарез срочное дело за пределами Министерства было уже поздно, так что он поспешил наверх и предстал перед мистером Кику с обычной своей улыбкой во все лицо:

— Привет, босс.

— Доброе утро. Я читал твой отчет о вмешательстве.

— Ну и?

— Сколько тебе лет, Гринберг?

— Что? Тридцать семь.

— Мм. И в каком ты чине?

— Сэр? Офицер дипломатической службы, вто-

рой класс. Исполняю обязанности по первому.

«Что за бред? — подумал он про себя. — Дядя Генри и так все знает… до размера моих ботинок включительно».

— Достаточно взрослый, чтобы хоть немного соображать, — вслух размышлял Кику. — И чин вполне подходящий, чтобы самому быть послом… или первым заместителем какого-нибудь политикана, которого назначили послом. Сергей, как вышло, что ты оказался таким отъявленным тупицей?

У Гринберга заиграли на щеках желваки, но он ничего не ответил.

— Ну так как?

— Сэр, — ледяным голосом ответил Гринберг, — вы старше и опытнее меня. Так разрешите полюбопытствовать, как это вышло, что вы оказались таким отъявленным хамом?

Губы мистера Кику слегка дрогнули, но улыбаться он не спешил.

— Хороший вопрос. По делу. Мой психиатр объясняет это тем, что я — прирожденный анархист, попавший не на свое место. А теперь садись, и мы все-таки поговорим на тему, почему ты такой тупица. Сигареты в подлокотнике.

Гринберг сел, выяснил, что он, как всегда, без

спичек, и попросил прикурить.

— Я же не курю, — ответил Кику. — Но мне казалось, что эти зажигаются сами. Нет?

— А, да, я и не заметил. — Гринберг закурил.

— Вот видишь? Для чего, спрашивается, у тебя глаза и уши? Сергей, как только эта тварь заговорила, ты был обязан отложить слушание до тех пор, пока мы не узнаем о ней все.

— Мм… видимо, так.

— Он еще говорит «видимо»! Сынок, твой внутренний сигнал тревоги должен был греметь, как будильник в понедельник утром. А ты? Ты позволил, чтобы кто-то другой выложил тебе все возможные последствия этого дела. И когда выложил? Когда ты считал суд уже законченным. И кто? Какая-то малолетняя пигалица. Я рад, что не читаю газет. Вот уж они, наверное, отвели душу.

Гринберг покраснел. В отличие от босса он газеты читал.

— А потом, когда она уложила тебя на лопатки, ты жалко барахтался, пытаясь встать на ноги, вместо того чтобы ответить на ее вызов. Ты спросишь каким образом? Да просто отложив слушание и постановив провести исследование, причем сделать это надо было в самом начале. Ты…

— Но я же постановил его провести.

— Не перебивай, я хочу поджарить тебя с двух сторон. Затем ты начал выносить решение, невиданное с тех пор, как Соломон постановил распилить младенца пополам.[79] Ты что, учился заочно? И в какой дыре, позволь мне узнать?

— В Гарварде, — угрюмо ответил Гринберг.

— Хм… Ладно, пожалуй, я был чересчур строг к тебе, малыш. Ты вырос среди умственно отсталых. Но ради семидесяти семи семизадых богов Сарванчила пусть мне кто-нибудь объяснит, что ты делаешь потом! Сначала ты отклоняешь прошение мэрии об уничтожении этой зверюги в интересах безопасности населения, а затем поворачиваешь на сто восемьдесят, господи помилуй, и удовлетворяешь это прошение, и говоришь, чтобы они его убили… после формального одобрения нашего Министерства. И все — за каких-то десять минут. Тушите свет, все смеются. Сынок, ты можешь выставлять самого себя идиотом,

---

[79] notes: 79

История из Библии (3 Цар. 2: 16–28), две женщины явились к царю Соломону с просьбой разрешить их спор из-за мальчика. Обе родили в один и тот же день сыновей, ночью один ребенок умер, и его мать подложила мертвого младенца к спящей, а сама взяла у нее живого. Каждая из женщин утверждала, что ребенок ее. Соломон велел рассечь дитя надвое и отдать каждой из спорщиц ее половину. Настоящая мать ребенка отказалась, взмолившись: пусть заберут ее сына, но не убивают его.

сколько душе угодно, но Министерство мог бы и пожалеть.

— Босс, — с непривычной покорностью ответил Гринберг, — я ошибся. А когда я увидел свою ошибку, то сделал единственное, что мне оставалось, — пересмотрел решение. Зверь и вправду опасен, а держать его взаперти в Вествилле просто негде. Имей я на то право, я приказал бы уничтожить его немедленно, не дожидаясь одобрения Министерства, то есть вашего.

— Ничего себе!

— Вас там не было, сэр. Вы не видели, как рушится толстенная стена. Вы не видели всего этого бедлама.

— Не думай, что ты меня убедил. Сам-то ты видел когда-нибудь город, снесенный с лица земли водородной бомбой? А ты мне про какую-то стенку в провинциальном суде! Небось подрядчик-ворюга намешал песку вместо цемента.

— Босс, вы бы видели клетку, из которой он перед этим вырвался. Стальные двутавровые балки, все на сварке. Он сломал их, как соломинки.

— Насколько я понимаю, в этой клетке ты его и осматривал. Почему ты не побеспокоился, чтобы его закрыли понадежнее?

— Я думаю, что строительство тюрем — это не

по профилю нашего Министерства.

— Сынок, все, что хоть в малой степени связано с чем-нибудь «оттуда», — по нашему профилю. И ты это прекрасно знаешь. Когда ты будешь помнить это во сне и наяву, когда проникнешься этим до мозга костей, ты начнешь проскакивать через формальную рутину с той же скоростью, с какой почетный председатель снимает пробу с супа в больнице для бедных. Ты должен был держать ушки на макушке, держать нос по ветру и высматривать все, что относится к «особым ситуациям». А ты с ходу угодил в лужу. Теперь расскажи мне про зверя. Отчет я читал, фотографии видел, но я не могу еще по-настоящему почувствовать его.

— Ну, он небалансирующий, многоногий, точнее — восьминогий, примерно семи футов в холке. Он…

Кику насторожился:

— Восемь ног? А руки?

— Рук? Нету.

— Ну а вообще, какие-нибудь манипулятивные органы? Может, видоизмененная нога?

— Ничего подобного, босс. Если бы что-то было, я бы сразу заказал обследование по полной программе. Ступни размером с бочонок и столь же

очаровательны. А что?

— Ладно, просто я подумал о другом. Рассказывай дальше.

— Он немного смахивает на носорога, немного — на трицератопса, хотя строением отличается от всего, что водилось на нашей планете. Хозяин называет его «Ламмокс», и имя ему очень подходит.[80] Симпатичный такой зверюга, но глупый. Вот это-то и страшно, он такой здоровый и мощный, что вполне может покалечить человека просто из-за своей глупости и неуклюжести. Умеет говорить, но только на уровне четырехлетнего ребенка… на самом деле у него такой голос, словно он проглотил маленькую девочку.

— А почему ты считаешь, что он глупый? Я вот тут вижу, что его хозяин, с фамилией из учебника истории, заявляет, что он очень умный.

Гринберг улыбнулся:

— Он судит предвзято. Босс, я же сам говорил со зверем. Поверьте мне, он глупый.

— Не вижу никаких доказательств. Считать ВЗС глупым только потому, что оно не умеет говорить по-нашему, — это все равно что считать неграмотным итальянца, изъясняющегося на

---

[80] notes: 80

Имя Ламмокс (*англ.* Lummox) означает «болван», «увалень», «простофиля».

ломаном английском. Non sequitor.[81]

— Но послушайте, босс, у него же нет рук. Интеллект — максимум не выше, чем у обезьяны. Ну, может, на уровне собаки. И то вряд ли.

— Из этого следует, что в теоретической ксенологии ты законченный ортодокс, и ничего больше. Однажды такое вот умозаключение встанет и врежет ксенологу-классику по физиономии. Обязательно найдется какая-нибудь цивилизация, которой совсем не надо брать предметы своими лапками-ручонками, потому что она прошла этот этап эволюции давным-давно.

— Поспорим?

— Не буду. А где этот самый «Ламмокс» сейчас?

Отвечать Гринбергу явно не хотелось.

— Босс, все это описано в отчете, который сейчас микрофильмируют. Он будет у вас на столе с минуты на минуту.

— Вот и отлично. А пока, раз ты все видел собственными глазами, давай выкладывай.

— Я довольно близко сошелся с местным судьей и попросил держать меня в курсе. Естественно, они не могли засунуть эту тварь в местную Бастилию: на самом деле у них не было ниче-

---

[81] notes: 81
Вывод, не следующий из посылки *(лат.)*.

го достаточно крепкого, чтобы его удержать… Они сами об этом в конце концов догадались, но только после целой кучи приключений на свою голову. И было уже поздно строить что-нибудь основательное. Уж вы мне поверьте, клетка, из которой он вырвался, была действительно очень крепкой. Но шеф местной полиции провел мозговой штурм, и у них нашелся пустой резервуар со стенами футов тридцать высотой, железобетонный, часть противопожарной системы. Ну они и соорудили сходни, загнали зверя в этот резервуар, а потом сходни убрали. Выглядело надежно, существо не было сложено для прыжков.

— Пока вроде все хорошо.

— Да, но это еще не конец. Судья О'Фаррелл рассказал мне потом, что шеф полиции так нервничал, что решил не дожидаться утверждения в Министерстве и прямо приступил к казни.

— Что?!!

— Вы дослушайте до конца. Он никому не стал ничего говорить, но в эту самую ночь впускной вентиль оказался почему-то открытым и резервуар наполнился до краев. Утром, когда посмотрели, Ламмокс лежал на дне. Так что шеф Драйзер решил, что «несчастный случай» увенчался полным успехом и он утопил зверя.

— Что дальше?

— Ламмокса это вообще не побеспокоило. Он находился под водой несколько часов, а когда воду спустили, проснулся, встал и сказал всем: «Доброе утро».

— Амфибия, скорее всего. Ну и что же ты сделал, чтобы пресечь это самоуправство?

— Секунду, сэр, это еще не все. Драйзер знал, что от огнестрельного оружия и взрывчатки толку мало… вы же читали стенограмму суда… во всяком случае — если применять их в масштабе, безопасном для самого городка. Поэтому он попытался его отравить. Не зная ничего о биологии твари, он набрал с полдюжины ядов в количествах, достаточных, чтобы отравить целый полк, и рассовал всю эту химию в разные виды пищи.

— Ну и как?

— Ламмокс с радостью заглотил все до последней крошки. После этого его даже в сон не потянуло. Похоже, у него только обострился аппетит, потому что первое, что он сделал, умяв отраву, — сожрал тот самый впускной вентиль. Резервуар опять начало заливать, так что пришлось отключить его от городского водопровода.

Мистер Кику засмеялся:

— Этот Ламмокс мне начинает нравиться. Как

ты сказал, сожрал вентиль? А он был из чего сделан?

— Не знаю. Обычный сплав, полагаю.

— Хм… похоже, ему нравятся грубые корма. Возможно, у этой маленькой птички есть маленький зобик.

— Не удивлюсь, если так.

— Ну и что же потом сотворил этот полицейский герой?

— Пока ничего. Я попросил О'Фаррелла внушить Драйзеру, что если он будет упорствовать в своем стремлении перехитрить Министерство, то кончит свои дни, скорее всего, в исправительном заведении в тридцати световых годах от Вествилла. Так что теперь он сидит тихо и пытается разобраться с этой проблемой. Последней его блестящей мыслью было залить Ламмокса бетоном и оставить так помирать от естественных причин. Но тут не согласился О'Фаррелл, он решил, что это как-то негуманно.

— Значит, Ламмокс все еще сидит в своей банке и ждет, пока мы не решим его судьбу?

— Думаю, да, сэр. Во всяком случае, вчера было так.

— Ну, пусть подождет, что-нибудь придумаем. — Мистер Кику взял со стола отчет и рекомен-

дации Гринберга.

— Если я правильно понимаю, вы мою рекомендацию отвергаете? — спросил Гринберг.

— Нет. С чего ты взял? — Кику подписал постановление, разрешающее уничтожить Ламмокса, и положил его в корзину для исходящих, которая сразу же проглотила свою добычу. — Если я отвергаю чье-нибудь решение, я одновременно увольняю и автора, а для тебя тут есть еще одна работенка.

— А! — Гринберг почувствовал укол сожаления, он-то наполовину ожидал, что босс отменит смертный приговор Ламмоксу. Что ж… нехорошо получилось… но зверь действительно был опасен.

— Ты змей боишься? — продолжал мистер Кику.

— Нет. Они мне даже нравятся.

— Отлично. Хотя я себе такого представить не могу. Я всегда боялся их до смерти. Однажды, еще мальчишкой, в Африке… впрочем, не важно. Ты когда-нибудь имел дело с рарджиллианцами? Я не помню.

Внезапно до Гринберга дошло.

— Был у меня раз переводчик-рарджиллианец, в той истории с Вегой-четыре. Я отлично с ним

ладил.

— А вот про меня такого не скажешь. Сергей, есть небольшое дело, связанное с переводчиком-рарджиллианцем, доктором Фтаемлом. Возможно, ты о нем слышал.

— Конечно слышал, сэр.

— Я вполне признаю, что как рарджиллианец, — в устах Кику последнее слово прозвучало как что-то неприличное, — Фтаемл — парень хороший. Но все это дело сильно попахивает неприятностями, а я из-за своей фобии, боюсь, совсем потеряю на неприятности нюх. Поэтому я приглашаю тебя в помощники, чтобы ты ко всему принюхивался.

— Я думал, что вы больше не доверяете моему носу, босс.

— Что ж, пусть слепой поведет слепых, если ты позволишь мне немного переиначить метафору. Может, вдвоем мы и сумеем что-нибудь учуять.

— Да, сэр. А можно спросить, в чем там суть?

— Ну…

Ответить мистер Кику не успел: мигнул сигнал и голос секретарши объявил:

— Ваш гипнотерапевт здесь, сэр.

Заместитель министра посмотрел на часы.

— И куда это всегда девается время? — Затем по-

вернулся к селектору. — Проводите его в заднюю комнату. Я сейчас. — Он продолжил, обращаясь к Гринбергу: — Фтаемл будет здесь через полчаса. Я не могу сейчас с тобой говорить, мне надо пойти подготовиться. Посмотри папку «Срочно». Там — все, что у нас есть. Очень мало. — Мистер Кику с ужасом поглядел на переполнившуюся за время беседы корзинку с входящими. — Это займет у тебя меньше пяти минут. В оставшееся время разгреби эту макулатуру. Подписывай за меня и откладывай в сторону то, что, по твоему мнению, мне стоит посмотреть самому. Только предупреждаю, если таких бумаг наберется больше полдюжины, честное слово, — отправлю тебя обратно в Гарвард.

Он торопливо встал, сделав в уме заметку позвонить из задней комнаты секретарше: сказать ей, чтобы она отмечала все, что будет проходить через его кабинет в следующие полчаса, а после принесла эти бумаги ему на просмотр… Он хотел посмотреть, как этот парень умеет работать. Мистер Кику сознавал, что рано или поздно умрет, и намеревался проследить, чтобы Гринберг занял его место. А тем временем пусть жизнь паренька будет настолько сложной, насколько это возможно.

Заместитель министра направился в заднюю комнату. Дверь кабинета качнулась в сторону и сомкнулась за его спиной. Гринберг остался один. Он уже протянул руку за папкой с надписью «Срочно», как в корзинку входящих свалилась новая бумага; одновременно мигнул красный огонек и противно зажужжал зуммер.

Гринберг взял бумагу, пробежал ее до середины, убедился, что она и вправду срочная, но в этот момент ту же комбинацию света и звука продемонстрировал аппарат внутренней связи; его экран ожил, и на нем появилась знакомая физиономия начальника отдела по связям с планетами Солнечной системы.

— Босс? — возбужденно выкрикнуло изображение.

Гринберг дотронулся до кнопки двусторонней связи:

— Гринберг за него. Босс попросил, чтоб я не дал его креслу остыть. Твоя записка только что пришла, Стен. Вот как раз читаю.

Ибаньес не скрыл своего раздражения:

— Черт с ней. Дай мне босса.

Гринберг не спешил действовать. Дело у Ибаньеса было хоть и простое, но с этакой подковыркой. Венерианские корабли обычно получали

санитарное разрешение на посадку без малейшей задержки; врач каждого из этих кораблей был представителем карантинной службы. Но сейчас «Ариэль», которому уже давно пора было сесть в порт «Ливия», болтался на парковочной орбите: его собственный врач объявил на нем карантин. Все бы ничего, но на корабле находился министр иностранных дел Венеры, в этом-то и была сложность — ожидалось, что Венера поддержит позицию Земли против Марса на предстоящей трехсторонней конференции.

Гринберг мог оставить эту деликатную проблему до возвращения босса, мог вломиться к боссу с новостью прямо сейчас, мог, действуя через голову босса, передать проблему самому министру (то есть найти решение и подать дело так, чтобы именно это решение и было одобрено). Или… он мог действовать сам, от имени и по поручению мистера Кику.

Конечно же, мистер Кику не мог предвидеть подобной ситуации… но у босса была очаровательная привычка — сталкивать человека с берега там, где поглубже, и смотреть, выплывет он или нет.

Размышлял Гринберг недолго:

— Стен, очень жаль, но босса сейчас лучше не

беспокоить. Я временно замещаю его.

— Что? С каких пор?

— Временно, ненадолго, но — замещаю.

— Слушай, приятель, — нахмурился Ибаньес, — ты бы все-таки лучше пошел поискал босса. Ты, может, и расписываешься там за него на всякой ерунде, но здесь — дело серьезное. Нам нужно посадить корабль, и как можно скорее. Ты здорово подставишься, если сам лично разрешишь мне игнорировать такую вещь, как карантинные правила. Пошевели мозгами.

Нарушить карантин? Гринбергу сразу вспомнилась Великая чума 51 года; в те времена биологи легкомысленно считали, что живые организмы любой планеты невосприимчивы к болезням других планет.

— Нарушать карантин не будем.

Лицо Ибаньеса сделалось словно мертвое.

— Сергей, мы же ставим под угрозу эту конференцию. Да какое там «под угрозу»! Десять лет кропотливой работы могут пойти насмарку только из-за того, что какого-то там матросика слегка лихорадит. Карантин нужно нарушить, обязательно нужно. Само собой, я вовсе не прошу, чтобы это сделал ты.

Гринберг снова ненадолго задумался.

— Он сейчас под гипнозом, готовится к тяжелой работе. Может пройти несколько часов, прежде чем ты сможешь с ним поговорить.

На лице Ибаньеса появилась какая-то отрешенность.

— Придется обратиться к министру. Два часа я ждать не могу. Этот тип с Венеры может приказать своему капитану возвращаться домой… с этим нельзя рисковать.

— И с эпидемией на Земле рисковать тоже не стоит. Вот что сделай. Свяжись с венерианским министром и скажи, что прилетишь лично и отвезешь его на Землю. Возьми скоростной скаут. Забери министра, а «Ариэль» оставь на орбите. А вот когда он будет уже на борту скаута — ни в коем случае не раньше, — скажи, что ты и он прибудете на совещание в изолирующих скафандрах. — (Изолирующими скафандрами называли герметичные, слегка надутые изнутри легкие скафандры, предназначенные в первую очередь для выхода на поверхность планет с неизвестной еще патогенной флорой.) — Разумеется, и скаут, и его команда тоже должны будут отправиться в карантин.

— Изолирующий скафандр?! О, он будет в восторге. Сергей, тогда уж лучше вообще отменить

конференцию, дешевле обойдется. После такого унижения он точно будет против нас. Этот придурок такой гордый, что дальше некуда.

— Конечно, он будет в восторге, — терпеливо объяснил Гринберг, — когда ты втолкуешь в его башку, как все это можно подать. «Беспримерное личное самопожертвование», «не желая подвергать риску жизнь и здоровье людей нашей планеты», «долг превыше любых...» и тэ дэ. Если ты не уверен в себе, прихвати кого-нибудь поразговорчивее из отдела по связям с общественностью. Да, и еще. Пусть во время конференции рядом с ним постоянно будет врач... и обязательно в белом халате... и пара сестричек. Делайте время от времени перерывы, чтобы он отдыхал... поставьте больничную койку за ширмами прямо в зале Героев, недалеко от стола совещания. Пусть считается, что он спустился по своей инициативе и голосует прямо со смертного одра. Въезжаешь? Расскажи ему все это еще до посадки на Землю, но осторожно, не в лоб.

Теперь на лице Ибаньеса читалась озабоченность.

— Думаешь, клюнет?

— А это уже твоя работа, чтобы он клюнул. Я отсылаю твою записку с резолюцией продолжить

карантин, а тебе — проявить инициативу для обеспечения его присутствия на совещании.

— Ну… хорошо. — Ибаньес неожиданно ухмыльнулся. — К черту записку. Я побежал. — Он отключился.

Гринберг перевел глаза с опустевшего экрана на стол, чувствуя возбуждение оттого, что сыграл роль Господа Бога. «Интересно, а что бы сделал на моем месте босс? Да ладно, не имеет значения, тут много верных решений; главное — это выбрать одно из них». Он еще раз потянулся за папкой «Срочно».

И замер. Что-то не давало ему покоя, а что — не понять. Вот оно. Боссу не хотелось утверждать смертный приговор Ламмоксу, это по всему чувствовалось. Какое там «чувствовалось», босс открытым текстом сказал, что Сергей не прав, надо было провести полное исследование. Просто боссу пришлось, из соображений лояльности к своему подчиненному, утвердить эту рекомендацию.

А вот теперь он сам сидит в кресле босса. Так что?

А не в Ламмоксе ли причина того, что его сюда посадили? Чтобы дать самому исправить свою ошибку. Да нет, все-таки босс проницателен, но

не всеведущ, откуда ему было знать, что Гринбергу придет в голову снова заняться этим делом.

Так-то оно так… Гринберг вызвал секретаршу босса:

— Милдред?

— Да, мистер Гринберг?

— Краткий отчет по командировке с рекомендацией… да. Да Рт ноль четыре одиннадцать. Отправлен минут пятнадцать тому назад. Я хочу, чтобы его вернули сюда.

— Пожалуй, его уже отправили, — с сомнением в голосе ответила секретарша. — Экспедиция сегодня задерживала документы самое большее минут на семь.

— Надо же, как бывает! Никогда б не поверил, что излишняя оперативность может пойти во вред. Если приказ уже отослан, аннулируйте его с примечанием: «ждать дальнейших указаний». Хорошо? А исходный документ отошлите мне.

Вот теперь он добрался наконец до злосчастной «срочной» папки. Как и говорил мистер Кику, файл, помеченный «Фтаемл», был не слишком объемистым. Здесь имелся еще и подзаголовок: «Красавица и чудовище». С чего бы это? Чувство юмора у нашего босса есть, но оно такое, мягко скажем, своеобразное, что со стороны не сразу и

догадаешься.

Вскоре брови Гринберга полезли на лоб. Рарджиллианцы — эти шустрые, неутомимые толмачи, маклеры, посредники, толкователи — всегда были тут как тут при переговорах между различными расами; присутствие доктора Фтаемла на Земле прямо говорило Гринбергу, что здесь замешаны какие-то негуманоиды. Негуманоиды по складу ума столь отличаются от людей, что общение с ними весьма и весьма затруднительно. Но Гринберг никак не мог ожидать, что доктор представляет расу, о которой он в жизни не слышал. Какие-то непонятные «хрошии».

Не исключено, конечно, что Гринберг просто забыл про этот народец с названием, похожим на чихание; может быть, это какое-то мелкое, малоинтересное племя с неразвитой культурой, незначительное с экономической точки зрения или не умеющее летать в космос. А может, они вступили в Сообщество цивилизаций как раз тогда, когда Гринберг по уши увяз в делах Солнечной системы. Когда Земля установила первые контакты с другими расами, способными к межзвездным полетам, прибавления в семействе тех, кто по закону считались «людьми», пошли так быстро, что уследить стало просто невозможно.

Чем больше человечество расширяло свои горизонты, тем труднее было эти самые горизонты охватывать.

А может, он слышал о них под другим названием? Гринберг повернулся к панели универсального справочника и набрал на клавиатуре: «ХРОШИИ».

Машина немного подумала и выкинула на экране: «ИНФОРМАЦИЯ ОТСУТСТВУЕТ».

Гринберг сделал еще одну попытку — опустив в названии придыхательное «х». Слово вполне могло изувечиться в чужом — не хрошии — произношении. Результат остался тем же самым.

Пришлось сдаться. Даже в универсальном справочнике Британского музея хранилось информации не больше, чем в том, пульт которого стоял в кабинете заместителя министра. Сама машина занимала целое здание в другом районе столицы; огромный штат кибернетиков, семантиков и энциклопедистов непрерывно накачивал ее все новыми и новыми сведениями. Можно было не сомневаться, кто бы ни были эти самые «хрошии», в Федерации ни одна собака не слыхивала о них прежде.

Это было поразительно.

Позволив себе с секунду поудивляться, Грин-

берг продолжил чтение. Он узнал, что хрошии уже здесь, правда на Землю еще не сели, но находятся от нее — рукой подать. На посадочной орбите радиусом в пятьдесят тысяч миль. Позволив себе поудивляться еще пару секунд, он выяснил наконец причину, по которой не слыхал ранее о приезде таких редких гостей. Оказывается, доктор Фтаемл крайне настоятельно посоветовал мистеру Кику запретить патрульным кораблям делать попытки высадиться на борт чужака и даже просто приближаться к нему.

На этом месте Гринберга отвлекло возвращение его собственного отчета по Ламмоксу с визой мистера Кику, подтверждавшей приговор. Он задумался на мгновение, затем сделал приписку. Теперь резолюция читалась следующим образом: «Рекомендацию одобрить… однако отложить выполнение до проведения полного научного исследования этого существа. Местные власти обязаны незамедлительно выдать существо по первому требованию Ксенологического комитета. На Ксенологический комитет возлагаются обязанности по транспортировке существа и отбору исследовательской группы».

Гринберг подписал добавление от имени Кику и вернул документ системе. По совести, он

немного смущался, понимая, что теперь указание превратилось в чистое жульничество. Если уж ксенологи доберутся до Ламмокса, они ни за что не выпустят его из своих хватких лап. Но все равно на сердце сделалось легче. Тот приказ не был правильным, а этот был.

Он снова вернулся к «хрошии», и снова у него брови полезли на лоб. Хрошии явились сюда совсем не затем, чтобы устанавливать отношения с Землей; они прибыли, чтобы спасти свою соплеменницу. Согласно доктору Фтаемлу, они находились в полной уверенности, что Земля силой удерживает некую хрошию, и требовали ее немедленной выдачи.

Гринберг неожиданно почувствовал себя персонажем плохой мелодрамы. Эти существа с астматическим названием выбрали не ту планету для своих детективных игрищ. Это ж надо — негуманоид на Земле, без паспорта, без предъявленной, рассмотренной и одобренной причины визита, без личного дела, находящегося здесь, в Министерстве. Да она, эта их хрошия, была бы столь же беспомощна, как невеста без продуктовых карточек. Ее бы в секунду сцапали… Да какой разговор — она бы даже карантин не смогла пройти.

Почему босс просто не приказал им заворачивать оглобли и мотать отсюда подальше?

И как, по их мнению, она вообще оказалась на поверхности Земли? Пешком? Или вплавь? Межзвездные корабли не садятся на поверхность; их обслуживают челноки. Гринберг представил себе, как она дергает за рукав капитана какого-нибудь челнока:

— Простите, пожалуйста, сэр, но я убегаю от мужа, живущего в одной из отдаленных частей Галактики. Можно я спрячусь под креслами и проберусь потихоньку на вашу планету?

— Нет билета — до свиданья, — вот что сказал бы ей стюард.

На этих челноках прямо-таки обожают бесплатных пассажиров; предъявляя свой дипломатический паспорт, Гринберг каждый раз ощущал это на собственной шкуре.

В подсознании зудела еще какая-то беспокойная мысль. Вот она. Босс спрашивал, есть ли у Ламмокса руки. Он, видимо, заподозрил, что Ламмокс и есть та пропавшая хрошия, ведь Фтаемл говорит, что у них тоже по восемь ног. Тут Гринберг саркастически хмыкнул. Это ж только представить себе: Ламмокс со своими дружками о восьми лапах строит межзвездный корабль

и даже на нем летит. Конечно, босс не видел Ламмокса и не понимал, насколько нелепо такое предположение.

К тому же Ламмокс здесь уже больше ста лет. Поздновато, однако, хватились.

Реальная проблема заключалась в том, что делать с этими самыми хрошии, коли уж они сюда заявились. Все, что «оттуда», представляло для человечества интерес, давало после подробного изучения новые знания и выгоду. А к расе, научившейся летать между звездами, интерес был в квадрате, в кубе. Вне всяких сомнений, босс водил их за нос, а сам тем временем потихоньку налаживал постоянные отношения. Прекрасно, в таком случае Гринберг тоже этим займется, к тому же боссу трудно работать с рарджиллианцем — и тут мы ему поможем.

Он пробежал глазами конец отчета. Все, что было до этого, он узнал, читая аннотацию, а дальше шла полная запись цветистого красноречия доктора Фтаемла. Потом Гринберг положил папку на место и взялся за переполненную корзину для входящих.

Мистер Кику дал знать о своем приходе, заглядывая ему через плечо со словами:

— Такая же полная, как была.

— А, босс, привет. Но вы подумайте, как бы она выглядела, если бы я не рвал, не читая, каждую вторую бумагу. — Гринберг поднялся с кресла.

— Знаю, — кивнул мистер Кику. — Иногда я просто пишу «отклонить» на всех с нечетными номерами.

— Как, вам теперь лучше?

— Да, сейчас я могу без всякого страха плюнуть ему в морду. Кто они, в конце концов, такие — эти змеи? Что у них есть такого, чего у меня не было бы в два раза больше?

— Вот это, я понимаю, сила духа.

— Доктор Морган — хороший специалист. Как-нибудь попробуй, если нервишки сдадут.

— Босс, — ухмыльнулся Гринберг, — единственное, что меня беспокоит, — это бессонница в рабочее время. Теперь я уже не могу спать, как прежде, за письменным столом.

— Вот-вот. Это — самый ранний симптом. Скоро мозгоправы до тебя доберутся. — Мистер Кику посмотрел на часы. — Как там, слышно что-нибудь от нашего кучерявого друга?

— Пока нет.

Гринберг рассказал о карантине на «Ариэле» и своих действиях по этому поводу. Мистер Кику одобрительно кивнул, что в определенных кру-

гах было равносильно вынесению благодарности перед строем. У Гринберга потеплело на душе, и, справившись с неловкостью, он перешел к рассказу о пересмотре решения по Ламмоксу:

— Босс, из этого кресла как-то на все по-другому смотришь.

— Знаю, я сам это обнаружил много лет назад.

— Мм… так вот. Сидя здесь, я подумал про это дело с вмешательством.

— Зачем? Дело решенное.

— Я так думал. И тем не менее… в общем, что бы там ни говорили… — Запинаясь, он рассказал про приписку к решению и стал ждать реакцию босса.

Мистер Кику снова кивнул. Он хотел было сказать Гринбергу, что тот избавил его от трудной задачи — как достичь того же самого результата, сохранив лицо и не нарушив лояльности, — но передумал. Вместо этого он наклонился к столу:

— Милдред? Что-нибудь слышно насчет доктора Фтаемла?

— Он только что вошел, сэр.

— Хорошо. В восточный конференц-зал, пожалуйста. — Мистер Кику отключил связь и повернулся к Гринбергу. — Ну, сынок, пора перейти к заклинанию змей. Флейта при себе?

Глава 6
«Космос велик, ваше превосходительство»

— Доктор Фтаемл, разрешите представить: мой коллега мистер Гринберг.

Рарджиллианец низко поклонился. Двойные колени и отличная от человеческой организация тела превратили поклон в некий впечатляющий ритуал.

— Я наслышан об уважаемом мистере Гринберге от одного из своих соплеменников, которому выпала честь с ним работать. Для меня это большая честь, сэр.

Гринберг ответил, придерживаясь выбранной космическим лингвистом вежливо-пародийной манеры:

— Многие годы я лелеял мечту при личной встрече почувствовать на себе ту ауру высокоучености, которая окружает доктора Фтаемла, но никогда не решался дать бутону моей мечты распуститься цветком надежды. Ваш преданный слуга и ученик, сэр.

— Кх-кх, — прервал светскую беседу мистер

Кику. — Доктор, это крайне деликатное дело, вести переговоры по которому вы уполномочены, настолько сложно и серьезно, что я, перегруженный всей нашей текучкой, не мог уделить ему того серьезного внимания, какого оно требует. И поэтому мы привлекли мистера Гринберга, чрезвычайного и полномочного посла Федерации.

Гринберг мельком глянул на своего босса, но не выразил ни малейшего удивления. Мистер Кику сказал «коллега», а не «помощник». Гринберг счел это элементарным приемом — из протокольных соображений повысить престиж участников переговоров, представляющих свою сторону. Но неожиданное служебное повышение застало его врасплох. Он был почти уверен, что мистер Кику и не почесался утвердить этот новый чин на Совете. Однако боссу не составит труда получить подтверждение, и чин, скорее всего, будет значиться на табличке, стоящей на письменном столе. Но вот отразится ли он на платежной ведомости?

Вероятно, у босса появились какие-то смутные подозрения, что дурацкая история с хрошии может оказаться важной, хотя это далеко не очевидно. А может, он просто хочет полностью спихнуть горгоноида на Гринберга?

— Работать совместно с его превосходительством — высокая для меня честь. — Доктор Фтаемл вновь поклонился.

Гринберг сильно подозревал, что одурачить рарджиллианца не удалось. С другой стороны, возможно, ему и вправду было приятно это услышать; неявным образом теперь предполагалось, что и сам горгоноид имеет статус посла.

Одна из служащих Министерства внесла прохладительные напитки; беседу прервали обязательным в таких случаях ритуалом. Фтаемл выбрал французское вино, а Кику и Гринберг взяли себе — что им еще оставалось делать! — единственный предложенный рарджиллианский продукт — некую жижу, условно тоже называемую «вино» за отсутствием в языке подходящего слова. По виду эта жижа напоминала тюрю из молока с хлебом, а по вкусу — сильно отдавала серной кислотой. Гринберг всеми своими движениями выразил высшее восхищение, старательно заботясь при этом, чтобы ни капли не угодило в рот.

Он с уважением отметил, что босс и вправду проглотил эту штуку.

Ритуал, которого придерживались семь цивилизаций из десяти, дал Гринбергу время осмот-

реть и оценить Фтаемла. Горгоноид был облачен в дорогостоящую пародию на земной вечерний костюм. Куртка с длинными, как у фрака, фалдами, кружевное жабо и полосатые шорты. Они помогали скрыть тот факт, что Фтаемл, несмотря на гуманоидную форму с двусторонней симметрий (две руки, две ноги и голова над удлиненным туловищем), не был человеком ни в малейшем смысле, за исключением юридического.

Но Гринберг вырос, общаясь с великими марсианами, а потом имел дела с самыми различными народами. Он совсем не считал, что «человек» обязательно должен быть похож на человека, и не отдавал никакого предпочтения обычной человеческой форме. На его взгляд, Фтаемл был симпатичным, а насчет грациозности — тут уж и сомневаться не приходилось. Сухой хитинообразный покров рарджиллианца, пурпурный с зелеными переливами, был аккуратен, словно шкура леопарда, и так же красив. Отсутствие носа ничуть не портило черт лица, этот недостаток с избытком компенсировал подвижный чувствительный рот.

Хвост свой Фтаемл, видимо, намотал под одеждой вокруг туловища; ему вздумалось притвориться, что он не только одет как человек, но

и вправду похож на человека. Рарджиллианцы, твердо усвоившие, что с волками жить — по-волчьи выть, а в чужой монастырь со своим уставом не суются, готовы были буквально на все, чтобы походить на тех существ, среди которых оказывались. Тот, другой рарджиллианец, с которым довелось работать Гринбергу, ходил вообще голышом (так делают все обитатели Веги VI), и хвост его гордо торчал вверх, как у кота. При воспоминании о Веге VI Гринберга даже зазнобило. Ему-то пришлось там кутаться до ушей.

Он бросил взгляд на голову горгоноида. Что за чушь! Они нисколько не похожи на змей. Босс, видать, совсем на этих змеях свихнулся. Ну да, длиной с фут и толщиной в палец, но у них же нет глаз, нет рта и зубов — самые обычные щупальца. Почти у всех нас есть что-то наподобие щупальцев. А пальцы — это, по-вашему, что? Те же короткие щупальца.

Доктор Фтаемл поставил бокал, и только тогда мистер Кику выпустил из рук свою чашку.

— Доктор, вы проконсультировались со своими доверителями?

— Сэр, я имел такую честь. И позвольте мне воспользоваться этой возможностью, чтобы поблагодарить вас за корабль-скаут, столь любезно

предоставленный вами для выполнения совершенно неизбежных в данной ситуации полетов с поверхности вашей прекрасной планеты на судно расы, высокой чести помогать которой я удостоен в настоящее время. Этот корабль, могу заверить вас, не бросая ни малейшей тени на великую расу, которой я служу, более приспособлен для данной цели и более удобен для человека с моим строением тела, чем вспомогательные корабли их судна.

— Не стоит благодарности. Оказать услугу друзьям всегда приятно.

— Вы крайне великодушны, мистер заместитель министра.

— Ну так что же они говорят?

Доктор Фтаемл всем своим телом изобразил нечто вроде пожатия плечами:

— С крайним прискорбием я должен вам сообщить, что в их позиции ничего не изменилось. Они по-прежнему настаивают на немедленном возвращении им этого ребенка женского пола.

Мистер Кику нахмурился:

— Я не сомневаюсь, что вы объяснили, что у нас нет их пропавшего ребенка, что мы о нем даже и не слыхали, что у нас нет ни малейших оснований думать, что он когда-либо был на планете,

и, напротив, есть самые серьезные основания считать, что его здесь никогда не было.

— Да, я объяснил. Надеюсь, вы простите меня за то, что я переведу их ответ словами хотя и грубыми, но не оставляющими места для сомнений. — Он опять «пожал плечами», на этот раз несколько виновато. — Они говорят, что вы лжете.

Мистер Кику не обиделся, он хорошо понимал, что рарджиллианец, выступающий в роли посредника, столь же безличен, как телефон.

— Все было бы значительно проще, если бы я и вправду лгал. Я вернул бы им эту соплячку, и делу конец.

— Лично я вам верю, — совершенно неожиданно сказал доктор Фтаемл.

— Большое спасибо. А почему?

— Вы использовали сослагательное наклонение.

— О! Вы объяснили им, что на Земле находятся несколько сотен тысяч внеземных существ более чем семи тысяч различных видов? И что из них около тридцати тысяч — разумные? И что буквально на пальцах одной руки можно сосчитать тех, кто по физическим параметрам напоминает хрошии? И что, наконец, мы знаем расу и планету

происхождения всех этих немногих?

— Сэр, я же рарджиллианец. Я рассказал им все это и много больше, на собственном их языке объяснил им яснее, чем вы сможете объяснить своему собрату-землянину. Я донес до них саму суть ситуации.

— Я вполне вам верю. — Мистер Кику задумчиво побарабанил по крышке стола. — У вас есть какие-то предложения?

— Одну секунду, — вмешался Гринберг. — А нет ли у вас изображения типичного хрошии? Это может как-то помочь нам.

— «Хрошиу», — поправил его Фтаемл. — Или в данном случае «хрошиа». К сожалению — нет. Они не используют символику изобразительного плана. А у меня, к несчастью, нет оборудования, чтобы изготовить один из этих ваших фотоснимков.

— Они что, безглазые?

— Нет, ваше превосходительство. У них очень хорошее зрение и довольно острое, просто их глаза и нервная система осуществляют процесс абстракции совсем иначе, чем ваши. Их аналог фото выглядел бы для вас полной бессмыслицей. Даже для меня восприятие их «картин» довольно затруднительно, а ведь моя раса, по всеобщему

признанию, наиболее способна к восприятию абстрактной символики. Если уж рарджиллианец… — Он замолк.

— Хорошо… тогда опишите их. Используйте семантический талант, которым столь знаменита ваша раса.

— С удовольствием. Все хрошии, находящиеся на этом корабле, относятся к военному классу и поэтому имеют размер…

— Военный класс? — прервал его мистер Кику. — Так что же, доктор, значит, этот корабль — боевой? Раньше вы мне этого почему-то не сказали.

На лице доктора Фтаемла отразилась обида.

— Я считал этот факт очевидным и крайне неприятным.

— Да уж. — У мистера Кику промелькнула мысль, не стоит ли прямо сейчас известить Генеральный штаб Федерации. Нет, пожалуй, пока не стоит. Мистер Кику имел сильные предубеждения против впутывания военных в переговоры; он считал, что демонстрация силы не только являлась признанием полного провала дипломатии, но и вконец портила шансы на успешное завершение переговоров. Он мог бы при желании рационально сформулировать такое свое мнение,

но никогда этого не делал, оно проявлялось у него в виде эмоции. — Продолжайте, пожалуйста.

— Военный класс является трехполым, различия между полами практически незаметны на глаз и не должны нас интересовать. Мои спутники по кораблю и доверители примерно на шесть дюймов выше этого стола и имеют длину приблизительно в полтора человеческих роста. У каждого из них четыре пары ног и две руки. Руки маленькие, сильные и чрезвычайно ловкие. С моей точки зрения, хрошии необыкновенно красивы, их форма удивительно гармонирует с функциональными потребностями. Они исключительно умело управляются с механизмами, приборами и любыми тонкими операциями.

После слов Фтаемла Гринберг немного расслабился. Несмотря ни на что, его все еще тревожила беспокойная мысль: а вдруг эта самая тварь, Ламмокс, все-таки относится к хрошии?.. Но теперь он видел, что для мысли этой нет никаких оснований, кроме случайного совпадения числа ног. Этак и страуса можно принять за человека, потому что у него две ноги. Гринбергу не терпелось определить место Ламмокса в систематике, обязательно нужно будет продолжить такие попытки, но эта конкретная категория — хрошии

— отпадала полностью.

— …Но размер, форма, структура тела, даже ловкость в манипулировании механизмами, — продолжал доктор Фтаемл, — все это характеристики сугубо поверхностные, ни в малой степени не определяющие основную черту хрошии — их поразительную умственную мощь. Эта мощь буквально подавляет. — Горгоноид издал короткий смущенный смешок. — Я был почти готов отказаться от своего гонорара и работать на них бесплатно, считая такую работу высокой для себя честью.

Гринберг был впечатлен этим признанием. Видимо, хрошии и вправду сильны, ведь честные маклеры и толмачи — рарджиллианцы скорее дадут человеку подохнуть от жажды, чем бесплатно скажут, как на местном языке называется вода. Их корыстолюбие было доведено до такой высокой степени, что казалось уже чем-то вроде религиозного культа.

— И вот что, — добавил Фтаемл, — спасло меня от подобного безрассудства: я понял, что хотя бы в одной области значительно превосхожу их. Они не лингвисты. Их язык богат и выразителен, но это единственный язык, который знает кто-либо из них. Или знал в прошлом. В лингвистиче-

ских способностях они уступают даже вашей расе. — Тут Фтаемл широко взмахнул своими карикатурными руками; жест получился истинно галльский (а может, великолепная, тщательно разученная имитация). — Так что, — добавил он, — я восстановил свою самооценку и в два раза увеличил сумму гонорара.

Он смолк. Мистер Кику мрачно водил пальцем по столу, а Гринберг попросту терпеливо ждал. Наконец Кику спросил:

— Что вы нам предлагаете?

— Мой высокочтимый друг, выход здесь может быть только один. Отдать им эту самую хрошиа, которую они разыскивают.

— Но у нас нет этой хрошиа.

Фтаемл довольно похоже изобразил человеческий вздох:

— Это очень печально.

Гринберг резко посмотрел на рарджиллианца; в его вздохе как-то не чувствовалось большой убежденности. Появлялось впечатление, что Фтаемл воспринимает тупик, в который они зашли, как нечто крайне забавное и интересное, а ведь это просто смехотворно; рарджиллианец, взявший на себя роль посредника, всегда крайне озабочен благополучным исходом переговоров,

ведь для него неполный успех означает потерю авторитета.

Поэтому он заговорил:

— Доктор Фтаемл, когда вы взялись представлять хрошии, вы сами рассчитывали, что мы добудем им эту самую хрошиа?

Отростки на голове существа внезапно обвисли. Гринберг вскинул бровь и сухо заметил:

— Нет, я вижу, что вы так не думали. Могу я спросить, почему в таком случае вы приняли их поручение?

— Сэр, — Фтаемл отвечал медленно и без обычной своей уверенности, — никто не отказывается от поручений хрошии. Поверьте, никто так не поступает.

— Хм… ох уж эти хрошии. Вы простите меня, доктор, но даже после вашего рассказа я, видимо, не совсем понимаю, что они такое. Вот вы говорите об их умственной мощи. Вдруг оказывается, что один из лучших умов высокоразвитой расы, то есть вы, практически «ошеломлен» ими. Из ваших слов почти явно следует, что это не единственная их мощь. Ведь вы, представитель гордой, свободной расы, должны не раздумывая выполнять любое их желание. А теперь они здесь, их корабль один-одинешенек против целой

планеты — столь мощной, что она установила гегемонию масштабов, невиданных прежде в этой части космоса. И вот в таких обстоятельствах вы заявляете, что будет «очень печально», если мы не выполним их бессмысленные требования.

— И это действительно так, — тихо сказал Фтаемл.

— Я не могу сомневаться в словах рарджиллианца, выступающего в своем профессиональном качестве. Но и поверить мне на этот раз трудно. Эти сверхсущества… так почему же мы никогда о них не слыхали?

— Космос велик, ваше превосходительство.

— Да, конечно. Несомненно, что есть тысячи великих рас, с которыми мы никогда не встречались, более того, никогда и не встретимся. Но должен ли я понимать так, что и у вашей расы этот контакт с хрошии — первый?

— Нет. Мы давно знаем о них… дольше, чем знаем вас.

— Вот как? — Гринберг бросил взгляд на мистера Кику и продолжил: — А какова суть отношений Рарджилла с хрошии? И почему Федерация не знает ничего об этих отношениях?

— Ваше превосходительство, если в последнем вашем вопросе содержится упрек, я должен

ответить, что не представляю здесь своего правительства.

— Нет, — поспешил успокоить его Гринберг, — это действительно только вопрос. Ведь Федерация всегда стремится как можно больше расширить свои дипломатические связи. И я крайне удивился, узнав, что ваша раса, которая заявляет о дружбе с нами, знает о существовании могучей цивилизации и не сообщает об этом факте Федерации.

— Могу ли я заметить, ваше превосходительство, что меня удивляет ваше удивление? Космос велик, а моя раса — великие путешественники с незапамятных времен. Может статься, Федерация просто не задавала правильных вопросов. А что касается дипломатии, у моего народа нет ни дипломатических, ни каких-либо других отношений с могучими хрошии. Они — народ, который, пользуясь вашим выражением, занимается своими делами, а мы с превеликой радостью не суем свой нос, как сказали бы вы, в эти дела. Прошли многие годы, более пяти ваших веков, с того времени, как последний раз корабль хрошии появился в нашем небе и потребовал наших услуг. И мы рады тому, что встречаемся с ними так редко.

— Похоже, чем больше я узнаю, тем больше недоумеваю, — сказал Гринберг. — Так, значит, вместо того, чтобы лететь прямо сюда, они завернули на Рарджилл захватить переводчика?

— Не совсем так. Они появились в нашем небе и спросили, слыхали ли мы что-нибудь о вашей расе. Мы ответили, что да, слыхали. Ведь если хрошии задают вопрос — они получают ответ! Мы показали им вашу звезду, а затем мне была оказана не прошенная мною честь представлять их. — Он «пожал плечами». — И вот я здесь. Для полноты картины могу добавить, что лишь глубоко в космосе я узнал о предмете этих розысков.

Гринберг заметил, что у Фтаемла как-то не совсем сходятся концы с концами:

— Одну секунду. Значит, они задержали вас у себя, направились к Земле, а затем сказали вам, что разыскивают пропавшую хрошиа. Если я понял правильно, именно тогда вы и поняли, что данная миссия обречена на провал. Но почему?

— Разве это не очевидно? Мы, рарджиллианцы, если пользоваться вашей точной и совершенно очаровательной идиомой, величайшие сплетники во всем космосе. Возможно, вы бы сказали «историки», но я имею в виду нечто более живое. Именно сплетники. Мы летаем всюду, мы

говорим на всех языках, мы знаем всех. И мне совершенно не нужно «проверять архивы», чтобы знать: люди с Земли никогда не были на главной планете хрошии. Если бы у вас был такой контакт, вы бы стали силой навязывать им свое внимание и началась бы война. Это был бы просто «переполох в курятнике»… какое все-таки восхитительное выражение, обязательно надо посмотреть на курицу, если уж я здесь оказался. Такое событие, с присовокуплением уймы различных анекдотов, обсуждалось бы в любом месте, где сойдутся хотя бы двое рарджиллианцев. Так что я знал: они ошибаются и не найдут того, чего ищут.

— Иными словами, — сказал Гринберг, — вы указали им не ту планету… и вполне сознательно облагодетельствовали нас этой проблемой.

— Прошу прощения, — возразил доктор Фтаемл. — Уверяю вас, мы идентифицировали абсолютно точно, но не вашу планету — хрошии не знали, откуда вы пришли, — а вас самих. Они описали существ, которых разыскивают, со скрупулезной точностью — вплоть до ногтей и устройства внутренних органов. Это вы, земляне.

— Но вы же понимали, что они ошибаются.

Доктор, я не семантик в отличие от вас, но даже я вижу здесь какое-то противоречие. Или парадокс.

— Позвольте тогда объяснить поподробнее. Мы, имеющие дело со словами профессионально, знаем, сколь мало они стоят. Парадокс бывает только в словах и никогда — в фактах, определяемых этими словами. Так как хрошии в точности описали людей с Земли и так как я знал, что люди с Земли никогда не встречались с хрошии, я сделал единственно возможный вывод. Я решил, что в этой Галактике имеется другая раса, сходная с вашей, как двойниковые сорниа, вылупляющиеся из одной скорлупы. Расы, схожие, как две горошины в стручке. Горошины? Или правильнее сказать «бобы»?

— Горошины — правильная идиома, — очень серьезным голосом ответил мистер Кику.

— Спасибо. У вас такой богатый язык; мне стоило бы освежить его для себя, пока я здесь. Поверите ли вы? Человек, который познакомил меня с ним впервые, нарочно научил меня некоторым идиомам, совершенно неприемлемым в вашем приличном обществе. Ну вот, скажем: «Темно, как у…»

— Да-да, — торопливо остановил его мистер

Кику. — Очень легко поверить. У некоторых наших соотечественников весьма странное чувство юмора. Так, значит, вы решили, что где-то в этой самой Галактике есть еще одна раса, похожая на нашу, как родная сестра, более того, как сестра-близняшка? Мне такое предположение кажется статистически маловероятным — до полной невозможности.

— Вероятность существования всей этой Вселенной, мистер заместитель министра, тоже смехотворно мала. Поэтому мы, обитатели Рарджилла, давно поняли, что Бог был большой шутник. — Горгоноид заключил свою фразу жестом, характерным для его племени, но затем из вежливости к хозяевам «перевел» жест, благочестиво разведя и слегка воздев свои передние конечности.

— А вы поделились этими умозаключениями со своими доверителями?

— Да… и тщательно повторил все доводы во время своего последнего с ними разговора. Результат был вполне предсказуемым.

— Да-да?

— У каждой расы есть свои достоинства и свои недостатки. У хрошии действительно мощный интеллект, и, если они пришли к какому-то

выводу, переубедить их крайне трудно, я бы сказал — невозможно. Вы называете это «ослиное упрямство».

— Ослиное упрямство одной стороны легко приводит к такому же упрямству другой.

— О, пожалуйста, дорогой сэр! Мне бы очень хотелось надеяться, что вы избежите этого соблазна. Позвольте мне доложить хрошии, что вы не сумели найти это самое их сокровище, но начинаете новые, более тщательные розыски. Я же друг вам… ни в коем случае не заявляйте, что эти переговоры провалились.

— В жизни никогда не прерывал переговоров, — кисловато сказал мистер Кику. — Даже если ты не можешь переспорить своего собеседника, иногда можно просто-напросто дождаться, пока он не помрет. Но я не вижу, что еще мы можем им предложить. Разве что тот вариант, о котором мы говорили в прошлый раз… Вы получили координаты их планеты? Или они не захотели их давать?

— Координаты у меня. Я же говорил, что они не станут отказываться; хрошии ни в малейшей степени не боятся, что другие расы будут знать, где их найти… им попросту все равно. — Доктор Фтаемл открыл портфель, то ли купленный на

Земле, то ли очень хорошую имитацию. — Тем не менее это было не так просто. Сначала нужно было перевести их систему координат в ту, что использует в качестве истинного центра Вселенной наш Рарджилл. Предварительно пришлось убедить их в необходимости такого перевода, а затем объяснить им, какие единицы измерения пространства-времени используют на Рарджилле. К стыду своему, я должен признать, что совершенно незнаком с вашими единицами и координатами, поэтому теперь мне необходима помощь для перевода моих цифр в ваши.

— Не нужно стыдиться, — ответил мистер Кику. — Я не знаю ровно ничего даже про наши собственные методы астронавигации. Мы пользуемся для таких целей услугами специалистов. Одну секунду. — Он дотронулся до одной из резных шишечек стола. — Дайте мне Астроком.

— Там все уже ушли домой, — ответил отдаленный женский голос. — Остался только дежурный офицер-астронавигатор.

— Он-то мне и нужен. Давайте его сюда побыстрее.

Вскоре послышался мужской голос:

— Доктор Уорнер, ночной дежурный.

— Это Кику. Доктор, вы можете решить задачу

на пространственно-временные корреляции?

— Конечно, сэр.

— А вы можете сделать это, используя парджиллианские данные?

— Парджиллианские? — Дежурный слегка присвистнул. — Сурово. Лучше всего дать такую задачу доктору Сингху.

— Тогда немедленно пришлите его сюда.

— Сэр, но он же ушел домой. Будет только утром.

— Мне кажется, я не спрашиваю вас, где он, а сказал «пришлите его сюда… немедленно». Если потребуется, объявите его в полицейский розыск, да что угодно. Но мне он нужен прямо сейчас.

— Э-э-э… есть, сэр.

Мистер Кику снова повернулся к доктору Фтаемлу:

— Я надеюсь доказать вам, что ни один земной корабль никогда и не приближался к хрошии. К счастью, у нас хранятся астронавигационные данные по всем межзвездным экспедициям. Мысль у меня такая: может быть, пришло время сторонам встретиться лицом к лицу за столом переговоров. Пользуясь вашей неоценимой помощью, мы сможем показать им, что нам ровно нечего скрывать, что все средства нашей циви-

лизации — к их услугам и что мы с радостью помогли бы им найти пропавшего детеныша, но у нас его нет, просто нет. Затем, если у них появятся какие-либо предложения, мы… — Мистер Кику осекся, так как в этот момент открылась дверь в дальнем конце зала. — Как поживаете, господин министр? — произнес он без всякого выражения.

В зале появился достопочтенный мистер Рой Макклюре, министр по делам космоса Федеративного Сообщества цивилизаций. Похоже, его глаза заметили одного только мистера Кику.

— Вот вы где, Генри! А я уже все тут обыскал. Эта глупая девица представления не имела, куда вы пошли, но я выяснил, что из здания вы не выходили. Вам обязательно надо…

Мистер Кику крепко взял министра за локоть и громко произнес:

— Позвольте представить вам доктора Фтаемла, de facto чрезвычайного и полномочного посла могучих хрошии.

Мистер Макклюре сумел достойно справиться с ситуацией:

— Как поживаете, доктор? Или надо было сказать «ваше превосходительство»? — У него хватило такта не выпучить от удивления глаза.

— «Доктор» — этого вполне достаточно, госпо-

дин министр. Благодарю вас, прекрасно. Могу ли я позволить себе осведомиться о состоянии вашего здоровья?

— О, вполне прилично, вполне прилично… когда на голову не сваливаются все дела сразу. К слову сказать, вы не могли бы вернуть мне на время моего самого главного помощника? Мне очень жаль, но тут появилось очень срочное дело.

— Конечно же, господин министр. Мое самое большое желание — доставить вам удовольствие.

Мистер Макклюре мгновение пристально изучал горгоноида, однако ничего не смог прочитать на его лице. «Да и о каком лице можно тут говорить», — подумал он, вслух же сказал:

— Надеюсь, о вас хорошо позаботились, доктор?

— Да, благодарю вас.

— Прекрасно. Мне действительно очень жаль, однако… Генри, вы не могли бы со мной поговорить?

Мистер Кику раскланялся с рарджиллианцем и покинул стол переговоров. От каменной маски, в которую превратилось его лицо, по спине Гринберга пробежал холодок. Отойдя немного от стола, Кику что-то прошептал министру.

Макклюре оглянулся на двоих оставшихся за столом и так же шепотом ответил. На этот раз Гринберг сумел разобрать слова.

— Да-да. Но я же говорю, что это чрезвычайно важно. Генри, я просто не понимаю, почему вы решили отозвать все эти корабли, не посоветовавшись прежде со мной.

Ответа мистера Кику Гринберг не расслышал.

— Чушь! — продолжил Макклюре. — Тогда вы идите и сами разговаривайте с ними. Вы просто не имеете права…

Мистер Кику резко повернулся:

— Доктор Фтаемл, вы, кажется, собирались вернуться сегодня на корабль хрошии?

— Нет никакой спешки. Я полностью к вашим услугам, сэр.

— Вы крайне любезны. Позвольте оставить вас на попечение мистера Гринберга. Можете говорить с ним, словно со мной самим.

— Сочту за большую честь. — Рарджиллианец поклонился.

— Я буду с нетерпением ждать нашей завтрашней встречи.

Доктор Фтаемл опять поклонился:

— До завтра. Господин министр, господин заместитель министра… Остаюсь вашим преданным

слугой.

Когда министр со своим заместителем покинули зал переговоров, Гринберг не знал, плакать ему или смеяться. Было неловко за весь род человеческий. Горгоноид молча смотрел на него.

— Доктор, — сказал Гринберг, криво усмехнувшись, — а в вашем языке есть ругательства?

— Сэр, я знаю непристойные выражения и богохульства на тысяче с лишним языков. От некоторых из этих проклятий, говоря фигурально, яйцо может стухнуть на расстоянии в тысячу шагов. Хотите, научу вас некоторым из них?

Гринберг откинулся на спинку кресла и от души рассмеялся:

— Вы мне нравитесь, доктор. Конечно, мы и по роду своей деятельности обязаны быть взаимно вежливы, но вы действительно мне нравитесь, просто как человек.

— Благодарю вас, сэр. — Фтаемл изобразил своими губами вполне сносное подобие человеческой улыбки. — Позвольте вас заверить, что это чувство взаимно… и приятно. Надеюсь, вас не обидит, если я скажу, что прием, который на вашей великой планете оказывают таким, как я, порой требует философского отношения к жизни?

— Знаю. И очень об этом сожалею. Мои соплеменники, во всяком случае большинство из них, искренне убеждены, что все предрассудки их родной деревни ниспосланы самим Вседержителем. Мне очень жаль, что это так.

— У вас нет причин стыдиться своих соплеменников. Поверьте мне, сэр, это убеждение — единственное, разделяемое буквально всеми расами Вселенной. Единственное, что есть общего у всех нас. Моя раса тоже не является исключением. Жаль, что вы не знаете языков. Каждый язык несет в себе портрет своих создателей, и в каждом из них снова и снова повторяется одна и та же идиома: «Он чужак, следовательно, он варвар».

— Просто руки опускаются. — Гринберг горько усмехнулся.

— Руки опускаются? Почему, сэр? Наоборот, от этого животики надорвать можно. Это же единственный анекдот, который Бог не устает повторять раз за разом, потому что юмор этого анекдота никогда не устаревает. Как вы смотрите, сэр, — добавил горгоноид, — мы продолжим изучение вопроса? Или вы хотите просто легкой беседой занять время до возвращения своего… коллеги?

Гринберг не видел смысла притворяться, что это не так, да к тому же ему давно хотелось есть.

— А не хватит ли на сегодня работы, доктор? Не окажете ли вы мне честь вместе со мной поужинать?

— С величайшим восторгом! Но… вы знакомы с особенностями нашей диеты?

— Разумеется. Не забывайте, я несколько недель общался с одним из ваших соплеменников. Давайте отправимся в отель «Универсаль».

— Да, конечно. — Особого энтузиазма в голосе Фтаемла не замечалось.

— Если только вы не хотите пойти в какое-нибудь другое место.

— Я слыхал про ваши рестораны с развлекательными программами… если это только возможно. Или вы думаете, что…

— Ночной клуб? — Гринберг задумался. — Да! «Космик». Их кухня может готовить все, на что способны в «Универсале».

Они собирались уже уходить, когда створки двери раздвинулись и в комнате показалась голова худощавого человека с довольно темным цветом лица.

— О! Простите, пожалуйста. Я думал найти здесь мистера Кику.

Только тут Гринберг вспомнил, что босс срочно вызвал математика-релятивиста:

— Секундочку, не уходите. Вы, должно быть, доктор Сингх?

— Да.

— Прошу прощения, мистеру Кику пришлось уйти, я его замещаю.

Гринберг представил своих собеседников друг другу и кратко изложил суть задачи. Доктор Сингх просмотрел свиток рарджиллианца и кивнул:

— Потребуется некоторое время.

— Может быть, я помогу вам, доктор? — спросил Фтаемл.

— Нет никакой необходимости. Ваши записи достаточно подробны.

Распрощавшись с математиком, Гринберг и Фтаемл вышли в город.

Сегодня в клубе «Космик» в вечернем шоу участвовали жонглер, приведший Фтаемла в восторг, и женский кордебалет, от которого в восторг пришел Гринберг. Была уже середина ночи, когда Гринберг распрощался с Фтаемлом в одном из специальных номеров, зарезервированных Минкосмом в отеле «Универсаль» для нечеловеческих визитеров. Спускаясь в лифте, Гринберг откровенно зевал, однако считал, что вечер был

потрачен не зря, если исходить из интересов установления добрососедских отношений.

Проходя мимо Министерства, несмотря на свою усталость, он задержался. У доктора Фтаемла проскользнуло одно странное замечание, о котором боссу неплохо бы было узнать, и прямо сегодня, если удастся его найти; в противном случае можно оставить записку на его столе. Рарджиллианин, до крайности восхищенный жонглером, выразил сожаление, что такие вещи могут так скоро перестать существовать.

— Что вы имели в виду? — спросил Гринберг.

— Когда могучая и прекрасная Земля испарится… — Тут горгоноид осекся.

Напрасно Гринберг пытался получить от него более вразумительный ответ; рарджиллианец говорил, что это просто неудачная шутка.

Гринберг и сам сильно сомневался, что это что-то значило. Но и юмор рарджиллианцев обычно был куда тоньше. Как бы то ни было, он решил рассказать боссу про этот эпизод, и чем быстрее, тем лучше. Вполне возможно, этому чужому кораблю совсем не повредил бы импульс парализующего излучения, бронебойный заряд и хорошая доза вакуума.

Министерский охранник у дверей остановил

его:

— Мистер Гринберг, заместитель министра уже полчаса как разыскивает вас.

Поблагодарив охранника, Гринберг взбежал наверх. Мистер Кику сидел на своем обычном месте; в корзине для исходящих скопилась обычная гора бумаг, на которую, однако, заместитель министра не обращал никакого внимания. Подняв голову, он тихо сказал:

— Добрый вечер, Сергей. Взгляни на это. — И протянул Гринбергу лист бумаги.

Доктор Сингх справился со своим заданием. Гринберг нашел в нижней части листка геоцентрические координаты и быстро произвел в уме подсчеты.

— Свыше девятисот световых лет! — воскликнул он. — Да к тому же еще в этом направлении. Неудивительно, что мы никогда с ними не встречались. Не самые близкие соседи.

— Это не важно, — сказал мистер Кику. — Ты обрати внимание на дату. Здесь написано, где и когда, по заявлению хрошии, их навестил один из наших кораблей.

Гринберг снова всмотрелся в бумагу, и его брови попытались уползти на макушку. Он повернулся к справочнику и начал набирать на

клавиатуре вопрос.

— Можешь не суетиться, — сказал Кику. — Ты вспомнил совершенно правильно. «Следопыт». Второй полет.

— «Следопыт», — тупо повторил Гринберг.

— Да. Мы так и не узнали, куда он попал в тот раз, поэтому так все и получилось. Но мы знаем, когда он ушел, и знаем точно. Все совпадает. Гипотеза значительно проще, чем расы-двойники Фтаемла.

— Конечно. — Гринберг поднял на босса глаза. — В таком случае это — Ламмокс.

— Да, это Ламмокс.

— Но ведь этого просто не может быть. У этой твари нет рук. И она глупа как пробка.

— Да, этого не может быть. Но это так.

Глава 7
«Мама была права»

А Ламмокс уже не сидел в резервуаре. Ему там надоело, и он пошел домой. Чтобы выйти, пришлось проделать дырку, но он проделал ее аккуратно, ничего зря не ломая. Совсем не хотелось, чтобы Джон Томас ругался из-за таких пустяков. Было б из-за чего.

Когда он уходил, какие-то люди подняли шум, но Ламмокс не стал на них обращать внимания. Он только постарался ни на кого случайно не наступить и воспринял переполох с гордой сдержанностью. Даже когда его стали окатывать из этих противных прыскалок, он не позволил себя никуда загнать, как получилось в день последней прогулки в город. Тогда его выгнали прыскалками из большого дома; теперь он просто закрыл все ряды ноздрей и глаза, пригнул голову и поплелся домой.

Джон Томас встретил Ламмокса на полпути к дому, его выдернул туда шеф полиции, впавший в несколько истеричное состояние. Ламмокс остановился, обменялся приветствиями и любез-

ностями, сделал седло для Джона Томаса, а затем продолжил свой путь домой.

Шеф Драйзер был вне себя, временами нельзя было даже понять, что он говорит.

— Сейчас же разворачивай свою скотину и — быстро назад! — орал он.

— Вам надо — сами и разворачивайте, — мрачно ответил Джонни.

— Да я за это с тебя шкуру сдеру! Да я… Да я…

— А что я, собственно, такого сделал? Лично я.

— Да ты… Что сделал… Твой зверь вырвался и…

— Меня там даже не было, — резонно заметил Джон Томас.

Ламмокс невозмутимо продолжал шлепать по дороге.

— Да, но… Не в этом дело! Он вырвался, и ты обязан помочь представителям власти загнать его снова в клетку. Джон Стюарт, вы нарветесь на большие неприятности.

— Что-то не понимаю я вас. Вы его у меня забрали. Вы сделали так, что его приговорили к смерти, и заявили, что он мне больше не принадлежит. Потом вы же пытались его убить… да-да, пытались, сами-то вы это прекрасно знаете. Пытались, не дожидаясь разрешения правительства. Если

он мой, я должен подать на вас в суд; если не мой, так и не мое дело, если Ламмокс вылез из этой вашей дурацкой цистерны. — Джон Томас наклонился и посмотрел вниз. — Шеф, а что это вы все бежите? Вы бы лучше сели в свою машину, шеф, вместо того чтобы бегать за нами. А то ведь совсем запарились.

Шеф Драйзер не выразил ни малейшей благодарности за такой разумный совет, однако милостиво позволил водителю подобрать себя с дороги. Немного опомнившись, он высунулся из окна и сказал:

— Джон Стюарт, я не собираюсь здесь с тобой препираться. Что я сделал, чего не сделал — тебя это не касается. Любой гражданин обязан помогать полиции при необходимости. Я официально требую, чтобы ты помог мне вернуть зверя в резервуар. Этот разговор я записываю на диктофон.

— А потом я могу вернуться домой? — совершенно невинным голосом спросил Джон Томас.

— Что? Конечно.

— Спасибо, шеф. Только как вы думаете, сколько он просидит в этом вашем резервуаре, когда я его туда посажу и уйду домой? Или вы собираетесь взять меня в полицию на постоянную работу?

Шеф Драйзер сдался. И Ламмокс пошел домой.

Впрочем, Драйзер считал это лишь временной неудачей. Непрошибаемое упрямство, которое сделало из него хорошего полицейского, не оставило его и на этот раз. Про себя он признал, что общество будет в большей безопасности, если зверь посидит взаперти дома; тем временем можно не торопясь придумать надежный способ покончить с ним раз и навсегда. Опять же, пришло разрешение уничтожить Ламмокса, — разрешение, подписанное заместителем министра космических дел. С этой бумагой Драйзер чувствовал себя много увереннее, а то судья О'Фаррелл довольно саркастически относился к прежним неудачным попыткам.

Отмена этого приказа и другой, исправленный приказ, откладывающий смерть Ламмокса на неопределенное время, попросту не дошли до него. Новенький клерк в офисе связи Минкосма допустил маленькую ошибку, поменяв местами два знака в адресе, поэтому отмена отправилась на Плутон; исправленный приказ с тем же адресом благополучно последовал за ней.

Итак, Драйзер сидел в своем кабинете, сжимая в руке смертный приговор Ламмоксу, и обдумывал, как ему убить зверя. Может, электрическим током? Возможно… только вот кто подскажет,

какие для этого могут потребоваться напряжение и ток. Или взять да и перерезать ему глотку, будто свинье. Но тут появлялись сильные сомнения по крайней мере по двум пунктам: во-первых, какой величины должен быть нож, чтобы зарезать такого монстра, и, во-вторых, чем будет заниматься сам монстр, когда его станут резать этим ножом.

Огнестрельное оружие и взрывчатка бесполезны. Секунду, а если так? Пусть зверюга откроет пошире пасть, тогда можно будет выстрелить каким-нибудь фугасным снарядом прямо в глотку и разнести его внутренности в клочья. Прикончит мгновенно — да, сэр! На Земле ведь тоже есть много бронированных тварей — черепахи, броненосцы, носороги, кто там еще? — но броня-то у них снаружи, а не внутри. Этот страшила тоже не исключение; испытывая свои яды, шеф Драйзер несколько раз заглядывал ему в пасть. Может, по бокам у него и танковая броня, но внутри он был розовым, влажным и мягким, как все.

«Значит, что сделаем: я скажу мальчишке, чтобы он велел своему зверюге открыть рот пошире и… нет, не выйдет. Мальчишка, скорее всего, догадается, что мы задумали, и вполне может приказать зверю не открывать рот, а броситься в атаку, и кончится все это тем, что полицейскому

управлению придется платить нескольким вдовам пенсии. Да, этот мальчишка пошел по кривой дорожке. Просто удивительно, как оно в жизни бывает: вроде хороший мальчик, из приличной семьи, и вдруг собьется с пути — и где он тогда? В тюрьме, вот где.

Нет, пожалуй, сделаем так. Отошлем мальчишку под каким-нибудь предлогом в город и устроим все без него. Можно, скажем, убедить этого крошку сказать „а-а-а“, предложив ему что-нибудь вкусненькое… нет, лучше не предлагать, лучше — подбросить», — решил Драйзер.

Сегодня? Драйзер взглянул на часы. Нет, надо сначала выбрать оружие и хорошенько отрепетировать операцию; надо, чтобы на этот раз все прошло без сучка. А уж завтра… Лучше, чтобы мальчишку увезли пораньше, сразу после завтрака.

* * *

Ламмокс, похоже, был очень рад, что снова попал домой; он не желал вспоминать обо всех случившихся неприятностях. Он ни разу не упомянул шефа Драйзера и, если даже и сообразил, что ему хотели причинить вред, ни словом об этом не обмолвился. Настроение у него было

безоблачное; он даже захотел положить голову Джонни на колени, чтобы тот его приласкал. Времена, когда голова Ламмокса действительно могла поместиться на коленях, прошли давно и безвозвратно; теперь он просто пристроил кончик своего носа на бедре мальчика, удерживая голову на весу и стараясь сильно не нажимать. Джонни ласково почесывал кончик носа куском кирпича.

Джонни был счастлив, но не совсем. Хорошо, конечно, что Ламмокс вернулся, но, с другой стороны, ясно, что еще ничего не решено; пройдет время, и шеф Драйзер снова попробует убить Ламмокса. Эта проблема ныла занозой в его сердце.

А тут еще мать внесла свою лепту — подняла крик, увидев, что «этот монстр» опять вернулся в их дом. Джон Томас пропускал мимо ушей все ее требования, угрозы и приказы; он занялся делом. Надо было устроить своего друга на место, накормить его и напоить. Покричав с какое-то время, мать ушла в дом, громко хлопнув за собой дверью и заявив на прощание, что сейчас же позвонит шефу Драйзеру. Примерно такого Джонни и ожидал и был почти уверен, что ничего из этого звонка не получится. Видимо, так и случилось; из дому мать больше не выходила. А Джонни

мучила совесть. Всю жизнь он ладил с матерью, всегда слушался, во всем уступал. То, что он пошел против нее, расстраивало его даже больше, чем саму мать. Ведь, уезжая, отец всегда говорил Джонни: «Сынок, заботься о маме. Не причиняй ей огорчений». И в тот, последний раз, когда отец не вернулся, он тоже так говорил.

Но ведь он старался, он правда старался! Только ведь ясно, что папа и представить не мог, что маме захочется избавиться от Ламмокса. Мама должна была сама прежде подумать, ведь она выходила за папу замуж, прекрасно зная, что получает Ламмокса как обязательную нагрузку. Ведь знала же?

Вот Бетти так никогда не сделает.

А впрочем, откуда знать?

Все-таки женщины — очень странные существа. Может, им с Ламмоксом лучше продолжать холостяцкую жизнь, так как-то вернее. Размышления Джонни тянулись до вечера; все это время он провел в компании звездного зверя, поглаживая его по спине. Опухоли Ламми тоже были источником беспокойства. Кожица на одной уже сделалась совсем тонкой, — похоже, она вот-вот лопнет. Может, их вскрыть? Но хотя ни один человек на Земле не знал о Ламмоксе больше,

чем Джонни, тут и он ничего не мог утверждать наверняка.

Это надо же, чтобы ко всем остальным радостям Ламми умудрился еще и заболеть… Это было уже чересчур! Ужинать Джонни не пошел. В конце концов мать сама вышла из дому с подносом.

— Я подумала, может быть, тебе хочется устроить тут с Ламмоксом пикник, — сказала она мягко.

Джонни посмотрел на нее с подозрением:

— Спасибо, мама… Спасибо.

— А как поживает Ламми?

— Да вроде бы все в порядке.

— Вот и чудесно.

Мать ушла. Джонни проводил ее взглядом. Злая — она далеко не сахар, но уж когда у нее такой загадочный вид, когда она вся, словно кошка, легкая и ласковая — ждать можно чего угодно. Как бы то ни было, ужин был отличный, и Джонни смел его подчистую; после завтрака прошло достаточно времени, чтобы проголодаться. Через полчаса мать появилась вновь:

— Поел, милый?

— Э-э-э… Да, спасибо, очень вкусно.

— Спасибо, милый. Ты принесешь поднос сам? И вообще, приходи, в восемь у нас будет мистер

Перкинс, он хочет с тобой поговорить.

— Мистер Перкинс? А кто это?

Но дверь за ней уже успела закрыться.

Мать была внизу, в кресле, с вязаньем на коленях — одним словом, картина полного умиротворения и уюта. Нежно улыбнувшись сыну, она спросила:

— Ну? Как мы теперь себя чувствуем?

— Все в порядке. Мам, слушай, а кто этот Перкинс? И чего ему от меня надо?

— Он позвонил сегодня утром и попросил разрешения зайти. Я сказала, чтобы он приходил в восемь.

— А он не говорил, что ему надо?

— Ну, как сказать… может быть, и говорил, но мамочка думает, пусть лучше мистер Перкинс сам расскажет о своем деле.

— Наверное, что-нибудь насчет Ламмокса?

— Ну зачем устраивать своей мамочке целый допрос. Скоро ты сам все узнаешь.

— Но послушай, я же…

— Если не возражаешь, мы не будем больше говорить на эту тему. Милый, разуйся, пожалуйста, я хочу снять с твоей ноги мерку.

Джонни, несколько обескураженный, начал снимать ботинок, но на полдороге остановился:

— Мам, не надо вязать мне носки.

— Что, милый? Но мамочке очень нравится вязать своему сыночку.

— Да, но… Слушай, я же не люблю домашней вязки. От них у меня ступни трескаются, я тебе сколько раз говорил и показывал.

— Что за глупости, дорогой. Ну как может такая мягкая шерсть повредить твоим ногам? И ты подумай, сколько стоили бы такие носки, если их покупать. Натуральная шерсть, настоящая ручная работа. Другой бы спасибо сказал.

— Но мне-то они не нравятся, говорю тебе!

— Иногда, дорогой, — вздохнула она, — я просто ума не приложу, что с тобой делать. Ну просто ума не приложу. — Она свернула вязанье и отложила в сторону. — Пойди вымой руки… да, и лицо тоже… и причешись. Мистер Перкинс будет с минуты на минуту.

— Так насчет этого мистера Перкинса…

— Не задерживайся, милый. И не надо устраивать матери сцен.

* * *

Мистер Перкинс оказался вполне приятным человеком. Джону Томасу он даже понравился, несмотря на все его подозрения. После несколь-

ких вежливых глупостей и чашки кофе, которая должна была символизировать гостеприимство, он перешел к делу.

Мистер Перкинс представлял лабораторию экзотических форм жизни Музея естественной истории. В музее узнали про Ламмокса из газет, расписавших похождения зверя и суд над ним. Теперь музей хотел его купить.

— И к моему крайнему изумлению, — добавил он, — изучая архив, я узнал, что наш музей уже один раз пытался купить этот экземпляр… насколько я понимаю, у вашего дедушки. Имя такое же, как у вас, и по дате сходится. Скажите, а вы, случайно, не родственник…

— Моего прапрапрадедушки? Да, конечно, — прервал его Джон Томас. — А купить Ламмокса они действительно у него хотели, только он тогда не продавался. И сейчас тоже не продается.

Миссис Стюарт подняла голову от вязанья:

— Милый, надо же все-таки быть разумным. Ты сейчас не в том положении, чтобы отказываться.

Джон Томас упрямо молчал.

— Поверьте мне, мистер Стюарт, — с теплой улыбкой продолжал Перкинс, — я вам очень сочувствую. Но наш юридический отдел изучил этот вопрос, и я хорошо знаю, в каком вы

сейчас положении. Поверьте, я совершенно не собираюсь его усложнять; мы нашли решение, в результате которого у вас кончатся все неприятности, а ваш питомец будет в полной безопасности.

— Я не продам Ламмокса, — упрямо повторил Джон Томас.

— Но почему? Если это окажется единственным разумным выходом?

— Ну… потому, что не могу. Даже если бы захотел. Мне его оставили не затем, чтобы продавать, а затем, чтобы я берег его и заботился о нем. Он — член нашей семьи с тех пор, когда меня еще и на свете не было, да и мамы тоже, если уж на то пошло. — Джон строго посмотрел на мать. — Не понимаю, мама, как тебе такое в голову могло прийти.

— Может быть, хватит, милый? — негромко сказала миссис Стюарт. — Уж наверное, мать знает, что для тебя лучше.

Видя настроение Джона Томаса, мистер Перкинс быстро сменил тему:

— Во всяком случае, теперь, когда я здесь, можно мне посмотреть на это существо? Мне страшно любопытно.

— Ну, в общем-то, да. — Джонни медленно под-

нялся и повел гостя во двор.

Мистер Перкинс поглядел на Ламмокса, сделал глубокий вдох и громко выдохнул:

— Великолепно! — Он восхищенно обошел зверя кругом. — Просто великолепно. Это же уникальный экземпляр… и к тому же — самое большое ВЗС, какое я в жизни видел. Да как же его сумели привести?

— Ну, с того времени он подрос, — признался Джон Томас.

— Если я правильно понял, он умеет немного подражать человеческой речи. Не могли бы вы заставить его что-нибудь сказать?

— Почему подражать? Он просто говорит.

— Действительно?

— Конечно. Эй, Ламми, как жизнь?

— Все в порядке, — пропищал Ламмокс. — А чего ему надо?

— Да ничего. Он просто хотел на тебя посмотреть.

— Это потрясающе. — Мистер Перкинс удивленно воззрился на зверя. — Говорит! Мистер Стюарт, наша лаборатория просто должна иметь этот экземпляр.

— Я же сказал: нет смысла даже и говорить.

— Теперь, увидев его… и услышав, я готов пред-

ложить значительно более высокую цену.

Джон Томас с большим трудом сдержался и не произнес грубость, вертевшуюся у него на языке. Вместо этого он сказал:

— Мистер Перкинс, а вы женаты?

— Да, а что?

— А дети у вас есть?

— Один, точнее, одна. Маленькая девочка. Ей только-только исполнилось пять. — Лицо гостя сразу как-то смягчилось.

— Ну вот, давайте тогда устроим сделку. Честный обмен, баш на баш. Никаких взаимных претензий, и каждый делает все, что ему заблагорассудится, со своим «экземпляром».

От негодования Перкинс побагровел, но тут же подавил гнев улыбкой.

— Туше! Я замолкаю. Однако, — добавил он, — вы сильно рискуете. Кое-кто из моих коллег поймал бы вас на слове. Это же такой соблазн для ученого — получить подобный образец. Вы и представить себе не можете. — Он с тоской поглядел на Ламмокса, вздохнул и сказал: — Ну что, пойдем в дом?

Миссис Стюарт подняла на них взгляд. Перкинс отрицательно покачал головой и сел. Сведя кончики пальцев, он сказал:

— Мистер Стюарт, вы запретили мне обсуждать возможную продажу Ламмокса, но поймите меня. Если я покажусь перед заведующим лабораторией и заявлю, что даже не высказал наших предложений, выглядеть это будет, мягко говоря, странно. Может быть, вы мне позволите рассказать, что хотел сделать музей? Просто для отчета.

— Ну, если так… — Джон Томас нахмурился. — Пожалуй, в этом нет ничего плохого.

— Спасибо. Должен же я сделать хоть что-нибудь, чтобы оправдать свои командировочные расходы. Так вот, давайте вместе здраво рассмотрим ситуацию. Это существо… может быть, лучше сказать, ваш друг Ламмокс… Или не так: наш друг Ламмокс — ведь я прямо влюбился в него с первого взгляда… Наш друг Ламмокс приговорен к смерти. Приговорен судом.

— Да, — признал Джон Томас. — Но этот приговор пока еще не утвержден Министерством по делам космоса.

— Знаю. Но ведь полицейские пытались его убить, не ожидая этого самого подтверждения. Верно?

Второй раз за вечер Джон Томас был близок к тому, чтобы выругаться, и второй раз сдержался,

на этот раз — посмотрев на мать.

— Идиоты тупоголовые! Им все равно не убить Ламмокса, с их-то куриными мозгами.

— Вполне с вами согласен… если говорить между нами. Этого клоуна, их шефа, вообще стоило бы уволить. Ведь они могли уничтожить уникальный экземпляр. Вы только себе представьте!

— Шеф Драйзер, — твердо заявила миссис Стюарт, — настоящий джентльмен.

— Миссис Стюарт, — сказал Перкинс, повернувшись к ней, — я ни в коем случае не собираюсь бросать какую-либо тень на вашего друга. Однако я уверен, причем совершенно твердо, что шеф не имел права самовольно распоряжаться. Причем со стороны представителя администрации такое поведение значительно более предосудительно, чем со стороны рядового гражданина.

— Он думал о безопасности населения, — настаивала она.

— Верно. Возможно, это смягчающее обстоятельство. Поэтому я беру назад свои высказывания. Они не имеют отношения к нашей проблеме, и я совершенно не хочу ввязываться в спор.

— И я очень рада этому, мистер Перкинс. Так, может быть, мы вернемся к предмету разговора?

У Джона Томаса начали просыпаться теплые

чувства к ученому — вот так же мать осаживала и его самого, к тому же Перкинсу нравился Ламми.

Тем временем гость продолжал:

— В любой момент, завтра, а может, даже сегодня, Министерство по делам космоса утвердит уничтожение Ламмокса и…

— А вдруг они отклонят?

— А вы согласны из-за этой ни на чем не основанной надежды рискнуть жизнью своего друга? Так вот, тогда ваш шеф полиции явится снова, и на этот раз он его убьет.

— Не убьет! Он не знает как. И мы еще раз над ним посмеемся!

Мистер Перкинс медленно и печально покачал головой:

— В вас говорит не разум, а сердце. На этот раз он сделает все как надо. Однажды он выставил себя дураком, больше он этого не допустит. Не сможет сам придумать надежный способ, так посоветуется со специалистами. Мистер Стюарт, любой биолог способен, осмотрев и оценив Ламмокса, не задумываясь предложить два-три вполне надежных решения, как его убить, убить быстро и безопасным для себя способом. Я вот только посмотрел на него и сразу придумал как.

— Но вы же не скажете шефу Драйзеру? — В

голосе Джона Томаса прозвучала тревога.

— Что вы, конечно нет. Для этого меня пришлось бы сначала подвесить за ноги. Но что — я? Найдутся другие, тысячи других, которые охотно ему помогут. А то он и сам сможет придумать способ. Будьте уверены, когда вы дождетесь утверждения этого смертного приговора, делать что-либо будет уже поздно. Они его просто убьют. К вашему и моему сожалению.

Джон Томас молчал, и Перкинс негромко добавил:

— В одиночку вам никак не справиться, и этим своим упрямством вы только убьете Ламмокса.

Джон Томас крепко прижал кулак ко рту. Потом он сказал еле слышно:

— Что же тогда делать?

— Сделать можно многое, если только вы согласитесь на мою помощь. Первое. Вы должны понять, что, если вы доверите его нам, никто не сделает ему ничего плохого. Вы, конечно, наслушались всяких разговоров про вивисекцию и прочее, ну так можете все это забыть. Мы просто помещаем свои образцы в окружение, максимально приближенное к условиям их родных планет, а затем изучаем их. Мы хотим, чтобы они пребывали в добром здравии и в хорошем на-

строении; для этой цели мы не жалеем никаких сил. В конце концов Ламмокс умрет естественной смертью, тогда мы поместим его шкуру и скелет в свою постоянную экспозицию.

— А вам бы хотелось, чтобы из вашей шкуры сделали чучело и поместили в музей? — горько спросил Джонни.

— Что? — На лице Перкинса отразилось изумление, затем он рассмеялся. — Меня бы это ничуть не обеспокоило; если хотите знать, я уже завещал свою тушку медицинскому факультету моей альма-матер. И Ламмокса это тоже ничуть не обеспокоит. Дело в другом — как устроить, чтобы полиция от него отстала и чтобы он смог дожить до старости.

— Подождите. Но ведь даже если вы его купите, это ничего не решает. Они все равно его убьют. Кто им может помешать?

— И да и нет. В первую очередь — нет. Конечно, продажа Ламмокса музею не отменяет приказа на его уничтожение, но, вы уж мне поверьте, приказ этот никогда не будет выполнен. Наш юридический отдел объяснил мне, что следует в таком случае сделать. Первым делом мы приходим к соглашению относительно условий, и вы даете мне расписку, подтверждающую продажу;

тогда музей становится законным владельцем. Сразу же после этого, скорее всего — сегодня, я нахожу вашего местного судью и получаю у него временное постановление, на несколько дней откладывающее приведение приговора в исполнение; такая отсрочка естественна и вполне в его силах, принимая во внимание смену владельца. А большего нам и не надо. Если потребуется, мы выйдем прямо на министра космических дел… одним словом, я могу вам обещать, что, став собственностью музея, Ламмокс не будет убит ни при каких обстоятельствах.

— Вы это точно знаете?

— Достаточно точно, чтобы рискнуть деньгами музея. Если я ошибаюсь, то вполне могу остаться без работы. — Перкинс улыбнулся. — Только я не ошибаюсь. А как только я получу отсрочку и позвоню в музей, чтобы они превратили ее в постоянную отмену приказа, следующим моим шагом будет урегулирование всех этих исков о возмещении ущерба. У меня есть при себе наличные, сумма вполне достаточная. Нередко деньги являются очень убедительным аргументом. Тогда против нас останется один-единственный человек — шеф полиции. Он — серьезная помеха для вас, но не для нас; по сравнению с теми силами,

которые может привлечь себе на помощь музей, он просто ничто. А потом все будут жить долго и счастливо. — Перкинс улыбнулся. — Вот видите, как все прекрасно можно устроить.

Джон Томас задумчиво изобразил ногой на ковре какой-то сложный узор, а потом поднял голову:

— Послушайте, мистер Перкинс, я понимаю, для спасения Ламмокса я должен на что-то решиться. Но до этого момента я не видел никакого способа, я просто, как страус, зарывал голову в песок, тянул время и ждал, что все как-нибудь устроится.

— Так вы согласны?

— Одну секунду, пожалуйста! Но ведь так тоже не годится. Без меня Ламмоксу будет плохо, он не привык. Получается, что мы просто заменим смерть пожизненным заключением. Еще неизвестно, что он предпочел бы — умереть или остаться одному, чтобы всякие незнакомые люди тыкали его, беспокоили и прогоняли через свои тесты. А я не могу даже спросить его, что он предпочитает, потому что я не уверен, что Ламмокс понимает, что такое смерть, но он знает, что такое чужие люди.

Мистер Перкинс пожевал нижнюю губу и по-

думал, что сделать одолжение этому молодому человеку будет невероятно трудно.

— Мистер Стюарт! А если бы вы сами поехали с Ламмоксом, это было бы лучше?

— Как это?

— Думаю, я могу обещать вам работу по уходу за животным. На самом деле у меня есть вакансия в моем собственном отделе. Я могу вас взять на это место прямо сегодня, а все бумажки мы оформим потом. В конце концов даже лучше, если за экзотическим животным будет ухаживать человек, знающий его повадки.

— Нет! — сказала миссис Стюарт, прежде чем ее сын успел ответить.

— Что? Но почему, миссис Стюарт?

— Об этом не может быть и речи. Мистер Перкинс, я надеялась, что вы предложите какой-нибудь разумный выход из этой неприятной ситуации. Но с последней вашей идеей я категорически не согласна. Моему сыну надо поступать в колледж; я просто не допущу, чтобы он растрачивал свою жизнь, убирая навоз из клеток в зоопарке, словно какой-нибудь малограмотный бродяга! Да ни в коем случае!

— Мама, послушай…

— Джон Томас! Разговор окончен.

Мистер Перкинс перевел глаза с горящего лица сына на твердое, решительное лицо его матери.

— В конце концов, — сказал он, — все это музея не касается. Давайте, миссис Стюарт, я сформулирую решение следующим образом: я не буду нанимать никого на эту вакансию, ну, скажем, в течение шести месяцев… пожалуйста, миссис Стюарт, не надо. Согласится ваш сын на эту работу или нет, это ваша семейная проблема, и я уверен, что здесь мои советы излишни. Я только хочу уверить вашего сына, что музей ни в коем случае не собирается разлучать его с Ламмоксом. Думаю, что это вполне разумная постановка вопроса.

Спицы в руках миссис Стюарт яростно щелкали, словно рычаги какого-то механизма.

— Пожалуй, — согласилась она, не поднимая головы от вязанья.

— Мистер Стюарт?

— Подождите, пожалуйста, секунду. Мама, а что, если я…

— Пожалуйста, мистер Стюарт! Сейчас не время для обсуждения семейных проблем. Наше предложение вы знаете. Так вы согласны?

— Я что-то не помню, — прервала его миссис Стюарт, — чтобы вы называли цену, мистер Перкинс.

— Действительно! Ну скажем, двадцать тысяч.

— Чистыми?

— Чистыми? А, понимаю… нет, разумеется. За вычетом сумм, которые пойдут на возмещение ущерба.

— Чистыми, мистер Перкинс, — твердо повторила она.

Перкинс пожал плечами:

— Чистыми так чистыми.

— Тогда мы согласны.

— Прекрасно.

— Подождите, куда вы! — запротестовал Джон Томас. — А вот мы еще не согласны. Во всяком случае, пока не договорились об этом вашем предложении. Я совсем не собираюсь превращать Ламмокса в…

— Тихо! Милый, я очень долго терпела, но не намерена снова выслушивать всю эту чушь. Мистер Перкинс, Джон согласен. Бумаги у вас при себе?

— Мы не согласны!

— Подождите минутку, — воззвал к ним мистер Перкинс. — Мэм, верно ли я понимаю, что для совершения этой продажи необходима подпись вашего сына?

— Вы ее получите.

— Хм. Мистер Стюарт?

— Я ничего не подпишу, если сначала не договоримся, что мы с Ламмоксом будем вместе.

— Миссис Стюарт?

— Это просто смешно.

— Я тоже так думаю. Но сделать ничего не могу. — Перкинс встал. — Всего хорошего, мистер Стюарт. Большое спасибо, что вы дали мне возможность изложить свои предложения, спасибо и за то, что разрешили посмотреть на Ламмокса. Нет, не провожайте меня, я уж как-нибудь сам найду дверь.

Он направился к выходу, а тем временем Стюарты старательно отворачивались друг от друга. У двери Перкинс остановился:

— Мистер Стюарт?

— Да, мистер Перкинс?

— Вы не могли бы оказать мне одну небольшую услугу? Поснимайте Ламмокса как можно больше. Лучше всего сделайте, чтобы съемки были стерео, цветные и со звуком. Конечно, хорошо бы прислать сюда профессиональную съемочную группу, но боюсь, что она может не успеть. Вы сами понимаете. Это просто позор, если после него не останется никаких научных данных. Так что вы уж сделайте что сможете. — Он снова взялся за ручку двери.

Джон Томас сглотнул комок и вскочил на ноги:

— Мистер Перкинс! Эй! Вернитесь!

Через несколько минут он уже подписывал купчую. Рука его дрожала, однако подпись получилась вполне разборчивой.

— А теперь, — сказал Перкинс, — если вы, миссис Стюарт, подпишитесь здесь, снизу, где «опекун»... Спасибо! Да, чуть не забыл! Надо еще вычеркнуть эти слова насчет «за вычетом сумм...» и так далее. Денег у меня с собой нет, я прилетел в ваш город, когда все банки были уже закрыты, так что я передам вам пока чисто номинальный задаток для скрепления договора, а остальные вы получите перед тем, как мы увезем этот образец.

— Нет, — сказал Джон Томас.

— Как?

— Я совсем забыл сказать. Музей может возместить ущерб, раз уж сам я не могу, и к тому же ведь это Ламмокс все натворил. Но денег я брать не собираюсь — я бы чувствовал себя Иудой.

— Джон Томас! — резко сказала мать. — Я тебе не позволю...

— Лучше не говори этого, — предупредил Джон Томас опасным тоном. — Ты же прекрасно знаешь, что подумал бы папа.

— Кхе! — Мистер Перкинс громко прочистил

горло. — Сейчас я заполню обычную расписку на получение этой номинальной суммы. Не стану больше обременять вас своим присутствием. Судья О'Фаррелл предупредил меня, что ложится спать в десять. Миссис Стюарт, я считаю, что музей готов в любую минуту выполнить условия договора. Мистер Стюарт, вы можете решить все эти вопросы со своей матерью в семейном кругу. Спокойной ночи. — Он засунул купчую в карман и торопливо вышел.

Через час они все еще устало прожигали друг друга взглядами из противоположных углов комнаты. Мать сумела все-таки выбить у Джона Томаса согласие на то, что она возьмет деньги с условием, что он до них не дотронется. Ему показалось, что взамен мать позволила ему отправиться в музей вместе с Ламмоксом.

Но она отрицательно покачала головой:

— Даже не думай об этом. В любом случае тебе скоро поступать в колледж. И ты не смог бы взять с собой этого зверя. Не думал же ты, что он всегда останется при тебе?

— Но я думал, ты о нем позаботишься… ты же обещала папе… а я приезжал бы сюда на уикэнды.

— Не вмешивай сюда своего отца! Я бы сразу

сказала тебе, что давным-давно решила: в тот самый день, когда ты уедешь учиться в колледж, этот дом перестанет быть зоопарком. Вся эта катавасия только приблизила неизбежное на несколько дней.

Джон Томас даже не смог ответить, он просто пораженно смотрел на мать. Она подошла к сыну и положила руку ему на плечо:

— Джонни? Джонни, милый…

— Да?

— Посмотри на меня, малыш. Мы столько всего друг другу наговорили, но, поверь, мне очень хотелось, чтобы этих слов никогда не было. Я уверена, что ты говорил все это, сам того не желая. Ведь мамочка думала только о твоем благе, ты же понимаешь? Ведь понимаешь?

— Наверное, да.

— Мамочка всегда только об этом и думает. Думает о своем большом мальчике, как бы ему было лучше. Ты молод, а молодым кажутся важными совсем неважные вещи. А потом ты вырастешь, и окажется, что мама была права. Неужели ты этого не понимаешь?

— Ну… Мама, так как же насчет этой работы. Если б я только…

— Милый, пожалей меня. У твоей мамы голова

просто раскалывается от боли. Давай не будем сегодня больше об этом говорить. Поспи, завтра ты увидишь все другими глазами. — Она погладила сына по щеке, нагнулась и поцеловала. — Спокойной ночи, мой милый.

— Спокойной ночи.

Мать ушла наверх, а Джонни долго еще сидел, пытаясь во всем разобраться. Он знал, что надо бы радоваться. Действительно, ведь ему удалось спасти Ламми. Только вот что-то не было ее, радости; он чувствовал себя словно лисица, отгрызшая себе лапу, пытаясь вырваться из капкана. Только боль и тоска — и никакого облегчения.

Потом он встал и вышел из дому — посмотреть, как там Ламмокс.

Глава 8
Разумное поведение

У Ламмокса Джон Томас пробыл совсем недолго: сказать правду он не решался, а больше говорить было не о чем. Ламмокс почувствовал, что что-то не так, и стал задавать вопросы; в конце концов Джон Томас взял себя в руки и объявил:

— Я же говорю, все в порядке! Заткнись и иди спать. И чтобы со двора ни ногой, а не то я тебе ноги повыдираю.

— Хорошо, Джонни. Да и вообще, снаружи мне не понравилось. Там все так странно себя ведут.

— Вот и не забывай про это, и чтобы больше не выходил.

— Я не буду, Джонни. Крест на пузе.

Джон Томас вернулся домой, лег, но уснуть не смог. Немного полежав, он встал, натянул штаны и отправился на чердак.

Дом Стюартов был очень старый, и чердак в нем был самый настоящий; попадали туда через люк, по стремянке из одной из кладовок. Когда-то туда вела настоящая лестница, но ее убрали, когда на крыше сделали посадочную площадку:

понадобилось место для лифта. Но чердак, единственное место в доме, принадлежавшее только Джону Томасу, остался. Его комнату мать время от времени «прибирала», хотя Джонни был обязан заниматься уборкой сам, да и не хотел, чтобы это делали вместо него. Потому что, если мамочка за что-то бралась, ждать можно было всего. Она могла засунуть куда угодно, выкинуть, даже прочитать любые его бумаги — мамочка считала, что у детей не может быть никаких секретов от родителей.

Поэтому все, что Джон Томас хотел сохранить — так, чтобы никто об этом не знал, — он прятал на чердаке; мать сюда носа не совала — от стремянки у нее кружилась голова. Здесь, под крышей, у Джона Томаса была маленькая, душная, чрезвычайно грязная и полная всякого хлама клетушка. Считалось, что это просто кладовка. В действительности она использовалась для самых разнообразных целей: несколько лет назад Джон Томас выращивал в ней змей, здесь он хранил небольшую пачку книг, рано или поздно попадающихся под руку каждому мальчику, — книг, обсуждать которые с родителями не принято. Здесь был даже телефон — просто звуковой отвод от обычного видеофона, стоявшего у Джона Тома-

са в спальне. Чтобы его соорудить, потребовались познания в физике, те, что он приобрел в школе, и масса хлопот в придачу: работать можно было только тогда, когда мать уходила из дому, а провода не должны были привлекать внимание ни ее, ни техников телефонной компании.

Собранное на коленке, устройство тем не менее работало; Джон Томас даже добавил к нему сигнальную цепь, и, если кто-нибудь снимал трубку на любом из установленных в доме аппаратов, загоралась предупредительная красная лампочка.

Но сегодня звонить никому не хотелось; к тому же порядки у Бетти в общежитии строгие и так поздно ее к телефону не позовут. Хотелось просто побыть одному и покопаться в бумагах, в которые он давным-давно не заглядывал. Джон Томас сунул руку под стол и щелкнул тумблером: в совершенно гладкой стенке открылась дверца. За дверцей оказался шкаф, а в нем — книги и бумаги. Он выложил их на стол.

Вот оно, то, что надо: записная книжка со страницами из тонкой бумаги — записи прадедушки, сделанные во время второй экспедиции «Следопыта». Книжке перевалило за сотню лет, чувствовалось, что ее листали очень многие руки. Сам Джон Томас читал эту книжку раз десять;

его отец и дед, скорее всего, — не меньше. От старости страницы сделались хрупкими, многие из них были подклеены.

Джон Томас перелистал записи; страницы он переворачивал аккуратно, но не читал, а скорее мельком проглядывал. Вскоре его глаза остановились на хорошо знакомом абзаце.

«…Кое-кто из ребят совсем запаниковал, особенно женатые. Им стоило подумать об этом прежде, чем записываться в команду. Теперь уже все знают ситуацию: мы прорвались и вышли в пространство, от которого до дому лететь и лететь. Ну и что? Мы же хотели путешествовать, вот и путешествуем».

Джон Томас перелистал еще несколько страниц. Он с детства знал историю «Следопыта», и она уже не вызывала в нем ни удивления, ни благоговения. Это был один из самых первых межзвездных кораблей, члены его экипажа выбрали профессию открывателей с той же тягой к неизведанному, с которой в золотые дни пятнадцатого столетия моряки покоряли не нанесенные на карты моря на своих утлых деревянных суденышках. В тот же путь уходили и первые межзвездные корабли, и среди них «Сле-

допыт»; они прорывали Эйнштейнов барьер[82] с риском никогда не вернуться. Джон Томас Стюарт VIII ушел на нем в неизвестность — это был второй полет «Следопыта» — и вернулся в целости и сохранности, женился, сделал себе наследника и вроде бы осел на Земле. Он-то и построил посадочную площадку на крыше.

Но как-то ночью он услышал крик диких гусей и записался в новый полет. Из него он уже не вернулся.

Джон Томас нашел первое упоминание о Ламмоксе:

«Эта планета во многом похожа на нашу старую добрую Терру в отличие от трех предыдущих; здесь можно выйти на поверхность без скафандра. Но эволюция на ней, видно, кинула в свое время монетку — удвоить ставки или проиграть все; вместо конструкции с четырьмя конечностями, принятой в приличном обществе у нас дома, практически все животные здесь обладают по крайней мере восьмью ногами… „Мыши“, похожие на сороконожек, „кролики“ с шестью

[82] notes: 82

Ненаучный термин, прижившийся в литературе; имеется в виду скорость света, которая, согласно теории относительности Эйнштейна, является конечной, наивысшей скоростью, округленное значение — 300 000 км/с.

короткими лапами и парой потрясающих задних толчковых, да что угодно, вплоть до здоровенных тварей размером с жирафа. Я поймал одного крохотного зверька (если это можно назвать „поймал“: он сам подошел и вскарабкался ко мне на колени) и прямо-таки влюбился в него. Попробую сохранить его у себя, на счастье. Что-то наподобие щенка таксы, только конструкция получше. У шлюза на вахте был Кристи, поэтому удалось протащить его на борт, не сдавая биологам».

В следующей записи Ламмокс не упоминался, разговор шел о делах посерьезнее:

«На этот раз, кажется, мы сорвали джекпот. Цивилизация. Офицеры наши совсем обалдели от счастья. Я тоже видел издалека одного из представителей доминирующей здесь расы. Опять многоногая структура, в прочих же отношениях — заставляет задуматься, как выглядела бы сейчас Земля, победи не млекопитающие, а динозавры».

Он пролистал немного еще…

«Очень беспокоился, чем же я буду кормить Кулему. Зря волновался. Ему нравятся любые продукты, что я таскаю для него из столовой, но, кроме того, он может сгрызть все, что не прибито

гвоздями. Сегодня я немного встревожился: он схрумкал мою авторучку. Ну ладно, чернила ему, скорее всего, не повредят, а как насчет металла и пластика? Он совсем как ребенок — что видит, все тащит в рот.

Кулема хорошеет день ото дня; похоже, что этот маленький нахалюга пытается со мной разговаривать: он мне поскуливает, а я поскуливаю ему в ответ. Потом он забирается ко мне на колени и абсолютно ясно показывает, что любит меня. Будь я проклят, если отдам его биологам, даже если меня застукают. Эти живодеры способны распотрошить любую животину, просто чтобы посмотреть, как она там устроена. Нельзя же подводить тварь, которая тебе доверяет».

Пара дней в дневнике была пропущена: «Следопыт» экстренно стартовал, и помощник главного энергетика Дж. Т. Стюарт был слишком занят, чтобы писать. Джон Томас знал, почему… переговоры с доминирующей расой, которые начались столь многообещающе, внезапно провалились… никто не знал почему.

Капитан бежал, чтобы спасти свой корабль и экипаж. Они врубили ускорители и снова прорвались сквозь барьер Эйнштейна, не получив от разумной расы астрономических сведений,

которые надеялись получить.

Дальше было всего несколько записей о Ламмоксе-Кулеме; Джон Томас отложил дневник, решив, что на сегодня с него хватит чтения записей о Ламмоксе. Он начал возвращать вынутые книги обратно в скрадок, и тут ему под руку попалась маленькая, напечатанная в частном порядке брошюрка под названием «ЗАМЕТКИ О МОЕЙ СЕМЬЕ». Ее начал писать его дед, Джон Томас Стюарт IX, а отец Джонни довел ее до того момента, как он отправился в свой последний патруль. Раньше она стояла в семейной библиотеке рядом с толстенной официальной биографией Джона Томаса Стюарта VI, но Джонни утащил ее наверх, и мать не успела от нее избавиться. Он помнил ее так же хорошо, как дневник, но он начал перелистывать страницы, чтобы немного отвлечься от мыслей о Ламмоксе.

История Стюартов начиналась с 1880 года и открывалась Джоном Томасом Стюартом. О его родителях ничего не было известно, так как он появился на свет в небольшом городке в Иллинойсе, где в тот далекий день никто не вел записей о рождениях. Да и сам он безнадежно запутал все записи, сбежав из дома в моряки в четырнадцать лет. Он ходил под парусом на чай-

ном клипере, пережил побои и скверную пищу и в конце концов «проглотил якорь»[83] отставным морским капитаном, когда эпоха парусов клонилась к закату. Он построил тот старый дом, в котором сейчас находился Джон Томас.

Самый первый Джон Томас не уходил в море. Вместо этого он расшибся, обучая летать похожую на воздушного змея штуковину с громким названием «аэроплан». Случилось это еще до первой из мировых войн; после этого несколько лет в доме принимали «постояльцев».

Дж. Т. Стюарт III пал в борьбе за правое дело; подлодка, на которой он служил офицером-артиллеристом, вошла в Цусимский пролив[84] Японского моря, но не сумела вернуться.

Джон Томас Стюарт IV погиб во время первой экспедиции на Луну.

Джон Томас V эмигрировал на Марс; Джонни быстренько пролистнул его сына, самого знаме-

---

[83] notes: 83

Проглотить якорь — на морском жаргоне означает «выйти на пенсию».

[84] notes: 84

Он же Восточный проход, он же проход Крузенштерна, соединяет Восточно-Китайское море с Японским и расположен между островами Цусима (на западе) и Ики и Окиносима (на востоке). 14–15 мая 1905 г. в этом проливе произошло сражение между 2-й Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала Рождественского и японским флотом адмирала Того.

нитого человека в роду. Ему давно надоели по это самое место постоянные напоминания, что он носит то же имя, что и генерал Стюарт, первый после революции губернатор Марсианского содружества. Интересно, а что бы случилось с прапрапрадедушкой, окажись революция неудачной? Вздернули бы, скорее всего, — какие уж там памятники.

Бóльшая часть книги была посвящена попыткам дедушки Джонни вернуть доброе имя своему собственному деду. Потому что сын генерала Стюарта не был героем в глазах общества. Вместо этого последние пятнадцать лет своей жизни он провел в исправительной колонии на Тритоне. Жена его вернулась на Землю к родителям и восстановила свою девичью фамилию, дав заодно эту фамилию и сыну.

Однако вышеупомянутый сын прямо в день совершеннолетия гордо заявился в суд и поменял свое имя с «Карлтон Гиммидж» на «Джон Томас Стюарт VIII». Как раз он-то и привез Ламмокса на Землю, а на деньги, полученные за полет на «Следопыте», выкупил старое семейное гнездо Стюартов. Видимо, он убедил своего сына, что его деда просто подставили; вышеупомянутый сын не пожалел бумаги, излагая это в своих за-

писках.

Дедушке и самому вполне пригодился бы защитник его честного имени. В записках просто упоминался факт, что Джон Томас Стюарт IX подал в отставку, после чего никогда не уходил в космос. Однако Джонни знал со слов своего отца, что перед ним встал выбор: или отставка, или военный трибунал. Правда, папа сказал еще, что дедушка был бы абсолютно чист, согласись он давать на суде показания.

— Джонни, — добавил папа, — будь всегда верен друзьям; это значительно лучше, чем иметь грудь, увешанную медалями.

Дед в то время был еще жив. Когда подвернулся случай — отец в это время ушел в патрульный полет, — Джонни осторожненько намекнул деду, что все знает.

Дед взъярился.

— Что за чушь! — заорал он. — Уделали меня, значит было за что.

— А вот папа сказал, что на самом деле это твой капитан…

— Твоего папаши там вроде не было, а капитан Доминик был лучший шкипер, какой только летал в космос, царствие ему небесное. Ты лучше расставь шашки, сынок, и посмотрим, как я тебя

сейчас причешу.

После смерти дедушки Джонни еще раз попытался разобраться с помощью отца в этой истории, но прямого ответа не получил.

— Романтик, неисправимый романтик — вот кто был твой дед, Джонни. Это наш фамильный недостаток. Ни у кого из нашего рода не хватало здравого смысла даже на то, чтобы толком вести баланс чековой книжки. — Выпустив из трубки несколько клубов дыма, он добавил: — Но зато уж позабавились мы — будь здоров.

Отложив бумаги и книги в сторону, Джонни смутно почувствовал, что толку от всего этого чтения почти никакого; его не покидали мысли о Ламмоксе. Надо, пожалуй, пойти и попробовать немного поспать.

В этот самый момент мигнула лампочка на телефоне; он схватил трубку, стараясь успеть, пока световой сигнал не сменился на звуковой и не проснулась мать:

— Да?

— Джонни, ты?

— Ага. Я тебя не вижу, Бетти. Я на чердаке.

— Чердак ни при чем. Я отключила видео — не успела накраситься. И вообще, здесь темно, как не знаю где; в такое время нам не разрешают

звонить. А… герцогиня тоже слушает?

Джонни глянул на сигнальную лампочку:

— Нет.

— Я коротко. В общем, агентура донесла, что дьякон Драйзер получил добро на дальнейшие действия.

— Не может быть!

— Еще как может. Главное другое — нам-то теперь как быть? Ведь нельзя же так просто сидеть и ждать, пока он не сделает свое грязное дело.

— Ну, я тут кое-что предпринял.

— Что? Надеюсь, не натворил каких-нибудь глупостей? Не надо было мне сегодня уезжать.

— Ну, понимаешь, мистер Перкинс…

— Перкинс? Это тот самый мужик, который заходил сегодня к судье О'Фарреллу?

— Да. А ты откуда знаешь?

— Не трать время на дурацкие вопросы. Я всегда все знаю. Говори быстро, что ты сделал.

— Ну, понимаешь… — Джонни сбивчиво рассказал о событиях вечера. Бетти слушала молча, поэтому он сразу же стал оправдываться; в результате вышло, что он защищает не свою точку зрения, а позиции матери и мистера Перкинса. — Вот так все и получилось, — закончил он, чувствуя себя крайне неловко.

— Выходит, ты послал их подальше? Отлично. Теперь мы сделаем вот что. Если на это способен музей, значит у нас тоже получится. Надо только, чтобы добрый дедушка О'Фаррелл…

— Бетти, ты ничего не поняла. Я продал Ламмокса.

— Что? Ты продал его?

— Да. Мне пришлось. Если бы я не…

— Ты — продал — Ламмокса?

— Бетти, я же никак не мог…

Но она бросила трубку.

Джонни попытался позвонить ей сам, но услыхал только голос автоответчика:

«Этот аппарат не будет использоваться до восьми часов утра. Если вы хотите записать свое сообщение, подождите…»

Он повесил трубку.

Джонни сидел, обхватив голову руками, и думал: лучше бы ему умереть. А самое скверное то, что Бетти права. Его заставили сделать плохую, очень плохую вещь. Он прекрасно знал, что так делать нельзя, но все-таки позволил, все-таки дал им себя заставить. Позволил потому, что не видел другого выхода.

Вот Бетти — ее бы они не обвели вокруг пальца. Конечно, вполне возможно, что из ее последней

идеи тоже ничего не выйдет, но, будучи в здравом уме. сморозить такую глупость — этого от нее не дождешься.

Так он сидел, мучил себя и все никак не мог найти выход. И чем больше он думал, тем сильнее его охватывала злость. Как он позволил себя уговорить, сотворить такое? И сделать это просто потому, что это было разумно… просто потому, что это было логично… просто потому, что это подсказывал здравый смысл.

Да в задницу этот ваш здравый смысл! У предков его никогда не было, ни у одного из них! Кто он, собственно, такой, чтобы ломать вековую традицию своего рода?!

Никто из них в жизни не отличался разумным поведением. Ну вот хотя бы этот самый прапрапрадедушка, генерал. Ему не понравилась ситуация, так он целую планету перевернул вверх тормашками на семь кровавых лет. Ну да, конечно, его называют героем… вот только можно ли начать революцию, если у тебя есть хоть грамм здравого смысла?

А если взять… Да чего там, любого из них возьми. Во всей шайке не было ни одного пай-мальчика. Стал бы дед продавать Ламмокса? Да он бы голыми руками разнес этот суд. Будь

дедушка жив, он стоял бы и сторожил Ламмокса с автоматом, он всему свету бы заявил: «Только попробуйте дотроньтесь до него хоть пальцем».

Разумеется, он и не собирался брать грязные деньги Перкинса. Он знал это заранее.

Но что он мог сделать?

Можно полететь на Марс. Ведь по закону Лафайета, он — гражданин Марса и имеет право на земельный участок. Вот только как туда попасть? Да еще с Ламмоксом под мышкой.

«Беда в том, — яростно сказал он себе, — что это звучит почти разумно. А разумные решения это не для меня».

Наконец у него родился план. Главным преимуществом этого плана было полное отсутствие в нем хоть какого-то подобия здравого смысла; состоял этот план из безумия напополам с риском. Джонни чувствовал, что дедушке он бы точно понравился.

Глава 9
Гадкий утенок и местные обычаи

По пути к себе Джонни задержался у двери, за которой спала мать, и прислушался. Собственно говоря, услышать что-нибудь при такой звукоизоляции было трудно, просто сказывалась привычка. В своей комнате он быстро натянул на себя походную одежду и горные ботинки, затем вытащил из ящика стола спальный мешок и засунул его в один карман куртки, а батарейку к нему — в другой. Потом рассовал по карманам остальное походное хозяйство и вроде бы был готов.

Подсчитав наличность, Джонни негромко выругался: бóльшая часть его денег хранилась в банке, и сейчас они были недоступны. Но что поделаешь, раз так неудачно вышло. Он уже спускался по лестнице, как вдруг вспомнил одну важную вещь. Джонни вернулся в комнату и подошел к столу.

«Дорогая мамочка, — написал он на листке. — Скажи, пожалуйста, мистеру Перкинсу, что сделка не состоялась. Можешь заплатить страховым компаниям из моих денег на колледж. Мы

с Ламми уходим, искать нас бесполезно. Прости, но так надо».

Перечитав записку, он решил, что больше сказать нечего, добавил внизу: «С любовью» — и расписался.

Джонни начал было писать Бетти, раздумал, порвал записку, затем начал писать снова. В конце концов он решил, что лучше напишет письмо — потом, когда будет что рассказать. Спустившись, Джонни положил записку на обеденный стол, а сам пошел в кладовку набрать припасов. Еще через несколько минут, с большим мешком на плече, набитым пакетами и консервными банками, он подошел к домику Ламмокса.

Тот крепко спал. Сторожевой глаз узнал Джонни: Ламмокс даже не шевельнулся. Джон Томас отступил на шаг и изо всех сил пнул его ногой:

— Эй, Лам! Просыпайся!

Зверь открыл остальные глаза и, сладко зевнув, пропищал:

— Привет, Джонни.

— Соберись! Мы идем в поход.

Ламмокс выпрямил ноги и встал, по его хребту пробежало что-то похожее на волну.

— Я готов.

— Сделай мне сиденье и оставь место для это-

го. — Джонни показал на мешок с продуктами. Ламмокс молча выполнил приказание; Джон Томас закинул мешок наверх, а следом вскарабкался сам.

Через минуту они были уже на дороге перед домом Стюарта.

* * *

При всем своем безрассудстве Джон Томас прекрасно понимал, что скрыть Ламмокса от чужих глаз — замысел почти неосуществимый; в любом месте он будет незаметен примерно так же, как бегемот в детской песочнице. Однако в безумии Джонни была система: именно в окрестностях Вествилла, в отличие от большинства других мест, была возможность спрятать огромного зверя. Город лежал в открытой горной долине, сразу на запад от него вздымал в небо свои вершины становой хребет континента. Уже в нескольких милях от города начинались безбрежные холмистые просторы, многие тысячи квадратных миль местности, почти не изменившейся с тех пор, как индейцы поприветствовали Колумба. В короткий охотничий сезон эти места кишели людьми в красных куртках, без устали палившими из своих ружей по оленям, лосям и друг в друга; бóльшую

часть года здесь было совершенно безлюдно.

Если удастся незаметно переправить туда Ламмокса, появлялась хотя бы крохотная надежда, что их не поймают, пока не кончатся взятые из дому запасы. Ну а кончатся… можно перейти на подножный корм, как Ламмокс… питаться, например, олениной. В крайнем случае в одиночку вернуться в город и снова вступить в переговоры, только на этот раз — с более сильной позиции, и никому не говорить, где скрывается Ламмокс, пока они не прислушаются к голосу разума. Все эти варианты он еще толком не продумал, главное было — спрятать Ламми, а подумать можно и потом. Главное — увести его в такое место, где до него не сможет добраться этот старый негодяй Драйзер!

Можно было сразу податься на запад, к горам, через лесистые холмы, ведь Ламмокс мог двигаться по пересеченной местности не хуже любого танка. Правда, и след от него оставался не хуже, чем от того танка. Поэтому приходилось двигаться по шоссе.

Эту проблему Джонни обдумал заранее. Совсем неподалеку проходил трансконтинентальный хайвей, построенный в начале века. Дорога огибала Вествилл с юга и серпантином поднималась

все выше и выше, к Великому водоразделу, чтобы потом спуститься по другую сторону хребта. Давным-давно появилось современное силовое экспресс-шоссе, которому не приходилось карабкаться в горы, для него построили туннели. Но старая дорога тоже никуда не исчезла. Заброшенная, местами заросшая — бетонные плиты перекосились от зимних морозов и летней жары, — она все же оставалась мощеной дорогой, на которой будут не так заметны следы от могучих ног Ламмокса.

Джонни вел Ламмокса задворками, далеко обходя дома. В трех милях к западу от дома Стюартов новое шоссе пряталось в первом из туннелей, отсюда же старое шоссе начинало свой подъем к перевалу. В сотне ярдов от их развилки Джонни остановил Ламмокса возле незастроенного участка, строго велел ему никуда не двигаться, а сам отправился на разведку. Можно было выйти на старую дорогу, пройдя немного по экспресс-шоссе, но Джонни не хотел рисковать — мало того что их могли заметить, это было бы просто опасно для Ламмокса.

Ему смутно припоминалось, что где-то должен быть другой путь, и вскоре он его отыскал. Вспомогательная дорога для подъезда ремонт-

ных бригад огибала развилку и поднималась к старому шоссе. Дорога была немощеной, но и на гранитной щебенке, которая ее покрывала, вряд ли будут заметны следы. Джон Томас вернулся к Ламмоксу и обнаружил, что тот задумчиво жует жестяной плакат «Продается». Джонни отругал его и забрал остатки плаката, потом решил, что лучше избавиться от улик и вернул их обратно. Не дожидаясь, пока тот дожует жестянку, Джон Томас велел ему трогаться.

И, только оказавшись на старом шоссе, он дал себе немного расслабиться. Первые мили дороги находились в приличном состоянии, этот участок вел к домам, стоявшим в глубине каньона. Интенсивного движения тут быть не могло, потому что дорога вела в тупик. А в этот час не было и местного транспорта. Пару раз над головой пролетали вертолеты, — видно, кто-то возвращался из гостей или театра. Даже если пассажиры этих машин и заметили внизу огромного зверя, то не подали виду.

Дорога, петляя, поднималась по каньону и скоро вышла на плоскогорье. Тут ее пересекал барьер с надписью: «ДОРОГА ЗАКРЫТА. ОТСЮДА И ДАЛЕЕ ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН». Джонни слез и осмотрел неожиданное препятствие. Состоял ба-

рьер из одного-единственного, правда толстого, бревна, укрепленного на высоте груди.

— Ламми, сможешь перешагнуть его, не задев?

— Конечно, Джонни.

— Тогда давай. Только не спеши. Ни в коем случае не сбей его, даже не касайся.

— Я сумею, Джонни. — И Ламмокс сумел. Он не стал перешагивать бревно, как лошадь переступает низкий барьер, он над ним «перетек», поочередно втягивая в себя одну пару ног за другой.

Джонни пролез под бревном и догнал друга:

— Я не знал, что ты так умеешь.

— И я не знал.

Дальше дорога была вся перекорежена. Джонни остановил Ламмокса, крепко привязал к его спине мешок с припасами, а потом подумал и привязался сам.

— Ну ладно, Ламми, теперь давай побыстрее. Только не иди галопом, я ведь и свалиться могу.

— Держись, Джонни! — Ламмокс перешел на быструю рысь. Бежал он гораздо плавнее лошади, все-таки восемь ног — это вам не четыре.

Джонни только сейчас осознал, насколько устал — и телом и душой. Теперь, когда они оказались вдали от домов и проезжих дорог, он

почувствовал себя в безопасности, но вместе с этим ощущением пришла и усталость. Легкое покачивание и мерный топот огромных ног убаюкивали, как дождь по крыше. Он откинулся назад; «спинка» сиденья сразу приняла форму его тела. Через несколько минут Джонни уже спал.

Хотя дорога стала очень плохой, Ламмокс не споткнулся ни разу; он перешел на ночное зрение и двигался уверенно, словно днем. Он боялся разбудить мальчика и бежал очень плавно. Постепенно однообразие дороги утомило и его: Ламмокс решил, что тоже может поспать. Все эти ночи, проведенные им вне дома, он почти не спал — было неуютно лежать и думать, что Джонни сейчас неизвестно где; к тому же посторонние люди обязательно досаждали какими-нибудь глупостями. Ламмокс поднял сторожевой глаз, закрыл остальные глаза и передал управление телом вторичному мозгу, располагавшемуся у него в области зада. Такую примитивную задачу — следить за дорогой и за ровным бегом восьми неутомимых ног — можно было доверить и этой крохотной, вечно бодрствующей частичке сознания. Ламмокс уснул.

Джон Томас проснулся, когда звезды угасали на утреннем небе. Он потянулся, разминая затекшее

тело, и вздрогнул: со всех сторон их окружали горы. Дорога взбиралась по склону; слева от нее каменная стена уходила куда-то вверх, справа такая же отвесная стена круто падала вниз, а там, внизу, петляла едва различимая нитка ручья. Джонни выпрямился:

— Эй, Ламми!

Ответа не было. Он крикнул снова. На этот раз Ламмокс сонно пропищал:

— Что такое, Джонни?

— Ты заснул. — В голосе Джона Томаса был слышен упрек.

— Ты не говорил, что не надо спать, Джонни.

— Но ведь… ладно, проехали. А мы на той же самой дороге?

Ламмокс посовещался со своим альтер эго и ответил:

— Конечно. А ты хотел на другую?

— Нет. Но теперь нам нужно сойти с дороги. Уже светает.

— Зачем?

Джон Томас не знал, что ответить. Объяснять Ламмоксу, что тот приговорен к смерти и поэтому должен прятаться, как-то не хотелось.

— Потому. Раз говорю, значит нужно. Но пока двигай дальше. Я тебе скажу, когда надо.

Дорога уходила все вверх и вверх, но русло ручья под обрывом поднималось в гору значительно круче; через милю с небольшим они уже бежали рядом с дорогой, ниже ее на каких-нибудь несколько футов. Вскоре они добрались до широкой площадки, усыпанной валунами; ручей делил ее примерно посредине.

— Стоп! — крикнул Джонни.

— Завтрак? — оживленно спросил Ламмокс.

— Нет еще. Видишь камни внизу?

— Да.

— Сейчас тебе надо будет шагнуть как можно дальше, прямо на эти камни. Только не вздумай дотрагиваться лапами до края дороги, где земля. С бетона прямо на камни. Ясно?

— Это что, не оставлять следов? — В голосе Ламмокса звучало некоторое недоумение.

— Вот-вот. Если кто-нибудь сюда заявится и увидит следы, тебя опять уведут в город — они пойдут по следам и найдут нас. Понятно?

— Следов не будет, Джонни.

Ламмокс высоко поднял переднюю часть своего туловища и шагнул, подобно огромному червяку-землемеру, прямо на валуны.

От неожиданности Джон даже вскрикнул, вцепившись в веревку и мешок с припасами.

Ламмокс остановился:

— Ты в порядке, Джонни?

— В порядке. Я просто не ожидал. Теперь вверх по ручью; ступай только на камни.

Пройдя немного вдоль ручья, они отыскали удобный брод и продолжили свой путь по другому берегу. Ручей уходил вбок; вскоре они оказались в нескольких сотнях ярдов от дороги. Уже рассвело, и, окажись в воздухе вертолет, их было бы видно как на ладони. Правда, Джон Томас не думал, чтобы тревогу подняли так быстро.

Еще немного вверх по течению к самому берегу ручья спускалась довольно густая сосновая рощица. Вряд ли она могла полностью укрыть Ламмокса, однако он может затаиться среди деревьев, притворясь здоровенным валуном. Приходилось идти на риск: времени выбирать место получше уже не было.

— А теперь, Лам, вверх и под эти деревья. Только ступай осторожнее, не обвали берег.

Они углубились в рощу и остановились; Джонни спешился. Ламмокс сразу же отломил сосновую ветку и начал ее жевать. Только тут Джон Томас вспомнил, что и сам давно ничего не ел. Впрочем, он так устал, что есть не хотелось, хотелось спать. Хотелось уснуть по-настоящему, а не

так — в полудреме цепляться на ходу за веревку.

Но спать он боялся; если этого большого балбеса оставить одного без присмотра, он будет щипать свою травку и обязательно вылезет на открытое место. Тут-то его и увидят.

— Ламми? Давай поспим перед завтраком.

— Зачем?

— Понимаешь, Джонни очень устал. Ты ложись здесь, а я разверну спальник у тебя под боком. А поедим потом, когда выспимся.

— Не надо есть, пока ты не проснешься?

— Все-то ты понимаешь.

— Ну… ладно. — В голосе Ламмокса звучало явное сожаление.

Джон Томас вытащил спальник из кармана, раскрыл его и подключил к батарейке. Затем установил термореле, включил обогрев и начал надувать матрас. Работа оказалась неожиданно трудной из-за разреженного горного воздуха. Надув матрас только наполовину, он бросил это занятие и начал снимать с себя одежду. Дрожа от холода, он торопливо нырнул в спальник и застегнул его, оставив лишь дырочку для носа.

— Ламми, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Джонни.

* * *

Мистер Кику спал плохо и поднялся рано. Жену он будить не стал, позавтракал и сразу отправился в Министерство. В огромном здании не было никого, кроме ночных дежурных. Мистер Кику сел за стол и попытался привести свои мысли в порядок.

Всю ночь его подсознание зудело над ухом, говоря, что он упустил нечто важное. Мистер Кику уважал свое подсознание. Он придерживался теории, что реально мыслительные процессы происходят не в сознании, а где-то в другом месте, а сознание служит лишь для отображения полученных результатов, наподобие «окошечка» с цифрами в калькуляторе.

Что-то такое, сказанное Гринбергом… вроде бы парджиллианец считает, что эти самые хрошии даже на одном корабле представляют серьезную угрозу для Земли. Мистер Кику расценил это как неуклюжую попытку змееволосого красавчика блефовать при плохих картах. Да хоть бы и так, теперь-то какая разница? Ведь переговоры практически завершены, осталось только установить с хрошии постоянные отношения.

Но его подсознание так не считало.

Он наклонился к столу и вызвал ночного дежурного по связи:

— Это Кику. Позвоните в отель «Универсаль». Там остановился один рарджиллианец, доктор Фтаемл. Свяжите его со мной, как только он закажет завтрак. Нет, будить не надо, человек имеет право отдохнуть.

Сделав единственное, что он мог сейчас сделать, мистер Кику, чтобы хоть как-то успокоиться, набросился на работу — принялся за расчистку завала в корзине для входящих. Корзина уже опустела — впервые за многие дни, — и в здании Министерства появились редкие ранние пташки, когда на коммуникаторе замигала красная лампочка.

— Кику слушает.

— Сэр, — озабоченно сказало лицо, появившееся на экране, — относительно этого звонка в «Универсаль». Доктор Фтаемл не заказал завтрак.

— Значит, малость заспался. Его право.

— Нет, сэр. Я хотел сказать, доктор Фтаемл не стал заказывать завтрак. Он находится сейчас в дороге. Направляется в космопорт.

— Когда он уехал?

— Минут пять-десять тому назад. Я только что

узнал.

— Хорошо. Позвоните в порт и скажите, чтобы они не давали разрешения на взлет, и пускай там до них дойдет, что дело связано с дипломатией, пусть придумают что-нибудь, а не просто аннулируют разрешение и опять завалятся спать. Потом свяжитесь с доктором Фтаемлом, передайте ему мой привет, наилучшие пожелания и просьбу: не будет ли он любезен подождать меня несколько минут. Я выезжаю в порт.

— Есть, сэр.

— И еще. Ваша фамилия, кажется, Знедов? Сейчас как раз нужно будет аттестовать вас по эффективности вашей работы. Так вот, когда покончите со всеми другими делами, заполните сами аттестационный бланк, оцените свою работу. Мне интересно, какое у вас мнение о себе.

— Есть, сэр.

Мистер Кику переключился на транспортную группу:

— Это Кику. Я улетаю в космопорт прямо сейчас, как только поднимусь на крышу. Обеспечьте «Стрелу» с полицейским эскортом.

— Есть, сэр!

Мистер Кику задержался, только чтобы сказать секретарше, куда он отправляется, а затем вошел

в свой персональный лифт.

Доктор Фтаемл задумчиво прогуливался перед зданием космопорта и, глядя на корабли, делал вид, что курит сигару. Мистер Кику подошел и поклонился:

— Доброе утро, доктор. С вашей стороны было крайне любезно дождаться меня.

Рарджиллианец отбросил сигару:

— Это мне оказана честь, сэр. Внимание человека столь высокого положения, чье время воистину драгоценно… — Он «пожал плечами», выразив удивление и удовольствие.

— Я не задержу вас надолго. Однако я предвкушал удовольствие от нашей сегодняшней беседы, не зная о ваших намерениях отбыть прямо сегодня.

— Это моя вина, мистер заместитель министра. Я собирался быстро смотаться туда и обратно, а затем сегодня же вечером доставить себе радость встречи с вами.

— Прекрасно. Ну что же, вполне возможно, что к завтрашнему дню у меня появится возможность предложить взаимоприемлемое решение нашей задачи.

— Взаимоприемлемое? — В голосе Фтаемла звучало явное сомнение.

— Я надеюсь. Данные, предоставленные вами вчера, дали нам новый ключ.

— Должен ли я понимать, что вы и вправду нашли пропавшую хрошиа?

— Возможно, вам знакома сказка о гадком утенке?

— Гадкий утенок? — Похоже было, что рарджиллианец торопливо роется в памяти. — Да, я знаю эту идиому.

— Мистер Гринберг, опираясь на предоставленные вами данные, отправился за гадким утенком. Если по счастливой случайности окажется, что это и есть лебедь, которого мы ищем, тогда… — Мистер Кику пожал плечами, бессознательно повторяя жест Фтаемла.

Было видно, что рарджиллианец верит сказанному с большим трудом.

— А этот… это действительно «лебедь», мистер заместитель министра?

— Увидим. Логика говорит, что, скорее всего, да, но теория вероятностей утверждает, что этого просто не может быть.

— Мм… И могу я сообщить об этом своим клиентам?

— Я думаю, что лучше подождать вестей от мистера Гринберга. Он покинул столицу, чтобы

лично произвести расследование. Я смогу связаться с вами через аппаратуру вашего скаута?

— Конечно, сэр.

— Э-э-э… доктор… еще одна вещь.

— Да, сэр?

— Прошлой ночью, разговаривая с мистером Гринбергом, вы обронили странное замечание. Вероятно, это была шутка, а может быть — оговорка. Что-то насчет того, что Земля может «испариться».

Рарджиллианец ответил не сразу, а когда ответил — то вовсе не на заданный вопрос:

— Скажите мне, сэр, на каком основании логика говорит, что ваш «гадкий утенок» — это тот самый «лебедь»?

Мистер Кику сформулировал ответ очень тщательно и осторожно:

— Как раз в тот период времени, который зафиксирован в ваших данных, один из земных кораблей посетил некую планету. Ее доминирующей расой могли быть хрошии, мы не располагаем точной идентификацией, известно только время контакта. Некий живой организм был взят с этой планеты и привезен на Землю. Прошло более ста двадцати лет, но это существо еще живо; мистер Гринберг отправился, чтобы

доставить его сюда. После этого ваши доверители смогут сами посмотреть — то это существо или нет.

— Наверное, так оно и есть, — тихо сказал доктор Фтаемл. — Я не верил сначала, но так оно, вероятно, и есть. — Следующие свои слова он произнес уже громко и очень веселым голосом: — Если бы вы знали, сэр, какая это для меня радость!

— Да?

— Огромная радость. Кроме того, теперь я могу говорить с вами вполне откровенно.

— Мы и раньше ничем не ограничивали вашу откровенность, доктор. Конечно, я не знаю, какие инструкции дали вам ваши доверители…

— Они ни в малейшей степени не связывали меня. Но… Вы понимаете, сэр, что в речи каждой расы определенным образом отражаются ее обычаи?

— Временами я сталкивался с ситуациями, наводящими на такую мысль, — сухо ответил мистер Кику.

— Конечно же. Так вот, если вы пришли к другу в больницу и знаете, что он умирает, знаете, что не можете ничем ему помочь, станете вы говорить с ним про то, что он обречен?

— Нет. Если только он сам не заговорит об этом.

— Вот именно! И когда я беседовал с вами и мистером Гринбергом, я поневоле был связан этим вашим обычаем.

— Доктор Фтаемл, — медленно произнес мистер Кику, — давайте будем откровенны. Неужели вы думаете, я поверю, что один-единственный чужой корабль может причинить серьезный ущерб этой планете с ее очень серьезными системами защиты?

— Я буду откровенен, сэр. Если хрошии в какой-то момент решат, что в результате действий этой планеты или даже какого-либо одного ее представителя эта хрошиа погибла или потеряна навсегда, они не станут причинять ущерб Земле, они ее уничтожат.

— Силами одного этого корабля?

— Без всякой посторонней помощи.

— Доктор, — покачал головой мистер Кику, — мне ясно, что вы сами в этом вполне уверены. А вот я — не уверен. Вам незнакомы высокий уровень и плотность систем защиты нашей планеты, главной планеты Федерации. Но если хрошии окажутся настолько глупы, они быстро познакомятся с нашими зубами.

На лице Фтаемла отразилось явное сострадание.

— Я знаю множество языков различных цивилизаций, однако ни в одном из них не могу найти слов, чтобы убедить вас. Но поверьте мне, все, что вы можете выставить против них, будет столь же бесполезно, как швырять булыжники в один из ваших боевых кораблей.

— Увидим. Или, точнее, к счастью, не увидим. Я не люблю оружие, доктор, оно — последнее средство ошибочной дипломатии. Вы сказали им, что Федерация охотно примет их в Сообщество цивилизаций?

— Я столкнулся с серьезными трудностями, когда попытался объяснить им характер вашего предложения.

— Неужели они настолько воинственны?

— Они вообще не воинственны. Как бы это объяснить? Вот вы воинственны, когда ударяете… расшибаете… давите… вот-вот — давите мух? Хрошии практически бессмертны по вашим или даже по моим меркам. Они настолько неуязвимы для всех обычных опасностей, что имеют склонность смотреть… как там ваша идиома?.. олимпийские… они смотрят на нас сверху вниз со своих олимпийских высот. Они не могут понять,

для чего им поддерживать какие-либо отношения с низшими расами. По этой причине ваше предложение не было принято всерьез, хотя, поверьте мне, я его подробно изложил.

— Создается впечатление, что они какие-то недоумки, — кисло сказал Кику.

— Ни в коем случае, сэр. Они очень точно оценивают и вашу и мою расу. Они знают, что любая цивилизация, освоившая межзвездные путешествия, обладает хотя бы небольшими техническими способностями. Они знают, что вы, будучи одной из таких цивилизаций, считаете себя очень сильными. Поэтому они прямо сейчас обдумывают демонстрацию силы, чтобы убедить вас немедленно вернуть им эту хрошиа; с их точки зрения, это будет что-то вроде легкого удара кнута для непонятливого быка, указание, которое он поймет при всей своей тупости.

— Да-а… А вы знаете, в чем должна состоять эта демонстрация?

— Знаю. Я как раз и лечу сейчас к ним, чтобы уговорить их повременить. Они намерены слегка тронуть поверхность вашего спутника, оставить на нем раскаленную полосу длиною с тысячу миль, чтобы вы окончательно поверили, что они… как это… «дурака не валяют».

— Не очень-то впечатляет. Мы можем отдать приказ своему флоту и сделать то же самое. Хотя, конечно, не станем.

— А можете вы сделать это силами одного корабля, за несколько секунд, без малейшего напряжения сил, с расстояния в четверть миллиона миль?

— А вы думаете, они могут?

— Я не думаю, а знаю. И это будет просто маленькая демонстрация. Мистер заместитель министра, в их части Галактики временами вспыхивают новые звезды, и это не природные явления.

Мистер Кику ответил не сразу. Если слова Фтаемла — правда, подобная демонстрация была вполне в его интересах: хрошии покажут всем свою силу. Несколько никому не нужных лунных гор — невелика потеря. Вот только будет трудно успеть вывести из этого района тех немногих, которые там живут.

— А вы сказали им, что Луна обитаема?

— Хрошиа там не находится, а остальное их не волнует.

— Хм… да, пожалуй. Доктор, а вы могли бы им сообщить, что, во-первых, их хрошиа, вероятно, найдется с минуты на минуту, а во-вторых, что

эта хрошиа вполне может оказаться где-нибудь на нашем спутнике и именно поэтому поиски так затянулись?

Рарджиллианец изобразил широкую человеческую улыбку:

— Сэр, я преклоняюсь перед вами. С огромной радостью передам оба ваших сообщения. Я уверен, что демонстрации силы не будет.

— Всего хорошего, доктор. Я свяжусь с вами.

— Всего хорошего, сэр.

По пути в Министерство мистер Кику вдруг осознал, что не испытывал ни ужаса, ни отвращения в присутствии горгоноида. Этот паршивец даже приятен, на свой, жуткий, манер. Доктор Морган, несомненно, гипнотерапевт от Бога.

Его корзина была, как обычно, переполнена; мистер Кику выкинул хрошии из головы и радостно погрузился в работу. Поближе к вечеру ему сообщили из центра связи, что с ним хочет поговорить мистер Гринберг.

— Соедините его, — сказал мистер Кику, ощущая, что вот сейчас-то все и встанет на место.

— Босс? — начал Гринберг.

— А? Да, Сергей. Что за дьявол, на тебе лица нет!

— Да вот думаю, не податься ли в Космический

легион.

— Слушай, не пудри мне мозги. Что случилось?

— Птичка улетела.

— Улетела? Куда?

— Знать бы. Скорее всего, на запад, там лесной заповедник.

— Чего же ты тогда зря тратишь время? Иди туда и ищи.

— Я знал, что вы так мне и скажете. — Гринберг вздохнул. — Понимаете, босс, эту самую иголочку придется искать в стоге сена, занимающем свыше десяти миллионов акров, и там сплошь высокие деревья, высокие горы и хоть бы одна дорога. К тому же меня обогнал местный шеф полиции, а с ним все его люди и половина помощников шерифов штата. Он приказал стрелять на поражение, как только они увидят эту тварь, и назначил награду той машине, которая сумеет ее пристрелить.

— Что-о?!!

— А вот то. Ваше утверждение судебного решения сюда пришло, а моя отмена — нет. Пропала. Куда — неизвестно. А здешний шеф полиции — древнее ископаемое с душой канцелярской крысы. Он тычет мне в нос этот приказ и слушать ничего не желает. Даже не разрешил мне связать-

ся со всеми этими машинами на полицейской частоте. Мы ведь сами сняли свое участие в деле Ламмокса, и теперь у меня и на грош нет власти, чтобы его заставить.

— А ты, значит, взял и смирился? — едко спросил мистер Кику. — Сидишь и ждешь, когда все рухнет?

— Вроде того. Я звонил мэру, того нет в городе. Звонил губернатору, он на закрытом заседании большого жюри присяжных. Попробовал позвонить главному лесничему — лесничий, скорее всего, гоняется по горам в надежде заработать обещанное вознаграждение. Как только я закончу с вами говорить, я пойду к заместителю шефа, и начну ему выкручивать руку, и буду выкручивать до тех пор, пока у него голова не заработает и он…

— Ты должен был этим заниматься прямо сейчас.

— Я время не тяну. Я позвонил, чтобы вы задали им жару оттуда. Мне нужна поддержка.

— Ты ее получишь.

— И не только для того, чтобы добраться до губернатора и возобновить вмешательство Министерства. Даже когда мы достанем этого бешеного шефа полиции и убедим его отозвать

своих собак, мне все равно понадобится помощь. Тут десять миллионов акров горной местности, босс! Потребуются люди, машины, много людей и машин. Одному мальчику с портфельчиком тут не справиться. Да и, кроме того, я ведь записываюсь в Космический легион.

— Запишемся вместе, — мрачно произнес Кику. — Хорошо, а теперь — двигай. Бегом!

— С вами было приятно работать.

Заончив разговор, мистер Кику развил поистине лихорадочную деятельность. Он отдал указание срочно возобновить вмешательство Министерства, послал экспресс-сообщение губернатору штата, другое — мэру Вествилла, еще одно — в местный городской суд. Закончив все это, он позволил себе несколько секунд отдохнуть, набираясь сил перед неизбежным. А потом отправился к министру, чтобы сообщить: необходима помощь военных властей Федерации.

Глава 10
Денебианское решение

Проснувшись, Джон Томас не сразу понял, где находится. В спальнике было тепло, усталости больше не ощущалось, но и двигаться совсем не хотелось. Понемногу в голове сложилась картина, где он и почему тут оказался, и он высунул голову. Солнце стояло высоко, снаружи тоже было тепло. Неподалеку высилась громадная фигура Ламмокса.

— Привет, Ламми.

— Привет, Джонни. Ты очень долго спал. И сильно шумел.

— Правда? — Джон Томас выполз наружу, натянул одежду и выключил обогрев спальника. Свернув его, он повернулся к Ламмоксу и застыл, пораженный. — А это еще что такое?

Неподалеку от головы Ламмокса лежал мертвый гризли, крупный самец, фунтов на шестьсот. Он был раздавлен в лепешку, словно по нему проехался танк. Кровь, струями вытекавшая изо рта и ноздрей зверя, уже успела подсохнуть. Ламмокс посмотрел на медведя.

— Завтрак, — объяснил он.

Джон Томас с отвращением посмотрел на мертвую тушу:

— Если и завтрак, то не для меня, увольте. Где это ты его взял?

— Словил, — с дурацкой улыбкой ответил Ламмокс.

— Не словил, а поймал.

— Нет, правда. Он хотел подобраться к тебе, и я его словил.

— Ладно, хорошо. Спасибо. — Джон Томас еще раз посмотрел на медведя, отвернулся и полез в мешок за продуктами. Он выбрал банку яичницы с ветчиной, скрутил ей крышку и стал ждать, когда она нагреется.

Ламмокс воспринял это как сигнал к началу завтрака. Так он и поступил, съев медведя, пару тонких сосенок, немного щебенки для хрусткости, а на закуску — пустую консервную банку, оставшуюся у Джона Томаса. Потом они спустились к ручью, Джонни — впереди, чтобы следить за небом. Ламмокс запил свой завтрак несколькими бочками чистой горной воды. Джонни встал на колени, попил из ручья, умылся и вытер лицо и руки о рубашку.

— Что теперь будем делать, Джонни? — спросил

Ламмокс. — Пойдем гулять? А может, поймаем кого-нибудь?

— Нет. Мы вернемся в рощу и будем тихо лежать, пока не стемнеет. Тебе придется притвориться камнем.

Он поднялся на берег, Ламмокс последовал за ним.

— Ложись! — скомандовал Джонни, когда они оказались среди деревьев. — Мне нужно посмотреть на эти твои блямбы.

Ламмокс присел так, чтобы опухоли оказались как раз на высоте лица его хозяина. Осмотрев их, Джонни забеспокоился еще больше. Они заметно выросли и стали какими-то неровными, шишковатыми. Джонни попытался вспомнить, означает ли такое развитие, что опухоли злокачественные. Кожа на них натянулась и истончилась, теперь она походила на обычную толстую кожу и совсем не напоминала броню, покрывавшую остальное тело. На ощупь кожа была сухая и горячая. Джонни осторожно помял левую опухоль; Ламмокс дернулся.

— Что, больно? — озабоченно спросил Джонни.

— Я не могу больше терпеть, — запищал Ламмокс. Он встал, подошел к большой сосне и стал о нее тереться.

— Ты что! — крикнул Джонни. — Не надо так, ты поранишься!

— Не могу терпеть, жутко чешется. — Ламмокс продолжал тереться о ствол.

Джон Томас подбежал к нему, намереваясь остановить, и как раз в этот момент опухоль лопнула. Джонни в ужасе замер.

Оттуда появилось что-то темное, мокрое, извивающееся, застряло в лохмотьях разорванной кожи, чуть помешкало, затем прорвалось наружу и повисло, качаясь, как змея на ветке. На какое-то кошмарное мгновение Джонни показалось, что это гигантский червь-паразит, который прогрыз изнутри тело своего несчастного хозяина. Он горько каялся, что заставил Ламмокса, такого больного, целую ночь лазить по этим горам.

Ламмокс весь передернулся и облегченно вздохнул.

— Ну вот, — сказал он. — Так-то лучше!

— Ламмокс! Ты в порядке?

— Ага, а почему бы нет, Джонни?

— Почему? А эта штука?

— Какая? — Ламмокс обернулся, странный отросток качнулся вперед, и Ламмокс его увидел. — Ах это… — протянул он, отметая вопрос.

Конец отростка раскрылся, словно бутон цвет-

ка. Только тут Джонни наконец понял, что произошло.

У Ламмокса выросла рука.

Рука быстро подсохла, посветлела и вроде бы стала тверже. Пока что она не очень слушалась Ламмокса, да и не очень его интересовала. Джон Томас понемногу рассмотрел, как эта рука устроена. У нее было два локтя и кисть с семью пальцами, из которых два, с одного края и с другого, напоминали человеческие большие пальцы, а средний, самый длинный, гнулся как угодно, словно резиновый. Эта кисть совершенно не напоминала человеческую, однако не оставалось никаких сомнений, что она не менее практична, чем у людей, точнее, станет такой позднее; пока что пальцы только бессмысленно корчились.

Ламмокс позволил Джонни тщательно осмотреть руку; сам он относился к ней до странности безразлично, словно отрастить руку — совсем обычное дело, которым он занимается каждый день после завтрака.

— Дай-ка я посмотрю на вторую штуку, — сказал Джонни и зашел с другого бока. Правая опухоль казалась еще более вздутой. Когда Джон Томас тронул ее, Ламмокс дернулся и пошел к дереву.

Намерения его были очевидны.

— Подожди! — крикнул Джонни. — Постой немного спокойно.

— Но мне же надо почесаться.

— Так ты можешь изуродовать себе руку. На всю жизнь. Стой спокойно, я попробую кое-что сделать.

Ламмокс угрюмо подчинился. Джонни вытащил нож и осторожно взрезал середину припухлости.

Разрез раздался в стороны, и оттуда буквально выпрыгнула правая рука Ламмокса, чуть не угодив мальчику в лицо. Джонни еле успел отскочить.

— Спасибо, Джонни.

— Рад служить, заходите еще. — Он спрятал нож в ножны, висевшие на ремне, и задумчиво уставился на новенькие, будто с иголочки, руки своего друга.

Он и представить себе не мог всего значения этого события, но понимал, что ситуация сильно изменилась. Вот только в какую сторону? Возможно, теперь не надо будет так много заботиться о Ламмоксе, он все будет делать сам. А с другой стороны, наоборот, теперь за ним — глаз да глаз, он и без рук-то всегда лезет куда не надо. Джонни с тревогой вспомнил, как кто-то сказал:

«Какое счастье, что у кошек нет рук», а ведь у Ламми любопытства на десять кошек хватит.

И еще у Джонни было ощущение — он сам не знал, откуда оно пришло, — что все эти проблемы — мелочь, ерунда. Руки Ламмокса имели какое-то другое, по-настоящему большое значение.

Как бы то ни было, с ненавистью подумал он, уж одна-то вещь от этого не поменяется: больше шеф Драйзер до Ламми не доберется.

Поглядывая на небо сквозь ветви деревьев, Джонни гадал, можно ли их заметить сверху?

— Лам…

— Да, Джонни?

— Втяни-ка внутрь свои ноги. Самое время тебе притвориться булыжником.

— Зачем, Джонни, пойдем лучше погуляем.

— Сегодня вечером мы обязательно погуляем. Но пока не стемнеет, тебе надо оставаться здесь и не двигаться.

— Ну, Джонни!

— Слушай, тебе, видно, хочется снова отправиться в город? А если не хочется — заткнись и не спорь.

— Ну, если ты так считаешь. — Ламмокс опустился на землю.

Джон Томас сел, прислонился к нему спиной

и задумался.

Может, теперь они с Ламмоксом смогут зарабатывать на жизнь… на карнавалах или еще где. ВЗС — любимый у публики аттракцион, без них не обходится ни один карнавал, хотя чаще всего они — откровенная липа. Возможно, он научится делать руками какие-нибудь трюки или играть на чем-нибудь. А еще лучше не карнавал, а цирк.

Нет, для Ламми все это не годится, он боится толпы. Так чем же они смогут зарабатывать себе на жизнь, когда кончится вся эта свистопляска с полицией? Может, стать фермером? Ламми посильнее любого трактора, а теперь, с руками, лучшего работника не придумаешь. Вот это, наверное, самый правильный вариант, хотя Джон Томас и не думал никогда стать фермером.

Джонни представил себе картину: вот они с Ламмоксом посреди огромного пшеничного поля, они сами вырастили эту пшеницу… и сено… и овощи. Он не понимал, что давно уже спит.

Разбудил его какой-то громкий треск. Он смутно осознавал, что это не первый звук, до него были еще. Открыв глаза, он огляделся. Ламмокс был рядом, на прежнем месте, но он усердно орудовал своими руками. Одна из них мелькнула возле его головы, что-то пронеслось в воздухе, раздался

знакомый треск, и небольшая осинка, стоявшая в нескольких десятках метров, упала на землю.

Она не была первой, еще несколько сваленных деревьев лежало рядом.

Джон Томас вскочил на ноги:

— Эй, прекрати!

Ламмокс замер.

— А теперь-то в чем дело, Джонни? — В голосе его звучала обида. Перед ним лежала груда камней, один камень был у него в руке.

— Не швыряй камни в деревья.

— Но ведь ты сам так делаешь, Джонни.

— Да, но я-то их не сшибаю. Правильно есть деревья, а не ломать их просто так.

— Я съем. Я и собирался их съесть.

— Ну ладно. — Джонни огляделся. Уже стемнело, скоро можно будет двигаться дальше. — Давай, можешь ими поужинать. Ой, подожди секунду. — Он осмотрел руки Ламмокса. Теперь они приобрели тот же цвет, что и остальное его тело, на них начала появляться броня.

Но самым поразительным было то, что теперь они стали раза в два толще, чем были вначале, примерно с бедро Джонни. Лоскутья кожи, оставшиеся от «опухолей», почти полностью отвалились. Джонни без труда оторвал последние.

— Ну, все. Пора что-нибудь пожевать.

К тому времени, как Джон Томас приготовил и съел свой немудреный ужин, Ламмокс прикончил все осины и был готов принять на десерт пустую консервную банку. Когда они вышли на дорогу, совсем стемнело.

Вторая ночь была еще однообразнее первой. Чем выше они поднимались в горы, тем становилось холоднее. Джонни подключил батарейку спального мешка к своему походному костюму. Вскоре он согрелся и стал клевать носом.

— Лам, если я усну, разбуди меня, когда начнет светать.

— Хорошо, Джонни. — На всякий случай Ламмокс передал приказ второму своему мозгу. Холод его не беспокоил, тело звездного зверя поддерживало температуру гораздо эффективнее, чем тело Джонни. Даже эффективнее, чем это могло сделать термореле костюма мальчика.

Джон Томас то дремал, то просыпался, то снова впадал в дрему. Он спал, когда первые лучи осветили дальние горные вершины, и Ламмокс окликнул его. Проснувшись, Джонни сразу начал искать место, где можно сойти с шоссе и спрятаться. На этот раз место оказалось неудачным: с одной стороны — отвесная скала, с другой

— головокружительная пропасть. Время шло, делалось все светлее, и Джонни потихоньку начал паниковать.

Однако не оставалось ничего другого, кроме как двигаться вперед. Вдали на большой высоте прошел стратоплан, звук был слышен, но саму машину было не разглядеть; приходилось только надеяться, что он их не разыскивал. Еще через несколько минут, осматривая небо, Джонни заметил какую-то точку, он очень надеялся, что это был орел.

Но очень скоро он вынужден был признать, что надежда была напрасной: это был человек с ранцевым вертолетом.

— Стой, Ламмокс! Прижмись к обрыву и стой. Ты же просто лавина какая-то.

— Лавина, Джонни?

— Заткнись и делай что сказано!

Ламмокс затих и прижался к обрыву. Джон Томас соскользнул на землю и спрятался за его головой, ожидая, пока человек не пролетит мимо.

Но человек не пролетел мимо, он проворно развернулся очень знакомым маневром и начал заходить на посадку. Джонни вздохнул с облегчением, увидев, что прямо на спину Ламмокса приземлилась не кто иная, как Бетти Соренсон.

— Привет, Ламми, — сказала она, а затем, уперев руки в боки, угрожающе повернулась к Джонни. — Ну ты и красавец! Смылся, не сказав мне ни слова!

— Я… собирался, Молоток, честное слово, я собирался. Просто не было никакой возможности. Прости, пожалуйста.

Притворная злость покинула лицо Бетти; она улыбнулась:

— Ладно, можешь не извиняться. После этого вашего побега ты сильно вырос в моих глазах, а то в последнее время… По крайней мере, ты хоть что-то сделал. Понимаешь, Джонни, мне уже начало казаться, что ты просто большой простофиля и кто угодно может вертеть тобой как захочет.

Джон Томас был слишком рад этой встрече, чтобы обидеться, и решил не спорить.

— Ну а… а как ты сумела нас найти?

— Чего? Тупица, вы в бегах уже целых две ночи, а успели уйти всего лишь на один маленький перелет от города. Странно было бы, если б я вас не нашла.

— Хорошо, но как ты узнала, где нас искать?

Бетти пожала плечами:

— Старое правило: поставь себя на место осла

и отправляйся туда, куда он пойдет. Я знала, что ты двинешь по этой дороге, так что я тронулась из города, как только стало хоть что-то видно, и просмотрела ее от самого начала. Поэтому, если ты не хочешь, чтобы тебя сцапали через несколько минут, лучше мотать отсюда и где-нибудь затихариться. Пошли! Ламми, старина, врубай свой движок.

Она подала Джонни руку, тот быстро поднялся на борт, и живописная группа двинулась вперед.

— Я хотел сойти с дороги, — озабоченно объяснил Джонни, — но пока нет подходящего места.

— Ясно. Ну что ж, дорогие туристы, затаите дыхание, за этим поворотом вашим глазам откроется величественное зрелище водопада Адам-и-Ева. А чуть выше его можно будет сойти с дороги.

— Так вот, значит, мы где.

— Да. — Бетти наклонилась вперед, тщетно пытаясь увидеть, что там, за поворотом, и в этот самый момент впервые заметила руки Ламмокса. В страхе она вцепилась в Джона Томаса. — Джонни! На Ламми заполз удав!

— Не говори глупостей, это просто его правая рука.

— Его что? Джонни, ты, наверное, малость не

того.

— Успокойся и кончай за меня цепляться. Говорю тебе, это руки. Помнишь опухоли — у него тогда росли руки.

— Опухоли… были руки? — Бетти вздохнула. — Я встала очень рано, не успела позавтракать, и мне нельзя так волноваться. Скажи ему, чтобы остановился, я хочу на них посмотреть.

— А как насчет затихариться?

— О! Да, ты прав. Ты обычно прав, Джонни, — только с задержкой в две-три недели.

— Не заводись. Вон водопад.

Чуть дальше водопада дно каньона поднялось до уровня шоссе. При первой же возможности Джон Томас свернул с дороги; место было очень похоже на вчерашнее. Спрятав Ламмокса под кронами деревьев, он почувствовал себя гораздо спокойнее. Пока Джонни занимался завтраком, Бетти взялась за осмотр новообретенных конечностей Ламмокса.

— Ламмокс, — в ее голосе была укоризна, — ты ничего не говорил про это мамочке.

— Ты же не спрашивала, — возразил он.

— Оправдания, на все у него есть оправдания. Ну и что ты можешь ими делать?

— Швырять камни. Джонни, можно я ей по-

кажу?

— Нет! — поспешно сказал Джон Томас. — Бетти, тебе кофе с чем?

— Ни с чем, — рассеянно ответила Бетти, продолжая осмотр. У нее в голове вертелось что-то такое, связанное с этими руками, но что — хоть убей, не вспомнить. И это ее чрезвычайно раздражало. Бетти всегда считала, что ее мозг обязан действовать с точностью вычислительной машины и, пожалуйста, без всяких там сбоев. — Ой, ладно, сначала позавтракаем.

После того как они скормили всю грязную посуду Ламмоксу, Бетти расслабленно откинулась на спину и сказала Джону Томасу:

— Итак, трудный подросток, ты хоть представляешь себе, что там поднялось после вашего ухода?

— Думаю, шефа Драйзера я достал.

— Уж не сомневайся. Но ты вполне мог бы положить его обратно на полку, тебе хватило бы остальных.

— Мистер Перкинс?

— Опять угадал. Давай еще.

— Конечно, мамочка.

— Конечно. То она оплакивает своего пропавшего сыночка, то громким голосом объявляет,

что ты ей больше не сын.

— Да-а, на нее похоже. — Джонни было неловко. — Ну и ладно. Что я, не знал заранее, как они все забегают? Нужно же было что-то делать.

— Нужно, конечно нужно, мой дорогой Тупица, хотя замечу, что ты проделал все с легкостью и непринужденностью бегемота. Но я не их имела в виду.

— А?

— Джонни, в Джорджии есть поселок, называется Адриан. Он такой маленький, что там даже и полиции толком нет, один констебль. Ты не знаешь, случаем, как этого констебля зовут?

— Чего? Нет, конечно.

— Это плохо. Насколько я понимаю, этот констебль — единственный во всей стране полицейский, который тебя не ищет. Я поэтому и сорвалась с места, хотя ты, бесстыжая рожа, убежал, даже не подумав меня предупредить!

— Я уже извинялся!

— А я уже простила. Может, лет через десять я даже перестану тебе об этом напоминать.

— Я что-то не понял трепа насчет констебля. Чего это меня все бросились искать? Не считая, конечно, шефа Драйзера.

— А того, что он объявил всеобщий розыск и

назначил вознаграждение за Ламми — живого или мертвого. Предпочтительно мертвого. Они настроены серьезно, Джонни, без дураков. Так что если у тебя и был какой-нибудь план, теперь его надо выбросить и придумать новый, получше. Что ты собирался делать дальше? Или ты вообще об этом не думал?

— Ну… — Джон Томас побледнел и говорил медленно. — Ну, я собирался провести так еще ночь-другую, пока мы не найдем, где спрятаться.

Бетти покачала головой:

— Ничего не выйдет. Там, конечно, не такие гиганты мысли, но и они должны были уже догадаться, куда ты направился. Ведь это — единственное место рядом с Вествиллом, где можно спрятать такую махину, как Ламмокс. И тогда…

— Ну и что, мы уйдем с шоссе!

— Само собой. А они обшарят весь лес, каждое дерево. Я же говорю, что они взялись за дело всерьез.

— Ты можешь дать мне договорить? Ты знаешь заброшенную урановую шахту «Сила и слава»? Доходишь до перевала Мертвый Волк, а потом на север по проселку. Вот туда мы и идем. Там можно запросто спрятать Ламмокса, он поместится в главный туннель.

— Уже какие-то проблески здравого смысла. Но с такими силами они все равно нас найдут.

Бетти замолчала. Джонни беспокойно пошевелился и сказал:

— И что тогда? Если шахта не годится, что нам делать?

— Стихни, я думаю. — Она лежала неподвижно, глядя в темно-синее горное небо. Через некоторое время она сказала: — Сбежав, ты не решил ни одной проблемы.

— Нет, но я хотя бы разворошил весь муравейник.

— Да, и пока что это неплохо. Все надо иногда перетряхивать, чтобы дать доступ воздуху и свету. Но теперь у нас другая задача: чтобы после перетряхивания все легло так, как нам нужно. А для этого необходимо время. Если разобраться, твоя мысль насчет шахты не так уж и плоха; пожалуй, сойдет, пока я не сумею устроить Ламмокса получше.

— А я не понимаю, почему ты вообще думаешь, что в шахте его найдут. Это же заброшенное место, темное, людей там не бывает. Как раз то, что надо.

— Вот потому-то они обязательно там будут искать. Ну, дьякона Драйзера ты, может, и обманул

бы; сомневаюсь, что он даже собственную шляпу найдет без ордера на обыск. Но он собрал воздушные силы размером с небольшую армию; они точно найдут нас. Ты взял спальник и продукты, значит прячешься под открытым небом. Я тебя нашла, они тоже найдут. Я нашла быстро потому, что знаю тебя, им придется решать все логически, это медленнее. Медленнее, но все равно приводит к правильному ответу. Они найдут тебя, и тогда Ламмоксу — крышка. Теперь они будут бить наверняка… может быть, разбомбят его.

Джон Томас с ужасом представил себе такую перспективу:

— А какой тогда смысл прятать его в шахте?

— Просто чтобы выиграть день-два, пока я приготовлю ему место.

— Чего?

— Да. Мы спрячем его в городе.

— У тебя что, горная болезнь?

— В городе и под крышей. Потому что это единственное место во всем мире, где его не станут искать. Может быть, в теплицах мистера Ито, — добавила она.

— Че-е-его? Теперь я вижу, что ты спятила.

— А ты можешь придумать место получше? С сыном мистера Ито совсем не трудно договорить-

ся; вчера мы с ним очень мило побеседовали. Я не высовывалась, глядела на него снизу вверх и не мешала его красноречию. Одна из теплиц подойдет почти идеально. Пожалуй, будет немного тесновато, но сейчас выбирать не приходится. Эти теплицы сделаны из матового стекла, ничего не видно, да никому и в голову не придет, что Ламмокс там, внутри.

— Не понимаю, как можно это организовать.

— Предоставь все мне. Если не договорюсь о теплице — а скорее всего, я договорюсь, — тогда найду какой-нибудь пустой склад или что-то в этом роде. Пока же мы засунем Ламми в шахту, потом я полечу домой и все устрою. Следующей ночью мы с Ламмоксом проберемся в город и…

— Чего? Сюда мы добрались за две ночи, и до шахты еще идти почти целую ночь. А ты говоришь, назад за одну ночь.

— А с какой скоростью он может двигаться, если постарается?

— Если Ламми пойдет галопом, никто на нем не усидит. Даже я.

— А никто и не собирается на нем сидеть. Я полечу сверху, буду задавать темп и показывать путь. Сколько потребуется, часа три? И еще час, чтобы прокрасться в теплицу.

— Ну… пожалуй, может, и получится.

— Получится, раз нужно. А потом ты дашь им себя поймать.

— Это еще зачем? Почему мне просто не вернуться домой?

— Нет, их нужно сбить с толку. Они тебя ловят, и оказывается, что ты просто занимаешься любительскими поисками урана. Я прихвачу счетчик радиации. Ты не знаешь, где Ламмокс; ты поцеловал его на прощание и отпустил на волю, а потом отправился на эту шахту, чтобы отвлечься и забыть свои печали. Только постарайся, чтобы все звучало убедительно, и ни в коем случае не соглашайся на измеритель истины.

— Да, но… Слушай, Молоток, а какой смысл? Не будет же Ламмокс сидеть в этой теплице до скончания века?

— Мы просто выигрываем время. Они готовы его убить, как только найдут, и они обязательно это сделают. Вот мы и спрячем его от греха подальше, пока не сможем изменить ситуацию.

— Нужно было продать его музею, — с тоской произнес Джон Томас.

— Нет! Твой инстинкт, Джонни, сработал правильно, несмотря на то что в голове у тебя мозгов не больше, чем в дверной ручке. Ты помнишь

денебианское решение?

— Денебианское решение? Это которое было в начальном курсе обычаев цивилизаций?

— Вот-вот. Можешь его процитировать?

— Ты что, контрольную мне устраиваешь? — Джон Томас нахмурился и покопался у себя в памяти. — «Существа, обладающие речью и способностью к манипулированию, считаются разумными и имеющими все неотъемлемые права человека, если только не представлены достаточные доказательства обратного». — Джон Томас вскочил на ноги. — Слушай! Они же не имеют права убивать Ламмокса — у него есть руки!

Глава 11
«Слишком поздно, Джонни»

— Не спеши, не спеши. — Бетти остудила его пыл. — Помнишь старый анекдот, где адвокат уверяет клиента, что уж за это-то его никак не могут посадить?

— За что «за это»?

— Не важно. А клиент отвечает: «Послушайте, адвокат, а откуда, по-вашему, я звоню?» Денебианское решение — очень, конечно, мило, но все это только теория; сейчас нам надо убрать Ламмокса с глаз долой, пока не удастся заставить суд пересмотреть свое решение.

— Понимаю. Пожалуй, ты права.

— Я всегда права, — скромно согласилась Бетти. — Джонни, мне смертельно хочется пить, это всегда так, когда много думаешь. Ты принес воды из ручья?

— Нет.

— А ведро у тебя есть?

— Где-то было. — Он пошарил по карманам, вытащил ведро и надул. — Сейчас принесу.

— Я сама. Хочется размять ноги.

— Следи за воздухом.

— Не учи ученого.

Бетти взяла ведро и спустилась с холма, держась под деревьями, пока не достигла берега. Ее стройная фигурка мелькала в потоках света, льющегося между кронами. Какая она хорошенькая, думал Джонни. Голова варит ничуть не хуже, чем у любого мужчины… Конечно, любит командовать, но ведь это есть у всех женщин. А так — ну просто молодец.

Бетти вернулась от ручья, осторожно неся пластиковое ведро.

— Угощайтесь, — предложила она.

— Давай пей сама.

— А я попила из ручья.

— Ну ладно. — Джонни долго не отрывался от ведра. — А знаешь, Бетти, не будь у тебя ноги кривые, ты была бы совсем ничего.

— Это у кого ноги кривые?

— Ну и еще лицо. Если бы не эти два недостатка, ты бы…

Он не закончил фразу. Бетти бросилась вперед и ударила Джонни в живот. Вода окатила его с ног до головы, впрочем кое-что перепало и Бетти. Началась свалка, продолжавшаяся, пока Джонни не завернул Бетти руку за спину.

— Скажи: «Дяденька, прости, пожалуйста», — подсказал он.

— Ну, Джонни, я тебе еще покажу! Дяденька, прости!

— «Прости, пожалуйста».

— Дяденька, прости, пожалуйста, я больше не буду. Отпусти меня.

— А никто тебя и не держит.

Джонни встал. Бетти перекатилась на бок, села, посмотрела на него и рассмеялась.

Оба они были грязные, перецарапанные, кое-где уже выступали синяки, и они оба чувствовали себя прекрасно. Ламмокс наблюдал за схваткой с явным интересом, но без малейшей тревоги: Джонни и Бетти не могли по-взаправдашнему друг на друга сердиться.

— Джонни совсем промок, — прокомментировал происшедшее Ламмокс.

— Это точно, Ламми. Но одной воды из ведра не могло хватить на такое. Тут что-то еще. — Бетти осмотрела Джонни с головы до ног. — Жаль, не захватила с собой прищепки, а то повесила бы тебя на елку сушиться. За уши.

— Ничего, высохнем за пять минут, смотри, как тепло.

— Я-то не промокла, на мне летный комбине-

зон. А вот ты похож на мокрую курицу.

— Ну и пусть. — Он лег на землю, подобрал сосновую иголку и сунул ее в рот. — Мне здесь нравится, Молоток. Прямо не хочется и на шахту идти.

— А знаешь что, вот разберемся со всей этой ерундой и, если у нас останется время до начала занятий, вернемся сюда и поживем несколько дней. Ламмокса возьмем. Ты хочешь, Ламми?

— Конечно, — согласился Ламмокс. — Повеселимся. Будем ловить всяких там. Камни кидать.

— И чтобы весь город чесал про нас свои языки? — Джонни осуждающе посмотрел на Бетти. — Нет уж, спасибо.

— Вы только посмотрите, какие мы хорошие и порядочные. Сейчас-то мы здесь или где?

— Сейчас — это чрезвычайные обстоятельства.

— Репутацию свою, значит, бережешь!

— Кто-то ведь должен думать о таких вещах. Мама говорит, когда девочки перестают об этом беспокоиться, мальчикам самое время начать. Она говорит, что раньше все было совсем иначе.

— Конечно, было и опять будет. Это все по кругу крутится. — На лице Бетти появилась задумчивость. — Джонни, ты слишком много слушаешь свою мать.

— Наверное, да, — согласился он.

— Ты бы лучше бросил эту привычку. А то ни одна девушка не рискнет за тебя выйти.

— Это я так страхуюсь, — ухмыльнулся он.

Бетти покраснела и опустила глаза:

— Я не про себя говорю, мне-то ты и даром не нужен. Я с тобой нянчусь просто для тренировки.

Джонни решил бросить опасную тему.

— А правда, — сказал он, — если привыкнешь к чему-нибудь, очень трудно себя изменить. Вот у меня есть тетя — тетя Тесси, помнишь ее? — которая верит в астрологию.

— Не может быть!

— А вот и может. И разве она выглядит сумасшедшей? А она сумасшедшая, и с ней очень трудно общаться, ведь она начинает говорить про свою астрологию, а мама заставляет быть с ней вежливым. Если бы я мог просто сказать: тетя, у вас не все дома. Так нет! Мне приходится выслушивать весь этот бред и делать вид, что она — вполне здравомыслящий взрослый человек, отвечающий за себя. А ведь она и считать-то умеет только до десяти, а если дальше, то только на счетах.

— На счетах?

— Ну, штука такая вроде логарифмической

линейки, только с шариками. А на логарифмической линейке она не смогла бы считать ни за любовь, ни за деньги. Так вот, ей просто нравится быть чокнутой, а я должен ей потакать.

— А ты не потакай, — неожиданно сказала Бетти. — Что бы там твоя мать ни говорила.

— Молоток, ты на меня вредно влияешь.

— Прости, Джонни, — с преувеличенной скромностью ответила Бетти. И добавила: — А я рассказывала тебе когда-нибудь, почему я развелась с родителями?

— Нет. Это твое дело.

— Конечно мое. Но я, пожалуй, тебе расскажу, чтобы ты лучше меня понимал. Наклонись сюда. — Она ухватила его за ухо и начала шептать.

Джон Томас слушал, и лицо его постепенно менялось от изумления.

— Не может быть!

— Факт. Они даже не пытались спорить, так что мне поэтому и рассказывать никому не пришлось. Это-то и было причиной.

— Не понимаю, как ты могла такое терпеть.

— А я и не терпела. Я пошла в суд и развелась с ними, а потом взяла себе профессионального опекуна, у которого нет никаких сумасшедших идей. Но ты пойми, Джонни, я не затем сейчас здесь

перед тобой наизнанку выворачиваюсь, чтобы у тебя варежка раскрылась. Наследственность — это еще не все. Я — это я. Я — личность. Ты — это не твои родители, не твоя мать, не твой отец. Просто ты немного поздновато начал это соображать. — Она выпрямилась. — Так что, Тупица, будь самим собой, и если хочешь уродовать свою жизнь — уродуй, ради бога, но имей смелость делать это по своему собственному разумению, а не по чьей-то подсказке или примеру.

— Знаешь, Молоток, почему-то, когда ты говоришь такие вещи, они вполне разумно звучат.

— Это потому, что я только разумные вещи и говорю. Как у тебя с провиантом? Есть хочется.

— Ты совсем как Ламмокс. Мешок со жратвой вон там.

— Обед? — заинтересованно спросил Ламмокс, услыхав свое имя.

— Ну… Бетти, я не хочу, чтобы он ломал деревья, во всяком случае днем. Сколько им потребуется времени, чтобы меня выследить?

— Места тут, правда, много, но думаю, что не больше трех дней.

— Ладно, я отложу еды дней на пять. Кто знает, как оно выйдет.

Джонни отобрал с десяток банок и отдал их

Ламмоксу, не открывая; тому даже нравилось, что они вдруг становятся горячими, когда он их раскусывает. Он успел покончить с завтраком прежде, чем Бетти и Джонни взялись за свой.

После еды Джонни захотелось продолжить беседу.

— Бетти, так ты действительно думаешь, что… — Он вдруг замолк и прислушался. — Ты что-нибудь слышишь?

Бетти прислушалась и кивнула.

— Какая скорость?

— Не больше двухсот.

Он кивнул:

— Значит, осматривают местность. Ламмокс! Пальцем не шевели!

— Не буду, Джонни. А почему нельзя шевелить пальцем?

— Делай, как велено.

— Не волнуйся, — посоветовала Бетти. — Возможно, они просто разбивают местность на квадраты, чтобы потом осматривать их по очереди. И вполне возможно, что из-за деревьев они не смогут нащупать нас ни глазами, ни по приборам. — Однако она и сама выглядела обеспокоенно. — Все-таки жаль, что Ламми еще не в шахте. Если у кого-нибудь из них хватит ума

осмотреть шоссе ночью, когда мы будем на нем, тут-то нам всем и крышка.

Но Джон Томас ее не слушал; весь устремившись вперед, он приложил к ушам сложенные рупором ладони.

— Тсс! — прошептал он. — Бетти, они возвращаются.

— Не психуй. Возможно, это просто еще одна линия сетки.

Однако, еще не договорив, она поняла, что ошибается.

Рев двигателя стал сильнее, теперь он звучал прямо над их головами, превратившись в низкое гудение. Они запрокинули голову, но машина была высоко, а деревья скрывали небо.

Неожиданно все вокруг осветила вспышка, столь мощная, что после нее даже яркий солнечный свет показался полумраком.

— Что это? — спросила в ужасе Бетти.

— Фотографировали со сверхвспышкой. Проверяют то, что рассмотрели в тот раз приборами.

Гудение опять превратилось в вой, потом снова сделалось тихим; последовала еще одна слепящая вспышка.

— Вот у них и стереоснимок, — рассудительно объяснил Джонни. — Раньше у них были только

подозрения, теперь они нас и вправду увидят.

— Джонни, нам нужно срочно вытащить Ламмокса отсюда!

— Куда? Вывести на дорогу, и пусть они занимаются прицельным бомбометанием? Нет уж, у нас одна надежда, что они примут его за большой булыжник. Хорошо, что я велел ему не двигаться. И нам лучше не шевелиться, может, они еще улетят.

Но и эта последняя надежда быстро улетучилась. К первой машине, судя по звукам, одна за другой присоединились еще четыре.

— Вторая зависла на юге от нас, — считал их Джонни. — Третья на севере. Теперь они делают заслон с запада. Ну вот, мы и в коробке, Молоток.

Бетти повернула к нему смертельно бледное лицо:

— Что же делать, Джонни?

— Что? Да ниче… нет, слушай, Бетти. Возьми свою леталку и беги вниз, к ручью. Пройди вдоль ручья подальше и взлетай. Только держись ближе к земле, пока не выйдешь из-под их зонтика. Они не будут гоняться за тобой, ты им не нужна.

— А что ты будешь делать?

— Я? Останусь здесь.

— Тогда и я останусь.

— Не доставляй мне лишних проблем, Молоток, — нетерпеливо сказал Джонни. — Ты мне просто будешь мешать.

— А ты сам-то что можешь сделать? У тебя даже нет ружья.

— Зато есть вот это, — мрачно ответил Джон Томас, потрогав висящий на поясе охотничий нож. — А Ламмокс может швырять камни.

Бетти изумленно уставилась на него, а затем дико расхохоталась:

— Чего? Он говорит — камни! Ну, Джонни, ты даешь.

— Голыми руками они нас не возьмут. Будь добра, мотай отсюда поскорее, и без тебя забот хватает.

— Нет!

— Слушай, Молоток, мне некогда с тобой спорить. Дуй со всех ног, и чтобы я тебя здесь больше не видел. А я останусь с Ламмоксом, это мое право. Он же мой.

Из глаз Бетти брызнули слезы.

— Зато ты — мой, олух ты непрошибаемый.

Джимми хотел что-то ответить, но не смог. Его щеки начали подергиваться, он с трудом сдерживал слезы. Ламмокс беспокойно пошевелился.

— В чем дело, Джонни? — пропищал он.

— А? — сдавленным голосом переспросил Джонни. — Ничего. — Он поднял руку и ободряюще похлопал своего друга. — Все в порядке, старик. Джонни с тобой. Все в порядке.

— Хорошо, Джонни.

— Да, — еле слышным голосом согласилась Бетти. — Все в порядке, Ламми.

— А это будет быстро, ведь правда, Джонни? — тихо сказала она Джону Томасу. — Мы ведь даже не почувствуем?

— Ну, думаю, да. Эй, ты чего? Давай-ка без всяких там штучек, ровно через полсекунды я двину тебе под дых и скину с этой горушки. Тогда взрыв тебя не затронет.

Бетти медленно покачала головой. Она не чувствовала ни гнева, ни страха.

— Слишком поздно, Джонни, ты и сам это понимаешь. Не ругайся, просто возьми меня за руку.

— Но… — Он остановился. — Слышишь?

— Прилетели еще.

— Да. Похоже, они выстраиваются восьмиугольником. Чтобы мы уж точно никуда не смылись.

Ответить она не успела, неожиданно раздался оглушительный грохот. За грохотом послышался вой снижающейся машины; теперь ее стало видно, она зависла меньше чем в тысяче футов

над их головами. Затем с неба загрохотал металлический голос:

— Стюарт! Джон Стюарт! Выходите на открытое место.

Джонни выхватил нож, запрокинул голову и прокричал:

— Приди и попробуй меня взять!

— Скажи им, Джонни! — с сияющими глазами прошептала Бетти, похлопав его по руке. — Мой Джонни.

Похоже, на них был нацелен с неба направленный микрофон, так как обладатель громового голоса сразу же ответил:

— Вы нам не нужны, и мы не хотим никому причинять вреда. Выходите.

Джонни швырнул в небо краткое, но емкое отрицание и добавил:

— Мы не выйдем!

— Джон Стюарт, последнее предупреждение, — прогремел голос. — Выходите с пустыми руками. Мы пошлем за вами машину.

— Посылай, а мы знаешь что с ней сделаем? — прокричал в ответ Джонни и добавил хриплым шепотом, обращаясь уже к Ламмоксу: — Ламми, у тебя есть под рукой камни?

— Конечно. Бросать, Джонни?

— Пока не надо. Я скажу.

Голос молчал; ни одна машина к ним не приближалась. Вместо этого другая, не флагманская машина быстро спустилась и зависла футах в ста в стороне от них и примерно на таком же расстоянии от верхушек сосен. Затем она медленно, почти ползком, стала описывать круг.

И тогда они услышали пронзительный звук, за ним раздирающий уши треск; один из лесных великанов повалился на землю, следом за ним — другой. Подобно огромной невидимой руке, луч буксировочного поля, направляемый с машины, сбивал деревья и сметал их в сторону. Вокруг беглецов образовалась широкая просека.

— Зачем они это делают? — прошептала Бетти.

— Это машина лесной пожарной службы. Они нас отрезают.

— Зачем? Почему им сразу с нами не покончить? — Бетти вся дрожала, Джонни обнял ее за плечи:

— Не знаю, Молоток. Спроси у них.

Завершив круг, машина развернулась в их сторону и словно присела перед прыжком. С выверенной осторожностью дантиста, вырывающего больной зуб, оператор выдрал лучом одно из деревьев. Выдрал с корнем и отшвырнул его в

сторону. Затем вырвал еще одно и еще. Постепенно через лес к месту, где они стояли, протянулась широкая просека.

Им ничего не оставалось, только ждать. Наконец было вырвано последнее дерево, закрывавшее беглецов; отбрасывая его, луч задел их краем. Бетти и Джонни едва удержались на ногах, Ламмокс от ужаса завизжал. Джон Томас, сам еще не совсем пришедший в себя, ободряюще похлопал по огромному боку:

— Спокойно, малыш. Джонни с тобой.

Он подумал, может, им отступить со свежевырубленной просеки вглубь леса? Но похоже, в этом не было смысла.

Машина, валившая лес, куда-то ушла; ее место заняла боевая. Она буквально свалилась с неба и коснулась земли в дальнем конце просеки.

— Давай, Ламмокс, — судорожно сглотнув, сказал Джонни. — Бей по всему, что появится из этой машины. Поглядим, попадешь ты или нет.

— Запросто, Джонни! — Ламмокс протянул обе руки к куче боеприпасов.

Но взять их так и не смог. Джону Томасу показалось, будто его залили по самую грудь жидким бетоном; Бетти вскрикнула, Ламмокс взвизгнул. Затем он пропищал:

— Джонни, камни прилипли.

— Все в порядке, парень, — с трудом произнес Джон Томас. — Не сопротивляйся. Стой спокойно. Бетти, ты в порядке?

— Не могу дышать! — прошептала она.

— Не сопротивляйся. Вот они нас и сцапали.

* * *

Из люка машины одна за другой быстро вывалились восемь фигур. С головы до ног покрытые тяжелой металлической кольчугой, они очень мало походили на людей. Голову каждого из солдат покрывал странного вида шлем, напоминающий фехтовальную маску; за плечами у них торчали неуклюжие горбы-компенсаторы иммобилизующего поля. Двумя шеренгами солдаты уверенно двигались к просеке; попав в зону действия поля, они слегка замедлили ход; засверкали искры, и вокруг каждого появился фиолетовый нимб. Но они не останавливались.

У второй четверки был большой цилиндр из металлической сетки, высотой в рост человека и такого же диаметра. Они с легкостью несли его на поднятых вверх руках. Лидер группы крикнул:

— Обходите зверюгу подальше. Сначала уберем отсюда этих детишек, а потом разберемся с

ним. — Голос его звучал на удивление весело.

Взвод приблизился к завязшим, как мухи в сиропе, беглецам и зашел сбоку, подальше от Ламмокса.

— Аккуратно! Берите сразу обоих! — скомандовал офицер.

Бетти и Джона Томаса медленно накрыли круглой клеткой, потом офицер просунул руку внутрь, чем-то щелкнул, от клетки полетели во все стороны искры, и она плотно встала на землю.

Офицер повернулся к ним докрасна загорелым лицом:

— Ну как, приятно выбраться из этой патоки? То-то же.

Джонни с ненавистью взглянул на офицера и ответил залпом ругательств. Подбородок его дрожал, он пытался растереть свои сведенные судорогой ноги.

— Ну-ну, — успокаивающе ответил офицер. — Зачем же так. Ты сам вынудил нас это сделать. — Он посмотрел на Ламмокса. — Господи! Вот это зверюга! Не хотел бы я встретить его ночью в темном переулке.

Джонни почувствовал, что по лицу его текут слезы, и не мог их остановить.

— Ну, давайте скорее! — крикнул он. Голос ему

отказывал. — Кончайте.

— А?

— Он не хотел ничего плохого. Так что хоть убейте его побыстрее, не надо с ним играть в кошки-мышки. — Тут Джону Томасу отказали последние остатки выдержки; он закрыл лицо руками и начал громко всхлипывать.

Бетти положила руки ему на плечи, она тоже заплакала.

На лице офицера появились удивление и озабоченность.

— О чем ты, сынок? Мы не собираемся с ним ничего делать. У нас есть приказ — доставить его без единой царапинки, не считаясь с людскими потерями. Самый безумный приказ, какой я когда-либо получал.

Глава 12
Пиджи-Виджи и прочие

Мистер Кику пребывал в отличном настроении. Завтрак не превратился в раскаленный ком в желудке, незачем было копаться в ящике с таблетками, не возникало даже желания вытащить на свет божий заветные проспекты торговцев африканской недвижимостью. Трехсторонняя конференция шла как по маслу; делегаты Марса и те начинали говорить что-то осмысленное. Совершенно игнорируя многочисленные желтые огоньки, горевшие на столе, он начал напевать: «Фрэнки и Джонни любовники были… Ох как они друг друга любили… Вечной любовью они поклялись…»[85]

Мистер Кику обладал довольно приятным баритоном, однако слух у него отсутствовал начисто.

Самое главное, что дурацкое, запутанное дело с хрошии вот-вот завершится… без каких-либо потерь. Старина Фтаемл, похоже, думает, что

---

[85] notes: 85

Американская народная баллада, существующая во множестве вариантов; в ней рассказывается о подлинном событии — как некая Фрэнки из ревности застрелила изменившего ей Джонни из револьвера и попала за это в тюрьму.

появились даже некоторые шансы установить дипломатические отношения, настолько эти крокодилы обрадовались скорому возвращению своей красотки.

А установить отношения с такой могущественной расой, как хрошии, крайне важно. С ними обязательно надо быть союзниками, хотя на это может уйти много времени. А может, и не так много; восторг этих тварей при виде Ламмокса граничил едва ли не с идолопоклонством.

Теперь, оглядываясь назад, понятно, почему они с Гринбергом были сбиты с толку. Ну кому могло прийти в голову, что столетнее существо размером с дом — ребенок? Или что представители этой расы обзаводятся руками не от рождения, а только в том возрасте, когда могут ими пользоваться? А уж если на то пошло, чего ради эта хрошиа так вымахала по сравнению с другими соплеменниками? Эти размеры ввели в заблуждение Гринберга и его самого не меньше, чем все остальное. Интересный момент, надо будет сказать ксенологам, чтобы занялись этим.

Да ладно, дело прошлое. Сейчас этот Ламмокс… или эта… уже на полпути к их кораблю. Никакого шума, никаких церемоний, никакой прессы, и опасность миновала. Интересно, они и вправду

могли испарить Землю? Хорошо, что не пришлось это проверять. Все хорошо, что хорошо кончается. Мистер Кику снова запел.

На столе тревожно замигала красная лампочка, и последние строчки он допевал уже в появившееся на экране лицо Гринберга:

— «…Фрэнки верна была Джонни, как звезды, что смотрят с небес!» Сергей, ты можешь петь тенором?

— А какая вам, собственно, разница, босс? Вы все равно не попадаете в тон.

— Ты мне просто завидуешь. Чего тебе, сынок? Помахал им ручкой?

— Мм… Босс, тут есть небольшая заминка. Со мной доктор Фтаемл. Примете нас?

— А в чем дело?

— Давайте переговорим с глазу на глаз. В одном из конференц-залов?

— Идите прямо в кабинет, — мрачно ответил мистер Кику, отключил связь, вынул из стола таблетку и сунул ее в рот.

Гринберг с горгоноидом появились через несколько секунд; Гринберг обессиленно плюхнулся в кресло, вытащил сигарету, покопался в карманах и снова ее спрятал. Мистер Кику официально поприветствовал Фтаемла, затем

повернулся к Гринбергу:

— Итак?

— Ламмокс не улетел.

— Как это?

— Отказался. Остальные хрошии бегают, словно муравьи. Я оставил заграждения на месте, и часть космопорта вокруг их шлюпки по-прежнему заблокирована. С этим нужно что-то делать.

— Чего это ради? Ситуация, конечно, неожиданная, но мы не несем за нее никакой ответственности. А почему он отказался?

— Ну… — Гринберг беспомощно оглянулся на Фтаемла.

— Позвольте мне объяснить вам, сэр, — вежливо произнес рарджиллианец. — Эта хрошиа отказывается подняться на борт шлюпки без своего питомца.

— Питомца?

— Мальчишка, босс. Джон Томас Стюарт.

— Именно так, — подтвердил Фтаемл. — Хрошиа утверждает, что уже длительное время выращивает Джонов Томасов; она отказывается возвращаться домой, если не может забрать с собой ее Джона Томаса. Она категорически на этом настаивает.

— Понятно, — согласился мистер Кику. — Ес-

ли перевести на нормальный язык, мальчик и хрошиа очень привязались друг к другу. Неудивительно, они ведь вместе росли. Но Ламмоксу все-таки придется смириться с разлукой, точно так же как пришлось смириться Джону Томасу Стюарту. Насколько я помню, он немного поскандалил, но мы велели ему заткнуться и отправили домой. То же самое должны сделать и хрошии, сказать, чтобы она заткнулась, посадить в шлюпку — силой, если придется, — и отвезти домой. Собственно, для этого они и явились сюда.

— Позвольте заметить, сэр, — ответил рарджиллианец, — что, переводя на «нормальный язык», вы упустили смысл происходящего. Я подробно обсудил с ней ситуацию на ее собственном языке.

— Как? Неужели она его так быстро выучила?

— Она знает его давным-давно. Хрошии, мистер заместитель министра, умеют говорить на своем языке чуть ли не сразу, как вылупятся из яйца. Могу предположить, что это владение родным языком почти на уровне инстинкта и является одной из причин, если не главной причиной, того, что они считают чужие языки сложными и не могут как следует освоить ни один из них. Эта хрошиа говорит на земном языке не лучше четы-

рехлетнего ребенка, хотя, насколько я понял, она начала его осваивать десятки ваших лет тому назад. Но своим языком она пользуется с поразительной беглостью… с чем мне, к превеликому моему сожалению, пришлось познакомиться.

— Ну и что? Пусть говорит. Слова еще никому не вредили.

— Вот она и говорит. Например, она приказала командиру экспедиции сию же минуту доставить ей ее питомца. А если нет — она остается здесь, чтобы продолжить выращивание Джонов Томасов.

— А командир, — добавил Гринберг, — предъявил нам ультиматум: или мы сию же минуту предоставим им Джона Томаса Стюарта, или…

— Это самое «или» означает то, что я думаю? — медленно произнес мистер Кику.

— Все что угодно, — подтвердил Гринберг. — Теперь, когда я увидел их наземную технику, я уже не знаю, что они могут, а чего нет.

— Вы должны понять, сэр, — серьезно добавил Фтаемл, — что командир хрошии озабочен происходящим не меньше, чем вы. Но он просто обязан сделать попытку удовлетворить желание этой хрошиа. Она — плод «брака», задуманного более двух тысяч ваших лет тому назад, и так

просто они от своего не откажутся. Он не может ни разрешить ей остаться, ни силой забрать ее. Он очень расстроен.

— А мы все не расстроены? — Мистер Кику проглотил еще две таблетки. — Доктор Фтаемл, у меня есть послание к вашим доверителям. Пожалуйста, передайте его абсолютно точно.

— Я передам, сэр.

— Пожалуйста, сообщите им, что их ультиматум с презрением отвергнут. Еще, пожалуйста…

— Сэр, я вас умоляю!

— Слушайте меня внимательно. Передайте им все, ничего не смягчая. Скажите, что мы всеми силами старались им помочь, добились успеха, а теперь они угрозами платят нам за нашу доброту. Скажите, что их поведение недостойно цивилизованного народа и что мы отзываем свое приглашение присоединиться к Сообществу цивилизаций. Скажите, что мы плюем в их лица… подберите какую-нибудь похожую и достаточно сильную идиому. Скажите им, что свободный человек лучше погибнет, но не поддастся угрозам.

Гринберг широко ухмыльнулся и захлопал в ладоши, этим древним жестом выражая свое одобрение. Доктор Фтаемл, похоже, побледнел от ужаса под своими хитиновыми оболочками.

— Сэр, — сказал он, — необходимость передать такое послание огорчает меня в высшей степени.

— Передайте все слово в слово. — Кику холодно усмехнулся. — Но прежде, чем это сделать, найдите случай переговорить с хрошиа Ламмокс. Вы сможете?

— Безусловно, сэр.

— Скажите ей, что в своем неразумном рвении командир экспедиции уже склонен убить Джона Томаса Стюарта. Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы она поняла смысл предъявленного нам ультиматума.

Рарджиллианец сложил свой рот в широкую, почти человеческую улыбку:

— Простите меня, сэр, я недооценил вас. Оба сообщения будут доставлены в нужном порядке.

— Это все.

— Желаю вам наилучшего здоровья, сэр. — Рарджиллианец повернулся к Гринбергу и обнял его за плечи своей многосуставчатой рукой. — Брат мой Сергей, мы уже сумели выбраться из одного запутанного лабиринта. А теперь при помощи вашего духовного отца мы обязательно выберемся из другого. Да?

— Обязательно, док.

* * *

Когда Фтаемл вышел, Кику сказал, повернувшись к Гринбергу:

— Притащи сюда этого мальчишку Стюарта. Сейчас же, сам, лично. Мм… Привези и его мать тоже. Он ведь, кажется, еще несовершеннолетний?

— Да. В чем дело, босс? Вы что, собираетесь отдать мальчишку? После того, как вы им так замечательно врезали по зубам?

— Конечно собираюсь. Но только на своих условиях. Я ни в коем случае не позволю этим ходячим бильярдным столам думать, что они могут на нас давить. Мы используем ситуацию, чтобы добиться своих целей. А теперь — бегом!

— Меня уже здесь нет.

Мистер Кику занялся разбором бумаг, позволяя своему подсознанию прочувствовать проблему Ламмокса. Он сильно подозревал, что равновесие сдвинулось… в пользу людей. Надо было придумать, как использовать эту возможность. Он обдумывал это, когда открылась дверь и в кабинет собственной персоной вошел наидостопочтеннейший мистер Рой Макклюре.

— Вот я вас и поймал, Генри! Соберитесь с сила-

ми, старина. Вас удостоила своим визитом Беула Мергитройд.

— Беула — какая?

— Беула Мергитройд. Та самая Беула Мергитройд.

— Я что, должен бы ее знать?

— Как? Да вы смотрите когда-нибудь свой стереовизор?

— Нет, если меня не заставляют.

— Генри, вы совсем оторвались от жизни. — Макклюре снисходительно покачал головой. — Закопались в своем кабинете, тычете в свои кнопочки и представления не имеете, что происходит в мире.

— Возможно.

— Не возможно, а точно. Вы совсем утратили ощущение реальности. Хорошо, что вам не приходится иметь дело с живыми людьми.

— Пожалуй, что так. — Мистер Кику позволил себе ледяную улыбку.

— Ставлю три против одного, что вы не знаете даже, кто сейчас лидирует в Мировой серии.

— Мировая серия? Это, наверное, бейсбол? Извините, но в последние годы у меня нет времени даже на то, чтобы следить за соревнованиями по крикету.

— Вот видите? Хотя как можно сравнивать крикет и бейсбол… Ладно, забудем. Раз уж вы не знаете, кто такая знаменитая Беула Мергитройд, придется мне рассказать. Она, так сказать, мать Пиджи-Виджи.

— «Пиджи-Виджи»? — несколько ошарашенно повторил мистер Кику.

— Да вы шутите. Она — автор детских рассказов про Пиджи-Виджи. Ну как же, вы должны знать: «Пиджи-Виджи на Луне», «Пиджи-Виджи летит на Марс», «Пиджи-Виджи и космические пираты».

— Боюсь, что я и вправду не знаю.

— Невозможно поверить. Видимо, у вас нет детей?

— Трое.

Но мистер Макклюре его не слушал.

— А теперь она вывела Пиджи-Виджи в эфир, и это, доложу вам, кое-что. Для детей, конечно, но с таким юмором, что взрослых тоже не оторвать от экрана. Понимаете, Пиджи-Виджи — это такая кукла, примерно в фут высотой. Она летает по всему космосу, спасает людей, в порошок стирает пиратов, развлекается как может. Дети от нее без ума. А в конце каждой серии появляется сама миссис Мергитройд, они едят вместе «ханки»

и болтают. А вам нравятся «ханки»?

— Нет. — Мистера Кику передернуло.

— Ничего, вы просто можете притвориться, что любите их. Но это — самая мощная передача из рекламирующих сухие завтраки. Ее смотрят буквально все.

— А это так важно?

— Важно? Да вы представляете себе, сколько людей каждое утро едят завтрак?

— Нет, не представляю. Надеюсь, не очень много? Сам бы рад отказаться от этой дурной привычки.

Мистер Макклюре бросил взгляд на часы:

— Надо спешить. Техники уже устанавливают оборудование. Она появится с минуты на минуту.

— Техники?

— Разве я не говорил? Миссис Мергитройд возьмет у нас интервью, а Пиджи-Виджи, сидя у нее на коленях, примет участие в беседе. Потом все это вставят в передачу. Потрясающая реклама для нашего Министерства.

— Нет!

— Как? Простите, мистер Кику, может быть, я вас неправильно понял?

— Господин министр, — с трудом себя сдер-

живая, сказал Кику, — я просто не смогу. У меня врожденный страх перед публичными выступлениями.

— Что? Какая ерунда! Ведь вы помогали мне при открытии трехстороннего совещания. И добрых тридцать минут говорили без бумаги.

— Совещания — дело другое. Там разговор по существу, профессионалов с профессионалами.

Министр нахмурился:

— Мне, конечно, не хотелось бы настаивать, раз это так вас нервирует. Но миссис Мергитройд специально оговорила ваше участие. Видите ли… — на лице Макклюре появилось нечто вроде смущения, — Пиджи-Виджи борется за расовое равноправие и тому подобное. Под разной кожей все мы братья… ну и прочее в том же духе, за что все мы ратуем. Так как?

— Крайне сожалею, — твердо ответил мистер Кику.

— Бросьте! Вы же не хотите, чтобы я вас заставил силой?

— Господин министр, — тихим голосом ответил Кику, — если вы заглянете в мою должностную инструкцию, то увидите, что она не требует, чтобы я выступал клоуном по стереовидению. Если вы отдадите мне письменное распоряжение, я

узнаю, что думает о его законности наш юридический отдел, а затем дам вам официальный ответ.

— Генри, ты просто мелкий упрямый паршивец. — Макклюре недовольно сморщил лицо. — Просто не понимаю и как это ты сумел так высоко залезть.

Так как мистер Кику не отвечал, Макклюре продолжил:

— Конечно, я не напишу такого приказа; я слишком старая лиса и прекрасно знаю инструкции. Хотя, правду сказать, мне не верится, чтобы ты решился сыграть со мной подобную шутку.

— Простите, сэр, но вы напрасно в этом сомневаетесь.

— А я все-таки сомневаюсь. Сейчас я попытаюсь убедить вас, что это действительно важно для Министерства, хотя я и не могу вам тут ничего приказывать. Видите ли, именно Беула Мергитройд стоит за спиной общества «Друзья Ламмокса». Так что…

— «Друзья Ламмокса»?

— Я так и знал, что это изменит ваше отношение к делу. В конце концов, именно вы ведь и разбирались со всей этой чертовщиной. Поэтому…

— Господи, да что это такое — «Друзья Ламмок-

са»? Кто они?

— Как кто? Вы же сами и дали им первое интервью. Но если бы я по чистой случайности не обедал на днях с Вэсом Роббинсом, мы бы все прошляпили.

— Кажется, припоминаю эту записку. Самая рядовая бумага.

— А вот миссис Мергитройд — случай совсем не рядовой. Я же вам и пытаюсь объяснить. С вами, бумажными душами, всегда так — теряете контакт с народом. Можете на меня обижаться, но именно поэтому такие, как вы, никогда не поднимаются на самый верх.

— Я нисколько об этом не сожалею, — мягко сказал мистер Кику.

— Что? — Похоже было, министр слегка смутился. — Я хотел сказать, что всегда находится работа для политиков-практиков вроде меня, привыкших держать руку на пульсе… Хотя признаю, что у меня нет вашей специальной подготовки. Вы меня понимаете?

— Всегда есть много работы и для ваших, и для моих способностей, сэр. Но вы продолжайте. Возможно, в данном случае я действительно «прошляпил». Видимо, записка «Друзей Ламмокса» пришла раньше, чем это слово стало для меня

что-то значить.

— Возможно. Я совсем не имел намерения критиковать вас, Генри. Если правду говорить, вы работаете много, даже слишком. Будто Вселенная остановится, если вы хоть раз ее не подзаведете. Так вот, насчет этой истории с «ДЛ». Мы вмешались в какое-то дурацкое судебное дело на западе; да вы и сами все знаете, это ведь вы послали туда одного из наших. И вдруг оказалось, что дело касается этого самого хуруссианского Ламмокса. Суд вынес приговор… вернее сказать, мы вынесли приговор уничтожить зверя. Кстати, Генри, вы наложили взыскание на виновного?

— Нет, сэр.

— А чего же вы ждете?

— Я не буду наказывать его, сэр. Он действовал абсолютно правильно, если исходить из информации, которой мы располагали на тот момент.

— Я понимаю ситуацию иначе. Пошлите его личное дело мне, я хочу сам подумать.

— Сэр, — тихо сказал мистер Кику, — вы собираетесь пересматривать мои решения в части служебной дисциплины?

— Э-э-э… Я намерен рассмотреть только этот вопрос.

— Если вы не шутите, сэр, я могу хоть сейчас

подать заявление об отставке. Видимо, я напрасно занимаю свой пост.

— Генри, вы сегодня просто невыносимы. — Министр побарабанил пальцами по столу мистера Кику. — Какого черта! Давайте будем откровенны друг с другом. Я же прекрасно знаю, что вы, профессионалы, можете при желании устроить веселую жизнь назначенцу вроде меня. Я в политике не первый день. Но пока это моя контора, я хочу, чтобы в ней была дисциплина. Есть у меня на это право?

— Да… Есть.

— И право и ответственность. Возможно, вы не ошибаетесь относительно этого человека, кто бы он там ни был; вы обычно бываете правы, иначе эта шарага давно бы рассыпалась. Но я обязан рассматривать заново любые дела, когда это кажется мне необходимым. Однако вам совсем необязательно начинать разговор об отставке, пока я не изменил ваше решение. Если уж вы так ставите вопрос, я сам попрошу вас уйти в отставку, если мне придется пересмотреть ваше решение. Но до этого момента — зачем вам кипятиться? Так будет честно?

— Так будет честно. Я несколько поторопился, господин министр. Личное дело будет у вас на

столе.

— Вообще-то, раз вам так хочется, то не надо. Если это один из ваших протеже…

— У меня нет протеже, мистер Макклюре. Мне они не нравятся все без исключения.

— Иногда мне начинает казаться, что вы ненавидите даже самого себя. О чем мы говорили? Да, так вот. Когда мы жутко вляпались в историю с этим хуруссианцем, миссис Мергитройд увидела в этом возможность сделать доброе дело. Я-то думаю, что в первую очередь она хотела немного освежить свою собственную программу, но это к делу не относится. Пиджи-Виджи сразу же начал рассказывать своим маленьким друзьям про ужасное событие, а также просить, чтобы они писали ему письма и вступали в общество «Друзья Ламмокса». В первые же двадцать четыре часа она получила более трех миллионов ответов. К настоящему моменту уже половина детишек нашего континента, и одному Богу известно сколько на других, являются «друзьями Ламмокса». Они поклялись защитить его от преследований.

— Ее, — поправил мистер Кику.

— А?

— Простите, пожалуйста. Видимо, ни один из этих терминов не верен. У хрошии шесть различ-

ных полов. Можно называть Ламмокса и «он», и «она». Вообще-то, здесь нужны другие слова. Впрочем, для нас это не имеет значения.

— Для меня, во всяком случае, точно, — согласился Макклюре. — Но если бы мы действительно прикончили этого Ламмокса, детишки, я полагаю, устроили бы революцию. Я серьезно. Не говоря уж о взрослых фэнах Пиджи-Виджи. В общем, наше Министерство выбралось из этой истории со здоровенным фингалом под глазом. Но Беула Мергитройд предложила нам сделку, чтобы помочь выпутаться из этой ситуации. Она берет у нас интервью, я отвечаю на общие вопросы, а вы помогаете мне с подробностями — все на тему того, как Министерство бережно защищает права наших негуманоидных братьев и что все должны быть толерантны, — обычная болтовня. Потом Пиджи-Виджи спросит, а что же случилось с Ламмоксом, и вы расскажете деткам, что Ламмокс был в действительности кем-то вроде переодетого волшебного принца… или принцессы… и что Ламмокс улетел от нас в свой небесный замок. Получится потрясающе. Больше вам ничего не придется делать, — добавил Макклюре. — Дальше пустят ленту, как Ламмокс забирается в хуруссианский корабль и машет на

прощание ручкой. Затем мы съедим по миске «ханки» — не бойтесь, я уж позабочусь, чтобы ваша миска была пустой! — и Пиджи-Виджи споет «Проказников». Конец. Все займет не больше двадцати минут и будет иметь большое значение для нашего Министерства. Договорились?

— Нет.

— Ну, Генри… Хорошо! Вам даже не придется притворяться, что вы едите «ханки».

— Нет.

— Генри, вы просто невозможны. Неужели вы не понимаете, что на нас лежит обязанность помогать воспитывать у детей чувство ответственности, давать им мировоззрение, соответствующее нашему веку — веку Сообщества цивилизаций?

— Нет, сэр, я не понимаю. Это дело родителей и учителей, но никак не правительства. У нашего Министерства и так забот по горло, оно едва управляется со все нарастающими ксеническими проблемами. — Тут мистер Кику прибавил про себя: «Даже если бы я согласился, я бы все равно не стал есть эту „ханки“!»

— Хм… Очень узкий подход, Генри. Бюрократический, я бы сказал. Вы же прекрасно знаете, что на нас жмут и с других сторон из-за этой ху-

руссианской истории. Общество «За сохранение статус-кво» вопит, требуя изоляционизма, а лига «Сохраним Землю для людей» просто в горло вцепиться готова. В результате Совет чувствует себя крайне неловко. И вот прямо сама в руки идет возможность настроить общественное мнение против всех этих психов, а вы даже не хотите помочь. Конечно, вам не приходится иметь дело с ребятами из «Статус-кво» и придурками из «Земля — людям», я же их беру на себя.

— Очень сочувствую, сэр, только и вам не надо бы тратить на них драгоценное время. Вы же знаете, что за каждой такой с виду безумной организацией всегда стоят вполне трезвые экономические интересы. Позвольте с ними бороться людям, имеющим противоположные экономические интересы, — транспортным компаниям, импортерам и ученым. Наше дело — дипломатические отношения. А когда нам досаждают лоббисты, пусть с ними разбирается отдел по связям с общественностью, им за это деньги платят.

— А сам-то я кто такой, если не агент по связям с общественностью, притворяющийся министром? — со злостью ответил Макклюре. — Не думайте, я ничуть не заблуждаюсь относительно этой моей проклятой должности.

— Это не так, сэр. В первую очередь на вас лежит ответственность за определение политики. А я провожу эту политику, в пределах своей компетенции.

— Какого черта! Вы же сами и определяете политику. Вы тащите меня, как лошадь, куда хотите. Я потихоньку начинаю это понимать.

— Простите, сэр, но я думаю, что каждый участвует в определении политики… даже швейцар. В какой-то мере это неизбежно, но я стараюсь выполнять именно свою работу.

В этот момент раздался голос секретарши мистера Кику:

— Мистер Кику, министр у вас? Его ждет миссис Беула Мергитройд.

— Буду сию секунду, — ответил Макклюре.

— Милдред, — невозмутимо добавил Кику, — проследи, чтобы кто-нибудь ею занялся. Тут будет небольшая задержка.

— Да, сэр. Ею занимается личный секретарь министра.

— Вот и хорошо.

— Никаких задержек, — сказал Макклюре. — Не будете так не будете… хотя я очень в вас разочарован. Но нельзя заставлять ее ждать.

— Сядьте, господин министр.

— Что?

— Садитесь, пожалуйста, сэр. В некоторых случаях можно заставить подождать даже всесильную миссис Мергитройд. Возникла чрезвычайная ситуация, и вам обязательно придется доложить о ней Совету. Возможно, даже сегодня вечером, на экстренном заседании.

— Что? А раньше вы сказать не могли?

— Как раз в тот момент, сэр, когда вы вошли, я готовился обрисовать вам положение. А последние несколько минут я все старался вам объяснить, что у нашего Министерства есть действительно важные дела помимо торговли бакалеей.

Несколько мгновений министр глядел на мистера Кику, а затем перегнулся через его стол к коммутатору:

— Э-э-э, Милдред? Говорит министр. Скажите коммодору Мэрфи, что меня задерживают неотложные дела и чтобы он постарался сохранить хорошее настроение у миссис Мергитройд.

— Хорошо, господин министр.

— Ну а теперь, Генри, — Макклюре повернулся к своему заместителю, — кончайте читать мне лекции и выкладывайте.

Мистер Кику начал подробно излагать детали

нового кризиса с хрошии. Макклюре слушал, не произнося ни слова. Когда Кику закончил рассказывать про отклонение ультиматума, снова ожил коммутатор:

— Шеф? Это Мэрфи. Миссис Мергитройд надо идти еще на одну встречу.

Мистер Макклюре повернулся на голос:

— Она нас слышит?

— Конечно нет, сэр.

— Так вот, Джек. Мне надо еще несколько минут. Займи ее чем-нибудь.

— Но…

— Завали ее в кусты, если понадобится. А теперь отключайся. Я занят! — Он снова повернулся к мистеру Кику и сердито сказал: — Генри, вы еще раз меня подставили. Теперь мне ничего иного не остается, как продолжать вашу игру.

— Могу я спросить, что сделал бы на моем месте министр?

— Как? — Макклюре нахмурился. — Ну, пожалуй, я ответил бы так же, как и вы… Только в более крепких выражениях. Должен признать, мне, скорее всего, не пришло бы в голову действовать на них изнутри, через это самое существо — Ламмокса. Это был отличный ход.

— Понятно, сэр. А какие меры предосторож-

ности принял бы министр после отклонения формального ультиматума? По моему мнению, нашему Министерству не следовало бы предлагать Совету приводить в боевую готовность станции вокруг планеты.

— О чем это вы? Ничего подобного и не потребуется. Я бы просто приказал внутренним войскам подойти к этому кораблю и разнести его в пыль, под мою ответственность. Какого черта, они сидят прямо в нашей внутренней оборонительной зоне и еще пытаются угрожать. Чрезвычайная полицейская операция, ничего больше.

«Я догадывался, что ты так поступишь», — подумал мистер Кику, но вслух произнес другое:

— А если получится так, что корабль не пожелает быть разнесенным в пыль и в ответ начнет сам разносить все вокруг?

— Что? Это просто нелепо!

— Господин министр, есть одна вещь, которую я твердо усвоил за сорок лет работы. Имея дело с «вне», надо быть готовым к любым «нелепостям».

— Надо же, чтоб меня… Генри, да никак вы и вправду поверили, что они могут что-то с нами сделать? Вы вправду перепугались? — Он внимательно изучал лицо мистера Кику. — А может

быть, вы чего-то недоговариваете? У вас что, есть реальные доказательства их способности привести в исполнение эти дурацкие угрозы?

— Нет, сэр.

— Так в чем дело?

— Мистер Макклюре, триста с небольшим лет назад в моей стране жило одно очень отважное и воинственное племя. Небольшой отряд европейцев предъявил им некие требования. Европейцы называли это «налог». Вождь был храбрым человеком, а его воины — многочисленными и хорошо подготовленными. Они знали, что у пришельцев есть винтовки; что-то вроде винтовок было и у них самих. Но в первую очередь эти воины надеялись на свою многочисленность и отвагу. Они хорошо продумали операцию и заманили своих противников в засаду. Так они считали.

— Ну и?

— Они никогда не слышали о пулеметах. И это было последнее, что они узнали, — воины и вправду были очень отважны, они раз за разом шли в атаку. Этого племени больше нет, уцелевших не было.

— Если вы думаете напугать меня таким… Ладно, не будем. Но вы так и не дали мне никаких доказательств. В конце концов, мы же не какое-то

там невежественное племя дикарей. Здесь не может быть никаких аналогий.

— Возможно. И все же, если подумать, тогдашние пулеметы были всего лишь небольшим усовершенствованием обычной винтовки. У нас теперь есть оружие, рядом с которым пулемет — все равно что перочинный нож. И все же…

— Короче говоря, вы предполагаете, что у этих хуруссианцев есть оружие, рядом с которым наши новейшие системы столь же бесполезны, как обычные дубинки. Честно говоря, мне не хотелось бы в это верить, и я не верю. Мощь атомного ядра — высшая возможная мощь. Вы это знаете, и я это знаю. Мы обладаем этой мощью. Несомненно, у них тоже есть атомная энергия, но мы превосходим их по численности в миллионы раз, а к тому же дома и стены помогают.

— Вождь того племени рассуждал точно так же.

— Что? Это совсем разные вещи.

— А ничто никогда и не бывает совершенно одинаковым, — устало ответил мистер Кику. — Я совсем не пускался в спекуляции относительно какого-нибудь волшебного оружия, недоступного пониманию наших физиков; я просто занялся вопросом, во что может превратиться современное

оружие после небольших усовершенствований. Очень небольших, принципиальная возможность которых следует из имеющихся уже теорий. Конечно, ничего толком я не знаю, я в этих вещах не разбираюсь.

— Я, в общем-то, тоже, но мне говорили, что… Послушайте, Генри. Я сейчас же отдам приказ начать эту полицейскую акцию.

— Да, сэр.

— Что да? Ну почему вы все сидите с каменным лицом, повторяя как попка «да, сэр»! Вы же не знаете ничего такого. Почему я не должен отдавать этого приказа?

— Я не возражаю, сэр. Вы хотите воспользоваться защищенной линией связи? Или приказать, чтобы сюда явился командир базы?

— Генри, вы умеете вывести человека из себя, как никто на всех семнадцати планетах. Я же спросил вас, почему я не должен отдавать этот приказ?

— Я не знаю никаких определенных причин, сэр. Могу только сказать, почему я не советовал бы вам этого делать.

— И почему?

— Потому что я ничего по-настоящему не знаю. Потому что вся моя информация — страхи

негуманоида Фтаемла, который, возможно, еще боязливее меня, а возможно, просто введен в заблуждение почти суеверным благоговением, которое внушают хрошии другим расам. А так как я не знаю, я не хочу играть в русскую рулетку, рискуя всей нашей планетой. Я хочу, пока это возможно, бороться при помощи слов, а не оружия. Так вы хотите сами отдать этот приказ, сэр? Или о мелочах позаботиться мне?

— Кончайте меня подзуживать. — Побагровевший министр с ненавистью глядел на Кику. — Теперь вы, вероятно, еще раз выложите передо мной заявление об отставке.

Мистер Кику с трудом изобразил на лице улыбку:

— Господин Макклюре, я никогда не подаю заявление об отставке дважды на дню. — И добавил: — Нет, я подожду последствий этой полицейской акции. Вот тогда, если оба мы останемся живы, окажется, что я ошибался в серьезном вопросе. И моя отставка станет неизбежной. И позвольте мне добавить, сэр: я надеюсь, что вы правы. Тихая старость устраивает меня значительно больше, чем посмертное подтверждение моей правоты.

Макклюре пошевелил губами, однако ничего

не сказал.

— Пока я нахожусь в своем официальном качестве, — спокойно продолжил мистер Кику, — могу я сделать моему министру одно предложение?

— Что? Конечно. Это ваша прямая обязанность. Так что там?

— Я бы хотел предложить, чтобы эта атака началась прямо в ближайшие минуты. Может получиться, что, поспешив, мы достигнем того, чего не сможем достигнуть, если будем тянуть время. Отдел астронавигации может выдать нам параметры орбиты корабля противника. — Кику нагнулся к коммутатору.

Не успел он до него дотронуться, как тот ожил сам:

— Шеф? Это Мэрфи. Я сделал все, что мог, но она…

— Скажи ей, что я не могу.

— Сэр?

— Хм. Ну как-нибудь сгладь это. Ты же знаешь как. А теперь заткнись и больше мне не звони.

— Есть, сэр.

Мистер Кику связался с отделом астронавигации:

— Пожалуйста, главного баллистика… да, немедленно. Привет, Картье. Обезопась линию

со своего конца, с этого конца уже сделано. И не забудь заглушить. Так вот, мне нужны параметры орбиты…

Макклюре протянул руку и отключил связь.

— Ладно, — яростно проговорил он, — будем считать, что вы меня переиграли, хотя это и блеф.

— Сэр, я не блефовал.

— Ладно-ладно, я согласен, что вы такой мудрый и осторожный. Я тоже не могу рисковать пятью миллиардами жизней. Что мне теперь, на брюхе перед вами поползать?

— Нет, сэр. Но я почувствовал большое облегчение. Спасибо.

— У вас облегчение. А обо мне вы подумали? А теперь расскажите мне, каким образом вы сами намерены разыграть эту партию? Я ведь пока в полном неведении.

— Хорошо, господин министр. Первым делом я послал за этим мальчишкой, Стюартом.

— За Стюартом? Зачем?

— Чтобы убедить его лететь с ними. Я хочу иметь его согласие.

По лицу министра было видно, что он не верит своим ушам.

— Я вас правильно понимаю, мистер Кику,

вы отклонили ультиматум только затем, чтобы потом полностью капитулировать?

— Я бы так это не назвал.

— Мне плевать, как вы это назовете на своем дипломатическом жаргоне. Мы не отдадим мальчишку. Я не хотел рисковать вслепую, но тут — совершенно другое дело. Я не отдам им ни одного человека, как бы они ни нажимали. И Совет со мной согласится, уж будьте уверены. Есть такая штука, называется гордость. И позвольте добавить, что я крайне изумлен. И возмущен.

— Вы разрешите мне продолжить, сэр?

— Да чего уж… Давайте выкладывайте.

— Мне и на секунду не приходило в голову передать им мальчика. В дипломатической науке давным-давно отказались от умиротворения из-за полной его бессмысленности. Если бы я хоть раз подумал о принесении этого мальчика в жертву, я бы первым аплодировал вашему возмущению. Вы меня просто не поняли.

— Но вы же сами сказали…

— Пожалуйста, сэр. Я знаю, что я сказал. Я послал за мальчиком, чтобы узнать, чего хочет он сам. Насколько мне известно, вполне возможно, что он захочет, более того, очень захочет.

— Мы не можем этого позволить. — Макклюре

покачал головой. — Даже если парень настолько сдурел, что сам этого хочет. Девятьсот световых лет от ближайшего человеческого существа! Да я охотней дал бы ему яду.

— Все совсем не так, сэр. Если я получу его согласие, я буду молчать об этом во время переговоров, держа этот туз в рукаве. А нам есть о чем вести переговоры.

— Например?

— Их наука. Их промышленность. Новая область пространства. Возникающие возможности просто трудно переоценить.

Макклюре беспокойно поерзал на стуле:

— А все-таки я не уверен: может быть, самое лучшее — ударить по ним. Если мы настоящие люди, мы должны рисковать. Любезничать с подонками, которые имеют наглость нам угрожать… Мне это не нравится.

— Господин министр, если мои планы не сработают… или не встретят вашего одобрения, тогда я встану рядом с вами — и мы вместе бросим вызов небу. Мы будем торговаться… но торговаться как настоящие люди.

— Ну что ж… Расскажите мне все остальное.

Глава 13
«Нет, господин министр»

Назавтра жена мистера Кику разрешила ему поспать подольше. Она поступала так время от времени, полагая, что какой бы там ни был кризис, а отдохнуть все равно надо. Добравшись до кабинета, мистер Кику обнаружил в своем кресле спящего Весли Роббинса. Специальный помощник министра по связям с общественностью не был дипломатом, не хотел быть дипломатом и с удовольствием демонстрировал это при каждом удобном случае.

— Доброе утро, Вэс, — не подавая признаков удивления, поздоровался мистер Кику.

— Какое там доброе? — Роббинс швырнул заместителю министра свежий номер «Кэпитэл таймс». — Видали?

— Нет. — Мистер Кику развернул газету.

— Двадцать три года в журналистике, и чтоб меня так обошли, да к тому же в собственном Министерстве.

Мистер Кику читал:

ИНОЗЕМНЫЕ АГРЕССОРЫ УГРОЖАЮТ

ВОЙНОЙ!!!

Они требуют заложников.

Столичный округ, 12 сентября… Министр по делам космоса Макклюре сообщил сегодня, что инопланетные пришельцы, известные под кличкой «хрошии», приземлившиеся недавно в столичном порту, под угрозой военных действий потребовали, чтобы Федерация…

Кику бегло просмотрел полосу. Сильно искаженный вариант его ответа хрошии приписывался министру Макклюре; не было ни малейшего намека на возможность мирного разрешения конфликта. В комментирующей заметке цитировалась беседа с начальником Генерального штаба. Тот заверял Землю и все планеты Федерации, что нет оснований опасаться наглых инопланетян. Южноазиатский сенатор хотел знать, какие шаги предприняты для того, чтобы… Кику пробежал глазами все, но на девяносто процентов полоса состояла из бессмысленной чепухи, куда входили очередной залп красноречия лиги «Сохраним Землю для людей» и передовица «На распутье». Присутствовало в газете и интер-

вью с миссис Мергитройд, однако мистер Кику так и не удосужился выяснить, на чьей стороне Пиджи-Виджи.

— Ну разве не бардак? — вопросил Роббинс. — Где вы прячете сигареты?

— Да, бумаги им, похоже, не жалко, — согласился мистер Кику. — В подлокотнике кресла для посетителей.

— И что прикажете теперь с этим делать? У меня просто челюсть отпала. Ну почему, почему никто ничего мне не рассказал?

— Одну секунду. — Мистер Кику наклонился над столом. — Охрана? А, О'Нейл… Разместите дополнительные силы специальной полиции вокруг шлюпки хрошии…

— Уже, босс. Только почему никто не сказал нам этого раньше?

— Вопрос по существу. Так вот, сколько бы у вас там ни было охраны, поставьте еще больше. Там не должно быть никаких беспорядков, и там не должно быть никаких инцидентов. Запустите в толпу столько обученных специалистов по снятию напряжения, сколько наскребете, а потом поищите дополнительных в других ведомствах. А затем уделите особое внимание организациям фанатиков… не всем, конечно, а ксенофобным.

Пока тихо?

— Ничего такого, с чем бы мы не могли справиться. Но за дальнейшее не ручаюсь. И мне все-таки кажется, что кто-нибудь должен сказать…

— Несомненно. Держитесь на связи со мной.

Кику повернулся к Роббинсу:

— А вы не знаете, откуда взялось интервью?

— Разве по мне это видно? Он собирался на прием в честь завершения трехсторонней конференции. Ничто не предвещало. Одобрил речь, которую я ему написал, потом я один экземпляр отдал ему, остальные раскидал по ребятам. Объяснил им, как и что подавать. Все были счастливы. Проснулся сегодня бодренький и веселый, будто мне девятнадцать, а не успел еще выпить кофе, как почувствовал себя на все сто пятьдесят. Не знаете, никому мое место не требуется? А то очень хочется податься в бичи.

— Мысль разумная. Вэс, давайте я вам объясню, как обстоят дела. Все это не для печати. Пока, до завершения истории. Так вот… — Кику беглыми штрихами обрисовал новый хрошианский кризис.

— Ясненько, — кивнул Роббинс. — А номер первый, значит, так вот взял и выдернул ковер у

вас из-под ног. Отличный партнер по команде.

— Ладно, надо бы с ним повидаться. Он здесь?

— Да. Я же вас за этим и ждал. Как поступим, вы будете держать, а я буду бить или наоборот?

— Хоть так, хоть так. Надеюсь, мы с ним справимся.

Министр был у себя, он встал, чтобы предложить им стулья. Роббинс ждал, что мистер Кику заговорит, но тот сидел совершенно неподвижно, с бесстрастным лицом, словно статуя, вырезанная из черного дерева.

Через некоторое время Макклюре нервно заерзал:

— Так что у вас, Генри? Понимаете, я сегодня очень занят… Я уже договорился с генеральным…

— Я думал, что вы пожелаете проинструктировать нас, господин министр.

— О чем?

— Сэр, вы читали утренние газеты?

— Ну… да.

— Произошло изменение курса политики. Помощник министра Роббинс и я хотели бы узнать основные черты этой новой политики.

— Какая еще новая политика?

— Ваша новая политика, в отношении хрошии,

господин министр. Или газеты все переврали?

— Э? Ну, не то чтобы переврали. Конечно, немного преувеличили. Но политика остается неизменной. Я просто сообщил народу то, что он имеет право знать.

— Народ имеет право знать. — Мистер Кику задумчиво свел вместе кончики пальцев. — Ну да, конечно. В системе, основанной на свободном согласии свободных людей, народ всегда имеет право знать. Просто старые бюрократы, вроде меня, иногда начинают забывать эти фундаментальные истины. Спасибо, что напомнили. — На какое-то мгновение мистер Кику погрузился в раздумья, а затем добавил: — Полагаю, теперь лучше всего будет исправить мою оплошность и рассказать народу все.

— Что? Что вы имеете в виду?

— Что? Да всю эту историю, господин министр. Как по нашему собственному невежеству и наплевательскому отношению к чужим правам — и в прошлом, и теперь — мы похитили представителя цивилизованной расы. Как по чистой случайности этот инопланетянин выжил. Как в результате всего этого нашей планете угрожают полным уничтожением и как в высшей степени разумный представитель дружественной плане-

ты — я имею в виду доктора Фтаемла — уверяет нас, что хрошии вполне способны выполнить свою угрозу. Необходимо будет рассказать также, что вчера мы были буквально на волосок от того, чтобы нанести удар по этим пришельцам, — только вот струсили немного и решили продолжить переговоры. Струсили оттого, что не знаем соотношения сил, нам не на что было опереться, кроме трезвого мнения доктора Фтаемла. Да, надо будет рассказать все это народу.

Рот и глаза министра Макклюре раскрывались все шире и шире.

— Господи помилуй, Генри! Вы что, хотите, чтобы начался бунт?

— Сэр, я уже предпринял меры для предотвращения волнений. Ксенофобия готова вспыхнуть всегда, а вот это… — он указал на газету, — сильно подзадорит некоторых. Не нужно, однако, чтобы вас останавливали такие мелочи. Просто мы, бюрократы, склонны к патернализму, ведь насколько проще сначала сделать то, что кажется наилучшим, а народу сообщить потом. Что бы мы там ни решили — вести переговоры, сбить корабль, да что угодно. Я думаю, вы, господин министр, ни на секунду не забывали, что этот самый Совет, членом которого вы являетесь, ответствен

не только перед Североамериканским Союзом и даже не только перед всеми народами Земли, но перед всеми суверенными членами Федерации и на Земле, и на прочих планетах?

— А при чем тут это? Ведь мы — ведущая держава.

— Кого, интересно, вы имеете в виду, говоря «мы»? Уж наверняка не мою маленькую страну. Так вот, я подумал, что теперь вопрос будет решаться голосованием в Совете и что этот Совет вполне может принять решение отдать одного малозаметного гражданина Северной Америки, чтобы избавиться от риска межзвездной войны. Очень интересно, как проголосует Марс?

Министр встал и несколько раз прошелся по кабинету. Кабинет был большой, в несколько раз больше, чем у мистера Кику. Он остановился в дальнем конце огромного помещения и посмотрел на видневшиеся за окном Башню трех планет и Дворец цивилизаций; мистер Кику молчал. Вэс Роббинс скрючился в кресле, далеко вытянув вперед свои сухопарые ноги. Он приводил в порядок ногти при помощи перочинного ножа. Ногти его, длинные, с черными каемками, явно нуждались во внимании. Неожиданно Макклюре резко повернулся к Кику:

— Послушай, Генри, крючкотвор ты хренов, меня на слабо́ не возьмешь.

— На слабо́, господин министр?

— Да, на слабо́. Ну конечно же, ты накрутил всегдашние свои фигли-мигли, но и я не первый раз замужем. Ты прекрасно знаешь, что если мы передадим прессе все эти никому не нужные подробности… всю эту чушь, которой тебя напичкал доктор… как его… Фатима?.. ну этот парджиллианский монстр… да, а ты еще угрожал рассказать журналистам, что я сдрейфил насчет атаки… вот это уже — чистый шантаж! Если сообщить им всю эту бурду, в Совете начнется такая свара, что на Плутоне будет слышно! Все правительства начнут посылать своим делегатам специальные инструкции, и вполне возможно, что наш земной блок проиграет голосование. И все вывалится в конце такой сложной трехсторонней конференции… это будет катастрофа. Это же будет полная катастрофа. — Макклюре смолк, чтобы перевести дыхание. — Так вот, на сей раз у тебя не пройдут эти штучки. Ты уволен! Понимаешь? Уволен! Я позабочусь, чтобы тебя убрали по какой-нибудь статье или отправили на пенсию, как уж там у вас это полагается. Но с тобой — конец, прямо с этой секунды. Я освобождаю тебя от обязанностей.

Отправляйся домой.

— Прекрасно, господин министр, — ровным голосом ответил мистер Кику и направился к выходу.

Наступившую тишину нарушил громкий щелчок сложенного перочинного ножа. Вэс Роббинс вскочил на ноги:

— Подождите, Генри. Мак…

Макклюре обернулся:

— Что? А с тобой-то что? И не называй меня Мак, здесь официальная обстановка. Я пока еще министр, как я только что объяснил Кику.

— Вот именно — пока, на ближайшие два-три часа.

— Что? Не смеши меня. Вэс, если ты и дальше намерен так разговаривать, придется и тебя уволить. Мистер Кику, вы свободны.

— Генри, подожди. А ты, Мак, кончай нести бредятину. Уволил он меня. Да я уже сам уволился десять минут назад. Мак, ты что, совсем сдурел? Я же знал тебя еще желторотым сенаторишкой, когда ты мечтал хоть о коротеньком упоминании твоей личности в колонке городских сплетен. Тогда ты мне нравился, у тебя был этот самый здравый смысл, большая редкость при таком роде занятий. А теперь ты готов меня вышвырнуть, и

ты мне совсем не нравишься. Послушай, ответь, Христа ради, чего это тебе так хочется перерезать себе глотку?

— Что? Нет, только не мою глотку. Я не такой идиот, чтобы позволять подчиненным резать мою глотку. Видал я такое, не раз видал. Только вот Кику не на того нарвался.

— Мак, похоже, что тебе все-таки очень хочется прикончить самого себя. — Роббинс печально покачал головой. — Может, ты лучше отрежешь Генри язык, пока до него не добрались газетчики? Хочешь мой ножик?

— Что-о? — Макклюре явно был потрясен. Он развернулся и резко крикнул: — Мистер Кику! Вы не имеете права разговаривать с прессой! Это приказ!

Роббинс откусил заусенец, сплюнул и сказал:

— Мак, да ради Христа! Ну как ты можешь одновременно и уволить Генри, и запретить ему говорить?

— Секреты Министерства…

— Черта лысого, а не секреты Министерства! Ну и что ты с ним сделаешь? Лишишь на основании закона о служебной тайне выходного пособия? Думаешь, его это остановит? У Генри не осталось ни страха, ни надежд, ни иллюзий, ты ничем его

не запугаешь. Все, что он может рассказать репортерам, тебе же и повредит, если ты объявишь это «секретом».

— Можно я тоже скажу пару слов? — спросил центр всей этой бури.

— А? Валяйте, мистер Кику.

— Благодарю вас, господин министр. У меня не было ни малейшего намерения посвящать прессу в наиболее неприятные аспекты этой истории. Я просто пытался продемонстрировать при помощи reductio ad absurdum,[86] что это правило, обо всем информировать общественность, как и любое другое правило, приведет к катастрофе, если бездумно ему следовать. Мне показалось, сэр, что вы вели себя неосторожно. Я надеялся удержать вас от дальнейших неосторожностей на то время, пока мы не подыщем подходящие средства исправить положение.

Макклюре внимательно изучил лицо своего заместителя:

— Вы это серьезно, Генри?

— Я всегда говорю серьезно. Это экономит много времени.

— Вот видишь, Вэс? — Макклюре повернулся

---

[86] notes: 86
Доведение до абсурда *(лат.)*.

к Роббинсу. — Ты выступил совсем не по делу. Может, у нас с Генри и есть какие-то расхождения во мнениях, но он очень порядочный человек. Послушайте, Генри, я, конечно, поспешил. Я действительно решил, что вы мне угрожаете. Давайте забудем, что я вам наговорил про вашу отставку, и займемся делом. Ну как?

— Нет, сэр.

— Что? Да ладно, не будьте мелочным. Я разозлился, я обиделся, я ошибся, я извинился. В конце концов на первом плане у нас должно стоять благосостояние общества.

Роббинс издал малопристойный звук; мистер Кику ответил очень спокойно:

— Нет, господин министр, это не сработает. После того как вы один раз уже меня уволили, я не смогу действовать уверенно на основании делегированных мне полномочий. А дипломату обязательно нужно иметь уверенность, иногда она — единственное его оружие.

— Мм… Ну, могу только сказать, что мне очень жаль. Поверьте, действительно жаль.

— Я верю вам, сэр. Позвольте мне сделать последнее и совершенно неофициальное предложение?

— Конечно, Генри.

— Мне кажется, что, пока вы подбираете себе новую команду, лучше всего справится с рутинной работой Кампф.

— Конечно, конечно. Если вы говорите, что он подходит, значит так оно и есть. Но только, знаете, Генри, мы назначим его временно, а вы подумайте еще. Пусть это будет отпуск по состоянию здоровья или что угодно.

— Нет, — холодно ответил мистер Кику и снова повернулся к выходу.

Но не успел он дойти до двери, как Роббинс громко сказал:

— Да успокойтесь вы оба. Мы еще не закончили. — Затем он повернулся к Макклюре. — Ты тут говорил, что Генри порядочный человек. Но только кое-что при этом забыл.

— Что?

— Что я — совсем не такой. — Роббинс продолжил: — Генри не может поступать непорядочно. А вот я вырос среди уголовников, мне на всякие тонкости начхать. Так что я соберу ребят и славно с ними побеседую. Расскажу им, где закопан труп, расскажу, кто перебил всю посуду и кто положил носки в кастрюлю.

— Если ты только вздумаешь самовольно дать интервью, — в ярости заорал Макклюре, — ты

до смерти своей не получишь никакой государственной работы!

— А ты мне не грози, тыква перезрелая. Я тебе не карьерный чиновник, я назначенец. Я не успею допеть свою песенку, как у меня будет своя колонка в «Столице вверх тормашками», я там буду делиться с публикой фактами из жизни наших сверхчеловеков.

— У тебя полностью отсутствует какая бы то ни было лояльность. — В голосе министра звучала горечь.

— Ну, от тебя, Мак, такое просто приятно услышать. А сам-то ты лоялен хоть к чему-нибудь? Если не считать твоей собственной политиканской шкуры.

— Ты не совсем справедлив, Вэс, — негромко вставил мистер Кику. — Министр был очень тверд, когда говорил, что нельзя жертвовать этим мальчиком, Стюартом, ради целесообразности.

— Хорошо, Мак, — кивнул Роббинс, — отдадим здесь тебе должное. Но ты готов был принести в жертву сорок лет службы Генри в интересах спасения своей мерзкой рожи. Не говоря уже о том, что, не посоветовавшись со мной, вылезать с этой рожей перед репортерами — только чтобы попасть на первые полосы газет. Мак, больше все-

го газетчики презирают тех, кто рвется попасть в заголовки. В стремлении увидеть свое имя на первой полосе и вправду есть что-то непристойное и отвратительное. Мне тебя не перевоспитать, да и желания особого нет, но я тебе обещаю: вскоре ты и вправду увидишь свое имя в заголовках, будь спок, и большими буквами. Но — в последний раз. Если только…

— Что ты имеешь в виду?

— Если только мы не соберем Шалтая-Болтая обратно.

— Каким образом? Слушай, Вэс, я сделаю что угодно, но в пределах разумного.

— Да уж конечно сделаешь. — Роббинс нахмурился. — Есть вполне очевидный путь. Мы можем подать им на блюде голову Генри. Свалить на него всю вину за вчерашнее интервью. Он дал тебе плохой совет. Его уволили, и теперь везде тишь да гладь да божья благодать.

Мистер Кику кивнул:

— Именно так я себе это и представлял. С радостью приму участие… если только будут приняты мои рекомендации по завершению истории с хрошии.

— Рано радуешься, Мак! — прорычал Роббинс. — Это вполне очевидное решение, и оно

сработает. Сработает потому, что у Генри есть чувство долга перед чем-то большим, чем он сам. Но мы не будем этого делать.

— Но если Генри согласен, то в высших интересах…

— Прекрати. На блюде будет голова, но не Генри, а твоя.

Их взгляды встретились. Через некоторое время Макклюре медленно произнес:

— Если это твой план, Роббинс, то можешь об этом забыть и мотать отсюда. Хотите драку — вы ее получите. Первая статья, которая появится в печати, расскажет, как мне пришлось уволить вас двоих за нелояльность и некомпетентность.

— Я очень надеялся, что так ты себя и поведешь. — В ухмылке Роббинса была явная угроза. — Вот позабавимся-то. Но может, ты послушаешь сначала, как это можно сделать?

— Валяй.

— Ты можешь уйти тихо или со скандалом. В любом случае ты уходишь. А теперь заткнись и дай мне договорить! Тебе конец, Мак. Я не считаю себя самым главным ксенологом, но даже мне видно, что нашей цивилизации не по карману твой провинциально-политиканский подход к тонким отношениям с негуманоидными расами.

Так что с тобой покончено. Вопрос только один: ты предпочитаешь уйти по-плохому? Или ты сам по-хорошему уйдешь и о тебе напишут парочку хвалебных примечаний в книгах по истории?

Макклюре глядел на Роббинса с ненавистью, однако не прерывал его.

— Если ты вынудишь меня рассказать все, что я знаю, возможны два варианта. Генеральный секретарь или бросит тебя на растерзание, или решит поддержать тебя, рискуя при этом получить вотум недоверия в Совете. Каковой он, без всякого сомнения, и получит. Первым, с колоссальной радостью, от него отвернется Марсианское содружество, за Марсом последует Венера, а далее к ним присоединятся дальние колонии и ассоциированные ксенические культуры. В конечном итоге большинство земных наций потребуют, чтобы Североамериканский Союз сдал своего гражданина для предотвращения развала Федерации. Для этого только и надо — толкнуть первую костяшку домино, остальные повалятся сами. А кто будет похоронен под их кучей? Да ты, Мак. После этого тебя не изберут даже собачником. Но есть и безболезненный путь. Ты подаешь в отставку, но мы пару недель не сообщаем об этом. Как думаешь, Генри, хватит

нам двух недель?

— Думаю, более чем достаточно, — очень серьезно согласился мистер Кику.

— Эти две недели ты даже нос себе не будешь вытирать без разрешения Генри. Ты слова не скажешь без моего разрешения. А затем ты уйдешь в отставку, в блеске славы после успешного завершения проблемы с хрошии, которое увенчает твою карьеру. Может быть, мы даже придумаем способ пропихнуть тебя наверх, на какой-нибудь роскошный пост… если ты, конечно, будешь паинькой. Как, Генри?

Мистер Кику молча кивнул.

Макклюре перевел взгляд с бесстрастного лица Кику на лицо Роббинса, полное презрения.

— Вы это все тщательно спланировали, — с горечью сказал он. — А вот если я возьму да и пошлю вас куда подальше?

— Поверьте, в конечном итоге это не будет иметь значения. — Роббинс широко зевнул. — После отставки правительства новый генеральный секретарь вызовет Генри из отставки, на твое место посадят надежного безопасного человека, а Генри продолжит свои старания перехитрить хрошии. Ну, потеряем три дня, а повезет — так и меньше. Отмывать тебя добела будет значи-

тельно труднее, но мы хотим оставить тебе хоть такой выход. Верно, Генри?

— Я думаю, что так было бы лучше. Не стоит перетряхивать грязное белье на людях.

Макклюре пожевал нижнюю губу:

— Я обдумаю ваше предложение.

— Вот и хорошо! А я посижу тут, пока ты его обдумываешь. Генри, почему бы тебе не вернуться на рабочее место? Зуб даю, этот твой хитрый стол весь горит огнями, как рождественская елка.

— Хорошо. — Мистер Кику вышел из кабинета.

* * *

Его стол не был похож на рождественскую елку, он, скорее, напоминал праздничный фейерверк; на нем горели десятка полтора желтых лампочек и яростно мигали сразу три красные. Кику разобрался с неотложными делами, спихнул со своих плеч дела помельче и начал разбирать завал, накопившийся в корзине. Он подписывал бумаги одну за другой, нимало не заботясь, законна ли еще его подпись.

Кику как раз накладывал вето на выдачу паспорта очень видному лектору — в прошлый раз, когда этот идиот оказался вне Земли, он вломился в храм и устроил там фотосессию, — но тут в

кабинет вошел Роббинс и торжествующе кинул на стол бумагу:

— Вот его отставка. Тебе лучше сразу переговорить с генеральным секретарем.

— Обязательно, — согласился Кику, взяв бумагу.

— Мне не хотелось, чтобы ты видел, как я выкручиваю ему руки. Человеку трудно признавать поражение при свидетелях. Ты же понимаешь?

— Да.

— Пришлось напомнить ему ту историю, когда мы его покрыли. Ну, насчет договора с Кондором.

— Жаль.

— Не надо проливать по нему слезы. Хорошенького понемногу. Сейчас я напишу речь, которую он произнесет перед Советом. Потом найду ребят, с которыми он говорил вчера, и буду умолять их ради блага любимой старушки-планеты, чтобы в следующих статьях они придерживались правильной линии. Им это вряд ли понравится.

— Пожалуй.

— Но они согласятся. Нам, людям, надо держаться друг друга, против нас большой численный перевес.

— Мне тоже всегда так казалось. Спасибо, Вэс.

— Заходите еще. А одну вещь я ему так и не

сказал.

— Да?

— Не стал напоминать, что мальчишку зовут Джон Томас Стюарт. Я не уверен, что, имея в виду этот факт, Марсианское Содружество стало бы возникать. Совет мог бы и поддержать Мака, а у нас появилась бы отличная возможность выяснить, могут ли эти хрошианские ребята сделать то, чем грозятся.

— Я тоже думал об этом, — кивнул Кику. — Но для такого напоминания был не очень подходящий момент.

— Не очень. Просто удивительно, как часто бывает, что самое лучшее — не разевать варежку. Чему ты улыбаешься?

— Я подумал, — объяснил мистер Кику, — как хорошо, что хрошии не читают наших газет.

Глава 14
«Судьба? Чушь собачья!»

А вот миссис Стюарт газеты читала. У Гринберга были большие трудности с тем, чтобы убедить ее приехать в столицу и привезти сына, потому что он не мог ей объяснить, зачем это нужно. Но все же он ее убедил, и она согласилась вылететь на следующее утро.

На следующее утро, когда Гринберг заехал за ними, оказалось, что теперь он персона нон грата. Она клокотала от ярости и молча сунула ему в руки газету. Гринберг бросил взгляд на название и сказал:

— Да, я уже видел ее в отеле. Это все вздор, разумеется.

— Вот я и пытаюсь сказать это маме, — угрюмо сказал Джон Томас. — Только она меня не слушает.

— Тебе лучше бы помолчать, Джон Томас! Ну так что, мистер Гринберг? Что вы можете сказать в свое оправдание?

Никакого складного ответа у Гринберга не было. Увидев газету, он сразу попытался связать-

ся со своим боссом, однако Милдред ответила, что мистер Кику и мистер Роббинс у министра и их нельзя беспокоить. Гринберг сказал, что позвонит попозже; у него появилось нехорошее подозрение, что неприятности начались не только у него одного.

— Миссис Стюарт, вам, вероятно, хорошо известно, что сообщения в новостях часто искажаются. Речь не шла о заложниках и…

— Как можете вы говорить мне в глаза такое, когда в газете все ясно сказано. Это же интервью с министром по делам космоса. Кто об этом лучше знает? Вы или министр?

У Гринберга было свое мнение на этот счет, но он не осмелился его высказать.

— Ради бога, миссис Стюарт, не надо принимать за чистую монету все, что пишут в газетах. Эти дикие сообщения не имеют к делу никакого отношения. Я просто прошу вас поехать в столицу и побеседовать немного с заместителем министра.

— Как бы не так! Если заместителю министра хочется со мной поговорить, пусть сам сюда и приезжает.

— Мадам, если возникнет необходимость, он обязательно так и сделает. Мистер Кику — джентльмен старых понятий; он не стал бы

просить леди приехать к нему, если бы не груз общественных забот. Вам, вероятно, известно, что как раз сейчас происходит межпланетная конференция?

— Я взяла себе за правило никогда не интересоваться политикой, — самодовольно ответила она.

— А вот некоторым приходится, — вздохнул Гринберг. — Из-за этой конференции мистер Кику сейчас не может прилететь сюда сам. У нас была надежда, что вы, из чувства гражданского долга, прилетите к нему в столицу.

— И я согласилась, мистер Гринберг, не хотела, но согласилась. А теперь вижу, что вы меня обманывали. Откуда мне знать, а вдруг там ловушка? Заговор с целью выдать моего сына этим чудовищам?

— Я могу заверить вас, мэм, заверить честным словом офицера Федерации…

— Пожалейте себя, мистер Гринберг. А теперь, если вы не возражаете…

— Миссис Стюарт, я вас умоляю. Если вы только…

— Мистер Гринберг, не вынуждайте меня, пожалуйста, говорить гостю грубости. Но, кроме них, мне нечего вам больше сказать.

И мистер Гринберг отступил. Он оглянулся, намереваясь вовлечь в разговор мальчика, но тот потихоньку улизнул. Гринберг не собирался возвращаться в столицу с невыполненной миссией, просто не видел смысла продолжать спор с миссис Стюарт, пока она немного не поутихла. Чтобы не встречаться с репортерами, он попросил пилота такси высадить его на крыше отеля, однако и там его поджидал человек с микрофоном.

— Полминутки, мистер уполномоченный. Моя фамилия Хови. Вы можете сказать пару слов относительно заявления министра Макклюре?

— Без комментариев.

— Другими словами, вы с ним согласны?

— Без комментариев.

— То есть вы не согласны?

— Без комментариев. Послушайте, я очень спешу. — Что было святой правдой; ему не терпелось позвонить и выяснить наконец, какого черта там происходит.

— Еще секундочку, пожалуйста. Все-таки Вествилл непосредственно связан с этой историей; я хотел бы иметь материал прежде, чем наша центральная контора пришлет сюда тяжеловесов, которые отпихнут меня в сторону.

Гринберг немного расслабился. Какой смысл

настраивать прессу против себя, да к тому же этот парень прав: уж он-то знал, что чувствуешь, когда присылают кого-то постарше, чтобы решить проблему, которой ты занимался.

— Ладно. Только покороче, я действительно спешу. — Он вынул сигареты. — Спички есть?

— Конечно. — Они закурили, после чего Хови продолжил: — Тут у нас поговаривают, что все это громыхание министра — просто дымовая завеса, а вы приехали сюда, чтобы забрать мальчика Стюарта и передать его хрошии. Что вы можете сказать на этот счет?

— Без ком… Нет, этого не пишите. Скажите вот что, ссылаясь на меня. Ни один гражданин Федерации никогда не передавался и не будет передаваться в качестве заложника ни одной чужой державе.

— Это официально?

— Это совершенно официально, — твердо сказал Гринберг.

— А что вы тогда здесь делаете? Я понял так, что вы пытаетесь увезти мальчишку Стюарта и его мать в столицу. А столичный анклав не является, в смысле закона, частью Североамериканского Союза, ведь правда? И если вы его туда заполучите, наши местные и национальные власти не

смогут его защитить.

Гринберг возмущенно замотал головой:

— Любой гражданин Федерации у себя дома, когда находится на территории анклава. У него сохраняются все права, которые он имел в родной стране.

— А зачем же вы хотите его туда вывезти?

— Джон Томас Стюарт, — быстро и без малейшей запинки соврал Гринберг, — знаком с психологией хрошии так, как ни один человек на свете. Мы хотим, чтобы он помог нам при переговорах.

— Вот это уже понятнее. «Вествиллский мальчик назначен дипломатическим атташе». Годится для заголовка?

— Звучит неплохо, — согласился Гринберг. — Ну как, хватит? А то мне и вправду некогда.

— Хватит, — смилостивился Хови. — Я смогу раздуть это на тысячу слов. Спасибочки, уполномоченный. До скорого.

Гринберг спустился к себе в номер, запер дверь и повернулся к телефону, намереваясь позвонить в Министерство, но тут аппарат ожил. На экране появилось лицо шефа Драйзера.

— Мистер уполномоченный Гринберг…

— Как поживаете, шеф?

— Ничего, спасибо. Но, мистер Гринберг, мне только что позвонила миссис Стюарт.

— Да? — Гринбергу вдруг смертельно захотелось проглотить одну из пилюль, которыми пробавлялся мистер Кику.

— Мистер Гринберг, мы ведь всегда стремились сотрудничать с вами, джентльмены.

— Правда? — Гринберг сделал встречный выпад. — Так это значит, вы сотрудничали с нами, когда пытались убить хрошиа, не дожидаясь утверждения приговора?

Драйзер побагровел:

— Это была ошибка. Она не имеет никакого отношения к тому, что я сейчас скажу.

— И что же вы скажете?

— У миссис Стюарт пропал сын. Она подозревает, что он у вас.

— Вот как? Она ошибается. Я не имею представления, где он.

— Это точно, мистер уполномоченный?

— Шеф, я не привык, чтобы меня называли лжецом.

— Простите, пожалуйста. Но мне нужно добавить, — упрямо продолжал Драйзер, — миссис Стюарт не желает, чтобы ее сын покидал город. И полицейское управление поддерживает ее на все

сто процентов.

— Естественно.

— Поймите меня правильно, мистер уполномоченный. Вы, конечно, очень важное официальное лицо. Но если вы нарушите закон, вы такой же гражданин, как и любой другой. Я читал эти статьи в газетах, и они мне не понравились.

— Шеф, если вы обнаружите, что я занялся чем-то незаконным, — я призываю вас исполнить свой долг.

— Я так и сделаю, сэр. Обязательно.

Гринберг отключился, начал было набирать номер, но передумал. Если у босса есть новые инструкции, он пришлет их сам, а Кику откровенно презирал полевых агентов, бегущих к мамочке за советом, чуть только ветер дунет в другую сторону. Надо изменить настроение миссис Стюарт — или уж засесть здесь на всю зиму.

Пока он раздумывал, телефон снова ожил. Гринберг ответил и обнаружил перед собой лицо Бетти Соренсон. Она улыбнулась и сказала:

— Здравствуйте, с вами говорит мисс Смит.

— Хм… Как поживаете, мисс Смит?

— Спасибо, хорошо. Только немного суматошно. Я звоню по поручению своего клиента, мистера Брауна. Его убеждают совершить некую поездку.

Он желает выяснить одно обстоятельство: у него есть друг в городе, куда его отправляют; будет ли ему позволено повидаться с другом, если он примет предложение?

Гринберг торопливо обдумывал ситуацию. Хрошии облепят Ламмокса, как мухи. Пустить туда мальчика? Это может быть опасно, да и Кику такого намерения не имел, это точно.

А какого, собственно, черта? Если уж будет нужно, полиция сможет накрыть иммобилизующим полем весь космопорт. В конце концов, нет в этих хрошии ничего сверхчеловеческого.

— Скажите мистеру Брауну, что он встретится со своим другом.

— Большое спасибо. Да, еще, мистер Джонс, где ваш пилот может нас забрать?

Гринберг опять помедлил.

— Пожалуй, мистеру Брауну было бы лучше воспользоваться коммерческой линией. Одну секунду. — Он нашел авиационное расписание, валявшееся в номере. — Тут есть рейс, отправляющийся из аэропорта примерно через час. Он успеет к нему?

— Да, пожалуй. Но только… понимаете, тут еще денежный вопрос.

— Понятно. Предположим, я выдам вам неболь-

шую ссуду. Именно вам, а не мистеру Брауну.

— Это было бы чудесно. — Лицо Бетти расплылось в улыбке.

— А как это сделать, у вас есть какие-нибудь предложения?

Предложение у Бетти было. Закусочная напротив центральной городской школы под названием «Шоколадный бар». Через несколько минут Гринберг уже сидел там, потягивая из бокала молочно-шоколадную бурду. Появилась Бетти, он передал ей конверт, и та сразу же ушла. Гринберг просидел в баре ровно столько, сколько мог выдержать созерцание содержимого бокала, а затем вернулся в отель.

Выждав еще два часа, он позвонил миссис Стюарт:

— Мне только что сообщили, что ваш сын самостоятельно отправился в столицу. — Подождав, пока она хоть немного не затихнет, Гринберг добавил: — Миссис Стюарт, я все еще нахожусь в Вествилле, но очень скоро вылетаю в столицу. Вы не хотели бы составить мне компанию? Моя машина гораздо быстрее рейсовых лайнеров.

Через полчаса они вылетели.

* * *

Мистер Кику впервые встретился с Джоном Томасом Стюартом. Он годился Джонни в дедушки, однако обращался с ним как с равным, поблагодарил за приезд и предложил подкрепиться. Потом мистер Кику рассказал вкратце, что Ламмокс отказывается вернуться домой, если только с ним вместе не полетит Джон Томас.

— А для хрошии крайне важно, чтобы Ламмокс вернулся. Важно это и для нас, хотя и по иным причинам.

— Вы хотите сказать, — в лоб спросил его Джон Томас, — что они нападут на нас, если я не полечу? Так написано в газетах.

Мистер Кику едва заметно помедлил:

— Могут. Но я хотел поговорить с вами не из-за этого. Не думаю, чтобы хрошии что-нибудь предприняли, если ваш друг Ламмокс будет против, а Ламмокс будет против, задумай они что-нибудь, представляющее опасность для вас, ну, например удар по нашей планете.

— О, это уж точно, если только Ламми кто-нибудь послушает. Но только чего это ради его будут слушать? Он что, королевская особа или что-то вроде того?

— Пожалуй, «королевская особа» здесь вполне подходит, хотя мы не знаем толком их обычаев. Каков бы ни был его статус, желания Ламмокса весьма важны для них.

— Смешно. — Джон Томас удивленно покачал головой. «А ведь как я его шпынял».

— В любом случае я не прошу вас спасать нас от войны. Я думаю о возможных положительных результатах, а не об отрицательных, мы хотим установить с этим народом дружественные отношения. Я пригласил вас сюда, чтобы узнать, чего вы сами хотите. Если у вас появится возможность отправиться вместе с Ламмоксом на их планету — она называется Хрошиюд, — что вы на это скажете? Подумайте хорошенько, не обязательно отвечать сразу.

Джон Томас сглотнул комок:

— А мне не надо ничего обдумывать. Конечно я полечу.

— Не торопитесь.

— Я и не тороплюсь. Ламми без меня не может. С чужими ему всегда плохо. Да и вообще, он хочет, чтобы я летел. Вы же не думаете, что я могу его подвести, правда?

— Не думаю. Однако это — серьезный шаг. Вы улетите почти на тысячу световых лет от дома.

Джон Томас пожал плечами:

— Мой прадедушка туда летал. Почему бы и мне не слетать?

— Мм… пожалуй, да. Я все забываю о вашем происхождении. Но неужели вам не интересно, кто еще из людей полетит вместе с вами? И вообще — полетит ли кто-нибудь из людей?

— А? — Джон Томас немного поразмыслил. — Ну, эти детали, наверное, кто-нибудь продумает. Это не мое дело.

— Мы все продумаем, — сказал Кику. Он встал. — Большое спасибо, что вы приехали.

— Не за что, сэр. А… а когда я смогу увидеть Ламмокса?

Мистер Кику поджал губы:

— Не сейчас. Сначала мне надо кое-что уладить. А тем временем — отдыхайте. Я выделю человека, который покажет вам город и будет за все платить. Заодно он будет вашим телохранителем.

— Телохранителем? А зачем? Я уже взрослый.

— Да, вы взрослый. Но, не говоря о всем прочем, я не хочу, чтобы вы беседовали с репортерами. Вы не возражаете? Вообще-то, я не могу вам этого приказать.

— Нет-нет, мистер Кику. Если так надо…

— Так надо.

* * *

Джона Томаса мистер Кику принимал у себя в кабинете, за рабочим столом. Миссис Стюарт он принял в роскошно обставленной комнате, лишенной стола для заседания, где все было специально спроектированно тонкими психологами, чтобы производить впечатление на посетителей. Мистер Кику предвидел, что разговор будет тяжелым.

Он оттягивал его чаем, формальными любезностями, вынуждая ее говорить о пустяках.

— Было в высшей степени любезно с вашей стороны, мадам, навестить нас. Сахар? Лимон?

— Мм… Ни того ни другого, спасибо. Мистер Кику, я хотела бы сразу прояснить…

— Попробуйте эти пирожные. Мистер Гринберг хорошо вас устроил?

— Что? О да, прекрасный номер, с видом на Райские сады. Однако, мистер Кику…

— Мне было крайне неловко просить вас приехать. Но я просто прикован к своей работе. Понимаете, — он беспомощно развел руками, — иногда я просто не властен покинуть столицу.

— Думаю, это можно понять. Так вот…

— Я высоко ценю вашу готовность помочь нам.

Вы можете оставаться здесь столько, сколько пожелаете, в качестве официального гостя. Столица стоит того, чтобы ее посмотреть, даже если вы ее видели неоднократно… в чем я не сомневаюсь. И магазины у нас здесь, как я слышал, великолепные.

— Ну, по правде говоря, я не бывала здесь раньше. А некоторые из магазинов действительно выглядят очень заманчиво.

— И очень хорошо, мадам. Дела не должны мешать вам проводить время в свое удовольствие. Кстати, о делах. У меня был разговор с вашим сыном.

— Мистер Кику…

— Вы простите меня, если я буду очень краток. Мы посылаем на родную планету этих хрошии обширную культурную и научную делегацию. Я хочу послать и вашего сына в качестве специального атташе. Он уже дал свое согласие. — Кику замолчал, ожидая взрыва.

— Это совершенно немыслимо! Об этом не может быть и речи!

— Но почему, миссис Стюарт?

— Мистер Кику, да есть ли в вас хоть что-нибудь человеческое? Я же прекрасно понимаю, что вы задумали. Вы хотите передать моего ребенка,

моего единственного сына в заложники этим чудовищам. У меня просто нет слов!

— Мэм, — покачал головой замминистра, — вас ввела в заблуждение газетная утка. Вы знакомились с последующими публикациями? С речью министра в Совете?

— Нет, но все равно…

— Я пошлю вам экземпляр. Там подробно объясняется, каким образом эта чушь попала в газеты. Кроме того, там подтверждается древняя политика Федерации — «все за одного», а если придется, то даже против всей Галактики. В данном случае этот «один» — ваш сын, а за него — все многочисленные планеты Федерации. Однако такая проблема даже не возникает, ваш сын поедет к дружественному народу в составе мирной делегации. Он поможет возведению культурного моста, который свяжет две цивилизованные, но очень непохожие расы.

— Хм! Но в газете говорилось, что эти хрошии требовали передать им моего сына. Объясните мне это, если вы, конечно, можете!

— Трудности перевода. Они просили обязательно прислать вашего сына, но делали это по инициативе хрошиа, которая провела многие годы в вашем доме, — Ламмокса. Причина в том, что

Ламмокс глубоко привязался к Джону Томасу. Их дружба, презревшая различия происхождения, внешний вид, склад ума, — одно из счастливейших событий в жизни человечества с тех пор, как выяснилось, что мы не одни у Всевышнего. Эта почти невероятная дружба позволит нам в один прыжок преодолеть глубочайшую бездну взаимного непонимания, на что обычно уходят годы и годы бесплодных попыток и трагических ошибок. — Тут Кику сделал паузу. — Я борюсь с искушением сказать, что эта дружба — дар судьбы.

Миссис Стюарт возмущенно фыркнула:

— Судьба? Чушь собачья!

— Вы в этом уверены, мэм?

— Я уверена в другом: мой сын никуда не полетит. Через неделю он поступит в колледж, где ему и надлежит быть.

— Так вас, мэм, беспокоит его образование?

— Что? Ну конечно! Я хочу, чтобы он получил приличное образование. Так хотел его отец, оставивший на это деньги, и я намерена позаботиться о выполнении его воли.

— Тогда вы можете успокоиться. В дополнение к посольству мы направляем к хрошии культурную миссию, научную миссию, экономическую

и торговую миссию, а также целый ряд специалистов, все — высшей квалификации. Ни один колледж не в состоянии пригласить на работу такое созвездие талантов, даже крупнейшие институты с трудом могут с ним равняться. Вашего сына будут учить не от случая к случаю, а систематически. Если он заслужит степень, она будет присуждена ему… э-э-э… Институтом внеземных наук. — Мистер Кику улыбнулся. — Вас это устраивает?

— Никогда не слыхала о таком странном методе образования. Но в любом случае институт — это не колледж.

— Он имеет право присваивать степень. А если я ошибаюсь — мы изменим его устав. Но все эти степени, мадам, ничего не значат. Главное, что ваш сын получит великолепное, не имеющее себе равных высшее образование. Насколько я понял, он собирается изучать ксенологию. Ну так у него не только будут преподаватели, он будет прямо жить в новой полевой ксенологической лаборатории и принимать участие в исследованиях. Мы крайне мало знаем про хрошии; он будет работать на переднем крае науки.

— Джон Томас не будет изучать ксенологию.

— Как? Но он ведь так сказал мистеру Грин-

бергу.

— Да, у него была эта глупая идея, но я не намерена ей потакать. Он будет изучать что-нибудь серьезное, возможно — юриспруденцию.

Мистер Кику высоко поднял брови.

— Ради бога, миссис Стюарт, — молящим голосом сказал он, — только не это. Вот я, например, юрист. Он может в результате оказаться в моем кресле.

Она взглянула на мистера Кику с подозрением.

— Не могли бы вы сказать мне, — продолжил он, — почему вы хотите обязательно ему помешать?

— Но не могу же я… Нет, я не вижу причины оправдываться перед вами. Мистер Кику, этот разговор бесполезен.

— А я надеюсь, что нет, мадам. Можно я расскажу вам одну историю? — Сочтя ее молчание за знак согласия, он продолжил: — Эти хрошии совершенно не похожи на нас. Обычное для нас — очень странно для них, и наоборот. Наверное, единственное, что нас сближает, — это наличие интеллекта. Нам они кажутся такими недружелюбными, такими чужими, что я впал в полное отчаяние, если бы не одно обстоятельство. Как вы думаете какое?

— Что? Понятия не имею.

— Ваш сын и Ламмокс. Они доказывают своим примером, что, если копнуть поглубже, возможности все-таки есть. Но я отвлекся. Сотню с лишним лет назад молодая хрошиа встретила дружелюбного незнакомца и улетела вместе с ним. Вы знаете нашу, человеческую часть этой истории. Позвольте мне рассказать вам другую половину, насколько я узнал ее с помощью переводчика и наших ксенологов. Эта маленькая хрошиа была чрезвычайно для них важна; они очень хотели ее вернуть. У них все не так, как у нас; производя потомство, они сложным образом сочетают шесть различных генетических структур, нам в этом еще разбираться и разбираться. Этой маленькой хрошиа была предназначена вполне определенная роль — роль, спланированная больше двух тысячелетий назад, примерно во времена Христа. И эта роль является обязательным звеном более обширного плана — плана улучшения расы, который действует, как мне сказали, уже тридцать восемь тысяч земных лет. Вы можете охватить это умом, миссис Стюарт? Лично я — нет. План, составленный тогда, когда кроманьонцы боролись с неандертальцами за главенство на этой планете. Возможно, наши

трудности понимания происходят из того, что человечество — самая молодая из всех известных нам разумных рас. Что бы делали мы, если бы ребенок пропал более чем на столетие? Бессмысленно говорить об этом, наши действия ничем не напоминали бы поведение хрошии. Они не очень беспокоились о том, как она там живет, они не считали ее погибшей — просто попавшей куда-то не туда. Эти существа так просто не умирают, даже от голода. Слыхали вы когда-нибудь о плоских червях? О планариях?

— Мистер Кику, я никогда не имела ни малейшего интереса к ксенобиологии.

— Я совершил ту же ошибку, мэм, я спросил: «А с какой они планеты?» Планарии — наши с вами родственники; на Земле во много раз больше плоских червей, чем людей. Я говорю о планариях потому, что у них есть одна особенность, общая с хрошии: и те и другие растут, если много едят, и уменьшаются в размерах, когда голодают. Кроме того, и те и другие практически бессмертны, если только не вмешается несчастный случай. Сначала я недоумевал, почему Ламмокс значительно крупнее своих соплеменников. Причина элементарна — вы слишком много его или, точнее, ее кормили.

— Сколько раз я говорила об этом Джону Томасу!

— Ничего страшного. Они уже посадили ее на голодную диету. Похоже, хрошии даже не рассердились на нас за похищение или, скажем так, за сманивание своего детеныша. Они хорошо ее знали — живой, склонный к приключениям характер был генетически предопределен. Они не сердились, но хотели получить ее назад; они искали год за годом, следуя единственному имевшемуся у них ключу, — она, видимо, улетела с определенной группой космических пришельцев. Они знали, на что похожи эти пришельцы, но не знали, откуда они.

Нас это поставило бы в тупик, но не их. У меня есть смутное предположение, что то столетие, которое они потратили на проверку слухов, задавание вопросов, осмотр незнакомых планет, было для них чем-то вроде нескольких месяцев для нас. В конце концов они ее нашли. И снова они не сердились на нас, ровно как и не испытывали благодарности. Мы просто ничего для них не значили. И это было бы нашим единственным контактом с великими хрошии, не вмешайся в дело неожиданное обстоятельство: хрошиа, сильно подросшая за это время, но все еще со-

всем юная, отказывается лететь домой без своего чудовищного — разумеется, с их точки зрения — дружка. Это просто ужасно, но они не могут ее заставить. Вы себе только представьте. Такое разочарование — брачный союз задуман тогда, когда Цезарь воевал с галлами, все уже готово, остальные партнеры достигли зрелости и тоже готовы… и тут Ламмокс отказывается лететь домой. Ничуть не интересуясь своим высоким предназначением — не забывайте, она еще очень молода, у наших детей тоже не очень рано появляется чувство социальной ответственности. Как бы то ни было, она с места не сдвинется без Джона Томаса Стюарта. — Мистер Кику развел руками. — Теперь вы видите, в какое они попали положение.

— Весьма сожалею, — миссис Стюарт поджала губы, — но это не мое дело.

— Совершенно верно. Думаю, в таком случае самое простое — позволить Ламмоксу вернуться домой, я имею в виду ваш дом, и…

— Как? Ни в коем случае!

— Мэм?

— Вы не имеете права посылать эту тварь назад! Я не потерплю этого.

— Я не очень понимаю вас, мэм. — Мистер Кику

задумчиво погладил свой подбородок. — Право, не понимаю. Это же дом Ламмокса; этот дом был ее домом значительно дольше, чем вашим, думаю — раз в пять дольше. И если я не ошибаюсь, этот дом принадлежит не вам, а вашему сыну. Верно?

— Все это не имеет отношения к делу! Вы не имеете права спихивать на меня эту тварь!

— Суд вполне может постановить, что решать это должен ваш сын. Но только зачем заходить так далеко? Я просто пытаюсь понять, почему вы так резко настроены против благополучия собственного сына?

Миссис Стюарт не отвечала, она сидела, глядя перед собой и тяжело дыша. Мистер Кику ее не торопил. В конце концов она ответила:

— Мистер Кику, я отдала космосу мужа; я не хочу, чтобы мой сын пошел по тому же пути. Я хочу сделать все, чтобы он оставался и жил на Земле.

Кику печально покачал головой:

— Миссис Стюарт, мы всегда теряем сыновей, теряем их с самого начала.

Она достала носовой платок и промокнула глаза:

— Я не могу отпустить его в космос, он всего лишь маленький мальчик!

— Он уже мужчина, миссис Стюарт. Мужчины

моложе его погибали в бою.

— И вы думаете, что это в мужчине главное?

— Я не знаю лучшего критерия.

— Я называю своих помощников «мальчики», — продолжил мистер Кику, — потому что сам я старик. Вы считаете своего сына мальчиком потому, что вы по сравнению с ним старая женщина. Простите. Но считать, что мальчик становится мужчиной только после какого-то определенного дня рождения, — чисто бюрократическая фикция. Ваш сын — мужчина; у вас нет морального права держать его у своего подола.

— Вы говорите совершенно ужасные вещи. Все не так. Я просто хочу помочь Джону Томасу, направить его на верный путь.

— Мадам, — мрачно усмехнулся мистер Кику. — Мадам, самая распространенная слабость нашей расы — склонность давать рациональные объяснения своим самым эгоистичным намерениям. Повторяю, у вас нет права формировать его по своему образу и подобию.

— Я имею на это больше прав, чем вы! Я его мать.

— А разве «родители» — то же самое, что и «владельцы»? Впрочем, не важно. Мы с вами находимся на противоположных полюсах: вы

пытаетесь помешать ему, а я помочь ему сделать то, что он хочет.

— Из самых низменных побуждений!

— Мои побудительные мотивы не имеют значения, ровно как и ваши. — Мистер Кику встал. — Вы совершенно правы, этот разговор бесполезен. Я очень сожалею.

— Я не пущу его! Он еще несовершеннолетний… у меня есть на него права.

— Весьма ограниченные права, мэм. Он ведь может и порвать отношения с вами.

Она ахнула:

— Он не посмеет! Я же его мать!

— Возможно. Но наши суды по делам несовершеннолетних давно уже смотрят крайне косо на произвольное использование родительской власти. Дела по принуждению в выборе профессии обычно рассматриваются буквально за несколько минут. Миссис Стюарт, не сопротивляйтесь тому, что неизбежно. Не надо заходить слишком далеко в противодействии вашему сыну, иначе вы просто его потеряете. Он полетит.

Глава 15
Недипломатические отношения

Мистер Кику вернулся в свой кабинет с мучительными спазмами в желудке, но заниматься ими было некогда; перегнувшись через стол к микрофону, он сказал:

— Сергей, зайди, пожалуйста.

Войдя, Гринберг первым делом положил на стол две магнитофонные кассеты:

— Фу. До чего приятно от них избавиться.

— Сотри, пожалуйста. И забудь, что ты их когда-нибудь слушал.

— С радостью. — Гринберг опустил кассеты в щель стола. — Какого черта, босс, неужели нельзя было это сделать как-нибудь под наркозом?

— К сожалению, никак.

— Вэс Роббинс был довольно груб. Я чувствовал, будто подглядываю в замочную скважину. А зачем мне было их слушать? Я же не имею никакого отношения ко всей этой пакости. Или имею?

— Нет. Но когда-нибудь тебе может потребоваться знать, как такое делается.

— Мм… босс… а вы и вправду думали смирить-

ся, когда он вас уволил?

— Не задавай дурацких вопросов.

— Простите. А как у вас дела с этой непробиваемой дамочкой?

— Она его не отпускает.

— Ну и?

— Ну и он летит.

— Она устроит дикий визг перед репортерами.

— Да уж, не сомневаюсь. — Мистер Кику наклонился к столу. — Вэс?

— Мистер Роббинс уехал на похороны венерианского министра иностранных дел, — ответил женский голос. — Вместе с министром.

— Ах да. Попросите его, пожалуйста, зайти ко мне, когда вернется.

— Хорошо, мистер Кику.

— Спасибо, Сидзуко. — Заместитель министра снова повернулся к Гринбергу. — Сергей, твой временный ранг дипломатического офицера первого класса был сделан постоянным с того времени, как я приставил тебя к этому делу.

— Действительно?

— Да. Документы, наверное, в конце концов доберутся и до тебя. А теперь тебе присваивается временный ранг старшего дипломатического офицера. Я задержу присвоение постоянного

ранга на три месяца, чтобы некоторые носы не слишком высовывались.

На лице Гринберга не отразилось никаких эмоций.

— Неплохо, — сказал он. — Но только чего ради? Это что, потому что я регулярно чищу зубы? Или, может, у меня портфель всегда блестит?

— Ты отправляешься на Хрошиюд как первый заместитель и глава миссии. Послом будет Макклюре, только я что-то сомневаюсь в его лингвистических способностях, так что придется тебе самому тянуть этот воз. Потому постарайся поскорее научиться объясняться на их языке. Понимаешь?

Гринберг перевел это про себя следующим образом: Макклюре придется общаться с ними исключительно через тебя, так что ты сможешь держать его в руках.

— Да-а, — ответил он задумчиво, — а как же насчет доктора Фтаемла? Посол, пожалуй, охотнее воспользуется его услугами, чем моими. — Про себя Гринберг добавил: «Босс, что же это ты со мной хочешь сделать? Макклюре обойдет меня через Фтаемла… и я окажусь на мели в девятистах световых годах от какой-либо помощи».

— Очень жаль, — ответил Кику, — но я никак не

могу отдать Фтаемла. Мне придется оставить его переводчиком для общения с миссией, которую оставят на Земле хрошии. Он уже согласился на эту работу.

На лице Гринберга появилась озабоченность.

— Придется всерьез у него поучиться. Правда, я успел уже немного поднахвататься в их языке. Горло от него болит зверски. Но только когда это они согласились? Я что, все проспал? Это — пока я был в Вествилле?

— Они еще не согласились. Но согласятся.

— Восхищаюсь вашей уверенностью, босс. Мне они кажутся не менее упрямыми, чем миссис Стюарт. Кстати, о миссис Стюарт. Пока вы с ней любезничали, я беседовал с доктором Фтаемлом. Он говорит, эти ребята становятся все настойчивее насчет мальчонки Стюарта. Теперь вы знаете, что он полетит, так, может, стоит их успокоить? Фтаемл очень нервничает. Он говорит, они давно бы врезали нам, единственное, что их сдерживает, — это будет неприятно нашему старому приятелю Ламмоксу.

— Нет, — ответил Кику. — Мы им не скажем. И Фтаемлу тоже. Лучше, если он так и останется перепуганным.

Гринберг задумчиво пожевал костяшку паль-

ца.

— Босс, — медленно сказал он, — а не ищем ли мы приключений на собственную шею? Или вы подозреваете, что не такие уж они страшные, как сами себя малюют? И что если дело дойдет до мордобоя, мы их побьем?

— Сильно в этом сомневаюсь. Но мальчик Стюарт — мой туз, припрятанный в рукаве.

— Пожалуй что. Не хотелось бы цитировать сами знаете кого, но, если риск так уж велик, разве люди не имеют права об этом знать?

— Имеют. Но мы не можем им ничего сказать.

— Повторите, пожалуйста, я что-то не понял.

Мистер Кику нахмурился.

— Сергей, — медленно произнес он, — наше общество находится в состоянии перманентного кризиса с того самого момента, как первая ракета добралась до Луны. Три столетия ученые, инженеры и исследователи раз за разом прорываются во все новые неизведанные области, к новым опасностям и новым проблемам. И каждый раз политики с колоссальным трудом удерживают расползающееся общество, словно жонглер, у которого в воздухе слишком много мячей и бутылок. Это неизбежно. Однако нам пока удается сохранять республиканскую форму правления

и поддерживать демократические обычаи. Мы имеем право этим гордиться. Но теперь это — не настоящая демократия, и не может ею быть. Я думаю, что наш долг — суметь удержать это общество от распада, пока оно привыкает к незнакомому и внушающему страх миру. Очень, конечно, было бы приятно, не торопясь, обсудить каждую проблему, провести голосование и вернуться к ней снова, когда коллективное решение окажется ошибочным. Но обычно все не так просто. Гораздо чаще мы попадаем в положение пилота, стоящего перед смертельной опасностью. Должен ли он просить совета у пассажиров? А может, ему лучше использовать свое умение и опыт, чтобы доставить их в целости и сохранности домой?

— Очень это у вас убедительно звучит, босс. Интересно только, правы вы или нет?

— Мне тоже интересно. Я собираюсь завтра утром устроить конференцию с хрошии, — продолжил мистер Кику.

— Хорошо. Я скажу Фтаемлу. Одну ночь они, пожалуй, еще потерпят.

— Но раз они так озабочены, мы отложим конференцию до послезавтра, пускай еще подергаются. — Кику немного подумал. — Пусть

Фтаемл сообщит им следующее. Наши обычаи требуют, чтобы сторона, желающая переговоров, сначала прислала дары. Поэтому они должны прислать нам дары. Сообщите им, что щедрость даров служит мерилом серьезности обсуждаемого вопроса: незначительные дары отрицательно скажутся на отношение к их просьбе.

Гринберг нахмурился:

— Вы задумали какое-то жульничество, но я что-то не все понимаю. Фтаемл знает, что у нас нет такого обычая.

— А вы не можете убедить его, что это просто такой обычай, с которым он раньше не сталкивался? Или прямо довериться ему? Я вижу, что у него в душе конфликт: он лоялен к своим клиентам, но симпатии его на нашей стороне.

— Лучше, пожалуй, не пытаться его обдурить. Но с другой стороны, заставить рарджиллианца врать, когда он работает посредником… Боюсь, он просто не сможет.

— Ну попробуй сформулировать так, чтобы это не было ложью. Скажи, что корни такого обычая уходят в глубь веков. А это и вправду так. И что мы обращаемся к нему только в исключительно важных случаях, вроде этого. Откройся ему, пусть он видит твои намерения, пусть переводит с

симпатией к нам.

— Пожалуй, смогу. Но только зачем это все, босс? Вырасти в их глазах?

— Вот именно. Мы ведем переговоры со слабой позиции; крайне необходимо, чтобы у нас было преимущество в начале. Я надеюсь, что символика просителя, приносящего дары, действительно универсальна.

— Ну а если они не заявятся к нам с барахлом?

— Будем сидеть и не мельтешить, пока не передумают. Начни подбирать себе команду, — добавил Кику. — Завтра покажи мне список.

Гринберг застонал:

— А я-то собирался сегодня пораньше лечь.

— В нашем деле на это редко приходится рассчитывать. Да, еще. Как только конференция закончится, пошли кого-нибудь потолковее — может, Петерса — к ним на корабль посмотреть, что там надо сделать, чтобы люди могли лететь. Потом мы сообщим хрошии наши требования.

— Секунду, босс. Я бы предпочел наш корабль. И откуда вы знаете, что у них найдется для нас место?

— Наши корабли пойдут следом. Но хрошиа Ламмокс летит с ними, а значит, и мальчик Стюарт тоже. Поэтому наша делегация отправится

на их корабле, чтобы мальчика сопровождали люди.

— Ясно. Не подумал.

— Места хватит. Ведь и они оставят на Земле свою миссию. Или никто из людей не полетит. Сотня хрошии, если взять число наугад, конечно же, освободит достаточно места для людей.

— Иными словами, босс, — негромко сказал Гринберг, — вы требуете заложников.

— «Заложники», — чопорно произнес мистер Кику, — это слово, которое отсутствует в словаре дипломата.

Он повернулся к своему столу.

* * *

Для конференции выбрали зал на первом этаже здания Министерства по делам космоса: его двери были достаточно велики, а полы — достаточно прочными. Возможно, безопаснее было бы провести совещание прямо в космопорту, как предлагал доктор Фтаемл, однако из протокольных соображений мистер Кику настоял на том, чтобы хрошии явились к нему.

Сначала внесли дары.

Дары сложили по обеим сторонам обширного зала, количество их было огромным, но ценность

и качество оставались неизвестными. Министерские ксенологи рвались к ним, словно дети к новогодним подаркам, но мистер Кику приказал ничего не трогать до окончания совещания.

Когда делегация хрошии появилась в зале, Сергей Гринберг присоединился к мистеру Кику, сидевшему в комнате отдыха за сценой. Вид у Гринберга был обеспокоенный.

— Что-то не нравится мне все это, босс.

Заместитель министра поднял голову:

— Почему?

Гринберг осторожно глянул на прочих находившихся в комнате — Макклюре и дублера, заменявшего генерального секретаря. Дублер, опытный актер, кивнул ему и вернулся к изучению речи, которую должен был вскоре произнести, а Макклюре резко спросил:

— В чем дело, Гринберг? Эти бестии что-то задумали?

— Надеюсь, что нет. — Гринберг повернулся к Кику. — Я проверил обстановку с воздуха, все выглядит хорошо. Мы забаррикадировали бульвар Звезд отсюда и до самого порта; по обеим сторонам его расположены силы, достаточные для небольшой войны. Я выждал, пока их колонна не покинет порт, и полетел над ней. Они остав-

ляли резервные группы примерно через каждые четверть мили и устанавливали в этих точках какое-то оборудование. Конечно, это могут быть узлы связи с их кораблем, но я сомневаюсь. Думаю, это оружие.

— Пожалуй, — согласился Кику.

— Так, послушайте, мистер Кику… — озабоченно начал министр.

— Простите, мистер Макклюре, — прервал его Кику. — Сергей, главнокомандующий уже успел доложить мне все это. Я рекомендовал генеральному ничего не предпринимать, если только они не попытаются преодолеть наши заграждения.

— Мы можем потерять много людей.

— Можем. А что бы сделал ты, Сергей, если бы потребовалось поехать для переговоров в лагерь чужаков? Полностью доверился им? Или постарался обеспечить себе отход?

— Мм… да, пожалуй.

— Мне кажется, что это самый обнадеживающий знак, какой мы видели за последнее время. Если это оружие — а я надеюсь, что так оно и есть, — значит они не считают нас совсем несерьезным противником. Против мышей не выкатывают пушку. — Мистер Кику огляделся по сторонам. — Так что, пойдем? Пожалуй, мы их

уже достаточно помариновали. Готовы, Артур?

— Разумеется. — Дублер генерального отложил текст своей роли. — Этот парнишка Роббинс умеет писать речи. Другие понапихают в предложение столько шипящих, что брызги до пятого ряда долетают.

— Ну, двинулись.

И они пошли: впереди — актер, за ним министр, постоянный заместитель министра и его помощник.

Из длинной процессии хрошии, которая покинула космопорт, до здания Министерства добралось что-то около дюжины, но даже этого количества хватило, чтобы зал показался переполненным. Мистер Кику с интересом их разглядывал — он впервые увидел хрошии. В представителях великого народа ничуть не чувствовалось того добродушия огородного пугала, которым так и светилась — на фотографиях — хрошиа Ламмокс. Эти все были взрослыми, хотя ростом заметно ей уступали. Один из них, стоявший впереди и сопровождаемый с обеих сторон двумя другими, глядел прямо на мистера Кику. Взгляд у инопланетянина был холодный и уверенный; заместитель министра почувствовал, что взгляд существа его тревожит, ему захотелось

отвести глаза. Но какого черта! Мистер Кику напомнил себе, что его собственный гипнотерапевт умеет делать это ничуть не хуже, а может, даже и лучше, чем хрошии. И мистер Кику ответил взглядом на взгляд.

Гринберг тронул его за локоть.

— Они и сюда натащили оружия, — прошептал он. — Видите? Там, сзади.

— Нам не полагается знать, что это оружие, — ответил мистер Кику. — Давайте считать, что это записывающая аппаратура.

Доктор Фтаемл стоял неподалеку от лидера хрошии.

— Объясните им, кто такой генеральный секретарь, — сказал мистер Кику. — Назовите его главой семнадцати могущественных планет.

Рарджиллианец был в замешательстве:

— А как же президент вашего Совета?

— В данном случае генеральный секретарь представляет и его, и себя.

— Хорошо, мой друг. — Доктор Фтаемл заговорил высоким голосом, напомнившим мистеру Кику щенячий скулеж.

Хрошиу коротко ответил на том же языке, и Кику почувствовал, что его вдруг покинул ужас, внушенный тяжелым взглядом инопланетянина.

Нельзя же испытывать страх и благоговение перед существом, которое скулит, как потерявшийся щенок. Только не надо забывать, напомнил он себе, что смертельно опасный приказ можно отдать любым голосом и на любом языке.

Фтаемл говорил:

— Рядом со мной находится… — он коротко взвизгнул на чужом языке, — командир корабля и экспедиции. Она… нет, пожалуй, лучше сказать «он»… он является потомственным маршалом и… — Рарджиллианец смолк и жестом показал свою беспомощность. — У вас нет соответствующего титула. Ну, скажем, «старший во дворце».

— А может, просто «босс», док? — неожиданно вставил Гринберг.

— Великолепное предложение! Да, это босс. Ее… его социальное положение не является наивысшим, но на практике его власть почти безгранична.

— И власть эта достаточно велика, чтобы давать ему полномочия вести межпланетные переговоры? — спросил Кику.

— Без всякого сомнения.

— Ну, тогда перейдем к делу. — Кику кивнул актеру, затем, включив «беззвучный» режим, обратился к находившейся перед ним панели: — Вы

записываете?

— Да, сэр, — ответил голос, слышный только ему. — Один раз пропало изображение, но теперь все в порядке.

— Генеральный и главнокомандующий слушают?

— Думаю, да, сэр. Их офисы подключены.

— Прекрасно.

Мистер Кику послушал речь генерального секретаря. Довольно краткая, она была произнесена с величайшим достоинством; к тому же актер держал такой темп, чтобы Фтаемл успевал переводить. Генеральный секретарь приветствовал хрошии на Земле, заверил их в том, что все народы Федерации испытали величайшую радость, когда они нашли в конце концов своего потерянного собрата. К тому же, добавил он, это счастливое завершение несчастной случайности представляет подходящий случай, чтобы хрошии по праву заняли место в Содружестве цивилизаций.

Актер сел и отключился, практически уснул. Глаза его оставались открытыми, а с лица не сходило выражение доброжелательного достоинства. Он мог часами сохранять эту позу римского императора, ничуть не обращая внимания на

происходящее вокруг.

Мистер Макклюре вкратце повторил сказанное генеральным секретарем и добавил, что Федерация готова обсудить любые деловые отношения между Федерацией и благородными хрошии.

— Похлопать, босс? — спросил Гринберг, наклонившись к Кику. — Кто-то же должен, а они, похоже, не умеют.

— Заткнись, — дружелюбно ответил Кику. — Доктор Фтаемл, намерен ли командир произнести официальную речь?

— Думаю, нет. — Фтаемл побеседовал с главным хрошии, а затем сказал: — Его ответ является не формальной любезностью, а серьезным комментарием на две произнесенные речи. Он говорит, что хрошии не нуждаются в других племенах… стоящих на низшей ступени развития, и что мы должны перейти к делу, больше не отвлекаясь на… э-э-э… пустяки.

— Но если они действительно не испытывают нужды в прочих расах, спросите его, почему они пришли к нам и почему предложили нам дары.

— Но вы же сами на этом настаивали, — удивился Фтаемл.

— Благодарю вас, доктор, но сейчас я не нуждаюсь в ваших комментариях. Потребуйте у

него ответа. Только, пожалуйста, не давайте ему советов.

— Я попробую. — Фтаемл обменялся несколькими пронзительными фразами с командиром хрошии, а затем повернулся к Кику. — Простите меня. Он говорит, что согласился на ваши детские игры, потому что считает это простейшим способом достижения своей цели. А теперь он хочет обсудить передачу им Джона Томаса Стюарта.

— Скажите ему, пожалуйста, что этот вопрос пока не открыт для обсуждения. Согласно повестке дня сначала должен быть урегулирован вопрос о дипломатических отношениях.

— Простите меня, сэр. Очень трудно перевести понятие «дипломатические отношения». Я бился над этим несколько дней.

— Скажите ему, что то, что сейчас происходит, как раз и является примером дипломатических отношений. Свободные люди ведут переговоры как равные, с мирными намерениями, в интересах взаимной выгоды.

— Каждое из этих понятий почти столь же трудно перевести. — Рарджиллианец изобразил человеческий вздох. — Но я попробую.

Через некоторое время он ответил:

— Потомственный маршал говорит, что если

происходящее здесь и есть дипломатические отношения, то вы их уже получили. Где мальчик Стюарт?

— Не так сразу. Повестку дня надо выполнять последовательно, пункт за пунктом. Они должны принять посольство и комплексную делегацию — культурную, научную и торговую. Они должны равным образом оставить у нас посольство и делегацию. Нужно договориться о регулярном сообщении между обеими суверенными державами. Прежде разрешения всех этих вопросов невозможно даже упоминать о мальчике Стюарте.

— Я попробую еще раз. — Фтаемл долго что-то говорил «боссу»; ответ был очень краток: — Он приказал ответить вам, что все эти вопросы отвергнуты как не заслуживающие рассмотрения. Где мальчик Стюарт?

— Если так, — спокойно сказал мистер Кику, — скажите ему, что мы не торгуемся с варварами. Скажите, чтобы они забирали свое барахло — обязательно постарайтесь, чтобы в переводе было достаточно сильное выражение, — которым они замусорили наш дом, и побыстрее. А потом возвращаются на свой корабль и немедленно улетают. Им придется силой запихать свою дра-

гоценную хрошиа на борт, если они хотят ее еще когда-либо увидеть, потому что им больше никогда не разрешат здесь приземляться.

У Фтаемла был такой вид, словно он вот-вот расплачется, хотя это было физически невозможно.

— Пожалуйста! Я умоляю вас не настраивать их против себя. Я говорю вам то, чего говорить не должен… я выхожу за рамки своих профессиональных обязанностей… но они могут уничтожить этот город, даже не возвращаясь на свой корабль.

— Передайте мои слова. Переговоры окончены. — Мистер Кику встал, сделал остальным знак глазами и направился в комнату отдыха.

Впереди шел актер. Макклюре поймал локоть мистера Кику и пошел с ним рядом:

— Генри, ты, конечно же, руководишь этим спектаклем. Но не лучше ли будет как-нибудь продолжить разговоры? Они же просто дикие звери. Все это может…

— Мистер Макклюре, — спокойно ответил Кику, — как сказал однажды наш выдающийся предшественник, имея дело с некоторыми типами, надо наступать им на пальцы до тех пор, пока они не начнут извиняться. — Он направил министра к двери.

— А вдруг они не начнут?

— В этом есть определенная опасность. Пожалуйста, не будем спорить в их присутствии.

Они вошли в комнату отдыха; дверь за ними закрылась. Гринберг повернулся к Кику:

— Хорошая попытка, босс. И что нам теперь делать?

— Ждать.

— Ладно. — Гринберг, заметно нервничая, подошел к монитору и вгляделся в изображение происходящего в зале.

Хрошии не ушли. Они, видимо, окружили доктора Фтаемла; их фигуры, значительно более крупные, чем у горгоноида, совсем скрыли его от глаз.

— Со мной все, сэр? — спросил актер.

— Да, Артур. Отличная работа.

— Спасибо. У меня еще осталось время снять этот грим и успеть на второй тайм.

— Вот и хорошо. Только, может, тебе лучше переодеться здесь?

— Да ерунда, фотографы и так все знают. Они в нашей команде.

Он вышел, насвистывая. Макклюре сел, зажег сигару, затянулся один раз и отложил ее.

— Генри, тебе надо связаться с главнокоман-

дующим.

— Он сам знает. А мы будем ждать.

И они стали ждать.

Неожиданно Гринберг сказал:

— А вот и Фтаемл, — и, торопливо подойдя к двери, впустил рарджиллианца.

В докторе Фтаемле чувствовалась напряженность.

— Мой дорогой мистер Кику, командир хрошии согласен удовлетворить ваши странные пожелания в целях быстрейшего достижения согласия. Он настаивает на том, чтобы вы немедленно доставили сюда мальчика Стюарта.

— Пожалуйста, скажите ему, что он абсолютно неправильно понимает природу дружественных отношений между цивилизованными народами. Мы не отдадим свободу одного из наших граждан в обмен на их ничего не стоящую любезность — ровно так же, как они не поступились бы свободой своей хрошиа Ламмокс. А затем скажите ему, что я приказываю им немедленно убираться.

— Я с крайней неохотой передам ваши слова, — нервно произнес Фтаемл.

Вернулся он быстро:

— Они согласны на ваши условия.

— Хорошо. Пошли, Сергей. Мистер Макклюре,

вам не обязательно выходить, если только вы сами того не пожелаете. — Кику вернулся в зал, сопровождаемый Гринбергом и Фтаемлом.

Вид у «босса» хрошии стал, как показалось Кику, еще более зловещим, чем прежде. Однако все детали были быстро согласованы — равное количество людей и хрошии в составе миссий, доставка людей кораблем хрошии; один из присутствовавших инопланетян был назначен послом в Федерации. Фтаемл заверил, что этот хрошиу уступает в звании только командиру экспедиции.

— А теперь «босс» говорит, что пришло время передать им Джона Томаса Стюарта. Я надеюсь, вы все организовали, мой друг, — озабоченно добавил доктор Фтаемл. — Мне не нравится такое развитие ситуации. Слишком уж просто все получилось.

С чувством удовлетворения, заглушавшим даже боль в желудке, мистер Кику ответил:

— Я не вижу больше затруднений. Теперь, когда мы уверились в цивилизованности наших отношений, Джон Томас Стюарт согласен отправиться. Пожалуйста, объясните им, что он летит как свободный человек, а не раб или домашнее животное. Хрошии должны гарантировать его

статус, а также его возвращение на одном из их кораблей, как только он того пожелает.

Фтаемл перевел. Через некоторое время он ответил:

— Все это вполне приемлемо, за исключением одной, как я бы перевел, незначительной подробности. Мальчик будет членом семьи хрошиа Ламмокс. Естественно — здесь я перевожу особенно тщательно, — естественно, вопрос возвращения Джона Томаса Стюарта, если таковое вообще когда-нибудь последует, является личной прерогативой хрошиа Ламмокс. Если он наскучит ей и она захочет, чтобы он вернулся, в его распоряжение будет предоставлен корабль.

— Нет.

— «Нет» что, сэр?

— Просто нет. Вопрос о мальчике Стюарте закрыт.

Фтаемл снова повернулся к своим клиентам.

— Они говорят, — сообщил он через некоторое время, — что договора тоже нет.

— Я это знаю. Никто не станет подписывать договор с… у них есть слово, обозначающее «слугу»?

— У них есть различные категории слуг, более высокие и более низкие.

— Используйте название низшей категории. Скажите им, что договора не может быть, так как слуги не имеют права вступать в переговоры. Скажите, чтобы они убирались, и поживей.

Фтаемл с печалью посмотрел на Кику:

— Я восхищаюсь вами, мой друг, но не завидую вам. — Он обернулся к командиру экспедиции и проскулил несколько раз.

Хрошиу широко раздвинул рот, посмотрел на Кику и отчаянно взвизгнул, как щенок, которого пнули ногой. Фтаемл дернулся от неожиданности и немного отодвинулся:

— Очень непристойные слова, совершенно непереводимые…

Чудовище продолжало издавать визгливые звуки; Фтаемл отчаянно пытался переводить:

— Презренные… низшие животные… с удовольствием съел бы вас… Теперь он перечисляет ваших предков вглубь поколений и тоже их ест… Вашей презренной расе пора дать урок хороших манер… воры… похитители детей… — Фтаемл смолк; видно было, что он очень возбужден.

Хрошиу проковылял к возвышению, на котором стояли люди, и стал поднимать переднюю часть туловища, пока не оказался лицом к лицу с мистером Кику. Рука Гринберга скользнула

под стол и нащупала кнопку, накрывавшую всю нижнюю часть зала иммобилизующим полем. Генераторы поля были установлены здесь давно и постоянно, в этом зале уже всякое бывало.

Мистер Кику сидел, словно высеченный из камня. Они глядели друг на друга в упор, огромное существо «извне» и маленький пожилой человек. Зал замер.

Затем из дальнего конца зала послышался визг, словно кто-то переполошил целую корзинку щенят. Командир хрошии мгновенно повернулся — пол при этом заходил ходуном — и что-то повелительно проскулил своим слугам. Получив ответ, он проскулил отрывистую команду. Все двенадцать хрошии мгновенно вылетели за дверь, двигаясь со скоростью, просто невероятной для столь неуклюже выглядевших существ.

Кику, приподнявшись, наблюдал их исход. Гринберг схватил его за руку:

— Босс! С вами хочет говорить главнокомандующий!

Кику стряхнул руку Сергея:

— Скажите ему, чтобы не спешил. Для нас сейчас жизненно важно, чтобы он не спешил. Как там наша машина? Ждет?

Глава 16
«Мы вам все напортили»

Джон Томас Стюарт XI тоже хотел присутствовать на конференции, но получил прямой, недвусмысленный отказ. Когда появилась Бетти в сопровождении мисс Хольц, он играл в шашки со своим телохранителем в номере люкс отеля «Универсаль», предоставленном ему и его матери. Приятная внешность успешно скрывала род занятий Майры Хольц — опытного агента службы безопасности Минкосма.

— Не спускай с нее глаз, — инструктировал Майру мистер Кику, поручая Бетти ее заботам. — У этой девицы страсть к приключениям.

Двое охранников поздоровались.

— Привет, Джонни, — сказала Бетти. — Я думала, ты уже развлекаешься в городе.

— Они меня не пускают.

— Меня тоже. — Бетти окинула взглядом комнату. — А где герцогиня?

— Путешествует по магазинам. Со мной все еще не разговаривает. Она накупила аж семнадцать шляп. Что это ты сделала с лицом?

— Нравится? — Бетти повернулась к зеркалу. — Космический абрис, так это называется. Последний писк.

— Ты похожа на зебру, больную оспой.

— А ты — просто чурбан неотесанный. Вот Эду, наверное, нравится. Эд, правда?

— Я в этом не разбираюсь, — торопливо ответил Эд Ковен, оторвавшись от шашек. — Жена говорит, что у меня совсем отсутствует вкус.

— Как и у большинства мужчин. Джонни, мы с Майрой пришли, чтобы пригласить вас обоих прогуляться по городу. Ты как?

— Не нравится мне это, Майра, — ответил Ковен.

— Это была ее идея, — ответила мисс Хольц.

— А почему, собственно, нет? — спросил Джон Томас, обращаясь к Ковену. — Меня уже начинает мутить от шашек.

— Ну… Вообще-то, считается, что я должен все время находиться в контакте с конторой. Ты можешь потребоваться им в любую минуту.

— Чушь, — вмешалась Бетти. — Вы можете взять с собой рацию. Впрочем, она есть у Майры.

Ковен покачал головой:

— Лучше уж перестраховаться.

— Я что, нахожусь под арестом? — возмутилась

Бетти. — Или Джонни?

— Мм… нет. Скорее, мы вас оберегаем.

— В таком случае вы можете оберегать его там, куда он пойдет. Или остаться здесь и играть в шашки с самим собой. Пошли, Джонни.

Ковен вопросительно посмотрел на мисс Хольц; та неуверенно сказала:

— Я думаю, тут нет ничего страшного, Эд. Мы же будем с ними.

Ковен встал, пожав плечами.

— Я никуда не пойду, если ты будешь в таком виде, — сказал Джон Томас. — Иди умойся.

— Джонни! На эту работу ушло целых два часа!

— И все на денежки налогоплательщиков, верно?

— Ну, в общем-то, да, но…

— Умойся. Или мы никуда не пойдем. Вы согласны со мной, мисс Хольц?

Специальный оперативный агент Хольц выглядела очень скромно: только флоральный орнамент на левой щеке, ну и, конечно, обычное тонирование лица.

— Для Бетти в ее возрасте, — рассудительно сказала она, — это, пожалуй, лишнее.

— Вы просто парочка пуритан! — с горечью произнесла Бетти. Показав Джонни язык, она

неохотно направилась в ванную. Бетти вернулась оттуда с покрасневшим, но чистым лицом. — Теперь я почти что голая. Идем.

Перед лифтом произошла очередная стычка; на этот раз победил Эд Ковен. Он предложил поехать наверх, на крышу, и взять аэротакси, вместо того чтобы спуститься на улицу и идти пешком.

— Последние два дня, ребята, ваши лица красовались на первых полосах каждой здешней газеты. А психов в этом городишке — хоть пруд пруди. Я не хочу никаких неприятностей.

— Если бы вы не позволили ему мной помыкать, меня бы с таким лицом мама родная не узнала.

— А его бы узнали.

— Мы бы могли накрасить и его тоже. Ни одно мужское лицо не станет хуже, если его накрасить. — Однако Бетти все же вошла в лифт, и они взяли воздушное такси.

— Куда, шеф? — спросил водитель.

— Да все равно, — ответил Ковен. — Покрутись над городом и покажи нам его сверху. Пусть будет почасовая оплата.

— Хозяин — барин. Только я не могу перелетать через бульвар Звезд. Там какое-то шествие или что-то в этом роде.

— Знаю.

— Послушайте, — сказал Джонни, — отвезите нас в космопорт.

— Нет, — вмешался Ковен. — Только не туда.

— Но почему, Эд? Я же еще не видел Ламмокса. Я хочу на него посмотреть. Может быть, он нездоров.

— Ты можешь делать почти все, что тебе заблагорассудится, — объяснил ему Ковен, — но только не это. К кораблю хрошии нельзя.

— Ну хоть сверху я могу на него посмотреть?

— Нет!

— Но…

— А ты с ним не разговаривай, — посоветовала Бетти. — Мы возьмем другое такси. У меня есть деньги. Пока, Эд.

— Слушайте, — недовольно сказал водитель, — я отвезу вас хоть в Тимбукту, если хотите. Но только я не могу вот так висеть над взлетной площадкой. Полиция начнет возникать.

— Ладно, давай в космопорт, — обреченно сказал Ковен.

Вокруг всего обширного участка, отведенного хрошии, шло заграждение. В нем был проделан единственный проход, позволивший делегации выйти на бульвар Звезд, но даже и здесь это за-

граждение смыкалось с другими, тянувшимися вдоль бульвара до самого Министерства по делам космоса. Посреди огороженного пространства стояла шлюпка хрошии, приземистая и уродливая, размером с земной межзвездный корабль. Глядя на нее, Джонни подумал, каково ему будет там, на Хрошиюде. От этой мысли ему стало немного неуютно, но не от страха — просто он еще не сообщил Бетти, что решил лететь. Порывался несколько раз, но как-то все не получалось.

Сама Бетти не спрашивала, так что Джонни думал, что она ни о чем не догадывается.

В воздухе, кроме них, были и другие зеваки, а вокруг заграждения стояла толпа, правда не очень плотная. В столице привыкли к необычному, ни одна сенсация не жила здесь долго. Местные жители гордились своей пресыщенностью; к тому же в хрошии не было ничего такого уж фантастического по сравнению с представителями доброй дюжины других дружественных рас, в том числе и с некоторыми из членов Федерации.

Хрошии роились вокруг своего корабля; они делали что-то непонятное с непонятными конструкциями, возведенными ими на поле. Джонни попытался прикинуть, сколько их там, но скоро бросил свою затею. Это было примерно так же,

как считать горох в банке. Многие десятки и больше, но насколько больше?

Такси пролетело рядом с полицейским патрулем. И тут Джонни неожиданно вскрикнул:

— Гляньте! Это же Ламми!

Бетти вытянула шею:

— Где, Джонни?

— Смотри, там, за их кораблем! Вон! — Он повернулся к водителю. — Послушайте, мистер, вы не могли бы подлететь к дальней стороне этого корабля, и настолько близко, насколько позволит полиция?

Водитель посмотрел на Ковена; тот утвердительно кивнул. Они обогнули патрули и зашли к кораблю хрошии с другой стороны. Водитель выбрал позицию между двумя полицейскими машинами и чуть сзади. Теперь Ламмокса было отлично видно. Он заметно возвышался над группой сопровождавших его соплеменников.

— Как жаль, что у меня нет бинокля, — пожаловался Джонни. — Я ничего не могу толком рассмотреть.

— У меня есть. Возьми там, в бардачке, — предложил водитель.

Бинокль оказался простенький, без электронного увеличения, но и через него Ламмокс был

виден гораздо лучше. Джонни всмотрелся в лицо своего друга.

— Как он выглядит, Джонни?

— Да вроде ничего. Только вот отощал что-то. Хорошо ли его кормят?

— Мистер Гринберг говорит, что они вообще его не кормят. Я думала, ты знаешь.

— Что? Как они могут?!

— Не знаю, чем мы можем сейчас помочь.

— Ну… — Джон Томас опустил стекло, чтобы получше видеть. — А нельзя еще чуть поближе? И пониже. Я хочу хорошенько его осмотреть.

Ковен отрицательно покачал головой. Водитель проворчал:

— Не люблю ругаться с копами. — Однако подал свою машину вперед так, что она оказалась на одной линии с патрульными.

И сразу же с одной из машин загремел голос:

— Эй, там, номер четыре восемь четыре! Куда это ты влез со своей тарахтелкой? Подай назад.

Пробормотав что-то неразборчивое, водитель начал отводить машину.

— А, чтоб их! — сказал Джон Томас, все еще не отрывавший от глаз бинокль. И добавил: — Интересно, он меня услышит? Ламми! — закричал он в окно. — Эй, Ламмокс!

Хрошиа подняла голову и начала крутить ею во все стороны.

Ковен схватил Джона Томаса и потянулся к ручке, которая закрывала стекло. Но Джонни его оттолкнул.

— Да идите вы все знаете куда! — яростно крикнул он. — Накомандовались, хватит. Ламмокс! Это я, Джонни! Я здесь, наверху! Иди сюда…

Ковен втащил его вглубь машины и захлопнул окно:

— Ведь знал же я, что не надо уходить из гостиницы. Водитель, гони отсюда.

— С превеликой радостью.

— Но двигай пока вдоль линии патрулей, я хочу рассмотреть, что там теперь делается.

— Как прикажете.

Чтобы видеть, что происходит, не надо было никакого бинокля. Ламмокс рванулся к заграждению, прямо в сторону такси, расшвыривая влево и вправо попадавшихся на пути хрошии. Он не стал и пытаться «перетечь» через заграждение, а просто прошел сквозь него.

— Господи Исусе! — негромко произнес Ковен. — Ну ладно, уж поле-то ее остановит.

Но поле ее не остановило. Хрошиа замедлила свое движение, но все равно одна могучая нога

переступала вслед за другой, хотя и с трудом, словно воздух превратился в глубокое вязкое болото. С неотвратимостью сползающего с горы ледника она двигалась к точке прямо под аэротакси.

Вслед за ней через пролом в барьере подались и другие хрошии. Им, видимо, было еще труднее преодолевать иммобилизующее поле, однако они не останавливались. Наконец Ламмокс вырвался из зоны поля и перешел на галоп; люди горохом рассыпались перед ним во все стороны.

— Майра! — резко скомандовал Ковен. — Свяжись с военными! Я позвоню в нашу контору!

— Нет! — Бетти ухватила его за рукав.

— Это еще что? Опять ты? Заткнись, или сейчас у меня получишь.

— Мистер Ковен, послушайте! — торопливо сказала Бетти. — Нет смысла звать на помощь. Ламмокс не слушается никого, кроме Джонни, а они не слушают никого, кроме Ламмокса. Вы же сами знаете. Отпустите Джонни, чтобы он мог поговорить с Ламми, или пострадает уйма людей, и в этом будет ваша вина.

Оперативный агент первого класса службы безопасности Эдвин Ковен смотрел на Бетти, а перед его мысленным взором проносилась его карьера в прошлом и его надежды на будущее.

Затем почти мгновенно он принял мужественное решение.

— Опускай машину! — скомандовал он. — Приземлись, а после мы с парнем выйдем.

Водитель громко застонал:

— Только за дополнительную плату. — Однако он опустил такси так быстро, что удар о землю был довольно-таки ощутимым.

Ковен рывком распахнул дверь и выскочил, сопровождаемый Джоном Томасом. Попытка Майры удержать Бетти в салоне кончилась неудачей, тогда и она выпрыгнула из машины, уже рванувшейся вверх.

— Джонни! — завизжал Ламмокс и воздел руки вверх, приветствуя друга жестом, кажется, общим для всех племен.

Джон Томас подбежал к звездному зверю:

— Ламми! Ты в порядке?

— Конечно, — подтвердил Ламмокс. — Почему бы нет? Привет, Бетти.

— Привет, Ламми.

— Есть только хочется, — задумчиво добавил Ламмокс.

— Ну, мы все это переменим.

— Да нет, все в порядке. Мне сейчас нельзя есть.

Джон Томас собрался уже ответить на такое поразительное заявление, когда вдруг заметил мисс Хольц, с трудом увернувшуюся от одного из хрошии. Другие крутились вокруг них, похоже что в неуверенности, как отнестись к происходящему. Когда Джонни увидел, что Эд Ковен выхватил пистолет и заслонил Майру своим телом от хрошиу, он решил вмешаться:

— Ламмокс! Это мои друзья. Скажи своим друзьям, чтобы они оставили их в покое и шли назад в загородку. Быстро.

— Как скажешь, Джонни. — Хрошиа обратилась к своим соплеменникам с короткой визгливой речью; приказание было выполнено мгновенно.

— И сделай-ка нам седло. Мы отправимся к тебе и поговорим не торопясь.

— Конечно, Джонни.

Джонни помог Бетти взобраться на спину хрошиа, и они двинулись к пролому в заграждении. На этот раз Ламмокс, попав в иммобилизующее поле, остановился и резко сказал что-то одному из соплеменников.

Последовала громкая команда, и поле исчезло. Дальше они двигались без помех.

* * *

Прибыв в космопорт, мистер Кику, Сергей Гринберг и доктор Фтаемл обнаружили обе стороны в состоянии нервного вооруженного перемирия. Все хрошии вернулись внутрь заграждения; на месте полицейских патрулей висели тяжелые военные машины, а где-то высоко в небе не видимые глазом бомбардировщики готовы были финальным аккордом превратить этот участок в радиоактивную пустыню.

Генеральный секретарь и главнокомандующий встретили прибывших около заграждения. Вид у генерального был мрачный.

— А, Генри. Похоже, все сорвалось. Вы в этом не виноваты.

Мистер Кику посмотрел на скопление хрошии:

— Возможно.

— Мы эвакуируем людей из предполагаемой зоны поражения, — добавил главнокомандующий, — со всей возможной скоростью. Однако, если нам все же придется нанести удар, мы не сможем ничего сделать для молодых людей, которые сейчас там.

— Ну так и не будем ничего делать, согласны? Во всяком случае, пока.

— Думаю, вы не совсем осознаете серьезность положения, господин заместитель министра. Вот, например, мы окружили всю эту зону полосой иммобилизующего поля. Теперь его просто нет. Они его нейтрализовали. И не только здесь, везде.

— Понятно. Возможно, это вы не совсем осознаете серьезность положения, генерал. Но как бы то ни было, несколько слов никому не повредят. Пошли, Сергей. Вы идете с нами, доктор?

Мистер Кику покинул группу, стоявшую вокруг генерального секретаря, и направился к пролому в заграждении. Ветер, дувший вдоль протянувшегося на многие мили взлетного поля, заставил его придержать шляпу.

— Не люблю, когда ветер, — пожаловался он доктору Фтаемлу. — Он всегда какой-то неорганизованный.

— Надвигается куда более сильный ветер, — рассудительно ответил рарджиллианец. — Друг мой, разумно ли это? Мне они ничего не сделают, я у них на службе. Но что касается вас…

— А что мне еще остается?

— Не знаю. Но бывают ситуации, когда личная храбрость не может ничем помочь.

— Возможно. Правда, я с ними пока не встре-

чался.

— С такой ситуацией встречаются только один раз в жизни.

Они приближались к хрошии, плотной массой окруживших Ламмокса. Уже можно было различить две человеческие фигурки на ее спине. Не доходя доброй сотни ярдов, Кику остановился:

— Скажите им, чтобы мне дали дорогу. Я хочу приблизиться к хрошиа Ламмокс.

Фтаемл перевел — и ничего не произошло, хотя по толпе хрошии прошло какое-то беспокойное движение.

— Босс, — посоветовал Гринберг, — а как насчет того, чтобы попросить Ламмокса с ребятами выйти сюда? Эта толпа, похоже, настроена не очень-то дружелюбно.

— Нет. Мне не хочется кричать на таком ветру. Крикни, пожалуйста, Стюарту и скажи ему, чтобы они меня пропустили.

— Сейчас, босс. Здорово будет рассказать обо всем этом внукам, если только они у меня будут. — Он сложил руки рупором и крикнул: — Джонни! Джон Стюарт! Скажи Ламмоксу, чтобы они расчистили путь.

— Само собой!

Мгновенно, словно выметенный огромной

метлой, перед ними открылся проход, по которому могла бы двигаться войсковая колонна. Маленькая группа шла между сомкнутыми рядами хрошии. Спина Гринберга покрылась гусиной кожей.

Мистера Кику, похоже, беспокоил только ветер, пытавшийся унести его шляпу. Он придерживал ее рукой и вполголоса ругался. Они остановились перед Ламмоксом.

— Здравствуйте, мистер Кику, — приветствовал его Джон Томас. — Нам спуститься?

— Пожалуй, это было бы самое лучшее.

Джонни соскользнул вниз, затем подхватил Бетти:

— Извините. Мы вам все напортили.

— Мне тоже жаль. Если вы действительно все напортили. Вы не будете так добры представить меня своему другу?

— О, конечно. Ламмокс, это мистер Кику. Он хороший человек, он мой друг.

— Добрый день, мистер Кику.

— Добрый день, Ламмокс. — На лице мистера Кику появилось задумчивое выражение. — Доктор, а там, случайно, не их командир, этот, что рядом с Ламмоксом, у которого глаза со злым таким блеском?

Рарджиллианец вгляделся:

— Да, это он.

— Хм… Спросите его, доложил ли он своей госпоже о результатах переговоров?

— Сейчас. — Горгоноид поговорил с командиром хрошии. — Он говорит, что нет.

— Хм… Джон Томас, мы заключили с хрошии договор на тех условиях, о которых я говорил с вами. Неожиданно они разорвали готовое соглашение, узнав, что мы не передадим им вас, не получив гарантий. Вы не можете помочь мне выяснить, было ли это сделано в согласии с желанием вашего друга?

— Ламмокса? Конечно.

— Очень хорошо. Но подождите секунду. Доктор Фтаемл, не будете ли вы добры сообщить основные детали соглашения хрошиа Ламмокс прямо сейчас, в присутствии командира? Или такие понятия слишком сложны для нее?

— Э? Почему сложны? Ей было, наверное, уже лет двести, когда она попала сюда.

— Так много? Хорошо, говорите.

Рарджиллианец начал издавать забавные взвизгивающие звуки языка хрошии, обращаясь к Ламмоксу. Пару раз Ламмокс прерывал его, но потом снова разрешал продолжать. Когда доктор

Фтаемл закончил, хрошиа что-то сказала командиру экспедиции.

— Она спрашивает: «Это правда?» — перевел Фтаемл.

Командир отогнал своих подчиненных как можно дальше от Ламмокс, выстроив их в круг, а затем пополз к ней; маленькая группка представителей Федерации расступилась перед ним. Он совсем втянул в себя ноги и полз наподобие гусеницы. Потом, не поднимая головы от земли, он проскулил ответ.

— Он признает правдивость сказанного, но ссылается на необходимость.

— Поскорее бы он все это, — недовольно сказал Кику. — А-то я совсем замерз. — Его тонкие ноги дрожали.

— Она не принимает его объяснений. Я избавлю вас от точного пересказа ее выражений, но риторика превосходна!

Неожиданно Ламмокс издала громкий одиночный взвизг, а потом поднялась на дыбы, оторвав от земли четыре передние ноги. Втянув в себя руки, огромный зверь взмахнул головой и нанес несчастному командиру сокрушительный удар в бок.

Удар приподнял командира с земли и отшвыр-

нул в гущу толпы. Он медленно пришел в себя и снова приполз на прежнее место.

Ламмокс начала говорить.

— Она говорит… как жаль, что вы не понимаете языка!.. что, пока будут сиять звезды Галактики, друзья Джонни будут ее друзьями.

Она добавляет, что те, кто не будет друзьями ее друзей, — ничто, меньше чем ничто, она не желает их никогда видеть. Она провозглашает это именем… тут следует довольно утомительное описание всего ее генеалогического древа с его достаточно причудливыми ответвлениями. Стоит переводить?

— Не беспокойтесь, — ответил мистер Кику. — «Да» — это «да», на каком языке его ни произнеси.

— Но все же она излагает это просто прекрасно, — сказал Фтаемл. — Она пересказывает им события ужасные и поразительные, идущие из глубины веков.

— Меня, собственно, интересует только то, как все это скажется на будущем. И еще — как бы убраться с этого несносного ветра.

Мистер Кику чихнул:

— О господи!

Доктор Фтаемл порывисто снял с себя накидку

и обернул ей узкие плечи мистера Кику.

— Мой друг… мой брат. Мне очень жаль.

— Нет-нет, вы замерзнете.

— Я? Ни в коем случае.

— Тогда давайте поделимся.

— Сочту за большую честь, — негромко ответил доктор Фтаемл. Его отростки подрагивали от преисполнивших его чувств.

Они стояли под одной накидкой, прижавшись друг к другу, а Ламмокс продолжала тем временем свою речь. Бетти повернулась к Джонни:

— Вот ты меня так никогда не укутывал.

— Молоток, ты же никогда и не мерзнешь.

— Ну так обними меня хотя бы рукой.

— Чего? Это у всех-то на глазах? Если холодно, иди прижмись к Ламмоксу.

Все это время Ламмокс так и не опустила передние ноги на землю и обращалась к своим подданным сверху вниз. А те, по мере того как она говорила, опускались все ниже и ниже, втягивая в себя ноги. В конце концов все они приняли ту же униженную позу, что и командир. Закончив речь, Ламмокс добавила какое-то короткое резкое слово, и хрошии зашевелились и начали расползаться.

— Она выразила желание, — перевел Фтаемл, —

чтобы ее оставили с друзьями одну.

— Попросите ее, — сказал Кику, — заверить Джона Томаса, что все сказанное ею истинно и нерушимо.

— Хорошо. — Когда остальные хрошии ушли, Фтаемл проскулил несколько слов.

Ламмокс выслушала его, а затем повернулась к Джону Томасу. Из огромной пасти раздался тоненький голосок маленькой девочки:

— Это правда, Джонни. Крест на пузе.

Джон Томас важно кивнул:

— Не беспокойтесь, мистер Кику. Клятву она не нарушит.

Глава 17
Девяносто семь традиционных блюд

— Пригласите ее.

Мистер Кику внутренне весь собрался и нервно бросил последний взгляд на чайный столик. Кажется, маленькая уютная комната, предназначенная для сугубо личных переговоров, выглядит как надо. В этот момент дверь раздвинулась и на пороге показалась улыбающаяся Бетти Соренсон.

— Здравствуйте, мистер Кику. — Она непринужденно села.

— Здравствуйте, мисс Соренсон.

— Просто Бетти. Так меня зовут все мои друзья.

— Спасибо. Буду счастлив к ним принадлежать.

Посмотрев на Бетти, мистер Кику содрогнулся. Теперь она экспериментировала с новым дизайном «в клетку», что сделало ее лицо похожим на шахматную доску. К тому же она, видимо, недавно прошлась по магазинам и была одета в нечто, совершенно не подходящее ей по возрасту. Мистер Кику был вынужден напомнить себе, что о вкусах не спорят, да к тому же они все время

меняются.

— Мм… Видите ли, дорогая леди, я немного затрудняюсь, как объяснить вам цель этой встречи.

— Вы не волнуйтесь. Я никуда не спешу.

— Не желаете чая?

— Давайте я налью нам обоим, чисто по-дружески.

Мистер Кику не стал спорить. Взяв чашку, он откинулся на спинку кресла с видом полнейшей непринужденности, которой, говоря по правде, не ощущал.

— Надеюсь, вам тут у нас понравилось?

— Да, еще бы! Раньше мне никогда не доводилось вот так ходить по магазинам и не трястись над каждым пенни. Кому не понравится иметь неограниченный кредит в банке?

— Очень рад за вас. И можете быть вполне уверены, что эти затраты нисколько не отразятся на бюджете Министерства. В буквальном смысле не отразятся — все идет из особого фонда. Да, вы же, кажется, сирота?

— Сирота в юридическом смысле. Я — свободный ребенок. Мой опекун — Вествиллский дом свободных детей. А что?

— Так, значит, вы несовершеннолетняя?

— Ну, это как посмотреть. Я думаю, что совершеннолетняя, а законы говорят, что нет. Слава богу, ждать осталось совсем недолго.

— Мм… да. Вероятно, мне нужно признаться, что я знал все это.

— Собственно, я так и думала. А из-за чего весь этот разговор?

— Пожалуй, мне стоит рассказать вам небольшую историю. Вы когда-нибудь держали кроликов? Или кошек?

— У меня были кошки.

— Тут возникла некоторая трудность с хрошиа, известной под именем Ламмокс. Ничего опасного, нашему с ними договору ничто не угрожает — ведь она дала слово. Однако, мм… скажем так, если бы мы смогли пойти навстречу Ламмокс в одном вопросе, это улучшило бы ее расположение к нам и улучшило бы дальнейшие перспективы отношений.

— Наверное, так и есть, если вы так считаете. А что это за вопрос, мистер Кику?

— Мм… И вы, и я знаем, что хрошиа Ламмокс в течение длительного времени была домашним животным… ну, может, лучше сказать — питомцем Джона Томаса Стюарта.

— Да, точно. Теперь это выглядит забавно.

— Э-э-э… Да. А до этого Ламмокс была питомцем отца Джона Томаса, и так далее — на протяжении четырех поколений.

— Ну да, конечно. И таким прелестным — лучше и не придумаешь.

— В этом-то, собственно говоря, и дело, мисс Соренсон… Бетти. Так выглядит ситуация с точки зрения Джона Томаса и его предков. Но всегда существуют как минимум две точки зрения. И с точки зрения Ламмокс, она… он… не был питомцем. Совсем наоборот, это Джон Томас был ее питомцем. Ламмокс занималась выращиванием Джонов Томасов.

Глаза Бетти расширились, она начала было хохотать, но поперхнулась.

— Мистер Кику! Ой, нет!

— Я абсолютно серьезно. Все зависит от точки зрения, а с учетом продолжительности жизни эта точка зрения выглядит более весомо. Ламмокс вырастила несколько поколений Джонов Томасов. Это — единственное, что ее интересовало, единственное ее хобби. Ребячество, конечно же, но ведь Ламмокс была и остается ребенком.

Бетти кое-как справилась с собой и даже смогла сквозь смех произнести что-то членораздельное:

— «Выращивание Джонов Томасов…» А Джонни

про это знает?

— Вообще-то, да, но я объяснил ему ситуацию несколько иначе.

— А миссис Стюарт?

— А… Я не счел нужным сообщить ей об этом.

— Можно я ей скажу? Мне хочется посмотреть на ее лицо. Это надо же — Джоны Томасы… я, кажется, умру.

— Я думаю, что было бы жестоко рассказывать ей, — немного чопорно сказал мистер Кику.

— Пожалуй, да. Ладно, не буду. Но могу же я просто помечтать?

— Мы все можем мечтать. Однако я продолжаю; это невинное хобби доставляло огромное удовольствие Ламмокс. Она намеревалась заниматься им и дальше. Именно поэтому мы и оказались перед этой любопытной дилеммой: хрошии обрели своего собрата, но не могут улететь обратно. Ламмокс хотела продолжать… мм… выращивать Джонов Томасов. — Мистер Кику нерешительно замолк.

Через некоторое время Бетти сказала:

— Ну так что, мистер Кику? Продолжайте.

— Мм… каковы ваши собственные планы, Бетти… мисс Соренсон?

— У меня? Я ни с кем их не обсуждаю.

— Хм. Прошу прощения, если мои вопросы становятся слишком личными. Видите ли, любое начинание требует определенных… составляющих, и Ламмокс, как оказалось, прекрасно понимает, что это за составляющие. Э-э-э… Скажем, у нас есть кролик… или кошка… — Он замолчал, не зная, что сказать дальше.

Бетти, нахмурив брови, внимательно изучила его несчастное лицо:

— Видимо, вы пытаетесь сказать, что для разведения кроликов требуется по крайней мере два кролика?

— Ну, в общем-то, да. Это и кое-что еще.

— Ой, ладно! Зачем столько времени ходить вокруг да около? Это же всем известно. Как я понимаю, Ламмокс знает, что данное правило относится и к Джонам Томасам. Это и есть ваше «кое-что еще»?

Мистер Кику смог только молча кивнуть.

— Бедняжка, вам надо было написать мне все это в письме, и вы бы так не нервничали. Пожалуй, мне придется помочь вам еще немного. Вы подумали, что я могу иметь отношение к этому плану?

— Я совершенно не намеревался вторгаться… но я хотел бы знать ваши намерения.

— Собираюсь ли я выйти замуж за Джона Томаса? Ну конечно да. У меня никогда не было иных намерений.

— Благодарю вас. — Мистер Кику облегченно вздохнул.

— Эй, это вовсе не ради вашего удовольствия!

— Нет-нет! Я просто поблагодарил вас за помощь.

— Благодарите Ламми. Старый добрый Ламми. Уж его-то не проведешь.

— Значит, как я понимаю, все решено?

— Что? Вообще-то, я еще не сделала ему предложение. Но сделаю… Я просто хотела заняться этим перед самым отлетом корабля. Вы же сами знаете, какие все мужчины нервные и пугливые. Я не хотела оставлять ему времени для размышлений. Вот ваша жена — она сразу сделала вам предложение или подождала, пока вы не созреете?

— Мм… Понимаете, у моего народа несколько иные обычаи. Ее отец договорился с моим отцом.

— Рабство. — Бетти явно была шокирована.

— Несомненно. Однако я доволен тем, как все обернулось. — Он встал. — Очень рад, что наш разговор завершился на такой дружественной ноте.

— Одну секунду, мистер Кику. Тут есть еще

один-два вопроса. На каких в точности условиях летит Джон Томас?

— Э?

— Каковы условия контракта?

— А, это. С финансовой стороны все будет великолепно. Бóльшую часть времени он посвятит собственному образованию, но я подумываю дать ему чисто номинальную должность в посольстве — специальный атташе, или помощник секретаря, или что-нибудь в этом роде.

Бетти молчала.

— Конечно, раз вы тоже летите, стоит, пожалуй, придать и вам полуофициальный статус. Ну, скажем, специального помощника с тем же жалованьем. В результате у вас накопится вполне приличная сумма, если вы вернетесь… я хотел сказать, когда вы вернетесь.

Бетти отрицательно покачала головой:

— Джонни не честолюбив. А я честолюбива.

— Да?

— Джонни должен стать послом у хрошии.

Мистер Кику почти лишился дара речи. В конце концов он выдавил из себя:

— Но, моя дорогая леди! Это совершенно невозможно!

— Это вы так думаете. Послушайте, ведь мистер

Макклюре перетрусил и подставил вас. И не надо уверток, теперь у меня есть свои связи в вашем Министерстве. Все это правда. Так что вакансия открыта. И эта работа — как раз для Джонни.

— Но послушайте, дорогая, — растерянно сказал мистер Кику. — Такая работа никак не подходит для неопытного мальчика… как бы высоко я ни ценил мистера Стюарта.

— Макклюре был бы чистым балластом, верно? Это же все знают. А Джонни балластом не будет. Кто знает про хрошии больше всех? Джонни.

— Моя дорогая, я охотно признаю его особые познания, и мы, без всякого сомнения, воспользуемся ими. Но посол? Нет.

— Да.

— Временный поверенный в делах? Это очень высокий ранг, однако я согласен пойти даже на это. Но послом будет мистер Гринберг. Нам нужен дипломат.

— Да что такого сложного быть дипломатом? Или, другими словами, что такое может сделать мистер Макклюре, чего мой Джонни не сделает в сто раз лучше?

Мистер Кику глубоко вздохнул:

— Вот тут вы меня поймали. Могу только сказать, что бывают ситуации, с которыми мне

приходится смириться, даже зная, что я наверняка прав. И бывают такие, когда смириться меня ничто не заставит. Будь вы моей дочерью, я бы вас просто отшлепал. Одним словом, нет.

Бетти улыбнулась:

— Готова поспорить, что со мной вам не справиться. Но дело не в этом. Думаю, что вы не совсем понимаете ситуацию.

— Не понимаю?

— Не понимаете. Ведь Джонни и я очень важны для вас в этой сделке. Особенно Джонни.

— Да. Особенно Джонни. Без вас, собственно говоря, можно и обойтись… даже в деле… э-э-э… выращивания Джонов Томасов.

— А хотите проверить? Как думаете, Джон Томас Стюарт хоть на волосок сдвинется с этой планеты, если я буду против?

— Хм… Не уверен.

— Я тоже. И у меня достаточно нервов, чтобы проверить это на практике. А где окажетесь вы, если я выиграю? На продуваемом ветрами поле, снова пытаясь выпутаться из неприятностей. Только на этот раз не будет Джонни, чтобы вам помочь.

Мистер Кику подошел к окну и стал рассматривать улицу. Прошло несколько минут, прежде

чем он повернулся.

— Еще чая? — вежливо спросила Бетти.

— Спасибо, нет. Мисс, вы знаете, что такое чрезвычайный и полномочный посланник?

— Я слышала такой термин.

— Это тот же ранг и тоже самое жалованье, как и у посла, но присваивается такое звание только в особых случаях. Вот у нас и есть особый случай. Мистер Гринберг будет послом со всеми соответствующими полномочиями; для Джона Томаса будет создана эта специальная и чисто номинальная должность.

— Должность и жалованье. В последнее время мне понравилось ходить по магазинам.

— И жалованье, — согласился мистер Кику. — Юная леди, у вас нахальство воробья и хватка бульдога. Хорошо, договорились. Если только вы получите согласие молодого человека.

Бетти хихикнула:

— Вот с этим у меня никаких проблем не будет.

— Я имею в виду совсем другое. Я надеюсь, что его здравый смысл и порядочность сумеют устоять против вашей жадности. Я думаю, что он удовлетворится должностью помощника секретаря посольства. Посмотрим.

— О да, посмотрим. Кстати, а где он?

— Что?

— Его нет в отеле. Он здесь, у вас, правда?

— Если быть откровенным, то он здесь.

— Вот и хорошо. — Бетти подошла и похлопала мистера Кику по щеке. — Вы мне нравитесь, мистер Кику. А теперь пришлите Джонни сюда и оставьте нас одних. Мне потребуется минут двадцать. Вам совершенно не о чем беспокоиться.

— Мисс Соренсон, — задумчиво спросил мистер Кику, — а как это вышло, что вы не попросили должность посла для себя?

* * *

На свадьбе присутствовал только один инопланетянин — Ламмокс. Роль посаженого отца невесты досталась мистеру Кику. На лице Бетти на этот раз не было и следа косметики, и мистер Кику подумал, что в этой семье главной фигурой, возможно, будет вовсе не младший секретарь посольства.

Были традиционные девяносто семь соленых и маринованных блюд, подносили их по большей части незнакомые люди. Новобрачным надарили кучу разной дорогостоящей дребедени, которую они не могли забрать с собой, в том числе и пол-

ностью тур на Гавайи, которым они не могли воспользоваться. Миссис Стюарт всплакнула, сфотографировалась и вовсю наслаждалась происходящим — все-таки эта свадьба удалась. Мистер Кику тоже уронил несколько слез во время церемонии, но мистер Кику был очень сентиментальным человеком.

На следующее утро он сидел за своим столом, не обращая внимания на вспыхивающие огни. На столе были разложены проспекты ферм в Кении, но он на них не смотрел. Прошлым вечером, когда детишки наконец поженились, они с доктором Фтаемлом совершили неплохой вояж по увеселительным заведениям города; мистер Кику все еще ощущал последствия этого похода — последствия приятные и расслабляющие. Голова, правда, гудела, и с координацией движений было не все ладно, но зато желудок не беспокоил совсем. Мистер Кику чувствовал себя отлично.

Он пытался собраться с мыслями и подвести итог всей этой истории. Все эти беды и вся суматоха — лишь из-за того, что сотню с лишним лет назад одному глупому астронавту не хватило здравого смысла, чтобы не вмешиваться в жизнь чужой планеты, пока не отработан протокол. Ох, люди-люди!

С другой стороны, подумал он, не стоит искать виноватых где-то там, достаточно просто посмотреть в зеркало.

Старина Фтаемл прошлой ночью что-то такое сказал… что-то важное… только что? Что-то, убедившее в тот момент Кику, что у хрошии и в помине не было оружия, способного нанести серьезный ущерб Земле. Конечно же, рарджиллианец не станет врать, во всяком случае — находясь в своем профессиональном качестве. Но ведь вполне возможно, что он ходил вокруг правды кругами, чтобы с успехом завершить переговоры, оказавшиеся на грани провала?

Ну что ж, раз дело обошлось без применения силы, остается только гадать. Так что, возможно, все к лучшему.

Кроме того, когда в следующий раз заявятся какие-нибудь варвары, они могут уже не блефовать. И это будет плохо.

— Мистер Кику, — донесся до него голос Милдред, — вас ждет рандавианская делегация.

— Скажи, что у меня линька.

— Сэр?

— Ладно. Скажи, что я сейчас буду. Восточная комната для совещаний.

Он вздохнул, решил проглотить только одну

таблетку, затем встал и направился к двери, готовый заткнуть пальцем очередную дырку в плотине.[87] Это как «китайское обязательство», — подумал мистер Кику, — раз взвалив его на себя, ты уже не можешь его бросить.

Но все-таки настроение у него было приподнятое, и мистер Кику спел кусочек из единственной песни, которую знал целиком: «...Нет у этой песни морали, нет у нее и конца. Одно из нее лишь ясно — не жди от мужчины добра...» А тем временем в космопорту новый министр космических дел провожал благородных хрошии. Ее императорское величество, наследная принцесса хрошианской расы, двести тринадцатая в роду, наследница матриархата Семи Солнц, будущая повелительница более чем девяти миллиардов своих соплеменников, которую еще недавно называли на Земле «Ламмокс», с радостью приняла на борт имперской яхты пару своих питомцев.

---

[87] notes: 87

Имеется в виду голландская легенда о мальчике, который, проходя мимо дамбы, заметил, что сквозь крохотное отверстие пробивается струйка воды; понимая, что если не закрыть дорогу воде, то вскоре она размоет брешь, а затем и снесет всю дамбу, мальчик заткнул дыру пальцем и простоял так всю ночь, пока не появились взрослые, вышедшие на его поиски.